

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UCD LIBRARY

1927

1927

СОВРЕМЕНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. МАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. ВЕНТЕНЕО

ТОМЪ II, 1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДУАРДА ПРАЦА

1847
ИСО LIBRARY

СОВРЕМЕНИКЪ

II,1

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. ПАНДЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. ИВЕНТЕНКО

ТОМЪ II

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАУАРА ДРАЦА

=
1847

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe
ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1975

Druck: Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin – DDR
Ag 509/122/1974

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Однажды лѣтомъ, въ деревнѣ Грачахъ, у небогатой домоущицы Анны Павловны Адуевой, всѣ въ домѣ поднялись съ рр-свѣтомъ, начиная съ самой хозяйки до цѣпной собаки Барбоса. Только единственный сынъ Анны Павловны, Александръ Олорычъ спалъ, какъ слѣдуетъ спать двадцатилѣтнему юношѣ — богатырскимъ сномъ. А въ домѣ всѣ суетились и хлопотали. Люди ходили, однакоже, на цыпочкахъ и говорили шопотомъ, чтобъ не разбудить молодого барина. Чуть кто нибудь стукнетъ, громко заговорить, сейчасъ, какъ раздраженная львица, являлась Анна Павловна и наказывала неосторожнаго строгимъ выговоромъ, обиднымъ прозвищемъ, а иногда, по мѣрѣ гнѣва и силъ своихъ, и толчкомъ.

Впрочемъ, она была добрая барыня и многое спускала, но шумѣть, когда спитъ Сашенька, не угодить ему, не исполнить скоро его желанія — бѣда!

На кухнѣ стряпали въ три руки, какъ будто на десятерыхъ, хотя все господское семейство только и состояло, что изъ Анны

Павловны да Александра Федорыча. Въ сараѣ вытирали и подмазывали повозку. Всѣ были заняты и работали до поту лица. Барбось только ничего не дѣлалъ, но и тотъ по своему принималъ участіе въ общемъ движеніи. Онъ отошелъ отъ кануры на всю длину цѣпи, чтобъ быть поближе къ мѣсту дѣйствія, и когда мимо его проходилъ лакей, кучерь, или шмыгала дѣвка, онъ махалъ хвостомъ и тщательно обнюхивалъ проходящаго, а самъ глазами, кажется, такъ и спрашивалъ : скажутъ ли мнѣ, наконецъ, что у насъ сегодня за суматоха? А суматоха была отъ того, что Анна Павловна отпускала сына въ Петербургъ на службу, или, какъ она говорила, людей посмотреть и себя показать. Убийственный для нея день! Отъ этого она такая грустная и разстроенная. Часто въ хлопотахъ она откроетъ ротъ, чтобъ приказать что нибудь, и вдругъ остановится на полусловѣ, голосъ ей измѣнитъ, она отвернется въ сторону и оботретъ, если успѣетъ, слезу, а не успѣетъ, такъ уронитъ ее въ чемоданъ, въ который сама укладывала сашенькино бѣлье. Слезы давно кипятъ у ней въ сердцѣ; онѣ потокомъ подступили къ горлу, давятъ грудь и готовы брызнуть въ три ручья. Но она какъ будто берегла ихъ на прощанье и изрѣдка тратила по капелькѣ.

Не одна она оплакивала разлуку : сильно горевалъ тоже камердинеръ Сашеньки, Евсей. Онъ отправлялся съ бариномъ въ Петербургъ. Какъ не горевать! Онъ покидалъ самый теплый уголъ въ дому, за лежанкой, въ комнатѣ Аграфены, перваго министра въ хозяйствѣ Анны Павловны, что всего важнѣе для Евсея, первой ея ключницы.

За лежанкой только и было мѣста, чтобъ поставить два стула и столъ, на которомъ готовился чай, кофе, закуска. Евсей прочно занималъ мѣсто и за печкой и въ сердцѣ Аграфены. На другомъ стулѣ засѣдала она сама. Исторія объ Аграфенѣ и Евсеевѣ была ужъ старая исторія въ домѣ. Объ ней, какъ обо всемъ на свѣтѣ, поговорили, позлословили ихъ обоихъ, а потомъ, также какъ и обо всемъ, замолчали. Сама барыня привыкла вилѣть ихъ вмѣстѣ, и они блаженствовали цѣлыя десять лѣтъ. Многіе ли, въ итогѣ годовъ своей жизни, начтутъ десять счастливыхъ? Завидная участь! За то вотъ насталъ и мигъ утраты! Прощай, теплый уголъ, прощай, Аграфена Ивановна, прощай, игра въ дурачки, и кофе, и водочка, и наливочка, — все прощай!

Евсей сидѣлъ молча и сильно вздыхалъ; Аграфена насупясь суетилась по хозяйству. У ней горе выражалось по-своему. Она въ тотъ день съ ожесточеніемъ разлила чай и, вмѣсто того, чтобъ первую чашку крѣпкаго чаю подать, по обыкновению, барынѣ, выплеснула его вонъ: «никому» дескать «не доставайся», и твердо перенесла выговоръ. Хорошо, что барынѣ было не до чаю, а то бы дала она ей знать! Кофе у ней перекипѣлъ, сливки подгорѣли, чашки валялись изъ рукъ. Она не поставитъ подноса на столъ, а брякнетъ, не отворитъ шкапа и двери, а хлопнетъ. Но она не плакала, а сердилась на все и на всѣхъ. Впрочемъ, это вообще было главною чертою въ ея характерѣ. Бываютъ такіе люди! Она никогда ничѣмъ не была довольна, все не по ней, — всегда ворчала, жаловалась. Но въ эту роковую для нея минуту характеръ ея обнаружился во всемъ своемъ пафосѣ. Пуще всего, кажется, она сердилась на Евсея.

— Аграфена Ивановна! сказалъ онъ жалобно и нѣжно, что не совсѣмъ шло къ его длинной и плотной фигурѣ.

— Ну, что ты, розиня, тутъ разсѣлся? отвѣчала она, какъ будто онъ въ первый разъ тутъ сидѣлъ. — Пусти прочь: надо полотенцо достать.

— Эхъ, Аграфена Ивановна! повторилъ онъ лѣниво, полуполомъ ниже, поднимаясь со стула и тотчасъ опять опускаясь, когда она взяла полотенцо.

— Только хнычеть! вотъ пострѣлъ навязался! что это за наказаніе, Господи! и не отвяжется!

И она съ звономъ уронила ложку въ полоскательную чашку.

— Аграфена! раздалось вдругъ изъ другой комнаты: — ты никакъ съ ума сошла! развѣ не знаешь, что Сашенька почищаетъ? подралась что ли съ своимъ возлюбленнымъ на прощаньи?

— Не пошевелись для тебя, сиди, какъ мертвая! прошипѣла по змѣнному Аграфена, вытирая чашку обѣими руками, какъ будто хотѣла изломать ее въ куски.

— Порадуйте меня добрымъ словомъ, сказалъ Евсей: — вѣдь послѣдній денекъ, Аграфена Ивановна!

— И слава Богу! Пусть унесутъ васъ черти отсюда: простириѣ будетъ. Да пусти прочь, негдѣ ступить; протянулъ ноги-то!

Онъ тронулъ было ее за плечо: какъ она ему отвѣтила! Онъ вздохнулъ, но съ мѣста не двигался, да напрасно и двинулся бы: Аграфенѣ этого не хотѣлось; Евсей зналъ это и не смущался.

— Кто-то сядетъ на мое мѣсто! промолвилъ онъ опять со вздохомъ.

— Лѣшій! отрывисто отвѣчала она.

— Дай-то Богъ! лишь бы не Прощка! А кто-то въ дураки съ вами станеть играть?

— Ну, хоть бы и Прощка,—такъ чтожь за бѣда? съ злостью замѣтила она.

Евсей всталъ.

— Вы не играйте съ Прощкой, ей-богу, не играйте! сказалъ онъ съ беспокойствомъ и почти съ угрозой.

— А кто мнѣ запретить? ты что ли, образина здака!

— Матушка, Аграфена Ивановна! началъ онъ умоляющимъ голосомъ, обнявъ ее — за талию сказалъ бы я, еслибъ у ней былъ хоть малѣйшій намекъ на талию.

Она отвѣчала на объятіе локтемъ въ грудь.

— Матушка, Аграфена Ивановна! повторилъ онъ:—будеть ли Прощка любить васъ такъ, какъ я? Поглядите, какой онъ озорникъ! ни одной женщины прохода не дастъ. А я-то! э-эхъ! вы у меня, что синь-порохъ въ глазу! Еслибъ не барская воля, такъ.... эхъ!

Онъ при этомъ крикнулъ и махнулъ рукой. Аграфена не выдержала: и у ней, наконецъ, горе обнаружилось въ общей формѣ — въ слезахъ.

— Да отстанешь ли ты отъ меня, окаленный? говорила она плача: — что мелешь, дуралей! свяжусь я съ Прощкой! развѣ не видишь самъ, что отъ него путнаго слова не добьешься? только и знаетъ, что лѣзетъ съ ручищами....

— И къ вамъ лѣзъ? ахъ, мерзавецъ! А вы, небось, не скажете! Я бы его!

— Полѣзь-ка, такъ узнаеть! развѣ нѣтъ въ дворнѣ женскаго пола, кромѣ меня? Съ Прощкой свяжусь! вишь что выдумалъ! онъ, того и гляди, нарочитъ ударить человѣка или сожрать что нибудь барское изъ подъ рукъ — и не увидишь!

— Ужь если, Аграфена Ивановна, случай такой придетъ.... лукавый вѣдь силенъ.... такъ лучше Гришку посадите тутъ.... покрайности, малый смиренный, работающій, не зубоскаль!

— Вотъ еще выдумалъ! накинулась на него Аграфена: — что ты меня всякому навязываешь? развѣ я какая нибудь.... пошелъ вонъ отсюда! много вашего брата! всякому стану вѣшаться на шею: не таковская! Съ тобой только, эдакимъ лѣшнимъ, попуталъ видно лукавый за грѣхи мои связаться, да и то каюсь.... а то выдумалъ!

— Богъ васъ награди за вашу добродѣтель! какъ камень съ плечь! воскликнулъ Евсей.

— Обрадовался! звѣрски закричала она опять: — есть чему радоваться — радуйся!

И губы у ней побѣлѣли отъ злости. Оба замолчали.

— Аграфена Ивановна! робко сказалъ Евсей, немного погодя.

— Ну, что еще?

— Я вѣдь и забылъ: у меня нынче съ утра во-рту маковой росинки не было.

— Только и дѣла!

— Съ горя, матушка.

Она достала съ нижней полки шкафа, взявъ за головы сахара, стаканъ волки и два огромныхъ ломтя хлѣба съ ветчиной. Все это давно было приготовлено для него ея заботливою рукою. Она сунула ему ихъ, какъ не суютъ и собакамъ. Одинъ ломоть упалъ на полъ.

— На вотъ, подавись! о, чтобъ тебя!... да тише, не чавкай на весь домъ.

Она отвернулась отъ него съ выраженіемъ будто ненависти, а онъ медленно началъ ѣсть, глядя изъ подлобья на Аграфену и прикрывая одной рукой ротъ.

Между тѣмъ, въ воротахъ показался ямщикъ съ тройкой лошадей. Черезъ шею коренной переброшена была дуга. Колокольчикъ, привязанный къ сѣделкѣ, глухо и несвободно ворочалъ языкомъ, какъ пьяный, связанный и брошенный въ караульню. Ямщикъ привязалъ лошадей подъ навѣсомъ сарая, снялъ шапку, досталъ оттуда что-то среднее между платкомъ и полотенцемъ и отеръ потъ съ лица. Анна Павловна, увидѣвъ его изъ окна, поблѣднѣла. У ней подкосились ноги и опустились

руки, хотя она ожидала этого. Оправившись, она позвала Аграфену.

— Поди-ка на цыпочкахъ, тихохонько посмотри, спать ли Сашенька, сказала она. — Онъ, мой голубчикъ, проспится, пожалуй, и послѣдній денекъ: такъ и не наглажусь на него. Да нѣтъ, куда тебѣ! ты, того гляди, влѣзешь, какъ корова! я лучше сама.

И пошла.

— Поди-ка ты, не-корова, ворчала Аграфена, воротясь къ себѣ.—Вишь корову нашла! много ли у тебя этакихъ коровъ-то?

На встрѣчу Аннѣ Павловнѣ шелъ и самъ Александръ Федорычъ, бѣлокурый молодой человекъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и силъ. Онъ весело поздоровался съ матерью, но увидѣвъ вдругъ чемоданъ и узлы, смутился, молча отошелъ къ окну и сталъ чертить пальцемъ по стеклу. Черезъ минуту онъ уже опять говорилъ съ матерью и безопасно, даже съ радостію, смотрѣлъ на дорожные сборы.

— Что это ты, мой дружокъ, какъ заспался? сказала Анна Павловна: — даже личико отекло. Дай-ка я вытру тебѣ глаза и щоки розовой водицей.

— Нѣтъ, маменька, не надо.

— Чего ты хочешь позавтракать, чайку прежде или кофейку? Я велѣла сдѣлать и битое мясо со сметаной на сковородѣ; чего хочешь?

— Все равно, маменька.

Онъ сталъ завтракать, а Анна Павловна продолжала укладывать бѣлье, потомъ остановилась и посмотрѣла на сына съ тоской.

— Саша! сказала она черезъ нѣсколько времени.

— Чего изволите, маменька?

Она медлила говорить, какъ будто чего-то боялась.

— Куда ты ѣдешь, мой другъ, за чѣмъ? спросила она, наконецъ, тихимъ голосомъ.

— Какъ куда, маменька! въ Петербургъ, за тѣмъ.... за тѣмъ.... чтобъ....

— Послушай, Саша, сказала она въ волненіи, положивъ ему руку на плечо, повидимому съ намѣреніемъ сдѣлать послѣднюю попытку: — еще время не ушло: подумай, останься!

— Остаться! какъ можно! да вѣдь и бѣлье уложено.... ска- залъ онъ, не зная, что выдумать.

— Уложено бѣлье! да вотъ.... вотъ.... вотъ.... гляди—и не уложено!

Она съ быстротою молніи, въ три приѣма вынула все изъ чемодана.

— Какъ же это такъ, маменька? собрался—и вдругъ опять! что скажутъ....

Онъ опечалился.

— Я не столько для себя самой, сколько для тебя же отго- вариваю. За чѣмъ ты ѣдешь? Искать счастья? Да развѣ тебѣ здѣсь не хорошо? развѣ мать день деньской не думаетъ о томъ, какъ бы угодить всѣмъ твоимъ прихотямъ? Конечно, ты въ та- кихъ лѣтахъ, что одни материнскія угожденія не составляютъ счастья; да я и не требую этого. Ну, погляди вокругъ себя: всѣ смотрятъ тебѣ въ глаза. А дочка Марьи Васильевны, Сонюшка? что покрасивѣль? какъ она, моя голубушка, дай Богъ ей здо- ровья, любить тебя: слышь, третью ночь не спать!

— Вотъ, маменька, что вы? она такъ....

— Да, да, будто я не вижу! ахъ, чтобъ не забыть: она взя- ла обрубить твои платки, «я, говоритъ, сама, сама, никому не дамъ, и мѣтку сдѣлаю» видишь: чего же еще тебѣ? останься!

Онъ слушалъ молча, поникнувъ головой, и игралъ кистью своего шлафрока.

— Что ты найдешь въ Петербургѣ? продолжала она. — Ты думаешь, тамъ тебѣ такое же житье будетъ, какъ здѣсь! Эй, мой другъ, Богъ знаетъ, чего насмотришься и натерпишься! и хо- лодъ, и голодъ, и нужду, — все перенесешь. Злыхъ людей вездѣ много, а добрыхъ не скоро найдешь. А почетъ—что въ деревнѣ, что въ столицѣ — все тотъ же почетъ. Какъ не увидишь петер- бургскаго житья, такъ и покажется тебѣ, живучи здѣсь, что ты первый въ мірѣ; и во всемъ такъ, мой милый! Ты же воспитанъ, и ловокъ, и хорошъ. Миѣ бы, старухѣ, только оставалось радо- ваться, глядя на тебя. Женился бы, послалъ бы Богъ тебѣ дѣ- точекъ, а я бы нянчила ихъ — и — и! жилъ бы безъ горя, безъ заботъ, и прожилъ бы вѣкъ свой мирно, тихо, никому бы не позавидовалъ, а тамъ, можетъ, и не будетъ хорошо, можетъ, и помянешь мои слова.... Останься, Сашенька... а?

Онъ кашлянулъ и вздохнулъ, но не сказалъ ни слова.

— А посмотри-ка сюда, продолжала она, отворяя дверь на балконъ:—и тебѣ не жаль покинуть такой уголокъ?

Съ балкона въ комнату такъ и пахнуло свѣжестью. Отъ дома на далекое пространство раскидывался садъ изъ старыхъ липъ, густого шиповника, черемухи и кустовъ сирени. Между деревьями перестрѣли цвѣтники, бѣжали въ разныя стороны дорожки, дагѣ тихо плескалось въ берега озеро, облитое къ одной сторонѣ золотыми лучами утренняго солнца и гладкое, какъ зеркало; съ другой—темно-синее, какъ небо, которое отражалось въ немъ, и едва подернутое зыбью. А тамъ нивы съ волнующимися, разноцвѣтными хлѣбами шли амфитеатромъ и примыкали къ темно-му лѣсу.

Анна Павловна, прикрывъ одной рукой глаза отъ солнца, другой указывала сыну попеременно на каждый предметъ.

— Погляди-ка, говорила она: — какой красотой Богъ одѣлъ наши поля! вонъ съ тѣхъ полей одной ржи до 500 четвертей соберемъ; а вонъ и пшеничка есть, и гречиха — только гречиха нынче не то, что прошлый годъ: кажется, плоха будетъ. А лѣсъ-то, лѣсъ-то какъ разросся? подумаешь, какъ велика премудрость Божія! дровецъ съ своего участка мало-мало на тысячу продадимъ, а дичи, дичи-что? и вѣдь это все твое, милый сыночекъ; я только твоя прикащица. Погляди-ка, озеро: что за великолѣпіе! истинно небесное! рыба такъ и ходитъ; одну осетрину покупаемъ, а то ерши, окуни, караси кишмя кишать — и на себя и на людей идетъ. Вонъ твои коровки и лошадки пасутся. Здѣсь ты одинъ — всему господинъ, а тамъ, можетъ быть, всякій станетъ помыкать тобой. И ты хочешь бѣжать отъ такой благодати, еще не знаешь куда, въ омутъ, можетъ быть, прости Господи! Остаешься.

Онъ молчалъ.

— Да ты не слушаешь, сказала она.—Куда это ты такъ пристально заглядѣлся?

Онъ молча и задумчиво указалъ рукой вдаль. Анна Павловна взглянула и измѣнилась въ лицѣ. Тамъ, между полей, змѣей видѣлась дорога и убѣгала за лѣсъ, дорога въ обѣтованную землю, въ Петербургъ. Анна Павловна молчала нѣсколько минутъ, чтобы собраться съ силами.

— Такъ вотъ что! проговорила она, наконецъ, уныло.—Ну, мой другъ, Богъ съ тобой! поѣзжай, ужь если тебя такъ тянетъ!

отсюда: я не удерживаю; по крайней мѣрѣ, не скажешь, что мать заѣдаетъ твою молодость и жизнь.

Бѣдная мать! Вотъ тебѣ и награда за твою любовь! Того ли ожидала ты? Въ томъ-то и дѣло, что матери не ожидаютъ награды. Ожидаетъ и требуетъ возмездія та любовь, которая не дается даромъ, но которую, Богъ знаетъ почему, называютъ безкорыстной. А между тѣмъ, ей отдайте все, прославляйтесь или унижайтесь для нея, трудитесь или бездѣйствуйте, расширьте крылья и летите орлинымъ полетомъ, или свернитесь собачкой у ногъ красавицы,—въ случаѣ надобности отдайте и жизнь.

Всѣ эти блѣдныя, задумчивыя избранницы, которыя твердятъ о таинственной *симпатіи душъ*, о *предугаданной встрѣчѣ* съ милымъ, и которыя въ дыханіи вѣтерка и въ шопотѣ струй слышать его голосъ,—и тѣ пламенныя, черноокія *смулянки*, которыя въ порывѣ ревности хватаются за кинжалъ,—и тѣ кроткія, вѣчно улыбающіяся красавицы, съ томнымъ взоромъ и каштановыми волосами,—всѣ онѣ любятъ въ своемъ предметѣ блескъ славы, ума, изящества или, по крайней мѣрѣ, денегъ. Передъ ними надо сіять, возвышаться надъ толпой, дѣлать чудеса, заставлять и красавицу гордиться вами, или, ужъ если этимъ ослѣпить нельзя, такъ надо ослѣпить подарками. Тогда и посыплются на васъ мирты и очаруютъ васъ ласки, слезы; тогда и наступятъ *прогулки при лунѣ*, *безсвязныя*, но *полныя прелести разговоры*, и всѣ таинства любви! А нѣтъ этого, не сіяете вы ничѣмъ, такъ не прогибайте; вы не нужны, вамъ измѣнять, охладѣютъ къ вамъ.... возьмутъ другого, который сіяетъ.

Не измѣняетъ и не охладѣваетъ только любовь матери: ее ни уменьшить, ни подкупить ничѣмъ нельзя. Вѣкъ свой одна и таже. Мать любитъ безъ толку и безъ разбору. Велики вы, славны, красивы, горды, переходить имя ваше изъ устъ въ уста, гремятъ ваши дѣла по свѣту,—голова старушки трясется отъ радости, она плачетъ и смѣется, и шепчетъ: «это мой!» А тамъ затеплитъ лампадку передъ образомъ Спасителя и молится долго и жарко. А сынокъ, большею частію, и не думаетъ подѣлиться славой съ родительницею. Нищи ли вы духомъ и умомъ, отиѣтила ли васъ природа клеймомъ безобразія, точитъ ли жало недуга ваше сердце, или тѣло,—наконецъ, тяготѣетъ ли надъ вами общее презрѣніе, отталкиваютъ ли васъ отъ себя люди и нѣтъ вамъ мѣста между ними,—тѣмъ болѣе мѣста въ сердцѣ матери.

Она сильнѣе прижимаетъ къ груди уродливое, неудавшееся чадо и молится еще долѣе и жарче.

Какъ назвать Александра безчувственнымъ за то, что онъ рѣшился на разлуку? Ему было 20 лѣтъ, а это—пора волнений, мечтательности, жажды новаго и неизвѣстнаго. Въ эту пору осторожные родители не даютъ дѣтямъ ни вина, ни кофе, потому-что у нихъ-де и безъ того кипятокъ въ крови. Какъ же тутъ усидѣть на одномъ мѣстѣ? Особенно надо представить себя въ этой порѣ Александра Федорыча. Ему отъ пеленъ улыбалась жизнь. Мать лелѣяла и баловала его, какъ балуютъ единственное чадо. Нянька все пѣла ему надъ колыбелью, что онъ будетъ ходить въ золотѣ и не знать горя. Профессоры твердили, что онъ пойдеть далеко, а вслѣдъ за ферулой, по возвращеніи его домой, ему улыбнулась дочь сосѣдки. И старый котъ васька былъ къ нему какъ-то ласковѣе, нежели къ комунибудь въ домѣ.

О горѣ, слезахъ, бѣдствіяхъ онъ зналъ только по слуху, какъ знаютъ о какойнибудь заразѣ, которая не обнаружилась, но глухо гдѣ-то таится въ народѣ. Отъ этого будущее представлялось ему въ радужномъ свѣтѣ. Его что-то манило вдалеку, но что именно—онъ не зналъ. Тамъ мелькали обольстительныя призраки, но онъ не могъ ихъ разглядѣть; слышались смѣшанныя звуки—то голосъ славы, то любви. Все это приводило его въ сладкій трепетъ. Ему скоро тѣсенъ сталъ домашній миръ Природы, ласки матери, благоговѣніе няньки и всей дворни мягкую постель, вкусныя яства и мурлыканье васьки, — всѣ эти блага, которыя такъ дорого цѣнятся въ зрѣлой порѣ, онъ весело мѣнялъ на неизвѣстное, полное увлекательной и таинственной прелести. Даже любовь Софьи, первая, нѣжная и розовая любовь, не удерживала его. Что ему эта любовь? Онъ мечталъ о колоссальной страсти, которая обурекаетъ героевъ романовъ, не знаетъ никакихъ преградъ и свершаетъ громкіе подвиги. Онъ любилъ Софью пока маленькою любовью, въ ожиданіи большой. Мечталъ онъ и о пользѣ, которую принесетъ отечеству. Онъ прилежно и многому учился. Въ аттестатѣ его сказано было, что онъ знаетъ двадцать двѣ науки, три искусства и еще двѣ три предмета—ни науки, ни искусства, а такъ, Богъ знаетъ что. Всего же болѣе онъ мечталъ о славѣ писателя. И стихи и пѣснь за него удивляли товарищей. Передъ нимъ разстидалось многа

ство путей, и одинъ казался лучше другого. Онъ не зналъ, на который броситься. Скрывался отъ глазъ только прямой путь: замѣть онъ его, такъ тогда, можетъ быть, и не поѣхалъ бы.

Какъ же ему было остаться! Мать желала—это опять другое и очень естественное дѣло. Въ сердцѣ ея отжили всѣ чувства, кромѣ одного, любви къ сыну, и оно жарко ухватилось за этотъ послѣдній предметъ. Не будь его, что же ей дѣлать? Хоть умирать. Ужь давно доказано, что женское сердце не живетъ безъ любви. Любовь мужчины—это что-то чрезвычайно сложное. Онъ любить и одну женщину и многихъ женщинъ вдругъ, и почести, и кло-де-вужо, и лошадей, и часто любить все одинаково и вдругъ, а иногда и вовсе можетъ обойтись безъ любви. Женщина сосредоточиваетъ чувство по большей части на одномъ предметѣ. Иногда она и мѣняетъ его, но все таки на одного. Если некого любить, она выдумаетъ себѣ и любовь и любовника. Выдуманный любовникъ называется идеаломъ, и она любить идеаль. Если ужъ вовсе некого любить, женщина привяжется къ цвѣтку, къ собачкѣ, и все любить до конца жизни, до послѣдняго вздыханія.

И сама природа оправдывала Александра. Она распорядилась такъ, что дѣти почти никогда не платятъ въ возвратъ родителямъ тою же любовію, а ищутъ впереди себя другой, не кроткой и мирной, а съ волненіями, страданіями и слезами.

Александръ былъ избалованъ, но не испорченъ домашнею жизнію. Природа такъ хорошо создала его, что любовь матери и поклоненіе окружающихъ подѣйствовали только на добрыя его стороны, развили, напимѣръ, въ немъ преждевременно сердечныя склонности, поселили ко всему довѣрчивость до излишества. Это же самое, можетъ быть, расшевелило въ немъ и самолюбіе, но вѣдь самолюбіе само по себѣ есть только форма: все будетъ зависть отъ матеріала, который вольешь въ нее.

Гораздо болѣе бѣды для него было въ томъ, что мать его, при всей своей нѣжности, не могла дать ему настоящаго взгляда на жизнь и не приготовила его на борьбу съ тѣмъ, что ожидало его и ожидаетъ всякого впереди. Но для этого нужно было искусную руку, тонкій умъ и запасъ большой опытности, неограниченной тѣснымъ деревенскимъ горизонтомъ. Нужно было даже поменьше любить его, не думать за него ежеминутно, не отводить отъ него каждую заботу и непріятность, не плакать

и не страдать, вмѣсто его и въ дѣтствѣ, чтобъ дать ему самому почувствовать приближеніе грозы, справиться съ своими силами и подумать о своей судьбѣ—словомъ, узнать, что онъ мужчина. Гдѣ же было Аннѣ Павловнѣ понять все это и особенно выполнить? Читатель видѣлъ, какова она. Не угодно ли посмотрѣть еще?

Она уже забыла сыновній эгоизмъ. Александръ Теодорычъ засталъ ее за вторичнымъ укладываньемъ бѣлья и платья. Въ хлопотахъ и дорожныхъ сборахъ она какъ будто совсѣмъ не помнила горя.

— Вотъ, Сашенька, замѣть хорошенько, куда я что кладу, говорила она. — Въ самый низъ, на дно чемодана, простыни: дюжина. Посмотри-ка, такъ ли записано?

— Такъ, маменька.

— Всѣ съ твоими мѣтками, видишь—А. А. А все голубушка Сонюшка! Безъ нея наши дурицы не скоро бы повернулись. Теперь что? да, наволочки. Разъ, двѣ, три, четыре—такъ, вся дюжина тутъ. Вотъ рубашки—три дюжины. Что за полотно—загляднѣе. Это голландское; сама ѣздила на фабрику къ Василью Васильичу; онъ выбралъ, что ни есть наилучшихъ три куска. Повѣрай же, милый, по рѣстру всякій разъ, какъ будешь принимать отъ прачки; всѣ новешенькія. Тамъ немного такихъ рубашекъ увидишь; пожалуй и подмѣнять; есть вѣдь эдакія мерзавки, что Бога небоятся! Носковъ двадцать двѣ пары. Знаешь, что я придумала? положить въ одинъ носокъ твой бумажникъ съ деньгами. Ихъ тебѣ до Петербурга не понадобится: такъ, сохрани Боже, случай какой, чтобъ и рыли, да не нашли. И письма къ дядѣ туда же положу: то-то, чай, обрадуется! вѣдь 17 лѣтъ и словомъ не перекинулись, шутка ли! Теперь манишки. Посмотри, какъ вымыты и выглажены. Ну, гдѣ имъ тамъ выгладить такъ? Вотъ косыночки, вотъ платки; еще полдюжины у Сонюшки осталось. Не теряй, душенька, платковъ! славный полубатистъ! У Михеева брала по два съ четвертью. Ну, бѣлье все. Теперь платье... да гдѣ Евсей? что онъ не смотритъ... Евсей!

Евсей лѣниво вошелъ въ комнату.

— Чего изволите? спросилъ онъ еще лѣнивѣе.

— Чего изволите? заговорила Адуева гнѣвно. — Что не смотришь, какъ я укладываю? А тамъ, какъ надо что достать въ до-

рогъ, и пойдешь все нерерывать вверхъ дномъ. Неможенъ отвалиться отъ своей возлюбленной — экое сокровище! День-то великъ: успѣешь! Ты, эдакъ, тамъ и за баряномъ станешь ходить. Смотри у меня. Вотъ гляди: это хорошій фракъ; видишь, куда кладу? А ты, Сашенька, береги его: не всякій день таскай; сукно-то по 16 рублей брали. Куда въ хорошіе люди пойдешь, и надѣнь; да не садись зря, какъ ни попало, вонъ какъ твоя тетка — словно нарочно — не сядетъ на пустой стулъ или диванъ, а такъ и наровитъ плюхнуть туда, гдѣ стоитъ шляпа или что нибудь такое; намени на тарелку съ вареньею съѣла — такого сраму надѣлала! а еще ученая: все книжки читаетъ. Куда по-проще въ люди, вотъ этотъ фракъ массака надѣвай. Теперь жилеты — разъ, два, три, четыре. Двое брюкъ. Э! да платья-то года на три станетъ. Ухъ! устала! шутка ли: цѣлое утро возмась! Поди, Ерсей. Поговоримъ, Сашенька, о чемъ нибудь другомъ. Ужо гости прійдутъ, не до того будетъ.

Она съѣла на диванъ и посадила его подлѣ себя.

— Ну, Саша, сказала она, помолчавъ не много: — ты теперь ѣдешь на чужую сторону: Богъ одинъ знаетъ, что тамъ тебя встрѣтитъ, чего ты нагладись, и хорошаго и худого. Надѣюсь, Онъ, Отецъ мой небесный, подкрѣпитъ тебя; а ты, мой другъ, пуще всего не забывай Его; помни, что безъ вѣры нѣтъ спасенія нигдѣ и ни въ чемъ. Достигнешь тамъ большихъ чиновъ, въ знать войдешь... вѣдь мы не хуже другихъ: отецъ былъ дворянинъ, майоръ.... все таки смиряйся предъ Господомъ Богомъ; молись и въ счастьи и въ несчастъи, а не по пословицѣ: «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится». Иной, пока везетъ ему, и въ церковь не заглянетъ, а какъ придетъ не въ мочь, и пойдетъ рублевыя свѣчи ставить да нищихъ одѣлать: это большой грѣхъ. Къ слову пришлось объ нищихъ. Не трать на нихъ денегъ по пустому, по многу не давай. На что баловать! ихъ не удивишь. Они пропьютъ — да надъ тобой же насмѣются. У тебя, я знаю, мягкая душа: ты, пожалуй, и по гривеннику станешь отваливать. Нѣтъ, это не нужно; Богъ подастъ! Будешь ли ты посѣщать храмъ Божій? будешь ли ходить по воскресеньямъ къ обѣднѣ?

Александръ молчалъ. Онъ вспомнилъ, что, учась въ университетѣ и живучи въ губернскомъ городѣ, онъ не очень усердно посѣщалъ церковь. А въ деревнѣ только изъ угожденія къ ма-

тери сопровождалъ ее къ обѣднѣ. Ему совѣстно было солгать. Онъ молчалъ. Мать поняла его молчаніе.

— Ну, я тебя не неволю, продолжала она : — ты человѣкъ молодой : гдѣ тебѣ быть такъ усердну къ Божіей церкви , какъ намъ, старикамъ ? Еще , пожалуй , служба помѣшаетъ или засидишься поздно въ хорошихъ людяхъ и prospишь. Богъ пожалѣетъ твоей молодости. Не тужи : у тебя есть мать. Она не проспигь. Пока во мнѣ останется хоть капелька крови, пока не высохли слезы въ глаза и Богъ терпитъ грѣхамъ моимъ, я ползкомъ дотащусь, если не хватитъ силъ дойти, до церковнаго порога; послѣдній вздохъ отдамъ, послѣднюю слезу выплачу за тебя, моего друга. Вымолю тебѣ и здоровья, и чиновъ, и крестовъ, и небесныхъ, и земныхъ благъ. Не ужели-то Онъ, милосердый Отецъ, презритъ молитвой бѣдной старухи ? Мнѣ самой ничего не надо. Отними онъ у меня все — здоровье, жизнь, пошли слѣпоту, тебѣ лишь подай всякую радость, всякое счастье и добро....

Она не договорила. Слезы закапали у ней изъ глазъ.

Александръ вскочилъ съ мѣста. — Маменька! сказалъ онъ.

— Ну, сядь, сядь, отвѣчала она, наскоро утирая слезы: — мнѣ еще много осталось поговорить. Что бишь я хотѣла сказать ? изъ ума вонъ.... вишь, нынче какая память у меня.... да! блюди посты, мой другъ: это великое дѣло! Въ среду и въ пятницу — Богъ проститъ! А въ великій постъ — Боже оборони! Вотъ Михайло Михайлычъ и умнымъ человѣкомъ считается, а что въ немъ ? Чтò мясоѣдъ, чтò страстная недѣля — все одно жреть ! Даже волосъ дыбомъ становится, какъ послушаешь : слышь, и не загавливается и не разгавливается никогда; цыплята и въ великую субботу, цыплята и въ Свѣтлое Воскресенье—ну, что это такое ? Онъ вонъ и бѣднымъ помогаетъ, да будто его милостыня принята Господомъ ? Слышь, подалъ разъ старику красненькую, тотъ взялъ ее, а самъ отвернулся, да плюнулъ. Всѣ кланяются ему и въ глаза—то Богъ знаетъ что наговорять, а за глаза крестятся, какъ поминають его, словно шайтана какого.

Она замолчала на минуту.

— Береги пуще всего здоровье, начала потомъ опять.—Какъ заболѣешь ; — чего Боже оборони! — опасно, напиши... я соберу всѣ силы и приѣду. Кому тамъ ходить за тобой ? Наровятъ еще

обобратить больного. Не ходи ночью по улицамъ; отъ людей звѣрскаго вида удаляйся. * Есть такіе злодѣи, что ничего нѣтъ святого для нихъ: они и эдакой драгоцѣнности не пожалѣютъ. — Береги деньги, охъ, береги на черный день! Трать съ толкомъ. Отъ нихъ, проклятыхъ, всякое добро и всякое зло. Не мотай, не заводи лишнихъ прихотей. Ты будешь аккуратно получать отъ меня двѣ тысячи пять сотъ рублей въ годъ. Буду беречь твое добро пуще глазу, а тамъ, какъ воротишься, женишься — самъ какъ хочешь и распорядься. Двѣ тысячи пять сотъ рублей не шутка! Не заводи лишняго, ни роскоши никакой, ничего эдакого, но и не отказывай себѣ, въ чемъ можно; захочется полакомиться — не скупись. * Книгъ много не покупай — за чѣмъ? ихъ у тебя и такъ куча: въ вѣкъ не перечитаешь. Ты и такъ ученъ — не все же учиться, когда нибудь надо и бросить. А то эдакъ долго ли уходить себя? Ты не учитель какой нибудь! Я безъ тебя книги-то велю въ чуланъ спрятать. * — Не предавайся вину: охъ, вино! первый врагъ челоуѣка! — Да еще.... тутъ она понизила голосъ.... берегись женщинъ! знаю я ихъ! Есть такія безстыдницы, что сами на шею будутъ вѣшаться, какъ увидятъ эдакого-то.

Она съ любовью посмотрѣла на сына.

— На мужнихъ женъ не зарься, продолжала она: — великій грѣхъ! «Не пожелай жены ближняго твоего», сказано въ писаніи. Если же тамъ какая нибудь станетъ до свадьбы добираться — Боже сохрани! Не моги и подумать! Онѣ готовы подцѣпить, какъ увидать, что съ денежками, да хорошенькій. Развѣ что у начальника твоего или у другого какого нибудь знатнаго да богатаго вельможи разгорятся на тебя зубы и онъ захочетъ выдать за тебя дочь — ну, тогда можно! только отпиши: я кое-какъ дотащусь, посмотрю, чтобъ не подсунули такъ какой нибудь, лишь бы съ рукъ сбить: старую дѣвку или дрянъ; эдакого женишка всякому лестно подцѣпить. Ну, а коли ты самъ полюбишь, да выдаться хорошая дѣвушка — такъ того.... тутъ она еще тише заговорила.... Сонюшку-то можно и въ сторону. (Старушка изъ любви къ сыну готова была покривить душой). — Что въ самомъ дѣлѣ Марья Карповна замечтала! ты дочкѣ ея не пара. Деревенская дѣвка! на тебя и не такія польстятся.

— Софью! нѣтъ, маменька, я ее никогда не забуду! сказалъ Александръ.

— Ну, ну, другъ мой, успокойся: вѣдь я такъ только. послужи, воротись сюда и тогда что Богъ дастъ, — невѣсты не уйдутъ! Коли не забудешь, такъ и того.... Ну, а....

Она что-то хотѣла сказать, но не рѣшалась, потомъ наклонилась къ его уху и тихо спросила:

— А будешь ли помнить.... мать?

— Забыть? какъ! маменька! какъ могли вы подумать? Пусть Богъ накажетъ меня....

Анна Павловна поблѣднѣла.

— Перестань, перестань, Саша! закричала она торопливо: — что ты это накликаешь на свою голову? Нѣтъ, нѣтъ! что бы ни было, если случится этакой грѣхъ, пусть я одна страдаю! Ты молодъ, только что начинаешь жить, будутъ у тебя и друзья, женишься — молодая жена замѣнитъ тебѣ и мать, и все.... Нѣтъ! пусть благословитъ тебя Богъ, какъ я тебя благословляю.

Она поцаловала его въ лобъ и тѣмъ заключила свои наставленія.

— Да что это не ѣдетъ никто? сказала она: — ни Марья Карповна, ни Антонъ Ивановичъ, ни священникъ не ѣдетъ? ужь, чай, обѣдня кончилась? Ахъ, вонъ кто-то и ѣдетъ! кажется, Антонъ Ивановичъ.... такъ и есть: лежокъ на поминѣ.

Кто не знаетъ Антона Ивановича? Это вѣчный Жидъ. Онъ существовалъ всегда и всюду, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, и не переводился никогда. Онъ присутствовалъ и на греческихъ и на римскихъ пирахъ, ѣлъ, конечно, и упитаннаго тельца, закланнаго счастливымъ отцомъ, по случаю возвращенія блуднаго сына. У насъ, на Руси, онъ бываетъ разнообразенъ. Тотъ, про котораго говорю, былъ таковъ: у него душъ двадцать заложенныхъ и перезаложенныхъ; живетъ онъ почти въ избѣ, или въ какомъ-то странномъ зданіи, похожемъ съ виду на анбаръ, — ходъ гдѣ-то сзади, черезъ бревна, подлѣ самого плетня; но онъ лѣтъ *двадцать* постоянно твердитъ, что съ будущей весной приступитъ къ стройкѣ новаго дома. Хозяйства онъ дома не держитъ. Нѣтъ человѣка изъ его знакомыхъ, который бы у него отобѣдалъ, отужиналъ или выпилъ чашку чаю, но нѣтъ также человѣка, у котораго бы онъ самъ не дѣлалъ этого по пятидесяти разъ въ годъ. Прежде Антонъ Ивановичъ ходилъ въ широкихъ шароварахъ и казакинѣ, теперь ходитъ, въ будни, въ сюртукѣ и въ панталонахъ, но безъ штрипокъ, — въ

праздники, во фракѣ, Богъ знаетъ какого покроя, въ бѣломъ жилетѣ и галстухѣ, т. е. по названію бѣломъ, а въ самомъ дѣлѣ, грязномъ, — но безъ перчатокъ и въ праздники и въ будни. Съ вида онъ полный, потому-что у него нѣтъ ни горя, ни заботъ, ни волненій, хотя онъ прикидывается, что весь вѣкъ живетъ чужими горестями и заботами, но вѣдь извѣстно, что чужія горести и заботы не сушатъ насъ: это такъ заведено у людей. Въ сущности Антона Иваныча никому не нужно, но безъ него не совершается ни одинъ обрядъ: ни свадьба, ни погребеніе. Онъ на всѣхъ званыхъ обѣдахъ и вечерахъ, на всѣхъ домашнихъ совѣтахъ, — безъ него никто ни шагу. Подумаютъ, можетъ быть, что онъ очень полезенъ, что тамъ исполнить какое нибудь важное порученіе, тутъ дастъ хорошій совѣтъ, обработаетъ дѣльцо, — вовсе нѣтъ! Ему никто ничего подобнаго не поручаетъ; онъ ничего не умѣетъ, ничего не знаетъ: ни въ судахъ хлопотать, ни быть посредникомъ, ни примирителемъ, — ровно ничего. Но за то ему поручаютъ, напримѣръ, завезти, мимоходомъ, поклонъ отъ такой-то къ такому-то, и онъ непременно завезетъ и тутъ же кстаті позавтракаетъ, — увѣдомитъ такого-то, что извѣстная-де бумага получена, а какая именно, этого ему не говорятъ, — передать туда-то кадочку съ медомъ или горсточку сѣмянъ, съ наказомъ не разлить и не разсыпать, — напомнить, когда кто имянинникъ. Еще Антона Иваныча употребляютъ въ такихъ дѣлахъ, которыя считаютъ неудобнымъ поручить человѣку. «Нельзя Петрушку послать», говорятъ: «того и гляди, перевернетъ. Нѣтъ, ужъ пусть лучше Антонъ Иванычъ съѣздитъ!» Или: «Не ловко послать человѣка: такой-то или такая-то обидется, а вотъ лучше Антона Иваныча отправить». — «Ты бы лучше написалъ», скажетъ жена; но писать для многихъ еще у насъ на Руси такой трудъ, что иному гораздо легче съѣздитъ за десять верстъ или послать человѣка съ словеснымъ запросомъ, чѣмъ написать нѣсколько строкъ. «Вотъ», скажетъ онъ: «поди, отыскивай чернилицу! а гдѣ она? чай, давно ребятишки забросили... Посылай за чернилами къ дьякону или къ приказнику, да чини перо; еще и бумаги не найдешь въ домѣ, а главное — сиди часа три и выдумывай слова. Богъ знаетъ, какъ и ставить ихъ: иное можно поставить рядомъ и съ тѣмъ и съ этимъ, а гдѣ именно нужно, Богъ вѣсть! Вѣдь это же самое дѣло расскажешь на словахъ, какъ по маслу идетъ, а чуть обмак-

нулъ перо въ чернила — и не то, и нейдетъ! или всѣ слова вдругъ суются, не знаешь, которое первое написать, — или ни одно не идетъ, да и написать надо гораздо мудренѣе, нежели говоришь, а вотъ тутъ-то и надо умѣть выдумывать слова! Нѣтъ! ужь лучше пусть Антонъ Ивановичъ съѣздитъ: то ли дѣло, какъ живой человѣкъ расскажетъ?» И они правы, добрые люди: умѣй они выдумывать и разставлять слова, тогда Антонъ Ивановичъ хоть заживо въ гробъ ложись!

При обрядахъ онъ тоже не безъ дѣла. Напримѣръ: кто поддержитъ блюдо съ кутьей или образъ? Онъ. Кто подастъ обручальныя кольца? кто всегда въ свитѣ жениха? кто подскажетъ на крестинахъ куму и кумѣ, что надо плюнуть и дунуть, и кто самъ вмѣстѣ съ ними плюнетъ и дунетъ? кто объяснится со священникомъ, заплатитъ ему деньги? Все онъ! Какъ случится надобность въ подобной услугѣ, ужь нѣсколько голосовъ и кричать: «Антонъ Ивановичъ! Антонъ Ивановичъ!» Антонъ Ивановичъ и бѣжить. У кого домашній совѣтъ — его зовутъ непременно, хотя онъ еще не далъ никому ни одного совѣта. Другіе совѣтуются, спорятъ, а онъ молчитъ. Но всѣ къ нему обращаются, всѣ берутъ его за пуговицу и говорятъ:

— Ну, посудите вы сами, Антонъ Ивановичъ: Петръ Ивановичъ говоритъ, что мнѣ надо уступить....

— Такъ! говоритъ Антонъ Ивановичъ.

— Скажите ради Бога, за что же я уступлю?

— Да, да! прибавляетъ Антонъ Ивановичъ: — въ самомъ дѣлѣ, за что уступить!

— Позвольте, позвольте, Василій Васильичъ! говоритъ Петръ Ивановичъ: — я вовсе не такъ сказалъ. Зачѣмъ вы всѣ мои слова шиворотъ на выворотъ? Вотъ, изволите видѣть, Антонъ Ивановичъ: я не сказалъ — уступить, я сказалъ — помириться.

— Такъ! говоритъ Антонъ Ивановичъ.

— Отъ этого, говорю я, зависить весь ходъ дѣла: вы тутъ жертвуете пустяками, какиминибудь тремястами рублями, — не такъ ли, Антонъ Ивановичъ?

— Да, да, разумѣется, пустяками!

— Ну, видите ли; а сочтите-ка все, что вамъ послѣ будетъ стоять, какъ въ споръ пойдетъ; а еще, можетъ быть, и рѣшатъ въ его пользу, хоть ваше дѣло и правое.

Тотъ задумывается, убѣждается и, наконецъ, говоритъ:

— Быть такъ! Не правда ли, Антонъ Ивановичъ?

— Это такъ, совершенно такъ; я согласенъ! говоритъ Антонъ Ивановичъ.

О! Антонъ Ивановичъ еще у насъ нуженъ на Русь!

— Благодаримъ, Антонъ Ивановичъ, что помогли рѣшить этотъ споръ, говорятъ противники. — Оставайтесь-ка откушать съ нами. Куда вы теперь поѣдете? Къ Феклѣ Михайловнѣ не поспѣете, а Михайло Петровичъ сегодня дома не обѣдаетъ, — все равно.

И онъ еще никому не далъ совѣта, ни одного спора не рѣшилъ, даже не сказалъ при спорѣ ни одного дѣльнаго слова. Да отъ него этого и не требуютъ; онъ очень удивилъ бы, еслибъ сказалъ это слово, еслибъ далъ совѣтъ: слова его и не послушали бы, совѣта не приняли бы. Имъ нужно только, чтобъ онъ тутъ былъ, а спросите, зачѣмъ? они скажутъ:

— Ну, какъ зачѣмъ?... и остановятся, а потомъ прибавятъ: — умъ хорошо, а два лучше.

Какъ бы удивило всѣхъ, еслибъ его вдругъ не было гдѣнибудь на обѣдѣ или вечерѣ.

— А гдѣ же Антонъ Ивановичъ? спросилъ бы всякій непременно съ изумленіемъ. — Что съ нимъ? да почему его нѣтъ?

И обѣдъ не въ обѣдъ. Тогда ужъ къ нему даже когонибудь и отправятъ депутатомъ провѣдать, что съ нимъ, не заболѣлъ ли, не уѣхалъ ли. И если онъ болѣнъ, то и родного не порадуютъ такимъ участіемъ.

— И вчера васъ не было и третьяго дня! на что это похоже? Неужели завтра и у Алексѣя Петровича не будете? говорить ему.

— Нѣтъ! ужъ завтра какънибудь перемогусь! отвѣчаетъ онъ, и ѣдетъ.

Умреть ли такой человѣкъ, онъ долго еще живетъ въ памяти безтолковыхъ.

— Вотъ покойный Антонъ Ивановичъ, — говорятъ объ немъ: — любилъ жареныхъ карасей, — когда подадутъ карасей.

— Эхъ, нѣтъ Антона Ивановича! толи дѣло было при немъ?

— Это еще при Антонѣ Ивановичѣ было; онъ еще тогда вотъ тутъ сидѣлъ!

И такъ вспоминаютъ объ немъ непрерывно и долго, а часто забываютъ человѣка, который внутренно и незамѣтно жилъ своимъ присутствіемъ весь кругъ, гдѣ былъ центромъ.

Такъ вѣтреное дитя плачетъ о смерти собаченки и не чувствуетъ минуты, когда само становится сиротой.

Антонъ Ивановичъ подошелъ къ ручкѣ Анны Павловны.

— Здравствуйте, матушка Анна Павловна! съ обновкой честь живу васъ поздравить.

— Съ какой это, Антонъ Ивановичъ? спросила Анна Павловна, осматривая себя съ ногъ до головы.

— А мостикъ-то у воротъ! видно только что сколотили? что, слышу, не пляшутъ доски подъ колесами? смотрю, анъ новый!

Онъ, при встрѣчахъ съ знакомыми, всегда обыкновенно поздравляетъ ихъ съ чѣмъ нибудь, или съ постомъ, или съ весной, или съ осенью, если послѣ оттепели морозъ наступитъ, такъ съ морозомъ, наступитъ послѣ мороза оттепель, съ оттепелью.

На этотъ разъ ничего подобнаго не было, но онъ что нибудь да выдумаетъ.

— Вамъ кланяются Александра Васильевна, Матрена Михайловна, Петръ Сергѣичъ, сказалъ онъ.

— Покорно благодарю, Антонъ Ивановичъ! дѣтки здоровы ли у нихъ?

— Слава Богу.

— Я къ вамъ веду благословеніе Божіе: за мной слѣдомъ идетъ батюшка. А слышали ли, сударыня? Нашъ-то Семень Архипычъ!

— Что такое? съ испугомъ спросила Анна Павловна.

— Вѣдь приказалъ долго жить!

— Что вы! когда?

— Вчера утромъ. Миѣ къ вечеру же дали знать: прискакалъ парнишко; я и отправился, да всю ночь не спалъ. Всѣ въ слезахъ: и утѣшать-то надо, и распорядиться; тамъ у всѣхъ руки опустылись: слезы да слезы, — я одинъ.

— Господи, Господи Боже мой! говорила Анна Павловна, качая головой: — жизнь-то наша! да какъ же это могло случиться? онъ еще на той недѣлѣ съ вами же поклонъ прислалъ! а?

— Да, матушка! ну, да онъ давненько прихварывалъ, старикъ старій: диво, какъ до сихъ поръ еще не свалился!

— Что за старій! онъ годомъ только постарше моего покойника. Ну! царство ему небесное! сказала, крестясь, Анна Павловна, — Жаль бѣдной Федосьи Петровны: осталась съ дѣ-

точками на рукахъ. Шутка ли! пятеро, и все почти дѣвочки! А когда похороны?

— Завтра.

— Видно у всякаго свое горе, Антонъ Ивановичъ; вотъ я такъ сына провожаю.

— Что дѣлать, Анна Павловна? всѣ мы человѣки! «терпи»! сказано въ св. писаніи.

— Ужь не погнѣвайтесь, что потревожила васъ — вмѣстѣ размыкать горе: вы насъ такъ любите, какъ родной.

— Эхъ, матушка Анна Павловна! да кого же мнѣ и любить-то, какъ не васъ? Много ли у насъ такихъ, какъ вы? Вы цѣны себѣ не знаете. Хлопотъ полноъ ротъ: тутъ и своя стройка вертится на умѣ, вчера еще бился цѣлое утро съ подрядчикомъ, да все какъ-то не сходится.... а какъ, думаю, не поѣхать?... что она тамъ, думаю, одна-то, безъ меня станеть дѣлать? человѣкъ не молодой: чай, голову растеряеть.

— Дай Богъ вамъ здоровья, Антонъ Ивановичъ, что не забываете насъ! и подлинно сама не своя! такая пустота въ головѣ, ничего не вижу! въ горлѣ совсѣмъ отъ слезъ перегорѣло. Прошу закусить: вы и устали и, чай, проголодались.

— Покорно благодарю-сь. Признаться, мимоходомъ пропустилъ маленькую у Петра Сергѣича да перехватилъ кусочекъ. Ну, да это не помѣшаетъ. Батюшка подойдетъ: пусть благословить! Да вотъ онъ и на крыльцѣ.

Пришелъ священникъ. Приѣхала и Марья Карповна съ дочерью, полной и румяной дѣвушкой, съ улыбкой и заплаканными глазами. Глаза и все выраженіе лица Софьи явно говорили: я буду любить просто, безъ затѣй, буду ходить за мужемъ, какъ нянька; слушаться его повсемъ и никогда даже не казаться умнѣе его, да и какъ можно быть умнѣе мужа? это грѣхъ! Стану прилежно заниматься хозяйствомъ, шить; рожу ему полдюжины дѣтей, буду ихъ сама кормить, нянчить, одѣвать и обшивать. Полнота и свѣжесть ея щекъ и образованіе груди подтверждали обѣщаніе на счетъ дѣтей. Но слезы на глазахъ и грусть на лицѣ придавали ей тогда высшую занимательность.

Прежде всего отслужили молебенъ, при чемъ Антонъ Ивановичъ созвалъ дворню, зажегъ свѣчу и принялъ отъ священника книгу, когда тотъ пересталъ читать, и передалъ ее дьячку, а потомъ отлилъ въ скляночку святой воды, спряталъ въ карманъ

и сказалъ: «это Агафѣ Никитишичѣ». Сѣли за столъ. Кромѣ Антона Иваныча и священника, никто, по обыкновенію, не дотронулся ни до чего, но за то Антонъ Иванычъ сдѣлалъ полную честь этому гомерическому завтраку. Анна Павловна все плакала и украдкой утирала слезы.

— Полно вамъ, матушка Анна Павловна, слезы-то тратить! сказалъ Антонъ Иванычъ съ притворной досадой, наполнивъ рюмку наливкой. — Что вы его, на убой что ли отправляете? — потомъ, выпить до половины рюмку, почавкалъ губами.

— Что за наливка, какой ароматъ пошелъ! Эдакой, матушка, у насъ в по губерніи-то не найдешь! сказалъ онъ съ выраженіемъ большого удовольствія.

— Это тре...те...годнич...ная! проговорила, всхлипывая, Анна Павловна: — нынче для васъ... только... откуновила.

— Эхъ, Анна Павловна, и смотрѣть-то на васъ тошно, началъ опять Антонъ Иванычъ: — вотъ некому бить-то васъ; билъ бы да билъ!

— Сами посудите, Антонъ Иванычъ, одинъ сынъ и тотъ съ глазъ долой! умру — некому и похоронить.

— А мы-то на что? что я вамъ чужой что ли? Да куда еще торопитесь умирать? того гляди, замужъ бы не вышли! вотъ бы поплясалъ на свадьбѣ! Да полно-те плакать-то.

— Не могу, Антонъ Иванычъ, право не могу; не знаю сама, откуда слезы берутся.

— Эдакого молодца въ заперти держать! дайте-ка ему волю, онъ расправитъ крылышки, да вотъ какихъ чудесъ надѣлаетъ: нахватаетъ тамъ чиновъ!

— Что вы, Антонъ Иванычъ? сказала Анна Павловна, улыбаясь.

— Ей Богу, нахватаетъ: вотъ помяните мое слово! гдѣ у насъ эдакіе-то?

— Вашими бы устами да медъ пить! Да что вы мало взяли пирожка? возьмите еще! прибавила Анна Павловна.

— Возьму-съ: вотъ только этотъ кусокъ съѣмъ. У Никонора Михѣича что ли сынокъ?—да это просто звѣрь!—попробуй-ка заѣхать, такъ непременно какую нибудь пакость надо мною и сотворить: или ночью сапоги унесетъ, или платье выворотитъ, не то такъ пуговицы у сюртука отрѣжетъ; намедни коленка подъ подушку посадилъ! вѣдь эдакой сорванецъ! я ду-

малъ мышъ, да ночью-то босикомъ выбѣжалъ на дворъ—самъ ни живъ, ни мертвъ,—такъ и трясусь, а онъ хохочетъ. Я словно мученикъ какой нибудь дался ему. Что онъ за хлѣбъ за соль что ли такъ насмѣхается? такъ я не нуждаюсь: мнѣ, слава Богу, вездѣ двери отворены, ѣшь-нехочу. Да и добро бы разлитое море было, а то въ домѣ, повѣрите ли, на силу пустыхъ щей дождешься, а лошадь такъ не кормленная и простоятъ.

Анна Павловна покачала головой. — Да васъ, Антонъ Ивановичъ, вездѣ обѣими руками примутъ, сказала она.

— За ваше здоровье, Александръ Ѳедорычъ! счастливаго пути! да возвращайтесь скорѣе, да женитесь-ка! что вы Софья Васильевна вспыхнули?

— Я ничего.... я такъ....

— Охъ молодежь, молодежь! хе, хе, хе!

— Съ вами горя не чувствуешь, Антонъ Ивановичъ, сказала Анна Павловна:— такъ умѣете утѣшить; дай Богъ вамъ здоровья! да выкушайте еще наливочки.

— Выпью, матушка, выпью, какъ не выпить на прощаньи?

Кончился завтракъ. Ямщикъ уже давно заложилъ повозку. Ее подвезли къ крыльцу. Люди выбѣгали одинъ за другимъ. Тотъ несъ чемоданъ, другой узелъ, третій мѣшокъ и опять ухлылъ за чѣмъ нибудь. Какъ мухи сладкую каплю, такъ люди обгѣпчили повозку, и всякій совался туда съ руками.

— Вотъ такъ лучше положить чемоданъ,—говорилъ одинъ:— а тутъ бы коробокъ съ съѣстнымъ.

— А куда же они ноги дѣнуть? отвѣчалъ другой:— лучше чемоданъ внизъ, а коробокъ можно и съ боку поставить.

— Такъ тогда перина будетъ скатываться, коли чемоданъ влодь, — лучше поперегъ. Что еще? уклали ли сапоги-то?

— Я не знаю. Кто укладывалъ?

— Я не укладывалъ. Поди-ка погляди,—нѣтъ ли тамъ наверху?

— Да поди ты.

— А ты что? мнѣ, видишь, некогда!

— Вотъ еще, вотъ это не забудьте! кричала дѣвка, просовывая мимо головъ руку съ узелкомъ.

— Давай сюда!

— Суньте и это какъ нибудь въ чемоданъ! давича забыли, говорила другая, привставая на подножку и подавая щеточку и гребенку.

— Куда теперь совать? сердито закричалъ на нее дородный лакей: — пошла ты прочь! видишь, чемоданъ подъ самымъ низомъ!

— Барыня велѣла, мнѣ что за дѣло! хоть брось! вишь, черти какіе!

— Ну, давай, что ли сюда скорѣе; это можно вотъ тутъ съ боку въ карманъ положить.

Коренная безпрестанно поднимала и трясла голову. Колокольчикъ издавалъ всякій разъ при этомъ рѣзкій звукъ, напоминавшій о разлукѣ, а пристяжныя стояли задумчиво, опустивъ головы, какъ будто понимая всю прелесть предстоящаго имъ путешествія, и изрѣдка обмахивались хвостами или протягивали нижнюю губу къ коренной лошади. Наконецъ, настала роковая минута. Помолились еще.

— Сядьте, сядьте всѣ, сказалъ повелительно Антонъ Ивановичъ: — извольте сѣсть, Александръ Федорычъ! и ты, Евсей, сядь. Сядь же, сядь! И самъ бокомъ, на секунду, едва присѣлъ на стулъ. — Ну, теперь съ Богомъ!

Вотъ тутъ-то Анна Павловна заревѣла и повисла на шею Александру.

— Прощай, прощай, мой другъ! слышалось среди рыданій: — увижу ли я тебя?...

Дальше ничего нельзя было разобрать. Въ эту минуту послышался звукъ другого колокольчика: на дворъ влетѣла телѣга, запряженная тройкой. Съ телѣги соскочилъ весь въ пыли какой-то молодой человекъ, вбѣжалъ въ комнату и бросился на шею Александру.

— Поспѣловъ! Адуевъ! воскликнули они въ-разъ, тиская другъ друга въ объятіяхъ.

— Откуда ты, какъ? спросилъ Адуевъ.

— Изъ дому, нарочно скакалъ цѣлыя сутки, чтобъ проститься съ тобой.

— Другъ! другъ! истинный другъ! говорилъ Адуевъ со слезами на глазахъ. — За 160 верстъ прискакать, чтобъ сказать прости! О, есть дружба въ мирѣ!

Анна Павловна не знала какъ и обласкать Песнякова. Отъѣздъ замедлился на полчаса. Наконецъ, собрались.

Всѣ пошли до рощи пѣшкомъ. Софья и Александръ въ то время, когда переходили темными сѣни, бросились другъ къ другу.

— Александръ Федорычъ!—Софья Васильевна! сказали они, и слова замерли въ поцалуѣ.

— Вы забудете меня тамъ? сказала она слезливо.

— О, какъ вы меня мало знаете! и ворочусь, повѣрьте, и никогда другая....

— Вотъ возьмите скорѣй : это мои волосы и колечко.

Онъ проворно спряталъ и то и другое въ карманъ.

Впереди пошли Анна Павловна съ сыномъ, потомъ Марья Карповна съ дочерью, наконецъ, священникъ съ Антономъ Ивановичемъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи ѣхала повозка. Ямщикъ едва сдерживалъ лошадей. Дворня окружила въ воротахъ Евсея.

— Прощай, Евсей Ивановичъ, прощай, голубчикъ, не забывай насъ! слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Прощайте, братцы, прощайте, не поминайте лихомъ!

— Прощай, Евсеюшка, прощай, мой ненаглядный! говорила мать, обнимая его : — вотъ тебѣ образокъ; это мое благословеніе. Помни вѣру, Евсей, не уйди тамъ у меня въ басурманы! а не то отступлюсь отъ тебя, прокляну! Не пьянствуй, не воруй; служи барину вѣрой и правдой. Прощай, прощай!...

Она закрыла лицо фартукомъ и отошла.

— Прощай, матушка! гнѣвно проворчалъ Евсей.

Къ нему бросилась дѣвчонка лѣтъ двѣнадцати.

— Простись съ сестренкой-то! сказала одна баба.

— И ты туда же! говорилъ Евсей, цалуя ее : — ну, прощай, прощай! пошла теперь, босоногая, въ избу!

Отдѣльно отъ всѣхъ, послѣдняя стояла Аграфена. Лицо у нея позеленѣло.

— Прощайте, Аграфена Ивановна! сказалъ протяжно, возвысивъ голосъ, Евсей, и протянулъ къ ней руки.

Она дала себя обнять, но не отвѣчала на объятіе. Только лицо ея искривилось.

— На вотъ тебѣ! сказала она, вынувъ изъ подъ передника и сунувъ ему мѣшокъ съ чѣмъ-то. — То-то, чай, тамъ съ петербургскими-то загуляешь! прибавила она, поглядѣвъ на него ис-

коса. И въ этомъ взглядѣ выразилась и вся тоска ея и вся ревность.

— Я загуляю, я! началъ Евсей. — Да разрази меня на этомъ мѣстѣ Господь, лопни мои глаза! чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться, коли я тамъ что нибудь эдакое....

— Ладно! ладно! недоувѣрчиво бормотала Аграфена: — а самъ-то-у!

— Ахъ, чуть не забылъ! сказалъ Евсей и досталъ изъ кармана засаленную колоду картъ. — На-те, Аграфена Ивановна, вамъ на память: вѣдь вамъ здѣсь негдѣ взять.

Она протянула руку.

— Подари мнѣ, Евсей Ивановичъ! закричалъ изъ толпы Прошка.

— Тебѣ! да лучше сожгу, чѣмъ тебѣ подарю! и онъ спряталъ карты опять въ карманъ.

— Да мнѣ-то отдай, дурачина, сказала Аграфена.

— Нѣтъ, Аграфена Ивановна, нѣтъ, голубушка, что хотите дѣлайте, а не отдамъ: вы съ нимъ станете играть. Прощайте!

Онъ, не оглянувшись, махнулъ рукой и лѣниво пошелъ въ слѣдъ за повозкой, которую бы, кажется, вмѣстѣ съ Александромъ, ямщикомъ и лошадьми, могъ унести на своихъ плечахъ.

— У! проклятый! говорила Аграфена, глядя ему вслѣдъ и утирая концемъ платка ручьемъ текущія слезы.

Такъ онъ простился съ нею.

У рощи остановились. Пока Анна Павловна рыдала и прощалась съ сыномъ, Антонъ Ивановичъ потрепалъ одну лошадь по шеѣ, потомъ взялъ ее за ноздри и потрясъ въ обѣ стороны, чѣмъ та, казалось, вовсе была недовольна, потому-что оскалила зубы и тотчасъ же фыркнула.

— Подтяни подругу у коренной-то, сказалъ онъ ямщику:— вить сѣделка-то на боку!

Ямщикъ посмотрѣлъ на сѣделку, и увидѣвъ, что она на своемъ мѣстѣ, не тронулся съ козелъ, а только кнутомъ поправилъ немного шлею.

— Ну, пора, Богъ съ вами, говорилъ Антонъ Ивановичъ: — полно Анна Павловна вамъ мучить-то себя! А вы садитесь, Александръ Федорычъ; вамъ надо засвѣтло добратъся до Шишкова. Прощайте, прощайте, дай Богъ вамъ счастья, чиновъ,

крестовъ, всего добраго и хорошаго, всякаго добра и имущества!!!! Ну, съ Богомъ, трогай лошадей, да смотри тамъ косо-горомъ-то легче поѣзжай! прибавилъ онъ, обращаясь къ ямщику.

Александръ сѣлъ весь расплаканный въ повозку. А Евсей подошелъ къ барынѣ, поклонился ей въ ноги и поцаловалъ у ней руку. Она дала ему пяти рублевую ассигнацію.

— Смотри же, Евсей, помни: будешь хорошо служить, жено на Аграфенѣ, а не то....

Она не могла говорить дальше. Евсей взобрался на козлы. Ямщикъ, наскучившій долгимъ ожиданіемъ, какъ будто ожилъ, прижалъ шапку, поправился на мѣстѣ и поднялъ возжи, лошади тронулись сначала легкой рысью. Онъ хлестнулъ пристяжныхъ разомъ одну за другой, онъ скакнули, вытанулись, и тройка ринулась по дорогѣ въ лѣсъ. Толпа провожавшихъ осталась въ облакѣ пыли безмолвна и недвижима, пока повозка не скрылась совсѣмъ изъ глазъ. Антонъ Ивановичъ опомнился первый.

— Ну, теперь по домамъ! сказалъ онъ.

Александръ смотрѣлъ, пока можно было, изъ повозки назадъ, потомъ упалъ на подушки лицомъ внизъ.

— Не оставьте вы меня, горемычную, Антонъ Ивановичъ! сказала Анна Павловна: — отобѣдайте здѣсь!

— Хорошо, матушка, я готовъ: пожалуй и отужинаю.

— Да вы бы ужъ и ночевали.

— Какъ же! а завтра похороны.

— Ахъ, да! Ну, я васъ не неволю. Кланяйтесь же, батюшка, Федосьѣ Петровнѣ отъ меня, скажите, что я душевно огорчена ея печалью и сама бы навѣстила, да вотъ Богъ, дескать, и мнѣ послалъ горе, — сына проводила.

— Скажу-съ, скажу, не забуду.

— Голубчикъ ты мой, Сашенька! шептала она, оглядываясь: — и нѣтъ ужъ его! скрылся изъ глазъ.

Адуева просидѣла цѣлый день молча, не обѣдала и не ужинала. За то говорилъ, обѣдалъ и ужиналъ Антонъ Ивановичъ.

— Гдѣ-то онъ теперь, мой голубчикъ? скажетъ только она иногда.

— Ужъ теперь долженъ быть въ Неплюевѣ. Нѣтъ, что я вру? еще не въ Неплюевѣ, а подѣзжаетъ; тамъ чай будетъ пить, отвѣчаетъ Антонъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, онъ въ это время никогда не пьетъ.

Итакъ, Анна Павловна мысленно ѣхала съ нимъ. Потомъ, когда онъ, по расчетамъ ея, долженъ былъ уже пріѣхать въ Петербургъ, она то молилась, то гадала въ карты, то разговаривала объ немъ съ Марьей Карповной.

А онъ? Съ нимъ мы встрѣтимся въ Петербургѣ.

ГЛАВА II.

Петръ Ивановичъ Адуевъ, дядя нашего героя, такъ же, какъ и этотъ, двадцати лѣтъ былъ отправленъ въ Петербургъ старшимъ своимъ братомъ, отцомъ Александра, и жилъ тамъ безвыѣдно семнадцать лѣтъ. Онъ не переписывался съ родными послѣ смерти брата, и Анна Павловна ничего не знала о немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ продалъ свое небольшое имѣніе, бывшее недалеко отъ ея деревни.

Въ Петербургѣ онъ слылъ за человѣка съ деньгами, и, можетъ быть, не безъ причины; служилъ при какомъ-то важномъ лицѣ чиновникомъ особыхъ порученій и носилъ нѣсколько ленточекъ въ петлицѣ фрака, — жилъ на большой улицѣ, занималъ хорошую квартиру, держалъ троихъ людей и столько же лошадей. Онъ былъ не старъ, а что называется «мужчина въ самой порѣ» — между тридцатью пятью и сорока годами. Впрочемъ, онъ не любилъ распространяться о своихъ лѣтахъ, не по мелкому самолюбію, а вслѣдствіе какого-то обдуманнаго расчета какъ будто онъ намѣревался застраховать свою жизнь подороже. По крайней мѣрѣ, въ его манерѣ скрывать настоящія лѣта не видно было суетной претензіи нравиться прекрасному полу. Онъ былъ изъ тѣхъ высокихъ, пропорціонально сложенныхъ мужчинъ, которые своимъ видомъ, походкой, прямизной талии, отчасти полнотой, какъ-то напоминаютъ уже не Аполлона Бельведерскаго — это типъ юношеской стройности, — а фигуру центавра — что-то массивное, но вмѣстѣ стройное и легкое, то, что у насъ называютъ *bel homme*. Черты лица его были крупны и правильны, но въ нихъ не выражалось ни добродушія, ни злости, ни великаго ума и еще менѣе глупости, а какое-то холодное спокойствіе, которое, впрочемъ, не пугало и не отталкивало никого; но что вы ему ни расскажите, что ни слѣлай-

те передъ нимъ, — сыграйте драму, водевиль, Моцартова Донъ-Жуана, или спойте «во саду ли, въ огородѣ», скажите ему чрезвычайно умную вещь или великую глупость, — онъ все одинаково смотритъ и слушаетъ: не плачетъ, не хохочетъ. Напрасно старался иной остроумникъ заставить его захохотать — много, много, если удачная острота вызывала улыбку. Напрасно и пріятель бѣжалъ сломя голову, чтобъ прежде всѣхъ поразить его неожиданною и печальною новостію — этого никогда не удалось: Петръ Ивановичъ выслушаетъ эту новость такъ, какъ будто онъ уже слышалъ о ней прежде. Никогда ни хорошее, ни дурное впечатлѣніе не выводило его изъ себя. Таковъ онъ былъ въ свѣтѣ; нельзя, однакожъ, было назвать его лица деревяннымъ: нѣтъ, оно было только покойно. Одѣвался онъ всегда тщательно, даже щеголевато, но не черезъ чуръ, а только со вкусомъ; бѣлье носилъ отличное; руки у него были полны и бѣлы, ногти длинные и прозрачные.

Однажды утромъ, когда онъ проснулся и позвонилъ, чело-вѣкъ, вмѣстѣ съ чаемъ, принесъ ему три письма и доложилъ, что приходилъ какой-то молодой баринъ, который называлъ себя Александромъ Федорычемъ Адуевымъ, а его — Петра Ивановича, дядей, и обѣщался зайти часу въ двѣнадцатомъ.

Петръ Ивановичъ, по обыкновенію, выслушалъ это извѣстіе покойно, только немного наострилъ уши и поднялъ брови.

— Хорошо, поди, сказалъ онъ слугѣ.

Потомъ взялъ одно письмо, хотѣлъ распечатать, но остано-вился и задумался.

— Племянникъ изъ провинціи — вотъ сюрпризъ! ворчалъ онъ: — а я надѣялся, что меня забыли въ томъ краю! Впрочемъ, что съ ними церемониться! отдѣлаюсь....

Онъ опять позвонилъ.

— Скажи этому господину, какъ придетъ, что я, вставши, тотчасъ уѣхалъ на заводъ и ворочусь черезъ три мѣсяца.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ слуга: — а съ гостинцами что прикажете дѣлать?

— Съ какими гостинцами?

— Привезъ ихъ чело-вѣкъ, — барыня, говорить, деревенскихъ гостинцевъ прислала....

— Гостинцевъ?

— Да-съ, кадочка меду, мѣшокъ сушеной малины....

Петръ Иванычъ пожалъ плечами.

— Ну?

— Еще два куска полотна да варенье.

— Воображаю, хорошо должно быть полотно!...

— Полотно хорошее и варенье сахарное.

— Ну, поди, я посмотрю сей часъ.

Онъ взялъ одно письмо, распечаталъ и окинулъ взглядомъ страницу. Точно крупная славянская граммата: букву е замѣняли двѣ перечеркнутыя сверху и снизу палочки, а букву к просто двѣ палочки, писано безъ знаковъ препинанія, съ титлами.

Адуевъ сталъ читать вполголоса.

«М. Г. Петръ Иванычъ,

«Будучи съ покойнымъ вашимъ родителемъ коротко знакомы и пріятель, да и васъ самихъ въ дѣтствѣ тѣшилъ не мало и въ домѣ вашемъ частенько хлѣба и соли отъдыивалъ, потому и питаю увѣрительную надежду на ваше усердіе и благорасположеніе, что не забыли старика, Василья Тихоныча, а мы васъ здѣсь и родителей вашихъ всячески добромъ поминаемъ и Бога молимъ....»

— Что за дичь? Отъ кого это? — сказалъ Петръ Иванычъ, поглядѣвъ на подпись. — Василій Заѣзжаловъ! Заѣзжаловъ — хоть убей — не помню; чего онъ хочетъ отъ меня?

И сталъ читать дальше.

«А моя покорнѣйшая просьба и доука къ вамъ — не откажите, батюшка... вамъ въ Петербургъ не то, что намъ, здѣшнимъ, чай, все извѣстно и все свое да родное. Навязалось на меня проклятое тяжбное дѣло, да вотъ седьмой годъ и съ шея не могу спихнуть: изволите поминать лѣсишко, что въ двухъ верстахъ отъ моей деревушки? Палата сдѣлала ошибку въ купчей, а противникъ мой, Медвѣдевъ, и уперся на нее: пунктъ, говоритъ, фальшивый, да и только. Медвѣдевъ тотъ самый, что въ вашихъ дачахъ все безъ спросу рыбу ловилъ; покойникъ батюшка вашъ гонялъ его и срамилъ, хотѣлъ на своеволие и губернатору жаловаться, да по добротѣ, дай Богъ ему царствіе небесное, спускалъ, а не пало бы шадить эдакого злодѣя. Помогите, батюшка, Петръ Иванычъ; дѣло теперъ въ Правительствующемъ Сенатѣ; не знаю тамъ, въ какомъ департаментѣ и у кого, да вамъ, чай, сей часъ покажутъ. Сѣззайте къ секретарямъ и сенаторамъ, склоните ихъ въ мою пользу, скажите, что отъ ошибки, истины

но отъ ошибки въ купчей страдаю: для васъ все сдѣлаютъ. Тамъ же ужъ кстати выхлопочите мнѣ патенты на три чина, да пришлите ко мнѣ — служилъ, служилъ Государю и отечеству, а добрымъ людемъ вчего и показать: аттестатъ извѣстналъ, а патентъ въ рамкѣ и на стѣнѣ красу дѣлаеть, да и есть что почтывать отъ скуки. Еще батюшка, Петръ Ивановичъ, есть дѣлцо до васъ крайней потребности: взойдите въ сердечное участіе къ безвинно угнетенному страдалицу и помогите совѣтомъ и дѣломъ. Есть у насъ въ Губернскомъ Правленіи совѣтникъ Дрожжовъ, золото, а не человѣкъ; умереть, а своего не выдать; въ городъ другой квартиры не знаю какъ у него, — какъ пріѣду, прямо къ нему, живу по ведѣламъ — и Боже сохрани! и подумать у другого остановиться, закормить, заповтъ; а бостончикъ отъ обѣда до глубокой ночи. И эдакого-то человѣка обнесли. Побывайте, отецъ родной, у всѣхъ вельможъ тамъ, внушите имъ, какой человѣкъ Афанасій Ивановичъ: дѣло ли дѣлать — такъ и кипятъ въ рукахъ, скажите, что донось, дескать, на него сдѣланъ фальшиво, по проскамъ губернатора с секретаря, — васъ послушаютъ, и отпишутъ съ первой почтой ко мнѣ. Да повндайтесь со стариннымъ моимъ сослуживцемъ Костяковымъ. Я слышалъ отъ одного пріѣзжаго Студеницына, вашего же петербургскаго, чай, изволите знать, — что онъ живетъ на Пескахъ; тамъ ребятишки укажутъ домъ; отпишите съ той же почтой, не польнитесь, живъ ли онъ, здоровъ ли, что дѣлаеть, помнить ли меня? Познакомьтесь и подружитесь съ нимъ: прекрасный человѣкъ — душа на распашку, и балагуръ такой. Кончаю письмецо еще просьбницей....

Адуевъ пересталъ читать, медленно разорвалъ письмо на четыре части и бросилъ подъ столъ въ корзинку, потомъ потянулся и зѣвнулъ.

Онъ взялъ другое письмо и началъ читать также вполголоса.

«Любезный братецъ, милостивый государь, Петръ Ивановичъ!

— Это что за сестрица! сказалъ Адуевъ, глядя на подпись:— Марья Горбатова.... Онъ обратилъ лицо къ потолку, припоминая что-то....

— Что бишь это такое? что-то знакомое.... ба! вотъ прекрасно — вѣдь братъ женатъ былъ на Горбатовой; это ея сестра, это та.... а! помню....

Онъ нахмурился и сталъ читать.

«Хотя рокъ разлучилъ насъ, можетъ быть, на вѣки и бездна лежитъ между нами; прошли года....»

Онъ пропустилъ нѣсколько строчекъ и читалъ далѣе :

« По гробъ жизни буду помнить , какъ мы вмѣстѣ , гуляючи около нашего озера , вы , съ опасностію жизни и здоровья , влезли по колѣно въ воду и достали для меня въ тростникъ большой жолтый цвѣтокъ , какъ еще изъ стебелька оваго текъ какой-то сокъ и перемаралъ намъ руки , а вы почерпнула картузомъ воды , дабы мы могли ихъ вымыть ; мы очень много тогда этому свѣдѣлись . Какъ я была тогда счастлива ! Господи ! Господи ! Сей цвѣтокъ и нынѣ хранится въ книжкѣ.... »

Адуевъ остановился . Видно было , что это обстоятельство ему очень не нравилось ; онъ даже недовѣрчиво покачалъ головой .

« А цѣла-ли у васъ та ленточка (продолжалъ онъ читать) , что вы безъ спросу украли изъ моего коммоды , несмотря на все мои крики и моленія.... »

— Я укралъ ленточку ! сказалъ онъ вслухъ , сильно нахмурившись . Помолчавъ , пропустилъ еще нѣсколько строкъ и читалъ :

« А я обрекла себя на не замужнюю жизнь и чувствую себя весьма счастливою ; никто не запрѣтитъ воспоминать сіи блаженные времена.... »

— А , старая дѣвка ! подумалъ Петръ Ивановичъ . — Не мудроно , что у ней еще жолтые цвѣты на умѣ ? Что тамъ еще ?

« Женаты ли вы , любезнѣйшій братецъ , и на комъ ? Кто та милая подруга , украсившая собой путь вашего бытія , назовите мнѣ ее : я буду ее любить , какъ родную сестру , и въ мечтахъ соединять образъ ея съ вашимъ , буду молиться . А если не женаты , то по какой причинѣ — напишите откровенно : вашихъ тайнъ никто у меня не прочтетъ , я буду хранить ихъ на своей груди , ихъ вырвать у меня вмѣстѣ съ сердцемъ . Не медлите ; стараю нетерпѣливо читать ваши неизяснимыя строки.... »

— Нѣтъ , вотъ твои такъ неизяснимыя строки ! подумалъ Петръ Ивановичъ .

« Я не знала (читалъ онъ , что мавръ нашъ Сатенька вдругъ издумаетъ посѣтить великолѣпную столицу , — счастливцевъ ! увидитъ прекрасные дома и магазны , будетъ наслаждаться роскошью и прижметъ къ своей груди обожаемаго дяю , — а я , я въ то время буду лить слезы , вспоминая счастливое время . Если бы я знала объ его

отъездъ, дни и ночи спала бы и вышла бы для васъ подушку: арапъ съ двумя собаками; вы не повѣрите, какъ я много разъ плакала, глядя на сей узоръ: что можетъ быть слятѣ дружбы и вѣрности?... Теперь меня занимаетъ сія одна мысль; ей посвящу дни свои, но не имѣю здѣсь хорошей шерсти, и потому покорнѣйше прошу, любезнѣйшій братецъ, выслать, вотъ по этимъ обращеніямъ, что я тутъ вложила, что ни есть наилучшей англійской шерсти, въ самомъ скоромъ времени, изъ перваго магазина. Но что я говорю? какая ужасная мысль останавливаетъ перо мое! можетъ быть, уже вы забыли насъ, и гдѣ вамъ помнить бѣдную страдалицу, которая удалялась отъ свѣта и льетъ слезы? Но вѣтъ! я не могу подумать, чтобъ вы могли быть извергомъ, какъ вся мужичны: вѣтъ! мнѣ сердце говоритъ, что вы сохранили къ намъ ко всѣмъ прежнімъ чувствованіямъ среза роскоши и удовольствій великолѣпной столицы. Сія мысль служить бальзамомъ для моего страдающаго сердца. Простите, не могу болѣе продолжать, рука моя дрожитъ....

Остаюсь по гробъ ваша

Марья Горбатова.

Р. С. Нѣтъ ли, братецъ, у васъ хорошенькихъ книжекъ? пришлите, если вамъ не нужно: я бы на каждой страницѣ вспоминала васъ и плакала бы; или возьмите въ лавкѣ новыхъ, коли не дорого. Говорятъ, очень хороши сочиненія господина Загоскина и господина Марлинскаго, — хоть ихъ; а то я еще вильда въ газетахъ заглавіе — О Предразсудкахъ, соч. г-на Пузины — пришлите, — я терпѣть не могу предразсудковъ.»

Прочитавъ, нашъ центавръ хотѣлъ отправить туда же и это письмо, но остановился.

— Нѣтъ, подумалъ онъ, сберегу: есть охотники до такихъ писемъ; иные собираютъ цѣлыя коллекціи, — можетъ быть, случится одолжить когонибудь.

Онъ бросилъ письмо въ бисерную корзинку, висѣвшую на стѣнѣ, потомъ взялъ третье письмо и началъ читать:

Любезнѣйшій мой девсерекъ Петръ Ивановичъ,

«Помните ли, какъ семнадцать годковъ тому назадъ, мы справляли вашъ отъездъ? Вотъ привелъ Богъ благословить на дальній путь и собственное чадо. Полюбуйтесь, батюшка, на него, да вспомните покойника, нашего голубчика Федора Ивапыча: вѣдь Сашенька весь въ него. Богъ одинъ знаетъ, что выторпзло мое материнское сердце, отпускаячи его на чужую сторону. Отправляю его, моего друга, прямо къ вамъ: не вельда нигдѣ приставать, окромъ васъ....

Адуевъ опять покачалъ головой.

— Глупая старуха! проворчалъ онъ, и читалъ:

«Онъ, пожалуй, по неопытности, остановился бы на постояломъ дворъ, но я знаю, какъ это можетъ огорчить родного дяю, и внушила възъхать прямо къ вамъ. То-то будетъ у васъ радости-то при свиданія. Не оставьте его, любезный деверекъ, вашими совѣтами и возьмите на свое попеченіе; передаю его вамъ съ рукъ на руки.

Петръ Ивановичъ опять остановился.

«Вѣдь вы тамъ одинъ у него (читалъ онъ потомъ). — Присмотрите за нимъ, не балуйте ужъ слишкомъ-то, да и не взыскивайте очень строго: взыскать-то будетъ кому, взыщутъ и чужіе, а приласкать некому, кромъ своего; онъ же самъ такой ласковый: вы только увидите его, такъ и не отойдете. И начальнику-то, у котораго онъ будетъ служить, скажите, чтобъ берегъ моего Сашеньку и обращался бы съ нимъ повъжнѣе пуще всего: — онъ у меня былъ въжневскій. Остерегайте его отъ вина и отъ картъ. Ночью, — вѣдь вы, я чай, въ одной комнатъ будете спать, — Сашенька привыкъ лежать на спинѣ; отъ этого, сердечный, больно стонетъ и мечется; — вы тихонько разбудите его да перекрестите, сей часъ и пройдетъ, а лѣтомъ покрывайте ему ротъ платочкомъ: онъ его развѣваетъ во свѣ, а проклятыя мухи такъ туда и лѣзутъ подъ утро. Не оставьте его также въ случаѣ нужды и деньгами....

Адуевъ нахмурился, но вскорѣ лицо его опять прояснилось, когда онъ прочелъ далѣе.

«А я вышлю, что понадобится, да и ему въ руки дѣла теперь 1000 рублей, только чтобъ онъ не тратилъ ихъ на пустячки, да чтобъ у него подлипали не выманили, вѣдь тамъ у васъ въ столицѣ, слышь, много мошенниковъ и всякихъ безсовѣстныхъ людей. А за тѣмъ, простите, дорогой деверь, — совсѣмъ отвыкла писать. Остаюсь душевно

почитающая васъ невестка

А. Адуева.

P.S. Посылаю при этомъ вашихъ деревенскихъ гостинцевъ — малинки изъ своего сада, бѣлаго меда — чистый, какъ слеза, полотна голландскаго на двѣ дюжины рубашекъ да домашняго вареньяца. Кушайте и носите на здоровье, а выйдутъ — еще пришлю. Присмотрите и за Евсеемъ: онъ смиренный и не пьющій, да пожалуй тамъ въ столицѣ избалуется, — тогда можно и посвѣчь».

Петръ Иванычъ медленно положилъ письмо на столъ, еще медленно досталъ сигару и, покатавъ ее въ рукахъ, началъ курить. Долго обдумывалъ онъ эту штуку, какъ онъ называлъ ее мысленно, которую сыграла съ нимъ его невѣстка. Онъ строго разобралъ въ умѣ и то, что сдѣлали съ нимъ, и то, что надо было дѣлать ему самому. Вотъ на какія послылки разложилъ онъ весь этотъ случай. Племянника своего онъ не знаетъ, слѣдовательно, не любитъ, а по этому сердце его не возлагаетъ на него никакихъ обязанностей: надо рѣшать дѣло по законамъ разсудка и справедливости. Братъ его женился, наслаждался супружескою жизнью, — за что же онъ, Петръ Иванычъ, обременить себя заботливостію о братнемъ сынѣ, онъ, не наслаждавшійся выгодами супружества? Конечно, не за что. Но съ другой стороны, представлялось вотъ что: мать отправила сына прямо къ нему, на его руки, не зная, захочетъ ли онъ взять на себя эту обузу, даже не зная, живъ ли онъ и въ состояніи ли сдѣлать что нибудь для племянника. Конечно, это глупо, но если дѣло уже сдѣлано, племянникъ въ Петербургѣ, безъ помощи, безъ знакомыхъ, даже безъ рекомендательныхъ писемъ, молодой, безъ всякой опытности.... въ правѣ ли онъ оставить его на произволъ судьбы, бросить въ толпѣ, безъ наставленій, безъ совѣта, и если съ нимъ случится что нибудь не доброе — не будетъ ли онъ отвѣчать передъ совѣстью?... Тутъ кстати Адуевъ вспомнилъ, какъ, семнадцать лѣтъ назадъ, покойный братъ и таже Анна Павловна отправляли его самого. Они, конечно, не могли ничего сдѣлать для него въ Петербургѣ, онъ самъ нашелъ себѣ дорогу.... но онъ вспомнилъ ея слезы при прощаньи, ея благословенія, какъ матери, ея ласки, ея пироги и, наконецъ, ея послѣднія слова: «вотъ, когда выростетъ Сашенька, — тогда еще трехлѣтній ребенокъ, — можетъ быть, и вы, братецъ, приласкаете его....» Тутъ Петръ Иванычъ всталъ и скорыми шагами пошелъ въ переднюю....

— Василій, сказалъ онъ: — когда придетъ мой племянникъ, то не отказывай. Да поди узнай, занята ли здѣсь вверху комната, что отдавалась недавно, и если не занята, такъ скажи, что я оставляю ее за собой. А! это гостинцы! Ну, что мы станемъ съ ними дѣлать?

— Давича нашъ лавочникъ видѣлъ, какъ несли ихъ вверхъ;

онъ спрашивалъ , не уступимъ ли ему медъ ; — « я , говорить , хорошую цѣну дамъ , » и малину беретъ....

— Прекрасно ! отдай ему , — ну , а полотно куда дѣвать ? развѣ не годится ли на чехлы ?... Такъ спрячь полотно и варежье спрячь , — его можно ѣсть : кажется , порядочное.

Только что Петръ Иванычъ расположился бриться , какъ явился Александръ Федорычъ. Онъ было бросился на шею къ дядѣ , но тотъ , пожимая мощной рукой его нѣжную , юношескую руку , держалъ его въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя , какъ будто для того , чтобы наглядѣться на него , а болѣе , кажется , для того , чтобы остановить этотъ порывъ и ограничить-ся пожатіемъ.

— Мать твоя правду пишетъ , сказалъ онъ : — ты живой портретъ покойнаго брата : я бы узналъ тебя на улицѣ. Но ты лучше его. Ну , я безъ церемоніи буду продолжать бриться , а ты садись вотъ сюда — напротивъ , чтобы я могъ видѣть тебя , и давай бесѣдовать.

За этимъ Петръ Иванычъ началъ дѣлать свое дѣло , какъ будто тутъ никого не было , и намыливалъ щоки , натягивая языкомъ то ту , то другую. Александръ былъ сконфуженъ этимъ приемомъ и не зналъ , какъ начать разговоръ. Онъ приписалъ холодность дяди тому , что не остановился прямо у него.

— Ну , что твоя матушка ? здорова ли ? я думаю постарѣла ? спросилъ дядя , дѣлая разныя гримасы передъ зеркаломъ.

— Маменька , слава Богу , здорова , кланяется вамъ и тетушка Марья Павловна тоже , сказалъ робко Александръ Федорычъ. — Тетушка поручила мнѣ обнять васъ.... И онъ всталъ и подошелъ къ дядѣ , чтобъ поцаловать его въ щоку , или въ голову , или въ плечо , или , наконецъ , во что удастся.

— Тетушкѣ твоей пора бы съ лѣтами быть умнѣе , а она , какъ я вижу , все такая же дура , какъ была двадцать лѣтъ тому назадъ....

Это озадачило Александра и онъ задомъ воротился на свое мѣсто.

— Вы получили , дядюшка , письма ?... сказалъ онъ.

— Да , получилъ.

— Василій Тихонычъ Заѣзжаловъ , началъ Александръ Федорычъ : — убѣдительно проситъ васъ справиться и похлопотать объ его дѣлѣ....

— Да, онъ пишетъ ко мнѣ.... У васъ еще не перевелись такіе ослы?

Александръ не зналъ, что и подумать. Такъ его сразили эти отзывы.

— Извините, дядюшка.... началъ онъ почти съ трепетомъ.

— Что?

— Извините, что я не пріѣхалъ прямо къ вамъ, а остановился въ конторѣ дилижансовъ.... Я не зналъ вашей квартиры....

— Въ чемъ тутъ извиняться? Ты очень хорошо сдѣлалъ. Матушка твоя, Богъ знаетъ, что выдумала. Какъ бы ты ко мнѣ пріѣхалъ, не знаяши, можно ли у меня остановиться, или нѣтъ? Квартира у меня, какъ видишь, холостая, для одного: зала, гостиная, столовая, кабинетъ, еще рабочій кабинетъ, гардеробная, да туалетная — лишней комнаты нѣтъ. Я бы стѣснилъ тебя, а ты меня.... А я нашелъ для тебя здѣсь же въ домѣ квартиру....

— Ахъ, дядюшка! сказалъ Александръ: — какъ мнѣ благодарить васъ за эту заботливость? и онъ опять вскочилъ съ мѣста, съ намѣреніемъ, словомъ и дѣломъ доказать свою признательность.

— Тише, тише, не трогай, заговорилъ дядя: — бритвы преострыя, того и гляди обрѣжешься самъ и меня обрѣжешь.

Александръ увидѣлъ, что ему, несмотря на всѣ усилія, не удастся въ тотъ день ни разу обнять и прижать къ груди обожаемаго дядю, и отложилъ это намѣреніе до другого раза.

— Комната превеселенькая, началъ Петръ Ивановичъ: — окнами не много въ стѣну приходится, да вѣдь ты не станешь все у окна сидѣть; если дома, такъ займешься чѣмъ нибудь, а въ окна зѣвать некогда. И не дорога — 40 рублей въ мѣсяць. Для человѣка есть передняя. Надо приучаться тебѣ съ самого начала жить одному, безъ няньки; завести свое маленькое хозяйство, т. е. имѣть дома свой столъ, чай, словомъ, свой уголь — *un chez soi*, какъ говорятъ Французы. Тамъ ты можешь свободно принимать, кого хочешь.... Впрочемъ, когда я дома обѣдаю, то милости прошу и тебя, а въ другіе дни — здѣсь молодые люди обыкновенно обѣдаютъ въ трактирѣ, — но я совѣтую тебѣ посылать за своимъ обѣдомъ: дома и покойнѣе и не рискуешь столкнуться Богъ знаетъ съ кѣмъ. Такъ ли?

— Я, дядюшка, очень благодаренъ....

— Что за благодарность, — вѣдь ты мнѣ родня; я исполню свой долгъ. Ну, я теперь одѣнусь и поѣду; у меня и служба и заводъ....

— Я не зналъ, дядюшка, что у васъ есть заводъ.

— Стекланный и фарфоровый; впрочемъ, я не одинъ: насъ трое компаніоновъ.

— Хорошо идетъ?

— Да, порядочно; сбываемъ больше во внутреннія губерніи на ярмарки. Послѣдніе два года — хоть куда! Если бъ еще эдакъ лѣтъ пять, такъ и того.... Одинъ компаніонъ, правда, не очень надеженъ — все мотааетъ, да я умѣю держать его въ рукахъ. Ну, до свиданія. Ты теперь посмотри городъ, пофлянируй, пообѣдай гдѣ нибудь, а вечеромъ приходи ко мнѣ пить чай, я дома буду, — тогда поговоримъ. Эй, Василій! ты покажешь ему комнату и поможешь имъ тамъ устроиться.

— Такъ вотъ какъ здѣсь въ Петербургѣ.... думалъ Александръ, сидя въ новомъ своемъ жилищѣ: — если родной дядя такъ, чтожь прочіе?...

Молодой Адуевъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ въ сильной задумчивости, а Евсей говорилъ самъ съ собою, убирая комнату.

— Что это за житье здѣсь, ворчалъ онъ: — у Петра Иваныча кухня-то, слышь, разъ въ мѣсяцъ топится, люди-то у чужихъ обѣдаютъ.... Эко, Господи! ну, народецъ! нечего сказать, а еще петербургскіе называются! У насъ и собака каждая изъ своей площадки локаетъ.

Александръ, кажется, раздѣлялъ мнѣніе Евсея, хотя и молчалъ. Онъ подошелъ къ окну и увидалъ однѣ трубы, да крыши, да черные, грязные, кирпичные бока домовъ.... и сравнилъ съ тѣмъ, что видѣлъ назадъ тому двѣ недѣли, изъ окна своего деревенскаго дома. Ему стало грустно. Онъ вышелъ на улицу — суматоха, всѣ бѣгутъ куда-то, занятые только собой, едва взглядывая на проходящихъ и то развѣ для того, чтобъ не наткнуться другъ на друга. Онъ вспомнилъ про свой губернский городъ, гдѣ каждая встрѣча, съ кѣмъ бы то ни было, почему нибудь интересна. То вотъ Иванъ Иванычъ идетъ къ Петру Петровичу — и всѣ въ городъ знаютъ, за чѣмъ. То Марья Мартиновна ѣдетъ отъ вечерни, то Аванасій Савичъ на рыбную ловлю. Тамъ проскакалъ, сломя голову, жандармъ отъ губерна-

тора къ доктору, и всякій знаетъ, что ея превосходительство изволитъ родить, чего бы, по мнѣнію разныхъ кумушекъ и бабушекъ, за ранѣе знать не слѣдовало. Всѣ спрашиваютъ, что — дочку или сына? Барыни готовятъ парадные чепцы и червонцы. Вонъ Матвѣй Матвѣичъ вышелъ изъ дому, съ толстой палкой, въ шестомъ часу вечера, и всякому извѣстно, что онъ идетъ дѣлать свой вечерній моціонъ, что у него безъ того желудокъ не варитъ, и что онъ остановится непременно у окна стараго совѣтника, который, также извѣстно, пьетъ въ это время чай. Съ кѣмъ ни встрѣтишься — поклонъ да пару словъ, а съ кѣмъ и не кланяешься, такъ знаешь, кто онъ, куда и зачѣмъ идетъ, и у того въ глазахъ написано: и я знаю кто вы, куда и зачѣмъ идете. Если, наконецъ, встрѣтятся незнакомые, еще не выдавшіе другъ друга, то вдругъ лица обоихъ превращаются въ знаки вопроса; они остановятся и оборотятся назадъ раза два, а пришедши домой, опишутъ и костюмъ и походку новаго лица, и пойдутъ толки и догадки, и кто, и откуда, и зачѣмъ. А здѣсь — такъ взглядомъ и сталкиваютъ прочь съ дороги, какъ будто всѣ враги между собою.

Александръ сначала съ провинціальнымъ любопытствомъ вглядывался въ cadaго встрѣчнаго и cadaго порядочно одѣтаго человѣка, принимая ихъ то за какого нибудь министра или посланника, то за писателя; не онъ ли? думалъ онъ: — не этотъ ли? Но вскорѣ это наложло ему — министры, писатели, посланники встрѣчались на каждомъ шагу. Онъ посмотрѣлъ на дома — и ему стало еще скучнѣе: на него наводили тоску эти однообразныя каменныя громады, которыя, какъ колоссальныя гробницы, сплошною массою тянутся одна за другою. Вотъ кончается улица, сейчасъ будетъ приволье глазамъ, думалъ онъ: — или горка, или зелень, или развалившійся заборъ, — нѣтъ, опять начинается таже каменная ограда одинакихъ домовъ, съ четырьмя рядами оконъ. И эта улица кончилась, ее преграждаетъ опять таже, а тамъ новый порядокъ такихъ же домовъ. Заглянешь на право, на лѣво, всюду обступили васъ, какъ рать исполиновъ, дома, дома и дома, камень и камень, все одно да одно... нѣтъ простора и выхода взору: заперты со всѣхъ сторонъ; кажется, и мысли и чувства людскія также заперты.

Тяжелы первыя впечатлѣнія провинціала въ Петербургѣ. Ему дико, грустно, его никто не замѣчаетъ; онъ потерялся

здѣсь; ни новости, ни разнообразіе, ни толпа не развлекаютъ его. Провинціальный эгоизмъ его объявляетъ войну всему, что онъ видитъ здѣсь и чего не видалъ у себя. Онъ задумывается и мысленно переносится въ свой городъ. Какой отраднѣйшій видъ! Одинъ домъ съ остроконечной крышей и съ полисадничкомъ изъ акацій. На крышѣ надстройка, пріютъ голубей; купецъ Изюминъ охотникъ гонять ихъ; для этого онъ взялъ да и выстроилъ голубятню на крышѣ; и по утрамъ и по вечерамъ, въ колпакѣ, въ халатѣ, съ палкой, къ концу которой привязана тряпица, стоитъ на крышѣ и посвистываетъ, размахивая палкой. Другой домъ — точно фонарь, со всѣхъ четырехъ сторонъ весь въ окнахъ и съ плоской крышей, домъ давней постройки; кажется, того и гляди развалится или сгоритъ отъ самовозгорания; тесъ принялъ какой-то свѣтло-сѣрый цвѣтъ. Страшно жить въ такомъ домѣ, но тамъ живутъ. Хозяинъ иногда, правда, посмотритъ на скосившійся потолокъ и покачаетъ головой, примолвивъ: простоятъ ли до весны? А ось! скажетъ потомъ и продолжаетъ жить, опасаясь не за себя, а за карманъ. Подлѣ него кокетливо красуется дикиньскій домикъ лекаря, раскинувшійся полукружіемъ, съ двумя похожими на будки флигелями на улицу, обѣ одномъ окнѣ каждый; а этотъ весь спрятался въ зелени, тотъ обернулся на улицу задомъ, а тутъ на двѣ версты тянется заборъ, изъ за котораго выглядываютъ съ деревьевъ румяныя яблоки, искушеніе чадъ Евы — мальчишекъ. Отъ церквей домъ отступилъ на почтительное разстояніе. Кругомъ ихъ растетъ густая трава, лежатъ надгробныя плиты. Присудственные мѣста — такъ и видно, что присудственные мѣста: близко безъ надобности никто и не подходитъ. А тутъ, въ столицѣ, ихъ и не отличишь отъ простыхъ домовъ, да еще, срамъ и сказать, и лавочка тутъ же въ домѣ. А пройдеши тамъ въ городѣ двѣ, три улицы, ужъ и чуешь вольный воздухъ, начинаются плетни, за ними огороды, а тамъ и чистое поле съ яровымъ. А тишина, а неподвижность, а скука — и на улицѣ и въ людяхъ тотъ же благодатный застой! И всѣ живутъ вольно, на распашку, никому не тѣсно, даже куры и пѣтухи вольно расхаживаютъ по улицамъ, козы и коровы щиплютъ траву, ребятишки пускаютъ змѣй. А здѣсь... какая тоска! И провинціалъ вздыхаетъ и по заборѣ, который напротивъ его оконъ, и по пыльной и грязной улицѣ, и по тряскому мосту, и по вывѣскѣ

на питейной конторѣ. Ему противно сознаться, что Исакиевскій соборъ лучше и выше собора въ его городѣ, что зала Дворянскаго Собранія больше залы тамошней. Онъ сердито молчитъ при подобныхъ сравненіяхъ, а иногда рискнетъ сказать, что такую-то матерію или такое-то вино можно у нихъ достать и лучше и дешевле, а что на заморскія рѣдкости, эти большіе раки, да раковины, да красныя рыбки, тамъ и смотрѣть не станутъ, и что вольно, дескать, вамъ покупать у иностранцевъ разныя матеріи да бездѣлушки; они обдираютъ васъ, а вы и ради быть олухами! И при этомъ чудакъ покажетъ на свои бархатные штаны, или на диковинный жилетъ, или на цѣпочку топорной работы, на свои исполинскіе сапоги и скажетъ: что — дурамо это? три года ношу, а посмотрите-ка, лучше что ли вашъ Нѣмецъ сдѣлаетъ? я въ этихъ сапогахъ и по лѣсу на медвѣдя хожу, и въ гостяхъ». За то, какъ онъ вдругъ обрадуется, какъ посравнить, да увидитъ, что у него въ городѣ лучше икра, груши или калачи. — «Такъ это-то называется груша у васъ, скажетъ онъ:—да у насъ это и люди не станутъ ѣсть; у насъ какъ раскусишь грушу, сокъ такъ и потечетъ по бородѣ, а купишь на двадцать копѣекъ, такъ троемъ не съѣсть! а икра, какъ посыплешь перечку да лучку, такъ я вамъ скажу; а калачи?..»

И такъ иногда долго дура-привычка держитъ подъ своей ферулой человекъ весьма порядочнаго. Еще болѣе всгрустнется провинціалу, какъ онъ взойдетъ въ одинъ изъ этихъ домовъ съ письмомъ изъ далека. Онъ думаетъ, вотъ отворятся ему широкія объятія, не будутъ знать какъ принять его, гдѣ посадить, какъ угостить, станутъ искусно вывѣдывать, какое его любимое блюдо, какъ ему станетъ совѣстно отъ этихъ ласкъ, какъ онъ, подъ конецъ, броситъ всѣ церемоніи, разцалууетъ хозяйку, хозяина, станутъ говорить имъ ты, какъ будто двадцать лѣтъ знакомы; всѣ подопьютъ наливочки, можетъ быть, запоютъ хоромъ многія лѣта.... Куда! на него едва глядятъ, морщатся, извиняются занятіями; если есть дѣло, такъ назначаютъ такой часъ, когда не обѣдаютъ и не ужинаютъ, а адмиральскаго часу вовсе не знаютъ — ни водки, ни закуски; хозяинъ пятится отъ объятій, смотритъ на гостя какъ-то странно; въ сосѣдней комнатѣ звенятъ ложками, стаканами, тутъ-то бы и пригласить, а его искусными намеками стараются выпроводить.... Все на запрты, вездѣ колокольчики; не мизерно ли это? да какія-то хо-

лодные, нелюдимыя лица. А тамъ, у насъ, входилъ смѣло: если отобѣдали, такъ опять для гостя станутъ обѣдать; самоваръ утромъ и вечеромъ не сходитъ со стола, а колокольчиковъ и въ магазинахъ нѣтъ. Обнимаются, целуются всѣ, и встрѣчный и поперечный. Сосѣдъ тамъ — такъ настоящій сосѣдъ: живутъ рука въ руку, душа въ душу, родственникъ — такъ родственникъ: умереть за своего.... эхъ, грустно!

Александръ добрался до Адмиралтейской площади и остолбенѣлъ. Онъ съ часъ простоялъ передъ Мѣднымъ Всадникомъ, но не съ горькимъ упрекомъ въ душѣ, какъ бѣдный Евгений, а съ восторженной думой. Взглянулъ на Неву, окружающія ее зданія—и глаза его засверкали. Онъ вдругъ застыдился своего пристрастія къ тряснымъ мостамъ, полисадникамъ, разрушеннымъ заборамъ. Ему стало и весело и легко. И суматоха, и толпа, — все получило въ глазахъ его другое значеніе. Замелькали опять надежды, подавленные на время грустнымъ впечатлѣніемъ, новая жизнь отверзала ему объятія и манила къ чему-то неизвѣстному. Сердце его сильно билось. Онъ мечталъ о благородномъ трудѣ, о высокихъ стремленіяхъ и переважно выступалъ по Невскому проспекту, считая себя гражданиномъ новаго міра.... Въ эитимъ мечтахъ воротился онъ домой.

Вечеромъ, въ 11 часовъ, дядя прислалъ звать его пить чай.

— Я только что изъ театра, сказалъ дядя, лежа на диванѣ.

— Какъ жаль, что вы не сказали мнѣ давеча, дядюшка: я бы пошелъ вмѣстѣ съ вами.

— Я былъ въ креслахъ; куда жь ты, на колѣни что ли бы ко мнѣ сѣлъ? сказалъ Петръ Ивановичъ: — вотъ завтра поди себѣ одинъ.

— Одному грустно въ толпѣ, дядюшка; не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ....

— И не зачѣмъ! надо умѣть и чувствовать и думать, словомъ, жить одному; современемъ понадобится. Да еще тебѣ до театра надо одѣться прилично.

Александръ посмотрѣлъ на свое платье и удивился словамъ дяди. — Чѣмъ же я неприлично одѣтъ? думалъ онъ: — синій сюртукъ, зеленые панталоны....

— У меня, дядюшка, много платья, сказалъ онъ: — шилъ Кенигштейнъ: онъ у насъ на губернатора работаетъ.

— Нужды нѣтъ, все таки оно не годится ; на дняхъ я завезу тебя къ своему портному ; но это пустяки. Есть объ чемъ важнѣе поговорить. Скажи-ка, зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ ?

— Я пріѣхалъ.... жить.

— Жить ? т. е. если ты разумѣешь подъ этимъ ѣсть, пить и спать, такъ не стоило труда ѣздить такъ далеко : тебѣ такъ не удастся ни поѣсть, ни поспать здѣсь, какъ тамъ у себя ; а если ты думалъ что нибудь другое, такъ объяснись....

— Пользоваться жизнію, хотѣлъ я сказать, прибавилъ Александръ, весь покраснѣвъ : — мнѣ въ деревнѣ надоѣло — все одно и то же.

— А ! вотъ что ! Что жъ, ты наймешь бель-этажъ на Невскомъ проспектѣ, заведешь карету, составишь большой кругъ знакомства, откроешь у себя дни?...

— Вѣдь это очень дорого, замѣтилъ наивно Александръ.

— Мать пишетъ, что она дала тебѣ тысячу рублей, — этого мало, сказалъ Петръ Ивановичъ. — Вотъ одинъ мой знакомый недавно пріѣхалъ сюда, ему тоже надоѣло въ деревнѣ ; онъ хочетъ пользоваться жизнію, такъ тотъ привезъ пятьдесятъ тысячъ и ежегодно будетъ получать по стольку же. Онъ точно будетъ пользоваться жизнію въ Петербургѣ, а ты — нѣтъ ! ты не за тѣмъ пріѣхалъ.

— По словамъ вашимъ, дядюшка, выходитъ, что я какъ будто самъ не знаю, за чѣмъ я пріѣхалъ.

— Почти такъ ; это лучше сказано : тутъ есть правда ; только все еще не хорошо. Неужели ты, какъ собирался сюда, не задалъ себѣ этого вопроса : за чѣмъ я ѣду ? Это было бы не лишнее.

— Прежде, нежели я задалъ себѣ этотъ вопросъ, у меня уже былъ готовъ отвѣтъ, съ гордостью отвѣчалъ Александръ.

— Такъ что же ты не говоришь ? ну — за чѣмъ ?

— Меня влекло какое-то неодолимое стремленіе, жажда благородной дѣятельности, во мнѣ кипѣло желаніе уяснить и осуществить....

Петръ Ивановичъ приподнялся немного съ дивана, вынулъ изъ рту сигарку и наострилъ уши.

— Осуществить тѣ надежды, которыя толпились....

— Не пишешь ли ты стиховъ ? вдругъ спросилъ Петръ Ивановичъ.

— И прозой, дядюшка ; прикажете принести ?

— Нѣтъ, нѣтъ !.... послѣ когда нибудь ; я такъ только спросилъ.

— А что-съ ?

— Да ты такъ говоришь....

— Развѣ не хорошо ?

— Нѣтъ, — можетъ быть, очень хорошо, да дико.

— У насъ профессоръ эстетики такъ говорилъ и считался самымъ краснорѣчивымъ профессоромъ ! сказалъ смутившійся Александръ.

— Объ чемъ же онъ такъ говорилъ ?

— О своемъ предметѣ.

— А !

— Какъ же, дядюшка, мнѣ говорить ?

— Попроще, какъ всѣ, а не какъ профессоръ эстетики. Впрочемъ, этого вдругъ растолковать нельзя ; ты послѣ самъ увидишь. Ты, кажется, хочешь сказать, сколько я могу припомнить университетскія лекціи и перевести твои слова, что ты пріѣхалъ сюда дѣлать карьеру и фортуны ? Такъ ли ?

— Да, дядюшка, карьеру....

— И фортуны, пробавилъ Петръ Ивановичъ : что за карьера безъ фортуны ? Мысль хороша — только.... напрасно ты пріѣзжалъ.

— Отъ-чего же ? Надѣюсь, вы не по собственному опыту говорите это ? сказалъ онъ, глядя вокругъ себя.

— Дѣльно замѣчено. Точно, я хорошо обставленъ и дѣла мои недурны, сказалъ дядя. — Но сколько я посмотрю, такъ ты и я — большая разница.

— Я никакъ не смѣю сравнивать себя съ вами....

— Не въ томъ дѣло ; ты, можетъ быть,десятеро умнѣе и лучше меня.... да у тебя, кажется, натура не такая, чтобъ поддалась новому порядку, а тамошній порядокъ — ой, ой ! Ты, вонъ, изнѣженъ и избалованъ матерью ; гдѣ тебѣ выдержать все, что я выдержалъ ? ты, должно быть, мечтатель, а мечтать здѣсь некогда ; подобные намъ ѣздятъ сюда дѣло дѣлать.

— Можетъ быть, я въ состояніи что нибудь сдѣлать, если вы не оставите меня вашими совѣтами и опытностію....

— Совѣтовать — боюсь. Я не ручаюсь за твою деревенскую натуру : выйдетъ вздоръ, — станешь пенять на меня, а мнѣніе

свое сказать, изволь — не отказываюсь, ты слушай или не слушай, какъ хочешь. Да нѣтъ! я не надѣюсь на удачу. У васъ тамъ свой взглядъ на жизнь: какъ переработаетъ его? Вы помѣшались на любви, да на дружбѣ, да на прелестяхъ жизни, на счастья; думаютъ, что жизнь только въ этомъ и состоитъ, ахъ, да охъ! плачутъ, хнычутъ да любезничаютъ, а дѣла не дѣлаютъ.... какъ я отучу тебя отъ всего этого? — мудроно!

— Я постараюсь, дядюшка, принаровиться къ современнымъ понятіямъ. Уже сегодня, глядя на эти громадныя зданія, на корабли, принесшіе намъ дары дальнихъ странъ, я подумалъ объ успѣхахъ современнаго человѣчества, я повялъ волненіе этой разумно-дѣятельной толпы, готовъ слиться съ нею....

Петръ Ивановичъ, при этомъ монологѣ, значительно поднялъ брови и пристально посмотрѣлъ на племянника. Тотъ остановился.

— Дѣло, кажется, простое, сказалъ дядя: — а они, Богъ знаетъ что заберутъ въ голову.... разумно-дѣятельная толпа!! Право, лучше бы тебѣ остаться тамъ. Прожилъ бы ты вѣкъ свой славно: былъ бы тамъ умѣе всѣхъ, прослылъ бы сочинителемъ и краснорѣчивымъ человѣкомъ, вѣрилъ бы въ вѣчную и неизмѣнную дружбу и любовь, въ родство, счастье, женился бы и незамѣтно дожилъ бы до старости и, въ самомъ дѣлѣ, былъ бы по своему счастливъ, — а по здѣшнему ты счастливъ не будешь: здѣсь всѣ эти понятія надо перевернуть вверхъ дномъ...

— Какъ, дядюшка, развѣ дружба и любовь — эти священные и высокія чувства, упавшія какъ будто ненарочно съ неба въ земную грязь....

— Что, что? повтори-ка.

Александръ замолчалъ.

— Любовь и дружба въ грязь упали! Ну, какъ ты эдакъ здѣсь брякнешь?

— Развѣ онѣ не тѣ же и здѣсь, какъ тамъ, хочу я сказать.

— Есть и здѣсь любовь и дружба, — гдѣ нѣтъ этого добра? только не такая, какъ тамъ у васъ; современемъ увидишь самъ... Ты прежде всего забудь эти священные да небесныя чувства, а приглядывайся къ дѣлу такъ, проще, какъ оно есть, право лучше, будешь и говорить проще. Впрочемъ, это не мое дѣло. Ты пріѣхалъ сюда, не ворочаться же назадъ: если не найдешь, чего искалъ, пеняй на себя. Я предупрежу тебя, что хорошо, по

моему мнѣнію, что дурно, а тамъ, какъ хочешь.... Попробуемъ, можетъ быть, удастся что нибудь изъ тебя сдѣлать. Да! матушка просила снабжать тебя деньгами.... знаешь, что я тебѣ скажу: не проси у меня ихъ; это всегда нарушаетъ доброе согласіе между порядочными людьми. Впрочемъ, не думай, чтобъ я тебѣ отказывалъ: нѣтъ, если придется такъ, что другого средства не будетъ, такъ ты, нечего дѣлать, обратись ко мнѣ... Все у дяди лучше взять, чѣмъ у чужого, по крайней мѣрѣ безъ процентовъ. Да чтобъ не прибѣгать къ этой крайности, я тебѣ поскорѣй найду мѣсто, чтобъ ты могъ доставать себѣ деньги. Ну, до свиданья; заходи поутру, мы переговоримъ, что и какъ начать.

Александръ Федорычъ пошелъ домой.

— Послушай, не хочешь ли ты поужинать? сказалъ Петръ Иванычъ ему вслѣдъ.

— Да, дядюшка.... я бы, пожалуй....

— У меня ничего нѣтъ.

Александръ молчалъ. — Зачѣмъ же это обязательное предложеніе? думалъ онъ.

— Стола я дома не держу, а трактиры теперь заперты, продолжалъ дядя.— Вотъ тебѣ и урокъ на первый случай, привыкай. У васъ встаютъ и ложатся по солнцу, ѣдятъ, пьютъ, когда велитъ природа; холодно, такъ надѣнуть себѣ шапку съ наушниками да и знать ничего не хотятъ; свѣтло — такъ день, темно, такъ ночь. У тебя вонъ слипаются глаза, а я еще за работу сяду: къ концу мѣсяца надо счеты свести. Дышете вы тамъ круглый годъ свѣжимъ воздухомъ, а здѣсь и это удовольствіе стоить денегъ, — и все такъ! совершенные антиподы! Здѣсь вотъ и не ужинаютъ, особенно на свой счетъ, и на мой тоже. Это тебѣ даже полезно: не станешь стонать и метаться по почамъ, а крестить мнѣ тебя некогда....

— Къ этому, дядюшка, легко привыкнуть....

— Хорошо, коли такъ. А у васъ все еще по старому: можно притти въ гости ночью и сейчасъ ужинъ состряпаютъ?

— Чтожъ, дядюшка, надѣюсь, этой черты порицать нельзя. Добродѣтель Русскихъ....

— Полно! какая тутъ добродѣтель. Отъ скуки тамъ всякому мерзавцу рады: — «милости просимъ, кушай, сколько хочешь, только займи какъ нибудь нашу праздность, помоги убить

время, да дай взглянуть на тебя : все таки что нибудь новое ; а кушанья не пожалѣемъ : это намъ здѣсь ровно ничего не стоитъ....» Препротивная добродѣтель!

Такъ Александръ легъ спать и старался разгадать, что за человѣкъ его дядя. Онъ припомнилъ весь разговоръ, многого не понялъ, другому несомнѣннѣмъ вѣрилъ.

— Не хорошо говорю! думалъ онъ : — любовь и дружба не вѣчны? не смѣется ли надо мною дядюшка? Неужели здѣсь такой порядокъ? Что же Софья и нравилось во мнѣ особенно, какъ не даръ слова? А любовь ея, неужели не вѣчна?... И неужели здѣсь въ самомъ дѣлѣ не ужинаютъ?

Онъ еще долго ворочался въ постели : голова, полная тревожныхъ мыслей, и пустой желудокъ не давали ему спать.

Прошло недѣли двѣ.

Петръ Ивановичъ день ото дня становился довольнѣе своимъ племянникомъ.

— У него есть тактъ, говорилъ онъ одному своему компаніону по заводу : — чего бы я никакъ не ожидалъ отъ деревенскаго мальчика. Онъ не навязывается, не ходитъ ко мнѣ безъ зову, и когда замѣтитъ, что онъ лишній, тотчасъ уйдетъ ; и денегъ не проситъ : онъ малый покойный. Есть странности.... лѣзетъ цаловаться, говорить, какъ семинаристъ.... ну, да отъ этого отвыкнетъ ; и то хорошо, что онъ не сѣлъ мнѣ на шею.

— Есть состояніе? спросилъ тотъ.

— Нѣтъ, — какихъ нибудь 100 душонокъ.

— Чтожь! если есть способности, такъ онъ пойдетъ здѣсь... вѣдь и вы не съ большого начали — а вотъ, слава Богу....

— Нѣтъ! куда! ничего не сдѣлаетъ. Эта глупая восторженность нигуда не годится, ахъ да ахъ! не привыкнетъ онъ къ здѣшнему порядку ; гдѣ ему сдѣлать карьеру! напрасно приѣзжалъ.... ну, это ужъ его дѣло.

Александръ долгомъ считалъ любить дядю, но никакъ не могъ привыкнуть къ его характеру.

«Дядюшка у меня, кажется, добрый человѣкъ», писалъ онъ въ одно утро въ провинцію, къ Поспѣлову:—очень уменъ, только человѣкъ весьма прозаическій, вѣчно въ дѣлахъ, въ расчетахъ.... Духъ его будто прикованъ къ землѣ и никогда не возносится до чистаго, изолированнаго отъ земныхъ дразговъ созерцанія явленій духовной природы человѣка. Небо у него не-

разрывно связано съ землей, и мы съ нимъ, кажется, никогда совершенно не сольемся душами. Ъдучи сюда, я думалъ, что онъ, какъ дядя, дастъ мнѣ мѣсто въ сердцѣ, согрѣетъ меня въ адъшной холодной толпѣ горячими объятіями дружбы, а дружба, ты знаешь, второе провидѣнье! но и онъ есть ничто иное, какъ выраженіе этой толпы. Я думалъ дѣлать съ нимъ вмѣстѣ время, не разставаться съ нимъ ни на минуту, дѣлать, какъ говоритъ Пушкинъ, *трапезу, мысли и дѣла*, но что встрѣтилъ? — холодные совѣты, которые онъ называетъ дѣльными; но пусть они лучше будутъ недѣльны, но полны теплаго, сердечнаго участія. Онъ гордъ не гордъ, но врагъ всякихъ искреннихъ вліяній; мы не обѣдаемъ, не ужинаемъ вмѣстѣ, никуда не ѣдимъ. Пріѣхавши, онъ никогда не расскажетъ, гдѣ былъ, что дѣлалъ и никогда также не говоритъ, куда ѣдетъ и зачѣмъ, кто у него знакомые, нравится ему что, нѣтъ ли, какъ онъ проводить время. Никогда не сердитъ особенно, ни ласковъ, ни печаленъ, ни веселъ; сердцу его чужды всѣ порывы любви, дружбы, всѣ стремленія къ прекрасному. Часто говоришь, говоришь, и говоришь, какъ вдохновенный пророкъ, почти какъ нашъ великій, незабвенный Иванъ Семенычъ, когда онъ, помнишь, гремѣлъ съ каеэдры, а мы трепетали въ восторгѣ отъ его огненного взора и слова; а дядюшка? слушаетъ, поднимъ брови, и смотритъ престранно, или засмѣется какъ-то по своему, такимъ смѣхомъ, который леденитъ у меня кровь, — и прощай вдохновение. Я иногда вижу въ немъ, какъ будто пушкинскаго демона... Не вѣрять онъ *любви*, и проч., говоритъ, что счастья нѣтъ, что его никто и не обѣщалъ, а что есть просто жизнь, раздѣляющаяся по ровну на добро и зло, на удовольствіе, удачу, здоровье, покой, потомъ на неудовольствіе, неудачу, безпокойство, болѣзни и проч., что на все на это надо смотрѣть просто, не забирать себѣ въ голову бесполезныхъ, каково — бесполезныхъ! вопросовъ о томъ, зачѣмъ мы созданы, да къ чему стремимся, — что это не наша забота, и что отъ этого мы не видимъ, что у насъ подъ носомъ и не дѣлаемъ своего дѣла... только и слышимъ объ дѣлѣ! Въ немъ не отличишь, находится ли онъ подъ вліяніемъ какого нибудь высокаго наслажденія, или прозаическаго дѣла: и за счетами и въ театрѣ, все одинаковъ; сильныхъ впечатлѣній не знаетъ и, кажется, не любитъ изящнаго: оно чуждо душѣ его; я думаю, онъ не читалъ даже Пушкина....»

Разъ утромъ Петръ Ивановичъ неожиданно явился въ комнату племянника и засталъ его за письмомъ.

— Я пришелъ посмотрѣть, какъ ты тутъ устроился, сказалъ дядя : — и поговорить о дѣлѣ.

Александръ вскочилъ и проворно что-то прикрылъ рукой.

— Спрячь, спрячь свой секретъ, сказалъ Петръ Ивановичъ:— я отвернусь. Ну, спряталъ? А это что выпало? что это такое?

— Это, дядюшка, ничего.... началъ было Александръ, но смѣшался и замолчалъ.

— Кажется, волосы! Подлинно ничего! ужъ я видѣлъ одно, такъ покажи и то, что спряталъ въ рукѣ.

Александръ, точно уличенный школьникъ, невольно разжалъ руку и показалъ кольцо.

— Что это? откуда? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Это, дядюшка, вещественные знаки.... невещественныхъ отношеній....

— Что? что? дай-ка сюда эти знаки.

— Это залогъ....

— Вѣрно изъ деревни привезъ?

— Отъ Софьи, дядюшка, на память.... при прощаньи....

— Такъ и есть. И это ты везъ за 1,500 верстъ?

Дядя покачалъ головой.

— Лучше бы привезъ еще мѣшокъ сушеной малины; ту, по крайней мѣрѣ, въ лавочку сбыли, а эти залогъ....

Онъ разсматривалъ то волосы, то колечко; волосы понюхалъ, а колечко взвѣсилъ на рукѣ. Потомъ взялъ бумажку со стола, завернулъ въ нее оба знака, сжалъ все это въ компактный комокъ и — бацъ въ окно.

— Дядюшка! неистово закричалъ Александръ, схвативъ его за руку, но поздно: комокъ перелетѣлъ черезъ уголъ сосѣдней крыши, упалъ въ каналъ, на край барки съ кирпичами, отскокилъ и прыгнулъ въ воду.

Александръ молча, съ выраженіемъ горькаго упрека смотрѣлъ на дядю.

— Дядюшка! повторилъ онъ.

— Что?

— Какъ назвать вашъ поступокъ?

— Бросаніемъ изъ окна въ каналъ невещественныхъ знаковъ п всякой дряни и пустяковъ, чего не нужно держать въ комнатѣ....

— Пустяковъ! это пустяки?

— А ты думалъ что? — половина твоего сердца.... Я пришелъ къ нему за дѣломъ, а онъ вонъ чѣмъ занимается — сидитъ да думаетъ надъ дрянью.

— Развѣ это мѣшаетъ дѣлу, дядюшка?

— Очень. Время проходитъ, а ты до сихъ поръ мнѣ еще и не помянулъ о своихъ намѣреніяхъ — хочешь ли ты служить, избралъ ли другое занятіе — ни слова! а все отъ-того, что у тебя Софья да знаки на умѣ. Вонъ, ты, кажется, къ ней письмо пишешь? Такъ?

— Да... я началъ было....

— А къ матери писалъ?

— Нѣтъ еще, я хотѣлъ завтра....

— Отъ-чего же завтра? Къ матери завтра, а къ Софьѣ, которую черезъ мѣсяцъ надо забыть, сегодня....

— Софью? можно ли ее забыть?

— Должно. Не брось я твоихъ залоговъ, такъ пожалуй, чего добраго, ты помнилъ бы ее лишній мѣсяцъ. Я оказалъ тебѣ двояннѣ услугу. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти знаки напомнили бы тебѣ глупость, отъ которой бы ты краснѣлъ.

— Краснѣть отъ такого чистаго, святаго воспоминанія? это значить, не признавать поэзіи....

— Я не понимаю, какая поэзія въ томъ, что глупо? поэзія, напримѣръ, въ письмѣ твоей тетки! жолтый цвѣтокъ, озеро, какая-то тайна.... какъ я сталъ читать — мнѣ такъ стало не-хорошо, что и сказать нельзя! чуть не покраснѣлъ, а ужъ я ли не отвыкъ краснѣть!

— Это ужасно, ужасно, дядюшка! стало быть, вы никогда не любили?

— Знаковъ терпѣть не могъ.

— Это какая-то деревянная жизнь! сказалъ въ сильномъ волненіи Александръ: — прозябеніе а не жизнь! быть, а не жить! и быть безъ вдохновенья, безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви....

— И безъ волосъ, прибавилъ дядя.

— Какъ вы, дядюшка, можете такъ холодно надѣваться на дѣтъ, что есть лучшаго на землѣ? вѣдь это преступленіе.... Любовь.... святые волненія! о!

— Знаю я эту святую любовь! въ твои лѣта только увидать локопъ, башмакъ, подвязку, дотронутся до руки — такъ по всему тѣлу и побѣжить святая, возвышенная любовь, а дай-ка волю, такъ и того.... Твоя любовь, къ сожалѣнію, впереди; отъ этого никакъ не уйдешь, а дѣло уйдетъ отъ тебя, если не станешь имъ заниматься.

— Да развѣ любовь не дѣло?

— Кто говоритъ! Очень пріятное занятіе, только не нужно предаваться ему больше, нежели другимъ, а то выйдетъ вадоръ; отъ этого я и боюсь за тебя. Ты, кажется, охъ! — Дядя покачалъ головой.

— Я почти нашелъ тебѣ мѣсто; ты вѣдь хочешь служить? сказалъ онъ.

— Ахъ, дядюшка, какъ я радъ.

Онъ бросился и поцаловалъ дядю въ щоку.

— Нашелъ таки случай! сказалъ дядя, вытирая щоку: — какъ это я не остерегся! Ну, такъ слушай же. Скажи, что ты знаешь, къ чему чувствуешь себя способнымъ?

— Я знаю богословіе, гражданское, уголовное, естественное и народное права, дипломатию, политическую экономію, философію, эстетику, археологію....

— Постой, постой, — а умѣешь ли ты порядочно писать по-русски? Теперь пока это нужнѣе всего.

— Какой вопросъ, дядюшка, умѣю ли писать по-русски? сказалъ Александръ и побѣжалъ къ комоду, изъ котораго началъ вынимать разныя бумаги, а дядя, между тѣмъ, взялъ со стола какое-то письмо и сталъ читать.

Александръ подошелъ съ бумагами къ столу и увидалъ, что дядя читаетъ письмо. Бумаги у него выпали изъ рукъ.

— Что это вы читаете, дядюшка? сказалъ онъ, поблѣднѣвъ.

— А вотъ тутъ лежало письмо, къ другу должно быть. Извини — мнѣ хотѣлось взглянуть, какъ ты пишешь.

— И вы прочитали его?

— Да, почти — вотъ только двѣ строки осталось, — сейчасъ дочитаю, а что? вѣдь тутъ секретовъ нѣтъ, иначе бы оно не валялось такъ....

— Что же вы теперь думаете обо мнѣ?...

— Думаю, что ты порядочно пишешь, правильно, гладко....

— Стало быть, вы не прочли, что тутъ написано? съ живостью спросилъ Александръ.

— Нѣтъ, кажется, все, сказалъ Петръ Ивановичъ, поглядѣвъ на обѣ страницы: — сначала описываешь Петербургъ, свои впечатлѣнія, а потомъ меня.

— Боже мой! воскликнулъ Александръ и закрылъ руками лицо.

— Да что ты? что съ тобой?

— И вы говорите это покойно? вы не сердитесь, не ненавидите меня?

— Нѣтъ! изъ чего мнѣ бѣсноваться?

— Повторите, успокойте меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

— Мнѣ все не вѣрится: докажите, дядюшка....

— Чѣмъ прикажешь?

— Обнимите меня.

— Извини, не могу.

— Почему же?

— Потому-что въ этомъ поступкѣ разума, т. е. смысла нѣтъ, или, говоря словами твоего профессора, сознание не побуждаетъ меня къ этому; вотъ, еслибъ ты былъ женщина — такъ другое дѣло: тамъ это дѣлается безъ смысла, по другому побужденію.

— Чувство, дядюшка, просится наружу, требуетъ порыва, изліянія.

— У меня не просится и не требуетъ, да еслибъ и просилось, такъ я бы воздержался — и тебѣ тоже совѣтую.

— За чѣмъ же?

— А за тѣмъ, чтобъ послѣ, когда размотришь поближе человѣка, котораго обнялъ, не краснѣть за свои объятія.

— Развѣ не случается, дядюшка, что оттолкнешь человѣка и послѣ раскаешься?

— Случается, отъ-того я никогда никого и не отталкиваю.

— Вы и меня не оттолкнете за мой поступокъ, не назовете чудовищемъ?

— У тебя кто напишетъ вздоръ, тотъ и чудовище. Эдакъ бы ихъ развелось несмѣтное множество.

— Но читать про себя такія горькія истины — и отъ кого же? отъ родного племянника!

— Ты воображаешь, что написалъ истину?...

— О, дядюшка!... конечно, я ошибся.... я переправлю.... простите....

— Хочешь, я тебѣ продиктую истину?

— Сдѣлайте милость.

— Садись и пиши.

Александръ вынулъ листъ бумаги и взялъ перо, а Петръ Ивановичъ, глядя на прочтенное имъ письмо, диктовалъ:

«Любезный другъ.

— Написалъ?

— Написалъ.

«Петербурга и впечатлѣній своихъ описывать тебѣ не стану:

— Не стану, сказалъ Александръ, написавъ.

«Петербургъ ужь давно описанъ, а что неописано, то надо видѣть самому; впечатлѣнія мои тебѣ ни на что не годятся. Нечего по пустому тратить время и бумагу. Лучше опишу моего дядю, потому-что это относится лично до меня.

— Дядю, сказалъ Александръ.

— Ну, вотъ, ты тутъ пишешь, что я очень добръ и уменъ — можетъ быть это правда, можетъ быть и нѣтъ; возьмемъ лучше середину, пиши:

«Дядя мой не глупъ и не золъ, мнѣ желаетъ добра....

— Дядюшка! я умѣю цѣнить и чувствовать... сказалъ Александръ и потянулся поцаловать его.

«Хотя и не вѣшается мнѣ на шею», продолжалъ диктовать Петръ Ивановичъ. Александръ, не дотянувшись до него, поскорѣй сѣлъ на свое мѣсто.

«А желаетъ добра, потому-что не имѣетъ причины и побужденія желать зла и потому-что его просила обо мнѣ моя матушка, которая дѣлала нѣкогда и для него добро. Онъ говоритъ, что меня не любить — и весьма основательно: въ двѣ недѣли нельзя полюбить, и я еще не люблю его, хотя и увѣряю въ противномъ.

— Какъ это можно? сказалъ Александръ.

— Пиши, пиши:

«Но мы начинаемъ привыкать другъ къ другу. Онъ даже говоритъ, что можно и совсѣмъ обойтись безъ любви. Онъ не

сидить со мной, обнявшись съ утра до вечера, потому-что это вовсе не нужно, да ему и некогда.

— «Врагъ искреннихъ изліяній» — это можно оставить: это хорошо. Написалъ?

— Написалъ.

— Ну, что у тебя тутъ? «Прозамческій духъ, демонъ....» Пиши.

— Пока Александръ писалъ, Петръ Ивановичъ взялъ со стола какую-то бумагу, свернулъ ее, досталъ огня, и закурилъ сигару, а бумагу бросилъ и затопталъ.

«Дядя мой ни демонъ, ни ангелъ, а такой же человекъ, какъ и всѣ, диктовалъ онъ, — только не совсѣмъ похожъ на насъ съ тобой. Онъ думаетъ и чувствуетъ по земному, полагаетъ, что если мы живемъ на землѣ, такъ и не надо улетать съ нея на небо, гдѣ насъ теперь пока не спрашиваютъ, а заниматься человѣческими дѣлами, къ которымъ мы призваны. Отъ-того онъ вникаетъ во всѣ земныя дѣла и, между прочимъ, въ жизнь, какъ она есть, а не какъ бы намъ ее хотѣлось. Вѣрить въ добро и вмѣстѣ въ зло, въ прекрасное и прескверное. Любви и дружбѣ тоже вѣрить, только не думаетъ, что онѣ упали съ неба сюда въ грязь, а полагаетъ, что онѣ созданы вмѣстѣ съ людьми и для людей, что ихъ такъ и надобно понимать и вообще разсматривать вещи пристально, съ ихъ настоящей стороны, а не заноситься Богъ знаетъ куда. Между честными людьми онъ допускаетъ возможность пріязни, которая отъ частыхъ сношеній и привычки обращается въ дружбу. Но онъ полагаетъ также, что въ разлукѣ привычка теряетъ силу и люди забываютъ другъ друга и что это вовсе не преступленіе. Поэтому онъ увѣряетъ, что я тебя забуду, а ты меня. Это мнѣ, да и тебѣ, вѣроятно, кажется дико, — но онъ совѣтуетъ привыкнуть къ этой мысли, отъ-чего мы оба не будемъ въ дуракахъ. Объ любви онъ того же мнѣнія, съ небольшими отгѣнками: не вѣрить въ неизмѣнную и вѣчную любовь, какъ не вѣрить въ домовыхъ — и намъ не совѣтуетъ вѣрить. Впрочемъ, объ этомъ онъ совѣтуетъ мнѣ думать, какъ можно меньше, а я тебѣ совѣтую. Это, говоритъ онъ, придетъ само собою — безъ зову; говоритъ, что жизнь наша не въ одномъ только этомъ состоитъ, что для этого, какъ и для всего прочаго, бываетъ свое время, а цѣлый вѣкъ мечтать объ одной любви — глупо. Тѣ, которые ищутъ ее и не

могутъ ни минуты обойтись безъ нея — живутъ сердцемъ, и еще чѣмъ-то хуже, на счетъ головы. Дядя любитъ заниматься дѣломъ, что совѣтуетъ и мнѣ, а я тебѣ: — мы принадлежимъ къ обществу, говоритъ онъ, которое нуждается въ насъ; занимаюсь, онъ не забываетъ и себя; дѣло доставляетъ деньги, а деньги комфортъ, который онъ очень любитъ; притомъ у него, можетъ быть, есть намѣренія, вслѣдствіе которыхъ вѣроятно не я буду его наслѣдникомъ. Дядя не всегда думаетъ о службѣ да о заводѣ, онъ знаетъ наизусть не одного Пушкина....»

— Вы, дядюшка? сказалъ изумленный Александръ.

— Да, когда нибудь увидишь. Пиши:

«Онъ читаетъ на двухъ языкахъ все, что выходитъ занимательнаго по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, любитъ искусства, имѣетъ прекрасную коллекцію картинъ фламандской школы, — это его вкусъ, — часто бываетъ въ театрѣ, но не суетится, не мечется, не ахаетъ, не охаетъ, думая, что это ребячество, что надо воздерживать себя, не навязывать никому своихъ впечатлѣній, потому-что до нихъ никому нѣтъ надобности; онъ также не говоритъ дикимъ языкомъ, что совѣтуетъ и мнѣ, а я тебѣ. Прощай, пиши ко мнѣ порѣже и не теряй по пустому времени. Другъ твой такой-то. Ну, мѣсяцъ и число.»

— Какъ можно послать такое письмо? сказалъ Александръ:— «пиши порѣже» — сказать это человѣку, который нарочно за 160 верстъ пріѣхалъ, чтобы сказать послѣднее прости! «Совѣтую то, другое, третье....» онъ не глупѣе меня: онъ вышелъ вторымъ кандидатомъ.

— Нужды нѣтъ, ты все-таки пошли; можетъ быть, онъ поумиѣе станетъ; это наведетъ его на разныя новыя мысли; хоть вы кончили курсъ, а школа ваша только что начинается.

— Я не могу рѣшиться, дядюшка....

— Я никогда не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, но ты самъ просилъ что нибудь для тебя сдѣлать; я стараюсь навести тебя на настоящую дорогу и облегчить тебѣ первый шагъ, а ты упрямышься; ну, какъ хочешь; я говорю только свое мнѣніе, а принуждать не стану; я тебѣ не нянька.

— Извините, дядюшка; я готовъ повиноваться, сказалъ Александръ — и тотчасъ запечаталъ письмо.

Запечатать одно, онъ сталъ искать другое, къ Софѣ. Онъ поглядѣлъ на столъ — нѣтъ, подъ столомъ — тоже нѣтъ, въ ящикѣ — не бывало.

— Ты чего-то ищешь? сказалъ дядя.

— Я ищу другого письма.... къ Софѣ.

И дядя сталъ искать.

— Гдѣ же оно? говорилъ Петръ Ивановичъ : — я право не бросалъ его за окно....

— Дядюшка! что вы надѣлали? вѣдь вы имъ закурили сигару! горестно сказалъ Александръ и поднялъ обгорѣлые остатки письма.

— Неужли? воскликнулъ дядя: — да какъ это я? и не замѣтилъ; смотри пожалуй, сжегъ такую драгоценность.... А впрочемъ, знаешь что? оно даже съ одной стороны хорошо....

— Ахъ, дядюшка, ей Богу ни съ какой стороны не хорошо.... замѣтилъ Александръ въ отчаяніи.

— Право хорошо: съ нынѣшней почтой ты не успѣешь написать къ ней, а къ будущей ужъ вѣрно одумаешься, займешься службой: тебѣ будетъ не до того и, такимъ образомъ, сдѣлаешь одной глупостью меньше.

— Чтожь она подумаетъ обо мнѣ?

— А что хочеть. Да, я думаю, это полезно и ей. Вѣдь ты не женишься на ней? Она подумаетъ, что ты ее забылъ, забудеть тебя сама и меньше будетъ краснѣть передъ будущимъ своимъ женихомъ, когда станетъ увѣрять его, что никого кромѣ его любила.

— Вы, дядюшка, удивительный человекъ! для васъ не существуетъ постоянство, нѣтъ святости обѣщаній... Жизнь такъ хороша, такъ полна прелести, нѣги: она, какъ гладкое, прекрасное озеро....

— На которомъ растутъ желтые цвѣты, что ли? перебилъ дядя.

— Какъ озеро, продолжалъ Александръ: — она полна чего-то таинственнаго, заманчиваго, скрывающаго въ себѣ такъ много....

— Тины, любезный.

— Зачѣмъ же вы, дядюшка, черпаете тину, зачѣмъ такъ разрушаете и уничтожаете всѣ радости, надежды, блага.... смотрите съ черной стороны?...

— Я смотрю съ настоящей — и тебѣ тоже совѣтую : въ дуракахъ не будешь. Съ твоими понятіями жизнь хороша тамъ, въ провинціи, гдѣ ее не вѣдаютъ, — тамъ и не люди живутъ, а ангелы ; вотъ Заѣзжаловъ — святой человекъ, тетушка твоя — возвышенная, чувствительная душа, Софья, я думаю, такая же дура, какъ тетушка, да еще....

— Оканчивайте, дядюшка, сказалъ взбѣшенный Александръ.

— Да еще такіе мечтатели, какъ ты : водятъ носомъ повѣтру, не пахнетъ ли откуда нибудь неизмѣнной дружбой да любовью.... въ сотый разъ скажу: напрасно пріѣзжалъ !

— Станетъ она увѣрять жениха, что никого не любила ! говорилъ почти самъ съ собою Александръ.

— А ты все свое !

— Нѣтъ, я увѣренъ, что она прямо, съ благородной откровенностію отдастъ ему мои письма и....

— И знаки, сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Да, и залого нашихъ отношеній.... и скажетъ : вотъ, вотъ кто первый пробудилъ струны моего сердца, вотъ при чемъ имени заиграли они впервые....

У дяди начали подниматься брови и расширяться глаза. Александръ замолчалъ.

— Чтожь ты пересталъ играть на своихъ струнахъ ? Ну, милый, и подлинно глупа твоя Софья, если сдѣлаетъ такую штуку : надѣюсь, у нея есть мать или кто нибудь, кто бы могъ остановить ее ?

— Вы, дядюшка, рѣшаетесь назвать глупостію этотъ святѣйшій порывъ души, это благородное изліяніе ; какъ можете думать объ васъ ?

— Какъ тебѣ заблагоразсудится. Жениха своего она заставить подозрѣвать Богъ знаетъ что ; пожалуй еще и свадьба разойдется, а отъ-чего ? отъ-того, что вы тамъ рвали вмѣстѣ какіе нибудь желтые цвѣты.... Нѣтъ, такъ дѣла не дѣлаются. Ну, такъ ты по-русски писать можешь, — завтра поѣдемъ въ департаментъ : я ужъ говорилъ о тебѣ прежнему своему сослуживцу, начальнику отдѣленія ; онъ сказалъ, что есть вакансія ; терять времени нечего. Это что за кипу ты вытащилъ ?

— А это мои университетскія записки. Вотъ позвольте прочесть нѣсколько страницъ изъ лекцій Ивана Семеныча объ искусствѣ въ Греціи....

Онъ ужъ началъ было проворно переворачивать страницы.

— Охъ, сдѣлай милость, уволь! сказалъ, сморщившись, Петръ Иванычъ: — а это что?

— А это мои диссертации. Я желалъ бы показать это своему начальнику, особенно тутъ есть одинъ проэктъ, который я обработалъ....

— А! проэктъ! одинъ изъ тѣхъ проэктовъ, которые тысячу лѣтъ ужъ, какъ исполнены, или которыхъ нельзя и не нужно исполнять.

— Что вы, дядюшка! да этотъ проэктъ былъ представленъ одному значительному лицу, любителю просвѣщенія; за это однажды онъ пригласилъ меня съ ректоромъ обѣдать. Вотъ начало другого проэкта.

— Отобѣдай у меня дважды, да только не дописывай другого проэкта.

— Почему же?

— Да такъ, ты теперь хорошаго ничего не напишешь, а время уйдетъ.

— Какъ! слушавши лекціи....

— Онѣ пригодятся тебѣ со временемъ, а теперь смотри, читай, учись, да дѣлай, что заставятъ.

— Какъ же узнаетъ начальникъ о моихъ способностяхъ?

— Мигомъ узнаетъ: онъ мастеръ узнавать. Да ты какое же мѣсто хотѣлъ бы занять?

— Я не знаю, дядюшка, какое бы....

— Есть мѣста министровъ, говорилъ Петръ Иванычъ: — товарищей ихъ, директоровъ, вице-директоровъ, начальниковъ отдѣлений, столоначальниковъ, ихъ помощниковъ, чиновниковъ особыхъ порученій, мало ли?

Александръ задумался. Онъ растерялся и не зналъ, какое выбрать.

— Вотъ бы, на первый разъ, мѣсто столоначальника хорошо, сказалъ онъ.

— Да, хорошо! повторилъ Петръ Иванычъ.

— Я бы присмотрѣлся къ дѣлу, дядюшка, а тамъ мѣсяца черезъ два можно бы въ начальники отдѣленія....

Дядя наострилъ уши.

— Конечно, конечно, сказалъ онъ: — потомъ черезъ три мѣсяца въ директоры, ну, а тамъ черезъ годъ и въ министры; такъ что ли?

Александръ покраснѣлъ и молчалъ.

— Начальникъ отдѣленія, вѣроятно, сказалъ вамъ, какая есть вакансія? спросилъ онъ потомъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ дядя: — онъ не говорилъ, да мы лучше положимся на него; сами-то, видишь, затрудняемся въ выборѣ, а онъ ужъ знаетъ, куда опредѣлить. Ты ему не говори о своемъ затрудненіи на счетъ выбора, да и о проэктахъ тоже ни слова — пожалуй, еще обидится, что не довѣряемъ ему, да пугнетъ порядкомъ: онъ крутенекъ. Я бы тебѣ не совѣтовалъ говорить и о *вещественныхъ знакахъ* здѣшнимъ красавицамъ: онѣ не поймутъ этого, гдѣ имъ понять? это для нихъ слишкомъ высоко, и я на силу вникнулъ, а онѣ будутъ гримасничать.

Пока дядя говорилъ, Александръ ворочалъ въ рукѣ какой-то свертокъ.

— Что это еще у тебя?

Александръ съ нетерпѣніемъ ждалъ этого вопроса.

— Это.... я давно хотѣлъ вамъ показать.... стихи; вы однажды интересовались....

— Что-то не помню; кажется я не интересовался....

— Вотъ, видите, дядюшка, я думаю, что служба — занятіе сухое, въ которомъ не участвуетъ душа, а душа жаждетъ выразиться, подѣлиться съ ближними избыткомъ чувствъ и мыслей, переполняющихъ ее....

— Ну? такъ что же? съ нетерпѣніемъ спросилъ дядя.

— Я чувствую призваніе къ творчеству....

— Т. е. ты хочешь заняться, кромѣ службы, еще чѣмънибудь — такъ что ли въ переводѣ? Что жъ, очень похвально, — чѣмъ же, литературой?

— Дя, дядюшка, — я хотѣлъ просить васъ, нѣтъ ли у васъ случая помѣстить кое-что.

— Увѣренъ ли ты, что у тебя есть талантъ? безъ этого вѣдь ты будешь чорнорабочій въ искусствѣ — что жъ хорошаго? Талантъ — другое дѣло! можно работать; много хорошаго сдѣлаешь и притомъ это капиталъ — стоить твоихъ ста душъ.

— Вы и это измѣряете деньгами?

— А чѣмъ же прикажешь? чѣмъ больше тебя читають, тѣмъ больше платятъ денегъ.

— А слава, слава? вотъ истинная награда пѣвца....

— Она устала няньчиться съ пѣвцами: слишкомъ много претендентовъ. — Это прежде, бывало, слава, какъ женщина, ухаживала за всякимъ, а теперь, замѣчаешь ли? ее какъ будто нѣтъ совсѣмъ — или она спряталась — да! есть извѣстность, а славы что-то не слышать, или она придумала другой способъ проявляться: кто лучше пишетъ, тому больше денегъ, кто хуже — не прогибѣвайся. За то нынче порядочный писатель и живетъ порядочно, не мерзнетъ и не умираетъ съ голода на чердакѣ, хоть за нимъ и не бѣгаютъ по улицамъ и не указываютъ на него пальцами, какъ на шута; поняли, что поэтъ не небожитель, а человѣкъ: также глядитъ, ходитъ, думаетъ и дѣлаетъ глупости, какъ другіе; чего жъ тутъ смотрѣть?...

— Какъ другіе — что вы, дядюшка! какъ это можно говорить! Поэтъ заклеименъ особенною печатью: въ немъ таится присутствіе высшей силы....

— Какъ иногда въ другихъ — и въ математикѣ, и въ часовщикѣ, и въ нашемъ братѣ заводчикѣ. Ньютонъ, Гутенбергъ, Ваттъ, Жакото — также были одарены высшею силой, какъ и Шекспиръ, и Дантъ, и пр. Доведи-ка я какимъ нибудь процессомъ нашу парголовскую глину до того, чтобы изъ нея выходилъ фарфоръ лучше саксонскаго или северскаго, такъ ты думаешь, что тутъ не было бы присутствія высшей силы?

— Вы смѣшиваете искусство съ ремесломъ, дядюшка.

— Боже сохрани! Искусство само по себѣ, ремесло само по себѣ, а творчество можетъ быть и въ томъ и въ другомъ, также точно, какъ можетъ и не быть. Если нѣтъ его, такъ ремесленникъ такъ и называется ремесленникъ, а не творецъ, и поэтъ безъ творчества ужъ не поэтъ, а сочинитель.... Да развѣ вамъ объ этомъ не читали въ университетѣ? чему же вы тамъ учились?...

Дядѣ ужъ самому стало досадно, что онъ пустился въ такія объясненія о томъ, что считалъ общеизвѣстной истиной.

— Это похоже на искреннія изліянія, подумалъ онъ. — Покажи-ка, что тамъ у тебя? спросилъ онъ: — стихотворенія!

Дядя взял свертокъ и началъ читать первую страницу:

«Отколы порой тоска и горе
Внезапной тучей налетать
И сердце съ жизнью поссоря....»

— Дай-ка, Александръ, огня.

Онъ закурилъ сигару и продолжалъ:

«Въ немъ рой желаній замѣнять?
Зачѣмъ вдругъ сумрачнымъ несчастьемъ
Падеть на душу тяжкій сонъ,
Какимъ невѣдомымъ несчастьемъ
Ее смутить внезапно онъ....»

— Одно и тоже въ первыхъ четырехъ стихахъ сказано; зачѣмъ же повторять? И вышла вода, замѣтилъ Петръ Ивановичъ, и читалъ:

«Кто отгадаетъ, отъ-чего
Проступитъ хладными слезами
Вдругъ поблѣднѣвшее чело....»

— Какъ же это такъ? Чело потомъ проступаетъ, а слезами — не выдывалъ.

«И что тогда творится съ нами?
Небесъ далекихъ тишина
Въ тотъ мигъ ужасна и страшна....»

— Ужасна и страшна — одно и тоже.

«Гляжу на небо: тамъ луна....»

— Луна непремѣнно! безъ нея никакъ нельзя. Если у тебя тутъ есть мечта и дѣва — ты погибъ: я отступаюсь отъ тебя.

«Гляжу на небо: тамъ луна
Возможно плаваетъ, сила,
И мнится, въ ней погребена
Отъ вѣка тайна роковая.»

— Недурно! Дай-ка еще огня.... сигара погасла. Гдѣ-бишь, — да!

«Въ зѣнрѣ звѣзды притаиась,
 Дрожать въ измѣнчивомъ сіяньи,
 И будто дружно согласясь,
 Хранять коварное молчанье.
 Такъ въ мѣръ все грозвтъ бѣдой,
 Все зло намъ дико предвѣщаетъ,
 Безпечно будто бы качаетъ
 Насъ въ немъ обманчивый покой;
 И грусти той назва...нья вѣтъ...

Дядя сильно зѣвнулъ и продолжалъ :

«Она пройдетъ , умчатъ и слѣдъ ,
 Какъ перелетный вѣтръ степей
 Съ песковъ сдуваетъ слѣдъ звѣрей.

— Ну, ужъ звѣрей-то тутъ куда не хорошо! За тѣмъ же тутъ черта? А, это было о грусти, а теперь о радости....

И онъ началъ скороговоркой читать, почти про себя :

«За то случается порой
 Иной въ насъ демонъ поселится,
 Тогда восторгъ живой струей
 Насильно въ душу протѣснится....
 И затрепещетъ сладко грудь.... и т. д.

— Ни худо, ни хорошо! сказалъ онъ, окончивъ. — Впрочемъ, другіе начинали и хуже; попробуй, пиши, занимайся, если есть охота; можетъ быть, и обнаружится талантъ; тогда дру-гое дѣло.

Александръ опечалился. Онъ ожидалъ совсѣмъ не такого отзыва. Его немного утѣшило то, что онъ считалъ дядю чело-вѣкомъ холоднымъ, почти безъ души.

— Вотъ переводъ изъ Шиллера, сказалъ онъ.

— Довольно; я вижу; а ты знаешь и языки?

— Я знаю по-французски, по-нѣмецки и немного по-англій-ски.

— Поздравляю тебя; давно бы ты сказалъ, — изъ тебя мож-но многое сдѣлать. Давеча наказывалъ мнѣ про политическую экономію, философію, археологію, Богъ знаетъ объ чемъ, — а объ главномъ ни слова — скромность некстати. Я тебѣ тотчасъ найду и литературное занятіе.

— Неужели, дядюшка? вотъ обяжете, — позвольте васъ обнять.

— Погоди, вотъ какъ найду.

— Не покажете ли вы чегонибудь изъ моихъ сочиненій будущему моему начальнику, чтобъ дать понятіе?

— Нѣтъ, не нужно; если понадобится, ты и самъ расскажешь, а можетъ быть, и не понадобится. Подари-ка ты мнѣ свои проекты и сочиненія?...

— Подарить? — извольте, дядюшка, сказалъ Александръ, которому польстило это требованіе дяди. — Не угодно ли я вамъ сдѣлаю оглавленіе всѣхъ статей, въ хронологическомъ порядкѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не нужно.... Спасибо за подарокъ. Евсей! отнеси-ка эти бумаги къ Василью.

— Зачѣмъ же къ Василью? въ вашъ кабинетъ.

— Онъ просилъ у меня бумаги обклеить что-то.

— Какъ дядюшка!... въ ужасѣ спросилъ Александръ и схватилъ кипу назадъ.

— Вѣдь ты подарилъ, а тебѣ что за дѣло, какое употребленіе сдѣлаю изъ твоего подарка?...

— Вы не шадите ничего.... ничего.... съ отчаяніемъ стоналъ онъ, прижимая бумаги обѣими руками къ груди, какъ будто дѣвушка, защищающая свою честь отъ соблазнителя.

— Александръ, послушайся меня, сказалъ дядя, вырывая у него бумаги: — не будешь краснѣть послѣ и скажешь мнѣ спасибо.

Александръ выпустилъ бумаги изъ рукъ.

— На, отнеси, Евсей, сказалъ Петръ Ивановичъ. — Ну, вотъ теперь у тебя въ комнатѣ чисто и хорошо. Пустяковъ нѣтъ; отъ тебя будетъ зависѣть наполнить ее соромъ или чѣмънибудь дѣльнымъ. Поѣдемъ на заводъ прогуляться, разсѣяться, подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотрѣть, какъ работаютъ.

Утромъ Петръ Ивановичъ привезъ племянника въ департаментъ и пока онъ говорилъ съ своимъ пріятелемъ — начальникомъ отдѣленія, Александръ знакомился съ этимъ новымъ для него міромъ. Онъ еще мечталъ все о проэктахъ и ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какой государственный вопросъ предложить ему рѣшить, — между тѣмъ, все стоялъ и смотрѣлъ.

— Точно заводъ моего дяди! рѣшилъ онъ, наконецъ. — Какъ тамъ одинъ мастеръ возьметъ кусокъ массы, броситъ ее въ машину, повернетъ разъ, два, три, — смотришь, выйдетъ конусъ, овалъ или полукругъ; потомъ передастъ другому, тотъ сушитъ на огнѣ, третій золотитъ, четвертый росписываетъ, и выйдетъ чашка, или ваза, или блюдечко, — и тутъ: придетъ посторонній просвѣтель, подастъ, полусогнувшись, съ жалкой улыбкой, бумагу — мастеръ возьметъ, едва дотронется до нея перомъ и передастъ другому, тотъ броситъ ее въ массу тысячи другихъ бумагъ, — но она не затеряется: заклеенная номеромъ и числомъ, она пройдетъ невредимо черезъ двадцать рукъ, плодятся и производя себѣ подобныхъ. Третій возьметъ ее и ползаетъ за чѣмъ-то въ шкафъ, заглянетъ или въ книгу, или въ другую бумагу, скажетъ нѣсколько магическихъ словъ четвертому — и тотъ пошелъ скрипѣть перомъ. Поскрипѣвъ, передастъ родительницу съ новымъ чадомъ пятому, — тотъ скрипитъ въ свою очередь перомъ и рождается еще плодъ, пятый охорашиваетъ его и сдаетъ дальше, и такъ бумага идетъ, идетъ — никогда не пропадаетъ: умрутъ ея производители, а она все существуетъ цѣлые вѣки. Когда, наконецъ, ее покроетъ вѣковая пыль, и тамъ иногда тревожатъ ее и совѣтуются съ нею. И каждый день, каждый часъ, и сегодня, и завтра, и цѣлый вѣкъ, бюрократическая машина работаетъ стройно, непрерывно, безъ отдыха, какъ будто нѣтъ людей, — одни колеса да пружины....

— Гдѣ же разумъ, оживляющій и двигающій эту фабрику бумагъ? думалъ Александръ: — въ книгахъ ли, въ самихъ ли бумагахъ, или въ головахъ этихъ людей? — трудно рѣшить.

И какія лица увидѣлъ онъ тутъ: на улицѣ какъ будто эдакія и не встрѣчаются и не выходятъ на Божій свѣтъ: тутъ, кажется, они родились, выросли, срослись съ своими мѣстами, тутъ и умрутъ. Поглядѣлъ Адуевъ пристально на начальника отдѣленія: точно Юпитеръ громовержецъ — откроетъ ротъ и бѣжитъ Меркурій съ мѣдной бляхой на груди; протянетъ руку съ бумагой — и десять рукъ тянутся принять ее.

— Иванъ Ивановичъ! сказалъ онъ.

Иванъ Ивановичъ выскочилъ изъ за стола, подбѣжалъ къ Юпитеру и сталъ передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. И Александръ оробѣлъ, самъ не зная, отъ-чего.

— Дайте-ка табачку!

Тотъ съ подобострастіемъ поднесъ обѣими руками открытую табакерку.

— Да испытайте вотъ ихъ, сказалъ начальникъ, указывая на Адуева.

— Такъ вотъ кто будетъ меня испытывать, думалъ Адуевъ, глядя на желтую фигуру Ивана Ивановича съ обтертыми локтями. — Неужели и этотъ человѣкъ служить отечеству, рѣшаетъ государственные вопросы?

— Хороша ли у васъ рука? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Рука?

— Да-съ, почеркъ. Вотъ потрудитесь переписать эту бумажку.

Александръ удивился этому требованію, но исполнилъ его. Иванъ Ивановичъ сморщился, поглядѣвъ на его трудъ.

— Плохо пишутъ-съ, сказалъ онъ начальнику отдѣленія. Тотъ поглядѣлъ.

— Да, не хорошо: на бѣло не можетъ писать. Ну, пусть пока переписываетъ отпуски, а тамъ, какъ привыкнетъ немного, займите его исполненіемъ бумагъ: можетъ быть, онъ годится: онъ учился въ университетѣ.

Вскорѣ и Адуевъ сталъ одною изъ пружинъ машины. Онъ писалъ, писалъ, писалъ безъ конца и удивлялся уже, что по утрамъ можно дѣлать что нибудь другое, а когда вспоминалъ о проектахъ, краска бросалась ему въ лицо.

— Дядюшка! думалъ онъ: — въ одномъ ужъ ты правъ, не милосердно правъ; неужели и во всемъ такъ? ужели я ошибался и въ завѣтныхъ, вдохновенныхъ думахъ, и въ теплыхъ вѣрованіяхъ въ любовь, въ дружбу.... и въ людей.... и въ самого себя?.... что же жизнь?

Онъ наклонялся надъ бумагой и сильнѣе скрипѣлъ перомъ, а у самого подъ рѣсницами сверкали слезы.

— Тебѣ рѣшительно улыбается фортуна, говорилъ Петръ Ивановичъ племяннику. — Я сначала цѣлый годъ безъ жалованья служилъ, а ты вдругъ поступилъ на старшій окладъ; вѣдь это 750 рублей, а съ наградой около 1000 будетъ. Прекрасно на первый случай. Начальникъ отдѣленія хвалитъ тебя, только говорить, что ты разсѣянъ, то запятыхъ не поставишь, то забудешь написать содержаніе бумаги; пожалуйста, отвыкни; глав-

ное дѣло — обращай вниманіе на то, что у тебя передъ глазами, а не заносись вонъ куда.

Дядя указалъ рукой къверху. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался еще ласковѣе къ племяннику.

— Какой прекрасный человекъ мой столоначальникъ, дядюшка! сказалъ однажды Александръ.

— А ты почему знаешь?

— Мы сблизились съ нимъ. Такая возвышенная душа, такое чистое, благородное направленіе мыслей; и съ помощникомъ также: это, кажется, человекъ съ твердой волей, съ желѣзнымъ характеромъ....

— Ужь ты успѣлъ сблизиться съ ними?

— Да, какъ же....

— Не зналъ ли тебя столоначальникъ къ себѣ по четвергамъ?

— Ахъ, очень: каждый четвергъ; онъ, кажется, чувствуетъ ко мнѣ особенное влеченіе....

— А помощникъ просилъ денегъ взаймы?

— Да, дядюшка, бездѣлицу.... я ему далъ 25 рублей, что со мной было, — онъ просилъ еще 50.

— Ужь далъ! А! сказалъ съ досадой дядя: — тутъ отчасти я виноватъ, что не предупредилъ тебя; да я думалъ, что ты не до такой степени простъ, чтобъ черезъ двѣ недѣли знакомства давать деньги взаймы. Нечего дѣлать, грѣхъ по поламъ: 12 съ полтиной считай за мной.

— Какъ, дядюшка, вѣдь онъ отдастъ?

— Держи карманъ! Я его знаю: за нимъ пропадаетъ моихъ 100 рублей съ тѣхъ поръ, какъ я тамъ служилъ. Онъ у всѣхъ беретъ. Теперь, если попросить, ты скажи ему, что я прошу его вспомнить мой должокъ — отстанетъ! а къ столоначальнику не ходи.

— Отъ-чего же, дядюшка?

— Онъ картежникъ. Посадить тебя съ двумя такими же молодцами, какъ самъ, а тѣ стакнутся и оставятъ тебя безъ гроша.

— Картежникъ! говорилъ въ изумленіи Александръ: — возможно ли? Кажется, такъ склоненъ къ искреннимъ изліаніямъ....

— А ты скажи ему, такъ, между прочимъ, въ разговорѣ, что я у тебя взялъ всѣ деньги на сохраненіе, такъ и увидишь,

склоненъ ли онъ къ искреннимъ изліяніямъ и позоветъ ли когда нибудь къ себѣ въ четвергъ.

Александръ задумался. Дядя покачалъ головой.

— А ты думалъ, что тамъ около тебя ангелы сидятъ! Искреннія изліянія, особое влеченіе! Какъ, кажется, не подумать о томъ прежде, не мерзавцы ли какіе нибудь около? Напрасно ты пріѣзжалъ! сказалъ онъ: — право напрасно!

Однажды Александръ только что проснулся, Евсей подалъ ему большой пакетъ, съ запиской отъ дяди.

«Наконецъ, вотъ тебѣ и литературное занятіе», написано было въ запискѣ: «я вчера видѣлся съ знакомымъ мнѣ журналистомъ; онъ прислалъ тебѣ для опыта работу».

Отъ радости у Александра дрожали руки, когда онъ распечатывалъ пакетъ. Тамъ была нѣмецкая рукопись.

— Что это — проза? сказалъ онъ: — о чемъ же?

И прочиталъ написанное на верху карандашомъ:

«*О нѣземь*, статья для отдѣла о сельскомъ хозяйствѣ. Просить перевести поскорѣе».

Долго, задумчивый, сидѣлъ онъ надъ статьею, потомъ медленно, со вздохомъ, принялся за перо и началъ переводить. Черезъ два дня статья была готова и отослана.

— Прекрасно, прекрасно! сказалъ ему черезъ нѣсколько дней Петръ Ивановичъ. — Редакторъ предоволенъ, только находить, что стиль не довольно строгъ; ну, да съ перваго раза нельзя же всего требовать. Онъ хочетъ познакомиться съ тобой; ступай къ нему завтра, часовъ въ 7 вечера; тамъ онъ ужъ приготовилъ еще статью.

— Опять о томъ же, дядюшка?

— Нѣтъ, о чемъ-то другомъ; онъ мнѣ сказывалъ да я забылъ... ахъ, да — *о картофельной патоки*. Ты, Александръ, должно быть, въ сорочкѣ родился. Я, наконецъ, начинаю надѣяться, что изъ тебя что нибудь и выйдетъ: скоро, можетъ быть, не стану говорить тебѣ — зачѣмъ ты пріѣзжалъ. Не прошло мѣсяца, а ужъ со всѣхъ сторонъ такъ на тебя и льется. Тамъ 1000 рублей, да редакторъ обѣщалъ 100 рублей въ мѣсяцъ за четыре печатныхъ листа: это вѣдь 2200 рублей! нѣтъ! я не такъ началъ! сказалъ онъ, сморщивъ немного брови. — Напиши же къ матери, что ты пристроенъ и какъ, — и я тоже стану отвѣчать

ей, напишу, что я, за ее добро ко мнѣ, сдѣлалъ для тебя все, что могъ.

— Маменька будетъ вамъ.... очень благодарна, дядюшка: и.... я также, — сказалъ Александръ со вздохомъ, но ужъ не бросился обнимать дядю.

ГЛАВА III.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Кто бы узналъ нашего провинціала въ этомъ молодомъ чело­вѣкѣ съ изящными манерами, въ щегольскомъ костюмѣ? Онъ очень измѣнился, возмужалъ; мягкость линий юношескаго лица, прозрачность и нѣжность кожи, пушокъ на подбородкѣ,—все исчезло. Не стало и робкой застѣ­чивости и граціозной неловкости движеній. Черты лица созрѣли и образовали физиономію, а физиономія обозначила характеръ. Лилии и розы исчезли, какъ будто подъ легкимъ загаромъ. Пушокъ замѣнился небольшими бакенбардами. Легкая и шаткая поступь стала ровною и твердою походкою. Въ голосѣ прибавилось нѣсколько басовыхъ нотъ. Изъ подмалеванной картины вышелъ оконченный портретъ. Юноша превратился въ мужчину. Въ глазахъ блистали самоувѣренность и отвага, — не та отвага, что слышно за версту, что глядитъ на все нагло и ухватками и взглядами говорятъ встрѣчному и поперечному: «смотри, берегись, не задѣнь, не наступи на ногу, а не то, понимаешь? съ нами расправа коротка: на дуэль, или, по крайней мѣрѣ, на шумимъ, настрашаемъ,—мы молодцы!!!» Нѣтъ, выраженіе той отваги, о которой говорю, не отталкиваетъ, а влечетъ къ себѣ. Она узнается по стремленію къ добру, къ отличію; по желанію уничтожить заграждающія ихъ препятствія.... Юношу, запечатлѣннаго такой отвагой, нашъ народъ называетъ *лсынымъ соколомъ*. Прежняя восторженность на лицѣ Александра умѣрилась легкимъ оттѣнкомъ задумчивости, первымъ признакомъ за­красшейся въ душу недоувѣрчивости и, можетъ быть, единственнымъ слѣдствіемъ уроковъ ляди и безошаднаго анализа, которому тотъ подвергалъ все, что проносилось въ глазахъ и въ сердцѣ Александра. Александръ усвоилъ, наконецъ, и тактъ, то есть, умѣнье обращаться съ людьми. Онъ не бросался всѣмъ на шею,

особенно съ тѣхъ поръ, какъ человекъ, склонный къ искреннимъ націліямъ, несмотря на предостереженіе дяди, обшарилъ его два раза, а человекъ, съ твердымъ характеромъ и желѣзной волей, перебралъ у него не мало денегъ въ займы. И другіе люди и случаи много помогли этому. Въ одномъ мѣстѣ изподтишка смѣялись надъ его юношескою восторженностію и прозвали энтузіастомъ. Въ другомъ—едва обращали на него вниманіе, потому-что отъ него никому не было ни chaud, ni froid. Онъ не давалъ обѣдовъ, не держалъ экипажа, не игралъ въ большую игру. Прежде у Александра болѣло и ныло сердце отъ этихъ стычекъ розовыхъ его мечтаній съ дѣйствительностію. Ему не приходило въ голову спросить себя: «да что же я сдѣлалъ отличнаго, чѣмъ отличился отъ толпы? Гдѣ мои заслуги и за что должны замѣчать меня?» А между тѣмъ, самолюбіе его страдало. Онъ въ припадкѣ тоски декламировалъ монологъ изъ Разбойниковъ Шиллера: «люди, люди! порожденіе крокодилово», или съ печальной улыбкой припоминалъ любимый романсъ своей тетки:

Не знатенъ я, ни славець,
 Кому меня любить?
 Ни весель, ни забавецъ,
 Кого могу прельстить?

И онъ грустилъ, а отъ-чего, не могъ и самъ сказать.

Потомъ онъ сталъ по немногу допускать мысль, что въ жизни видно не все одиѣ розы, а есть и шипы, которые иногда покалываютъ, но слегка только, а не такъ, какъ рассказываетъ дядюшка. И вотъ онъ началъ учиться владѣть собою, не такъ часто обнаруживалъ порывы и волненія и рѣже говорилъ дикимъ языкомъ, по крайней мѣрѣ, при постороннихъ.

Но все еще, къ немалому горю Петра Иваныча, онъ далеко былъ отъ холоднаго разложенія на простыя начала всего, что волнуешь и потрясаетъ душу человека. О приведеніи же въ ясность всѣхъ тайнъ и загадокъ сердца онъ не хотѣлъ и слушать.

Петръ Иванычъ дастъ ему утромъ порядочный урокъ: Александръ выслушаетъ, смутится или глубоко задумается, а тамъ поѣдетъ куда нибудь на вечеръ и воротится самъ не свой; дня три ходить, какъ шальной, и дядина теорія поѣдетъ вся къ

чорту. Обаяніе и чадъ бальной сферы, громъ музыки, обнаженныя плечи, огонь взоровъ, улыбка розовыхъ устъ — не дадутъ ему уснуть цѣлую ночь. Ему мерещится то таля, которой онъ касался руками, то томный, продолжительный взоръ, который бросили ему уѣзжая, то горячее дыханіе, отъ котораго онъ таялъ въ вальсѣ, — разговоръ въ полголоса у окна подъ ревъ музыки, когда взоры такъ искрились, языкъ говорилъ Богъ знаетъ что. И сердце его билось; онъ съ судорожнымъ трепетомъ обнималъ подушку и долго ворочался съ боку на бокъ.

— Гдѣ же любовь? О, любви, любви жажду! говорилъ онъ: — и скоро ли придетъ она? когда настанутъ эти дивныя минуты, эти сладостныя страданія, трепеть блаженства, слезы.... и проч.

На другой день онъ являлся къ дядѣ.

— Какой, дялюшка, вчера былъ вечеръ у Зарайскихъ! говорилъ онъ, погружаясь въ воспоминанія о балѣ.

— Хорошъ?

— О, дивный.

— Порядочный ужинъ былъ?

— Я не ужиналъ.

— Какъ такъ? Въ твои лѣта не ужинать, когда можно! Да ты, я вижу, привыкаешь не шутя къ здѣшнему порядку, даже ужъ слишкомъ. Чтожь, тамъ все прилично было? туалетъ, освѣщеніе....

— Да-съ.

— И народъ порядочный?

— О, да! очень порядочный. Какіе глаза! плечи!

— Плечи? у кого?

— Вѣдь вы про нихъ спрашиваете?

— Про кого?

— Да про дѣвицъ.

— Нѣтъ, я не спрашивалъ про нихъ, но все равно — много было хорошенькихъ?

— О, очень.... но жаль, что всѣ онѣ очень однообразны. Что одна скажетъ и сдѣлаетъ въ такомъ-то случаѣ, смотришь — то же повторитъ и другая, какъ будто затверженный урокъ. Была одна.... не совсѣмъ похожа на другихъ.... а то не видно ни самостоятельности, ни характера. И движенія и взгляды все одинаково: не услышишь самородной мысли, ни проблеска чув-

ства.... все покрыть и закрасить одинакій лоскъ. Ничто, кажется, не вызоветъ ихъ наружу. И неужели это вѣкъ будетъ заперто и не обнаружится ни предъ кѣмъ? Ужели корсетъ вѣчно будетъ подавлять и вздохъ любви и вопль растерзаннаго сердца? неужели не дать простора чувству?...

— Передъ мужемъ все обнаружится, а то, если рассуждать, по твоему, въ слухъ, такъ, пожалуй, многія и вѣкъ въ дѣвкахъ просидятъ. Обнаружуся передъ нимъ — вотъ идея! Есть дуры, что прежде времени обнаруживаютъ то, что слѣдовало бы прятать да подавлять, ну, за то послѣ слезы да слезы — не расчетъ!

— И тутъ расчетъ, дядюшка?...

— Какъ и вездѣ, мой милый; а кто не рассчитываетъ, того называютъ по-русски безрасчетнымъ дуракомъ. Коротко и ясно.

— Удерживать въ груди своей благородный порывъ чувства!...

— О, я знаю, ты не станешь удерживать: ты готовъ на улищѣ, въ театрѣ, броситься на шею пріятелю и зарыдать.

— Такъ чтоже, дядюшка? Сказали бы только, что это человекъ съ сильными чувствами, что кто чувствуетъ такъ, тотъ способенъ ко всему прекрасному и благородному и не способенъ....

— Не способенъ рассчитывать, т. е. размышлять. Велика фигура — человекъ съ сильными чувствами, съ огромными страстями! мало ли есть какіе темпераменты? восторги, экзальтация! тутъ человекъ всего менѣе похожъ на человека и хвастаться нечѣмъ; надо спросить, умѣетъ ли онъ управлять чувствами; если умѣетъ, то и человекъ, а то....

— По вашему, и чувствомъ надо управлять, какъ паромъ, — съ злостью замѣтилъ Александръ: — то выпустить немного, то вдругъ остановить, открыть клапанъ, или закрыть....

— Да, этотъ клапанъ не даромъ природа дала человеку — это разсудокъ, а ты вотъ не всегда имъ пользуешься, жаль! а малый порядочный!

— Нѣтъ, дядюшка, грустно слушать васъ! лучше познакомьте меня съ этой пріѣзжей барыней....

— Съ которой? съ Любецкой? Она была вчера?

— Была, долго говорила со мной объ васъ, спрашивала о своемъ дѣлѣ.

— Ахъ, да! ты меня очень обяжешь....

Дядя вынулъ изъ ящика бумагу.

— Отвези ей эту бумагу, скажи, что вчера только, и то насилу, выдали изъ палаты; объясни ей хорошенько дѣло: вѣдь ты слышалъ, какъ мы съ чиновникомъ говорили?

— Да, знаю, знаю; ужъ я объясню.

Александръ обѣими руками схватилъ бумагу и спряталъ въ карманъ. Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ на него.

— Да чтожь тебѣ вздумалось познакомиться съ нею? Она, кажется, не интересна: съ бородавкой у носа.

— Съ бородавкой? Не помню. Какъ это вы запомнили, дядюшка?

— У носу, да не замѣтить! чтожь тебѣ хочется къ ней?

— Она такая добрая и почтенная....

— Какъ же это ты, бородавки у носу не замѣтилъ, а ужъ узналъ, что она добрая и почтенная? это странно. Да, позволяй... Э! пріятель, вотъ что!... та, та, та!... у ней вѣдь есть дочь — эта маленькая брюнетка. А! теперь не удивляюсь. Такъ вотъ отъ-чего ты не замѣтилъ бородавки на носу.

Оба засмѣялись.

— А я такъ удивляюсь, дядюшка, сказалъ Александръ: — что вы прежде замѣтили бородавку на носу, чѣмъ дочь.

— Подай-ка, подай назадъ бумагу. Ты тамъ, пожалуй, выпустишь все чувство и совѣшь забудешь закрыть клапанъ, надѣлаешь вздору, и чортъ знаетъ, что объяснишь....

— Нѣтъ, дядюшка, не надѣлаю. И бумаги, какъ хотите, не подамъ, я сейчасъ же....

И онъ скрылся изъ комнаты.

А дѣло до сихъ поръ шло да шло своимъ чередомъ. Въ службѣ замѣтили способности Александра и дали ему порядочное мѣсто. Иванъ Ивановичъ и ему съ почтеніемъ началъ подносить свою табакерку, предчувствуя, что онъ, подобно множеству другихъ, прослуживъ, какъ онъ говаривалъ, безъ году недѣлю, обгонитъ его, сядетъ ему на шею и махнетъ въ начальники отдѣленія, а тамъ, чего добраго, и въ вице-директоры, какъ вонъ тотъ, или въ директоры, какъ этотъ, а начинали свою служебную школу — и тотъ и этотъ — подъ его руководствомъ. «А я работай за нихъ!» прибавлялъ онъ. «Судьба-то, подумаешь?» Въ редакціи журнала Александръ тоже сдѣлался важнымъ лицомъ. Онъ занимался и выборомъ, и переводомъ, и поправкою

чужихъ статей, писалъ и самыя разные теоретическія взгляды о сельскомъ хозяйствѣ. Денегъ у него, по его мнѣнію, было больше, нежели сколько нужно, а по мнѣнію дяди, еще не довольно. Но не всегда онъ работалъ для денегъ. Онъ не отказывался отъ отрадной мысли о другомъ, высшемъ призваніи. Юношескихъ его силъ ставало на все. Онъ кралъ время у сна, у службы, и писалъ и стихи, и повѣсти, и историческія очерки, и біографіи. Дядя ужъ не обклеивалъ перегородокъ его сочиненіями, а читалъ ихъ молча, потомъ посвистывалъ или говорилъ: «да! это лучше прежняго». Нѣсколько статей явилось въ печати подъ чужимъ именемъ. Александръ съ радостнымъ трепетомъ прислушивался къ одобрителному суду друзей, которыхъ у него было множество и по службѣ, и по кандитерскимъ, и въ частныхъ домахъ. Исполнялась его лучшая, послѣ любви, мечта. Будущность обѣщала ему много блеску, торжества; его, казалось, ожидалъ не совсѣмъ обыкновенный жребій, какъ вдругъ...

Мелькнуло нѣсколько мѣсяцовъ. Александра стало почти нигдѣ невидно, какъ будто онъ пропалъ. Дядю онъ посѣщалъ рѣже. Тотъ приписывалъ это его занятіямъ и не мѣшалъ ему. Но редакторъ журнала, однажды, при встрѣчѣ съ Петромъ Ивановичемъ, жаловался, что Александръ задерживаетъ статьи, а самъ почти ничего не пишетъ. Дядя обѣщаль, при первомъ случаѣ, объясниться съ племянникомъ. Случай представился дня черезъ три. Александръ вбѣжалъ утромъ къ дядѣ, какъ сумасшедшій. Въ его походкѣ и движеніяхъ видна была радостная суетливость.

— Здравствуйте, дядюшка; ахъ, какъ я радъ, что васъ вижу! сказалъ онъ и хотѣлъ обнять его, но тотъ успѣлъ уйти за столъ.

— Здравствуй, Александръ! что это тебя' давно не видать?

— Я... все занятъ былъ, дядюшка: дѣлалъ извлеченія изъ нѣмецкихъ экономистовъ....

— А! чтожь редакторъ лжетъ? Онъ третьяго дня сказалъ мнѣ, что ты ничего не дѣлаешь, — прямой журналистъ! я-жь его при встрѣчѣ отдѣлаю....

— Нѣтъ, вы ему ничего не говорите, перебилъ Александръ: — я ему еще не посылаю своей работы, отъ-того онъ такъ и сказалъ....

— Да что съ тобой? у тебя такое праздничное лицо? ассесора, что ли, тебѣ дали или крестъ?

Александръ моталъ головой.

— Ну, деньги?

— Нѣтъ.

— Такъ чтожъ ты такимъ полководцемъ смотришь? Если нѣтъ, такъ не мѣшай мнѣ, а вотъ лучше сядь, да напиши въ Москву письмо къ купцу Дубасову, о скорѣйшей высылкѣ остальныхъ денегъ. Прочти его письмо; гдѣ оно? вотъ.

Оба замолчали и начали писать.

— Кончилъ, сказалъ Александръ черезъ нѣсколько минутъ.

— Проворно: молодець! Покажи-ка. Что это? Ты ко мнѣ пишешь. «М. Г. Петръ Иванычъ»! Его зовутъ Тимофей Никонычъ. Какъ 520 рублей! 5200. Что съ тобой, Александръ?

Петръ Иванычъ положилъ перо и поглядѣлъ на племянника. Тотъ покраснѣлъ.

— Вы ничего не замѣчаете въ моемъ лицѣ? спросилъ онъ.

— Что-то глуповато... постой-ка.... Ты влюбленъ! сказалъ Петръ Иванычъ.

Александръ молчалъ.

— Такъ что ли? угадалъ?

Александръ, съ торжественной улыбкой, съ сіяющимъ взоромъ, кивнулъ утвердительно головой.

— Такъ и есть! Какъ это я съ разу не догадался? такъ вотъ отъ-чего ты сталъ лѣниться, отъ этого и не видать тебя нигдѣ. А Зарайскіе и Скачины пристають ко мнѣ — гдѣ да гдѣ Александръ Федорычъ? а онъ вонъ гдѣ — на седьмомъ небѣ.

Петръ Иванычъ сталъ опять писать.

— Въ Надиньку Любецкую! сказалъ Александръ.

— Я не спрашивалъ, отвѣчалъ дядя: — въ кого бы ни было — все одна дурь. Въ какую Любецкую? это что съ бородавкой?

— Э! дядюшка! съ досадою перебилъ Александръ: — какая бородавка?

— У самого носа. Ты все еще не разглядѣлъ?

— Вы все смѣшиваете. Это, кажется, у матери есть бородавка около носа.

— Ну, все равно.

— Все равно! Надинька! этотъ ангелъ! неужели вы не замѣтили ее? Видѣть однажды — и не замѣтить!

— Да чтожь въ ней особеннаго ? кажется, такая, какъ и всѣ. Чегожь тутъ замѣчать ? вѣдь бородавки, ты говоришь, у ней нѣтъ?....

— Далась вамъ эта бородавка ! не грѣшите, дядюшка : можно ли сказать, что она похожа на этихъ свѣтскихъ, чопорныхъ марionетокъ ? вы рассмотрите ея лицо : какая тихая, глубокая дума покоится на немъ ! Это — не только чувствующая, это мыслящая дѣвушка.... глубокая и широкая натура....

— Дядя принялся скрипѣть перомъ по бумагѣ, а Александръ продолжалъ :

— Въ разговорѣ у ней вы не услышите пошлыхъ, общихъ мѣстъ. Какимъ свѣтлымъ умомъ блестятъ ея сужденія, что за огонь въ чувствахъ, какъ глубоко понимаетъ она жизнь ! вы своимъ взглядомъ отравляете ее, а Надинька миритъ меня съ нею.

Александръ замолчалъ на минуту и погрузился совсѣмъ въ мечту о Надинькѣ. Потомъ началъ опять :

— А когда она подниметъ глаза, вы сейчасъ увидите, какому пылкому и нѣжному сердцу служатъ они проводникомъ ! а голосъ, голосъ ! что за мелодія, что за нѣга въ немъ ! Но когда этотъ голосъ прозвучитъ признаніемъ.... нѣтъ выше блаженства на землѣ ! дядюшка ! какъ прекрасна жизнь !! — какъ я счастливъ !

У него выступили слезы, онъ бросился и съ размаху обнялъ дядю.

— Александръ ! вскричалъ, вскочивъ съ мѣста, Петръ Ивановичъ : — закрой скорѣй свой клапанъ, — весь паръ выпустилъ ! ты сумасшедшій ! смотри, что ты надѣлалъ ? въ одну секунду — ровно двѣ глупости : перемалъ прическу и закапалъ письмо. Я думалъ, ты совсѣмъ отсталъ отъ своихъ привычекъ. Давно ты не былъ такимъ. Посмотри-ка, посмотри, ради Бога, на себя въ зеркало : ну, можетъ ли быть глупѣе физиономіи ? а не глупъ !

— Ха, ха, ха ! я счастливъ, дядюшка !

— Это замѣтно !

— Не правда ли ? въ моемъ взорѣ, я знаю, блещетъ гордость. Я гляжу на толпу, какъ могутъ глядѣть только герои, поэтъ и влюбленный, счастливый взаимной любовью....

— И какъ сумасшедшіе смотреть, или еще хуже.... ну, что я теперь стану дѣлать съ письмомъ ?

— Позвольте, я соскоблю — и незамѣтно будетъ! сказалъ Александръ. Онъ бросился къ столу съ тѣмъ же судорожнымъ трепетомъ, началъ скоблить, чистить, тереть, и протеръ на письмѣ скважину. Столъ отъ трясенія зашатался и толкнулъ этажерку. На этажеркѣ стоялъ бюстикъ, изъ итальянскаго алебаstra, Софокла или Эсхила. Почтенный трагикъ отъ сотрясенія сначала раза три качнулся на зыбкомъ пьедесталѣ взадъ и впередъ, потомъ свергнулся съ этажерки и разбился въдребезги.

— Третья глупость, Александръ! сказалъ Петръ Ивановичъ, поднимая черепки: — а это 50 рублей стоитъ.

— Я заплачу, дядюшка, о, я заплачу, но не проклиняйте моего порыва: онъ чистъ и благороденъ; я счастливъ, счастливъ! Боже! какъ хороша жизнь!

Дядя сморщился и покачалъ головой.

— Когда ты умнѣе будешь, Александръ? Богъ знаетъ, что говорить!

Онъ, между тѣмъ, съ сокрушеніемъ смотрѣлъ на разбитый бюстъ.

— Заплачу! — сказалъ онъ, заплачу. Это будетъ четвертая глупость. Тебѣ, я вижу, хочется рассказать о своемъ счастьи. Ну, нечего дѣлать. Если ужъ дяди обречены принимать участіе во всякомъ вздорѣ своихъ племянниковъ, такъ и быть — я даю тебѣ четверть часа; сиди смирно, не сдѣлай какойнибудь пятой глупости и рассказывай, а потомъ послѣ этой новой глупости уходи: мнѣ некогда. Ну.... ты счастливъ.... такъ что-же? рассказывай же поскорѣе.

— Если и такъ, дядюшка, то эти вещи не рассказываются, съ скромной улыбкой замѣтилъ Александръ.

— Я было приготовилъ тебя, а ты, я вижу, все таки хочешь начать съ обыкновенныхъ прелюдій. Это значитъ, что рассказъ продолжится цѣлый часъ; мнѣ некогда, почта не будетъ ждать. Постой, ужъ я лучше самъ расскажу.

— Вы! вотъ забавно!

— Ну, слушай же; очень забавно! ты вчера видѣлся съ своей красавицей наединѣ....

— А вы почему знаете? съ жаромъ началъ Александръ: — вы подсылаете смотрѣть за мной? Это, вѣрно, мерзавецъ Евсей... Журналистъ пожаловался, а вы рѣшаетесь играть роль, недостойную васъ, несвойственную вашему характеру....

— Какъ же! я содержу для тебя шпионовъ на жалованьи съ чего ты взялъ, что я такъ забочусь о тебѣ? мнѣ что за дѣло! Эти слова сопровождались ледянымъ взглядомъ.

— Такъ почему же вы знаете? спросилъ Александръ, подходя къ дядѣ.

— Сиди, сиди, ради Бога, и не подходи къ столу: чтонибудь разобьешь. У тебя на лицѣ все написано, я и отсюда буду читать. Ну, у васъ было объясненіе, сказалъ онъ.

Александръ покраснѣлъ и молчалъ. Видно, что дядя опять попалъ.

— Вы оба, какъ водится, были очень глупы, говорилъ Петръ Ивановичъ.

Племянникъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Дѣло началось съ пустяковъ, когда вы остались одни, съ какогонибудь узора, продолжалъ дядя: — ты спросилъ, кому она вышиваешь? она отвѣчала: «маменькѣ или тетенькѣ», или чтонибудь подобное, а сами вы дрожали, какъ въ лихорадкѣ....

— А вотъ вѣтъ, дядюшка, не угадали: не съ узора; мы были въ саду! проговорился Александръ и вдругъ замолчалъ.

— Ну? съ цвѣтка что-ли, сказалъ Петръ Ивановичъ: — можетъ быть, еще съ жолтаго, все равно; тутъ что попадется въ глаза, лишь бы начать разговоръ; такъ-то слова съ языка нѣдутъ. Ты спросилъ, нравится ли ей цвѣтокъ; она отвѣчала да — почему, дескать? «Такъ», сказала она, и замолчали оба, потому что хотѣли сказать совсѣмъ другое, и разговоръ не вязался. Потомъ взглянули другъ на друга, улыгнулись и покраснѣли. Она, можетъ быть, отвернулась въ сторону....

— Ахъ, дядюшка, дядюшка, что вы!... говорилъ Александръ въ сильномъ смущеніи.

— Потомъ, продолжалъ неумолимый дядя: — ты началъ широко говорить о томъ, что вотъ-де передъ тобой открылся новый міръ. Она вдругъ взглянула на тебя, какъ будто слушаетъ неожиданную новость; ты, я думаю, сталъ въ-тупикъ, растерялся, потомъ опять чуть внятно сказалъ, что только теперь ты узналъ цѣну жизни, что и прежде ты видалъ ее... какъ ее? Марья что-ли?

— Надянька.

— Но видѣлъ, какъ будто во снѣ, предчувствовалъ встрѣчу съ ней, что васъ свела симпатія, и что, дескать, теперь, ты по-

святишь ей одной все существованіе, всё стихи и прозу.... А руками-то, руками, я думаю, какъ работалъ! вѣрно опрокинулъ или разбилъ что нибудь.

— Дядюшка! вы подслушали насъ! вскричалъ внѣ себя Александръ.

— Да, я тамъ за кустомъ сидѣлъ. Мнѣ вѣдь только и дѣла, что бѣгать за тобой да подслушивать разный вздоръ.

— Почему же вы все это знаете? спросилъ съ недоумѣніемъ Александръ.

— Мудрено! съ Адама и Евы одна и таже исторія у всѣхъ, съ маленькими варіантами. Узнай характеръ дѣйствующихъ лицъ, узнаешь и варіанты. Это удивляетъ тебя, а еще писатель! Вотъ теперь и будешь прыгать и скакать дня три, какъ помѣшанный, вѣшаться всѣмъ на шею, только ради Бога не мнѣ. Я бы тебѣ совѣтовалъ запереться на это время въ своей комнатѣ, выпустить тамъ весь этотъ паръ и продѣлать всѣ продѣлки съ Евсеємъ, чтобы никто не видалъ. Потому не много одумаешься, будешь добиваться ужъ другого, поцалуя напиримѣрь....

— Поцалуй Надиньки! о, какая высокая, небесная награда! почти заревѣлъ Александръ.

— Небесная!

— Что же — матеріальная, земная по вашему?

— Безъ сомнѣнія, дѣйствіе электричества! — влюбленные — все равно, что двѣ лейденскія банки: оба сильно заряжены; — поцалуйми электричество разрѣшается, и когда разрѣшится совсѣмъ — прости любовь! слѣдуетъ охлажденіе....

— Дядюшка....

— Да! а ты думалъ какъ!

— Какой взглядъ! какія понятія!

— Да, я забылъ: у тебя еще будутъ «фигюрировать» «вещественные знаки». Опять нанесешь всякой дряни и будешь задумываться да разглядывать, а дѣло въ сторону.

Александръ вдругъ схватился за карманъ.

— Что, ужъ есть? будешь дѣлать все тоже, что люди дѣлаютъ съ сотворенія міра.

— Стало быть, то же, что и вы дѣлали, дядюшка?

— Да, только поглупѣе.

— Поглупѣе! не называете ли вы глупостью то, что я буду любить глубже, сильнѣе васъ, не издѣваться надъ чувствомъ.

не шутить и не играть имъ холодно, какъ вы.... и не сдерживать покрывала съ священныхъ тайнъ?...

— Ты будешь любить, какъ и другіе, ни глубже, ни сильнѣе; будешь также сдерживать и покрывало съ тайнъ.... но только ты будешь вѣрить въ вѣчность и неизмѣнность любви, да объ одномъ этомъ и думать, а вотъ это-то и глупо: самъ себя готовишь горя болѣе, нежели сколько бы его должно быть.

— О, это ужасно, ужасно, что вы говорите, дядюшка! сколько разъ я давалъ себя слово таять передъ вами то, что происходитъ въ сердцѣ.

— Зачѣмъ же не сдержалъ? Вотъ пришелъ — набушевалъ, помѣшалъ мнѣ.... впрочемъ, ты бы никакъ не скрылъ....

— Но вѣдь вы одни у меня, дядюшка, близкіе: съ кѣмъ же мнѣ раздѣлить этотъ избытокъ чувствъ? а вы безъ милосердія выносите свой анатомическій ножъ въ самые тайные изгибы моего сердца.

— Вѣдь я это не для своего удовольствія дѣлаю: ты самъ просилъ моихъ совѣтовъ. И оператору непріятно видѣть конвульсін больного, когда онъ рѣжетъ его, но онъ спасаетъ его; можетъ быть, и я не бесполезенъ тебѣ: отъ сколькихъ глупостей я остерегъ тебя!...

— Нѣтъ, дядюшка, пусть же я буду вѣчно глупъ въ вашихъ глазахъ, но я не могу существовать съ такими понятіями о жизни, о людяхъ. Это больно, грустно! тогда мнѣ не надо жизни, я не хочу ее при такихъ условіяхъ, слышите ли? я не хочу....

— Слышу, да чтожь мнѣ дѣлать? вѣдь не могу же я тебя лишить ея.

— Да! говорилъ Александръ: — вопреки вашимъ предсказаніямъ, я буду счастливъ, буду любить вѣчно и однажды....

— Охъ, нѣтъ! Я предчувствую, что ты еще много кое-чего перебьешь у меня. Но это бы все ничего! любовь любовью; никто не мѣшаетъ тебѣ; не нами заведено заниматься особенно прилежно любовью въ твои лѣта, но однакожь, не до такой же степени, чтобы бросать дѣло: любовь любовью, а дѣло дѣломъ....

— Да я дѣлаю извлеченія изъ нѣмецкихъ....

— Полно, никакихъ ты извлеченій не дѣлаешь, предаешься только *сладостной мылъ*.... а редакторъ откажетъ тебѣ....

— Пусть его! я не нуждаюсь. Могу ли я думать теперь о презрѣнной пользѣ, когда....

— О презрѣнной пользѣ! презрѣнная! эхъ, Александръ, не ожидай я отъ тебя этого! Да ты ужъ лучше построй въ горахъ хижины, ѣшь хлѣбъ съ водою и пей:

Мнѣ хижина убога
Съ тобою будетъ рай....

но только какъ не станеть у тебя «презрѣннаго металла», у меня не проси — не дамъ.

— Я, кажется, не часто беспокоилъ васъ.

— До сихъ поръ, слава Богу, нѣтъ, а можетъ случиться, если бросишь дѣло; любовь тоже требуетъ денегъ, тутъ и лишнее щегольство и разныя другія траты.... Охъ, эта мнѣ любовь въ 20 лѣтъ — вотъ ужъ презрѣнная такъ презрѣнная, — никуда не годится.

— Какая же, дядюшка, годится? въ 40?

— Я не знаю, какова любовь въ 40 лѣтъ, а въ 39....

— Какъ ваша?

— Пожалуй, какъ моя.

— То есть, никакая.

— Ты почему знаешь?

— Будто вы можете любить?

— Почему же нѣтъ! Развѣ я не человѣкъ, или развѣ мнѣ 80 лѣтъ? Только если я люблю, то люблю разумно, помню себя, не бью и не опрокидываю ничего.

— Разумная любовь! что за любовь, которая помнитъ себя! насмѣшливо замѣтилъ Александръ: — которая ни на минуту не забудется....

— Дикая, животная, — перебилъ Петръ Ивановичъ: — не помнить, а разумная должна помнить, — въ противномъ случаѣ, эта не любовь....

— А что же?...

— Такъ, гнусность, какъ ты говоришь.

— Вы.... любите! говорилъ Александръ, глядя недовѣрчиво на дядю: — ха, ха, ха!

Петръ Ивановичъ молча писалъ.

— Кого же, дядюшка? спросилъ Александръ.

— Тебѣ хочется знать?

— Хотѣлось бы.

— Свою невѣсту.

— Не.... невѣсту! едва выговорилъ Александръ, вскочивъ съ мѣста и подходя къ дядѣ.

— Не близко, не близко, Александръ, закрой клапанъ! заговорилъ Петръ Ивановичъ, увидя, какіе большіе глаза сдѣлалъ племянникъ, и проворно придвинулъ къ себѣ разныя мелкія вещицы, бюстики, фигурки, часы и чернильницу.

— Стало быть, вы женитесь! спросилъ Александръ съ тѣмъ же нѣумленіемъ.

— Стало быть.

— И вы такъ покойны? пишете въ Москву письма, разговариваете о постороннихъ предметахъ, ѣздите на заводъ и еще такъ адски холодно разсуждаете о любви?

— Адски холодно! это ново! въ аду, говорятъ, жарко. Зачѣмъ не подумавши говоришь? вотъ и сказалъ вздоръ. Да что ты на меня смотришь такъ дико!

— Вы, вы женитесь!

— Чтожь тутъ удивительнаго? спросилъ Петръ Ивановичъ, положивъ перо.

— Какъ что! женитесь и ни слова мнѣ.

— Извини, я и забылъ попросить у тебя позволенія.

— Не просить позволенія, дядюшка, а надо же мнѣ знать. Родной дядя женится, а я ничего не знаю, мнѣ и не сказали!...

— Вотъ вѣдь сказалъ.

— Сказали, потому-что кстати пришлось.

— Я стараюсь, по возможности, все дѣлать кстати.

— Нѣтъ, чтобъ первому мнѣ сообщить вашу радость! вы знаете, какъ я люблю васъ и какъ раздѣлю....

— Я вообще избѣгаю дѣлежа, а въ женитьбѣ я подавно.

— Знаете что, дядюшка? сказалъ Александръ съ живостію: — можетъ быть.... нѣтъ, не могу таяться передъ вами.... Я не таковъ, все выскажу....

— Охъ, Александръ, некогда мнѣ; если новая исторія, такъ нельзя ли завтра?

— Я хочу только сказать, что, можетъ быть.... и я, дядюшка, близокъ къ такому же счастью....

— Что, что? спросилъ Петръ Ивановичъ, слегка наостривъ уши и сморщивъ брови: — это что-то любопытно....

— А! любопытно? такъ и я помучаю васъ: не скажу.

Петръ Ивановичъ равнодушно взалъ пакетъ, вложилъ туда письмо и началъ запечатывать.

— И я, можетъ быть, женюсь! сказалъ Александръ на ухо дядѣ.

Петръ Ивановичъ не допечаталъ письма и поглядѣлъ на него очень серьезно.

— Закрой клапанъ, Александръ, сказалъ онъ.

— Шутите, шутите, дядюшка, а я говорю не шутя. Попрошу у маменьки позволенія.

— Тебѣ жениться!

— А что же?

— Въ твои лѣта!

— Мнѣ 23 года.

— Пора! кто женится въ эти лѣта? только крестьяне, когда имъ нужна работница въ домѣ.

— Но если я влюбленъ въ дѣвушку и есть возможность жениться, такъ, по вашему, не нужно....

— Я тебѣ никакъ не совѣтую жениться на женщинѣ, въ которую ты влюбленъ.

— Какъ дядюшка? это новое; я никогда не слыхалъ.

— Мало ли ты чего не слыхалъ!

— Я думалъ все, что супружества безъ любви не должно быть.

— Супружество супружествомъ, а любовь любовью! сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Какъ же жениться! по расчету?

— Съ расчетомъ, а не по расчету. Только расчетъ этотъ долженъ состоятъ не въ однѣхъ деньгахъ. Жить одному накутить: мужчина такъ созданъ, чтобъ быть въ обществѣ женщины; ты и станешь рассчитывать, какъ бы жениться, станешь искать, выбирать между женщинами....

— Искать, выбирать! съ изумленіемъ сказалъ Александръ.

— Да, выбирать. Поэтому-то и не совѣтую жениться, когда влюбишься. Вѣдь любовь пройдетъ, это ужъ пошлая истина.

— Это самая грубая ложь и клевета.

— Ну, теперь тебя не убѣдишь; увидишь самъ современемъ, а теперь запомни мои слова только: любовь пройдетъ, повторю я, и тогда женщина, которая казалась тебѣ идеаломъ совершенства, можетъ быть, покажется очень несовершенною, а дѣлать будетъ нечего. Любовь заслонитъ отъ тебя недостатки качествъ, нужныхъ для жены; тогда какъ выбирая, ты хладнокровно разсудишь, имѣетъ ли такая-то или такая женщина качества, какія хочешь видѣть въ женѣ: вотъ въ чемъ главный расчетъ. И если отыщешь такую женщину, она непременно должна нравиться тебѣ постоянно, потому-что отвѣчаетъ твоимъ желаніямъ. Изъ этого возникнуть между ею и тобою близкія отношенія, которыя потомъ образуютъ....

— Любовь? спросилъ Александръ.

— Да.... привычку.

— Жениться безъ увлеченія, безъ поэзіи любви, безъ страсти, рассуждать, какъ и зачѣмъ!!

— А ты вѣдъ женился бы, не рассуждая и не спрашивая себя, зачѣмъ — я знаю! такъ точно, какъ поѣхавши сюда, тоже не спросилъ себя, зачѣмъ.

— Такъ вы женитесь по расчету, спросилъ Александръ.

— Съ расчетомъ, замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Это все равно.

— Нѣтъ, по расчету значитъ жениться только для денегъ — это низко; но жениться безъ расчета — это глупо!... а тебѣ теперь вовсе не слѣдуетъ жениться.

— Когда же жениться? Когда состарѣюсь? Зачѣмъ я буду слѣдовать нелѣпымъ примѣрамъ?

— Въ томъ числѣ и моему? спасибо!

— Я не про вась говорю, дядюшка, а про всѣхъ. Услышишь о свадьбѣ, пойдешь посмотреть — и что же? видишь прекрасное, нѣжное существо, почти ребенка, которое ожидало только волшебнаго прикосновенія любви, чтобы развернуться въ пышный цвѣтокъ, и вдругъ его отрываютъ отъ куколъ, отъ няни, отъ дѣтскихъ игръ, отъ танцевъ, и слава Богу, если только отъ этого: а часто не заглянуть въ ея сердце, которое, можетъ быть, не принадлежитъ уже ей. Ее одѣваютъ въ газъ, въ блонды, убираютъ цвѣтами, и несмотря на слезы, на блѣдность, влекутъ, какъ жертву, и ставятъ — подлѣ кого же? подлѣ пологого человѣка, по большей части некрасиваго, который ужъ ут-

ратилъ блескъ молодости. Онъ или бросаетъ на нее взоры оскорбительныхъ желаній, или холодно осматриваетъ ее съ головы до ногъ, а самъ думаетъ, кажется : «хороша ты, да, чай, съ блажью въ головѣ: любовь да розы, — я уйму эту дурь, это — глупости! у меня полно вздыхать да мечтать, а веди себя пристойно», — или еще хуже — мечтаетъ объ ея имѣннн. Самому молодому мало-мало 30 лѣтъ. Онъ часто съ лысиною, правда съ крестомъ или еще иногда со звѣздой. И говорятъ ей: «вотъ кому обречены сокровища твоей юности, ему и первое бнѣнн сердца и признанн, и взгляды, и рѣчи, и дѣвственныя ласки и вся жизнь.» А кругомъ толпой тѣснится тѣ, кто по молодости и красотѣ, подъ пару ей, и кому бы надо было стать рядомъ съ невѣстой. Они пожираютъ взглядами бѣдную жертву и какъ будто говорятъ : «вотъ когда мы истощимъ свѣжесть, здоровье, оплѣшивѣемъ, и мы женимся, и намъ достанется такой же пышный цвѣтокъ....» ужасно!...

— Дико, не хорошо, Александръ! пишешь ты ужъ два года, сказалъ Петръ Ивановичъ : — и о наземѣ, и о картофелѣ, и о другихъ серьезныхъ предметахъ, глѣ стиль строгій, сжатый, а все еще дико говоришь. Ради Бога, не предавайся экстазу, или, по крайней мѣрѣ, какъ эта дурь найдетъ на тебя, такъ ужъ молчи, дай ей пройти; путнаго ничего не скажешь и не слѣлаешь : выйдеть непременно нелѣпость.

— Какъ, дядюшка, да развѣ не въ экстазѣ родится мысль поэта ?

— Я не знаю, какъ она родится, а знаю, что выходитъ со-всѣмъ готовая изъ головы, т. е. когда обрабатается размышленнемъ : тогда только она и хороша. Ну, а по твоему, началъ помолчавъ Петръ Ивановичъ : — за кого же бы выдавать эти прекрасныя существа ?

— За тѣхъ, кого они любятъ, кто еще не утратилъ блеска юношеской красоты, въ комъ и въ головѣ и въ сердцѣ — всюду замѣтно присутствнн жизни, въ глазахъ и на щекахъ румянецъ и свѣжесть — признаки здоровья; кто бы неистощенной рукой повелъ по пути жизни прекрасную подругу — и принесть бы ей въ даръ сердце, полное любви къ ней, способное понять и раздѣлять ея чувства.... права природы....

— Довольно! т. е. за такихъ молодцовъ, какъ ты. Еслибъ мы жили среди полей и лѣсовъ дремучихъ — такъ, а то жени вотъ

эдакого молодца, какъ ты — много будетъ проку! въ первый годъ съ ума сойдесть, а тамъ и пойдетъ заглядывать за кулсы или дастъ въ соперницы женѣ ея же горничную, потому-что правато природы, о которыхъ ты толкуешь, требуютъ перемѣны, новостей — славный порядокъ! а тамъ и жена, замѣтивши мужнины проказы, полюбитъ вдругъ бѣлые султаны, парады да маскарады и сдѣлаетъ тебѣ того.... а безъ состоянія такъ еще хуже: ѣсть, говорить, нечего!

Тутъ Петръ Ивановичъ сдѣлалъ кислую мину.

— «Я, говорить, женатъ, продолжалъ онъ: — у меня, говорить, ужъ трое дѣтей, помогите, не могу прокормиться, я бѣденъ....» бѣденъ! какая мерзость! нѣтъ, я надѣюсь, что ты не попадешь ни въ ту, ни въ другую категорию.

— Я попаду въ категорию счастливыхъ мужей, дядюшка, а Надинька — счастливыхъ женъ. Не хочу жениться, какъ женится большая часть: наладили одну пѣсню: «молодость прошла, одиночество наскучило, такъ надо жениться!» я не таковъ!...

— Бредишь, милый.

— Да почему вы знаете?

— Потому-что ты такой же человѣкъ, какъ другіе, а другихъ я давно знаю. Ну, скажи-ка ты, зачѣмъ женишься?

— Какъ зачѣмъ! Надинька! — жена моя! у!!! дико воскликнулъ Александръ, закрывъ лицо руками.

— Ну, что, видишь — и самъ незнаешь.

— У! духъ замираетъ отъ одной мысли. Вы не знаете, какъ я люблю ее, дядюшка: я люблю, какъ никогда никто не любилъ! всѣми силами души — ей все....

— Лучше бы ты, Александръ, выбранилъ или, ужъ такъ и быть, обнялъ меня, чѣмъ повторять эту глупѣйшую фразу! — какъ это у тебя языкъ повернулся? «какъ никогда никто не любилъ»!

Петръ Ивановичъ пожалъ плечами.

— Что жъ, развѣ это не можетъ быть?

— Впрочемъ, точно, глядя на твою любовь, мнѣ кажется, что это даже возможно: глупѣе любить нельзя!

— Но она говоритъ, что надо ждать годъ, что мы молоды, должны испытать себя.... цѣлый годъ.... и тогда....

— Годъ! а! давно бы ты сказалъ! перебилъ Петръ Ивановичъ: — это она предложила? Какая же она умница! Сколько ей лѣтъ?

— 18.

— А тебѣ — 23 : ну, братъ ! Она въ 23 раза умнѣе тебя. Она, какъ я вижу, понимаетъ дѣло : съ тобою она пошалить, пококетничаетъ, время проведетъ весело, а тамъ.... есть между этими дѣвчонками преумныя ! Ну, такъ ты не женишься. Я думалъ, ты хочешь это какъ нибудь поскорѣе повернуть да тайкомъ : въ твои лѣта эти глупости такъ проворно дѣлаются, что не успѣешь и помѣшать ; а то черезъ годъ ; ну, до тѣхъ поръ, она еще надуетъ тебя.

— Она — надуетъ, кокетничаетъ ! дѣвчонка ! она, Надинька ! Фи, дядюшка ! съ кѣмъ вы жили всю жизньъ, съ кѣмъ имѣли дѣла, кого любили, если у васъ такія черныя подозрѣнія ?...

— Жилъ съ людьми, любилъ женщину.

— Она обманетъ ! Этотъ ангелъ, эта олицетворенная искренность, женщина, какою, кажется, Богъ впервые создалъ во всей чистотѣ и блескѣ....

— А все таки женщина, и вѣроятно обманетъ.

— Вы послѣ этого скажете, что и я надуо ?

— Со временемъ — да, и ты.

— Я ! про тѣхъ, кого вы не знаете, вы можете заключать, что угодно ; но меня — не грѣхъ ли вамъ подозрѣвать въ такой гнусности ? Кто же я въ вашихъ глазахъ ?

— Человѣкъ.

— Не всѣ одинаковы. Знайте же, что я не шутя, искренно далъ ей обѣщаніе любить всю жизньъ ; я готовъ подтвердить это клятвой....

— Знаю, знаю ! Порядочный человѣкъ не сомнѣвается въ искренности клятвы, когда даетъ ее женщинѣ, а потомъ и измѣнить или охладѣть, и самъ не знаетъ какъ. Это дѣлается не съ намѣреніемъ, и тутъ никакой гнусности нѣтъ, некого и винить : природа вѣчно любить не позволила. И вѣрующіе въ вѣчную и неизмѣнную любовь дѣлаютъ тоже самое, что и невѣрующіе, только не хотятъ сознаться : мы, дескать, выше этого, не люди, а ангелы — такъ глупость !

— Какъ же есть любовники, супруги, которые вѣчно любить другъ друга и всю жизньъ живутъ ?...

— Вѣчно ! что за вѣчно ! кто двѣ недѣли любить, того называютъ вѣтренникомъ, а два, три года — такъ ужъ и вѣчно ! разбери-ка, какъ любовь создана, и самъ увидишь, что не вѣчна !

Живость, пылкость и лихорадочность этого чувства не дают ему быть продолжительнымъ. Любвники супруги живутъ всю жизнь вмѣстѣ, правда! да развѣ любить всю жизнь другъ друга? будто ихъ всегда связываетъ первоначальная любовь? будто они ежеминутно ищутъ другъ друга, глядятъ и не наглядятся? куда подъ конецъ дѣнутся мелочныя угожденія, безпрестанная внимательность, жажда быть вмѣстѣ, слезы, восторги — всѣ эти вздоры? холодность и неповоротливость мужей вошла въ пословицу. «Ихъ любовь обращается въ дружбу!» говорятъ всѣ важно: такъ вотъ ужъ и не любовь! Дружбу! А что это за дружба! Мужа съ женой связываютъ общіе интересы, обстоятельства, одна судьба, — вотъ и живутъ вмѣстѣ; а итъ этого, такъ и расходятся, любятъ другихъ, — иной прежде, другой послѣ: это называется измѣной!... А живучи вмѣстѣ, живутъ потомъ привычкой, которая; скажу тебѣ на ухо, сильнѣе всякой любви: не даромъ называютъ ее второй натурой; иначе бы люди не перестали терзаться всю жизнь въ раздумѣ или по смерти любимаго предмета. а вѣдь утѣшаются. А то наладмы вѣчно: вѣчно, вѣчно!... не разберутъ да и кричать.

— Какъ же вы, дядюшка, не опасаетесь за себя? Стало быть, и ваша невѣста.... извините.... эдакъ.... мадуеть васъ?...

— Не думаю!

— Какое самолюбіе!

— Это не самолюбіе, а расчетъ.

— Опять расчетъ!

— Ну, размышеніе, если хочешь!

— А если она влюбится въ кого нибудь?

— До этого не надо допускать; а еслибъ и случился такой грѣхъ, такъ можно поискусиѣ расхолодить.

— Будто это можно? развѣ въ нашей власти....

— Весьма!

— Эдакъ бы дѣлали всѣ обманутые мужья, сказалъ Александръ, — еслибъ былъ способъ....

— Не всѣ мужья одинаковы, мой милый: одни очень равнодушны къ своимъ женамъ, не обращаютъ вниманія на то, что дѣлается вокругъ нихъ и не хотятъ замѣтить; другіе изъ самолюбія и хотѣли бы, да плохи: не умѣютъ взяться за дѣло.

— Какъ же вы сдѣлаете?

— Это мой секретъ; тебѣ не втолкуешь: ты въ горячкѣ.

— Я счастливъ теперь и благодарю Бога, а о томъ, что будетъ впереди, и знать не хочу.

— Первая половина твоей фразы такъ умна, что хоть бы не влюбленному ее сказать: она показываетъ умѣнье пользоваться настоящимъ, а вторая, извини, никуда негодится. Не хочу знать, что будетъ впереди, т. е. не хочу думать и понимать о томъ, что было вчера и что есть сегодня, не стану ни сообщать, ни размышлять, не приготовлюсь къ тому, не остерегусь этого, такъ, куда вѣтеръ подуетъ! помилуй, на что это похоже?

— А по вашему, какъ же, дядюшка? Настанетъ мигъ блаженства, надо взять увеличительное стекло да и рассматривать....

— Нѣтъ, уменьшительное, чтобъ съ радости не одурѣть вдругъ, не вѣшаться всѣмъ на шею.

— Или придетъ минута грусти, продолжалъ Александръ: — такъ ее рассматривать въ ваше уменьшительное стекло.

— Нѣтъ, грусть въ увеличительное: легче перенести, когда вообразишь неприятность вдвое больше, нежели она есть.

— Зачѣмъ же, продолжалъ Александръ съ досадой: — я буду убивать въ началѣ всякую радость холоднымъ размышленіемъ, не упившись ею, думать — вотъ она измѣнитъ, пройдетъ? зачѣмъ буду терзаться заранѣе горемъ, когда оно не настало?

— А за то, когда настанетъ, перебилъ дядя: — такъ подумаешь — и горе пройдетъ, какъ проходило тогда-то и тогда-то, и со мной, и съ тѣмъ, и съ другимъ; надѣюсь, это не дурно, и стоитъ обратить на это вниманіе; тогда и терзаться не станешь, когда разглядишь переменчивость всѣхъ шансовъ въ жизни, — будешь хладнокровенъ и покоенъ, сколько можетъ быть покоенъ человекъ.

— Такъ вотъ гдѣ тайна вашего спокойствія! задумчиво сказалъ Александръ.

Петръ Ивановичъ молчалъ и писалъ.

— Но чтожь за жизнь! началъ Александръ: — не забыться, а все думать, думать.... нѣтъ, я чувствую, что это не такъ! Я хочу жить безъ вашего холодного анализа, не думая о томъ, ожидаетъ ли меня впереди бѣда, опасность, или нѣтъ — все равно!.... зачѣмъ, зачѣмъ я буду думать заранѣе и отравлять....

— Вѣдь я говорю зачѣмъ, а онъ все свое! не заставь меня сдѣлать на твой счетъ какого нибудь обиднаго сравненія. За тѣмъ, что когда предвидишь опасность, препятствіе, бѣду, такъ легче бороться съ ней или перенести ее: не сойдеши ни съума, ни умрешь; а когда придетъ радость, такъ не будешь скакать и опрокидывать бюстовъ, — ясно ли? Ему говорятъ: вотъ начало, смотри же, соображай по этому конецъ, а онъ закрываетъ глаза, мотаетъ головой, какъ при видѣ пугала какого нибудь, и живетъ по-дѣтски. Потвоему, живи день за день, какъ живется, сидя у порога своей хижины, измѣряй жизнь обѣдами, танцами, любовью да неизмѣнной дружбой. Все хотятъ золотого вѣка! Ужъ я сказалъ тебѣ, что съ твоими идеями хорошо сидѣть въ деревнѣ, съ бабой да полдюжиной ребятъ, а здѣсь надо дѣло дѣлать; для этого безпрестанно надо думать и помнить, что дѣлалъ вчера, что дѣлать сегодня, чтобы знать, что нужно дѣлать завтра, т. е. жить съ непрерывной повѣркой себя и своихъ занятій. Съ этимъ дойдемъ до чего нибудь дѣльнаго, а такъ.... да что съ тобою толковать: ты теперь въ бреду. Ай! скоро часъ. Ни слова больше, Александръ; уходи.... и слушать не стану; завтра обѣдай у меня, кое-кто будетъ.

— Не друзья ли ваши?

— Да.... Коневъ, Смирновъ, Ѳедоровъ, — ты ихъ знаешь; и еще кое-кто....

— Коневъ, Смирновъ, Ѳедоровъ! да это тѣ самые люди, съ которыми вы имѣете дѣла.

— Ну, да: все нужные люди!

— Такъ это у васъ друзья? въ самомъ дѣлѣ, я не видывалъ, чтобъ вы кого нибудь принимали съ особенною горячностью.

— Я ужъ тебѣ сказывалъ, что друзьями я называю тѣхъ, съ кѣмъ чаще вижу, которые доставляютъ мнѣ или пользу, или удовольствіе. Помилуй! чтожъ даромъ-то кормить?

— А я думалъ, вы прощаетесь передъ свадьбой съ истинными друзьями, которыхъ душевно любите, съ которыми за часъ помянете въ послѣдній разъ веселую юность и, можетъ быть, при разлукѣ крѣпко прижмете ихъ къ сердцу.

— Ну, въ твоихъ пяти словахъ все есть, чего въ жизни не бываетъ или не должно быть. Съ какимъ восторгомъ твоя тетка бросилась бы тебѣ на шею. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ и истинные друзья, тогда какъ есть просто друзья, и чаша, тогда какъ

пьють изъ бокаловъ или стакановъ , и объятія при разлуки , когда нѣтъ разлуки. Охъ , Александръ !

— И вамъ не жаль разставаться , или , по крайней мѣрѣ , рѣже видѣться съ этими друзьями ? скавалъ Александръ .

— Нѣтъ ! я никогда не сближался ни съ кѣмъ до такой степени , чтобъ жалѣть , и тебѣ тоже совѣтую .

— Но , можетъ быть , они не таковы : имъ , можетъ быть , жаль потерять въ васъ добраго товарища , собесѣдника ?

— Это ужъ не мое , а ихъ дѣло . Я тоже не разъ терялъ такихъ товарищей , да вотъ не умеръ отъ того . Такъ ты будешь завтра ?

— Завтра , дядюшка , я....

— Что ?

— Отозванъ на дачу .

— Вѣрно къ Любецкимъ ?

— Да .

— Такъ . Ну , какъ хочешь ; помни о дѣлѣ , Александръ ; я скажу редактору , чѣмъ ты занимаешься .

— Ахъ , дядюшка , какъ можно ! я непременно dokonчу извѣченія изъ нѣмецкихъ экономистовъ....

— Да ты прежде начни ихъ . Смотри же помни , *презрѣннаго металла* не проси , какъ скоро совѣмъ предашь *сладостной кльѣ* .

ГЛАВА IV.

Жизнь Александра раздѣлялась на двѣ половины . Утро по-мощала служба . Онъ рылся въ запыленныхъ дѣлахъ , сожалѣлъ вовсе не касавшихся до него обстоятельства , считалъ на бумагѣ милліонами не принадлежавшія ему деньги . Но порой голова отказывалась думать за другихъ , перо выпадало изъ рукъ , и имъ овладѣвала та *сладостная кльѣ* , на которую такъ сердился Петръ Ивановичъ . Тогда Александръ опрокидывался на спинку стула и уносился мысленно въ мѣсто злочно , въ мѣсто покойно , гдѣ нѣтъ ни бумагъ , ни чернилъ , ни странныхъ лицъ , ни лицъ-мундировъ , гдѣ царствуютъ спокойствіе , нѣга и прохлада , гдѣ въ изящно убранной залѣ благоухаютъ цвѣты , раздаются звуки фортепіано , въ кльткѣ прыгаетъ попугай а въ саду , ка-

чають вѣтвями березы и кусты сирени. И царицей всего этого — мненькое существо.... Александръ, утромъ, сидя въ департаментѣ, невидимо присутствовалъ на одномъ изъ острововъ, на дачѣ Любецкихъ, а вечеромъ присутствовалъ тамъ видимо, всей своей особой. Бросимъ нескромный взглядъ на его блаженство.

Былъ жаркій день, одинъ изъ рѣдкихъ дней въ Петербургѣ: солнце животворяло своимъ сіяніемъ поля, но морило петербургскія улицы, накаливая лучами гранитъ, а лучи, отскакивая отъ камней, пропекали людей. Люди ходили медленно, повѣсивъ головы, собаки, высунувъ языки. Городъ походилъ на одинъ изъ тѣхъ сказочныхъ городовъ, гдѣ все, по мановенію волшебника, вдругъ окаменѣло. Экипажи не гремѣли по камнямъ; маркизы, какъ опущенныя вѣки у глазъ, прикрывали окна; торцовая мостовая лоснилась, какъ паркетъ; по тротуарамъ горячо было ступать. Вездѣ было скучно, сонно. Пѣшеходъ, отирая потъ съ лица, искалъ тѣни. Ямская карета, съ шестью пассажирами, медленно тащилась за городъ, едва подымая пыль за собою. Въ 4 часа чиновники вышли изъ должности и тихо побрели по домамъ.

Александръ выбѣжалъ, какъ будто въ домѣ обрушился потолокъ, посмотрѣлъ на часы — поздно: къ обѣду не поспѣеть. Онъ бросился къ ресторатѣру.

— Что у васъ есть? скорѣй.

— Супъ *julienne* и *à la reine*; соусъ *à la provençale*, *à la maître d'hôtel*; жаркое индѣйка, дичь; пирожное суфле.

— Ну, супъ *à la provençale*, соусъ *julienne* и жаркое суфле, только поскорѣе.

Слуга посмотрѣлъ на него.

— Ну, что же? сказалъ Александръ съ нетерпѣніемъ.

Тотъ бросился вонъ и подалъ, что ему вздумалось. Адуевъ остался очень доволенъ. Онъ не дождался четвертаго блюда и побѣжалъ на набережную Невы. Тамъ ожидала его лодка и два гребца. Черезъ часъ завидѣлъ онъ обѣтованный уголокъ, всталъ въ лодкѣ и устремилъ взоры вдаль. Сначала глаза его ошанялись страхомъ и беспокойствомъ, которое перешло въ сомнѣніе. Потомъ вдругъ лицо его озарилось свѣтомъ радости, какъ солнечнымъ блескомъ. Онъ отличилъ у рѣшетки сада знакомое платье; вотъ тамъ его узнали, махнули платкомъ. Его ждутъ,

можетъ быть, давно. У него подошвы какъ будто загорѣлись отъ нетерпѣнія.

— Ахъ! еслибъ можно было ходить пѣшкомъ по водѣ! думалъ Александръ: — изобрѣтають всякій вздоръ, а вотъ этого, небось, не изобрѣтутъ. — И Адуевъ, не шутя, сердился, что еще не изобрѣли способа ходить пѣшкомъ по водѣ. А гребцы машутъ веслами медленно, мѣрно, какъ машина. Потъ градомъ льетъ по загорѣлымъ лицамъ; имъ и нужды нѣтъ, что у Александра сердце заметалось въ груди, какъ лѣсная птица въ клѣткѣ, что, не спуская глазъ съ одной тѣчки, онъ ужъ два раза въ забытій заносилъ черезъ край лодки то одну, то другую ногу, а они ничего: гребутъ себѣ съ тою же флегмой, да по временамъ отирають рукавомъ лицо.

— Живѣе, живѣе! сказалъ онъ: — полтинникъ на водку!

Батюшки, какъ они принялись работать, какъ стали привскакивать на своихъ мѣстахъ! куда дѣвалась усталость? откуда взялась сила? Весла такъ и затрепетали по водѣ. Лодка — что скользнетъ, то саженой трехъ какъ не бывало. Махнули разъ десятокъ, и корма уже описала дугу, лодка граціозно подъѣхала и наклонилась у самого берега. Александръ и Надинька издали улыбались и не сводили другъ съ друга глазъ. Адуевъ ступилъ одной ногой въ воду вмѣсто берега, Надинька засмѣялась.

— Полегше, баринъ, погодите-ка, вотъ я руку подамъ, приловилъ одинъ гребецъ, когда Александръ былъ уже на берегу.

— Ждите меня здѣсь, сказалъ имъ Адуевъ и побѣжалъ къ Надинькѣ.

Какъ нѣжно улыбалась издали Наденька Александру! Съ каждымъ движеніемъ лодки къ берегу, грудь ея поднималась и опускалась сильнѣе.

— Надежда Александровна, сказалъ Адуевъ, едва переводя духъ отъ радости.

— Александръ Федорычъ! отвѣчала она.

Они бросились неволью другъ къ другу, но остановились и глядѣли другъ на друга съ улыбкой, влажными глазами и не могли ничего сказать. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Нельзя винить Петра Ивановича, что онъ не замѣтилъ Наденьки съ перваго раза. Она не была красавица и не приковывала къ себѣ мгновенно вниманія. Но если кто пристально вглядывался въ ея черты, тотъ долго не сводилъ съ нея глазъ.

Ея физиономія рѣдко оставалась двѣ минуты покойною. Мысли и разнородныя ощущенія до крайности впечатлительной и раздражительной души ея безпрестанно смѣнялись однѣ другими, и оттѣнки этихъ ощущеній сливались въ удивительной игрѣ, придавая лицу ея ежеминутно новое и неожиданное выраженіе. Глаза, напримѣръ, вдругъ бросятъ будто молнію, обожгутъ и мгновенно спрячутся подъ длинными ресницами; лицо сдѣлается безжизненно и неподвижно — и передъ вами точно мраморная статуя. Ожидаешь вслѣдъ затѣмъ опять такого же пронзительнаго луча — отнюдь нѣтъ! вѣки поднимутся тихо, медленно — васъ озаритъ кроткое сіяніе взоровъ, какъ будто медленно выплывшей изъ за облакъ луны. Сердце непременно отзовется легкимъ біеніемъ на такой взглядъ. Въ движеніяхъ тоже самое. Въ нихъ много было граціи, но это не грація Сильфиды. Въ этой граціи много было дикаго, порывистаго, что даетъ природа всѣмъ, но что потомъ искусство отнимаетъ до послѣдняго слѣда, вмѣсто того, чтобъ только смягчить. Эти-то слѣды часто проявлялись въ движеніяхъ Надиньки. Она иногда сидитъ въ живописной позѣ, но вдругъ, Богъ знаетъ вслѣдствіе какого внутренняго движенія, эта картинная поза нарушится вовсе неожиданнымъ и опять обворожительнымъ жестомъ. Въ разговорахъ тѣже неожиданные обороты: то вѣрное сужденіе, то мечтательность, то рѣзкій приговоръ, то ребяческая выходка, или тонкое притворство. Все показывало въ ней умъ пылкій, сердце своенравное и непостоянное. И не Александръ сошелъ бы съ ума отъ нея; одинъ только Петръ Ивановичъ уцѣлѣетъ; да много ли такихъ?

— Вы меня ждали! Боже мой, какъ я счастливъ! сказалъ Александръ.

— Я ждала? и не думала! отвѣчала Надинька, качая головой: — вы знаете, я всегда въ саду.

— Вы сердитесь? робко спросилъ онъ.

— За что? вотъ идея!

— Ну, дайте ручку.

Она подала ему руку, но только онъ коснулся до нея, она сейчасъ же вырвала — и вдругъ измѣнилась. Улыбка исчезла, на лицѣ обнаружилось что-то похожее на досаду. Надинька точно будто опомнилась.

— Что это, вы молоко кушаете? спросилъ онъ.

У Надиньки была чашка въ рукахъ и сухарь.

— Я обѣдаю, отвѣчала она.

— Обѣдаете! въ шесть часовъ, и молокомъ?

— Вамъ, конечно, странно смотрѣть на молоко, послѣ роскошнаго обѣда у дядюшки? а мы здѣсь въ деревнѣ: живемъ скромно.

Она передними зубами отломилла нѣсколько крошекъ сухаря и запыла молокомъ, сдѣлавъ губками премиленькую гримасу.

— Я не обѣдалъ у дядюшки, я еще вчера отказался, отвѣчалъ Адуевъ.

— Какіе вы безсовѣстные! Можно ли такъ лгать? Гдѣ жъ вы были до сихъ поръ?

— Сегодня на службѣ до четырехъ часовъ просидѣлъ....

— А теперь шесть. Не лгите, признайтесь, ужъ соблазнились обѣдомъ, пріятнымъ обществомъ? тамъ вамъ очень, очень весело было.

Она надула губки и искоса поглядѣла на него.

— Честное слово — я и не заходилъ къ дядюшкѣ.... началъ съ жаромъ оправдываться Александръ. — Развѣ я тогда могъ бы поспѣть къ вамъ объ эту пору?

— А! вамъ это рано кажется? вы бы еще часа черезъ два пріѣхали! сказала Надинька и быстрымъ пируэтомъ вдругъ отвернулась отъ него и пошла по дорожкѣ къ дому. Александръ за нею.

— Не подходите, не подходите ко мнѣ — заговорила она, махая обѣими руками: — я васъ видѣть не могу.

— Полноте шалить, Надежда Александровна.

— Я совсѣмъ не шалю; скажите, гдѣ жъ вы до сихъ поръ были?

— Въ четыре часа вышелъ изъ департамента, началъ Адуевъ: — часъ ѣхалъ сюда....

— Такъ тогда было бы пять, а теперь шесть. Гдѣ жъ вы провели еще часъ? видите, вѣдь какъ лжете!

— Отобѣдалъ у ресторатѣра на скорую руку....

— На скорую руку! одинъ только часъ! сказала она: — бѣдненькіе! вы должны быть голодны. Не хотите ли молока?

— О, дайте, дайте мнѣ эту чашку.... заговорилъ Александръ и протянулъ руку.

Но она вдругъ остановилась, опрокинула чашку верхъ дномъ и, не обращая вниманія на Александра, съ любопытствомъ смотрѣла, какъ послѣднія капли сбѣгали съ чашки на песокъ.

— Вы безжалостны! сказалъ онъ: — можно ли такъ мучить меня?

— Посмотрите, посмотрите, Александръ Федорычъ, вдругъ перебила Надинька, погруженная въ свое занятіе: — попаду ли я каплей на букашку, вотъ что ползетъ по дорожкѣ?... Ахъ, пошла! бѣдненькая! она умретъ! сказала она; потомъ заботливо подняла букашку, положила себѣ на ладонь и начала дышать на нее.

— Какъ васъ занимаетъ букашка! сказалъ онъ съ досадой.

— Бѣдненькая! посмотрите: она умретъ, говорила Надинька съ грустью: — что я сдѣлала?

Она несла нѣсколько времени букашку на ладони, и когда та зашевелилась и начала ползать взадъ и впередъ по рукѣ, Надинька вздрогнула, быстро сбросила ее на землю и раздавила ногой, примолвивъ: «мерзкая букашка!»

— Гдѣ же вы были? спросила она потомъ.

— Вѣдь я сказалъ....

— Ахъ, да! у дядюшки. Много было гостей? Пили шампанское? Я даже отсюда слышу, какъ пахнетъ шампанскимъ.

— Да нѣтъ: не у дядюшки! въ отчаяніи перебилъ Александръ: — кто вамъ сказалъ?

— Вы же сказали.

— Да у него, я думаю, теперь за столъ садятся; вы не знаете этихъ обѣдовъ: развѣ такой обѣдъ кончается въ одинъ часъ?

— Вы обѣдали два — пятый и шестой.

— А когда же я ѣхалъ сюда?

Она ничего не отвѣчала, прыгнула и достала вѣтку акаціи, потомъ побѣжала по дорожкѣ.

Адуевъ за ней.

— Куда же вы? спросилъ онъ.

— Куда! какъ куда! вотъ прекрасно! къ маменькѣ.

— Зачѣмъ? Можетъ быть, мы ее беспокоимъ?

— Нѣтъ, ничего.

Марья Михайловна, маменька Надежды Александровны, была одна изъ тѣхъ добрыхъ и нехитрыхъ матерей, которыя

находить прекраснымъ все, что ни дѣлають дѣтки. Марья Михайловна велить, напримѣръ, заложить коляску.

— Куда это, маменька? спросить Надинька.

— Поѣдемъ прогуляться; погода такая славная, говорить мать.

— Какъ можно, маменька; Александръ Федорычъ хотѣлъ быть.

И коляска откладывалась.

Въ другой разъ Марья Михайловна усядется за свой нескончаемый шарфъ и начнетъ вздыхать, нюхать табакъ и перебирать костяными спицами, или углубится въ чтеніе французскаго романа.

— Матап, чтожь вы не одѣваетесь? спросить Надинька строго.

— А куда?

— Да вѣдь мы пойдёмъ гулять.

— Гулять?

— Да. Александръ Федорычъ придетъ за нами. Ужь вы и забыли!

— Да я не знала.

— Какъ этого не знать! скажетъ Надинька съ неудовольствіемъ.

Мать покидала и шарфъ, и книгу, и шла одѣваться. Такъ Надинька пользовалась полною свободою, распоряжалась и собою, и маменькою, и своимъ временемъ, и занятіями, какъ хола. Впрочемъ, она была и добрая и нѣжная дочь, нельзя сказать — послушная, потому только, что не она, а мать слушалась ее; за то, можно сказать, что она имѣла послушную мать.

— Подите къ маменькѣ, сказала Надинька, когда они подошли къ дверямъ залы.

— А вы?

— Я послѣ приду.

— Ну, такъ и я послѣ.

— Нѣтъ, идите впередъ.

Александръ вошелъ и тотчасъ же, на цыпочкахъ, воротился назадъ.

— Она дремлетъ въ креслахъ, сказалъ онъ шопотомъ.

— Ничего, пойдёмте. Матап, а матап!

— А!

— Александръ Федорычъ пришелъ.

— А!

— Мг. Адуевъ хочетъ васъ видѣть.

— А!

— Видите, какъ крѣпко уснула. Не будите ее! удерживалъ Александръ.

— Нѣтъ, разбужу. Маман!

— А!

— Да проснитесь; Александръ Федорычъ здѣсь.

— Гдѣ Александръ Федорычъ? говорила Марья Михайловна, глядя прямо на него и поправляя сдвинувшійся на сторону чепецъ. — Ахъ! это вы, Александръ Федорычъ? Милости просимъ! А я вотъ сѣла тутъ, да и вздремнула, сама не знаю отъ-чего, видно къ погодѣ. У меня что-то и мозоль начинаетъ побаливать — быть дождю! Дремлю, да и вижу во снѣ, что будто Игнатій докладываетъ объ гостяхъ, только не поняла объ комъ. Слышу, говоритъ, пріѣхали, а кто, не пойму. Тутъ Надинька кличетъ, я сейчасъ же и проснулась. У меня легкій сонъ: чуть кто скрипнетъ, я ужъ и смотрю. Садитесь-ка, Александръ Федорычъ, здоровы ли вы?

— Покорно благодарю.

— Петръ Иванычъ здоровъ ли?

— Слава Богу, покорно благодарю.

— Что онъ не навѣститъ насъ никогда? Я вотъ еще вчера думала: хоть-бы, думаю, разъ заѣхалъ когда нибудь, а то нѣтъ — видно занятъ?

— Очень занятъ, сказалъ Александръ.

— И васъ другой день не видать! продолжала Марья Михайловна. — Давича проснулась, спрашиваю, что Надинька? Спитъ еще, говорятъ. — Ну пускай ее спать, говорю, цѣлый день па воздухъ — въ саду, погода стоитъ хорошая, устанетъ. Въ ея лѣта спится крѣпко, не то, что въ мои: такая бессонница бываетъ, повѣрите ли? даже тоска сдѣлается; отъ нервъ, что ли, не знаю. Вотъ подають мнѣ кофе: я вѣдь всегда въ постель его пью — пью да думаю: «ахъ батюшки, что это значить, Александра Федорыча не видать? ужъ здоровъ ли?» Потомъ встала, смотрю 11-й часъ — прошу покорнѣйше! людшки и не скажутъ! Прихожу къ Надинькѣ — она еще и не просыпалась. Я разбудила ее. «Пора, молъ, мать моя: скоро 12 часъ.

что это съ тобой?» Я вѣдь цѣлый день за ней, какъ нянька. Я и гувернантку отпустила нарочно, чтобъ не было чужихъ. Вѣдь, пожалуй, чужимъ, такъ, Богъ знаетъ, что сдѣлаютъ. Нѣтъ! я сама занималась ея воспитаніемъ, строго смотрю, отъ себя ни на шагъ, и могу сказать, что Надинька чувствуетъ это: отъ меня тайкомъ и мысли никакой не допустить. Я ее какъ будто насквозь вижу. Тутъ поваръ пришелъ; съ нимъ съ часъ толковала; тамъ почитала *Memoires du diable*... ахъ, какой пріятный авторъ Сулье! что это, какъ онъ все такъ мило описываетъ! Тамъ сосѣдка, Марья Ивановна, зашла съ мужемъ: такъ я и не видала какъ прошло утро, гляжу ужъ и четвертый часъ и обѣдать пора! Ахъ да! чтожь вы къ обѣду не пришли? мы васъ ждали до 5 часовъ.

— До 5 часовъ? сказалъ Александръ:—я ни какъ не могъ, Марья Михайловна; служба задержала. Я васъ прошу никогда не ждать меня далѣе четырехъ часовъ.

— И я тоже говорила! да вотъ Надинька — «подождемъ, да подождемъ.»

— Я! ахъ, ахъ, тамап, что вы? Не я ли говорю: пора, тамап, обѣдать, а вы сказали: нѣтъ, надо подождать; Александръ Федорычъ давно не былъ: вѣрно придетъ къ обѣду.

— Смотрите-ка, смотрите-ка, — заговорила Марья Михайловна, качая головой: — ахъ, какая безсовѣстная! свои слова да на меня же!

Надинька отвернулась, ушла въ цвѣты и начала дразнить попугая.

— Я говорю: ну, гдѣ теперь Александру Федорычу быть? продолжала Марья Михайловна:—ужъ половина пятого; нѣтъ, говорить, тамап, надо подождать — онъ будетъ. — Смотрю, три четверти: воля твоя, говорю я, Надинька! Александръ Федорычъ вѣрно въ гостяхъ, не будетъ — я проголодалась! — Нѣтъ, говорить, еще подождать надо, до пяти часовъ. — Такъ и проморила меня. Что, не правда, сударыня?

— Попка, попка! слышалось изъ за цвѣтовъ: — гдѣ ты обѣдалъ сегодня? у дядюшки?

— Что? спряталась! продолжала мать: — видно совѣстно на свѣтъ Божій смотрѣть!

— Все нѣтъ, отвѣчала Надинька, выходя изъ боскета, и сѣла у окна.

— И таки не съѣла за столъ! говорила Марья Михайловна: — спросила чашку молока и пошла въ садъ; такъ и не обѣдала. Что? посмотрика-ка мнѣ прямо въ глаза, сударыня.

Александръ обомлѣлъ при этомъ разсказѣ. Онъ взглянулъ на Надиньку, но она обернулась къ неми спиной и щипала листокъ плюща.

— Надежда Александровна! сказалъ онъ: — ужели я такъ счастливъ, что вы думали обо мнѣ?

— Не подходите ко мнѣ, закричала она съ досады, что ея плутни открылись. — Маменька шутить, а вы готовы вѣрить!

— А гдѣжь ягоды, что ты приготовила для Александра Федорыча? спросила мать.

— Ягоды?

— Да, ягоды.

— Вѣдь вы ихъ скушали за обѣдомъ.... отвѣчала Надинька.

— Я! опомнись, мать моя: ты спрятала и мнѣ не дала. Вотъ, говорить, Александръ Федорычъ пріѣдетъ, тогда и вамъ дамъ! Какова?

Александръ нѣжно и лукаво взглянулъ на Надиньку. Она покраснѣла.

— Сама чистила, Александръ Федорычъ, прибавила мать.

— Что это вы все сочиняете, таташ? Я очистила двѣ или три ягодки и тѣ сама съѣла, а то Василиса...

— Не вѣрьте, не вѣрьте, Александръ Федорычъ: Василиса съ утра въ городъ послана. За чѣмъ же скрывать? Александру Федорычу вѣрно пріятнѣе, что ты чистила, а не Василиса.

Надинька улыбнулась, потомъ скрылась опять въ цвѣты и явилась съ полной тарелкой ягодъ. Она протянула Адуеву руку съ тарелкой. Онъ поцаловалъ руку и принялъ ягоды, какъ маршальскій жезлъ.

— Не стоите вы! заставить такъ долго ждать себя! говорила Надинька: — я два часа у рѣшетки стояла; и вообразите! ѣдетъ кто-то: я думала вы и махнула платкомъ — вдругъ незнакомые — какой-то военный! и онъ махнулъ, такой дерзкій...

Вечеромъ приходили и уходили гости. Начало смеркаться. Любецкіе и Адуевъ остались опять втроемъ. Мало по малу разстроилось и это тріо. Надинька ушла въ садъ. Составился нескладный дуэтъ у Марьи Михайловны съ Адуевымъ. Долго пѣла она ему о томъ, что дѣлала вчера, сегодня, что будетъ дѣ-

латъ завтра. Имъ овладѣли томительная скука и безпокойство. Вечеръ наступаетъ быстро, а онъ еще не успѣлъ ни слова сказать Надинькѣ наединѣ. Выручилъ поваръ: благодѣтель пришелъ спросить, что готовить къ ужину. А у Адуева занимался духъ отъ нетерпѣнія, хуже еще, чѣмъ давеча въ лодкѣ. Едва заговорили о котлетахъ, о простоквашѣ, Александръ началъ искусно ретироваться. Сколько маневровъ употребилъ онъ, чтобъ только отойти отъ кресель Марьи Михайловны. Подошелъ сначала къ окну и взглянулъ на дворъ, а ноги такъ и тянули его въ открытую дверь. Потомъ медленными шагами, едва удерживаясь, чтобъ не ринуться опрометью вонъ, онъ перешелъ къ фортепiano, постучалъ въ разныхъ мѣстахъ по клавишамъ, взялъ съ лихорадочнымъ трепетомъ ноты съ пюпитра, взглянулъ въ нихъ и положилъ назадъ; нѣмъ даже твердость понюхать два цвѣтка и разбудить попугая. Тутъ онъ достигъ высшей степени нетерпѣнія; двери были подлѣ, но уйти какъ-то все неловко — надо было простоять минуты двѣ и выйти, какъ будто нечаянно. А поваръ ужь сдѣлалъ два шага назадъ, еще слово — и уйдетъ, тогда Любецкая непременно обратится опять къ нему. Александръ не вытерпѣлъ и, какъ змѣй, выскользнулъ въ двери и, соскочивъ съ крыльца, не считая ступеней, въ нѣсколько шаговъ очутился въ концѣ аллеи — на берегу, подлѣ Надиньки.

— Насилу вспомнили обо мнѣ! сказала она на этотъ разъ съ кроткимъ упрекомъ.

— Ахъ, что за муку я вытерпѣлъ! отвѣчалъ Александръ: — а вы не помогли!

Надинька показала ему книгу.

— Вотъ чѣмъ бы я вызвала васъ, еслибъ вы не пришли еще минуту, сказала она. — Садитесь, теперь шашап.ужь не придетъ: она боится сырости. Мнѣ такъ много, такъ много надо сказать вамъ.... ахъ!

— И мнѣ тоже.... охъ!

И ничего не сказали или почти ничего, такъ кое-что, о чемъ ужь говорили десять разъ прежде. Обыкновенно чтó — мечты, небо, звѣзды, симпатія, счастье. Разговоръ больше происходилъ на языкѣ взглядовъ, улыбокъ и междометій. Книга валялась на травѣ.

Наступала ночь... нѣтъ, какая ночь! развѣ лѣтомъ въ Петербургѣ бываютъ ночи? это не ночь, а.... тутъ надо бы выдумать

другое названіе, — такъ, полусвѣтъ. Все тихо кругомъ ; Нева точно спала ; нрѣдка , будто въ просонкахъ , она плеснетъ легонько волной въ берегъ и замолчить. А тамъ опять откуда ни возьмется поздній вѣтерокъ , пронесется надъ сонными водами , но не сможетъ разбудить ихъ , а только зарябитъ поверхность и повѣетъ прохладой на Надьнку и Александра , или принесетъ имъ звукъ дальней пѣсни , и снова все смолкнетъ , и опять Нева неподвижна , какъ спящій человекъ , который при легкомъ шумѣ откроетъ на минуту глаза и тотчасъ снова закроетъ ; и сонъ пуще сомкнетъ его отяжелѣвшіе вѣки. Потомъ со стороны моста послышится какъ будто отдаленный громъ , а вслѣдъ за тѣмъ лай сторожевой собаки съ ближайшей тони , и опять все тихо. Деревья образовали темный сводъ и чуть чуть , безъ шума качали вѣтвями. На дачахъ по берегамъ мелькали огоньки. Что особеннаго тогда носится въ этомъ тепломъ воздухѣ ? Какая тайна пробѣгаетъ по цвѣтамъ , деревьямъ , по травѣ , и приводитъ все въ дивную гармонию и вѣетъ неизяснимой нѣгой на душу ? за чѣмъ въ ней тогда рождаются инныя мысли , инныя чувства , нежели въ шумѣ , среди людей ? чѣмъ тогда трепещетъ сердце ? Богъ—вѣсть. А какая обстановка для любви въ этомъ снѣ природы , въ этомъ сумракѣ , въ безмолвныхъ деревьяхъ , благоухающихъ цвѣтахъ и удивленіи ! Какъ могущественно все настроивало умъ къ мечтамъ , сердце — къ тѣмъ рѣдкимъ ощущеніямъ , которыя , во всегдашней , правильной и строгой жизни , кажутся такими бесполезными , неумѣстными и смѣшными отступленіями... да ! бесполезными , а между тѣмъ , въ тѣ минуты душа только и постигаетъ смутно возможность счастья , котораго такъ усердно ищутъ въ другое время и не находятъ.

Александръ и Надьнка подошли къ рѣкѣ и оперлись на рѣшетку. Надьнка долго , въ раздумьи , смотрѣла на Неву , на даль , Александръ на Надьнку. Души ихъ были переполнены счастьемъ , сердца сладко и вмѣстѣ какъ-то болѣзненно ныли , но языкъ безмолствовалъ. Вотъ Александръ тихо коснулся ея талии. Она тихо отвела локтемъ его руку. Онъ дотронулся опять , она отвела слабѣе , не спуская глазъ съ Невы. Въ третій разъ не отвела. Онъ взялъ ее за руку , — она не отняла и руки ; онъ пожалъ руку : рука отвѣчала на пожатіе. Такъ стояли они молча , а что чувствовали !

— Надьнка ! сказалъ онъ тихо.

Она молчала.

Александръ, съ замирающимъ сердцемъ, наклонился къ ней. Она почувствовала горячее дыханіе на щекѣ, вздрогнула, обернулась и — не отступила въ благородномъ негодованіи, не вскрикнула! — она не въ силахъ была притвориться и отступить: обаяніе любви заставило молчать разсудокъ, и когда Александръ прильнулъ губами къ ея губамъ, она отвѣчала на поцалуй, хотя слабо, чуть внятно. «Не прилично! скажутъ строгія маменьки:— одна въ саду, безъ матери, цалуется съ молодымъ человѣкомъ!» Что дѣлать, не прилично, — но она отвѣчала на поцалуй!

— Можетъ ли быть человѣкъ такъ счастливъ? сказалъ про себя Александръ и опять наклонился къ ея губамъ и пробылъ такъ нѣсколько секундъ.

Она стояла, блѣдная, неподвижная, на рѣсницахъ блистали слезы, грудь дышала сильно и прерывисто.

— Какъ сонъ! шепталъ Александръ.

Вдругъ Надинька встрепенулась, минута забвенія прошла....

— Что это такое! вы забылись! вдругъ сказала она и бросилась отъ него на нѣсколько шаговъ. — Я маменькѣ скажу!

Александръ упалъ съ облаковъ.

— Надежда Александровна! не разрушайте моего блаженства пошлымъ упрекомъ, началъ онъ: — не будте похожи на....

Она посмотрѣла на него, и вдругъ, громко, весело засмѣялась, опять подошла къ нему, опять стала у рѣшетки и доверчиво оперлась рукой и головой на его плечо.

— Такъ вы меня очень любите? спросила она, отирая слезу, выкатившуюся на щеку.

Александръ сдѣлалъ невыразимое движеніе плечами. На лицѣ его было «преглупое выраженіе», сказалъ бы Петръ Ивановичъ, что можетъ быть и правда, но за то сколько счастья въ этомъ глупомъ выраженіи! Они попрежнему молча смотрѣли и на воду, и на небо, и на даль, будто между ними ничего не было. Только боялись взглянуть другъ на друга; наконецъ взглянули, улыбнулись и тотчасъ отвернулись опять.

— Ужели есть горе на свѣтѣ? сказала Надинька, помолчавъ.

— Говорятъ, есть.... задумчиво отвѣчалъ Адуевъ: — да я не вѣрю....

— Какое же горе можетъ быть?

— Дядюшка говоритъ — бѣдность.

— Бѣдность! да развѣ бѣдные не чувствуютъ того же, что мы теперь? вотъ ужь они и не бѣдны.

— Дядюшка говоритъ, что имъ не до того—что надо ѣсть, пить....

— Фи! ѣсть! Дядюшка вашъ не правду говоритъ: можно и безъ этого быть счастливыми: я не обѣдала сегодня, а какъ я счастлива!

Онъ засмѣялся.

— Да, за эту минуту я отдала бы бѣднымъ все, все! продолжала Надинька:—пусть придутъ бѣдные. Ахъ! зачѣмъ я не могу утѣшить и обрадовать всѣхъ какой нибудь радостью?

— Ангелъ! ангелъ! сказалъ Александръ, сжавъ ея руку.

— Охъ, какъ вы больно жмете! вдругъ перебила Надинька, сморщивъ брови и отнявъ руку.

Но онъ схватилъ руку опять и началъ цаловать съ жаромъ.

— Какъ я буду молиться, продолжала она:—сегодня, завтра, всегда за этотъ вечеръ! какъ я счастлива! а вы?...

Вдругъ она задумалась, въ глазахъ мелькнула тревога.

— Знаете ли сказала она:— говорятъ, будто что было однажды, то ужь никогда больше не повторится! Стало быть и эта минута не повторится? — Глаза ея отуманились.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ Александръ, это не правда: повторится! будутъ лучше минуты; да, я чувствую!...

Она недовѣрчиво покачала головой. И ему пришли въ голову уроки дяди, и онъ вдругъ остановился.

— Нѣтъ, говорилъ онъ самъ съ собой:—нѣтъ, быть не можетъ! дядя не зналъ такого счастья! отъ-того онъ такъ строгъ и недовѣрчивъ къ людямъ. Бѣдный! мнѣ жаль его холоднаго, чорстваго сердца: оно не знало этого упоенія; вотъ отъ-чего это жолчное гоненіе на жизнь. Богъ его простить! Еслибъ онъ видѣлъ мое блаженство, и онъ не наложилъ бы на него руки, не оскорбилъ бы нечистымъ сомнѣніемъ. Мнѣ жаль его....

— Нѣтъ, Надинька, нѣтъ, мы будемъ счастливы! продолжалъ онъ вслухъ:— посмотри вокругъ: не радуется ли все здѣсь, глядя на нашу любовь? самъ Богъ благословить ее. Какъ весело пройдемъ мы жизнь рука объ руку! какъ будемъ *горды, велики взаимной любовью!*

— Ахъ, перестаньте, перестаньте загадывать! перебила она: — не пророчьте! мнѣ что-то страшно дѣлается, когда вы говорите такъ. Мнѣ и теперь грустно....

— Чего же бояться? Не ужели нельзя вѣрить самимъ себѣ?

— Нельзя, нельзя! говорила она, качая головой.

Онъ посмотрѣлъ на нее и задумался.

— Отъ-чего? Что же, началъ онъ потомъ: — можетъ разрушить этотъ миръ нашего счастья? кому нужна до насъ? Мы всегда будемъ одни, станемъ удаляться отъ другихъ; что намъ до нихъ за дѣло? и что за дѣло имъ до насъ? насъ не вспомнить, забудутъ, и тогда насъ не потревожатъ и слухи о горѣ и бѣдахъ, точно такъ, какъ теперь, здѣсь, въ саду, никакой звукъ не тревожитъ этой торжественной тишины....

— Надинька! Александръ Федорычъ! раздалось вдругъ съ крыльца: — гдѣ вы?

— Слышите! сказала съ испугомъ Надинька: — вотъ намекъ судьбы! эта минута не повторится больше, я чувствую....

Она схватила его за руку, сжала ее, поглядѣла на него какъ-то странно, печально и вдругъ бросилась въ темную аллею.

Онъ остался одинъ.

— Александръ Федорычъ! раздалось опять съ крыльца: — простокваша давно на столѣ.

Онъ пожалъ плечами и пошелъ въ комнату.

— За мигомъ невыразимаго блаженства — вдругъ простокваша!! сказалъ онъ Надинькѣ. — Ужели все такъ въ жизни?

— Лишь бы не было хуже, весело отвѣчала она: — а простокваша очень хороша, особенно для того, кто не обѣдалъ.

Счастье одушевило ее. Щоки ея пылали румянцемъ, глаза горѣли необыкновеннымъ блескомъ. Какъ заботливо хозяйничала она, какъ весело болтала! не было и тѣни мелькнувшей мгновенно печали. Радость поглотила ее.

Заря охватила уже полнеба, когда Адуевъ сѣлъ въ лодку. Гребцы, въ ожиданіи обѣщанной награды, поплевали на руки и начали было по давишнему привскакивать на мѣстахъ, изо всей мочи работая веслами.

— Тише вѣхать! сказалъ Александръ: — еще полтинникъ на водку!

Они поглядѣли на него, потомъ другъ на друга. Одинъ почесалъ грудь, другой спину, и стали чуть шевелить веслами, едва дотрогиваясь до воды. Лодка поплыла, какъ лебедь.

— И дядюшка хочетъ увѣрить меня, что счастье химера, что нельзя безусловно вѣрить ничему, что жизнь.... бессобытнѣй! зачѣмъ онъ хотѣлъ такъ жестоко обмануть меня? Нѣтъ! вотъ жизнь! такъ я воображалъ ее себѣ, такова она должна быть, такова есть и такова будетъ! Иначе нѣтъ жизни!

Свѣжій, утреннѣй вѣтерокъ чуть чуть подулъ съ сѣвера. Александръ слегка вздрогнулъ, и отъ вѣтерка и отъ воспоминашя, потомъ зѣвнулъ и, закутавшись въ плащъ, погрузился въ мечты.

ГЛАВА V.

Адуевъ достигъ апогея своего счастья. Ему нечего было болѣе желать. Служба, журнальные труды, — все забыто, заброшено. Его ужъ обошли мѣстомъ, онъ едва примѣтилъ это, и то потому, что напомнилъ дядя. Петръ Ивановичъ совѣтовалъ бросить пустяки, но Александръ при словѣ «пустяки» пожималъ плечами, съ сожалѣнiемъ улыбался и молчалъ. Дядя, увидя бесполезность своихъ представлений, тоже пожалъ плечами, улыбнулся съ сожалѣнiемъ и замолчалъ, примолвивъ только: «какъ хочешь, это твое дѣло, только, смотри, презрѣннаго металла не проси».

— Не бойтесь, дядюшка, говорилъ на это Александръ: — худо, когда мало денегъ, много мнѣ не нужно, а довольно у меня есть.

— Ну, поздравляю тебя, примолвилъ Петръ Ивановичъ.

Александръ видимо избѣгалъ его. Онъ потерялъ всякую довѣренность къ его печальнымъ предсказанiямъ, да и боялся и не любилъ его холоднаго взгляда на любовь вообще и оскорбительныхъ намековъ на отношенiя его къ Надинькѣ. Ему противно было слушать, какъ дядя, разбирая любовь его, просто, по общимъ и одинакимъ будто бы для всѣхъ законамъ, профанировалъ это высокое, святое, по его мнѣнiю, дѣло. Онъ таилъ свои радости, всю эту перспективу розоваго счастья, предчувствуя, что чуть коснется его анализъ дяди, то, того и гляди, розы раз-

сыплются въ прахъ или превратятся въ назѣмъ. А дядя сначала набѣгалъ его отъ-того, что вотъ, думалъ, малый залѣнится, замотается, придетъ къ нему за деньгами, сядетъ на шею.

Въ походкѣ, взглядѣ, во всемъ поведеніи Александра было что-то торжественное, таинственное. Онъ обращался съ другими, какъ богатый капиталистъ на биржѣ съ мелкими купцами, скромно и съ достоинствомъ, думая про себя: жалкіе! кто изъ васъ обладаетъ такимъ сокровищемъ, какъ я? кто такъ умѣетъ чувствовать? чья могучая душа и пр.... Онъ былъ увѣренъ, что онъ одинъ на свѣтѣ такъ любитъ и любимъ.

Впрочемъ, онъ набѣгалъ не только дяди, но и толпы, какъ онъ говорилъ. Онъ или поклонялся своему божеству, или сидѣлъ дома, въ кабинетѣ, одинъ, упиваясь блаженствомъ, анализируя его, какъ никакой ученый не анализируетъ своей идеи, разлагая его на безконечно малые атомы. Онъ называлъ это *творить особый міръ*, и, сидя въ своемъ уединеніи, точно сотворилъ себѣ изъ ничего какой-то міръ и обрѣтался больше въ немъ, а на службу ходилъ рѣдко и не охотно, называя ее *горькою необходимостію, необходимымъ зломъ или печальной прозой*. Вообще у него много было вариантовъ на этотъ предметъ. Къ редактору и къ знакомымъ вовсе не ходилъ. Бесѣдовать съ своимъ я было для него высшею отрадою. — Наединѣ съ собою только, — писалъ онъ въ какой-то повѣсти, — человѣкъ видитъ себя, какъ въ зеркалѣ, тогда только научается вѣрить въ человѣческое величіе и достоинство! Какъ прекрасенъ онъ въ этой бесѣдѣ съ своими душевными силами; какъ вождь, онъ дѣлаетъ имъ строгій обзоръ, строитъ ихъ по мудро обдуманному плану и стремится во главѣ ихъ, и дѣйствуетъ и зиждетъ! Какъ жалокъ, напротивъ, кто не умѣетъ и боится быть съ собою, кто бѣжитъ отъ самого себя и всюду ищетъ общества чуждаго ума и духа....» Подумаешь, мыслитель какой нибудь открываетъ новые законы строенія міра или бытія человѣческаго, а то просто влюбленный!

Вотъ онъ сидитъ въ вольтеровскихъ креслахъ. Передъ нимъ листъ бумаги, на которомъ набросано нѣсколько стиховъ. Онъ то наклонится надъ листомъ и сдѣлаетъ какую нибудь поправку, или прибавитъ два-три стиха, то опрокинется на спинку кресель и задумается. На губахъ блуждаетъ улыбка; видно, что онъ только лишь отвелъ ихъ отъ полной чаши счастья. Глаза у него

закроются томно, какъ у дремлющаго кота, или вдругъ сверкнуть огнемъ внутренняго волненія. Кругомъ тихо. Только издали, съ большой улицы, слышится гулъ отъ экипажей, да повремениамъ Евсей, уставъ чистить сапогъ, заговорить вслухъ: «какъ бы не забыть: давеча въ лавочкѣ на грошъ уксусу взялъ, да на гривну капусты, завтра надо отдать, а то лавочникъ, пожалуй, въ другой разъ и не повѣритъ, такая собака! Фунтами хлѣбъ вѣшаютъ, словно въ голодный годъ; срамъ! Ухъ, Господи, умаляса, вотъ только дочистишу этотъ сапогъ и спать! Въ Грачахъ, чай, давно снать; не поздѣшнему! Когда-то Господь Богъ приведетъ увидѣть....» Тутъ онъ вздохнулъ, подышалъ на сапогъ и опять началъ шмыгать щеткой. Онъ считалъ это занятіе главною и чуть ли не единственною своею обязанностию, и вообще способностью чистить сапоги измѣрялъ достоинство слуги и даже человѣка; самъ онъ чистилъ съ какою-то страстью.

— Перестань, Евсей! ты мнѣ мѣшаешь дѣло дѣлать своими пустяками! кричалъ Адуевъ.

— Пустяки, ворчалъ про себя Евсей: — какъ не пустяки: у тебя такъ вотъ пустяки, а я дѣло дѣлаю; вишь вѣдь какъ загрязнилъ сапоги, насилу отчистишь. Онъ поставилъ сапогъ на столъ и глядѣлся съ любовью въ зеркальный лоскъ кожи.

— Поди-ка, вычисти кто эдакъ, примолвилъ онъ: — пустяки!

Александръ все глубже и глубже погружался въ свои мечты о Надинькѣ, потомъ въ творческія мечты. На столѣ было пусто. Все, что напоминало о прежнихъ его занятіяхъ, о службѣ, о журнальной работѣ, лежало подъ столомъ, или на шкафѣ, или подъ кроватью. «Одинъ видъ *этой грязи*, говорилъ онъ: — пугаетъ творческую думу, и она улетаетъ, какъ соловей изъ рощи, при внезапномъ скрипѣ немазаныхъ колесъ, раздавшемся съ дороги». Какъ часто заря заставляла его надъ какой нибудь элегіей. Всѣ часы, проводимые не у Любецкихъ, посвящались творчеству. Онъ напишетъ стихотвореніе и прочтетъ его Надинькѣ, та переписать его на хорошенькой бумажкѣ и выучить, и онъ «позналъ высшее блаженство поэта — слышать свое произведеніе изъ милыхъ устъ.» — «Ты моя муза, говорилъ онъ ей: — будь Вестою этого священнаго огня, который горитъ въ моей груди; ты оставишь его — и онъ заглохнетъ навсегда». Потомъ онъ посылалъ стихи подъ чужимъ именемъ въ журналъ. Ихъ печатали, потому-что они были не дурны, мѣстами не

безъ энергій и всё проникнуты пылкимъ чувствомъ; всегда написаны гладко. Надинька гордилась его любовью и звала его «мой поэтъ». — «Да, твой, вѣчно твой», прибавлялъ онъ. Впередѣ улыбалась слава, и вѣнокъ, думалъ онъ, сплететь ему Надинька, и перевѣсть лавръ миртами, а тамъ.... «Жизнь, жизнь, какъ ты прекрасна! восклицалъ онъ. — А дядя? Зачѣмъ смущаетъ онъ миръ моей души? Не демонъ ли это, посланный мнѣ судьбою? Зачѣмъ отравляетъ онъ желчью все мое благо? не изъ зависти ли, что сердце его чуждо этимъ чистымъ радостямъ, или, можетъ быть, изъ мрачнаго желанія вредить.... о, дальше, дальше отъ него!... Онъ убьетъ, заразитъ своею ненавистью мою любящую душу, развратитъ ее....» И онъ бѣжалъ отъ дяди, не видался съ нимъ по цѣлымъ недѣлямъ, по мѣсяцамъ. А если, при встрѣчѣ, разговоръ заходилъ о чувствѣ, онъ насмѣшливо молчалъ, или слушалъ, какъ челоуѣкъ, котораго убѣжденія нельзя покорять никакими доводами. Онъ свои сужденія считалъ непогрѣшительными, мнѣнія и чувства непреложными, и рѣшился впередъ руководствоваться только ими, говоря, что онъ уже не мальчикъ, и что *зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?* и пр. А дядя былъ все тотъ же: онъ ни о чемъ не спрашивалъ племянника, не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить его продѣлокъ. Видя, что положеніе Александра не измѣняется, что онъ ведетъ прежній образъ жизни, не проситъ у него денегъ, онъ сталъ съ нимъ ласковъ по прежнему и слегка упрекалъ, что рѣдко бываетъ у него. — Жена сердится на тебя, говорилъ онъ: — она привыкла считать тебя роднымъ; мы обѣдаемъ каждый день дома, заходи. — И только. Но Александръ рѣдко заходилъ, да и некогда было. Утро на службѣ, послѣ обѣда до ночи у Любецкихъ; оставалась ночь, а ночью онъ уходилъ въ свой особенный, сотворенный имъ миръ и продолжалъ творить. Да притомъ, не мѣшаетъ же вѣдъ и соснуть немножко. Въ взященной прозѣ онъ былъ менѣе счастливъ. Онъ написалъ комедію, двѣ повѣсти, какой-то очеркъ и путешествіе куда-то. Дѣятельность его была изумительна, бумага такъ и горѣла подъ перомъ. Комедію и одну повѣсть сначала показалъ дядѣ и просилъ сказать, годится ли? Дядя прочиталъ на выдержку нѣсколько страницъ и отослалъ назадъ, написавъ сверху: годится для перегородки!

Александръ взбѣсился и отослалъ въ журналъ, но ему возвратили и то и другое. Въ двухъ мѣстахъ на поляхъ комедіи

отмѣчено было карандашемъ : «не дурно», и только. Въ повѣсти часто встрѣчались слѣдующія отмѣтки : «слабо, не вѣрно, не зрѣло, вяло, не развито» и пр., а въ концѣ сказано было : «вообще замѣтно незнаніе сердца, излишняя пылкость, неестественность, все на ходуляхъ, нигдѣ не видно человѣка... герой уродливъ.... такихъ людей не бываетъ.... къ напечатанію неудобно! впрочемъ авторъ, кажется, не безъ дарованія, надо трудиться!...»

— Такихъ людей не бываетъ! подумалъ огорченный и изумленный Александръ : — какъ не бываетъ? да вѣдь герой-то я самъ. Неужели мнѣ изображать этихъ пошлыхъ героевъ, которые встрѣчаются на каждомъ шагу, мыслятъ и чувствуютъ, какъ толпа, дѣлаютъ, что всѣ дѣлаютъ,—эти жалкія лица вседневныхъ мелкихъ трагедій и комедій, не отмѣченныя особой печатью.... унижится ли искусство до того?...

Онъ, въ подтвержденіе чистоты исповѣдуемаго имъ ученія объ изящномъ, призывалъ и тѣнь Байрона, ссылаясь на Гёте и на Шиллера. Героемъ, возможнымъ въ драмѣ или повѣсти, онъ воображалъ не иначе, какъ какогонибудь корсара, или великаго поэта, артиста, и заставлялъ ихъ дѣйствовать и чувствовать по своему. Въ одной повѣсти мѣстомъ дѣйствія избралъ онъ Америку; обстановка была роскошная; американская природа, горы и среди всего этого изгнанникъ, похитившій свою возлюбленную. Цѣлый міръ забылъ ихъ; они любовались собой да природой, и когда пришла вѣсть о прощеніи и возможность возвратиться на родину, они отказались. Потомъ, лѣтъ черезъ двадцать, какой-то Европейецъ пріѣхалъ туда, пошелъ въ сопровожденіи Индѣйцевъ на охоту и нашелъ на одной горѣ хижину и въ ней скелеть, — Европейецъ былъ соперникъ героя. Какъ казалась ему хороша эта повѣсть, съ какимъ восторгомъ читалъ онъ ее въ зимніе вечера Надинкѣ, какъ жадно она внимала ему! и не принять этой повѣсти!

Объ этой неудачѣ онъ ни полслова Надинкѣ : проглотилъ обиду молча, и концы въ воду. — Что же повѣсть, спрашивала она : — напечатали? — Нѣтъ! говорилъ онъ : — нельзя; тамъ много такого, что у насъ покажется дико и странно....

Еслибъ онъ зналъ, какую правду сказалъ онъ, думая сказать ее совсѣмъ въ другомъ смыслѣ!

Трудиться казалось ему тоже страннымъ. «Зачѣмъ же талантъ? говорилъ онъ, — трудится бездарный труженикъ, — талантъ творить легко и свободно....» Но вспомнивъ, что статья его о сельскомъ хозяйствѣ, да и стихи тоже, были сначала такъ, ни то, ни сѣ, а потомъ постепенно совершенствовались и обратили на себя особенное вниманіе публики, онъ задумался, понявъ нелѣпость своего заключенія и со вздохомъ отложилъ изящную прозу до другого времени, — когда сердце будетъ биться ровнѣе, мысли придуть въ порядокъ; тогда онъ далъ себѣ слово заняться, какъ слѣдуетъ.

Дни шли за днями, дни непрерывныхъ наслажденій для Александра. Онъ счастливъ былъ, когда поцалуетъ кончикъ пальца Надиньки, просидитъ противъ нея въ картинной позѣ часа два, не спуская съ нея глазъ, сильно вздыхая и декламируя приличные случаю стихи. Справедливость требуетъ сказать, что она иногда на вздохи и стихи отвѣчала зѣвотой. И не мудрено: сердце ея было заято, но умъ оставался празденъ. Александръ не могъ дать ему пищи. Годъ, назначенный Надинькою для испытанія, проходилъ. Она жила съ матерью опять на той же дачѣ. Александръ заговаривалъ о ея обѣщаніи, просилъ позволенія поговорить съ матерью. Надинька отложила было до переѣзда въ городъ, но Александръ настаивалъ. Наконецъ, однажды вечеромъ, при прощаньи, она позволила Александру переговорить на другой день съ ея матерью. Александръ не уснулъ цѣлую ночь, не ходилъ въ должность. Въ головѣ у него вертѣлся завтрашній день, онъ все придумывалъ, какъ говорить съ Марьей Михайловной, сочинилъ было рѣчь, приготовился, но едва вспомнилъ, что дѣло идетъ о надинькиной рукѣ, растерялся въ мечтахъ и опять все забылъ. Такъ онъ пріѣхалъ вечеромъ на дачу, не приготовившись ни въ чемъ, да и не пужно было. Надинька встрѣтила его, по обыкновенію, въ саду, но съ оттѣнкомъ легкой задумчивости въ глазахъ и безъ улыбки, а какъ-то разсѣянно.

— Нынче нельзя говорить съ маменькой, сказала она: — у насъ этотъ гадкій графъ сидитъ!

— Графъ! какой графъ?

— Вотъ не знаете, какой графъ! графъ Новинскій, извѣстно! нашъ сосѣдъ: вотъ его дача! сколько разъ сами хвалили его садъ.

— Графъ Новинскій! у васъ! сказала изумленной Александръ : — по какому случаю?

— Я еще и сама не знаю хорошенько, отвѣчала Надинька: — я сидѣла здѣсь и читала вашу книжку, а маменьки дома не было; она пошла къ Марьѣ Ивановнѣ. Только сталъ накрапывать дождь, я иду въ комнату, вдругъ къ крыльцу подъѣзжаетъ коляска, голубая съ бѣлой обивкой, та самая, что все мимо насъ ѣздила: еще вы хвалили. Смотрю, выходитъ маменька съ какимъ-то мужчиной. Вошли, — маменька и говоритъ: «вотъ, графъ, это дочь моя; прошу любить да жаловать». Онъ поклонился и я тоже, мнѣ стыдно стало, я покраснѣла и убѣжала въ свою комнату. А маменька, такая несносная, слышу, говоритъ: «извините, графъ, она у меня такая дикарка....» Тутъ я и догадалась, что это долженъ быть нашъ сосѣдъ, графъ Новинскій. Вѣрно онъ завезъ маменьку въ экипажѣ отъ Марьи Ивановны, отъ дождя.

— Онъ.... старикъ? спросилъ Александръ.

— Какой старикъ, фи! что вы: — молодой, хорошенькій....

— Ужь вы успѣли разсмотрѣть, что хорошенькій! съ досадой сказалъ Александръ.

— Вотъ прекрасно — долго ли разсмотрѣть? Я съ нимъ ужъ говорила: ахъ, онъ прелюбезный! спрашивалъ, что я дѣлаю; объ музыкѣ говорилъ, просилъ спѣть чтонибудь, да я не стала, я почти не умѣю. Нынѣшней зимой непременно попрошу папаша взять мнѣ хорошаго учителя пѣнія. Графъ говоритъ, что это нынче очень въ модѣ — пѣть.

Все это было сказано съ необыкновенною живостію.

— Я думалъ, Надежда Александровна, замѣтилъ Адуевъ: — что нынѣшней зимой у васъ, кромѣ пѣнія, будетъ занятіе....

— Какое же? спросила Надинька.

— Какое! съ упрекомъ сказалъ Александръ.

— Ахъ! да.... что вы на лодкѣ сюда пріѣхали?

Онъ молча смотрѣлъ на нее. Она повернулась и пошла къ дому.

Адуевъ не совсѣмъ покойно вошелъ въ залу. Что за графъ? Какъ съ нимъ вести себя? каковъ онъ въ обращеніи? гордъ? небреженъ? Вошелъ. Графъ первый всталъ и вѣжливо поклонился. Александръ отвѣчалъ принужденнымъ и неловкимъ поклономъ. Графъ почему-то не нравился ему. А онъ былъ прекрас-

ный мужчина, высокій, стройный блондинъ, съ большими выразительными глазами, съ пріятной улыбкой. Въ манерахъ простота, изящество, какая-то мягкость. Онъ, кажется, расположилъ бы къ себѣ всякаго, но Адуева не расположилъ. Александръ, несмотря на приглашеніе Марьи Михайловны — сѣсть поближе, сѣлъ въ уголъ и сталъ смотрѣть въ книгу, что было очень не свѣтски, неловко, неумѣстно. Надинька стала за кресломъ матери, съ любопытствомъ смотрѣла на графа и слушала, что онъ говоритъ: онъ былъ для нея новостью. Адуевъ не умѣлъ скрыть, что графъ не нравился ему. Графъ, казалось, не замѣчалъ его грубости: онъ былъ внимателенъ и обращался къ Адуеву, стараясь сдѣлать разговоръ общимъ. Все напрасно. Тотъ молчалъ, или отвѣчалъ: да и нѣтъ.

Когда Любецкая случайно назвала его фамилію, графъ спросилъ, не родня ли ему Петръ Ивановичъ!

— Дядя! отвѣчалъ отрывисто Александръ.

— Я съ нимъ часто встрѣчаюсь въ свѣтѣ, сказалъ графъ.

— Можеть быть. Чтожь тутъ мудренаго? отвѣчалъ Адуевъ и какъ-то странно пожалъ плечами.

Графъ скрылъ улыбку, закусивъ немного нижнюю губу. Надинька переглянулась съ матерью, покраснѣла и потупила глаза.

— Вашъ дядюшка умный и пріятный человекъ, замѣтилъ графъ тономъ легкой ироніи.

Адуевъ молчалъ.

Надинька не вытерпѣла, подошла къ Александру, и пока графъ говорилъ съ ея матерью, шепнула ему: — какъ вамъ не стыдно! графъ такъ ласковъ съ вами, а вы?..

— Ласковъ! съ досадой, почти вслухъ отвѣчалъ Александръ: — я не нуждаюсь въ его ласкахъ, не повторяйте этого слова....

Надинька отскочила отъ него прочь и издали долго глядѣла на него неподвижно, сдѣлавъ большіе глаза, потомъ стала опять за стуломъ матери и не обращала уже вниманія на Александра.

А Адуевъ все ждалъ, вотъ графъ уйдетъ, и онъ, наконецъ, успѣетъ переговорить съ матерью. Но пробило десять, одиннадцать часовъ, графъ не уходитъ и все говоритъ. Всѣ предметы, около которыхъ обыкновенно вертится разговоръ въ началѣ знакомства, истощились. Графъ началъ шутить. Какъ умно шу-

тилъ онъ : въ его шуткахъ — ни малѣйшей принужденности, ни претензи на остроуміе, а такъ что-то занимательное, какая-то особенная способность забавно рассказать, и даже не анекдотъ, а просто новость, случай, или однимъ неожиданнымъ словомъ серьёзную вещь превратить въ смѣшную. И мать и дочь совершенно поддались вліянію его шутокъ, и самъ Александръ не разъ прикрывалъ книгой невольную улыбку. Но онъ бѣсился въ душѣ. Графъ говорилъ обо всемъ одинаково хорошо, съ тактомъ, и объ музыкѣ, и о людяхъ, и о чужихъ краяхъ. Зашелъ разговоръ о мужчинахъ, о женщинахъ : онъ побранилъ мужчинъ, въ томъ числѣ и себя, ловко похвалилъ женщинъ вообще, и сдѣлалъ нѣсколько комплиментовъ хозяйкамъ въ особенности. Адуевъ подумалъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ, о стихахъ : «вотъ тутъ бы я его срѣзалъ», подумалъ онъ. Заговорили и о литературѣ, мать и дочь рекомендовали Александра, какъ писателя.

— Вотъ сконфузится-то!—подумалъ Адуевъ. Вовсе нѣтъ. Графъ говорилъ о литературѣ, какъ будто никогда ничѣмъ другимъ не занимался ; сдѣлалъ нѣсколько бѣглыхъ и вѣрныхъ замѣчаній о современныхъ русскихъ и французскихъ знаменитостяхъ. Въ добавокъ ко всему оказалось, что онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ первоклассными русскими литераторами, а въ Парижѣ познакомился съ нѣкоторыми и изъ французскихъ. О не многихъ отозвался онъ съ уваженіемъ, другихъ слегка очертилъ въ карикатурѣ. О стихахъ Александра онъ сказалъ, что не знаетъ ихъ и не слышалъ.... Надинька какъ-то странно посмотрѣла на Адуева, какъ будто спрашивая : «чтожь братъ ты? не далеко уѣхалъ....» Александръ оробѣлъ. Дерзкая и грубая мина уступила мѣсто унынію. Онъ походилъ на пѣтуха съ мокрымъ хвостомъ, прячущагося отъ непогоды подъ навѣсъ.

Вотъ въ буфетѣ зазвенѣли стаканами, ложками, накрываютъ столъ, а графъ не уходитъ. Исчезла всякая надежда. Онъ даже согласился на приглашеніе Любецкой остаться и поужинать простоквашу.

— Графъ, а ѣсть простоквашу! шепталъ Адуевъ, съ ненавистью глядя на графа.

Графъ ужиналъ съ аппетитомъ, продолжая шутить, какъ будто онъ былъ у себя.

— И въ первый разъ въ домѣ, безсовѣстный, а ѣсть за грѣхъ! шепнулъ Александръ Надинькѣ.

— Чтожь! Онъ кушать хочеть! отвѣчала она просто-душно.

Графъ, наконецъ, ушелъ, но говорить о дѣлѣ было поздно. Адуевъ взялъ шляпу и побѣжалъ вонъ. Надинька нагнала его и успѣла успокоить.

— Такъ завтра? спросилъ Александръ.

— Завтра насъ дома не будетъ.

— Ну, послѣ завтра!

Они разстались.

Послѣ завтра Александръ пріѣхалъ пораньше. Еще въ саду до него изъ комнаты доносились незнакомые звуки... віолончель, не віолончель.... Онъ ближе.... поеть мужской голосъ, и какой голосъ! Звучный, свѣжій, который такъ, кажется, и просится въ сердце женщины. Онъ дошелъ до сердца и Адуева, но иначе. Оно замерло, заныло отъ тоски, зависти, ненависти, отъ неяснаго и тяжелаго предчувствія. Александръ вошелъ въ переднюю со двора.

— Кто у васъ? спросилъ онъ у человѣка.

— Графъ Новинскій.

— Давно?

— Съ шести часовъ.

— Скажи тихонько барышнѣ, что я былъ и зайду опять.

— Слушаю-сь.

Александръ вышелъ вонъ и пошелъ бродить по дачамъ, едва замѣчая, куда идетъ. Часа черезъ два онъ воротился.

— Что, все еще у васъ? спросилъ онъ.

— У насъ; да, кажется, кушать останутся. Барыня приказала жарить рябчиковъ къ ужину.

— А ты говорилъ барышнѣ обо мнѣ?

— Говорилъ-сь.

— Ну, чтожь она?

— Ничего не изволила приказывать.

Александръ уѣхалъ домой и не являлся два дня. Богъ знаетъ, что онъ передумалъ и перечувствовалъ, — наконецъ поѣхалъ. Вотъ онъ завидѣлъ дачу, всталъ въ лодкѣ, и прикрывъ глаза рукой отъ солнца, смотрѣлъ впередъ. Вонъ между деревьями мелькаетъ синее платье, которое такъ ловко сидитъ на Надинь-

кѣ; синій цвѣтъ такъ къ лицу ей. Она всегда надѣвала это платье, когда хотѣла особенно нравиться Александру. У него отлегло отъ сердца.

— А! она хочетъ вознаградить меня за временную, невольную небрежность, думалъ онъ: — не она, а я виноватъ; какъ можно было такъ непростительно вести себя? — этимъ только вооружишь противъ себя; чужой человѣкъ, новое знакомство... очень натурально, что она, какъ хозяйка,.... а! вонъ выходитъ изъ за куста съ узенькой тропинки, идетъ къ рѣшеткѣ, тутъ остановится и будетъ ждать.....

Она точно вышла на большую аллею.... но ктожь еще съ ней поворачиваетъ съ дорожки?...

— Графъ! горестно, вслухъ вскрикнулъ Александръ—и не вѣрнулъ своимъ глазамъ.

— Ась? откликнулся одинъ гребецъ.

— Одна съ нимъ въ саду.... шепталъ Александръ: — какъ со мной.....

Графъ съ Надинькой подошли къ рѣшеткѣ и, не взглянувъ на рѣку, повернулись и медленно пошли по аллеѣ назадъ. Онъ наклонился къ ней и говорилъ что-то тихо. Она шла, потупя голову.

Адуевъ все стоялъ въ лодкѣ съ раскрытымъ фтомъ, не шевелясь, протянувъ руки къ берегу, потомъ опустилъ ихъ и сѣлъ. Гребцы продолжали грести.

— Куда вы? бѣшено закричалъ на нихъ Александръ, опомнившись. — Назадъ!

— Назадъ ѣхать? повторилъ одинъ, глядя на него, разинувъ ротъ.

— Назадъ! глухъ что-ли ты?

— А туда не понадобится?

Другой гребецъ молча, проворно сталъ забирать весломъ сѣва, потомъ ударили въ два весла, и лодка быстро помчалась обратно. Александръ нахлобучилъ шляпу чуть не до плечъ и погружился въ мучительную думу.

Послѣ того онъ не ѣздилъ къ Любецкимъ двѣ недѣли. Двѣ недѣли! какой срокъ для влюбленнаго. Но онъ все ждалъ — вотъ пришлютъ человѣка узнать, что съ нимъ? не болѣнъ ли? какъ это всегда дѣлалось, когда онъ захвораетъ или такъ закапризничаетъ. Надинька сначала, бывало, отъ имени матери

сдѣлаетъ вопросъ по формѣ, а потомъ чего не напишетъ отъ себя? Какіе милые упреки, какое нѣжное безпокойство! что за нетерпѣніе!

— Нѣтъ, теперя я не сдамся скоро, думалъ Александръ: — я ее помучаю. Я научу ее, какъ должно обходиться съ посто-роннимъ женщиной; примиреніе будетъ не легко! — И онъ задумалъ жестокой планъ мщенія, мечталъ о раскаяніи, о томъ, какъ онъ великодушно проститъ и дастъ наставленіе. Но къ нему не шлютъ и не несутъ повинной; онъ какъ будто не существовалъ для нихъ. Онъ похудѣлъ, сдѣлался блѣденъ. Ревность мучительнѣе всякой болѣзни, особенно ревность по подозрѣніямъ, безъ доказательствъ. Когда является доказательство, тогда конецъ и ревности, большею частію и самой любви, тогда — знаютъ, по крайней мѣрѣ, что дѣлать, а до тѣхъ поръ — мука! — и Александръ испытывалъ ее вполнѣ.

Наконецъ, онъ рѣшился поѣхать утромъ, думая застать Надиньку одну и объясниться съ ней. Приѣхалъ. Въ саду никого не было, въ залѣ и гостиной тоже. Онъ вышелъ въ переднюю, отворилъ дверь на дворъ... Какая сцена представилась ему! Два жокея, въ графской ливреѣ, держали верховыхъ лошадей. На одну изъ нихъ графъ и человекъ сажали Надиньку. Другая приготовлена была для самого графа. На крыльцѣ стояла Марья Михайловна. Она, наморщившись, съ безпокойствомъ смотрѣла на эту сцену.

— Крѣпче сиди, Надинька, говорила она: — посмотрите, графъ, за ней, ради Христа! Ахъ! я боюсь, ей Богу, боюсь. Придерживайся за ухо-то лошади, Надинька: видишь, она точно бѣсъ — такъ и юлитъ.

— Ничего, шапал, весело сказала Надинька: — я вѣдь ужъ умѣю ѣздить: посмотрите.

Она хлестнула лошадь, та бросилась впередъ и начала прыгать и рваться на мѣстѣ.

— Ахъ, ахъ, держите, закричала Марья Михайловна, махая рукой: — перестань: убьетъ!

Но Надинька потянула поводья и лошадь стала.

— Видите, какъ она меня слушается, сказала Надинька и погладила лошадь по шеѣ.

Адуева никто и не замѣтилъ. Онъ, блѣдный, молча смотрѣлъ на Надиньку. А она, какъ на смѣхъ, никогда не каза-

лась такъ хороша, какъ теперь. Какъ шла къ ней амазонка и эта шляпка съ зеленою вуалью! какъ обрисовывалась ея талія! Лицо одушевлено было стыдливою гордостью и роскошью новаго ощущенія. Румянецъ то пропадалъ, то выступалъ отъ удовольствія на щекахъ ея. Лошадь слегка прыгала и заставляла стройную наѣздницу граціозно наклоняться и откидываться назадъ. Станъ ея покачивался на сѣдлѣ, какъ стебель цвѣтка, колеблемый вѣтеркомъ. Потомъ жокей подвелъ лошадь графу.

— Графъ! мы опять черезъ рощу поѣдемъ? спросила Надинька.

— Опять! подумалъ Адуевъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ графъ.

Лошади тронулись съ мѣста.

— Надежда Александровна! вдругъ закричалъ Адуевъ какими-то дикимъ голосомъ.

Всѣ остановились, какъ вкопанные, какъ будто окаменѣли, и смотрѣли въ недоумѣніи на Александра. Это продолжалось съ минуту.

— Ахъ, это Александръ Федорычъ! первая сказала мать, опомнившись. Графъ привѣтливо поклонился. Надинька проворно откинула вуаль отъ лица, обернулась и посмотрѣла на него съ испугомъ, открывъ немного ротикъ, потомъ быстро отвернулась, стегнула лошадь, та рванулась впередъ и въ два прыжка исчезла за воротами, за нею пустился графъ.

— Тихе, тихе, ради Бога!.. тихе! кричала мать вслѣдъ:— за ухо-то держи. А! Господи Боже мой, того и гляди упадетъ: что это за страсти такія!

И все пропало: слышенъ былъ только лошадиный топотъ, да пыль облакомъ поднялась съ дороги. Александръ остался съ Любецкой. Онъ молча смотрѣлъ на нее, какъ будто спрашивалъ глазами: «что это значитъ?» Та не заставила долго ждать отвѣта.

— Уѣхали, сказала она:— и слѣдъ простыль! Ну, пусть молодежь порѣзвится, а мы съ вами побесѣдуемъ, Александръ Федорычъ. Да что это, двѣ недѣли объ васъ ни слуху, ни духу: разлюбили что-ли насъ?

— Я былъ болѣнъ, Марья Михайловна, угрюмо отвѣчалъ онъ.

— Да, это видно: вы похудѣли, и блѣдные такіе! сядьте-ка поскорѣй, отдохните; да не хотите ли, я прикажу сварить яичекъ въ сметку; до обѣда еще долго!

— Благодарю васъ; я не хочу.

— Отъ-чего? вѣдь сей часъ будутъ готовы; а яича славныя: Чухонецъ только сегодня принесъ.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ.

— Чтожь это съ вами? А я все жду да жду, думаю — чтожь это значить? и самъ не ѣдетъ и книжекъ французскихъ не везетъ. Помните, вы 'обѣщали что-то: *Peau de chagrin*, что-ли? Жду, жду; нѣтъ! разлюбилъ, думаю, Александръ Федорычъ насъ, право, разлюбилъ.

— Я боюсь, Марья Михайловна, не разлюбили ли вы меня?

— Грѣхъ вамъ бояться этого, Александръ Федорычъ! Я люблю васъ, какъ родного; вотъ не знаю, какъ Надинька; да она еще ребенокъ: что смыслить? гдѣ ей цѣнить людей! Я каждый день твержу ей: что это, молъ, Александра Федорыча не видать, что не ѣдетъ? и все — поджидаю. Повѣрите ли, каждый день до 5-ти часовъ обѣдать не садилась, все думала — вотъ подѣдетъ. Ужь и Надинька говорить иногда: «что это, тамап, кого вы ждете? мнѣ ѣсть хочется, и графу я думаю тоже»...

— А графъ... часто бываетъ?... спросилъ Александръ.

— Да, почти каждый день, а иногда по два раза въ одинъ день; такой добрый, такъ полюбилъ насъ.... Ну, вотъ, говорить Надинька: «ѣсть хочу, да и только! пора за столъ». — А какъ Александръ Федорычъ, говорю я, будетъ.... «Не будетъ», говоритъ она. Ну, думаю, не будетъ, такъ чтожь ждать по напрасну? давайте кушать. Иной разъ, такъ — поуямряюсь: будетъ молъ, у меня что-то предчувствіе есть. «Нѣтъ, говоритъ она, хотите пари, что не будетъ? нечего ждать....» Любецкая рѣзала Александра этими словами, какъ ножомъ.

— Она.... такъ и говорила! спросилъ онъ, стараясь улыбнуться.

— Да, такъ таки и говоритъ и торопитъ. Я вѣдь строга, даромъ что смотрю такой доброй. Я ужъ бранила ее: то ждешь, молъ, его до 5 часовъ — не обѣдаешь, то вовсе не хочешь пождать... безтолковая! не хорошо! Александръ Федорычъ старый нашъ знакомый, любить насъ, и дядинька его Петръ Ивановичъ много намъ расположенія своего показалъ.... не хорошо

такъ небрежничать! онъ, пожалуй, разсердится да не станетъ ходить....»

— Чтожь она? спросилъ Александръ.

— А ничего. Вѣдь вы знаете, она у меня такая живая — вскочить, запоеть, да побѣжить, или скажетъ: «пріѣдетъ, если захочетъ!» такая рѣзвушка! и я думаю — пріѣдетъ! Смотришь, еще день пройдетъ — нѣтъ! — я опять: «что это, Надинька, здоровъ ли Александръ Федорычъ?» «Не знаю, говоритъ, тамап, мнѣ почему знать?» «Пошлемъ-ка узнать, что съ нимъ?» Пошлемъ да пошлемъ, да такъ вотъ и послали: я-то забыла, понадѣялась на нее, а она у меня вѣтеръ, — вотъ теперь далась ей эта ѣзда! увидала разъ графа верхомъ изъ окна и пристала ко мнѣ — «хочу ѣздить» да и только! я туда, сюда, нѣтъ — «хочу!» Сумасшедшая! Нѣтъ, въ мое время, какая верховая ѣзда! насъ совсѣмъ не такъ воспитывали. А нынче, ужасъ сказать, дамы стали ужь покуривать: вонъ, напротивъ насъ какая-то молодая вдова живетъ: сидитъ на балконѣ да соломенку цѣлый день и курить; мимо ходять, ѣздить — ей и нужды нѣтъ! Бывало, у насъ, если и отъ мужчины въ гостиной пахнетъ табакомъ....

— Давно это началось? спросилъ Александръ.

— Да не знаю, говорятъ, лѣтъ съ 5 въ моду вошло: вѣдь все отъ Французовъ....

— Нѣтъ-съ: я спрашиваю, давно ли Надежда Александровна ѣздитъ верхомъ?

— Недѣли съ полторы. Графъ такой добрый, такой обходительный! чего, чего не дѣлаетъ для насъ: какъ ее балуетъ! Смотрите, сколько цвѣтовъ! все изъ его саду. Иной разъ совѣстно станеть: что это, говорю, графъ, вы ее балуете? она совсѣмъ ни на что не похожа станеть!... и ее-то побраню. Мы съ Марьей Ивановной да съ Надинькой были у него въ манежъ: я вѣдь, вы знаете, сама за ней наблюдаю: ужь кто лучше матери усмотритъ за дочерью? я сама занималась воспитаніемъ и не хвастаясь скажу: дай Богъ, всякому такую дочь! Тамъ при насъ Надинька и училась. Потомъ, завтракали у него въ саду, да вотъ теперь каждый день и ѣздить. Что это, какой богатый у него домъ! мы смотрѣли; все такъ со вкусомъ, роскошно!

— Каждый день! сказалъ Александръ, почти про себя.

— Да, чтожь не потѣшить! сама тоже молода была.... бывало....

— И долго они ѣздять?

— Да, часа по три. Ну, а вы чѣмъ это заболѣли?

— Я не знаю.... у меня что-то грудь болитъ.... сказалъ онъ, прижавъ руку къ сердцу.

— Вы ничего не принимаете?

— Нѣтъ.

— Вотъ то-то молодые люди! все ничего, все до поры до времени, а тамъ и спохватятся, какъ время уйдетъ! Чтожь вамъ, ломить что ли, ноетъ ли, или рѣжетъ?

— И ломить, и ноетъ, и рѣжетъ! разсѣянно сказалъ Александръ.

— Это простуда; сохрани Боже! не надо запускать, вы такъ уходите себя.... можетъ воспаление сдѣлаться; и никакихъ лекарствъ! знаете что? возьмите-ка оподельдоку, да и трите на ночь грудь крѣпче, втирайте — докрасна, а вмѣсто чаю пейте траву, я вамъ и рецептъ дамъ.

Надинька воротилась блѣдная отъ усталости. Она бросилась на диванъ, едва переводя духъ.

— Смотри-ка! говорила, приложивъ ей руку къ головѣ, Марья Михайловна: — какъ уходилась: на силу дышешь; выпей воды, да поди переодѣнься, распусти шнуровку. Ужь не доведеть тебя эта ѣзда до добра.

Александръ и графъ пробыли цѣлый день. Графъ былъ неизмѣнно вѣжливъ и внимателенъ къ Александру, звалъ его къ себѣ взглянуть садъ, приглашалъ раздѣлать прогулку верхомъ, предлагалъ ему лошадь.

— Я не умѣю ѣздить! холодно сказалъ Адуевъ.

— Вы не умѣете? спросила Надинька: — а какъ это весело! мы опять завтра поѣдемъ, графъ?

Графъ поклонился.

— Полно тебѣ, Надинька, замѣтила мать: — ты беспокоишь графа.

Ничто, однакожь, не показывало, что бы между графомъ и Надинькою существовали особенныя отношенія. Онъ былъ одинаково любезенъ и съ матерью и съ дочерью, — не искалъ случая говорить съ одной Надинькой, не бѣжалъ за нею въ садъ, глядѣлъ на нее точно также, какъ и на мать. Ея свободное об-

ращеніе съ нимъ и прогулки верхомъ объяснялись, съ ея стороны, дикостію и неровностію характера, наивностію, можетъ быть, еще недостаткомъ воспитанія, незнаніемъ условій свѣта, — со стороны матери — слабостію и недалновидностію. Внимательность и услужливость графа и его ежедневныя посѣщенія можно было приписать сосѣдству дачъ и радушному приему, который онъ всегда находилъ у Любецкихъ. Дѣло, кажется, естественное, если глядѣть на него простымъ глазомъ; но Александръ смотрѣлъ въ увеличительное стекло и видѣлъ многое.... многое.... чего простымъ глазомъ не размотришь. Отъ-чего, спрашивалъ онъ себя: — перемѣнилась къ нему Надинька? Она ужъ его не ждетъ въ саду, встрѣчаетъ не съ улыбкой, а съ испугомъ, одѣвается съ нѣкоторыхъ поръ гораздо тщательнѣе. Нѣтъ небрежности въ обращеніи. Она осмотрительнѣе въ поступкахъ, какъ будто стала разсудительнѣе. Иногда у ней кроется въ глазахъ и въ словахъ что-то такое, что похоже на секретъ.... гдѣ милые капризы, дикость, шалости, рѣзвость? Все пропало. Она стала серьезна, задумчива, молчалива. Ее какъ будто что-то мучитъ. Она теперь похожа на всѣхъ дѣвицъ: такая же притворщица, такъ же лжетъ, такъ заботливо спрашиваетъ о здоровьи.... такъ постоянно внимательна, любезна по формѣ.... къ нему.... къ Александру! съ кѣмъ.... о Боже! И сердце его замирало. «Это не даромъ, не даромъ, твердилъ онъ самъ съ собою: — тутъ что-то кроется! Но я узнаю, во что бы то ни стало, и тогда горе....»

Не поущу, чтобъ развратитель,
 Огнемъ и вздохомъ и похвалъ
 Младое сердце искушалъ....
 Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
 Точилъ ливенъ стебелекъ,
 Чтобы двухъ утренній цвѣтокъ
 Увялъ, едва полураскрытый....»

И въ этотъ день, когда графъ уже ушелъ, Александръ старался улучшить минуту, чтобы поговорить съ Надинькой наединѣ. Чего онъ не дѣлалъ? Взялъ книгу, которою она, бывало, вызывала его въ садъ отъ матери, показалъ ей и пошелъ къ берегу, думая — вотъ сейчасъ прибѣжить. Ждалъ, ждалъ — неидеть. Онъ воротился въ комнату. Она сама читала книгу и не взглянула

на него. Онъ сѣлъ подлѣ нея. Она не поднимала глазъ, — потомъ спросила бѣгло, мимоходомъ, занимается ли онъ литературой, не вышло ли чего-нибудь новаго? о прошломъ ни слова.

Онъ заговорилъ съ матерью. Надинька ушла въ садъ. Мать вышла изъ комнаты и Адуевъ бросился также въ садъ. Надинька, завидѣвъ его, встала со скамьи и пошла не на встрѣчу ему, а по круговой аллеѣ, тихонько къ дому, какъ будто отъ него. Онъ ускорилъ шаги, и она тоже.

— Надежда Александровна! закричалъ онъ издали: — мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ два слова.

— Пойдемте въ комнату: здѣсь сыро, отвѣчала она.

Воротясь, она опять сѣла подлѣ матери. Александру чуть не сдѣлалось дурно.

— И вы нынче боитесь сырости? сказалъ онъ съ колкостью.

— Да, теперь такіе темные вечера, и холодные, отвѣчала она, зѣвая.

— Скоро и переѣдемъ! замѣтила мать: — потрудитесь, Александръ Федорычъ, зайти на квартиру и напомнить хозяйну, чтобъ онъ передѣлалъ два замка у дверей да ставню въ надинькиной спальнѣ. Онъ общалъ, забудетъ — того гляди: они всѣ таковы: имъ лишь бы денежки взять!

Адуевъ сталъ прощаться.

— Смотрите же, не на долго! сказала Марья Михайловна.

Надинька молчала.

Онъ ужъ подошелъ къ дверямъ и обернулся къ ней. Она сдѣлала три шага къ нему. Сердце у него встрепенулось.

— Наконецъ! подумалъ онъ.

— Вы будете къ намъ завтра? спросила она холодно, но глаза ея устремились на него съ жаднымъ любопытствомъ.

— Не знаю, а что?

— Такъ, спрашиваю, будете ли?

— А вамъ бы хотѣлось?

— Будете вы завтра къ намъ? повторила она тѣмъ же холоднымъ тономъ, но съ большимъ нетерпѣніемъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ съ досадой.

— А послѣ завтра?

— Нѣтъ! я не буду цѣлую недѣлю, можетъ быть, двѣ.... долго!... И онъ устремилъ на нее испытующій взглядъ, ста-

раясь прочесть въ ея глазахъ, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ отвѣтъ.

Она молчала, но глаза ея, въ одно мгновеніе съ его отвѣтомъ, опустились внизъ — и что было въ нихъ? отуманила ли ихъ грусть, или блеснула въ нихъ молнія радости.... ничего нельзя было прочесть на этомъ мраморномъ, прекрасномъ лицѣ.

Александръ стиснулъ шляпу въ рукѣ и пошелъ вонъ.

— Не забудьте потереть грудь оподельдокомъ! кричала вслѣдъ Марья Михайловна. И вотъ Александру опять задача — разбирать, къ чему былъ сдѣланъ Надинькою вопросъ? что въ немъ заключалось? желаніе или боязнь видѣть его?

— О какая мѹка, какая мѹка! говорилъ онъ въ отчаяніи.

Не выдержавъ бѣдный Александръ: пріѣхалъ на третій день. Надинька была у рѣшетки сада, когда онъ подѣзжалъ. Онъ ужъ было обрадовался, но только что онъ сталъ приближаться къ берегу, она, какъ будто не видя его, повернулась и, сдѣлавъ нѣсколько косвенныхъ шаговъ по дорожкѣ, точно гуляетъ безъ цѣли, пошла домой. Онъ засталъ ее съ матерью. Тамъ было человѣка два изъ города, сосѣдка Марья Ивановна и неизбѣжный графъ. Мученія Александра были невыносимы. Опять прошелъ цѣлый день въ пустыхъ, ничтожныхъ разговорахъ. Какъ надоѣли ему гости! Они говорили покойно о всякомъ вздорѣ, рассуждали, шутили, смѣялись.

— Смѣются! говорилъ Александръ: — они могутъ смѣяться, когда.... Надинька.... перемѣнилась ко мнѣ! прибавилъ потомъ. — Имъ это ничего! Жалкіе, пустые люди! всему радуются! — Надинька ушла въ садъ, графъ не пошелъ съ ней. Съ нѣкотораго времени и онъ и Надинька какъ будто избѣгали другъ друга при Александрѣ. Онъ иногда застанетъ ихъ въ саду или въ комнатѣ однихъ, но потомъ они разойдутся и при немъ уже не сходятся болѣе. Новое, страшное открытіе для Александра! знакъ, что они въ заговорѣ. Гости разошлись. Ушелъ и графъ. Надинька этого не знала и не спѣшила домой. Адуевъ безъ церемоніи ушелъ отъ Марьи Михайловны въ садъ. Надинька стояла спиной къ Александру, держась рукой за рѣшетку и опершись головой на руку, какъ въ тотъ незабвенный вечеръ.... Она не видала и не слыхала его прихода.

Какъ билось у него сердце, когда онъ крался къ ней на цыпочкахъ. Дыханіе у него замерло.

— Надежда Александровна! едва слышно проговорилъ онъ въ волненіи.

Она вздрогнула, какъ будто подлѣ нея выстрѣлили, обернулась и отступила отъ него на шагъ.

— Скажите, пожалуйста, что это тамъ за дымъ? заговорила она въ смущеніи, съ живостію указывая на противоположную сторону рѣки: — пожаръ что ли, или печка такая.... на заводѣ?....

Онъ молча глядѣлъ на нее.

— Право, я думала, пожаръ.... что вы такъ смотрите на меня, не вѣрите?...

Она замолчала.

— И вы, началъ онъ, качая головой: — и вы, какъ другія, какъ всѣ!... кто бы ожидалъ этого.... мѣсяца два назадъ?...

— Что вы? я васъ не понимаю! сказала она и хотѣла идти.

— Пойдите, Надежда Александровна, я не въ силахъ долѣе сносить этой пытки.

— Какой пытки? я, право, не знаю....

— Не притворяйтесь, скажите, вы ли это! тѣже ли вы, какія были?

— Я все таже! сказала она рѣшительно.

— Какъ! вы не перемѣнились ко мнѣ?

— Нѣтъ: я, кажется, такъ же ласкова съ вами, такъ же весело встрѣчаю васъ....

— Такъ же весело! а зачѣмъ бѣжите отъ рѣшетки?...

— Я бѣгу! смотрите, что выдумали: я стою у рѣшетки, а вы говорите — бѣгу!

Она принужденно засмѣялась.

— Надежда Александровна! оставьте лукавство! продолжалъ Адуевъ.

— Какое лукавство! что вы пристали ко мнѣ?

— Вы ли это? Боже мой! полтора мѣсяца тому назадъ, еще здѣсь....

— Что это за дымъ такой на той сторонѣ, хотѣла бы я знать?...

— Ужасно! ужасно! говорилъ Александръ.

— Да что я вамъ сдѣлала? вы перестали къ намъ ѣздить — какъ хотите.... удерживать противъ воли.... начала Надинька.

— Какое притворство! будто вы не знаете, зачѣмъ я перестала ѣздить?

Она, глядя въ сторону, покачала головой.

— А графъ? сказалъ онъ почти грозно.

— Какой графъ?

Она сдѣлала мину, какъ будто въ первый разъ слышитъ имя графа.

— Какой! скажите еще, — говорилъ онъ, глядя ей прямо въ глаза: — что вы равнодушны къ нему?

— Вы съ ума сошли! отвѣчала она, отступая отъ него.

— Да, вы не ошиблись! продолжалъ онъ: — рассудокъ мой угасаетъ съ каждымъ днемъ.... Можно ли такъ коварно, неблагоухарно поступить съ человѣкомъ, который любилъ васъ больше всего на свѣтѣ, который все забылъ для васъ, все?... думалъ скорѣе быть счастливымъ навсегда, а вы....

— Что я? говорила она, отступивъ еще.

— Что вы? отвѣчалъ онъ, взбѣшенный этимъ хладнокровіемъ. — Вы забыли! я напомню вамъ, что вы здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, вы сто разъ клялись принадлежать мнѣ: «эти клятвы слышитъ Богъ!» говорили вы. Да, Онъ слышалъ ихъ! вы должны краснѣть и передъ небомъ и передъ этими деревьями, передъ каждой травкой.... все свидѣтель нашего счастья: каждая песчинка говорить здѣсь о нашей любви: смотрите, оглянитесь около себя!... вы клятвопреступница!!!

Она съ ужасомъ смотрѣла на него. Глаза его сверкали, губы побѣлѣли.

— У! какіе злые! сказала она робко: — за что вы сердитесь? я вамъ не отказывала, вы еще не говорили съ татамъ.... почему же вы знаете....

— Говорить послѣ этихъ поступковъ?...

— Какихъ поступковъ? я не знаю....

— Какихъ? сейчасъ скажу: что значать эти свиданія съ графомъ, эти прогулки верхомъ?

— Не бѣжать же мнѣ отъ него, когда татамъ выйдетъ изъ комнаты! а ѣзда верхомъ значить.... что я люблю ѣздить.... такъ пріятно: скачешь.... ахъ, какая миленькая эта лошадка Люси! вы видѣли?... она ужъ знаетъ меня....

— А перемѣна въ обращеніи со мной?... продолжалъ онъ: — зачѣмъ графъ у васъ каждый день, съ утра до вечера?

— Ахъ, Боже мой! я почему знаю! какіе вы смѣшныя! шапан такъ хочетъ....

— Не правда! шапан хочетъ то, что вы хотите. Кому эти всѣ подарки, ноты, альбомы, цвѣты? все шапан!

— Да, шапан очень любитъ цвѣты: вчера еще она купила у садовника....

— А о чемъ вы съ нимъ говорите вполголоса? продолжалъ Александръ, не обращая вниманія на ея слова: — посмотрите: вы блѣднѣете, вы сами чувствуете свою вину. Разрушить счастье человѣка, забыть, уничтожить все такъ скоро, легко: лицемеріе, неблагодарность, ложь, измѣна!... да, измѣна!... какъ могли вы допустить себя до этого? Богатый графъ, левъ, удостоилъ кинуть на васъ благосклонный взглядъ, и вы растаяли, пали ницъ передъ этимъ мишурнымъ солнцемъ: гдѣ стыдъ!!! Чтобъ графа не было здѣсь! говорилъ онъ задыхающимся голосомъ:— слышите ли? оставьте, прекратите съ нимъ всѣ сношенія, чтобъ онъ забылъ дорогу въ вашъ домъ!... я не хочу....

Онъ съ бѣшенствомъ схватилъ ее за руку.

— Мапан, шапан! сюда! пронзительнымъ голосомъ закричала Надинька, вырываясь отъ Александра, и вырвавшись, опрометью бросилась бѣжать домой.

Онъ сѣлъ на скамью и схватился руками за голову.

Она прибѣжала въ комнату блѣдная, испуганная и упала на стулъ.

— Что ты? что съ тобой? что ты кричишь? спросила встревоженная мать, идя ей на встрѣчу.

— Александръ Федорычъ.... нездоровъ! едва могла проговорить она.

— Такъ чтожъ такъ пугаться?

— Онъ такой страшный.... шапан, не пускайте его, ради Бога, ко мнѣ.

— Какъ ты меня перепугала, сумасшедшая! ну, чтожъ, что нездоровъ? я знаю, у него грудь болитъ. Чтожъ тутъ страшно-го? не чахотка! потретъ оподельдокомъ, все пройдетъ: видно не послушался, не потеръ.

Александръ опомнился: Горячка прошла, но мѣла его удвоилась. Сомнѣній онъ не прояснилъ, а перепугалъ Надиньку и теперь, конечно, не добьется отъ нея отвѣта: не такъ взялся за дѣло! Ему, какъ всякому влюбленному, вдругъ пришло въ голо-

ву и то: «ну, если она не виновата? можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ она равнодушна къ графу. Безтолковая мать приглашаетъ его каждый день: чтоже ей дѣлать? Онъ, какъ свѣтскій чело-вѣкъ, любезенъ. Надинька — хорошенькая дѣвушка: можетъ быть, онъ и хочетъ нравиться ей, да вѣдь это еще не значить, что ужъ и понравился. Ей, можетъ быть, нравятся цвѣты, верховая ѣзда, невинныя развлеченія, а не самъ графъ? Да, положимъ даже, что тутъ есть немного и кокетства: развѣ это не простительно? другіе и старше, да Богъ знаетъ, что дѣлаютъ». Онъ отдохнуль, лучъ радости блеснуль въ душѣ. Влюбленные всѣ таковы: то очень слѣпы, то слишкомъ прозорливы. При-томъ же, такъ пріятно оправдать любимый предметъ.

А отъ-чего же перемѣна въ обращеніи со мной? вдругъ спрашивалъ онъ себя и снова блѣднѣлъ.—Зачѣмъ она убѣгаетъ меня? молчить, будто стыдится? зачѣмъ вчера, въ простой день, одѣлась такъ нарядно? гостей, кромѣ его, не было. За-чѣмъ спросила, скоро ли начнутся балеты? — Вопросъ простой; но онъ вспомнилъ, что графъ вскользь обѣщаль доставать всегда ложу, несмотря ни на какія трудности: слѣдовательно, онъ будетъ съ ними. Зачѣмъ вчера ушла изъ саду? зачѣмъ не при-шла въ садъ? зачѣмъ спрашивала то, зачѣмъ не спрашивала.... И снова впадалъ онъ въ тяжкія сомнѣнія и снова жестоко му-чился и дошелъ до заключенія, что Надинька даже никогда его и не любила.

— Боже, Боже! говорилъ онъ въ отчаяньи: — какъ тяжело, какъ горько жить! дай мнѣ это мертвое спокойствіе, этотъ сонъ души....

Черезъ четверть часа онъ пришелъ въ комнату унылый, но спокойный.

— Прощайте, Надежда Александровна, сказалъ онъ робко.

— Прощайте! отвѣчала она отрывисто, не поднимая глазъ.

— Когда прикажете мнѣ притти?

— Когда вамъ угодно. Впрочемъ.... мы на той недѣлѣ пе-реѣзжаемъ въ городъ: мы вамъ дадимъ знать тогда....

Онъ уѣхалъ. Прошло болѣе двухъ недѣль. Всѣ уже переѣха-ли съ дачъ. Аристократическіе салоны засіяли снова. И чи-новникъ засвѣтилъ двѣ стѣнные лампы въ гостиной, купилъ полпуда стеариновыхъ свѣчъ, разставилъ два карточныхъ сто-

ла, въ ожиданіи Степана Ивановича и Ивана Степановича, и объявилъ женѣ, что у нихъ будутъ вторники.

А Адуевъ все не получалъ отъ Любецкихъ приглашенія. Онъ встрѣтилъ и повара ихъ и горничную. Горничная, завидя его, бросилась бѣжать прочь. Видно было, что она дѣйствовала въ духѣ барышни. Поваръ остановился.

— Что это вы, сударь, забыли насъ? сказалъ онъ: — а мы ужъ недѣли полторы, какъ переѣхали.

— Да, можетъ быть, вы... не разобрались, не принимаете?

— Какое, сударь, не принимаемъ: ужъ всѣ перебывали, только васъ нѣтъ: барыня не надвигается; вотъ его сіятельство такъ каждый день изволитъ жаловать... такой добрый баринъ. Я на медни ходилъ къ нему съ какой-то тетрадкой отъ барышни — красенькую пожаловалъ.

Адуевъ бросился бѣжать отъ болтуна. Онъ прошелъ вечеромъ мимо квартиры Любецкихъ. Свѣтло. У подъѣзда карета.

— Чья карета? спросилъ онъ.

— Графа Новинскаго.

На другой, на третій день тоже. Наконецъ, однажды онъ вошелъ. Мать приняла его радушно, съ упреками за отсутствіе, побранила, что не третъ грудь оподельдокомъ; Надинька спокойно, графъ вѣжливо. Разговоръ не вязался. — Такъ былъ онъ раза два. Напрасно онъ выразительно глядѣлъ на Надиньку. Она какъ будто не замѣчала его взглядовъ, а прежде какъ замѣчала! бывало, онъ говоритъ съ матерью, а она станетъ напротивъ его, сзади Марьи Михайловны, дѣлаетъ ему гримасы, шалитъ и смѣшить его. Имъ овладѣла невыносимая тоска. Онъ думалъ о томъ только, какъ бы свергнуть съ себя этотъ добровольно взятый крестъ. Ему хотѣлось добиться объясненія. «Какой бы ни былъ отвѣтъ, думалъ онъ: — все равно, лишь бы только рѣшительный, лишь бы превратить сомнѣніе въ извѣстность». Долго обдумывалъ онъ, какъ приняться за дѣло, наконецъ, выдумалъ что-то и пошелъ къ Любецкимъ. Все благопріятствовало ему. Кареты у подъѣзда не было. Тихо прошелъ онъ залу и на минуту остановился передъ дверями гостиной, чтобы перевести духъ. Тамъ Надинька играла на фортепіано. Дальше черезъ комнату сама Любецкая сидѣла на диванѣ и вязала шарфъ. Надинька, услышавши шаги въ залъ, продолжала играть тише и вытянула головку впередъ. Она съ улыбкой ожидала

появленія гостя. Гость появился и улыбка мгновенно исчезла; мѣсто ея замѣнилъ испугъ. Она немного измѣнилась въ лицѣ и встала со стула. Александръ молча поклонился и, какъ тѣнь, прошелъ дальше къ матери. Онъ шелъ тихо, безъ прежней увѣренности, съ поникшей головой. Надинька сѣла и продолжала играть, озираясь, по временамъ, безпокойно назадъ. Черезъ полчаса мать за чѣмъ-то вызвали изъ комнаты. Александръ пришелъ къ Надинькѣ. Она встала и хотѣла идти.

— Надежда Александровна! сказалъ онъ уныло: — подождите, удѣлите мнѣ 5 минутъ, не болѣе.

— Я не могу слушать васъ! сказала она, — и пошла было прочь: — въ послѣдній разъ вы были....

— Я былъ виноватъ тогда. Теперь буду говорить иначе, даю вамъ слово: вы не услышите ни одного упрека. Не отказывайте мнѣ, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Объясненіе необходимо; вѣдь вы мнѣ позволили просить у маменьки вашей руки. Послѣ того случилось много такого.... что... словомъ — мнѣ надо повторить вопросъ. Сядьте и продолжайте играть: маменька лучше не услышитъ; вѣдь это не въ первый разъ....

Она машинально повиновалась; слегка краснѣя, начала брать аккорды и въ тревожномъ ожиданіи устремила на него взглядъ.

— Куда же вы ушли, Александръ Федорычъ? спросила мать, воротаясь на свое мѣсто.

— Я хотѣлъ поговорить съ Надеждой Александровной о.... литературѣ, отвѣчалъ онъ.

— Ну, поговорите, поговорите: въ самомъ дѣлѣ, давно вы не говорили.

— Отвѣчайте мнѣ коротко и искренно на одинъ только вопросъ, началъ онъ вполголоса: — и наше объясненіе сей часъ кончатся.... Вы меня не любите болѣе?

— Quelle idée! отвѣчала она смутившись: — вы знаете, какъ шатап и я цѣнили всегда вашу дружбу.... какъ были всегда ради вамъ....

Адуевъ посмотрѣлъ на нее и подумалъ: — «ты ли это, капризное, но искреннее дитя? эта шалунья, рѣзвушка? Какъ скоро выучилась она притворяться? какъ быстро развились въ ней женскіе инстинкты! ужели милые капризы были зародышами лицемерія, хитрости?... вотъ, и безъ дядиной методы, а

какъ проворно эта дѣвушка образовалась въ женщину! и все въ школѣ графа, и въ какіе нибудь два, три мѣсяца!»

— Послушайте! сказалъ онъ такимъ голосомъ, что маска вдругъ слетѣла съ притворщицы: — оставимъ маменьку въ сторонѣ: сдѣлайтесь на минуту прежней Надинькой, когда вы немножко любили меня... и отвѣчайте прямо; мнѣ это нужно знать, ей Богу, нужно.

Она молчала, только перемѣнила ноты и стала пристально разсматривать и разыгрывать какой-то трудный пассажъ.

— Ну, хорошо, я измѣню вопросъ, продолжалъ Адуевъ: — скажите, не замѣнилъ ли, не назову даже кто, просто, не замѣнилъ ли кто нибудь меня въ вашемъ сердцѣ?...

Она сняла со свѣчки и долго поправляла свѣтильню, но молчала.

— Отвѣчайте же, Надежда Александровна. Одно слово избавить — меня отъ муки, васъ — отъ непріятнаго объясненія.

— Ахъ, Боже мой, перестаньте! что я вамъ скажу? мнѣ лечего сказать! отвѣчала она, отворачиваясь отъ него.

Другой удовольствовался бы такимъ отвѣтомъ и увидѣлъ бы, что ему не объ чемъ больше хлопотать. Онъ понялъ бы все изъ этой безмолвной, мучительной тоски, написанной и на лицѣ ея, проглядывавшей и въ движеніяхъ. Но Адуеву было не довольно. Онъ, какъ палачъ, пыталъ свою жертву и самъ былъ одушевленъ какимъ-то дикимъ, отчаяннымъ желаніемъ выпить чашу разомъ и до конца.

— Нѣтъ! говорилъ онъ: — кончите эту пытку сегодня; сомнѣнія, одно другого чернѣе, волнуютъ мой умъ, раутъ на части сердце. Я измучился; я думаю, у меня лопнетъ грудь отъ напряженія... мнѣ нечѣмъ увѣриться въ своихъ подозрѣніяхъ; вы должны рѣшить все сами; иначе я никогда не успокоюсь.

Онъ смотрѣлъ на нее и ждалъ отвѣта. Она молчала.

— Сжальтесь надо мной! началъ онъ опять: — посмотрите на меня: похожъ ли я на себя? всѣ пугаются меня, не узнають.... всѣ жалѣють, вы однѣ только....

Точно: глаза его горѣли дикимъ блескомъ. Онъ былъ худъ, блѣденъ; на лбу выступилъ крупный потъ. Она украдкой бросила на него взглядъ и во взглядѣ мелкнуло что-то похожее на сожалѣніе. Она взяла его даже за руку, но тотчасъ же оставила ее со вздохомъ и все молчала.

— Что же? спросилъ онъ.

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ, сказала она съ тоской: — вы мучите меня такими вопросами....

— Умоляю васъ, ради Бога! говорилъ онъ: — кончите все однимъ словомъ... Къ чему послужить вамъ скрытность? У меня останется глупая надежда, я не отстану, я буду ежедневно являться къ вамъ блѣдный, разстроенный.... Я наведу на васъ тоску. Откажете отъ дому, — стану бродить подь окнами, встрѣчаться съ вами въ театрѣ, на улицѣ, всюду, какъ привидѣніе. Все это глупо, можетъ быть, смѣшно, кому до смѣху, но мнѣ больно! вы не знаете, что такое страсть, до чего она доводитъ! дай Богъ вамъ и не узнать никогда!... Чтожъ пользы? не лучше ли сказать вдругъ?

— Да о чемъ вы меня спрашиваете? сказала Надинька, откинувшись на спинку кресла. — Я совсѣмъ растерялась.... у меня голова точно въ туманѣ....

Она судорожно прижала руку ко лбу и тотчасъ же отняла.

— Я спрашиваю, замѣнилъ ли меня ктонибудь въ вашемъ сердцѣ? Одно слово — да или нѣтъ — рѣшить все; долго ли сказать?

Она хотѣла что-то сказать, но не могла и, потупивъ глаза, начала ударять пальцемъ по одному клавишу. Видно было, что она сильно боролась сама съ собой. «Ахъ!» произнесла она, наконецъ, съ тоской. Адуевъ обтеръ платкомъ лобъ.

— Да или нѣтъ? повторилъ онъ, притаивъ дыханіе.

Прошло нѣсколько секундъ.

— Да или нѣтъ?

— Да! прошептала Надинька чуть слышно, потомъ совсѣмъ наклонилась къ фортепiano и, какъ будто въ забытіи, начала брать сильные аккорды. Это да раздалось едва внятно, какъ вздохъ, но оно оглушило Адуева. Сердце у него будто оторвалось, ноги подкосились подь нимъ. Онъ опустился на стулъ подлѣ фортепiano и молчалъ. Надинька боязливо взглянула на него. Онъ смотрѣлъ на нее бессмысленно.

— Александръ Федорычъ! закричала вдругъ мать изъ своей комнаты: — въ которомъ ухѣ звенить?

Онъ молчалъ.

— Маша! васъ спрашиваетъ, сказала Надинька.

— А?

— Въ которомъ ухъ звенить? кричала мать: — да поскорѣ!

— Не знаю! сказалъ Адуевъ.

— Экіе какіе! въ лѣвомъ! а я загадала, будетъ ли графъ сегодня.

— Графъ! воскликнулъ Адуевъ.

— Простите меня! сказала Надинька умоляющимъ голосомъ, бросившись къ нему: — я сама себя не понимаю... Это все сдѣлалось нечаянно, противъ моей воли.... я не могла васъ обманывать....

— Я сдержу свое слово, Надежда Александровна, отвѣчалъ онъ: — не сдѣлаю вамъ ни одного упрека. Благодарю васъ за искренность.... вы много, много сдѣлали.... сегодня.... мнѣ трудно было слышать это да.... но вамъ еще труднѣе было сказать его.... Прощайте; вы болѣе не увидите меня: одна награда за вашу искренность! но графъ, графъ!...

Онъ стиснулъ зубы и пошелъ къ дверямъ.

— Да! сказалъ онъ, воротясь: — къ чему это васъ поведетъ? Графъ на васъ не женится: какія у него намѣренія?..

— Не знаю! отвѣчала Надинька, печально качая головой.

— Боже! какъ вы ослѣплены! съ ужасомъ воскликнулъ Александръ.

— У него не можетъ быть дурныхъ намѣреній, отвѣчала она слабымъ голосомъ.

— Берегитесь, Надежда Александровна. — Онъ взялъ ея руку, поцаловалъ ее и неровными шагами вышелъ изъ комнаты. На него страшно было смотрѣть. Надинька осталась неподвижно на своемъ мѣстѣ.

— Чтожь ты не играешь, Надинька? спросила мать черезъ нѣсколько минутъ. Надинька очнулась какъ будто отъ тяжелаго сна и вздохнула.

— Сей часъ, шатап! отвѣчала она и, задумчиво склонивъ голову немного на сторону, робко начала перебирать клавиши. Пальцы ея дрожали. Она видимо страдала, и отъ угрызеній совѣсти и отъ сомнѣнія; брошеннаго въ нее словомъ: берегитесь! Когда пріѣхалъ графъ, она была молчалива, скучна: въ манерахъ ея было что-то принужденное. Она подъ предлогомъ головной боли рано ушла въ свою комнату. И ей въ этотъ вечеръ казалось горько жить на свѣтѣ.

Адуевъ только что спустился съ лѣстницы, какъ силы нзмѣнились ему, онъ сѣлъ на послѣдней ступени, закрылъ глаза платкомъ и вдругъ началъ рыдать громко, но безъ слезъ. Въ это время мимо сѣней проходилъ дворникъ. Онъ остановился и послушалъ.

— Марфа, а Марфа! закричалъ онъ, подошедши къ своей за-саленной двери. — Подь-ка сюда, послушай: какъ тутъ кто-то реветъ, словно звѣрь. Я думалъ, не арапка ли наша сорвалась съ цѣпи, да нѣтъ, это не арапка.

— Нѣтъ, это не арапка! повторила, вслушиваясь, Марфа: — что за диковина?

— Поди-ка принеси поскорѣ фонарикъ: тамъ за печкой виситъ.

Марфа принѣсла фонарикъ.

— Все реветъ? спросила она.

— Реветь! Ужь не мошенникъ ли какой забрался?

— Кто тутъ? спросилъ дворникъ.

Нѣтъ отвѣта.

— Кто тутъ? повторила Марфа.

Все тотъ же ревъ. Они вошли оба вдругъ. Адуевъ бросился вонъ.

— Ахъ, да это баринъ какой-то, сказала Марфа, глядя ему вслѣдъ: — а ты выдумалъ: мошенникъ! Вишь вѣдь хватило ума сказать! Станеть мошенникъ реветъ въ чужихъ сѣняхъ!

— Чтожъ онъ, хмѣленъ что ли?

— Еще лучше! отвѣчала Марфа: — ты думаешь всѣ въ тебя? не всѣ же пьяные ревутъ, какъ ты.

— Такъ, чтожъ онъ съ голоду что ли? съ досадою замѣтилъ дворникъ.

— Что! говорила Марфа, глядя на него и не зная, что сказать: — почему знать? можетъ, обронилъ что нибудь — деньги....

Они оба вдругъ присѣли и начали съ фонарикомъ шарить по полу во всѣхъ углахъ.

— Обронилъ! ворчалъ дворникъ, освѣщая полъ: — гдѣ тутъ обронить? лѣстница чистая, каменная, — тутъ и иголку увидишь.... обронилъ! Оно бы слышно было, кабы обронилъ: звякнетъ объ камень; чай, поднялъ бы! гдѣ тутъ обронить? нѣ-гдѣ! обронилъ! какъ не обронилъ! таковский, чтобъ обронилъ! того и гляди — обронить! нѣтъ: эдакой, небось, самъ

нарывать какъ бы въ карманъ положить! а то обронить! знаемъ мы ихъ, шаромыжниковъ! вотъ и обронилъ! гдѣ онъ обронилъ?

И долго еще ползали они по полу, ища потерянныхъ денегъ.

— Нѣтъ, нѣту! сказалъ, наконецъ, дворникъ, потомъ задулъ свѣчку и, сжавъ двумя пальцами свѣтильню, обтеръ ихъ объ тулупъ.

ГЛАВА VI.

Въ этотъ же вечеръ, часовъ въ 12, когда Петръ Иванычъ, со свѣчей и книгой въ одной рукѣ, а другой придерживая полу халата, шелъ изъ кабинета въ спальню ложиться спать, камердинеръ доложилъ ему, что Александръ Федорычъ желаетъ съ нимъ видѣться. Петръ Иванычъ сдвинулъ брови, подумалъ немного, потомъ спокойно сказалъ: проси въ кабинетъ, я сей часъ приду.

— Здравствуй, Александръ, привѣтствовалъ онъ, воротясь туда, племянника:—давно мы съ тобой не видались. То днемъ тебя не дожدهшься, а тутъ вдругъ — бацъ ночью! Что такъ поздно? ба! да что съ тобой? на тебѣ лица нѣтъ.

Александръ, не отвѣчая ни слова, сѣлъ въ кресла въ крайнемъ изнеможеніи. Петръ Иванычъ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ.

Александръ вздохнулъ.

— Здоровъ ли ты? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Да, отвѣчалъ Александръ слабымъ голосомъ: — двигаюсь, ѣмъ, пью, слѣдовательно, здоровъ.

— Ты не шути этимъ, не пренебрегай; посоветуйся съ докторомъ.

— Миѣ ужъ совѣтовали и другіе, но никакіе доктора и оподельдоки не помогутъ: мой недугъ не физическій....

— Что же съ тобой? не проигрался ли ты, или не потерялъ ли деньги? съ живостью спросилъ Петръ Иванычъ.

— Вы никакъ не можете представить себѣ безденежнаго горя! отвѣчалъ Александръ, стараясь улыбнуться,

— Чтожъ за горе, если оно мѣднаго гроша не стоитъ, какъ иногда твое?...

— Да, вотъ какъ, напримѣръ, теперь. Вы знаете ли мое настоящее горе?

— Какое горе? Дома у тебя все обстоитъ благополучно: это я знаю изъ писемъ, которыми матушка твоя угощаетъ меня ежемѣсячно; въ службѣ ужъ ничего не можетъ быть хуже того, что было: подчиненнаго на шею посадили; это послѣднее дѣло; ты говоришь, что ты здоровъ, денегъ не потерялъ, не проигралъ... вотъ что важно,—а съ прочимъ со всѣмъ легко справиться; тамъ слѣдуетъ вздоръ, любовь, я думаю...

— Да, любовь; но знаете ли, что случилось? когда узнаете—такъ, можетъ быть, перестанете такъ легко рассуждать, а ужаснетесь....

— Расскажи-ка; давно я не ужасался, сказалъ дядя садясь: — а впрочемъ немудрено и угадать: вѣроятно надули....

Александръ вскочилъ, хотѣлъ что-то сказать, но ничего не сказалъ и сѣлъ на свое мѣсто.

— Что, правда? видишь: вѣдь я говорилъ, а ты: «нѣтъ, какъ можно!»

— Можно ли было предчувствовать?... сказалъ Александръ: — послѣ всего....

— Надо было не предчувствовать, а предвидѣть, т. е. знать—это вѣрнѣе — да и дѣйствовать такъ.

— Вы такъ спокойно можете рассуждать, дядюшка, когда я.... сказалъ Александръ.

— Да нѣ-то что?

— Я и забылъ: вамъ хоть весь городъ сгори или прова-лись — все равно!

— Слуга покорный! а заводъ!

— Вы шутите, а я страдаю не шутя: мнѣ тяжело, я точно болѣю.

— Да неужели ты отъ этого такъ похудѣлъ? какой срамъ! Нѣтъ: ты былъ болѣю, а теперь начинаешь выздоравливать, да и пора! шутка-ли? года полтора гнется глупость. Еще немного — такъ, пожалуй, и я бы повѣрилъ неизмѣнной и вѣчной любви.

— Дядюшка! сказалъ Александръ:—пощадите меня; геперь адъ въ моей душѣ...

— Да! такъ чтоже?

Александръ подвинулъ свои кресла къ столу, а дядя началъ отодвигать отъ племянника чернилицу, прессе-papier и прочее.

— Пришелъ ночью, подумалъ онъ: — въ душѣ адъ.... непременно опять разобьетъ что нибудь.

— Утѣшенія я у васъ не найду, да и не требую, началъ Александръ: — я прошу вашей помощи, какъ у дяди, какъ у родственника.... Я кажусь вамъ глушь? не правда ли?

— Да, еслибъ ты не былъ жалокъ.

— Такъ вамъ жаль меня?

— Очень. Развѣ я дерево? Малый добрый, умный, порядочно воспитанный, а пропадаетъ ни за копейку — и отъ-чего? отъ пустяковъ!

— Докажите же, что вамъ жаль меня.

— Чѣмъ же? денегъ, ты говоришь, не нужно....

— Денегъ, денегъ! о, еслибъ мое несчастье было только въ безденежьи, я бы благословилъ свою судьбу!

— Не говори этого, серьезно замѣтилъ Петръ Ивановичъ: — ты молодецъ — проклянешь, а не благословишь судьбу! я, бывало, не разъ проклиналъ, я!

— Выслушайте же меня терпѣливо....

— Ты долго пробудешь, Александръ? спросилъ дядя.

— Да, мнѣ нужно все ваше вниманіе, а что?

— Такъ вотъ видишь ли: — мнѣ хочется поужинать. Я было собрался спать безъ ужина, а теперь если просидимъ долго, такъ поужинаемъ да выпьемъ бутылку вина, а между тѣмъ, ты мнѣ все расскажешь.

— Вы можете ужинать? спросилъ Александръ съ удивленіемъ.

— Да, и очень могу; а ты развѣ не станешь?

— Я — ужинать! да и вы не проглотите куска, когда узнаете, что дѣло идетъ о жизни и смерти.

— О жизни и смерти?... повторилъ дядя: — да, это, конечно, очень важно, а впрочемъ, попробуемъ, авось проглотимъ.

Онъ позвонилъ.

— Спроси-ка, сказалъ онъ вошедшему камердинеру: — что тамъ есть поужинать и принеси, да вели достать бутылку лафиту, что за зеленой печатью.

Камердинеръ ушелъ.

— Дядюшка! вы не въ такомъ расположеніи духа, чтобъ слушать печальную повѣсть моего горя, сказалъ Александръ, взявши шляпу: — я лучше приду завтра....

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, живо заговорилъ Петръ Иванычъ, удерживая племянника за руку: — я всегда въ одномъ расположеніи духа. Завтра, того гляди, тоже застанешь за завтракомъ, или еще хуже — за дѣломъ. Лучше уже кончимъ разомъ. Ужинъ не портитъ дѣла. Я еще лучше выслушаю и пойму. На голодный желудокъ, знаешь, оно не ловко....

Принесли ужинъ.

— Что же, Александръ, давай... сказалъ Петръ Иванычъ.

— Да я не хочу, дядюшка, ѣсть! сказалъ съ нетерпѣніемъ Александръ и пожалъ плечами, глядя, какъ дядя хлопоталъ надъ ужиномъ.

— По крайней мѣрѣ, хоть выпей рюмку вина; вино не дурно!

Александръ потрясъ отрицательно головой.

— Ну, такъ возьми сигару да рассказывай, а я буду слушать обоими ушами, сказалъ Петръ Иванычъ и живо принялся ѣсть.

— Вы знаете графа Новинскаго? спросилъ Александръ по-молчавъ.

— Графа Платона?

— Да.

— Пріятели, а что?

— Поздравляю васъ съ такимъ пріятелемъ. — подлецъ!

Петръ Иванычъ вдругъ пересталъ жевать и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на племянника.

— Вотъ тебѣ на! сказалъ онъ: — а ты развѣ знаешь его?

— Очень хорошо.

— Давно ли?

— Мѣсяца три.

— Какъ же такъ: я лѣтъ пять его знаю и все считалъ порядочнымъ человѣкомъ, да и отъ кого не послышишь — всѣ хвалить, а ты вдругъ такъ уничтожилъ его.

— Давно ли вы стали защищать людей, дядюшка? а прежде, бывало....

— Я и прежде защищалъ порядочныхъ людей. А ты давно ли сталъ бранить ихъ, пересталъ называть ангелами?

— Пока не зналъ, а теперь, о люди, люди! *жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!* Сознаюсь, кругомъ виноватъ, что не слушалъ васъ, когда вы совѣтовали остерегаться всякаго....

— И теперь посовѣтую; остерегаться не мѣшаетъ: если окажется негодяй — не обманешься, а порядочный человекъ — приятно ошибешься.

— Укажите, гдѣ порядочные люди? говорилъ Александръ съ презрѣніемъ.

— Ба! вотъ хоть мы съ тобой — чѣмъ не порядочные? Графъ, если ужъ объ немъ зашла рѣчь, тоже порядочный человекъ; да мало ли? у всѣхъ есть что нибудь дурное.... а не все дурно и не всѣ дурны.

— Всѣ, всѣ! рѣшительно сказалъ Александръ.

— А ты?

— Я? я, по крайней мѣрѣ, унесу изъ толпы разбитое, но чистое отъ низостей сердце, душу разтерзанную, но безъ упрека во лжи, въ притворствѣ, въ измѣнѣ, не заражусь....

— Ну, хорошо, посмотримъ. Что же сдѣлалъ тебѣ графъ?

— Что сдѣлалъ? похитилъ все у меня.

— Какъ все? говори опредѣлительнѣе. Подъ словомъ *все* можно разумѣть Богъ знаетъ что, пожалуй деньги; онъ этого не сдѣлаетъ....

— То, что для меня дороже всѣхъ сокровищъ въ мірѣ, сказалъ Александръ.

— Чтожь бы это такое было?

— Все — счастье, жизнь.

— Вѣдь ты живъ!

— Къ сожалѣнію — да! Но эта жизнь хуже ста смертей.

— Скажи же прямо, что случилось.

— Ужасно! воскликнулъ Александръ. — Боже! Боже!

— Э! да не отбилъ ли онъ у тебя твою красавицу, эту... какъ-бишь ее? да! онъ мастеръ на это: тебѣ трудно тягаться съ нимъ. Повѣса! повѣса! сказалъ Петръ Ивановичъ, положивъ въ ротъ кусокъ индѣйки.

— Онъ дорого заплатитъ за свое мастерство! сказалъ Александръ, вспыхнувъ: — я не уступлю безъ спора.... о, нѣтъ! Смерть рѣшить, кому изъ насъ владѣть Надинькой. Я истреблю этого пошлаго волокиту! не жить ему, не наслаждаться похищеннымъ сокровищемъ.... Я сотру его съ лица земли!...

Петръ Иванычъ засмѣялся.

— Провинція! сказалъ онъ: — а ргороз о графѣ, Александръ: — онъ не говорилъ, привезли ли ему изъ за границы фарфоръ? Онъ весной выписывалъ партію; хотѣлось бы взглянуть.

— Не о фарфорѣ рѣчь, дядюшка; вы слышали, что я сказалъ? грозно перебилъ Александръ.

— Мм-мъ! промычалъ утвердительно дядя, обгладывая косточку.

— Что же вы скажете?

— Да ничего. Я слушаю, что ты говоришь.

— Выслушайте хоть разъ въ жизни внимательно: я пришелъ за дѣломъ, я хочу успокоиться, разрѣшить миллионъ мучительныхъ вопросовъ, которые волнуютъ меня.... я растерялся.... не помню самъ себя; помогите мнѣ....

— Изволь, я къ твоимъ услугамъ; скажи только, что нужно.... я даже готовъ деньгами.... если только не на пустяки.... какіе нибудь....

— Пустяки! нѣтъ, не пустяки, когда, можетъ быть, черезъ нѣсколько часовъ меня не станетъ на свѣтѣ, или я самъ сдѣлаюсь убійцей.... а вы смѣтаетесь, хладнокровно ужинаете.

— Прошу покорно! самъ, я думаю, наужинался, а другой тутъ не ужинай!

— Я, дядюшка, двое сутокъ не знаю, что такое ѣсть.

— Э, да это видно въ самомъ дѣлѣ что нибудь важное; расскажи, расскажи.

— Скажите одно слово: окажете ли вы мнѣ величайшую услугу?

— Какую это?

— Согласитесь ли быть моимъ свидѣтелемъ....

— Котлеты совсѣмъ холодныя! замѣтилъ Петръ Иванычъ съ неудовольствіемъ, отодвигая отъ себя блюдо.

— Вы смѣтаетесь, дядюшка?

— Самъ посуди, какъ слушать серьезно такой вздоръ: зоветь въ секунданты!

— Что же вы?

— Разумѣется что: не пойду.

— Хорошо ; найдется другой посторонній, кто приметъ участіе въ моей горькой обидѣ. Вы только возьмите на себя трудъ поговорить съ графомъ , узнать условія....

— Не могу : у меня языкъ не поворотится предложить ему такую глупость.

— Такъ прощайте, сказалъ Александръ , взявъ шляпу.

— Что! ужъ ты идешь? а вина не хочешь выпить?...

Александръ пошелъ было къ дверямъ, но у дверей сѣлъ на стулъ въ величайшемъ уныніи.

— Къ кому пойти, въ комъ искать участія?... сказалъ онъ тихо.

— Послушай, Александръ! началъ Петръ Ивановичъ, отирая салфеткой ротъ и подвигая къ племяннику кресла : — я вижу, что съ тобой точно надо поговорить не шутя. Поговоримъ же. Ты пришелъ ко мнѣ за помощью : я помогу тебѣ, только иначе, нежели какъ ты думаешь, и съ уговоромъ — слушаться. Не зови никого въ свидѣтели : проку не будетъ. Изъ пустяковъ сдѣлаешь исторію, она разнесется вездѣ, тебя осмѣютъ или, еще хуже, сдѣлаютъ неприятность. Никто не пойдетъ, а если, наконецъ, найдется какойнибудь сумасшедшій, такъ все напрасно : графъ не станетъ драться; я его знаю.

— Не станетъ! Такъ въ немъ нѣтъ ни капли благородства! съ злостью замѣтилъ Александръ : — я не полагалъ, чтобъ онъ былъ низокъ до такой степени!

— Онъ не низокъ, а только умень.

— Такъ, по вашему мнѣнію, я глупъ?

— Н...нѣтъ влюбленъ, сказалъ Петръ Ивановичъ съ разстановкой.

— Если вы, дядюшка, намѣрены объяснить мнѣ безсмысленность дуэли, какъ предразсудка, то я предупреждаю васъ — это напрасный трудъ : я останусь твердъ.

— Нѣтъ : это ужъ давно доказано, что драться глупость вообще ; а все дерутся: мало ли ословъ? ихъ не вразумишь. Я хочу только доказать, что тебѣ именно драться не слѣдуетъ.

— Любопытно, какъ вы убѣдите меня.

— А вотъ послушай. Скажи-ка, ты на кого особенно сердитъ, на графа или на нее.... какъ бишь ее.... Анюта что ли?

— Я его ненавижу, ее презираю, сказалъ Александръ.

— Да — ну, начнемъ съ графа: положимъ, онъ приметъ твой вызовъ, положимъ даже, что ты найдешь дурака свидѣтеля — чтожь изъ этого? Графъ убьетъ тебя, какъ муху, а послѣ надъ тобой же всѣ будутъ смѣяться; хорошо мщеніе! А ты вѣдь не этого хочешь: тебѣ бы вонъ хотѣлось истребить графа.

— Неизвѣстно, кто кого убьетъ, сказалъ Александръ.

— Навѣрное онъ тебя. Ты вѣдь, кажется, вовсе стрѣлять не умѣешь, а по правиламъ, первый выстрѣлъ — его.

— Тутъ рѣшитъ Божій судъ.

— Ну, такъ воля твоя — онъ рѣшитъ въ его пользу. Графъ, говорятъ, въ 15 шагахъ пулю въ пулю такъ и сажаетъ, а для тебя, какъ нарочно, тутъ и промахнется! Положимъ даже, что судъ Божій и попустилъ бы такую неловкость и несправедливость: ты бы какъ нибудь ненарочно и убилъ его — чтожь толку? развѣ ты этимъ воротилъ бы любовь красавицы? Нѣтъ, она бы тебя возненавидѣла, да притомъ тебя бы отдали въ солдаты.... А главное, ты бы на другой же день сталъ рвать на себѣ волосы съ отчаянія и тотчасъ охладѣлъ бы къ своей возлюбленной....

— Александръ презрительно пожалъ плечами.

— Вы такъ ловко разсуждаете объ этомъ, дядюшка, сказалъ онъ: — рассудите же, что мнѣ дѣлать въ моемъ положеніи?

— Что? ничего! оставить дѣло такъ: оно ужъ испорчено.

— Оставить счастье въ его рукахъ, оставить его гордымъ обладателемъ.... о! можетъ ли остановить меня какая нибудь угроза?. Вы не знаете моихъ мученій! вы не любили никогда, если думали помѣшать мнѣ вашимъ холоднымъ разсужденіемъ.... въ вашихъ жилахъ течетъ молоко, а не кровь....

— Полно дичь пороть, Александръ! мало ли на свѣтѣ такихъ, какъ твоя — Марья или Софья, что ли!

— Ее зовутъ Надеждой.

— Надежда? а какая же это Софья?

— Софья.... это въ деревнѣ, сказалъ Александръ и смутился.

— Видишь ли? продолжалъ дядя: — тамъ Софья, тутъ Надежда, въ другомъ мѣстѣ Марья. Эхъ, Александръ! сердце — преглубокій колодезь: долго не дощупаешься дна. Оно любитъ до старости....

— Нѣтъ, сердце любить однажды....,

— И ты повторяешь слышанное отъ другихъ! Сердце любить до тѣхъ поръ, пока не истратитъ своихъ силъ. Оно живетъ своею жизнью и также, какъ и все въ человѣкѣ, имѣетъ свою молодость и старость. Не удалась одна любовь, оно только замираетъ, молчитъ до другой; въ другой помѣшали, разлучили — способность любить опять остается неупотребленной до третьяго, до четвертаго раза, пока, наконецъ, не положитъ всѣхъ силъ своихъ въ одной какой нибудь счастливой встрѣчѣ, гдѣ ничто не мѣшаетъ, а потомъ медленно и постепенно охладѣетъ. Инымъ любовь удалась съ перваго раза, вотъ они и кричатъ, что можно любить только однажды. Пока человѣкъ не старъ, здоровъ....

— Вы все, дядюшка, говорите о молодости, слѣдовательно, о матеріальной любви....

— О молодости говорю, потому-что старческая любовь есть ошибка, уродливость, анахронизмъ. И что за матеріальная любовь? Такой любви нѣтъ; или это не любовь, такъ точно, какъ нѣтъ одной идеальной. Въ любви равно участвуютъ и душа и тѣло, — въ противномъ случаѣ, любовь не полна: мы не духи и не звѣри. Самъ же говоришь «течетъ въ жилахъ молоко, а не кровь». — Ну, такъ вотъ видишь ли? съ одной стороны возьми кровь въ жилахъ, — это матеріальное, съ другой — самолюбіе, привычку, — это духовное; вотъ тебѣ и любовь! На чемъ я остановился... да! въ солдаты: ну, хоть въ солдаты и не отдадутъ, да вѣдь послѣ этой исторіи красавица тебя на глаза къ себѣ не пуститъ. Ты по пустому повредилъ бы и ей и себѣ, — видишь ли? Ну, надѣюсь, этотъ вопросъ мы съ одной стороны обработали окончательно. Теперь....

Петръ Ивановичъ налилъ себѣ вина и выпилъ.

— Экой болванъ! сказалъ онъ: — подавай холодный лафитъ.

Александръ молчалъ, поникнувъ головой.

— Теперь скажи, продолжалъ дядя, грѣя стаканъ съ виномъ въ обѣихъ рукахъ: — за что ты хотѣлъ стереть графа съ лица земли?

— Я ужъ сказалъ вамъ за что: не онъ ли уничтожилъ мое блаженство? Онъ, какъ дикій звѣрь, ворвался....

— Въ овчарню! перебилъ дядя.

— Похитилъ все, продолжалъ Александръ.

— Онъ не похитилъ, а пришелъ да и взялъ. Развѣ онъ занятъ былъ справляться, занята ли твоя красавица, или нѣтъ? Я не понимаю этой глупости, которую, правду сказать, большая часть любовниковъ дѣлають отъ сотворенія міра до нашихъ временъ: сердиться на соперника! можетъ ли быть чтонибудь безсмысленнѣй — стараться стереть его съ лица земли! за что? за то, что онъ понравился! какъ будто онъ виноватъ и какъ будто отъ этого дѣла пойдуть лучше, если мы его накажемъ? непонятно! А твоя... какъ ее? Катинька, что ли? развѣ противилась ему? сдѣлала какое нибудь усиліе, чтобъ избѣжать опасности? Она сама отдалась, перестала любить тебя, нечего и спорить — не воротишь! А настаивать — это эгоизмъ! Требовать вѣрности отъ жены — тутъ есть еще смыслъ; тамъ заключено обязательство; отъ этого зависитъ часто существенное благосостояніе семейства.... да и то нельзя требовать, чтобы она никогда не любила.... а можно только требовать, чтобъ она... того... Да и ты самъ не отдалъ ли ее графу обѣими руками? осперивалъ ли ты ее?

— Вотъ я хочу оспоривать, сказалъ Александръ, вскочивъ съ мѣста: — а вы останавливаете мой благородный порывъ...

— Оспоривать съ дубиной въ рукахъ! перебилъ дядя: — помилуй — это дикій порывъ! мы не въ киргизской степи. Въ образованномъ мірѣ есть другое орудіе. За это надо было взяться во-время и иначе, вести съ графомъ дуэль другого рода, въ глазахъ твоей красавицы.

Александръ смотрѣлъ въ недоумѣніи на дядю.

— Какую же дуэль? спросилъ онъ.

— А вотъ сейчасъ скажу. Ты какъ дѣйствовалъ до сихъ поръ? Расскажи-ка, какъ у васъ было дѣло?

Александръ, со множествомъ околичностей, смягченій, изворотовъ, кое-какъ, съ ужимками, рассказалъ весь ходъ дѣла.

— Видишь ли? самъ во всемъ кругомъ виноватъ, примолвилъ Петръ Ивановичъ, выслушавши и сморщившись: — сколько глупостей надѣлано! Эхъ, Александръ! принесла тебя сюда нелегкая! стоило за этимъ ѣздить! Ты бы все это продѣлалъ тамъ у себя на озерѣ съ теткой! Ну, какъ можно такъ ребячиться, дуться, дѣлать сцены... сходить съ ума... бѣситься? Фи! Кто нынче это дѣлаетъ? Что если твоя... какъ ее? Юлія...

разскажетъ это графу? Да нѣтъ, этого опасаться нечего, слава Богу! Она вѣрно такъ умна, что на вопросъ его о вашихъ отношеніяхъ сказала....

— Что сказала? поспѣшно спросилъ Александръ.

— Что дурачила тебя, что ты былъ влюбленъ, что ты притивный, надоѣлъ ей... какъ это онѣ всегда дѣлаютъ....

— Вы думаете, что она.... такъ и... сказала? спросилъ Александръ, блѣднѣя.

— Безъ всякаго сомнѣнія. Неужели ты воображаешь, что она разскажетъ, какъ вы тамъ въ саду собирали желтые цвѣты? Какая простота!

— Какая же дуэль съ графомъ? съ нетерпѣніемъ спросилъ Александръ.

— А вотъ какая: не надо было бѣситься, грубиянить, избѣгать его и дѣлать ему гримасы, а напротивъ, отвѣчать на его любезность вдвое, втрое, вдесятеро, а... эту, какъ ее? Надиньку? кажется попалъ? не раздражать упреками, снисходить къ ея капризамъ, показывать видъ, что не замѣчаешь ничего, что даже у тебя и предположенія объ измѣнѣ нѣтъ, какъ о дѣлѣ невозможномъ. Не надо было допускать ихъ сблизаться до короткости, а разстроивать искусно, какъ будто не нарочно, ихъ свиданія съ глазу на глазъ, быть всюду вмѣстѣ, ѣздить съ ними даже верхомъ, и между тѣмъ, тихомолкомъ вызывать, въ глазахъ ея, соперника на бой, и тутъ-то снарядить и двинуть впередъ всѣ силы своего ума, устроить главную батарею изъ остроумія, хитрости да и того.... открывать и поражать слабыя стороны соперника такъ, какъ будто нечаянно, безъ умысла, съ добродушіемъ, даже не хотя, съ сожалѣніемъ, — и мало по малу снять съ него эту драпировку, въ которой молодой человекъ рисуется передъ красавицей. Надо было замѣтить, что ее поражаетъ и ослѣпляетъ болѣе всего въ немъ, и тогда искусно нападать на эти стороны, объяснять ихъ просто, представлять въ обыкновенномъ видѣ, показать, что новый герой... такъ себѣ... хуже не въ примѣръ тебя... и только для нея надѣлъ праздничный нарядъ... но все это дѣлать съ хладнокровіемъ, съ терпѣніемъ, съ умѣньемъ.... вотъ настоящая дуэль въ нашемъ вѣкѣ! да гдѣ тебѣ!

Петръ Ивановичъ выпилъ при этомъ стаканъ и тотчасъ опять налилъ вина.

— Презрѣнные хитрости! прибѣгать къ лукавству, чтобъ овладѣть сердцемъ женщины!... съ негодованіемъ воскликнулъ Александръ.

— А къ дубинѣ-то прибѣгаешь: развѣ это лучше? Хитростью можно удержать за собой чью нибудь привязанность, а смлой — не думаю. Желаніе уладить соперника мнѣ понятно: тутъ хлопочешь изъ того, чтобъ сберечь себѣ любимую женщину, предупреждаешь или отклоняешь опасность — очень натурально! но бить его за то, что онъ внушилъ любовь къ себѣ — это все равно, что ушибиться и потомъ ударить то мѣсто, о которое ушибся, какъ дѣлають дѣти. Воля твоя, а графъ не виновать! Ты, какъ я вижу, ничего не смыслишь въ сердечныхъ тайнахъ, отъ-того твои любовныя дѣла и повѣсти такъ плохи.

— Любовныя дѣла! сказалъ Александръ, качая съ презрѣніемъ головой: — но развѣ-лестна и прочна любовь, внушенная хитростью? что вы, дядюшка!

— Не знаю, лестна ли, это какъ кто хочетъ, по мнѣ все равно: я вообще о любви не высокаго мнѣнія, ты это знаешь; мнѣ хоть ее и не будь совсѣмъ... но что прочнѣе — такъ это правда. Съ сердцемъ напрямикъ дѣйствовать нельзя. Это мудреный инструментъ: не знай, которую пружину тронуть, такъ онъ заиграетъ Богъ знаетъ что. Внуши чѣмъ хочешь любовь, а поддерживай умомъ. Хитрость — это одна сторона ума; презрѣннаго тутъ ничего нѣтъ. Не нужно унижать соперника и прибѣгать къ брани и клеветѣ: этимъ только вооружишь красавицу противъ себя.... надо только страхнуть съ него тѣ блески, которыми онъ ослѣпляетъ глаза твоей возлюбленной, сдѣлать его передъ ней простымъ, обыкновеннымъ человѣкомъ, а не героемъ.... Я думаю, простительно защитить свое добро благородной хитростью; хитростью и въ военномъ дѣлѣ не пренебрегаютъ. Вотъ ты женишься хотѣлъ: хорошъ бы былъ мужъ, еслибъ сталъ дѣлать сцены женѣ, а соперникамъ показывать дубину — и былъ бы того....

Петръ Иванычъ показалъ рукою на лобъ.

— Твоя Варинька была на 20 процентовъ умнѣ тебя, когда предложила подождать годъ.

— Э, дядюшка! да могъ ли бы я хитрить, еслибъ и умѣлъ? Для этого надо не такъ любить, какъ я. Я знаю, вѣдаю, какъ иные притворяются подъ часъ холодными, не яв-

ляются по расчету нѣсколько дней — и это дѣйствуетъ... А я! притворяться, рассчитывать! когда, при взглядѣ на нее, у меня занимался духъ и колѣни дрожали и гнулись подо мной, когда я готовъ былъ на всѣ муки, лишь бы видѣть ее... Нѣтъ! что ни говорите, а для меня больше упоенія — любить всѣми силами души, хоть и страдать, нежели быть любимымъ, не любя, или любя какъ-то въ половину, для забавы, по отвратительной системѣ, и играть съ женщиной, какъ съ комнатной собачонкой, а потомъ оттолкнуть....

Петръ Ивановичъ пожалъ плечами.

— Ну, такъ вотъ и страдай, если тебѣ сладко, сказалъ онъ. — О, провинція! о, Азія! На Востокъ бы тебѣ жить: тамъ еще приказываютъ женщинамъ, кого любить; а не слушаютъ, такъ ихъ толятъ. Здѣсь въ Европѣ не такъ. Нѣтъ, здѣсь, — продолжалъ онъ, какъ будто самъ съ собой: — чтобъ быть счастливымъ съ женщиной, т. е. не по твоему, какъ сумасшедшіе, а разумно, — надо много, много условій.... надо знать ее наизусть, умѣть образовать изъ дѣвушки женщину по обдуманному плану, по методѣ, если хочешь, чтобъ она поняла и исполнила свой долгъ и назначеніе. Надо умно и искусно, для ея и своего блага, очертить ее магическимъ кругомъ, не очень тѣсно, чтобъ она не замѣтила границъ и не переступила ихъ. Надо хитро овладѣть не только ея сердцемъ—это что! это скользкое и непрочное обладаніе, — а овладѣть умомъ, волей, подчинить ея вкусъ и нравъ своему, чтобъ она смотрѣла на вещи черезъ тебя, думала твоимъ умомъ....

— То есть, сдѣлать ее куклой или безмолвной рабой мужа! перебилъ Александръ.

— Зачѣмъ? нѣтъ! Устрой такъ, чтобъ она не измѣнила ни въ чемъ женскаго характера и достоинства. Предоставь ей свободу дѣйствій въ ея сферѣ, но пусть за каждымъ ея движеніемъ, вздохомъ, поступкомъ наблюдаетъ твой проницательный умъ, чтобъ каждое мгновенное волненіе, вспышка, зародышъ чувства всегда и всюду встрѣчали снаружи равнодушный, но не дремлющій глазъ мужа. Учреди постоянный контроль безъ всякой тиранніи.... да искусно, незамѣтно отъ нея, и веди ее желаемымъ путемъ.... О, нужна мудреная и тяжелая школа, и эта школа — умный и опытный мужчина.... вотъ въ чемъ штука!

Онъ значительно кашлянулъ и залпомъ выпилъ стаканъ.

— Тогда, продолжалъ онъ: — мужъ можетъ спать покойно, когда жена и не подлѣ него, или сидѣть беззаботно въ кабинетѣ, когда она спитъ....

— А! вотъ онъ, знаменитый секретъ супружескаго счастья! замѣтилъ Александръ: — обманомъ приковать къ себѣ умъ, сердце, волю женщины — и утѣшаться, гордиться этимъ.... это счастье! А какъ она замѣтитъ?

— Зачѣмъ гордиться! примолвилъ дядя: — это не нужно!

— Смотря потому, дядюшка, продолжалъ Александръ: — какъ вы беззаботно сидите въ кабинетѣ, когда тетюшка почиваетъ, я догадываюсь, что этотъ мужчина....

— Тс! тс!... молчи, ради Бога, заговорилъ дядя, махая рукой: — услышитъ жена — бѣда! имъ и вида не надо показывать. Хорошо, что она спитъ, а то.... того....

Онъ засмѣялся и погрозилъ Александру пальцомъ.

Въ это время дверь въ кабинетъ начала потихоньку отворяться, но никто не показывался.

— А жена должна, заговорилъ женскій голосъ изъ коридора: — для блага своего и мужа — не показывать вида, что понимаетъ его великую школу и завести маленькую свою, но не болтать объ ней за бутылкой вина....

Оба Адуевы бросились къ дверямъ, но въ коридорѣ раздались быстрые шаги, шорохъ платья — и все утихло.

Дядя и племянникъ посмотрѣли другъ на друга.

— Что, дядюшка? спросилъ племянникъ, помолчавъ.

— Что? ничего! сказалъ Петръ Ивановичъ, наморщивъ брови: — не кстати похвастался. Учись, Александръ, а лучше не женись, или возьми дуру: тебѣ не сладить съ умной женщиной: мудрена школа!

Онъ задумался, потомъ ударилъ себя по лбу рукой.

— Нѣтъ еще, тутъ, въ этой головѣ не все есть! сказалъ онъ съ досадой. — Какъ не сообразить, что она знала о твоёмъ позднему приходѣ? что женщина не уснетъ, когда черезъ комнату есть секретъ между двумя мужчинами, что она непременно или горничную подоплететъ, или сама.... и не предвидѣть! глупо! а все ты да вотъ этотъ проклятый стаканъ лафиту! разболтался! Такой урокъ отъ двадцатилѣтней женщины....

— А! вы боитесь, дялюшка!

— Чего бояться? нисколько! сдѣлать ошибку — не надо терять хладнокровія, надо умѣть выпутаться.

Онъ опять задумался.

— Она похвасталась, началъ онъ потомъ: — какаа у ней школа! у ней школы быть не могло: молода! это она такъ только.... отъ досады! но теперь она замѣтила этотъ магическій кругъ, станеть тоже хитрить.... о, я знаю женскую натуру! ну! хитрить такъ хитрить! посмотримъ, кто кого!

— Онъ гордо и весело улыбнулся; морщины разгладились на лбу.

— Только надо другую систему, примолвилъ онъ: — прежняя ни къ чорту не годится. Теперь надо....

Онъ вдругъ спохватился и замолчалъ, бояливо поглядывая на дверь.

— Но это все впереди, продолжалъ онъ: — теперь займемся твоимъ дѣломъ, Александръ. Объ чемъ мы говорили? да! ты, кажется, хотѣлъ убить что ли свою эту.... какъ ее?

— Я ее слишкомъ глубоко презираю! сказалъ Александръ.

— Вотъ видишь ли? ты ужъ вполонину и вылеченъ. Только правда ли это? ты, кажется, еще сердшишься. Впрочемъ, презирай, презирай: это удобнѣе въ твоемъ положеніи. Я хотѣлъ было сказать что нибудь.... да нѣтъ....

— Ахъ, говорите, ради Бога, говорите! сказалъ Александръ: — у меня нѣтъ теперь ни искры разсудка. Я страдаю, гибну.... дайте мнѣ своего холоднаго разума. Скажите все, что можетъ облегчить и успокоить больное сердце....

— Да, скажи тебѣ — ты, пожалуй, и опять воротишься туда....

— Какая мысль! послѣ того....

— Ворочаются послѣ и не этого! честное слово — не пойдешь?

— Клятву, если угодно.

— Нѣтъ, честное слово: это вѣрнѣе.

— Честное слово.

— Ну, вотъ видишь ли: мы рѣшили, что графъ не виноватъ....

— Положимъ такъ, что же?

— Ну, а чѣмъ виновата твоя эта.... какъ ее?

— Чѣмъ виновата Надинька! съ изумленіемъ воскликнулъ Александръ: — она не виновата!

— Нѣтъ! ну, чѣмъ, скажи? ее не за что презирать.

— Не за что! нѣтъ, дядюшка, это ужь изъ рукъ вонь! положимъ, графъ.... еще такъ.... онъ не зналъ.... да и то нѣтъ! а она? кто же послѣ этого виновать? я?

— Да почти такъ, а въ самомъ-то дѣлѣ никто. Ну, за что ты ее презираешь?

— За низкій поступокъ.

— Въ чемъ же онъ состоитъ?

— Заплатить неблагодарностію за высокую, безграничную страсть....

— За что тутъ благодарить? Это забавно! развѣ ты для нея, изъ угожденія къ ней любилъ? хотѣлъ услужить ей что ли? такъ для этого ты бы лучше мать полюбилъ.

Александръ глядѣлъ на него и не зналъ, что сказать.

— Ты бы не долженъ былъ обнаруживать предъ ней чувства во всей силѣ: женщина охлаждается, когда мужчина выскажется весь.... Ты бы долженъ былъ узнать ея характеръ, да и дѣйствовать сообразно этому, а не лежать, какъ собачонка у ногъ. Какъ это не узнать компаніона, съ которымъ имѣешь какое бы то ни было дѣло? теперь и былъ бы покойнѣе. Ты бы разглядѣлъ тогда, что отъ нея больше и ожидать нельзя. Она разыграла свой романъ съ тобой до конца, точно такъ же разыгрываетъ его и съ графомъ и, можетъ быть, еще съ кѣмънибудь... больше отъ нея требовать нельзя: выше и дальше ей нейти! это не такая натура; а ты вообразилъ себѣ Богъ знаетъ что....

— Но за чѣмъ же она полюбила другого? съ горестію перебилъ Александръ.

— Вотъ вина-то гдѣ! умный вопросъ! Ахъ, ты дикарь! А зачѣмъ ты ее полюбилъ? Ну, разлюби поскорѣе!

— Да развѣ это отъ меня зависитъ?

— А развѣ отъ нея зависѣло полюбить графа? Самъ же твердилъ, что не надо стѣснять порывовъ чувства, а какъ дѣло дошло до самого, такъ и того.... зачѣмъ полюбила! Зачѣмъ такой-то умеръ, такая-то съ ума сошла? — какъ отвѣчать на такіе вопросы? Любовь должна же кончиться когданибудь: она не можетъ продолжаться вѣкъ.

— Нѣтъ, можетъ. Я чувствую въ себѣ эту силу сердца : я бы любилъ вѣчною любовью....

— Да! а полюби-ка тебя покрѣпче, такъ и того.... на пятный дворъ! всѣ такъ, знаю я!

— Пусть бы кончилась ея любовь, сказалъ Александръ :— но за чѣмъ она кончилась такъ....

— Не все ли равно ? вѣдь тебя любили , ты наслаждался — и довольно !

— Отдалась другому ! говорилъ Александръ , блѣднѣя.

— А ты бы хотѣлъ , чтобъ она любила тихонько другого , а тебя продолжала увѣрять въ любви ? Ну , ты самъ рѣши , что ей дѣлать , виновата ли она ? Эхъ , Александръ , я лучше думалъ объ тебѣ .

— О , я отмщу , отмщу ей ! сказалъ Александръ .

— Ты неблагодаренъ , продолжалъ Петръ Ивановичъ : — это дурно ! Чтò бы женщина ни сдѣлала съ тобой , измѣнила , охладѣла , поступила , какъ говорятъ въ стихахъ , коварно , — вини природу , предавайся , пожалуй , по этому случаю , философскимъ размышлениямъ , брани мѣръ , жизнь , что хочешь , но никогда не посягай на личность женщины ни словомъ , ни дѣломъ , не мсти... оружіе противъ женщины—списхождение , наконецъ , самое жестокое — забвеніе ! только это и позволяется порядочному человѣку . Вспомни , что полтора года ты вѣшался всѣмъ на шею отъ радости , не зналъ , куда дѣваться отъ счастья ! Полтора года непрерывныхъ удовольствій ! воля твоя — ты неблагодаренъ !

— Ахъ , дядюшка , для меня не было ничего на землѣ святѣе любви : — безъ нея жизнь не жизнь....

— А ! съ досадою перебилъ Петръ Ивановичъ :—тошно слушать такой вздоръ ?

— Я боготворилъ бы Надиньку , продолжалъ Александръ :— и не позавидовалъ бы никакому счастью въ мѣрѣ ; съ Надинькой мечталъ я провести всю жизнь — и что же ? гдѣ эта благородная , колоссальная страсть , о которой я мечталъ ? она разыгралась въ какую-то глупую , пигмеевскую комедію вздоховъ , сценъ , ревности , лжи , притворства — Боже ! Боже !

— За чѣмъ же ты воображалъ , чего не бываетъ ? Не я ли твердилъ тебѣ , что ты до сихъ поръ хотѣлъ жить такой жизнью , какой нѣтъ ? У человѣка , по твоему , только и дѣла , чтобъ

быть любовникомъ, мужемъ, отцомъ... а о другомъ ни о чемъ и знать не хочешь. Человѣкъ, сверхъ того, еще и гражданинъ, имѣеть какое нибудь званіе, занятіе — писатель что ли, помѣщикъ, солдатъ, чиновникъ, заводчикъ... А у тебя все это заслоняеть любовь да дружба... что за Аркадія! Начитался романовъ, наслушался своей тетушки тамъ въ глуши и пріѣхалъ съ этими понятіями сюда. Выдумалъ еще — *благородную страсть*....

— Да, благородную!

— Полно, пожалуйста: развѣ есть благородныя страсти?

— Какъ?

— Да такъ. Вѣдь страсть значитъ чувство, влеченіе, привязанность или что нибудь этакое — безъ границъ, т. е. въ такой степени, когда ужъ перестаетъ дѣйствовать разумъ? Ну, чтожъ тутъ благороднаго, я не понимаю? одно сумасшествіе — это не по человѣчески. Да и за чѣмъ ты берешь одну только сторону медали — я говорю про любовь — ты возьми и другую и увидишь, что любовь не дурная вещь. Вспомни-ка счастливыя минуты: ты мнѣ уши прожужжалъ....

— О, не напоминайте, не напоминайте! говорилъ Александръ, махая рукой: — вамъ хорошо такъ рассуждать, потому-что вы увѣрены въ любимой вами женщинѣ; я бы желалъ посмотреть, чтобы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ....

— Да что бы сдѣлалъ?... поѣхалъ бы разсвѣяться.... на заводъ; не хочешь ли завтра?

— Нѣтъ, мы съ вами никогда не сойдемся, печально провизнесъ Александръ. — Вашъ взглядъ на жизнь не успокоиваетъ, а отталкиваетъ меня отъ нея. Мнѣ грустно, на душу вѣетъ холодъ. До сихъ поръ любовь спасала меня отъ этого холода; ея нѣтъ, и въ сердцѣ теперь тоска; мнѣ страшно, скучно....

— А ты займись дѣломъ.

— Все это правда, дядюшка: вы и подобные вамъ могутъ рассуждать такъ. Вы отъ природы человѣкъ холодный.... съ душой, не способной къ волненіямъ....

— А ты воображаешь, что ты съ могучей душой? Какъ не такъ? Вчера отъ радости былъ на седьмомъ небѣ, а чуть немного того... такъ и не умѣеть перенести горя. Право, тутъ ничего нѣтъ высокаго?

— Парь, парь! слабо, едва защищаясь, говорилъ Александръ:—вы мыслите, чувствуете и говорите точно какъ паровозъ катится по рельсамъ: ровно, гладко, покойно....

— Надѣюсь, это недурно: лучше, чѣмъ выскочить изъ колесъ, да и того... бухнуть въ ровъ, какъ ты теперь, и не умѣть встать на ноги! Парь! парь! да парь-то, вотъ видишь, дѣлаетъ человѣку честь. Въ этой выдумкѣ присутствуетъ начало, которое насъ съ тобой дѣлаетъ людьми, а умереть съ горя можетъ и животное. Были примѣры, что собаки умирали на могилѣ своихъ господъ, или задыхались отъ радости, послѣ долгой разлуки. Чтожъ это за заслуга? А ты думалъ, ты особое существо, высшаго разряда, необыкновенный человѣкъ....

Петръ Ивановичъ взглянулъ на племянника и вдругъ остановился.

— Что это? ты никакъ плачешь? спросилъ онъ, и лицо его потемнѣло, т. е. онъ покраснѣлъ.

Александръ молчалъ. Послѣднiя доказательства совѣмъ сбили его съ ногъ. Возражать было нечего. Но онъ находился подъ влiянiемъ господствовавшаго въ немъ чувства. Онъ вспомнилъ объ утраченномъ счастьѣ, о томъ, что теперь другой.... И слезы градомъ потекли по щекамъ его.

— Ай, ай, ай! стыдись! сказалъ Петръ Ивановичъ: — и ты мужчина! плачь, ради Бога, не при мнѣ!

— Дядюшка! вспомните о лѣтахъ вашей молодости, всхлипывая говорилъ Александръ: — ужели вы покойно и равнодушно могли бы перенести самое горькое оскорбленiе, какое только судьба посылаетъ человѣку? Жить полтора года такую полную жизнь и вдругъ нѣтъ — ничего! пустота.... Послѣ этой искренности... хитрость, скрытность, холодность — ко мнѣ! Боже! есть ли еще мѣла сильнѣе? Легко сказать про другого «измѣнили», а испытать?... Какъ она перемѣнилась! какъ стала наряжаться для графа! Бывало, прiѣду, она блѣднѣетъ, едва можетъ говорить... жетъ.... о, нѣтъ....

Тутъ слезы хлынули сильнѣе.

— Еслибъ мнѣ осталось утѣшенiе, продолжалъ онъ, — что я потерялъ ее по обстоятельствамъ, еслибъ неволя принудила ее... пусть бы даже умерла она — и тогда легче бы было перенести... а то нѣтъ, нѣтъ... другой! это ужасно, невыносимо! И нѣтъ

средствъ вырвать ее у похитителя : вы обезоружили меня... что мнѣ дѣлать, научите же? Мнѣ душно, больно.... тоска, мучка! я умру... застрѣлюсь....

Онъ облокотился на столъ, закрылъ голову руками и громко зарыдалъ.

Петръ Ивановичъ растерялся. Онъ прошелся раза два по комнатѣ, потомъ остановился противъ Александра и посмотрѣлъ на него, не зная, что начать.

— Выпей вина, Александръ, сказалъ Петръ Ивановичъ, сколько могъ понѣжить: — можетъ быть, слезы — того... остаются....

Александръ — ничего, только плечи и голова его судорожно подергивались; онъ все рыдалъ. Петръ Ивановичъ нахмурился, махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

— Что мнѣ дѣлать съ Александромъ? сказалъ онъ женѣ. — Онъ тамъ у меня разревѣлся и меня выгналъ; я совсѣмъ измучился съ нимъ.

— А ты такъ его и оставилъ? спросила она: — бѣдный! Пусти меня; я пойду къ нему.

— Да ничего не сдѣлаешь: это ужъ такая натура — весь въ тетку: та такая же плакса! Я ужъ не мало убѣждалъ его.

— Только убѣждалъ?

— И убѣдилъ: онъ согласился со мной.

— О, я не сомнѣваюсь: ты очень уменъ и... хитеръ! прибавила она.

— Слава Богу, если такъ: тутъ, кажется, все, что нужно.

— Кажется, все; а онъ плачетъ.

— Я не виноватъ, я сдѣлалъ все, чтобъ утѣшить его.

— Чтожъ ты сдѣлалъ?

— Мало ли? И говорилъ битый часъ... даже въ горлѣ пересохло... всю теорію любви точно на ладони такъ и выложилъ, и денегъ предлагалъ... и ужиналъ — и виномъ старался....

— А онъ все плачетъ?

— Такъ и реветъ! подъ конецъ еще пуще.

— Удивительно! Пусти меня: я попробую, а ты пока обдумай свою новую систему хитрить....

— Что, что!

— Спи спокойно! отвѣчала она и вышла изъ комнаты.

Александръ все еще сидѣлъ, опершись головой на руки. Кто-то дотронулся до его плеча. Онъ поднялъ голову : передъ нимъ молодая , прекрасная женщина , въ пеньюарѣ , въ чепчикѣ à la Finnoise .

— Ma tante ! сказалъ онъ .

Она сѣла подлѣ него , поглядѣла на него пристально , какъ только умѣютъ глядѣть иногда женщины , потомъ тихонько отерла платкомъ его глаза и поцаловала въ лобъ . Долго говорили они .

Черезъ часъ онъ вышелъ задумчивъ , но съ улыбкой , и уснулъ въ первый разъ покойно , послѣ многихъ бессонныхъ ночей . Она воротилась въ спальню съ заплаканными глазами . Петръ Ивановичъ давнымъ давно храпѣлъ .

БИТВА ЖИЗНИ.

ПОВѢСТЬ Ч. ДИККЕНСА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Когда-то, въ доброй Англии, — все равно когда и гдѣ именно, — дана была упорная битва. Это случилось лѣтомъ, когда зеленѣли волны травы; и сраженіе длилось цѣлый день. Не одинъ полевой цвѣтокъ, — благоухающій кубокъ, созданный рукою Всемогущаго для росы, — приникъ въ этотъ день къ землѣ, въ ужасѣ, что эмаль его чашечки вровень съ краями наполнилась кровью. Не одно насѣкомое, обязанное нѣжнымъ цвѣтомъ своимъ невиннымъ листьямъ и травѣ, было перекрашено въ этотъ день умирающими людьми и, убѣгая въ испугѣ, обозначило слѣдъ своей неестественною полосою. Пестрая бабочка, пролетая по воздуху, обогрела кровью свои крылья. Загнѣла рѣка; истоптанное поле превратилось въ болото, и лужи крови въ слѣдахъ отъ ногъ и копытъ агъли, сверкая на солнцѣ, по всему пространству равнины.

Избави насъ небо увидѣть когда нибудь сцену, какую увидѣлъ на полѣ битвы мѣсяцъ, когда, появившись изъ за черной линіи далекаго горизонта, окаймленнаго вѣтвями деревь, онъ поднялся въ небо и взглянулъ на равнину, усѣянную лидами,

обращенными вверхъ, — лицами, которыя когда-то у груди матери искали родного взора или дремали въ счастливомъ забытїи. Избави насъ Богъ узнать всѣ тайны, шопотомъ переданныя зараженному вѣтру, пролетавшему надъ сценою битвы днемъ, и смерти и страданій ночью! Много разъ одинокій мѣсяцъ свѣтилъ надъ этимъ полемъ; много разъ озаряли его печальныя стражи — звѣзды, и много разъ пронесся надъ нимъ вѣтеръ со всѣхъ странъ свѣта, пока не изгладились слѣды сраженія.

Эти слѣды держались долго, но проявляясь только въ мелочахъ: природа выше дурныхъ людскихъ страстей: — она повеселѣла скоро и снова улыбулась надъ преступнымъ полемъ битвы, какъ улыбалась прежде, когда оно было еще невинно. Жаворонки по прежнему заплѣли надъ нимъ въ вышинѣ; тѣни облаковъ, нагоняя другъ друга, замелькали по травѣ и нивамъ, по огородамъ и лѣсамъ, по кровлямъ и шпицу церкви молодого городка подъ кущею деревъ, — и убѣгали къ далекой межѣ неба съ землею, гдѣ блѣднѣла вечерняя заря. Поле засѣяли хлѣбомъ, и собирали съ него жатву; алая нѣкогда рѣка задвигала колеса мѣльницы; крестьяне, посвистывая, пахали землю; тамъ и сямъ виднѣлись группы жнецовъ и косарей, мирно занятыхъ своимъ дѣломъ; паслись овцы и быки; дѣти кричали и шумѣли по пажитямъ, прогоняя птицъ; изъ трубъ хижинъ подымался дымъ; мирно звучалъ воскресный колоколъ; жили и умирали старики и старухи; робкія полевые созданія и простые цвѣты въ кустарникѣ и садахъ разцвѣтали и увядали въ урочный срокъ: и все это на страшномъ, кровавомъ полѣ битвы, гдѣ тысячи пали мертвые среди жаркой сѣчи.

Сначала среди всходившаго хлѣба появлялись пятнами густо-зеленые участки, и народъ смотрѣлъ на нихъ съ ужасомъ. Годъ за годомъ эти пятна показывались снова; всѣ знали, что подъ этими тучными мѣстами лежатъ кучами скороненные люди и лошади, и удобряютъ почву. Крестьяне, вспахивая эти мѣста, съ отвращеніемъ сторонились отъ множества крупныхъ червей; связанные здѣсь снопы долго назывались *снопами битвы* и откладывались особо; никто не запомнитъ, чтобы такой снопъ попалъ когда нибудь въ общій сборъ жатвы. Долгое время плугъ, прорѣзывая свѣжую борозду, выбрасывалъ остатки воинскихъ вещей. Долго встрѣчались на полѣ битвы

раненныя деревья, обломки изрубленныхъ и разрушенныхъ оградъ и окоповъ, гдѣ дрались на смерть, истоптанныя мѣста, гдѣ не всходило ни травки, ни былинки. Долго ни одна деревенская красавица не хотѣла украсить своей головы или груди прекраснѣйшимъ цвѣткомъ съ этого поля смерти; прошло много лѣтъ, а въ народѣ все еще жило повѣрье, что растущія здѣсь ягоды оставляютъ на сорвавшей ихъ рукѣ почти неизгладимое пятно.

Но годá, быстро и незамѣтно, какъ лѣтнія тучки, пролетая надъ полемъ, изгладили мало по малу и эти слѣды старинной битвы; они унесли съ собою преданія, жившія въ памяти окрестныхъ жителей; сказанія о битвѣ перешли, наконецъ, слабѣя изъ году въ годъ, въ сказки старухъ, смутно повторяемыя у зимняго огонька.

Гдѣ такъ долго росли неприкосновенные на своихъ стебляхъ цвѣты и ягоды, тамъ явились сады, воздвигнулись дома, и дѣти играли на лужайкѣ въ сраженіе. Раненныя деревья уже давно были срублены на дрова къ Рождеству и, треща, сдѣлались добычею пламени. Густая зелень тучныхъ участковъ среди ржи стала не свѣжѣе памяти о тѣхъ, чей прахъ подъ нею покоился. Плугъ все еще выбрасывалъ отъ времени до времени ржавые куски металла, но уже трудно было рѣшить, какое было ихъ употребленіе, и находившіе ихъ дивовались имъ и спорили. Старый изрубленный кирасъ и шлемъ висѣли въ церкви такъ долго, что дряхлый, полуслѣпой старикъ, напрасно старавшійся теперь разглядѣть ихъ надъ бѣленою аркою, дивился имъ, бывши еще ребенкомъ. Если бы павшіе на полѣ битвы могли воскреснуть на минуту въ томъ самомъ видѣ, какъ пали, и каждый на томъ мѣстѣ, гдѣ застигла его преждевременная смерть, израненные, блѣдные, какъ тѣни, воины сотнями глянули бы въ двери и окна жилищъ, окружили бы мирный домашній очагъ, смѣнили бы собою запасы хлѣба въ анбарахъ и житницахъ, стали бы между груднымъ ребенкомъ и его кормилицей, поплыли бы за рѣкой, закружились бы около мѣльницы, покрыли бы и садъ и лугъ, легли бы стогами полумертвыхъ тѣлъ на сѣнокосѣ. Такъ измѣнилось поле битвы, гдѣ тысячи на тысячахъ пали въ жаркой схваткѣ.

Нигдѣ, можетъ быть, не измѣнилось оно такъ много, — лѣтъ сто тому назадъ, — какъ въ маленькомъ саду возлѣ одного ста-

раго каменнаго дома съ крыльцомъ, остѣненнымъ каприфолями: тамъ, въ свѣтлое осеннее утро, раздавались смѣхъ и музыка, и двѣ дѣвушки весело танцовали на травѣ; съ полдюжины крестьянокъ, собиравшихъ, стоя на лѣстницахъ, яблоки съ деревь, приостановили работу и смотрѣли на пляску, раздѣляя веселье дѣвухекъ. Сцена была очаровательная, живая, неподдѣльно веселая: прекрасный день, уединенное мѣсто; дѣвушки въ полной безопасности танцовали безъ малѣйшаго принужденія, истинно отъ всей души.

Если бы на свѣтѣ не заботились объ эффектѣ, я думаю (это мое личное мнѣнiе, и я надѣюсь, что вы согласитесь со мною), — я думаю, что намъ жилось бы лучше, да и другимъ было бы прiятнѣе съ нами жить. Нельзя было смотрѣть безъ восторга на пляску этихъ дѣвухекъ. Единственными зрителями были крестьянки, собиравшія на лѣстницахъ яблоки. Дѣвушки были очень довольны, что пляска имъ нравится, но танцовали онѣ ради собственнаго удовольствiя (или, по крайней мѣрѣ, вы непремѣнно такъ подумали бы); и вы любовались бы ими также невольно, какъ невольно онѣ танцовали. Какъ онѣ танцовали!

Не такъ, какъ оперныя танцовщицы. Нѣтъ, нисколько. И не такъ, какъ первыя ученицы какой нибудь мадамъ N. N. Нѣтъ. Это былъ ни кадрилъ, ни менуэтъ, ни контрадансъ, а что-то особенное: ни въ старомъ, ни въ новомъ стилѣ, ни въ англійскомъ, ни во французскомъ; развѣ, можетъ быть, что-то въ родѣ испанской пляски, какъ говорятъ, веселой, свободной и похожей на импровизацію подъ звуки кастаньетъ. Онѣ кружились, какъ легкое облако, перелетали изъ конца въ конецъ по аллеѣ, и воздушныя движенія ихъ, казалось, разливались, по ярко озаренной сценѣ, все дальше и дальше, какъ кругъ на водѣ. Волны волосъ ихъ и облако платья, эластическая трава подъ ногами, шумящiя въ утреннемъ воздухѣ вѣтви, сверкающiе листья и пестрая тѣнь ихъ на мягкой зелени, бальзамическiй вѣтеръ, весело ворочающiй далекую мѣльницу, все вокругъ этихъ дѣвухекъ, — даже крестьянинъ съ своимъ плугомъ и лошадыми, черняющiе далеко на горизонтѣ, какъ будто они послѣднiя вещи въ мiрѣ, — все, казалось, танцовало вмѣстѣ съ дѣвушками.

Наконецъ, младшая изъ сестеръ, запыхавшись, съ веселымъ смѣхомъ, бросилась отдохнуть на скамью. Старшая прислони-

лась возлѣ нея къ дереву. Оркестръ, — странствующія скрипка и арфа, — завершилъ громкимъ финаломъ, въ доказательство свѣжести своихъ силъ; но въ самомъ дѣлѣ, музыканты взяли такое темпо и, споря въ быстротѣ съ танцовавшими, дошли до такого presto, что не выдержали бы ни полминуты дольше. Крестьянки подъ яблонями высказали свое одобреніе неопредѣленнымъ говоромъ и тотчасъ же принялись опять за работу, какъ пчелы.

Дѣятельность ихъ удвоилась, можетъ быть, отъ появленія пожилого джентльмена: это былъ самъ докторъ Джеддлеръ, владѣтель дома и сада, и отецъ танцовавшихъ дѣвушекъ. Онъ выбѣжалъ посмотрѣть, что тутъ происходитъ и кой чортъ разыгрался у него въ саду еще до завтрака. Докторъ Джеддлеръ, надо вамъ знать, былъ большой философъ и не очень любилъ музыку.

— Музыка и танцы — *сегодня!* пробормоталъ докторъ, остановившись въ недоумѣніи. — Я думалъ, что сегодня страшный для нихъ день. Впрочемъ, свѣтъ полонъ противорѣчій. Грація! Мери! продолжалъ онъ громко: — что это? или сегодня поутру свѣтъ рехнулся еще больше?

— Будьте къ нему снисходительны, папенька, если онъ рехнулся, отвѣчала меньшая дочь его, Мери, подходя къ нему и устремивши на него глаза: — сегодня чье-то рожденіе.

— Чье-то рожденіе, плутовка? возразилъ докторъ. — Да развѣ ты не знаешь, что каждый день чье нибудь рожденіе? Что, ты никогда не слышала, сколько новыхъ актеровъ является каждую минуту въ этомъ, — ха, ха, ха! право, нельзя говорить безъ смѣха, — въ этомъ сумасбродномъ и пошломъ фарсѣ — жизни?

— Нѣтъ, не слышала.

— Да, конечно, нѣтъ; ты женщина, почти женщина, сказалъ докторъ и устремилъ глаза на ея милое личико, которое она все еще не отдаляла отъ его лица. — Я подозреваю, не *твое* ли сегодня рожденіе.

— Нѣтъ? въ самомъ дѣлѣ? воскликнула его любимица и протянула свои губки.

— Желаю тебѣ, сказалъ докторъ, цалуя ее: — забавная мысль!... счастливо встрѣтить этотъ день еще много разъ. Хо-

роша идея, нечего сказать, подумалъ докторъ: — желать счастливаго повторенія въ такомъ фарсѣ... ха, ха, ха!

Докторъ Джеддлеръ былъ, какъ я уже сказалъ, большой философъ; зерно, паеосъ его философіи состоялъ въ томъ, что онъ смотрѣлъ на свѣтъ и жизнь, какъ на гигантскій фарсъ, какъ на что-то безмысленное, недостойное серьезнаго вниманія разсудительнаго человѣка. Корень этой системы держался въ почвѣ поля битвы, на которомъ онъ жилъ, какъ вы сами скоро увидите.

— Хорошо! но откуда же достали вы музыку? спросилъ докторъ. — Какіе нибудь мошенники! Откуда эти менестрели?

— Ихъ прислалъ Альфредъ, отвѣчала Грація, поправляя въ волосахъ сестры нѣсколько полевыхъ цвѣтовъ, которые вплела съ полчаса тому назадъ, любуясь юною красотою Мери.

— А! Альфредъ прислалъ музыкантовъ; право? сказалъ докторъ.

— Да. Онъ встрѣтилъ ихъ сегодня на зарѣ при вѣздѣ въ городъ. Они путешествуютъ пѣшкомъ, и ночевали здѣсь; сегодня рожденіе Мери, такъ онъ подумалъ, что, можетъ быть, это позабавитъ ее, и прислалъ ихъ сюда ко мнѣ съ запискою, что если я того же мнѣнія, такъ они къ нашимъ услугамъ.

— Да, знаю, безопасно замѣтилъ докторъ: — онъ всегда спрашиваетъ вашего мнѣнія.

А мое мнѣніе было не противъ, весело продолжала Грація, — она остановилась и, отступивши ни шагъ, любовалась съ минуту красивою, убранною ею головкою: — Мери была въ духѣ и начала танцевать; я пристала, и вотъ мы и протанцовали подъ музыку Альфреда, пока не выбились изъ силъ. И музыка была для насъ тѣмъ пріятнѣе, что ее прислалъ Альфредъ. Не правда ли, жилая Мери?

— Право, не знаю, Грація. Какъ ты мнѣ докучаешь своимъ Альфредомъ!

— Докучаю тебѣ твоимъ женихомъ? отвѣчала сестра.

— Да я вовсе не требую, чтобы мнѣ объ немъ говорили, возразила капризная красавица, обрывая и разсыпая по землѣ лепестки съ какого-то цвѣтка. — Мнѣ и то прожужжали имъ уши; а что до того, что онъ мнѣ женихъ....

— Тсъ! Не говори такъ слегка о вѣрномъ, исполни тебѣ преданномъ сердцѣ, Мери, прервала ее сестра: — не говори такъ

даже и въ шутку. Такого вѣрнаго сердца не найти въ цѣломъ мірѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала Мери, поднявши брови въ безпечно миломъ раздумьи: — можетъ статься не найти. Только я не вижу въ этомъ большой заслуги. Я — я вовсе не нуждаюсь въ его непоколебимой вѣрности. Я никогда ее у него не требовала. Если онъ ожидаетъ, что я... Впрочемъ, милая Грація, что намъ за необходимость говорить объ немъ именно теперь?

Нельзя было безъ наслажденія смотрѣть на граціозныхъ, цвѣтущихъ сестеръ: онѣ ходили, обнявшись, по саду, и въ разговорѣ ихъ слышался странный контрастъ серьезнаго размышленія съ легкомысленностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ гармонія любви, отвѣчающей на любовь. Глаза меньшей сестры наполнились слезами; внутри ея происходила борьба: глубокое, горячее чувство прорывалось сквозь своенравный смыслъ ея рѣчей.

Разность ихъ лѣтъ была года четыре, не больше; но Грація, какъ часто случается въ подобныхъ обстоятельствахъ, когда объ лишены надзора матери (жены доктора не было уже на свѣтѣ), Грація такъ неусыпно заботилась о меньшей сестрѣ своей и была ей предана такъ безгранично, что казалась старше, нежели была въ самомъ дѣлѣ; она, естественно, не по лѣтамъ являлась чуждою всякаго съ нею соперничества и раздвляла, какъ будто, прихоти ея фантазіи только изъ симпатіи и искренней любви. Великія черты матери, самая тѣнь и слабое отраженіе которыхъ очищаетъ сердце и возноситъ высокую натуру ближе къ ангеламъ!

Мысли доктора, когда онъ смотрѣлъ на дочерей и слушалъ ихъ разговоръ, не выходили сначала изъ круга веселыхъ размышленій о глупости всякой любви и страсти, и о заблужденіи молодежи, которая вѣритъ на минуту въ важность этихъ мыльныхъ пузырей, и потомъ разочаровывается — всегда!

Но добрыя домашнія качества Граціи, ея самоотверженіе, кротость ея нрава, мягкаго и тихаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлаго и твердаго, высказались ему ярче въ контрастѣ ея спокойной, хозяйской, такъ сказать, фигуры съ болѣе прекрасною наружностью меньшей сестры, — и онъ пожалѣлъ за нее, пожалѣлъ за обѣихъ, что жизнь такая смѣшная вещь.

Доктору вовсе не приходило въ голову спросить себя, не задумали ли его дочери, или хоть одна изъ нихъ, сдѣлать изъ этой шутки что нибудь серьезное. Впрочемъ, вѣдь онъ былъ философъ.

Добрый и великодушный отъ природы, онъ споткнулся нечаянно на обыкновенный философскій камень (открытый гораздо легче предмета изысканій алхимиковъ), который сбиваетъ иногда съ ногъ добрыхъ и великодушныхъ людей и одаренъ роковымъ свойствомъ превращать золото въ соръ и лишать цѣнности все дорогое.

— Бритнъ! закричалъ докторъ. — Бритнъ! эй!

Изъ дому появился маленькій человекъ съ необыкновенно-кислою и недовольною физиономіей и отозвался на призывъ доктора безцеремоннымъ: «что тамъ»?

— Гдѣ обѣденный столъ? спросилъ докторъ.

— Въ комнатахъ, отвѣчалъ Бритнъ.

— Не угодно ли накрыть его здѣсь, какъ сказано вчера свечера? продолжалъ докторъ. — Развѣ вы не знаете, что будутъ гости, что намъ надо покончить дѣла еще утромъ, до пріѣзда почтовой коляски, и что это особенный, важный случай?

— Я не могъ ничего сдѣлать, докторъ Джедлеръ, пока не кончатъ собирать яблоки; сами разсудите, что я могъ сдѣлать? возразилъ Бритнъ, постепенно возвышая голосъ, такъ что договаривалъ почти крикомъ.

— Чтожь, кончили онѣ? спросилъ докторъ, взглянувши на часы и ударивши рука объ руку. — Скорѣй же! гдѣ Клеменси?

— Здѣсь, мистеръ, отвѣчалъ голосъ съ лѣстницы, по которой проворно сбѣжала пара толстыхъ ногъ. — Довольно, сходите, сказала она, обращаясь къ собиравшимъ яблоки. — Все будетъ готово въ одну минуту, мистеръ.

И она начала страшно суетиться; зрѣлище было довольно оригинально, и заслуживаетъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Клеменси было лѣтъ тридцать: лицо ея было довольно полно и мясисто, но свернуто въ какое-то странно комическое выраженіе. Впрочемъ, необыкновенная угловатость ея походки и приемовъ заставляла забывать о всѣхъ возможныхъ лицахъ въ мірѣ. Сказать, что у нея были двѣ лѣвыя ноги и чьи-то чужія руки, что всѣ четыре конечности казались вывихнутыми и тор-

чали какъ будто вовсе не изъ своихъ мѣстъ, когда она начинала ими двигать, — значить набросать только самый слабый очеркъ дѣйствительности. Сказать, что она была совершенно довольна такимъ устройствомъ, какъ будто это вовсе до нея не касалось, и что она предоставляла своимъ рукамъ и ногамъ распоряжаться, какъ имъ угодно, — значить отдать только слабую справедливость ея равнодушiю. Костюмъ ея составляли: пара огромныхъ упрямыхъ башмаковъ, никогда не находившихъ нужнымъ идти, куда идетъ нога; синiе чулки; пестрое платье самаго нелѣпаго узора, какой только можно достать за деньги, — и бѣлый передникъ. Она постоянно ходила въ короткихъ рукавахъ; съ локтей ея (ужь такъ устроивала сама судьба) никогда не сходили царапины, интересовавшiя ее такъ живо, что она не устоямо, хотя и тщетно, старалась оборотить локти и посмѣрѣть на нихъ. На головѣ у нея обыкновенно торчала гдѣ нибудь шапочка; рѣдко, впрочемъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ носятъ ее всѣ прочiе. Но за то Клеменси была съ ногъ до головы безукоризненно опрятна и умѣла хранить въ наружности какую-то кривую симметрiю. Похвальное рвенiе быть и казаться опрятной и благоприличной часто было причиною одного изъ поразительнѣйшихъ ея маневровъ: она схватывалась одною рукою за деревянную ручку (часть костюма, въ просторѣчiи называемая планшсткою) и съ жаромъ принималась дергать другою рукою платье, пока оно не располагалось въ симметрическiя складки.

Вотъ наружность и костюмъ Клеменси Ньюкомъ, безсознательно, какъ подозрѣвали, исковеркавшей полученное ею при крещенiи имя Клементины, хотя никто не зналъ этого навѣрное, потому-что глухая старуха мать, истинный феноменъ долголѣтiя, которую она кормила почти съ самого дѣтства, умерла, а другихъ родственниковъ у нея не было. Накрывая на столъ, Клеменси по временамъ останавливалась, сложивши свои голыя красныя руки, почесывала раненые локти, поглядывала на столъ съ совершеннымъ равнодушiемъ, и потомъ, вспомнивши вдругъ, что еще чего нибудь недостаетъ, бросалась за забытою вещью.

— Адвокаты идутъ, мистеръ! произнесла Клеменси не очень привѣтливимъ голосомъ.

— Ага! воскликнулъ докторъ, слѣша имъ на встрѣчу къ воротамъ сада. — Здравствуйте, здравствуйте! Грацiя! Мери! господа Снитчей и Краггсъ пришли. А гдѣ же Альфредъ?

— Онъ вѣрно сейчасъ будетъ назадъ, сказала Грація. — Ему сегодня столько было хлопотъ со сборами къ отъезду, что онъ всталъ и вышелъ на разсвѣтъ. Здравствуйте, господа.

— Позвольте пожелать вамъ добраго утра, сказалъ Снитчей: — это я за себя и за Краггса. — (Краггсъ поклонился). — Цалую вашу ручку, продолжалъ онъ, обращаясь къ Мери, и поцаловалъ ручку: — и желаю вамъ, — желалъ онъ или не желалъ въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстно: съ перваго взгляда онъ не походилъ на человѣка, согрѣтаго теплымъ сочувствіемъ къ ближнему: — желаю вамъ еще сто разъ встрѣтить этотъ счастливый день.

Докторъ, заложивши руки въ карманы, значительно засмѣялся. Ха! ха! ха! Фарсъ во сто актовъ!

— Однако же я увѣренъ, замѣтилъ Снитчей, приставляя небольшую синюю сумку къ ножкѣ стола — вы ни въ какомъ случаѣ не захотите укоротить его для этой актрисы, докторъ Джеддлеръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ докторъ. — Боже сохрани! Дай Богъ ей жить и смѣяться надъ фарсомъ, какъ можно дольше, а въ заключеніе сказать съ острякомъ Французомъ: фарсъ разыгранъ, опускайте занавѣсъ.

— Острякъ Французъ былъ не правъ, докторъ Джеддлеръ, возразилъ Снитчей, произвительно заглянувши въ сумку: — и ваша философія ошибочна, будьте въ томъ увѣрены, какъ я уже не разъ вамъ говорилъ. Ничего серьезнаго въ жизни! Да что же по вашему права?

— Шутка, отвѣчалъ докторъ.

— Вамъ никогда не случалось имѣть дѣло въ судѣ? спросилъ Снитчей, обративши глаза отъ сумки на доктора.

— Никогда, отвѣчалъ докторъ.

— Если случится, замѣтилъ Снитчей: — такъ, можетъ быть, вы перемѣните ваше мнѣніе.

Краггсъ, который, казалось, только очень смутно или вовсе не сознавалъ въ себѣ отдѣльнаго, индивидуальнаго существованія и былъ представляемъ Снитчеемъ, отважился сдѣлать свое замѣчаніе. Это замѣчаніе заключало въ себѣ единственную мысль, которая не принадлежала на половину и Снитчею; но за то ее раздѣляли съ Краггсомъ многіе изъ мудрыхъ міра сего.

— Оно стало нынче ужъ слишкомъ легко, замѣтилъ Краггсъ.

— Что, вести процессъ? спросилъ докторъ.

— Да все, отвѣчалъ Краггсъ. — Теперь все стало какъ-то слишкомъ легко. Это порокъ нашего времени. Если свѣтъ шутка (я не приготовился утверждать противное), такъ слѣдовало бы постараться, чтобы эту шутку было очень трудно разыграть. Слѣдовало бы сдѣлать изъ нея борьбу, сѣрь, и борьбу возможно тяжелой. Такъ слѣдовало бы; а ее дѣлаютъ все легче да легче. Мы смазываемъ масломъ врата жизни, а имъ слѣдовало бы заржавѣть. Скоро они начнутъ двигаться безъ шума, а имъ слѣдовало бы вязать на петляхъ, сѣрь.

Краггсъ, казалось, самъ завязалъ на своихъ петляхъ, высказывая это мнѣніе, которому наружность его сообщила немовѣрный эффектъ. Краггсъ былъ человѣкъ холодной, сухой, крутой, одѣтый, какъ камень, въ сѣрое съ бѣлымъ, съ глазами, метавшими мелкія искры, какъ будто ихъ высѣкаетъ огниво. Три царства природы имѣли каждое своего идеальнаго представителя въ этомъ тріо спорившихъ; Снитчей былъ похожъ на сороку или ворону (только безъ лоску), а сморщенное лицо доктора походило на зимнее облако; ямочки на немъ изображали слѣды птичьихъ клювовъ, а маленькая косичка сзади торчала въ видѣ стебелька.

Въ это время статный молодой человѣкъ, одѣтый по дорожному, быстро вошелъ въ садъ въ сопровожденіи слуги, нагруженнаго чемоданомъ и узелками; веселый и полный надежды видъ его гармонировалъ съ яснымъ утромъ. Трое бесѣдовавшихъ сдвинулись въ одну группу, какъ три брата Парокъ, или три Граціи, замаскированныя съ величайшимъ искусствомъ, или, наконецъ, какъ три вѣщія сестры въ степи, — и привѣтствовали пришедшаго.

— Счастливо встрѣчать этотъ день, Альфъ, сказалъ докторъ.

— Встрѣтить его еще сто разъ, мистеръ Гитфильдъ, сказалъ, низко кланаясь, Снитчей.

— Сто разъ! глухо и лаконически проговорилъ Краггсъ.

— Что за гроза! воскликнулъ Альфредъ, вдругъ остановившись. — Одинъ, два, три — и все предвѣстники чего-то недобраго на ждущемъ меня океанѣ. Хорошо, что не васъ первыхъ встрѣтилъ я сегодня по утру, а то это дурная была бы примѣта. Первую встрѣтилъ я Грацію, милую, веселую Грацію, — и вы мнѣ не страшны!

— Съ вашего позволенія, мистеръ, вы первую встрѣтили жмя, сказала Клеменси Ньюкомъ. — Она, извольте припомнить, вышла сюда гулять еще до восхода солнца. Я оставалась въ комнатахъ.

— Да, правда. Клеменси первая попалась мнѣ сегодня навстрѣчу, сказалъ Альфредъ: — все равно, я не боюсь васъ и подъ щитомъ Клеменси!

— Ха, ха, ха! — это я за себя и за Краггса, сказалъ Снитчей: — хорошъ щить!

— Можетъ быть, не такъ дурень, какъ кажется, отвѣчалъ Альфредъ, дружески пожимая руки доктору, Снитчею и Краггсу. Онъ оглянулся вокругъ.

— Гдѣ же.... Боже мой!

И быстрое, неожиданное движеніе его сблизило вдругъ Джонатана Снитчей и Томаса Краггса еще больше, нежели статьи ихъ договора, при заключеніи товарищества. Онъ быстро подошелъ къ сестрамъ, и.... впрочемъ, я лучше не могу передать вамъ, какъ онъ поклонился сперва Мери, а потомъ Граціи, какъ замѣтивши, что мистеръ Краггсъ, глядя на его поклонъ, нашель бы вѣроятно, что и кланяться стало нынче слишкомъ легко.

Докторъ Джедлеръ, желая, можетъ быть, отвлечь вниманіе, поспѣшилъ приступить къ завтраку, и всѣ сѣли за столъ. Грація заняла главное мѣсто, но такъ ловко, что отдѣлила сестру и Альфреда отъ остального общества. Снитчей и Краггсъ сѣли по угламъ, поставивши синюю сумку для безопасности между собою. Докторъ по обыкновенію сѣлъ противъ Граціи. Клеменси суетилась около стола съ какою-то гальваническою дѣятельностью, а меланхолическій Бриттъ за другимъ маленькимъ столикомъ торжественно разрѣзывалъ кусокъ говядины и окорокъ.

— Говядины? спросилъ Бриттъ, подойдя къ Снитчею съ вожемъ и вилкою въ рукѣ и бросивши въ него лаконическій вопросъ, какъ метательное оружіе.

— Конечно, отвѣчалъ адвокатъ.

— А вамъ тоже?

Это относилось къ Краггсу.

— Да, только безъ жиру, и получше сваренный кусочекъ, отвѣчалъ Краггсъ.

Исполнивши эти требованія и ужѣренно надѣливши доктора (онъ какъ будто зналъ, что больше никто не хочетъ ѣсть), Бриттъ сталъ какъ только можно было ближе, не нарушая приличія, возлѣ Компаніи, подѣ фирмою «Снитчей и Краггсъ», и суровымъ взглядомъ наблюдалъ, какъ управляются они съ говядиной. Разъ, впрочемъ, строгое выраженіе лица его смягчилось: это случилось по поводу того, что Краггсъ, зубы котораго были не изъ лучшихъ, чуть не подавился, при чемъ Бриттъ воскликнулъ съ большимъ одушевленіемъ: «я думалъ, что онъ ужъ и умеръ!»

— Альфредъ, сказалъ докторъ: — слова два, три объ дѣлѣ, пока мы еще за завтракомъ.

— Да, за завтракомъ, повторили Снитчей и Краггсъ, которые, кажется, и не думали оставить его.

Альфредъ хоть и не завтракалъ, хоть и былъ, казалось, по уши занятъ разными дѣлами, однакоже, почтительно отвѣчалъ:

— Если вамъ угодно, сэръ.

— Если можетъ быть что нибудь серьезное, началъ докторъ: — въ такомъ....

— Фарсѣ, какъ человѣческая жизнь, договорилъ Альфредъ.

— Въ такомъ фарсѣ, какъ наша жизнь, продолжалъ докторъ: — такъ это возвращеніе въ минуту разлуки двойного годового праздника, съ которымъ связано для насъ четырехъ много пріятныхъ мыслей и воспоминаніе о долгихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Но не объ этомъ рѣчь и не въ томъ дѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ Джеддлеръ, возразилъ молодой человѣкъ: — именно въ томъ-то и дѣло; такъ говоритъ мое сердце, такъ скажетъ, я знаю, и ваше, — дайте ему только волю. Сегодня я оставляю вашъ домъ, сегодня кончается ваша опека; мы прерываемъ близкія отношенія, скрѣпленные давностью времени, — имъ никогда уже не возобновиться вполнѣ; мы прощаемся и съ другими отношеніями, съ надеждами впереди, — онъ взглянулъ на Мери, сидѣвшую возлѣ него, — пробуждающими мысли, которыя я не смѣю теперь высказать. Согласитесь, прибавилъ онъ, стараясь ободрить шуткой и себя и доктора: — согласитесь, докторъ, что въ этой глухой, шутовской кучѣ сора есть же хоть зернышко серьезнаго. Сознаемся въ этомъ сегодня.

— Сегодня! воскликнул докторъ. — Слушайте его! ха, ха, ха! Сегодня, въ самый безсмысленный день во всемъ безсмысленномъ году! Въ этотъ день, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, дано было кровопролитное сраженіе. Здѣсь, гдѣ мы теперь сидимъ, гдѣ сегодня утромъ танцовали мои дочери, гдѣ полчаса тому назадъ собирали намъ къ завтраку плоды съ этихъ деревь, пустившихъ корни не въ землю, а въ людей, — здѣсь угасла жизнь столь многихъ, что нѣсколько поколѣній послѣ того, еще за мою память, здѣсь, подъ нашими ногами, разрыто было кладбище, полное костей, праха костей и осколковъ разбитыхъ череповъ. А изъ всѣхъ сражавшихся не было и ста человѣкъ, которые знали бы, за что они дерутся; въ числѣ праздновавшихъ побѣду не было и ста, которые знали бы, чему они радуются. Потеря или выигрышь битвы не послужили въ пользу и полусотнѣ. Теперь нѣтъ и полдюжины, которые сходились бы въ мнѣніи о причинѣ и исходѣ сраженія; словомъ, никто никогда не зналъ объ немъ ничего положительнаго, исключая тѣхъ, которые оплакивали убитыхъ. Очень серьезное дѣло! прибавилъ докторъ со смѣхомъ.

— А мнѣ такъ все это кажется очень серьезнымъ, сказалъ Альфредъ.

— Серьезнымъ! воскликнулъ докторъ. — Если вы такія вещи признаете серьезными, такъ вамъ остается только или сойти съ ума, или умереть, или вскарабкаться куда нибудь на вершину горы и сдѣлаться отшельникомъ.

— Кромѣ того, это было такъ давно, сказалъ Альфредъ.

— Давно! возразилъ докторъ. — А чѣмъ занимался свѣтъ съ тѣхъ поръ? Ужъ не провѣдали ли вы, что онъ занимался чѣмъ нибудь другимъ? Я, признаюсь, этого не замѣтилъ.

— Занимался, отчасти, и судебными дѣлами, замѣтилъ Снитчей, мѣшая ложечкой чай.

— Несмотря на то, что судопроизводство слишкомъ облегчено, прибавилъ его товарищъ.

— Вы меня извините, докторъ, продолжалъ Снитчей: — я уже тысячу разъ высказывалъ въ продолженіи нашихъ споровъ мое мнѣніе, а все таки повторяю, что въ тяжбахъ и въ судопроизводствѣ я нахожу серьезную сторону, нѣчто, такъ сказать, осязательное, въ чемъ видны цѣль и намѣреніе....

Тутъ Клеменси Ньюкомъ зацѣпила за уголъ стола, и зазвенѣли чашки съ блюдечками.

— Что это? спросилъ докторъ.

— Да все эта негодная синяя сумка, отвѣчала Клеменси: — вѣчно кого нибудь съ ногъ собьетъ.

— Въ чемъ видны цѣль и намѣреніе, внушающія уваженіе, продолжалъ Снитчей. — Жизнь фарсъ, докторъ Джеддлеръ, когда есть на свѣтѣ судопроизводство?

Докторъ засмѣялся и посмотрѣлъ на Альфреда.

— Соглашаюсь, если это вамъ пріятно, что война глупость, сказалъ Снитчей. — Въ этомъ я съ вами соглашаюсь. Вотъ, примѣръ, прекрасное мѣсто, — онъ указалъ на окрестность видкою, — сюда вторглись нѣкогда солдаты, нарушители правъ владѣнія, опустошили его огнемъ и мечомъ. Хе, хе, хе! добровольно подвергаться опасности отъ меча и огня! Безразсудно, глупо, рѣшительно смѣшно! И вы смѣтаетесь надъ людьми, когда вамъ приходитъ въ голову эта мысль; но взглянемъ на эту же прекрасную мѣстность, при настоящихъ условіяхъ. Вспомните объ узаконеніяхъ относительно недвижимаго имущества; о правахъ завѣщанія и наслѣдованія недвижимости; о правилахъ залога и выкупа ея; о статьяхъ касательно аренднаго, свободнаго и податнаго ею владѣнія; вспомните, продолжалъ Снитчей съ такимъ одушевленіемъ, что щелкнулъ зубами: — вспомните о путаницѣ узаконеній касательно правъ и доказательства правъ на владѣніе, со всѣми относящимися къ нимъ противорѣчащими прежними рѣшеніями и многочисленными парламентскими актами; вспомните о безконечномъ, замысловатомъ дѣлопроизводствѣ по канцеляріямъ, къ которому можетъ подать поводъ этотъ прекрасный участокъ, — и признайтесь, что есть же и цвѣтушія мѣста въ этой степи, называемой жизнью! Надѣюсь, прибавилъ Снитчей, глядя на своего товарища, — что я говорю за себя и за Краггса?

Краггсъ сдѣлалъ утвердительный знакъ, и Снитчей, нѣсколько ослабѣвшій отъ краснорѣчивой выходки, объявилъ, что желаетъ съѣсть еще кусокъ говядины и выпить еще чашку чаю.

— Я не защищаю жизни вообще, прибавилъ онъ, потирая руки и усмѣхаясь: — жизнь исполнена глупостей, и еще кое-чего хуже — обѣтовъ въ вѣрности, безкорыстія, преданности, и мало ли въ чемъ. Ба! мы очень хорошо знаемъ ихъ цѣну. Но все таки

вы не должны смѣяться надъ жизнью; вы завязали игру, игру не на шутку! Всѣ играютъ противъ васъ, и вы играете противъ всѣхъ. Вещь презанимательная! Сколько глубоко соображенныхъ маневровъ на этой шашечницѣ! Не смѣйтесь, докторъ Джеддлеръ, пока не выиграли игры; да и тогда не очень-то. Хе, хе, хе! Да, и тогда не очень, повторилъ Снитчей, покачивая головою и помаргивая глазами, какъ будто хотѣлъ прибавить: — а лучше по моему, покачайте головою.

— Ну, Альфредъ, спросилъ докторъ: — что вы теперь скажете?

— Скажу, сэръ отвѣчалъ Альфредъ: — что вы оказали бы величайшее одолженіе и мнѣ и себѣ, я думаю, если бы старались иногда забыть объ этомъ полѣ битвы, и другихъ подобныхъ ему, ради болѣе обширнаго поля битвы жизни, надъ которымъ солнце восходитъ каждый день.

— Боюсь, какъ бы это не измѣнило его взгляда, мистеръ Альфредъ, сказалъ Снитчей. — Бойцы жестоки и озлоблены въ этой битвѣ жизни; то и дѣло, что рѣжутъ и стрѣляютъ, подкравшись сзади; свалить съ ногъ, да еще и придавать ногою; не веселая картина.

— А я такъ думаю, мистеръ Снитчей, сказалъ Альфредъ: — что въ ней совершаются и тихія побѣды, великіе подвиги героизма и самопожертвованія, — даже во многомъ, что мы зовемъ въ жизни пустяками и противорѣчіемъ, — и что подвиги эти не легче отъ-того, что никто объ нихъ не говоритъ и никто не слышитъ. А они каждый день совершаются гдѣ нибудь въ безвѣстномъ уголкѣ, въ скромномъ жилищѣ, въ сердцахъ мужчинъ и женщинъ, — и каждый изъ такихъ подвиговъ способенъ примирить со свѣтомъ самаго угрюмаго человѣка и пробудить въ немъ надежду и вѣру въ людей, несмотря на то, что двѣ четверти ихъ ведутъ войну, а третья процессы. — Это не бездѣлица.

— Обѣ сестры слушали со вниманіемъ.

— Хорошо, хорошо! сказалъ докторъ: — я уже слишкомъ старъ, и мнѣніи моихъ не измѣнитъ никто, ни другъ мой Снитчей, ни даже сестра моя, Марта Джеддлеръ, старая дѣва, которая то же въ былые годы испытала, какъ говорить, много домашнихъ тревогъ и пережила съ тѣхъ поръ много симпатичныхъ влеченій къ людямъ всякаго сорта; она вполне вашего мнѣнія (только что упрямѣе и безтолковѣе, потому-что женщина), и мы съ

нею никакъ не можемъ согласиться, и даже рѣдко видимся. Я родился на этомъ полѣ битвы. Мысли мои уже съ дѣтства привыкли обращаться къ истинной исторіи поля битвы. Шестидесять лѣтъ пролетѣло надъ моей головой, и я постоянно видѣлъ, что люди, — въ томъ числѣ Богъ знаетъ сколько любящихъ матерей и добрыхъ дѣвушекъ, вотъ какъ и мон, — чуть съ ума не сходятъ отъ поля битвы. Это противорѣчіе повторяется во всемъ. Такое невѣроятное безразсудство можетъ возбудить только смѣхъ или слезы; я предпочитаю смѣхъ.

Бриттъ, съ глубочайшимъ меланхолическимъ вниманіемъ слушавшій cadaго изъ говорившихъ поочередно, присталъ вдругъ, какъ должно полагать, къ мнѣнію доктора, если глухой, могильный звукъ, вырвавшійся изъ устъ его можно почесть за выраженіе веселаго расположенія духа. Лицо его, однако же, ни прежде, ни послѣ того не измѣнилось ни на волосъ, такъ что хотя двое изъ собесѣдниковъ, испуганные таинственнымъ звукомъ, и оглянулись во всѣ стороны, но никто и не подозрѣвалъ въ томъ Бритна, исключая только прислуживавшей съ нимъ Клеменси Ньюкомъ, которая, толкнувши его однимъ изъ любимыхъ своихъ составовъ, локтемъ, спросила его шопотомъ и тѣномъ упрека, чему онъ смѣется?

— Не надъ вами! отвѣчалъ Бриттъ.

— Надъ кѣмъ же?

— Надъ человѣчествомъ, сказалъ Бриттъ. — Вотъ нитуда-то!

— Право, между докторомъ и этими адвокатами онъ съ каждымъ днемъ становится безтолковѣе! воскликнула Клеменси, толкнувши его другимъ локтемъ, какъ будто съ цѣлью образумить его этимъ толчкомъ. — Знаете ли вы, гдѣ вы? или вамъ надо напомянуть?

— Ничего не знаю, отвѣчалъ Бриттъ съ свинцовымъ взглядомъ и безстрастнымъ лицомъ:— мнѣ все равно. Ничего не разберу. Ничему не вѣрю. Ничего мнѣ не надо.

Хотя этотъ печальный очеркъ его душевнаго состоянія былъ, можетъ быть, и преувеличенъ въ припадкѣ унынія, однакоже, Бенджаминъ Бриттъ, называемый иногда маленькій Бриттъ, въ отличіе отъ Великобританіи (*), какъ говоритса

(*) Непереводимая игра словъ. Имя Бриттъ (Britain) означаетъ тоже и Британію; а Бритна называли маленькимъ Бриттономъ (Little Britain) въ отличіе отъ Великобританіи (Great Britain).

напр. юная Англія, въ отличіе отъ старой, опредѣлилъ свое настоящее состояніе точнѣе, нежели можно было предполагать. Слушая ежедневно безчисленныя разсужденія доктора, которыми онъ старался доказать всякому, что его существованіе, по крайней мѣрѣ, ошибка и глупость, бѣдняжка служитель погрузился мало по малу въ такую бездну смутныхъ и противорѣчащихъ мыслей, принятыхъ извнѣ и родившихся въ немъ самомъ, что истина на днѣ колодца, въ сравненіи съ Бритномъ въ пучинѣ недоумѣнія, была какъ на ладони. Только одно было для него ясно: что новые элементы, вносимые обыкновенно въ эти пренія Снитчеемъ и Крагтсомъ, никогда не уясняли вопроса и всегда какъ будто доставляли только доктору случай брать верхъ и подкрѣплять свои мнѣнія новыми доводами. Бритнъ видѣлъ въ «Компаніи» одну изъ ближайшихъ причинъ настоящаго состоянія своего духа и ненавидѣлъ ее за это отъ души.

— Не въ томъ дѣло, Альфредъ, сказалъ докторъ. — Сегодня, какъ сами вы сказали, вы перестаете быть моимъ воспитанникомъ; вы уѣзжаете отъ насъ съ богатымъ запасомъ знаній, какія могли приобрѣсть здѣсь въ школѣ и въ Лондонѣ, и съ практическими истинами, какими могъ скрѣпить ихъ простакъ деревенскій докторъ; вы вступаете въ свѣтъ. Первый періодъ ученія, опредѣленный вашимъ бѣднымъ отцомъ, кончился; теперь вы зависите сами отъ себя и собираетесь исполнить его второе желаніе: но за долго до истеченія трехъ лѣтъ, которыя назначены для посѣщенія медицинскихъ школъ за границую, вы насъ забудете. Боже мой, вы легко забудете насъ въ полгода!

— Если забуду, — да вы сами знаете, что этого не случится. Что мнѣ объ этомъ говорить вамъ! сказалъ Альфредъ, смѣясь.

— Мнѣ ничего подобнаго неизвѣстно, возразилъ докторъ. — Что ты на это скажешь, Мери?

Мери, играя ложечкой, хотѣла какъ будто сказать, — но она этого не сказала, — что онъ воленъ и забыть ихъ, если можетъ. Грація прижала ея цвѣтущее лицо къ своей щекѣ и улыбнулась.

— Надѣюсь, я исполнялъ обязанность опекуна какъ слѣдуетъ, продолжалъ докторъ: — во всякомъ случаѣ, сегодня утромъ я долженъ быть формально уволенъ и освобожденъ.

Вотъ наши почтенные друзья, Снитчей и Крагтсъ, привнесли цѣлую кнпу бумагъ, счетовъ и документовъ, для передачи вамъ вѣреннаго мнѣ.капитала (желалъ бы, чтобы онъ былъ больше, Альфредъ; но вы будете великимъ человѣкомъ и увеличите его) и множество всякихъ вадоръ, которые надо подписать, скрѣпить печатью и передать по формѣ.

— И утвердить подписью свидѣтелей, какъ того требуетъ законъ, сказалъ Снитчей, отодвигая тарелку и вынимая бумаги, которыя товарищъ его принялся раскладывать на столѣ.— Такъ какъ я и Крагтсъ, мы были членами оеки вмѣстѣ съ вами, докторъ, относительно вѣреннаго намъ капитала, то мы должны попросить вашихъ двухъ слугъ засвидѣтельствовать подписи, — умѣете вы нисать, мистриссъ Ньюкомъ?

— Я не замужемъ, мистеръ, отвѣчала Клеменси.

— Ахъ, извините. Я самъ этого не предполагалъ, пробормоталъ съ улыбкою Снитчей, взглянувши на ея необыкновенную наружность. — Умѣете ли вы читать?

— Немножко, отвѣчала Клеменси.

— Цсалтырь? лукаво замѣтилъ адвокатъ.

— Нѣтъ, сказала Клеменси. — Это слишкомъ трудно. Я читаю только наперстокъ.

— Наперстокъ! повторилъ Снитчей. — Чтѣ вы говорите?

Клеменси покачала головой.

— Да еще терку для мушкатныхъ орѣховъ, прибавила она.

— Чтѣ за вадоръ! она должно быть сумасшедшая! сказалъ Снитчей, глядя на нее пристально.

Грація, однакоже, объяснила, что на упомянутыхъ вещахъ вырѣзаны надписи, и что онѣ-то составляютъ карманную библіотеку Клеменси Ньюкомъ, не очень знакомой съ книгами.

— Такъ, такъ, миссъ Грація, сказалъ Снитчей. — Да, да. Ха, ха, ха! а я думалъ, что она не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Она смотреть такой дурой, пробормоталъ онъ съ гордымъ взглядомъ. — Чтѣ же говорить наперстокъ, мистриссъ Ньюкомъ?

— Я не замужемъ, мистеръ, замѣтила опять Клеменси.

— Такъ просто, Ньюкомъ; не такъ ли? сказалъ Снитчей.— Ну, такъ чтѣ же гласить наперстокъ-то, Ньюкомъ?

Какъ Клеменси, собираясь отвѣтить на вопросъ, раздвинула карманъ и заглянула въ разверстную глубину его, лица наперстокъ, котораго тутъ не оказалось, — какъ потомъ раздвинула

она другою и, увидѣвши его на днѣ, какъ жемчужину дорогой цѣны, начала добираться до него, выгружая изъ кармана все прочее, какъ-то : носовой платокъ, огарокъ восковой свѣчи, свѣжее яблоко, апельсинъ, завѣтный, хранимый на счастье пенни, висячій замокъ, ножницы въ футлярѣ, горсти двѣ зеренъ, нѣсколько клубковъ бумаги, игольникъ, коллекцію папильотокъ, и сухарь, — и какъ все это было по одиначкѣ передано на сохраненіе Бритну, — это не важно, также какъ и то, что, рѣшившись поймать и овладѣть самовольнымъ карманомъ, имѣвшимъ привычку цѣпляться за ближайшій уголъ, она приняла и спокойно сохраняла позу, по видимому, несомвѣстную съ устройствомъ человѣческаго тѣла и законами тяготѣнія. Дѣло въ томъ, что, наконецъ, она побѣдоносно достала наперстокъ и загремѣла теркой, литература которыхъ очевидно приходила въ упадокъ отъ непомятаго тренія.

— Такъ это наперстокъ, не правда ли? спросилъ Снитчей.
— Чтó же онъ говоритъ?

— Онъ говоритъ, отвѣчала Клеменси, медленно читая вокругъ него, какъ вокругъ башни : — За-бы-вай и про-щай.

Снитчей и Краггсъ засмѣялись отъ души.

— Какъ это ново! замѣтилъ Снитчей.

— И какъ легко на дѣлѣ! подхватилъ Краггсъ.

— Какое знаніе человѣческой природы! сказалъ Снитчей.

— И какъ удобно примѣнить его къ практикѣ жизни! прибавилъ Краггсъ.

— А терка? спросилъ глава Компаніи.

— Терка говоритъ, отвѣчала Клеменси : — «Дѣлай для другихъ то, чего самъ отъ нихъ желаешь.»

— Обманывай, или тебя обмануть, хотите вы сказать, замѣтилъ Снитчей.

— Не понимаю, отвѣчала Клеменси, въ недоумѣніи качая головою. — Я не адвокатъ.

— А будь она адвокатомъ, сказалъ Снитчей, поспѣшно обращаясь къ доктору, какъ будто стараясь уничтожить слѣдствія этого отвѣта : — она увидѣла бы, что это золотое правило половины ея кліентовъ. Въ этомъ отношеніи они не любятъ шутить, — какъ ни забавенъ вашъ свѣтъ, — и складываютъ потомъ вину на насъ. Мы, адвокаты, собственно ничто иное, какъ зеркала, мистеръ Альфредъ : къ намъ обращаются обыкновенно

люди недовольные; несговорчивые и выказывают себя не съ лучшей стороны; поэтому не справедливо сердиться на насъ, если мы отражаемъ что нибудь неприятное. Надѣюсь, прибавилъ Снитчей: — что я говорю за себя и Краггса?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Краггсъ.

— Итакъ, если мистеръ Бритнъ будетъ такъ добръ, что принесетъ намъ чернила, сказалъ Снитчей, снова принимаясь за бумагу: — мы подпишемъ, приложимъ печати и совершимъ передачу какъ можно скорѣе, а не то почтовая коляска пройдетъ прежде, нежели мы успѣемъ осмотрѣться, при чемъ и гдѣ мы.

Судя по наружности Бритна, можно было предположить съ большою вѣроятностью, что коляска пройдетъ, прежде нежели онъ узнаетъ, гдѣ онъ. Онъ стоялъ въ раздумьи, умственно взвѣсившая мнѣнія доктора и адвокатовъ, адвокатовъ и доктора. Онъ дѣлалъ слабыя попытки подвести наперстокъ и терку (совершенно новыя для него идеи) подъ чью бы то ни было философскую систему, словомъ, запутывался, какъ всегда запутывалась его великая тетка (*) въ теоріяхъ и школахъ. Но Клеменси была его добрымъ гениемъ, несмотря на то, что онъ имѣлъ самое не высокое понятіе объ ея умѣ, — ибо она не любила беспокоить себя отвлеченными умозрѣніями и постоянно дѣлала все, что нужно, въ свое время. Она въ одну минуту принесла чернилицу и оказала ему еще дальнѣйшую услугу — толкнула его локтемъ и заставила опомниться. Нѣжное прикосновеніе ея расшевелило его чувства, въ болѣе буквальный, нежели обыкновенно, значеніи слова, и Бритнъ встрепенулся.

Но теперь его возмутило сомнѣніе, не чуждое людямъ его сословія, для которыхъ употребленіе пера и чернила есть событіе въ жизни: онъ боялся, что, подписавши свое имя на документъ, писанный чужою рукою, онъ пожалуй приметъ на себя какую нибудь отвѣтственность или какъ нибудь тамъ долженъ будетъ выплатить неопредѣленную, огромную сумму денегъ. Онъ подошелъ къ бумагамъ съ оговорками, и то по настоянію доктора, — потребовалъ времени взглянуть на документы, прежде, нежели подпишетъ (узорчатый почеркъ, не говоря уже о фразеологій, былъ для него китайскою грамотою), осмотрѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ, нѣтъ ли гдѣ нибудь подлога, потомъ подпи-

(*) Великобританія.

саль — и впалъ въ уныніе, какъ человѣкъ; лишившійся всѣхъ правъ и состоянія. Сняла сумка — хранилище его подписи, получила съ этой минуты какой-то таинственный интересъ въ его глазахъ, и онъ не могъ отъ нея оторваться. Но Клеменси Ньюкомъ, восторженно засмѣявшись при мысли, что и она не безъ достоинства и значенія, облокотилась на весь столъ, какъ орелъ, раздвинувшій крылья, и подперла голову лѣвою рукою; это были пріуготовительныя распоряженія, по окончаніи которыхъ она приступила къ самому дѣлу, — начала, не щадя чернилъ, выводить какіе-то кабалистическіе знаки и въ то же время снимать съ нихъ воображаемую копию языкомъ. Вкусивши чернилъ, она разгорѣлась къ нимъ жаждою, какъ бываетъ, говорятъ, съ тигромъ, когда онъ отвѣдаетъ другого рода жилкость; она захотѣла подписывать все и выставлать свое имя на всемъ безъ разбора. Словомъ, опека и отвѣтственность были сняты съ доктора; и Альфредъ, вступивши въ личное распоряженіе капиталомъ, былъ хорошо снаряженъ въ жизненный путь.

— Бритнъ! сказалъ докторъ: — бѣгите къ воротамъ и сторожите тамъ коляску. Время летитъ, Альфредъ!

— Да, сэръ, летитъ, поспѣшно отвѣчалъ молодой человѣкъ. Милая Грація, на минуту! Мери — она такъ прекрасна, такъ молода, такъ привлекательна, она дороже всего въ мірѣ моему сердцу, — не забудьте: я вѣрю ее вамъ!

— Она всегда была для меня священнымъ предметомъ попеченій, Альфредъ. Теперь будетъ вдвое. Будьте увѣрены, я вѣрно исполню мой долгъ.

— Вѣрю, Грація; знаю навѣрное. Для кого это неясно, кто видитъ ваше лицо и слышитъ вашъ голосъ? О, добрая Грація! Буль у меня ваше твердое сердце, вашъ невозмутимый духъ, какъ бодро разстался бы я сего дня съ этими мѣстами!

— Право? отвѣчала она съ спокойной улыбкой.

— А все-таки, Грація... сестрица, — это слово какъ будто естественнѣе.

— Употребляйте его! подхватила она поспѣшно. Миѣ — пріятно его слышать; не называйте меня иначе.

— А все-таки, сестрица, продолжалъ Альфредъ: — для меня и Мери лучше, что ваше вѣрное и мужественное сердце остается здѣсь: это послужитъ намъ въ пользу и сдѣлаетъ насъ счаст-

ливѣ и лучше. Если бы я и могъ, я не взялъ бы его отсюда для поддержанія собственной бодрости.

— Коляска на горѣ! закричалъ Бриттъ.

— Время летить, Альфредъ! сказалъ докторъ.

Мери стояла въ сторонѣ съ потушенными глазами; при вѣсти о появленіи коляски, молодой любовникъ нѣжно подвелъ ее къ сестрѣ и передалъ въ ея объятія.

— Я только что сказалъ Граціи, милая Мери, что, отъѣзжая, поручаю васъ ей, какъ драгоценный залогъ. И когда я возвращусь и потребую васъ назадъ, когда передъ нами раскроется свѣтлая перспектива брачной жизни, какъ пріятно будетъ для насъ позаботиться о счастья Граціи, предупредить ея желанія, благодарностью и любовью уплатить ей хоть частицу великаго долга.

Онъ держалъ Мери за руку; другая рука ея обвилась около шеи сестры. Мери смотрѣла въ спокойные, чистые, веселые глаза сестры, и во взорѣ ея выражались любовь, удивленіе, печаль и почти обожаніе. Она смотрѣла на лицо сестры, какъ на лицо свѣтлаго ангела. И сестра смотрѣла на Мери и жениха ея ясно, весело и спокойно.

— И когда настанетъ время, продолжалъ Альфредъ: — это неизбежно, и я дивлюсь, что оно еще не настало; впрочемъ, Грація знаетъ это лучше, и Грація всегда права. — когда и она почувствуетъ потребность въ другѣ, которому могла бы раскрыть все свое сердце, который былъ бы для нея тѣмъ, чѣмъ она была для насъ, тогда, Мери, какъ горячо докажемъ мы ей нашу привязанность, какъ будемъ радоваться, что и она, наша милая, добрая сестра, любить и любима взаимно, какъ мы всегда того желали!

Младшая сестра не сводила глазъ съ Граціи, не оглянулась даже на Альфреда. И Грація смотрѣла на нее и на жениха ея все тѣми же ясными, веселыми и спокойными глазами.

— И когда все это пройдетъ, когда мы уже состарѣмся и будемъ жить вмѣстѣ, непременно вмѣстѣ, и будемъ вспоминать давнопрошедшее, сказалъ Альфредъ: — да будетъ это время, особенно этотъ день, любимую эпохою нашихъ воспоминаній; мы будемъ рассказывать другъ другу, что мы думали и чувствовали; чего надѣялись и боялись въ минуту разлуки, какъ тяжело намъ было сказать прощаніе....

— Коляска въ лѣсу! закричалъ Бритнъ.

— Хорошо, сейчасъ.... и какъ встрѣтились мы опять, и были счастливы, несмотря ни на что; этотъ день будетъ для насъ счастливѣйшимъ въ цѣломъ году и мы будемъ праздновать его, какъ тройной праздникъ. Не такъ ли, моя милая?

— Да! живо и съ веселою улыбкою подхватила старшая сестра.— Но не мѣшкайте, Альфредъ. Времени мало. Проститесь съ Мери, — и съ Богомъ!

Онъ прижалъ младшую сестру къ своему сердцу. Освободившись изъ его объятій, она опять приняла къ сестрѣ; и глаза ея, все съ тѣмъ выраженіемъ любви и удивленія, снова погрузились въ спокойный, свѣтлый и веселый взоръ Граціи.

— Прощай, другъ мой! сказалъ докторъ.— Говорить о сердечныхъ отношеніяхъ или чувствахъ, общаніяхъ и тому подобномъ, въ такомъ — ха, ха, ха! вы знаете, что я хочу сказать, — было бы чистѣйшею глупостью. Скажу вамъ только, что если вы и Мери не отстанете отъ завыральныхъ идей, я протворѣчить не буду и согласенъ назвать васъ зятемъ.

— На мосту! прокричалъ Бритнъ.

— Пусть подѣзжаетъ теперь, сказалъ Альфредъ, крѣпко сжимая руку доктора.— Вспоминайте иногда обо мнѣ, мой старый другъ и наставникъ, сколько можете серьезнѣе! Прощайте, мистеръ Снитчей! Прощайте, мистеръ Краггсъ!

— На дорогѣ! закричалъ Бритнъ.

— Позвольте поцаловать васъ, Клеменси Ньюкомъ, по старому знакомству — дайте руку, Бритнъ, — прощайте, Мери, мое сокровище! прощайте, Грація, сестрица! не забывайте!

Спокойное, ясно-прекрасное лицо Граціи обратилось къ нему; но Мери не измѣнила ни положенія, ни направленія своего взгляда.

Коляска подѣхала къ воротамъ. Засуетились, уложили вещи. Коляска уѣхала. Мери не трогалась съ мѣста.

— Онъ машетъ тебѣ шляпой, сказала Грація: — твой избранный супругъ. Смотри!

Мери подняла голову и оглянулась на мгновеніе, потомъ оборотилась опять назадъ и, встрѣтивши покойный взоръ сестры, зарыдала и упала ей на грудь.

— О, Грація, да благословить тебя Богъ! Но я не въ силахъ на это смотрѣть! сердце разрывается!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

У Снитчей и Краггса была на старомъ полѣ битвы небольшая, но удобная контора, гдѣ они очень удобно обдѣлывали небольшія дѣлшки и часто давали мелкія сраженія, предводительствуя арміями истцовъ и отвѣтчиковъ. Этихъ стычекъ, конечно, нельзя было назвать *рѣшительными* битвами, потому-что дѣло подвигалось обыкновенно съ быстротою черепахи; но участіе въ нихъ «Компаніи» оправдываетъ общее названіе битвы: Снитчей и Краггсъ то подстрѣляютъ истца, то пустятъ картечью въ отвѣтника, то бросятся въ атаку на какое нибудь спорное имѣніе, то завяжутъ легкую перестрѣлку съ иррегулярнымъ отрядомъ мелкихъ должниковъ, — какъ когда случится и на какого непріятеля натолкнетъ ихъ судьба. Газеты играли въ нѣкоторыхъ ихъ кампаніяхъ (также какъ и въ другихъ, болѣе славныхъ) важную и выгодную роль. Чаще всего, по окончаніи дѣла подъ командою Снитчей и Краггса, обѣ сражавшіяся стороны замѣчали, что онѣ только съ величайшимъ трудомъ могли выпутаться изъ дѣла, и что имъ не легко разглядѣть свое положеніе съ нѣкоторою ясностью сквозь окружающія ихъ густыя облака дыма.

Контора Снитчей и Краггса находилась, какъ слѣдуетъ, на торговой площади; въ постоянно открытую дверь вели только двѣ отлогія ступеньки, — такъ что всякій вспыльчивый фермеръ могъ попасть туда, разсердившись, въ ту же минуту. Кабинетъ ихъ, онъ же и пріемная для совѣщаній, выходилъ окнами въ поле; это была старая, низенькая комната, съ мрачнымъ потолкомъ, который, казалось, хмурится, разрѣшая запутанные юридическіе вопросы. Тутъ было нѣсколько кожаныхъ стульевъ съ высокими спинками, обитые крупными мѣдными гвоздями, въ рядахъ которыхъ кое гдѣ не доставало то двухъ, то трехъ; можетъ быть, ихъ выдернули разсѣянные пальцы сбитыхъ съ толку кліентовъ. На стѣнѣ висѣлъ въ рамкѣ портретъ

судьи, въ такомъ ужасномъ парикѣ, что, при видѣ только одного его локона, волосы вставали дыбомъ отъ ужаса. Въ шкафахъ, на полкахъ, на столахъ лежали кипы бумагъ, покрытыя пылью; вдоль стѣнъ тянулись ряды несгараемыхъ ящиковъ, съ висящими замками и съ надписями именъ истцовъ или отвѣтчиковъ; запуганные посѣтители, точно какъ околдованные, невольно перечитывали эти имена то просто, то на оборотъ, и составляли изъ нихъ анаграммы, слушая, по видимому, Снитчева и Краггса, но не понимая ни слова изъ ихъ рѣчей.

У Снитчева, равно какъ и у Краггса, была подруга его частной и должностной жизни. Снитчей и Краггсъ были задушевные друзья и довѣряли другъ другу вполне; но за то мистриссъ Снитчей, — такъ ужъ устроено, для равновѣсія, въ жизни, — подозрительно смотрѣла на Краггса, а мистриссъ Краггсъ на Снитчева. «Ираво, ваши Снитчен», говорила иногда мистриссъ Краггсъ своему мужу, выражаясь въ знакъ своего презрѣнія во множественномъ числѣ, какъ будто рѣчь идетъ объ изношенныхъ панталонахъ или другой вещи, не имѣющей единственнаго числа: — не понимаю, на что вамъ ваши Снитчен! Вы довѣряете вашимъ Снитчевымъ слишкомъ много; смотрите, какъ бы не пришлось вамъ согласиться со мною по неволѣ.» А мистриссъ Снитчей замѣчала своему мужу на счетъ Краггса, что если его когда нибудь обмануть, такъ обманеть Краггсъ, и что она отъ роду не видывала такого фальшиваго взгляда, какъ у Краггса. Несмотря, однако же, на все это, они жили вообще очень дружно, и мистриссъ Снитчей была съ мистриссъ Краггсъ въ тѣсномъ союзѣ противъ «конторы», въ которой они видѣли своего общаго врага и гнѣздо опасныхъ (потому—что неизвѣстныхъ) козней.

А между тѣмъ, въ этой конторѣ Снитчей и Краггсъ собирали медъ для своихъ ульевъ. Здѣсь засиживались они иногда, въ хорошей вечеръ, у окна въ приемной, смотрѣли на поле битвы и дивились (что, впрочемъ, случалось обыкновенно во время сѣзда судей, когда накопленіе дѣлъ располагало ихъ къ чувствительности), дивились глупости людей, которые никакъ не могутъ ужиться въ мирѣ и судиться съ комфортомъ. Здѣсь пролетали надъ ними дни, недѣли, мѣсяцы и годы; календаремъ служило имъ постепенное уменьшеніе мѣдныхъ гвоздей на стульяхъ и накопленіе бумажныхъ кидъ на столахъ. Однажды вече-

ромъ, года три спустя послѣ завтрака въ саду, сидѣли они здѣсь, одинъ похудѣвшій, а другой потолстѣвшій, — и совѣщались о дѣлѣ.

Они были не одни: съ ними былъ человѣкъ лѣтъ тридцати или около того, одѣтый хорошо, но небрежно, съ разстроеннымъ лицомъ, но статный и не дурной собою; онъ сидѣлъ, печальный и задумчивый, въ креслахъ, заложивши одну руку за пазуху, а другою взбивая свои густые волосы. Снитчей и Краггсъ сидѣли одинъ противъ другого за ближайшею конторкою; на которой стоялъ одинъ изъ незгораемыхъ ящичковъ, отомкнутый и раскрытый. Часть заключавшихся въ немъ бумагъ была разбросана по столу, и Снитчей перебиралъ остальные, поднося къ свѣчкѣ каждый документъ по одиначкѣ; пробѣжавши бумагу, онъ покачивалъ головою, передавалъ ее Краггсу, который тоже пробѣгалъ ее глазами, покачивалъ головою и клалъ ее на столъ. Иногда они останавливались и посматривали на задумчиваго кліента, покачивая головами вмѣстѣ; на ящикѣ было выставлено имя Мейкля Уардена, изъ чего мы можемъ заключить, что это имя и ящикъ принадлежали почитителю, и что дѣла Мейкля Уардена были очень плохи.

— Вотъ и все, сказалъ Снитчей, оборачивая послѣднюю бумагу. — Рѣшительно нѣтъ никакихъ больше средствъ, никакихъ средствъ.

— Итакъ, все потеряно, растрчено, заложено и продано, а? спросилъ кліентъ, поднявши глаза.

— Все, отвѣчалъ Снитчей.

— И ничего нельзя сдѣлать, говорите вы?

— Рѣшительно ничего.

Кліентъ началъ кусать ногти и опять погрузился въ раздумье.

— И вы думаете, что мнѣ даже не безопасно оставаться въ Англіи?

— Нигдѣ во всемъ соединенномъ королевствѣ Великобританіи и Ирландіи, отвѣчалъ Снитчей.

— То есть, я истинно блудный сынъ, у котораго нѣтъ ни отцовскаго крова, куда онъ могъ бы возвратится, ни стада свиней, ни даже жолудей, чтобы подѣлиться ими съ животными? А? продолжалъ кліентъ, качая ногою и устремивши глаза въ полъ.

Снитчей отвѣчалъ кашлемъ, какъ будто стараясь отстранить отъ себя этимъ подозрѣніе, что онъ готовъ говорить о судебномъ дѣлѣ аллегорически. Краггсъ закашлялъ тоже, въ знакъ своего согласія съ товарищемъ.

— Раззориться въ тридцать лѣтъ! сказалъ кліентъ.

— Вы не раззорились, мистеръ Уарденъ, замѣтилъ Снитчей. — Нѣтъ, до этого еще не дошло. Правда, оно и не далеко, но все таки вы еще не раззорены. Опека....

— Чертовщина! прервалъ его кліентъ.

— Мистеръ Краггсъ, продолжалъ Снитчей: — позвольте у васъ табачку. Благодарю васъ, сэръ.

Непоколебимый адвокатъ, нюхая табакъ съ большимъ наслажденіемъ, былъ, казалось, погруженъ въ глубочайшее размышленіе о дѣлѣ. Лицо кліента по немногу прояснялось; онъ улыбнулся и, поднявши глаза, сказалъ:

— Вы говорите объ опекаѣ. На долго эта опека?

— На долго ли? повторилъ Снитчей, отряхая табакъ съ пальцевъ и рассчитывая въ умѣ время. — Для поправленія вашего разстроеннаго имѣнія, сэръ? Если опека будетъ въ хорошихъ рукахъ? у насъ съ Краггсомъ? лѣтъ шесть или семь.

— Лѣтъ шесть или семь умирать съ голоду! воскликнулъ кліентъ съ горькимъ смѣхомъ, въ нетерпѣніи перемѣнивши позу.

— Умирать шесть или семь лѣтъ съ голоду, мистеръ Уарденъ, сказалъ Снитчей: — это такое необыкновенное явленіе, что вы можете приобрести другое имѣніе, показывая себя это время за деньги. Но мы думаемъ, что это невозможно, — я говорю за себя и Краггса, — и потому не совѣтуемъ вамъ этого.

— Что же вы мнѣ совѣтуете?

— Я уже сказалъ вамъ: отдать имѣніе въ опеку. Нѣсколько лѣтъ управленія Снитчей и Краггса приведутъ его въ порядокъ. Но чтобы мы могли взять на себя эту обязанность и отвѣтственность, вы должны уѣхать и жить за границей. А что касается до голодной смерти, мы можемъ обезпечить вамъ нѣсколько сотъ фунтовъ въ годъ, даже при началѣ опеки, мистеръ Уарденъ.

— Нѣсколько сотъ! возразилъ кліентъ. — Тогда какъ я проживалъ тысячи!

— Это, замѣтилъ Снитчей, медленно складывая бумаги въ выложенный желѣзомъ ящикъ: — это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Ни малѣйшему сомнѣнію, повторилъ онъ про себя, въ раздумьи продолжая свое занятіе.

Адвокатъ, должно быть, зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло; во всякомъ случаѣ, его сухое, довольно безцеремонное обращеніе оказало благопріятное вліяніе на разстроеннаго кліента и расположило его къ откровенности. А можетъ быть, и то, что кліентъ зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и самъ нарочно вызвалъ адвоката на подобныя предложенія, чтобы, въ свою очередь, смѣлѣе открыть ему кое какія намѣренія. Онъ по немпогу поднялъ голову, посмотрѣлъ на неподвижнаго совѣтника съ улыбкою и, наконецъ, разразился смѣхомъ.

— Все это прекрасно, сказалъ онъ: — упрямый другъ мой...

Снитчей указалъ на своего товарища: «извините, — Снитчей и Компанія».

— Виновать, мистеръ Краггсъ, продолжалъ кліентъ. — Итакъ, все это прекрасно, упрямые друзья мои, — онъ наклонился впередъ и понизилъ голосъ: — только вы не знаете и половины моихъ несчастій.

Снитчей уставилъ на него глаза, Краггсъ тоже.

— Я не только въ долгахъ по уши, сказалъ кліентъ, но...

— Не влюблены же! воскликнулъ Снитчей.

— Да, влюбленъ! отвѣчалъ кліентъ, упавши назадъ въ кресла и глядя на Компанію, съ заложенными въ карманы руками: — влюбленъ по уши!

— Не въ наслѣдницу какую нибудь, сэръ? спросилъ Снитчей

— Нѣтъ.

— И не въ богачку?

— Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно; она богата только красотой и душевными качествами.

— Не въ замужнюю, надѣюсь? спросилъ Снитчей съ особеннымъ выраженіемъ.

— Разумѣется нѣтъ.

— Ужь не въ одну ли изъ дочерей доктора Джеддлера? воскликнулъ Снитчей, вдругъ облокотившись на колѣни и выдвинувши лицо по крайней мѣрѣ на аршинъ впередъ.

— Да, отвѣчалъ кліентъ.

— Но, — вѣдь не въ меньшую? продолжалъ Снитчей.

— Въ меньшую, отвѣчалъ кліентъ.

— Мистеръ Краггсъ, сказалъ Снитчей, успокоившись: — позвольте мнѣ еще щепотку; благодарю васъ. Очень радъ объявить вамъ, мистеръ Уарденъ, что изъ этого ничего не выйдетъ: она дала уже слово, она сговорена. Вотъ товарищъ мой можетъ вамъ это подтвердить. Это дѣло намъ извѣстно.

— Извѣстно, повторилъ Краггсъ.

— Можетъ быть, и мнѣ оно извѣстно, спокойно возразилъ кліентъ: — да чтожъ изъ этого? Вы живете въ свѣтѣ: неужели не случилось вамъ слышать, что женщина перемѣнила свои мысли?

— Не спору, сказалъ Снитчей: — случались жалобы на вдовъ и старыхъ дѣвъ за нарушение данного слова; но въ большей части такихъ судебныхъ случаевъ....

— Судебныхъ случаевъ! нетерпѣливо прервалъ его кліентъ. — Не говорите мнѣ о судебныхъ случаяхъ. Примѣровъ такъ много, что они составляютъ книгу гораздо попространнѣе всѣхъ вашихъ сводовъ. И кромѣ того, неужли вы думаете, что я прожилъ у доктора цѣлыхъ шесть недѣль по пустому?

— Я думаю, сэръ, замѣтилъ Снитчей, важно обращаясь къ своему товарищу, — что изъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ, которыми мистеръ Уарденъ обязанъ своимъ лошадамъ, — а этихъ случаевъ, какъ всѣмъ намъ извѣстно, было не мало, и стоили они ему не дешево, — самымъ несчастнымъ, если онъ поетъ на этотъ ладъ, окажется тотъ, что онъ упалъ съ сѣдла у докторскаго сада, гдѣ сломалъ себѣ три ребра и ключицу и получилъ Богъ знаетъ сколько контузій. Намъ ничего такого и въ голову не приходило, когда мы слышали, что онъ выздоравливаетъ, при помощи доктора, у него въ домѣ. А теперь дѣло принимаетъ дурной оборотъ, сэръ, дурной, очень дурной. Докторъ Джеддлеръ нашъ кліентъ, мистеръ Краггсъ.

— И Альфредъ Гитфильдъ тоже въ родѣ кліента, мистеръ Снитчей, сказалъ Краггсъ.

— И Мейклъ Уарденъ нѣчто въ родѣ кліента, замѣтилъ ихъ безпечный собесѣдникъ: — даже не дурной кліентъ: онъ дѣлалъ глупости лѣтъ десять или двѣнадцать сряду. Теперь, конечно, крылья подрѣзаны, перья съ нихъ общипаны и сложены вотъ въ этомъ ящикѣ, — и онъ рѣшился остепениться и образумить-

ся. Въ доказательство чего Мейклъ Уарденъ намѣренъ, если можно, жениться на Мери, дочери доктора, и увести ее съ собою.

— Дѣйствительно, мистеръ Краггсъ, началъ Снитчей....

— Дѣйствительно, почтенная Компанія, мистеръ Снитчей и Краггсъ, прервалъ его кліентъ: — вы знаете ваши обязанности относительно кліентовъ, то есть, очень хорошо знаете, что вовсе не обязаны вмѣшиваться въ дѣло любви, которое я принужденъ вамъ довѣрить. Я не намѣренъ похитить ее безъ ея согласія. Тутъ нѣтъ ничего противозаконнаго. Я никогда не былъ близкимъ другомъ мистера Гитфильда, и слѣдовательно, не вмѣняю ему. Мы любимъ одну и ту же дѣвушку, и я ищу, сколько могу, взаимности, также какъ и онъ ее искалъ.

— Это ему не удастся, мистеръ Краггсъ, сказалъ Снитчей, очевидно встревоженный: — никакъ не удастся, сэръ. Она любитъ мистера Альфреда.

— Любитъ? спросилъ кліентъ.

— Она любитъ его, мистеръ Краггсъ, повторилъ Снитчей.

— Я не даромъ прожилъ въ домѣ у доктора шесть недѣль, нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, и сначала самъ это подозрѣвалъ, замѣтилъ кліентъ. — Да, она дѣйствительно любила бы его, если бы это зависѣло отъ ея сестры; но я наблюдалъ за ними: Мери избѣгала всякаго случая произнести его имя и говорить объ этомъ предметѣ; малѣйшій намекъ очевидно огорчалъ ее.

— Отъ-чего это, мистеръ Краггсъ, знаете вы? отъ-чего это, сэръ? спросилъ Снитчей.

— Навѣрное не знаю отъ-чего, хотя и можно бы отыскать правдоподобныя причины, сказалъ кліентъ, улыбаясь вниманію и замѣшательству въ блестящихъ глазахъ Снитчея и осторожности, съ какою онъ велъ разговоръ, стараясь развѣдать всѣ обстоятельства дѣла: — однако же, это такъ. Она была очень молода, когда дала слово (не увѣренъ даже, можно ли это принять за обязательство); можетъ статься, она раскаялась послѣ, можетъ статься, — это похоже на хвастовство, но клянусь вамъ, я говорю вовсе не изъ желанія похвастать, — можетъ статься, она влюбилась въ меня, какъ я влюбился въ нее.

— Хе, хе! мистеръ Альфредъ, — вы помните мистеръ Краггсъ, — онъ товарищъ ея дѣтства, сказалъ Снитчей съ принужденнымъ смѣхомъ. — Они почти вмѣстѣ выросли.

— Тѣмъ вѣроятнѣе, что все это ей, можетъ быть, наскучило, спокойно продолжалъ кліентъ : — и что она не прочь отъ новой любви новаго любовника; явился же онъ при романтическихъ обстоятельствахъ; про него идетъ молва, что жилъ онъ весело и безопасно, не обижая другихъ, а въ глазахъ деревенской дѣвушки это имѣетъ свою прелесть; къ тому же онъ молодъ, не дурень собою, — это опять можетъ показаться вамъ хвостовствомъ, но клянусь вамъ опять, я говорю вовсе не изъ желанія похвастать, — да, молодъ и не дурень собою, такъ что перещеголяеть, можетъ быть, самого Альфреда.

Этого нельзя было отрицать; Снитчей увѣрился въ томъ, взглянувши на Уардена. Въ безпечной наружности его было что-то неподдѣльно граціозное и пріятное. Красивое лицо его и стройная фигура неволью пробуждали мысль, что все въ немъ могло быть гораздо лучше, если бы онъ захотѣлъ, и что взявшись за дѣло, за что нибудь серьезное (чего съ нимъ до сихъ поръ не случилось), онъ выказалъ бы очень много энергіи и ума.

— Опасный повѣса, подумалъ проникательный адвокатъ.

— Теперь, замѣтите, Снитчей, и вы, Краггсъ, продолжалъ Уарденъ, поднявшись съ мѣста и взявши ихъ за пуговицы, такъ чтобы никто изъ нихъ не могъ ускользнуть : — я не спрашиваю у васъ никакого софѣта. Вы въ этомъ дѣлѣ рѣшительно не должны брать ничью сторону; тутъ нечего вмѣшиваться такимъ степеннымъ людямъ, какъ вы. Я въ немногихъ словахъ изображу вамъ мое положеніе и мои намѣренія, а потомъ предоставлю вамъ позаботиться о моихъ денежныхъ обстоятельствахъ какъ можете получше, потому-что если я убѣгу съ прекрасною дочерью доктора (надѣюсь, что это мнѣ удастся, и что подъ ея вліяніемъ я сдѣлаюсь другимъ человѣкомъ), такъ разумѣется мнѣ понадобится больше денегъ, нежели одному. Впрочемъ, перемѣнивши образъ жизни, я скоро поправлю мои дѣла.

— Я думаю, лучше не слушать всего этого, мистеръ Краггсъ? сказалъ Снитчей, взглянувши на него черезъ кліента.

— Я тоже думаю, отвѣчалъ Краггсъ, — но оба слушали внимательно.

— Можете и не слушать, возразилъ Уарденъ : — но я все таки буду продолжать. Я не намѣренъ просить согласія у доктора: онъ не дастъ его, — и не думаю, чтобы я былъ передъ нимъ

виновать : не говоря уже о томъ , что онъ самъ называетъ все это вздоромъ , я надѣюсь избавить дочь его , мою Мери , отъ событія , которое , я знаю это , ужасаетъ и огорчаетъ ее , то есть , отъ новой встрѣчи съ старымъ любовникомъ. Нѣтъ ничего вѣрнѣе , какъ то , что она боится его возвращенія. Все это ни для кого не обидно. Меня преслѣдуютъ такъ жарко , что я веду жизнь летучей рыбы , — выгнанъ изъ собственнаго своего дома , изъ собственныхъ владѣній , принужденъ проживать тайкомъ ; впрочемъ , и домъ и земли , да еще и съ значительною прибавкою , опять поступать въ мое владѣніе , какъ сами вы знаете и говорите ; а Мери , по вашимъ же осторожнымъ и основательнымъ расчетамъ , будетъ , черезъ десять лѣтъ , называясь мистриссъ Уарденъ , богаче , нежели называясь мистриссъ Гитфильдъ. Не забудьте , въ заключеніе , что она ужасается его возвращенія , и что ни онъ , ни кто либо другой не можетъ любить ее сильнѣе моего. Кто жъ тутъ потерпитъ несправедливость ? Дѣло чистое. Мои права ничѣмъ не хуже его , если она рѣшитъ въ мою пользу ; а я только ее признаю въ этомъ дѣлѣ судьей. Вы не хотите знать ничего больше , и я ничего больше не скажу вамъ. Теперь вамъ извѣстны мои намѣренія и потребности. Когда долженъ я уѣхать ?

— Черезъ недѣлю , сказалъ Снитчей. Мистеръ Краггсъ?...

— Нѣсколько раньше , я думаю , отвѣчалъ Краггсъ.

— Черезъ мѣсяцъ , сказалъ кліентъ , внимательно наблюдая за выраженіемъ ихъ лицъ : — ровно черезъ мѣсяцъ. Сегодня четвергъ. Удастся мнѣ или неудастся , а ровно черезъ мѣсяцъ въ этотъ день я ѣду.

— Отсрочка слишкомъ велика , сказалъ Снитчей : — слишкомъ. Но пусть ужъ будетъ такъ. Я думалъ , онъ скажетъ : черезъ три мѣсяца , пробормоталъ онъ тихонько. Вы идете ? Добрай ночи , сэръ !

— Прощайте , отвѣчалъ кліентъ , пожимая Компанія руки. Когда нибудь вы увидите , что я употреблю мое богатство съ толкомъ. Отнынѣ Мери — путеводная звѣзда моя !

— Осторожнѣе съ лѣстницы , сэръ ; здѣсь она не свѣтитъ , замѣтилъ Снитчей. — Прощайте !

— Прощайте.

Снитчей и Краггсъ стояли на порогѣ , каждый со свѣчою въ

рукъ, свѣта ему съ лѣстницы; когда онъ ушелъ, они взглянули другъ на друга.

— Что вы объ этомъ думаете, мистеръ Краггсъ? спросилъ Снитчей.

Краггсъ покачалъ головою.

— Помнится, что въ день снятія опеки мы замѣтили какъ будто что-то страшное въ ихъ разставаньи, сказалъ Снитчей.

— Да.

— Впрочемъ, можетъ быть мистеръ Уарденъ ошибается, продолжалъ Снитчей, замыкая ящикъ и ставя его на мѣсто. — А если и нѣтъ, такъ маленькая измѣна не диво, мистеръ Краггсъ. Впрочемъ, я думалъ, что эта красочка ему вѣрна. Мнѣ даже, казалось, сказалъ Снитчей, надѣвая теплый сюртукъ и перчатки (на дворѣ было очень холодно) и задувая свѣчу: — мнѣ даже казалось, что въ послѣднее время она сдѣлалась тверже характеромъ и рѣшительнѣе, вообще похожѣе на сестру.

— Мистриссъ Краггсъ тоже это замѣтила, сказалъ Краггсъ.

— Если бы Уарденъ обчелся! сказалъ добродушный Снитчей: — но какъ онъ ни вѣтренъ, какъ ни пустъ, а знаетъ немножко свѣтъ и людей, — да какъ и не знать! онъ заплатилъ за науку довольно дорого. Я ничего не могу рѣшить навѣрное, и лучше намъ не мѣшаться, мистеръ Краггсъ: мы тутъ ничего не можемъ сдѣлать.

— Ничего, повторилъ Краггсъ.

— Приятель нашъ докторъ видитъ въ этихъ вещахъ вздоръ, сказалъ Снитчей, качая головою: — надѣюсь, что ему не понадобится его философія. Другъ нашъ Альфредъ говоритъ о битвѣ жизни, — онъ опять покачалъ головою, — надѣюсь, что онъ не падеть въ первой схваткѣ. Взяли вы вашу шляпу, мистеръ Краггсъ я погашу другую свѣчу.

Краггсъ отвѣчалъ утвердительно, и Снитчей погасилъ свѣчу. Они ошупью вышли изъ комнаты совѣщаній, темной, какъ настоящее дѣло или юриспруденція вообще.

Сцена моего разсказа переносится теперь въ уютную комнату, гдѣ въ этотъ же самый вечеръ сидѣли передъ добрымъ огонькомъ свѣжій еще старикъ докторъ и его дочери. Грація шила,

Мери читала вслухъ. Докторъ, въ шлафрокѣ и туфляхъ, лежалъ, протянувши ноги на теплый коверъ, въ покойныхъ креслахъ, слушалъ чтеніе и смотрѣлъ на дочерей.

Нельзя было не любоваться ими. Никогда и нигдѣ подобныя головки не украшали и не освящали домашнего огонька. Три года сгладили прежнюю между ними разницу; на свѣтломъ челѣ меньшей сестры, въ выраженіи ея глазъ и въ звукѣ голоса высказывалась таже серьезная натура, которая гораздо раньше опредѣлилась, вслѣдствіе потери матери, въ старшей. Но Мери все еще казалась слабѣе и красивѣе сестры; она все еще какъ будто приникала къ груди Граціи, полагая на нее всю свою надежду и нища въ ея глазахъ совѣта и заступничества, въ этихъ глазахъ, по прежнему свѣтлыхъ, спокойныхъ и веселыхъ.

Мери читала: «И здѣсь, подъ родимымъ кровомъ, гдѣ все было ей такъ дорого по воспоминаніямъ, она почувствовала теперь, что близокъ часъ испытанія для ея сердца, и что отсрочка невозможна. О, родной кровъ нашъ! нашъ другъ и утѣшитель, когда всѣ насъ покинуть! разстаться съ тобою въ какую бы то ни было минуту жизни между колыбелью и гробомъ, ...»

— Мери, моя милая! сказала Грація.

— Ну, что тамъ? спросилъ ее отецъ.

Она взяла протянутую ей руку сестры и продолжала читать; голосъ ея дрожалъ, хотя она и старалась произносить слова твердо.

«Разстаться съ тобою въ какую бы то ни было минуту жизни между колыбелью и гробомъ, — всегда горько. О, родной кровъ, вѣрный другъ нашъ, такъ часто забываемый неблагодарными! будь добръ къ покидающимъ тебя и не преслѣдуй блуждающіе стопы ихъ упреками воспоминанія! Если когда нибудь образъ твой возникнетъ передъ ихъ очами, не смотри на нихъ ласково, не улыбайся имъ давно знакомою улыбкою! Да не увидятъ они сѣдую главу твою въ лучахъ любви, дружбы, примиренія, симпатіи. Да не поразитъ бѣжавшую отъ тебя знакомое слово любви! но, если можешь, смотри строго и сурово, изъ состраданія къ кающейся!»

— Милая Мери, не читай сегодня больше; сказала Грація, замѣтивши на глазахъ у нея слезы.

— И не могу, отвѣчала Мери, закрывая книгу. — Всѣ буквы какъ въ огнѣ!

Это позабавило доктора; онъ засмѣялся, потрепавши дочь по головѣ.

— Какъ! въ слезахъ отъ сказки! сказалъ докторъ. — Отъ чернилъ и бумаги! Оно, конечно, впрочемъ, все выходитъ на одно: принимать за серьезное эти каракульки или что нибудь другое, равно рационально. — Отри слезы, душа моя, отри слезы. Ручаюсь тебѣ, что героиня давнымъ давно возвратилась въ свой родимый домъ, и все кончилось благополучно. А если и нѣтъ, такъ что такое въ самомъ дѣлѣ *родимый кровъ*? четыре стѣны — и только; а въ романѣ и того меньше, — трипье и черпила. — Что тамъ еще?

— Это я, мистеръ, сказала Клеменси, выставивши голову въ двери.

— Что съ вами? спросилъ докторъ.

— Слава Богу ничего, отвѣчала Клеменси; и дѣйствительно, чтобы увѣриться въ этомъ, стоило только взглянуть на ея полное лицо, всегда добродушное, даже до привлекательности, несмотря на отсутствіе красоты. Царапины на локтяхъ, конечно, не считаются обыкновенно въ числѣ красотъ, но, пробираясь въ свѣтъ, лучше повредить въ тѣснотѣ локти, нежели нравъ, — а нравъ Клеменси былъ цѣлъ и невредимъ, какъ ни у какой красавицы въ государствѣ.

— Со мною-то ничего не случилось, сказала Клеменси, входя въ комнату: — но — пожалуйста сюда поближе, мистеръ.

Докторъ, нѣсколько удивившись, всталъ и подошелъ.

— Вы приказывали, что бы я ни давала вамъ, — знаете, — при нихъ, сказала Клеменси.

Незнакомый съ домашнею жизнью доктора заключилъ бы изъ необыкновенныхъ ея взглядовъ и восторженнаго движенія локтей, — какъ будто она хотѣла сама себя обнять, — что дѣло идетъ по крайней мѣрѣ о цѣломудренномъ поцалуѣ. Самъ докторъ было встревожился, но успокоился въ туже минуту: Клеменси бросилась къ своимъ карманамъ, сунула руку въ одинъ, потомъ въ другой, потомъ опять въ первый — и достала письмо.

— Бритнъ ѣздилъ по порученію, шепнула она, вручая его доктору: — увидѣлъ, что пришла почта, и дождался письма. — Тутъ въ углу стоитъ А. Г. Бьюсь объ закладъ, что мистеръ

Альфредъ ѣдетъ назадъ. Быть у насъ въ домѣ свадьбѣ : сегодня поутру у меня въ чашкѣ очутились двѣ ложечки. Что это онъ такъ медленно его открываетъ.

Все это было сказано въ видѣ монолога, въ продолженіи котораго она все выше и выше подымалась на ципочки, нетерпѣливо желая узнать новости, и, между прочимъ, занималась свертываніемъ передника въ пробочникъ и превращеніемъ губъ въ бутылочное горлышко. Наконецъ, достигши апогея ожиданій и видя, что докторъ все еще продолжаетъ читать, она обратно опустила на пятки и въ нѣмомъ отчаяніи закрыла голову передникомъ, какъ будто не въ силахъ выносить дольше неизвѣстности.

— Эй! дѣти! закричалъ докторъ. — Не выдержу : я отъ роду ничего не могъ удержать въ секретѣ. Да и многое ли, въ самомъ дѣлѣ, стоить тайны въ такомъ.... ну, да что объ этомъ! — Альфредъ будетъ скоро назадъ.

— Скоро! воскликнула Мери.

— Какъ! а сказка? уже забыта? сказалъ докторъ, ущипнувши ее за щоку. — Я зналъ, что эта новость осушить слезы. Да. «Пусть пріѣздъ мой будетъ для нихъ сюрпризомъ», пишетъ онъ. Да нѣтъ, нельзя; надо приготовить ему встрѣчу.

— Скоро пріѣдетъ! повторила Мери.

— Ну, можетъ быть, и не такъ скоро, какъ вамъ хочется, возразилъ докторъ: — но все таки срокъ не далекъ. Вотъ посмотримъ. Сегодня четвергъ, не такъ ли? Да, такъ онъ обѣщаетъ быть здѣсь ровно черезъ мѣсяцъ, день въ день.

— Въ четвергъ черезъ мѣсяцъ, грустно повторила Мери.

— Какой веселый будетъ это для насъ день! что за праздникъ! сказала Грація и поцаловала сестру. — Долго ждали мы его, и наконецъ онъ близко.

Мери отвѣчала улыбкой, улыбкой грустной, но полной сестринской любви; она смотрѣла въ лицо Граціи, внимала спокойной гармоніи ея голоса, рисовавшаго счастье свиданія, — и радость и надежда блеснули и на ея лицѣ.

На немъ выразилось и еще что-то, свѣтло разлившееся по всѣмъ чертамъ, — но назвать его я не умѣю. То не былъ ни восторгъ, ни чувство торжества, ни гордый энтузіазмъ: они не высказываются такъ безмятежно. То были не просто любовь и признательность, хотя была и ихъ частичка. Это *что-то* проис-

текло не изъ низкой мысли : отъ низкой мысли не просвѣтлѣетъ лицо , не заиграетъ на губахъ улыбка и духъ не затрепещетъ , какъ пламя , сообщая волненіе всему тѣлу.

Докторъ Джеддлеръ , на зло своей философской системѣ — (онъ постоянно противорѣчилъ ей и отрицалъ на практикѣ; впрочемъ , такъ поступали и славнѣйшіе философы) — докторъ Джеддлеръ невольно интересовался возвращеніемъ своего стариннаго воспитанника , какъ *серьезнымъ* событіемъ. Онъ опять сѣлъ въ свои покойныя кресла , опять протянулъ ноги на коверъ , читалъ и перечитывалъ письмо и не сводилъ рѣчи съ этого предмета.

— Да , было время , сказалъ докторъ , глядя на огонь : — когда вы рѣзались съ нимъ , Грація , рука объ руку , въ свободныя часы , точно пара живыхъ куколъ. Помнишь?

— Помню , отвѣчала она съ кроткимъ смѣхомъ , усердно работая иглой.

— И черезъ мѣсяцъ !... продолжалъ докторъ въ раздумьи . — А съ тѣхъ поръ какъ будто не прошло и года . И гдѣ была тогда моя маленькая Мери ?

— Всегда близъ сестры , хоть и малютка , весело отвѣчала Мери . — Грація была для меня все , даже когда сама была ребенкомъ .

— Правда , правда , сказалъ докторъ . — Грація была маленькою взрослою женщиной , доброй хозяйкой , распорядительной , спокойной , кроткой ; она переносила наши капризы , предупреждала наши желанія и всегда готова была забыть о своихъ , даже и въ то время . Я не помню , чтобы ты когда нибудь , Грація , даже въ дѣтствѣ , выказала настойчивость или упорство , исключая только , когда касались одного предмета .

— Боюсь , не измѣнилась ли я съ тѣхъ поръ къ худшему , сказала Грація , смѣясь и дѣятельно продолжая работу . — Въ чемъ же это я была такъ настойчива ?

— А разумѣется на счетъ Альфреда , отвѣчалъ докторъ . — Тебя непременно должны были называть его женою ; такъ мы тебя и звали , и это было тебѣ пріятнѣе (какъ оно ни смѣшно кажется теперь) , нежели называться герцогиней , — если бы это зависѣло отъ насъ .

— Право ? спросила Грація спокойно .

— Неужели ты не помнишь ? возразилъ докторъ .

— Помнится что-то, отвѣчала она: — только немного. Этому прошло уже столько времени! — и она зашла старинную, любимую пѣсню доктора.

— У Альфреда будетъ скоро настоящая жена, сказала она. — Счастливымъ будетъ это время для всѣхъ насъ. Моя трехлѣтняя опека приходитъ къ концу, Мери. Мнѣ легко было исполнить данное слово; возвращая тебя Альфреду, я скажу ему, что ты нѣжно любила его все это время, и что ему ни разу не понадобились мои услуги. Сказать ему это, Мери?

— Скажи ему, милая Грація, отвѣчала Мери, — что никто не хранитъ врученнаго ему залога великодушнѣе, благороднѣе, неусыпнѣе тебя, и что я любила тебя съ каждымъ днемъ все больше и больше. О, какъ люблю я тебя теперь!

— Нѣтъ, отвѣчала Грація, возвращая ей поцалуй: — этого я не могу ему сказать. Предоставимъ оцѣнить мою заслугу воображенію Альфреда. Оно не поскупится, милая Мери, также какъ и твое.

Она опять принялась за работу, которую оставила было, слушая горячія похвалы сестры, и опять зашла любимую старинную пѣсню доктора. А докторъ, сидя въ спокойныхъ креслахъ и протянувши ноги на коверъ, слушалъ этотъ напѣвъ, былъ о колѣно такъ письмомъ Альфреда, посматривалъ на дочерей и думалъ, что изъ множества пустяковъ на этомъ пустомъ свѣтѣ, эти пустяки — вещь довольно пріятная.

Между тѣмъ, Клеменс Ньюкомъ, исполнивши свое дѣло и узнавши, наконецъ, новости, сошла въ кухню, гдѣ помощникъ ея, мистеръ Бритнъ, покоился послѣ ужина, окруженный такой полной коллекціей блестящихъ горшковъ, ярко вычищенныхъ кострюль, полированныхъ колпаковъ съ блюдеъ, сверкающихъ котловъ и другихъ доказательствъ ея дѣятельности, размѣщенныхъ на полкахъ и на стѣнахъ, что, казалось, онъ сидитъ въ срединѣ зеркальной залы. Большая часть этихъ вещей отражали его образъ, конечно, безъ малѣйшей лести; и притомъ въ нихъ вовсе незамѣтно было согласія: въ однихъ лицо его вытягивалось въ длину, въ другихъ въ ширину, въ однѣхъ онъ былъ довольно благообразенъ, въ другихъ невыносимо гадокъ, смотря по натурѣ отражающей вещи, — точно какъ одинъ и тотъ же фактъ во мнѣніи разныхъ людей. Но всѣ онѣ были согласны въ томъ, что среди нихъ сидитъ, въ совершенномъ покоѣ, человекъ

съ трубкою въ зубахъ , возлѣ кружки пива , и благосклонно киваетъ головой Клеменси , подошедшей къ его столу .

— Каково поживаете , Клемми ? спросилъ Бритнъ : — что новаго ?

Клеменси сообщила ему новость , и онъ выслушалъ ее очень милостиво . Благая церемѣна была видна во всей особѣ Бенджамина . Онъ сталъ гораздо толще , гораздо краснѣе , веселѣе и любезнѣе во всѣхъ отношеніяхъ . Точно какъ будто лицо его было прежде завязано узломъ , а теперь развязалось и развернулось .

— Должно быть , Снитчею и Краггсу опять будетъ работа , замѣтилъ онъ , медленно покуривая . — А намъ , Клемми , опять придется быть свидѣтелями .

— Да , отвѣчала его прекрасная собесѣдница , дѣлая свой любимый жестъ любимыми членами — локтями . — Я сама желала бы , Бритнъ .

— Что желала бы ?

— Выйти за мужъ , сказала Клеменси .

Бенджаминъ вынулъ изо рта трубку и захохоталъ отъ души .

— Что и говорить ! годитесь вы въ невѣсты ! сказалъ онъ . — Бѣдняжка Клемми !

Эта мысль показалась Клеменси столько же забавною , какъ и ему , и она тоже засмѣялась отъ всей души .

— Да , сказала она , гожусь : — или нѣтъ ?

— Вы никогда не выйдете замужъ , вы сами это знаете , сказалъ Бритнъ , опять принимаясь за трубку .

— Право ? вы такъ думаете ? спросила Клеменси съ полною довѣрчивостію .

Бритнъ покачалъ головою .

— Нѣтъ никакой надежды ! произнесъ онъ .

— Отъ чего же ? отвѣчала Клеменси . — А можетъ быть , не сегодня — завтра вы сами задумаете жениться , Бритнъ , а ?

Такой внезапный вопросъ о такомъ важномъ дѣлѣ требовалъ размышленія . Выпустивши густое облако дыму и посмотрѣвши на него сперва съ одной , потомъ съ другой стороны , какъ будто оно составляло самый вопросъ , который онъ обсуживаетъ со всѣхъ сторонъ , мистеръ Бритнъ отвѣчалъ , что на счетъ этого онъ еще ничего не рѣшилъ , но что дѣйствительно думаетъ , что оно можетъ этимъ кончиться .

— Желаю ей счастья, кто бы она ни была! воскликнула Клеменси.

— О, что она будет счастлива, въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя, сказалъ Бенджаминъ.

— А все таки она не была бы такъ счастлива, и мужъ у нея былъ бы не такой любезный, не будь меня, замѣтила Клеменси, облокотясь на столъ и глядя назадъ на свѣчу: — впрочемъ, я увѣрена, что это случилось само собою, а я тутъ ничего. Не такъ ли, Бритнъ?

— Конечно, не будь васъ, такъ оно было бы не то, отвѣчалъ Бритнъ, дошедши до того момента наслажденiя трубкою, когда курящiй только чуть чуть рѣшается раскрывать ротъ для рѣчи и, покоясь въ сладкой нѣгѣ на креслахъ, обращаетъ на собесѣдника только одни глаза, и то очень неохотно и неопредѣленно. — О, я вамъ обязанъ очень многимъ, Клемъ, вы это знаете.

— Это очень любезно съ вашей стороны, возразила Клеменси.

И въ тоже время, обративши мысли и взоръ на сальную свѣчу и внезапно вспомнивши о цѣлительныхъ свойствахъ сала, она щедро принялась намазывать имъ свой лѣвый локоть.

— Вотъ видите ли, продолжалъ Бритнъ глубокомысленнымъ тономъ мудреца: — я въ свое время изучилъ многое; у меня всегда было стремленiе къ изученiю; я прочелъ много книгъ о хорошей и о худой сторонѣ вещей, потому-что въ молодости я шелъ по литературной части.

— Въ самомъ дѣлѣ! воскликнула Клеменси въ удивленiи.

— Да, продолжалъ Бритнъ: — я года два прятался за книжными полками, всегда готовый выскочить, если ктонибудь подтибрить книгу; а потомъ я служилъ разсылнымъ у корсетницы швен и разносилъ въ клеенчатыхъ коробкахъ обманъ и обольщенiе, — это ожесточило мое сердце и разрушило во мнѣ вѣру въ людей; потомъ я наслушался разныхъ разностей здѣсь у доктора, — это очерстило мое сердце еще больше; и на конецъ концовъ, я рассудилъ, что вѣрнѣйшее средство оживить его и лучшiй спутникъ въ жизни — терка.

Клеменси хотѣла было прибавить и свою мысль, но онъ предупредилъ ее.

— Въ союзъ съ наперсткомъ, прибавилъ онъ глубокомысленно.

— Дѣлай для другихъ то, что.... и пр.... вы знаете! прибавила Клеменси и въ восторгѣ отъ признанія сложивши руки и натирая слегка локти. — Какое короткое правило, не правда ли?

— Не знаю, сказалъ Бриттъ, можно ли это считать за хорошую философію. — У меня есть на счетъ этого кое какія сомнѣнія, но за то опять это правило очень удобно и избавляетъ отъ многихъ неприятностей, чего не дѣлаетъ иногда настоящая философія.

— А вспомните, какой вы были прежде! сказала Клеменси.

— Да, замѣтилъ Бриттъ: — и всего необыкновеннѣе, Клеменси, то, что я перемѣнился черезъ васъ. Вотъ что странно: черезъ васъ! А я думаю, что у васъ въ головѣ нѣтъ и половины идеи.

Клеменси, нисколько не обижаясь, покачала головою, засмѣялась, почесала локти и объявила, что и сама такъ думаетъ.

— Я почти въ этомъ увѣренъ, сказалъ Бриттъ.

— Вы правы, правы, отвѣчала Клеменси. — Я не имѣю претензій на идеи. На что мнѣ онѣ?

Бенджаминъ вынулъ изо рта трубку и началъ смѣяться, пока слезы не потекли у него по лицу.

— Что вы за простота, Клеменси! сказалъ онъ, покачивая головою и отирая слезы въ полномъ удовольствіи отъ своей шутки. Клеменси и не думала противорѣчить: глядя на него, она тоже захохотала отъ всей души.

— Нельзя не любить васъ, Клеменси, сказалъ Бриттъ: — вы въ своемъ родѣ прекрасное созданіе: дайте вашу руку. Чтб бы ни случилось, я никогда васъ не забуду, никогда не перестану быть вашимъ другомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнула Клеменси. — Это отъ васъ очень мило.

— Да, да, я вашъ заступникъ, сказалъ Бриттъ, отдавая ей трубку, чтобы она выбила табакъ. — Постоите! что это за странный шумъ?

— Шумъ? повторила Клеменси.

— Чьи-то шаги снаружи. Точно какъ будто кто-то прыгнулъ съ ограды на землю, замѣтилъ Бриттъ. Что, тамъ наверху всѣ уже легли?

— Теперь уже легли, отвѣчала она.

— Вы ничего не слышали?

— Ничего.

Оба стали прислушиваться: все было тихо.

— Знаете ли что, сказалъ Бритиъ, снимая фонарь: — обойду-ка я домъ, — оно вѣриѣ. Отомкните дверь, покажѣть я засвѣчу фонарь, Клеменси.

Клеменси поспѣшила отворить дверь, но замѣтила ему, что онъ проходится попусту, что все это ему почудилось, и такъ да-дѣе. Бритиъ отвѣчалъ, что очень можетъ статься, но все таки вышелъ, вооруженный кочергой, и началъ свѣтить фонаремъ во всѣ стороны, вблизи и вдалѣ.

— Все тихо, какъ на кладбищѣ, сказала Клеменси, глядя ему вслѣдъ. — и почти также страшно.

Оглянувшись назадъ въ кухню, она вскрикнула отъ ужаса: передъ ней мелькнула какая-то тѣнь. — Что это? закричала она.

— Тс! тихо произнесла Мери дрожащимъ голосомъ. — Ты всегда меня любила, не правда ли?

— Любила ли я васъ! какое тутъ сомнѣнiе!

— Знаю. И я могу тебѣ довѣриться, не правда ли? теперь мнѣ некому довѣриться, кромѣ тебя.

— Конечно, добродушно отвѣчала Клеменси.

— Тамъ ждетъ меня кто-то, сказала Мери, указывая на дверь. Я должна съ нимъ видѣться и переговорить сегодня же. — Мейклъ Уарденъ! ради Бога, удалитесь! Не теперь еще!

Клеменси изумилась и смутилась, взглянувши по направле-нiю глазъ говорившей: въ дверяхъ видѣлась чья-то темная фи-гура.

— Васъ каждую минуту могутъ открыть, сказала Мери. — Теперь еще не время! Спрячьтесь гдѣ нибудь и обождите, если можете. Я сейчасъ приду.

Онъ поклонился ей рукою и удалился.

— Не ложись опять, Клеменси. Дождись меня здѣсь! сказала Мери поспѣшно. Я почти цѣлый часъ искала поговорить съ то-бой. О, не измѣни мнѣ!

Крѣпко схвативши дрожащую руку Клеменси и прижавши ее къ груди, — выразительный жестъ страстной мольбы, краснорѣчивѣе всякихъ словъ, — Мери вышла, увидѣвши свѣтъ отъ возвращающагося фонаря.

— Все благополучно : никого нѣтъ. Почудилось , должно быть , сказалъ Бритнъ , задвигая и замыкая дверь. — Вотъ что значить , у кого пылкое воображеніе ! Ну ! это что ?

Клеменси не могла скрыть слѣдовъ своего удивленія и участія : она сидѣла на стулѣ , блѣдная , дрожа всѣмъ тѣломъ .

— Что такое ! повторила она , судорожно дергая руками и локтями и поглядывая на все , кромѣ Бритна . — Какъ это отъ васъ хорошо , Бритнъ ! Напугали дѣсмерти шумомъ , да фонаремъ , да Богъ знаетъ чѣмъ , ушли , да еще спрашиваете : что такое ?

— Если фонарь пугаетъ васъ дѣсмерти , Клемми , сказалъ Бритнъ , спокойно задувая и вѣшая его на мѣсто : — такъ отъ этого видѣнія избавиться легко . Но вѣдь вы , кажется , не трусливаго десятка , сказалъ онъ , наблюдая ее пристально : — и не испугались , когда что-то зашумѣло и я засвѣтилъ фонарь . Что же вамъ забрело въ голову ? Ужь не идея ли какая нибудь , а ?

Но Клеменси пожелала ему покойной ночи и начала суетиться , давая тѣмъ знать , что намѣрена немедленно лечь спать ; Бритнъ , сдѣлавши оригинальное замѣчаніе , что никто не пойметъ женскихъ причудъ , пожелалъ и ей покойной ночи , взялъ свѣчу и лѣниво побрелъ спать .

Когда все утихло , Мери возвратилась .

— Отвори двери , сказала она : — и не отходи отъ меня , пока мѣсть я буду говорить съ нимъ .

Какъ ни робки были ея манеры , въ нихъ все таки было что-то рѣшительное , и Клеменси не въ силахъ была противиться . Она тихонько отодвинула задвижку ; но , не поворачивая еще ключа , оглянулась на дѣвушку , готовую выйти , когда она отворить дверь .

Мери не отвернулась и не потупила глазъ ; она смотрѣла на нее съ лицомъ , сіяющимъ молодостію и красотою . Простое чувство говорило Клеменси , какъ ничтожна преграда между счастливымъ отеческимъ кровомъ , честною любовью дѣвушки — и отчаяньемъ семейства , потерю драгоцѣннаго перла его ; эта мысль пронзила ея любящее сердце и переполнила его печалью и состраданіемъ , такъ что она зарыдала и бросилась на шею Мери .

— Я знаю не много , сказала она : — очень не много ; но я знаю , что этого не должно быть . Подумайте , что вы дѣлаете !

— Я думала уже объ этомъ не разъ, ласково отвѣчала Мери.

— Обдумайте еще разъ. Отложите до завтра.

Мери покачала головою.

— Ради Альфреда, сказала Клеменси съ неподдѣльною торжественностью: — ради того, кого вы любили когда-то такъ сильно!

Мери закрыла лицо руками и повторила: — «когда-то!» какъ будто сердце у нея разорвалось на двое.

— Пошлите меня, продолжала Клеменси, уговаривая ее. — Я скажу ему все, что прикажете. Не переходите сегодня за порогъ. Я увѣрена, что изъ этого не выйдетъ ничего хорошаго. О! въ недобрый часъ принесло сюда мистера Уардена! Помните вашего добраго отца, вашу сестрицу!

— Я все обдумала, сказала Мери, быстро подымая голову. — Ты не знаешь, въ чемъ дѣло, ты не знаешь. Я должна съ нимъ переговорить. Слова твои доказываютъ, что ты лучшей, вѣрнѣйшей въ мѣрѣ другъ, — но я должна сдѣлать этотъ шагъ. Хочешь ты идти со мною, Клеменси, спросила она, цалуя ее: — или идти мнѣ одной?

Опечаленная и изумленная Клеменси повернула ключъ и отворила дверь. Мери быстро шагнула въ мрачную, таинственную ночь за порогомъ, держа Клеменси за руку.

Тамъ, въ темнотѣ, онъ подошелъ къ Мери, и они разговаривали долго и съ жаромъ; рука, крѣпко державшая руку Клеменси, то дрожала, то холодѣла, какъ ледъ, то судорожно сжималась, бессознательно передавая чувства, волновавшія Мери въ продолженіи разговора. Онъ воротился; онъ проводилъ ихъ до дверей; остановившись здѣсь на минуту, онъ схватилъ другую ея руку, прижалъ къ губамъ и потомъ тихо удалился.

Дверь снова была задвинута и замкнута, и Мери снова очутилась подъ родимымъ кровомъ. Какъ ни была она молода, она не склонилась подъ тяжестью внесенной сюда тайны; напротивъ того, на лицѣ ея сіяло сквозь слезы то же выраженіе, которому я не могъ найти названія.

Она жарко благодарила своего скромнаго друга — Клеменси, и увѣряла ее въ безусловной къ ней довѣренности. Благополучно добравшись до своей комнаты, она упала на колѣни, и — могла молиться, съ бременемъ такой тайны на сердцѣ! могла

встать отъ молитвы, спокойная и ясная, наклониться надъ спящую сестрою, посмотреть ей въ лицо и улыбнуться, хоть и грустною улыбкой! могла поцаловать ее въ лобъ и прошептать, что Грація всегда была для нея матерью и всегда любила ее, какъ дочь! Она могла, легши въ постель, взять спящую руку сестры и положить ее себѣ около шеи, — эту руку, которая и во снѣ, казалось, готова защищать и ласкать ее! — могла проговорить надъ полуоткрытыми губами Граціи: — Господь съ тобой! могла, наконецъ, заснуть! Но во снѣ она вскрикнула своимъ невиннымъ и трогательнымъ голосомъ, что она совершенно одна, что всѣ ее забыли.

Мѣсяцъ проходитъ скоро, какъ бы онъ ни тянулся. Мѣсяцъ съ этой ночи до пріѣзда Альфреда пролетѣлъ быстро и исчезъ, какъ дымъ.

Насталъ день, назначенный для пріѣзда, бурный, зимній день, отъ котораго старый домъ пошатывался, какъ будто вздрагивая отъ холода; такой день, когда дома вдвое живѣе чувствуешь, что дома, когда сидишь у камина съ особеннымъ наслажденіемъ, и на лицахъ вокругъ огонька ярче играетъ румянецъ, и собесѣдники тѣснѣе сдвигаются въ кружокъ, какъ будто заключая союзъ противъ разъяренныхъ, ревушихъ на дворѣ стихій, — бурный, зимній день, который такъ располагаетъ къ веселью за закрытыми ставнями и опущенными сторами, къ музыкѣ, смѣху, танцамъ и веселому пиру!

И все это докторъ припасъ къ встрѣчѣ Альфреда. Извѣстно было, что онъ пріѣдетъ не раньше ночи; и докторъ говорилъ: у насъ, чтобы в ночь засвѣтила ему навстрѣчу! Онъ долженъ найти здѣсь всѣхъ старыхъ друзей, — чтобы всѣ были на лицѣ!

Итакъ, пригласили гостей, наняли музыкантовъ, раскрыли столы, приготовили помы для дѣятельныхъ ногъ, заготовили кучу провизіи разнаго сорта. Это случилось о святкахъ, и такъ какъ Альфредъ давно не видѣлъ англійскаго терну съ густою зеленью, танцевальную залу убрали его гирландами, и красныя ягоды, горя въ зелени листовъ, готовы были, казалось, встрѣтить его родимымъ привѣтомъ.

Всѣ были въ хлопотахъ цѣлый день но больше всѣхъ Грація, душа всѣхъ приготовленій, распорядившаяся всюду безъ шума. Въ этотъ день, также какъ и въ продолженіи всего мѣ-

сяца, Клеменси часто поглядывала на Мери съ безпокойствомъ, почти со страхомъ. Она замѣтила, что Мери блѣднѣе обыкновеннаго, но спокойное выраженіе лица придавало ей еще болѣе красоты.

Вечеру, когда она одѣлась, Грація съ гордостію надѣла на нее вѣнокъ изъ искусственныхъ любимыхъ цвѣтовъ Альфреда; прежнее задумчивое, почти печальное выраженіе съ новою силою проглянуло на лицѣ Мери, но въ немъ все-таки виднѣлось высокое олушевленіе.

— Слѣдующій разъ я надѣну на тебя свадебный вѣнокъ, сказала Грація: — или я плохая отгадчица будущаго.

Мери разсмѣялась и обняла сестру.

— Одну минуту, Грація. Не уходи еще. Ты увѣрена, что мнѣ ничего больше не нужно?

Но она заботилась не о туалетѣ. Ее занимало лицо сестры, и она съ нѣжностью устремила на нее свой взоръ.

— Мое искусство не можетъ итти дальше, сказала Грація: — и не возвыситъ твоей красоты. — Ты никогда еще не была такъ хороша.

— Я никогда не была такъ счастлива, отвѣчала Мери.

— И впереди ждетъ тебя счастье еще больше, сказала Грація. — Въ другомъ домѣ, гдѣ будетъ весело и свѣтло, какъ здѣсь теперь, скоро заживетъ Альфредъ съ молодою женою.

Мери опять улыбнулась.

— Какъ счастливъ этотъ домъ въ твоемъ воображеніи, Грація! это видно по твоимъ глазамъ. Я знаю, что въ немъ будетъ обитать счастье, и какъ рада я, что знаю это навѣрное.

— Ну, что? все ли готово? спросилъ докторъ, суетливо вбѣгая въ комнату. — Альфредъ не можетъ пріѣхать рано: часовъ въ одиннадцать или около того, и намъ есть когда развеселиться. Онъ долженъ застать праздникъ въ полномъ разгарѣ. Разложи въ каминѣ огонь, Бритнъ. Свѣтъ безсмыслица, Мери; вѣрность въ любви и все остальное, — все вздоръ; но такъ и быть! подурачимся вмѣстѣ со всѣми и встрѣтимъ нашего вѣрнаго любовника, какъ сумасшедшіе! Право, у меня у самого закружилась голова, сказалъ докторъ, съ гордостію глядя на своихъ дочерей: — мнѣ все кажется, что я отецъ двухъ хорошенькихъ дѣвушекъ.

— И если одна изъ нихъ огорчила или огорчить, огорчить васъ когда нибудь, милый папенька, простите ее, сказала Мери: — простите ее теперь, когда сердце у нея такъ полно. Скажите, что вы прощаете ее, что вы простите ее, что она никогда не лишится любви вашей, и... и остального она не договорила, припавши лицомъ къ плечу старика.

— Полно, полно! ласково сказалъ докторъ. — Простить! Чтò мнѣ прощать? Эхъ, если эти вѣрные любовники возвращаются только тревожить насъ, такъ лучше держать ихъ въ отдаленіи, выслать нарочнаго задержать ихъ на дорогѣ, не давать имъ въ сутки дѣлать больше двухъ миль, — покажѣсь мы не приготовимся, какъ слѣдуетъ, къ встрѣчѣ. Поцалуй меня, Мери! Простить! что ты за глупенькое дитя! Если бы ты разсердила меня разъ пятьдесятъ на день, такъ я простилъ бы тебѣ все, кромѣ подобной просьбы. Поцалуй же меня! Вотъ такъ! Въ прошедшемъ и будущемъ — счетъ между нами чистъ. Подложить сюда дровъ! Или вы хотите заморозить гостей въ этакую декабрьскую ночь! Нѣтъ, у насъ чтобъ было свѣтло, тепло и весело, или я не прощу кое-кому изъ васъ!

Такъ весело распорядился докторъ. Затопили каминъ, зажгли свѣчи, пріѣхали гости, раздался живой говоръ и по всему дому разлилось что-то веселое и праздничное.

Гости наѣзжали все больше и больше. Свѣтлые взоры обращались къ Мери; улыбающіяся уста поздравляли ее съ возвращеніемъ жениха; мудрыя матушки, съ вѣрами въ рукахъ, изъявляли надежду, что она окажется не слишкомъ молода и непостоянна для тихой семейной жизни; пылкіе отцы впади въ опалу за неумѣренныя похвалы ея красотѣ; дочери завидовали ей; сыновья завидовали ему; безчисленныя четы любовниковъ наловили въ мутной водѣ рыбы; всѣ были заинтересованы, одушевлены, всѣ чего-то ждали.

Мистеръ и мистриссъ Краггсъ вошли подъ ручку; но мистриссъ Снитчей явилась одна.

— А оъ что же? спросилъ ее докторъ.

Перо райской птицы на тюрбанѣ мистриссъ Снитчей задрожало, какъ будто птица ожила, когда она отвѣтила, что это, конечно, извѣстно мистеру Краггсу, потому что *ей* вѣдь никогда ничего не говорить.

— Эта несносная контора! сказала мистриссъ Краггсъ.

— Хоть бы когданибудь сгорѣла! подхватила мистриссъ Снитчей.

— Онъ... онъ.... его задержало небольшое дѣльцо, отвѣчалъ Краггсъ, безпокойно поглядывая вокругъ.

— Да, дѣльцо. Пожалуйста, ужь лучше не говорите! сказала мистриссъ Снитчей.

— Знаемъ мы, что это за дѣльцо, прибавила мистриссъ Краггсъ.

Но онъ этого не знали, и отъ этого-то, можетъ быть, такъ неистово задрожало перо райской птицы, и привѣсни у серегъ мистриссъ Краггсъ зазвенѣли, какъ колокольчики.

— Я удивляюсь, что вы могли отлучиться, мистеръ Краггсъ, сказала его жена.

— Мистеръ Краггсъ счастливъ, я въ этомъ увѣрена, замѣтила мистриссъ Снитчей.

— Эта контора поглощаетъ у нихъ все время, продолжала мистриссъ Краггсъ.

— Дѣловому человѣку вовсе не слѣдовало бы жениться, сказала мистриссъ Снитчей.

И мистриссъ Снитчей подумала: я вижу насквозь этого Краггса, — онъ это самъ знаетъ. А мистриссъ Краггсъ замѣтила мужу, что «Снитчей» надувають его за глазами, и что онъ это самъ увидить, да поздно.

Впрочемъ, мистеръ Краггсъ немного обрацалъ вниманія на эти замѣчанія. Онъ все съ безпокойствомъ посматривалъ вокругъ, пока не увидѣлъ Грацію, къ которой тотчасъ же и подошелъ.

— Здравствуйте, миссъ, сказалъ онъ. Вы сегодня чудо какъ хороши. А ваша... миссъ... ваша сестрица, миссъ Мери? она...

— Слава Богу здорова, мистеръ Краггсъ.

— Да-съ.... я.... она здѣсь? спросилъ Краггсъ.

— Здѣсь ли! Вотъ она; развѣ вы не видите? собирается танцовать, отвѣчала Грація.

Краггсъ надѣлъ очки, чтобы лучше рассмотреть: посмотрѣлъ на нее нѣсколько минутъ, потомъ кашлянулъ, вложилъ очки съ довольнымъ видомъ въ футляръ и спряталъ ихъ въ карманъ.

Музыка заиграла и танцы начались. Огонь затрещалъ и сверкалъ, вспыхивая и припадая, какъ будто и онъ не хочетъ отстать отъ танцующихъ. Иногда онъ начиналъ ворчать, какъ будто подтягиваетъ музыкѣ. Иногда сверкалъ и сіялъ, какъ

будто онъ глазъ этой старой комнаты, и помаргивалъ, какъ опытный дѣдушка, который самъ былъ молодъ, на молодыя четы, шопотомъ бесѣдующія по уголкамъ. Иногда онъ игралъ съ вѣтвями терну, пробѣгалъ по листьямъ дрожащимъ лучомъ, — и листья, казалось, колеблются, какъ будто они опять на вольномъ вѣтрѣ среди холодной ночи. Иногда веселость его переходила всѣ границы, и онъ съ громкимъ залпомъ бросалъ въ комнату среди мелькающихъ ногъ горсть маленькихъ искръ и взвивался и прыгалъ отъ радости въ своемъ просторномъ каминѣ, какъ сумасшедшій.

Кончался второй танецъ, когда мистеръ Снитчей тронулъ за руку своего товарища, смотрѣвшаго на танцы.

Краггсъ вздрогнулъ, какъ будто передъ нимъ явилось привидѣнiе.

— Уѣхалъ? спросилъ онъ.

— Тише! отвѣчалъ Снитчей. Онъ пробылъ со мною часа три, больше. Онъ входилъ во всѣ мелочи, рассмотрѣлъ всѣ наши распоряженія по его имѣнiю. Онъ — гм!

Танецъ кончился. Мери проходила въ это время какъ разъ мимо него. Она не замѣтила ни его, ни его товарища; она смотрѣла вдаль, на сестру и, медленно пробираясь сквозь толпу, скрылась изъ виду.

— Вы видите, все благополучно, сказалъ Краггсъ. Онъ вѣроятно не упоминалъ объ этомъ больше?

— Ни полусловомъ.

— И онъ точно уѣхалъ? на вѣрно?

— Онъ сдержитъ свое слово. Онъ спустится по рѣкѣ съ отливомъ въ этой орѣховой скорлупѣ, своей шляпкѣ, и еще ночью будетъ въ открытомъ морѣ; вѣтеръ попутный, — отчаянная голова! Нигдѣ нѣтъ такой пустынной дороги. Это дѣло рѣшено. Теперь отливъ начинается часовъ въ одиннадцать, говоритъ онъ. Слава Богу, что это дѣло кончено.

Снитчей отеръ лобъ, вспотѣвшій и озабоченный.

— А что вы думаете, сказалъ Краггсъ: — на счетъ....

— Тс! прервалъ его осторожный товарищъ, глядя прямо впередъ. — Я понимаю. Не называйте никого по имени и не показывайте виду, что мы говоримъ о секретахъ. Не знаю, право, что тутъ думать, и сказать вамъ правду, такъ по мнѣ теперь все равно. Слава Богу, что такъ. Я думаю, самолюбiе об-

мануло его. Можетъ быть, миссъ пококетничала немножко, — обстоятельства наводятъ на эту мысль. Альфредъ еще не приѣхалъ?

— Нѣтъ еще, отвѣчала Краггсъ. — Его ждутъ каждую минуту.

— Хорошо. — Снитчей опять отеръ лобъ. — Слава Богу, что все это такъ кончилось. Я еще никогда не былъ такъ расстроенъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами занимаемся вмѣстѣ. Зато теперь, мистеръ Краггсъ, я намѣренъ провести вечерокъ въ свое удовольствіе.

Мистриссъ Краггсъ и мистриссъ Снитчей подошли въ то самое время, какъ онъ высказалъ это намѣреніе. Райская птица была въ страшномъ волненіи, и колокольчики звонили очень громко.

— Всѣ только объ этомъ и толкуютъ, мистеръ Снитчей, сказала жена его. — Надѣюсь, контора очень довольна?

— Чѣмъ, душа моя? спросилъ Снитчей.

— Тѣмъ, что выставили беззащитную женщину на общее посмѣяніе, возразила жена. — Это совершенно въ духѣ конторы, да.

— Право, прибавила мистриссъ Краггсъ: — я такъ давно привыкла соединять въ умѣ контору со всѣмъ, что противно домашней жизни, что рада узнать въ ней открытаго врага моего покоя. По крайней мѣрѣ, въ этомъ признаніи есть что-то благородное.

— Душа моя, возразилъ Краггсъ: — твое доброе мнѣніе неопѣнено, только я никогда не признавался, что контора врагъ вашего покоя.

— Нѣтъ, отвѣчала жена, затрезвонивши въ колокольчики: — конечно, нѣтъ. Вы были бы недостойны конторы, если бы у васъ достало на это прямодушія.

— А что касается до отлучки моей сегодня ввечеру, сказалъ Снитчей, подавая женѣ руку: — такъ я увѣренъ, что потеря съ моей стороны; мистеръ Краггсъ знаетъ....

Мистриссъ Снитчей прервала объясненіе, утащивши мужа въ другой конецъ; тамъ она просила его «посмотрѣть на этого человѣка, оказать ей милость, посмотрѣть на него».

— На какого человѣка, душа моя? спросилъ Снитчей.

— На вашего избраннаго, на товарища вашей жизни; я вамъ не товарищъ, мистеръ Снитчей.

— Ты ошибаешься, душа моя, сказалъ Снитчей.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вамъ не товарищъ, возразила мистриссъ Снитчей съ торжественною улыбкою. — Я знаю свое мѣсто. Взгляните на вашего товарища, мистеръ Снитчей, на вашего оракула, на хранителя вашихъ тайнъ, на вашу довѣренную особу, — словомъ, на другого себя.

Привычка соединять въ понятіи себя съ Краггсомъ заставила Снитчея взглянуть въ ту сторону, гдѣ стоялъ его товарищъ.

— Если вы можете смотрѣть ему сегодня въ глаза, сказала мистриссъ Снитчей. — и не видите, что вы обмануты, что вы жертва его козней, что вы пресмыкаетесь предъ его волею, по какому-то неизъяснимому обаянію, отъ котораго не могутъ остеречь васъ мои слова, — такъ я могу сказать только одно: вы мнѣ жалки!

Мистриссъ Краггсъ, между тѣмъ, ораторствовала противъ Снитчея.

— Возможно ли, говорила она Краггсу: — чтобы вы были до такой степени ослѣплены на счетъ вашихъ Снитчеевъ и не понимали своего положенія? Не вздумаете ли вы утверждать, что видѣли, какъ ваши Снитчей вошли въ комнату и не замѣтили въ нихъ, въ ту же минуту, ясно, какъ день, скрытность, злоумышленіе и измѣну? Не вздумаете ли вы отрицать, что когда онъ отиралъ лобъ и изкоса поглядывалъ во всѣ стороны, на совѣсти вашего безцѣннаго Снитчея (если у него есть совѣсть) было что-то такое, что боится свѣта? Кто, кромѣ вашего Снитчея, прокрался бы на праздникъ, какъ ночной воръ. (Замѣтимъ мимоходомъ, что это замѣчаніе не совсѣмъ ладило съ фактомъ: Снитчей вошелъ очень просто и явно, въ открытую дверь.) Не станете ли вы завтра въ полдень (тогда было около полуночи) утверждать, что ваши Снитчей могутъ быть оправданы во всѣхъ отношеніяхъ, наперекоръ всѣмъ фактамъ, разсудку и опыту?

Ни Снитчей, ни Краггсъ не покусились попробовать остановить этотъ потокъ краснорѣчія, но удовольствовались мирно плыть за теченіемъ, пока волны не улягутся сами собою, что и случилось почти во одно время съ общимъ движеніемъ передъ началомъ контраданса. Мистеръ Снитчей ангажировалъ мистриссъ Краггсъ, а Краггсъ ловко полошелъ попросить мистриссъ Снитчей. Послѣ нѣсколькихъ фразъ, какъ напр. «отъ-чего вы не попросите кого нибудь другого?» или: «вы вѣрно будете рады,

если я откажусь,» или: «удивляюсь, какъ вы можете танцовать внѣ конторы» (на этотъ разъ это было сказано въ шутку). — Обѣ леди согласились и стали на свои мѣста.

У нихъ уже давно было такъ заведено; за обѣдомъ и за ужиномъ они дѣлались попарно: они были задушевные друзья и жили совершенно на пріятельской ногѣ. Обѣ леди сознавались, можетъ быть, втайнѣ, что лукавство Краггса и двуличность Синтчей существуютъ только въ ихъ воображеніи; и можетъ быть, онѣ нарочно изобрѣли для себя это средство хоть какъ нибудь вмѣшиваться въ дѣла мужей. Вѣрно то, что каждая изъ нихъ исполняла свое призваніе ревностно и неусыпно, не хуже своего мужа, и была увѣрена въ томъ, что «Компанія» не можетъ приобрести успѣха и уваженія безъ ея похвальныхъ усилій.

Но вотъ райская птица запорхала по залѣ; колокольчики загремѣли и зазвенѣли; румяное лицо доктора завертѣлось въ толпѣ, какъ лакированный волчокъ; тощій Краггсъ началъ сомнѣваться, «легче ли», какъ все прочее, стало нынче протанцовать контрадансъ; а мистеръ Синтчей вытанцовывалъ, съ прыжками и антраша, за «Себя и Краггса» и еще за полдюжину другихъ.

Огонь оживился отъ свѣжаго вѣтра, поднятаго танцомъ, и запылалъ ярче и выше. Онъ былъ геніемъ залы и присутствовалъ повсюду. Онъ свѣтлѣлъ въ глазахъ гостей, сверкалъ въ брилліантахъ на снѣжныхъ шеяхъ дѣвицъ, игралъ около ихъ ушей, какъ будто что-то имъ нашептывая, обливалъ ихъ станъ, разсыпался розами у нихъ подъ ногами, горѣлъ на потолкѣ и возвышалъ отраженіемъ ихъ красоту, зажегъ цѣлую иллюминацію въ колокольчикахъ мистрисъ Краггсъ.

Музыка играла все громче и громче, танецъ становился все живѣе и живѣе, и вѣтеръ въ комнатѣ зашевелилъ и зашумѣлъ листьями и ягодами на стѣнахъ, какъ часто случалось съ ними на деревѣ; онъ несся по комнатѣ, какъ будто невидимый рой духовъ вьется и мчится по слѣдамъ живыхъ людей. Докторъ завертѣлся такъ, что нельзя было разобрать ни одной черты лица его; но залѣ запорхала, казалось, цѣлая дюжина райскихъ птицъ, и трезвонятъ тысяча колокольчиковъ; платья заволновались, какъ парусы цѣлаго флота во время бури... вдругъ музыка умолкла и танецъ кончился.

Разгорѣвшись и запыхавшись, докторъ еще нетерпѣливѣе ждалъ Альфреда.

— Что, не видно ли чего нибудь, Бриттъ? Не слышно ли?

— На дворѣ такъ темно, что ничего вдали не видно, сэръ. И шумъ въ домѣ такой, что ничего не слышно.

— Тѣмъ лучше, — встрѣча веселѣе! Который часъ?

— Ровно полпочъ, сэръ. Онъ скоро долженъ быть здѣсь.

— Подложи дровъ въ каминъ, сказалъ докторъ. — Пусть еще издали увидать привѣтный огонекъ сквозь темноту ночи.

Онъ увидѣлъ его, — да! онъ замѣтилъ огонь изъ экипажа, при поворотѣ у старой церкви. Онъ узналъ, откуда онъ свѣтитъ. Онъ увидѣлъ зимнія вѣтви старыхъ деревьевъ между собою и свѣтомъ. Онъ вспомнилъ, что одно изъ этихъ деревьевъ мелодически шумитъ лѣтомъ подъ окномъ Мери.

Слезы показались у него на глазахъ. Сердце его билось такъ сильно, что онъ едва могъ выносить свое счастье. Сколько разъ думалъ онъ объ этой минутѣ, рисовалъ ее въ воображеніи со всѣми возможными подробностями, боялся, что она никогда не настанетъ, ждалъ и томился, — вдали отъ Мери.

Опять свѣтъ! Какъ ярко онъ сверкнулъ! его засвѣтили въ ожиданіи гостя, чтобы заставить его спѣшить домой! Альфредъ сдѣлалъ привѣтствіе рукой, махнулъ шляпой и громко крикнулъ, какъ будто этотъ свѣтъ — они, какъ будто они могутъ видѣть и слышать его, торжественно ѣдущаго къ нимъ по слякоти.

— Стой! — Онъ зналъ доктора и догадался, что онъ затѣялъ. Докторъ не хотѣлъ, чтобы пріѣздъ его былъ для нихъ сюрпризомъ, но Альфредъ все таки могъ явиться невзначай, прошедши до дому пѣшкомъ. Если садовые ворота отворены, такъ можно пройти; а если и заперты, такъ онъ по старинному опыту зналъ, какъ легко перелѣзть черезъ ограду. Онъ въ минуту очутился между ними.

Онъ вышелъ изъ экипажа и сказалъ кучеру (не безъ усилія: такъ онъ былъ взволнованъ), чтобы онъ остановился на нѣсколько минутъ, а потомъ тронулся бы шажкомъ; самъ же онъ побѣжалъ во всю прыть, не могъ открыть ворота, влѣзъ на ограду, спрыгнулъ въ садъ и остановился перевести духъ.

Деревья были покрыты инеемъ, который на вѣтвяхъ сверкалъ блеклыми гирляндами, озаренный слабымъ свѣтомъ мѣся-

ца въ облакахъ. Мертвые листья хрустѣли у него подь ногами, когда онъ тихонько шелъ къ дому. Унылая зимняя ночь разстилалась по землѣ и небу; но изъ оконъ привѣтливо свѣтилъ ему на встрѣчу алыи огонекъ, мелькали фигуры, и людской говоръ привѣтствовалъ его слухъ.

Онъ старался, подходя все ближе, разслушать въ общемъ говорѣ ея голосъ и почти вѣрилъ, что различаетъ его. Онъ дошелъ уже почти до дверей, какъ вдругъ двери распахнулись и кто-то выбѣжалъ прямо ему на встрѣчу, — по въ ту же минуту отскочилъ назадъ и вскрикнулъ, сдерживая голосъ.

— Клеменси, сказалъ онъ: — развѣ вы меня не знаете?

— Не входите, отвѣчала она, отгѣсняя его назадъ. — Воротитесь. Не спрашивайте: зачѣмъ? Не входите.

— Да что такое? спросилъ онъ.

— Не знаю. Боюсь и подумать. Уйдите. Слушайте!

Въ домѣ внезапно поднялся шумъ. Она закрыла уши руками. Раздался дикій вопль, отъ котораго не могли защитить никакія руки, и Грація, съ разстроеннымъ видомъ, выбѣжала изъ дверей.

— Грація! воскликнулъ Альфредъ, обнимая ее. — Что такое? Умерла она?

Она освободилась изъ его рукъ, взглянула ему въ лицо — и ушла у ногъ его.

Вслѣдъ за тѣмъ изъ дома потянулась толпа разныхъ лицъ, между ними и докторъ, съ бумагою въ рукѣхъ.

— Что такое? кричалъ Альфредъ, стоя на колѣняхъ возлѣ безчувственной дѣвушки. Онъ рвалъ на себѣ волосы и перебѣгалъ дикими глазами съ лица на лицо. — Неужли никто не хочетъ взглянуть на меня? никто не хочетъ заговорить со мной? Неужли никто меня не узнаетъ? никто не скажетъ, что такое случилось?

Въ толпѣ послышался говоръ.

— Она бѣжала.

— Бѣжала! повторилъ онъ.

— Бѣжала, мой милый Альфредъ! произнесъ докторъ убитымъ голосомъ, закрывши лицо руками: — бѣжала изъ отцовскаго дома. Она пишетъ, что сдѣлала свой невинный и безукоризненный выборъ, просить простить ее, не забывать ее, — она бѣжала!

— Съ кѣмъ? куда?

Онъ вскочилъ, готовый, казалось, броситься въ погоню; но когда всѣ посторонились, чтобы дать ему дорогу, онъ дико посмотрѣлъ на окружавшихъ, зашатался и палъ опять на колѣни, сжавши холодную руку Граціи.

Въ общемъ смятеніи всѣ бѣжали назадъ и впередъ, суетились, кричали безъ цѣли и намѣренія. Одни бросались по разнымъ дорогамъ, другіе вскочили на лошадей, третьи засвѣтили огонь, четвертые толковали между собою, что нѣтъ никакого слѣда и искать напрасно. Нѣкоторые съ любовью подошли къ Альфреду, стараясь его утѣшить; другіе замѣтили ему, что Грацію надо внести въ домъ, и что онъ мѣшаетъ. Онъ ничего не слышалъ и не двигался съ мѣста.

Снѣгъ падалъ густыми хлопьями. Альфредъ поднялъ на минуту голову и подумалъ: какъ кстати этотъ бѣлый пепелъ! онъ застигаетъ мои надежды и несчастіе. Онъ посмотрѣлъ вокругъ на бѣлую равнину и подумалъ: какъ быстро исчезнуть слѣды отъ ногъ Мери, и снѣгъ засыплетъ и это воспоминаніе! Но онъ не чувствовалъ холода и не трогался съ мѣста.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Міръ постарѣлъ шестью годами послѣ этой ночи пріѣзда. Былъ теплый осенній день. Шелъ проливной дождь. Вдругъ солнце глянуло изъ за тучъ, и старое поле битвы весело и ярко засверкало зеленою равниною, блеснуло радостнымъ привѣтомъ, какъ будто зажгли веселый маякъ.

Какъ прекрасенъ былъ ландшафтъ, облитый этимъ свѣтомъ! Какъ весело играли на всѣхъ предметахъ живительные лучи солнца! Мрачная за минуту масса лѣса запестрѣла отливками желтаго, зеленаго, бурога и краснаго цвѣта и разрѣшилась различными формами деревъ, съ каплями дождя, скользящими по листьямъ и, сверкая, падающими на землю. Ярко-зеленый лугъ

какъ будто вспыхнулъ; казалось, минуту тому назадъ онъ былъ слѣпъ и вдругъ прозрѣлъ и любуется свѣтлымъ небомъ. Поля хлѣба, кустарникъ, сады, жилища, купы крышъ, колокольная церква, рѣка, водяная мѣльница, — все, улыбаясь, выступило изъ мрака и тѣни. Весело запѣли птицы, цвѣты подняли свои головки, свѣжій запахъ поднялся изъ оживленной почвы; синева неба разливалась все шире и шире; косвенные лучи солнца прорѣзали мрачную полосу тучъ, медленно удалявшихся за горизонтъ, и радуга въ торжественномъ величїи раскинулась по небу изящнѣйшими цвѣтами.

Близъ дороги, приютившись подъ огромнымъ вязомъ съ ускою скамьею вокругъ толстаго ствола, маленькая гостинница поглядывала на путника весело и привѣтливо, какъ слѣдуетъ подобному заведенію, и соблазнила его нѣмымъ, но краснорѣчивымъ увѣреніемъ въ ждущихъ его здѣсь удобствахъ. Красная вывѣска на деревѣ, сверкая на солнцѣ золотыми буквами, поглядывала на проходящихъ изъ за листьевъ, какъ веселое лицо, и общала хорошее угощеніе. Каждая лошадь, пробѣгая мимо, поднимала уши, почуявши свѣжую воду въ жолобѣ и разсыпанное подъ нимъ пахучее сѣно. Альбя сторы въ нижнемъ этажѣ, и чистые бѣлые занавѣсы въ маленькихъ спальняхъ наверху, манили къ себѣ пробѣжгаго, качаясь по вѣтру. На свѣтлозеленыхъ ставняхъ золотыя надписи говорили о пивѣ, о лучшихъ винахъ и покойныхъ постеляхъ, и тутъ же было трогательное изображеніе кружки портера, вспѣнивашагося черезъ край. На окнахъ въ ярко красныхъ горшкахъ стояли цвѣтущія растения, живо рисовавшіяся на бѣломъ фасадѣ дома; а въ темномъ промежуткѣ дверей сверкали полосы свѣта, отражавшагося на рядахъ бутылокъ и стакановъ.

На порогѣ красовалась почтенная фигура хозяина гостинницы: созданіе коротенькое, но плотное и круглое; онъ стоялъ, заложивши руки въ карманы и разставивши ноги, — именно въ той позѣ, которая ясно говорила, что онъ спокоенъ на счетъ погреба и вообще положительно убѣжденъ въ достоинствѣ своего заведенія, — убѣжденіе тихое и добродѣтельное, неизмѣримо далекое отъ наглаго хвастовства. Чрезмѣрная сырость, сбѣгавшая послѣ дождя каплями со всѣхъ предметовъ, выказывала его съ выгодной стороны. Ничто близъ него не терпѣло жажды. Нѣсколько отяжелѣвшихъ далій, выглядывая изъ за чистогола

его опрятнаго сада, упились, казалось, сколько могли (может быть, даже и немного больше), между тѣмъ, какъ розы, шиповникъ, левкой, растенія на окнахъ, и листья на старомъ деревѣ, были, такъ сказать, только навеселѣ, какъ собесѣдники, незабывшіе умѣренности и только оживившіе свою любезность. Капли; ниспадающія около нихъ на землю, сверкали, какъ веселыя шутки, и, ничего не задѣвая, орошали забытые уголки земли, куда рѣдко проникаетъ дождь.

Этой деревенской гостинницѣ дано, при ея основаніи, необыкновенное имя: «Терка». Подъ этимъ хозяйственнымъ названіемъ, на той же яркой вывѣскѣ на деревѣ и такими же золотыми буквами было написано: «гостинница Бенджамина Бритна».

Взглянувши еще разъ, повнимательнѣе, въ лицо хозяину, вы увѣрились бы, что на порогѣ стоитъ никто другой, какъ самъ Бенджаминъ Бритнъ, измѣнившійся соответственно протекшему времени, но къ лучшему: особа очень почтенная.

— Мистриссъ Бритнъ, сказалъ онъ, поглядывая на дорогу, — что-то запоздала. Пора уже чай пить.

Такъ какъ мистриссъ Бритнъ не являлась, такъ онъ отъ нечего дѣлать вышелъ на дорогу, посмотрѣлъ на домъ и остался, кажется, очень доволенъ. «Заведеніе именно такое, сказалъ онъ: — въ какомъ бы я самъ остановился, если бы не я его содержалъ».

Оттуда онъ побрелъ къ частоколу сада и взглянулъ на далии. Онѣ смотрѣли на него уныло, повѣсивши сонныя головки, — и вдругъ подымали ихъ, покачивая, когда сбѣгала съ нихъ тяжелая капля дождя.

— За вами надо присмотрѣть, сказалъ Бритнъ. — Не забыть бы сказать ей объ этомъ. Что это она такъ долго не ѣдетъ!

Благовѣрная половина мистера Бритна была до такой степени лучшею его половиной, что онъ безъ нея былъ рѣшительно существо несчастное и безпомощное.

— А кажется, и дѣла то немного, продолжалъ онъ: — закупить кое-что на рынокѣ... А! вотъ она, наконецъ.

На дорогѣ задребезжала повозка, управляемая мальчикомъ; въ ней сидѣла полновѣсная женская фигура; за ней сушился распушенный насквозь промокшій зонтикъ, а впереди голыя руки обнимали корзину, стоящую у нея на колѣняхъ; нѣсколько другихъ корзинъ и узелковъ лежали кучами вокругъ нея; на

лицѣ ея изображалось что-то свѣтло-добродушное, и въ движеніяхъ была видна какая-то самодовольная неловкость, когда она покачивалась отъ движенія экипажа, уже издали пахнущаго древностью. Это впечатлѣніе не уменьшилось при приближеніи экипажа, и когда онъ остановился у дверей «Терки», изъ него выскочила пара башмаковъ, проворно скользнула между распростертыхъ рукъ мистера Бритна и ошутительно тяжело ступила на дорожку; эти башмаки едва ли могли принадлежать комунибудь, кромѣ Клеменси Ньюкомъ.

И дѣйствительно, они принадлежали ей: это она въ нихъ стояла, свѣжее, краснощокое созданіе, съ такою же жирно-лоснящеюся физиономіей, какъ и прежде, но уже съ здоровыми локтями, на которыхъ образовались даже мягкія ямочки.

— Долго вы ѣздили, Клемми! сказалъ Бритнъ.

— Боже мой, посмотрите, сколько было дѣла, Бенъ! отвѣчала она, заботливо присматривая, чтобы корзинки и узелки были перенесены въ домъ въ цѣлости. — Восемь, девять, десять, — а гдѣ жъ одиннадцатый? Ихъ было одиннадцать; а, вотъ онъ! — ну, хорошо. Отложи лошадь, Гарри, да если она опять закашляетъ, такъ подмѣшай ей на ночь въ кормъ подогрѣтыхъ отрубей. Восемь, девять, десять. А гдѣ жъ одиннадцатый? Да, бишь, я и позабыла, всѣ тутъ. Что дѣти, Бенъ?

— Слава Богу, Клемми, здоровы.

— Господь съ ними! сказала мистриссъ Бритнъ, снимая шляпку, потому-что они вошли уже въ комнату, и приглаживая волосы ладонями. — Поцалуй же меня.

Мистеръ Бритнъ успѣшилъ исполнить ея желаніе.

— Кажется, сказала мистриссъ Бритнъ, опустошая свои карманы, т. е. выгружая изъ нихъ огромную кучу тетрадочекъ съ загнутыми углами и скомканныхъ бумажекъ: — кажется, все сдѣлано. Счеты сведены, — рѣпа продана, — пивоваровъ счетъ тоже повѣренъ и заплаченъ, — трубки заказаны, — семнадцать фунтовъ внесены въ банкъ, — это какъ разъ, сколько мы были должны доктору Гитфильду за маленькую Клемъ, — вы догадываетесь, докторъ Гитфильдъ опять не хотѣлъ ничего взять, Бенъ.

— Я такъ и думалъ, отвѣчалъ Бритнъ.

— Да, не хотѣлъ. Говорить, какое бы у васъ ни было семейство, я не хочу вводить васъ въ издержки ни на полпенни. Хоть будь у васъ два десятка дѣтей.

Лицо Бритна приняло серьёзное выраженіе, и онъ пристально устремилъ глаза въ стѣну.

— Вѣдь это отъ него очень любезно? сказала Клеменси.

— Да, отвѣчалъ Бритнъ. — Только я ни въ какомъ случаѣ не употреблю во зло его доброты.

— Конечно, нѣтъ, сказала Клеменси. — Да вотъ еще за клепера 8 фунтовъ 2 шиллинга. Вѣдь это недурно, а?

— Цѣна хороша, отвѣчалъ Бенъ.

— Очень рада, что угодила вамъ! Я знала это напередъ. Кажется, все? ваша, et cetera, Клеменси Бритнъ, во всемъ отдала отчетъ. Ха, ха, ха! Вотъ, возьмите спрячьте всѣ эти бумаги. Ахъ, постойте на минуту! Вотъ какое-то печатное объявленіе; можно его повѣсить на стѣну. Прямо изъ типографіи, еще со-всѣмъ сырое; что за чудесный запахъ!

— Что это такое? спросилъ Бенъ, разсматривая листъ.

— Не знаю, отвѣчала жена. — Я не прочла ни слова.

— «Будетъ продано съ аукціона», прочелъ хозяинъ Терки, «если предварительно не заключать какой нибудь частной сдѣлки».

— Они всегда такъ пишутъ, замѣтила Клеменси.

— Да не всегда пишутъ вотъ это, продолжалъ онъ: — посмотрите: «господскій домъ, и прочее — службы, и прочее — усадьбы, и прочее — мистеры Снитчей и Краггсъ, и прочее — все убранство и мебель свободнаго отъ долговъ незаложеннаго имѣнія Мейкля Уардена, намѣревающагося остаться еще на жительствѣ за границей.

— Еще жить за границей! повторила Клеменси.

— Вотъ, посмотрите! сказалъ Бритнъ.

— А я еще сегодня слышала, какъ въ старомъ домѣ поговаривали, что скоро жлутъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ объ ней извѣстій! сказала Клеменси, печально качая головою и почесывая локти, какъ будто воспоминаніе о прошломъ времени пробудило и старыя ея привычки. — Боже мой! Какъ это огорчить ихъ, Бенъ!

Мистеръ Бритнъ вздохнулъ, покачалъ головой и сказалъ, что онъ тутъ ничего не понимаетъ, и уже давно отказался отъ надежды понять что нибудь. Съ этими словами онъ занялся прикрѣпленіемъ афиши къ оконницѣ, а Клеменси, постоявши

иѣсколько минутъ въ молчаливомъ раздумьи , вдругъ встрепенулась , прояснила озабоченное чело и пошла посмотрѣть дѣтей.

Хозяинъ Терки очень любилъ и уважалъ свою хозяйку , но все таки по старому , съ примѣсю чувства своего превосходства и покровительства. Она очень его забавляла. Ничто въ мірѣ не удивило бы его такъ сильно , какъ если бы онъ узналъ навѣрное , отъ третьяго лица , что это она управляетъ всѣмъ домомъ , и что онъ человѣкъ съ достаткомъ только по милости ея неуспяной распорядительности , честности и умѣнья хозяйничать. Такъ легко намъ , во всякой періодъ жизни , — это подтверждаютъ факты , — цѣнить ясныя , не щеголяющія своими достоинствами натуры не дороже того , во что цѣнятъ они сами себя ; и какъ понятно , что люди воображаютъ иногда , что ихъ привлекаетъ оригинальность или странность человѣка , тогда какъ истинныя его достоинства , если бы хотѣли въ нихъ всмотрѣться , заставили бы насъ покраснѣть отъ сравненія.

Бритнъ наслаждался , считая женитьбу съ своей стороны снисхожденіемъ. Клеменси была для него постояннымъ свидѣтельствомъ доброты его сердца и нѣжности души ; она была прекрасная жена , и онъ считалъ это подтвержденіемъ стараго правила , что добродѣтель сама себя награда.

Бритнъ окончательно прилѣпилъ объявленіе и подошелъ къ шкафу спрятать записки о дневныхъ распоряженіяхъ жены , — все это время посмѣиваясь надъ ея способностію къ дѣламъ , — когда вошла Клеменси съ извѣстіемъ , что оба маленькіе Бритна играютъ въ сараѣ подъ надзоромъ Бэтси , а маленькая Клемъ спитъ «какъ картинка». За тѣмъ мистриссъ Бритнъ сѣла за маленькій столикъ разливать чай. Комната была небольшая , чистая , съ обычною коллекціей бутылокъ и стакановъ ; на стѣнѣ вѣрные часы , не ошибавшіеся и на минуту , показывали половину шестого ; все было на своемъ мѣстѣ , вычищено и отполировано до нельзя.

— За весь день сажусь въ первый разъ , сказала мистриссъ Бритнъ съ глубокимъ вздохомъ , какъ будто сѣла ночевать ; но тотчасъ же опять встала подать мужу чай и приготовить тартинку. — Какъ это объявленіе напоминаетъ мнѣ старое время!

— А! произнесъ Бритнъ , распорядялся съ блюдечкомъ и налитымъ въ него чаемъ , какъ съ устрицей въ раковинѣ.

— Изъ за этого самого мистера Мейкля Уардена лишилась я своего мѣста, сказала Клеменси, покачивая головою на объявленіе о продажѣ.

— И нашли мужа, прибавилъ Бритнъ.

— Да! за это спасибо ему, отвѣчала Клеменси.

— Человѣкъ — рабъ привычки, сказалъ Бритнъ, глядя на жещу черезъ чашку. Я какъ-то привыкъ къ вамъ, Клемъ, и замѣтилъ, что безъ васъ какъ-то неловко. Вотъ мы и женились. Ха, ха! Мы! кто бы это могъ подумать!

— Да, ужь въ самомъ дѣлѣ! воскликнула Клеменси. — Это было съ вашей стороны очень великодушно, Бенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Бритнъ съ видомъ самоотверженія. — Не стѣитъ и говорить объ этомъ.

— Какъ не стѣитъ, простодушно продолжала жена: — я вамъ очень этимъ обязана. О! — она опять взглянула на объявленіе, — когда узнали, что она убѣжала, что ужь и догнать ее нельзя, я не выдержала, рассказала все, что знаю, — ради нихъ же и ради ихъ Мери; ну, скажите, можно ли было удержаться не говорить?

— Можно или не можно, все равно, вы рассказали, замѣтилъ мужъ.

— И докторъ Джедлеръ, продолжала Клеменси, ставя на столъ чашку и задумчиво глядя на объявленіе: — въ сердцахъ и съ горя, выгналъ меня изъ дома! Никогда ничему въ жизни не была я такъ рада, какъ тому, что не сказала ему тогда ни одного сердитаго слова; да я и не сердилась на него. Послѣ онъ самъ въ этомъ раскаялся. Какъ часто сиживалъ онъ послѣ того здѣсь, въ этой комнатѣ, и не переставалъ увѣрять меня, что это ему очень прискорбно! — еще недавно, — да, вчера, когда васъ не было дома. Какъ часто разговаривалъ онъ здѣсь со мною по цѣлымъ часамъ то о томъ, то о другомъ, притворяясь, что это его интересуетъ, — а все только за тѣмъ, чтобы поговорить о прошедшемъ, да потому, что знаетъ, какъ она меня любила!

— Ого! да какъ это вы замѣтили? спросилъ мужъ, удивленный, что она ясно увидѣла истину, когда эта истина не выказывалась ей ясно.

— Сама, право, не знаю, отвѣчала Клеменси, подувши на чай. — Дайте мнѣ хоть сто фунтовъ, такъ не стѣмью рассказать.

Бритнъ вѣроятно продолжалъ бы изслѣдованіе этого метафизическаго вопроса, если бы она не замѣтила на этотъ разъ очевиднаго факта: за мужемъ ея, на порогѣ, стоялъ джентльменъ, въ траурѣ, одѣтый и обутый, какъ верховой. Онъ слушалъ, казалось, ихъ разговоръ и не намѣренъ былъ прерывать его.

Клеменси поспѣшно встала. Бритнъ тоже всталъ и поклонился гостю.

— Не угодно ли вамъ взойти на верхъ, сэръ? Тамъ есть очень хорошая комната, сэръ.

— Благодарю васъ, сказалъ незнакомецъ, внимательно вглядываясь въ жену Бритна. — Можно сюда войти?

— Милости просимъ, если вамъ угодно, сэръ, отвѣчала Клеменси. — Что прикажете?

Объявленіе бросилось въ глаза незнакомцу; онъ принялся читать его.

— Прекрасное имѣніе, сэръ, замѣтилъ Бритнъ.

Онъ не отвѣчалъ, но кончивши чтеніе, обернулся и устремилъ взоръ на Клеменси съ тѣмъ же любопытствомъ и вниманіемъ.

— Вы спрашивали меня, сказалъ онъ, все продолжая глядѣть на нее....

— Не прикажете ли чего нибудь, сэръ? договорила Клеменси, тоже взглянувши на него украдкою.

— Позвольте попросить кружку пива, сказалъ онъ, подходя къ столу у окна: — и позвольте мнѣ выпить ее здѣсь; только, пожалуйста, продолжайте пить вашъ чай.

Онъ сѣлъ, не распротрапясь больше, и началъ глядѣть въ окно. Это былъ статный человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Загорѣлое лицо его осыпали густые черные волосы, и усы. Когда подали ему пиво, онъ налилъ себѣ стаканъ и выпилъ за благоденствіе дома; ставя стаканъ на столъ, онъ спросилъ:

— А что, это новый домъ?

— Не совсѣмъ-то и новый, отвѣчалъ Бритнъ.

— Ему лѣтъ пять или шесть, прибавила Клеменси, ясно выговаривая каждое слово.

— Кажется, вы говорили о докторѣ Джеддлерѣ, когда я вошелъ? спросилъ незнакомецъ. — Это объявленіе напоминаетъ мнѣ объ немъ; я кое что слышалъ объ этой исторіи отъ знакомыхъ. Что, старикъ живъ еще?

— Живъ, отвѣчала Клеменси.

— И много измѣнился?

— Съ какихъ поръ, сэръ? спросила Клеменси замѣчательно выразительнымъ тономъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ — ушла дочь его.

— Да! съ тѣхъ поръ онъ очень измѣнился, отвѣчала Клеменси: — посѣдѣлъ и постарѣлъ, — совсѣмъ ужь не тотъ, что прежде; впрочемъ, теперь, я думаю, онъ счастливъ. Съ тѣхъ поръ онъ сошелся съ сестрой и ходитъ къ ней каждый день. Это очевидно ему въ пользу. Сначала онъ былъ, какъ убитый; сердце обливается, бывало, кровью, какъ посмотришь, какъ онъ бродитъ и подсмѣивается надъ свѣтомъ; но годъ или два спустя онъ какъ-то оправился, началъ съ удовольствіемъ поговаривать о потерянной дочери, хвалить ее, — и даже хвалить свѣтъ! Со слезами на глазахъ, бывало, все говоритъ, какъ хороша и добра она была. Онъ простилъ ее. Это было около того времени, какъ миссъ Грація вышла замужъ. Помните, Бритнъ?

Бритнъ помнилъ все это очень хорошо.

— Такъ сестра ея вышла за мужъ? спросилъ незнакомецъ и, помолчавши немного, прибавилъ: за кого?

Клеменси чуть не опрокинула столика, при этомъ вопросѣ.

— Развѣ вы не знаете? сказала она.

— Хотѣлось бы узнать, отвѣчалъ онъ, наполняя стаканъ и поднося его къ губамъ.

— Да вѣдь если рассказывать обстоятельно, — длинная исторія, сказала Клеменси, подиерши подбородокъ лѣвою рукою, а локоть лѣвой руки правою; она покачала головою и смотрѣла, казалось, сквозь рядъ минувшихъ годовъ. — Да, длинная исторія.

— Можно рассказать ее вкратцѣ, замѣтилъ незнакомецъ.

— Вкратцѣ, повторила Клеменси все тѣмъ же задумчивымъ тономъ, по видимому вовсе не относясь къ гостю и не сознавая присутствія слушателей. — Что тутъ рассказывать? Что они грустили и вспоминали объ ней вмѣстѣ, какъ объ умершей, — что они любили ее такъ ищжно, не упрекали ее, находили даже для нея оправданія? это знаютъ всѣ. Больше меня никто въ этомъ не увѣренъ, прибавила она, отирая глаза рукою.

— Потомъ, — сказалъ незнакомецъ.

— Потомъ, сказала Клеменси, механически продолжая фразу и неизмѣняя своего положенія: — они женились. Свадьбу сыг-

рали въ день ея рожденія, — завтра какъ разъ опять этотъ день, — тихо, безъ шуму, но за то они счастливы. Какъ-то вечеромъ они гуляли въ саду; мистеръ Альфредъ и говоритъ: «Грація! пусть наша свадьба будетъ въ день рожденія Мерн.» Такъ и сдѣлали.

— И они живутъ счастливо? спросилъ незнакомецъ.

— О, какъ никто въ мірѣ, сказала Клеменси. — Только эта одна и есть у нихъ печаль.

— Клеменси подняла голову, какъ будто вдругъ вспомнила, при какихъ обстоятельствахъ она вспоминаетъ прошлое. Она быстро взглянула на гостя; видя, что онъ оборотился лицомъ къ окну и внимательно смотритъ на дорогу, она начала дѣлать мужу выразительные знаки, указывая на объявленіе и шевеля губами, какъ будто съ жаромъ повторяетъ ему одно и тоже слово или фразу. Но такъ какъ она не произносила ни одного звука, и нѣмые жесты ея, какъ всѣ вообще ея движенія, были очень необыкновенны, — такое непонятное поведеніе довело Бритна почти до отчаянія. Онъ поглядывалъ то на столъ, то на гостя, то на ложки, то на жену, слѣдилъ за ея мантоминою съ выраженіемъ глубочайшаго недоумѣнія, спрашивалъ ее на томъ же языкѣ, не въ опасности ли имущество ихъ, или онъ, или она, отвѣчалъ на ея знаки другими знаками, выражавшими крайнее замѣшательство, взглядывался въ движеніе ея губъ, изъяснялъ его вполголоса на разные манеры: «молоко и карты,» «мелко и жарко,» — и никакъ не могъ приблизиться къ истинѣ.

Клеменси перестала, наконецъ, дѣлать знаки, убѣдившись, что это бесполезно; она понемножку подвигала стулъ свой къ гостю, смотрѣла какъ будто въ полъ, а между тѣмъ, поглядывала на него по временамъ очень зорко и ждала, что онъ спроситъ еще о чемъ нибудь. Онъ не долго заставилъ ее ждать.

— А что же потомъ было съ той, которая бѣжала? Вѣроятно вы это знаете?

Клеменси покачала головою.

— Слышала, сказала она, — что доктору Джеддлеру извѣстно объ этомъ больше, нежели онъ говоритъ. — Миссъ Грація получала отъ нея письма: пишетъ, что она здорова и счастлива и что стала еще счастливѣе, узнавши, что сестра вышла за мисте-

ра Альфреда. Но жизнь и судьба ея покрыты какою-то тайною, которая до сихъ поръ не объяснилась, и которую....

Она остановилась.

— И которую, — повторилъ незнакомецъ.

— Которую можете, я думаю, объяснить только одинъ человекъ, сказала Клеменси.

— Ктожь бы это могъ быть? спросилъ гость.

— Мистеръ Мейклъ Уарденъ! отвѣчала Клеменси, почти вскрикнувши и въ одно и тоже время объясняя мужу, что хотѣла она ему сказать знаками, и давая знать Уардену, что онъ узналъ.

— Вы помните меня, сэръ, сказала Клеменси, дрожа отъ внутренняго волненія: — да, я это вижу; помните, ночью, въ саду, — я была съ нею!

— Да, вы были съ нею, сказалъ онъ.

— Да, сэръ, продолжала Клеменси: — да, безъ всякаго сомнѣнія. Это мужъ мой, съ вашего позволенія. Бенъ, душа моя Бенъ, бѣги къ миссъ Граціи, бѣги къ мистеру Альфреду, бѣги куда нибудь, Бенъ! приведи сюда кого нибудь, скорѣй!

— Пойдите! сказалъ Уарденъ, спокойно становясь между дверью и Бритномъ. — Что вы хотите сдѣлать?

— Дать знать, что вы здѣсь, сэръ, отвѣчала, Клеменси, всплеснувши руками: — сказать имъ, что они могутъ узнать объ ней лично отъ васъ, что она не совсѣмъ для нихъ потеряна, что она возвратится домой благословить отца и любящую дочь, — и даже старую служанку свою (она ударила себѣ въ грудь обѣими руками), — даже и меня, и дать мнѣ взглянуть на ея милое личико. Бѣги, Бенъ, бѣги! — И она все тѣснила его къ дверямъ и мистеръ Уарденъ все заслонялъ ему дорогу, протянувши руку, не съ сердитымъ, но съ печальнымъ видомъ.

— Или, можете быть, сказала Клеменси, бросаясь мимо мужа и задѣвши за Уардена: — можете быть, она здѣсь, съ вами. Я это вижу по васъ. Дайте на нее взглянуть, сэръ. Я ходила за ней, когда она была еще ребенкомъ, на моихъ глазахъ она выросла и сдѣлалась первою красавицей во всемъ околдкѣ. Я знала ее, когда она была невѣстой мистера Альфреда. Я старалась предостеречь ее, когда вы манили ее съ собою. Я знаю, что былъ старый домъ ея, когда она была его душою, и какъ

измѣнился онъ, когда она бѣжала. Дайте мнѣ поговорить съ ней!

Онъ смотрѣлъ на нее съ состраданіемъ и не безъ удивленія, но ни однимъ жестомъ не изъявлялъ своего согласія.

— Я думаю, продолжала Клеменси:— она не можетъ знать, какъ чистосердечно они ее простили, какъ они ее любятъ, что за радость была бы для нихъ увидѣть ее еще разъ! Она, можетъ быть, боится притти къ нимъ въ домъ. Можетъ быть, увидѣвши меня, она будетъ смѣлѣе. Скажите только правду, мистеръ Уарденъ: съ вами она?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, качая головою. Этотъ отвѣтъ, всѣ его приемы, черное платьѣ, это быстрое возвращеніе, при объявленномъ намѣреніи продолжить пребываніе за границей, — объяснили все: Мери не было въ живыхъ.

Онъ не отрицалъ этого; да, ее уже не было! Клеменси упала на стулъ, прилегла лицомъ къ столу и зарыдала.

Въ эту минуту вбѣжалъ въ комнату, едва переводя духъ, сѣдой, пожилой джентльменъ; онъ такъ запыхался, что по голосу едва можно было узнать въ немъ мистера Снитчей.

Господи Боже мой, мистеръ Уарденъ! сказалъ адвокатъ, отводя его въ сторону: — какой вѣтеръ.... (онъ поневодѣ остановился и перевелъ духъ....) занесъ васъ сюда?

— Неблагопріятный, я думаю, отвѣчалъ онъ. — Если бы вы слышали, что тутъ сейчасъ было! — какъ отъ меня требовали невозможнаго! — что за тревоги и печаль являются всюду со мною!

— Могу себѣ вообразить. Только за чѣмъ вы пришли сюда, сэръ? спросилъ Снитчей.

— Какъ! Почему я зналъ, кто содержитъ гостинницу? Поставивъ къ вамъ моего слугу, я вошелъ сюда, потому-что эта гостинница была для меня незнакома; меня естественно все, и старое и новое, занимаетъ на этой старой сценѣ моей жизни; и мнѣ хотѣлось переговорить съ вами внѣ города, прежде, нежели явиться туда. Мнѣ хотѣлось узнать, какъ тамъ меня примутъ. Я вижу по вашимъ приѣмамъ, что вы можете мнѣ сказать это. Если бы не ваша проклятая осторожность, такъ я уже давно былъ бы обо всемъ извѣщенъ.

— Осторожность! повторилъ адвокатъ. — Я говорю за себя и Крагтса, — покойнаго (мистеръ Снитчей посмотрѣлъ на лен-

ту на своей шляпѣ и покачалъ головою) — можете ли вы оуждать насъ, мистеръ Уарденъ? Мы съ вами условились никогда не касаться болѣе этого предмета, — и притомъ, такимъ степеннымъ людямъ, какъ мы (я тогда же записалъ ваши слова), нечего виѣшиваться въ это дѣло. Осторожность! Когда мистеръ Краггсъ сошелъ въ могилу, твердо увѣренный....

— Я далъ торжественное обѣщаніе молчать, пока не возвращусь, когда бы это ни случилось, прервалъ его Уарденъ: — и я сдержалъ слово.

— Да, сэръ, и я повторяю, что и мы были обязаны молчать, возразилъ Снитчей. — Этого требовалъ долгъ нашъ въ отношеніи къ себѣ самимъ и къ нашимъ клиентамъ, въ числѣ ихъ и къ вамъ, молчаливому, какъ могила. Не намъ было спрашивать объ такомъ щекотливомъ предметѣ. И кое-что подозрѣвалъ, сэръ, но нѣтъ еще и полугода, какъ я узналъ истину, и увѣрился, что вы ее потеряли.

— А отъ кого вы это узнали? спросилъ клиентъ.

— Отъ самого доктора Джедлера, сэръ, который, наконецъ, добровольно сообщилъ мнѣ это извѣстіе. Онъ, — и только онъ одинъ, — зналъ всю истину, уже нѣсколько лѣтъ.

— И вы ее знаете? сказалъ Уарденъ.

— Да, сэръ! Знаю даже, что завтра ввечеру расскажутъ все и сестрѣ ея. Они обѣщали ей это. А между тѣмъ, не угодно ли вамъ почтить мой домъ вашимъ пребываніемъ? Вѣдь дома васъ не ждутъ. Только, во избѣжаніе разныхъ затрудненій, въ случаѣ васъ узнаютъ, — хоть вы и очень перемѣнились, — я самъ, кажется, не узналъ бы васъ, мистеръ Уарденъ, — отобѣдаемъ лучше здѣсь, и пойдемъ ввечеру. Здѣсь очень хорошо можно пообѣдать, и на вашей землѣ, мимоходомъ замѣтить. Я и покойный Краггсъ обѣдывали тутъ иногда, и всегда оставались довольны. Мистеръ Краггсъ, сэръ, сказалъ Снитчей, зажмуривши глаза на минуту и опять ихъ открывши: — исключенъ изъ списка живыхъ слишкомъ рано.

— Боже сохрани, чтобы я не раздѣлялъ вашего прискорбія, сказалъ Уарденъ, поведши рукою по лбу: — но я теперь точно во снѣ. Не могу ничего разсудить ясно. Мистеръ Краггсъ, — да, — мнѣ очень жаль, что мы потеряли мистера Краггса.

Но говоря это, онъ смотрѣлъ на Клеменси и симпатизировалъ, казалось, съ угѣшавшимъ ее Бритномъ.

— Мистеръ Краггсъ, сэръ, замѣтилъ Снитчей: — вѣроятно нашель, что жить и сохранить жизнь не такъ легко, какъ вышло по его теоріи; иначе онъ былъ бы теперь среди насъ. Для меня это большая потеря. Онъ былъ моя правая рука, правая нога, правое ухо, правый глазъ. Безъ него я калѣка. Онъ за-вѣщалъ свою часть въ нашей Компаніи мистриссъ Краггсъ, подъ вѣдѣніемъ ея кураторовъ, опекуновъ и душеприкащиковъ. Фирма хранить его имя и до сихъ поръ. Я, какъ дитя, стараюсь иногда увѣрить себя, что онъ еще живъ. Замѣтите, я говорю за себя и Краггса, — покойнаго, сэръ, — покойнаго, сказала чувствительный адвокатъ, развертывая носовой платокъ.

Мейклъ Уарденъ, наблюдавшій все это время Клеменси, обратился къ Снитчею, когда тотъ замолчалъ, и шепнулъ ему что-то на ухо.

— А, бѣдняжка! сказалъ Снитчей, качая головою. — Да, она была очень предава Мери. Она была отъ нея просто безъ ума. Милая Мери! бѣдная Мери! — Утѣшьте, мистриссъ, — теперь вы замужемъ, какъ вамъ извѣстно, Клеменси.

Клеменси только вздохнула и покачала головой.

— Подождите до завтра, ласково сказалъ ей адвокатъ.

— Завтрашній день, не воскреситъ мертвыхъ, мистеръ, отвѣчала Клеменси, всхлипывая.

— Конечно, нѣтъ; иначе онъ воскресилъ бы мистера Краггса, продолжалъ адвокатъ. — Но онъ можетъ принести съ собою кое-что отрадное, можетъ принести утѣшеніе. Подождите до завтра!

И Клеменси согласилась съ нимъ, пожавши его руку. Бритнъ, котораго отчаяніе жены (это обстоятельство было для него не легче летки) едва не уничтожило, одобрилъ это мнѣніе. Снитчей и Уарденъ пошли на верхъ и скоро завязали тамъ разговоръ, но такъ осторожно, что говора ихъ рѣшительно не было слышно въ кухнѣ за стукомъ блюде и тарелокъ, шипѣніемъ сковороды, ворчаніемъ кострюль, монотоннымъ вальсомъ вертѣла — съ ужаснымъ взвизгиваніемъ при каждомъ оборотѣ, — и за другими приготовленіями къ ихъ обѣду.

Слѣдующій день былъ ясенъ и тихъ; нигдѣ осень не пестрѣла такими очаровательными красками, какъ въ саду доктора. Снѣгъ многихъ зимъ стоялъ съ этой почвы и прошумѣли листья многихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ бѣжала Мери. Опять зазе-

ленѣли надъ дверьми каприфолин, деревья бросали на траву мягкую дрожащую тѣнь, ландшафтъ былъ спокоенъ и свѣтелъ по прежнему. Но гдѣ же была она?

Не здѣсь, не здѣсь. Странно было бы видѣть ее теперь въ этомъ старомъ домѣ, какъ странно было, въ первое время, видѣть этотъ домъ безъ нея. Но въ домашнемъ уголку сидѣла женщина, сердце которой не разставалось съ Мери; Мери жила въ ея вѣрной памяти неизмѣнная, юная, полная надеждъ; ее никто не замѣнилъ въ этомъ сердцѣ; а оно принадлежало теперь матери: возлѣ нея играла малютка дочь, — и имя Мери дрожало на нѣжныхъ губахъ матери.

Отсутствующая Мери какъ будто жила во взорѣ Граціи, сидѣвшей съ мужемъ въ саду, въ день своей свадьбы, въ день рожденія его и Мери.

Онъ не сдѣлался великимъ человекомъ, не разбогатѣлъ, не забылъ друзей и дѣта юности, — онъ не оправдалъ ни одного изъ предсказаній доктора. Но терпѣливо носѣщая хижины бѣдныхъ, проводя ночи у изголовья больного, ежедневно творя добро и разсыпая ласки, эти цвѣты на глухой тропинкѣ жизни, которые не вянутъ подъ тяжелою ногою бѣдности, но встаютъ съ эластическою силою и украшаютъ путь ея, — онъ съ каждымъ годомъ все больше и больше убѣждался въ своемъ старомъ вѣрованіи. Образъ его жизни, тихій и уединенный, показавъ ему, что люди и теперь еще, какъ въ старое время, бесѣдуютъ съ ангелами, сами того не зная, — и что самые невзрачные, даже самые безобразные и покрытые рубищемъ, просвѣтляются, такъ сказать, горемъ и несчастіемъ и вѣнчаются ореоломъ бѣдствія.

Жизнь его была полезнѣе на измѣнившемся полѣ битвы, чѣмъ если бы онъ неутомимо бросился на болѣе блестящее поприще; и здѣсь онъ былъ счастливъ съ своею женою, Граціею.

А Мери? Неужели онъ забылъ ее?

Они разговаривали о ночи бѣгства.

— Время съ тѣхъ поръ летѣло, милая Грація, сказалъ онъ: — а кажется, какъ давно это было! Мы считаемъ время не годами, а событіями и перемѣнами внутри насъ.

— А цѣлые года прошли съ тѣхъ поръ, какъ Мери нѣтъ съ нами, возразила Грація. — Сегодня въ шестой разъ сидимъ мы здѣсь въ день ея рожденія и бесѣдуемъ о счастливой минутѣ

ея возвращенія, такъ долго ожидаемой и такъ долго отклады-
ваемой. О, когда-то она наступить!

Глаза ея наполнились слезами; мужъ наблюдалъ ее внима-
тельно и, придвинувшись къ ней ближе, сказалъ:

— Но вѣдь Мери написала тебѣ въ прощальномъ письмѣ,
которое оставила у тебя на столѣ, душа моя, и которое ты такъ
часто перечитываешь, что она *не можетъ* возвратиться раньше,
какъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Не такъ ли?

Грація достала съ груди письмо, поцаловала его и сказа-
ла: да.

— И что, какъ бы счастлива ни была она въ продолженіи
этихъ лѣтъ, она все будетъ думать о минутѣ, въ которую сно-
ва увидится съ тобою, и когда все объяснится,—и что она про-
ситъ и тебя не терять этой надежды. Вѣдь такъ она писала, не
правда ли?

— Да.

— И тоже повторяла она во всякомъ письмѣ?

— Исключая послѣдняго, что получено нѣсколько мѣся-
цовъ тому назадъ: въ немъ она говоритъ о тебѣ, о томъ, что
тебѣ уже извѣстно, и что я должна узнать сегодня ввечеру.

Онъ посмотрѣлъ на солнце, которое уже склонилось на за-
падъ, и сказалъ, что назначенное для того время—захожденіе
солнца.

— Альфредъ! сказала Грація, положивши руку на плечо
мужа.—Въ этомъ первомъ письмѣ, которое я такъ часто пере-
читываю, есть что-то, о чемъ я никогда тебѣ не говорила.
Но теперь, въ минуту, когда вся наша жизнь какъ будто успо-
коивается вмѣстѣ съ заходящимъ солнцемъ, я не могу молчать
дальше.

— Что же это такое, душа моя?

— Оставляя насъ, Мери написала мнѣ, между прочимъ, что
нѣкогда ты поручилъ ее мнѣ какъ священный залогъ для хра-
ненія, и что теперь она точно также ввѣряетъ тебя мнѣ; она
просила и умоляла меня, если я люблю ее, если люблю тебя, не
отвергнуть любви твоей, которая, какъ она полагала (или зна-
ла, по ея выраженію) обратится ко мнѣ, когда заживетъ рана
сердца. Она просила меня отвѣтить тебѣ любовью на любовь.

— И сдѣлать меня опять гордымъ своимъ счастьемъ чело-
вѣкомъ? Не такъ ли она сказала?

— Нѣтъ : ошастливить *меня* твоею любовью, отвѣчала она , припавши на грудь мужа.

— Послушай , душа моя ! сказалъ онъ. — Нѣтъ, оставайся такъ , — прибавилъ онъ, прижавши къ своему плечу голову, которую она было подняла. — Я знаю, почему ты до сихъ поръ не говорила мнѣ объ этомъ мѣстѣ въ ея письмѣ. Знаю, почему и слѣда его не было замѣтно ни въ словахъ твоихъ, ни во взорахъ. Знаю, почему Грація, мой вѣрный другъ, съ такимъ трудомъ согласилась быть моею женою. И именно по этому-то знаю я, какъ неоцѣненно сердце, которое прижимаю я теперь къ груди моею, и благодарю Бога за такое сокровище !

Онъ прижалъ ее къ своему сердцу, и она заплакала, но слезами упоенія. Черезъ минуту онъ взглянулъ на дитя, игравшее у ногъ ихъ съ корзиною цвѣтовъ, и попросилъ его посмотрѣть на пурпуръ и золото заходящаго солнца.

— Альфредъ, сказала Грація, быстро поднявши голову, при этихъ словахъ : — солнце заходитъ. Ты не забудь, что должна я узнать до его захода.

— Ты должна узнать истинную исторію Мери, душа моя, отвѣчалъ онъ.

— Всю истину, сказала она умоляющимъ голосомъ. — Чтобы ничего больше не было отъ меня скрыто. Такъ было мнѣ обѣщано. Не правда ли ?

— Да.

— До захода солнца въ день рожденія Мери. Видишь, Альфредъ, оно почти уже заходитъ.

Онъ обнялъ ее и, пристально глядя ей въ глаза, сказалъ :

— Не я долженъ раскрыть тебѣ эту истину, милая Грація. Ты услышишь ее изъ другихъ устъ.

— Изъ другихъ ! повторила она слабымъ голосомъ.

— Да. Я знаю твердость твоего сердца, знаю твое мужество; слова два пріуготовительныхъ для тебя довольно. Ты сказала правду : часъ насталъ. Скажи мнѣ, что ты теперь въ силахъ вынести испытаніе, сюрпризъ, душевное потрясеніе, — и вѣстникъ ждетъ у входа.

— Какой вѣстникъ ? и какую вѣсть принесть онъ ?

— Я обязался не говорить ничего больше, сказалъ онъ, все еще не сводя съ нея глазъ. — Ты не догадываешься ?

— Боюсь и подумать, отвѣчала она.

Ее пугало волненіе на его лицѣ. Она опять припала къ его плечу, дрожа, и просила его подождать минуту.

— Ободришь, душа моя. Если ты въ силахъ принять вѣстника, — онъ ждетъ. Солнце заходитъ, — сегодня день рожденія Мери. Смѣлѣе, Грація!

Она подняла голову, взглянула на него и сказала, что она готова. Когда она смотрѣла вслѣдъ уходящему Альфреду, она была удивительно похожа на Мери въ послѣднее время передъ ея бѣгствомъ. Альфредъ взялъ дочь съ собою. Она позвала ее назадъ, — малютку звали Мери, — и прижала ее къ груди. Освободившись изъ объятій, малютка побѣжала опять за отцомъ, и Грація осталась одна.

Она сама не знала, чего боится, чего ждетъ, и стояла неподвижно, устремивши глаза на дверь, въ которую они скрылись.

Боже мой! кто это появился и сталъ на порогъ, въ бѣлой одеждѣ, колеблемой вѣтромъ? голова склонилась на грудь отца ея, и онъ прижимаетъ ее съ любовью! Что за видѣніе, вырвавшись изъ рукъ его, съ крикомъ и съ распростертыми объятіями любви бросается ей на шею?

— О, Мери, Мери! О, сестра моя! О, душа души моей! О, невыразимое счастье! Тебя ли вижу я опять?

То былъ не сонъ, не видѣніе — дитя надежды или страха, но сама Мери, милая Мери! до того прекрасная, до того счастливая, несмотря на битву ея жизни, что когда заходящее солнце озарило лицо ее, она походила на ангела, ниспосланнаго на землю для чьего нибудь утѣшенія.

Она приникла къ сестрѣ, опустившейся на скамью и обнявшей ее; она улыбалась сквозь слезы, стоя передъ ней на коленяхъ, обвивши ее руками и не сводя съ нея глазъ. Солнце обливало голову ея торжественнымъ свѣтомъ и ясною типиною вечера. Наконецъ, Мери прервала молчаніе, и спокойный, тихій, ясный, какъ этотъ часъ дня, голосъ ея произнесъ:

— Когда я жила въ этомъ домѣ, Грація, какъ буду жить въ немъ опять,...

— Пстой, душа моя! Одну минуту! О, Мери! Опять слышать твой голосъ,...

Грація не могла сначала вынести звуковъ этого дорогого ея сердцу голоса.

— Когда я жила въ этомъ домѣ, Грація, какъ буду жить въ

немъ опять, я любила Альфреда всею душой, любила его безгранично. Я готова была умереть за него, какъ ни была я молода. Любовь его была выше всего въ мірѣ. Теперь все это уже давно прошло и миновалось, все измѣнилось; но мнѣ не хочется, чтобы ты, которая любишь его такъ искренно, думала, что я не любила его также чистосердечно. Я никогда не любила его такъ сильно, Грація, какъ въ ту минуту, когда онъ простился съ нами на этомъ самомъ мѣстѣ и въ этотъ самый день. Никогда не любила я его такъ сильно, какъ въ ту ночь, когда бѣжала мнѣ отцовскаго дома.

Сестра могла только смотрѣть на нее, крѣпко сжавши ее руками.

— Но онъ, самъ того не зная, павилъ уже другое сердце. прежде жежелы я поняла, что могу подарить ему свое, продолжала Мери съ кроткою улыбкою. — Это сердце, — твое сердце, сестрица, — было такъ полно привязанности ко мнѣ, такъ благородно и безкорыстно, что старалось подавить свою любовь и умѣло скрыть ее отъ всѣхъ, кромѣ меня: мои глаза изощряла признательность! — Это сердце хотѣло принести себя мнѣ въ жертву, но я заглянула въ глубину его и увидѣла его борьбу. Я знала, какъ оно высоко, какъ неоцѣненно оно для него, какъ дорожить онъ имъ, несмотря на всю свою любовь ко мнѣ. Я знала, сколько задолжала я тебѣ, — я ежедневно видѣла въ тебѣ великій примѣръ. Что ты сдѣлала для меня, Грація, — я знала, что и я могу, если захочу, сдѣлать для тебя. Я никогда не ложилась безъ молитвы о совершении этого подвига. Никогда не засыпала я, не вспомнивши слова самого Альфреда, сказанныя имъ въ день отъѣзда: зная тебя, я поняла, какую истину сказалъ онъ, что каждый день на свѣтѣ одерживаются великія побѣды внутри сердець, побѣды, передъ которыми это поле битвы — ничто. Когда я все больше и больше вдумывалась, что каждый день и часъ совершается такая тяжелая битва и чело остается ясно, и никто объ немъ не знаетъ, задуманный подвигъ казался мнѣ все легче и легче. И Тотъ, Кто видитъ въ эту минуту сердца наши и знаетъ, что въ моемъ сердцѣ нѣтъ и капли жолчи или сожалѣнія, что въ немъ одно чистое чувство счастья, Тотъ помогъ мнѣ дать себѣ слово никогда не быть женою Альфреда. Я сказала: пусть будетъ онъ моимъ братомъ, твоимъ мужемъ, если рѣшимость моя доведетъ до этого

счастливаго конца, но я никогда не буду его женою. А я любила его тогда пламенно, Грація!

— Мери, Мери!

— Я старалась показать, что я къ нему равнодушна; но это было тяжело, и ты постоянно говорила въ его пользу. Я хотѣла открыть тебѣ мое намѣреніе, но ты никогда не захотѣла бы выслушать меня и одобрить. Приближалось время его возвращенія. Я чувствовала, что надо на что нибудь рѣшиться, не дожидаясь возобновленія ежедневныхъ сношеній. Я видѣла, что одно великое горе, поразивши насъ разомъ, спасетъ всѣхъ отъ долгой агоніи. Я знала, что если я уйду, все кончится тѣмъ, чѣмъ кончилось, то есть, что обѣ мы будемъ счастливы, Грація! Я написала къ тетускѣ Мартѣ и просила приюта у нея въ домѣ: я не рассказала ей тогда всего, но кое что; и она охотно согласилась принять меня. Когда я обдумывала еще все это, въ борьбѣ съ привязанностью къ отцовскому крову, Уарденъ печально сдѣлался на нѣкоторое время нашимъ гостемъ.

— Этого-то я и боялась въ послѣдніе годы! воскликнула Грація, и лицо ея помертвѣло. Ты никогда не любила его — и вышла за него, принося себя въ жертву мнѣ!

— Тогда, продолжала Мери, крѣпче прижавши къ себѣ сестру: — онъ собирався уѣхать на долгое время. Оставивши нашъ домъ, онъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ описалъ свое состояніе, свои виды въ будущемъ, и предложилъ мнѣ свою руку. По его словамъ, онъ видѣлъ, что ожиданіе приѣзда альфредова меня не радуетъ. Онъ думалъ, что сердце мое не участвуетъ въ данномъ мною словѣ, думалъ, можетъ быть, что я любила его когда-то, и потомъ разлюбила, и считалъ, можетъ быть, мое равнодушіе непритворнымъ — не знаю навѣрное; но я желаю, чтобы въ вашихъ глазахъ я была совершенно потеряна для Альфреда, потеряна безвозвратно, мертва. Понимаешь ли ты меня, милая Грація?

Грація пристально смотрѣла ей въ глаза и была какъ будто въ недоумѣніи.

— Я видѣлась съ Уарденомъ и ввѣрилась его благородству; я сообщила ему мою тайну наканунѣ нашего отъѣзда, и онъ не измѣнилъ ей. Понимаешь ли ты, моя милая?

Грація смотрѣла на нее какъ-то неопредѣленно и, казалось, едва ее слышала.

— Сестрица, душа моя! сказала Мери: — соберись на минуту съ мыслями и выслушай меня. Не смотри на меня такъ странно! Въ другихъ земляхъ женщины, которыя хотять отречься отъ неумѣстной страсти или побороть въ сердцѣ своемъ какое нибудь глубокое чувство, удаляются въ безнадежную пустыню и навсегда затворяются отъ свѣта, отъ свѣтской любви и надеждъ. Поступая такимъ образомъ, онѣ принимаютъ дорогое для насъ съ тобою названіе сестеръ. Но и не отрекаясь отъ міра, Грація, живя подъ открытымъ небомъ, среди многолюдства и дѣятельности жизни, можно быть такими же сестрами, подавать помощь и утѣшенію, дѣлать добро и съ сердцемъ, вѣчно свѣжимъ и юнымъ, открытымъ для счастья, сказать, когда нибудь: битва давно уже кончилась, побѣда давно уже одержана. Такая-то сестра твоя Мери. Понимаешь ли ты меня теперь, Грація?

Грація все еще смотрѣла на нее пристально и не отвѣчала ни слова.

— О, Грація, милая Грація! сказала Мери, еще тѣснѣе прижимая къ груди, съ которою такъ долго была разлучена. — Если бы ты не была счастливою женою и матерью, если бъ у меня здѣсь не было малютки тѣзки, если бы Альфредъ, добрый братъ мой, не былъ твоимъ возлюбленнымъ супругомъ, откуда проистекалъ бы мой сладостный восторгъ, которымъ проникнута я въ эту минуту. Я возвращаюсь къ вамъ такою же, какою васъ оставила. Сердце мое не знало другой любви, и рука моя никому не была отдана безъ него. Я не замужемъ и даже не невѣста: все таже Мери, сердце которой привязано нераздѣльною любовью къ тебѣ, Грація.

Теперь она поняла ее; лицо ея прояснилось, слезы облегчили сердце; она упала на шею сестрѣ, плакала долго и ласкала ее, какъ ребенка.

Немного успокоившись, онѣ увидѣли возлѣ себя доктора съ сестрою его Мартою и Альфредомъ.

— Сегодня тяжкій для меня день, сказала Марта, улыбаясь сквозь слезы и обнимая племянницъ: — я расстаюсь съ милою Мери, ради вашего счастья. Что можете вы мнѣ дать въ замѣнъ ея.

— Обратившагося брата, сказалъ докторъ.

— Конечно, возразила Марта: — и это чтонибудь да значить въ такомъ фарсѣ, какъ....

— Нѣтъ, пожалуйста! прервалъ ее докторъ голосомъ кающагося.

— Хорошо, я молчу, отвѣчала Марта: — однако, какъ же я буду теперь безъ Мери, проживши съ нею полдюжины лѣтъ?

— Вамъ слѣдуетъ, я думаю, переселиться къ намъ, сказалъ докторъ. — Теперь мы не будемъ сердиться.

— Или выйдете замужъ, тетушка, сказалъ Альфредъ.

— Да, спекуляція не дурна, отвѣчала старушка: — особенно если выбрать Мейкля Уардена, который, какъ я слышу, очень посправился во всѣхъ отношеніяхъ. Только вотъ бѣда: я знала его еще ребенкомъ, когда сама была уже не въ первой молодости, — такъ, можетъ быть, онъ и не захочетъ. Рѣшусь уже лучше жить съ Мери, когда она выйдетъ замужъ; этого, конечно, не долго ждать; а до тѣхъ поръ проживу и одна. Что вы на это скажете, братецъ?

— Мнѣ ужасно хочется сказать вамъ на это, что свѣтъ смѣшонъ, и нѣтъ въ немъ ничего серьезнаго, отвѣчалъ докторъ.

— Говорите, сколько угодно! никто вамъ не повѣритъ, взглянувши на ваши глаза.

— Да, это свѣтъ, полный великодушныхъ сердецъ, сказалъ докторъ, прижимая къ груди своей Мери и неразлучную съ ней Грацію: — свѣтъ, полный вещей серьезныхъ, несмотря на всѣ дурачества, даже несмотря на мое, которое стонетъ всѣхъ остальныхъ, — свѣтъ, на которомъ солнце каждый день озаряетъ тысячу битвъ безъ кровопролитія, искупающихъ жалкіе ужасы полей битвъ, — свѣтъ, надъ которымъ да проститъ намъ небо наши насмѣшки, — свѣтъ священныхъ тайнъ, — и только Творцу его извѣстно, что кроется подъ поверхностью Его подобія!

Я угодилъ бы вамъ плохо, если бы, превративши перо въ скальпель, началъ разсѣкать у васъ передъ глазами радости семейства, свидѣвагося послѣ долгой разлуки. Я не послѣдую за докторомъ въ воспоминанія его горести при бѣгствѣ Мери, не скажу вамъ, какъ серъезень сталъ въ его глазахъ свѣтъ, гдѣ въ сердцѣ каждого человѣка глубоко заброшенъ якорь любви, — какъ убила его бѣздѣлица — недочетъ маленькой единицы въ огромномъ итогѣ житейскихъ глупостей; я не стану рассказы

вать, какъ сестра его изъ состраданія къ его горькому положенію, давно уже, мало по малу, открыла ему всю истину и научила его цѣнить сердце добровольной изгнанницы, — какъ открыли истину и Альфреду, въ теченіи этого года, — какъ увидѣла его Мери и общалась ему, какъ брату, что ввечеру, въ день ея рожденія, Грація узнаетъ все отъ нея самой.

— Извините, — можно войти? спросилъ Снитчей, заглядывая въ садъ.

И не дожидаясь позволенія, онъ пошелъ прямо къ Мери и поцаловалъ ея руку съ непритворною радостью.

— Если бы мистеръ Краггсъ былъ въ живыхъ, миссъ Мери, сказалъ Снитчей: — онъ принялъ бы живое участіе въ общей радости. Все это доказало бы ему, мистеръ Альфредъ, что жить на свѣтѣ не черезъ чуръ легко, и что вообще не мѣшаетъ облегчать жизнь; а Краггсъ былъ человѣкъ, котораго можно убѣдить, сэръ. Онъ всегда соглашался съ доказанною истиной. Если бы онъ могъ выслушать доказательства теперь, я... но что за ребячество! Мистриссъ Снитчей, душа моя, — и она появилась при этихъ словахъ въ за дверн, — войдите; вы здѣсь среди старыхъ друзей.

Мистриссъ Снитчей, окончивши поздравленія, отвела мужа въ сторону.

— Знаете ли, сказала она: — не въ моихъ правилахъ тревожить прахъ усопшихъ....

— Знаю, подхватилъ мужъ.

— Мистеръ Краггсъ....

— Умеръ, договорилъ Снитчей.

— Но прошу васъ, вспомните балъ у доктора, прошу васъ, вспомните только. Если память не вовсе вамъ измѣнила, мистеръ Снитчей, и если вы не въ бреду, припомните, какъ я васъ просила, умоляла на колѣняхъ....

— На колѣняхъ? повторилъ Снитчей.

— Да, смѣло отвѣчала жена его: — вы очень хорошо это знаете, — просила остерегаться его, взглянуть на выраженіе его глазъ. Скажите теперь, не была ли я права? не было у него въ ту минуту на душѣ тайны?

— Мистриссъ Снитчей, шепнулъ ей на ухо мужъ: — наблюдали ли вы когда нибудь за выраженіемъ *ломъ* глазъ?

— Нѣтъ, насмѣшливо отвѣчала мистриссъ Снитчей. — Не воображайте себѣ такъ много.

— Въ этотъ вечеръ, сударыня, продолжалъ онъ, дернувши ее за рукавъ: — случилось такъ, что оба мы знали одну и ту же тайну, которую не могли разглашать, уже по званію адвокатовъ. Чѣмъ меньше вы будете толковать о подобныхъ вещахъ, тѣмъ лучше, мистриссъ Снитчей. Это вамъ урокъ; впередъ старайтесь смотрѣть зорче и не такъ подозрительно. Миссъ Мери, я привезъ съ собою вашу старую знакомую. Войдите, мистриссъ!

Бѣдняжка Клеменси, отирая глаза передникомъ, вошла медленно, въ сопровожденіи мужа, убитаго предчувствіемъ, что если она предается печали, такъ «Терка» погибла.

— Что съ вами, мистриссъ? сказалъ Снитчей, останавливая Мери, бросившуюся было къ Клеменси, и становясь между ними.

— Что со мною! воскликнула бѣдная Клеменси.

Удивленная, почти обидѣвшаяся этимъ вопросомъ и испуганная страннымъ ревомъ Бритна, она подняла глаза — и увидѣла прямо передъ собою милое, незабвенное лицо Мери; она начала плакать, смѣяться, кричать, бросилась къ Мери и прижала ее къ сердцу, бросилась обнимать Снитчея (къ великому неудовольствію мистриссъ Снитчей), потомъ доктора, потомъ Бритна, и въ заключеніе закрыла себѣ голову передникомъ, въ припадкѣ истерики.

За Снитчеемъ вошелъ въ садъ кто-то незнакомый и остановился у воротъ, никѣмъ незамѣченный: общее вниманіе сдѣлалось монополіей восторженной Клеменси. Впрочемъ, онъ и не желалъ быть замѣченнымъ; онъ стоялъ поодаль, съ потупленными глазами, и несмотря на его прекрасную наружность, въ немъ было что-то унылое, рѣзко отличавшееся отъ общей радости.

Прежде всѣхъ замѣтили его зоркіе глаза тетушки Марты, и въ ту же минуту она уже разговаривала съ нимъ. Потомъ, подошедши къ сестрамъ, она шепнула что-то на ухо Мери; Мери была, казалось, удивлена, но скоро опомнилась, робко подошла съ Мартою къ незнакомцу и тоже начала съ нимъ говорить.

Снитчей, между тѣмъ, досталъ изъ кармана какой-то документъ и говорилъ Бритну:

— Поздравляю васъ : теперь вы единственный, полный владѣлецъ дома, въ которомъ содержали до сихъ поръ гостиницу, публичное заведеніе, извѣстное подъ названіемъ «*Терки.*» Жена ваша должна была оставить одинъ домъ по милости мистера Уардена, — теперь онъ желаетъ подарить ей другой. Я на дняхъ буду имѣть удовольствіе спросить вашу голосъ, при выборахъ графства.

— А если я перемѣню вывѣску, спросилъ Бритнъ : — это ничего не измѣнитъ касательно голоса?

— Нисколько отвѣчалъ адвокатъ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Бритнъ, возвращая ему крѣпость : — сдѣлайте одолженіе, прибавьте тутъ слова : «*и на перстокъ.*» Я велю написать ихъ девизы въ залѣ, вмѣсто портрета жены.

— А мнѣ, произнесъ позади нихъ голосъ Мейкля Уардена : — позвольте мнѣ прибѣгнуть подъ защиту этихъ девизовъ. Мистеръ Гитфильдъ! докторъ Джедджеръ! я могъ оскорбить васъ глубже, — что я этого не сдѣлалъ, въ томъ нѣтъ моей заслуги. Я не скажу, что я поумнѣлъ шестью годами или исправился. Я не имѣю никакого права на ваше снисхожденіе. Я дурно заплатилъ вамъ за гостепрѣимство; я увидѣлъ свои проступки со стыдомъ, котораго никогда не забуду, но надѣюсь, что это будетъ для меня не безъ пользы; мнѣ раскрыла глаза особа (онъ взглянулъ на Мери), которую я молилъ простить мнѣ, когда узналъ все ея величіе и свою ничтожность. Черезъ нѣсколько дней я уѣзжаю отсюда навсегда. Прошу у васъ прощенія. Дѣлай другимъ то, чего самъ отъ нихъ желаешь! Забывай и прощай!

Время, отъ котораго я узналъ послѣднюю часть этой исторіи, и съ которымъ имѣю честь быть лично знакомымъ лѣтъ 35, объявило мнѣ, опираясь на свою косу, что Мейкль Уарденъ не уѣхалъ и не продалъ своего дома, а напротивъ того, раскрылъ двери его настежь для всѣхъ и cadaго, и живетъ въ немъ съ женою, первую тамошнюю красавицею, по имени Мери. Но я замѣтилъ, что время перепутываетъ иногда факты, и право не знаю, повѣрить ему или нѣтъ.

А. КРОНЕБЕРГЪ.

ПРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

1.

Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.
Жена моя, закрывъ лицо вуалью,
Подъ вечерокъ къ любовнику пошла:
Я въ домъ къ нему съ полиціей прокрался
И уличилъ.... Онъ вызвалъ: я не драгся!
Она слегла въ постель и умерла,
Истерзана позоромъ и печалью....
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла....

2.

Пріятель въ срокъ мнѣ долгу не представилъ,
Я, намекнувъ подружески ему,
Закону разсудить насъ предоставилъ:
Законъ его приговорилъ въ тюрьму.
Въ ней умеръ онъ, не заплативъ алтына;
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долгъ ему простилъ тогожь числа,
Почтивъ его слезами и печалью....
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла....

3.

Крестьянина я отдалъ въ повара ,
 Онъ удался (хорошій поварь — счастье!)
 Но часто отлучался со двора
 И званью неправичное пристрастье
 Ималъ : любилъ читать и рассуждать.
 Я , утомясь кричать и распекать ,
 Отчески посякъ его , каналью . —
 Одъ сдѣлался пьянчужкой.... дурь нашла !...
 Живя согласно съ строгою моралью ,
 Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла....

4.

Ималъ я дочь.... Въ учителя влюбилась
 И съ нимъ бѣжать хотѣла съ-горяча.
 Я погрозилъ проклятьемъ ей : смирилась
 И вышла за сядого богача.
 Ихъ домъ блестящъ и полонъ былъ какъ чаша ,
 Но стала вдругъ блѣднѣть и гаснуть Маша ,
 И черезъ годъ въ чахотку умерла ,
 Сразивъ насъ всѣхъ глубокою печалью....
 Живя согласно съ строгою моралью ,
 Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла....

М. НЕКРАСОВЪ.

II.

ОПЫТЪ

ОБЩЕПОЯТНАГО ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗСКАЗА О ТОМЪ, КАКЪ ОТКРЫТА НОВАЯ ПЛАНЕТА

НЕПТУНЪ.

Во всѣхъ журналахъ много было писано о новой планетѣ ; но теперь мы можемъ говорить о ней положительнѣе , имѣя передъ глазами , съ одной стороны— полное сочиненіе г-на Леверрье :

« *Recherches sur les mouvements de la planète Herschel, (dite Uranus), par U. J. Leverrier. Paris, 1846.*

а съ другою — любопытную статью :

« *Account of some circumstances historically connected with the discovery of the Planet exterior to Uranus. By G. B. Airy Astronomer Royal.*

Эта статья читана ¹⁵/₁ ноября, 1846 года, въ Лондонѣ, въ Королевскомъ Астрономическомъ Обществѣ , и въ оригиналѣ отпечатана въ № № 585 и 586 извѣстнаго ученаго журнала *Astronomische Nachrichten*.

Мы постараемся представить всю исторію открытія такъ , чтобы каждый изъ читателей могъ судить, въ чемъ состоитъ дѣло и въ чемъ заключается важность новаго приобращенія для науки. Читатели извинятъ, если мы войдемъ въ некоторыя постороннія разсмотрѣнія, необходимыя для ясности изложенія.

1. Какъ находимы были прежде планеты, и чѣмъ отличается открытіе «Пентуна» отъ прежнихъ подобныхъ открытій?

Съ глубокой древности известны 5 планетъ : Меркурій , Венера , Марсъ , Юпитерь и Сатурнъ ; всѣ онѣ видны простымъ глазомъ и замѣтно перемѣняютъ мѣста свои въ различныхъ созвздіяхъ половины неба, называемой зодіакомъ. В. Гершель , занимающійся подробнымъ разсматриваніемъ звѣздъ, нашелъ въ 1781 году свѣтило , которое казалось черезъ слабыя труды звѣздой 6-й величины , въ его же сильномъ телескопѣ представлялось небольшимъ и слабо освѣщеннымъ кружкомъ ; вскорѣ обнаружилось , что оно медленно движется между звѣздами. Здѣсь соединились оба признака , отличающіе новое свѣтило отъ звѣздъ , которыя являются всегда сверкающими точками различной яркости и остаются въ теченія весьма долгаго времени почти неподвижными. Въ наше даже время планеты были находимы очень рѣдко ; въ прошломъ же столѣтіи еще менѣе было къ тому надежды. Хотя Клеро въ своихъ изслѣдованіяхъ о движеніи галлеевой кометы упоминалъ о возможности существованія планеты за Сатурномъ, но доказательствъ не было предложено , а потому Гершель и другіе астрономы сперва принимали найденное въ 1781 году свѣтило за комету особеннаго вида ; только впоследствии знаменитый Лапласъ и петербургскій академикъ Лексель объяснили , что это была планета , ибо она движется около солнца почти по кругу, а въ томъ именно и состоитъ главный признакъ , отличающій планеты отъ кометъ.

Можно себя легко представить, какой шумъ надѣяло счастливое открытіе Гершеля. Астрономы сдѣлались смѣльче ; мало надѣясь найти планету за отдаленнымъ Ураномъ, который уже почти въ 19 разъ болѣе отстоитъ отъ солнца , нежели земля , они обратили вниманіе на другую часть солнечной системы. Давно уже замѣчено, что между разстояніями планетъ отъ солнца есть некоторая однообразная послѣдовательность, названная закономъ Бодѣ, потому—что этотъ ученый вновь на нее обратилъ вниманіе астрономовъ. Уранъ не противорѣчилъ этому закону ; но между планетами Марсомъ и Юпитеромъ оставался еще какъ бы скачокъ ; въ этомъ мѣстѣ нарушалась послѣдовательность разстояній, и здѣсь астрономы начали отыскивать новую планету. По предложенію Шретера образовалось въ Германіи цѣлое общество наблюдателей для такихъ поисковъ.

Къ сожалѣнію, тѣ , которые искали по хорошо обдуманному плану, ничего не нашли ; планета найдена совершенно случайно палери-

скимъ астрономомъ Пиацци 1-го января, 1801 года; она названа *Церерою* и находится въ разстояніи отъ солнца, удовлетворяющемъ закону Бодэ. Вскорѣ она скрылась въ лучахъ солнца, и Ольберсъ, изслѣдуя, въ Бременѣ, положенія звѣздъ, близь которыхъ она, по вычисленіямъ Гаусса, должна была показаться въ 1802 году, нечаянно встрѣтилъ (28 марта, 1802 года) другую, близкую къ ней планету, *Палладу*. Черезъ два года потомъ Гардингъ, обозрѣвавшій звѣзды для составленія небесныхъ картъ, увидѣлъ при этомъ въ первый разъ *Юнону* (въ 1804 году).

Эти открытія сдѣланы если и не совсемъ неожиданно, то, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе случайно; *Веста* найдена иначе; остроумная догадка привела Ольберса къ открытію этой планеты. Замѣчая, что вмѣсто одного тѣла между Марсомъ и Юпитеромъ найдены были многія, Церера, Паллада и Юнона, въ одинакихъ почти разстояніяхъ отъ солнца, и что пути этихъ малыхъ планетъ пересѣкаются между собою въ общихъ почти точкахъ неба, Ольберсъ полагалъ, что онѣ суть обломки одного большаго тѣла, некогда встрѣчавшагося между Марсомъ и Юпитеромъ и раздробившагося на части отъ неизвѣстной намъ причины. Вѣроятно, думалъ онъ, есть еще и другіе обломки, которые при движеніи своемъ должны проходить черезъ сказанныя общія точки, лежація по вычисленію въ созвѣздіяхъ Дѣвы и Вѣсовъ. Одушевленный надеждою важнаго открытія, знаменитый бременскій астрономъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ внимательно разсматривалъ эти созвѣздія и 29 марта, 1807 года, дѣйствительно нашелъ *Весту*. Недавно г. Генке, изучая небо съ помощію превосходной карты нашего астронома г. Кнорре открылъ (въ концѣ 1845 года) еще одну малую планету, Астрею, во всемъ сходную съ 4-мя упомянутыми, и въ этомъ случайномъ открытіи мы находимъ новое подкрѣпленіе догадки Ольберса. Несмотря, однакожъ, на то, смѣлая мысль бременскаго астронома есть и понынѣ одно только вѣроятное предположеніе, которое не можетъ опираться ни на какомъ строгомъ доказательствѣ; еще менѣе основаній представляетъ такъ называемый законъ Бодэ, который выражаетъ разстоянія планетъ съ весьма грубымъ приближеніемъ.

Изъ предъидущаго заключаемъ, что во всѣхъ прежнихъ отысканіяхъ планетъ никто не могъ ручаться за вѣрный успѣхъ; противное обстоятельство встрѣчаемъ въ открытіи г-на Леверрье. Онъ нашелъ новую планету, вовсе ее не выдавши, нашелъ однимъ усиленіемъ ума, не прибѣгая ни къ какому предположенію, но единственно основываясь на несомнѣнной теоріи всеобщаго тяготѣнія и вычисленіями своими не только строго доказалъ существованіе этой планеты за предѣлами Урана, но еще означилъ астрономомъ то мѣсто

тверди небесной, въ которомъ надобно ее искать, и гдѣ дѣйствительно ее нашли. Цѣлая исторія астрономіи не представляетъ въ этомъ родѣ ничего подобнаго столь блистательному открытію.

II. Предварительныя замѣчанія о движеніи планетъ.

Въ природѣ мы нигдѣ не видимъ прямолинейнаго движенія, во всякій легко пойметъ, что если тѣло вслѣдствіе толчка или удара получило движеніе и никакая посторонняя сила болѣе на него не дѣйствуетъ, то тѣло всегда будетъ идти съ одинакою скоростію по той прямой линіи, по которой однажды началось движеніе. Если же путь становится криволинейнымъ, то мы можемъ быть увѣрены, что на тѣло оказываютъ вліяніе двѣ или многія силы, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, одна безпрестанно измѣняетъ свое направленіе и чрезъ то мѣшаетъ движенію по прямой. Всемъ извѣстно, что тѣла падаютъ на землю отъ-того, что земля ихъ привлекаетъ; если тѣло сорвется съ нити, на которой оно покойно висѣло, то оно упадетъ на землю отвѣсно по прямой линіи, потому-что тогда оно подвергается вліянію одной тяжести или притяженія земли, которое совершается по отвѣсной линіи или прямой, идущей почти къ центру земли. Но бросая тѣло косвенно къ горизонту, мы видимъ другое явленіе: отъ безпрестанно измѣняющагося сочетанія первоначальнаго прямого движенія съ дѣйствіемъ тяжести, понуждающей тѣло приближаться къ землѣ, оно будетъ летѣть по кривой линіи, постепенно склоняющейся къ земной поверхности. Чѣмъ съ болѣею силою бросаемъ тѣло наклонно къ горизонту, тѣмъ болѣею находимъ дальность его полета, и кривизна пути при этомъ становится замѣтна. Изъ этихъ ежедневныхъ опытовъ заключаемъ, что еслибъ не было сопротивленія воздуха и мы бы могли бросать тѣло съ скоростію, въ многія сотни разъ превышающею быстроту явра при вылетѣ его изъ пушки, такое тѣло не упало бы на землю, но начало бы около нея обращаться подобно тому, какъ луна движется около земли или какъ планеты вращаются около солнца. Въ самомъ дѣлѣ, Ньютонъ доказалъ, что тяжесть есть только частный случай той всеобщей притягательной силы, которой вліяніе повсюду обнаруживается во вселенной. Безъ впечатлѣнія, первоначально сообщеннаго планетѣ двигаться по прямой линіи, отличной отъ направленія, по которому она привлекается къ солнцу, ничто не препятствовало бы ихъ сближенію другъ съ другомъ, и планета упала бы тогда на солнце; допустивъ одну первоначальную скорость безъ сказаннаго притяженія, планета безвозвратно удалилась бы отъ солнца; а такъ какъ изъ на-

блуденій известно, что планета находится всегда въ одинакихъ почти разстояніяхъ отъ солнца, описывая около него почти кругъ, то изъ этого заключаемъ о существованіи въ природѣ упомянутого впечатлѣнія и силы тяготѣнія, или взаимнаго притяженія тѣлъ. Мы не знаемъ, отъ-чего происходитъ эта сила, но знаемъ, какъ она дѣйствуетъ, и именно: тѣла привлекаются, во-первыхъ, пропорціонально ихъ массамъ, т. е. тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе заключается вещественныхъ частицъ въ каждомъ изъ этихъ тѣлъ; а во-вторыхъ, эта сила уменьшается по мѣрѣ увеличиванія квадратовъ взаимнаго разстоянія тѣлъ, т. е. при двое большемъ ихъ удаленіи, она привлекается въ 4 раза слабѣе, при тройномъ удаленіи, въ 9-ть разъ слабѣе, и такъ далѣе.

Допустивъ такое дѣйствіе тяготѣнія, какъ фактъ, оправдываемый наблюденіями, вычисленіе показываетъ, что еслибъ наша солнечная система заключала одну только планету, то эта послѣдняя могла бы двигаться по овальной линіи, называемой *эллипсомъ* (*), въ одномъ изъ фокусовъ котораго будетъ находиться солнце. Но въ нашей системѣ есть нѣсколько планетъ, и всѣ онѣ оказываютъ вліяніе другъ на друга своимъ взаимнымъ притяженіемъ; поэтому каждая изъ нихъ измѣняетъ движеніе другой; чрезъ то путь планеты представляетъ нѣкоторыя отступленія отъ правильной эллиптической фигуры, и только чрезвычайная малость планетъ въ сравненіи съ солнцемъ причиною, что эти отступленія, или, какъ ихъ называютъ, *возмущенія*, очень малы: они обнаруживаются только помощію продолжительныхъ и точныхъ наблюденій. Всѣ эти заключенія оправдываются на самомъ дѣлѣ явленіями, давно уже известными астрономамъ, и которыя мы вкратцѣ объяснимъ.

Здѣсь неумѣстно было бы подробно говорить о томъ, какъ изъ виденныхъ положеній планеты, опредѣляемыхъ наблюденіями, геометры находятъ истинный ея путь; довольно сказать, что полагая всѣ обстоятельства движенія земли известными, нужно для этой цѣли найти

(*) Чтобы лучше понять вышеслѣдующее, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ въ маломъ видѣ эллипсъ можно начертить на бумагѣ и какъ дѣйствительно чертятъ его художники. Взявши длинную нить, закрѣпляютъ на бумагѣ оба конца этой нити пальцами или другимъ образомъ, но только такъ, чтобы разстояніе между закрѣпленными концами было *меньше* длины нити, а потомъ, приложивъ гдѣ нибудь къ нити остріе карандаша и постоянно напрягая ее этими остріемъ, описываютъ непрерывнымъ движеніемъ овальную линію, которая и будетъ тогда эллипсъ; длина нити будетъ равна длинѣ эллипса, которая называется его *большою осью*; закрѣпленные точки изобразятъ такъ называемые *фокусы*; они равно удалены отъ средоточія, или центра эллипса, и разстояніе ихъ отъ центра называютъ *эксцентриситетомъ*; чѣмъ меньше это разстояніе, тѣмъ болѣе сходствуетъ эллипсъ съ кругомъ.

шесть величинъ : первая изъ нихъ опредѣляютъ положеніе искомаго эллипса, описываемаго планетою, т. е. 1) наклонность его къ плоскости земного пути ; 2) линію взаимнаго пересѣченія обояхъ путей, и 3) положеніе большой оси эллипса относительно извѣстныхъ линій ; потомъ нужно знать размѣры эллипса, т. е. 4) длину большой оси и 5) эксцентриситетъ ; и наконецъ, 6) мѣсто планеты на этомъ эллипсѣ въ некоторое давнее время. Эта шесть данныхъ называются элементами планеты, и извѣстно, что для вычисленія ихъ нужно не меньше трехъ наблюденій, означающихъ вполне видимыя положенія планеты ; лишь бы только эпохи наблюденій не были слишкомъ близки другъ къ другу. На оборотъ, зная элементы, можно опредѣлять видимое мѣсто планеты на тверди небесной для всякаго будущаго времени ; сравнивая вычисленныя положенія планеты съ тѣми, которыя она действительно занимаетъ на небѣ, заключаютъ, что если даже элементы найдены изъ большого ряда наблюденій, при всемъ томъ согласіе вычисленій съ наблюденіями съ теченіемъ времени мало по малу прекращается, и разности становятся тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ далье отстоятъ новѣйшія наблюденія отъ прежнихъ, служившихъ основаніями для вывода элементовъ. Такимъ образомъ, явно обнаруживаются тѣ возмущенія въ путяхъ планетъ, о которыхъ выше было упомянуто.

Для вычисленія величины этихъ возмущеній на всякое будущее время и для приведенія чрезъ то теоріи въ постоянное согласіе съ практикою, нужно кромѣ шести элементовъ каждой планеты знать еще и ея массу, или отношеніе, во сколько разъ въ планетѣ меньше содержится вещественныхъ частицъ, нежели въ солнцѣ. Для планетъ, сопровождаемыхъ спутниками, это отношеніе находятъ, сравнивая притяженіе спутника къ его планетѣ съ притяженіемъ этой последней къ солнцу, и такъ какъ первое притяженіе состоитъ въ такой же зависимости отъ массы планеты, въ какой второе отъ массы солнца, то изъ такихъ сравненій легко находятъ отношеніе между массами этихъ двухъ тѣлъ. Массу планеты, не сопровождаемой спутникомъ, выводятъ изъ возмущеній, которыя дѣйствіемъ ея производятся въ движеніи другой планеты, извѣстной уже въ этомъ отношеніи ; чѣмъ болѣе искомая масса, тѣмъ болѣе будетъ ея вліяніе, и обнаруживая величину возмущеній сравненіемъ мѣстъ извѣстной планеты, вычисленныхъ въ предположеніи, что она движется правильно по эллипсу, съ мѣстами, которыя она по наблюденіямъ действительно занимала, находятъ возможность опредѣлять искомую массу.

Зная элементы эллиптического движенія планетъ и ихъ массы, можно уже приступить къ вычисленію возмущеній ; но это вычисленіе составляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ механики, и если

творческому генію Ньютона удалось объяснить многія изъ неравенствъ луны, то онъ едва только могъ коснуться до теоріи планетъ объясненіемъ общей причины нѣкоторыхъ изъ ихъ возмущеній. Даже и теперь точное рѣшеніе задачи превосходитъ силы математическаго анализа; къ счастью, обстоятельство, что планеты очень малы, что пути ихъ мало отличаются отъ фигуры круга и мало наклонены другъ къ другу, облегчаетъ рѣшеніе задачи и даетъ возможность значительно приближаться къ истинѣ. Усилиями Клеро, Даламберта, Лагранжа, Лапласа и нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ ихъ послѣдователей, доведена теорія возмущеній планетъ до большого совершенства; геометрамъ удалось, наконецъ, помощію математическихъ выраженій, или формулъ изслѣдовать движенія планетъ во всей подробности и составить на основаніи этихъ формулъ численныя таблицы, по которымъ удобно вычисляются какъ прошедшія, такъ и будущія положенія различныхъ тѣлъ нашей солнечной системы.

III. На чемъ основывается открытіе 7-на Леверрье и въ чемъ состоятъ соответственные труды другихъ ученыхъ.

«We see the probable new planet, as Columbus saw America from the shores of Spain. Its movements have been felt, trembling along the far-reaching line of our analysis, with a certainty hardly inferior to that of ocular demonstration».
J. Herschel.

Со времени открытія Урана въ 1781 году астрономы собрали большой рядъ хорошихъ надъ нимъ наблюденій; теоретическими же изслѣдованіями начали они заниматься только съ того времени, когда Лапласъ издалъ 3-й томъ своей Небесной Механики и подробно объяснилъ въ немъ возмущенія, которыя происходятъ въ движеніи Урана отъ вліянія Юпитера и Сатурна. Эта книга вышла въ свѣтъ въ 1820 году, и въ слѣдующемъ же году Буваръ, другъ и неутомимый сотрудникъ великаго Лапласа, издалъ, руководствуясь его теоріями, таблицы положеній Урана. Для этого онъ воспользовался не только новыми наблюденіями планеты, но и тѣми, которыя сдѣланы были прежде ея открытія; это обстоятельство покажется страннымъ для многихъ изъ нашихъ читателей, но мы его тотчасъ объяснимъ. Уранъ представляется большею частію въ посредственныя трубы, какъ звезда 6-й величины; слѣдовательно, онъ принадлежитъ къ числу довольно яркихъ звездъ, которыя всегда обращали на себя вниманіе астрономовъ и усматриваются даже прямо зоркимъ глазомъ безъ

помощи трубъ. Вѣроятно и прежде 1781 года многие, думая Боде, видели Уранъ, но смѣшивали его съ звездами; руководствуясь этою мыслию, Боде пересмотрѣлъ каталоги зодіакальныхъ звездъ геттингенской обсерваторіи и замѣтилъ, что въ созвѣздіи рыбы действительно не доставало одной звезды 6-й величины, которую Т. Майеръ наблюдалъ въ 1756 году въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по вычисленію надлежало быть тогда Урану. Впослѣдствіи отыскали еще 18 тѣхъ случайныхъ наблюденій, произведенныхъ Флемстидомъ, Бредлеемъ и Лемонье; древнѣйшее изъ нихъ восходитъ до 1690 года.

Буваръ сперва намѣренъ былъ основать свои вычисленія какъ на этихъ старинныхъ наблюденіяхъ, такъ и на тѣхъ, которыя собраны были въ позднѣйшее время. Вскорѣ, однакожъ, онъ встрѣтилъ неожиданное затрудненіе: наблюденія, предшествовавшія 1781 году, и наблюденія, сдѣланныя въ слѣдующія за тѣмъ 40 лѣтъ, не могли быть никакимъ образомъ выражены помощію одинаковыхъ элементовъ. Для вѣрности болѣе точности послѣднихъ наблюденій, Буваръ исключительно основалъ на нихъ свои таблицы, и въ предисловіи замѣчаетъ только, что время покажетъ, происходитъ ли помнятое затрудненіе отъ ошибокъ прежнихъ наблюденій, или оно зависитъ отъ дѣйствія какой нибудь посторонней силы, не принятой во вниманіе, напримѣръ отъ притяженія оказываемаго на Уранъ *неизвѣстною намъ планетою*.

Между тѣмъ, по мѣрѣ удаленія отъ 1820 года, таблицы Бувара начали опять болѣе и болѣе разногласить съ небомъ; нынѣшній директоръ гринвичской обсерваторіи г. Эйри объяснилъ это очень убѣдительно изъ кембриджскихъ наблюденій, производившихся и изданныхъ съ 1828 года подъ его руководствомъ; въ 1845 году погрѣшность буваровыхъ таблицъ возросла уже до 120 секундъ, такъ что теперь онъ столь же мало соглашаются съ новыми наблюденіями, сдѣланными въ послѣдніе годы, какъ и со старинными: онъ удовлетворяютъ только наблюденіямъ, заключающимся въ промежуткѣ времени между 1781 и 1820 годами. Сомнѣнія и догадки возобновились опять, но для рѣшенія ихъ надобно было сперва изслѣдовать, не зависело ли несогласіе таблицъ отъ несовершенства принятой Буваромъ теоріи и отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей въ его вычисленіяхъ, исключая при этомъ всякое предположеніе о существованіи еще недоказанныхъ постороннихъ силъ? Только хорошо узванная необходимость могла законнымъ образомъ привести къ новому предположенію.

На этотъ вопросъ прежде всего обратилъ свое вниманіе г. Леверрье, извѣстный уже ученому свѣту многими отличными трудами. Въ теченіи 1845 года г. Араго пригласилъ его заняться изслѣдованіями движеній Урана и тогда же Леверрье критически пересмотрѣлъ тео-

рію Лапласа, вычисливъ точнѣе возмущенія, зависящія отъ дѣйствій Сатурна и Юпитера, ибо другія, ближайшія къ солнцу планеты не производятъ на Урана никакого чувствительнаго вліянія, и показалъ, что между упомянутыми возмущеніями есть такія, которыя были пропущены Лапласомъ безъ достаточной причины; онъ не упустилъ изъ виду и того обстоятельства, что большее неравенство въ движеніяхъ Сатурна и Юпитера, зависящее отъ ихъ взаимнаго притяженія, значительно измѣнитъ положеніе этихъ двухъ планетъ, производить чрезъ то перемѣну въ вліяніи ихъ на Уранъ. Чтобы не было сомнѣнія въ точности послѣднихъ выводовъ, Лаверрье вычислялъ съ помощью двухъ различныхъ способовъ; одинъ изъ нихъ предложенъ Лагранжемъ и опредѣляетъ возмущеніе каждаго элемента теоріи независимо отъ возмущеній другихъ элементовъ; разныя части вопроса тогда разсматриваются отдѣльно, и ошибки одного вычисленія не имѣютъ вліянія на другія; зато здѣсь не представляется средствъ для общей поправки результатовъ; по другому способу вычисляютъ все возмущенія совокупно, такъ что если гдѣ набудется погрѣшность, то рѣшеніе будетъ ложно во всѣхъ его частяхъ. Но когда конечные выводы, найденные помощью обоихъ способовъ, будутъ между собою согласны, тогда устраняется всякое подозрѣніе въ возможности ошибки.

Важность изслѣдованій заставила г. Лаверрье совершать эту двойную работу; онъ представилъ ее въ запискѣ, читанной парижской академіи наукъ 10-го ноября, 1815 года, и показалъ въ ней многія ошибки, которыя находятся въ вычисленіяхъ Буvara. Чтобы понять какъ этотъ предварительный трудъ былъ необходимъ, надобно замѣтить, что прежняя теорія Урана была несовершенна не только потому, что возмущенія не довольно вѣрно въ ней опредѣлены, но и потому, что эти неварности служили поводомъ къ другимъ, болѣе важнымъ ошибкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда помощью наблюденій опредѣляютъ эллиптическіе элементы планеты, то прежде всего изъ наблюденныхъ положеній планеты исключаютъ соотвѣтствующія величины возмущеній; разность изображаетъ тогда мѣсто, которое принадлежитъ планетѣ на правильномъ эллиптическомъ ея пути. Но если возмущенія вычислены не точно, то эллиптическія положенія свѣтила будутъ также ошибочны, а следовательно, и основывающіеся на нихъ элементы должны быть неварны; многочисленность наблюденій нисколько не поможетъ дѣлу, потому-что все пронтекающее изъ нихъ выводы будутъ содержать въ себѣ систематическія погрѣшности.

Эти соображенія привели г. Лаверрье къ критическому разбору таблицъ Буvara; онъ убѣдился тогда въ необходимости оставить старую дорогу и сравненіе наблюденій съ теоріею основать на собствен-

ныхъ вычисленійхъ независимо отъ таблицъ Буvara. — Обширныя изысканія показали, что прежняя теорія можетъ быть въ самомъ дѣлѣ усовершенствована и приведена въ большое согласіе съ практикою, но что между исправленною, однакожъ, теоріею и наблюденіями остаются еще отступленія, которыя невозможно объяснить одними неварностями элементовъ Урана, и что никакая теорія, приписывающая эти отступленія дѣйствіямъ известныхъ намъ планетъ, не можетъ удовлетворять всей совокупности наблюденій; она не удовлетворяетъ даже ряду наблюденій съ 1781 по 1815 годъ.

Такимъ образомъ, на строго логическомъ пути, Леверрье достигъ несомнѣннаго заключенія, что явленія, замеченныя въ движеніи Урана, несообразны съ предположеніемъ, будто они зависятъ только отъ притяженія солнца, Юпитера и Сатурна, совершающихся по законамъ всеобщаго тяготѣнія, но очевидно указываютъ намъ вліяніе посторонней, неизвѣстной причины.

Но что это за причина? не происходитъ ли она отъ-того, что ньютоновъ законъ всеобщаго тяготѣнія становится неваренъ на такомъ большомъ разстояніи, въ которомъ находится Уранъ? или не рождаются ли неправильности отъ-того, что все пространство солнечной системы наполнено тончайшимъ веществомъ, — эфиромъ, который подобно всякой жидкости противится скорости движущихся въ немъ тѣлъ? Но удовлетворительность теорій всѣхъ другихъ планетъ кромѣ Урана ясно обнаруживаетъ противорачіе этихъ двухъ мнзній съ природою.

Легко показать, что само по себѣ неваротное столкновение Урана съ кометою также не могло служить искомою причиною; наблюденія между 1781 и 1820 годами согласны съ прежнею теоріею, и потому предполагаемый ударъ наобно было бы допустить или прежде 1781, или послѣ 1820 года; но въ первомъ случаѣ, путь планеты остался бы уже постояннымъ съ 1781 года, и тогда не было бы причины несогласію теорій съ практикою послѣ 1820 года; во второмъ случаѣ, непонятно будетъ, отъ-чего старинныя наблюденія не удовлетворяютъ также хорошо теоріи, какъ и наблюденія, сдѣланныя послѣ 1781, но прежде 1820 года.

Можно было бы еще полагать, что неправильности Урана зависятъ отъ вліянія неизвѣстнаго намъ большого спутника, который находится вблизи планеты. Но тогда онъ долженъ бы совершаться въ теченіи короткихъ періодовъ времени, подобно тому, какъ совершаются неравенства въ движеніи земли, производимыя дѣйствіемъ луны. Напротивъ, неправильности Урана возростають весьма медленно, а потому вовсе не сообразны съ этимъ предположеніемъ.

Итакъ, остается только принять, что на Уранъ действуетъ неизвестная намъ планета. Гдѣ же надобно воображать эту планету? Во всякомъ случаѣ, она должна занимать такое мѣсто, чтобы, действуя на Уранъ, она не оказывала замѣтнаго вліянія на Сатурна и Юпитера, которыхъ движенія вполне объясняются теоріею безъ особыхъ предположеній о существованіи неизвестныхъ намъ тѣлъ. Если допустить, что новая планета имѣетъ малую массу и путь ея очень близокъ къ пути Урана, то, конечно, вліянія ее будетъ нечувствительно для всѣхъ планетъ кромѣ Урана, но тогда она приматно действовала бы на этотъ послѣдній въ теченіи того короткаго времени, когда обѣ планеты сходятся въ ближайшее между собою разстояніе, а по причинѣ медленности ихъ движеній (*) это сближеніе могло бы случиться только однажды во весь періодъ наблюденій, и чрезъ то опять останется необъяснимымъ, почему неуровновѣсности Урана продолжаются такъ долго. Нельзя равнымъ образомъ предполагать, что новое тѣло удалено отъ Урана на чрезвычайно огромное разстояніе, потому-что тогда ему надобно было бы приписать большую массу, и въ этомъ случаѣ, она оказывала бы вліяніе не только на Уранъ, но также и на Сатурнъ. Ограничивши, такимъ образомъ, вопросъ объ разстояніяхъ, Леверрье заключилъ, что къ новой планетѣ можно по всей вѣроятности примѣнить законъ Бодэ, о которомъ помануто нами въ началѣ статьи; начиная съ трехъ болѣе отдаленныхъ планетъ, выходитъ по этому закону, что каждая изъ нихъ вдвое почти далѣе находится отъ солнца, нежели соседняя съ нею ближайшая, и по аналогіи слѣдуетъ отсюда, что новая планета вдвое болѣе удалена отъ солнца, нежели Уранъ. Сверхъ того, такъ какъ взаимныя наклоненія путей крайнихъ планетъ очень малы и прежняя теорія Урана выражаетъ довольно вѣрно удаленія его отъ плоскости эклиптики, то Леверрье для облегченія задачи предварительно допустить, что неизвестная планета движется на двойномъ разстояніи отъ солнца въ той же плоскости, въ которой движется Уранъ. Для дальнѣйшаго облегченія вычисленій можно было еще принять, что новая планета обращается около солнца почти по кругу, ибо пути и другихъ большихъ планетъ тоже по фигурѣ своей мало отличаются отъ круга. Послѣ того слѣдовало рѣшить такую задачу: зная положеніе и радіусъ того круга, который описываетъ искомая планета, найти, какую она должна имѣть массу и гдѣ она должна на своемъ кругѣ находиться въ какое нибудь данное время, чтобы притяженіемъ своимъ эта

(*) Уранъ описываетъ кругъ свой около солнца слишкомъ въ 84 года; близкая къ нему планета не можетъ двигаться скорѣе, если она повинуется общему закону тяготѣнія къ солнцу.

планета могла производить неправильности, замеченныя въ движеніи Урана?

Леверрье скоро нашелъ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, и считая найденныя числа за первоначальныя приближенія къ истинѣ, онъ пошелъ далѣе и изслѣдовалъ положеніе и размеры эллипса, описываемаго планетою. Главные выводы свои онъ представилъ парижской академіи наукъ 1-го іюня, 1846 года.

Безъ пособія математики нельзя объяснить ученыхъ вычисленій г-на Леверрье, но чтобы дать понятіе о трудностяхъ, которыя слѣдовало преодолѣть, замѣтить, что надобно было опредѣлить массу и мѣсто планеты помощью возмущеній, причиняемыхъ ею въ движеніяхъ другой планеты, между тѣмъ, какъ прямая величина этихъ возмущеній оставалась неизвѣстною; ибо путь Урана вычисленъ былъ изъ наблюденій, пренебрегая дѣйствіе неизвѣстной планеты; поэтому найденные элементы этого пути заключали неварности, которыя, соединяясь съ действительными возмущеніями, вмѣстѣ составляли вышшія неправильности Урана. Отдѣлить первыя погрѣшности отъ этихъ послѣднихъ, или, другими словами, отдѣлить изысканіе элементовъ одной планеты отъ элементовъ другой невозможно, и вся она должна быть совокупно разсматриваемы. Надобно было соединить большую ловкость въ вычисленіи съ рѣзкимъ остроуміемъ. какъ это мы находимъ въ г-нѣ Леверрье, чтобы счастливо побѣдить всѣ трудности столь сложной и запутанной задачи, которая доселѣ не представлялась еще въ наукѣ.

31 августа, 1846 года этотъ ученый читалъ въ парижской академіи записку, въ которой опредѣляетъ онъ массу, путь и вышнее мѣсто планеты, производящей неправильности въ движеніи Урана (*); онъ изслѣдуетъ также границы, въ которыхъ по причинѣ некоторой неточности этихъ элементовъ астрономы должны производить поиски. Найденная масса новой планеты выходитъ почти въ два съ половиною раза болѣе массы Урана, который видѣтъ подъ угломъ почти въ 4 секунды. Хотя плотности извѣстныхъ планетъ уменьшаются по мѣрѣ удаленія ихъ отъ солнца, но полагая даже, что новая планета имѣетъ такую же плотность, какъ и Уранъ, г. Леверрье по-

(*) Въ этой запискѣ показано слѣдующее :

Среднее разстояніе новой планеты отъ солнца въ $36\frac{19}{100}$ разъ болѣе средняго разстоянія солнца отъ земли. Полный оборотъ совершаетъ она около солнца почти въ 217 лѣтъ и $\frac{4}{4}$ мѣсяца. Масса ея въ 9322 раза менше массы солнца, или въ $38\frac{7}{10}$ разъ болѣе массы земли. Отношеніе эксцентриситета въ большой полуоси = 0,10761. По в. ст. 1 января, 1847 г., были :

Средняя долгота планеты = $284^{\circ}45'8''$

Долгота перигелия ея = $318\ 47' 4''$.

мощію небольшого вычисленія заключилъ, что видимый поперечникъ планеты представится намъ подъ угломъ почти въ 3 секунды, и что съ помощію сильныхъ телескоповъ можно будетъ по виду отличить планету отъ звѣздъ, ибо она покажется кругомъ малаго размѣра.

Увѣрившись въ существованіи найденнаго имъ тѣла, знаменитый французскій ученый подробно изложилъ вліяніе его на Уранъ, и — о могущество истинной теоріи! всѣ непонятныя прежде безпорядки объяснились сама собою, всѣ наблюденія пришли въ согласіе съ вычисленіемъ, и доселѣ непокорный астрономамъ Уранъ пошелъ неуклонно по пути, начертанному провицательностію человѣческаго разума.

Скоро увидѣвъ вѣщественнымъ глазомъ то, что уже открыто было для глаза умственного. Г. Леверрье писалъ ко многимъ астрономамъ и между прочимъ къ г. Галле въ Берлинъ; онъ получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

«Планета, которой положеніе вы указали, существуетъ дѣйствительно; получивъ ваше письмо, я въ тотъ же самый день (23 сентября «в. ст., 1816 года) сыскалъ звѣзду 8-й величины, которая не означена въ прекрасной картѣ 21-го часа (Нога XXI), составленной «г. докторомъ Бремкеромъ и принадлежащей къ собранію небесныхъ «картъ, издаваемому берлинскою академіею наукъ. Наблюденія слѣдующаго дня доказали, что это именно была планета.»

Далѣе г. Галле прилагаетъ наблюденія, сдѣланныя имъ вмѣстѣ съ г. Энке помощію большого Фраунгоферова рефрактора; изъ этихъ наблюденій видно, что мѣсто планеты предсказано было почти до градуса точно, и самый даже поперечникъ планеты оказался почти въ 3 секунды, какъ это предполагалъ г. Леверрье. Планета тщательно потомъ была наблюдаема на всѣхъ славнѣйшихъ обсерваторіяхъ.

Окончивая ученую свою записку, о которой выше было упомянуто, г. Леверрье говоритъ, что никто не приметъ, чтобы эта планета была послѣдняя въ солнечной системѣ; послѣ многихъ десятковъ лѣтъ наблюденій, вѣроятно откроютъ подобнымъ образомъ другую отдаленнѣйшую планету, а потомъ и слѣдующую, ибо ничто не показываетъ намъ предѣловъ солнечной системы; къ сожалѣнію, мы вострачимъ такіа свѣтила, которыя останутся для насъ невидимы по причинѣ ихъ чрезвычайнаго удаленія; но можно надѣяться, что теорія въковыхъ возмущеній съ теченіемъ столѣтій откроетъ намъ средства въискать пути этихъ невидимыхъ тѣлъ.

Всѣмъ друзьямъ наукъ утѣшительно звать, что блистательный трудъ, о которомъ здѣсь было говорено, обратилъ на себя полное вниманіе. Французскій король утвердилъ г. Леверрье офицеромъ ордена Почетнаго Легіона и назначилъ его профессоромъ небесной ме-

ханики, которой прежде не было въ парижскомъ факультетѣ наукъ. Его Величество Августѣйшій нашъ Государь Императоръ благоволилъ пожаловать г. Леверрье кавалеромъ ордена св. Станислава 2-й степени; другіе Монархи также удостоили его чести быть причисленнымъ къ кавалерственнымъ орденамъ; ему предоставлена большая золотая медаль отъ королевскаго общества въ Лондонѣ (*), и онъ получилъ самыя лестныя отзывы отъ нашей академіи наукъ, отъ геттингенскаго и другихъ ученыхъ обществъ.

Найденной планетѣ даваемы были разныя названія; приличнѣе, кажется, будетъ называть ее *Нептуномъ*; это имя выбрано первоначально французскими астрономами, и оно весьма хорошо входитъ въ систему мнѳологическихъ названій, которыми мы привыкли означать прежнія планеты. Г-нъ Араго предлагаетъ ее назвать именемъ Леверрье; но едва ли оно войдетъ въ общее употребленіе, и этого не нужно для славы Леверрье: имя его безъ того останется навсегда безсмертнымъ въ лѣтописяхъ астрономіи; оно будетъ неразлучнымъ съ великою теоріею всеобщаго тяготѣнія, справедливость которой столь блистательно подтверждается открытіемъ новой планеты.

Намъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть относящіяся сюда изслѣдованія другихъ ученыхъ и представить многія изъ любопытныхъ историческихъ подробностей.

Вся знакомые съ ходомъ наукъ знаютъ, что сколь бы славно ни было участіе великихъ талантовъ въ рѣшенія трудныхъ и новыхъ задачъ, всегда важныя открытія дѣлаются вслѣдствіе требованій вѣка и исподоволь приготавлиются современнымъ состояніемъ науки. Такимъ образомъ, и здѣсь, мысль, что неправильности Урана зависятъ отъ вліянія на него посторонняго невѣстнаго намъ тела давно уже принята астрономами. Еще въ 1837 году Евгеній Буваръ въ письмѣ своемъ къ г-ну Эйри спрашивалъ его, не зависятъ ли несогласіе теоріи съ наблюденіями отъ планеты, находящейся за пределами Урана. Подобное же мнѣніе находимъ и ранѣе въ письмѣ доктора Госсси (Hussey), въ которомъ онъ извѣщаетъ г-на Эйри о предположеніяхъ Ганзена и Бувара объ этомъ предметѣ. Задача о движеніи Урана, предложенная по совету Гаусса королевскимъ геттингенскимъ обществомъ, вновь обратила вниманіе ученыхъ на этотъ вопросъ и изъ частной переписки Джона Гершеля съ Бесселемъ видно, что великій кенигсбергскій астрономъ не упускалъ изъ виду возможности объяснить удовлетворительнымъ образомъ недостатки теоріи Урана и весьма вѣроятнымъ считалъ существованіе возмущающей планеты

(*) Медаль Коплея (Copley).

за Ураномъ. Эту мысль мы находимъ даже и въ общенародныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ книгѣ г-на Медлера, *Populäre Astronomie*, изданной въ 1841 году, на стр. 279 и 280 мы читаемъ, что именно неправильности Урана даютъ поводъ думать о новой отдаленнѣйшей планетѣ, и можно надѣяться, говорить о ней, что математическій анализъ впоследствии приведетъ насъ къ величайшему торжеству науки открытіемъ помощію умозрѣній такого свѣтила, къ которому взоры наши еще не достигали.

Впрочемъ, всѣ эти мнѣнія были только предположенія, не имѣвшія прочнаго основанія, и допуская ихъ, многіе сомнѣвались, чтобы въ наше время можно было найти мѣсто планеты за Ураномъ помощію однихъ вычисленій; этого вѣдь не будетъ, говорилъ г. Эйри, сдѣлать прежде, чѣмъ совершится нѣсколько оборотовъ Урана и свойства его неправильностей лучше обозначатся. Отсюда видно, что главная трудность состояла въ строгомъ доказательствѣ принятыхъ мнѣній и полномъ выводѣ всѣхъ ихъ послѣдствій; задача была предложена, не доставало только рѣшенія, и не удивительнымъ покажется, если скажемъ, что двое ученыхъ занимались независимо другъ отъ друга и въ одно почти время предметомъ, обратившимъ уже на себя общее вниманіе. Одинъ изъ нихъ былъ Леверрье; другой г-нъ Адамсъ, молодой англійскій ученый; трудъ перваго вполне изданъ и мы его подробно разсмотрѣли; изслѣдованія же втораго еще не напечатаны, но мы можемъ заимствовать о нихъ свѣдѣнія изъ отзывовъ знаменитыхъ англійскихъ астрономовъ.

Письма, приводимыя въ отчетъ г-на Эйри, читавшемъ въ лондонскомъ королевскомъ обществѣ, и также письмо кембриджскаго профессора Чельса (Challis), напечатанное 17 октября въ журналѣ *Athenaeum*, показываютъ, что г. Адамсъ, съ успѣхомъ занимавшійся математикою въ Кембриджѣ, началъ еще въ 1843 году изслѣдовать движеніе Урана и искать объясненія его неправильностей въ дѣйствіи неизвѣстной отдаленной планеты. Въ 1844 году, г. Чельсъ писалъ въ первый разъ г-ну Эйри объ занятіяхъ Адамса и просилъ сообщать нужныя для нихъ наблюденія, которыя вскорѣ и были доставлены. Въ сентябрѣ, 1845 года, элементы новой планеты были найдены, и Чельсъ уведомилъ объ этомъ директора гринвической обсерваторіи въ письмѣ, которое намъренъ былъ вручить самъ Адамсъ для пріобрѣтенія личнаго знакомства. Но тогда г. Эйри уѣзжалъ во Францію, по возвращеніи же оттуда, въ октябрѣ, онъ узналъ главные выводы изъ письма Адамса. Положенія новой планеты выходили почти такія, какія определялъ г. Леверрье въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ впоследствии, но о которыхъ упоминалось *отчасти* еще и прежде въ парижской академіи наукъ. Это согласіе двухъ независимыхъ между

собою вычисленій возбудило довѣріе англійскихъ астрономовъ и служило поводомъ къ примѣчательному заключенію Д. Гершеля, въ рѣчи, произнесенной имъ 10 сентября, 1846 года, въ собраніи британскаго общества ученыхъ въ Саутсемтонѣ (Southampton); мы видимъ, говорить онъ, новую планету, какъ Колумбъ видѣлъ Америку съ береговъ Испаніи. Ея движенія обнаружилась на далеко проникающемъ пути нашего анализа съ такою достовѣрностію, которая едва уступаетъ очевидности нагляднаго наблюденія».

Пользуясь указаніями Адамса, г. Чельсъ началъ съ конца іюня, 1846 года, отыскивать планету большимъ нортумберландскимъ телескопомъ: поиски его, однакожъ, были не совсемъ успѣшны, и только *послѣ открытія планеты* г-мъ Галле въ Берлинѣ замѣтилъ Чельсъ, что онъ видѣлъ ее нѣсколькими неделями прежде, точно такъ, какъ Лемонье видѣлъ Урана прежде В. Гершеля, но убѣдился въ этомъ тогда, когда новое пріобретеніе было уже для науки обезпечено. Въ письмѣ своемъ, напечатанномъ 10 октября въ журналѣ *Literary Gazette*, г. Чельсъ говоритъ, что прочитавъ 29 сентября изслѣдованія г. Леверрье в строго слѣдуя его совастанъ, онъ пересмотрѣлъ болѣе 300 звѣздъ; одна изъ нихъ представляла *какъ бы видъ* небольшого кружка, и онъ не успѣлъ еще убѣдиться въ справедливости своего подозрѣнія, что это была планета, какъ получилъ уже извѣстіе о наблюденіяхъ г-на Галле.

Надобно очень сожалѣть, что замѣчательный трудъ г. Адамса понынѣ не изданъ, в еще болѣе о томъ, что объ немъ начали писать уже послѣ открытія планеты и послѣ появленія въ свѣтъ многихъ работъ французскаго ученаго. Вѣроятно, это зависѣло отъ скромности молодого автора, который не хотѣлъ представить ученому свѣту своихъ изслѣдованій, не доведя ихъ до совершенства; впоследствии, когда этотъ трудъ будетъ напечатанъ, его оцѣнятъ по достоинству и отдадутъ ему полную справедливость. Много чести г-ну Адамсу дѣлаютъ слова, произнесенныя имъ въ лондонскомъ астрономическомъ обществѣ (13 ноября, 1846 года); показавъ, что вычисленія его были окончены равне подобныхъ изысканій г-на Леверрье, онъ говоритъ, что этимъ онъ единственно желаетъ показать независимость своихъ выводовъ отъ работъ французскаго ученаго, но никакъ не хочетъ оспаривать справедливыхъ правъ его на почести открытія; нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ, что изслѣдованія Леверрье первыя появились въ ученоемъ свѣтѣ и привели г-на Галле къ открытію планеты, а потому замѣчанія о времени занятій не касаются до славы г-на Леверрье.

Въ самомъ дѣлѣ, напечатанное теперь письмо Адамса къ г. Эйри и писанное въ послѣднихъ числахъ октября, 1845 года, ясно свидѣ-

тельствуетъ о ранней эпохѣ его вычисленій; въ этомъ письмѣ приведены уже численные величины элементовъ новой планеты съ некоторымъ приближеніемъ. Кажется, однакожъ, что на г. Эйри, столь же отлично обладающаго теоріею въ астрономіи, какъ и практикою, трудъ Лаверрье произвелъ бѣльшее впечатлѣніе, нежели изслѣдованія г. Адамса; въ доказательство мы приводимъ здѣсь слова знаменитаго англійскаго астронома: «Очень обязанъ вамъ, писать г. Эйри къ Адамсу отъ 5 ноября, 1845 года, за сообщеніе мнѣ выводовъ вашихъ вычисленій, показывающихъ, что неправильности Урана происходятъ отъ дѣйствія планеты съ предполагаемыми элементами. Согласіе заключеній вашихъ съ наблюденіями вообще удивлительно.... Мнѣ пріятно, однакожъ, узнать, не можетъ ли это возмущающее вліяніе объяснить погрѣшность въ разстояніяхъ Урана отъ солнца (радіусахъ векторахъ), определяемыхъ по нынѣшнимъ таблицамъ.»

Такое объясненіе считалъ г. Эйри пробнымъ камнемъ теоріи; онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта, и прибавляетъ, что еслибъ нашелъ его удовлетворительнымъ, то употребилъ бы все свое вліяніе на обнародованіе теоріи Адамса. По невѣстной, можетъ быть, случайной причинѣ, Эйри не получалъ отвѣта, и впоследствии сожалѣлъ объ этомъ по многимъ причинамъ.

О томъ же вопросъ спрашивалъ гринвичскій астрономъ г-на Лаверрье, представляя ему, что упомянутая погрѣшность не можетъ быть нынѣ объяснена однимъ дѣйствіемъ невѣстной планеты. Французскій ученый не замедлилъ отвѣтомъ, и въ письмѣ своемъ отъ 28 іюня 1846 года, говоритъ слѣдующимъ образомъ:

«Сравненіе положеній Урана, замѣченныхъ въ послѣдніе годы во время противустояній и квадратуръ, показываетъ въ самомъ дѣлѣ, что радіусы векторы, определенные помощью употребляемыхъ нынѣ таблицъ, очень не точны. Этой ошибки не будетъ въ томъ пути, который выходитъ изъ моихъ изслѣдованій.... Вы справедливо полагаете, что погрѣшность не зависитъ отъ измѣненія радіуса вектора Урана дѣйствіемъ возмущающей планеты, что объяснить происхожденіе погрѣшности, надобно замѣтить, что эллиптический путь Урана, былъ вычисленъ Буваромъ изъ положеній, которыя были невѣрны; возмущенія, зависящія отъ невѣстной планеты, были пренебрежены, а отъ-того найденные элементы Урана сдѣлались не точны, и именно отъ ошибокъ въ эксцентриситетѣ и въ долготѣ перигелія происходитъ нынѣшняя ошибка въ радіусъ вектора. По моей теоріи, оба эти элемента получаютъ величины бѣльшія, нежели какія приняты Буваромъ, и это, при нынѣшнемъ положеніи Урана, способствуетъ къ увеличенію

«его радиуса вектора.... Одно изъ соображеній, которыя должны «моннъ заключеніямъ доставить бѣольшую вѣроятность, есть то, что «они дають полный отчетъ во всѣхъ обстоятельствахъ задачи. Въ «первыхъ моихъ изысканіяхъ я пользовался одними противосто- «ніями Урана, тѣмъ не менѣе квадратуры вычисляются у меня съ «возможною точностію. Радиусъ векторъ исправился самъ собою....»

Просимъ читателей извинить за то, что мы привели выписку, въ которой встрѣчается много техническихъ терминовъ; но самый тонъ ея показываетъ, что г. Леверрье излагаетъ дѣло съ полнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ своихъ заключеній. Читая это письмо, говорить г. Эйри, поражаетесь ясностію доводовъ и тѣмъ удивительнымъ искусствомъ, съ которымъ авторъ владѣетъ не только математическими теоріями возмущеній, но и теоріями, служащими для опредѣленія путей планетъ изъ наблюденій.

Еще съ бѣольшою похвалою относится Эйри о запискѣ, читанной г. Леверрье 31 августа 1846 года; сравнивая предложенные тамъ элементы новой планеты съ элементами, которые въ последнее время нашелъ Адамсъ, онъ вообще ихъ считаетъ удовлетворяющими наблюденіямъ, и только одно старинное наблюденіе Флемстида болѣе согласно съ вычисленіемъ Леверрье, нежели съ выводами Адамса. «Трудно изобразить, говорить граничскій астрономъ, то чувство, «которое произвели на меня, при чтеніи, записки французскаго «геометра, его сознаніе въ общей справедливости новой теоріи, от- «четливость, съ которою онъ ограничиваетъ поле наблюденій для «отысканія планеты, спокойный и увѣренный тонъ, съ которымъ «онъ говоритъ астрономамъ: «взгляните на указанную мною точку «неба, и вы увидите тамъ планету». Мы находимъ въ Леверрье болѣе «чѣмъ искуснаго или предпріимчиваго геометра: мы видимъ въ немъ «философа. Математическія его изысканія навсегда останутся въ «высшей степени поучительными, но никакія подробности, изданныя «послѣ открытія планеты, не окажутъ на меня такого глубокаго вне- «чатлѣнія, какое испыталъ я, читая ихъ въ краткомъ извлеченіи «прежде самого открытія».

Эти слова произнесъ ученый, который самъ занимаетъ высокое мѣсто въ наукѣ; живое его участіе, съ которымъ онъ признаетъ достоинство трудовъ иностранца, даетъ намъ право цѣнить изысканія Адамса: довольно того, что о нихъ упоминаетъ г. Эйри, чтобъ они получили историческое значеніе. Неправедливо было бы сравнивать два сочиненія, изъ которыхъ одно еще въ манускриптѣ, а другое вполне издано авторомъ и является намъ въ окончательной обработкѣ; но теперь же мы должны принести талантамъ Адамса дань полного уваженія.

Изложенная здѣсь исторія открытія новой планеты объясняетъ намъ, какъ важны могутъ быть для науки предположенія, хотя и неподтвержденныя, но вѣроятныя и благоразумно употребляемыя; и какъ во многихъ случаяхъ для скорѣйшаго успѣха науки полезно, чтобы не оставались долгое время въ неизвѣстности такія теоріи, которыя уже довольно созрѣли и не подлежатъ сомнѣнію въ общемъ ихъ итогѣ. Элементы Нептуна найдены Адамсомъ въ октябрѣ, 1845 года, и еслибъ тогда же сообщены были ученому свѣту изысканія, на которыхъ они утверждаются, то, можетъ быть, планета была бы найдена многими мѣсяцами раньше.

IV. Почему новая планета не была астрономами усмотрѣна прежде? Сравненіе ея съ землею.

Въ октябрѣ прошлаго (1846) года Нептунъ казался звездою 7-ой или 8-й величины; по измѣреніямъ г. Струве видимый діаметръ составлялъ тогда почти $2\frac{3}{4}$ секунды, и планету легко было усматривать въ самыя поперечныя трубы; въ сильныя же телескопы можно было безъ труда замѣтить дискъ, или не большой кружокъ. Если такъ легко Нептунъ усматривается, то спросятъ, почему же не нашли его прежде? Отвѣтъ на это простъ: звездъ 7 и 8 величины очень много; въ однихъ предѣлахъ зодіака ихъ содержится нѣсколько десятковъ тысячъ; можетъ быть, взорамъ астрономовъ случилось уже попадать на Нептуна, но трудно его было различить въ сонмѣ окружающихъ его мелкихъ звездъ. Въ благопріятныхъ обстоятельствахъ можно было бы съ помощію огромныхъ телескоповъ замѣтить круглый видъ планеты и открыть ее такъ, какъ Гершель нашелъ Урана, и еслибъ Нептунъ за 20 лѣтъ назадъ не былъ въ слишкомъ южномъ положеніи, то вѣроятно онъ не ускользнулъ бы отъ внимательнаго взора знаменитаго нашего астронома, г. Струве, тщательно обозрѣваемаго тогда, помощію дерптскаго фраунгоферова рефрактора, болѣе 120 тысячъ звездъ. Съ другой стороны, можно полагать, что ежели бы давно уже существовали столь полныя и вѣрныя небесныя карты, какія теперь издаются берлинскою академіею наукъ, то сличеніе ихъ въ различныя времена съ состояніемъ звезднаго неба, привело бы рано или поздно къ открытію Нептуна, подобно тому, какъ эти карты способствовали уже въ концѣ 1845 года къ находженію Астры, которая еще труднѣе усматривается, а въ слѣдующемъ году облегчили отысканіе Нептуна. Не будемъ, однако, жалѣть, что новое и отдаленнѣйшее тѣло нашей солнечной системы пріобрѣтено для науки другимъ, болѣе блестящимъ способомъ.

Для любопытства читателей приведемъ некоторыя сравненія Нептуна съ землею. Онъ находится отъ солнца почти въ 36 разъ далѣе, нежели земля, и болѣе чѣмъ въ 217 лѣтъ едва успѣваетъ одинъ разъ обойти около солнца. Истинный поперечникъ Нептуна полагаетъ г. Струве слишкомъ въ 5 разъ болѣе поперечника земли, и объемомъ своимъ новая планета почти въ 147 разъ превышаетъ объемъ земли, такъ что по величинѣ Нептунъ занимаетъ третье мѣсто въ солнечной системѣ и уступаетъ только Юпитеру и Сатурну. Изъ вычисленій Леверрье слѣдуетъ, что масса Нептуна почти въ 39 разъ болѣе массы земли, т. е. Нептунъ заключаетъ въ себя почти 39 болѣе вещества, нежели земля; но такъ какъ онъ занимаетъ въ 147 разъ большее пространство, чѣмъ земля, то отсюда выходитъ, что плотность Нептуна менѣе плотности земли почти въ 4 раза.

Около начала нынѣшняго 1847 года Нептунъ сдѣлался невидимымъ и теряется теперь въ лучахъ солнца; но черезъ нѣсколько мѣсяцовъ онъ явится опять.

Если вспомнимъ, что большая часть упомянутыхъ чиселъ предсказана теоріею прежде нежели наблюденія показали ихъ справедливость, то согласимся съ заключеніемъ Лапласа, что астрономія, по совершенству своихъ теорій, служитъ прекраснѣйшимъ памятникомъ ума человеческого и благороднѣйшимъ свидѣтельствомъ его дѣятельности.

САВИЧЪ.

НОВЫЯ ВАРІАЦІІ НА СТАРЫЯ ТЕМЫ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Нэкогда школа астанавілася ў грустномъ недоумянн, пораженая страшнымі і павыдаюму безвыходнымі процыворччямі, котрымі Кантъ завершилъ свое ученіе и изъ-за котрыхъ вдали виднѣлись улыбающіяся черты его учителя, Юма. Казалось, послѣдняя опора челоука — разумъ подкосился, достовѣрность вѣдѣвія исчезла; робкіе умы, всегда предпочитающіе бѣгство труда и лѣнивый покой утомительному изслѣдованію, стали отступать въ свои всегдашніа зимніа квартиры — въ мистицизмъ; эмпирики иронически улыбались; а въ сущности антиноміи Канта была основана на одномъ формальномъ процыворччїи и на насильственномъ раздвоеніи истины; вскорѣ наука обличила это.

Но если мы сравнимъ процыворччїа, поставленныа Кантомъ, съ процыворччїями, встречающимися въ сознаниіи современнаго челоука, то увидимъ, что отъ послѣднихъ не такъ легко отдѣлаться: онѣ прокрались во все наши убѣжденїа, исказили весь нравственный бытъ. Онѣ упорны, какъ все явленїа полусознательныа и, следовательно, полусостоящїа въ волѣ челоука (челоукъ дѣйствительно свободенъ только въ томъ, что вполне понимаетъ); онѣ трудно-уловимы, безпрестанно мѣняють платье, форму, языкъ, повременамъ до того притихаютъ, что становятся незамѣтными; но преупорно остаются при своей задней или, лучше, дряхлой мысли. Тѣмъ опаснѣе эти процыворччїа, что онѣ почти всегда скрыты за туманомъ внутреннихъ чувствъ, что онѣ избѣгаютъ резко высказаннаго име-

ни, что, наконецъ, знамя, выставленное мной съ величайшей добросовѣстностью, прикрываетъ совсемъ иное содержаніе. Рядомъ такихъ противорѣчій, утомительныхъ, вроническихъ, оскорбительныхъ, проходитъ озабоченное человѣчество передъ нашими глазами, льетъ свои слезы, льетъ свою кровь, мучится, споритъ, становится съ той или другой стороны, думаетъ примирить, думаетъ побѣдить — не можетъ, и вмѣсто того, чтобъ наслаждаться жизнью, склоняетъ усталую голову подъ то или другое ярмо предрасудковъ. Но кто же ставитъ, кто поддерживаетъ это ярмо? Его никто не ставитъ и никто не поддерживаетъ. Заблужденія развиваются сами собою, въ основѣ ихъ лежатъ всегда что-нибудь истинное, обросшее слоемъ ошибочнаго пониманія; какая-нибудь простая житейская правда — она мало по малу утрачивается, между прочимъ, потому, что выражена въ формѣ, несвойственной ей; а въ ками скопившаяся ложь, съдая отъ старости, опираясь на воспоминанія, переходитъ изъ рода въ родъ. Баратынскій превосходно назвалъ предрасудокъ обломкомъ древней правды. Эти обломки составляютъ одно начало для противорѣчій, о которыхъ мы говоримъ, по другую сторону ихъ — отрицаніе, протестъ разума. Развалины эти поддерживаются привычкой, лѣнью, робостью и, наконецъ, младенчествомъ мысли, неумѣющей быть последовательною и уже развращенной принятіемъ въ себя разныхъ понятій безъ корня, и безъ оправданія разсказанныхъ добрыми людьми и принятыхъ на честное слово. Это совершенно противно духу мышленія, но оно очень легко: вмѣсто труда и пота — органъ слуха, вмѣсто логической наготы — готовое богатство, вмѣсто нравственной ответственности передъ самимъ собою — младенческая зависимость отъ внѣшняго суда.

Но не должно забывать, что и сознаніе, что и трудъ мысли имѣетъ свою сильно-увлекательную прелесть; а потому, кромѣ несчастной, отстраненной нуждою и работою толпы, да кромѣ пресытившейся и утонувшей въ изгнѣ другой толпы, почти никто не остается спокойно при готовыхъ понятіяхъ; это просто неестественно человеку, у котораго мысль сколько-нибудь возбуждена; но хотѣть мыслить, но любить и желать истины — еще не все; тутъ и открываются трагико-логическія столкновенія, скорбныя и мучительныя противорѣчія. Всмотритесь въ нравственный бытъ современнаго человека, вы будете поражены противорѣчіями, глубоко и до поры до времени мирно лежащими въ основѣ всѣхъ его дѣлъ, мыслей, чувствъ: это одна изъ самыхъ разнкихъ, отличительныхъ чертъ нашего образованія. Отсюда желаніе сохранить разомъ науку со всеми ея правами, съ ея притязаніемъ на самозаконность разума, на дѣйствительность вѣдѣній, и всѣ романтическія выходы противъ разума,

оси ованныя на неопредѣленномъ чувствѣ , на темномъ голосѣ ; отсюда желаніе воспользоваться всеми благами современнаго и будущаго, не утрачивая ни одного блага прошедшаго, несмотря на то , что сознаніе несправедливости послѣднихъ — единственное условіе водворенія первыхъ. Сладствія этой шаткости , этого колебанія — тѣ , которыхъ надобно было ожидать — поразительная сила въ посылкахъ и поразительная робость въ силлогизмѣ , удаля въ отвлеченіяхъ и несостоятельность въ приложеніяхъ. Наконецъ , отсюда же истекаетъ потребность возстать всеми силами противъ этого немужественнаго , ложнаго , стертата направленія.

Наука, выросшая вдали отъ жизни, за стѣнами аудиторій, держалась большею частію въ отвлеченіяхъ , говорила свысока , лзыкамъ труднымъ и въ то же время неопредѣленнымъ , которымъ она столько же высказывалась , сколько скрывалась ; въ ея распушенныя , незамкнутыя категоріи вносили все, что хотѣли , придавая грубому матеріалу, захваченному съ улицы , современный лоскъ и отливая его въ логическія формы. Такое неустройство продолжаться не можетъ ; время такихъ себлобоольщеній прошло ; теперь труднѣе безнаказанно и шута плавать по поверхности науки, играть ея истинами ; ея основы глубоки , а глубь тянетъ въ себя ; надобно опуститься съ головою или выходить по добру по здорovu на берегъ и оставить науку и себя въ покоѣ ; оно , можетъ быть , и лучше , кому это возможно. Блаженъ , говоритъ Пушкинъ ,

Кто хладный умъ угомонивъ,
 Покоится въ сердечной нѣгѣ,
 Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ.

Отойти еще легко ; но дѣйствительно трудно становится долго продержаться колоссомъ родосскимъ — одна нога на берегу , другая на другомъ : берега все болѣе и болѣе раздвигаются. Да и зачѣмъ эта двойственность ? « Будь то и другое » какъ говорилъ Іоаннъ. Въ этомъ отношеніи скажемъ смѣло : хвала дерзкому лзыку , которымъ съ нѣкотораго времени заговорила наука нашего вѣка. Это кончитъ поскорѣе всѣ недоразумѣнія. Ей не нужно скрываться , у ней совѣсть чиста ; пора говорить просто , ясно ; пора все говорить , на сколько это возможно. Половина поклонниковъ современной мысли непременно отойдетъ — что за беда ? Кто отойдетъ , тотъ былъ чужой , тотъ былъ обманутъ. Оставляя что-либо недоговореннымъ , значить оставлять возможность ложнаго пониманія ; надобно, напротивъ , предупредить всякое двусмысленное выраженіе , — этого требуетъ честность въ наукѣ. Таковъ лзыкъ Спинозы. Можно съ нимъ ни въ чемъ

не соглашаться, но нельзя не остановиться съ уваженіемъ передъ этой мужественной и открытой рѣчью, и вотъ разгадка, почему его вдесятеро болѣе ненавидѣли, нежели другихъ мыслителей, говорившихъ то же, что и онъ.

Говорить языкомъ откровеннымъ можетъ всякій благородный человекъ, имѣющій право говорить; но говорить языкомъ совершенно простымъ бываетъ, не скажу — невозможно, но трудно при известныхъ обстоятельствахъ. Современное слагающееся воззрѣніе на жизнь сложно; взятое съ боя, выработанное въ мучительной борьбѣ, въ отрицаніяхъ и лишеніяхъ, неопытное, наконецъ, оно трудно уловляется въ какой-нибудь маленькій кодексъ, въ нѣсколько общихъ мѣстъ, громкихъ словами и скудныхъ содержаніемъ; можетъ быть, оно трудно уловляется отъ-того, что его требованія и выше и многостороннѣе требованій прежнихъ моралистовъ и юристовъ. Несмотря на это, новое воззрѣніе имѣетъ не только свою опредѣленность, но и свой истинникъ, который никогда не обманетъ того, кто съвѣстливо выработалъ себя смыслъ его, и кто понятое оставилъ не въ отвлеченіи, а привялъ въ мозгъ и кровь. При всемъ этомъ, можно бы было просто перелавать многое, если бы просто понимали; но главное препятствіе въ томъ, что каждый является съ готовыми убѣжденіями, воспитавши въ себя возможность спокойно укладывать въ голову самыя крутыя противорѣчія; что дѣлать съ такими умами? Задача тутъ измѣняется, вопросъ становится не педагогическій, а патологическій. Кто не все исторгнулъ изъ груди неоправданное разумомъ, тотъ не свободенъ и можетъ дойти до того, что отвергнетъ весь разумъ. Беранже говоритъ, что его муза прескапризная: за малѣйшій кончикъ галуна начпааетъ бѣситься и кричать. Его муза права: дѣло не въ сажени и не въ верхкѣ галуновъ, а въ галунахъ вообще.

Обернитесь, куда хотите, въ психическомъ быту нашемъ, вы вездѣ найдете эту борьбу сознанія съ привычкой, мысли съ разговоромъ, логики съ предавіемъ, ума съ дѣломъ, философія съ исторіей. За примѣрами далеко ходить нечего:

I.

Люди испоконъ вѣка, или, по крайней мѣрѣ, съ трояской войны, толкуютъ о нравственной независимости, о стремленіи къ ней, о ея достоинствахъ и прелестяхъ, однако, не вкушаютъ этихъ прелестей, потому-что она несравненно болѣе привязаны (хоть и не хвастаются этимъ) къ авторитетамъ, къ внѣшнимъ влччіямъ, къ указаніямъ,

нежели къ нравственной свободѣ. Любовь къ нравственной свободѣ — чисто платоническая, идеальная; по ней вздыхаютъ, о ней говорятъ въ ученыхъ предисловіяхъ и въ академическихъ речахъ, ей поклоняются пламенные души, но на благородной дистанціи. Людямъ страшна ответственность самобытности; любовь ихъ къ нравственной независимости удовлетворяется вѣчнымъ ожиданіемъ, вѣчнымъ стремленіемъ, они скромно рвутся, воздержно стремятся къ предмету желаній и чувствительно вѣрятъ, что ихъ желанія осуществятся, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ; такая вѣра утѣшаетъ и миритъ ихъ съ настоящимъ, — чего же лучше? Вспомнимъ при этомъ грубыхъ и дикихъ средневѣковыхъ рыцарей, съ своимъ гордымъ и воинственнымъ видомъ слушающихъ благочестиваго капеллана и его поученія о смиреніи, о нищетѣ. Они слушаютъ и глубоко горюютъ о томъ, что все это не исполняется... а еслибъ... не такъ бы пришлось горевать имъ. Милая, навивная логика!

Съ своей стороны, любовь къ умственному авторитету, вовсе не платоническая, а обыкновенная, супружеская *d'un mariage de raison*, такая любовь, въ которой мечтами и поэзіей пожертвовано для домашнихъ удобствъ, для экономіи, для порядка, для лѣни. Лѣнь и привычка — два несокрушимые столба, на которыхъ покоится авторитетъ. Авторитетъ представляетъ собственно опеку надъ недорослемъ; лѣнь у людей такъ велика, что они охотно сознаютъ себя несовершеннолѣтними или безумными, лишь бы ихъ взяли подъ опеку и дали бы имъ досугъ ѣсть или умирать съ голоду, а главное — не думать и заниматься вздоромъ. Правда, люди боятся умственной неволи, особенно, когда пилюля не позолочена, когда она груба, нагла; но они вдвое больше боятся отсутствія авторитета, т. е. простоты, шири, которая тогда дѣлается; они знаютъ, что человекъ слабъ, того и смотри — избалуется.

Внѣшній авторитетъ несравненно-удобнее: человекъ сдѣлалъ скверный поступокъ — его пожурили, наказали, и онъ кивтъ, будто и не дѣлалъ своего поступка; онъ бросился на колѣни, онъ попросилъ прощенія, его, можетъ, и простятъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда человекъ оставленъ на самого себя: его мучитъ униженіе, что онъ отрекся отъ разума, что онъ сталъ ниже своего сознанія, ему предстоитъ трудъ примириться съ собою, не слезливымъ раскаяніемъ, а мужественною побѣдою надъ слабостью. Но побѣды эти не легки. — Первое дѣло, за которое принимаются люди, отбросивъ одинъ умственный авторитетъ, — принятіе другого, положимъ лучшаго, но столько же притѣснительнаго, а если забыть его содержаніе, то и не лучшаго, но очень простой причинъ, потому-что в люди сдѣлались лучше, следовательно, отношеніе осталось тоже. Киваецъ, которому да-

дуть пять сотъ бамбуковъ за нарушеніе какой-нибудь изъ десяти тысячъ церемоній, столько же ими огорчится, сколько Французъ, котораго драму запретятъ играть самымъ учтивѣйшимъ образомъ. Даже такіе привилегированные эманципаторы, какъ Вольтеръ, умѣя кощувствовать надъ религіей, оставались просто идолопоклонниками своихъ вымысловъ и призраковъ.

Моралисты часто умиленно говорятъ о гибельномъ пороке властолюбія; властолюбіе, какъ и всѣ прочія страсти, доведенное до крайности, можетъ быть смѣшнымъ, печальнымъ, вреднымъ, смотря по кругу дѣйствій; но властолюбіе само по себѣ вытекаетъ изъ хорошаго источника, изъ сознанія своего личнаго достоинства; основываясь на немъ, человекъ такъ бодро, такъ смѣло вступалъ вездѣ въ борьбу съ природою и развилъ въ себѣ ту гордую неспугуемость, которая насъ поражаетъ въ Англичанинѣ. Ктому же, въ нѣсколько устроенномъ обществѣ, властолюбіе, какъ дикая страсть, является такъ рѣдко, что едва ли стоить о немъ говорить. Совсѣмъ иное дѣло умалчиваемая моралистами любовь къ умственной подвластности, къ авторитетамъ, основанная на самопрезрѣніи, на уничтоженіи своего достоинства, — она такъ обща, такъ эпидемически поражаетъ цѣлыя поколѣнія и цѣлые народы, что о ней стоило бы поговорить; но они молчатъ! Считать себя глупымъ, неспособнымъ понять истины, слабымъ, презреннымъ, наконецъ, и получающимъ все свое значеніе отъ-чего нибудь вышняго — не ужели это добродѣтель? — «Да, я теперь остался круглымъ сиротой, вѣтъ ни отца, ни матери», говорилъ мнѣ одинъ чиновникъ лѣтъ пятидесяти; онъ въ эти лѣта и совершивъ уже общественную тягу, понимаетъ себя безъ отца и матери *сиротою*, а не самобытнымъ, на своихъ ногахъ стоящимъ человекомъ. Не смѣйтесь надъ нимъ: также не самобытна большая часть самыхъ развитыхъ людей; вы у каждого найдете какое-нибудь карманное идолопоклонство, какое-нибудь дикое понятіе, унаследованное отъ няньки и спокойно прожившее лѣтъ тридцать съ возрѣніемъ, вовсе несвойственнымъ нянькамъ, и, наконецъ, какой-нибудь авторитетъ, безъ котораго онъ пропалъ, безъ котораго онъ круглая сирота. — Вотъ какъ трепещутъ передъ палкой, къ которой привязана козлиная борода — это ихъ шайтанъ. Няньцы трепещутъ передъ страшными призраками своей науки. Конечно, отъ грубаго вотляцкаго шайтана до шайтана нѣмецкой философіи большой шагъ; но родственныя черты не мудрено раскрыть между ними. — «Я вижу на твоемъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ тебя почитать царемъ» — сказалъ Кентъ безумному Диру. А мы можемъ сказать многимъ, кичащимся своею умственною независимостію: я вижу на твоемъ челѣ нѣчто такое, что меня заставляетъ назвать тебя рабомъ.

II.

Нать той всеобщей, истинной мысли, изъ которой бы, вьместо расширенія круга дѣйствій, человекъ не сплелъ веревку для того, чтобъ ою же потомъ перевязать себя ноги, а если можно, то и другимъ, такъ-что свободное произведеніе его творчества дѣлается карательною властью надъ нимъ; нать того истиннаго, простаго отношенія между людьми, которое бы мы не превратили во взаимное порабощеніе: любовь, дружба, братство, соплеменность, наконецъ, самая любовь къ воля послужили неизсякаемыми источниками нравственныхъ притѣсненій и неволи. Мы здѣсь вовсе не говоримъ о внѣшнихъ стѣсненіяхъ, а о боязливой, теоретической совѣсти людей, о стѣсненіяхъ внутреннихъ, добровольныхъ, отогрѣваемыхъ въ собственной груди, о трепетѣ передъ послѣдствіемъ, о боязни передъ правдой. Человекъ стоитъ безпрестанно на козлахъ передъ тѣмъ или другимъ, — передъ золотымъ тельцомъ или передъ внѣшнимъ долгомъ; всего чаще, онъ, какъ извѣстный своей разсыяльностью графъ Остерманъ, склоняется передъ своимъ собственнымъ изображеніемъ въ зеркалѣ, передъ фатой-морганой, отражающей ему его самого. Потребность чтить, уважать такъ сильна у людей, что они безпрестанно что-нибудь уважаютъ внѣ себя — отца и мать, повѣрѣя своей семьѣ, правы своей страны, науку и идеи, передъ которыми они совершенно стѣраются. Все это, допустимъ, и хорошо и необходимо, но дурно тѣ, что имъ въ голову не приходитъ, что и внутри ихъ есть достойное уваженія, что они, не красясь, вынесутъ сравненіе со всѣмъ уважаемымъ; они не понимаютъ, что человекъ, презирающій себя, если уважаетъ что-либо, то ужъ онъ въ прахъ передъ уважаемымъ, его рабъ, что онъ уже преступилъ святую заповѣдь: «не сотвори себѣ кумира».

И между-тѣмъ дѣйствительно все превращается въ кумиръ, даже логическую истину, даже самую свойственную человеку форму жизни превращаетъ онъ себя въ тяжкій долгъ, онъ заставляетъ себя насильственно повиноваться своему собственному побужденію, — такъ въ немъ искажены вся понятія. Если долгъ мною сознавъ, то онъ столько же силлогизмъ, выводъ, мысль, которая меня не тѣснитъ, какъ всякая истина, и котораго исполненіе мнѣ не жертва, не самоотверженіе, а мой естественный образъ дѣйствія; мнѣ никто не запрещаетъ говорить, что $2 \times 2 = 5$, но я противъ себя не могу этого сказать. Дѣло все состоитъ въ томъ, что моралисты главнымъ основаніемъ своего ученія владутъ глубокою истину, что человекъ отъ природы зло-

дѣи и извергъ, изъ чего и выводятъ, что онъ долженъ быть добродѣтеленъ. Отчего же ни одинъ звѣрь не вылезъ отъ природы развратныхъ побужденій, т. е. такихъ, которыя были бы несвойственны и вредны его формѣ бытія? Странная была бы исключительная привилегія чловѣка (*homo sapiens*. Linn.) быть въ противорѣчіи съ своими опредѣленіями, съ своимъ родовымъ значеніемъ и притягиваться къ нему на арканъ. Еслибъ это было въ самомъ дѣлѣ такъ, то надлежало бы заключить, что или чловѣкъ нечелъкъ, или что долгъ нечелъкъ, т. е. не выражаетъ его назначенія. Быть *чловѣкомъ* въ чловѣческомъ обществѣ вовсе не тяжкая обязанность, а простое развитіе внутренней потребности; никто не говоритъ, что на пчелѣ лежитъ священныи долгъ дѣлать медъ: она его дѣлаетъ потому, что она пчела. Чловѣкъ, дошедшій до сознанія своего достоинства, поступаетъ чловѣчески потому, что ему такъ поступать естественнѣе, легче, свойственнѣе, пріятнѣе, разумнѣе; я его не похваляю даже за это, онъ дѣлаетъ свое дѣло, онъ не можетъ иначе поступать, такъ какъ роза не можетъ иначе пахнуть. «Поэтому вся сознательные люди будутъ героями добродѣтели, самоотверженія и проч.»? Нисколько. Дѣлать героическіе подвиги принадлежатъ натурѣ героической, такъ какъ творить художественныя произведенія принадлежатъ поэту. Но не дѣлать ничего противочловѣческаго принадлежитъ всякой чловѣческой натурѣ, для этого не требуется даже много ума; никому не даю я права требовать отъ меня героизма, лирическихъ поэмъ и проч., но всякому принадлежатъ право требовать, чтобъ я его не оскорбилъ, и чтобъ я не оскорблялъ его — оскорбленіемъ другого. Чловѣкъ, не дошедшій до сознанія — дитя, больной, не полный чловѣкъ, педоросль; онъ виъ закона нравственнаго, потому-что онъ его не понимаетъ своимъ закономъ; за это, хотя онъ и въренъ своей степени развитія, покоряясь страстямъ больше разума, — его должно силою заставить покориться, на томъ основаніи, на которомъ приказываютъ дѣтямъ безусловно исполнять волю старшихъ, или, если хотите, изъ тѣхъ началъ, по которымъ сажаютъ сумасшедшаго на цѣпь. Сомнительно, чтобъ виъшніи мѣры исправили кого-нибудь, но онъ держатъ въ страхѣ — и цѣль достигнута. Уголовные законы составляются въ пользу общества, а не въ пользу преступника. Здѣсь дѣло въ томъ, чтобъ заставить лицо исполнить общую волю, и въ большей части случаевъ развитый чловѣкъ ей уступить; если не по охотѣ, то по расчету онъ долженъ покориться, потому-что онъ слабѣйшій; имѣи онъ достаточно силы, онъ вышелъ бы на борьбу съ ложнымъ въ его глазахъ началомъ, такъ какъ Сократъ. Лицо можетъ столько же забываться противъ общества, сколько отстать, въ обоихъ случаяхъ можно обуздать, понудить лицо, по мѣрѣ его дѣяній и ихъ

несоответственности съ общепринятымъ, но это вовсе не выгода и прелесть общественной жизни, а необходимость ея, ея невыгода, жертва, которую лицо приноситъ ей, а жертва никогда не бываетъ наслажденіемъ; я, по крайней мѣрѣ, не знаю радостныхъ жертвъ; тутъ есть *contradictio in adjecto*, потому-что радостная жертва вовсе не жертва. Но моралисты вздумали придать какой-то абсолютно-высокій характеръ обыкновеннымъ полицейскимъ мѣрамъ, которыя не болѣе какъ справедливы въ юридическомъ смыслѣ, и необходимы для столкновеній въ обществѣ. Представляя себѣ слишкомъ отвлеченно и односторонно идею долга, они захотѣли, чтобы и въ политическомъ мірѣ человекъ предупредительно, добровольно жертвовалъ собою и всѣмъ своимъ....

III.

Ничто въ свѣтѣ не поддерживаетъ такъ сильно людей въ искаженномъ пониманіи, какъ нашъ условный и до крайности неварный языкъ; мы нехотя безпрестанно лжемъ, мы говоримъ готовыми типами, и типы эти беремъ изъ двухъ совершенно прошедшихъ міросозерцаній — римскаго и феодальнаго; мы словами своимъ мѣшаемъ понимать просто и ясно свою же мысль. Это и грустно, и досадно, и смѣшно!

Что такое эгоизмъ? Сознаніе моей личности, ея замкнутости, ея правъ, что ли? Или что-нибудь другое? Гдѣ окончивается эгоизмъ и гдѣ начинается любовь? Да и дѣйствительно ли эгоизмъ и любовь противоположны; могутъ ли они быть другъ безъ друга? Могу ли я любить кого-нибудь не для себя; могу ли я любить, если это не доставляетъ *мнѣ*, именно *мнѣ* удовольствія? Не есть ли эгоизмъ одно и тоже съ индивидуализаціей, съ этимъ сосредоточиваніемъ и обособленіемъ, къ которому стремится все сущее, какъ къ послѣдней цѣли. Всего меньше эгоизма въ камнѣ, у звѣря эгоизмъ сверкаетъ въ глазахъ; онъ дикъ и исключителенъ у дикаго человека, не слѣвается ли онъ съ высшей гуманностью у образованнаго?

Вы думаете, что моралисты разрѣшили эти вопросы; нѣтъ, они отдѣлываются доблестнымъ негодованіемъ противъ всего эгоистическаго; они знаютъ, что эгоизмъ значительный порокъ; имъ этого довольно; ихъ безпорочная натура мечетъ грома на него и не унижается до пониманія. Странные люди! вмѣсто того, чтобъ именно на эгоизмъ, на этомъ въ глаза бросающемся грунтѣ всего человеческого, создать житейскую мудрость и разумныя отношенія людей, они стараются всѣми силами уничтожить, замарать эгоизмъ, т. е. скрыть

die feste Burg человеческого достоинства и сдѣлать изъ человека слезливого, сентиментальнаго, прѣснаго добряка, напрашивающагося на добровольное рабство. Слово *эгоизмъ*, какъ слово *любовь*. слѣшкомъ общи: можетъ быть гнусная любовь, можетъ быть высокій эгоизмъ, и обратно. Эгоизмъ развитаго, мыслящаго человека благороденъ, онъ-то и есть его любовь къ наукѣ, къ искусству, къ ближнему, къ широкой жизни, къ неприкосновенности и проч.; любовь ограниченнаго дикаря, даже любовь Отелло — высшій эгоизмъ. Вырвать у человека изъ груди его эгоизмъ, значитъ вырвать живое начало его, закваску, соль его личности; по счастью, это невозможно и напоминаетъ только того почтеннаго моралиста, который отучилъ свою лошадь отъ эгоистической привычки ѣсть, в очень сердился, что она умерла, какъ только стала отвыкать отъ пищи....

Что мы сказали объ эгоизмѣ, тоже должно сказать о своеволіи. Мишинъ началъ *своевольно* великое дѣло возстанія противъ чужеземнаго порабощенія. Неужели его своеволіе похоже на своеволіе пѣницы, придерживающагося къ прохожимъ? Я полагаю, что разумное признаніе своеволія есть высшее нравственное признаніе человеческого достоинства, что до него и домогаются всѣ. Отчего эти недоразумѣнія, этотъ смутный хаосъ понятій? — отъ дурной привычки брать и понятія и слова безъ анализа; а унаследовали ихъ отъ схоластики. Жизнью люди стали выше этой унижающей точки зрѣнія, но изъ учтивости и по скверной привычкѣ остаются при старомъ языкѣ; и таково странное право словъ: мы чувствуемъ, что неладно, что не такъ выражаемся, но не языкъ отбрасываемъ, а принимаемъ превратный образъ. Мы перетасили изъ средневѣковаго міра натянутую, романтико-мистическую обстановку всѣхъ наипростѣйшихъ истинъ и затемнили ихъ. Обстановка эта всему придаетъ, какъ освѣщеніе бенгальскимъ огнемъ, странный и изуродованный видъ. Мораль наша еще въ феодальной одеждѣ, но уже въ полинялой и истасканной; ея оружія заржавѣли и притупились, утратили свою рѣзкость и сдѣлались площе. Слагяющаяся новая жизнь, непризнанная въ сферѣ морали, почва совершенно неудобная для такихъ сѣмянъ. Она и непустила корней. Возьмите обыкновенную свѣтскую мораль — все это до такой степени неистинно, перемѣшано изъ разныхъ началъ, такъ нелѣпо, шатко, бѣдно, что жалъ видѣть добросовѣстную преданность проповѣдующихъ ее. Когда для морали былъ одинъ источникъ — религія, тогда она послѣдовательна; она стройно шла изъ одного начала. Новый человекъ, этотъ Криспинъ, слуга двухъ господъ, хотѣлъ сохранить выводы прежней морали, но источникомъ ей поставилъ отвлеченный долгъ; можете себя представить плоды такой логики! Отшатнувшись отъ твердаго берега, люди испугались;

нмъ, привыкнувшимъ къ мрачнымъ сводамъ, къ освѣщенію свѣчами, къ сырому воздуху каменныхъ стѣнъ, сдѣлалось невыносимо тяжело на чистомъ полѣ, отъ воздуха, отъ солнца, отъ отсутствія стѣнъ, отъ безграницной дали и возможности идти во всѣ стороны. Со страху они построили на скорую руку досчатый балаганъ нашей морали и подумали, что это новый храмъ, въ то время, какъ въ сущности этотъ балаганъ нечто другое, какъ временной лазаретъ.

Желаніе выйти изъ романтизма ощутительно, но робко покидаемъ мы его; насъ гнететъ вліяніе пугающихъ мечтаний и привычныхъ грезъ, и мы равно не имеемъ геройства ни воротиться къ средневѣковымъ воззрѣніямъ, ни пожертвовать ими; мы краснѣемъ еще при мысли, что у насъ есть тѣло, и не вѣримъ, что мы духи; у насъ въ памяти глубоко вкоренились клеветы, подъ вліяніемъ которыхъ мы думаемъ нашу думу, и готовые образы, отъ которыхъ мысль наша отстать не можетъ. Съ грустью говорилъ ужъ объ этомъ Гегель; вотъ слова его: «Мы всѣмъ нашимъ образованіемъ погружены въ фантастическія представленія, которыя трудно переступить. Древніе мыслители были совсѣмъ не въ томъ положеніи; обычные къ чувственному созерцанію, они не мысли ничего впередъ идущаго, кромѣ небесъ сверху и земли внизу. Мысль вольно мирвалась и сосредоточивалась въ этомъ мірѣ, и сосредоточивалась свободная отъ всякаго даннаго содержанія: то было вольное выплываніе въ ширь, гдѣ ничего нѣтъ ни подъ нами, ни надъ нами, гдѣ мы остаемся наединѣ съ собою....»

Encyclop. Tom. I.

ИСКАНДЕРЪ.

С. Соколово.

Іюль, 1846 г.

ПИСЬМА ОБЪ ИСПАНІИ.

I.

Мадридъ. Іюль, 1846.

Нечего вамъ говорить, съ какимъ любопытствомъ переезжалъ я границу Испаніи, съ какимъ жаднымъ вниманіемъ встрѣтилъ я Угилъ, первый пограничный испанскій городъ, гдѣ diligencia нашъ остановился завтракать. Здѣсь же была и послѣдняя станція на французскихъ лошадяхъ. Въ Угилъ нашъ испанскій diligencia получилъ испанскую упряжь: десять красныхъ, сильныхъ муловъ. Весело смотреть, какъ ихъ холать Испанцы: вся задняя половина выбрита, грива въ лентахъ, на головѣ высокой букетъ изъ разноцвѣтной шерсти. Здѣсь же верхъ нашего diligencia нагрузили дюжиною ружей и trabucos (родъ мушкетоневъ), между которыми помѣстились двое escopeteros. Какъ ни будьте недоувѣрчивы ко всѣмъ слухамъ и рассказамъ о разбойникахъ, но когда diligencia вооружаютъ, какъ подвижную крѣпость, поневолю иногда подумаешь о нихъ. Мои товарищи въ diligencia совѣтовали мнѣ, путешествуя по Испаніи, имѣть при себѣ наличными деньгами столько, сколько нужно отъ одного большого города до другого, — франковъ 200 или 300, а остальные деньги въ векселяхъ; эти 300 франковъ необходимы еще и для того, чтобъ избавитъ отъ дурного обращенія разбойниковъ, которые, если при путешественникѣ не находится вовсе или очень мало денегъ, вымѣщаютъ на немъ свое неудовольствіе побоями. Угилъ познакомилъ меня и съ испанскою кухней: весь завтракъ приготовленъ былъ на дурномъ оливковомъ маслѣ, которое воняло, какъ тѣ, которое называется у насъ обыкновенно деревяннымъ. Впрочемъ, товарищи мои,

Испанцы, обрадовались ему, говоря, что они не могли есть оливкового масла во Франціи: оно не пахнет масломъ. Здѣсь же увидѣлъ я и классическій плащъ испанскій (сара); угрюмо и спокойно, завернувшись въ свои коричневые плащи, смотрѣли мужьки на провзжавшій дилижансъ. Ни въ движеніяхъ, ни во взглядахъ не обнаруживалось у нихъ того живого любопытства, съ какимъ житель юга, напримеръ Итальянецъ, встрѣчаетъ всякую провзжавшую телегу и тотчасъ обступаетъ ее. Эти спокойныя, величавыя манеры особенно поражаютъ послѣ французской подвижности и увертливости. Il n'y a plus de Puygénéès Людовика XIV, показываетъ только, что такъ-называемый великій король не имѣлъ никакого понятія объ Испаніи. Никогда природа и нравы не разделяли два страны съ большею разностію!

Теперь между главными городами Испаніи (не всеми) и Мадритомъ, хотя изрѣдка, ходятъ дилижансы; но когда первый дилижансъ, назавтъ тому лѣтъ двадцать, отправился изъ Мадрита, — за нѣскольکو миль отъ Мадрита былъ оставленъ толпою народа и сожженъ вмѣстѣ съ чемоданами путешественниковъ. Второй провожали два взвода кавалеріи до самой границы. Это продолжалось цѣлый мѣсяць, пока народъ не привыкъ къ этому нововведенію, которое, между прочимъ, отбивало доходъ у погонщиковъ муловъ и лошадей (argiros), верхомъ на которыхъ обыкновенно путешествовали по Испаніи. Испанскіе дилижансы по ночамъ не ѣздятъ; какъ у итальянскихъ *veturini*, у нихъ назначены мѣста для ночлеговъ. День оканчиваютъ они въ 3 и 5 часовъ вечера, выезжая на другой день рано утромъ. Разумѣется, такого рода ѣзда ведется изъ осторожности, и для путешественника она пріятна, въпервыхъ тамъ, что имѣешь время взглянуть на городъ, можно часа три, четыре уснуть на постели (хотя здѣсь оцѣ очень плохи), а вовторыхъ, дорога до Витторіи печально-живописна: селеній мало; изрѣдка по горамъ виднются одинокіе дома, большіе, полуразвалившіеся. Испанецъ не любитъ съѣживаться: онъ живетъ сально, бѣдно, но широко. И какъ все это заброшено, какъ всюду еще видны слѣды войны! Въ вѣнхъ селеніяхъ есть домъ, наскоро украшенныя, — на нихъ слѣды ядеръ и пуль; другіе стоятъ съ полуразрушенными крестами. Сальныя, одинокія *ventas* ни сколько не измѣнились со времени странствованія донъ Кихота: та же большая комната, въ родѣ сарая, подпертая толстыми колоннами, вмѣсто стульевъ каменная скамья, вдѣланная въ стѣну; посередѣ громадный камень, дымъ котораго выходитъ въ отверстіе, продолланное въ коническомъ потолокъ. Я ничего не рѣшался спрашивать тамъ, кромѣ вина, да и то нестерпимо воняло своимъ кожанымъ мышкомъ.... Франція только за 30 миль, — можно подумать, что она за 2,000!

Въ Витторіи мы почевали. Я часа три бродилъ по городу, и не нашелъ его нисколько интереснымъ. На одной площади увидѣлъ я очень красивую церковь, — вошелъ въ нее... она служила амбаромъ для складки хлѣба. Бывшій тутъ человекъ объяснилъ мнѣ, что церковь эта принадлежала къ монастырю. Когда, назадъ тому лѣтъ семь, монастыри въ Испаніи были упразднены и монахи изъ нихъ *изгнаны* (я буду имѣть случай коснуться этого, когда буду говорить съ вами о духовенствѣ въ Испаніи), монастыри вмѣстѣ съ ихъ землями поступили въ государственное владѣніе и продавались съ аукціоннаго торга. Такимъ образомъ, а эта монастырская церковь кончила свое земное поприще тамъ, что стала сараемъ. Ея теперешній владѣтель не потрудился даже очистить ее: онъ только сложилъ въ уголъ раскрашенные бюсты святыхъ. Ради Бога, есть ли возможность думать и мечтать о старой католической Испаніи, объ Испаніи романсеровъ, когда современная Испанія, при первомъ шагѣ на ея почву, такъ ярко мечется вамъ въ глаза. Кстати замѣтить, что здѣсь протестанты и теперь еще лишены права имѣть свою церковь, и кромѣ католическаго храма, никакой другой не можетъ быть въ Испаніи. Это одно изъ множества тѣхъ дѣяній противорѣчій, которыя могутъ нѣсколько служить ключомъ для понятія настоящаго положенія Испаніи.

До Витторіи дорога плетъ самыми живописными мѣстами. Чудная и унылая природа! Селенія рѣдки, и вы представить не можете, что за угрюмый видъ этихъ селеній. По городамъ у рѣдкаго дома вѣтъ огромнаго герба на входѣ: рѣдкій васконгадецъ не считаетъ себя дворяниномъ! Витторіа главный городъ провинціи Алава, которая съ Бискаей и Гипускою составляютъ такъ называемыя провинціи васконгадскія. Эти-то провинціи съ такимъ мужествомъ поддерживали допъ Карлоса. Но собственно до допъ Карлоса имъ было весьма мало нужды, а чтобъ показать вамъ, до какой степени могла простираться ихъ привязанность къ монархическому принципу, я попрошу у васъ позволенія сказать нѣсколько словъ о ихъ политическомъ устройствѣ.

Вся Испанія съ Карла V сдѣлалась абсолютной монархіей, кромѣ трехъ васконгадскихъ провинцій; одна онѣ сохранили свои прежнія республиканскія формы и попрежнему продолжали собирать свои національныя конгрессы. Маленькія общины присылали своихъ депутатовъ; сами общины собственно назывались республиками. Эти конгрессы завѣдывали администраціею провинцій, назначали налоги, распределяли общественные расходы. Провинціи сами платили своимъ чиновникамъ, содержали милицію; у нихъ былъ свой бюджетъ, свой кредитъ, и кредитъ до такой степени достаточный, что, напри-

Мѣръ, до послѣдняго возстанія ихъ трехъ-процентныя бумаги провинцій Алавы ходили по 93 франка. Кроме того, провинціальный хунты (*juntas*) вмѣстѣ выбирали одного общаго депутата, въ рукахъ котораго сосредоточивалась власть исполнительная и который сносился съ испанскимъ правительствомъ почти какъ равный съ равнымъ. Алава и Гипускоа вмѣстѣ выбирали себя одного такого депутата, который былъ, въ некоторомъ образѣ, президентомъ двухъ маленькихъ республикъ. Но Бискайя, самая демократическая изъ трехъ, выбирала себя трехъ, составлявшихъ нечто похожее на директорію. Во все это испанскій король не могъ вмѣшиваться ни съ какой стороны; онъ имѣлъ только въ каждой провинціи своего *conregidor*: это нечто въ родѣ тѣхъ *comites*, которыхъ римскіе императоры посылали надсматривать надъ римскими муниципіями. Хотя Наварра и далеко не имѣла подобнаго устройства, но и ея права (*fueros*) были значительны. Конституція, обнародованная послѣ смерти Фердинанда VII, дѣлала ихъ отдѣльныхъ *fueros* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ старинной независимости. Вотъ гдѣ должно искать истинной причины ихъ возстанія и той энергіи, съ какою поддерживали они войну противъ Христианы и конституціонистовъ. Тутъ дѣло шло собственно не объ *rey neto* (абсолютный король), не о прѣзахъ донъ Карлоса: провинціи хотѣли сохранить свою независимость отъ конституціоннаго уровня. Это была война не за убѣжденія, не междоусобная война, но война за муниципальные права; они хотѣли *rey neto*, донъ Карлоса, для того, чтобъ самимъ оставаться свободными, при своемъ республиканскомъ устройствѣ. Кроме того, басконгадцы говорятъ между собою особеннымъ языкомъ, который не происходитъ ни отъ латинскаго, ни отъ кельтскаго, и въ которомъ ученые рѣшились найти некоторое сходство съ однимъ финикійскимъ; вѣрно то, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ испанскимъ. Алава и Гипускоа не платили государству никакихъ податей, но покупали *покровительство* Испаніи за извѣстную сумму, которая не мѣнялась въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ. Гипускоа, напротивъ, платила королю ежегодно 42,000 реаловъ (около 10,000 рублей асс.). Бискайя же, самая демократическая изъ трехъ, избавила себя отъ всякаго рода подати, какъ заключающей въ себя, по ея мнѣнію, понятіе вассальства и зависимости. Она считала себя ничѣмъ не обязанною Испаніи, и только по временамъ дѣлала добровольныя приношенія (*donativas*). Сумма ихъ мѣнялась, смотря по нуждамъ короля и по щедрому расположенію провинціи.

Красота Испаніи давно вошла въ пословицу; съ давнихъ поръ поэты восхваляютъ ея апельсиныя и лимонныя рощи.... увы! это также одно изъ заблужденій, существующихъ насчетъ Испаніи.

Впрочемъ, можетъ статься, за нѣсколько сотъ лѣтъ оно было и иначе, теперь же ничего нельзя себя представить унылье этой природы. Но унылость эта необыкновенно грандіозна. Представьте себя, что нигде не встрѣчаете дерева, по окраинамъ полей одни только кусты розмарина; нзрѣдка маленькія деревца, безъ зелени, выкрашенныя темно-глинистою краскою, — а деревца эти такъ радки, что встрѣчая одну, давно забытъ уже о предшествовавшей. Глаза свободно пробѣгаютъ пространство въ 8, 10 верстъ, не встрѣчая на немъ ни одного жилья, ни одной малѣйшей рощицы оливокъ, ничего, кромѣ душистыхъ кустовъ розмарина; все это облято самою прозрачною, чистѣйшею атмосферою. Вролотно, на этой почвѣ могли бы расти и дубъ, и липа, и каштанъ; въ Испаніи богатство лежитъ у ногъ человека, — стоятъ только наклониться за нимъ; но Испанцы еще не любятъ наклоняться. Въ Рапсаго, гдѣ дорога вдругъ углубляется въ ущелье горъ, вышло шестеро солдатъ охранять дилижансъ отъ разбойниковъ. На прошлой недѣлѣ тутъ была ограблена почта. Теперь одному только войску платитъ правительство, чиновники получаютъ за годъ половину жалованья. Зато однимъ войскомъ и держится настоящее министерство. Надобно видѣть, что такое для Испанца его правительство и съ какимъ презрѣніемъ онъ говоритъ о немъ, сохраняя въ то же время самое страстное почтеніе къ своей юной Изабеллѣ. Испанія прежде всего страна муниципальныхъ привычекъ и особенностей; для Испанца темно понятіе о государственномъ единствѣ, объ одинаковости правъ и обязанностей. Каталонія и провинція басконгаскія до сихъ поръ смотрятъ на конституціонный уровень, какъ на деспотизмъ. «Намъ хорошо, а вамъ худо», говорятъ они Испанцамъ: «вы хотите лишить насъ доволства и заставить дѣлать съ вами вашу бѣдность. Не лучше ли вамъ подражать намъ? По крайней мѣрѣ, оставьте насъ въ покоѣ и не думайте заставить насъ отказаться отъ нашихъ правъ». Съ мѣсяцъ назадъ, Каталонцы взбунтовались за то, что съ нихъ правительство требовало рекрутъ по общему закону конскрипціи, тогда какъ по провинціальнымъ правамъ своимъ городова и сельскія общины вмѣсто рекрутъ вносили известную сумму денегъ. Въ подобныхъ случаяхъ Испанецъ не разсуждаетъ, соответствуютъ ли его дѣла справедливости и общему праву; ему нѣсколько не кажется страннымъ деньгами платить тотъ налогъ, который другіе платятъ кровью; онъ вытаскиваетъ свой *escopetto*, дѣлаетъ *pronunciamento*, дерется и часто умираетъ героемъ. Правительство, испугавшись энергіи, съ какою Каталонцы взяли за дѣло, объявило прощеніе всѣмъ, которые отдадутъ ему оружіе, и въ то же время отменило конскрипцію. Возмущеніе тотчасъ утихло. Впрочемъ, у Каталонцевъ, о которыхъ мой сосѣдъ въ дилижансѣ говорилъ, что они

tienen mucho valor y gran gusto por los batallas (очень храбры и большіе охотники до сраженій), — это выходитъ изъ физическаго положенія ихъ мануфактурной и промышленной провинціи, нуждающейся всего болѣе въ рабочихъ рукахъ.

Въ Бургосѣ, унылой и пустыющей столицѣ старой Кастильи, осмотрѣвъ я его великолѣпный соборъ и сдѣлавъ визитъ дому, гдѣ родился Сидъ. Страна историческихъ преданій. Какой другой народъ съ такою привязанностію хранить память своихъ героевъ! Имя Сидъ, символа феодальной и рыцарской Испаніи, этого castellano à los derechos (совершеннаго Кастильянца), пройдя восемь вѣковъ, съ энтузіазмомъ еще повторяется въ гимнѣ, гдѣ духъ новыхъ временъ изываетъ изъ старой Испаніи: «Спокойные, веселые, мужественные и смѣлые! запоёмъ, солдаты, пѣснь битвы! Да подвигнется земля на наши голоса и да узнаетъ въ насъ миръ дѣтей Сидъ!» (himno de Riego). Что касается до собора, это одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ мирѣ; никогда не встрѣчалъ я такого удивительнаго сѣанія итальянскаго стиля съ готическимъ. Внутри не оставлено ни одного малѣйшаго мѣста безъ украшеній — изящныхъ, грандіозныхъ, фантастическихъ. Изъ этого соединенія итальянской граціи съ готическою важностію, выходитъ *нѣчто* удивительно-привлекательное, хотя въ этомъ *нѣчто* и сильно предчувствуется вкусъ, извѣстный впоследствии подъ страннымъ именемъ рококо. Последняя перестройка собора — не далѣе конца XVI вѣка.

Ничего не можете себѣ представить унылыя старой Кастильи: мотояная пустыня постоянно разстилается передъ глазами; ни одного дерева по всемъ этимъ нескончаемымъ полямъ, — нѣтъ даже и прежнихъ кустарниковъ розмарина. Между тѣмъ, тутъ много рѣкъ, земля прекрасна. И представьте: причина такой пустынности не въ лѣности и безпечности, а въ предрасудкѣ. Кастильцы твердо убѣждены, что птицы сильно истребляютъ рожь, деревья же привлекаютъ птицъ и служатъ имъ убжищемъ. Отсюда ихъ непреодолимое отвращеніе ко всякаго рода деревьямъ. Несмотря на степной видъ свой, поля Кастильи, тамъ, гдѣ трудятся хотя слегка обрабатывать ихъ, необыкновенно плодородны; не болѣе какъ на два фута глубины почва влажна и даже водяниста, такъ что, несмотря на постоянные жары и на страшную сухость атмосферы, хлѣбъ здѣсь постоянно въ урожай. Но при дороговизнѣ и трудности сообщеній, и при урожаяхъ, Кастильцу не на что купить сапоговъ. Деревни встрѣчаются какъ рѣдкіе оазисы — и какіе унылыя оазисы! Вдали по горизонту тянутся скалистыя горы. Среди этой-то уныло-страстной природы и выработался типъ испанскаго характера, медленный,

спокойный снаружи, раскаленный внутри, упругий и сверкающий, как сталь, — африканский дикарь и рыцарь.

Il n'y a plus de Pyrénées! а эта масса высоких горъ, всюю роскошью растительности обращенных къ Франціи и показывающихъ Испаніи только свои голыя скалы; эта трудность сообщеній, поставленная природою между народовъ, столько нуждающихся другъ въ другъ; и далее, эта почва, плодородная и заброшенная, эта пустыня, у самыхъ воротъ Франціи, созданная безпечною и лживою, — этотъ народъ столь благородный, прекрасный, исполненный достоинства, такъ роскошно надѣленный природою всеми благами, — и нищенскій; эта страшная упрямость характера, эта страшная правверженность къ прошедшему; этотъ духъ индивидуальности и удивленія въ эпоху, когда все стремится къ сближенію... и наконецъ, эта такъ называемая революція, которая такъ же мало походитъ на революцію, какъ вооруженіе рыцаря на нашъ фракъ, — все это здѣсь необыкновенно дѣйствуетъ на душу, на воображеніе, а главное, возбуждаетъ самый страстный интересъ къ этой благородной странѣ, имя которой каждый сынъ ея не произносить, не прибавивъ: «несчастливая»!

Вотъ я и въ Мадридѣ! Но до сихъ поръ что за унылая страна эта Испанія! Отъ Бургоса до Мадрида тѣже пустынные поля. Сколько разъ говорилъ я про себя: да это наши безконечныя равнины Россіи! — только дальняя, синяя полоса горъ разрушала сходство. По пустыннымъ равнинамъ подѣзжаешь, наконецъ, къ Мадриду, который стоитъ тутъ Богъ знаетъ зачѣмъ, потому что среди этихъ пыльных, совершенно обнаженныхъ полей рѣшительно нѣтъ никакой причины стоять не только столицѣ, даже ничтожному городишку. Окрестности Мадрида состоятъ изъ пустого поля; бѣдный Мансаресъ высыхаетъ еще весною и отъ него теперь остался маленькій ручей; палашее солнце и сухая, песчаная почва истребляютъ всякую растительность; словомъ, вы ничего не можете себя представить печальнѣе этой природы.

Въ числѣ моихъ рекомендабельныхъ писемъ были два къ высшимъ чиновникамъ настоящаго министерства, потомъ къ одной жаркой караваткѣ, дочери богатаго министра при Фердинандѣ; кроме того, на квартиру, куда я тоже рекомендовалъ, товарищемъ у меня don Yicento, капитанъ фрегата при Эспартеро — жаркій прогрессистъ; и

я, какъ видите, нахожусь между озлобленными, непримиримыми партиями, и тотчасъ же былъ поставленъ за сонганти надеждъ, опасеній, намѣреній каждой. Какъ бы вы ни были расположены къ созерцательной, художественной жизни, какъ бы вы не чуждались политики, въ Мадридѣ — вы брошены насильно въ нее. Съ камъ бы ни заговорили вы, слово *el gubierno* будетъ если не первымъ, то ужь варно вторымъ, которое вы услышите. Кроме политики нѣтъ разговора; если она наводитъ на васъ скуку, вы осуждены на самыя вялыя бесѣды о театрѣ, и тому подобно. *El gubierno* для Испанца не есть какое нибудь отвлеченное понятіе: нѣтъ! здѣсь каждый чувствуетъ его на себѣ, ибо каждый принадлежитъ къ какой либо партіи. «Кто не за меня, тотъ противъ меня!» восклицаетъ партія, овладевая кормиломъ правительства, и передъ этимъ лозунгомъ нѣтъ пощады ни уму, ни знаніямъ, ни убѣжденіямъ, ни долгимъ заслугамъ. Терпимость есть слово, которое въ Испаніи не имѣетъ еще смысла. Въ нѣсколько дней я былъ посвященъ въ *la situacion*, какъ называется здѣсь вообще положеніе правительства въ данное время; это барометръ, на которомъ безпрестанно отражается волненіе политической атмосферы. Свадьба Христинны съ Муньосъ, еще сильно волнуетъ умы. Впрочемъ напрасно называютъ Испанію политической загадкою, что будто все здѣсь случается Богъ знаетъ какъ и почему, безъ причины и смыслу, и что одинъ сляпой случай владычествуетъ здѣсь. Правда, все здѣсь живо и быстро; но всѣ событія совершаются логически, то есть, всѣ событія непремѣнно вытекаютъ одно изъ другого. Говоря о политическихъ партіяхъ Испаніи, я, можетъ быть, коснусь этого, но Европа такъ мало знаетъ Испанію, ея журналы судятъ ее съ точки общихъ европейскихъ формъ и еще больше затемняютъ дѣло, указывая въ ней только па тѣ пружины, которыя пригодны для духа политическихъ партій; да и какъ понять это странное явленіе! Вотъ ужь 30 лѣтъ Испанія постоянно находится въ судорожныхъ конвульсіяхъ. Она хочетъ оторваться отъ своего прошедшаго и хочетъ въ тоже время сохранить все свои старыя, заветныя преданія; дѣлаетъ и передѣлываетъ на иностранный ладъ свои конституціи — и хранитъ всю свою старую, ужасающую администрацію. Война съ Карлостани тянулась безъ убѣжденій, безъ страсти, безъ энтузіазма. Наконецъ, случилась деныги, Маротто купленъ, и лучшіе солдаты довѣ Карлоса кладутъ оружіе; за возмущившимися провинціями оставлены многіе изъ нихъ *fueros*, они усмиряются, а судьба Испаніи не улучшилась нисколько.... тяжело сказать.... эти страшныя, тяжкія страданія не породили никакой великой мысли, даже не породили отчаянія, послѣдняго великаго плода страданія.

Испанія полна унынія, усталости; народъ ея словно находится

въ томъ тяжкомъ забытѣи, какое испытываетъ человекъ, долго находясь на морозѣ. Не въ настоящемъ должно искать причинъ этимъ тяжкимъ политическимъ страданіямъ: они въ прошедшемъ, они далеко назадъ. На междоусобную войну въ Испаніи смотрѣли, какъ на событіе необыкновенное и неожиданное. Но развѣ эта война не есть результатъ злыхъ предшествовавшихъ? это тоже самая болезнь, только вышедшая наружу. Да, прежде наваррскаго возстанія, въ Испаніи была междоусобная война, предпринятая инквизиціею противъ всякой живой, благотворной мысли, противъ всякаго развитія человѣческихъ способностей. Настоящее положеніе Испаніи есть только преобразование этой внутренней, душевной борьбы въ борьбу съ оружіемъ въ рукахъ, уготованную тремя видами невольственной, фанатической, безнравственной администраціи.

Не новое политическое устройство Испаніи, ни даже прежнее причиною несчастій ея. Правда, инквизиція, монахи были для нея страшнымъ зломъ; но вѣдь феодальное устройство Испаніи было общее съ Европою; отъ-чего же оно только на Испаніи оставило такіе гибельные слѣды? Не отъ-того ли, что въ Европѣ при дурномъ устройствѣ было всегда правительство, которое хотя было также дурно, но всегда болѣе или менѣе вращалось въ кругу идей современной себѣ цивилизаціи. Въ Испаніи ни въ какое время, ни въ какой формѣ не было правительства: былъ только одинъ произволъ со всеми своими заблужденіями и личными страстями; никогда администрація не имѣла другихъ законовъ, кромѣ собственнаго каприза и своихъ личныхъ интересовъ. Такъ было прежде, тоже и теперь. Три вида правительственнаго безумства не прошли даромъ: тяжело легли они на благородной странѣ. Мудрено ли, что народъ ея теперь равнодушно смотритъ на всѣ эти конституціи, говоря про себя свое любимое *que importa* (что за нужда). Онъ знаетъ, что надъ всеми этими конституціями есть иная высшая власть — анархія.

Съ чего начать говоря о Мадридѣ, какъ не съ *Puerta del Sol*, этого форума Мадрита и новой Испаніи. *Puerta del Sol* вовсе не ворота, а небольшая площадь, называющаяся такъ отъ прежде бывшихъ тутъ городскихъ воротъ солнца. Здѣсь центръ Мадрида, сюда сходятся всѣ его главные улицы. На площади, съ раннего утра до поздняго вечера, толпится масса всякаго народа, безпрестанно возобновляющаяся, ибо всякій вышедшій зачѣмъ бы то ни было изъ дому, непременно зайдетъ послушать новостей; точно также, если захветъ въ воздухъ бунтомъ, онъ непременно начнется на *Puerta del Sol*. Политика здѣсь — занятіе постоянное, потому-что тревога, смута составляютъ здѣсь нормальное положеніе общества. Всѣ эти посетители *Puerta del Sol* важно бесѣдуютъ, завернувшись въ свои шаржіе

плаща. По временамъ изъ плаща выставляются руки, которыя вертять маленькую *parelito*, слышится обычное: *¡bágame leste el fabor!*, сигаретка закуривается и разговоры идутъ съ тѣмъ серьезнымъ, двадцатымъ достоинствомъ, съ тою *fiesta castellana*, которыми изъ всѣхъ народовъ Европы владеютъ одни только Испанцы. Плащъ здѣсь и зиму и лѣто составляетъ необходимую принадлежность одежды, только высшее гражданство (*bourgeoisie*) и чиновники носятъ обыкновенный европейской костюмъ. — *La cara*, говоритъ Кастильянецъ, *abriga en invierno y preserva en verano del ardar del sol.* — (Плащъ укрываетъ зимой и предохраняетъ лѣтомъ отъ жара солнца), и въ слѣдствіе этого онъ закутывается въ него и въ июле и въ декабрь. Такъ какъ *la cara* закрываетъ всю остальную одежду, то Кастильянецъ не слишкомъ заботится о ней. Безъ *sara* въ Кастильи считается неприличнымъ войти въ *Ayuntamiento* (засѣданіе городского правленія), идти въ процессіи, присутствовать на свадьбѣ, сделать визитъ важному лицу: это своего рода народный мундиръ.

Casa de correos (почтовый домъ) занимаетъ одну изъ сторонъ площади: выстроенный квадратомъ, огромный и съ самыми массивными стѣнами, онъ легко можетъ служить надежною крепостью, и не мудрено, что при военныхъ возмущеніяхъ Мадрида всегда стараются, та или другая сторона, овладѣть *Casa de correos* и убраться въ немъ. Собственно, народъ занимаетъ обыкновенно середину *Puerta del Sol*; наспротивъ *Casa de correos* сходятся обыкновенно военные и чиновники, — *los hombres de la situación* (люди, приверженные къ настоящему правительству). Послѣ трехъ часовъ у входаго собираются банкиры и биржевые маклера. Каждая прилежательная кофейная визуетъ свой политическій колоритъ. *Esparteristas* и *exaltados*, снова сближенные общимъ гоненіемъ, сходятся у *café nuevo*, возле *Casa de correos*; *café de los amigos* посѣщаютъ «умеренные», или, какъ ихъ теперь называютъ, *los situacioneros*; потому-что названіе *moderado* не шло болѣе къ партіи, которая прошлаго года разстраивала десятками и сотнями. Изъ моихъ знакомыхъ каждый взрѣнь кофейной своей партіи, и въ какихъ бы дальнихъ сторонахъ Мадрида они ни жили, каждый приходитъ въ свою кофейную часть свое *helado* или *zorbetto*, или просто выпить стаканъ воды. Ни одинъ *exaltado* не пойдетъ въ *café de los amigos*. Кстати о кофейныхъ: ихъ здѣсь безчисленное множество, и конечно ни въ одной странѣ нѣтъ такого разнообразія *bebidas heladas* (замороженнаго питья), какъ въ Испаніи: *bebida de naranja* (изъ апельсина), *bebida de limon* (изъ лимона), *bebida de fusos* (изъ земляники), *bebida de guindas* (изъ вишенъ), *bebida de almendra blanca* (изъ сладкаго миндаля — и самый освежительный), — всѣ они удивительно сохраняютъ ароматъ своего

плода. Кроме этого подаютъ еще слегка замороженное молоко. Раннѣе утромъ, когда мороженое не готово, можно пить агтаз, питье, сделанное изъ неспѣлаго винограда, чрезвычайно пріятное. Мадритское крапкое мороженое (*quesitas*) далеко хуже неаполитанскаго, — но за то *zritas* здѣшніе превосходны: это взбитая и слегка замороженная пѣна шоколада, кофе, сливокъ и т. п., чуть посыпанная корицею.

Кромѣ кофейнѣ, *Puerta del Sol* обставлена магазинами и цирюльнями. Е) *barbier*, кажется, не потерялъ еще здѣсь своей старинной народной важности. Каждая лавка, каждая цирюльня имѣетъ своихъ посѣтителей, которые сходятся тутъ бесѣдовать; иногда эти сходки такъ велики, что покупателямъ нѣтъ возможности пробраться въ лавку. Въздвѣстіе этого къ некоторымъ лавкамъ привѣшена бумага съ надписью: *aquí no se tienen tertulias* (здѣсь не держатъ собраній). При такомъ всеобщемъ расположеніи къ бесѣдамъ, иностранцу очень легко ознакомиться съ положеніемъ общественныхъ дѣлъ. Мнѣніе о скрытности и молчаливости Испанцевъ совершенно ложно; можетъ быть, оно и справедливо относительно ихъ частныхъ дѣлъ, можетъ быть, они скрытны въ дѣлахъ сердца и страсти, но что касается до дѣлъ общественныхъ то вѣтъ народа прямодушнѣе и открытѣе. Садитесь въ кофейной къ любому столу, къ любой группѣ разговаривающихъ, — къ какой бы націи вы не принадлежали, — ваше присутствіе никогда не мѣшаетъ разговору. Смѣло вѣзвивайтесь въ разговоръ; эта вѣзвѣтная испанская вѣзвѣливость, узнавши, что вы иностранецъ, становится еще деликатнѣе. Если тутъ читается иногда какое интересное письмо изъ провинцій, оно вамъ передается для прочтенія; покажите только участіе или даже просто любопытство, вслѣдствіе Испанецъ счелъ бы за величайшую невѣзвѣливость неудовлетворить ииъ. Въ мадритскихъ кофейныхъ видно бесравненно болѣе женщинѣ, нежели въ кофейныхъ Парижа. Особенно вечеромъ — рѣшительно всѣ столы заняты одними женщинами.

Мадридъ не есть столица, созданная исторіею; не далѣе XVI вѣка, онъ былъ небольшою деревнею. Самостоятельное положеніе провинцій и потомъ совершенно особое отъ прочей Европы развитіе монархической власти въ Испаніи не позволило королямъ испанскимъ имѣть себя столицу въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Постоянная война съ Маврами заставляла ихъ имѣть свою резиденцію сообразно съ военными движеніями. Фердинандъ и Изабелла избрали было себя постоянною резиденціею Толедо. Но послѣ нихъ Карлъ V (Испанцы называютъ его Карломъ I-мъ) въ Испаніи почти не жилъ. Филиппъ II както случайно обратилъ вниманіе на мѣстечко Мадридъ; вѣроятно, ему понравилось его унылое мѣстоположеніе; онъ

полюбилъ отдыхать здѣсь во время охоты, наконецъ, выстроилъ тутъ себя дворецъ и рѣшительно поселился въ Мадридъ. Наслѣдники не вздумали измѣнить его выбора, и такимъ образомъ Мадридъ сдѣлался столицей Испаніи. Впрочемъ, одинъ уже видъ этого города говоритъ, что никогда народный инстинктъ не выбралъ бы себя столицей такого во всѣхъ отношеніяхъ бѣднаго мѣстоположенія. Къ несчастію Испаніи, не прозрительному взору генія выпалъ жребій избрать ей столицу, а монарху мрачному, эгоистическому, болѣе занятому своими капризами и личными интересами, нежели счастьемъ своей страны. Чѣмъ болѣе разсматриваешь Мадридъ, его положеніе, его средства, — тѣмъ болѣе убѣждаешься въ пагубномъ вліяніи, какое этотъ несчастный выборъ имѣлъ на испанскій народъ. Я не люблю столицъ, поглощающихъ въ себя всю жизнь націй, но нельзя не согласиться, что напр., Парижъ, резиденція короля, парламента, сорбонны, наукъ, и вслѣдствіе этого — литературы, роскоши, вкуса, имѣлъ самое благотворное вліяніе на національное единство Франціи. Ничего подобнаго въ Испаніи. Выборъ Филиппа II вызвалъ изъ ничтожества столицу, — в выборъ этотъ, который могъ бы до извѣстной степени поправить ошибку историческаго воспитанія Испаніи, возростилъ, напротивъ, во всей свободѣ сѣмена раздѣленія, существовавшія въ старой Испаніи. И Мадридъ, посреди пустынныхъ равнинъ Кастильи, вдали отъ всѣхъ большихъ рѣкъ, между народонаселеніемъ, можетъ быть, самымъ неподвижнымъ изъ всей Испаніи, не могъ пріобрести себя ни богатства торговаго, ни дѣятельности и вліянія, всегда его сопровождающихъ; знаменитые университеты Алкалы и Саламанки отвлекали къ себѣ все его лучшее юношество; бѣдному Мадриду оставалось одно преимущество: быть резиденціей короля и двора. Даже теперь иногда Мадридцы, говоря о своемъ городѣ, называютъ его не столицей, не городомъ, а дворомъ, *esta corte*. Съ Филиппа V испанскій дворъ сдѣлался рабскимъ подражателемъ двора французскаго (только въ сохраненіи инквизиціи состояла его испанская оригинальность); вслѣдствіе этого Мадридъ не могъ даже сдѣлаться и столицей національнаго испанскаго вкуса, искусства. Все, какъ бы нарочно, соединилось, чтобы сдѣлать Мадридъ городомъ безъ всякаго національнаго значенія, безъ всякаго вліянія на провинціи. Это обстоятельство достаточно поясняетъ, почему въ Испаніи всякое движеніе выходитъ всегда изъ провинцій; почему все здѣсь дѣлается провинціями и почему Мадриду не остается ничего другаго, какъ говорить «аминь» на все, что дѣлаютъ онѣ. Торговля Мадрита ограничивается однимъ Мадритомъ; учебныя заведенія ея (исключая Атегер, — вѣчто въ родѣ парижской Collège de France) безъ всякаго значенія. Мадридъ живетъ однимъ дворомъ; передастъ

дворъ въ другой городъ — в Мадридъ опустѣеть. После здѣшняго народнаго бунта въ 1766 году, поднявшагося вслѣдствіе королевскаго повелѣнія образовать для новыхъ *національныхъ* шляхъ, Карлъ III рѣшился было непременно перенести въ Севилью резиденцію двора; только благодаря стараніямъ министра его, графа Аранда, который отклонялъ короля отъ его намѣренія, Мадридъ остался столицей. Но я забылъ было сказать.... Мадридъ имѣетъ въ себя сокровища великолѣпное, поразительное: это его картинный музей; но величавъ, разнообразенъ и богатству первый изъ музеевъ Европы; онъ весь состоитъ изъ *chef d'oeuvre*. Его безчисленныя сокровища такъ еще мало знаетъ Европа!

Послѣ Puerta del Sol, самое интересное мѣсто въ Мадридѣ есть его загородное гулянье, Prado: широкое шоссе, по обѣимъ сторонамъ котораго идутъ аллеи каштановъ; но деревья такъ бѣдны, что подъ ними невозможно укрыться отъ солнечнаго жару. Prado есть мѣсто свиданія всего лучшаго общества Мадрида. Тутъ прогуливаются, раскланиваются, представляютъ своихъ друзей, говорятъ, курятъ; сюда надобно ходить смотреть на мадритскихъ красавицъ. Prado есть и своего рода политическій салонъ: здѣсь можно видѣть политическихъ людей Испаніи. Являются на Prado есть для нихъ такая же необходимость, какъ, наприм., въ Парижѣ являются въ известные политическіе салоны. Женщины высшаго свѣта иногда катаются въ коляскахъ, иногда прогуливаются пѣшкомъ, рядомъ съ *шаполос* (мадритскими гриветками), чиновниками и куртизанками, которыя играютъ на Prado не послѣднюю роль. Впрочемъ, испанская аристократія не считаетъ для себя неприличнымъ мѣшаться съ *толпою*, и меня всего болѣе поражаетъ здѣсь это тонкое чувство приличія, эта изящная важливость, чуждая всякой приторности, которая царствуетъ безъ исключенія между всеми классами народа. Сколько разъ случилось мнѣ видѣть, какъ на Prado простолюдинъ въ своей сара останавливалъ гранда или генерала, прося у него сигары закурить свою, — и тѣ всегда вѣжливо подавали ее ему. Но надобно также видѣть и то, съ какою деликатною осторожностію берутъ Испанцы сигару для закурки! Собственно мадритскія женщины не красивы; если меня поражало прекрасное лицо и особенная грація въ походкѣ, онѣ болѣею частію принадлежали андалузскимъ или валенсіанкамъ, по увѣренію моихъ пріятелей. И потомъ, увы! французскія моды, *el estilo de Paris* (парижскій вкусъ) свели съ ума мадритянокъ до того, что убавилъ въ нихъ всякій эстетическій инстинктъ въ одеждѣ: шляпка начинается у нихъ съвязать мантильи. Мантилья, сквозь которую такъ очаровательно просвѣчиваетъ могучая черная съ синью коса, мантилья, которая, слегка прикрывая свѣжіе цвѣты на лѣвой сторонѣ

головки, прозрачно падаетъ на открытыя грудь и руки, — увы! эта чудесная мантилья оставляется для убора, придуманнаго для безволосыхъ старухъ. Вы не можете представить себя, какъ печально видать эти матовыя, горячо-блѣдныя лица, эти арія физиономіи заключенными въ ужасныя шляпки *el estila de Paris*! Я былъ бы, конечно, равнодушнѣе къ нимъ, еслибъ онѣ не показывались возлѣ мантильи. Вы знаете великолѣпный эфектъ, производимый на московскихъ гуляющихъ костюмами провинціальныхъ барынь и русскихъ купчихъ; но тамъ безвкусіе костюма гармонируетъ, по крайней мѣрѣ, съ неподвижностію физиономій, тупостію чертъ или лимфатическою тучностію, а здѣсь подъ этою противною шляпкою блестятъ огненные глаза, и матовая, прозрачная, свѣжая блѣдность лица исполнена такой сверкающей игры. Многія носятъ мантилью сверхъ шаля !! Національная *basquina*, которая выказывала ихъ изящныя ножки, смѣнилась длиннымъ французскимъ платьемъ. Любимый испанскій цвѣтъ — черный — оставляется для какихъ-то дурныхъ пестрыхъ цвѣтовъ. Слава Богу, что онѣ хоть сберегли свой національный *abanico* (вейеръ). Вейеръ рѣшительно никогда не выходитъ у нихъ изъ рукъ; у самой бѣдной крестьянки, какъ у королевы; и искусство владѣть имъ дано только Испанкамъ. На Prado, въ театрѣ, въ церкви постоянно слышится шумъ и щелканье вейеровъ; онѣ кланяются ими, привѣтствуютъ, дѣлаютъ знаки, наконецъ, говорятъ ими, потому-что меня увѣрили, что женщина можетъ сказать вейеромъ все, что захочетъ. Въ этомъ пламенномъ климатѣ, словно по какому-то женскому капризу, черный цвѣтъ есть единственный цвѣтъ національнаго женскаго костюма. Если встрѣчаешь толпу женщинъ, одѣтыхъ со всемъ испанскимъ изяществомъ, то непременно Андалузски. Эти черныя, иногда бѣлыя покрывала на головахъ, падающія на плеча и руки, молодымъ придаютъ видъ какихъ-то фантастическихъ монахинь, волнующихъ *свѣтскими* страстями, старымъ видъ древнихъ пророчательницъ. Да я долженъ сказать еще, что здѣсь рука объ руку могутъ идти мужъ съ женою или братъ съ сестрой, — для прочихъ это считается неприличнымъ.

Въ Мадридѣ есть нѣсколько улицъ, выстроенныхъ великолѣпно, но онѣ болѣе или менѣе похожи на улицы всѣхъ европейскихъ городовъ; только безчисленные балконы съ опущенными, пестрыми занѣсами придаютъ имъ оригинальный характеръ. Во всемъ остальномъ Мадридъ не имѣетъ никакой особенности ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ. Это городъ народонаселенія паззаго. Каждая провинція привозитъ сюда свой характеръ, свой костюмъ и свои обычаи. Говорятъ еще, къ чести Мадрида, что изъ всѣхъ испанскихъ городовъ, въ немъ всего менѣе предразсудковъ и всего болѣе терпимости въ

нравахъ. Народонаселеніе Мадрита главное состоитъ изъ чиновниковъ и торговцевъ всякаго рода. Торговля предметами потребленія вся производится или привезенна изъ провинцій, или иностранцами. Куафёры, портные, парюмёры, магазины модныхъ вещей, — все имеютъ французскія имена и вывески. Воздухъ Мадрита (возвышенность его почвы — 600 метровъ надъ поверхностью моря) чрезвычайно раздражителенъ для нервическихъ организацій; кроме того, несмотря на ясность и тишину свою, онъ такъ сухъ и рязокъ, что большая часть здѣшнихъ жителей умираетъ отъ болезни легкихъ. Здѣсь есть пословица, что мадритскій воздухъ не задуетъ свѣчи, а убиваетъ человека. Изъ одинъ *moderado* говорилъ, что сильный прогрессивный духъ Мадритцевъ происходитъ отъ раздражающаго здѣшняго воздуха — въ чемъ я съ нимъ, разумеется, согласился.

Изъ всѣхъ здѣшнихъ улицъ самая интересная *Calle de Toledo*. Вся она наполнена пестрыми дворами (*paradores* и *rosados*), трактирами, харчевнями, мастерскими. Это самая населенная и оживленная часть Мадрита. Благодаря моему здѣшнему пріятелю, г. Вильямилу, (*) который вызвался показывать мнѣ Мадридъ, наша прогулка по *Calle de Toledo* была для меня самая любопытная. Здѣсь вся Испанія въ миниатюрѣ: разнообразныя костюмы провинцій, ихъ нарѣчіе, особенности, манеры, фззіономіи лицъ, — ни одна въ мирѣ страна не представляетъ такого живого разнообразія. Г. Вильямиль, истинный Испанецъ въ душѣ, нѣсколько разъ изъѣздивъ верхомъ всю Испанію и знаетъ ее въ подробности. Онъ безпрестанно заговаривалъ, спрашивалъ о чемъ нибудь, чтобъ показать мнѣ особенность нарѣчія каждой провинціи. Безпрерывный шумъ и гамъ стоять на улицахъ, торговля и промышленность Мадрита сосредоточиваются здѣсь. Разумеется, вся эта жизнь начинается только къ вечеру, потому-что днемъ какъ высшій и средній классы, такъ и простой дѣлаютъ *siesta* (вѣста), или, говоря проще, сидятъ отъ жару дома. Къ вечеру все народонаселеніе выходитъ на улицу. Тутъ громадныя *galeros* (**) Валенсіанцевъ въ ихъ полуафриканской одеждѣ и щеголей

(*) Архитектурный живописецъ съ большимъ талантомъ. Любителю искусства и особенно рекомендую его великодушное изданіе «*Espana artistica y monumental*», заключающее въ себѣ свѣдѣнія всѣхъ замѣчательныхъ архитектурныхъ зданій Испаніи. Оно еще далеко неокончено. Жаль, что по высокой цѣнѣ своей оно не многимъ можетъ быть доступно. Его поддерживаютъ нѣсколько испанскихъ капиталистовъ.

(**) Это нѣчто въ родѣ широкихъ и длинныхъ толгъ, обтапанныхъ золотомъ, очень похожихъ на тѣ шиваши, въ которыхъ польскіе Жиды ѣздятъ на шабашъ. Галеры эти служатъ для дальнихъ переѣздовъ женщинъ, дѣтей и простого народа.

Андалузцевъ вызываютъ въ дорогу, чтобъ къ ночи поспать на ночь легъ въ венту Yillaverde; цирюльники у дверей цирюлень публично бреютъ своихъ клиентовъ, кружокъ Андалузцевъ (вѣчно веселый народъ), сидя у входа кузницы, напѣваютъ la cana, возлѣ лѣвочки подѣ кастаньеты пляшутъ fondango; толпа полуодѣтыхъ, бронзового цвѣта мальчиковъ играютъ на улицѣ, представляя согida de tocos; вѣтага удалыхъ *cigarreras* (женщинъ, работающихъ на сигарной фабрикѣ: это еще особенный испанскій типъ) расходится по домамъ, окруженная своими любезными; въ харчевняхъ и у входа ихъ толпы народа ужинаютъ сардинами и салатомъ. *Los arrieros* (перевозчики товаровъ на мулахъ) разныхъ провинцій, во всей особенноти своихъ провинціальныхъ костюмовъ, пріѣзжаютъ на постольные дворы, голя передъ собою длинные цѣпи муловъ, всегда выколенныихъ и разукрашенныхъ перевязями и букетами изъ разноцвѣтной шерсти (здѣсь товары не перевозятъ вначе, какъ на спинахъ муловъ). Нищій проситъ милостыни, распѣвая подѣ аккомпаньементъ своей гитары: *Senores caballeros, una lino por el profesiero.*

A la paz de Dios, caballeros (миръ вамъ Божій, кавалеры), говорятъ, пробираясь между нами, высокій, сухощавый *arriero*.

(*) *De que parte del paraiso?* (изъ какой части рай).

Buen tierra si non se estuviera tan cerca de Castilla (Хорошая земля, еслибъ не лежала такъ близко къ Кастильи).

Ни одна улица въ мирѣ не представляетъ такого живого, ярмарочнаго разнообразія; около насъ непрерывно раздавалось — *Agur* (привѣтствіе, которое говорятъ и здороваются и прощаются). Кавалеръ, — коляску, — ступайте съ Богомъ (непремѣнное слово при прощаньи), — двлижансь въ Караванчель, — хорошее масло, — ради Божіей любви, — простите, ваша милость, кавалеръ, — не въ чемъ, — *caballero, una salesa Vagallste un Dios, — la diligencia de Carabanchel, — Accituna buena, senores, por el amor de Dios, — genarala, coronela,* (прозвища муловъ, которыми кричатъ на нихъ), — *perdone usti, caballero — Non hay de que.*

(*) Въ Испаніи ходитъ слѣдующій народный рассказъ: Свѣтъ Яго (народный святой въ Испаніи) по смерти своей предсталъ предъ Богомъ, который, довольный его земными подвигами, говоритъ ему, что исполнить все, о чемъ онъ будетъ просить его. Свѣтъ-Яго проситъ, чтобы Богъ даровалъ Испаніи богатство, плодотворное солнце, изобиліе во всемъ. Будеть, былъ отвѣтъ. Храбрость и мужество народу, продолжалъ Свѣтъ-Яго: — славу его оружію. — Будеть, былъ отвѣтъ. Хорошее и мудрое правительство.... Это невозможно: если ко всему этому въ Испаніи будетъ еще хорошее правительство, то всѣ ангелы уйдутъ изъ рай въ Испанію.

А вотъ два *manolas*:

A donde van los reinas (куда идутъ королевы) ?

De Jaen (изъ Хаэна).

A *puerle de vista* (туда, гдѣ бы васъ не видать было), отвѣчаютъ она со смѣхомъ, поправляя на голову свѣжіе цвѣты, нѣсколько помятые небрежно накиннутою тафтяною мантильей.

Si necesitan un hombre al estribo ? (Не нуженъ мужчина въ провожатье (точнѣе къ стремени) ?)

Y son así los hombres en su tierra ? Jesus, — que miedo ! (Такъ такіе-то все мужчины въ вашей землѣ ? Христось, какой страхъ !)

Que salero ! раздалось въ толпѣ, во свѣдѣ веселымъ *manolas*. — Слово *salero* отъ *sal* (соль) непереводимо. Это самое лестное, чѣмъ только мужчина можетъ похвалить женщину. Оно выражаетъ высть и грацію, и ловкость, и удачу, и то, что Парижане называютъ *chic*.

Agua fría.... de la fuente la traigo, — qui en la bebe ? El papel que asoba de salis ahora nuevo — Orchateco.... во всѣхъ кривковъ нѣтъ возможности поречеть. Чаше и больше всего раздается на улицахъ Мадрита : Agua fría; здѣсь кстати сказать, что изъ всей промышленности Мадрита самая важная есть продажа воды.

Фонтановъ въ Мадритѣ много, но все они очень бѣдны водою (она проходитъ въ нихъ изъ горъ Guadalupe). Несмотря на мраморныхъ дельфиновъ и бронзовыхъ черепахъ, желающихъ выбрасывать ее широкими струями, она только что точится изъ нихъ тонкими струйками. Множество *aguadoges* сидятъ вокругъ фонтановъ съ своими боченками и жестяными трубками проводить въ нихъ бѣдную струю фонтана. Очередь наблюдается свято, и у фонтановъ никогда нѣтъ замѣшательства. Право на ремесло *aguadog* дается корегидоромъ, и для этого надобна репутація особенной честности; кроме того, полученіе права стоитъ денегъ, какъ все въ Испаніи. При постоянныхъ девятимѣсячныхъ жарахъ Мадрита, при этомъ постоянномъ жгучемъ потоки солнца, какой испытываешь здѣсь, расходъ на воду долженъ быть ужасный; а при недостаткѣ ея, — она дорога. Кувшинъ воды, не очень большой, стоитъ почти гривенникъ. Днемъ спасаются отъ жару тѣмъ, что сидятъ, затвора ставнями все окна и балконы, въ темнотѣ; въ эти часы малѣйшее движеніе воздуха обдастъ звоемъ. Есть особеннаго рода вазы изъ красной американской глины, которыя съ водою ставятъ въ комнаты для прохлады ея. Она удивительно вбираютъ въ себя теплоту, и комната скоро охлаждается; но за то въ ней начинается пахнуть сыростью.... Но пора кончить.

Мадридъ. Июль, 1845.

Мадридъ въ волненіи; вся лавка заперты. Площадь Puerta del Sol, занята солдатами и артиллеріею. Со вчерашняго вечера караулъ въ Casa de saigeos подаряплень цѣлымъ полкомъ. Толпы народа, показавшіяся съ вечера на Puerta del Sol, съ толстыми палками, вытѣснены въ окрестныя улицы. Издано повелѣвіе генералъ-капитана, запрещающее останавливаться на площадяхъ и улицахъ; вся улицы, ведущія на Puerta del Sol, пересѣкаются часовыми, такъ-что я не могъ сегодня пройти въ café de los amigos завтракать. Сегодня съ равнаго утра небольшие толпы народа стояли по улицамъ, примыкающимъ къ Puerta del Sol; раздавались крики: viva la constitucion, viva la libertad, — тиега Мон! (министръ финансовъ). Отъ времени до времени кирасеры прочивали улицы; тогда толпы разсыпались поприлежащимъ переулкамъ, но потомъ снова собиралась. Между народомъ иные сильно, со страстію говорили, — и махая палками, блѣдные призывали толпы къ нападенію; но видно было, что присутствіе значительной военной силы отнимало у безоружныхъ всякую бодрость. Надо вамъ сказать, съ чего началась эта попытка gironciamiento. Теперешнее правительство держится войскомъ. Въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ городѣ только присутствіе военной силы сдерживаетъ народное недовольствіе; для этого правительство принуждено имѣть подъ ружьемъ до 160 т. человекъ. Для этого нужны деньги; въ займы же больше не даютъ, а вся государственные прински отданы давно подъ залогъ. Осталось одно средство: увеличеніе налоговъ. Последніе кортесы, въ выборѣ которыхъ участвовали только люди, преданные Христианъ, величающіе себя «умѣренными», — передѣлали конституцію; между прочимъ, ими же принятъ былъ законъ и объ увеличеніи прямыхъ налоговъ съ лавокъ, разныхъ заведеній и проч. Торговый и промышленный классъ, видя, что по новому закону онъ долженъ будетъ платить почти вдвое противъ прежняго, просилъ королеву остановить исполненіе закона до слѣдующаго собранія кортесовъ, объявляя, что въ противномъ случаѣ онъ долженъ будетъ запретить лавки и прекратить работы. Отвѣта *никакого* не было. Уже несколько дней Мадридъ былъ въ тревогѣ, и наконецъ, ни одна лавка не отворилась. Генералъ-капитанъ приказалъ полиціи отворять лавки насильно, объявивъ, что всякаго ослушника будутъ брать и судить какъ нарушителя *спокойствія и закона*. И полиція принялась разбивать двери запертыхъ лавокъ и сажать въ тюрьмы хозяевъ, но потомъ, сообразивъ, что тюрьмъ недостаточно для такого множества, объявила, что она будетъ брать только главныхъ зачинщиковъ.

Многіе, во избѣжаніе убытка отъ разломанныхъ дверей, приближи къ своимъ лавкамъ объявленіе: «эта лавка переносится».

Don Vicente давно ужъ говорилъ мнѣ, что въ Мадридѣ будетъ возмущеніе. Съ таинственностію всчислялъ онъ мнѣ силы, которыми располагають прогрессивисты, число ружей, скрытыхъ во время послѣдняго обезоруженія національной гвардіи (ее здѣсь называютъ милиціею), говорилъ, что часть мадритскаго гарнизона на ихъ сторонѣ, что, наконецъ, если въ такомъ живомъ вопросѣ народъ не покажетъ энергіи и рѣшимости, то все пропало, и проч. Изъ всего этого можно было ждать чего-нибудь серьезнаго. Но дѣло показало, что силы прогрессивистовъ заключались въ однихъ надеждахъ. Въ толпахъ не показалось ни одного ружья... Оливъ простолюдинъ въ плащѣ проходилъ по площади, вертя свою rapelito. Поровнявшись съ полковникомъ, который съ обнаженною шпагою командовалъ пѣстовъ, онъ съ достоинствомъ кивнулъ ему головою, прося закурить свою rapelito у его сигары, — и тотъ тотчасъ ее подалъ ему. Поблагодаривъ легкимъ наклоненіемъ головы, простолюдинъ спокойно продолжалъ свою дорогу. Утромъ, когда Мадридъ являлся съ затворенными лавками, дѣйствительно можно было ожидать чего-то важнаго, но скоро потомъ оказалось, что во всемъ этомъ не было ни порядка, ни твердости, ни обдуманности. Черезъ три дня волненіе утихло; лавка повсемогно растворилась. Съ тяжкимъ уныніемъ Мадридъ покорялся новымъ налогамъ.

Возстанія и возмущенія противъ правительства вообще называются здѣсь pronunciamientos; *проконсируются противъ* министерства, противъ конституціи, или *за* такого-то человека, за такую-то конституцію. При этомъ законность нисколько не нарушается, потому-что всѣ pronunciamientos дѣлаются при крикахъ: viva Isabel Segunda! Рассказываютъ, что это дѣлается въ городахъ слѣдующимъ образомъ: когда дѣло сложено между главными зачинщиками, изъ которыхъ многіе всегда принадлежатъ къ муниципалитету или милиціи (она съ прошлаго года обезоружена), нѣсколько десятковъ человекъ являются на площадь передъ ратушею. Такъ какъ всякій Испанецъ заранее въ воздухѣ чувствуетъ наступающее движеніе, то скоро вся площадь покрывается народомъ. Приваллежащіе къ партіи зачинщиковъ начинаютъ говорить о положеніи общественныхъ дѣлъ. Наконецъ, когда умы нѣсколько приготовлены, является ораторъ и говорить къ народу рѣчь, безпрестанно повторяя: свобода, деспотизмъ, героическая нація, мнѣня, отечество и проч., и оканчиваетъ крикомъ тиега и viva, то есть, viva то, чего желаетъ pronunciamiento, тиега — противное ему. Главные зачинщики отправляются потомъ въ ратушу, гдѣ уже ayuntamiento засѣдаетъ. Ораторъ возвыщается, что народъ этого города проконсировался. Присутствующіе члены,

заранѣе все знавшіе, возносятъ патриотизмъ гражданъ (въ Испаніи за эпитетами дѣло не стоитъ) и составляютъ pronunciamiento, въ формѣ прокламаціи. Тутъ же учреждается junta de salvacion y gobierno (спасенія и управленія), отставляются всѣ прежнія власти и назначаются новыя, забираютъ городскую казну, вооружаютъ милицію и отправляютъ отрядъ въ ближній городъ, съ приглашеніемъ и ему также сдѣлать свое pronunciamiento. Очень часто случается, что возмущившіеся города бываютъ такъ слабы, такъ неспособны, до того лишены дальнихъ и умныхъ начальниковъ, что ничего лучшаго не находятъ, какъ снова просить отставленныхъ власти принять управление городомъ на счетъ pronunciamiento. Бываетъ, что муниципалитетъ провозсируется самъ отъ себя, дѣлая правительству представленіе противъ принятыхъ имъ мѣръ и распоряженій, или представляя ему тѣ, которыя онъ считаетъ лучшими. Правительство обыкновенно отвѣчаетъ декретомъ, воспрепятствующимъ муниципалитетамъ мѣшаться въ политику, объявляетъ хунты и всѣ ихъ распоряженія противозаконными. Тогда хунта и муниципалитетъ объявляютъ себя безсмысленными, публикуютъ съ своей стороны декреты противъ правительства, называя бунтовщиками всѣхъ, которые продолжаютъ повиноваться ему. Большею частію pronunciamientos дѣлаются гарнизономъ, подъ предводительствомъ сержантовъ и офицеровъ; собственно народъ спокойно смотритъ. Иногда гарнизонъ остается сначала зрителемъ, потомъ присоединяется къ pronunciamiento, при восклицаніяхъ: viva la ley, viva la constitucion! Когда партія, славившая его, оказывается малочисленною, или противная получаетъ вспоможеніе, является новое pronunciamiento и дѣлается точно въ тѣхъ же формахъ.

Политическая Испанія есть какое-то царство призраковъ. Здѣсь никакъ не должно принимать вещи по ихъ именамъ, но всегда искать сущности подъ кажимостью, лицо подъ маскою. Сколько уже лѣтъ говорятъ въ Европѣ объ испанской конституціи, о партіяхъ, о журналистикѣ, разныхъ политическихъ доктринахъ, о воли народа и т. п.; все это слова, которыя въ Европѣ имѣютъ смыслъ,—приложенныя же къ Испаніи, имѣютъ свое особое значеніе. Прежде всего надо убѣдиться въ томъ, что массы, народъ, здѣсь совершенно равнодушны къ политическимъ вопросамъ, которыхъ они, къ тому же, нисколько не понимаютъ. Кастильцу-простолыдину нужно работать, можетъ быть, только двѣ недели въ году, чтобъ вспахать свое поле и собрать хлѣбъ, да еще большею частію приходятъ жать его Валенсіанцы; остальное время онъ спитъ, куритъ, ѣстъ и нисколько не заботится о всемъ томъ, что лично до него не касается. Можетъ быть, въ душѣ онъ и за довѣ Карлоса, потому-что его grétre проповѣдуетъ ему въ

этомъ духѣ. Не надобно забывать, что, несмотря на всѣ послѣднія событія, духовенство имѣетъ еще большое вліяніе въ деревняхъ. Испанскіе священники не ведутъ уединенную и затворническую жизнь: ихъ безпрестанно встрѣчаешь по дорогамъ, они пьютъ и курятъ съ крестьянами на постоялыхъ дворахъ, разговаривая о всякихъ мѣстныхъ происшествіяхъ. Вероятно, они въ глазахъ народа и не много имѣютъ нравственнаго достоинства, но тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ несомнѣнно.

Испанія, удушенная тремя вѣками правленія неудачнаго, подавленная двумя чужестранными династіями, изъ которыхъ первая начала жестокостію, насиліемъ и кончила безсиліемъ, — другая почти безпрерывно занималась одними дворцовыми интригами, — бѣдная Испанія силится разбить теперь эту кору невѣжества, подъ которою столь долго томилась она. Глубоко ошибаются тѣ, которые судятъ объ Испаніи по французскимъ идеямъ, по французскому общественному движенію. Кромѣ множества радикальныхъ различій, не должно забывать, что Франція была приготовлена пятидесятью годами философской литературы. Въ Испаніи, послѣ писателей ея «золотого вѣка», въ продолженіи двухъ вѣковъ не было другой литературы, кромѣ проповѣдей духовенства, которое, конечно, всеми силами старалось о поддержаніи стараго общественного устройства, въ которомъ само господствовало. Посмотрите теперь на испанскіе журналы всѣхъ партій! Меня больше всего поражаетъ въ нихъ рѣшительное отсутствіе всякой философской теоріи, даже всякой философской мысли. Идеи нѣтъ, — есть одніи лица и имена; ни одинъ вопросъ государственнаго устройства не подвергается анализу. Перевоороты въ Испаніи не могутъ выйти изъ массъ, которыя даже не имѣютъ о нихъ понятія. Здѣсь самый бѣдный, послѣдній мужикъ всегда вдоволь пьетъ хлѣба, вина и солнца, здѣсь у самого нищаго есть на зиму и шерстяные панталоны и теплый шерстяной плащъ, тогда какъ французскій мужикъ, наиримѣръ, в зиму и лѣто прикрывается одною тощею, холстинною блузой. Кромѣ того, этотъ народъ одаренъ удивительнымъ чувствомъ повиновенія: лучшій примѣръ — все царствование Фердинанда VII. Испанцу словно недоступна никакая общая идея, хотя отвлеченное понятіе объ общемъ дѣлѣ.

Странная участь Испаніи! Между тѣмъ, какъ въ средніе вѣка каждая европейская нація направляетъ всю жизненную силу свою на образованіе своего единства, Испанія, развлеченная семисотлѣтней войною съ Маврами, вдругъ, безъ приготовленія приводится въ единство силою Карла V и Филиппа II. Съ обычною своею безпечностію предается она этому новому направленію, пока, наконецъ, въ дни страданій и смутъ начи-

насть припоминать о своей прежней жизни и неожиданно находятъ что сохранила глубокіе слѣды ея. Посмотрите на самое возстаніе 1808 года: не удивительно ли все это безсиліе «совета Кастильи», этой центральной хунты, наконецъ, всего того, что хотѣло придать этому возстанію характеръ общности и единства? Жизнь и сила Испаніи были въ ея *guerillas*; ея герои всегда начальники летучихъ отрядовъ. Въ дни опасности другіе соединяются; Испанцы, напротивъ, раздробляются, сила ихъ въ отдаленности, въ одиночествѣ. Право, единство въ Испаніи мнѣ до сихъ поръ кажется призракомъ. Валенсіянецъ говоритъ языкомъ, котораго Андалузецъ не понимаетъ; Каталонецъ и Кастилецъ почти имѣютъ надобность въ переводчикѣ. интересы раздѣлены; и какъ только обстоятельства становятся важными, всякій тотчасъ спѣшитъ разорвать связь, которая имѣаетъ, не помогая, и замедляетъ только свободу движеній.

Несмотря на то, что слово «конституція» здѣсь есть лозунгъ всего, что, не будучи Карлистомъ, недовольно правительствомъ, — ни одна конституція не была приведена здѣсь къ исполненію; не отъ того ли это, что здѣсь у народа нѣтъ чувства законности, — что онъ съ прежнему безпечностію даетъ себя судить своимъ пристрастнымъ алькальдамъ, наконецъ, что попеременно апатическій и страстно-стремительный геній этого народа ничего не разуметь въ политической процедурѣ. И въ Испаніи постоянно дѣлаютъ и передѣлываютъ конституціи — и никто въ нихъ не вѣритъ; составляютъ законы — и никто имъ не повинуется; издаютъ прокламаціи — ихъ никто не слушаетъ; наконецъ, есть двѣ Испаніи: одна — земля примарная, народъ могущественный, героическій, народъ великихъ людей, предводимый еще болѣе великими людьми, которые во всемъ успѣваютъ, это Испанія журналовъ, ораторскихъ и министерскихъ рѣчей и прокламаціи; но взгляните пристальнѣе, проникните глубже, и вы ощутите тогда Испанію настоящую, Испанію разоренную, фаталистическую, распустившуюся, безъ администраціи, безъ финансовъ, безъ общественнаго духа, Испанію, изнуряемую постоянно внутреннею войною, усталую отъ всѣхъ этихъ дипломатическихъ интригъ, фантастическихъ конституцій.

Едва ли какой народъ въ Европѣ одаренъ этою стойкостію, этою способностію свыкаться съ своимъ бѣдственнымъ положеніемъ, какъ Испанцы. Арабы завоевали Испанію въ два года, — Испанцы употребили почти 800 лѣтъ на освобожденіе страны своей отъ чужаго ига. Читая о непрерывныхъ смутахъ Арабовъ, о ихъ внутреннихъ раздорахъ, дивисься, какъ Испанцы такъ долго не могли отбросить это африканское племя. Но знать и тогда было то же, что те-

перъ. Почти каждое лѣто Испанцы одерживали верхъ; но вместо того, чтобы преслѣдовать свою удачу, — они спокойно расходились на зиму по домамъ прожизать пріобрѣтенную добычу, въ ожиданіи слѣдующей кампаніи. Непріятель, между тѣмъ, возстановлялъ свои силы, и на лѣто снова начиналось дѣло. Лишь гораздо позже, когда все арабское царство сосредоточивалось уже въ одной Гренадѣ, Испанцамъ пришлось въ голову быстро стѣснить и покорить его: и это стоило одного легкаго похода. Война противъ невѣрныхъ вошла въ правы, въ нужды Испанія; набѣги на Арабовъ возобновлялись періодически. Въ продолженіи всѣхъ этихъ вѣковъ не встрѣчаешь никакого плана, никакого соображенія, преслѣдуемаго въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; грозная близость непріятеля не мѣшала въ лагерь Испанцевъ ни распрямъ, ни ссорамъ за наследство, ни междоусобнымъ войнамъ, ни даже тому, чтобы, соединясь съ Арабами, воевать противъ своихъ же. Нѣчто изъ этихъ бродячихъ нравовъ, изъ этой привычки къ похождениямъ сохранилось и теперь; отсюда отсутствіе одной постоянной воли, безпечность, которая оставляетъ на долю случайности. Во многихъ отношеніяхъ Испанія столько же приваждаетъ къ среднимъ вѣкамъ, сколько къ нашему времени; многое въ ней страшно, но не безсмысленно. Она много назади, но далеко не поражена тою нравственною окаменѣlostію, которая заставляетъ отчаяваться за будущность народа. — Скорѣе должно дивиться, соображая исключительныя, роковыя обстоятельства, которыя такъ долго сдерживали движеніе Испаніи, какъ она еще не болѣе назади, какъ еще успѣла она сохранить въ себѣ эти энергическія сѣмена жизни!

Всего болѣе заставляетъ вѣрить въ будущность Испаніи рѣдкій умъ ея народа. Когда имѣешь дѣло съ людьми изъ простаго народа, совершенно лишенными всякаго образованія, невольно изумляешься ихъ здравому смыслу, ясному уму, легкости и свободѣ, съ какими они объясняются. Въ этомъ отношеніи, они, напримѣръ, далеко выше французскихъ крестьянъ. Въ нихъ нѣтъ ихъ грубости, ихъ умственной тяжеловатости. Умственная сфера Испанца не велика, но то, что онъ понимаетъ, онъ понимаетъ вѣрно; и если воспитаніе, философскія идеи или привычка къ занятіямъ болѣе общимъ разовьютъ ихъ умственныя способности, Испанцы внесутъ тогда и въ высшія сферы жизни это прямодушіе, эту отчетливость, которыя, кажется, врожденныя имъ, и которыя теперь прилагаются у нихъ только къ самымъ мелкимъ интересамъ. Среди этихъ безчисленныхъ смуть, раздражающихъ Испанію, чувствуешь какую-то необходимость безпрестано оглядываться назадъ, хотя бы для того, чтобы сколько нибудь облегчить настоящее отъ ошибокъ и несчастій, завѣщанныхъ ему прошедшимъ, для того, чтобы сохранить вѣру въ народъ, кото-

рый, несмотря на три несчастных вѣка, умѣлъ сохранить въ себя свои природныя качества, столь прекрасныя и драгоценныя.

Вы не можете представить себя, какъ отрадна здѣсь прохлада; надо испытать зной здѣшняго дня, чтобъ чувствовать что такое свѣжесть утра. Вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ небо здѣсь постоянно безоблачно. Каждый день наслаждаюсь я свѣжестью за своимъ скромнымъ завтракомъ. Надобно вамъ сказать, что испанскій завтракъ состоитъ обыкновенно изъ самой маленькой чашки густого шоколада на водѣ, къ которому подаютъ нѣсколько тонкихъ ломтиковъ хлѣба. Этотъ неотразимый завтракъ вамъ равно даютъ и въ послѣдней, уединенной вентѣ, также какъ и въ первой гостинницѣ Мадрита. Утромъ кофе Испанцы не пьютъ и очень рѣдкіе пьютъ его послѣ обѣда. На меня особенно пріятно дѣйствуетъ здѣсь натуральность женщинъ. Вамъ, можетъ быть, эти слова покажутся неясными, но чтобъ понять ихъ, надобно долго жить въ Парижѣ, гдѣ женщина искусственна съ головы до ногъ. Правда, что Француженки очень граціозны, но правда также и то, что болѣею частію эта грація — изученная. Разумѣется, вездѣ есть натуры, такъ сказать, счастливыя, потому-что естественная грація — своего рода талантъ; ей нельзя выучиться: съ нею надобно родиться. Испанки не граціозны въ смыслѣ французскомъ, но онѣ натуральны, и надо также признаться, что натуральность эта сначала жестко поражаетъ глаза, привыкшіе къ тонкой французской жеманности. Только въ этомъ отношеніи между Итальянками и Испанками есть сходство. Испанка не облумываетъ ни манеровъ своихъ, ни походки: онѣ у ней spontanées, и хотъ часто отрывисты, рязки, но за то живы, оригинальны, выразительно и плѣнительно просты. Француженка — кокетка *par excellence*, умѣетъ съ удивительнымъ искусствомъ выставить все, что въ ней красиваго; она глубоко изучила всѣ позы, всѣ движенія; это воинъ страшно вооруженный, бдительный и лукавый. Испанка какъ будто не знаетъ о красотѣ своей; по глубокому чувству стыдливости, она скорѣе скроетъ, нежели обнаружитъ красоту своихъ формъ. Женщинамъ въ Испаніи не оказываютъ тѣхъ въ сущности пустыхъ знаковъ приторной вѣжливости, какими осыпаютъ женщинъ во французскихъ обществахъ. Замѣчательно, что не такъ еще далеко то время (лѣтъ 15), когда дѣвушекъ здѣсь учили только *читать*, изъ опасенія, чтобъ онѣ не писали любовныхъ записокъ. Это я слышалъ отъ одной очень умной и пожилой дамы

хорошаго общества. Политическія волненія еще болѣе удивили женщину. Въ борьбѣ партій здѣсь женщина до сихъ поръ не принимаетъ участія, а семейная жизнь, конечно, всего меньше можетъ развить потребность образованія.

Чтобъ вполне оцѣнить прекрасныя качества Испанцевъ, надобно видѣть ихъ въ домашнемъ быту, въ ихъ частныхъ отношеніяхъ: только здѣсь становятся они сами собою. По какому-то особенному счастью, на Испанцахъ ни сколько не замѣтно слѣдовъ вліянія системы шпіонства, введенной инквизиціею. Вѣрно у Испанцевъ основной законъ былъ такъ твердъ, что ихъ старыя, рыцарственныя качества остались доселѣ совершенно чистыми. Случилось одно только, что хорошія и дурныя стороны существуютъ какъ-то вмѣстѣ, не касаясь другъ съ другомъ, словно разделенныя какою-то стѣною. Чиновникъ — взяточникъ и продажный, торгующій правосудіемъ судья здѣсь въ частныхъ отношеніяхъ непремѣнно деликатны и вѣрны. Общественный духъ, общественныя чувства здѣсь находятся еще подъ спудомъ, но загляните съ другой стороны, зайдите за стѣну, и вы будете поражены благородствомъ, простотою, прямотою. Даже у тѣхъ, которые здѣсь со всѣхъ сторонъ запачканы политическою грязью, вѣрете, частная сторона, на зло всему, осталась прекрасною.

Иностранцу, пріѣзжающему въ Мадридъ, больше всего бросается въ глаза то особенное вниманіе, которе обращаютъ Испанцы на рекомендательныя письма. Въ этомъ отношеніи Французъ, можетъ быть, наговоритъ больше любезностей, Англичанинъ будетъ кормить частыми обѣдами, но у однихъ только Испанцевъ можно найти эту неутомимую, добродушную привѣтливость, эту обязательную готовность всячески быть вамъ полезнымъ. Разъ рекомендованные Испанцу, вы можете располагать имъ, его временемъ, его связями. *La casa este a la disposicion de usted* (мой домъ въ вашемъ распоряженіи), говоритъ вамъ прежде всего Испанецъ, и это не одна пустая фраза, вы можете притти туда, когда хотите, и всегда будете радушно приняты. Вообще Испанецъ учтивъ и привѣтливъ съ достоинствомъ, безъ предупредительности; при обычномъ спокойствіи своемъ, онъ не расточителенъ на любезности, но будьте увѣрены, вы никогда не будете ему въ тягость, никогда не обойдется онъ съ вами холодно. Въ Испаніи никогда не употребляютъ слова *ты*, развѣ между самыми близкими друзьями. Если генералъ обращается къ солдату, онъ говоритъ ему — *usted*, ваша милость. Тоже самое съ слугами; дѣти играя на улицѣ говорятъ другъ другу — *mín usted*, посмотри, ваша милость.

Лѣтняя жизнь въ Мадридѣ не разнообразна: прогулка на Prado съ сигарой, мороженое, поѣздки въ Аранхуесь, въ Лагранху со-

ставляютъ здѣсь вся удовольствія лѣта. Вечера въ домахъ рѣдки. Есть два рода tertulias: на однихъ танцуютъ подъ фортепiano, играютъ Герца и Черни, поютъ итальянскія арии: вообще музыкальная сторона тертулій не блестяща, чтобъ не сказать болѣе. Испанскія дамы, къ которымъ такъ чудесно вдетъ ихъ національнѣйшій костюмъ, въ обществахъ вся одѣты въ костюмъ французскій — и почти всегда неудачно; испанскихъ танцевъ не танцуютъ; fandango и bolero (о casbucha уже вѣчего и говорить) въ обществахъ считаются неприличными, и я никакъ не могъ упросить двухъ дочерей хозяйки дома, съ которыми я очень хорошо знакомъ, рѣшиться протанцовать какойнибудь испанскій танецъ; она отговариваются отъ этого, какъ отъ вещи совершенно невозможной. Здѣсь танцуютъ вальсъ и контрдансъ. «Порядочное» общество здѣсь національность предоставляетъ народу. Равнымъ образомъ, въ этомъ обществѣ болѣе говорятъ по-французски.... Мнѣ кажется, смотря на всѣхъ этихъ «образованныхъ» Испанцевъ, что Испанія собственно раздѣлена на два партіи: на Испанію старую и неподвижную, и на Испанію, преданную идеямъ и учрежденіямъ Франціи и Англіи. Одной не достаетъ народности, національныхъ корней, другой — чувства будущности и новыхъ государственныхъ интересовъ. Если здѣсь народъ съ такою враждебностію глядитъ на вся цивилизующія начала, это, главное, потому, что она приходятъ отъ иностранцевъ. Трудно представить себѣ то глубокое презрѣніе, какое оказываетъ народъ къ los afganizados (офранцуженнымъ), но съ другой стороны, и республиканскіе exaltados нисколько не пользуются народностію... Эта тяжкая борьба, столько лѣтъ изнуряющая Испанію, не выходитъ ли она изъ безсилія этихъ двухъ партій? Одна чужда своей стороны, другая — своей эпохи; одна состоитъ изъ жителей Франціи и Англіи, забывшихъ Испанію, другая — изъ Готтовъ и Каутабровъ XI вѣка, не понимающихъ ни промышленности, ни источниковъ народнаго богатства, которые на единство смотрятъ съ враждебностію и которую ничего не видятъ далѣе своей деревенской колокольни и своихъ коммунальныхъ правъ. Одни хотѣли воротиться въ средніе вѣка, другіе — слѣпать Испанію по образцу Франціи и Англіи, — партіи равно пустыя и хищныя, равно безсилныя, порождающія одну безпреставную реакцію. Не здѣсь ли причина этимъ постояннымъ и безтолковымъ понятіямъ, этому смѣшенію слабости и кровожадности?...

Но возвратимся къ нашимъ тертуліямъ. Я забылъ сказать, что она еще замѣчательны тѣмъ, что какъ бы жарко ни было въ комнатахъ, и какъ бы долго ни продолжался вечеръ, вамъ не предложатъ никакого прохладительнаго питья. Благодаря простотѣ привычекъ своихъ, Испанцы, кажется, не чувствуютъ въ этомъ никакой надоб-

ности, в одной водой веселятся на своих тертуліяхъ отъ всей души. Эту простую, природную веселость, это ясное расположеніе можно видеть только въ обществѣ испанскомъ. О простотѣ здѣшнихъ мебели и уборки комнатъ вы не можете составить себѣ понятія. Тотъ комфортъ, какимъ окружаетъ у насъ себя всякій чуть-чуть не бѣдный человѣкъ, здѣсь можно найти развѣ въ домѣ богатаго гранда, да и то *afanzado*. Вообще стѣны комнатъ выкрашены обыкновенно бѣлою известью, каменный полъ устланъ ковромъ изъ плетеной соломѣ, стулья самыя простыя и Богъ знаетъ какихъ древнихъ формъ; стеариновые свѣчи здѣсь роскошь. Я говорилъ о танцевальныхъ вечерахъ, но для меня еще интереснѣе здѣшніе всѣдневные вечера, составленные изъ однихъ общихъ пріятелей дома. Только на такихъ вечерахъ можно узнать всю любезность испанскаго характера. Трудно понять, какъ при однообразіи мадритской жизни, семь, восемь человѣкъ близкихъ знакомыхъ находятъ средство безпрестанно оживлять разговоръ остроумными замѣчаніями, смѣшными разсказами, наконецъ, этимъ постояннымъ, вѣнстошимо-веселымъ расположеніемъ духа. Конечно, Испанцамъ надо поучиться у Европы политикѣ, финансамъ, администраціи; но если бы они могли за это сообщать Европѣ хоть не много своей кроткой, доброй, беззаботной веселости, а какой Европа не имѣетъ понятія! На этихъ вечерахъ учтивость чрезвычайная; даже нѣсколько церемонная, осведомленія о здоровьи всегда продолжительны и повторяются съ одинаковою обстоятельностью каждый день; но кромѣ нѣкоторыхъ этого рода формальностей, обращеніе очаровательно-фамиллярно. Здѣсь дамы и дѣвушки называютъ мужчинъ просто по именамъ: *don Antonio*, *don Esteban*, — мужчины, съ своей стороны, также пользуются этимъ обычаемъ: *doña Dolores*, *doña Matilda*.... и этотъ обычай, повидимому, самый незначительный, придаетъ разговорамъ и отношеніямъ какой-то дружественный колоритъ, такъ-что въ испанскомъ обществѣ тотчасъ чувствуешь себя свободнымъ.

Въ Мадридѣ нѣтъ народныхъ баловъ, и вообще въ Мадридѣ народъ танцуетъ мало; можетъ быть, *la Flema Castellana* (кастильская флегма) тому причиною, тѣмъ болѣе, что изъ всей Испаніи, Кастилья самая не пѣвучая и не танцевальная провинція. Только по воскресеньямъ, за *palacio real*, внизу, подъ тѣнью каштановъ, случаются танцы. Оркестръ состоитъ изъ двухъ гитаръ и тамбурина, къ нимъ танцующіе присоединяютъ свои *patillos* (кастаньеты); одинъ изъ гитаристовъ поетъ, — здѣсь всѣ танцы суть вмѣстѣ и пѣсни, — и балъ идетъ съ большою живостью. Меня особенно поражаетъ въ нихъ ловкость и отличныя манеры мужчинъ, ихъ изящная възлливость съ женщинами: это свобода безъ наглости, увлеченіе безъ всякой гру-

бости. Больше всего танцуютъ *boleto* и *jota aragonesa*. Арагонская хотя очень проста и болѣе состоитъ въ прыжкахъ, нежели въ движеніяхъ стана, которыми отличаются почти все испанскіе танцы, но она очень жива, весела и танцуется въ восемь и больше паръ. Здѣсь можно любоваться и на мадритскихъ *manolas*; это здѣсь тоже, что въ Парижѣ грезетка. Но *Manola*... увы!... вытѣсняется французскимъ вліяніемъ: это типъ уже исчезнувшій, но въ высшей степени оригинальный, исполненный страшнаго орудивенія прелести и буйной дерзости, цѣломудренною красотою формъ и откровенною наглости, происходящей не отъ разврата, а отъ стремительно вспыхивающихъ страстей, не знающихъ себя никакого предела, и на которыхъ ни религія, ни общественныя формы не имѣли никакого вліянія. Это природа, во всей своей цѣлости. Лица ихъ почти все блѣдно-коричневая, взглядъ большихъ черныхъ глазъ смѣлый и удадой, массивная коса, собранная въ одинъ огромный узелъ, слегка прикрытая мантильей, короткое платье.... но вамъ лучше меня опшеть манолу эта народная пѣсня о манолѣ; жалю, что не могу здѣсь передать вамъ ея увлекательной и живой мелодіи:

Ancha franja de veludo
 En la terciada mantilla,
 Aire recio, gesto crudo,
 Soberana pantorrilla
 Alma atroz, sal espanola,
 Alza, hola!
 Vale un mundo mi manola!

Que calia, y como cruje
 Si baila jota ó fandango
 Y que brio en cada empuje!
 Y que gloria de remango
 A la mos leve cabriola!
 Olza etc. etc.

Con primor se calza pié
 Digno de regio tapiz:
 Y que dulce nosé que
 En aquella cicatriz,
 Que tiene junto á la gola—
 etc. etc.

« Широкая бархатная кайма на перевязанной крестомъ мантильи, станъ сильный, жестъ рѣзкій, дивная икра, душа хищная (?), испанская ловкость.... стоятъ цѣлаго міра моя манола!

«Какъ горитъ она, какъ хруститъ, когда танцуетъ хоту или фанданго; какая энергія въ каждомъ взмахѣ, — и что за удивленіе, какъ встраивается у ней платье, при самомъ легкомъ прыжкѣ.... стоить цѣлаго міра моя манол!»

«Деликатно обута ножка, достойная царскаго ковра, и не знаю, что за прелесть въ этомъ рубцѣ, что на шеѣ у ней.... стоить цѣлаго міра моя манол!»

Испанцы народъ гостепріимный по преимуществу; кроме того привѣтливый въ обществѣ, какое обращаютъ они на рекомендательныя письма, знакомства въ Испаніи чрезвычайно легки: одного разговора въ кофейной достаточно, чтобъ иностранецъ былъ приглашенъ въ домъ, при обычной фразѣ: *mi casa esta a la disposicion de usted*. Кроме того, если Испанецъ находится въ кофейной въ обществѣ иностранца, онъ считаетъ для себя непремѣннымъ долгомъ не допускать его платить за себя, и они дѣлаютъ это съ такою ловкостью, такъ искусно даютъ знакъ прислугѣ взглядомъ или жестомъ, что иностранцу, при всемъ его желаніи, никакъ не удастся заплатить въ кофейной, когда онъ находится въ обществѣ Испанцевъ. Этотъ обычай поставилъ меня однажды въ загадочное положеніе. Разъ приглашаю я одного моего близкаго пріятеля съ женою, у котораго въ домъ я очень близокъ, отобѣдать въ ресторацію, предварительно заказавъ обѣдъ. Нашъ обѣдъ былъ веселъ, говорливъ, словомъ, прошелъ какъ нельзя лучше; но когда спросилъ я у слуги счетъ, вдругъ слышу, что счетъ уже заплаченъ. Меня это разсердило. Мой Испанецъ оправдывался своими обычаями, говоря, что, конечно, я вѣленъ сердиться, но что онъ, со своей стороны, не можетъ измѣнить долгу Испанца, по которому рекомендованный ему иностранецъ есть *се-де* гость его. Даже находясь между собою, въ кофейной, Испанцы какъ бы пикируются, кому удастся заплатить за другихъ. Эта черта тамъ болѣе поразительна, что здѣсь средства у всѣхъ ограничены. Но Испанецъ прежде всего *caballero*. Вскорѣ по приездѣ моемъ въ Мадридъ, я отыскивалъ одну улицу, гдѣ мнѣ надобно было сдѣлать визитъ. Улица была далеко, и я спрашивалъ о ней у прохожихъ. Между прочимъ, отнесся я къ одному бѣдно одѣтому человеку. «Если хотите, я провожу васъ туда», отвѣчалъ онъ. Мы пошли. Дорогой вздумалъ я сдѣлать еще нѣсколько визитовъ, и, намѣреваясь заплатить этому человеку за трудъ его, просилъ дожидаться меня на улицѣ. Визиты мои продолжались часа три; вожатый мой говоритъ мнѣ, наконецъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться со мною. Я подаю ему дуру (5 руб. асс.), благодаря его за одолженіе. «No, senor, no. muchissima gracias.» — Но почему же вы не хотите получить за ваши труды, я отивалъ у васъ время.... «No, senor, gracias, soy pobre, pero soy sa-

ballero (я бядень, но я кавалеръ), — и раскланявшись, Кастильянецъ ушелъ отъ меня, оставивъ меня въ замѣшательствѣ и съ деньгами въ рукѣ. Никогда не случилось мнѣ, давая за труды прислугѣ, встрѣтить недовольную мину. Если слуга испанскій очень доволенъ, это выражается только тѣмъ, что онъ прибавитъ къ своему обычному «gracias», — gracias, caballero. Вообще чувство личнаго достоинства въ этомъ народѣ поразительно; не даромъ существуетъ у него пословица: «Король можетъ дѣлать дворянами, одинъ Богъ дѣлаетъ кавалерами».

Мнѣ не придется видѣть въ Мадридѣ *corrida de toros*: она уже здѣсь прекратилась до весны; но мнѣ обещаютъ, что я еще заставу ихъ въ Андалузіи. Здѣсь мнѣ случилось видѣть только *corrida de novillos*. *Novillos* называются здѣсь молодые быки, и забава состоитъ въ томъ, что ихъ пускаютъ поиграть съ молодыми людьми. Это самая любимая забава молодежи; ни одинъ деревенскій праздникъ, ни одна маленькая ярмарка не обходятся безъ *corrida de novillos*; они замѣняютъ здѣсь фокусниковъ и комедіантовъ. Въ Караванчелѣ, деревнѣ верстахъ въ четырехъ отъ Мадрита, случился приходскій праздникъ, и мнѣ сказали, что непременно будетъ и *corrida de novillos*. Дѣйствительно, на скорую руку была сдѣлана арена, окруженная заборомъ изъ досокъ, складенныхъ такъ, чтобъ въ щели можно было пролезть человѣку; вокругъ подмостки для зрителей; за входъ по два реала (около 50 коп. ас.). Каждый заплатившій имѣетъ право идти на арену играть съ быкомъ. Игра эта состоитъ въ томъ, что молодые люди (ни оружія, ни палки имѣть при себѣ не дозволяется) дразнятъ быка своими красными кушаками или снятыми съ себя куртками; быкъ безирестанно бросается на нихъ, они разсыпаются; во всемъ этомъ — легкость, увертливость, ловкость поразительны. Смяющаяся, шумливая ватага наблюдаетъ удивительный тактъ въ своихъ движеніяхъ; вѣтъ въ немъ ни замѣшательства, ни столкновеній; она знаетъ всѣ приемы и взгляды быка, — все въ ней живо, внимательно; она разсыпается и собирается снова, безпрестанно развѣская вниманіе быка, наблюдая другъ за другомъ. Бядное животное не знаетъ, въ какую сторону броситься, дѣлаетъ прыжки, обороты, — молодежь разливается вокругъ него, какъ вода. Вдругъ быкъ замѣтилъ одного молодого человѣка, который больше всѣхъ вертѣлся около него съ своимъ широкимъ, краснымъ распущеннымъ поясомъ; быкъ бросился на него, тотъ увернулся. Быкъ за нимъ; молодой человѣкъ, замѣтивъ рѣшимость раздраженнаго животного, въ одинъ прыжокъ очутился у забора и уже пролезалъ въ него... но быкъ тоже въ одинъ прыжокъ подскочилъ къ забору; еще одно мгновеніе — и молодой человѣкъ внѣ опасности, но часть его тала чуть-чуть оставалась еще на-

ружь, и одинъ рогъ быка уловилъ его за ребры, съ страшною силою вырвалъ изъ забора и съ бѣшенствомъ побѣжалъ съ нимъ по аренѣ.... Это была минута страшная. Смѣхъ и крики мгновенно утихли, тяжкая, томительная тишь пробѣжала по зрителямъ. На matado, ha matado (убилъ, убилъ!) раздались со всѣхъ сторонъ. Объявивши два раза арену, быкъ сбросилъ съ рогъ свою жертву; между тѣмъ, впустили рабочихъ воловъ, чтобъ въ ихъ сообществѣ вывести быка изъ арены. Молодой человекъ лежалъ безъ движенія, съ посинѣлымъ лицомъ.... Эта сцена такъ потрясла мои непривычныя нервы, что я не въ силахъ былъ оставаться ни минуты долѣе, и въ страшномъ волненіи тотчасъ же отправился въ Мадридъ. Когда я сѣлся въ коляску, на аренѣ раздались снова смѣхъ и крики; значитъ тѣло убрали, впустили новаго быка и молодежь снова принялась играть съ нимъ. Страшная смерть была уже забыта.

В. ВОТКИНЪ.

(Будетъ продолженіе.)

III.

ЧТЕНІЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. № 5. Москва 1847.

Эта книжка «Чтеній», какъ и вся предыдущія, представляетъ много замѣчательнаго и любопытнаго. Въ ней, подобно прежнимъ, матеріалы, вообще говоря, интереснѣе оригинальныхъ статей, по преобладающему антикварному, или археологическому направленію занятій общества. Хорошо ли это направленіе, или дурно, здѣсь разбирать не мѣсто; сверхъ того, мы думаемъ, что всякая дѣятельность въ своемъ родѣ хороша, если достигаетъ цѣли. Замѣтимъ только, что вслѣдствіе такого направленія, мы въ «Чтеніяхъ» мало встрѣчаемъ статей собственно историческаго или историко-юридическаго содержанія. Лучшія изъ нихъ относятся къ древностямъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Большую часть книги занимаютъ матеріалы для исторіи казаковъ. Ихъ обнародованіе есть истинная заслуга, за которую нельзя довольно благодарить Общество и его неутомимаго, секретаря г. Бодянскаго. Къ числу ихъ относится начало летописнаго повѣствованія о Малой Россіи *Ригельмана*, сочинителя Исторіи Донскихъ Казаковъ, помѣщенной въ предыдущихъ книжкахъ Чтеній (3-й и 4-й), историческій отрывокъ о происшествіяхъ въ Пивскѣ во время первой войны казаковъ противъ Польши, войны, которая окончилась выгоднымъ для нихъ Зборовскимъ миромъ (1648); наконецъ, двѣ статьи извѣстнаго *Миллера* о запорожцахъ и малороссійскомъ народѣ. *Ригельманъ* не историкъ, не особенно талантливый писатель, но добросовѣстный и трудолюбивый человекъ, тщательно собиравшій все,

что относилось къ предмету, о которомъ онъ писалъ. Его сочиненіе, составленное первоначально въ 1778 году и окончательно обработанное въ 1785 и 6-мъ годахъ, раздѣлено на четыре части и шесть книгъ. Первая книга содержитъ въ себѣ исторію Малороссіи и тамошнихъ казаковъ до организаціи малороссійскаго казачьяго войска при Стефанѣ Баторіи. Стараясь объяснить происхожденіе казачества, Ригельманъ собралъ все извѣстія, какія могъ, письменныя и изустныя: это придаетъ большую цѣну первой главѣ его сочиненія, несмотря на то, что онъ самъ не воспользовался своими матеріалами и не вывелъ изъ нихъ окончательныхъ результатовъ. Этому нечего удивляться, когда еще и въ наше время, при теперешнихъ средствахъ науки, вопросъ о происхожденіи казаковъ, такъ запутанъ и теменъ; что жь было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ? Какъ видно, и между казаками были самыя разнорѣчашія сказанія о ихъ происхожденіи. Иные производили себя отъ Казаръ, другіе изъ Польши, отъ Роксолановъ, Черкесовъ, Половцевъ и Русскихъ. Все эти извѣстія могутъ быть до известной степени справедливы, если мы обратимъ вниманіе на то, что казаки составляли военное братство, наполнявшееся людьми всякаго происхожденія и званія; въ казаки, особенно сначала, принимались все безъ различія; нельзя также не брать въ расчетъ, что въ отдаленныя времена, къ которымъ восходитъ начало казачества, названія народовъ были слишкомъ общи, и по отсутствію точныхъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, распространялись на народы, до того разноплеменные, что, можетъ быть, дальнѣйшія изслѣдованія на основаніи этихъ, повидимому противорѣчащихъ, указаній и докажутъ единство происхожденія казаковъ, развѣ только съ незначительною примѣсью постороннихъ элементовъ. Языкъ, вѣра, сильно говорятъ въ пользу мнѣнія, что казаки — выходцы изъ Россіи; такъ думаетъ и Ригельманъ. Вспомнимъ, что Константианъ Багрянородный зналъ въ козарской землѣ *Лебедію*, состоявшую подъ управленіемъ *воеводъ*; вспомнимъ, что издавна, и теперь еще на сѣверѣ Россіи, казаками называютъ батраковъ, наемныхъ работниковъ, людей, не имѣющихъ своего земельного участка. Также было известно и названіе атамановъ; что Роксалае были Славяне — очень вероятно; можетъ быть, современемъ и самое имя Черкасы объяснится проще, нежели черкесской колоніей. Какъ бы то ни было, очень замѣчательно, что казаки, живо сознававшіе свою свободу и независимость, въ этомъ смыслѣ толковали и свое происхожденіе. Рассказавъ, отъ кого производятъ себя казаки, Ригельманъ прибавляетъ: «Прочіе же отъ древнихъ нѣкакихъ вольныхъ людей, кои якобы не принадлежали ни къ какому владѣнію, и потому мнятъ о себѣ все, будтобъ они навсегда право имѣютъ въ вольности, и ни подѣ чьимъ точнымъ

«владніемъ, какъ только подъ защитою тѣхъ областей, къ которымъ они прикосновенны, состоятъ. И для того не почитаютъ себя, чтобъ они были изъ Русскихъ людей, или чьи бывшіе подданные». (стр. 3). У насъ также съ словомъ казакъ издавна соединилось понятіе о вольности. Еще и теперь сохранилась поговорка *вольный казакъ*, въ смыслѣ человека, который можетъ дѣлать что ему угодно, итти на всѣ четыре стороны. Слѣдующія двѣ главы первой книги заключаютъ въ себя плохо соглашенныя между собою выписки изъ разныхъ источниковъ о древнѣйшихъ народахъ, обитавшихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии жили малороссійскіе казаки — Славянахъ и Козарахъ; исторія самихъ казаковъ начинается съ четвертой главы. Ригельманъ узнаетъ ихъ подъ именемъ Касоговъ (?), о которыхъ упоминаетъ императоръ Константинъ Багрянородный, подъ 948 годомъ, и потомъ наши летописи. Въ періодъ княжескихъ междоусобій за старшинство къ казакамъ обращались изгнанные и недовольные князья и съ ихъ помощью защищали свои права. Ригельманъ, какъ всѣ писателя того времени, смотритъ на событія отдаленной древности съ современной точки зрѣнія. Рассказывая, какъ край, гдѣ потомъ жили казаки, переходилъ попеременно въ руки Татаръ, Русскихъ и Литовцевъ, онъ никогда не забываетъ прибавить, что и казаки становились подданными то тѣхъ, то другихъ. Но это едва ли такъ было. Судьба тогдашней южной Россіи не могла имѣть такого вліянія на казаковъ, жившихъ отдаленно по берегамъ Днѣпра и на его островахъ гораздо ниже Кіева. Они и прежде и послѣ оставались независимыми, служили, кому хотѣли, а всего больше ходили на добычу, часто имѣя враговъ и друзей. Не ранѣе обращенія Кіевскаго княженія въ воеводство при Казимірѣ IV (1471) и переименованія его въ Украину стало утверждаться постоянное сближеніе между казаками и этой пограничною областію Польши. Только съ этихъ поръ казаки начали играть важную роль въ исторіи Польши, служа ей оплотомъ противъ Турковъ и Крымцевъ. Въ началѣ XVI вѣка появляется между ними первый гетманъ *Дашкевичъ*. При немъ Сигизмундъ первый, поплывъ всю важность этого военнаго братства для Литвы и Польши, далъ имъ для поселенія земля въ кіевскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ и распространилъ на нихъ тѣ привилегіи, которыя Казиміръ IV далъ русскимъ княжествамъ, принадлежавшимъ Литвѣ. Это привязало казаковъ къ Польшѣ, но не сдѣлало ихъ ея подданными въ теперешнемъ значеніи слова, какъ видно изъ описанія внутренняго быта Запорожцевъ: «Вольно служащіе казаки», говорятъ Ригельманъ: «вначалѣ имѣтъ тамъ (на Днѣпрѣ) ниже пороговъ свой кошъ, т. е. ставъ и вели житье свое весьма суровое: они голодъ, жажду и всякую нужду, какъ равно зной, слякоть, дождь и все воздушное премѣненіе»

«безъ роптанія сносили. Пищу имѣли житкое тѣсто квасное, иногда «маловаренное, и тамъ себя насыщали и довольны были; а когда случалось съ рыбою, что называли щербюю, то за наилучшее кушанье «постаняли. Жительство ихъ было въ коливахъ, т. е. въ шалашахъ «и куреняхъ; по величинѣ оныхъ въ нихъ в число людей находилось, какъ-то отъ 50 до 100 и болѣе; всѣмъ пища была вышеобъявленная, одинакая. Они имѣли надъ собою одного главнаго Кошекаго Атамана, и въ каждомъ куренѣ по одному изъ старшихъ казаковъ. Куренному Атаману жъ, в такихъ, которые бы въ воинскихъ «дѣлахъ искусны, какъ равно в кошевой были, тѣхъ почитали и повиновались имъ такъ, какъ вышнимъ начальникамъ своимъ. Но в «старейшинамъ ихъ жить съ онаствомъ съ ними было должно; ежелибъ кто чьимъ нибудь оскорбилъ ихъ напрасно, тотчасъ предавали «поносной смерти, или скинуть, по состоянію вины, съ начальства. «Воровство в блудъ не терпѣли, в ослабъ кто хотя мало, какъ то путо, или платъ у нихъ украсть, повѣшенъ тотъ на деревъ будетъ.... «Число оныхъ казаковъ (запорожскихъ) никто исчислить не могъ, «да и сами подлиннаго числа знать не могли, но только в знали, что «сколько ихъ конныхъ, столько в пѣшихъ къ дѣлу быть должно, ибо «сколько въ околичныхъ мѣстахъ людей находится будетъ, столько «и казаковъ у себя считали. Къ собранію жъ силъ ихъ только бы повѣстку сдѣлать, чтобъ въ поиски собирались, то тотчасъ сколько «потребно, воинство собиралось; не было нужды съ трудностію собирать, такъ какъ въ иныхъ войскахъ бываетъ, в не имѣлось надобности великаго найму обѣщать; лишь бы только старшій слово «сказалъ, тотчасъ войска, какъ травы будетъ; какъ въ одно время, на «вопросъ Турецкому Султану, когда желалъ выдать количество силъ «ихъ, отвѣчали, что у насъ-де людей что лоза, то казакъ, а гдѣ «кракъ или байракъ, то по сту и по дѣсти казаковъ тамо, в всѣ тѣ «на войнѣ храбры, в при томъ приписали, что казаки богатство «вельми мають (имѣють), хитрость в храбрость довольно знаютъ» (стр 17 в 18). Очевидно, что у казаковъ не могло тогда быть в понятія о подданствѣ, государствѣ, гражданствѣ, администраціи: они еще не доросли до этихъ понятій. Но несмотря на всю первобытную до-историческую дикость, этотъ бытъ имѣетъ свою особенную невыразимую прелесть. Казачество – это поэзія русско-славянскаго міра. Да в гдѣ было сѣ развиваться, какъ не тамъ, куда каждый, несомнѣнный своимъ положеніемъ, бѣжалъ познать на просторъ в гдѣ, в сѣ-сялемый ничьимъ, онъ могъ, по-свѣдѣму, развить в извѣдать всѣ свои силы? Кто ни былъ «живъ человекъ» въ древней Руси, тотъ пробирался на югъ в шелъ въ казаки; на мѣстѣ ему негда было развернуться, подъ тяжкими условіями в формами едва лишь возникшаго

Московского Государства. Казачество представляет намъ русскаго Славянина, каковъ онъ былъ тогда въ глубинѣ своей души, въ всякихъ гражданскихъ и общественныхъ опредѣленіяхъ, наложенныхъ на него въ его отчизнѣ. Отъ-того, при воинственномъ характерѣ казачкаго братства, при роли, которую играетъ въ немъ личность, стоящая здѣсь на первомъ планѣ, это братство насквозь пропитано патриархальными элементами: таже наивность, таже сила обычая и отсутствіе закона, таже отечески безграничная власть главнаго начальника, умирляемая стратомъ низложенія и привычками, которыя всѣ чтутъ свято. Казачество — патриархальныи бытъ, приспособленный къ военнымъ цѣлямъ. Этому мы не должны забывать, если хотимъ объяснить себѣ странно-поражающія особенности казачества и послѣдующій его упадокъ.

Окончательное устройство получило украинское казацкое войско при Стефанѣ Баторіа, одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ польскихъ королей, который понималъ, какъ важны для Польши казаки, составлявшіе крѣпкій оплотъ прогнанныхъ сосѣдей. Въ добавокъ къ прежнимъ казакамъ онъ прибралъ изъ всей Украины еще десять тысячъ, устроилъ ихъ въ войско, велѣлъ самимъ изъ своей среды избрать гетмана, и далъ ему знамя, бунчукъ, булаву и печать, установилъ войскового старшину, обознаго, судью, писаря, есаула, хорунжаго, полковниковъ, сотниковъ и атамановъ, «далъ хетману полную власть, чтобъ суды, расправы и наказанія дѣлать, также въ чины и начальники по войску своему производить», — далъ большія земли, городъ Трентемпровъ и уволилъ отъ платежа акцизовъ и податей. Эти и другія привилегіи, дарованныя Баторіемъ и утвержденныя грамотою, положили основаніе силѣ и цвѣтущему состоянію казацкаго малороссійскаго войска. Къ несчастію, преемники Стефана не были такъ дальновидны, какъ онъ: они начали притѣснять братство, и этимъ навлекли на Польшу большія несчастія.

Вслѣдъ за кончиной Баторіа, при Сигизмундѣ III, начались уже притѣсненія казаковъ. Польша боялась, чтобъ казацкое войско, усилившись, не сдѣлалось опаснымъ для Польши. Отъ-того рано начали посылать къ казакамъ подсмотрщиковъ и стараться объ уничтоженіи ихъ самостоятельности. Къ этому присоединилась еще католическая пропаганда; казаки выходили изъ терпѣнія и нѣсколько разъ вооружались и нападали на Польшу, при гетманахъ Косинскомъ и Наливайкѣ. Такъ продолжалось за все царствованіе Сигизмунда. Были неоднократныя жалобы, но ничто не помогало, а между тѣмъ, притѣснительныя мѣры умножались. Видя, что все это происходило вслѣдствіе внушенія польской аристократіи, казаки обратились къ самому королю; Владиславъ, преемникъ Сигизмунда, которому они жа-

ловались немедленно по вступленіи его на престолъ, подтвердилъ ихъ привиллегіи и произнесъ при этомъ слѣдующія многозначительныя слова: «Нынѣ, по сей привиллегіи, по прежнему можете себя гетмана «поставить и при своихъ правахъ и вольностяхъ крѣпко стоять, не «отдавая себя по онымъ павамъ въ поправіе, защищаясь онымъ и преж- «ними правами. *А естли паны польскіе, или дозорцы, тѣхъ приилле- «гіевъ не послушаютъ, то имъете мушкетъ и при боку саблю: оны- «ми можете защищать свои, отъ Поляковъ повреждаемыя права и вольности».* Слова эти проливаютъ яркій свѣтъ на состояніе Польши уже въ XVII вѣкѣ. Короли уже тогда не могли защищать своихъ подданныхъ и предоставляли имъ самимъ возстановлять свои права оружіемъ. Позднѣе эти же слова повторилъ Владиславъ письменно черкасскому полковнику Барабашу. Въ 1639 году, коронный хорунжій Конецпольскій выстроилъ крѣпость въ урочищѣ Кайдакъ, чтобъ еще больше прибрать въ руки казаковъ. Пріѣхавши туда съ Хмельницкимъ и казаками, Конецпольскій спросилъ: «Угодна ли намъ, ка- «вакамъ, сія крѣпость, и довольно ли крѣпка для васъ будетъ?» На это Хмельницкій отвѣчалъ полатынъ: «Еще нѣтъ того чтобы, что людь- «ми сдѣлано, разрушено быть не могло». «Конецпольскій съ удивле- «ніемъ слушалъ такой отвѣтъ» прибавляетъ Ригельманъ.

Возрастающія угнетенія, несмотря на жалованныя грамоты королей, частыя жалобы, выселенія и возмущенія войска, довели его, наконецъ, до отчаянія. Оно встало подъ предводительствомъ Зиповія, или Богдана Хмельницкаго и началъ съ Поляками войну за свою свободу. Объ этихъ войнахъ различно повѣствуютъ оба стороны, Поляки и Малороссійяне. Желая выяснитъ истину, добросовѣстный Ригельманъ предлагаетъ въ своей исторіи рассказы и тѣхъ и другихъ. Сначала помѣщенъ у него переводъ описанія первыхъ двухъ войнъ казаковъ съ Польшею Шевалье, секретаря французскаго посольства при польскомъ дворѣ. Онъ написалъ свою книгу на французскомъ языкѣ и издалъ ее въ Парижѣ, въ 1653 году. Источниками служили документы и рассказы Поляковъ. Сочиненіе Шевалье занимаетъ всю вторую книгу, начиная съ четырнадцатою главы, и интересно во многихъ отношеніяхъ. Первая война, какъ извѣстно, окончилась очень выгодно для казаковъ, въ 1649 году, зборовскимъ трактатомъ, въ силу котораго все привиллегіи казаковъ были возстановлены. Вторая, судя по рассказу Шевалье, была вызвана неумѣстными притязаніями и нарушеніемъ договора со стороны малороссійскаго войска и окончилась съ ущербомъ для казаковъ былоцѣрковскимъ миромъ, въ 1651 году. Въ своей исторіи войнъ Шевалье рассказываетъ многія подробности, чрезвычайно живо характеризующія и эпоху и дѣйствителей. Мы укажемъ на вѣкторыя. Зборовскій трактатъ, какъ мы сказали, былъ заклю-

ченъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ для казаковъ, и это было тѣмъ важнѣе, что Поляки недобровольно согласились на нихъ, а послѣ победы, одержанной Хмѣльницкимъ. Стало быть, предписывали условія казаки. Между тѣмъ, въ числѣ договорныхъ пунктовъ было помѣщено: «яко Хмѣльницкій, казацкій гетманъ, *долженъ просить у Его Величества прощенія, на колѣнахъ стоя*». Это была какъ бы уступка официальной сторонѣ дѣла, потому что казаки находились въ зависимости отъ Польши и были мятежники, а не непріатели въ обыкновенномъ смыслѣ. Хмѣльницкій выполнилъ это условіе съ наивною добросовѣстностію. По словамъ Шевалье онъ «прішелъ предъ короля и ставъ на колѣна, говорилъ *съ плачемъ* великую рѣчь, съ засвидѣтельствованіемъ преданности своей, изъясняясь, что онъ всегда *желалъ предстать предъ лице Его Величества и оказать самымъ опытнѣйшимъ услугою свои Его Величеству и Республикѣ, болѣе нежели продолжать войну къ дальшему кровопролитію; но когда судьба такъ ужь опредѣлила*, то нынѣ приступаетъ онъ съ покорностію, проситъ милости и прощенія за свои преступленія, узяряя Его Величество «наградить то будущими своими добрыми поступками». Вотъ черта — чисто славянская! Передъ окончаніемъ второй войны, когда дѣла казаковъ были далеко не такъ блестятельны, «Хмѣльницкій съ главными своими старшинами прибылъ въ польскій лагерь и ставъ передъ «Великимъ Хетманомъ Потоцкимъ, просилъ прощенія *съ униженіемъ и со слезами, которыя онъ приобыкъ проливать, когда нужда и обстоятельства того требовали*, свидѣтельствуя при томъ всевозможное почтеніе князю Радзивилу и прочимъ магнатамъ». Такъ говоритъ Шевалье, но онъ не правъ и судитъ какъ иностранецъ. Мы убѣждены, что Хмѣльницкій и въ томъ и въ другомъ случаѣ плакалъ искренно. Таковы мы: — мы хитры и наивны, добродушны и въ высокой степени воспріимчивы. Лежатъ ли это въ нашей натурѣ, или въ нашемъ историческомъ возрастѣ — пока трудно рѣшить, но дѣло въ томъ, что мы и до сихъ поръ еще мало измѣнились. Если Хмѣльницкій плакалъ нарочно, при последнемъ трактатѣ, то что же, спрашивается, вызывало его слезы, при заключеніи зборовскаго мира? Развѣ онъ не могъ выполнить договорную статью формально, внешне, съ гордостію и вроніей, къ которымъ победа давала ему право? Наконецъ, еслибъ онъ хотѣлъ, неужели бы онъ не могъ обойти этой статьи? Нѣтъ! онъ защищалъ свои права и въ тоже время не считалъ ни сколько унизительнымъ испрашивать прощенія и милости у своего притѣснителя, котораго онъ побѣдилъ. Въ его головѣ и то и другое както странно мирилось — тѣмъ миромъ, изъ котораго видно, что борьба еще и не начиналась. Это точка зрѣнія — патріархальная, съ которой разныя стороны предмета никогда не представляются

во всей ихъ рѣзкости, односторонней опредѣленности. Также чрезвычайно характерны у Шевалье хитрости Хмельницкаго передъ окончаніемъ второй войны, которыми онъ протягивалъ время въ переговорахъ съ Поляками, поджидая помощи отъ Татаръ. Эти переговоры велъ онъ очень искусно: дѣлалъ предложенія, и когда Поляки на нихъ соглашались, ввертывалъ другія, противорѣчившія имъ; потомъ опять подавался на уступки. Но обстоятельства ему не благоприятствовали. Татары не пришли, и онъ, наконецъ, долженъ былъ согласиться на невыгоднѣйшій миръ.

Непонятно, почему Польша совершенно не истребила казаковъ послѣ второй войны, когда они были наголову разбиты и вынуждены принять тягостныя условія? Братство было слишкомъ воинственно, слишкомъ любило свою вольность, слишкомъ было привязано къ своимъ обычаямъ и вѣръ, чтобъ могло рассчитывать на продолжительную его покорность — государство, проникнутое страстью пропаганды и политическими опасеніями со стороны самихъ казаковъ. Шевалье говоритъ: «Его Величество, по милосердію своему, не желалъ онаго бунтующагося народа допустить погнубить отъ меча, чтобъ чрезъ то не истребить главной королевства своего провинціи и чрезъ то не приведетъ бы въ разореніе безчисленное шляхетство и большіихъ господъ, которые, имѣя тамо великія свои дачи, лишились бы всѣхъ своихъ изъ тамошнихъ добръ доходовъ, «если бы земли ихъ остались безъ народа: я естлибъ крестьянъ переселять въ Польшу на тѣ мѣста, которыя суть еще впускъ, то бы всѣхъ ихъ никакимъ образомъ помѣстить тамо не можно было, и сіе-то есть истинная причина, которая, какъ тогда, такъ и въ другихъ случаяхъ, препятствовала всегда къ истребленію до основанія казаковъ, а инако были бы они давно истреблены» (стр 90). Здѣсь мы видимъ, какъ много вълила въ дѣлахъ Польши интересы тамошней аристократіи; своимъ частнымъ расчѣтамъ она была готова жертвовать дѣйствительными или мнимыми выгодами государства. А власть была у нея въ рукахъ. Отъ-того не могло устоять и королевство, которое, какъ всѣ славянскія державы, имѣло въ своей основѣ патріархальныя элементы. Именно поэтому ему была нужна, для сохраненія политической самостоятельности, сильная внѣшними узами связующая власть: а ея не было. Ослабленіе королевской власти въ Польшѣ было причиною и признакомъ ея упадка, ибо кромѣ ея ей нечѣмъ было тогда держаться. — Опуская другія любопытныя подробности этихъ войнъ, напр., уловки Хмельницкаго для склоненія на свою сторону турецкаго султана и господаря молдавскаго, приведемъ разсказъ, какимъ необыкновеннымъ мужествомъ горсть казаковъ защищалась противъ цѣлаго польскаго войска.

Триста человекъ, собравшись на одномъ мѣстѣ въ уголокъ табора своего, мужественно защищали себя противъ великаго числа наступающихъ, которые отъ всѣхъ сторонъ чрезвычайно угѣсняли ихъ, и для увѣренія о себѣ въ нещадѣннѣ живота своего (который имъ даровать общаемо было) и всего дражайшаго въ жизни, вынимали изъ кармановъ своихъ и поясовъ все, что ни было золота и серебра, бросали въ воду, а наконецъ, когда болѣе великому числу войска противиться не въ состояннѣ были, то всѣ побиты одинъ за другимъ остались; однако притомъ каждый за себя особливо мужественно стоялъ, какъ то одинъ изъ нихъ еще оставался въ живыхъ, защищалъ себя черезъ цѣлые три часа противъ всего польскаго войска храбро. Сие случилось такимъ образомъ: въ томъ болотѣ было небольшое судно, за которое когда онъ забрался, то былъ такъ смѣлъ, что весь польской огонь выдержалъ мужественно, да и самъ нацѣлъ изъ своего ружья до тѣхъ поръ, покажѣсть ему доставало пороху, а наконецъ, по недостатку того, отбивался косою, которою всѣхъ наступающихъ на него, прогонялъ отъ себя. Одинъ изъ великороссійскихъ солдатъ наступилъ на него съ таковымъ же оружіемъ; однакожъ ничего ему учинить не могъ, хотя и усиливался много, и еслибъ вскорѣ отъ него не отскочилъ, то бы, безъ сумнѣннѣ, остался пополамъ разсѣченъ. Что нѣкоторый шляхтичъ изъ владѣннѣ Чехановскаго, да нѣмецкой солдатъ, усмотрѣвъ, бросились прямо въ воду по шею, и когда начали съ нимъ имѣть битву, то, хотя тотъ козакъ и былъ уже четырнадцатью пулями раненъ, однако крѣпко и мужественно стоялъ еще, въ великое всей польской арміи и самого Его Величества короля удивленнѣ; ибо въ присутствнѣ Королевскомъ она брань продолжалась, и король не могъ довольно надивиться храбрости его, приказалъ объявить ему въ голосъ, что Его Величество жалуетъ ему жизнь, еслии только онъ отдастъ самъ въ руки, на что отвѣтствовалъ онъ весьма гордо, сказавъ, что жить болѣе не старается и умереть желаетъ, какъ истинной воинъ. Въ слѣдъ сего другіе изъ иноземцевъ подскочивъ, къ прежнимъ на помощь, закололи его до смерти копьями. (стр. 88 и 89).

И тѣ же самые люди, которые такъ геройски умѣли сражаться и стоять за свою вольность, могли просить прощеннѣ у польскихъ королей, на колыняхъ, со слезами, въ томъ, что страданнѣ превзошли мѣру ихъ терпѣннѣ. Вотъ гдѣ скрывается причина тѣхъ незапныхъ переворотовъ, которые такъ часто постигали Славянъ; ибо вся добродѣтели, какъ бы онъ ни были велики, безъ прочной государственной и гражданской администраціи, безъ развитаго общественнаго смысла, ничего не значать.

Движеннѣ, происходившее въ Малороссіи, сообщилось и русскому населеннѣ Литвы. Гоненнѣ за вѣру и здѣсь тоже возбудили неудовольствнѣ и ропотъ; нуженъ былъ поводъ, чтобъ вспыхнулъ бунтъ, —

и онъ не замедлилъ вступить. Шевалье рассказываетъ о демонстраціяхъ казаковъ въ литовскихъ провинціяхъ во вторую войну и о сочувствіи, которое Украинцы нашли между тамошними жителями, «потому болѣе, что народъ того княжества довольно сходственъ былъ съ нравами и вѣрою Малороссіянамъ». Историческій отрывокъ о бунтѣ города Пивска и его усмирениі въ 1648 году доказываетъ, что такія же демонстраціи были и во время первой войны. Францискавецъ Доминикъ Холевскій былъ страшно замученъ Запорожцами, которыхъ впустили въ городъ тамошніе мѣщане, принявшіе сторону казаковъ, немедленно послѣ ихъ появленія въ Литвѣ. Подобныя сцены происходили и въ другихъ городахъ Литвы, принадлежавшихъ къ восточной церкви.

Последнія двѣ статьи о казакахъ, какъ мы видѣли, написаны исторіографомъ Миллеромъ и помѣщены въ смѣси съ двумя приложеніями. Особенно интересна изъ нихъ первая. Это записка о Запорожцахъ, составленная, какъ кажется, по порученію графа Н. И. Панина; поводомъ служила просьба, поданная этими казаками императрицѣ, что они будто бы стѣснены въ своихъ владѣніяхъ постройкой дивинской линіи и крѣпостей и имъ отъ-того питаться нечѣмъ; по крайней мѣрѣ такъ можно заключать изъ одного отрывка ихъ просьбы, помѣщенной въ «Разсужденіи». Миллеръ старается доказать, что они жалуются неосновательно, и доказываетъ это бѣглымъ очеркомъ исторіи и подробнымъ разборомъ универсала, или грамоты, данной гетманомъ Б. Хмельницкимъ. Нельзя не сказать, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ и заслугахъ, Миллеръ былъ посредственный историкъ; на древнихъ казаковъ и ихъ бытъ онъ смотрѣлъ съ государственной точки зрѣнія и потому не понималъ ихъ, не понималъ ихъ исторіи и не такъ толковалъ документы, на которыхъ они основывали свои права. Ничто не производитъ такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ близорукія, книжныя, узко-юридическія разглагольствованія объ историческомъ предметѣ, подлежащемъ совершенно другому мѣрилу: это мы испытали, читая записку Миллера. Чтѣ онъ говорилъ — не одніе слова, безъ всякаго практическаго приложенія; записка должна была представить данныя для разрѣшенія юридическаго вопроса; тѣмъ рѣзче выдается въ ней отсутствіе настоящаго историческаго смысла.

Разсужденіе о Запорожцахъ не велико. Оно начинается краткой, но довольно вѣрной характеристикой казаковъ.

«Запорожцами въ старину назывались всѣ малороссійскіе казаки вообще, потому что за порогами, такъ называемой, *Смч*, учрежденіе ихъ начало свое имѣло. Родъ ихъ житія, по коему они (выключая иѣ-

которыя, подъ ихъ защитою состоящіа селенія) жемъ не держать, землю не пашутъ, питаются отъ скотоводства, звѣрной ловли и рыбнаго промысла, а въ старину больше въ добычахъ, отъ сосѣдственныхъ народовъ получаемыхъ, упражнялись. Обычаи ихъ къ праздности и къ пѣнству склонныя; пренебреженіе торговъ, кромѣ для своихъ житейскихъ надобностей; необузданная вольность; приемъ всякаго у нихъ взброду людей всѣхъ языковъ, всѣхъ вѣръ, токмо чтобы у нихъ будучи, вышняя должность грекороссійскаго закона наблюдалась; допущеніе такихъ въ свое сообщество безъ всякаго письменнаго свидѣтельства, не разбирая ихъ достоинствъ, или пороковъ, такожъ и позволяя всякому отлучиться когда и куда хочетъ; невѣніе письменныхъ законовъ, конхъ имѣть и не желаютъ, опасаясь умаленія ихъ вольностямъ, и словомъ, лишеніе всѣхъ гражданскихъ порядковъ, кромѣ одного безпрекословнаго послушанія вышнимъ, особливо же ихъ *Атаману Кошевому*, коего сами избираютъ и отрѣшаютъ по ихъ произволенію. Сіи обстоятельства не могутъ ни кому благоклоннаго о *Запорожцахъ* подать мнѣнія, потому что ихъ обычай всякому, на здоровомъ разумѣ и на истинныхъ правилахъ основанному гражданскому обществу, противоборствуетъ. (стр. 58 и 59).

Когда образовалось малороссійское казачье войско на основаніи привиллегій и грамотъ, давныхъ польскими королями, ихъ образъ жизни измѣнился, но *Запорожцы* сохранили прежніе нравы, не принимали въ свое товарищество кромѣ холостыхъ и вдовыхъ и плохо повиновались гетману. Совершенно отдѣлились они отъ малороссійскихъ казаковъ уже въ 1654 году послѣ вступленія Богдана Хмельницкаго въ подданство московскихъ царей, которые всѣмъ казакамъ подтвердили ихъ привиллегіи. Рассказавши это, Миллеръ вводитъ въ разборъ правъ запорожскихъ казаковъ на земли, занятія ими послѣ 1654 года. Онъ очень неудовлетворителенъ. «Что принадлежитъ до земель Запорожскихъ», говоритъ онъ: «то не могло жалованье королевское простираться далѣе, какъ доколѣ самыя польскія границы «простирались. По восточной сторонѣ рѣки Днѣпра, ниже рѣкъ *Орла* и *Самары*, никакихъ отъ Польши селеній не было. Вся оная страна «Татарами облагаема была; тако же и вельзя сказать, чтобъ владѣніе «Запорожское по западной сторонѣ рѣки Днѣпра далеко внутрь земли «простиралось. Паче по самымъ королевскимъ привилегіямъ заключить должно, что Казакамъ яко до обороны границъ опредѣленнымъ, не позволено было жить, какъ по одному Днѣпровскому берегу» (стр. 59). Неудовлетворителенъ этотъ разборъ потому, что, конечно, польскіе короли не препятствовали казакамъ забирать сколько можно земель у Татаръ; также не видно, почему бы они непременно ограничили ихъ однимъ днѣпровскимъ берегомъ; изъ того, что они были поселены для защиты границъ, этого не слѣдуетъ; скорѣй

можно думать, что расширение границъ имъ было пріятно. Взявши однажды такіа шаткіа основанія для рѣшенія историческаго вопроса, Миллеръ отставляетъ свою мысль самыми отчаянными доказательствами: когда была населена Елисаветская провинція (1754 г.), «имъ довольно мѣсть край Днѣпровскаго берега и отъ Елисаветской провинціи подъ полдень оставлено, гдѣ бѣ они отъ рыбной и отъ звѣриной ловли пропитавіе себя имѣть могли». Что это за доказательство? Запорожцы не спорили объ опредѣленіи, сдѣланномъ еще въ силу бѣлградскаго мира построить днѣпровскую линію, не спорили противъ установленія границы между Турціей и Россіей отъ Буга до Днѣпра. Ну, чтожь изъ этого? Прежде не спорили, а потомъ стали спорить. Какъ участники мазепиной пѣзвы, они должны бы лишиться всѣхъ привилегій, данныхъ имъ Польшею: опять вейдетъ къ дѣлу. Въ 1735 году казаки опять возвратились въ Россію и поселились на Сѣчѣ (они выселились на урочище Алешки, близъ Кибурна, въ 1708 г.), и «нассели, кромѣ Сѣчи, въ *Старомъ* и *Новомъ Кодакѣ* и на *рѣкѣ Самарѣ*, слободы, съ позволеніемъ ли, или безъ позволенія, «незвѣство, съ великою противъ прежнихъ своихъ обычаевъ откровенію, потому-что жители, хотя Запорожскими Казакими числятся, «живутъ съ женами и съ дѣтьми и отправляютъ земледѣльство. Въ *Старомъ Кодакѣ* жили Запорожцы еще при *Богданѣ Хмельницкомъ*, но яко отводные отъ Сѣчи сторожи, попеременно. Нынѣшніе имъ селитьбы совсѣмъ въ другомъ намѣреніи учинены, а именно, «чтобъ съ нихъ получать доходы, чтобъ хлѣбомъ имъ питаться, когда съ другихъ мѣсть привозу не будетъ, чтобъ имѣть новыхъ поселенцевъ, яко подданныхъ, почти какъ помѣщикъ владѣеть своими «деревнями. Хорошо, что пришлыхъ къ нимъ женатыхъ людей съ «семьями не отвергла; что селилъ тѣхъ особыми слободами, конимъ «въ Сѣчѣ жить по ихъ обычаямъ не позволялось; что позволили имъ «прилѣжать къ земледѣльству, яко нужнѣйшему промыслу, на коемъ «вся благоустроенныя селенія основаться должны: что называли ихъ «*Козакими*, потому, что сіе имя въ тамошнихъ странахъ даетъ въ «которое преимущество и почтеніе; но хвалить не можно, естли *Запорожцы* чинили такіа новыя учрежденія собою, безъ спросу у «высшихъ Правленій на то повелѣнія; естли не смотрѣли на качества людей, нѣтъ ли въ томъ числѣ и бѣглыхъ изъ Россіи; естли «не велѣно имъ учинить имянные списки для сообщенія въ высшія «правительства; естли не позволяли имъ сообщаться съ другими, «около тѣхъ мѣсть уже учрежденными, земледѣльцами, чѣмъ ново- «пришлые люди, не могущіе знать подробно о тамошнемъ домостро- «тельствѣ, лишаются всего полезнаго и необходимо потребнаго имъ «наставленія. Не прилично, кажется, такимъ селеніямъ состоять подъ

«вѣдомствомъ *Запорожцѣвъ*» (стр. 61). Удивительно, право. какъ могъ историкъ такъ не-исторически изслѣдовать вопросъ: неужели все казачество, даже вся русская исторія до Петра не разу не навела его на мысль, что вопросъ о правѣ никогда не поставлялся у насъ такъ резко, опредѣлительно, — что все рѣшалъ одинъ фактъ, и что мы вовсе не были приучены къ строго административному порядку вещей, къ государственному быту? Вотъ что значитъ отсутствіе общаго взгляда на предметъ, взгляда, противъ котораго, впрочемъ, и теперь еще вооружаются столькіе. Самъ же Миллеръ говоритъ, что «едва попятно, сколь далеко *Запорожцы* въ послѣднюю турецкую войну по восточной странѣ отъ рѣки Днѣпра разгулялись; особливо съ того времени, какъ отъ Крымскихъ Татаръ ничего опасаться уже не смѣли. Куды Запорожскій Козакъ ни пришелъ, то Запорожская земля; не поставили себѣ границы, кромѣ у Дона» (стр. 61). Таковы были ихъ понятія и, дѣйствуя, положивъ, неправильно, они могли дѣйствовать очень добросовѣстно. Нашъ простой народъ и теперь еще точно такой же. Очень многіе крестьяне предобродушно вѣрятъ, что они принадлежатъ помѣщику, а земля, на которой они сидятъ — имъ, и трудно ихъ разуверить. Разбейте эту мысль юридически: они судятъ *противозаконно*, а собственно они добросовѣстные не-вѣжы.

Но всего неудовлетворительнѣе разборъ копій съ универсала, даннаго Запорожцамъ Хмѣльницкимъ. Миллеръ находитъ въ немъ вставки, и тутъ судитъ такъ же неосновательно, какъ разбиралъ права Запорожцевъ на земли. Въ грамотѣ Стефана Баторія, помѣщенной въ универсалѣ Хмѣльницкаго, утверждено за казаками владѣніе: «въ ширь отъ Днѣпра на степь доколѣ тѣхъ мѣстечекъ, селъ и хуторовъ земли издавна находились», а ниже, кромѣ того, городъ Самара, «и «вверхъ рѣки Буга по рѣку Спмону, отъ Самарскихъ же земель чрезъ степь до самой рѣки Дону». Миллеръ доказываетъ, что при Баторіи и послѣ эти земли принадлежали Татарамъ, слѣд., онъ не могъ ими жаловаться. Точно какъ будто тогда въ степяхъ были тѣже строго опредѣленныя пограничныя линіи, какъ теперь. Кто не знаетъ, что еще въ царствованіе императрицы Екатерины въ степныхъ русскихъ губерніяхъ, Саратовской и другихъ, были открыты русскія селенія, о существованіи которыхъ оффиціально уже было извѣстно. И кто жъ были сосѣди? Крышцы и Казаки! Городъ Самара, по мнѣнію Миллера, не существовалъ при Хмѣльницкомъ, и это мнѣніе онъ основываетъ на томъ только, что о Самарѣ не упоминается въ памятникахъ! Въ концѣ универсала Хмѣльницкій подтверждаетъ Запорожскимъ казакамъ все отъ королей польскихъ данныя привилегіи, «по врученной ему отъ Бога и отъ всего козацкаго войска власти», и

дозволяетъ имъ владѣть своими землями «венарушимо во вѣки». Комментарій на эти слова — верхъ отсутствія историческаго смысла :

•Такъ бы писалъ Хмельницкій, если бы онъ былъ самъ Государь, а не подданный Царскому Величеству Гетманъ. Не умножаются ли такими выраженіями сумнительства о подлинности сего Универсала? Отъ умнаго человѣка, каковъ былъ Хмельницкій, чаать не можно, чтобъ онъ себя превозносилъ. Если онъ подлинно такъ писалъ, и Запорожцы такое его дерзновеніе одобряютъ, то сіе имъ не въ пользу. Къ тому жъ, чѣмъ кто самъ не владѣетъ, можетъ ли онъ тѣмъ жаловать другаго? Сіе о степяхъ отъ Днѣпра къ востоку и по Бугу до Синюхи безспорно. Если бы Хмельницкій хотѣлъ дозволить Запорожцамъ владѣть городами, мѣстечками, селами, конии Король *Стефанъ* пожаловалъ Козаковъ вообще, и которые *Малороссійскими* Козаками уже были заняты, сіе было бы внутреннюю между ними войну важечъ, и въ самомъ дѣлѣ безъ пользы. (стр. 64).

Тутъ чтѣни слово, то промахъ и значительный. Не забудемте, что Миллеръ толкуетъ не договоръ между двумя германскими владѣтелями, или Карлагена съ Римомъ, а жалованную грамоту казацкаго гетмана половины XVII вѣка! Почему Хмельницкій не могъ себя такъ титуловать, почему онъ не могъ дать Запорожцамъ земель, положимъ, которыми они не владѣли, но которыя были въ соседствѣ и принадлежали Татарамъ, почему онъ, самовластный господинъ, не могъ дать Запорожцамъ земель, принадлежащихъ другимъ казакамъ, не возбуждая между тѣми и другими междоусобій, — этого мы истинно объяснить не можемъ изъ нашего и казацкаго быта XVII вѣка, а только развѣ изъ теперешнихъ международныхъ и государственныхъ отношеній, съ которыми, какъ видно, Миллеръ былъ коротко знакомъ — гораздо короче, чѣмъ съ духомъ нашей старины. Изъ приложеннаго къ этому разсужденію письма П. В. Бакунина къ Миллеру видно, что записка не удовлетворила графа Павина. Онъ требовалъ отъ историографа доказательствъ, почему онъ сомнѣвается въ существованіи подлинника того универсала, коію съ котораго представили Запорожцы. Доводы, приведенные въ разсужденіи, вѣроятно его не убедили. Миллеръ отвѣчалъ на это письмо коротко, предположеніями и отзывами Запорожцевъ. Наконецъ, копія съ универсала, отпечатаннаго въ самомъ концѣ, послѣ имени, показываеетъ, что Миллеръ вовсе не такъ прочиталъ и понялъ то мѣсто, которое онъ считалъ позднѣйшей вставкой. Разумѣется, вопросъ о запорожскихъ земляхъ былъ чисто государственный; до права трудно было въ немъ добраться; онъ и рѣшенъ давнымъ давно съ государственной точки зрѣнія. Мы такъ подробно разбирали мнѣніе Миллера потому

только, что онъ двойнѣ былъ не правъ — и неправильно толкуя факты и вводя въ толкованіе государственныя пользы, соображенія, во все не идущія къ дѣлу при исторической, а тѣмъ болѣе юридической оцѣнкѣ. Вторая статья Миллера: *Краткая выписка о Малороссійскомъ народѣ и Запорожцахъ*. Въ ней вѣтъ ничего особенно любопытнаго, кромѣ нѣкоторыхъ извѣстій, относящихся къ исторіи Запорожцевъ въ XVIII вѣкѣ. Точка зрѣнія государственная, а не историческая.

Перейдемъ теперь къ другимъ статьямъ пятой книжки «Чтеній».

Первая по порядку, помещенная въ отдѣлѣ «изслѣдованій» есть статья дѣйств. члена общества г. Бяляева: о *Несторовой летописи*. Это — обзорнѣе летописи по новому ея изданію, сдѣланному археографической комиссіей въ прошедшемъ году, съ примѣчаніями автора. Вообще говоря, статья имѣетъ нѣкоторыя достоинства: въ ней есть замѣтки новыя и оригинальныя, виднѣтъ живой взглядъ на эпоху, описываемую летописцемъ; но всѣ эти достоинства теряютъ болѣе половины своей цѣны, отъ-того, что авторъ не доказываетъ своихъ гипотезъ, и какъ бы требуетъ, чтобъ читателя приняли ихъ на вѣру. Въ предметѣ, который толковать и перетолковать до нельзя, такое изложеніе не можетъ быть допущено. Летопись Нестора уже имѣетъ хотя и отрывочную, но тѣмъ не менѣе богатую литературу. Новыи взглядъ на нее, новое объясненіе отдѣльныхъ ея мѣстъ, не можетъ получить права гражданства въ наукѣ, пока прежнія объясненія не будутъ разобраны и опровергнуты. Это первое. Потомъ — положимъ, что автору не хотѣлось этого дѣлать; ему вздумалось представить свои выгоды и догадки просто, не облекая ихъ въ ученую форму — я въ этомъ онъ воленъ; но въ такомъ случаѣ мы не понимаемъ, зачѣмъ онъ не ограничился однимъ разборомъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ смыслъ представлялся ему въ новомъ свѣтѣ, и перемывалъ старыя, всѣмъ давно уже извѣстныя и перемываемыя толкованія и взгляды съ своими новыми? Изъ длинной статьи, растянутой на 72 страницы, нужно по зернушку выклеивать оригинальныя замѣтки автора, да и то большію частію ничѣмъ не доказанныя. Съ какою цѣлью авторъ такъ поступилъ, для чего онъ такъ написалъ статью, предназначенную въ сборникъ ученыхъ изысканій, — мы не знаемъ. Конечно, нѣкоторымъ «любителямъ русской исторіи, на ка-
«вуицъ дѣя, посвященнаго празднованію памяти Нестора, летописца «русскаго, всего ближе бесѣдовать о самомъ Несторѣ». Но вѣдь не всѣ же проникнуты такою симпатіею къ его личности, что имъ пріятно слушать или читать о немъ даже старое, давнымъ давно сказанное и извѣстное; кому это нравится — тѣ могутъ сговориться на особенную бесѣду, или даже отпраздновать память летописца по цер-

ковшому чину. Общее достояніе, то, что возбудить единогласный, общій интересъ всѣхъ знатоковъ и дилетантовъ русской исторіи это новое, сказанное объ несторовой лѣтописи, а такого мы, къ сожалѣнію, находимъ очень немного въ статьѣ г. Баллева. Разберемъ ее по подробнѣе.

Почти въ началѣ (стр. 5) г. Баллевъ видитъ у Нестора указаніе на двѣ эпохи расселенія Славянъ съ Дуная въ теперешнихъ ихъ жилищахъ: до и послѣ нашествія Кельтовъ (Волоховъ). Дѣйствительно, слова Нестора подають поводъ къ такому объясненію. Жаль только, что г. Баллевъ одними его словами и ограничился, а не подвергнулъ это мѣсто критическому разбору и сличенію съ другими извѣстіями, безъ чего его объясненіе и останется одной гипотезой — не болѣе. Тамъ же авторъ открываетъ въ лѣтописи третью эпоху расселенія; «вскорѣ послѣ втораго, вслѣдствіе того же движенія кельтическихъ народовъ», но и это ничѣмъ не доказано. Этотъ третій слой племень поселился въ Россіи, изъ нихъ образовались княженія Кіевское, Новгородское, Черниговское, Галицкое и Полоцкое, игравшія важную роль во время удѣловъ. «Различіе этихъ ко-ренныхъ племенъ, говоритъ авторъ, если не было одною изъ причинъ раздѣленія древней Руси, то почти утвердительно можно сказать, что имъ преимущественно такъ долго поддерживалась *удѣльная система*». Такое важное предположеніе, которое, еслибы было доказано, измѣнило бы во многомъ теперешній взглядъ на удѣлы, не подтверждено ни однимъ выводомъ, хоть бы мимоходомъ. А авторъ самъ знаетъ, сколько данныхъ противъ него! Какъ же высказывать его такъ? Несторъ говоритъ: «держати почаша родъ ихъ княженіе въ поляхъ; въ деревняхъ свое.... а Словяни свое въ Новѣ-городѣ, а другое на Полоть иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, и ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи, тоже сѣвѣрь отъ нихъ»; а авторъ замѣчаетъ: «здесь мы видимъ не только какія отдѣльныя владенія образовались у нашихъ Славянъ, но *даже и границы каждая о владѣніи*». Спрашиваемъ всѣхъ, такъ ли это? На стр. 12, г. Баллевъ говоритъ, что «кажется, Москва съ на-мѣреніемъ, изъ политическихъ видовъ, постаралась истребить» начало новгородскихъ лѣтописей. Это предположеніе само по себѣ такъ важно, такъ характеризовало бы Москву XV и послѣдующихъ вѣковъ, что ему должно бы, по крайней мѣрѣ, придать хоть тѣнь правдоподобности, если ужъ нѣтъ доказательствъ; но этого не сдѣлано.

Утрата начала новгородскихъ лѣтописей открываетъ широкое поле гипотезамъ автора, при объясненіи скудныхъ словъ Нестора о

призваніи Варяговъ. Призывали Чудь, Славяне и Кривичи. Рюрикъ съѣзъ въ Ладогу, городъ Славявъ, Свенеусъ на Бяльозерь, у Веси, Труворъ въ Изборскъ у Кривичей. Кроме того, по смерти братьевъ Рюрикъ роздалъ мужамъ Ростовъ, — городъ Мери, Муромъ — Муромы, Полоцкъ — Кривичей. Такимъ образомъ, выходятъ странное: Русь владѣетъ народами, ее не приглашавшими (*), и вмѣстѣ съ тѣмъ не поселяется у нѣкоторыхъ изъ приглашавшихъ ее, а именно у Чуди, которая, по всему видно, составляла особенное финское племя. Изъ всѣхъ возможныхъ разрѣшеній сомнѣніе г. Бяльева избираетъ самое неизявляемое и прямо противорѣчащее лѣтописи: онъ говоритъ, что приглашали одни Новгородцы, «которые частью завоеваніями, частью торговыми связями привели въ зависимость отъ себя «весь сѣверо-западный край нынѣшняго русскаго государства». Въ послѣднемъ можетъ быть большая доля правды, но какъ же отвергать факты? Продолжая dalje, авторъ этой гипотезой объясняетъ и всѣ прочія «соприкосновенныя обстоятельства»; но на дѣлѣ выходятъ натяжки, очень неправдоподобныя и несообразныя со временемъ. «Лѣтопись», говоритъ онъ, «не упоминаетъ въ числѣ приглашателей Веси (что еще очень сомнительно, какъ мы сказали), Мурому, между тѣмъ, какъ пришельцы Русь поселялись въ ихъ племенахъ. Это значитъ, что племена сіи были въ полной зависимости отъ Новгорода, и, какъ совершенно безгласныя, должны были непрекословно слушать своихъ повелителей, которые отъ нихъ даже не требовали согласія на свои распоряженія. Напротивъ того, Чудь, Славяне, Кривичи, хотя и зависѣли отъ Новгородцевъ, но пользовались нѣкоторыми правами самостоятельности, и потому Новгородъ, хотя «для виду, долженъ былъ дѣйствовать съ ними по общему согласію, «но тѣмъ не менѣе вся эта страна принадлежала Новгороду; и лѣтописецъ поступилъ правильно, сказавши: «и отъ тѣхъ прозвася «Руская земля Новгородцы». Далѣе, русскіе князья заняли не всѣ «города Кривичей, потому что не все племя Кривичей зависѣло отъ «Новгорода, да и Новгородцы можетъ быть нѣкоторые Кривскіе «города оставили за собою; тѣ же должно сказать и въ отношеніи къ «Чуди. Города, перечисленные лѣтописцемъ, въ которыхъ поселились русскіе князья и ихъ мужи, именно были только тѣ города, «которые Новгородцы дали пришельцамъ въ кормленье, какъ это дѣлалось и въ послѣдующей исторіи Новгорода». (стр. 13.) Можно ли такъ слегка отдѣлывать вопросы, уже нѣсколько разъ серьезно об-

(*) Это не относится къ Веси, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ, были въ числѣ приглашавшихъ. Такое мнѣніе имѣетъ основаніе въ самой лѣтописи, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о призваніи. Г. Бяльевъ не правъ, отрицая его на отрывѣ безъ доказательствъ.

сладованные съ разныхъ сторонъ. На стр. 13, въ отвѣтъ на вопросъ, зачѣмъ Новгородцы пригласили къ себѣ чужеземныхъ князей, г. Баллаевъ опять сыплеть гипотезами, отчасти уже сказанными, отчасти новыми, но вообще слишкомъ спорными, чтобъ можно было въ наше время повторить ихъ также смело и доказательно, какъ прежде. Значеніе князя новгородскаго во время призванія объясняется изъ значенія этого князя въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ. Но на какомъ основаніи? Потрудился ли, но крайней мѣрѣ, авторъ доказать намъ хоть сколько нибудь, что устройство новгородское не памядалось въ главныхъ своихъ основаніяхъ со времени призванія? А вѣдь безъ этого какъ же проводить аналогію! Изъ власти судьи, примирителя, посредника въ распряхъ, которую вручали племена призванными князьями, г. Баллаевъ старается вывести и званіе предводителя войскъ, какимъ часто являлся князь въ Новгородѣ. Но выводъ неудовлетворителенъ, выходитъ натяжка, ибо часто посадники начальствовали на войнѣ, а не князья. Да и какъ не пришла автору на мысль, что если Новгородцы не могли сами между собой уладиться, если имъ князь былъ совершенно необходимъ — не могло быть и рѣчи о правильномъ опредѣленіи его власти и разграниченіи ея съ властью вѣча и народныхъ представителей? Этотъ простой выводъ аргюі доказывается и всеми свидѣтельствами. Можно ли послѣ этого строить гипотезы, стоитъ ли ломать себя голову, чтобъ объяснить странныя явленія въ бытѣ, который не имѣлъ въ себѣ ничего юридически прочнаго, опредѣленнаго? Чтѣ дѣйствительно стоить труда — это объяснить, почему бытъ былъ такъ непроченъ и шатокъ. Далѣе, на стр. 16, мы опять находимъ у автора натянутое объясненіе, почему послѣ Рюрика получилъ княженіе Олегъ, а не малолѣтній его сынъ Игорь: «вѣроятно потому», говоритъ г. Баллаевъ, «что Новгородцы требовали себѣ взрослого князя, чтѣ доказываетъ «и послѣдующая исторія, изъ которой видно, что она почти всегда «старалась удалить малолѣтнихъ князей, неспособныхъ къ личному «посредничеству въ народныхъ распряхъ». Но это нисколько не вѣроятно, ибо, какъ нарочно, любимый новгородскій князь, Мстиславъ Владиміровичъ Великій, началъ у нихъ княжить будучи двѣдцати лѣтъ отъ роду (онъ родился въ въ 1076, а пріѣхалъ княжить въ Новгородъ въ 1088 году). Новгородцы говорятъ о немъ, что они сами его *вскормили*. Объяснить это событіе тогдашними понятіями объ опецѣ, какъ дѣлаетъ потомъ авторъ, можетъ быть, самъ заподозривъ невѣроятность своего пераго объясненія — другое дѣло; тутъ мы съ нимъ спорить не будемъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ такихъ произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ предположеній болѣе и болѣе; нѣтъ почти страницы, на кото-

рой бы ихъ не встрѣчалось по нѣскольку; какъ это ни утомительно, но мы укажемъ на всѣ, которыя успѣли замѣтить.

Вслѣдъ за невѣроятнымъ предположеніемъ, которое мы разобрали, встрѣчаемъ другое. Олегъ повелъ съ собою на югъ Варяговъ и войско изъ народовъ, которыми владѣлъ еще Рюрикъ. Изъ этого г. Бяллевъ выводитъ, «что Олегъ пошелъ отъ Новгородцевъ безъ ссоры», иначе онъ ушелъ бы съ одними Варягами. Мы этого, признаемся, никакъ не видимъ. Онъ могъ быть недоволенъ Новгородцами и ихъ вольнымъ духомъ и потому уйти отъ нихъ, выведя, однако, съ собою войско, составленное изъ нихъ и прочихъ тамошнихъ племенъ; преданіе о Вадимѣ показываетъ, что призванные князья умѣли прибрать къ рукамъ и не одну судебную власть. Потомъ авторъ спрашиваетъ: Кіевъ не былъ ли цѣлью похода олегова еще въ Новгородѣ, «сопутствіе Олегу Славянъ, Кривичей, Мери и другихъ новгородскихъ данинниковъ или союзниковъ *дозволяетъ думать*, что Новгородцы сами «повели Олега на этотъ походъ, предполагая извлечь торговыя выгоды изъ занятія Кіева, лежавшаго на пути въ Константинополь. «Точно также они поступали и послѣ: такъ для нихъ Глебъ Свято-«славичъ воевалъ въ Заволочъ, другіе князья на побережь Балтій-«скаго моря и по Волгѣ. Или скорѣе всего, новгородское вѣче рѣшило «послать Олега съ войскомъ только для покоренія остальныхъ крив-«скихъ городовъ, не признававшихъ еще власти Новгорода. Олегъ «же, покоривши кривскіе города, Смоленскъ и Любечъ, убавилъ вой-«ске сопутствовать ему въ походъ внизъ по Днѣпру до Кіева. Завла-«давши же удачно Кіевомъ, онъ измѣнилъ новгородскимъ видамъ и «рѣшился остаться въ завоеванномъ городѣ, зная хорошо различіе «между княземъ правящимъ на условіяхъ и между государемъ само-«державнымъ. Впрочемъ, измѣняя новгородскимъ видамъ, онъ, оче-«видно, счумѣлъ не разорвать связей съ Новгородомъ; ибо при немъ «остались новгородскіе Славяне наравнѣ съ Варягами: бѣша у него «Варяги, Словяни и прочіи, прозвашася Русью. Самая хитрость, упо-«требленная Олегомъ противъ Аскольда и Дира, показываетъ, что «онъ, не вступая съ ними въ открытый бой, хотѣлъ усилить себя «ихъ Варяжскою дружиною. И подозрительно, не было ли у него ка-«кой либо тайной связи съ этою дружиною до умерщвленія кiev-«скихъ Князей; иначе мудрено допустить, чтобы она равнодушно «отказалась отъ мести за измѣнническое умерщвленіе своихъ пред-«водителей» (стр. 17). Всѣ это очень остроумно, но гдѣ же дока-«зательства? Чѣмъ докажетъ авторъ, что князья воевали въ Заволочъ и другихъ мѣстахъ для Новгородцевъ, а не для себя? Это фантазія, отъ которыхъ, право, пора бы намъ наконецъ отказаться. Два, три факта темныхъ, отрывочныхъ есть — и мы на нихъ строимъ цѣлую

теорію, наполняемъ самый отдаленный періодъ нашей исторіи такими рѣдкостями, такими чудесами, что не понимаешь, за чѣмъ же послѣ того мы прожили еще тысячу лѣтъ? Если такое благоустройство царствовало у насъ при Рюрикѣ и до Рюрика, отъ-чего же мы бьемся изъ за него теперь и такъ медленно успѣваемъ? Нѣтъ, этого благоустройства не было. Мы были препорядочные дикари. Наши изслѣдователи, наши историки вводятъ насъ ежеминутно въ обманъ, дорисовывая невозможными чертами картину древней Руси, которой отличительный признакъ есть стертость, отсутствіе опредѣленныхъ чертъ. Кажется, бездѣлица сдѣлать предположеніе. Почему жъ не сдѣлать? Сдѣлаешь — и выйдетъ, что отъ исторической истины, отъ дѣйствительности мы ушли Богъ знаетъ куда, сочинили небывалое, перенесли *самихъ себя* за тысячу лѣтъ, и поневоля удивляемся, какъ мы уже тогда были и умны и развиты. Что это такое! — Непосредственно за такимъ толкованіемъ слѣдуетъ другое, столько же произвольное. Олегъ строить города около Днѣпра, а Рюрикъ не строилъ на сѣверѣ Россіи — *слѣд., народъ ему не дозволялъ*. Позднѣйшія лѣтописи говорятъ, что и онъ строилъ, но права ли это или нѣтъ, до насъ теперь не касается. Это историческія изысканія! Олегъ установилъ на сѣверѣ дани — именно у тѣхъ племенъ, которыя были уступлены князьями въ кормленіе, а не у другихъ, напр., не у Новгородцевъ, которые, однако, платили дань Владиміру и при Олегѣ Варягамъ 300 гривенъ «миръ дѣля». Боже мой! сколько объясненій было писано объ этой последней дани, а г. Бѣляевъ, и не упоминая о нихъ, порываетъ вопросъ нѣсколькими словами, да еще такъ, какъ давно уже рѣшать перестали, ибо его мнѣніе, послѣ объясненій г. Погодина, Рейца, не выдерживаетъ и легкой критики. Также недурно слѣдующее: Бѣлоозеро не упоминается въ числѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были установлены Олегомъ дани, а между тѣмъ, оно было во владѣніи призванныхъ князей, и слѣд., должно бы, кажется, принадлежать Олегу. Авторъ не затрудняется нисколько въ объясненіи этого мѣста. «Бѣлоозеро» говорятъ онъ «уступленное Рюрику, Новгородцы отняли у Олега, или, можетъ быть, заняли его другимъ какимъ городомъ у Кривичей или Меря». Это невольна напоминаетъ намъ догадки одного ученаго изслѣдователя русской исторіи, который точно также обращался съ фактами, да наконецъ и увидалъ въ нихъ то, чего, кромѣ него, никто не увидалъ и не увидитъ. — Далѣе въ исчисленіи городовъ, на которые Греки должны были давать уклады, Несторъ не называетъ Новгорода, а г. Бѣляевъ изъ этого выводитъ, что «очевидно Новгородъ въ это время уже не составлялъ одного государства съ олеговой Русью, хотя и платилъ 300 гривенъ и принималъ «олеговыхъ посадниковъ». Тутъ выводъ также произволенъ, какъ и

фактъ, что Олегъ посылалъ въ Новгородъ посадниковъ, чего не видно нигдѣ. Потомъ мы и не знаемъ, какъ представляеть себя авторъ подданство въ то время? — Въ характерическомъ преданіи, сохранившемся у Нестора о шолковыхъ и холстинныхъ парусахъ Руссовъ и Славянъ, которое такъ живо передаетъ намъ различіе между пришельцами и туземцами и ихъ взаимныя отношенія, г. Бѣляевъ умѣлъ открыть не Варяговъ и Славянъ, а Славянъ, подданныхъ Олега, и Славянъ ильменскихъ. Положимъ, мы ошибаемся; по крайней мѣрѣ мы ошибаемся съ другими. Если авторъ не согласенъ съ этимъ объясненіемъ, почему онъ его не опровергаетъ? Договоръ, заключенный Олегомъ, представляеть ему тоже обильную пищу для гипотезъ — новыхъ, но, къ сожалѣнію, недоказанныхъ. Г. Бѣляевъ, заключаетъ изъ него, что Олегъ жилъ въ Кіевѣ «не на стоянкѣ, ни на зимнихъ квартирахъ, а въ столицѣ особаго самостоятельнаго государства, имѣвшаго опредѣленныя границы, и составлявшаго его любимую собственность (P), о которой онъ заботился какъ хороший хозяинъ, или впрочемъ какъ попечительный государь». Какъ онъ дошелъ до этого заключенія, понять не можемъ. Иначе, продолжаетъ авторъ, изъ чего ему такъ хлопотать о торговлѣ? Видно, авторъ не читалъ даже «исследованій» г. Погодина, гдѣ, какъ дважды два четыре, доказано, что Русь-Варяги сами торговали, въ томъ числѣ и князьи. Стало быть, имъ не нужно было быть «хорошими хозяевами, или впрочемъ попечительными государями», чтобъ заботиться о торговлѣ. Наконецъ, онъ видитъ въ договорѣ доказательство, что славянская грамота Кирилла и Меѳодія была уже при Олегѣ известна въ Кіевѣ. Если это и видно, то, конечно, не изъ договора, заключеннаго въ Константинополѣ. — Объ Игорѣ мы находимъ опять гипотезу: «вообще, кажется, народное преданіе не любило Игоря, и весь его подвиги, о которыхъ свидѣлствуютъ арабскія летописи, передало любимцу своему «Святославу, сыну мудрой Ольги, который на самомъ дѣлѣ только «ходялъ по слѣдамъ, проложеннымъ приего отцѣ». Можетъ быть такъ, а можетъ быть и нѣтъ. Исторія молчитъ, и мы не станемъ говорить. — Объ Ольгѣ то же что и объ Олегѣ: она не дѣлала никакихъ распоряженій въ Новгородѣ, а только на Мстѣ и Лугѣ, слѣд., не имѣла на Новгородъ и прочія его области никакихъ правъ. Что это за выводъ, и какъ одно слѣдуетъ изъ другого?

О Святославѣ мы находимъ у г. Бѣяева много вѣрныхъ замѣчаній. Впервыхъ, очень удачно защищенъ рассказъ о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ, противъ скептическихъ возраженій другихъ исследователей. Но что особенно замѣчательно и любопытно — это слышаніе повѣствованія Льва Дьякона и Нестора о походѣ Святослава въ Болгарію. До сихъ поръ думали, что они другъ другу противорѣчатъ:

г. Бяллевъ доказываетъ противное. Онъ находитъ, что разсказъ Нестора ближе къ истинѣ, критически разбираетъ нѣкоторыя мѣста изъ описанія Льва Дьякова и находитъ ихъ сомнительными, наконецъ, открываетъ у Нестора пропускъ, вѣроятно допущенный писца, отъ-чего какъ будто и выходитъ безсмыслица въ разсказѣ летописца. До какой степени всё это вѣрно, предоставляемъ судить тѣмъ, которые занимались особенно этой эпохой и этими событіями. Во всякомъ случаѣ, мысль и попытка нова; въ ея пользу говорятъ уже то, что оба разсказа вѣютъ предметомъ одно событіе, и если они разнорѣчатъ, то кто вибуда изъ повѣствующихъ или отчасти, или вполне неправъ.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ странницъ, которыя читаются съ удовольствіемъ, мы встрѣчаемся опять съ одной изъ тѣхъ странныхъ гипотезъ, которыми кештъ разсужденіе г. Бяллева. «Владимира выспросилъ *Новгородцы, которымъ надошло жить подъ управленіемъ княжескихъ намѣстниковъ*». А ктожъ это вамъ сказалъ, что надошло? почему вы знаете, что намѣстники тамъ были! гдѣ данныя? Вотъ этакъ-то бросимъ мы словечко тамъ, словечко здѣсь — и выходитъ ужъ не древняя русская исторія, а Богъ знаетъ что! За этими досказами каждаго отъ себя о темномъ событіи и не узнаешь летописной основы. — Такъ же не дурно доказывается мнѣніе, что «Ярополкъ в Олгѣ владѣлъ цѣлою придвѣпровскою и приокскою стравою, а не однимъ Кіевомъ или древянскою землею». Авторъ пренаивно спрашиваетъ: «въ противномъ случаѣ, комужъ бы достались «Переяславль и Черниговъ, богатые торговые города, упоминаемые въ игоровомъ договорѣ, уже производившіе торговлю съ Византійскою? «Сверхъ того, сколько городовъ было построено Олгомъ, а также «куда бы дѣвать Смоленскъ и Любечъ, если ихъ не раздѣлить между «Ярополкомъ и Олгомъ»? Странный способъ доказывать! Авторъ говоритъ, что такъ было послѣ Ярослава. Но какія же данныя имѣетъ онъ, чтобъ заключать, что такъ было и при Святославѣ? Но его мнѣнію, можетъ быть, Святославъ тоже хотѣлъ причислить Новгородъ къ Кіеву, но Новгородцы не согласились и выпросили себя особливаго князя? Но мы не можемъ допустить такого предположенія, такой догадки. Дайте намъ доказательства, почему вы вправъ такъ заключить — и мы васъ выслушаемъ и подумаемъ. Послѣ такихъ-то догадокъ, ни чѣмъ не вызванныхъ, авторъ говоритъ: «Святославовъ раздѣлъ былъ *рѣшительно* образцомъ для Ярослава». Заключение слишкомъ важное, чтобъ его можно было высказывать такъ рѣшительно безъ доказательствъ. Авторъ знаетъ, что есть и другія мнѣнія, которыя даютъ совершенно другую точку зрѣнія. Судя потому, какое мнѣніе будетъ принято, весь первый періодъ русской исторіи

получаетъ совершенно иной видъ. След., такъ легко говорить нельзя. По мнѣнію г. Бялева, Ярополкъ не былъ князь, равный своимъ братьямъ, а великій, — иначе Несторъ сказалъ бы, что по смерти Святослава начали княжить всѣ они, а онъ говоритъ это только о Ярополкѣ. Между тѣмъ, самъ же авторъ сказалъ, что Несторъ былъ лѣтописецъ кіевскій; очевь естественно, что онъ ни слова не упомянулъ о другихъ князьяхъ. Да и можно ли вообще изъ такого сомнительнаго, шаткаго даннаго развивать цѣлый взглядъ? — Описаніе ярополкова княженія верхъ усилій такого рода. Въ борьбѣ этого князя съ своими братьями г. Бялевъ видитъ первообразъ всѣхъ послѣдующихъ княжескихъ усобицъ — мнѣніе, слишкомъ несогласное съ общимъ взглядомъ на эту борьбу, чтобъ можно было его поставить, не приведя доказательствъ. Потомъ проведена параллель между Ярополкомъ и Изяславомъ, параллель, въ которой мы видимъ историческую фразу, какъ есть риторическія фразы, лишеныя действительнаго содержанія и смысла. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть произвольнае и случайнае этого сближенія? Оба, говоритъ авторъ, одинаковы по характеру; «оба люди довольно слабые для того, чтобы быть «верховными правителями государства, раздѣленнаго между само«властными князьями». (Последнее показываетъ, что авторъ имѣетъ превратное понятіе о началѣ такъ называемаго періода удѣловъ). Отношенія Ярополка къ Олегу авторъ сравниваетъ съ отношеніями Изяслава къ Всеславу полоцкому; и тѣ и другія обнаруживаютъ самолюбіе великихъ князей; Владиміръ играетъ одинакую роль съ Борисомъ Вячеславичемъ. Но Владиміръ, скажете вы, сталъ наконецъ великимъ княземъ, а Борисъ Вячеславичъ убитъ? Въ глазахъ г. Бялева, и это не мѣшаетъ параллели. Это, говоритъ «отъ-того, что «Владиміръ остался одинъ и велъ войну не открытымъ боемъ, а из«мъною». Разныя въ подробностяхъ, событія сходны въ главномъ — въ стремленіи великихъ князей стѣснить удѣльныхъ, и въ томъ, что послѣдніе искали защиты у иноземцевъ. Но сколько послѣднее верно, столько первое, въ примѣненіи къ этому времени, предположительно и ни на чемъ не основано. — Настроивъ свои мысли такимъ образомъ, авторъ въ убійствѣ сына съзнальдова Олегомъ видитъ уже не простое событіе, какъ оно рассказано у лѣтописца, а выраженіе вражды между князьями. Ярополкъ согласился на то, чтобъ Съзнальдичь охотился во владѣніяхъ брата; ему нуженъ былъ предлогъ поспориться съ Олегомъ; еслибъ ему не хотѣлось поспориться, онъ не сталъ бы мстить за Съзнальдича, потому-что Олегъ имѣлъ право безнаказанно его убить за нарушеніе его правъ. Тото же и есть! Хотѣлось такъ посмотреть, и увидалось, чего не видно. Не понимаемъ послѣ этого, отъ чего же г. Бялевъ не сдѣлся на критическій

разборъ несторова разсказа объ осадѣ Кіева Печенѣгами? Въ обоихъ можно усомниться, коли захотѣть, оба можно выйти совершенно удовлетворительнымъ, не пашептывая ничего на ухо лѣтописцу.

За этимъ мы опять встречаемъ въ статьѣ г. Бяляева очень дѣльную замѣтку. Онъ говоритъ, что когда Владиміръ возвратился изъ за моря съ Варягами, Новгородцы не вступились въ его дѣла съ Ярополкомъ: «имъ нѣтъ нужды до княжескихъ усобицъ, поддерживаемыхъ только княжскими дружинами и насмными пришельцами; точно также вели себя въ началѣ удѣльнаго періода жители другихъ городовъ, Кіева, Чернигова и проч.» Это вообще и справедливо и основательно. Чѣмъ же объясняетъ авторъ безучастіе общины? Какъ бы вы думали? Тѣмъ, что народъ удѣльной системы «не признавалъ «и не сочувствовалъ ей, какъ идея чужеземной, пришлой, а не родной, и первоначально даже *старался уклоняться* отъ всякаго участія въ княжескихъ усобицахъ». Помилуйте! можно ли такъ объяснять цѣлыя эпохи народной жизни! Скажите лучше, что государственная сфера, даже въ той дѣтской, первоначальной формѣ, въ какой она у насъ явилась, не была по плечу этому народу въ то время. Онъ объ ней не зналъ, какъ не знаетъ ребенокъ того, что вокругъ него совершается. Русскій народъ до сихъ поръ ничего ни признавалъ, ни не признавалъ; тѣмъ болѣе тогда. И что это за свосвольное обращеніе съ фактами! Народъ не принималъ участія въ княжескихъ усобицахъ? хорошо. Какъ же это Владиміръ «присоединяетъ къ своей варяжской дружинѣ, *покоренныя Новгороду племена Славянъ* (а Новгородцы были Славяне, стало быть, они были покорны сами себѣ? Это такъ), Кривичей и Чудя, *впрямую по условію съ Новгородцами, и идетъ на Полоцкъ*». Не очевидно ли, что каждая строка лѣтописи сама по себѣ вдохновляла автора, а на цѣлую лѣтопись онъ не обратилъ вниманія. Иначе нельзя было бы такъ резко противорѣчить себѣ на десяти строкахъ. — Владиміръ просилъ руки Рогняды, чтобъ имѣть союзника; послѣ отказа завоевываетъ владѣніе Рогволода и женится на Рогнядѣ, *чтобъ быть обезпечену съ тылу* на походъ противъ Ярополка. Гдѣ же доказательства? Война была предпринята Владиміромъ противъ Ярополка «въ защиту удѣльныхъ правъ противъ великокняжескихъ насилій». Скажите *князей*, а не *правъ* — и мы не станемъ спорить; между тѣмъ и другимъ огромная разница. Мысль, будто бы въ Россіи съ самого начала были удѣлы и государственность, дала автору ложную точку зрѣнія на весь предметъ. «Власть удѣльныхъ князей, говоритъ онъ, и власть великаго князя была въ постоянной борьбѣ въ продолженіи всей русской исторіи до самаго упнчтоженія удѣловъ Москвою. Великіе князья *очень рано поняли, что удѣльная система, поддерживаемая только*

«своею норманскою законностию и приплыли княжескими дружинами, не съ большими усилиями могла быть уничтожена... такое направление великокняжеской власти, согласное съ мѣстными обстоятельствами, натурально вызывало энергическое сопротивление со стороны удѣльныхъ князей, доходившее до жестокости. А потому вся сила удѣльныхъ князей, терзавшихъ наше отечество, в которыхъ такъ были порицаемы нашими позднѣйшими лѣтописцами (отнюдь не Несторомъ), не понимавшими дѣла, въ сущности своей были мѣрами законными». Эти слова служатъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, какъ авторъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, что уже было говорено и писано о періодѣ удѣловъ; иначе онъ не высказалъ бы такъ рѣзко мнѣше, давно уже переставшее быть аксіомой въ нашей исторической литературѣ. Тутъ все спорно — и то, что въ продолженіи *всей* русской исторіи власть великаго князя была въ борьбѣ съ властью удѣльныхъ князей, и то, что удѣльная система поддерживалась одною *норманскою* законностию, когда преобладающіе въ ней элементы были туземные, *славянскіе*, и то, что удѣльная система могла быть уничтожена *не съ большими* усилиями, когда она, несмотря на эти усилия, просуществовала четыре вѣка слишкомъ. Вотъ какъ пишетъ г. Бѣляевъ! И вся эти мнѣнія, похожія больше на софизмы, чѣмъ на правдоподобныя догадки, для чего введены въ статью? чтобы доказать, что нельзя упрекать Владиміра ни въ звѣрствѣ, ни въ жестокости! Да кто жь давно не оправдалъ всѣхъ ихъ и безъ всякихъ насилій исторіи? «Въ послѣдствіи времени, когда роды князей размножились и права на великокняжеское достоинство смѣшались съ родовыми отношеніями, порядокъ дѣлъ, въ сущности оставаясь тотъ же, нѣсколько измѣнился въ своихъ частностяхъ». Рѣшительное непониманіе между-княжескихъ отношеній! Когда же, г. Бѣляевъ, онъ смѣшался и какъ? Неужли вы думаете, что эти отношенія такъ взяли себя да и смѣшались? А если вы такъ не думаете, отъ-чего жь такъ неосторожно говорите объ историческихъ явленіяхъ, какъ будто бы онъ съ неба свалились. — Въ разборѣ владиміровыхъ походовъ опять странности. Противъ камскихъ Болгаръ Владиміръ идетъ съ Добрыней, новгородскимъ посадникомъ. Авторъ прибавляетъ: «чего мы не замѣчали въ прежнихъ походахъ кіевскихъ князей», и потомъ продолжаетъ: «Не въ защиту ли новгородской торговли Владиміръ предпринималъ этотъ походъ? Вообще, послѣдующая исторія Новгорода ясно доказываетъ, что Новгородцы не охотники были воевать изъ чужихъ выгодъ». Характерическія слова лѣтописи, вложенныя въ уста Добрыни: *всѣ они въ сапогахъ* (т. е. Болгары), *эти дани намъ не дадутъ, пойдемъ искать лапотниковъ* — г. Бѣляевъ объясняетъ тѣмъ, что Доб-

рыня изъ видовъ торговли хотѣлъ отклонить Владимира отъ войны съ Болгарами. Какъ, спросимъ мы автора, мы прежде не видали, чтобъ Новгородцы ходили съ князьями въ походы? А кого жъ разуметь летописецъ подъ Славянами, когда упоминаетъ ихъ въ числѣ прочихъ племенъ? Сколько разъ вы сами говорите въ вашемъ разсужденіи, что князья уговаривали Новгородцевъ идти съ собой, а выихъ, какъ напр., Олега, Новгородцы сами посылали. Чтожь это за постоянное увлеченіе любимую мыслью, минутно рождаемой тѣмъ местомъ, которое толкуется, и что это за полное забвеніе сказаннаго за нѣсколько страницъ? А если неправда, что Новгородцы прежде не хаживали въ походы съ князьями, то и гипотеза о томъ, что они склонили Владимира воевать съ Болгарами изъ торговыхъ видовъ — сущая фантазія. Мы в здѣсь скажемъ, что говорили прежде, много разъ: можетъ быть такъ, а можетъ быть и нѣтъ. Не имѣя данныхъ, имѣемъ ли мы право хитростно создавать фактъ, на который нѣтъ никакихъ указаній? А это дѣлаетъ авторъ безпрестанно. Повѣствованіе о крещеніи Россіи и Владимира разобрано очень остроумно. Г. Валлевъ думаетъ, не безъ основанія, что крещеніе Руси Несторъ разсказалъ по живому преданію, хотя мы и не знаемъ, на какомъ основаніи онъ считаетъ Іеремію современникомъ Нестору. Что же касается до крещенія Владимира, оно заимствовано изъ византийскихъ письменныхъ извѣстій. Взглядъ на всѣ обстоятельства, сопровождавшія наше обращеніе къ христіанству, очень оригиналенъ и имѣетъ за себя много данныхъ.

«Тоже должно сказать о посольствѣ разныхъ народовъ съ предложеніями вѣры, объ отправленіи владиміровыхъ посольствъ для испытанія, кто лучше служитъ къ Богу, а также о проповѣди греческаго философа и о катихизисѣ, данномъ Владимиру въ Корсуни. Все это описаніе носитъ на себѣ печать обдуманнаго писменнаго сочиненія, а не живой рѣчи; подробности, здѣсь помѣщенныя, явно принадлежатъ книгамъ, а не разговору; народное преданіе ихъ не могло знать; здѣсь все направлено къ одной цѣли, чтобы унижить другія вѣры передъ греческою; вопросы Владимира и отвѣты проповѣдниковъ рѣшительно писаны греческимъ христіаниномъ, Византийцемъ. Относительно проповѣди греческаго философа и катихизиса, даннаго Владимиру, рѣшительно можно сказать, что они еще въ несторово время, должно быть, ходили въ рукописяхъ, и не по нимъ ли дѣлали оглашенія народу корсунскіе и византийскіе миссіонеры; ибо здѣсь сокращенно представлена вся библейская исторія и сводъ всѣхъ пророчествъ о Христѣ, а также искусно совмѣщены всѣ догматы православнаго вѣроисповѣданія и всѣ вселенскіе соборы, именно, все тѣ, что нужно миссіонерамъ при оглашеніяхъ, или проповѣдяхъ къ обращающему народу. Называть все это позднѣйшими вставками, или

• даже сочиненіемъ самого Нестора, значить явно итти противъ всѣхъ • законовъ логики и исторіи; ибо, вопервыхъ, описанные здѣсь пред- • меты, познатѣ на Руси описывались въ другомъ видѣ, чему свидѣ- • тельствомъ служатъ многія русскія рукописи XIV, XV, XVI и XVII • вѣковъ; во вторыхъ, особенно въ катихизисѣ, изложена самая жаркая • полемика противъ ересей, которую могъ написать только Византиецъ • X вѣка, живо помнившій, чего стоила Церкви жестокая и продол- • жительная борьба съ еретиками; третьихъ, здѣсь есть много • мѣстъ, которыхъ никто не могъ написать даже во время Нестора, и • тѣмъ болѣе послѣ него, напримѣръ, обличая развратную жизнь за- • паднаго духовенства, катихизисъ говоритъ: «Вамутиша Италію всю, • сѣюще ученье свое разнo: ови бо попове единою женою оженѣвса, • служатъ, а друзи до седмые жены поймающе служатъ». А извѣстно • изъ церковной исторіи, что въ XII вѣкѣ, когда жилъ Несторъ, за- • падное духовенство уже давно все было безбрачнымъ; ибо еще буд- • лоу папы Григорія VII-го всѣ женатые священники и клирики отрѣ- • шены отъ своихъ должностей. Слѣдовательно, о женатыхъ попахъ • въ Италиі можно было говорить только въ X вѣкѣ, или, по крайней • мѣрѣ, въ первой половинѣ XI-го, но отнюдь не въ XII-мъ» (стр. 39).

Въ концѣ жизнеописанія владимірова въ несторовой лѣтописи помѣщенъ панегирикъ этому князю. Г. Бяляевъ выводитъ изъ него, что онъ былъ написанъ, когда Владиміръ не былъ еще причисленъ къ лику святыхъ, и это очень правдоподобно.

Послѣ этихъ интересныхъ замѣтокъ, которыя являются какими-то оазисами между натяжками и фантазіями, г. Бяляевъ опять возвращается къ своей обычной манерѣ. Владиміръ не назначилъ Кіева никому изъ князей: «слѣдовательно, право на великокняжеское до- • стовнство, соединенное съ кіевскимъ владѣніемъ, не имѣло нужды «въ особомъ назначеніи и безспорно принадлежало старшему въ ро- • дѣ». Но откуда же это слѣдуетъ? Очень спорно, какъ и когда и для чего разослалъ Владиміръ своихъ сыновей по разнымъ областямъ, а г. Бяляевъ строитъ цѣлую гипотезу на томъ только, что Владиміръ не назначилъ никого въ Кіевъ, и ссылается на слова Бориса: не подыму рукъ на старшаго брата, онъ будетъ мнѣ отцомъ, слова, которыя совсѣмъ не доказываютъ, что Святополку приходился Кіевъ. Междоусобіа Святополка съ братьями авторъ объясняетъ родовою мстью — что очень похоже на дѣло, и борьбою великокняжеской власти съ удѣльною властью — что на дѣло совершенно непохоже, потому-что для этого нѣтъ данныхъ ни въ предыдущемъ, ни въ ближайшемъ послѣдующемъ. Святополкъ могъ хотѣть уничтожить удѣльныхъ князей — это понятно, но почему авторъ видитъ тутъ выраженіе борьбы двухъ властей — не понимаемъ. — Также странно разсужденіе о взятіи Новгорода Брячиславомъ полоцкимъ. Оно ка-

жется подозрительнымъ г. Бяллеву, потому-что въ новгородской летописи объ этомъ не говорится. Дѣйствительно, это молчаніе наводитъ на некоторую тѣнь сомнѣнія на это событіе (которое, впрочемъ, само по себѣ и не особенно важно). Но авторъ этимъ не удовольствовался. Онъ выводитъ отсюда вотъ что: «не изъ однихъ ли видовъ властолюбія воевалъ Ярославъ съ Брячиславомъ? Несторъ же, зная, что война была въ краяхъ новгородскихъ, назвалъ ее преслѣдованіемъ за разграбленіе Новгорода; въ противномъ случаѣ мудрено допустить, чтобы Ярославъ довольствовался однимъ отнятіемъ добычи, и не наказалъ Брячислава примѣрно за явное оскорбленіе великокняжеской власти, и притомъ не такъ-то легко повѣрять, чтобы Новгородцы, недавно еще помогавшіе Ярославу противъ сильнаго Святополка, не справились сами съ какимъ нибудь Брячиславомъ и допустили его занять Новгородъ; да и почему самъ Брячиславъ, занявши Новгородъ, не оставилъ его за собою? Неужли какой нибудь Полоцкъ былъ лучше богатаго и сильнаго Новгорода». Истинно государственныя и политическія соображенія! Видите ли: Ярославъ чуть-чуть не теперешій король, столько же щекотливый, ревнивый къ своей власти. Брячиславъ не могъ взять Новгорода, а Всеславъ могъ, какъ признается самъ авторъ на 51 страницѣ своего разсужденія; Андрей Боголюбскій взялъ Кіевъ и отдалъ его своему брату, а Брячиславъ не могъ оставить Новгорода и возвратиться въ Полоцкъ. Что сказать на все это? — Изъ того, что походы Ярослава были преимущественно направлены къ западу, авторъ выводитъ, что «очевидно... при Ярославіи Русь спѣшила двинуться въ Европу и покорить всѣ полудикія племена, отдѣлявшія ее отъ образованныхъ европейскихъ государствъ; изъ видовъ сближенія съ Европою Ярославъ воевалъ съ полудикими племенами даже и не для себя». Образованныя европейскія государства въ XI вѣкѣ! И объ этомъ хлопочетъ юная Русь, доведшая страсть къ идеѣ до того, что покоряла племена для другихъ!

Въ замѣчаніяхъ на завѣщаніе Ярослава много справедливаго и много ложнаго. Особенно справедливо то, что оно «указываетъ на ослабленіе закона старѣйшинства и соединенной съ нимъ удѣльной системы; иначе же Ярославу не зачѣмъ было повторять этотъ законъ въ особомъ завѣщаніи, если бы онъ не замѣчалъ его ослабленія». Мысль вѣрная, объясняющая, почему Ярославъ возводитъ начало рода на степень политической системы. Но дальнѣйшія толкованія во многомъ произвольны. Порученіе великому князю наблюдать за неприкосновенностью удѣловъ не могло быть внушено Ярославу желаніемъ удержать его отъ стѣсненія удѣльныхъ князей. Будь это такъ, Ярославъ не далъ бы великому князю отеческой, т. е. по тог-

дашнему очень большой власти надъ прочими. Если онъ и его отецъ Владиміръ сами на себя испытали своеволие великихъ князей, тамъ меньше захотѣлъ бы онъ подвергнуть тому же своихъ сыновей. А что онъ, «утверждая завѣщаніемъ неприкосновенность удѣловъ съ тѣмъ «вмѣстѣ, молча, позволялъ удѣльнымъ князьямъ соединиться протѣвѣ великаго князя, если бы онъ рѣшился посягнуть на какой ли «бо удѣлъ» — это совершенно несправедливо и ни на чемъ не основано. Этотъ выводъ сдѣлалъ на фактѣ сами князья; но онъ былъ признакомъ разложивія кровныхъ, родовыхъ отношеній, которыя считались утверждать и упрочить Ярославъ.

Идя отъ ложнаго взгляда на отношенія между князьями послѣ Ярослава, авторъ натянуто истолковалъ выступленіе Ростислава изъ Тмуторакани, когда подошелъ къ ней Святославъ, отецъ Гляба, вигнаннаго Ростиславомъ. Оно было только слѣдствіемъ уваженія племянника дядѣ, уваженія, котораго первыи не могъ имѣть къ своему младшему двоюродному брату; а г. Бяляевъ вводитъ въ объясненіе начало территоріальное, вовсе не у мѣста, ибо о немъ не было тогда и рѣчи. — За тѣмъ, преслѣдуя свою мысль о борьбѣ великокняжеской власти съ властью удѣльныхъ князей, авторъ видитъ эту борьбу и тамъ, гдѣ данныя хранятъ о ней глубокое молчаніе: въ войнѣ Изяслава со Всеславомъ, въ томъ, что князья, разбитые Половцами на Альтѣ, бѣжали двое въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ, въ томъ, что изгнанныи Изяславъ бѣжалъ не къ удѣльнымъ князьямъ, а къ королю польскому. Все это одна догадка, которыхъ ничѣмъ доказать нельзя, и которыя, именно потому, не вмѣютъ въ нашихъ глазахъ никакой цѣны. — Старая, еще карамзинская, прісказка о переводѣ кіевскаго торго на гору — будто это сдѣлалъ Изяславъ «изъ опасенія вторичнаго возмущенія» Кіевлянъ повторена и у г. Бяляева, несмотря на то, что лѣтопись не говоритъ объ этомъ ни слова. — На той же 53 страницѣ встрѣчаемъ противорѣчіе съ прежнимъ. Разсказавъ событія изяславова княженія включительно до его возвращенія изъ перваго бѣгства, авторъ говоритъ: «Итакъ «ярославовъ завѣтъ и коренной исконный законъ старшійшинства нарушены: младшіе приказываютъ старшему — и онъ исполняетъ ихъ «требованія; на Руси болѣе нѣтъ верховнаго главы; каждый удѣлъ «есть уже самостоятельное, отдѣльное, независимое государство; и «только законъ родства и почтеніе къ гробамъ предковъ, похороненныхъ въ Кіевѣ, поддерживаютъ какую-то слабую связь между «князьями». А выше, на стр. 43, мы находимъ вотъ что: «по тогдашнему образу мыслей (XI вѣка) князь, получившій удѣлъ, становился уже лицомъ самостоятельнымъ и удѣлъ его, отдѣленный старшимъ княземъ отъ своего, болѣе уже не принадлежалъ старшему

«князю и никогда не могъ быть возвращенъ къ нему безъ нарушенія «права». Одного сличенія этихъ двухъ мѣстъ совершенно достаточно, чтобъ убѣдить насъ, какъ твердь, дальнѣ взглядъ автора на время удѣловъ!

Рядомъ съ этимъ г. Бяляевъ оказалъ значительную услугу русской исторіи, обративъ вниманіе на одинъ фактъ, доселѣ какъ-то мало поднятый, а между тѣмъ, замѣчательный, — именно, на занятіе Святославомъ Бѣлаозера и Новгорода, которые прежде никогда не принадлежали черниговскимъ князьямъ. — Вообще усиленіе свято-славова рода и упадокъ его, когда Всеволодъ вступилъ на великокняжескій престолъ, очерчены очень живо. «Завѣтъ Ярослава» говоритъ авторъ, «которымъ онъ думалъ поддержать на долго законъ «старейшинства, не просуществовалъ и одной четверти вѣка; въ продолженіе трикратнаго княженія Изяслава все ярославово исчезло, и только старыи законъ старейшинства остался влечить дни свои, но «уже не для себя, а для прикрытія новыхъ идей, къ которымъ еще «не привыкли люди». Какъ ни вѣрно это замѣчаніе, но мы позволимъ себя замѣтить автору, что никто не прикрывалъ себя старыми формами; онъ падали, но еще не упали совершенно, и тѣ князья, которые выступали изъ прежняго порядка вещей, сами не ясно сознавали свои новыя стремленія. Такъ вездѣ и всегда было; такъ было и у насъ. Это еще добросовѣстное лицемѣрство, которое не удовлетворяется старымъ, но не знаетъ еще новаго, и идетъ къ нему оцупью. На стр. 56 мы находимъ совершенно новый взглядъ на Всеволода. До сихъ поръ онъ былъ какъ-то не замѣченъ. Г. Бяляевъ называетъ его «хитрейшимъ изъ сыновей ярославовыхъ», «осторожнѣйшимъ изъ братьевъ», который умѣлъ противъ обонхъ сражаться, ни съ однимъ не посориться и незамѣтно усилить свой родъ такъ, что по смерти Изяслава онъ сдѣлался самымъ могущественнымъ княземъ, и черезъ 15 лѣтъ владѣлъ чуть ли не всю Россією. Убійство Романа и отвезеніе Олега Половцами въ Константинополь, по мнѣнію г. Бяляева, было тоже дѣломъ хитраго Всеволода. Въ пользу этого мнѣнія, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ усиленіе рода Всеволодовичей. Только трудно рѣшить, было ли такъ вслѣдствіе усилій родоначальника, или это сдѣлалось само собою, вслѣдствіе того, что Всеволодъ былъ однимъ изъ старшихъ князей. Какъ бы то ни было, но усиленіе всеволодова рода надъ всеми другими давно уже замѣчено, и на это есть данныя; а на то, чтобъ это было дѣломъ самого Всеволода, его дальновидной, осторожной и хитрой политики — ничто не указываетъ. Далѣе находимъ мы критику одного извѣстія лѣтописи, но совершенно произвольную, ни на чемъ не основанную. Богъ знаетъ, отъ-чего пришло г. Бяляеву на мысль въ немъ усомниться. Лѣтопись гово-

рить: Ярополкъ хотѣлъ идти на Всеволода, послушавъ злыхъ совѣтниковъ. А авторъ говоритъ: это невероятно, «ибо нигдѣ нѣтъ и помяну о приговореніи этого князя къ войнѣ»; конечно, онъ не могъ одинъ стоять противъ Всеволода, а у него союзниковъ не было и т. д. Вотъ что называется сомнѣваться ни съ того, ни съ сего! «Гораздо *«естественнѣе»*, продолжаетъ г. Бѣляевъ, «согласиться, что властолюбивый и хитрый Всеволодъ тѣснилъ Ярополка, и послалъ Мономаха только потому, что племянникъ, можетъ быть, осмѣлился въ переговорахъ отстаивать права удѣльнаго князя; на это указываетъ «и выходъ Ярополка въ Кіевъ за годъ передъ его минимымъ возмущеніемъ». Ну, не правда ли, что русская исторія теперь представляетъ широкую арену для самого необузданнаго произвола? Вздумалось одно приписать этой исторіи — и приписываютъ; вздумалось въ одномъ усомниться — и сомнѣваются; захочется то-то отвергнуть — и отвергаютъ. Фактъ ничего не значитъ и на мѣсть его царить фантазія самая безграничная, какую только можно себя представить. Возмущился ли Ярополкъ, или нѣтъ, самъ по себѣ этотъ вопросъ такъ неваженъ, что надъ нимъ нечего долго останавливаться; но произвольные приемы, съ которыми приступаютъ къ фактамъ, по истинѣ ужасны и производятъ грустное впечатлѣніе. Вызовъ Ярополка въ Кіевъ! Прочтите летопись, она говоритъ просто: «Въ лето 6592 (1084) приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день.» Гдѣ жъ *вызовъ*? — Далѣе тоже самое: «Ростиславичи, захватившіе себѣ удѣлы, очевидно, противъ воли Великаго князя.... *знали, что не усиливая своихъ удѣловъ не могутъ существовать безопасно въ сосѣдствѣ съ сильнымъ всеволодовымъ родомъ*, они, при помощи Половцевъ, удачно воевали съ сосѣдями *Ляхами и на ихъ счетъ увеличивали свои удѣлы*». Да какое же право имѣете вы, г. Бѣляевъ, дѣлать этотъ выводъ, когда источники на это не указываютъ, даже мимоходомъ, даже искользь? Въ исповѣди Василька я вижу совсѣмъ противоположное. Что жъ это будетъ, если мы все станемъ такъ толковать факты, не справляясь съ источниками? Есть ли хоть какая нибудь возможность такъ толковать? — Затѣмъ слѣдуетъ взглядъ на половецкія войны, очень вѣрный и основательный. Авторъ видитъ въ нихъ въ это время дѣло младшихъ удѣльныхъ князей, которые съ помощью Половцевъ отстаивали свои права противъ Всеволода, великаго князя и его рода, — и видитъ это въ томъ, что князья другихъ родовъ не участвовали въ войнахъ съ Половцами, а послѣдніе никогда не напали на ихъ владѣнія. Но потомъ мы опять встрѣчаемъ совершенно произвольное предположеніе, что «Мономахъ, по смерти отца, нашелся *вынужденнымъ* уступить «великокняжескій престолъ старшему изъ всѣхъ князей, Святополку». Почему же авторъ думаетъ, что Владиміръ былъ вынужденъ,

а не добровольно это сдѣлалъ, Владиміръ, который былъ идеаломъ тогдашнихъ князей, котораго такъ любили? Слова лѣтописи: Владиміръ началъ размышлять, говоря: если сяду на престолъ отца моего, то долженъ буду воевать съ Святополкомъ, потому-что престолъ этотъ достался отъ его отца, — вовсе не доказываютъ мнѣнія автора; изъ нихъ только видно, что Владиміръ раздумывалъ, чье право лучше на Кіевъ. Такъ подъ перомъ г. Буллева факты совершенно измѣняютъ свой смыслъ! — На стр. 59—60 онъ говоритъ о панегирикѣ лѣтописца Всеволоду, и по этому поводу сравниваетъ послѣдняго съ Изяславомъ. Выпишемъ это мѣсто. Оно любопытно во многихъ отношеніяхъ:

«Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидя, любя правду; не бѣ въ немъ лести, но простъ мужъ умомъ, не давая зла за зло». А вотъ и Всеволодъ: «Сн бо благовѣрный Князь Всеволодъ бѣ издѣтска боголюбивъ, любя правду, набдя убогѣя, въздая честь Епископомъ и презвитеромъ, залихаже любяше чернорисци, подааше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьянства и отъ похоти». Какая разница между братьями: одинъ красивый, величественный, откровенный, простой, добродушный и, кажется, веселый въ жизни; по крайней мѣрѣ лѣтописецъ не выставляетъ воздержности въ числѣ его достоинствъ; другой же богомольный, видимо внимательный къ убогимъ, искательный передъ духовенствомъ, которое имѣло большое вліяніе на народъ, строгій къ самому себѣ въ отношеніи къ воздержанію и чистотѣ нравовъ, сѣдовательно, человекъ осторожный, скрытный, но отнюдь не откровенный и не добродушный. Это чуть не Ольгердъ XI вѣка; его, кажется, нельзя было застать въ разплехъ: онъ всегда ловко умѣлъ пользоваться обстоятельствами; ему далеко уступали въ политическомъ умѣ всѣ, окружавшіе его современники; но за то, какъ въ правителѣ народа, въ немъ не доставало многого. Слишкомъ занятый княжескою политикою, онъ, кажется, вовсе забывалъ о народѣ; при немъ тиуны грабили и продавали гражданъ, а онъ не думалъ за нихъ вступиться и народъ очевидно не любилъ его, и не проронилъ слезинки на его похоронахъ, которые вотъ какъ описываетъ Несторъ: «преставися тихо и кротко. Володимеръ же плакася съ Ростиславомъ братомъ своимъ, спрятаста тѣло его, и собращася Епископи и игумени, и черноризци, и попове, и бояре, и простіи людье, взявше тѣло его, со обычными пѣснями положиша и въ Святѣй Софѣи». Какъ все чинно и холодно! Гдѣ же любовь народная? Какое сравненіе съ похоронами Изяслава, гдѣ, за плачемъ и воплемъ народнымъ, не было слышно церковнаго пѣнія: «и не бѣ азъ слышати пѣня во плачи, велицѣ вопли, плака бо ся по немъ весь Кіевъ» (стр. 59 и 60).

Прочитавши похвалы лѣтописи и тому и другому князю, всякій

скажетъ: оба въ своемъ родѣ, по тогдашнему, были хороши. Что Изяславъ былъ веселый въ жизни — никто не скажетъ, потому-что изъ молчанія лѣтописи этого извлечь нельзя. Но также никто не скажетъ, что Всеволодъ былъ искателемъ передъ духовенствомъ, потому-что этого лѣтописи не говоритъ; также никто не увидитъ, что Всеволодъ былъ человекъ осторожный, скрытный, но отнюдь не откровенный и не добродушный, чуть-чуть не Олгердъ XI вѣка. Что онъ былъ дурной правитель, изъ лѣтописи тоже не видно, ибо она говоритъ, что онъ любилъ правду; она говоритъ также, что ему было много огорченій отъ племянниковъ; при огорченіяхъ поднялись и болѣзни, а ко всему этому приспѣвала старость. Тогда начались хищничества и неправды правителей, о которыхъ онъ не зналъ въ болѣзняхъ своихъ. Гдѣ жъ тутъ мѣсто объясненію, что Всеволодъ, «слишкомъ занятый княжескою политикою, вовсе кажется забывалъ «объ народѣ?» Народъ могъ его не любить, положимъ (какъ ни трудно заключить объ этомъ изъ того, что въ лѣтописи не упоминается о плачѣ народа), но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ таковъ, какимъ описываетъ его г. Бѣляевъ. И тутъ вымыселъ, и тутъ фантазія заступаетъ мѣсто дѣйствительныхъ представленій, основанныхъ на положительныхъ или, по крайней мѣрѣ, вѣроятныхъ историческихъ данныхъ. Пропуская описанію княжескихъ междоусобій, въ которомъ тоже безпрестанно встрѣчаемъ ввертки, основанныя не на источникахъ, а на однихъ недоказанныхъ предположеніяхъ, — перейдемъ къ описанію любечскаго съезда князей. О томъ, что съездъ не былъ въ Кіевѣ, авторъ говоритъ: «Это намекаетъ, что удѣльные князья или не доверяли Святополку и Мономаху, или не хотѣли унижаться передъ великимъ княземъ, и считала его почти равнымъ себя, каковымъ кажется и былъ Святополкъ». Недовѣрчивость понятна; но этотъ счетъ съ великимъ княземъ, послѣ Всеволода и передъ Мономахомъ, въ концѣ XI вѣка, — кажется чистой фантазіей. По крайней мѣрѣ, нѣтъ данныхъ для этой мысли. Постановленія съезда рассказаны неправильно. «На любечскомъ съездѣ», говоритъ г. Бѣляевъ: «послѣ долгихъ споровъ (о которыхъ ни слова въ лѣтописи), рѣшились возстановить раздѣлъ Ярославовъ, и каждому роду «возвратить свою отчину... со всеми областями, причисленными къ этимъ удѣламъ еще Ярославомъ». Последняго тоже нѣтъ въ постановленіи съезда, сообщенномъ намъ лѣтописью, но прибавлено, что города, розданные Всеволодомъ, остаются за тѣми князьями, которые ихъ получили, и названы трое: Давидъ и двое Ростиславичей. Но какое дѣло автору до того, что говоритъ лѣтопись; ему понравилась мысль, что любечскій съездъ долженъ былъ возстановить ярославову систему, и онъ продолжаетъ: «но кажется, возстановленіе

«*ярославовой системы* было только на словахъ»... «кажется Мономахъ о *ярославовой системѣ* вовсе не думалъ»... «Если бы Мономахъ думалъ вполне возстановить *ярославову систему*, то ему все-го лучше было» сделать то-то и то-то. Приписать съѣзду цѣль, которой онъ не имѣлъ, да и варьировать на тему, зачѣмъ отъ этой цѣли отступили, и какъ неправильно сделали, что отступили, — вотъ верхъ фантастическаго направленія изслѣдованій! Результатомъ съѣзда, по словамъ г. Бяляева, было то, что Мономахъ привязалъ къ себѣ Святославичей. Но было ли это замышлено Владиміромъ, или это вышло само собою, вотъ чего нельзя рѣшить, тогда какъ именно это одно и можетъ дать намъ вѣрный взглядъ на характеръ и замѣчательную личность Мономаха. Г. Бяляевъ склоняется на первое предположеніе, но онъ не правъ, ибо для этого нѣтъ доказательствъ.

На 65 стр. и слѣд., авторъ входитъ въ подробныя изслѣдованія того мѣста весторовой лѣтописи, въ которомъ разсказываются событія трехлѣтней междоусобной войны, вспыхнувшей послѣ княжескаго съѣзда въ Любечъ. Онъ утверждаетъ, что все это описаніе, начиная отъ словъ: «и приде Сятополкъ съ Давыдомъ Кіеву, и ради быша людемъ вся» (стр. 109 по изд. Арх. Коммис.), до словъ: «и даша ему Дорогобужъ, въ немъ же и умре; а Сятополкъ переша Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава» (стр. 116, тамъ же) — позднѣйшая вставка, не принадлежащая къ первоначальному тексту Нестора. Это доказываетъ г. Бяляевъ безпорядкомъ въ разсказѣ происшествій, отсутствіемъ хронологіи, наконецъ, языкомъ этой вставки, резко отличающимся отъ весторова. Выходитъ, что собственно въ лѣтописи нѣтъ перерыва; краткія повторенія происшествій внесены только для того, чтобы дополнить промежутки, оставленный переписчикомъ, который весь разсказъ событій за три года вмѣстилъ подъ однимъ годомъ, и переходя опять къ весторову повѣствованію, долженъ былъ подъ двумя недостающими годами выставить сокращенное повтореніе событій, уже разсказанныхъ прежде. Что на этомъ перерывѣ не прекращается лѣтопись — доказывается продолженіемъ, написаннымъ совершенно въ одномъ духѣ съ предыдущимъ разсказомъ, до вставки. Судить о томъ, до какой степени г. Бяляевъ правъ, мы не рѣшаемся и предоставляемъ это филологамъ и спеціалистамъ по этой части. Замѣтимъ только, что различныя мнѣнія о весторовой лѣтописи до такой степени размножились, такъ онъ разнообразны и часто такъ причудливы, что давно бы пора свети ихъ, сличить между собою, проверить данныя, на которыхъ онъ основываются; словомъ, подвести полный ученый итогъ полъ тѣмъ, что уже сделано, и уже потомъ твердо идти впередъ. А то мы все строимъ и строимъ, такъ что почва исчезла подъ ногами, и карточ-

ные домики получили право гражданства между великоляпными заданиями. На стр. 69, произволь толкованій различныхъ мѣсть летописи опять невольно поражаетъ читателя: почти рядомъ стоятъ слова, противорѣчащія другъ другу. Святополкъ, великій князь кievскій, поймалъ измѣннически Ярослава Ярополковича и посадилъ его въ тюрьму. Г. Баллетъ говоритъ: «Это событіе замѣчательно потому, что служитъ прямымъ свидѣтельствомъ высшей власти родоначалства, или старшаго въ родѣ, которому младшіе должны были повиноваться, какъ глава своего рода; другіе же не имѣли права вступаться въ родовыя расправы: Ярославъ былъ пойманъ обманомъ и «засажень въ темницу, и ни одинъ князь не вступился за него, конечно не потому, чтобы Святополкъ былъ сильнѣе всѣхъ, но единственно изъ уваженія къ родовому праву». Теперь просимъ сравнить съ этими словами тѣ, что сказано нѣсколько строкъ выше: «Изъ исторіа разсказа... видно, что на обонхъ сѣздахъ Мономахъ дѣйствовалъ одинаково съ великимъ княземъ и, какъ главный представитель всѣхъ удѣльныхъ князей, рѣшалъ судьбу войны и мира, да же иногда явно противъ великокняжескихъ убѣжденій; прочіе же князья безпрекословно слѣдовали его распоряженіямъ, такъ что онъ, не бывши великимъ княземъ нарицательно, нравственно былъ главою всей Руси и въ одно и тоже время опорой великокняжеской власти и защитникомъ удѣльнаго права». Если Владиміръ былъ главнымъ представителемъ всѣхъ удѣльныхъ князей», и они безпрекословно слѣдовали его распоряженіямъ», какииъ бы образомъ онъ не имѣлъ права вступаться въ родовыя расправы?» Если онъ былъ «защитникомъ удѣльнаго права», какииъ образомъ онъ не вмѣшался въ это дѣло? Ясно, что авторъ писалъ всегда подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отдаленнаго мѣста; иначе онъ не могъ бы такъ себя противорѣчить. Эта манера, къ несчастію, сильно вкоренившаяся въ нашихъ изслѣдователяхъ, и есть причина, почему такъ мало дальнаго сказано у насъ о періодѣ удѣловъ, и почему факты обросли непроницаемой корой самыхъ неестественныхъ толкованій. Вы объяснили себѣ одни факты; глядъ — рядомъ другой, который ему противорѣчитъ. Забывши первое толкованіе, вы примкиваете ближайшее. Изъ дѣлага выходитъ нѣчто несвязное, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ исполненное смысла въ частяхъ, что и не знаешь, какъ найтись въ этомъ лѣсу. Начиъ кто нибудъ смотреть проще, пусть смететъ весь этотъ хламъ очень умныхъ, но ни къ чему не ведущихъ толкованій или, лучше сказать, прибавленій къ летописи и источникамъ, — и посмотрите тогда, какъ, во первыхъ, сократятся величественные размѣры нашей отдаленной старины, и какъ вся послѣдующія событія окажутся простыми и естественными. Но теперь мы ходимъ

въ какомъ-то чаду, изъ за котораго не можемъ ничего разглядать ; это умственное ослѣпленіе , при которомъ голова создаетъ исторію , а не факты .

Вотъ вся статья г. Бяляева . Просимъ извиненія у читателей за утомленіе , которое произвелъ на нихъ нашъ разборъ . Мы сами страшно утомились , слѣдя шагъ за шагомъ за авторомъ , но нечего было дѣлать . Видѣть такіа явленія въ нашей исторической литературѣ , такое печальное продолженіе цѣлой вереницы старыхъ — очень непріятно , потому что онъ только затемняетъ дѣло , увеличивая число невѣроятныхъ гипотезъ , невозможныхъ и ни на чемъ не основанныхъ предположеній . Тамъ непріятно намъ думать , что такую статью написалъ г. Бяляевъ , который другими своими статьями приобрѣлъ полное право на признательность и уваженіе всѣхъ занимающихся русской исторіей .

Вторая статья о *Галиціи и Лодомиріи* (въ отдѣлѣ иностранныхъ матеріаловъ) принадлежитъ извѣстному датскому историку Суму и переведена на русскій языкъ протоіереемъ Сабининымъ . Статья очень ученая , хотя и съ ошибками , но до такой степени сухая , безрезультатная , что врядъ ли у кого нибудь достанетъ терпѣнія прочесть ее . Это не разсужденіе , а компиляція изъ источниковъ .

Третья статья — *Троицкіе походы* (въ смыслѣ) сочиненія г. Забѣлина . Мы съ особеннымъ удовольствіемъ читали ее и прежде въ Московскихъ Вѣдомостяхъ въ прошедшемъ году , и съ новымъ удовольствіемъ перечитали теперь . Въ этомъ изданіи она , кажется , не подверглась значительнымъ измѣненіямъ , хотя , по свидѣтельству автора , сдѣланы поправки и значительныя дополненія въ концѣ , въ видѣ приложений . *Походами* назывались въ до-петровской Руси путешествія , предпринимаемыя царями или царскимъ дворомъ въ монастыри , обители , пустыни для богомолья . Г. Забѣлинъ описалъ одинъ изъ такихъ походовъ въ Сергіеву Троицкую Лавру . Его методъ изложенія чрезвычайно простъ , и именно по этому необыкновенно увлекателенъ , живописенъ . Онъ рассказываетъ походъ хронологически , начиная съ первыхъ приготовленій до возвращенія въ Москву . Надъ каждымъ словомъ , обычаемъ или образомъ , теперь непонятнымъ , онъ останавливается и объясняетъ его современными актами и памятниками . Какъ вся рассказы такого рода , эти описанія живо характеризуютъ эпоху и людей до реформы ; старая Русь какъ будто оживаетъ передъ вашими глазами , и многое непонятное черезъ такое наглядное изученіе дѣлается вдругъ понятнымъ . Мы высоко цѣнимъ статью г. Забѣлина и рекомендуемъ ее прочесть всѣмъ любителямъ русской старины , особенно ревностнымъ ея защитникамъ . Это одно изъ лучшихъ дополненій къ картинѣ , изображенной Кошквичнымъ ,

и впечатлѣніе ея не менѣе тягостно. Церемоніальность, китанизмъ всей этой жизни, приправленный какой-то непонятной зананостию и добродушіемъ, или, правильнѣе, благодушіемъ, проступаютъ въ каждой чертѣ яркими красками. Такъ и чувствуешь, читая ея, что живешь въ то время.

Наконецъ, въ связи же, находимъ статью покойнаго Венелина: *Окружные жители Балтійскаго моря*. Это продолженіе ученаго труда, котораго начало помещено въ 4-ой книжкѣ; но тамъ шла рѣчь объ Лѣттахъ, а здѣсь о Славянахъ. По спокойствію тона, по ловкости и удачности приѣмовъ, это едва ли не одно изъ лучшихъ сочиненій Венелина. Не знаемъ, когда статья написана, но ея зрѣлость, отсутствіе выхонокъ въ пользу Славянъ и противъ Нѣмцевъ, серьезный, ученый взглядъ на вещи, — все заставляетъ думать, что она относится къ числу его послѣднихъ произведеній. Мы видимъ здѣсь Венелина какъ бы почившаго на лаврахъ, достигшаго цѣли, какъ бы уже совершившаго свой подвигъ. Нельзя не сказать здѣсь къ слову, что этотъ замѣчательный человекъ до сихъ поръ не оцененъ еще, какъ должно. Онъ одинъ изъ первыхъ у насъ началъ отыскивать слѣды погибшихъ или переродившихся славянскихъ племенъ и снимать ложный покровъ, которымъ Славяне были заслонены въ исторіи. Правда, многое онъ преувеличилъ, много внесъ парадоксовъ въ исторію; но не забудемъ, что у насъ Венелинъ первый пошелъ по этому пути, со всемъ энтузіазмомъ пылкаго и односторонняго человека. Онъ не принадлежалъ къ теоретикамъ-славянофиламъ, самой бесплодной, безрезультатной отрасли этого направленія, — а къ историкамъ, и оказалъ услугу уже тѣмъ, что поднялъ вопросъ, оживилъ изслѣдованія. Также несправедливо было бы называть его отцомъ теперешняго славянофильскаго направленія, какъ смѣшивать между собою двѣ стороны, которыя въ ней слились въ рядкѣ кѣмъ отъяляются, а однако, вытекаю изъ разныхъ источниковъ: мы разумемъ стороны собственно историческую и философскую. Первая, въ этомъ вѣтъ никакого сомнѣнія, принесетъ свои обильные плоды, когда историческіе славянскіе вопросы будутъ обработаны, какъ слѣдуетъ. Исторія славянскихъ племенъ, какъ можно предвидѣть уже теперь, послужитъ важнымъ дополненіемъ къ европейской исторіи и объяснитъ въ ней многое, что доселѣ мало обращало вниманія европейскихъ историковъ, потому только, что не было преобладающимъ въ жизни европейскихъ народовъ и рано заслонено другимъ. Вторая, теоретическая, или философская сторона славянофильскаго направленія есть эфемерное произведеніе нашего переходнаго времени и пройдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ статьѣ о прибалтійскихъ Славянахъ, Венелинъ географически возстановляетъ древнюю прибалтійскую *Славо-*

нiю, теперь означившуюся, которая простиралась на западъ за Эльбу (Лабу). По некоторымъ замѣткамъ на латинскомъ языкѣ видно, что въ Чтенiяхъ начата черновая рукопись этого сочиненiя, которую авторъ намаренъ былъ еще обработывать. Такъ на стр. 88 сказано: *Adjicienda quaedam de Rugis, Rupis et Ranis*. Странно, какъ подумаешь, что теперь такая статья легко можетъ пройти незамѣченною, или ее прочитаютъ одни диллетанты и знатоки дѣла, а лѣтъ двадцать тому назадъ она возбуждала бы жаркiе толки, сильную полемику, которая отозвалась бы во всей читающей публикѣ. По такимъ только сближенiямъ можно замѣтить, какъ мы быстро движемся впередъ. Вопросы, когда-то первостепенные, теперь утратили это значенiе и сошли со сцены. Они не умерли, но кругъ ихъ стѣснился, уступивъ мѣсто другимъ интересамъ. Теперь настаетъ то время, когда недавнiе еще дѣятели, бывшiе предметомъ ненависти или немаренныхъ похвалъ, будутъ оцѣнены безъ предубѣжденiя и пристрастiя. Между ними, конечно, Венелинъ займетъ не послѣднее мѣсто.

Остальную часть книжки наполняютъ: дополненiе къ статьѣ преосвященнаго Филарета о Кириллѣ и Меодiи. Здѣсь разрѣшается вопросъ, какiя шестдесятъ «уставныхъ книгъ» были переведены Меодiемъ съ греческаго языка на славянскiй. Ученый авторъ статьи доказываетъ, основываясь на Дамаскинѣ, что эти книги были каноническiя, а не апокрифическiя. Далѣе описъ книгъ, поступившихъ въ 1876 году въ патрiархальную ризную казну изъ Воскресенскаго монастыря и Иверскаго подворья. Эта описъ современная и сообщена Обществу членомъ его, г. Ундольскимъ. Въ библиографическомъ отношенiи она, во всякомъ случаѣ, интересна. Видно, что въ библиотекѣ, составленной патрiархомъ Никономъ, были книги греческiя, греко-латинскiя, польскiя и славянскiя, и въ томъ числѣ, кромѣ книгъ духовнаго содержанiя, классики, большею частiю греческiе. Наконецъ, два акта, сообщенные соревнователемъ Общества, г. Борисовымъ изъ Шуя, и извѣстiе объ усыпальницѣ (мѣстѣ погребенiя) рода Собакинныхъ, которые были въ свойствѣ съ Иоанномъ Грознымъ.

К. К—НЪ.

EXHÉDITIOH СИНОКОМѢТРИКЕ, и пр. Хронометрическая экспедиция, повелѣнiемъ Его Величества Императора Николая I, исполненная между Альтоной и Гренвичемъ для опредѣленiя географической долготы центральной русской обсерваторiи. Посвящена Е. В. Королеву Авглiйской Викторiи. С. Петербургъ, 1846 г. Въ типографiи Императорской Академiи Наукъ. Въ листъ.

Если вспомнимъ, что сдѣлали астрономы пулковской обсерваторіи въ короткое время ея существованія, то, безъ сомнѣнія, убѣдимся, что огромныя суммы, употребленныя на устройство самой обсерваторіи и на частныя астрономическія экспедиціи, не потеряны бесполезно. Астрономія съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ новыя драгоценныя матеріалы; молодые астрономы получаютъ въ Пулковѣ полное практическое образованіе; географія вообще и русская въ особенности обогащается *данными*, доведенными до крайняго совершенства. Такимъ образомъ, хронометрическая экспедиція 1843-года соединила пулковскую обсерваторію съ альтоной и утвердила, что между ними разность геогр. долготъ равняется 1 ч. 21 м. 32,521 с. или $20^{\circ} 23' 7,8''$. После этого оставалось соединить пулковскую обсерваторію съ греньвическою, для чего надобно было определить разность долготъ между Альтоной и Греньвичемъ. С. петербургская Академія Наукъ вполне оцѣнила важность и необходимость этого предпріятія и вышла съ представленіемъ къ своему президенту и министру просвѣщенія, графу С. С. Уварову. Его сіятельство нехотѣйствовалъ Высочайшее утвержденіе проекта академіи съ назначеніемъ 5212 рублей серебромъ на необходимыя издержки. Исполненіе этого проекта академія препоручала директору пулковской обсерваторіи, Е. П. Струве. Экспедиція, составленная изъ астрономовъ О. Струве и Деллена, совершила свое дѣйствіе въ продолженіи лѣта 1844 года, и въ книгу, которой полное заглавіе предложено выше, заключается подробное описаніе всѣхъ наблюденій и окончательный изъ нихъ выводъ. Это описаніе на французскомъ языкѣ составлено членомъ экспедиціи Г. О. Струве. Изданіе самой книги великозачинно.

«Хронометрическая экспедиція» раздѣляется на четыре части: 1) введеніе историческое, 2) астрономическія наблюденія, 3) сравненіе хронометровъ и неподвижныхъ часовъ и 4) окончательный выводъ разности геогр. долготъ между Альтоной и Греньвичемъ.

Планъ этихъ дѣйствій экспедиціи, составленный Е. П. Струве, состоялъ въ слѣдующемъ:

1. Экспедиція начнетъ свои дѣйствія въ первой половинѣ мѣсяца іюня, 1844 г.

2. Хронометры будутъ перевозимы на пароходахъ, плавающихъ по два раза въ недѣлю между Гамбургомъ и Лондономъ.

3. Между соединенными пунктами хронометры должны сдѣлать *шестнадцать* путешествій.

4. Число хронометровъ должно быть не менѣе 40.

5. Надзоръ надъ хронометрами во время путешествій долженъ быть препорученъ чловѣку свѣдущему. Онъ обязанъ смотреть за ихъ укладкою и исправно заводить въ опредѣленный часъ дня. Эту

обязанность, требовавшую особенной аккуратности и терпѣнія, исполнял г. Сиверсъ, одинъ изъ астрономовъ альтонской обсерваторіи.

6. Опредѣленіе *абсолютнаго* времени, необходимое для цѣли экспедиціи, должно производиться большими полуденными снарядами на обсерваторіяхъ въ Альтонъ и Гренъвичъ, при чемъ надобно опредѣлить *личныя уравненія* наблюдателей.

7. Наблюденія *относительнаго времени* будутъ произведены двумя русскими астрономами помощью переносныхъ снарядовъ. Астрономы эти должны наблюдать попеременно въ Альтонъ и Гренъвичъ.

8. Также астрономы обязаны сравнивать свои хронометры съ неподвижными часами.

Въ Альтонъ абсолютное время наблюдалъ г. Петерсенъ, а въ Гренъвичъ — г. Гаури (Haug), Эллисъ (Ellis), и другіе. Въ альтонской обсерваторіи снарядъ русскихъ астрономовъ былъ помѣщенъ въ той самой залѣ, въ которой находится полуденный кругъ Рейхенбаха; въ Гренъвичѣ же для такого снаряда стараніями Эйра (Ayr) устроенъ былъ особенный деревянный домикъ со всеми удобствами для наблюденій.

Въ Альтонъ наблюдали: В. Дѣлленъ отъ 6 іюня до 23 іюня,
О. Струве — 1 іюля — 25 іюля,
В. Дѣлленъ отъ 3 авг. — 8 авг.

Въ Гренъвичѣ наблюдо.: О. Струве — 8 іюня — 27 іюня,
В. Дѣлленъ — 28 іюня — 29 іюля,
О. Струве — 31 іюля — 6 авг.

Экспедиція снабжена была 44 хронометрами, изъ которыхъ 7 были работы Кессельса, 8 — Гаута, 1 — Берту, 2 — Брегета, 1 — Пилл (Pihl), 1 — Юргенсена, 1 — Эмери, 1 — Арнольда, 1 — Мустона, 1 — Брѣккинга (Braesking) и 20 — Дента. Переносныя полуденныя трубы, посредствомъ которыхъ наблюдали всегда О. Струве и В. Дѣлленъ, были совершенно одного устройства и однихъ размѣровъ, такъ что ихъ трудно было различить. Подробный чертежъ въ $\frac{1}{8}$ доли противъ настоящей величины одного изъ этихъ снарядовъ приложенъ къ сочиненію г. Струве. Въ продолженіи переездовъ изъ Гамбурга въ Гренъвичъ и обратно, г. Сиверсъ не упустилъ наблюдать в температуры каютъ, въ которыхъ помѣщались хронометры: средняя изъ нихъ не превышала $+ 15^{\circ},4$ реомюра, и по бѣльшой части равнялась $+ 13^{\circ}$.

Вторая и третья части сочиненія г. Струве содержатъ подробныя описанія наблюденій и сравненія хронометровъ; по свойству ихъ предметовъ, изъ нихъ нельзя сдѣлать извлеченія; онѣ любопытны и поучительны для практическихъ астрономовъ, которые, между прочимъ, найдутъ здѣсь чрезвычайно полезный каталогъ *сорока* свѣрвныхъ

звездъ для начала 1840 г., расположенныхъ по ихъ прямымъ восхожденіямъ отъ 35 м. 12,27 с. до 23 ч. 32 м. 50,14 с.

Наконецъ, въ четвертой части предложены выводы изъ наблюденій по каждому хронометру, разсмотрѣніе ихъ достоинства по способу наименьшихъ квадратовъ и конечный результатъ, показывающій, что разность геогр. долготъ между Альтовою и Гренъвичемъ равняется 0 ч. 39 м. 46,151 с. Но какъ Пулковско восточнѣе Альтовы на 1 ч. 21 м. 32,523 с., то пулковская обсерваторія находится къ востоку отъ Гренъвича на

2 ч. 1 м. 18,674 с. = 30° 19' 40,11"

и принявъ, что Гренъвичъ западнѣе Парижа на 9 м. 21,60 с., выведемъ, что восточная долгота пулковской обсерваторіи отъ парижской есть

3 ч. 51 м. 57,07 с. = 27° 59' 16,05".

Д. П.

ТЕРЕЗА ДЮНОЙЕ. *Романъ Евгенія Сю. Переводъ В. М. Строева. Спб. 1847. Четыре части.*

МАТВІЛЬДА, записки молодой женщины. *Сочиненіе Евгенія Сю, автора Парижскихъ Тайнъ и Вѣчнаго Жидка. Переводъ съ французскаго, пересмотрѣнный и исправленный В. Строевымъ. Спб. 1846 – 1847. Тринадцать частей.*

Сынъ Тайны (Le Fils du Diable). *Романъ Поля Феваля. Спб. 1847. Два тома, восемь частей.*

Іезуитъ. *Характеристическая картина изъ (?) первой четверти осмнадцатаго столѣтія. Соч. К. Шпидлера. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе П. И. Мартынова. Спб. 1847. Три части.*

Романъ и повѣсть овладѣли въ наше время литературою, или во все вытѣснивъ, или отгнѣснивъ на задній планъ всѣ другіе ея роды. Можно сказать безъ большого преувѣлченія, что подлѣ литературою въ наше время разумются романъ и повѣсть. Оставя на время въ сторонѣ разницу между романомъ и повѣстью, будемъ то и другое разумѣть подлѣ однимъ первымъ именемъ, такъ какъ повѣсть есть нечто иное, какъ видъ романа. Романъ выходитъ отдѣльно, — и если онъ хоть сколько нибудь хорошъ или дуренъ въ любимомъ вкусѣ времени, — онъ будетъ имѣть успѣхъ, не залежится въ канцелярскихъ лавкахъ, а его авторъ и съ извѣстностію и съ именемъ. Журналъ просто не можетъ существовать безъ романа. И добро бы еще журналъ въ нашемъ русскомъ смыслѣ, т. е. тѣмъ, что въ Европѣ называется «обозрѣніемъ» (revue); нѣтъ настоящій журналъ, тѣмъ, что у насъ называется газетою, уже не можетъ поддерживаться только од-

ною политикою, которая всѣхъ такъ интересуесть и волнуетъ, къ которой всѣ такъ ненасытимо жадны. Въ фельетонахъ этихъ журналовъ печатаются длинныя романы, и терпѣливые читатели, въ продолженіи года, а иногда и слишкомъ, довольствуются двумя или много тремя главами въ недѣлю «интереснаго» романа, и каждый изъ нихъ пуще всего боится умереть прежде, нежели успѣетъ прочесть его послѣднюю заключительную главу, для пущей важности обыкновенно называемую «эпилогомъ»... Но вотъ и эпилогъ прочтенъ — глядь, въ слѣдующемъ, а иногда и въ томъ же листкѣ начало новаго романа — и опять трепещетъ за свою жизнь бѣдный читатель въ продолженіи года, вплоть до вождеденнаго эпилога.... Журналы набили страшныя цѣны на романы, и теперь иной бездарный писакъ, въ родѣ г. Поля Февала, напримѣръ, получаетъ, можетъ быть, тѣ же суммы, которые, назадъ тому лѣтъ тридцать казались баснословно-огромными, когда дѣло шло о романахъ отца и творца новѣйшаго романа, великаго и гениальнаго Вальтера-Скотта.... Не только люди съ замѣчательнымъ дарованіемъ, какъ Еженъ Сю, или съ какимъ нибудь дарованіемъ, какъ Александръ Дюма, даже люди вовсе безъ дарованія, какъ уже упомянутый нами Поль Феваль, продаютъ по контрактамъ свое вдохновеніе, или свой задоръ, свой талантъ, или свою бездарность, словомъ, свою дѣятельность на столько-то лѣтъ такому-то журналу. О деньгахъ тутъ спору нѣтъ: онѣ считаются тутъ десятками тысячъ и восходятъ до сотенъ тысячъ — только пишете, пишете какъ можно больше, пишете день и ночь, пишете за двохъ, за трохъ, а не станетъ васъ на это одного, наймите себѣ сотрудниковъ, устройте фабрику.... Что деньги — деньги вздоръ, дѣло — романъ, за романъ мы не пожалѣемъ денегъ и будемъ подписываться на журналы, лишь бы въ ихъ фельетонахъ тянулись безконечныя романы....

Что же за чародѣй этотъ романъ? Въ чемъ заключается причина его владычества надъ грамотными массами? О чемъ онъ имъ говорить, чему ихъ учить, чѣмъ прельщать?

Романъ порожденъ рыцарскими временами, какъ и романсъ. Романское нарѣчіе, образовавшееся на югѣ Франціи, дало ему имя. Содержаніе его составляли рыцарскіе подвиги; тутъ, разумеется, важную роль играли красавицы и волшебники. Между дѣйствительнымъ и мечтательнымъ міромъ не проводилось никакой черты, и чѣмъ нелѣзнее былъ рассказъ, тѣмъ казался онъ вѣроятнѣе. Отъ такихъ-то романовъ помышлялся благородный ламанчскій дворянинъ, обезсмертившій себя, благодаря несравненному генію Сервантеса, подъ именемъ донъ Кихота. Потомъ наступилъ вѣкъ сантиментально-аллегорическихъ романовъ, изъ которыхъ особенно былъ знаменитъ Ро-

манъ Розы. Впрочемъ, полное торжество романа настало только въ XVIII вѣкѣ, не въ томъ смыслѣ, чтобы въ это время онъ получалъ определенное и настоящее значеніе, а въ томъ, что онъ сдѣлался любимымъ родомъ словесности преимущественно передъ всеми другими ея родами. Но еще гораздо прежде XVIII вѣка явилось нѣсколько замѣчательныхъ твореній въ этомъ родѣ. Гениальный Рабле — этотъ Вольтеръ XVI вѣка, обладалъ сатиру въ форму чудовищно-безобразныхъ романовъ; и въ томъ же вѣкѣ, великій Сервантесъ написалъ своего безсмертнаго донъ Кихота, въ которомъ сатира явилась въ формѣ высоко художественнаго романа. Въ XVII вѣкѣ, Скарронъ попытался на изображеніе дѣйствительности, какъ понималъ ее веселый и циническій умъ его, въ своемъ *Roman Comique* (*), который навсегда останется замѣчательнымъ произведеніемъ, какимъ по справедливости доселѣ считался.

Въ XVIII вѣкѣ романъ не получалъ никакаго определеннаго значенія. Каждый писатель понималъ его по своему. Ричардсонъ и Фильдингъ дѣлали изъ него картины частной семейной жизни, съ цѣлью установить для нея неизмѣняемыя моральныя правила, и потому онъ у нихъ былъ длиневъ, растянутъ, чопоренъ, поучителенъ и сухъ. Добрый немецъ, Августъ Лафонтенъ, плѣнилъ въ романѣ чувствительныя души приторно-сладенькими ищанскими картинами семейнаго счастья, въ немецкомъ вкусѣ. Французъ Дюкре-Дюминиль (*Ducray Dumilil*) (**) рассказывалъ въ романѣ о дѣтяхъ, которыхъ рожденіе покрыто тайною, но которыхъ потомъ благополучно находятъ своихъ «дражайшихъ родителей», папеньку и маменьку, и дѣлаются богатыми и счастливыми. Англчанка Анна Радклявъ, или Радклейфъ (*Radcliffe*) пугала въ романѣ воображеніе своихъ читателей явленіями мертвецовъ и призраковъ, которыхъ потомъ очень естественно объяснялись тайными ходами и дверями въ замкахъ. Англичанинъ Левисъ (*Lewis*) угощалъ въ романѣ пылкое воображеніе своихъ читателей таинственными лицами, въ родѣ выходцевъ съ того свѣта (**). Немецъ Шписъ сдѣлалъ изъ романа мистически-фантастически-аллегорическій рассказъ съ нравственною цѣлью. Многочисленное племя романовъ подѣ фирмою: «автора Ринальдо-Ринальдини», досыта кормило публику удалыми и иногда великодушными

(*) Знаменитый романъ Скаррона былъ переведенъ на русскій языкъ въ 1801 году, подъ полѣвыми заглавіемъ: «Сильныя повѣсти забавнаго Скаррона, съ описаніемъ его жизни и всѣхъ сочиненій», въ 4-хъ частяхъ.

(**) Впрочемъ, Дюкре-Дюминиль принадлежитъ, по времени, и къ настоящему столѣтію: онъ родился въ 1761, а умеръ въ 1819 году.

(***) Левисъ родился въ 1773, а умеръ въ 1818; знаменитый романъ его *Монахъ* вышелъ въ 1795 году.

разбойниками. Г-жи Жанлисъ (Genlis) и Коттенъ (Cottin) прославились сантиментально-моральными романами; но у первой на главномъ планѣ была мораль и — ея неизбежная спутница — скука (¹). Не распространялась ни объ авторѣ «Таинственной Урны», ни о романахъ Коцебу, и не упоминая о прочихъ, менѣе важныхъ романистахъ и романахъ прошлаго вѣка, — скажемъ, что вся изчисленные нами романическія школы и издѣлія, несмотря на всю ихъ разнѣцѣ, совершенно сходны въ одномъ: вся оны изображали дѣйствительность, жизнь и людей въ искаженномъ видѣ, такъ, чтобы начитавшійся ихъ в по-взрившій имъ молодой человекъ, вступя въ дѣйствительную жизнь, съ ужасомъ увидѣлъ наконецъ, что она діаметрально-противоположна тому понятію о ней, которое извлекъ онъ изъ своихъ любезныхъ романовъ. Это были сказки, тѣшившія воображеніе и фантазію и добросовѣстно обманывавшія юный и неопытный умъ. Однакожъ, были и пріятныя исключенія изъ общности этого явленія. Французъ Лесажъ (Lesage), авторъ *Хромоногаго быка* и *Жиль-Блаза*, именно тѣмъ и останется навсегда знаменитъ, что, при замѣчательномъ, хотя и не самобытномъ талантѣ (ибо большею частію заимствовалъ у Испанцевъ), онъ изображалъ жизнь и людей такими, каковы она есть на самомъ дѣлѣ, а не такими, какими бы имъ следовало (по личному мнѣнію автора) быть (²). Къ одной категоріи принадлежатъ Французъ Пигго-Лебрень (Pigault-Lebrun) (³) и Нѣмецъ Крамеръ (Gottlob Cramer): оба они съ манерою изображать дѣйствительность, отчасти циничскою и преувеличенною въ наше время Поль-де-Кокомъ, соединяли иронію отрицанія, чего вовсе нѣтъ у послѣдняго. Гораздо замѣчательнѣе ихъ и со стороны таланта и со стороны ироніи отрицанія, два Англичанина — Свифтъ (Swift), авторъ *Гувеллирова Путешествія*, и Стернъ (Sterne), авторъ *Тристрама Шанди* (⁴). Нужно ли упоминать, что два вождя вѣка — Вольтеръ и Руссо, пользовались формою романа, одинъ для выраженія своихъ идей отрицанія, другой для выраженія своихъ восторженныхъ идей о любви (*Новая Элоиза*) и о воспитаніи (*Эмилъ*)? Но нельзя не упомянуть о романѣ, который написалъ обыкновеннымъ человекомъ, но которому, по его поэтиче-

(¹) Stéphanie-Félicité Dugrest de St.-Aubin, comtesse de Genlis боролась, въ своихъ романахъ, съ энциклопедистами, называя себя *литераторомъ* (homme de lettres) и *губернаторомъ* (gouverneur) дѣтей герцога Орлеанскаго. Родилась въ 1746, умерла въ 1830 году. Это была замѣчательнѣйшій и забавнѣйшій смѣтъ чужака прошлаго вѣка. Она оставила болѣе *восемьдесятки* сочиненій.

(²) Лесажъ родился въ 1668, умеръ въ 1747 году. *Жиль-Блазъ* показанъ въ свѣтъ между 1715—1736 годовъ.

(³) Родился въ 1753, умеръ въ 1835 году.

(⁴) Свифтъ родился въ 1667, умеръ въ 1745 году; Стернъ родился въ 1713, умеръ въ 1768 году.

ской и психологической яркости, суждено бессмертіе: мы говоримъ объ «Histoire du chevalier Desgrieux et de Manon Lescant» аббата Прево (Prevost d'Exiles). (*)

Во всѣхъ лучшихъ романахъ прежняго времени видно стремленіе быть картиною общества, представляя анализъ его основаній. Но это было только стремленіемъ; XIX вѣку, въ лицѣ Вальтера Скотта, предоставлено было навсегда утвердить истинное значеніе романа. Въ эпоху величайшаго торжества своего, великій шотландскій романистъ былъ, разумеется, не понятъ. Вся думали, что вся тайна чрезвычайнаго ихъ успѣха заключается въ исторической яркости нравовъ и костюмовъ, — тогда какъ все дѣло заключалось прежде всего въ яркости дѣйствительности, въ живомъ и правдоподобномъ изображеніи лицъ, умѣніи все основать на игрѣ страстей, интересовъ и взаимныхъ отношеній характеровъ. Доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія можетъ служить то, что, напр., *Сен-Ронанскія воды* и *Ламмермурская Неявста*, не будучи ни сколько историческими, тѣмъ не менѣе принадлежать къ лучшимъ романамъ Вальтера Скотта. Не появивши этого, явилась толпа подражателей во всѣхъ европейскихъ литературахъ, и историческіе романы свирѣлымъ потокомъ низвергнулись на литературы всей Европы и затопили ихъ. Вальтеръ-Скоттовъ развелось вездѣ столько, что дѣвать было некуда. Но въ сущности не они, не эти Вальтеры-Скотты, воспользовались новымъ широкимъ путемъ, проложеннымъ въ искусствѣ настоящимъ Вальтеромъ-Скоттомъ. Только геній понимаетъ генія и пользуется правомъ преемственности отъ него продолженія великаго дѣла, потому-что только геній умѣетъ отличить въ дѣлѣ идею отъ формы. Между романами Купера и Вальтера-Скотта столько же сходства, сколько между старою, историческою гражданственностію Англіи и юною, лишенною почвы преданій, еще не установившеюся цивилизаціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, сколько между блѣдною природою тѣснаго пространства, занимаемаго Великобританіею, и богатою природою неизходныхъ дѣвственныхъ пустынь сѣверной Америки. А между тѣмъ, нисколько не подражая Вальтеру-Скотту, Куперъ больше и лучше его жалкихъ подражателей воспользовался открытою имъ новою великою дорогою въ искусствѣ. Въ исторіи искусства и литературы также все преемственно, какъ и въ исторіи человечества, и никакъ нельзя сказать, чтобы Жоржъ Сандъ не былъ столько же обязанъ генію Вальтера-Скотта и Купера, сколько этотъ послѣдній первому, а между тѣмъ, чтó же есть общаго между романами Жоржа Санда и романами Вальтера-Скотта и Купера?...

(*) Родился въ 1697, умеръ въ 1763 году. Знаменитый романъ его появился въ 1733 году.

Жорж Сандъ есть, безъ сомнѣнiя, первый поэтъ и первый романистъ нашего времени. За его романами, не безъ основанiя, утверждено названiе «соціальныхъ», какъ за романами Вальтера-Скотта было съ меньшимъ основанiемъ утверждено названiе «историческихъ». Не нужно особенно пристально вглядываться вообще въ романы нашего времени, сколько-нибудь запечатленные истиннымъ художественнымъ достоинствомъ, чтобы увидать, что ихъ характеръ по преимуществу соціальный. Довольно указать на романы Англичанина Диккенса, обладающаго талантомъ высшаго разряда; а у насъ, въ Россiи, на произведенiя автора «Мертвыхъ Душъ», давшаго живое общественное и глубоко-національное направленiе новой литературы своего отечества... Содержанiе романа — художественный анализъ современнаго общества, раскрытiе тѣхъ невидимыхъ основъ его, которые отъ него же самого скрыты привычкою и бессознательностью. Задача современнаго романа — воспроизведенiе действительности во всей ея нагой истинѣ. И потому очень естественно, что романъ завладалъ, исключительно передъ всеми другими родами литературы, всеобщимъ вниманiемъ: въ немъ общество видитъ свое зеркало и, черезъ него, знакомится съ самимъ собою, совершаетъ великiй актъ самосознанiя.

«Какъ! — скажутъ намъ, можетъ быть: — и эти рассказы о необычныхъ и невозможныхъ князьяхъ Рудольфахъ, рыцарствующихъ въ кабакахъ и убивающихъ нищеты и воровства, о вѣчномъ жидѣ и дражайшей половинѣ его Иродiанѣ, обнимающихся черезъ Бернаговъ проливъ, о бѣдномъ морякѣ, который превращается какимъ-то чудомъ въ графа Монте-Кристо, обладающаго биллионами, всѣ эти «тайны» — лондонскiя, берлинскiя, брусельскiя, всѣ эти дѣти тайны или чорта, — неужели все это не вздорныя сказки, а глубокий анализъ, яркая картина современнаго общества?»

Мы охотно признали бы справедливость подобнаго возраженiя, если бы оно намъ было сделано; скажемъ болѣе: этотъ-то вопросъ и составляетъ предметъ нашей статьи. Но прежде, нежели мы къ нему обратимся, намъ нужно воротиться немного назадъ.

Еще прежде, нежели романы Вальтера-Скотта получили всеобщую извѣстность и классическiй авторитетъ, романъ въ XIX вѣкѣ началъ уже измѣняться въ духѣ и направленiи и стремиться къ болѣе серьезному значенiю. Революцiя измѣнила нравы Европы, сантиментальность прошлаго вѣка стала стѣновиться смѣшною, а легкая каламбурная иронiя и насмѣшливость уступать мѣсто то сарказму и юмору, то необузданному довѣрiю къ фантастическимъ идеямъ. Переходная эпоха, не понимая себя и не находя въ себѣ самой никакой прочной опоры, бросилась искать спасенiя въ среднихъ вѣкахъ. Частаго,

наивнаго взрванія , свойственнаго въкамъ младенческаго состоянія чловѣчества, не было и не могло быть въ цивилизаціи, обладавшей знаніемъ и прошедшей черезъ радикальное отрицаніе XVIII столѣтія. Это отразилось и на романъ. Онъ не хотѣлъ больше быть сказкою для забавы празднаго воображенія; напротивъ, обнаружилъ притязаніе на рѣшеніе высшихъ вопросовъ мистической стороны жизни. И вотъ въ то время, когда Дюкре-Дюминвилъ и г-жа Жанлисъ досказывали еще свои запоздалыя сказки, Ирландецъ Матюрень (*) изумилъ всѣхъ, въ своемъ *Мельмотъ-Скиталецъ*, необузданностію дикой фантазіи, которая, при лучшемъ направленіи, могла бы произвести что нибудь озаменованное истиннымъ талантомъ. Въ Германіи гениальный безумецъ Гофманъ возвысилъ до поэзіи болѣзненное разстройство нервъ. Обладая удивительнымъ юморомъ, при огромномъ талантѣ изображать дѣйствительность во всей ея истинности и казнить ядовитымъ сарказмомъ филистерство и гофратство своихъ соотечественниковъ, — онъ въ то же время, какъ истинный Нѣмецъ, прѣзракамъ своего разстроеннаго воображенія, которыхъ искренно пугался и боялся и надъ которыми тоже искренно смѣялся, и фантастическимъ неаппетитамъ привнесъ въ жертву и свой несравненный талантъ и безсмертіе имени своего въ потомствѣ... Артистъ по натурѣ, поэтъ, живописецъ и музыкантъ, одаренный въ высшей степени художественнымъ смысломъ, — какъ только познакомился онъ съ романами Вальтера-Скотта, тотчасъ понялъ и то, что это истинныя произведенія творчества, и то, что его собственные романы — незаконнорожденные дѣти искусства. Тогда написалъ онъ лучшую свою повѣсть, такъ громко свидѣтельствующую объ огромности его таланта — *Мастеръ Иоганесъ Вахтъ*, въ которой уже не было ничего фантастическаго. Казалось, онъ рѣшился идти новою дорогою; но было уже поздно: вскорѣ послѣ того, онъ умеръ, истощенный безпорядочнымъ образомъ жизни (*). Жанъ Поль Рихтеръ, въ *Титанъ* и *Леваніи*, съ замѣчательнымъ талантомъ выражалъ свои раздуто-идеальныя, натянуто-превыспренныя идеи о значеніи чловѣка и жизни его. Къ этой же категоріи должно отнести Тяка, романтика по убѣжденію и довольно посредственнаго писателя, который, впрочемъ, писалъ во всѣхъ родахъ. Его *Витторіа Аккарамбони*, есть попытка написать романъ уже въ духѣ нашего времени.

Еще въ концѣ прошлаго вѣка, Гёте издалъ своего *Вертера* (**)

(*) Родился въ 1782, умеръ въ 1824 году.

(*) Гофманъ родился въ 1776, умеръ въ 1812 году.

(**) Шиллеръ тоже написалъ романъ: *Духовидецъ*, въ которомъ всѣ чудеса произволятся впрочемъ очень естественно, посредствомъ обмана, жертвою кото-

(1774) — этого родоначальника слабыхъ, болѣзненныхъ натуръ, которыми всегда такъ обильны переходныя эпохи. *Вильгельмъ Мейстеръ*, по своему дидактическому характеру, принадлежитъ къ типу *Эммы Руссо*; но въ *Вертерѣ* Гёте какъ будто опередилъ время и разгадалъ болѣзнь будущаго вѣка. Поэтому его романъ имѣлъ на нашъ вѣкъ огромное вліяніе, — и *Вертеръ* явился потомъ въ *Рене* Шатобриана, въ *Оберманъ* Семанкура и отразился въ безчисленномъ множествѣ другихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ или незамѣчательныхъ произведеній. Шатобрианъ не довольствовался *Аталою* и *Рене*: онъ изъ *Мучениковъ* сдѣлалъ романъ, довольно надутый и риторическій; но онъ былъ въ духѣ реакціи прошлому вѣку, и потому привелъ въ восторгъ возвратившуюся во Францію эмиграцію, которая горькимъ опытомъ дознала, что для нея выгоднѣе мистическій піэтизмъ, нежели вольтеріанское кощунство, недавно столь любимое ею... Надутый Дарлянкуръ, въ своихъ нелѣпыхъ романахъ, довелъ до каррикатуры это романтико-піэтистическое направленіе.

По мѣрѣ ознакомленія Франція съ европейскими литературами, которыхъ она прежде съ гордымъ невѣжествомъ не хотѣла знать, ея собственная литература подверглась вліянію всѣхъ другихъ литературъ, преимущественно англійской, и отчасти даже нѣмецкой. Въ романѣ особенно отразилось двойственное вліяніе Вальтера-Скотта и Байрона. Тогда-то возникла такъ называемая «ненстоящая школа», любившая изображать адъ душевныхъ и физическихъ страданій человека. Вся страсти, вся злодѣйства, варварства, пороки, пытки, муки — были пущено въ дѣло. Демоническія натуры à la Вугон дюжанами рисовались въ качествѣ героевъ новыхъ произведеній. Это было ложно и натянуто, потому-что эти страшные байроны въ сущности были предобрые и даже веселые ребята; но все это было не безъ смысла, не безъ таланта, не безъ достоинства, хотя и временного только. Французы всегда умѣютъ остаться Французами, подъ чѣмъ бы и подъ сколькими бы вліяніями ни находились они. И потому эти «разочарованные» романы никогда не брались ни за отвлеченныя, ни за фантастическія идеи, но всегда имѣли въ виду общество, и если, съ одной стороны, страшно лгали на него, то, съ другой, иногда и говорили правду, а главное — подымали важные общественные вопросы, — больше всѣхъ вопросъ о пауперизмѣ. Наконецъ, явился Жоржъ Сандъ, — и романъ окончательно сдѣлался общественнымъ, или социальнымъ.

Какое бы ни было направленіе французскихъ романистовъ — Бальзака, Гюго, Жанена, Сю, Дюма и пр., въ первую эпоху ихъ дѣяго дѣлается не читатель, а герой романа. Романъ этотъ недостойнъ имени своего автора.

ятельности, — оно имело свои хорошія стороны, потому-что происходило отъ болѣе или менѣе искреннихъ личныхъ убѣжденій и невольно выражало духъ времени. Вся эти романисты писали съ французскою живостию и быстротою, но, однакожъ, не на заказъ. Въ нихъ сочиненіяхъ видно было уваженіе и къ литературѣ, и къ публикѣ, и къ самимъ себѣ, потому-что видны были слѣды мысли, соображенія, литературной отдалки. И вдругъ все это измѣнилось: потянулись романы одинъ другого длиннѣе, безобразнѣе, нелѣпѣе. Если въ прежнихъ романахъ частенько нарушалось правдоподобіе, это происходило отъ ложности убѣжденія, которое все-таки было искренно и наввно. Но теперь не то: теперь авторъ сознательно искажаетъ истину, лжетъ съ умысломъ, придумываетъ нелѣпости съ намѣреніемъ. Ему лишь бы эффектъ былъ, а каковъ этотъ эффектъ — не его дѣло: онъ обращается съ своими читателями, какъ съ школьниками, какъ Далай-Лама съ своими поклонниками, морочить ихъ, какъ фокусникъ, выдающій себя за колдуна передъ толпою деревенскихъ простаковъ. За примѣрами ходить не далеко; они у всѣхъ въ свѣжей памяти. Но прежде надобно условиться въ значеніи романа, какъ поэтическаго произведенія. Романъ, какъ всякое художественное произведеніе, есть воспроизведеніе явленій действительнаго міра во всей ихъ истинѣ. Истина также есть предметъ и цѣль искусства, какъ и философіи; вся разница въ средствахъ и пріемахъ. Иначе чѣмъ бы искусство было выше игры въ карты? Нѣтъ, оно было бы ниже всякаго ремесла, потому-что ремесло полезно. Но если бы романъ былъ и просто только сказкою для развлеченія отъ скуки, и тогда люди съ умомъ въ правѣ были бы требовать отъ него, чтобъ онъ, и въ качествѣ сказки, удовлетворялъ ихъ какъ людей съ умомъ, а не какъ глупцовъ. А что же можетъ быть умаго въ невозможномъ? А развѣ возможны эти богатства частныхъ людей, превосходящія годовой бюджетъ богатѣйшаго изъ европейскихъ государствъ? Но вотъ примѣръ самый свѣжій. Въ послѣднемъ и остановившемся, кажется, надолго, къ крайнему огорченію его читателей и почитателей, романъ своемъ *Записки Врача*, г. Александръ Дюма показалъ такой неслыханный опытъ безстыднаго неуваженія къ здравому смыслу публики, который долженъ привести въ отчаяніе всѣхъ другихъ сказочниковъ. Известно, что въ XVIII вѣкѣ былъ шарлатанъ, который вылавалъ себя за графа де Сен-Жермена и умѣлъ вгереться ко двору Лудовика XV. Этотъ шарлатанъ, какъ догадываются, принадлежалъ къ шайкѣ герметистовъ (обладающихъ алхимическою тайною дѣлать золото), которой главою былъ известный авантюристъ Казанова; онъ разглашалъ о себѣ, что умѣетъ дѣлать золото и что онъ жилъ во вся вѣка и помнитъ, какъ своихъ современниковъ, Сократа, Платона, Александра Македонскаго. Юлія Цезаря,

не говоря уже о замѣчательныхъ лицахъ отъ Карла Великаго до XVIII вѣка включительно. Есть преданіе, будто, за веселымъ ужиномъ, онъ предрекъ своимъ собесѣдникамъ ужасы революціи, и когда они показали недоувѣрчивость къ его пророчеству, онъ пригласилъ ихъ помотать другъ на друга, — и они съ ужасомъ увидѣли себя обезглавленными, кромѣ одного, который впоследствии действительно успѣлъ увернуться отъ гильотины. Разумѣется, это преданіе одного сорта съ преданіемъ о Вѣчномъ Жидѣ и сочинено заднимъ числомъ. Но г. Александру Дюма того и нужно. Онъ вспомнилъ кстати о другомъ знаменитомъ шарлатанѣ XVIII вѣка, фокусникѣ, интриганѣ, пройдохѣ и мошенникѣ Калліостро, — и изъ этихъ двухъ, совершенно различныхъ лицъ сдѣлалъ одно, предоставивъ ему лестную честь играть роль героя своего новаго романа. Этотъ герой ѣдетъ въ Парижъ, верхомъ на арабскомъ жеребцѣ, сопровождаемая карету, которая похожа на домъ и состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ устроена химическая лабораторія, а въ ней столѣтній старикъ, что-то въ родѣ Индѣйца или Тибетца, занимается, дорогою, отыскиваніемъ жизненнаго элексира, дающаго человѣку безсмертіе; другое отдѣленіе какъ во всѣхъ каретахъ — въ немъ сидитъ прекрасная дѣвушка. Когда герою г. Александра Дюма нужно узнать или будущее, или что-нибудь такое, чего, за отдаленностію нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ миль, онъ не можетъ видѣть и знать, — тогда онъ однимъ взглядомъ и размеренными движеніями рукъ приводитъ въ сомнамбулизмъ первую попавшуюся ему молоденькую и хорошенькую дѣвучку и повелительно дѣлаетъ ей нужные ему вопросы, а она, трепеща и страдая тѣломъ и душою, покорно отвѣчаетъ ему... Такимъ образомъ, посредствомъ магнетическаго вліянія, онъ влѣбиль въ себя красавицу, обреченную монастырю и уже постриженную, и увелъ ее изъ монастыря сквозь стѣны, запертыя на замки ворота, мимо караульныхъ.... Ему все возможно — на то онъ и герой.... Въ это время ѣхала изъ Вены въ Парижъ австрійская эрцъ-герцогиня, Марія Антуанета, къ своему жениху, будущему королю Франціи, Лудовику XVI. На дорогѣ вздумалось ей захватить къ одному раззорившемуся маркизу (т. е. г. Александру Дюма вздумалось вложить ей это желаніе). Маркизь ничего не предчувствуетъ, но герой романа, остановившись на ночь въ его развалившемся замкѣ, предсказываетъ ему это. Приѣхала принцесса — принять ее негдѣ, угостить нечѣмъ. Но для нашего героя это не затрудненіе, а пустяки: махнулъ рукою — и на дворъ, подъ липами, явилась великолюпная палатка, а въ ней — великолюпно сервированный столъ съ чуднымъ завтракомъ: бѣлье тоньше паутины, бѣлье снагу, золото, серебро, фарфоръ, хрусталь.... Герой ловко набивается на честь быть представленнымъ, въ

качества колдуна, принцесса. Чтобы убедиться въ его чародействѣ, она требуетъ, чтобы онъ предсказалъ ей ея будущую участь. Поломавшись, онъ согласился; всѣ вышли изъ палатки; колдунъ сталъ смотреть въ графинъ съ какою-то жидкостію и показывать его принцессѣ: г. Александръ Дюма во открылъ своимъ читателямъ, что увидѣла тамъ принцесса, но когда, услышавъ крикъ ея, свѣта вбѣжала въ палатку, принцесса лежала на полу безъ чувствъ, а колдунъ и слѣдъ простылъ, словно сквозь землю провалился.... Понятно, что онъ предрекъ ей событія 93 года, столь плачевныя для королевской фамиліи. Известно достоверно, что Маріи Антуанетъ никто подобнаго предсказанія не дѣлалъ; но если г. Александръ Дюма давно уже отрекся начисто отъ здраваго смысла, какъ унижительной для гегія прелесть, то что ему послѣ этого исторія — къ чорту ее!... Приѣхавъ въ Парижъ, онъ, посредствомъ магнетизированія своей красавицы (которая-было улепетнула отъ него, но которую онъ опять съумѣлъ вырвать изъ монастыря, гдѣ настоятельницею была дочь Лудовика XV), онъ узнаетъ все, что дѣлается въ Парижѣ, и словно кашу, варить въ химической кострюлѣ кусокъ золота для кардина Рогана, въ его присутствіи, — кусокъ цѣною въ триста тысячъ франковъ.... Дальнѣйшихъ фокусъ-покусовъ интереснаго героя мы не знаемъ, за тѣмъ, что романъ остановился, какъ по причинѣ путешествія автора въ Испанію, а оттуда, на казенномъ пароходѣ, въ Алжиръ, такъ и по причинѣ процесса, въ который вступался великій господинъ Александръ Дюма, за одну изъ тѣхъ продѣлокъ на манеръ Баллиостро, которыя отъ однихъ удостоиваются названія «гегіальныхъ», а отъ другихъ.... какъ бы это сказать повѣжливѣе?... ну хоть — «безчестныхъ»... О, великій господинъ Александръ Дюма, о, достойный герой, о, любимое балованное дитя нашего вѣка! — Что-то еще наплетешь и напутаешь ты намъ въ своемъ романѣ, когда, влохнонленный штрафами, которые принужденъ будешь заплатить по приговору суда, или чего, вѣроятно, съ тобою не будетъ — воспользовавшись уединеніемъ тюрьмы (который бы ты, право, стоялъ!), — примешься ты вновь продолжать интересныя похождения своего интереснаго и достойнаго галера героя?...

И вотъ *такіе-то* романы теперь всѣми читаются съ жадностью, увеличиваютъ собою число подписчиковъ на дозвѣтческіе журналы, доставляютъ своимъ производителямъ огромныя деньги; потомъ отпечатываются отдѣльно и по всей Европѣ расходятся въ всемогущемъ числѣ экземпляровъ, и, накопецъ, даютъ пищу и поддерживаютъ въ переводахъ даже нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ, и опять отдѣльно печатаемые, расходятся въ большомъ числѣ экземпляровъ!

Что это такое? Или снова настала вѣкъ Анны Радклифъ и автора

Ринальдо Ринальдини съ братією? Или, и въ самомъ дѣлѣ, нашъ дряхлый вѣкъ впалъ въ умственное младенчество и не можетъ иначе вздремнуть послѣ сытнаго объѣда, какъ подъ однообразный лепетъ старой няни, рассказывающей ему разныя небылицы?... Или, и въ самомъ дѣлѣ, правъ негодующій поэтъ, который сказалъ, что —

Насъ тѣшутъ блески и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны?...

Не спашите обвинять нашъ вѣкъ — ему и такъ больно достается со всѣхъ сторонъ, и его только бранятъ, а никто не похвалитъ. .. А между-тѣмъ, право, его есть за что и похвалить. Правда, онъ вовсе не рыцарь, не думаетъ нисколько ни о добродѣтели, ни о морали, ни о чести, и весь погруженъ въ *пріобрѣтеніе*, или, какъ у насъ ловко выражаются, въ «благопріобрѣтеніе»: правда, онъ торгашъ, алтынникъ, спекулянтъ; разжившійся всѣми неправдами, откупщикъ; но онъ очень уменъ и, что намъ больше всего нравится въ немъ, очень въреть самому себѣ, логически послѣдователенъ.... Онъ, видите ли, лучше своихъ предшественниковъ смекнулъ, на чемъ стоять и чѣмъ держится общество, и ухватился за принципъ собственности, впился въ него и душою и тѣломъ, и развиваетъ его до послѣднихъ крайностей, каковы бы онъ ни были.... Воля ваша, а тутъ нельзя не видѣть своего рода героизма логической послѣдовательности... И какъ ловко взялся онъ за это: изъ старой морали и изъ всего, чѣмъ думало держаться прежнее общество, онъ удержалъ только то, что пригодно ему, какъ полицейская мѣра, облегчающая средства къ «благопріобрѣтенію» и обеспечивающая спокойное обладаніе его сочными плодами... Чудный вѣкъ! нельзя довольно нахвалиться имъ! Его открытіе важнѣе открытія Америки и изобрѣтенія пороха и книгопечатанія, потому-что открытая имъ великая тайна теперь — уже не тайна не для однихъ капиталистовъ, антрепренёровъ и подрадчиковъ, словомъ, «пріобрѣтателей», живущихъ чужими трудами, — но и для тѣхъ, которые для нихъ трудятся... и эти ужъ знаютъ, на чемъ міръ стоитъ, т. е. и они хотятъ читать романы....

И дѣйствительно, кто читаетъ эти романы? Въ старину чернь называлась у насъ «подлымъ нароломъ»; благодаря образованности и просвѣщенію, это подлое названіе давно уже истребилось, а слово чернь удержалось. Но чернь есть вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества; Пушкинъ указалъ намъ даже на свѣтскую чернь.... Вездѣ есть эти обыкновенныя, дюжинныя натуры, которымъ физическая пища нужна самая дѣлкатая, утонченная, а нравственная — самая грубая, без-

жусныя издѣлія харчевенныхъ поваровъ въ родѣ г. Александра Дюма съ братією. Вы думаете, много читателей во Франціи у Жоржа Санда? Вероятно, гораздо меньше, нежели сколько ихъ есть у него въ сложности въ другихъ странахъ Европы и въ Америкѣ. И Жоржу Санду журналисты платятъ большія деньги за печатаніе его романовъ въ фельетонѣ, но это больше для громкаго имени, и потому (мы знаемъ это изъ достовѣрныхъ источниковъ) сильно пожимаются и наверстываютъ свою потерю продажей отдѣльно напечатаннаго того же романа. Вотъ другой примѣръ. Лучшій послѣ Жоржа Санда романистъ во Франціи — Шарль Бернаръ. Это человекъ не гефіаловый, но съ замѣчательнымъ талантомъ, истинный поэтъ, а не эффектный сказочникъ. Легитимистъ по своимъ убѣжденіямъ, онъ этимъ иногда вредитъ себѣ, какъ поэту, но поэтической истинности въ немъ такъ крѣпокъ, что отъ него часто достается своимъ и нерѣдко выставляется онъ въ лучшемъ свѣтѣ чужихъ. Какъ всегда просты и естественны завязка, ходъ, развитіе и развязка его романовъ! Какъ хорошо выдержаны характеры, какъ вѣрно изображается современное французское общество! Вспомнимъ хоть послѣдній романъ его: *Деревенскій Дворянинъ*: въ немъ разсказаны происшествія двухъ или трехъ дней, до того простые, естественныя, обыкновенныя, что мудро было бы пересказать ихъ на словахъ, а между тѣмъ, зачитавши этотъ романъ, нельзя отъ него оторваться, не кончивши его.... Вотъ это талантъ! Но пользуется ли онъ хотя десятою долею извѣстности, какою пользуются, напр., г. Александръ Дюма и подобные ему? Кто знаетъ его, напримѣръ, у насъ? А между тѣмъ, всѣ его романы постоянно переводились въ *Отеч. Запискахъ* — журналѣ, который, какъ извѣстно, давно уже пользуется большимъ расходомъ.

Если грубыя и безвкусныя издѣлія въ родѣ *Записокъ Врача* находятъ себѣ читателей, почитателей и восторженныхъ обожателей въ образованныхъ классахъ общества, сколько же должны находить онѣ ихъ въ полуобразованныхъ и высшихъ классахъ? И дѣйствительно, романы Сю, Дюма, Сулье и т. п. съ жадностью читаются въ Парижѣ дворянками (*portiers*), преимущественно ихъ женами (*portières*), гризетками, лоретками и т. д., которые не читаютъ романовъ Жоржа Санда, находя ихъ не интересными и скучными.

У насъ многіе негодуютъ на то, что такими романами преимущественно наполняются наши журналы, вида въ этомъ какой-то вредъ и для нравовъ и для литературы. Подобное мнѣніе намъ всегда казалось несправедливымъ. *Тысяча и одна ночь*, или арабскія сказки не болѣе вредны для нравовъ. А что касается до искаженія вкуса и упадка литературы — это еще больше напрасное опасеніе. Есть люди, которые ужъ родятся съ такимъ вкусомъ, который только такими ро-

манам и можетъ удовлетворяться: не будь ихъ, они ничего не читали бы. А читать хоть и вздоръ, лишь бы безвредный, все же лучше, нежели играть въ карты или сплетничать. Что же касается до людей высшихъ классовъ общества, эти романы для нихъ — истинное благодѣяніе. Соответственно съ ихъ образованіемъ, эти романы для нихъ — художественныя произведенія, способныя развить и возвысить, а не исказить и огрубить ихъ понятія. Конечно, у насъ не только дворянники, но швейки еще не читаютъ романовъ (образованіе послѣднихъ пока еще не хватаетъ дальше водевильныхъ куплетцовъ россійскаго издѣлія); но сколько же у насъ людей, которые, по образованію — тѣ же швейки, а по положенію, имѣютъ и время и способы къ чтенію? Притомъ же, если чернь есть вездѣ, и въ высшихъ слояхъ общества, то и аристократія (природы) есть вездѣ, и въ высшихъ слояхъ общества. Иной переходитъ къ чтенію этихъ романовъ отъ *Бовы*, *Ерусалана* и *Георга Милорда Азличкаго*, а отъ этихъ романовъ — къ романамъ Вальтера-Скотта. Купера и ко всему, что иностранная литература и своя отечественная представляютъ лучшаго, и уже не возвращаются назадъ. А еслибъ и не такъ — что нужды, лишь бы читала!

Но если эти романы ни въ какомъ смыслѣ не могутъ быть вредны, напротивъ, во многихъ отношеніяхъ полезны, — изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы ихъ авторы заслуживали уваженіе или благодарность. Они тамъ не менше все-таки торгаши, фигляры, гаеры, потѣшающіе за деньги толпу, безъ всякаго уваженія къ самимъ себѣ. Они трудятся не для литературы, не для искусства, не для общества, а только для своихъ житейскихъ выгодъ. За что жъ ихъ уважать и благодарить? Волъ пасется на полѣ и, оставляя на немъ слѣды своего присутствія, способствуетъ его большому плодородію на будущее лѣто, но кто за это поклонится ему?...

Грустнѣе всего, что къ этой шайкѣ сказочныхъ потѣшниковъ добровольно примкнулся писатель съ несомнѣннымъ и большимъ дарованіемъ. Мы говоримъ о знаменитомъ Еженѣ Сю. Въ его *Парижскихъ Тайнахъ* столько любви къ человечеству, благородныхъ инстинктовъ, столько страсти, запечатлѣнныхъ признаками высокаго таланта! И между-тѣмъ, весь романъ основанъ на мелодрамѣ, столько неестественныхъ лицъ, особенно между отличающихся по части добродѣтели! Герой романа — лицо сказочное, невозможное, героиня — и приторна и неестественна; поэтому эпиллогъ, какъ неизбежное слѣдствіе ложной причины, бросается въ глаза своею пошлостію, приторною сентиментальностію, лицемерствомъ чувства, скукою, неестественностію, надутостію и фразѣрствомъ. Въ *Вѣчномъ Жидѣ* мѣстами поражаютъ читателя тѣ же яркія достоинства, какими бли-

стать *Парижскія Тайны*; но недостатки уже во сто разъ поразительнѣе, нежели въ послѣднемъ романѣ. Важность езуитовъ, сила ихъ вліянія мелодраматически преувеличена; это еще куда бы ни шло, по крайней мѣрѣ цѣль автора была хороша и похвальна; но къ чему прилепелъ онъ тутъ легенду о Жидѣ и Жидовкѣ? И что онъ ею сдѣлалъ? — насмѣшилъ всѣхъ, потому что впалъ черезъ нее не только въ неестественность разсказа, но еще и въ риторическую надутость изложенія. А это чудовищно-огромное наследство, въ 200 милліоновъ, охраняемое нѣсколькими поколѣніями одной и той же жидовской фамиліи? А приторные близнецы — сестры, Роза и Бланка, а страшный успѣхъ всѣхъ продѣлокъ Родена и мелодраматическая смерть всѣхъ добродѣтельныхъ лицъ романа? Но всего и не перечтешь! Зачѣмъ же это «все» замѣшалось въ произведеніе необыкновенно-даровитаго писателя? Затѣмъ, что нужно время и время для того, чтобы писать хорошо и обходиться безъ нелѣпостей, ватяжекъ и эффектовъ, чтобы обдумывать свое произведеніе прежде, нежели оно написано, и потомъ обдѣлывать, исправлять, а мѣстами и вовсе передѣлывать все написанное сгоряча, неловкое, перовное, несообразное съ цѣлымъ. А времени-то и нѣтъ у г. Сю: онъ контрактомъ обязался поставять по цѣлому тому къ такому-то сроку. Написавши главу перваго тома, онъ сейчасъ же отсылаетъ ее въ типографію журнала, и такимъ образомъ первая глава перваго тома должна оставаться неизмѣняемою, хотя авторъ хорошенько не знаетъ, что онъ будетъ писать во второмъ томѣ, а всѣхъ томовъ-то десять!... Итакъ, если въ первой главѣ онъ допустилъ, можетъ быть, и понеобходимости, какую-нибудь нелѣпость, — онъ уже на весь романъ связавъ эту нелѣпостію и долженъ развивать ее во всѣхъ десяти томахъ, какъ бы ни отвратительна казалась потомъ она самому ему!... Всему злу корень — деньги. Еженю Сю платятъ огромныя суммы, и, естественно, за это требуютъ, чтобы онъ работалъ за тронхъ. Сколько уже разъ останавливался онъ въ своихъ работахъ, какъ останавливается водовозная лошадь, несмотря на удары кнута, ибо чувствуетъ, что ей надо или остановиться и перевести духъ, или сейчасъ же повалиться замертво.... Итакъ, здоровье, талантъ, литературная репутація, — все принесено въ жертву деньгамъ! Винить ли его за это?... Не дай Богъ никому подражать ему, но я не чувствую никакой охоты винить его, тѣмъ болѣе, что и безъ меня за обвинителямъ дѣло не стаетъ... Помоему, тутъ во всемъ виноватъ fatum...

Что бы ни писалъ Еженъ Сю, всегда у него есть что-то въ родѣ мысли, какое-то стремленіе рѣшить, или, по крайней мѣрѣ, поставить на видъ какой-нибудь нравственный соціальный вопросъ. Въ этомъ отношеніи, онъ вѣренъ себѣ и въ духѣ романахъ, которыхъ загла-

не выставлено в началъ нашей статьи. Герония первого романа, Тереза Дювоайе страстно полюбила величайшаго негодяя, который, нисколько не любя ее, увирилъ въ своей любви, изъ разчета, потому-что женитьбой на ней думалъ поправить свои разстроенныя обстоятельства. Чтобы вѣрнѣе достигъ цѣли, онъ обманулъ ее, но когда увидѣлъ, что отецъ прогналъ Терезу и начисто отказался дать ей хоть грошъ, онъ рѣшился изъ состраданія къ ней еще вѣскольکو времени обманывать ее. Она видитъ все, страдаетъ, но вѣрять ему со всѣмъ упорствомъ слѣпой страсти и сильнаго характера. Она не перестала страстно любить его и тогда, какъ вполне убѣдилась въ его подлости. Ее любилъ другой, спасъ съ ребенкомъ отъ голодной смерти, перевезъ къ себѣ въ замокъ, противъ ея воли, обезпечилъ участь ея ребенка, въ надеждѣ, что она излечится наконецъ отъ своей несчастной страсти къ негодяю и полюбитъ его; но онъ, несмотря на эту надежду, ничего отъ нея не требовалъ. Тереза видѣла его страданія, сознавала его благородство и достоинства, была ему благодарна, глубоко уважала его, также, какъ ясно видѣла, что первый предметъ ея уродливой любви — мерзавецъ, — и все-таки продолжала любить мерзавца.... Мысль вѣрная, но не новая! Ее давно уже прекрасно выразилъ аббатъ Прево въ превосходномъ романѣ своемъ *Манонъ Леско*. Еще шире, глубже и полнѣе развила эту мысль Жоржъ Сандъ въ одномъ изъ лучшихъ романовъ своихъ — *Леонъ Леони*. Тягаться г. Сю съ такими произведеніями, конечно, не подѣ силу; но тѣмъ не менѣе романъ его, не будучи художественнымъ созданіемъ, имѣлъ бы свое значительное бельетристическое и литературное достоинство, еслибъ въ него, какъ и во все романы Сю, не вмѣшалась мелодрама. Герой романа, баронъ Эвенъ Керелліо, влюбился въ Терезу совершенно фантастически, заочно, т. е. онъ влюбился въ портретъ какой-то женщины, по преданіямъ, падлавшей много зла его фамиліи, а потомъ влюбился въ Терезу, увидѣвъ, что она, какъ двѣ капли воды, похожа на портретъ. А портретъ — замѣтьте — былъ сожженъ въ каминѣ еще въ дѣтствѣ Эвена, а явился вновь по волѣ рока... Къ чему все эти истертыя, пошлыя и тривиальныя «роковыя» пружины, столь обольстительныя для суевѣрія старыхъ бабъ (а не женщинъ, потому-что это не одно и то же) да для легковѣрія юныхъ паясниковъ? Заключение романа — верхъ неслѣпости и пошлости: помѣшанный рыбакъ, старшій суевѣрный Бретонецъ, Моръ-Надери, искренно считающій себя колдуномъ и предсказателемъ, давно уже предрекалъ Эвену, что онъ погибнетъ въ волнахъ океана въ чорный для его фамиліи мѣсяць (ноябрь), — и разъ во время прогулки въ лодкѣ по морю едва съ умыслу не утопилъ Эвена, за то, что тотъ усомнился въ его даръ предсказанія.... И вотъ наши несчастныя

жертвы любви, послѣ смерти ребенка, рѣшаются въ черный мѣсяц оправдать предсказаніе Моръ-Надера — и погибаютъ вмѣстѣ съ нимъ втроемъ ... Удивительно эффектно, но это-то и любить толпа, а деньги за то и даются теперь, что любить толпа....

Почти на эту же тему написана и *Матильда*. Прежде всего, это романъ длинный, длинный, длинный, растянутый, монотонный и страшно скучный; потому, это вообще прѣплохой романъ, хотя въ немъ и встрѣчаются изрѣдка довольно удачныя страницы. *Матильда* предшествовала *Парижскимъ Тайнамъ* и вышла, хотя и далеко не такой, какъ эти послѣднія, во все же огромный успѣхъ. Кроме отсутствія не только художественнаго, просто литературнаго, бельетристическаго достоинства въ изложеніи, въ романѣ этомъ авторъ обнаружилъ рядкое непониманіе того, что онъ дѣлалъ и что бы ему должно было дѣлать, чтобы его произведеніе не вовсе было чуждо правдоподобія и естественности. Изъ своей *Матильды* онъ силится сдѣлать какой-то идеалъ женщины, что-то въ родѣ героини добродѣтели и страдальцу отъ злобы и развращенія свѣта; а на дѣлѣ выходитъ, что это женщина ограниченнаго ума, безъ характера, легко-вѣрна, скучная и несносная своєю навязчивостію въ любви, своими пансіонскими мечтами о счастьи вдвоемъ подъ соломенною кровлею, — и еще болѣе скучная и несносная своими вѣчными жалобами, слезами и хныканьемъ. Уже перегорѣвшая въ страстяхъ, испытанная горемъ жизни и тяжкими страданіями, она, видя, что молоденькая дѣвочка сдѣлалась больна насмерть отъ любви къ тому, котораго она, *Матильда*, безъ памяти любитъ и которымъ она горячо любима, рѣшается на самое пелѣное, по его бесплодности, и самое опасное, по его слѣдствіямъ, самоотверженіе. Она позирается добровольно къ своему мужу, страшному негодяю и развратнику и притворяется, что опять любитъ его, а между тѣмъ своего благороднаго и платоническаго обожателя наводитъ на мысль — жениться на дѣвочкѣ... Тотъ двойникъ въ отчаяніи — и оттого, что мечты его на счастье рухнули, и отъ-того, что любимая имъ женщина оказалась, по его мнѣнію, весьма основательному, прошлою женщиною, ибо могла сойтись вновѣ съ пегодлемъ, давно заслужившимъ галеры: скажите, до женитьбы ли тутъ ему? И какъ, въ этомъ положеніи, навести его на подобную мысль. Но для г. Сю нѣтъ ничего невозможнаго; онъ храбръ — и не труситъ натяжекъ и неестественности. Какъ дуракъ, герой его женится на дѣвочкѣ, и сталъ счастливъ. Но общій ихъ всѣхъ врагъ тайно уведомилъ его жену, что она обязана своимъ замужествомъ самоотверженію *Матильды*, — и случилось то, что рано или поздно, такъ или иначе, а непременно должно было случиться, чѣмъ обыкновенно разрѣшаются подобныя самоотверженія: Эмма чахла, чахла, да и умерла. Мы охотно

соглашаемся, что безъ добраго и благороднаго сердца человекъ не можетъ быть способенъ на подобныя самоотверженія; но въ нихъ еще гораздо больше сердца участвуетъ экзальтированное воображеніе, глубоко скрытое самолюбіе, тайное желаніе рисоваться передъ другими и въ особенности передъ самимъ собою въ качества героя добродѣтели. Такіе люди — враги своего и чужаго счастья; даже и хорошія ихъ качества служатъ только ко вреду другихъ и ихъ самихъ больше всего. Вотъ какъ слѣдовало бы автору понять свою *Матильду*, — и на ея несчастной натурѣ, а не на влюбъ свята основать весь перенесенныя ею страданія. Тогда, можетъ быть, вышелъ бы болѣе или менѣе интересный романъ, а не скучная сказка.

Хуже всего даются Сю добродѣтельныя лица. Почти всегда онъ у него и неестественны до смѣшнаго и приторны до отвратительности. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ де Рошгювъ. Боже мой, что это за человекъ! Другъ бѣдныхъ и несчастныхъ, герой и левъ на войнѣ, мудрецъ даже въ салонѣ — и тамъ говоритъ, словно по книгѣ читаетъ, вь никому не кажется смѣшонъ! А еще больше портятъ романы Сю — преувеличеніе и театральные мелодраматическіе эффекты. Злодѣй его романа, Люгарто, еще довольно естествененъ самъ по себѣ, но его баснословное богатство, его всезнаніе чужихъ тайнъ и всемогущество въ преслѣдованіи многочисленныхъ жертвъ своихъ, — все это сильно отзывается арабскими сказками. Эффектовъ и *deus ex machina* въ *Матильдѣ* — бездна. Старуха Блондо, видя, что ея воспитанницу успѣли охладить къ ней, рѣшается умереть, выпрыгнувъ въ окно. Но это лицо необходимо автору въ дальнѣйшемъ развитіи романа: надо спасти его. Старуха начала прощаться съ своею восьмилѣтнею питомицею, которая въ полночь спала крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ. Старуха цалуетъ ребенка, плачетъ и громко говоритъ монологъ самой себя, потомъ бѣжитъ къ окну; но не бойтесь: дитя проснулось и удержало самоубійцу на краю пропасти.... Какъ это трогательно!... Уже замужнюю Матильду врагъ ея, Люгарто, хитростію увлекаетъ въ уединенный домъ, гдѣ всѣ слуги подкуплены и гдѣ ей, за ужиномъ, подаютъ вино, въ которое всыпанъ сильный усыпляющій порошокъ. Оставшись одна, она начинаетъ чувствовать дѣйствіе порошка; тутъ является къ ней ея палачъ и объявляетъ ей, что намѣренъ ее обезчестить.... Но не бойтесь: вотъ влამываются ея защитники и мстители, и начинается мелодрама, достойная армарочныхъ балагановъ....

Одно лицо въ *Матильдѣ* очерчено съ талантомъ: это старая мать Семерена, мужа Урсулы; даже и эти два лица довольно не дурны; но съ первымъ пріятно было бы встрѣтиться даже и не въ такомъ романѣ, какъ *Матильда*.

Смысл Тайны — замечательный романъ во многихъ отношеніяхъ. Когда модное платье фронта красуется на его лакея, — явный знакъ, что оно уже не модное, что мода смѣнилась. Когда бездарные писатели успеваютъ въ какомъ-нибудь модномъ родѣ литературы не хуже тѣхъ талантливыхъ писателей, которые ввели его въ моду, — явный знакъ, что этотъ родъ литературы или палъ, или близокъ къ паденію. *Смысл Тайны* доказываетъ, что на модные романы уже сочинена риторика, и ихъ съ отличнымъ успѣхомъ можно писать по рецепту. У г. Поля Феваля нѣтъ ни ума, ни воображенія, ни страсти, ни этого мастерства увлекательно разсказывать даже вздоръ, которымъ такъ владѣютъ Французы и въ которомъ больше всего заключается тайна успѣха ихъ великихъ романовъ. Въ романъ Поля Феваля не встрѣтите ни одной изъ тѣхъ тонкихъ поражающихъ чертъ, ни одной изъ тѣхъ увлекательныхъ страницъ, которыя попадаются иногда даже у Дюма въ самыхъ великихъ его романахъ, — какъ напр., сцены между Жильбертомъ и Руссо въ *Замискахъ Врача*. *Смысл Тайны*, это — нелюбовь на нелюбови, вздоръ на вздорѣ. Все дѣло вертится на томъ, что три брата-молодца уродились такъ похожими другъ на друга, что родная мать не отличила бы ихъ одного отъ другого. Они посвятили всю жизнь свою на то, чтобы отыскать законнаго наследника зѣмка Блутгауптъ, сына ихъ дяди, похищеннаго въ дѣтствѣ врагами ихъ фамиліи, и отомстить этимъ врагамъ. И они во всемъ успеваютъ: имъ покровительствуетъ сама судьба въ образѣ г. Поля Феваля, какъ покровительствовала Телемаку богиня Паллада, въ образѣ Ментора. Поэтому, для нихъ легко и возможно все, рѣшительно невозможное для другихъ смертныхъ. Ихъ безпрестанно сажаютъ въ тюрьмы, но выбраться изъ тюрьмы, когда нужно — имъ ни почемъ. Когда въ замокъ Блутгауптъ собрались всѣ враги ихъ и завлекли туда свою жертву, братья немощно поопоздали явиться въ замокъ. Но ничего: они еще успеютъ свое сдѣлать. На жертву направлена мортира — надо ее уничтожить, а высоко — не доставешь. Одинъ братъ влезъ на плечо другому, а рука все не достаетъ; нижній братъ началъ прислать подъ тяжестію верхняго — вотъ рухнутъ оба съ высокой стѣны въ бездну. Въ эту критическую минуту жестокой авторъ, по праву генія, которому законъ не писанъ, оставляетъ и братьевъ съ ихъ неразрушенной мортирой и задыхающагося отъ ужаса читателя съ его нетерпѣніемъ, и начинается новую главу, гдѣ переходить къ другимъ лицамъ своего интереснаго романа. Братья — удалыцы уже работаютъ другое, а мортиру, какъ видно по ходу разсказа, они уничтожили — какъ? — это авторъ почелъ за лучшее утаить отъ своихъ читателей, думая, вѣроятно: много будете знать, скоро состарѣетесь. Г. Поль Феваль

хорошо знает натуру своих читателей — и зато онъ съ клябцемъ.... Въ наше время умный человекъ не умретъ съ голоду, если умретъ тѣшить или валувать тѣхъ, которые глупѣе его....

Авторъ *Иезуита*, г. Шпиндлеръ, никогда пользовался большою извѣстностію въ Германіи, какъ счастливый подражатель Вальтера-Скотта. Но теперь онъ пишетъ въ модномъ родѣ. Куда бросились французскіе кони съ копытомъ, туда же поплелся и нашъ измецъ съ клешнею. Пока дѣйствіе его романа происходитъ въ Германіи, — еще можно читать его; но какъ скоро перенесетъ онъ его въ южную Америку — посыпались такіе мелодраматическіе эффекты, что мочи нѣтъ. Тутъ дикари дѣлаютъ нападеніе на селеніе обращенныхъ и мудро управляемыхъ добродѣтельнымъ священникомъ дикарей, кого перерезали, кого забрали въ плѣнъ, въ томъ числѣ и добродѣтельнаго пастора. Но онъ, поговорявъ съ ними съ часъ времени, убавилъ ихъ креститься и увелъ для поселенія на свое пепелище. Тутъ кому не пропасть, все находятся и другъ съ другомъ сходятся, хотя и необыкновеннымъ, но, по мнѣнію автора, возможнымъ образомъ. Къ концу романа, герои соединяются законнымъ бракомъ и живутъ счастливо. Добродѣтель награждена, пороки наказаны, раскаяніе уважено. Только злодѣи иезуиты урвались отъ заслуженной кары. Стало быть, все какъ слѣдуетъ.

Было время, когда переводъ всякаго иностраннаго романа на русскій языкъ составлялъ важную повось въ литературѣ и давалъ нищу критикъ и полемика, а переводчику всеобщую извѣстность. Время это давно прошло — и безвозвратно. Если бы кто-нибудь перевелъ теперь вполне, съ подлинника, всего Вальтера-Скотта или всего Купера, — тотъ составилъ бы себѣ имя. Но перевести, даже порядочно, модный французскій романъ, теперь ничего не значитъ. На подобныя подвиги никто не обратитъ вниманія, тѣмъ болѣе, что они относятся скорее къ промышленности, нежели къ литературѣ, — и если мы рѣшились говорить объ этихъ эфемерныхъ явленіяхъ книжной торговли, то пому только, что не о чемъ говорить, хоть совсѣмъ выключай библиографію изъ журнала. Но старое обыкновеніе выставлять на переводныхъ романахъ имя переводчика опять входитъ и должно войти въ силу, потому-что переводами большею частію занимаются люди, равно не знающіе ни того языка, съ котораго переводятъ, ни того, на который переводятъ, всего чаще послѣдній, слѣдовательно, публикѣ нужно ручательство извѣстнаго имени, что переводъ удобенъ къ чтенію. Къ числу такихъ классическихъ именъ принадлежитъ имя г. Строева: оно безпрестанно выставляется на переведенныхъ съ французскаго романахъ то въ качествѣ переводчика, то въ качествѣ пересмотрщика чужого перевода, въ обоихъ случаяхъ какъ върнѣе

ручательство за достоинство перевода. Для насъ вѣрность этого ручательства немного, какъ бы сказать? сомнительна. Не любя никого обвинять безъ доказательствъ, приведемъ наудачу нѣсколько фразъ, сперва изъ *Терезы Дюнойе*, переведенной г. Строевымъ, а потомъ изъ *Матильды*, переводъ которой, неизвѣстно чей, пересмотрѣвъ имъ.

«О пусть будетъ вѣтренною, неосторожною, чѣмъ притворщикомъ» (Т. Д. Ч. 2-я, стр. 10) «Войдя и увидя маркиза, онъ изумился, подбѣжалъ къ нему, дружно пожалъ ему руку и спросилъ» (стр. 79). Что такое дружно пожалъ руку? развѣ дружески или дружественно, а дружно порусски прилагается къ соединеннымъ отношеніямъ (дружно жили) или усиліямъ (дружно подхватили) нѣсколькихъ человекъ. «И притомъ же, какъ не простить его за притворство, когда *вздумаешь*, что онъ имѣлъ въ виду благородную и великодушную цѣль» (Ч. 4-я, стр. 90). Развѣ : когда *подумаешь*? Конечно, все это мелочи, но въ классически хорошемъ переводѣ и ихъ не должно быть; а сверхъ того, не переписать же намъ всего романа для доказательства, что переводъ вообще не то, чтобы плохъ, да и не то, чтобы хорошъ. А вотъ переводъ *Матильды* такъ рѣшительно плохъ. «Мы замѣтили одну комнату, прекрасно расположенную, но коей стѣны были голы» (Ч. II., стр. 85). Святски воспитанная французженка, въ своихъ запискахъ выражаясь порусски, употребляетъ подъяльческое слово *коей!*... «Напротивъ, осмѣлюсь, возразилъ г. де Рошгюнь, *ибо* я хочу, чтобы настоящій благодѣтель былъ извѣстенъ : какъ ни сладка мнѣ ваша благодарность, я не могу принять *ее*(я), *ибо* я поступилъ такъ, согласно послѣднему желанію моего отца, прибавилъ г. де Рошгюнь растроганнымъ голосомъ» (стр. 95). Какъ хорошо это *ибо* въ разговорѣ святскихъ людей, да и вообще какъ этотъ слогъ разговоренъ! «Ахъ! не вѣрьте! вскричала Урсула, и слезы стыда блеснули на *очахъ* ея» (стр. 115). Зачѣмъ же на *очахъ*, а не на глазахъ — развѣ для красоты слога? «Недокончивъ рѣчи, она снова опустила голову, какъ бы борясь съ желаніемъ говорить и *другимъ вліаніемъ*» (стр. 142). Что-то темно! «Это было первое огорченіе, которое я отъ него имѣла» (Ч. IV, стр. 72). «Я вамъ *говорю* впередъ свои *нампренія*» (стр. 97). «Нѣтъ, вы знаете, что я вамъ не ба- лую.... я.... можетъ быть, одна только и говорю вамъ правду.... Вы должны быть за то благодарны ... потому-что я не со всеми такова. Что, вы не находите, сказала княгиня, обращаясь ко мнѣ : что надо сколько-нибудь отличать отъ прочихъ того, кому рѣшается говорить то, чего другіе не смѣютъ говорить?» (стр. 106). Складно выражаются порусски французскія княгини! «Онъ даже не подозревалъ *величій* (великости?) огорченій, имъ мнѣ причиняемыхъ» (Ч. VI, стр. 31). «Если проступокъ можетъ быть *извиненъ* и *облагороженъ*

достоинствами того, кто заставил насъ въпастъ въ *qmъ*, то любовь моя извинительна» стр 76! : это «опытъ» употребилъ въ разговоръ герцогиня де Ришвилъ!... «Но перо мое останавливается.... рука дрожить.... я вся дрожу при этомъ *раздирательномъ* воспоминаніи!» (Ч. VIII, стр 137). Ба! да это переводъ — *раздирательный!* Однажды, катаясь въ каретѣ въ Булонскомъ лѣсу съ г-жею де Ришвилъ, двѣ женщины, въ сопровожденіи многихъ мушкетъ, быстро промчались мимо насъ» (Ч. IX, стр. 125). Каковъ галлицизмъ! «Его *предпочтенія* ко мнѣ и почему же я не сказать этого? мои *предпочтенія* къ нему, ибо чувство, внушившее намъ ихъ, не имѣло въ себѣ ничего дурнаго, была такъ естественны» и пр. (Ч. X, стр. 56). Довольно!

Но переводъ *Иезуита* — еще лучше. Видно, онъ принадлежитъ напцу, который въ совершенныхъ лѣтахъ началъ учиться порусски и еще не доучился. «Онъ занялъ свое мѣсто въ креслахъ у окна, которое, выходя *всадъ*, само представляло *садъ*, *устроенное* густыми цвѣтами» (Ч. I, стр. 81). «Я видѣлъ, что глаза твои были заплаканы, когда во время *десертаты* воротилась къ намъ» (Ч. II, стр. 33). Такихъ примѣровъ, и даже лучшихъ, въ трехъ частяхъ *Иезуита*, бездна, да довольно и этихъ.

Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Романъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1846.

Г. Кукольникъ принадлежитъ къ немногому числу нашихъ самыхъ неутомимыхъ, плодовитыхъ и разнообразныхъ бѣлетристовъ. Еслибы собрать въ одномъ изданіи все, что написалъ онъ, вышло бы не малое число довольно плотныхъ томовъ. Въ какихъ родахъ сочиненій не испытывалъ себя г. Кукольникъ, чего ни писалъ онъ — драмы итальяскія, драмы турецкія, драмы русскія, драмы изъ жизни художниковъ, преимущественно итальянскихъ, и отчасти нѣмецкихъ, драмы историческія, драмы въ стихахъ, драмы въ прозѣ, повѣсти и романы итальянскіе, нѣмецкіе, французскіе, русскіе, статьи юмористическія, статьи объ искусствѣ, живописи преимущественно, критики, рецензій, лирическія стихотворенія, отрывки изъ поэмъ, участвовалъ во множествѣ журналовъ и альманаховъ, самъ издалъ альманахъ *Новогодникъ*, издавалъ *Художественную Газету*, *Киртины русской живописи*, *Дзгерротипъ*, а теперь, издастъ русскую *Иллюстрацію*, такъ пленяющую публику изящными политяпажами и остроумною и замысловатою переплывскою. Какой широкой кругъ дѣятельности! Мы устали только отъ-того, что бросали на него легкіи, поверхностный взглядъ! Скажемъ къ этому, что если нѣкоторыя произведенія г. Кукольника были приняты холодно и прошли незамѣченными (преимущественно его повѣсти, въ которыхъ мѣстомъ дѣйствія избрана

никогда невиданная авторомъ Италія), зато большая часть его произведеній имѣла большой, а нѣкоторыя изъ нихъ и чрезвычайный успѣхъ (особенно русскія историческія драмы). Но тамъ не менѣе — странное дѣло! — все идетъ впередъ, вкусъ и требованія публики видимо измѣняются съ каждымъ днемъ, а полнаго собранія сочиненій г. Кукольника все нѣтъ какъ нѣтъ, и — что всего удивительнѣе — вельзя сказать, чтобы въ публикѣ замѣтно было особенное нетерпѣніе видѣть его поскорѣе. На свѣтъ удивительнаго много, но удивительное не есть сверхъ-естественное, стало быть, подлежитъ объясненію. — что и даетъ намъ смѣлость попытаться на объясненіе этого факта, которое, въ свою очередь, должно объяснить намъ значеніе г. Кукольника, какъ писателя, и его мѣсто въ русской литературѣ. По нашему мнѣнію, это всего лучше сдѣлать черезъ сравненіе, которое не всегда доказываетъ, но часто объясняетъ дѣло. Перебравъ въ памяти нашей всѣхъ дѣятелей русской литературы, мы находимъ, что ни съ кѣмъ не имѣетъ г. Кукольникъ такъ много сходства, какъ съ Сумароковымъ. Г. Кукольникъ рѣшительно Сумароковъ нашего времени. Знаемъ, что многіе въ нашемъ благонамѣренномъ сравненіи увидятъ желаніе унизить г. Кукольника, и потому спѣшимъ объяснить, чтобы отстранить отъ себя такое несправедливое обвиненіе. Сумароковъ былъ не въярѣ препознесенъ своими современниками, и не въярѣ униженъ нашимъ временемъ. Мы находимъ, что какъ ни сильно ошибались современники Сумарокова въ его гевіальности и несомнѣнности его правъ на безсмертіе, но они были къ нему справедливыѣ, нежели потомство. Сумароковъ имѣлъ у своихъ современниковъ огромный успѣхъ, а безъ дарованія, воля ваша, нельзя имѣть никакого успѣха ни въ какое время. Въ то время талантъ дѣлалъ человека известнымъ императрицѣ и велъ его къ чинамъ и орденамъ, и Сумароковъ, подобно Ломоносову и, впоследствии Державину, не за что иное очутился дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ, какъ за свой талантъ. Въ то время, какъ и въ наше, не мало бы нашлось охотниковъ до чиновъ и почестей, которые не пожалѣли бы трудовъ, бумаги и чернилъ, чтобы возвыситься черезъ литературу. Однакожъ, успѣли въ этомъ немногіе, именпо тѣ только, за которыми общее мнѣніе утвердило громкое имя гевія или великаго таланта. Сумароковъ больше другихъ былъ любимцемъ публики своего времени; поэтическія произведенія Ломоносова больше уважали, а Сумарокова больше любили. Это понятно: онъ больше Ломоносова былъ беллетристъ, его сочиненія были легче, доступнѣе для повятія большинства, больше имѣли отношенія къ жизни. Онъ писалъ не однь трагедій, но и комедій, плохія, конечно, но лучше которыхъ тогда не было. Въ предисло-

вѣхъ къ своимъ сочиненіямъ и отдѣльныхъ журнальныхъ статьяхъ, онъ писалъ о правахъ, о разныхъ близкихъ къ обществу вопросахъ, распространялъ дальнія и благородныя понятія о томъ, что составляетъ истинное благородство человека, и какихъ людей должно почитать чернью, или, какъ тогда выражались, «полымъ народомъ». Трагедіи его рѣшительно предпочитались трагедіямъ Ломоносова и Хераскова. Онъ далъ пашу рождавшемуся русскому театру и средство Волкову, а потомъ Дмитревскому, показать въ полномъ блескѣ ихъ таланты. Его *Димитрій Самозванецъ* давался на нашихъ губернскихъ театрахъ и привлекалъ въ нихъ многочисленную публику еще въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Это было на нашей памяти. Сумароковъ имѣлъ огромное вліяніе на распространеніе на Руси любви къ чтенію, къ театру, следовательно, образованности. Какъ поэтъ, художникъ, онъ не имѣлъ ни искры таланта, но какъ бельетристъ, онъ для своего времени имѣлъ довольно таланта. Восторгъ его современниковъ для насъ, конечно, не законъ, но фактъ, живое свидѣтельство того, что онъ былъ имъ много полезенъ. Когда наступила въ русской литературѣ эпоха критики и повѣрки старыхъ авторитетовъ, Сумарокова втоптали въ грязь, но не справедливо, потому-что руководствовались одною эстетическою точкою зрѣнія и новсе упустили изъ виду историческую. Мы увѣрены, что не далеко то время, когда презрѣніе съ имени Сумарокова будетъ снято. Сумароковъ уронилъ себя въ потомствѣ больше всего своимъ характеромъ, раздражительнымъ, мелочно-самолюбивымъ, вагловхвастливымъ. Но зачѣмъ смѣшивать лицо съ литераторомъ? Сочиненія Сумарокова можно теперь читать только по особенной охотѣ къ историческому изученію русской литературы; но тѣмъ не менѣе ихъ должно цѣнить если не по преувеличеннымъ похваламъ его современниковъ, то и не по мѣркѣ нашего времени.

Причина необыкновеннаго успѣха сочиненій Сумарокова и потомъ быстраго ихъ упадка заключается именно въ ихъ бельетристическомъ значеніи. Онъ было по плечу большинству и потому нравился ему. Пришло время — большинство публики явилось совсемъ другое, а на сторонѣ Сумарокова остались только люди того поколѣнія, которое еще не забыло, какъ оно завязалось à la pigeon и пудрилось.

Мы слѣдали бы большую несправедливость, если бы стали утверждать, что, по таланту, г. Кукольникъ не выше Сумарокова. Нѣтъ, въ наше время и для второстепеннаго успѣха, нужно уже гораздо больше таланта, нежели сколько нужно было Сумарокову, чтобы попасть въ гени первой величины. Кроме несомнѣннаго и блестящаго бельетристическаго таланта, у г. Кукольника есть и поэтическое чувство и даръ изобретенія, въ извѣстной степени. Но обозрѣвая

мысленно судьбу его произведений, невольно вспоминаешь Сумарокова. Последний палъ вдругъ, долго спустя послѣ своей смерти. По отсутствію критики, его сочиненія долго превозносились до небесъ съ глоса его современниковъ; но несмотря на то, время брало свое. Языкъ шелъ впередъ, развивался, совершенствовался; какъ драматургъ, какъ трагикъ и комикъ, Княжнинъ сталъ гораздо выше Сумарокова, какъ Озеровъ гораздо выше Княжнина; притчи Сумарокова были совершенно затѣнены баснями Хемницера и Дмитріева; объ одахъ его нечего было и говорить послѣ одъ Державина, а тамъ появились Карамзинъ, Жуковский и Батюшковъ, вполне овладѣвшіе вниманіемъ публики. Правда, не смотря на все это, никто не смѣлъ усомниться въ гениі Сумарокова; но это потому, что, по духу безпредѣльнаго уваженія къ авторитетамъ, ни у кого не хватало смѣлости высказать собственное чувство, собственную мысль. Въ сущности же, всѣ охладѣли къ Сумарокову, давно уже не читали его, а многіе и поняли его. Стало быть, недоставало слова, а не дѣла. Пришло время — нашлись смѣльчаки — сказала — и огромный авторитетъ почти восьмидесяти лѣтъ рухнулъ въ короткое время. Теперь не то. Если читатель нашего времени черезъ годъ, черезъ два перечтетъ произведеніе, которое привело его въ восторгъ при своемъ появленіи, и увидитъ, что оно уже не производитъ на него прежняго впечатлѣнія: онъ знаетъ что думать о немъ и знаетъ, кого слѣдуетъ за это винить.

Первое произведеніе г. Кукольника, вдругъ доставившее ему огромную извѣстность, была драма въ стихахъ: *Торквато Тассо*. Она отличалась всеми признаками молодого, неопытнаго таланта, была крайне бѣдна драматическимъ движеніемъ, но блистала нѣсколькими горячими, хотя и не всегда умѣстными, лирическими выходками. Она появилась въ 1833 году, кажется; стало быть, около четырнадцати лѣтъ назадъ тому, — и между тѣмъ, въ это время она постарѣла чуть ли не четырнадцатью десятками лѣтъ. Вторымъ произведеніемъ г. Кукольника была русская историческая драма: *Рука Всевышняго отечество спасла*. Она обязана была своимъ успѣхомъ болѣе похвальному чувству любви къ родинѣ, нежели поэтическому выраженію этихъ чувствъ или драматическимъ своимъ достоинствамъ. Это тотъ же *Димитрій Донской* Озерова, тотъ же *Пожарскій* Крюковского, только немножко ороматизированный, ошекспиренный. Итакъ, успѣхъ этой пьесы былъ чисто-случайный (un succès de circonstance), и потому она теперь совершенно забыта. Затѣмъ г. Кукольникъ написалъ множество драмъ, преимущественно изъ жизни италіянскихъ художниковъ. Въ нихъ есть хорошіе стихи; болѣе или менѣе удачныя мѣста, но не въ драматическомъ, а въ ли-

рическомъ родѣ : одна охота не сдѣлаетъ драматургомъ — для этого нуженъ талантъ. Кто прочелъ одну драму г. Кукольника, тотъ знаетъ всѣ его драмы : такъ одинаковы ихъ кружныя и приемы. Поэтому, трудно прочесть сразу двѣ драмы г. Кукольника, а прочтя, уже невозможно не перемишлять ихъ въ своей памяти, пока не забудешь все, что обыкновенно дѣлается очень скоро. Вторая русская драма г. Кукольника — *Скопникъ Шуйскій* имѣла огромный успѣхъ на сценѣ, благодаря ея обилію въ эффектахъ и сильной наклонности русской публики къ національности въ поэзіи и литературѣ. Сверхъ того, эта драма породила со стороны другихъ литераторовъ много попытокъ въ ея родѣ, которыя были ни хуже, ни лучше ея. На сценѣ она и теперь еще можетъ производить свой эффектъ ; но въ чтеніи такъ и бросаются въ глаза ложность ея національности и характеровъ, и былыя нитки, которыми сметано ея дѣйствіе.

Самыми неудачными попытками г. Кукольника были его повѣсти и разсказы, содержаніе которыхъ заимствовано изъ италянскаго жизни. Странная претензія — описывать страну, которой авторъ никогда не видалъ ! Конечно, это же самое дѣлалъ, напр., и Пушкинъ, но этотъ человекъ имѣлъ на то привилегію отъ природы. Бышіе въ Испаніи говорятъ, что *Каменный гость* Пушкина дышетъ колоритомъ этой страны, пропитанъ ея духомъ, и что *Ночной зефиръ* не отрывался отъ ихъ памяти, когда они бродили вечеромъ по улицамъ Севильи. Не всѣмъ же быть Пушкинными. Въ своихъ *Египетскихъ ночахъ* онъ забрался во дворецъ Клеопатры — и былъ въ немъ какъ у себя дома, очеркнулъ передъ нами эту эпоху съ такою истинною, какъ будто самъ жилъ въ это время и все видалъ своими глазами. Потомъ г. Кукольникъ написалъ три большіе историческіе романа : *Эвелину де Вальероль*, *Альфія* и *Альдона* и *Дурочка Луиза*. Въ первомъ изобразилъ старую Францію, во второмъ — древнюю Литву, въ третьемъ — старинную Пруссію. Первый романъ лучше остальныхъ двухъ, но въ немъ видно не свободное творчество, а только способность раздражительности, и онъ сильно отзывался тѣмъ, что называется *tour de force*. Объ остальныхъ двухъ романахъ не стоить и говорить. Все это теперь забыто и всего этого не разбудешь отъ вѣчнаго сна никакими новыми изданіями....

Какая этому причина ? Очень простая. У г. Кукольника есть талантъ для поэтическаго выраженія мыслей, но нѣтъ творческой силы для созданія чего-нибудь цѣлаго, гдѣ всѣ части соразмѣрны и все подчинено общей идее. Нельзя также сказать, чтобъ онъ особенно былъ богатъ идеями. Талантъ его неполный, ему недостаетъ чего-то, недостаетъ «этого», какъ говоритъ одно лицо въ одной русской повѣсти. Попробуемъ объяснить это сравненіемъ. Положимъ, что для

составленія полного таланта нужно 100 долей, а природа отпустила ихъ г. Кукольникову только $99\frac{3}{4}$: стало быть недостаетъ пустяковъ, всего одной четверти, а все же недостаетъ! Отъ-того, въ его произведеніяхъ, даже не лишённыхъ частныхъ красотъ, всегда чувствуется какое-то усміе, которое въ этомъ случаѣ есть тоже безсміе, что-то утомляющее, скоро наводящее скуку, чувствуется, что авторъ почти вездѣ становится выше своихъ средствъ. Онъ бельетристъ, — и только, а ему хочется быть поэтомъ, творцомъ, и онъ всегда берется за произведенія, требующія не такого таланта, и нерѣдко обнаруживаетъ въ нихъ притязанія на такого рода нововведенія и замашки, которыя свойственны только гению. И что жъ изъ-всего этого вышло? Вотъ, напр., сколько лѣтъ писалъ, обрабатывалъ, держалъ подъ спудомъ и лелѣялъ, какъ любимое дитя свое, г. Кукольникъ своего *Паткуля*? Сколько лѣтъ носились слухи объ этомъ произведеніи, которое должно было обогатить собою русскую литературу? И вотъ *Паткуль* появился, сперва въ журналѣ, потомъ отдѣльною книгою — и ничего!...

Г. Кукольникъ какъ будто самъ давно уже почувствовалъ, что по избранной имъ дорогѣ далеко не уйдешь, что надо поискать новой. Кажется, въ 1842 году вышла его повѣсть: *Сержаишь Иванъ Ивановъ, или всѣ за одно*, содержаніе которой взято было имъ изъ эпохи Петра Великаго. Повѣсть эта имѣла большой успѣхъ, — и за нею появилось много повѣстей г. Кукольника. Дѣйствительно, это лучшее изъ всего, что только когда либо писалъ онъ. Но пора наконецъ сказать правду объ этихъ повѣстяхъ, уже не въ мѣру захваленныхъ и превознесенныхъ. Въ нихъ есть неотъемлемыя достоинства — противъ этого ни слова. Г. Кукольникъ удачно схватилъ въ нихъ одну характеристическую черту той эпохи: это — противоположность старыхъ нравовъ съ непонимаемыми нововведеніями и наивность ихъ смѣшенія между собою. Кроме того, г. Кукольникъ мастерски владеетъ разговорнымъ языкомъ того времени — языкомъ книжнымъ, вычурнымъ, испещреннымъ иностранными словами. Многія характеристическія черты эпохи подсмотрѣны и схвачены имъ съ поражающею вѣрностію, и вообще въ его очеркахъ того быта много комическаго, веселаго, смѣшнаго, милаго и живаго съ тѣмъ умиаго. Но, во-первыхъ, это не повѣсти, а извѣстные анекдоты, передъ танными на рассказы. Въ нихъ всегда играетъ важную роль любовь, и они всегда благополучно разрѣшаются законнымъ бракосочетаніемъ любовниковъ — они же и герои рассказовъ. По нашему мнѣнію, это элементъ вовсе не русскій: любовь въ русскомъ быту никогда не играла перво-степенной роли и особенно мало имѣла соотношенія съ бракомъ. Это и теперь почти такъ, а тогда было совершенно такъ. Вообще, г. Ку-

кольникъ довольно мелко плаваеъ въ отношеніи къ духу и сущности того времени, и если онъ часто многое почерпаетъ съ самаго дна, то съ дна прибрежнаго, мелкаго. Онъ попалъ болѣе одну комическую сторону избранной имъ эпохи, и смотритъ на нее и односторонно и поверхностно. Въ его глазахъ побѣдитель безусловно правъ, а побѣжденные безусловно виноваты. Въ его повѣстяхъ реформы противятся одни злодѣи и негодяи. Это взглядъ и не философскій и не историческій. Реформа Петра Великаго такъ исключительно огромна во всемирной исторіи, что не менѣе дѣлаетъ чести народу, который ее перенесъ, какъ и реформатору: а что было бы въ ней особенно великаго, если бы ее противники были только злодѣи и негодяи?.. Тогда это была бы только полицейская реформа — не больше. Не такъ поэтъ долженъ понимать такую великую и страшную эпоху въ жизни народа: онъ никого не долженъ ни оправдывать, ни защищать, ни обвинять — это не его дѣло; но онъ долженъ, вѣрнымъ изображеніемъ всего, такъ какъ оно было, все сдѣлать понятнымъ, следовательно, все объяснить. Для этого, онъ равно безпристрастно, не увлекаясь ни моральною точкою зрѣнія, ни привычными идеями своего времени, долженъ понять обѣ стороны, стать въ ихъ положеніе, войти, такъ-сказать, въ кожу каждаго дѣйствующаго лица, и представить его самимъ собою. Тогда бы г. Кукольникъ попалъ, что въ числѣ противниковъ реформы были не одни злодѣи, изверги, негодяи и шуты, но и люди, достойные быть поборниками лучшаго дѣла, натуры сильныя и благородныя. Намъ нечего хлопотать оправдывать Петра: онъ оправданъ исторіею и въ нашей помощи не нуждается. Противники его реформы были осуждены и отвержены духомъ времени, гениемъ исторіи, и всѣ дѣйствія и усилія ихъ осуждены были на бесплодность; но тамъ не менѣе, въ ихъ рядахъ не мало было людей, которыхъ прозорливость Петра умѣла цѣнить и на которыхъ онъ тамъ болѣе негодовалъ, чѣмъ болѣе желалъ ихъ видѣть въ своихъ рядахъ. Съ другой стороны, успѣху реформы содѣйствовали не одни добродѣтельные и чистые, умные и жаждавшіе образованія люди. Такъ какъ въ историческомъ процессѣ великія причины ишаются съ малыми, и злонѣмъ, расчетъ и корысть помогаютъ добру не меньше самоотверженія и доблести, то и въ рядахъ поборниковъ реформы много было плутовъ, глупцовъ и негодлеей. Известно, какую важную роль при реформѣ нравовъ играютъ франты и вертопрахи: они очень помогли перевѣсу иностранной одежды надъ національною.

Какъ бы то ни было, но повѣсти и рассказы изъ эпохи Петра Великаго насколько освѣжили увлдавшій авторитетъ г. Кукольника, и теперъ онъ, кажется, и самъ понимаетъ, что это послѣдняя опора

и надежда его литературной известности. Въ этихъ повѣстяхъ и разсказахъ, онъ сдѣлалъ невольную уступку духу времени и одною стороною своего таланта прикинулся къ такъ-называемой натуральной школѣ, потому-что главное достоинство ихъ все таки въ истинѣ и естественности, хотя и въ известной только степени. И вотъ гола два назадъ тому, въ одномъ журналѣ появился большой романъ г. Кукольника: *Два Ивана, два Степаньча, два Костылькова*, содержаніе котораго взято тоже изъ эпохи Петра Великаго, и который теперь вышелъ отдѣльною книгою. Завязка романа проста и естественна, совершенно въ правахъ того времени. Недоросль изъ дворянъ, молодой и богатый Костыльковъ пьянствуетъ, развратничаетъ среди холоповъ въ своей деревнѣ и укрывается отъ службы, за что кормитъ и даритъ всѣхъ подъячихъ своей провинціи, самого воеводу, а воеводи хъ платитъ еще дороже — связью съ ясю, хотя она ему и противна. Наконецъ, укрываться больше нельзя. Но у него живетъ какой-то таинственный пришлецъ, тоже Иванъ Степаньчъ, и почти однихъ лѣтъ съ нимъ. Этотъ вызывается идти на службу за Костылькова, подъ его именемъ. Митрофанушка радъ и, несмотря на свою скупость, согласился на всѣ условія, довольно тяжелыя по тому времени. Настоящій Костыльковъ изображенъ не дурно и въ продолженіи всего романа вѣренъ себѣ. Но на его двойникъ обнаружилась вся немощность фантази г. Кукольника замыслить (концепировать) и выдержать характеръ, немного поглубже и посложнѣе. Двойникъ Костылькова — человѣкъ съ большимъ характеромъ: онъ вертитъ по своему всiami — и Костыльковымъ, и его дворнику, и подъячими, и воеводою съ воеводшею. Почему-то онъ закадычный другъ вершпительному и обжорливому фискалу провинціи, и это дастъ ему большой вѣсъ. Отецъ Костылькова былъ злодѣй; въ смутныя времена стрѣleckихъ мятежей, онъ оттягалъ имѣніе у всѣхъ своихъ, мѣше его богатыхъ, соседей. Такимъ же образомъ раззорилъ онъ и довелъ до могилы соседа — помѣщика Полозкова, владѣвшаго небольшою усадьбою на берегу большой рѣки, и завладѣлъ ею и его добромъ; схватилъ двоихъ малолѣтнихъ дѣтей Полозкова, мальчика и девочку, привезъ ихъ домой, и, по волѣ автора, никто изъ холопей не зналъ, чьи это дѣти, а знала это только добрая жена злодѣя. Мальчикъ былъ похищенъ вѣрнымъ слугою своего отца и увезенъ въ Москву, а девочка выросла въ дѣвчичей Костылькова и насильно сдѣлалась его наложницею. Итакъ, двойникъ Костылькова — Полозковъ. Онъ поклялся отмстить сыну врага за раззореніе и смерть своего отца и за безчестіе своей сестры. Еще прежде уговорилъ онъ Машу бѣжать отъ тирана, и она уже была влюблена въ своего брата и думала, что и онъ ее любитъ. Спрятавъ ее въ развалившійся домъ родной

усадьбы, онъ открылъ ей тайну родства. Въ развалившемся домѣ есть что-то въ родѣ трактира и постоялаго двора, а пристань рѣки служить мѣстомъ сходки разбойничьимъ шайкамъ. Попавшись въ трактиръ въ кругъ разбойниковъ, Степанычъ заставилъ ихъ разбѣжаться въ ужасъ, сказавши, что онъ видѣлъ недалеко военную команду: ему все удастся. Итакъ, съ одной стороны разбойники, съ другой то обстоятельство, что нельзя же долго скрывать сестру отъ Костылькова въ какихъ нибудь пяти верстахъ отъ его резиденціи и въ его же усадьбѣ. Что тутъ дѣлать? Но не безпокойтесь: Степанычу все удастся не хуже Емели Дурачка, которому помогала щука. Видитъ онъ разъ — идетъ военная команда, а въ офицеръ узнаетъ своего пріятеля. Онъ помогаетъ ему изловить 106 человекъ разбойниковъ (Степанычъ — собаку съѣлъ на эти вещи). Офицеръ видитъ Малашу и тутъ же влюбляется въ нее; Степанычъ благородно открываетъ ему свое съ нею родство и ея позоръ и бѣдность. Офицеръ стоитъ на своемъ и, по совѣту Степаныча, прыгнувъ Костылькова службою, заставляетъ его отпустить Малашу на волю, и женится на ней. Дѣло сдѣлалось скоро, на военную ногу. Вотъ послѣ этихъ-то подвиговъ Степанычъ идетъ въ службу за Костылькова. Съ его деньгами и на его лошадяхъ пріѣзжаетъ онъ въ Москву, и является къ Колычеву, который, равно какъ оберъ-полиціймейстеръ, ужасно полюбилъ его. И было за что: молодецъ собою, въ службу царскую такъ и рвется, говоритъ умно и бойко! На Спаскомъ мосту изобличилъ онъ передъ лицомъ оберъ-полиціймейстера кликушу, смущавшую народъ суевѣріемъ, по наущенію поборниковъ старинны. Замѣтивъ при пріемѣ дворянъ, что одинъ изъ нихъ выставилъ за себя навязатаго мошенника, лопко притворившагося сумасшедшимъ, онъ краснорѣчіемъ убѣдилъ его повиниться въ своемъ преступленіи и пойти въ службу. Третій подвигъ Степаныча еще чудеснѣе и рѣшительно лучше всѣхъ двѣнадцати подвиговъ Геркулеса. Степанычъ сказалъ оберъ-полиціймейстеру, что ему извѣстно мѣсто сборища фанатиковъ, распускающихъ въ народѣ ложные слухи и дубочные пасквили ко вреду правительства, и что онъ изловитъ ихъ. Начальникъ полиціи предлагаетъ ему команду, Степанычъ отвѣчаетъ, что у него есть своя, и что онъ «по охотѣ на воровъ тѣшится». Проведенный тайкомъ хозяиномъ дома въ комнату, соседнюю той, гдѣ собралось скопище, Степанычъ въ щель все видитъ и слышитъ. Въ презусъ общества узнаетъ онъ Шахомыча, городского учителя его провинціи, пьяницу, обжору, развратника, шута, который безпрестанно бражничалъ у Костылькова, потѣдая его, и сильно добивался Малашини, котораго онъ, Степанычъ, заставилъ выучить себя грамотѣ въ одну недѣлю, который навелъ разбойниковъ на убійство Малашини и, въ-

ствъ съ ними, скованный отправленъ былъ въ городскую тюрьму. Это страшная натяжка: такой человекъ могъ дѣлать вся подобныя мерзости, но быть главою религиозныхъ и политическихъ фанатиковъ никакъ не могъ по своему характеру. Степанычъ смело врывается въ скопище и начинаетъ усовѣщивать его краснорѣчивою рѣчью. Какая смѣшная мелодрама! Вспомнивъ свирѣпыя пытки и казни того времени, легко понять, что если въ подобномъ скопищѣ были глупцы, простаки и трусы, то предводители его были люди на все готовые, которымъ убить человека, что раздавить муху, особенно если этотъ человекъ тащить ихъ въ застанокъ. И въ самомъ дѣлѣ, Степанычъ видитъ, что одинъ изъ его невольныхъ слушателей наматываетъ на руку кистень; но быстро молніи бросается на него нашъ герой, опрокидываетъ и велитъ встать, что и исполнено. Нѣкоторые въ страхѣ бѣгутъ — Степанычъ за ними съ краснорѣчіемъ, они возвращаются — и всѣхъ ихъ ведетъ онъ въ Кремль и представляетъ оберъ-полковнику, говоря ему: вотъ моя команда! Какъ это эффектно!

Но любопытные могутъ сами прочесть романъ г. Кукольника, что мы имъ даже и советуемъ, потому-что онъ не безъ достоинствъ и не безъ занимательности, хотя и исполненъ натяжекъ, неестественности, эффектовъ и мелодрамы. Мы довольно говорили о содержаніи романа, чтобы имѣть право сказать, что герой его ни съ чѣмъ не сообразенъ. Ему все удается, онъ по страсти, по натурѣ дѣлается полицейскимъ сыщикомъ — и потомъ въ запрещенномъ игорномъ домѣ выигрываетъ болѣе 4000 рублей — сумму огромную по тогдашнему времени, да еще какъ выигрываетъ! — не давши содержателямъ поживиться ни одною ставкою. Онъ любитъ подсматривать и подслушивать, узнаетъ такимъ образомъ важныя тайны всѣхъ и cadaго, и этимъ пользуется. Его не вадуть ни одинъ плутъ, ни одинъ мошенникъ, а онъ всѣхъ ихъ провелъ. И въ тоже время онъ влюбляется высокою платоническою любовью къ неземной дѣвѣ! Онъ — прійоха, пролазь, удалецъ, плутъ и надувало, и онъ же — герой добродѣтели! За то, вся его благородныя чувства высказываются такъ книжно, пошло и приторно! Впрочемъ, это общій недостатокъ всѣхъ добродѣтельныхъ лицъ въ сочиненіяхъ г. Кукольника: вся они говорятъ о добродѣтели словно по книгѣ читаютъ, а слушать ихъ какъ-то совѣстно за нихъ. Особенно приторно проявляется у нихъ любовь къ Петру Великому: она у нихъ вся въ сентенціяхъ, какими наполняются нравственныя книжки для дѣтей....

Къ числу хорошо выдержанныхъ лицъ въ романѣ г. Кукольника принадлежатъ: подъячій Чеушкинъ, отчасти дочь его, Груня, Квинтивіанусъ, воевода и воеводша провинціи, въ которой по-

мастья Костылькова. Зато невыносимо приторенъ характеръ плакси-ваго и великодушнаго дворянина Жатаго. Но еще хуже героиня романа, идеальная Оленька. Авторъ называетъ ее «поэтической дѣвочкою», но мы не замѣтали въ ней ничего поэтическаго, и думаемъ, что къ ней лучше шли бы эпитеты «тахоточной» и «плаксивой». Авторъ, по особенному къ ней расположенію, снабдилъ ее столько же сильнымъ характеромъ, сколько слабымъ тѣломъ. Но както въ пекъ вышла неземная дѣва во вкусъ романтиковъ нашего времени, совершенно чуждая нравовъ своего времени. Она уходитъ въ свою комнату, чтобы прочесть письмо своего любовника (а не жениха) и отвѣтить на него; старая тетка застаётъ ее въ этомъ занятіи и вырываетъ письмо. И что жъ? наша героиня даже и не сконфузилась отъ такой непредвидѣнной бѣды, и наотрѣзъ объявила, что любить и будетъ переписываться. Да помилуйте, г. Кукольникъ! съ чѣмъ же это сообразно? Что за сказка такая, а вы еще говорите, что вашъ романъ — даже и не романъ, а правдивая исторія! Когда же исторія такъ не удачно лгала? Да если бы, за такое страшное, по понятіямъ того времени, преступленіе, эту дѣвицу выставили на площади, у позорнаго столба, или патриархальнымъ обычаемъ нещадно отодрали дома розгами, — то прежде всѣхъ и тверже всѣхъ была бы убѣждена она сама, что это подьяломъ ей, что она заслужила это, и никто бы не разуважилъ ее въ этомъ. Такова сила вліянія времени на человѣка! А каково, въ отношеніи къ правамъ, было то время, г. Кукольникъ знаетъ это лучше многихъ, потому-что особенно изучалъ его. Но одной этой несообразности было ему мало: онъ заблагодарсудилъ покончить свой романъ другою, еще бѣльшею. Когда Оленька узнала, пріѣхавъ отъ вѣнца, что обманомъ была выдана за человѣка, уважаемаго, но не любимаго ею, то вотъ какъ распорядилась она вечеромъ: полойдя къ двери брачной комнаты, куда съѣздовалъ за всю ея мужъ и провожала тетка съ другими родичами, она низко присела мужу, захлопнула дверь передъ его носомъ и заперлась, сказавъ, что и всегда такъ будетъ дѣлать.... Мужъ и тетка, вмѣсто того, чтобы велѣть выломать дверь и *потомъ* разправиться съ венкорною и безстыдною нарушительницею божескихъ и человѣческихъ законовъ, почувствовали раскаяніе и стыдъ!...

Вотъ такъ-то всякое произведеніе г. Кукольника носятъ въ себѣ зародыши скорога разрушенія, какъ тѣ неудачно организованныя дѣти, которыхъ никакой присмотръ не спасаетъ отъ смерти.... И теперь скажемъ, что въ романѣ г. Кукольника много хорошаго, и что, конечно, лучше читать его, нежели молвые французскіе романы въ родѣ графа *Монте-Кристо*, *Записокъ Врача* и *Чортова Сына*; в его, конечно, читаютъ, да и.... забудутъ.... Недостатокъ или не-

довъсокъ въ талантѣ г. Кукольникъ, особенно обнаруживается въ большихъ его произведеніяхъ; въ нихъ явнѣе видно, что чѣмъ болѣе оныя предпринимать, тѣмъ менѣе выполняютъ....

Къ недостаткамъ исторія о Костыльковыхъ принадлежитъ еще то, что авторъ часто впадаетъ въ манеру Поль-де-Кока. Отъ-того, напр., разсказъ о Стенанычѣ, въ которомъ чтеніе плохаго перевода няргалиевой повѣсти: *Arts Amandi*, разжигаетъ вождельвіе, производитъ на читателя непріятное впечатлѣніе.... Такъ же на манеръ Поль-де-Кока преувеличены нѣкоторыя комическія сцены и положенія. Къ такимъ относимъ мы картину черезчуръ толстаго камерира Кононыча, который, похвачъ въ таратайку, высадишь и дво и сидѣнье, да въ этомъ положеніи и проторчалъ чуть ли не всю ночь.... Таково же описаніе въезда воеводы въ провинцію. Воеводиху звали Маланьей Ивановной. Проѣзжая мимо лѣсу Костылькова, въ которомъ тотъ съ своею ватагою вызывалъ криками отставшую свою любовницу Маланью Ивановну, воеводиха вообразила, что это кричатъ лѣшіе и перепугалась. Это черта забавная и въ духъ времени, но авторъ, какъ говорится, пересолилъ, даже слишкомъ:

— Что тамъ такое? Городъ, что ли? А я тебѣ, болванъ, говорила ѣхать шагомъ. И поспать не дали!...

Крики въ лѣсу продолжались.... Занавѣска въ колымагѣ отдернулась; и отъ-туда выглянула голова, повязанная платкомъ, и грознаго виду.

— Что тамъ такое? черти! Ну, я здѣсь, что надо?

Но грозное и румяное лицо въ минуту поблѣднѣло, когда путешественница замѣтила, что голоса неслись изъ лѣсу.

— Лѣшіе! вскрикнула она — и спряталась, и задернула занавѣску, и окутала голову въ подушки и перины, которыми колымага была преисполнена. Въ бричкѣ произошла та же сцена, съ небольшими перемѣнами; полотно на скоро отпахнулось; въ отверстіе выглянула голова такого же объема и виду; по голосу только можно было узнать, что въ бричкѣ пребывалъ мужчина.

— Что за шумъ! заревѣлъ путешественникъ. Дамъ я вамъ воеводскій сонъ тревожить!

Но въ то же мгновеніе, замѣтивъ отъ-куда голоса, воевода поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ....

Семенъ, Вукозь, Евламій, Андрей, Марфа, Палашка, творите молитвы, то лѣшіе.

И воевода сталъ креститься обѣими руками.... Лѣшіе! закричало множество голосовъ; посыпались нещадные и неисчетные удары нучерскихъ плетей; лошади понеслись во всю мочь; паренъ съ арапникомъ, видя, что его оставляютъ на жертву всему сборищу лѣшихъ, съ отчаянья вскочилъ на желѣзную возку брички и ухватился обѣ-

ими руками за полотно; оно рвалось въ рукахъ его; онъ хватался за обручи; и тѣ не выдержали; въ ужасѣ онъ уцѣпился за воеводу; а тотъ замираясь кричалъ во все горло:

— Отпусти душу на покой! со всей провинціи ни алтына не возьму, ни ложки патоки; ужъ тогда меня кушай, какъ вѣтку возьму.... Ой, душить, душить! Помогите!

Напрасно! Каждый думалъ о себѣ, даже лошади неслись, или лучше сказать несли восводскій поѣздъ, съ курьерскою быстротою. Три или четыре версты, оставшіяся до города, проскакали во весь опоръ и какъ вкопаныя остановились передъ постоялымъ дворомъ, сапая и поматывая ушами. Не успѣли путешественники очнуться, какъ уже цѣлая провинція, то есть, весь городъ окружилъ поѣздъ. Осмѣлясь открыть глаза, воевода съ ужасомъ увидѣлъ, что за ноги его всё еще держался гайдукъ Семенъ.

— Плетей! закричалъ воевода. Такъ это ты вздумалъ лѣшаго показывать.... Это что! Мы въ провинціи! Въѣхали безъ трезвону, безъ перемоніи! Вотъ я тебя! Вставай!

И воевода давай тузить Семена, къ общему удовольствію всей провинціальной публики. Громкій смѣхъ стлался по всей площади и привелъ воеводу въ неистовство; онъ успѣлъ какъ то освободить ноги изъ окоченѣлыхъ рукъ Семена, всталъ, но какъ всю бричку наполняли перины, то воевода, качаясь на пуховой каедрѣ, возгласилъ тако:

— Смирно! Дамъ я вамъ сѣяться надъ вашимъ воеводой!

Горожане оробѣли; смолкли; одни пустились бѣжать; другіе, ближайшіе къ сценѣ, повалились въ грязь на колѣни, и низменно кланяясь, жалобно вопили: — Прощенья просимъ, государь воевода; опознались, батюшка, отецъ нашъ родимый!

— Тѣ то же! сказалъ воевода, ободрясь и подбодченясь. По домамъ! А кто въ четверть часа не будетъ сидѣть дома, или будетъ сидѣть дома, да учнетъ глазѣть въ окошко — весьма будетъ оштрафованъ. По рублю съ рыла! По домамъ!...

И площадь опустѣла. Провожая бѣгущихъ взорами и довольною усмѣшкой, воевода выползъ изъ брички и подошелъ къ колымагѣ.

— Меланья Ивановна! сказалъ онъ тихо.

— Пришла моя бѣда! шептала воеводица: подбирается.

— Меланья Ивановна, да не бойтесь ничего, это я, вашъ супругъ и сожитель, Максимъ Ивановичъ ...

— Да ужъ если бы ты былъ Максимъ, такъ не я, а ты бы меня боялся; а ты не Максимъ; ты извѣстно кто....

— А кто же я, Меланья Ивановна?...

— Да я никогда богомерзкихъ словъ не говорю и не говорила; а если и случалось какъ ни есть сказать непутное слово, такъ безъ умыслу, видитъ Богъ, безъ всякаго намѣренія.

— Кто объ этомъ говорить; вы такія благодушныя....

— Видишь, видишь, какъ подмасливается! Благодушная не благодушная, а такая, какъ и всѣ грѣшныя Еввины вучки.

— Такъ подымайтесь, Меланья Ивановна, пока никого на площади нѣтъ.

— А ты меня и скушаешь....

— Гдѣ мнѣ! И лѣшій подавится. Да перестаньте же бояться; надо приниматься за воеводство; а скоро и солнце взойдетъ. Съ этими словами воевода собственноручно — отдернулъ занавѣску и Меланья Ивановна, всплеснувъ руками, приподнялась на перьяхъ:

— Батюшки свѣты! Точно! Ты! Максимъ Ивановичъ! Ты, Буруновъ, осьмаго класса! воевода!... а это наша провинція, что ли? Это наши улицы?

— Наши, матушка Меланья Ивановна! Только подымайся проворнѣе. Любопытство заперъ я на замки, окна имъ замазалъ воеводскимъ словомъ, да этотъ порокъ, матушка, пожалуй въ трубу выѣзаетъ.... Такъ поторопись, пока никого нѣтъ!

— Да какъ же я потороплюсь? Вѣдь ты знаешь, что я ноги разула; жару боялась, а чулки и башмаки Палашка еще на томъ постолломъ дворѣ, гдѣ ночевали, съ собой унесла. Поди-ка, кликни Палашку....

Вотъ и эта маленькая сценка тоже въ поль-де-коковскомъ родѣ:

• Всѣ и все было въ прежнемъ порядкѣ: воевода только побагровѣлъ, а впрочемъ ничего, говорилъ безъ умолку; прочіе также озарились какъ-то вечернимъ образомъ, но также ничего, слушали безъ устали; одинъ только Бузе почти дремалъ и держалъ въ зубахъ черенокъ ножа вмѣсто трубки. Даже Галунчиковъ, поступаая за обѣдомъ съ нѣкоторою методою, хотя и спалъ, но то однимъ глазомъ, то другимъ, въ очередь. По комиссарской привычкѣ глаза у Галунчикова были какъ лапы у гуся: одинъ всегда былъ въ запасѣ, другой насторожѣ. Но картина эта въ то же мгновеніе разрушилась, потому что вошелъ Иванъ Степанычъ въ странномъ расположеніи духа, съ примѣтной досадою, безъ всякаго чиновположенія бросился въ кресла и заревѣлъ по-хозяйски: — Меду! Всѣ проснулись: Бузе, уронивъ ножъ, проснулся, чтобы поднять, потерялъ равновѣсіе и свалился, воевода хотѣлъ поднять его или по крайней мѣрѣ освободить свои ноги изъ подъ гнета, и также не удержалъ балансу; усердіе къ воеводѣ увлекло за нимъ въ паденіи Лукича, Галунчикова и Пахомыча. Степанычъ скорѣе зажмурился и притворился спящимъ. Иванъ Степанычъ вскочилъ съ мѣста, чтобы позвать людей, но въ самыхъ дверяхъ столкнулся съ тучной фигурой Митюшкина, который, увидѣвъ подстольную картину, воздвигъ руки свои горѣ и воскликнулъ съ горестію: — О, бедна несчастія!

Въ заключеніе скажемъ, что романъ г. Кукольника и конченъ и не конченъ, т. е. конченъ да такъ, что авторъ можетъ писать и другой романъ съ тѣми же главными дѣйствующими лицами. Это тѣмъ

вроятнѣе, что авторъ увѣряетъ, что исторія двухъ Ивановъ, двухъ Степанычей, двухъ Костыльковыхъ совершенно кончилась, «въ чемъ», говоритъ онъ, и свидѣтельству подписаніемъ руки *моея*. Почему же не продолжаться исторіи Ивана Степаныча Полозкова? Въ этомъ мы также не видимъ никакой причины, какъ и въ манерѣ писать *моея*, вмѣсто *мойя*, на манеръ Сумарокова, который, вѣроятнѣе, для вѣщей красоты слога, писалъ *скорнль* и *бистряль* вмѣсто *скорпе* и *бистре*....

Новая библиотека для воспитанія, издаваемая Петромъ Рязкинскимъ. Москва. 1847. Дѣвъ книжки.

Сынъ рыбака, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Повесть для дѣтей. Сочиненіе П. Фурмана. Изданіе второе. Спб. 1847.

Альманахъ для дѣтей, составленный П. Фурманомъ. Спб. 1847.

Что читать дѣтямъ? Нашимъ дѣтямъ вовсе нечего читать! — Вотъ вопросы и восклицанія, которые безпрестанно раздаются со всѣхъ сторонъ. А между-тѣмъ сколько ежегодно издается у насъ книгъ и книжекъ для дѣтей, издавались и даже теперь издается дѣтскій журналъ. Конечно, наши дѣтскія книги большею частію очень плохи и принадлежать совсѣмъ не къ литературѣ, а къ промышленности, составляютъ часть товара, который долженъ наполнять лавки съ дѣтскими игрушками; но все же между нашими книгамъ и изданіями для дѣтей есть и порядочныя, по крайнѣй мѣрѣ такія, которыя только со стороны языка и слога уступаютъ французскимъ сочиненіямъ этого рода, а по содержанію и направленію столько походятъ на нихъ, сколько слѣдуетъ переводамъ и передѣлкамъ походить на свои оригиналы... Но загляните въ эти лучшія книги, — и вы невольно скажете: «Бѣдные дѣти, вамъ дѣйствительно нечего читать! И ужъ лучше вамъ вовсе ничего не читать, нежели читать эти вздоры и пошлости!...»

Скажемъ ясное нашу мысль: за исключеніями, слишкомъ не многими и рѣдкими, мы считаемъ вздорными и вредными не только наши русскія книги для дѣтей, но и ихъ иностранныя образцы, разгуливающіе по всему свѣту подъ эгидою громкихъ именъ ихъ знаменитыхъ авторовъ...

Еслибы это было не такъ, то откуда же возникъ бы вопросъ: нужны ли, полезны ли дѣтскія книги вообще? А этотъ вопросъ со дня на день повторяется чаще и рѣшается различно. Одни утверждаютъ, что для чтенія дѣтямъ необходимы книги, приравливаемыя къ ихъ понятію; другіе доказываютъ, что дѣти должны читать тѣ

же самыя книги, какія читають и взрослые, только съ болѣе строгимъ выборомъ.

Не беремся рѣшить этотъ вопросъ; но попытаемся изложить наше о немъ мнѣнiе.

Рѣшенiе подобныѣхъ вопросовъ и легко и трудно. Вся дѣти имѣютъ общiе родовыя ихъ возрасту свойства и качества, и потому ничего нѣтъ легче, какъ, составивши себя отвѣченное понятiе о дѣтяхъ, рѣшить вся касающiеся до нихъ вопросы. Но вотъ въ чемъ трудность: у каждаго ребенка своя натура, свои интеллектуальныя средства, нравственныя наклонности, характеръ; дѣти бываютъ различныхъ возрастовъ, потребности семилѣтняго дитяти уже не та, что у ребенка трехъ лѣтъ, а потребности двѣнадцатилѣтняго дитяти далеко не та, какія у семилѣтняго, и т. д. Притомъ, гдѣ границы дѣтскаго возраста? Неужели чедовѣкъ въ 14 лѣтъ — уже юноша? И время отъ 14 до 16 лѣтъ не составляетъ ли перехода отъ дѣтства къ юношеству? Кроме того, не случается ли, что одинъ и въ 18 лѣтъ смотритъ ребенкомъ, а другой въ 14 обнаруживаетъ интеллектуальную зрѣлость юноши? При этомъ какую важную роль играетъ различiе половъ! Что идетъ мальчнкамъ, то не годится для дѣвочекъ, и наоборотъ.

Съ какихъ должно начинать учить ребенка чтенiю и письму? — Опять во. . . относительный, котораго нельзя рѣшить для всѣхъ дѣтей, но который долженъ рѣшаться особо для каждаго ребенка. Обыкновенно общимъ среднимъ терминомъ для начала ученiя полагаютъ семилѣтнiй возрастъ. Мы думаемъ, что и при самыхъ острыхъ и резко выказывающихся способностяхъ ребенка, нѣтъ никакой нужды торопиться начинать ученiе раньше семи лѣтъ. До этого же возраста, должно обращать все вниманiе преимущественно на физическое и нравственное воспитанiе. Первое должно быть положительнымъ и состоять въ развитiи здоровья, тѣлесной крѣпости, гибкости и ловкости. Это—дѣло гимнастики и правильнаго образа жизни. Пусть дѣти играютъ, шумятъ, рѣзвятся, лишь бы во всемъ этомъ не было ничего грубаго, пошлаго, неприличнаго, и лишь бы онѣ во-время и въяру ѣли, во-время ложились спать и въяру спали. Нравственное воспитанiе дѣтей даже и дальше семилѣтняго возраста, должно быть отрицательное, т. е. состоять въ удаленiи отъ нихъ всякихъ дурныхъ примѣровъ и въ развитiи въ нихъ чувствъ любви, справедливости и чело-вѣчности не правилами морали, а, такъ сказать, влiянiемъ привычки, такъ-чтобы онѣ не знали, какiя это чувства и какъ онѣ въ нихъ развиваются. Все это зависитъ отъ людей, которыми окружены бываютъ дѣтя ежедневно. Но моральныя правила, сентенцiи, поученiя, способны только наводить на дѣтей скуку

и возбуждать въ нихъ отвращеніе, или образовывать изъ нихъ педантовъ, резонёровъ, лицемѣровъ. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ непосредственнѣе должно быть его нравственное воспитаніе, т. е. тѣмъ болѣе должно его не *учить*, а *пріучать* къ хорошимъ чувствамъ, наклонностямъ и манерамъ, основывая все преимущественно на *привычкѣ*, а не на преждевременномъ и, следовательно, неестественномъ развитіи понятій. Приобретенное дитятею такимъ непосредственнымъ образомъ, такъ сказать, привычкою, послужитъ самымъ прочнымъ основаніемъ для сознательнаго развитія всѣхъ человѣческихъ чувствъ, когда настанетъ время дѣятельности его ума и разсудка. Что касается до ученія, то дитя учится и до азбуки: дѣти любопытны и обо всемъ спрашиваютъ старшихъ: что это и что то. Должно отвѣчать имъ кротко, терпѣливо, серьёзно, не шутя и не обманывая ихъ, объяснять имъ сообразно съ степенью ихъ пониманія, и искусно уклоняться отъ ихъ вопросовъ, когда они касаются такихъ предметовъ, о которыхъ имъ знать не слѣдуетъ, или такихъ, которые выше ихъ понятія. Кроме того, въ этотъ возрастъ можно и должно тѣмъ, у кого есть средства, учить дѣтей живымъ иностраннымъ языкамъ, но только говорить, и собственно не учить, а пріучать, опять основываясь только на силѣ привычки.

Но вотъ ребенку семь лѣтъ, вотъ онъ уже только было читаетъ. Что же читать ему? И заботливые родители шутъ по книжнымъ лавкамъ приличной пищи для читательнаго голода ихъ дѣтей. Да, помилуйте, мало ли у нихъ чтеній и безъ этихъ книгъ? Вѣдь азбука не конецъ, а только начало ученія. Дитя, которое до семи лѣтъ успѣло выучиться лепетать на двухъ или трехъ иностранныхъ языкахъ, кроме русской азбуки, должно заняться еще тремя азбуками. Кроме того, за азбукой слѣдуетъ грамматика, арифметика, географія и т. д. Все это возьметъ много времени у ребенка и охладитъ его излишнее порываніе къ книгамъ, потому-что охота попрыгать, пошумѣть, побѣгать, поиграть и даже пошалить, у много не проходитъ даже и въ 15 лѣтъ. Но, скажутъ намъ, и за уроками, и за играми, все-таки остается праздное время, особенно зимою, котораго нечемъ наполнить. Это можетъ быть. Но какія же давать тутъ дѣтямъ книги? Главный недостатокъ этихъ книгъ тотъ, что онѣ или выше, или ниже понятій дѣтей. Въ первомъ случаѣ, онѣ дѣлаютъ изъ дѣтей скороспѣлыхъ умниковъ, педантовъ, резонёровъ; во второмъ—дѣлаютъ ихъ слабоумными, пріучая къ неестественной ихъ возрасту наивности. Большая часть дѣтскихъ книгъ вмѣщаютъ въ себя вдругъ оба эти недостатка. Вотъ почему онѣ даже не бесполезны только, а положительно вредны. Въ этихъ разсказахъ для дѣтей, все—ложь, фраза, риторика, жизнь отражается въ нихъ какъ предметы въ кривомъ

да еще запачканномъ спереди и потертомъ сзади зеркаль. И потому лучшими книгами для чтенія дѣтей перваго возраста могли б'ь быть такія книги, которыя бы весело знакомили ихъ съ землею, съ природою и отчасти съ исторіею. Книги эти непримѣнно должны быть съ картинками, ибо «наглядность» должна быть основаніемъ дѣтскаго развитія. Еслибы нашлась книжка съ картинками, изображающими горы, моря, острова, полуострова, минералы, разныя чудеса физической природы, потомъ явленія растительнаго, а наконецъ животнаго царства, и при этихъ картинкахъ былъ бы объяснительный текстъ, простой, толковый, безъ фразъ и восклицаній о томъ, какъ прекрасна природа и т. п.; еслибы всѣ эти предметы были изложены не только въ порядкѣ, но и въ ученой системѣ, а въ текстѣ ни слова не упоминалось ни о какихъ системахъ: такую книжку всякій отецъ долженъ бы поспѣшить купить для своихъ дѣтей, въ полной увѣренности, что это безцѣнный, по своей полезности, гостинецъ для нихъ. Гдѣ кончается царство животныхъ, тамъ начинается царство человека. Для легкаго и пріятнаго знакомства дѣтей съ этимъ царствомъ, очень полезны путешествія или просто описанія земель и народовъ всего земнаго шара. Картинки тутъ опять должны играть главную роль. Текстъ долженъ быть такой, какъ будто онъ писанъ для взрослыхъ людей, только изъ него должно быть включено все, что выше понятія дѣтей, что не можетъ быть имъ интересно, чего не слѣдуетъ имъ знать. Что касается до исторіи, она должна состоять изъ біографій историческихъ лицъ, анекдотовъ изъ ихъ жизни, отдѣльных историческихъ событій, имѣющихъ нравственное значеніе. Нравственность тутъ должна быть главнымъ предметомъ, но о ней отнюдь не должно упоминать, отнюдь никакихъ наставленій и поученій: она должна быть не въ словахъ, а въ дѣлахъ, и переходить въ дѣтей не какъ *понятіе*, а какъ *чувство*. Разумѣется, такого рода книги должны быть приварованы къ дѣтскому возрасту. Дѣти очень любятъ біографіи полководцевъ, но для нихъ нѣтъ никакого интереса въ біографіяхъ ученыхъ, художниковъ, философовъ, администраторовъ, и т. п. Впрочемъ, все зависитъ отъ намѣренія, цѣли и умѣнья автора книги. Біографія Платона во всякомъ случаѣ бесполезна и скучна для дѣтей, потому-что отъ превысшреннихъ идей этого, конечно, гениальнаго мыслителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мечтателя и фантаста, и у взрослыхъ людей иногда умъ за разумъ заходитъ. Но біографія Сократа — другое дѣло. Это былъ не столько философъ, сколько мудрецъ; ученіе его было живое, практическое, удобоприложимое къ жизни; самая манера его спорить и доказывать можетъ быть и полезна и интересна для дѣтей, если изложить ее ясно и искусно: въ ней такъ много драматическаго элемента. Но что за польза дѣтямъ

знать біографію Гомера прежде, нежели прочтуть онъ *Иліаду* и *Одиссею*, и имъ что-нибудь понравится въ этихъ поэмахъ? После — другое дѣло.

Дѣти ужасно впечатлительны, такъ-что отъ этой способности зависить и ихъ спасеніе и ихъ гибель. Человѣкъ всю жизнь помнитъ всякій вздоръ, который читалъ онъ въ дѣтствѣ и который тогда особенно ему нравился. Изъ этого видно, какое великое счастье для дѣтей, когда ихъ мягкій и впечатлительный, какъ воскъ, свѣжій, не засоренный пустяками и вздорами, не усталый, не истомленный мозгъ обогатится только полезными и дальними впечатлѣніями! Это должно быть одною изъ главныхъ заботъ воспитанія, чтобы и пріятное было полезно. Но несчастны тѣ дѣти, которыхъ юный мозгъ засорится сперва чтеніемъ дѣтскихъ книгъ, и потомъ водевилями, вздорными романами и всякою подобною дрянью! Лучше бы имъ вовсе ничего не читать!

Изъ всего можно сдѣлать злоупотребленіе. Охота къ чтенію — хорошая наклонность въ дѣтяхъ, но и она можетъ сдѣлаться вредною, пріучивъ ихъ къ мечтательности и похищая время у ихъ ученія. Пусть на чтеніе будетъ у нихъ свое время, и пусть чтеніе не отнимаетъ времени не только у ученія, но даже у игръ и развосты. Всему должно быть свое время, и строгій порядокъ долженъ быть душою всего. Когда видишь умнаго и страстнаго къ чтенію ребенка или юношу, который лишень всякъ средствъ къ ученію и образованію, прелоставленъ природою и самому себѣ, и съ жадностью читаетъ безъ разбора все, что ни попадется ему подъ руку, и хорошее и дурное: и жалѣешь о немъ, и радуешься за него. Все лучше и полезнѣе ему такъ читать, нежели пристраститься, отъ лѣности и отъ нечего дѣлать, къ картамъ, къ билльярду, къ вину и другимъ не изящнымъ «художествамъ». Но грустно видѣть ребенка или молодого человека, который, имея всѣ средства къ ученію, тратитъ большую часть своего времени на чтеніе литературныхъ произведеній, предается мечтательности и гонится за энциклопедическимъ всезнавіемъ, которое иногда хуже положительнаго невѣжества!

Отъ 7-ми до 14-ти лѣтъ много воды утекаетъ, и ребенокъ становится уже не ребенкомъ. Ученіе идетъ своимъ порядкомъ и, кромѣ пользы, въ свою очередь, можетъ доставить ему и удовольствія чтенія. Это въ особенности переводы съ иностранныхъ языковъ. Корнелій Непотъ, Саллюстій, Плутархъ: развѣ содержаніе ихъ сочиненій не такъ же интересно, какъ и содержаніе романа? По крайней мѣрѣ, надо стараться, чтобы это было такъ. Всего лучше, если молодой человекъ прочтетъ на доступныхъ ему иностранныхъ языкахъ все, признанное классическимъ, дальнимъ, и пристрастится къ этому ро-

ду чтенія прежде, нежели познакомится съ романами и вообще съ легкою литературою.

Время для чтенія романовъ молодымъ людямъ, есть время ихъ перехода отъ дѣтства къ юношеству, когда уже имъ можно читать многое, но еще не иначе, какъ съ выбора и разрѣшенія старшихъ. Первый романъ, который можно дать молодому человѣку дѣтъ двѣнадцати — *Юрій Милославскій* г. Загоскина. Затѣмъ понемногу можно давать романы Вальтера-Скотта и Купера. Тутъ все дѣло въ томъ, чтобъ не дать въ руки молодого человѣка такой книги, которая можетъ прежде времени познакомить его съ такими чувствами, страстями и понятіями, которыя несвойственны его возрасту. Это истинная гибель и для здоронья и для нравственности. Вотъ почему мы прямо и безъ оговорокъ указали на Вальтера-Скотта и Купера: въ ихъ романахъ изображена жизнь дѣйствительная, а не воображаемая, они изящны, художественны, а между тѣмъ, въ нихъ нѣтъ ничего опаснаго даже для дѣтей. Мы очень уважаемъ Гофмана, и если видимъ въ немъ чудака и безумца, то все же гениальнаго, и, однакожь, считаемъ его для дѣтей столько же, или еще и болѣе вреднымъ, нежели Поль-де-Кока, хотя и вовсе другимъ образомъ. Для дѣтей страшно вредно все, что развиваетъ и возбуждаетъ фантазію насчетъ другихъ интеллектуальныхъ способностей; фантазія у дѣтей и безъ того самая дѣятельная способность, и потому ее слѣдуетъ скорѣе сдерживать, нежели возбуждать, или, что всего губительнѣе, давать ей уродливое направленіе ко вреду дѣятельности ума и, въ особенности, разсудка и здраваго смысла.

Новая Библіотека для Воспитанія, издаваемая г. Рядкинѣмъ, есть единственная книга, которую можно рекомендовать отцамъ семействъ, изъ всѣхъ книгъ этого рода, появившихся въ последнее время. Не всѣ статьи, составляющія ея содержаніе, одинаковаго достоинства; но между ними нѣтъ рѣшительно дурныхъ, и есть очень хорошія. Пересмотримъ ихъ по порядку. *О Лунь*, статья г. А. Драшусова, очень дѣльна по содержанію. Иначе и быть не можетъ: нельзя сказать о лунѣ что-нибудь другое, кромѣ того, что можно сказать о ней, если говорить приметя человѣкъ, коротко знакомый съ астрономіею. Стало бытъ, все достоинство такой статьи должно состоятъ въ оживленномъ и увлекательномъ изложеніи. Къ сожалѣнію, статья г. Драшусова суха, черства и скучна, а сверхъ того, написана языкомъ и слогомъ, нельзя сказать, чтобы изящными. «Мы покажемъ впоследствии, какъ просто и легко разрѣшается вопросъ, съ перваго взгляда весьма трудный, на который, какъ кажется многимъ, отвѣчать совершенно невозможно, — объ опредѣленіи разстоянія небесныхъ тѣлъ; но здѣсь необходимо предварительно объяснить, по-

чему мы называемъ близкимъ разстояніе луны отъ земли. между-тѣмъ какъ изъ достоверныхъ измѣреній извѣстно, что оно составляетъ около 360,000 верстъ, — удаленіе (развѣ отдаленіе, или всего лучше *разстояніе*), которое каждому покажется огромнымъ» (стр. 3). Периодъ, нельзя сказать, чтобы короткій и складнымъ! Но вотъ еще лучше. «Кромѣ *суточнаго* движенія, — общаго солнцу и звѣздамъ, по причинѣ котораго свѣтила, въ продолженіе сутокъ, восходятъ и садятся (заходятъ?), или же описываютъ на небѣ полныя, правильныя круги, какъ будто бы небесный сводъ, со всеми разсыянными по немъ звѣздами, обращаясь около неподвижной оси, — луна имѣетъ еще особенное собственное движеніе, въ силу котораго ея разстояніе отъ звѣздъ безпрестанно перемѣняется: она постоянно удаляется отъ свѣтилъ, лежащихъ на западъ, въ той сторонѣ, гдѣ заходитъ солнце, и приближается къ свѣтиламъ, расположеннымъ на востокъ, близъ мѣста солнечнаго восхода, и движется, такимъ образомъ, съ правой стороны въ лѣвую» (стр. 5 — 6). Этотъ семиндѣльный періодъ словно переведенъ съ нѣмецкаго; ясность его — тоже нѣмецкая. «Описанныя явленія суть, очевидно, затмѣнія звѣздъ луною, которая, будучи тѣло (мѣ) непрозрачное (нмѣ), скрываетъ ихъ отъ нашего зрѣнія, пока движется между ними и нашими глазами» (стр. 12). «Заключеніе, въ строгости справедливое» (стр. 62). Авторъ хотѣлъ сказать. «*строго справедливо*»; а у него вышло какъто *сприведливое въ строгости*, т. е. *строгое, но справедливое*. Въ началѣ своей статьи, г. Драшусовъ говоритъ, что «внимательное чтеніе, особенно при помощи наставника, его статьи, познакомятъ съ луною. Но если нуженъ наставникъ, то статья повсе не нужна. Въ свое время молодой человѣкъ, на университетскихъ лекціяхъ, узнаетъ все, что относится до луны, а до тѣхъ поръ ему лучше учиться у своего наставника чистой математикѣ, безъ которой невозможно знаніе астрономіи. За чѣмъ же ему терять время надъ статьею, такъ не литературно и не изящно написанною?... *Прогулка по Гарцу*, статья г. В. Лапшина, не лишена интереса и написана хорошо. Но мы рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ помѣщена въ *Библіотекѣ для Воспитаній* сказка: *Золотой Лукъ?* .. А что ручается, что это не сказка, а анекдотъ, а если и анекдотъ—что въ немъ хорошаго для дѣтей? Развѣ то, что онъ разовѣетъ въ нихъ манію къ отыскиванію кладовъ?... Вторая книжка *Библіотеки* начинается *Русской Литературою для первоначальнаго чтенія*: это пересказъ, если можно такъ выразиться, несторовой хроникѣ его же складочъ, да только нашимъ языкомъ. Вотъ это статья! Она равнѣ интересна и полезна и для дѣтей, и для тѣхъ взрослыхъ, которые и не прочь бы отъ знанія отечественной исторіи, но нисколько не расположены изучать ее ученымъ образомъ,

по источникамъ, которыхъ чтеніе такъ трудно. А здѣсь можно получить понятіе и объ источникахъ, не трудясь, а только наслаждаясь. Статья принадлежит г. Соловьеву, который обещаетъ для *Библиотеки* цѣлый рядъ такихъ статей. Мысль счастливая, особенно когда исполняется ученымъ, который можетъ отвѣчать за каждое выраженіе, за каждое слово въ своей статьѣ, — что всего важнѣе въ статьяхъ такого рода. Слѣдующая статья — *Пирр* есть именно одна изъ тѣхъ статей, которая желательна какъ можно чаще встрѣчать въ этомъ изданіи. Она извлечена изъ Roth's *Lesebuch zur Einleitung in die Geschichte*. «Миръ хотѣлось бытъ ль (е) каремъ» — повѣстка для дѣтей, но лишняя интереса; въ ней говорится о правахъ и обычаяхъ Персіанъ нашего времени. *Страхотлоаніе Одиссея*, по нашему мнѣнію, должны бѣ быть изложены иначе — просто въ прозаическомъ переводѣ, пожалуй, съ выпусками, сокращеніями и измѣненіями, но въ переводѣ; въ пересказѣ же эта поэма лишилась всей своей поэтической прелести и стала похожа на скучную сказку.

Мы не скажемъ, чтобы *Новин Библиотеки для Воспитанія*, издаваемая г. Радкинымъ, вполне удовлетворяла всѣмъ требованіямъ и не могла бѣ быть лучше, даже гораздо лучше; но мы по совѣсти можемъ сказать, что и сама по себѣ, это — дѣльная и полезная для дѣтей книга, которую смѣло можно рекомендовать отцамъ семействъ, и что она не идетъ ни въ какое сравненіе съ книгами этого рода, безпрестанно издающимися у насъ. Надѣемся и увѣрены, что ея издатель не будетъ жалѣть никакихъ трудовъ на постепенное улучшеніе такого полезнаго изданія.

Сина Рыбака мы выставили въ началѣ нашей статьи не потому, что это лучшая изъ дѣтскихъ книгъ, изданныхъ въ послѣднее время въ Петербургѣ, и не потому, что она достигла второго изданія; а потому, что она представляетъ собою богатѣйшій образецъ совершенной безполезности большей части дѣтскихъ книгъ. Какой можетъ быть интересъ для дѣтей въ біографіи поэта и ученаго, когда еще онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія ни о поэзіи, ни о наукѣ? Издавать для малолѣтнихъ дѣтей подобную книгу — не то ли это самое, что издавать для крестьянъ біографію Гегеля? Вотъ другое дѣло издать для дѣтей біографію Петра Великаго, Суворова, Кутузова: это имъ доступнѣе, онѣ любятъ разказы о сраженіяхъ, да и личность Петра Великаго, какъ государя и какъ человека, искусно очерченная, не могла бы ихъ не заинтересовать. Но что имъ въ Ломоносова? А когда онѣ подрастутъ, то пусть прочтутъ романъ-біографію Ломоносова, прекрасно составленный г. К. Полевымъ, да вмѣстѣ съ тѣмъ примутся читать и самого Ломоносова. И какъ бѣдно и жалко составлена

книжка г. Фурмана! Первая половина ея — компиляція изъ прекрасной книги г. К. Полеваго; а вторая — вѣдлїи и мертвїи наборъ словъ. И все это украшено восьмью безобразнѣйшими литографїями. И такія книги появляются вторымъ изданїемъ! Бѣдныя дѣти, лучше бы вамъ вовсе не знать грамота!

Дѣтскїй Альманахъ для Дѣтей, изданный г. Фурманомъ, избрали мы для рецензїи, какъ общїй типъ почти всѣхъ дѣтскихъ книгъ. Этотъ альманахъ состоитъ изъ четырехъ драматическихъ пьесъ въ прозѣ. Несмотря на русскїя (весьма неулучно придуманныя) имена и фамиліи, явно, что всѣ эти пьесы переведены съ французскаго: въ нихъ вовсе не наши нравы, и отъ этого нелѣпость ихъ дѣлается еще вопїющае. Въ нихъ добродѣтельные говорятъ словно по книгѣ, порочныя къ концу пьесы непременно раскаяются и дѣлаются добродѣтельными. Нигдѣ не замѣтно причинъ ни порока, ни раскаянїя. Стало быть, все вздоръ и ложь. Но для многихъ людей развивать въ дѣтяхъ нравственныя чувства можно только обманывая ихъ: достойная проклятїя мысль! Сатана — отецъ гнусной лжи — породилъ ее, а лживые, или ограниченные люди уварили въ нее и чаютъ отъ нея спасенїя дѣтей своихъ! Все въ этихъ пьесахъ неестественно, сантиментально, пошло, надуто — и чувства и выраженїе! А языкъ — это верхъ неестественности: ни одной простой фразы, все поквижному. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «не угодно ли вамъ прогуляться со мною по саду въ ожиданїи возвращенїя нашихъ дѣтей». Помилуйте! кто жъ такъ говорить? вслїкїи скажетъ: *пока воротятся наши дѣти*. Простой, невоспитанный мальчикъ, поднятый рыбакомъ съ улицы, на которой онъ лежалъ замертво отъ стужи, говоритъ о своемъ отцѣ, утонувшемъ въ морѣ: «Волна, которая его потопила, поглотила также и всѣ средства къ моему дальнѣйшему существованїю». Благовоспитанныя дѣвицы, въ разговорѣ, безпрестанно употребляютъ слова: *ибо, кои и оиия!*... Это разговорный слогъ! Можеть быть пьесы эти перевела одна изъ тѣхъ особъ, для чтенїя которыхъ назначается эта книжка (подъ тремя изъ нихъ подписано: *А. С. — на*); но чего же смотрѣлъ издатель, зачѣмъ не поправилъ онъ? Или онъ счлалъ только тѣ, что могъ?... Въ такомъ случаѣ, умоляемъ его не издавать больше книгъ для дѣтей....

Обращаясь къ общей идеѣ полезности или безполезности дѣтскихъ книгъ, вотъ что скажемъ мы, какъ результатъ нашего мнѣнїя объ этомъ предметѣ:

Мнѣнїе, что дѣти должны читать только тѣ, что читають и взрослые, не лишено основанїя и справедливости; но требуетъ большихъ исключенїй и ограниченїй. Но намъ кажется, что можно дать на этотъ предметъ правило, не допускающее почти никакихъ исклю-

ченій и ограниченій: книги для дѣтей можно и должно писать, но хорошо и полезно только то сочиненіе для дѣтей, которое можетъ занимать взрослыхъ людей и нравиться имъ не какъ дѣтское сочиненіе, а какъ литературное произведеніе, писанное для всѣхъ. И къ повѣстямъ, разсказамъ и драматическимъ пьесамъ это относится едва ли еще не болѣе, чѣмъ къ статьямъ другого рода.

Да гдѣ же взять такихъ книгъ? — Это ужь не наше дѣло. Мы сочтемъ себя очень счастливыми, если изложеніемъ нашего мнѣнія объ этомъ предметѣ, наведемъ много талантливаго человека на настоящій путь въ отношеніи къ сочиненію книгъ для дѣтей.

КАРТИНА ЗЕМЛИ ДЛЯ НАГЛЯДНОСТИ ПРИ ПРЕПОДАВАНІИ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ, *составленная А. Ф. Постельсомъ. Съ литографированнымъ большимъ рисункомъ. Спб. 1846.*

Наглядность признана теперь всѣми единодушно самымъ необходимымъ и могущественнымъ помощникомъ при ученіи. Она состоитъ въ томъ, чтобы помогать памяти и уму ребенка представленіемъ являющагося образа предметовъ, которые онъ изучаетъ. Это матеріальное и чувственное вспомогательное средство, для спасенія блѣдныхъ дѣтей отъ губительнаго, подавляющаго способности, сухаго и мертваго отвлеченія, столь любимаго идеалистами. Вся сущность прекрасной метода г. Язывскаго состоитъ въ лѣточкахъ, которыя сами по себѣ не много значатъ, но помогаютъ памяти и уму какъ чувственные значки, остающіеся какъ бы передъ глазами учащагося даже и тогда, какъ онъ уже ихъ не видитъ. Эта великая важность *наглядности* основана на самой природѣ человека, у котораго самыя отвлеченныя умственные представленія все-таки суть не иное что, какъ результатъ дѣятельности мозговыхъ органовъ, которымъ присущи извѣстныя способности и качества. Давно уже сами философы согласились, что «ничего не можетъ быть изъ ума что прежде не было въ чувствахъ». Гегель, признавая справедливость этого положенія, прибавилъ: «кромя самого ума». Но эта прибавка, едча ли не подозрительна, какъ порожденіе трансцендентальнаго идеализма. Человекъ не прямо-же, не чистымъ мышленіемъ дошелъ до сознанія, что у него есть умъ, а замѣтилъ это прежде всего изъ собственныхъ дѣйствій, въ которыхъ отразился его умъ, но которыя онъ опять-таки только черезъ чувства созналъ своимъ умомъ. Всякой, даже простой человекъ знаетъ, что у него умъ въ головѣ, — знаетъ это по причинѣ, можетъ быть, болѣе простой и естественной, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Человекъ въ порывѣ горячихъ, страстныхъ чувствъ, невольно прижимаетъ руку къ груди и сердцу, куда сильнѣе приливаетъ кровь при движеніяхъ чувствъ. Когда же человекъ о чемъ-нибудь размышляетъ, сильно за-

вать какнвъ-вибуль соображеніемъ, особенно разсчисленіемъ, — плецъ его какъ будто невольнo то и дѣло прилагается ко лбу, а рука невольнo отъ времени до времени потираетъ лобъ. Явленіе простое, но многознаменательное! Во время процесса мысли, человекъ какъ-будто чувствуетъ, что тутъ гвздо его мыслительной дѣятельности. что тамъ тоже происходятъ какое-то безпокойство, которое обнаруживается и въ его озабоченныхъ движеніяхъ, что тамъ какъ будто что-то шевелится..

Посмотрите, какъ жадны дѣти къ картинкамъ! Онѣ готовы прочесть самый сухой и скучный текстъ, лишь бы только онѣ объясняли имъ содержаніе картинки. И потому картинки все болѣе и болѣе дѣлаются пособіемъ при воспитаніи и ученіи. Г. Постельсъ спрашиваетъ замѣчаетъ, что дѣти, не вызвавшія изъ такого мѣста, гдѣ нѣтъ горъ, или моря, съ бѣльшимъ трудомъ заучиваютъ эти предметы въ географіи противъ дѣтей, видѣвшихъ эти предметы въ натурѣ. Для этого онѣ и издала свою *Картину Земли*, на которой изображены моря, заливы, проливы, озера, рѣки, острова, гавани, бухты, горы, лѣса, города, крѣпости, корабли и т. д. Трудъ его прекрасный и полезный, но не полный. Для полноты карта должна быть непременно алюминовапа, чтобы можно было показать разныя геологическія различія: горныя кражи, слон, породы, пласты, мраморъ, металлы и тому подобныя предметы. гдѣ дѣять иногда важныя формы. Но при всемъ томъ трудъ г. Постельса все-таки полезенъ, и мы должны быть благодарны ему за доброе начало добраго дѣла, которое, вѣроятно, найдетъ продолжателемъ.

Самовдъ въ домашнемъ и овщественномъ выту. *Владимира Иславина. Спб. 1847.*

Я знаю: вы человекъ любознательный и читатель неутомимый. Свѣдѣнія ваши объ Германіи, Франціи, Италии и многихъ другихъ странахъ, подвѣдѣвшихся описанію путешественниковъ, поразительны и безспорно дѣлаютъ вамъ честь. Заговори съ вами объ Италии, вы незамыслимо скажете какое тамъ небо, какое солнце, какой воздухъ, какія страсти. . Небо роскошное, уповтельное, пропитательно синее; солнце палачее, жгучее, огневое; воздухъ напоенный лимономъ и лавромъ: страсти бурныя, неукротимыя, огнедышщія... Ревнивые мужья, кинжалы, макароны, бандиты, огнедышщія горы — да что и говорить! Вы такъ хорошо знаете итальянскую природу и все итальянское, какъ будто тамъ и родились; вы даже легко могли бы написать драматическую фантазію изъ жизни итальянскихъ художниковъ. Заговори объ Англии, объ Соединенныхъ Штатахъ — вы и тутъ какъ дома... Можетъ быть, свѣдѣнія ваши и еще обширнѣе,

чѣмъ я предполагаю ; но, при всеї вашей начитанности, вы не знаете Самоэдовъ: какъ не знаютъ книгъ объ нихъ. А между тѣмъ, край, занимаемый ими, интересенъ; сами они, и какъ Самоэды въ особенности и какъ люди вообще, также достойны вашего вниманія и — въ высшей степени — вашего участія, какъ достойны его всякій несчастный, до послѣдней степени подавленный и униженный. Ждѣть ли онъ, Самоэдъ, или ближайшій вашъ родственникъ. Судьба ихъ несчастная ! Даже крошечныя самоэдскія плечи хрустятъ и подламываются подъ невыносимымъ и вчуждъ возмутительнымъ бременемъ нужды, самыхъ страшныхъ, прятаннейшихъ самыхъ произвольныхъ и низкихъ, какіе достались на долю бѣдныхъ и грубыхъ ликарей, заброшенныхъ въ глухую и непривѣтную сторону, гдѣ не свѣтитъ еще и слабѣйшій лучъ цивилизаціи, дѣлающей нашу жизнь такъ полною и роскошною, и куда могъ проникнуть только бдительный глазъ правительства... Я астралчалъ людей, которые при одномъ словѣ — Самоэдъ, не могли воздержаться отъ хохота: имъ почему-то оно казалось очень смѣшнымъ. Но вы не взъ такихъ; вы понимаете, что Самоэдъ — человекъ, что онъ имѣетъ такое же право на удобства и радости жизни, какъ и мы съ вами, и призадумаетесь немного надъ его бѣдственнымъ положеніемъ, и порадуетесь благимъ намѣреніямъ правительства, клонящимся къ улучшенію его быта. Съ помощію прекрасной книги г. Иславина, я познакомлю васъ съ самоэдскимъ бытомъ и правами, съ краемъ, который они занимаютъ, и обращу ваше вниманіе на причины ихъ злополучія. Обещаю вамъ интересное чтеніе и ни минуты скуки, потому-что свиданія, сообщаемыя авторомъ, чрезвычайно интересны ..

Самоэды занимаютъ восточную часть Архангельской губерніи, заключающуюся между рѣкою Мезенью и Уральскимъ хребтомъ, и между границами Вологодской губерніи и водами Севернаго Океана. Огромное это пространство, начиная съ вѣжнихъ предѣловъ по направленію къ северу, покрыто непроходимыми лѣсами, изъ ели, сосны, лиственницы; ближе къ Уральскому хребту встрѣчается и кедръ. Между 66 и 67° северной широты лѣсъ начиняетъ рѣдѣть и теряетъ ростъ, сперва исчезаетъ сосна, потомъ лиственница, и остается одна ель, да и то уродливая, не болѣе какъ въ ростъ человека; кой-гдѣ виднѣтся еще и береза, но кривая, приземистая, съ верхушкою горизонтально сбитою какъ будто рукою садовника. Наконецъ лѣсъ вовсе исчезаетъ и открывается необозримое пространство тундры... Тундра представляетъ безпредѣльную степь, пересѣкаемую каменными горами и плоскими земляными возвышенностями. Въ некоторыхъ мѣстахъ ея, какъ оазисы, встрѣчаются моховыя пастбища, доставляющія кормъ оленямъ. На огромной равнинѣ, образуемой тундрою, вѣтеръ

ни на минуту не прекращаетъ своего движенія, болѣе или менѣе сильнаго, вздымаетъ и крутитъ въ воздухъ сѣвгъ, производитъ вятелю или пурга, — и дальнѣе восемь мѣсяцевъ вся природа облечена въ бѣлый саванъ; солнце лишь на короткое время появляется на горизонтѣ. Въ сильныя холода, вдругъ, посреди ночной тьмы, небо ярко зажигается сѣвернымъ сіяніемъ, которое, кружась огненными столпами, наводитъ ужасъ на туземцевъ.

Здѣсь то съ давняго времени мирно и безопасно кочевали Самоѣды, довольные своей участію, пока не поселились въ ихъ владѣніяхъ Русскіе и Зыряне. Ниже мы увидимъ, какъ плохо пришлось имъ отъ русскаго и зырянскаго человека, а теперь взглянемъ на нѣкую домашнюю жизнь.

Главное богатство Самоѣда — олень; безъ оленей Самоѣду невозможно было бы существовать: онъ питается оленями, шьетъ себя платье, даже рубашку, изъ оленей; ѣздитъ на оленяхъ, наконецъ живетъ въ палаткѣ, сдѣланной изъ оленьихъ шкуръ. Такая палатка называется чумомъ.

Чумъ есть ничто иное, какъ конусообразный шатеръ, составленный изъ длинныхъ жердей—нижніе концы ихъ на нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи вбиваются въ землю и образуютъ кругловатое основаніе шатра, верхніе же крестообразно связываются виѣстѣ; лѣтѣмъ покрывка состоитъ изъ бересты, а зимою изъ нѣсколькихъ, виѣстѣ сшитыхъ оленьихъ шкуръ; одно одѣяло обкладывается вокругъ шестовъ шерстью внизъ, другое же шерстью вверхъ: верхнее называется *мокъ* (Сам. *ль*), а нижнее *подточь* (Сам. *мюйко*); сверху чума оставляется отверстіе для дыма. Разбивъ такой чумъ въ полчаса или даже въ менѣе времени, Самоѣдка (это занятіе всегда возложено на женщинъ) начинаетъ помышлять о удобствѣ своего дома: изнутри и извнѣ укладываетъ она его землею и мехомъ, а зимою снѣгомъ, полъ для предохраненія отъ сырости и стужи устилаетъ коврами, сплетенными изъ прутьевъ березы и метляка, на ковры накидываетъ оленьи шкуры, а стѣны чума убираетъ иногда подушками; боковое отверстіе, или если можно назвать это дверь (по Сам. *не*), завѣшивается оленьей же шкурой, и всегда оставляется подъ вѣтромъ; мѣсто же противъ *не*, т. е. противоположное входу, называется *синкуй*: оно для нихъ мѣсто священное и служитъ хранилищемъ лучшихъ вещей и самыхъ лакомыхъ съѣсныхъ припасовъ; никакая Самоѣдка или, какъ называютъ ихъ Русскіе, *мька* — не смѣетъ переступить чрезъ синкуй: это значило бы опоганить святыню, и онѣ такъ строго чтутъ этотъ обычай, что рѣдко случается, чтобы инька погрѣшила противъ него: оно было бы вѣрнымъ предзнаменованіемъ какой нибудь бѣды, и конечно послѣ этого промыселъ былъ бы неудаченъ или же въ слѣдующую ночь волкъ зарѣзалъ бы нѣсколько оленей въ стадѣ; одно

средство для предохраненія себя въ такомъ случаѣ отъ бѣды — бросить въ синикуй горящій уголекъ, такъ какъ «огонь все очищаетъ». Вообще, по понятіямъ Самоѣдовъ, женщина почитается столь нечистою, что опоганиваетъ всякую вещь, чрезъ которую переступить: веревка ли она, топоръ ли, оленья ли шкура и т. д. все дѣлается нечистымъ и непремѣнно должно быть окурено или вѣрескомъ или, что еще дѣйствительнѣе, оленьимъ саломъ.

Въ чумѣ ни на минуту не переводятся огонь, который разводится обыкновенно на самой серединѣ чума, надъ верхнимъ отверстіемъ, изъ котораго выходитъ дымъ; чумъ богатаго Самоѣла почти ничѣмъ не отличается отъ чума бѣднаго.

«Вездѣ единообразіе — войдите въ любой чумъ и повсюду найдете вы одну и ту же сцену: по срединѣ глѣбеть огонекъ, по чуму стелется дымъ, мушны, съ сложенными на крестъ ногами, усѣвшись въ кружокъ, вперили въ огонь бессмысленный взглядъ, тутъ же грѣются собаки и грязные, и при самой сильной стужѣ, голые ребятишки, а инька молча чинитъ малицу или сучитъ нитки изъ оленьихъ жилъ. Жалко и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительно быть въ чумѣ — нестерпимый дымъ и въ высшей степени неопрятность часто заставляютъ, съ непривычки, выходить изъ чума даже въ самую дождливую и холодную погоду, но по немногу начинаешь свыкаться съ этимъ образомъ жизни, къ неопрятности становишься равнодушнѣе и наконецъ, когда послѣ нѣсколькихъ дней странствованія, не встрѣтивъ по тулрѣ ни жилища мѣста, ни живаго существа, завидишь издали дымящійся чумъ или, въ ночное время, услышишь запахъ дыма или лай собакъ при оленьемъ стадѣ, то и грязный чумъ представится приятнымъ и спокойнымъ убѣжищемъ».

Что касается до Самоѣла, то онъ совершенно доволенъ своимъ жилищемъ. Онъ такъ сроднился съ стужей и ураганомъ, что лучше сносить самый сильный морозъ, чѣмъ комнатную теплоту. Г-ну Иславицу случалось, почувя иногда въ довольно холодныхъ избахъ, и не иначе, какъ въ оленьей шубѣ, видѣть, какъ его вожатые Самоѣды одинъ за другимъ выходили изъ избы, и проводили ночь на дворѣ, — кто скорчившись на саняхъ, а кто просто развалившись на снѣгу. Коренной Самоѣдъ также ни за что не рѣшится пойти въ баню, даже рѣдко и моется. Вообще трудно представить себѣ опрятнаго Самоѣла или Самоѣдку, начиная съ того, что мужчины, вмѣсто рубахи, зимою и лѣтомъ, носятъ малицу, родъ машка съ рукавами, сдѣланнаго изъ оленьей шкуры шерстью къ телу. Носятъ иныя и рубахи изъ тикю или сермаги, но не иначе какъ сверхъ малицы, и то для сбереженія важной оленьей шкуры; въ сильнѣйшій холодъ на малицу шерстью внизъ надѣвается еще малица съ кашшономъ шерстью вверхъ. Замшевыми

штанги у мужчин и женщин, длинные чулки шерстью вниз, сапоги кожаные или меховые шерстью вверх — дополняют самодский костюмъ. Прикрывать голову между Самоэдами вообще не въ мо:а, и только не много носятъ шапки изъ молодыхъ оленей. Женщины самодскія не чужды кокетства: яды или ядицы свои (особый родъ одежды шерстью вниз), украшаютъ они бѣлыми и темными оленьими лапками, опушаютъ волчьимъ, лисьимъ и собачьимъ мехомъ, а богатые даже соболемъ и бобримъ; нашиваютъ на нихъ разноцвѣтные сукожные лоскутки и маленькя погремущи. Волосы Самоэди заплетаютъ норуски, въ девъ косы, къ которымъ привязываютъ красные и желтые сукожные лоскуточки и ленты яркихъ цвѣтовъ; въ ухахъ носятъ серьги, а нивы на шеѣ бусы и разнаго рода ожерелья: голову опутываютъ металлическими цепочками. Русскіе и Зыряне, свабжающіе ихъ такими галантерейностями, не пропускаютъ случая порадочно ихъ надувать. Впрочемъ, невинное кокетство, по уверенію автора, нисколько не мешаетъ Самоэдамъ быть хорошими хозяевами и добрыми женами: «Самоэду (говоритъ онъ) рѣдко можно увидать безъ дѣла и главное въ желаніе утолить, послѣ труднаго промысла, голодъ сожителя своего и угощать его вкусу, что шпрочемъ, довольно легко, — стоитъ только подать ему сырого мяса и рыбы какъ можно въ большемъ количествѣ, ибо трудно вообразить сколько Самоэды въ состояніи съестъ всего этого». Здѣсь кстати г. Иславинъ переходитъ къ самодской пищѣ.

• *Пища Самоэдовъ* состоитъ изъ хлѣба, оленьяго мяса, свѣжей и соленой рыбы, дикихъ птицъ и ягодъ. Хлѣба они не много употребляютъ, и сколько приблизительно можно было узнать, приходится на человѣка не болѣе какъ по 8-ми пудовъ въ годъ, такъ какъ имъ не составляетъ большой разницы — ѣсть ли оленье мясо и рыбу съ хлѣбомъ или безъ хлѣба. Лѣтомъ они заквашиваютъ тѣсто, но зимомъ, за неимѣніемъ теплаго мѣста для закваски, довольствуются и прѣснымъ хлѣбомъ, пекутъ же его намазывая тѣсто тонкимъ слоемъ на узенькую дощечку, верхка въ два ширины, которую повертываютъ у огня какъ на вертелѣ до тѣхъ поръ, пока тѣсто подрумянится. Но что для Самоэдовъ замѣняетъ всякую другую пищу и сдѣлалось, можно сказать, необходимымъ — это *оленье мясо*. Они употребляютъ его варенымъ, сушенымъ и жаренымъ, но всегда и всему предпочитаютъ сырое, дымящееся оленье мясо и теплую кровь только что убитаго оленя. Чтобы вполнѣ оцѣнить это, надобно быть свидѣтелемъ того ряда наслажденій, которыми сопровождаются какъ приготовленіе къ бою оленя, такъ и самое съѣденіе животнаго: это какъ праздникъ въ чуму: ребяташки, вобравъ руки въ малицу, отъ радости прыгаютъ и бѣгаютъ во кругъ жертвы, нѣки молча стоятъ въ ожиданіи приказаній мужей и отцовъ, мушны, какъ главные распорядители, кто дер-

жить оленя за рога, кто стоит съ ножомъ, а самъ хозяинъ, вѣрно рукою, обухомъ ударяетъ животное въ темя: тутъ сеи чась бросаются на него, рѣжутъ ему горло и перевязываютъ большую кровяносную жилу, потомъ вонзаютъ ножъ въ сердце, но такъ, чтобы вся кровь осталась во внутренности; съ теплаго еще, вполониву сдираютъ шкуру, и наконецъ разрѣзываютъ его по всѣмъ правиламъ самоѣдской анатоміи. Начинается кровавый пиръ: хозяинъ, и если случатся, почетные гости берутъ себѣ самые лакомые кусочки, т. е. сало со спиннаго хребта, почки и филей, обмакиваютъ ихъ въ горячую кровь и около самаго рта, вверхъ къ носу, отрѣзываютъ куски ножемъ съ искусствомъ непостижимымъ; другіе же гложатъ кости и ребра, и запиваютъ все это теплою кровью. Бѣдные вики приступаютъ къ трапезѣ послѣ всѣхъ и должны довольствоваться объѣдками; несѣденное же мясо оставляютъ въ запасъ, сложивъ его въ сннкуюй.

Самоѣды не гнушаются ѣсть и падаль. Послѣ оленьяго мяса вторую основную пищу Самоѣда составляютъ рыба; рыбу они также предпочитаютъ ѣсть сырую, хотя употребляютъ ее также, для разнообразія, вяленою, вареною и жареною. Третьи источникъ пищи — дичь, которою тундра изобилуетъ во множествѣ. Но Самоѣдъ вообще мало заботится объ запасѣ пищи: «опъ ѣстъ пока имѣетъ что ѣсть, недумая о будущемъ: когда же придетъ время голодать, онъ садится къ огню и въ полусонномъ положеніи пьетъ изъ него, помышляя о томъ, какъ бы помочь горю; когда дня черезъ два голодъ возьметъ свое, онъ ловитъ изъ стада оленя, разрываетъ его и забываетъ о всемъ прошедшемъ, пока не постигнетъ его новая невзгода: тогда онъ идетъ просить помощи у богатаго родонича, или милостыни у крестьянъ».

Главная промышленность Самоѣдовъ—оленеводство и рыбная ловля. Когда Самоѣды кочевали по тундрѣ одна на просторѣ, жизнь ихъ была привольная; они считали своихъ оленей тысячами.—довольство было всеобщее. Правда, были у нихъ враги — волки, но съ волками они еще уживались: волкъ заражаетъ оленя, но братски подѣлится съ Самоѣдомъ: онъ высосетъ только кровь, мясо оставитъ; шкуру, хоть порванную, также оставитъ. Самоѣдъ съѣстъ мясо (ему ни по-чешъ и падаль, употребитъ порванную шкуру на покрывку чума и все въ порядкѣ. Но неужилса онъ, бѣдный, съ Русскими и Зырянскими, приходившими нарушить его привольное и мирное кочевье. Новые пришельцы пристрастили его къ вину, захватили и вытравили лучшія пастбища, заняли лучшія мѣста для ловли по берегамъ рѣкъ; бѣдный Самоѣдъ, падаващій, въ простодушіи своемъ, рубашку сверхъ шубы,—изъ вольнаго жителя и хозяина тундры, слѣзлся работникомъ. Дѣло сдѣлалось не наругъ, но теперь, по показаніямъ г. Иславина,

большая часть ихъ уже не имѣютъ своихъ стадъ, а насутъ чужіе. Участь ихъ ужасна...

• Содержаніе, получаемое работникомъ — Самоѣдомъ отъ хозяина, весьма неопредѣленно: оно зависитъ частью отъ способностей работника, частью отъ образа занятія и наконецъ отъ числа душъ семейства его. Обыкновенно въ условія съ работникомъ входитъ уплата за него ясака въ казну, и продовольствіе его и семейства пищею и одеждою. Пищу получаетъ работникъ, разумѣется, самую дурную: зарѣзанныхъ волкомъ или палыхъ оленей, гнилую или мелкую рыбу, которая въ тамошнемъ богатомъ краѣ не имѣетъ ни какой цѣнности; а на одежду — или лоскутья, остающіеся отъ шитья малиць на семейство хозяина и на продажу, или поношенные платья; такъ что содержаніе работника, натурою, хозяину — Русскому или Ижемцу не составляетъ большаго расхода, кромѣ хлѣба, котораго впрочемъ Самоѣды, какъ мы видѣли, употребляютъ не много. Чѣмъ болѣе дѣтей и дряхлыхъ въ семействѣ работника, тѣмъ болѣе сбавляетъ хозяинъ ему въ наличной платѣ, потому-что тогда идетъ болѣе содержанія пищею и одеждою на семейство его. Изъ условій, заключенныхъ хозяевами съ работниками — Самоѣдами видно, что плата наличными деньгами составляетъ: 2,427 руб. 59¹/₂ коп. серебромъ, назначенныхъ 576 работникамъ со стороны 147 хозяевъ, такъ что хозяинъ въ сложности условился платить 1 работнику по 4 руб. 21²/₃ коп. сер. въ годъ; наибольшая плата, какую хозяинъ соглашается дать самому способному работнику, никогда не превышаетъ 15 и много 18 руб. сер. въ годъ. Но эти деньги рѣдко достаются Самоѣду въ руки: обыкновенно хозяинъ умѣетъ такъ устроить, что къ концу расчета работнику или ничего не приходится получить, или же самую малость изъ назначенной платы, снабжая его и семейство въ продолженіе года лишнею пищею или одеждою, сверхъ положеннаго въ условіи, виномъ, табакомъ, разными вещами и бездѣлушками, и насчитывая потомъ на него долгъ, разумѣется далеко превышающій цѣнность всѣхъ этихъ вещей. Такимъ образомъ Самоѣды не имѣютъ возможности заработать что-нибудь и выйти изъ бѣдственнаго своего положенія и находятся въ вѣчной зависимости отъ хозяевъ своихъ: нѣкоторыхъ изъ нихъ хозяева заставляютъ служить у себя за долги отцевъ, о которыхъ сыновья и не слыхивали, но такъ какъ Русскій или Ижемецъ насильно беретъ его съ собою въ тундру и отъ себя не отпускаетъ, Самоѣду же жаловаться некому, то онъ по неволѣ остается отслуживать у хозяина вымышленные долги отцевъ и впадаетъ такимъ образомъ въ кабалу.

• Вотъ въ какихъ жалкихъ отношеніяхъ находятся теперь работники — Самоѣды къ хозяевамъ своимъ, между тѣмъ какъ они исполняютъ всѣ работы, сопряженныя съ оленеводствомъ: стерегутъ стада, дѣлаютъ сани, бочки, лодки, шьютъ одежду, производятъ въ пользу хозяевъ звѣринные промыслы и вообще помогаютъ имъ во всѣхъ рабо-

такъ. Это правда, хозяева весьма и цѣнятъ Самоѣда, ибо въ тундрѣ Самоѣдъ способенъ на все и, въ обыкновенной жизни, будучи неповоротливъ и неуклюжъ, онъ на промыслахъ чрезвычайно ловокъ, смѣливъ и безстрашенъ; при всемъ томъ хозяинъ не вознаграждаетъ его по заслугамъ, зная, что бѣдственное положеніе, въ которое онъ привелъ Самоѣда, во всякомъ случаѣ заставитъ его обратиться къ нему-же. Иные изъ нихъ, удержавши десятка два, три оленей и нанимаясь къ Русскимъ и Зырянамъ въ работники, пасутъ своихъ оленей вмѣстѣ съ хозяйскими и, получая жалованье, могли-бы кой-какъ поправиться, но такъ несамостоятельны и въ такую ставятъ себя отъ хозяевъ зависимость, что рѣдко выходятъ отъ нихъ богаче, чѣмъ когда вступили; чаще же случается, что утрачиваютъ даже прежнее достоинство свое, и дѣлаются тогда бременемъ родовичей или отправляются въ одну изъ волостей или даже по городамъ просить милостыню и изъ-за-куска хлѣба заниматься кой-какими мелкими работами. Тогда говорится про Самоѣда, что онъ *«живетъ или сидитъ на ядомъ.»* Такихъ Самоѣдовъ, лишенныхъ оленоводства, а тѣмъ и способа пропитывать себя по тундрѣ, встрѣчаешь не только по всѣмъ почти Печорскимъ и Мезенскимъ селамъ, но и при самыхъ городахъ: Мезени, Пинегѣ, Холмогорахъ, и даже Архангельскѣ; число ихъ простирается, по приблизительнымъ свѣдѣніямъ, до 394 человекъ, состоящихъ изъ 96 семействъ, но ихъ конечно болѣе. Они стоятъ обыкновенно вокругъ селъ и городовъ чумами; другіе же до того обѣднали, что и чума не имѣютъ, а изъ-за-работы позволяютъ имъ Русскіе, на время, жить въ избахъ, а Зыряне до зимы въ замшевыхъ заводахъ Ижемской волости: съ окончаніемъ же работы ихъ выгоняютъ изъ жилыхъ избъ, а съ наступленіемъ зимы, и вмѣстѣ съ тѣмъ занятій въ заводахъ, лишаютъ послѣдняго крова. Тогда они идутъ просить ради-Христа и скитаются изъ избы въ избу или ищутъ убѣжища отъ стужи у бѣдныхъ-же родовичей своихъ, которые, кромѣ ветхой оленьей покрыши, сами никакого пристанища не имѣютъ. Повѣсть о прошедшемъ у всѣхъ одна: всѣ они или сами или отцы ихъ имѣли оленей, которые перешли разными способами къ Русскимъ и Зырянамъ: все это еще всежо въ ихъ памяти и они ясно указываютъ на лица, на время, на мѣсто, гдѣ лишились достоинства своего, видятъ имущество свое въ рукахъ другихъ и не представляютъ себѣ возможности когда-либо получить его. Между ними есть такіе, у которыхъ Зыряне и Русскіе грабешемъ отняли оленей, или насильно за старые и новые долги; болшею же частію это дряхлые, больные или малолѣтныя и слабыя жеры, мужья которыхъ служатъ въ работникахъ у Русскихъ или Зырянъ, а семейства свои покинули на произволъ судьбы. Это совершенно нищія, и если нѣкоторые изъ нихъ и сохранили еще чумъ, но не имѣя ни оленей, ни снастей, ни оружія лишены всякаго средства идти въ тундру и промысломъ искать себѣ пропитанія. Русскіе и Зыряне до того презираютъ ихъ, что не почитаютъ ихъ равными себѣ, а обидѣть и обобрать бѣднаго Самоѣда,

набожный и суевѣрный Печорскій житель никакъ не считаетъ грѣхомъ. Однимъ словомъ: это истинные Парии Сѣвера.»

Приведемъ еще образчики мѣны Ижемцевъ съ Самоѣдами: «Напримѣръ за $\frac{1}{2}$ пуда соли Ижемецъ беретъ съ Самоѣда оленью шкуру или бѣлаго песца, т. е. за вещь стоящую 35 коп. сер. отъ 1 руб. до 1 руб. 15 коп. сер. или за 1 пудъ муки, 3 песца т. е. за 85 к. сер. «3 руб. сер. или за 3 пуда масла, по 7 коп. сер. фунтъ, беретъ 14 песцовъ, т. е. за 8 р. 40 коп. сер. 14 руб. сер.» Цыфры ужасныя! И вездѣ, гдѣ только коснется дѣло до отношеній Самоѣдовъ къ Зырянамъ и Русскимъ, первые подвергаются притѣсненіямъ в обману безчеловѣчному. Мѣры, употребляемыя съ Самоѣдами ихъ незваными пришельцами, въ высшей степени наглы и недобросовѣстны. Приведемъ еще примѣръ:

Самоѣды забираютъ (большею частію въ селеніи Семжѣ, въ 40 вер. отъ Мезени), разный товаръ въ долгъ, а крестьяне — кредиторы, съ винными и пустыми бочками, въ половинѣ сентября, подѣлаютъ къ чумамъ Самоѣдовъ, спаваютъ ихъ до-пьяна и потомъ уже предъявляютъ долги свои, собираемые обыкновенно шкурами и мясомъ оленей, которыхъ тутъ-же убиваютъ, разумѣется двумя или тремя болѣе, чѣмъ значитса по счету, и наполняютъ мясомъ пустыя бочки. У крестьянъ барышъ двойной: во-первыхъ отъ того, что за взятый Самоѣдомъ товаръ, онъ ставитъ гораздо болѣе его стоимости, а во вторыхъ, что болѣе бьетъ оленей, чѣмъ слѣдовало-бы по счету. Употребленіе вина Русскіе такъ ввели въ обыкновеніе у Самоѣдовъ, что ни одинъ Самоѣдъ не станетъ теперь торговать съ тѣмъ, кто не поднесетъ ему сперва чарки. Самоѣдъ долго можетъ пробыть безъ вина, пока ему не представится удобный случай напиться; зная свою слабость, онъ даже имѣетъ столько силы воли, что во время промысла откажется отъ вина, но за то уже, по окончаніи промысла, весь упрямый товаръ пойдетъ у него за-даромъ. Въ новѣйшее время были однакожъ примѣры въ Канинской тундрѣ, что Самоѣды, узнавши, что строго запрещено ввозить вино въ тундру, дали себя напоить, но когда дѣло пришло къ расчету и къ бою оленей, то они, бросившись на Русскихъ, и стращая ихъ тѣмъ, что связанными представлятъ въ Мезенскій Судъ, заставили отказаться отъ всѣхъ притязаній на долги и какъ можно скорѣе возвратиться къ дому, — сами же допили остальное вино. Не смотря на такой успѣхъ въ развитіи Самоѣдовъ Канинской и Туманской тундръ, Русскіе все имѣютъ надъ ними перевѣсъ и не только держатъ ихъ у себя въ работникахъ, и большая часть изъ нихъ въ долгу у Русскихъ, но и завладѣли всѣми почти промысловыми и лучшими моховыми мѣстами Канинскихъ и Тиманскихъ Самоѣдовъ, которые отъ этого стали еще бѣднѣе Самоѣдовъ Большеземельской тундры.»

Невыписываемъ всѣхъ фактовъ, приводимыхъ авторомъ, въ доказательство угнетеннаго состоянія туземцевъ, — довольно и тѣхъ, которые мы привели... Замѣтимъ только, что мы привели едва ли и десятую долю, и что въ книгѣ г. Иславина найдутся факты и еще болѣе возмутительныя... Вопль и стонъ голодныхъ, ограбленныхъ и придавленныхъ дикарей непрерывно носится надъ дикою тундрой... Но утѣшимся, участь ихъ будетъ облегчена. Вотъ, что говоритъ г. Иславинъ въ своемъ предисловіи: «Г. Кастрену, посланному отъ Гельсингфорскаго Университета для изученія финскихъ нарѣчій, въ особенности принадлежитъ заслуга, что онъ свидѣніями, собранными на мѣстѣ, подтвердилъ тѣ, которыя имѣло уже Министерство Государственныхъ Имуществъ отъ тамошняго начальства о дѣлаемыхъ Самоѣдамъ притѣсненіяхъ, и по которымъ только потому не приступало къ мѣрамъ рѣшительнымъ, что не имѣло положительныхъ данныхъ для основанія на нихъ своихъ распоряженій. Для собранія сихъ данныхъ, въ іюнь 1844 года, г. Министру Государственныхъ Имуществъ угодно было поручить мнѣ посѣтить край Самоѣдовъ и сдѣлать предположенія объ устройствѣ этого народа на будущее время во всѣхъ отношеніяхъ». И мы должны сказать, что г. Иславинъ выполнилъ порученіе свое съ усердіемъ, дѣлающимъ ему честь и какъ чиновнику, и какъ человеку... Мало было имѣть оффиціальное предписаніе, нужно было еще глубоко проникнуться сочувствіемъ къ угнетеннымъ, и негодованіемъ противъ корыстолюбивыхъ и грубыхъ угнетателей, — чтобы въ столь безыскусственной, но живой и поражающей картинѣ представить — съ одной стороны, безконечное униженіе и страданіе, а съ другой возмутительное насиліе, ни предъ чѣмъ неостанавливающееся... Довольно написать такую книгу, довольно указать на невиданное прежде страданіе ближняго, требующее участія и облегченія, — чтобы имѣть право на благодарность честныхъ людей.. И г. Иславинъ вполне заслуживаетъ такую благодарность...

Независимо отъ благой цѣли, книга его, какъ мы уже видали, чрезвычайно интересна по новости своихъ свидѣній. Мы приведемъ еще интересныя свидѣнія о самоѣдскихъ похоронахъ:

«Если въ чуму умереть кто нибудь изъ Самоѣдовъ, то чумовое покрывало раздраютъ въ томъ мѣстѣ, противъ котораго лежитъ покойникъ, и переламываютъ шести, на которомъ оно держится, выносятъ въ это отверстіе покойника, одѣваютъ его въ ту одежду, которую онъ при жизни носилъ, и завертываютъ въ оленью шкуру; даютъ знать ближнимъ родственникамъ, а между тѣмъ не хоронятъ покойника въ продолженіи однихъ или двухъ сутокъ; за тѣмъ кладутъ его на сани, запряженные любимыми его оленями и везутъ къ мѣсту погребенія,

избирая по большей части тѣ мѣста, которыя заняты уже предками. По этому часто встрѣчаются по тундрѣ названія: *Халмеръ-падера* или *халмеръ-о* (лѣсъ или островъ покойниковъ) и *Хейведе-падера* (грѣшный лѣсъ) — это кладбища Самоѣдовъ. Здѣсь, если лѣсу достаточно, то дѣлаютъ такой большой бревенчатый срубъ, чтобы съ покойникомъ умѣстилось запасное его платье, сколько онъ имѣлъ его, ложки и чашки, которыя онъ употреблялъ при жизни, и ставятъ срубъ этотъ поверхъ земли; если же лѣсу мало, то вырываютъ могилу. Къ мужчинамъ кладутъ топоръ, ножъ, долото, сверло, ружье и прочія вещи, въ промыслахъ употребляемыя, харей и сани, опрокинутыя вверхъ полозьями, а къ женщинамъ чашку, ложку, иголки, наперстокъ, котелъ и прочіе хозяйственные снаряды; всѣ эти вещи должны быть поломаны въ знакъ того, что на томъ свѣтѣ употребляютъ ихъ въ другомъ видѣ, какъ здѣсь. Покойника кладутъ немного на бокъ, глазами на западъ, и тѣмъ какъ бы хотятъ показать, что жизнь человека исчезаетъ за могилой, какъ солнце за небосклономъ. Надъ могилою, какъ при всѣхъ церемоніяхъ, жертвуютъ оленя, убивая его мучительною смертію, возвая ему въ задній проходъ заостренный деревянный шестъ и если сразу удастся имъ положить оленя на мѣстѣ и животное не покажетъ никакого движенія, то это радостное предзнаменованіе означаетъ, что никто изъ среды ихъ не умретъ въ скоромъ времени. Олена съѣдаютъ тутъ же на мѣстѣ, магкія части, если не всѣ съѣдятъ, то увозятъ обратно съ собою, а оставляютъ только голову съ рогами. По окончаніи похороннаго обряда всѣ отходятъ отъ могилы задомъ напередъ, садятся въ сани и уѣзжаютъ обратно въ чумъ, въ который заходятъ не иначе какъ чрезъ огонь, окурившись оленьимъ жиромъ или бобровымъ волосомъ; окуриваютъ такимъ же образомъ и оленей, отвезшихъ покойника на могилу, и упряжь, при этомъ употребленную. Маленькихъ дѣтей вовсе не хоронятъ, но въ ящичкахъ или зыбкахъ вѣшаютъ по деревьямъ, для того, чтобы они, какъ существа чистыя, были ближе къ Нуму и не находились въ соприкосновеніи съ грѣшнымъ людомъ. О мертвыхъ Самоѣды рѣдко плачутъ и никакихъ поминковъ по нимъ не совершаютъ, напротивъ того такъ боятся покойниковъ, что не только не говорятъ объ нихъ, но, по окончаніи описаннаго обряда, тотчасъ же переносятъ чумъ на другое мѣсто, а вещей, положенныхъ къ покойнику, ни за что не тронуть, а то отъ него никуда не уѣдешь: онъ не только будетъ вездѣ перебѣгать дорогу, но даже посѣщать во снѣ, а, чего добраго, и на яву.

Что будетъ съ ними за могилой, о томъ Самоѣды мало помышляютъ, но должно же быть у нихъ какое нибудь понятіе о будущей жизни, когда они кладутъ вещи къ покойнику въ томъ предположеніи, что онъ и такъ будетъ пользоваться ими; но еще болѣе подтверждаетъ это—преданіе, существующее у нихъ о Самоѣдѣ *Уреръ*, который живой, съ санями и оленями, былъ взятъ на Небо, гдѣ ему по словамъ ихъ жить *порато дородно*, т. е. весьма хорошо.

Въ книгѣ г. Иславина находимъ нѣсколько полнотипажей (рисованныхъ г. Васильевымъ, рѣзанныхъ на деревѣ г. Дерикеромъ); они хорошо дополняютъ текстъ, знакомя еще ближе съ самоцдскимъ бытомъ, ихъ одеждой и физиономіями. Но лучшашъ приложеніемъ считаемъ мы карту того края, - хотя она составлена, какъ говоритъ самъ авторъ, безъ инструментовъ и почти наглядкой. Пока дождемся настоящей карты, нельзя не поблагодарить г. Иславина и за эту... Скажемъ въ заключеніе, что книга г. Иславина - рѣдкое явленіе въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ... Можно бы пожелать только мѣстамъ болѣе сжатости и правильности въ языкѣ...

Историческій сборникъ, *составленный* г. Герцомъ. *Книжка первая. С.п.б. 1847.*

«Статьи, составляющія этотъ Сборникъ (говоритъ г. Герцъ), первоначально напечатаны были въ Современникѣ 1845 и 1846 годовъ. «Они были составлены и переведены съ одною мыслию, несмотря на все ихъ видимое разнообразіе. Теперь я рѣшился издать и ихъ отдѣльною книжкою, желая правильнымъ воззрѣніемъ на науку, содѣйствовать распространенію любви къ исторіи. Во сколько я успѣлъ — рѣшать безпристрастные судьи и читатели. *Feni, quod potui; faciant meliora potentes.*»

Не знаемъ, много ли книжка эта распространить у насъ любовь къ исторіи, но въ ней есть статья, не лишняя интереса. Особенно понравились намъ статьи: *Шлоссера*, *Абеларъ* и *А. В. Шлегель*. Хороша также статья: *Робертсона*, *Юмъ* и *Гиббонъ*, переведенная изъ Исторіи XVIII вѣка Шлоссера, но взглядъ автора на Гиббона показался намъ одностороннимъ и пристрастнымъ. Другія статьи не такъ интересны. Статья: «Изданіе ордопанціи (ордовансовъ?) французскихъ королей» есть не болѣе, какъ библиографическое извѣстіе, годное для смѣси журнала. Статья «О современномъ значеніи исторіи» довольно жидка содержаніемъ, и въ ней вѣтъ ничего новаго. Вообще книжка г. Герца не безъ достоинства, но отрывочна и поверхностна. Мы надеемся, что слѣдующія книжки его *Историческаго Сборника* будутъ представлять своимъ читателямъ основательный обзоръ, или разработку чего-нибудь цѣлаго, какой-нибудь эпохи въ исторіи человечества или народа, какого-нибудь важнаго событія, или монографіи, — что угодно, только не отрывочное, не журнальное, не энциклопедическое.

Руководство къ (о) Всеобщей исторіи. *Сочиненіе Д-ра Фридриха Лоренца, орд. профессора Главнаго Педагогическаго Института и директора Главнаго Нѣмецкаго Училища при Евангели-*

чехско-лютеранской Церкви св. Петра. Части II-й отдѣленіе 1-е. Изданіе второе. С.п.б. 1847.

Исторія г. Лоренца всегда возлавалась въ некоторыхъ нашихъ журналахъ должная справедливость, какъ такому руководству, которое было бы изъ лучшихъ и въ Германіи. Тамъ не менѣе г. Герцъ, въ статьѣ своей: «О Всеобщей Исторіи профессора Лоренца» справедливо сѣтуетъ на журналистовъ, что они отозвались объ этомъ сочиненіи въ немногихъ словахъ, а ученые и ни слова не сказали о ней. Журналистовъ онъ еще шадитъ: «эту немногословность (говоритъ онъ) легко извинить тѣмъ, что ихъ (журналистовъ т. е.) редакціи «недостаетъ иногда спеціальныхъ свѣденій, которыя составляютъ «необходимое условіе при обсужденіи ученаго труда; люди, занимающіеся критикою изящно-литературныхъ произведеній — не всегда «ученые судьи» (*Ист. Сборникъ стр. 114*). Ученыхъ онъ, какъ и слѣдуетъ, не шадитъ за ихъ непонятное молчаніе въ такомъ близкомъ къ нимъ дѣлѣ. Но лучше всего то, что онъ взялся поправить ошибку ихъ молчанія. Мы этому обрадовались, думая прочесть учевую критику на ученую книгу; но нашли въ статьѣ только одно дальнее замѣчаніе, и то такое, какое могъ бы сдѣлать всякій журналистъ, которому не достаетъ спеціальныхъ свѣдѣній — именно, что древняя исторія г. Лоренца лучше его средней исторіи (о чемъ и журналисты говорили), и что въ средней авторъ мало обратилъ вниманія на внутреннюю средневѣковую жизнь, особенно на литературу этого періода человѣчества. Больше ничего не нашли мы въ краткой (она вся состоитъ изъ восьми страницъ), но нельзя сказать, чтобы немногословной статьѣ молодого ученаго, г. Герца, — чтѣ и представляемъ къ свѣдѣнію нашихъ читателей.

Нельзя не порадоваться, что такое превосходное руководство къ изученію всеобщей исторіи входитъ у насъ все больше и больше въ употребленіе. Древняя исторія г. Лоренца давно уже вышла вторымъ изданіемъ; и вотъ теперь едва появилось въ свѣтъ 2-е отдѣленіе второй части, какъ первое, вслѣдъ за нимъ, является во второмъ изданіи. Скоро ли появится начало новой исторіи?

АНГЛІЙСКАЯ ЛІТЕРАТУРА.

СВЯТОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ ДИККЕНСА.

A Christmas carol in prose. — The Chimes. — The cricket on the hearth. — The battle of life.

Статья I.

Святочные рассказы составляют совершенно особый отдел сочинений Ч. Диккенса. У них есть свой колоритъ, своя цѣль, даже свое время появленія въ свѣтъ: каждый годъ къ святкамъ Диккенсъ издастъ повѣсть, которая состоитъ въ связи съ этимъ временемъ года. До сихъ поръ такихъ рассказовъ появилось четыре; послѣдній изъ нихъ: «*Битва жизни*», полученъ здѣсь въ первыхъ числахъ февраля, и Современникъ поспѣшилъ сообщить своимъ читателямъ это новое произведеніе одного изъ замѣчательнѣйшихъ европейскихъ романистовъ.

Теперь, когда появленіе новаго святочного романа возбудило новый интересъ, мы думаемъ, что не вовсе не кстати обратить вниманіе на весь кружокъ святочныхъ рассказовъ Диккенса.

Въ предлагаемомъ разборѣ мы постараемся обратить вниманіе на два главные предмета: на мысли и вопросы, которые невольно пробуждаютъ въ читателя многія мѣста рассказовъ, и на художественное значеніе самихъ произведеній. Такимъ образомъ, мы отладимъ себя отчетъ въ успѣхъ, съ какимъ Диккенсъ достигалъ въ этихъ произведеніяхъ двойной, предположенной имъ цѣли.

Святки въ Англіи важнѣйшій годовой праздникъ, эпоха примиренія и сближенія людей. На долго ли они мирятся и сближаются, это другой вопросъ; но Диккенсъ вздумалъ не пропускать благопріятныхъ минутъ и постараться святочными рассказами указывать на такія отношенія всенедней жизни, о которыхъ думаютъ очень рѣдко, именно потому, что они всенеднейны, и наводитъ читателя на мысли и вопросы, которые не могутъ не довести до гуманнаго результата.

Этой цели Диккенсъ старается достигнуть, не отказываясь отъ правъ художника,—стремленіе, которое въ разныхъ размѣрахъ проявляется въ повѣйшей бельетристикѣ. Мы уже имѣли случаи указать на подобное стремленіе въ некоторыхъ романахъ Ж. Сандъ и замѣтить, что именно эти произведенія ея неудачны. Имъ вредить система, которой вѣтъ у Диккенса. Диккенсъ хочетъ только забросить въ почву самсва, а произрастеніе и жатву ихъ предоставляетъ судьбѣ. Въ какой степени вѣрнъ расчетъ его и удачно выполненіе, это мы увидимъ, ближе заглянувши въ самыя повѣсти.

И въпервыхъ, Диккенсъ избралъ эпохою появленія своихъ повѣстей новый годъ, находя, что въ это время почва человѣческаго духа болѣе воспримчива для тѣхъ идей, которыя желаетъ онъ возростить. Не заблужденіе ли это? Что такое новый годъ? Событіе метафизическое, чисто условное, которое точно также могло быть (и было) и вчера, и можетъ быть (и будетъ) завтра. «Вздоръ!» какъ говаривалъ почтенный Скруджъ. И если разсудить основательно, такъ въ самомъ дѣлѣ вздоръ. Но Диккенсъ имѣлъ въ виду не тѣхъ, которые вслѣдствіе разсужденія дошли до этого убѣжденія. Чловѣкъ умствующій безъ предубѣжденій, то есть, начинающій изысканіе съ полнаго отрицанія всего, что не очевидная истина, и не отступающій ни передъ какимъ выводомъ, какъ бы резко ни противорѣчилъ онъ его привычкамъ и всему общепринятому, такой чловѣкъ уже самъ стоитъ на пути къ тѣмъ истинамъ, которыя, какъ должно полагать, живы и въ душѣ автора, хотя, можетъ быть, и одѣты въ слишкомъ національное платье. Впрочемъ, это послѣднее — не больше, какъ предположеніе; авторъ романистъ и не обязанъ разрушать предрассудокъ, чтобы замѣнить его истиной. Напротивъ того, онъ обращается къ самому предрассудку, лишь бы возбудить дѣятельность мозга; онъ знаетъ, что если ему только удастся заинтересовать вопросомъ, то логическій процессъ самъ собою доведетъ умствующаго до разрушенія ложнаго и признанія истиннаго. Эти повѣсти для тѣхъ девяносто девяти сотыхъ публики, на которыхъ произвольно принятое значеніе разныхъ предметовъ, въ томъ числѣ и условная эпоха новаго года, имѣетъ неизбежное вліяніе, — и имѣетъ его не безъ разумнаго основанія, такъ что отъ общаго впечатлѣнія не освобождаются и тѣ, которые съ полнымъ яснымъ сознаніемъ могутъ сказать: большая въ самомъ дѣлѣ важность, что мы еще разъ отиаряла въ пустомъ пространствѣ нѣсколько десятковъ милліоновъ миль!

Да! а между тѣмъ, и вы, пылкій мечтатель, и вы, безпощадно трезвый въ понятіяхъ чловѣкъ, вы, юноша — владѣтель великой будущности, и вы, старикъ, пропустившій жизнь сквозь пальцы, вы, г. Скруджъ, который говорите: «вздоръ!» и я, отвѣчающій вамъ:

«да, если разсудить основательно», — не вся ли мы встречаемъ новый годъ не такъ, какъ 31-е декабря или 2-е января.

Отъ-чего же это? Должна быть какая нибудь этому причина; явление, повторяющееся съ такою точностью, не можетъ же быть случайно и должно имѣть разумную необходимость, должно имѣть корень въ натурѣ человека.

Человѣку на извѣстной ступени развитія общества врождено стремленіе хоть зарѣдка заглядывать въ жизнь поглубже, отрыватья отъ частности настоящаго дня, обнимать связь событій прошедшаго и подумать о послѣдствіяхъ въ будущемъ. Но въ томъ же человекѣ живетъ и звѣрь, чуждый идея общества, врагъ всего, что происходитъ изъ нея высокаго, жертвоприносящаго; нѣрадоу онъ даже преобладаетъ, прикрытый овечью шкурою благонамѣренности; но святыхъ минутъ не лишень никто. Онъ открываютъ человекѣ раздвоеніе его и другихъ, и, не надясь на побѣду ни въ себя, ни въ другихъ, онъ ищетъ вѣншей точки опоры для своей человечности, страдательно подчиняясь ей вмѣстѣ съ другими. Этотъ фактъ подтверждаетъ намъ всякое общество. Общество создаетъ законы, конечно, условные, исключительные, годные только для него, а не для другого общества, но оно создаетъ ихъ именно потому, что признаетъ ихъ истину и необходимость для себя. Къ чему же, при этомъ *сознаніи*, писанный законъ? къ чему блюстители его? къ чему казнь и за что награда?

Все это потому, что вмѣстѣ съ сознаніемъ истины рождается сознаніе безсилія осуществлять ее всегда и добровольно. Мы еще дѣти въ этомъ отношеніи и намъ нужна ланкастерская метода взаимнаго надзора. Словомъ, не надясь на себя, мы ищемъ точки опоры для своей человечности вѣн себя, — и создаемъ законъ.

Условныя эпохи, которыми мы мѣряемъ жизнь, такія же точки опоры. Онѣ происходятъ изъ тѣхъ же условій человеческой природы, и что же удивительнаго, что въ эти дни человекъ невольно и бессознательно чувствуетъ себя хоть на волосъ болѣе человекѣмъ!

Исключенія не опровергаютъ правила. И если дать этому положенію болѣе общій оборотъ, что человекъ чувствуетъ себя въ эти дни вообще не такимъ, какъ въ прочіе, то исключеній найдется очень мало.

Вотъ, можетъ быть, основанія, въ которыхъ Диккенсъ нашелъ психологическую возможность перерожденія Скруджа, героя его перваго святочнаго разсказа: *Christmas Carol in prose* (Святочная пѣсня въ прозѣ).

Обратимся къ самой повѣсти, и, попервыхъ, позвольте познакомиться васъ съ ея героемъ.

Скруджъ былъ то, что называется кулакѣ. Старый грѣшникъ

умѣлъ стаяуть, отжилить, приврать къ рукамъ, — скрига и проидоха. Кръпокъ и остерь, какъ кремень, изъ котораго никакое огниво никогда не выбивало ни одной великодушнѣйшей искры. Скрытенъ, увеличенъ въ самого себя, какъ устрица. Внутренній холодъ заморозилъ старыя черты лица его, заострилъ и безъ того острый носъ, сморщилъ щоки, одеревянилъ походку, выказывался въ красныхъ глазахъ, въ свихъ губахъ и въ сипломъ толосѣ. Морозъ бѣлалъ у него на голонъ, на рывицахъ, на шетивнѣстомъ подбородкѣ. Онъ всюду носилъ съ собою свою низкую температуру: онъ замораживалъ свою контору въ лятнѣ жары, и въ въ святки не становилось въ ней теплѣе ни на градусъ.

Наружный жаръ и холодъ оказывали мало влїянїя на Скруджа. Никакое тепло не могло согрѣть его, никакой морозъ проморозить. Никакой вѣтеръ не былъ суровѣе его, никакой снѣгъ не шелъ упорнѣе его къ своей цѣли, никакой проливной дождь не былъ неумолимѣе. Дурная погода не знала, какъ за него взяться. Жесточайшїй дождь, снѣгъ, градъ могли похвалиться передъ нимъ только въ одномъ отношенїи: они сыпали иногда очень щедро, чего Скруджъ никогда не дѣлалъ.

На улицѣ никто не останавливалъ его ласковымъ привѣтствїемъ: «Какъ поживаете, любезный Скруджъ? Что не зайдете ко мнѣ?» Нацие не просили у него милостыни, дѣти не спрашивали у него, который часъ, никто и никогда не просилъ его указать дорогу къ какому нибудь мѣсту. Его узнавала даже собака слѣпого; завидѣвши его вдал, она тянула своего хозяина куда нибудь въ ворота и въ дворъ и махала хвостомъ, какъ будто желая сказать: «Лучше быть вовсе безъ глазъ, хозяинъ, нежели смотреть такъ неласково.»

А большая бѣда! Скруджу того и хотѣлось. Проложить себя дорожку сквозь толпу и давку жизни, отталкивая всякую человѣческую симпатїю, — въ этомъ-то и находилъ онъ наслажденїе.

Вотъ члпая личность героя повѣсти. Кажется, лицо вовсе не праздничное, человекъ, который понималъ, что праздничекъ — вздоръ, и основательно разсуждалъ, что если онъ платитъ бѣдному конторщику своему столько, чтобы онъ только что не умеръ съ женою и дѣтми съ голоду, такъ конторщикъ обязанъ мерзнуть въ конторѣ пменно столько, чтобы только не вовсе замерзнуть, и работать только что не до совершеннаго истощенїя силъ. И Скруджъ былъ человекъ, который въ одномъ отношенїи могъ пристыдить многихъ, смотрѣвшихъ на него съ презрѣнїемъ, какъ на натуру грязную: онъ былъ вѣренъ самому себѣ. Чтѣ онъ думалъ, то и дѣлалъ. Бѣднѣкъ Кратчякъ дѣйствительно принужденъ былъ съ утра до ночи не выпускать пзъ руки пера и грѣться у *свѣчи!*

Но Кратчитъ не былъ одаренъ пылкимъ воображеніемъ,—и свѣча его не грѣла. Хозяинъ тоже былъ человекъ *основательный*, *разсудительный*, не увлекался *вздорами*, и эпоха святокъ и поваго года не грѣла его. Кажется, нельзя и придумать человека неспособнаго Скруджа симпатизировать со «вздоромъ» (какъ называлъ онъ эту эпоху), волнующимъ цѣлый народъ. А между тѣмъ, и онъ не избавился отъ атмосфернаго вліянія народнаго взрванія. Отдѣлавшись отъ племянника, пришедшаго съ глупымъ поздравленіемъ, выпроводивши пришедшихъ съ безстыднымъ предложеніемъ пожертвовать что нибуль въ пользу бѣдныхъ, и доказавши Кратчиту, что онъ его грабитъ, — Скрудж идѣтъ спать съ наркотическимъ сознаніемъ, что онъ совершенно правъ.

Это прилагательное: «наркотическій», можетъ показаться страшнымъ, но оно вѣрно. Право — не высшая ступень человѣчности; за нимъ есть еще любовь и самоотверженіе. Это сознаютъ многіе, смутно предчувствуютъ, можетъ быть, все безъ исключенія, но сдѣлать шагъ впередъ, стать ступенью выше, — на это готовъ не всякій. Когда не хватаетъ сердца, мозгъ всегда силится пополнить этотъ недостатокъ и ясно доказываетъ, что вы имѣете полное *право* не имѣть сердца; неугомонный кусокъ мяса еще нѣсколько времени бьется и противорѣчить, но мозгъ продолжаетъ задавать ему наркотическіе дозы софизмовъ о *правѣ*, и, наконецъ, онъ засыпаетъ. Внутри человека дѣлается тихо, спокойно, комфортабельно, — борьба кончена: пора отдохнуть, — прощайте, господа, вы можете бороться, голодать, умирать, — я никому не хочу мешать, я не хочу нарушать вашихъ правъ, я благоговѣю передъ справедливостью, я иду спать.

И Скрудж пошелъ спать. Въ самомъ дѣлѣ, если разсудить основательно, онъ былъ правъ. Какое право имѣлъ племянникъ притти докучать ему всякими *вздорами*: будто бы святки эпоха примиренія, любви и счастья, будто изъ всего длиннаго календаря гола это единственное время, когда люди дружно раскрываютъ свои сердца и *рѣшаются взглянуть внизъ, на безвѣстныя бѣднѣишья*, какъ будто эти бѣднѣиши и точно спутники ихъ на пути къ могилѣ, а не *особая народъ*, которой указана совсѣмъ другая дорога. Не правъ ли былъ почтенный Скрудж, замѣчая ему, что «святъ, должно быть, съ ума спятилъ. Святки! Большая, въ самомъ дѣлѣ, радость! Что такое для васъ святки? срокъ платежа долговъ,—а тутъ, смотри, въ карманѣ ни гроша; пора, когда вы вспоминаете, что постарѣли годомъ, и не побогатѣли ни часомъ; время свести счеты,—а тамъ, смотри, за двѣнадцать мѣсяцовъ сряду въ итогъ все нуль да нуль.

Какое право имѣли какіе-то два филантропа притти ни съ того, ни съ сего въ незнакомый домъ и нахально просить у хозяина денегъ

въ пользу нищихъ? Не потому ли, что онъ богатъ, а они бѣдны, что онъ сытъ, а они голодны? Прекрасная причина! Да разве онъ не имѣеть права быть богатымъ, и разве оспариваетъ у нищихъ право быть нищими? Нѣтъ, Скруджъ разсуждаетъ основательно; онъ благоговѣетъ передъ справедливостью и очень умно и благородно отмѣчаетъ, что на это есть тюрьмы и рабочіе дома, а если кто предпочитаетъ лучше умереть, нежели переселиться въ такое благотворительное заведеніе, такъ тамъ лучше: народонаселеніе уменьшится.

Наконецъ, какое право имѣлъ Кратчтъ, этотъ дуракъ, который получаетъ 15 шиллинговъ въ недѣлю, и собирается еще праздновать Рождество, когда нечѣмъ почти прокормить жену и дѣтей,—какое право имѣлъ онъ отпроситься у хозяина на завтрашній день? Это также глупо, хотъ и не столько наввно, — какъ сказать комунибудь: позвольте васъ обокрасть. Скруджъ доказалъ ему это ясно и неопровержимо: «Если бы я не доплатилъ вамъ пол-кроны, въд, какой бы вы подняли крикъ, что это несправедливо! А сами такъ вотъ не подумаете, справедливо ли, чтобы я вамъ заплатилъ за день отдыха.»

Скруджъ правъ; возражать нечего. Бѣднякъ могъ только замѣтить, что это случается только разъ въ годъ.

«Прекрасное извиненіе, удивительный предлогъ обворовывать хозяина каждое двадцать пятое декабря!»

Нельзя не уважить справедливости Скруджа; но кто безъ недостатковъ? и Скруджъ пошатнулся, нарушалъ справедливость на два шиллинга и отпустилъ конторщика. Не это ли помышало ему провести покойную ночь?

А ночь была тревожная. Какія бы ни были тутъ психическія причины (а поле взростныхъ предположеній, въ этомъ случаѣ, очень велико), вѣрно то, что внутри Скруджа происходила такая страшная буря и борьба враждебныхъ стихій, что взволнованные нервы перенесли внутреннюю жизнь мозга во внѣшній міръ, и Скруджъ, пережившій въ продолженіи ночи цѣлую жизнь съ существами фантастическими, проснулся примиренный съ действительностью.

Еще возвращаясь домой по темной лѣстницѣ (Скрудж находилъ, что это самое лучшее освѣщеніе, — темнота не стоила ни гроша), онъ удивился, что ему померещилась въ воздухъ голова Марлея, его умершаго товарища. Онъ подумалъ: «вздоръ!» и пошелъ дальше. Въ комнату, когда онъ собирался уже спать, раздался громъ цѣпей и шумъ приближающихся шаговъ. Скруджъ опять подумалъ: «вздоръ!» но поблѣднѣлъ. Наконецъ, передъ нимъ явился Марлей; Скруджъ и тутъ еще не повѣрилъ, — онъ началъ доказывать мертвецу, что все это вздоръ, что онъ ему не вѣритъ, что нельзя довѣрять глазамъ, что это явленіе, можетъ быть, ничто иное, какъ несварившійся кусокъ говя-

дины, слишкомъ большая доза горчицы, кусокъ эдакого сыра или тяжелый картофель въ желудкѣ.

Варше было бы отыскивать причину явленія въ сердцѣ, шевельнушемся послѣ многихъ лѣтъ неподвижнаго сна. Въ немъ тоже была перепереваренная пища: проклатіе въ отвѣтъ на поздравленіе племянника, желаніе благоденствія рабочимъ домамъ и тюрьмамъ, радость, что народонаселеніе уменьшится, обвиненіе Кратчита въ воровствѣ.

Но Скруджъ не признавалъ дѣйствія сердца на мозгъ. Мозгъ, желудокъ, кошелекъ, карманы, руки, — всѣ части Скруджа имѣли прано гражданства въ его организмѣ; только сердце было безгласнымъ рабомъ.

Скруджъ говорилъ духу Марлея: вздоръ! я тебя не вѣрю! и т. п., но его доводы походили на пѣсню, которую затягиваетъ человѣкъ, проходя ночью пустынное мѣсто, — эта пѣсня льется не изъ бодрой души: вѣтъ! пивецъ старается только разогнать страшное безмолвіе окрестности и звуками пробудить въ себѣ бодрость. Стоять только мелькнуть вдали какому нибудь неопределенному образу, и голосъ задрожитъ и замретъ. Такъ было и со Скруджемъ; Марлею стоило только сваять повязку съ подбородка; нижняя челюсть упала ему на грудь,—и Скруджъ въ ужасѣ палъ на колѣни и закрылъ лицо руками.

Марлей явился сказать Скруджу насколько горькихъ для него истинъ. Онъ описалъ ему свое мучительное состояніе, сказалъ, что и его ждетъ тоже, если и онъ, подобно ему, заглушитъ въ себѣ до конца человѣческое стремленіе трудиться для общества. На замчаніе Скруджа, что онъ былъ, однако же, *дѣловой челоуѣкъ*, духъ отвѣчалъ: «Да, я былъ дѣловой челоуѣкъ! но дѣла мои должны были быть дѣломъ челоуѣчества. Общес благо — вотъ что должно было быть моею заботою: любовь, милосердіе, прощеніе, братство,— вотъ наше дѣло! А торговля дѣла, мои или твои, — о! это капля въ океанѣ истиннаго дѣла челоуѣка!»

Въ этихъ словахъ высказано все; но не для всякаго понятна великая истина, высказанная вполнѣ, но въ немногихъ словахъ. До этой снѣтезы доходятъ только долгимъ путемъ анализа, опытомъ жизни, прожитой, при участіи разума и сердца. Скруджъ былъ старъ, но онъ не вывезъ изъ жизни никакихъ подобныхъ результатовъ; внутри его было холодно, за отсутствіемъ теплой идеи братства; слова Марлея остались бы для него не совсемъ ясны, мозгъ не перенарилъ бы ихъ и они не пробудили бы новой жизни въ его сердцѣ, если бы не посѣтили его другія видѣнія, которыя за шагъ отъ гроба развернули передъ нимъ всю картину его жизни, давая ему возможность прожить се еще разъ и сближеніемъ эпохъ облегчили для него этотъ тяжелый анализъ, богатый выводами.

Марлей исчезъ, возвѣстивши ему о явленіи трехъ другихъ духовъ.

Пришло часъ. Комната вдругъ освѣтилась, занавѣсь надъ кроватью Скруджа раздвинулась, — передъ нимъ стоялъ духъ прошедшихъ святокъ.

Этотъ духъ ведетъ его въ прошлое. Скруджъ видитъ свою родину, видитъ школу, и въ ней себя бѣднымъ ребенкомъ, забытымъ и одинокимъ въ учебной комнатѣ, когда всѣ товарищи его разошлись по домамъ несело вѣстовать Рождество. На глазахъ старика показывается слеза, въ немъ пробуждается человѣкъ, пробуждается сочувствіе, конечно сочувствіе къ самому себѣ, но ребенка и старика разделяетъ такой длинный промежутокъ времени, что они уже разные существа. Духъ нашелъ истинный путь для пробужденія въ Скруджѣ человѣческой симпатіи: онъ заставляетъ его переживать давнопроедшее, т. е. углубляться въ себя, взглянуть, каковъ онъ былъ и каковъ онъ есть, а выѣсть съ тѣмъ и сознать, что между нимъ и людьми такая же связь, какъ между Скруджемъ старикомъ и Скруджемъ ребенкомъ и юношей. Кто дожилъ до седыхъ волосъ, отъ лѣтъ ли, или отъ опыта, все равно, — жизнь измѣряется не одними годами, — кто богатъ воспоминаніями прошедшаго, тому многое покажется въ вещь смѣшно, но многое и велико, обо многомъ пожалеть онъ, что оно не можетъ повториться, объ другомъ, зачѣмъ оно случилось хоть разъ, — во многомъ обвинить себя, во многомъ молодость, и кое въ чемъ тѣхъ, кто имѣлъ на него какого бы то ни было рода вліяніе. Такого рода опытность должна бы крѣпче связывать съ жизнью и обществомъ; старикъ легче можетъ сочувствовать юношѣ, нежели юноша старику. А часто ли это встрѣчается? Часто ли старикъ вспоминаетъ свои года молодости, когда дѣло идетъ о юношѣ?

Вотъ на какую мысль хотѣлъ навести и навелъ Скруджа духъ, показывая ему его прошлое. Старикъ дѣлался на минуту ребенкомъ и юношей, онъ понималъ ихъ, потому-что они были никто иные, какъ онъ самъ, и въ тоже время онъ началъ сочувствовать всѣкому, кто зовется человѣкомъ, потому-что въ лицѣ этого ребенка и этого юноши онъ видѣлъ существа отдаленныя, но родныя.

Скруджъ, глядя на сцену въ школѣ, повѣлъ, какъ убійственно одиночество, и вспомнилъ, можетъ быть, о ребенкѣ, котораго нѣсколько часовъ тому назадъ такъ жестоко прогналъ съ своего порога. Онъ увидѣлъ сестру свою; она пріѣхала взять его на праздникъ домой. Она была такъ ласкова, такъ заботлива, она явилась, какъ ангелъ-утѣшитель, а Скруджъ еще сегодня чуть не вытолкнулъ ея сына, своего племянника, и отказался итти праздновать съ нимъ день Рождества!

Вдругъ сцена измѣняется. Скруджъ, уже юноша, встрѣчаетъ Рождество у своего бывшаго хозяина, Фецивига, въ конторѣ у котораго работалъ некогда такъ же, хотя и не съ такимъ тяжелымъ сердцемъ, какъ теперь у него работаетъ Кратчитъ. Но что за разница! Какъ тепло и светло въ конторѣ Фецивига и какъ холодно и темно въ конторѣ Скруджа! Какъ привѣтливо встрѣчаютъ здѣсь гостей и какъ сурово выгоняютъ ихъ изъ его дома! Какъ радуется молодого Скруджа ласковость хозяина, какъ молодъ старикъ Фецивигъ, а Кратчитъ обвиненъ, ради праздника, въ воровствѣ своимъ старымъ, мерзлымъ хозяиномъ! Какъ хвалятъ Фецивига, когда общество разошлось, его молодые прикащики. — Скруджъ и Дикъ! А его, стараго скрягу.... И дорого ли стоили все эти радости? «Три, четыре фунта стерлинга», замѣчаетъ духъ. Но Скруджъ уже проникаетъ въ причину веселости глубже. «Не въ деньгахъ дѣло», говоритъ онъ. «Хозяинъ властенъ осчастливить и огорчить насъ, облегчить и удвоить намъ трудъ, превратить его въ удовольствіе или въ бремя. Эта власть въ словахъ его, въ его взглядахъ, въ такихъ незначительныхъ, безусловныхъ мелочахъ, что на нихъ нельзя ни указать, ни вычислить ихъ. Да! а между тѣмъ, они счастливаютъ, какъ будто стопли ему всего его состоянія! О! какъ хотѣлось бы мнѣ сказать теперь словечка два Кратчиту!»

Это восклицаніе, какъ термометръ, указываетъ на сильную оттепель въ сердцѣ Скруджа; еще градусомъ выше, и онъ скажетъ, что, какъ право не высшая ступень человечности, такъ подаваніе, вообще помощь, еще не высшая степень любви. Дѣло въ томъ, что надо быть, какъ говоритъ Саядъ, «не слишкомъ деликатнымъ въ отношеніи къ самому себѣ и не засыпать среди сибаритства чистой и довольной собою совѣсти.» Пассивное участіе любви, или, вѣрнѣе, состраданія, т. е. подаваніе, въ обширномъ смыслѣ слова, можетъ только устранить физическую нужду несчастливца; оно и не рѣдкость, — это знаютъ все, кому посчастливилось дожить до несчастья. Но предотвратить бѣду или, когда уже поздно, вырвать зло съ корнемъ, который держится не въ голодномъ желудкѣ, а въ сознаніи униженія, — вотъ что долженъ дѣлать тотъ, кто не хочетъ «засыпать среди сибаритизма», кто хочетъ стать на высшую степень любви, т. е. любить активно и не отворачиваться отъ *человѣка*. насытивши его *же.лудокъ*. Голодъ былъ бы для него не такъ ужасенъ, если бы онъ не пробуждалъ въ немъ вопроса: да отъ-чего же другимъ дано обѣдать по три раза въ день? Голодъ постигаетъ осажденныхъ въ крѣпости, застѣнутыхъ штилемъ или блуждающихъ безъ парусовъ и мачтъ по морю, — но тамъ голодаютъ *все*, — и бѣдствіе исходитъ на степень чисто физическаго бѣдствія. Но если человѣкъ осужденъ погибать съ голо-

ду среди сытыхъ по горло , тогда страдаетъ не только желудокъ , — тогда и въ мозгу шевелятся странныя мысли .

Духъ ведетъ Спруджа дальше . Онъ показываетъ ему другую сцену изъ его жизни , — грустную эпоху поворота съ прямого пути , первый шагъ въ пустыню эгоизма .

Скруджъ опять увидѣлъ самого себя , пѣсколько старше : мужемъ въ полноть силъ . Въ чертахъ лица его не было еще чорствыхъ угловъ старости , но видѣлись уже признаки заботъ и скупости . Въ глазахъ его было что-то жадно тревожное ; они говорили о страсти , уже пустившей корни , и легко было догадаться , въ какую сторону падеть тѣнь отъ этого дерева .

Онъ былъ не одинъ : возлѣ него сидѣла прекрасная молодая дѣвушка въ траурѣ ; на глазахъ у нея были слезы , сверкавшія въ лучахъ , исходявшихъ отъ духа прошедшихъ святокъ .

« Это не важное дѣло , говорила она кротко : — для васъ очень неважное . Другой идолъ смѣнилъ меня въ вашемъ сердцѣ ; если онъ будетъ радовать и утѣшать васъ , какъ старалась бы утѣшать я , я не имю права жаловаться .

« Что за идолъ ? спросилъ онъ .

« Золото .

« И вотъ какая на свѣтѣ справедливость ! сказалъ онъ . — Свѣтъ ни къ чему такъ не жестокъ , какъ къ бѣдности , — и ничего не осуждаетъ такъ строго , какъ стремленіе къ богатству .

« Вы слишкомъ боитесь свѣта , отвѣчала она . — Вся ваша надежда слились въ одно желаніе — оградиться отъ его нападковъ . Я была свидѣтельницей , какъ пали , одно за другимъ , вся ваши благороднѣшія стремленія , пока , наконецъ , не овладѣла вами одна страсть — страсть къ приобрѣтенію . Не правда ли ?

— Чтожъ такое ! возразилъ онъ . — Я сталъ умнѣе , — такъ чтожъ изъ этого ? Я къ вамъ не измѣнился .

Она покачала головою .

— Или измѣнился ?

— Мы сошлись съ вами давно . Тогда были мы бѣдны и довольны своимъ жребіемъ , терпѣливо ожидая , что когда нибудь намъ посчастливится улучшить наше состояніе постояннымъ трудомъ . Вы измѣнились . Тогда вы были другой человекъ .

— Я былъ дитя , возразилъ онъ съ нетерпѣніемъ .

— Ваше собственное чувство говоритъ вамъ , что вы были не то , что теперь , отвѣчала она . — Я все также . Чтѣ обѣщало намъ счастье , когда мы были одно существо по сердцу , то грозитъ теперь горемъ . когда мы сдѣлались два . Не стану рассказывать , какъ часто я объ

этомъ думала и какъ горько мнѣ было. Довольно того, что я думала объ этомъ, и возвращаю вамъ ваше слово.

— Требовалъ ли я его когда нибудь назадъ ?

— На словахъ — нѣтъ, никогда.

— Какъ же иначе ?

— Натура ваша изменилась ; васъ одушевляють другіе интересы, вы питаете другія надежды. Все, что придавало въ вашихъ глазахъ хоть какую нибудь цѣну моеѣ любви, все это стало для васъ ничтожно. Если бы между нами ничего не было прежде, — замѣтила дѣвушка, глядя на него кротко, но пристально: — скажите, искали ли вы любви моеѣ теперь ? О, нѣтъ !

Онъ, казалось, противъ воли признавалъ справедливость этого предположенія. Но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и отвѣчалъ: «вы этого не думаете».

— Желала бы думать иначе, если бы могла, сказала она. — Богу извѣстно, что если я убѣдилась въ этой истинѣ, такъ знаю, какъ она ясна и неотразима. Если бы вы были свободны, сегодня, вчера, завтра, — могу ли я подумать, что вы изберете себѣ въ подруги бѣдную дѣвушку, — вы, который въ самыя задушевныя минуты цѣните все на вѣсъ золота ? или, если бы вы, избравши ее, изменили на минуту вашей единственной цѣли, развѣ я не знаю, что раскаяніе не замедляло бы явиться ? Нѣтъ, возьмите назадъ ваше слово. Я возвращаю его вамъ отъ всего сердца, ради любви къ тому, чѣмъ вы некогда были.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она отвернулась и продолжала :

— Можетъ статься, — вспоминая прошедшее, я почти ожидаю этого, — можетъ статься, это огорчитъ васъ. Но не надолго ; скоро, очень скоро вы все это забудете и обрадуетесь, что вамъ посчастливилось пробудиться отъ бесполезнаго сна. Будьте счастливы въ избранномъ вами образѣ жизни !

Она встала, и они разстались.

Какая грустная, похоронная сцена ! Такъ и любовь, которой въ эту пору жизни жертвуютъ всѣмъ, приведена была Скруджемъ въ цѣфры ! Да, юноша Скруджъ умеръ, умеръ человекъ ; подъ его именемъ доживаетъ вѣкъ свой какое-то существо безъ сердца, лишенное симпатіи и способности наслаждаться, кусокъ металла, которому слѣдовало бы лежать гдѣ нибудь въ ядрахъ золотого рудника.

Теперь только, послѣ многихъ лѣтъ, оглянувшись назадъ, старикъ почувствовалъ на душѣ невыносимый гнетъ и молилъ духа прекратитъ видѣнія. Но онъ долженъ былъ увидѣть еще одно.

То было уже другое мѣсто : комната не большая и не изящная, а очень удобная. У камина сидѣла прекрасная молодая дѣвушка, такъ

рзко похожая на бывшую подругу Скруджа , что онъ принималъ ее за тоже лицо, пока не увидалъ ее. теперь уже мать семействна, сидящую противъ дочери. Шумъ въ комната былъ страшный ; здсь было столько дтей , что встревоженный Скрудж не могъ и пересчитать ихъ. Вы помните сорокъ дтей легенды, которыя вели себя вся, какъ одно? Здсь было на оборотъ : каждый шумалъ за сорокъ. Сладствемъ этого былъ невероятный гамъ ; никто, впрочемъ, не обращалъ на это вниманя ; напротивъ того, мать и дочь смались и радовались имъ отъ всего сердца; дочь вышпалась даже въ ихъ игры, и плутишка напала на нее безъ всякихъ церемонй. Чего не далъ бы я, чтобы быть въ числа ихъ, хотя никогда не ршился бы на такя дерзости ! Натъ ! ни за что на свтъ не ршился бы я спутать эти локоны ; я не стянулъ бы, ни ради спасеня собственной жизни, этотъ уютный, узкй башмачокъ ! Обнять ее , въ шутку, какъ эти смалыя малютки, — втъ ! я не могъ бы этого сдлать ! рука моя такъ бы и осталась, за наказане, на всегда согнутою ! Но какъ желалъ бы я, приваясь, коснуться ея губъ , спросить ее о чемъ нибудь, чтобы она ихъ раскрыла ; съ какимъ наслажденемъ смотралъ бы я на раснлицы ея опущенныхъ глазъ , не заставляя ее краснть , распустилъ бы эти волны волосъ, одинъ дюймъ которыхъ былъ бы для меня неоцененнымъ сокровищемъ ! словомъ. мнъ хотлось бы вступить хоть въ малйшее право ребенка , не переставая быть взрослымъ , чтобы звать его цну !

Въ эту минуту кто-то постучалъ въ дверь ; мгновенно вся ватага ринулась ко входу и увлекла съ собою смющуюся двшуку, на встрчу отцу, вошедшему въ сопровожденя слуги съ цлою кучею игрушекъ и свѣточныхъ подарковъ. Крикъ, толкотня, приступъ на беззащитнаго носильщика ! Стулъ замъняетъ лѣстницу, руки лѣзутъ въ карманъ, овладеваютъ свертками въ срой бумагъ, тянутъ его за галстукъ, въшаютъ ему на шею, барабанятъ по спинъ, тѣснятъ подъ ногами въ неотразимомъ упоенй ! А клики радости и удивленя. при каждомъ вскрытй свертка ! А ужасъ , при вѣсти, что видѣли, какъ грудной ребенокъ понесъ себя въ ротъ игрушечную сковороду и вѣроятно проглотилъ деревяннаго цыпленка вмѣстѣ съ блюдомъ ! Что за общая радость, когда оказалось, что это ложная тревога ! Что за восторгъ, что за упоене, — и передать нельзя ! Довольно сказать, что дѣти и шумное ихъ веселье удалились, наконецъ , изъ комнаты вся разомъ по одной лѣстницъ , въ верхнй этажъ. Тамъ они легли спать, и все утихло.

Скрудж началъ смотреть еще внимательнѣе, когда хозяйнѣ дома сѣлъ у своего каминна съ женою и дочерью , ласково припикшею къ его плечу ; онъ подумалъ , что такое же милое , полное надеждъ су-

щество могло бы и его назвать отцомъ, сіять весною среди суровой зимы его жизни, — и взоръ его омрачился.

«Послушай, сказалъ мужъ, съ улыбкою обращаясь къ женѣ: — я видѣлъ сегодня одного изъ твоихъ старинныхъ друзей.

— Кого же это ?

— Отгадай.

— Какъ мнѣ отгадать ? А, знаю, подхватила она тотчасъ, засмѣявшись въ отвѣтъ на смѣхъ мужа: — Скруджа.

— Да, Скруджа. Я проходилъ мимо его конторы; ставни были еще не заперты, внутри свѣтилось, и я невольно заглянулъ. Товарищъ его, говорятъ, при смерти; Скруджъ сидѣлъ одинъ. Одинъ одиноконекъ въ целомъ свѣтѣ, я думаю.

Да, одинъ одиноконекъ. Общество тѣной, вызванныхъ дѣятельностію организма, свободной во время сна, — вотъ та среда, которая могла еще пробудить въ немъ, спящемъ, чувства, незнакомыя ему днемъ, среди людей. Къ людямъ и ихъ житью-бытью онъ присмотрѣлся за долгую жизнь: ихъ счастье и несчастье, ихъ горе и радости не дѣлали на него уже ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ былъ чуждъ всему, потому-что былъ чуждъ самому себѣ. Онъ никогда не заглядывалъ въ самого себя, а это единственная точка отправленія къ разумнѣю человека вообще, составленнаго имъ общества, и отдельныхъ членовъ этого общества. Вообще, что бы ни началъ изучать человекъ, онъ всегда самъ стоитъ въ центрѣ явленій, и антропоморфизмъ всякаго факта, — физическаго, нравственнаго, общественнаго, — есть законъ, который отмѣнить не въ нашей власти. Мы ничего не можемъ воспринимать страдательно; реакція всегда обуславливаетъ впечатлѣніе, и мы только на основаніи *аналогіи* фактовъ и вслѣдствіе *умозаключеній* проникаемъ въ истинную связь недоступнаго намъ непосредственно внѣшняго міра. Все это гораздо труднѣе примѣнить къ нравственнымъ, нежели къ физическимъ явленіямъ. Но самое раздѣленіе явленій на эти двѣ категоріи есть ничто иное, какъ слѣдствіе нашего воззрѣнія на безразличное, или, лучше сказать, однородное въ самомъ себѣ, — и всякое органическое существо есть единица, которую мы умственно дѣлимъ на произвольное число дробей, не существующихъ отдѣльно. Это законно, потому-что неизбежно, по самой натурѣ нашего ума, при работѣ анализа; только при выводѣ, при синтезѣ, не должно забывать (а къ сожалѣнію, это случается почти всегда и ведетъ къ неразрѣшному дуализму!), что все это дробленіе было только дѣломъ нашего воззрѣнія, химическимъ *процессомъ* логики, который можетъ продолжаться только до результата, — математическимъ, произвольнымъ *положимъ*, которое по необходимости должно уничтожиться въ выводѣ.

Эти положенія, о которыхъ не мѣсто распространяться здѣсь больше, сказаны только въ подтвержденіе того, что человекъ есть *нераздѣльная* единица, очень ошибочно называемая *умоизмеримымъ*: только умъ и дѣлать его на части, нѣрѣдко забывая сливать ихъ потомъ въ результатъ, какъ не имѣющія отдѣльнаго смысла и жизни, и дѣлая, на этомъ основаніи, самыя ложныя выводы, самыя отчаяныя экскурсіи въ область несуществующаго. Выводить по внѣшній, действительный міръ модификаціи своего собственнаго существа и свои частныя воззрѣнія и признавать въ нихъ право реального, самобытнаго существованія, также безразсудно и смѣшно (есть случаи, когда можно сказать: также зло и безчестно), какъ и закрывать глаза, дѣлая опыты надъ цвѣтами, или закрывать уши, при изслѣдованіи законовъ звука.

Человекъ, какъ *нераздѣльная* единица, подчиненъ *всѣмъ* однимъ и тѣмъ же законамъ. Антропоморфизмъ явленій, *всѣмъ* безъ исключенія, къ какой бы категоріи они не принадлежали, неразрушимъ, и нѣтъ для человека другой точки отправленія для достиженія какого бы то ни было познанія, какъ его *я*.

Никто не узнаетъ людей, не узнавши себя, никто не пойметъ общества, не найдши его элементовъ въ себя. никто не будетъ разумно сочувствовать другому, не прослѣдивши условій человѣческаго чувства въ себя.

Вотъ почему для многихъ такъ бесплодна бываетъ самая долгая и самая пестрая жизнь; имъ некогда или не хочется заглянуть въ себя, и все внѣшнее мелькаетъ мимо нихъ, какъ китайскія тѣни. А тамъ, смотришь, близокъ конецъ, близка минута разрѣшенія неизбежнаго вопроса; поневоля заглядываешь въ себя, но тамъ уже сумерки, и человекъ оканчиваетъ кое какъ, на слово вѣря всему, что выдастъ ему за истину какойнибудь авторитетъ.

Скрудъ былъ близокъ къ этому предѣлу. Но его участь была въ этомъ случаѣ исключеніемъ. Ему посчастливилось ухватиться за лучшій авторитетъ; ему удалось (не будемъ изъяснять, вслѣдствіе какихъ законовъ; поэзія имѣетъ же свои права) въ одну ночь опять прожить всю свою жизнь, сначала до конца. Старинное знакомство съ фактами, которые повторяются передъ нимъ теперь, облегчило для него анализъ, — быстрота переменъ и сближеніе явленій облегчили синтезъ. Онъ въ нѣсколько часовъ наверсталъ потерянные годы и проснулся поутру другимъ человекомъ; эта картина яснаго утра, мастерски набросана авторомъ: въ ней есть что-то освѣжающее, точно какъ будто вы сами проснулись отъ тяжелаго сна и жадно впитаете свѣжій утренній воздухъ.

Скрудъ является другой духъ, духъ настоящихъ святокъ. Онъ

ведеть его въ первый день праздника по улицамъ города. Все весело, все шумитъ, все волнуется. Сердца у всѣхъ настежь, лица тоже. Въ каждомъ домѣ, знакомомъ или незнакомомъ, рады всякому гостю и принимаютъ его, какъ стараго пріятеля. Только булочныя, гостиницы, харчевни мрачно заперли свои двери и смотрятъ на веселую толпу, какъ строгій пуританинъ на кавалера.

Скруджа, прежде такъ любившаго держать двери на запоръ, поразило теперь это обстоятельство, и онъ замѣчаетъ духу:

— Странно мнѣ, что изъ всѣхъ существъ, населяющихъ міры вокругъ насъ, именно ты стараешься лишать бѣдняковъ возможности повеселиться безгрѣшно.

— Я? отвѣчалъ духъ.

— Ты стараешься лишить ихъ средствъ пообѣдать въ седьмой день, часто единственный, въ который они имѣютъ средства пообѣдать.

— Я! повторилъ духъ.

— Ты приказываешь запираеть въ седьмой день все мѣста, гдѣ можно поѣсть, сказалъ Скруджа. — А это развѣ не тоже?

— Я — приказываю?! воскликнулъ духъ.

— Извини, если я ошибаюсь. Все это дѣлается во имя твое, замѣтилъ Скруджа.

— Да, отвѣчалъ духъ: — у васъ на землѣ есть люди, которые выдають себя за монахъ союзниковъ и даютъ волю своимъ страстямъ, гордости, ненависти, зависти, лицемерію и себялюбію, — все во имя мое; а они мнѣ чужды, какъ будто ихъ никогда и не существовало. Не забывай этого и приписывай ихъ дѣла имъ, а не мнѣ.

Скруджа сдѣлалъ еще шагъ впередъ; онъ изъ всего извлекаетъ пользу, то есть, не скользитъ глазами по явленіямъ жизни, а заглядываетъ за кулисы.

Духъ показываетъ ему, какъ празнуютъ Рождество вездѣ, даже тамъ, гдѣ нечѣму, или, по выраженію Скруджа, не на что радоваться. Кратчитъ, этотъ дуракъ, которому нечѣмъ прокормить свое семейство, воръ, который обокралъ своего хозяина на два шиллинга, поселится больше, нежели умный Скруджа, легшій спать съ чистою совѣстью. Въ домѣ Кратчита все бѣдво, бѣдво до того, что гусь приводитъ все общество въ высочайшее упоеніе; но тоже общество пьетъ за здоровье Скруджа!! того самого Скруджа, который сказалъ объ умирающихъ отъ голода и нужды: тѣмъ лучше: народонаселеніе уменьшится! — Не мѣшало бы разсудить основательно, кто лишніе на свѣтъ.

Скруджа переносится изъ жилища Кратчита въ рудокопни. И тамъ, труженники, празнуютъ Рождество. Оттуда на малкъ—и тамъ два

сторожа весело сидятъ за *грозомъ* и желаютъ другъ другу веселаго праздника. Оттуда, по волнамъ океана, на корабль, — и тамъ вся пожимаютъ дружески руки, и часовой, одиноко, какъ статуя, стоя на палубѣ, напѣваетъ свѣточную пѣсню. Оттуда вдругъ въ жилище племянника, — веселятся и тамъ, несмотря на нули въ итогахъ.

Они блуждали далеко, посѣтили много жилищъ, и всюду духъ приносилъ съ собою утѣшеніе. Остановится ли онъ у постели больного, больной оживаетъ; посѣтитъ ли изгнанника на чужой сторонѣ, — ему становится отрадно, какъ будто онъ на роднѣ; зайдетъ ли въ лачужку, гдѣ свирѣпствуетъ нищета, — несчастный дѣлается на минуту богатъ. Они перебивали въ рабочихъ домахъ, въ больницахъ, въ тюрьмахъ; всюду, куда не всякому позволило бы зайти среди бѣла дня мелкое тщеславіе или робкое *qu'en dira-t-on?* И вездѣ приходъ духа былъ благословенъ; отовсюду Скрудъ выносилъ новое чувство и учился наука симпатіи.

Скрудъ прожилъ прошедшее во второй разъ. Конечно, это былъ сонъ, но развѣ сонъ не таже дѣйствительность, пока онъ снится, и развѣ дѣйствительность не тотъ же сонъ, когда она миновалась? Ничтожность и значеніе того и другого зависятъ не отъ ихъ мнимо-существеннаго различія, но отъ участія нашего разума и человечности въ ихъ явленіяхъ. Сонъ Скруда былъ для него значительнѣе всей прошедшей дѣйствительности; онъ былъ плодосноснѣе и органически связанъ съ будущностью, — связь, которую основываетъ воззрѣніе чловека на собственную жизнь; но опять таки не то воззрѣніе, которое смотритъ на жизнь, какъ просто на рядъ фактовъ, связанныхъ между собою риторикой, но которое вглядывается глубже, уразумеваетъ въ нихъ себя въ связи съ обществомъ, пробуждаетъ интересъ жизни и даетъ ей положительное, неодностороннее направленіе, то воззрѣніе, вслѣдствіе котораго чловекъ опредѣляетъ себя цѣль и знаетъ не только, *чего онъ хочетъ*, но и *почему*; — вотъ на какомъ рубежѣ человечности стоялъ Скрудъ, когда исчезъ духъ настоящихъ святокъ.

Вопросъ о будущемъ естественно долженъ былъ возникнуть и облечься въ образы въ мозгу старика. Марлей зналъ это, предсказавши явленіе третьяго духа. Этотъ духъ будущихъ святокъ, подобно предыдущимъ, ведетъ Скруда въ разные мѣста и показываетъ ему сцены, изъ содержанія которыхъ онъ можетъ догадаться, что они происходятъ послѣ его смерти. На биржѣ, гдѣ онъ былъ некогда непоследнимъ лицомъ, говорятъ о его кончинѣ зѣвая, со смѣхомъ и шутками. Равнодушіе совершенное. Въ лавчонкѣ Жюда прислуга сноситъ разные дрязги, которые успѣла стянуть у умирающаго Скруда, — и въ спальнѣ самого Скруда лежитъ одинокій полу-

закрытый трупъ: никого вѣтъ при немъ; только мыши, почуя добычу, спѣшатъ прогрызть полъ и добраться до трапезы. — Умершаго поминали только въ одномъ мѣстѣ, — но что за поминки! Въ комнатѣ сидѣла мать съ дѣтьми. Она ждала кого-то съ тревожнымъ нетерпѣніемъ и ходила по комнатѣ, вздрагивала, при каждомъ звукѣ, поглядывала то въ окно, то на часы, старалась заняться шитьемъ, но не могла, какъ не могла почти выносить голоса играющихъ дѣтей.

Наконецъ, послышался давно ожидаемый стукъ въ двери. Она бросилась на встрѣчу мужу, человѣку молодому, но съ лицомъ, исхудалымъ отъ заботъ. Въ эту минуту лицо его выражало что-то особенное, какую-то радость, которой онъ стыдился и которую старался подавить.

Онъ сѣлъ за столъ; обѣдъ ждалъ его на огнѣ. Послѣ долгаго молчанія, она какъ-то нерѣшительно спросила его: что поваго? и онъ какъ будто не зналъ, какъ ей отвѣчать.

— Хорошія или дурныя вѣсти? спросила она, стараясь облегчить ему отвѣтъ.

— Дурныя, отвѣчалъ онъ.

— Мы разорены окончательно?

— Нѣтъ. Есть еще надежда, Каролина.

— Если онъ сжалится, такъ, конечно, есть, замѣтила она: — что невозможно послѣ такого чуда?

— Оно совершилось, отвѣчалъ мужъ. — Онъ умеръ.

Она была созданіе любящее и терпѣливое, если лицо ея говорило правду, но благодарность судьбы за смерть человѣка согрѣла ея душу, при этой вѣсти, и она высказала все, сложивши руки. Минуту спустя, она молила уже о прощеніи, — но первое движеніе вышло прямо изъ души.

— Что сказала мнѣ эта полу-пьяная женщина, о которой я говорилъ тебѣ вчера, когда я хотѣлъ съ нимъ повидаться и попросить отсрочки на недѣлю, — я думалъ, что это только предлогъ отказать мнѣ, а вышло правда. Ему не только было очень худо, онъ просто умиралъ.

— Къ кому же перейдетъ теперь право на нашъ долгъ?

— Не знаю. Но до тѣхъ поръ мы достанемъ денегъ; а если и не достанемъ, такъ всеужли же мы такъ несчастны, что и наследникъ будетъ столько же безчеловѣченъ! Сегодня мы можемъ заснуть спокойно, Каролина!

Эта сцена должна была произйти Скруджа чувствительнѣе заключительной сцены на кладбищѣ, гдѣ онъ узнаетъ свою могилу, и не камень надгробный, не имѣющій никакой связи съ жизнью, заставилъ

его воскликнуть, обращаясь къ духу : « скажи мнѣ только, что, изменивши жизнь, я могу изменить будущее ! »

Скрудждъ, наконецъ, до желанія, до потребности очеловѣчить жизнь свою, дать ей смыслъ, примкнуть къ людской семьѣ. Онъ помянуть прошедшее и спрашиваетъ о будущемъ, не о томъ будущемъ, о которомъ нечего спрашивать, потому-что оно въ всякой связи съ логикой, но о томъ, которое есть дѣйствительный выводъ изъ предыдущаго, которое живо нашу жизнь, въ которомъ мы можемъ быть людьми, т. е. дѣлать то, что почитаемъ своею обязанностью, и приносить жертвы, не изъ страха казни и не рассчитывая на награду.

Скрудждъ просыпается другимъ челоѡкомъ. Онъ веселъ, онъ радъ празднику, какъ ребенокъ; онъ согрѣтъ теплымъ чувствомъ, онъ помолодѣлъ, онъ прозрѣлъ послѣ долгой слѣпоты и съ восторгомъ упивается красотой міра. Онъ воскресъ къ новой жизни, и все воскресло вокругъ него, все получило въ его понятіи высшій смыслъ, все связано между собою органически, и самъ онъ сознаетъ себя уже не одинокимъ, осужденнымъ на борьбу со всеми прочими, существомъ, но членомъ огромной челоѡческой семьи.

Этимъ кончается повѣсть. Цель ея очевидна, цель нравственная... досадно, что нельзя замѣнить этого слова другимъ: слово «*нравственный*» получило, когда говорятъ о романѣ, прѣсное значеніе, чего собственно нельзя примѣнить къ разсказу Диккенса. Диккенсъ желалъ только заронить въ душу читателя *вопросы*, которые, если разрѣшить ихъ и, не останавливаясь, идти далѣе отъ вывода къ выводу, доведутъ до многого, что многіе не задумаются назвать безнравственнымъ, именно потому, что они имѣютъ привычку не задумываться надъ вопросами очень спокойной для нихъ жизни. Эти вопросы — истинные сѣмена, которые дадутъ жатву, смотря по почвѣ, въ которую попали. Больше — романистъ сдѣлать не можетъ. Удобрять неплодородную почву, то есть, помогать лѣнивому или тупому уму разрѣшать эти вопросы не его дѣло. Это возможно только въ логическомъ анализѣ вопроса, и, какимъ бы множествомъ фактовъ онъ ни былъ обставленъ, онъ никогда не перейдетъ въ художественное произведеніе. А Диккенсъ не хотѣлъ выйти изъ сферы искусства, имѣя въ виду гуманную цель, — и не вышелъ. Художественность разсказа не потеряла ничего, потому-что авторъ умѣлъ избѣгнуть двухъ обыкновенныхъ, при подобной задачѣ, ошибокъ: онъ рисовалъ *людей*, а не олицетворенныя *идеи*, — и не увлекался усыпительными философскими отступленіями.

IV.

ХОЗЕ ХУАНЪ , ЛОВЕЦЪ ЖЕМЧУЖНЫХЪ РАКОВИНЪ. (*Разсказъ Габриэля Ферри*). Когда западная Индія признавала еще владычество Испаніи, портъ Санъ-Блазъ, находящійся при входѣ въ калифорскій заливъ, на берегу бывшаго интендантства, теперешнаго штата Халиско, былъ складочнымъ мѣстомъ филиппинскихъ острововъ. Суда, богато-нагруженныя шолковыми товарами Китая, драгоценными приносами востока, тѣснились въ гавани; толпы народа суетливо шумѣли по улицамъ; арсеналы были полны оружія, на верфяхъ вѣчная дѣятельность, — Санъ-Блазъ былъ важнѣйшимъ пунктомъ южнаго берега. Теперь весь этотъ блескъ исчезъ, и Санъ-Блазъ сохранилъ только остатки верфей, остатки арсеналовъ, остатки народонаселенія, воспоминаніе о прежней торговлѣ и живописное положеніе.

Городъ раздѣляется на двѣ части: верхній городъ и подолъ, или взморье. Со сводовъ коммандантства, выстроеннаго на вершинѣ крутой скалы, взору открывается одно изъ самыхъ печальныхъ и прекрасныхъ зрѣлищъ. Съ одной стороны верхній городъ, молчаливый и безлюдный, печальный и мрачный, какъ все, что было нѣкогда мощно, а потомъ осѣло и пало въ развалинахъ; съ другой густой зеленый лѣсъ, обливая зелеными волнами фундаментъ коммандантства, амфитеатромъ ниспадаетъ до самого взморья. Извилистая дорога, то исчезаая, то выглядывая изъ чащи деревьевъ, сходитъ до самого уровня моря. Тамъ, на берегу среди кущъ банановъ и пальмъ, въ тѣни кокосовыхъ деревьевъ, со всѣхъ сторонъ видѣются живописныя бамбуковыя хижины. У подошвы этихъ хижинъ морской берегъ округленъ, омываемый едва чувствительнымъ теченіемъ съ открытаго моря, въ водахъ котораго, какъ въ зеркалѣ, отражается сверкающая лазурь неба Тамъ и слѣдъ веселья острова раскинулись на солнцѣ, какъ бу-

кеты морскихъ цѣтовъ; огромныя скалы возвышаются пирамидами желтой амвры; вдали скользятъ рыбацкія лодки и трехугольники бѣлыхъ парусовъ ихъ отдѣляются отъ свѣтлой глубины горизонта.

Мнѣ случилось быть въ Санъ-Блазѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Коммерческія дѣла требовали моего присутствія въ Калифорніи, и я уже надѣли двѣ ждалъ, не отправится ли туда какое нибудь каботажное судно съ грузомъ. Наконецъ я узналъ, что *Гвадалупа*, небольшая голетта въ 38 тоннъ, идетъ въ Пичилинъ, или Пичилингъ, подъ командою своею владѣльца, каталанскаго капитана. Я поспѣшилъ къ нему купить себѣ мѣсто на его суднѣ и принялъ его условія не торгуясь. Конкурентовъ въ то время у капитана не было, но онъ былъ столько честенъ, что не запросилъ съ меня непоимѣрной цѣны. «Вы, безъ сомнѣнія, живете на горѣ, сказалъ онъ мнѣ при прощаньи; замъ не мѣшало бы переселиться съ пожитками на взморье, потому-что мы можемъ отплыть каждую минуту; я пришлю за вамъ лодку, такъ будьте готовы, чтобы не потерять ни минуты.»

Я такъ нетерпѣливо желалъ избавиться отъ удушающаго жара Санъ-Блаза и миріадъ комаровъ, отъ которыхъ тамъ почти жить нельзя, что поспѣшилъ воспользоваться совѣтомъ капитана, лишь бы не оставаться тамъ ни часу лишняго. Итакъ, я переселился на взморье, въ одну изъ этихъ очаровательныхъ бамбуковыхъ хижинъ, замѣченныхъ мною еще изъ верхняго города; но скоро я убѣдился, что на взморѣ, столь привлекательномъ издали, комаровъ еще больше, нежели на горѣ, и что они здѣсь тѣмъ голодиѣе, что находятъ меньше жертвъ. Наконецъ, послѣ трехъ дней истязанія, меня извѣстили поутру, чтобы я былъ готовъ, что послѣ обѣда пришлютъ за мною лодку. Въ назначенный часъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей хижины причалила къ берегу пирога. Она была съ плоскимъ дномъ и выдолблена изъ ствола дерева; переходъ съ берега въ это судно совершился не безъ опасности. Малѣйшее волненіе, малѣйшее неловкое движеніе могутъ опрокинуть этотъ утлый челнокъ, и большія акулы, лукаво слѣдящія за струею лодки подъ самую поверхность воды, говорятъ довольно ясно, каковы были бы послѣдствія такого случая. Мы благополучно вошли на бортъ.

Палуба голетты была завалена горами тыквъ, банановъ и прекраснаго, вкуснаго санъ-бласкаго лука непоимѣрной величины. Эта куча плодовъ и овощей да мой чемоданъ составляли почти весь грузъ. Лукъ уложили пополамъ съ грѣхомъ въ три пирога, банановыя вѣтви развѣсили длинною бахрамою по кормѣ и обонимъ бортамъ, и потомъ предоставили судно на волю вѣтровъ и на милость Божию.

Экипажъ былъ набранъ также странно, какъ и грузъ. Подъ командою каталанскаго капитана дона Рамона Покино были: французскій матросъ, дезертеръ съ китоловнаго судна; Мехиканецъ, съ претензіей на званіе капитанъ порутчика; Канака, или Индѣецъ съ Сандвичевыхъ острововъ; Китаецъ, съ равнымъ отвращеніемъ переходившій отъ страшии къ занятіямъ на палубѣ и *vice versa*; наконецъ; два

молодыхъ Апачи (*), лѣтъ по 14-ти или 15, смолоду похищенные изъ родныхъ степей и исполнявшіе должность юнгъ. Капитанъ, если не ссорился съ матросами, что всегда кончалось уступкою съ его стороны, прохаживался, курилъ или осматривалъ лукъ и тѣквы. Французъ, надменный на чужой сторонѣ, обходился съ капитаномъ и своими товарищами какъ съ *Парижанами* (**); онъ прибралъ къ своимъ рукамъ управленіе румпелемъ и сидѣлъ при немъ преспокойно, проводя ночь во снѣ, а день въ *far niente*. Мехиканецъ, въ мнимоиъ сознаниіи своего офицерскаго сана, нѣжился, лежа въ пирогѣ, и безъ ушолку бречалъ на неравнучной съ нимъ мандолинѣ. Онъ очень удивлялся, когда донъ Рамонъ давалъ ему какія нибудь приказанія, и считалъ притязанія его на власть, которую онъ, впрочемъ, нисколько не употреблялъ во зло, невыносимую тиранніей. Китаецъ, подъ предлогомъ дѣла въ кухнѣ и на палубѣ, не занимался ни стряпней, ни снастями. Вмѣсто него Канака варилъ рисъ и бананы, которые вмѣстѣ съ *сесимю* (высушенною на солнцѣ говядиною), снова вошедшею въ славу, составляли нашу единственную пищу. Зато, когда капитанъ приказывалъ опустить или подвязать парусъ, Китаецъ съ жолчью объявлялъ права свои на должность новара, похищенную у него бѣднымъ Индѣйцемъ. Индѣецъ, единственный работникъ изъ всего экипажа, получалъ, какъ почти всегда случается, жалованья меньше всѣхъ. Что касается до молодыхъ Апачи, они проводили время какъ истинные дикари: цѣлый день состязались въ ловкости владѣнія ножомъ. Они сидѣли на корточкахъ другъ передъ другомъ, въ нѣсколькихъ дюймахъ разстоянія, выдвигали одну голую ногу впередъ, медленно балансировали ножомъ между большимъ и указательнымъ пальцами, и потомъ, по данному знаку, выпускали его такъ, чтобы онъ вонзился въ недовольно проворную ногу. Этотъ поединокъ новаго рода порождаетъ тысячу самыхъ странныхъ ужимокъ; но онѣ удавались рѣдко, и любимая забава Апачи всегда кончалась пролитіемъ крови.

Авархію, царствовавшую на *Гадалупъ*, не должно почитать исключеніемъ; я могъ бы разсказать вамъ много примѣровъ невѣроятной слабости, свойственной капитанамъ мексиканскихъ судовъ, печальный образецъ которой представлялъ бѣдный донъ Рамонъ. Отсутствіе законовъ и страхъ быть оставлену немногими матросами, которыхъ можно набрать на этихъ берегахъ, не позволяютъ капитанамъ прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, единственному средству заставить уважать ихъ власть. Впрочемъ, большая часть переноситъ это зло терпѣливо. Въ особенности донъ Рамонъ обнаруживалъ апатію и равнодушіе, въ которыхъ еще больше, нежели въ бронзовомъ

(*) Дикій непокоренный народъ, обширныя земли котораго простираются на сѣверъ отъ штата Соноры.

(**) Французскіе моряки называютъ *Парижанами* непривычныхъ къ суровой жизни на морѣ, незнакомыхъ съ моремъ и мореплаваніемъ.

цвѣтъ лица его, можно было видѣть непобѣдимое вліаніе тропическаго солнца.

Прошло уже двѣ недѣли, какъ мы снялись съ якоря, но мы все еще думали, что до Пичилинга далеко. Вода портилась въ бочкахъ отъ перпендикулярныхъ лучей солнца, ибо близко было время іюньскаго солнцестоянія. Сесина сдѣлалась для меня несносна, ризь невыносимъ. Я пламенно ждалъ конца нашего плаванія, какъ вдругъ однажды, въ ту самую минуту, когда солнце садилось въ далекомъ туманѣ горизонта, французскій матросъ подозвалъ меня знакомъ къ себѣ.

— Посмотрите-ка вонъ туда, сказалъ онъ мнѣ, указывая пальцемъ на далекую, почти незамѣтную точку. — Для такихъ *Парижанъ*, какъ вы, эта черная точка можетъ быть просто облако пониже другихъ; а для меня, — я поплавалъ уже на этихъ моряхъ, — это островъ Серральбо, а за нимъ другой, Эспириту Санто.

— Ну, такъ что же слѣдуетъ заключить изъ этого сосѣдства? отвѣчалъ я съ удивленіемъ.

— Что? А то, что мы проѣхали за Пичилингу, лежащую на крайней точкѣ Калифорніи, по крайней мѣрѣ лѣ на шестьдесятъ. Капитанъ рассчитываетъ, что онъ промахнулся еще на шестьдесятъ, и по его расчету ошибка въ сто двадцать лѣ; для путешествія лѣ въ двѣсти слишкомъ — это немного.

— Вы въ этотъ увѣрены?

— Также увѣренъ, возразилъ матросъ: — какъ въ томъ, что французскій капитанъ заболѣлъ бы отъ огорченія, сдѣлавши такой промахъ, а этотъ и не поморщится. Капитанъ, закричалъ онъ почти въ то же время: — впереди земля!

— А! и точно земля! сказалъ довъ Рамонъ, подходя къ борту, чтобы лучше рассмотретьъ. — Чтожъ! тѣмъ лучше: мы приѣдемъ скорѣе, нежели я думалъ.

Потомъ, замѣтивши свою двойную ошибку, онъ обернулся ко мнѣ и безъ особеннаго удивленія, съ веселымъ лицомъ сказалъ: — хорошо еще, что не на сто лѣ я промахнулся, а то пришлось бы кормить васъ гораздо дольше; однако, не безпокойтесь: эти случайныя поѣздки впередъ и назадъ поставлены вамъ въ одинъ счетъ за перевозъ; мы отдохнемъ въ Серральбо и я отвезу васъ въ Пичилингъ.

Французскій матросъ бросилъ на меня выразительный взглядъ: онъ былъ правъ, какъ нельзя больше.

Солнце садилось, когда острова стали видны не для однихъ глазъ моряка; оно уже заходило, когда мы добрались до вѣзда въ каналъ, раздѣляющій островъ Серральбо отъ острова Эспириту Санто. Ничего не можетъ быть печальнѣе вида этихъ острововъ, съ ихъ крутыми чернокалистыми берегами, о которые разбиаются волны, отскакивая пѣнистыми брызгами. Острова Серральбо и Эспириту Санто обыкновенно безлюдны; только два мѣсяца въ году, іюнь и іюль, живутъ на нихъ ловцы жемчужныхъ раковинъ. Я уже сказалъ, что это было въ концѣ іюня.

Мы начали различать хижины, сколоченныя на время этими удальцами, и челноки, привязанныя въ ущельяхъ скалъ, когда двѣ лодки отчалили отъ Серральбо по направленію къ сосѣднему острову; въ каждой изъ нихъ сидѣлъ человѣкъ, и одинъ, казалось, преслѣдовалъ другого. Крики съ берега доказывали, что на сушѣ принимаютъ живое участіе въ этомъ происшествіи. Лодки спорили въ быстротѣ, лети по глади моря, спокойнаго въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговыхъ скалъ. Однакоже, успѣхъ нечувствительно началъ переходить на сторону преслѣдовавшаго. Канака и Китаецъ, чтобы лучше видѣть бѣгъ, взобрались на канаты, а Апачи взбѣжали по веревкамъ на марсъ, цѣпляясь за нихъ пальцами ногъ, какъ обезьяны. Самъ капитанъ вооружился зрительною трубою, и, внимательно смотрѣвши въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, оборотился вдругъ ко мнѣ и сказалъ.

— Онъ погибъ.

— Кто? спросилъ я.

— Тотъ, что спасается въ лодкѣ.

— Почему вы такъ думаете?

— За нимъ гонится Хозе-Хуанъ.

Это имя не объяснило мнѣ ничего, но я счелъ за бесполезное безпокоить дальнѣйшими распросами капитана, котораго, по видимому, сильно интересовалъ результатъ погони. Я замолчалъ и продолжалъ внимательно наблюдать. Голецца подвигалась все впередъ; пространство, отдѣлявшее насъ отъ бойцовъ, безпрестанно уменьшалось и позволяло мнѣ яснѣе слѣдовать за фазами борьбы. Бѣглець очевидно стремился достигнуть маленькой бухты среди отгнѣсныхъ скалъ на берегу Эспириту-Санто. Это былъ единственный пунктъ, гдѣ можно было причалить, и слѣдовательно, бѣгущій долженъ былъ плыть къ этому убѣжищу по прямой линіи отъ того мѣста, гдѣ тогда находился. Хозе Хуанъ сначала какъ будто не догадался о его намѣреніи; вмѣсто того, чтобы слѣдовать по той же прямой линіи, онъ взялъ вверхъ по каналу и увеличилъ пространство между собою и своимъ противникомъ. Бѣглець смотрѣлъ на него со страхомъ и удвоивалъ усилія, но вѣроятно долженъ былъ бороться съ быстрымъ теченіемъ, потому-что лодку его чувствительно уносило въ сторону. Напротивъ того, лодка Хозе Хуана, достигши верхушки описаннаго имъ угла, съ видимою легкостью пошла по діагонали и должна была достигнуть бухты прежде бѣглеца. Тогда борьба противниковъ ограничилась выигрышемъ времени, борьба, въ которой Хозе Хуанъ имѣлъ на своей сторонѣ преимущество теченія, происходящаго отъ сближенія двухъ острововъ.

— Напрасно этотъ шутъ выбивается изъ силъ, сказалъ капитанъ: — все равно, просто отдался бы.

Усталъ ли, или оробѣлъ бѣднякъ, о которомъ говорилъ капитанъ, только онъ гребъ уже слабо и по временамъ оглядывался посмотреть на успѣхи преслѣдователя. Въ ту самую минуту, когда Хозе, быстро приближавшійся съ каждымъ ударомъ весла, готовъ былъ его настиг-

нуть, онъ, казалось, рѣшился на отчаянное средство, — бросилъ весла, вскочилъ на носъ лодки и внимательно устремилъ глаза на воду.

— Онъ или дуракъ, воскликнулъ капитанъ: — или ряхнулся со страху: — неужли онъ думаетъ, бросившись въ море, ускользнуть отъ лучшаго водолаза здѣшнихъ береговъ!

Но ему не оставалось другого шанса спасенія. Приближалась ночь. Цѣпть волнъ начиналъ уже темпѣть; еще нѣсколько минутъ, и онъ скроется отъ непріятеля пользуясь темнотою неба и моря, — разумѣется предполагая, что причина бѣгства стоить того, чтобы рискнуть столкнуться съ акулой, которыхъ множество во всѣхъ моряхъ жаркаго пояса. Къ несчастію, нельзя было терять ни минуты: Хозе Хуанъ двигалъ свою лодку съ такою силою, что въ нѣсколько ударовъ весла схватился бы борть о борть съ бѣглецомъ; бѣглець безъ сомнѣнія чувствовалъ это, — онъ бросился головою внизъ, и волны, разступясь на минуту, снова надъ нимъ сдвинулись. Настала очередь Хозе Хуана бросить весла и стать на носу лодки. Онъ держалъ въ одной рукѣ сѣть, въ которую водолазы собираютъ раковины съ подводныхъ камней, а въ другой довольно длинную веревку. Подумавши съ минуту, онъ бросилъ сѣть и исчезъ съ веревкою подъ водою; лодки, предоставленныя теченію, начали толкаться одна о другую.

Скалы острова Серральбо покрылись любопытными, тревожно слѣдившими за этимъ страннымъ зрѣлищемъ. Что касается до экипажа *Гвадалупы*, онъ выказывалъ радость, похожую на упоеніе. Канака не могъ безъ дрожи глядѣть на бѣгъ лодокъ и удалство пловцовъ, напоминавшіе ему родимые острова, а Апачи ревѣли отъ удовольствія съ высоты марса. Не прошло и минуты среди живого ожиданія, какъ надъ поверхностью воды показалась голова; то была голова бѣглеца. Онъ плылъ къ Эспириту Санто со всею энергіею отчаянья, какъ вдругъ, какъ будто увлеченный силою водоворота, способнаго поглотить корабль, быстро пошелъ ко дну и исчезъ. Легкая бѣлизна пѣны и кипѣніе мелкихъ волнъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ исчезъ, говорили о подводной борьбѣ. Но съ кѣмъ боролся онъ? Съ Хозе ли Хуаномъ, или несчастный встрѣтилъ одно изъ тѣхъ алчныхъ чудовищъ, на которыхъ человѣкъ не можетъ смотрѣть безъ ужаса, даже безопасно стоя на палубѣ судна? Пѣна все бѣлѣла, но не алѣла кровью, и это успокоило зрителей. Наконецъ, изъ подъ воды снова выглянула голова, потомъ другая; то выглянулъ сначала Хозе Хуанъ, а за нимъ бѣглець; но скоро замѣтили, что бѣжавшій держится надъ водою только движеніемъ ногъ, потому что веревка Хозе Хуана три раза опоясала его туловище и прихватила къ нему руки. Этотъ удивительный подвигъ, совершенный подъ водою, возбудилъ на палубѣ и на берегу громъ рукоплесканій, среди котораго раздавались крики: *Viva José Juan! que viva!* А капитанъ обратился ко ниѣ:

— Я вамъ говорилъ, что если за кѣмъ погонится Хозе Хуанъ, такъ ниши пропадетъ!

Быстро наставшая ночь скрыла отъ насъ продолженіе этой необыкновенной сцены, но черезъ нѣсколько минутъ до насъ долетѣли съ берега жалобные крики и ироническій хохотъ, глухой ропотъ борьбы одного противъ многихъ, — и потомъ все стихло.

Когда *Гвадалупа* стала на якорь на полпушечнаго выстрѣла отъ берега Серралльо, наступилъ часъ отдыха для всего этого народонаселенія водолазовъ, купцовъ и искателей приключеній, для которыхъ день полонъ опасності и труда. Блѣдые лучи взошедшаго мѣсяца освѣщали мягкое волненіе моря. Волны широкими полосами разбивались о берегъ, устѣянный жемчужными раковинами и казавшійся совершенно пустыннымъ.

Острова Серралльо и Эспириту Санто всегда славилась въ калифорнскомъ заливѣ жемчужными раковинами и множествомъ черепахъ, черепъ которыхъ идетъ на разные надѣла. Первый, открывшій этотъ *пласеръ* (*) жемчугу, былъ испанскій солдатъ; къ концу богатой приключеніями экспедиціи онъ приобрѣлъ триста тысячъ франковъ. Съ тѣхъ поръ владѣльцы этого *пласера* ловятъ здѣсь жемчугъ ежегодно въ іюнѣ и іюлѣ. Ловля жемчугу занимаетъ важное мѣсто въ промышленности и торговлѣ Мексики. Счастливый случай бросилъ меня на одинъ изъ главнѣйшихъ театровъ ловли, и я хотѣлъ этимъ воспользоваться. Особенно занимали меня двѣ вещи: во первыхъ, состояніе жемчужной промышленности; а во вторыхъ, — сказать ли? — мнѣ хотѣлось узнать смыслъ сцены, поразившей меня перелъ прѣздомъ въ Серралльо, героемъ которой былъ именно ловецъ жемчужинъ, Хозе-Хуанъ. Я далъ себѣ слово не оставлять этихъ острововъ не удовлетворивши моему любопытству.

Когда случайно или вслѣдствіе розысковъ въ Мехикѣ откроютъ золотой или серебряный рудникъ, о находкѣ объявляютъ начальнику штата, и онъ уже утверждаетъ *концессію*, *уступку* земли въ пользу *допомника* (такъ называется открывшій рудникъ), если только онъ не иностранецъ, не солдатъ, или не попъ, — и притомъ съ условіемъ, чтобы разработка рудника началась не дальше какъ черезъ одинъ годъ и одинъ день, подл опасеніемъ обращенія концессіи въ публичное владѣніе.

Тотъ же порядокъ, за немногими исключеніями, наблюдается и относительно скалъ съ жемчужными раковинами. Окончивши всѣ судебныя формальности, принимаются за приготовленія къ ловлѣ.

Владѣльцы *пласера*, которымъ надо эксплуатировать, вербуютъ между индѣйскими племенами на берегу Калифорніи и противоположномъ берегу Соноры потребное число *бузосовъ*, т. е. водолазовъ. Водолазы, также какъ и рудокопы, въ части съ хозяиномъ, т. е. плата за ихъ

(*) Слово *placer* означаетъ мѣсто, гдѣ находятъ золото или жемчугъ недалеко подл землею или водою; слово *mina* заключаетъ въ себѣ понятіе о подземныхъ работахъ. Разработка *пласера* почти всегда удачна, а разработка минъ очень часто бываетъ безплодна.

трудъ состоитъ единственно въ извѣстной части полученной прибыли. Когда ловля началась, за ними присматриваютъ не сводя глазъ, потому-что имъ очень легко утатъ жемчужину дорогой цѣны. Это лежитъ на обязанности *каматаца*, или начальника артели. Эту власть, почти всегда деспотическую, даютъ обыкновенно человѣку, который нравственно или физическою силою заставилъ товарищей своихъ уважать себя или бояться.

Водолазовъ сопровождаютъ ихъ семейства. За ними приходятъ и колдуны разныхъ племенъ, изъ которыхъ на вербованы *бузосы*. Занятіе этихъ женщинъ, пользующихся индѣйскимъ легковѣріемъ, состоитъ въ томъ, чтобы заговаривать акулъ и усыплять ихъ алчность или бдительность. Это, можетъ быть, самое спокойное и прибыльное ремесло изъ всѣхъ, которыми занимаются на мѣстѣ ловли. *Рескатадоресы* (перекупщики) также переселяются въ *букко* (мѣсто ловли), для покупки у водолазовъ ихъ части барыша, платимаго имъ жемчугомъ. За ними является толпа мелкихъ спекуляторовъ и открываетъ *тендахосы* (питейныя), или *казасы де партида* (игорные дома). Такъ какъ время ловли жемчуга есть и время ловли черепахъ, привлекающей въ Сerrальбо и Эспириту Санто многочисленныя флотиліи, то на острова, совершенно пустынные въ продолженіе десяти мѣсяцовъ, вдругъ стекается номадное народонаселеніе отъ двухъ до трехъ сотъ душъ. Немедленно послѣ прибытія ловцы исправляютъ хижины прошедшей экспедиціи, строятъ, если надобно, новыя, и кампанія начинается.

Въ баркахъ, снаряженныхъ для ловли, находятся гребцы и водолазы. Водолазы выряютъ попеременно; пока мѣсть одинъ надъ водою, другой отдыхаетъ. Между большимъ и вторымъ пальцемъ ноги они держатъ веревку съ довольно тяжелымъ камнемъ на концѣ: это помогаетъ имъ опускаться съ большою быстротою. Другой конецъ веревки привязанъ къ лодкѣ, и это облегчаетъ ихъ восхожденіе, когда собственная ихъ тяжесть увеличится еще вѣсомъ раковинъ, собранныхъ со скалы на глубинѣ 9-ти или 10-ти сажень. Эти раковины наполняютъ съѣ, надѣтую на пловца въ видѣ фартука. Водолазы не рѣдко остаются подъ водою три, четыре минуты, и выплываютъ обратно совершенно обезсиленные, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ погружаться въ воду разъ съ сорокъ или пятьдесятъ въ одно утро. Лучшіе водолазы вообще Индѣйцы *Гаки*, обитающіе на берегахъ рѣки того же имени, близъ Гуаймаса. Ихъ употребляютъ предпочтительно передъ прочими за ихъ мужество и ловкость. Несмотря на то, что акулы въ большомъ числѣ собираются около мѣстъ ловли и около всѣхъ посѣщаемыхъ береговъ этого моря, *Гаки* бросаются въ ихъ ужасное сосѣдство съ смѣлостью, отъ которой невольно вздрогнешь, особенно вспомнивши, чѣмъ они вооружены. Единственное оружіе ихъ составляетъ кусокъ дерева, зостренный и обожженный на огнѣ съ двухъ концовъ; это грубое оружіе, висящее на поясѣ ихъ кожаныхъ штановъ, называется *эстака*. Извѣстно, что акула, вслѣдствіе

устройства нижней челюсти, принуждена обернуться, если хочет схватить добычу: этимъ-то мгновениемъ пользуются, чтобы вонзить когъ въ пасть непріятеля и лишить его возможности сдвинуть челюсти. Только одинъ родъ акулы, *тикторера*, уничтожаетъ смѣлость въ Гаки и наводитъ на нихъ тотъ же ужасъ, какой другіе испытываютъ при видѣ обыкновенной акулы.

Каждый вечеръ сгромаживаютъ и огораживаютъ на берегу раковины, собранныя со скалъ; здѣсь онѣ лежатъ подъ исключительнымъ присмотромъ *капатаца*, или начальника артели, пока сами не раскроются отъ гніенія, скоро зарождаемаго лучами солнца. Когда гніеніе достигло полной степени, приступаютъ къ промыванію, почти также какъ дѣлаютъ съ золотымъ пескомъ. Мытье производится въ большихъ деревянныхъ жолобахъ; люди жадно роются въ разложившейся массѣ, далеко разливающей ядовитые миазмы, и выбираютъ изъ нея жемчугъ. Жемчужины съ береговъ Калифорніи, миссиа де ла Паць, и Лорето, вообще не отличаются такою чистотою воды и бѣлизною цвѣта, какъ индѣйскія; цвѣтъ ихъ обыкновенно синеватый; самыя большія даже радужнаго цвѣта съ черно-фіолетовымъ отливомъ; формою чаще всего похожи на грушу. Впрочемъ, онѣ имѣютъ свою цѣнность и употребляются при траурномъ нарядѣ. На всемъ протяженіи мексиканской республики нѣтъ ни одной женщины, хоть нѣсколько достаточной, у которой не было бы дорогого жемчужнаго ожерелья, — и весь этотъ жемчугъ привозится съ береговъ Калифорніи. Это объясняетъ важность ловли жемчужныхъ раковинъ и многочисленность промышленниковъ, которые за нее берутся. Ловля продолжается два мѣсяца.

Едва только ловля кончилась, какъ все это номадное народонаселеніе садится въ лодки, на которыхъ пріѣхало. Индѣйцы возвращаются въ города искать для своихъ рукъ другой работы, колдуньи спѣшатъ домой рассказывать о силѣ своихъ заклинаній, *рескатадоресы* идутъ бродить по домамъ и барышничать купленнымъ жемчугомъ, содержатели питейныхъ переносятъ въ другое мѣсто свои стойки, а банкиры свои игорные шаши; наконецъ, ловцы черепахъ везутъ своимъ хозяевамъ плоды экспедиціи, и оба острова пустѣютъ до слѣдующаго лѣта. А между тѣмъ, вновь совершается таинственный процессъ образованія жемчужинъ; берегъ заваленъ бѣлыми кучами перламутровыхъ раковинъ. Сначала, возвращающіяся въ Европу суда получали премію за очистку отъ нихъ взморья и брали ихъ въ балластъ; потомъ они должны были платить по два франка пятидесяти сантимовъ за тонну, а теперь правительство обратило раковины въ предметъ промышленности, потому-что онѣ доставляютъ, какъ извѣстно, перламутръ.

При моемъ прибытіи къ островамъ Серральбо и Эспириту Санто ловля была въ полномъ разгарѣ. На другой же день, когда я вышелъ на палубу *Гвадалупы*, живая картина поразила мой взоръ. Море было покрыто множествомъ лодокъ съ флагами различныхъ цвѣтовъ; однѣ

летѣли на перерѣзъ другъ другу, другія стояли неподвижно. На первыхъ спѣшили въ открытое море ловцы, выглядывая, не попадется ли гдѣ нибудь подъ поверхностью воды заснувшая черепаха, а товарищи ихъ, между тѣмъ, раскидывали въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ обонхъ острововъ сѣти на черепаха, которыя придуть пастьсь водорослями, мхомъ и другими морскими травами, растущими на днѣ моря. На неподвижныхъ баркахъ находились водолазы. Ежеминутно кто нибудь исчезалъ подъ водою, и потомъ появлялся съ опухшими отъ напряженія глазами и лицомъ, съ натянутыми мышцами. Они высыпали на дно лодокъ раковины, которыя удалось имъ отдѣлать отъ скалъ, ложились на минуту, пока воротится очередной товарищъ, и снова погружались въ воду. Нѣкоторые отирали вмѣстѣ съ водою струю крови, выдавленной слишкомъ долгимъ давленіемъ на легкія изъ ушей и особенно изъ ноздрей.

Ирѣдка, надъ рейдомъ, на верхушкахъ береговыхъ скалъ, появлялось нѣсколько безобразныхъ, почти нагихъ старухъ; то были индѣйскія колдуньи. Онѣ выступали, простирая надъ волнами сухія руки и нашептывая или напѣвая таинственные слова, усыпляющія алчность акулъ. Эта живописная общность картины, — скачки водолазовъ, вѣчный плескъ воды, крики сигналовъ, ободрительныя восклицанія, вызовы, говоръ на землѣ, сливающійся съ ропотомъ моря, мрачное пѣніе колдуній, иногда появленіе акулы и блескъ спявшаго пера ея надъ водою, — всѣ эти странныя, разнообразныя явленія составляли занимательнѣйшее зрѣлище для Европейца. Я смотрѣлъ на все это съ живымъ участіемъ; капитанъ подошелъ ко мнѣ со всегдашнимъ своимъ равнодушіемъ и сказалъ:

— Людямъ моимъ надо отдохнуть отъ трудовъ, а то я далъ бы вамъ въ ваше распоряженіе лодку; да, впрочемъ, вы можете кликнуть какую нибудь изъ этихъ барокъ; онѣ за безцѣнокъ свезутъ васъ въ Серральбо. Знаете, какъ пріятно провести послѣ долгаго плаванія денекъ на сушѣ!

Я былъ совершенно согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, послушался совѣта капитана и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ на берегъ въ Серральбо. Съ перваго взгляда островъ не представляетъ ничего пріятнаго. Въ некоторомъ разстояніи отъ моря цѣлая деревня изъ досчатыхъ хижинъ, обломки негодныхъ барокъ или разбитыхъ кораблей, бамбуки, пальмовыя бревна. На берегу я замѣтилъ кучи перламутровыхъ раковинъ, свидѣтельствующія о богатствѣ прошедшей ловли; дальше, тѣже раковины, раскрытыя гніеніемъ, были сложены и тщательно перемыаемы въ деревянныхъ жолобахъ. Отъ времени до времени въ этой грудѣ вонючихъ раковинъ находили жемчужины различной величины, отъ *зернышка* до *тыквы*. Радостные крики раздавались всякій разъ, какъ только работники увидятъ большую жемчужину. Въ другихъ мѣстахъ острова, заживо, среди ужасныхъ мученій, варились несчастныя черепахи, цѣликомъ въ щитѣ своемъ, который на огнѣ размягчается и легче отдѣляется отъ тѣла. Тутъ чинили

барки или сѣти, тамъ закаливали *этаки*, точили остроги; словомъ, дѣятельность на сушѣ равнялась дѣятельности на морѣ.

Нравственныя разсужденія о трудѣ, котораго стоятъ нѣкоторые предметы роскоши, сдѣлались почти общими мѣстами. Но при всемъ томъ, кто видѣлъ эти жемчужины, эту черепаху, продукты таинственнаго процесса на днѣ морей жаркаго пояса, выхваченные изъ бездны на зло акуламъ, жаднымъ сторожамъ этихъ сокровищъ, и вынутые изъ гниющей, часто убійственно смердящей массы, тотъ не можетъ не вздрогнуть, зная, какимъ опасностямъ подвергается человекъ, какія совершаетъ онъ чудеса, подстрекаемый любостыжаніемъ.

Я долженъ былъ, однакоже, попросить пріюта на день и слѣдующую ночь въ какой нибудь изъ хижинокъ въ Серральбо и старался выбрать лучшую на видъ; но все онѣ смотрѣли такъ жалко, такъ нищенски, что выборъ былъ очень затруднителенъ. Глухой говоръ со стороны моря, отъ котораго я отошелъ еще недалеко, вывелъ меня изъ раздумья. Часъ окончанія ловли еще не пробилъ, а водолазы стояли все неподвижно на лодкахъ, вытянувши шеи и устремивши глаза въ точку моря, довольно близкую отъ скалы, которую готовились эксплуатировать. Старухи, о которыхъ я говорилъ, удвоили свои заклинанія, и на этотъ разъ заиѣли тономъ выше и на неизвѣстномъ языкѣ. Вдругъ, при видѣ чудовищной формы акулы, описывавшей огромные круги, медленно погружаясь въ воду, ловцы, въ надеждѣ испугать чудовище, огласили воздухъ страшнымъ крикомъ. Къ несчастію, слой воды покрывавшій акулу, не позволялъ ей услышать этотъ крикъ, несмотря на тонкость слуха, которою отличаются эти животныя.

— Это *тинторера*, сказалъ мнѣ Мехиканецъ, котораго я нашелъ въ числѣ зрителей.

Я уже сказалъ, какой ужасъ наводитъ эта порода акулъ на самыхъ безстрашныхъ.

— Это тинторера, повторилъ Мехиканецъ: — и случись это съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ пловца, который, вотъ вы увидите сейчасъ, вынырнетъ, онъ погибъ бы неминуемо; а этому акула все равно, что *ботете* (*).

— Какъ! неужели подъ водою есть несчастный? и вы сго знаете?

— Падѣюсь; Хозе Хуанъ.

Если читатель не забудетъ, это имя уже во второй разъ со вчерашняго дня было мнѣ брошено съ лаконизмомъ, который говорилъ, что послѣ этого имени всякое объясненіе бесполезно. На этотъ разъ, при такомъ страшномъ обстоятельстве, оно живо меня поразило. Едва успѣлъ Мехиканецъ договорить свой короткій отвѣтъ, какъ пловецъ стрѣлою вынырнулъ изъ воды и прыгнулъ въ лодку, при помощи привязанной къ ней веревки. Почти въ тоже мгновеніе зубы акула перерѣзали эту веревку, какъ паутину; секундою раньше, и она

(*) Ядовитая рыба, которая на воздухѣ раздувается и лопается.

точно также перекусила бы человекa. Крики радости и рукоплесканія загремѣли со всѣхъ сторонъ, при появленіи пловца. Онъ принялъ ихъ какъ заслуженную, но всегда лестную дань, что можно было замѣтить по движенію его ноздрей и горделиво-презрительному взгляду, которымъ онъ проводилъ удаляющагося врага.

Хозе Хуанъ бѣжалъ отъ акулы не изъ страха. На берегу стояла неподвижно, едва держась на ногахъ, молодая, прекрасная женщина. Пламенный взглядъ, брошенный ей Хозе Хуаномъ, достаточно пояснилъ мнѣ, что эту жертву принесъ онъ ей. Мехиканецъ вздохнулъ и сказалъ мнѣ тономъ сожалѣнія:

— Годъ тому назадъ, мы увидѣли бы чудесную битву съ акулой. Около этого же времени онъ убилъ тинтореру, спасая друга; да тогда онъ еще не былъ женатъ. Съ тѣхъ поръ оба бился. Хотите, я расскажу вамъ эту исторію? прелюбопытная.

— Нѣтъ, благодарю васъ; пусть лучше самъ онъ мнѣ ее расскажетъ. Я хочу попросить у него ночлега.

Нерѣшимость моя миновалась. Хижина, въ которой такой хозяйинъ, должна была быть въ моихъ глазахъ лучше всѣхъ. Я попросилъ у Хозе Хуана позволенія переночевать подъ его кровлею. Хижина отважнаго пловца стояла въ довольно большомъ разстояніи отъ прочихъ, почти на оконечности острова Серральбо, прислонившись къ скалѣ, въ расщелинахъ которой росли кактусы и алоэ, а на вершинѣ гнѣздились морскія птицы въ продолженіи безлюдныхъ десяти мѣсяцовъ. Съ порога хижины взоръ обнималъ берегъ и море; видны были крутые берега Эспириту Санто, и даже слышенъ глухой шумъ разбивающихся о нихъ волнъ. Къ этому—то дикому мѣсту повелъ меня мой новый хозяинъ со всею свѣтскою внимательностію его соотечественниковъ; въ наружности его не видно было и слѣда недавней, ужасной опасности.

Хозе Хуанъ былъ Метисъ, сынъ Индѣйца и бѣлой; онъ наследовалъ бронзовый цвѣтъ отца и индѣйскій типъ лица его не представлялъ ничего замѣчательнаго. Росту былъ онъ средняго, руки тонко обрисованныя; но широкія плечи, узкая талія и нервно-сухощавое сложеніе говорили о большой физической силѣ, на которой основывалась, можетъ быть, и его нравственная энергія.

Въ хижинѣ засталъ я молодую женщину, о которой уже была рѣчь, — занятую приготовленіемъ обѣда, обѣда индѣйскаго водолаза. Черепаха, съ которой сорвали нижнюю пластинку черепа, варилась потихоньку въ верхней на угляхъ, покрытыхъ пепломъ. Прибавлю, что я, въ качествѣ нахлѣбника капитана Рамона, и благодаря щедрой приправѣ изъ перца, лимона и гвоздики, нашелъ это блюдо превкуснымъ. Бутылка текильскаго мескала самаго крѣпкаго сорта, которымъ я запасся и который очень пришелся по вкусу Хозе Хуану, скоро согрѣла бесѣду теплымъ чувствомъ. Хозяинъ мой до половины опорожнилъ бутылку; была глухая ночь, дымная лампа изъ черепахового масла разливала неровный свѣтъ. Жена Хозе Хуана слушала

нашъ разговоръ, сидя, также какъ и мы, на землѣ, но въ наивной позѣ индѣйскихъ женщинъ. Въ открытую дверь видно было, какъ вскапываются на берегъ свѣтящіяся морскія волны; небо сверкало звѣздами; часть и мѣсто, все стекло, какъ нарочно, для одушевленныхъ разказовъ объ охотѣ или жемчужной ловлѣ. Я завелъ рѣчь рѣшительно.

— Признаюсь вамъ, донъ Хозе Хуанъ, если кто нибудь заинтересовалъ мое любопытство, такъ это вы, да еще такъ, что и сказать вамъ не умѣю.

Хозе Хуанъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Два странные обстоятельства, въ которыхъ я имѣлъ удовольствіе увидѣть васъ въ первый разъ, и все, что мнѣ объ васъ говорили, оправдываютъ мое любопытство; надѣюсь, что тутъ нѣтъ ничего оскорбительнаго.

— Вы говорите о тинторерѣ, которая чуть было не перехватила меня пополамъ? отвѣчалъ Метисъ съ презрительной улыбкой. — Тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго; это случается, къ несчастію, очень часто, — и только.

— Положимъ, что такъ; но что сдѣлалъ вамъ этотъ бѣдняга, котораго вы поймали и привели на буксиръ?

— Мнѣ лично — ничего; да я вѣдь и ловилъ его вовсе безъ сердца, сказалъ Хозе Хуанъ смѣясь. — По моей обязанности *каматаца*, я долженъ былъ заставить его возвратить жемчужину дорогой цѣны; онъ проглотилъ ее и отправился было выждать пищевареніе у пріятелей своихъ, въ Эспириту Санто.

— Ну, не легко же было заставить возвратить ее.

— Вотъ еще! возразилъ мой хозяинъ: — руки у него были уже связаны, — вы сами видѣли, — стоило только задать ему порядочный приемъ черепашняго масла, не обращая вниманія на его крикъ, такъ вотъ онъ тотчасъ и возвратилъ ее. И тутъ нѣтъ ничего любопытнаго; это случается довольно часто.

— Извините, мнѣ кажется это случай очень забавный: черта нравовъ оригинальная.

Мнѣ смерть какъ хотѣлось спросить его объ извѣстномъ приключеніи, и я предварительно еще разъ поподчивалъ Хозе Хуана мескаломъ. Мнѣ все неволью казалось, что разказъ Мехиканца о другѣ, за котораго хозяинъ мой рисковалъ жизнью въ битвѣ съ такимъ ужаснымъ животнымъ, какъ тинторера, долженъ былъ пробудить тягостныя мысли. Очень естественно, что я медлилъ; но между тѣмъ, у меня въ головѣ быстро кружились тысячи воспоминаній, способныхъ разогнать мою совѣстливость относительно мексиканской чувствительности, и я сказалъ:

— Согласитесь, однакоже, что не всякій день такъ великодушно жертвуютъ собою для друга, какъ вы, — и что ваша битва съ тинторерой дѣлаетъ вамъ величайшую честь.

При этихъ словахъ, молодая Индіанка поблѣвѣла, какъ смерть; нельзя было не догадаться, что фактъ, на который я намекнулъ, есть сцена изъ семейной драмы, и что слова мои небосторожно пробудили горькое воспоминаніе. Что до Хосе Хуана, его лицо было безстрастно; только на умоляющій взоръ молодой жены онъ отвѣтилъ безпощадно суровымъ взглядомъ, и повелительнымъ жестомъ приказалъ ей удалиться. Молодая Индіанка повиновалась со всею кротостью женщины своего племени и затворила за собою отдаленнѣйшую дверь хижины.

Когда она ушла, фнзіономія Хосе, за минуту столь мрачная и суровая, вдругъ оварилась выраженіемъ дикой гордости.

— Не знаю, отъ-чего, сказалъ онъ: — только я никогда не былъ такъ расположенъ къ откровенности, какъ теперь.

И съ этими словами онъ осушилъ стаканъ мескала, добротѣ котораго я приписывалъ непонятное для Хосе Хуана расположеніе къ откровенности.

— Вы, говорили, ѣдете завтра? спросилъ онъ.

— Завтра на разсвѣтѣ.

— Такъ вы узнаете мою исторію, сказалъ Хосе Хуанъ, вставая и приглашая меня знакомъ итти за нимъ. Когда мы вышли изъ хижины, онъ посмотрѣлъ на небо и прибавилъ: *Корожуель* дуетъ по обыкновенію, и завтра въ десять часовъ, когда онъ стихнетъ, *Гвадалупа* будетъ далеко.

Сказавши это, онъ сѣлъ на опрокинутую лодку у дверей своей хижины и продолжалъ:

— При началѣ ловли прошлаго года, былъ тутъ человекъ, съ которымъ я вездѣ встрѣчался. Онъ былъ такой же водолазъ, какъ и я. Также, какъ и я, онъ не назывался по фамиліи, а просто Рафаэль. На мойкѣ, подъ водою, словомъ— всюду, мы бывали вмѣстѣ. Встрѣчался такъ часто, мы очень подружились, и кромѣ того, я еще питалъ къ нему уваженіе за замѣчательную ловкость его въ искусствѣ плаванія. Да и смѣлости было въ немъ не меньше: объ акулахъ онъ нисколько не заботился; онъ говорилъ, что умѣетъ какъ-то страшать ихъ особеннымъ взглядомъ; словомъ, это былъ безстрашный молодецъ, хорошій работникъ и, въ добавокъ ко всему, веселый товарищъ.

Все шло хорошо до того дня, когда въ Эспириту Санто поселилась одна молодая дѣвушка съ своею матерью. Мнѣ надо было переговорить объ одномъ дѣлѣ съ *рескатадоресами* въ Эспириту Санто, и это доставило мнѣ случай увидѣть ее. Я страстно ее полюбилъ. Молва обо мнѣ дошла уже и до нихъ, и мать съ дочерью, казалось, были довольны моимъ вниманіемъ и подарками. Едва только кончился день, — всѣ думали, что я стою у себя въ хижинѣ, — а я перенравлялся вплавь въ Эспириту Санто, и возвращался оттуда около часу за полночь, такъ что никто и не подозрѣвалъ моего отсутствія.

Прошло уже нѣсколько дней со времени моего перваго ночного посѣщенія въ Эспириту Санто, какъ однажды утромъ, отправляясь на

ловлю передъ восходомъ солнца, я встрѣтилъ одну изъ старухъ, которыя, какъ вы, конечно, замѣтили, присутствуютъ при нашихъ работахъ. Это была одна изъ дурь, которыя воображаютъ себя, или увѣряютъ другихъ, что могутъ заговаривать акулъ. Она сидѣла вслѣдъ моей хижины и какъ будто ждала моего выхода.

— Здравствуй, сынъ мой, Хозе Хуанъ! сказала она, увидѣвши меня.

— Здорово, матушка, отвѣчалъ я, намѣреваясь идти мимо.

Но старуха загородила мнѣ дорогу и продолжала:

— Выслушай меня, Хозе Хуанъ; я хочу поговорить съ тобою ради твоей же пользы.

— Ради моей пользы? спросилъ я, удивленный.

— Да, возразила старуха: — не скажешь ли ты, что сердце твое не въ Эспириту Санто? что ты не переплываешь каждую ночь проливъ, чтобы увидѣться и поговорить съ тою, кого полюбилъ?

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Сама знаю. А ты, Хозе Хуанъ, знай, что эта переправа для тебя вдвойнѣ опасна. Непрiятель, котораго наши заклинанiя усыпляютъ только на день, подстерегаетъ тебя ночью среди моря; и на берегу высматриваетъ тебя врагъ, можетъ быть, еще опаснѣе, — надъ нимъ наши слова безсильны; хочешь, я помогу тебѣ отъ этихъ бѣдъ?

Хохотъ презрѣнiя былъ моимъ единственнымъ отвѣтомъ. Злость свернула въ глазахъ старой Индианки, и она сказала:

— Ты не вѣришь, ты думаешь, что я безсильна! Хорошо, — другiе вѣрятъ во власть, надъ которою ты смѣешься.

Съ этими словами она достала изъ кармана выбоичатый мѣшечекъ, и, показавши мнѣ въ кучѣ мелкаго жемчуга одну довольно большую, превосходнаго отлва жемчужину, продолжала:

— Эта тебѣ знакома?

Эту жемчужину подарилъ я Хесуситѣ (такъ звали молодую дѣвушку).

— Кто тебѣ ее далъ? спросилъ я, узнавши жемчужину.

Колдунья взглянула на меня со злостью.

— Кто мнѣ ее далъ? Молодая дѣвушка, красавица, какой здѣсь еще не бывало, красавица, которая составила бы счастье и славу любого мужчины; она приходила просить моего покровительства для любовника, отъ котораго безъ ума; а ты презираешь это покровительство.

— Какъ его зовутъ? спросилъ я, и сердце страшно сжалось въ груди моей.

— А на что это тебѣ? отвѣчала старуха съ насмѣшливымъ хохотомъ. — Это не ты.

Не знаю, почему я не раздавилъ эту проклятую колдунью; но послѣ минутнаго размышленiя, чтобы не доставить ей наслажденiя прочитавъ въ моемъ гнѣвѣ глухую боль сердца, я оборотился къ ней спи-

ною и сказалъ холодно: «ну, что, тетка, ты бредишь и лжешь.» И я быстро ушелъ на дюну.

День оказался мнѣ очень дологъ; ввечеру я по обыкновенію отправился къ Хесуситѣ, и ласки и видъ ея прогнали всѣ мои подозрѣнія. Я не сомнѣвался, что старуха просто изъ мести за мое презрѣніе умышленно обманула меня на счетъ имени того, для кого Хесусита просила у нея презираемаго мною покровительства.

Я совершенно забылъ лукавые намеки колдуньи, когда, однажды ночью, по обыкновенію, плылъ черезъ проливъ домой. Небо было мрачно и покрыто тучами. Впрочемъ, тьма на морѣ была еще настолько рѣдка, что я могъ различить среди волнъ что-то черное, и по движеніямъ заключилъ, что это нечто иное, какъ человѣкъ. Онъ приближался по направленію ко мнѣ! Слова старухи ожили въ моей памяти, и мнѣ ужасно стѣснило въ груди. Я не боялся врага, но мысль о соперникѣ приводила меня въ ужасъ. Я рѣшился узнать, что это за пловецъ, и чтобы онъ не увидѣлъ меня, поплылъ ему на встрѣчу подъ водою. Когда по моему расчету мы уже должны были разминуться я подъ водою, онъ сверхъ воды, — я вынырнулъ. Кровь прилила мнѣ въ голову, и въ глазахъ у меня было такъ темно, что сначала я не могъ рассмотреть въ потьмахъ ничего, кромѣ фосфорическаго блеска, предвѣстника бури, начинавшаго играть по верхушкамъ волнъ. Я продолжалъ, однакоже, плыть по направленію къ Эспириту Санто. Не раньше, какъ черезъ нѣсколько минутъ, увидѣлъ я опять голову пловца. Онъ разсѣкалъ волны съ такою быстротою, что я едва за нимъ поспѣвалъ. Изъ всѣхъ, кого я зналъ, только одинъ человѣкъ могъ бы поспорить со мною въ быстротѣ; я удвоилъ свои усилія, и скоро началъ его нагонять такъ шибко, что принужденъ былъ умѣрять силу моего движенія. Словомъ, я увидѣлъ, какъ онъ вышелъ на скалу, и при свѣтѣ молніи, озарившей море и берегъ, я узналъ Рафаэля.

Это не могло быть иначе, подумалъ я: — я долженъ былъ встрѣтиться съ нимъ въ любви къ Хесуситѣ, какъ встрѣчался вездѣ. Я почувствовалъ, продолжалъ Хозе Хуанъ мрачнымъ голосомъ:—какъ ненависть кольнула меня въ сердце, и разсудилъ, что намъ не годится встрѣтиться еще больше одного раза. Но вы увидите изъ разсказа, прибавилъ пловецъ съ странною улыбкою,—что онъ таки явился передо мною лишній разъ.

Мнѣ было пришло въ голову кликнуть его и дать знать, что я здѣсь, но въ жизни бываютъ минуты, когда не дѣлаешь того, что хочешь. Я не остановилъ его, противъ собственной воли, и едва только онъ сошелъ съ вершины скалы, какъ я завялъ его нѣсто. Оттуда мнѣ легко было слѣдить за нимъ глазами. Я видѣлъ, какъ онъ пошелъ по той же дорогѣ, по которой обыкновенно ходилъ я самъ, тихо поступался въ столь знакомую мнѣ хижину, вошелъ и исчезъ.

Мнѣ почудилось, что вѣтеръ съ моря доноситъ до моего слуха насмѣшливый хохотъ колдуньи съ словами: «а на что это тебѣ? это

не ты. На противолежащемъ берегу мнѣ привидѣлась во мракѣ костлявая рука ея, указывающая на хижину Хесуситы, и я бросился съ ножомъ въ рукѣ по слѣдамъ моего соперника. Въ нѣсколько скачковъ я стоялъ у дверей. Я началъ прислушиваться, но не могъ распознать ничего, кромѣ неясныхъ звуковъ разговора вполголоса: ни одного слова не долетѣло до меня ясно. Волненіе въ крови моей немного утихло, и хотя я и рѣшился избавиться отъ ненавистнаго соперника, но рассудилъ, что не для чего ссориться съ закономъ. Надо было найти уловку. Вотъ что я вздумалъ.

Уголовный судья обнаружилъ приказъ, чтобы всѣ ловцы и водолазы (подобное распоряженіе сдѣлано уже было на другомъ океанѣ) притупили острые концы своихъ ножей, и смертная казнь ожидала того, кто въ ссорѣ нанесетъ своему противнику перпендикулярную рану. Незадолго до того, одинъ изъ нашихъ не нашелъ лучшаго средства для окончанія ссоры съ своимъ пріателемъ, какъ распоротъ ему животъ поперегъ четырехугольнымъ ножомъ. Это надѣлало шуму, и такого шуму, что несмотря на бѣдность убійцы и зарѣзаннаго, которымъ нечѣмъ было заплатить ни за одинъ листокъ гербовой бумаги, алькадъ принужденъ былъ вступиться. Онъ призвалъ убійцу. Изъ уличительныхъ вещей былъ на лицо только ножъ; убитый бѣднякъ былъ уже похороненъ со времени явки пріятеля его въ судъ. По прочтеніи бандо уголовного судьи, алькадъ объявилъ подсудимому, что остается исполнить одну формальность — приговорить его къ смерти; но обвиненный очень справедливо замѣтилъ ему, что рана, отъ которой умеръ его пріятель, была совершенно горизонтальна, и что онъ не нарушилъ закона. Алькадъ, пораженный вѣрностью замѣчанія, пожурилъ его за вспыльчивость и отпустилъ къ своимъ дѣламъ, «ибо, сказалъ онъ, обвинителя не имѣется, а бандо наказываетъ смертью только за раны остроконечнымъ ножомъ, не упоминая о ножахъ безъ остраго конца».

Я очень кстати вспомнилъ эту исторію въ ту самую минуту, когда брался за ножъ, который ношу у пояса вмѣсто эстаки. Ножъ былъ съ очень острымъ концомъ, а я хотѣлъ оградить себя законностью: я хотѣлъ сломать конецъ, но въ волненіи взялся за дѣло какъ-то неловко, такъ что клинокъ отломился у самого черенка, и въ рукѣ у меня осталась бесполезный кусокъ дерева. Лишившись единственнаго оружія, которое обезпечивало мое ищеніе, я почувствовалъ, что нельзя терять ни минуты. Я бѣгомъ возвратился на взморье; тамъ стояла лодка, я отвязалъ ее; ярость придала мнѣ новыя силы, я переплылъ проливъ, взялъ у себя въ хижинѣ другой ножъ, уже не думая его обламывать и снова отправился къ Эспириту Санто.

Начиналъ подыматься вѣтеръ, предшественникъ бури; волны огненными снопами разсыпались во мракѣ ночи о прибрежныя скалы; *rabiosa* печально стонала на вершинѣ скалъ, морскіе волки были въ темнотѣ, и иврѣдка съ воемъ вѣтра смѣшивались грустные, жалобные, какъ вопль страждущей души, стоны морской птицы. Вдругъ

до слуха моего долетѣлъ звукъ другого рода, и какъ будто изъ гдѣрь самого моря. Я слушалъ, но шквалъ унесъ далеко отъ меня неясный ропотъ океана, и я подумалъ, что ошибся; но черезъ нѣсколько секундъ тотъ же крикъ долетѣлъ прямо ко мнѣ. На этотъ разъ нельзя было обмануться: это былъ вопль величайшаго страха, раздирающій кривизнъ человеческого существа въ отчаяннѣ. Голосъ слышался со стороны Эспириту Санто, и я легко догадался, что это Рафаэль зоветъ на помощь. Раздираемый тысячью противоположныхъ чувствъ, я сталъ на носъ лодки, чтобы увѣриться, что я точно не ошибаюсь; но я напрасно блуждалъ взорами по морю: ночь была темна, и я ничего не могъ разглядѣть. Вдругъ опять я ясно разслушалъ:

— Лодку! ради Бога, лодку!

То былъ голосъ Рафаэля.

Хозе Хуанъ остановился на минуту и спросилъ съ безпокойствомъ.

— Не слышали ли вы, какъ будто кто-то вдохнулъ?

Мы стали прислушиваться, но мертвую тишину ночи нарушали: только плескъ буруна, крикъ морской сороки и шумъ отъ крыльевъ поднявшейся съ ближайшей скалы птицы.

— Мнѣ послышалось, какъ будто въ хижинѣ кто-то вдохнулъ, продолжалъ водолазъ.—Ахъ! вы видѣли, какъ поблѣднѣла Хесусита, когда вы наметнули на эту исторію. Вы, конечно, догадались, что дѣло идетъ о ней. Да! несмотря на всѣ ея увѣренія, жестокое подозрѣніе не переставало грызть моего сердца съ той минуты, когда я узналъ, что она знакома съ Рафаэлемъ.

Хозе-Хуанъ самъ глубоко вдохнулъ и продолжалъ

— Сколько ни клянись истребить врага, сколько ни имѣй справедливыхъ причинъ къ смертельной ненависти, а когда въ такую темную ночь голосъ его раздастся изъ глубины моря, населеннаго чудовищами, когда это голосъ человѣка безстрашнаго, дрогнувшій, однакоже, отъ ужаса, въ жалобномъ звукѣ его есть какая-то таинственная сила, потрясающая всю внутренность. Я невольно вздрогнулъ.

Прозвоня эти слова, пловецъ потупилъ взоръ, какъ грѣшникъ, кающійся въ грѣхѣ, за который краснѣетъ; но скоро физіономія его приняла опять дико-насмѣшливое выраженіе и сохранило его до самаго конца разсказа. Онъ продолжалъ живо:

— Это ощущение продолжалось не долго. Скоро я услышалъ сильный плескъ на водѣ и направилъ лодку въ ту сторону. Я увидѣлъ бѣлую пѣну брызгъ и Рафаэля среди этого дождя искръ. Мнѣ показалось странно, что вмѣсто того, чтобы стараться достигнуть моей лодки, онъ оставался на мѣстѣ. Но скоро я понялъ причину этой неподвижности. Въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, фута на полтора подъ водою, блестѣла фосфорическая полоса. Она медленно приближалась къ Рафаэлю. Вы не догадываетесь, что это такое было?

— Нѣтъ.

— Гинторера, и прекраснѣйшаго сорта! сказалъ Хозе-Хуанъ.

— И въ эту-то минуту вы бросились въ море на помощь сопернику?

— Нѣтъ, нѣтъ еще, отвѣчалъ водолазъ съ улыбкою: — это было бы слишкомъ рано. Однимъ ударомъ весла я долетѣлъ до Рафаэля. Увидѣвши меня, онъ вскрикнулъ, но не имѣлъ силы сказать мнѣ ни слова: страхъ и усталось лишили его голоса. Съ отчаяннымъ усиленіемъ ухватился онъ руками за бортъ, но усталыя руки его не могли приподнять тяжести тѣла. Глаза, угасшіе отъ ужаса, посмотрѣли на меня такъ выразительно, что я схватилъ его за руки и сильно притиснулъ ихъ къ краемъ лодки. Тинторера все приближалась. Минута, одна минута, ноги Рафаэля остались неподвижны, — онъ испустилъ ужасный крикъ, глаза его закрылись, руки выпустили лодку, и верхняя часть туловища упала обратно въ море: акула перекусила его пополамъ.

— И вы не могли помочь ему?

— Гм! Дѣло возможное, что я не оказалъ ему помощи, какую онъ могъ бы ожидать въ подобномъ случаѣ отъ другого, — это понятно.

— Однакоже, положи руку на сердце?

— Можетъ статься, въ замѣшательствѣ, я слишкомъ крѣпко прижалъ его руки.

— Безъ дурного намѣренія?

— Чтожъ! отвѣчалъ метисъ голосомъ, едва прорывавшимся сквозь стиснутые зубы: — я думаю, я помѣшалъ ему выпрыгнуть въ лодку!

— И вы никогда въ этомъ не рассказывались?

— Пловецъ, уже нѣсколько времени скатывавшій сигару, вырубилъ огня; искры посыпались и освѣтили его лицо. Вопросъ мой очевидно его удивилъ.

— *Caramba!* Алькадъ не имѣлъ надо мной никакого права; бандо не говорилъ о тинторерѣ. — Пойдите, однакоже, я еще не кончилъ исторію. Въ ту минуту, когда Рафаэль исчезъ подъ водою, я самъ бросился въ море.

Я, въ свою очередь, тоже глубоко изумился неожиданному обороту дѣла. Хозе-Хуанъ это замѣтилъ.

— У меня было на это тысячу причинъ, сказалъ онъ. — Во первыхъ, эта тинторера, хоть она и избавила меня отъ ненавистнаго соперника, не понравилась мнѣ за грубость, съ которою перехватила бѣднаго Рафаэля. Она оскорбила честь сословія водолазовъ. Не забудьте, что я одинъ изъ его *каматацовъ*. Во вторыхъ, полагавшимся человѣческимъ мясомъ, она непремѣнно явилась бы за добычей и въ другой разъ. Наконецъ, уголовный судья, или алькадъ, — могъ ли онъ требовать отъ меня отчета, что случилось съ моимъ пріятелемъ, если я убью перекусившую его акулу? Вы не знаете правовъ акулъ?

Я скромно признался въ моемъ невѣжествѣ.

— Ничто не раздражаетъ въ нихъ личности до такой степени (я говорю о тинторерѣ, а не объ обыкновенной акулѣ, которая Рафаэлю, какъ я уже сказалъ вамъ, была ни по чемъ), какъ бурная ночь, въ родѣ этой, когда умеръ мой соперникъ. Изъ отверстія около морды

тинтореры сочтены клейкая матерія и распространяется по всей кожѣ; отъ этого онѣ дѣлаются блестящими, особенно, когда гремѣть громъ. Этотъ блескъ дѣлаетъ ихъ замѣтными ночью, и чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ сильнѣе онѣ блестятъ. Къ счастью еще, онѣ ничего не видятъ, и молчаливый пловецъ имѣетъ передъ чудовищемъ преимущество зрѣнія. Прибавьте еще къ этому, что онѣ не могутъ схватить васъ иначе, какъ перевернувшись на спину, и вы поймете, что смѣлый и ловкій пловецъ не лишенъ надежды справиться съ такимъ врагомъ.

Я нырнулъ разумѣется не очень глубоко, чтобы не запыхаться и оглянуться вокругъ, внизъ и вверхъ. Волны ревѣли надъ моей головой подобно громовымъ раскатамъ, огненные брызги вертѣлись, какъ пыль отъ вихря, но возгѣ меня все было тихо. Черная масса толкнула меня въ безднѣ: то было туловище Рафаэля; мнѣ было суждено вѣчно съ нимъ встрѣчаться!

Я расчелъ, что животное, котораго я ищу, не далеко. Дѣйствительно, почти незамѣтная огненная полоса мало по малу увеличивалась. Тинторера и я, мы должны были находиться на одной глубинѣ, но акула забиралась выше; мнѣ начинало уже тѣснить грудь, и я не хотѣлъ уступить акулѣ преимущество положенія надо мною, потому что, въ такомъ случаѣ, ей не для чего было оборотиться на спину, чтобы заставить меня испытать одну участь съ Рафаэлемъ. Надѣясь справиться съ акулой, я рассчитывалъ только на время, которое она должна употребить на этотъ маневръ. Тинторера плыла ко мнѣ по диагонали такъ быстро, что на минуту я очутился какъ разъ возлѣ нея: я могъ различить, при фосфорическомъ свѣтѣ ея тѣла, перепонку, дополовины покрывавшую ея глаза, и почувствовалъ, какъ задѣли меня ея темныя плавательныя перья. Куски посинѣвшаго мяса висѣли еще на ея нижней челюсти, которою она щелкала съ наслажденіемъ. Чудовище бросило на меня мутно стеклянный взоръ. Голова моя была въ это время на одной высотѣ съ ея головою. Я ринулся параллельно футомъ выше акулы и обернулся; луна освѣтила на минуту серебристое брюхо тинтореры, и въ то мгновеніе, когда она раздвинула огромную пасть, густо усаженную, какъ щотка, острыми зубами, княжалъ, назначенный для Рафаэля, возмисла въ ея тѣло и провела во всю длину руки моей глубокую, кровавую борозду. Тинторера, раненая на смерть, сдѣлала страшный прыжокъ и два раза ударила въ водѣ хвостомъ; къ счастью, она меня нимъ не задѣла. Я только бился съ минуту, ослѣпленный дождемъ кровавой пѣны, брызнувшей мнѣ въ лицо. Увидя, что врагъ мой мертвою массой лежитъ на водѣ, кипѣвшей въ отверстой ранѣ, я огласилъ море кликомъ побѣды, который, несмотря на бурю, услышали на обоихъ островахъ.

Занималась заря, когда я вышелъ на берегъ, измученный отъ усилий, съ какими принужденъ былъ разсѣкать буриныя волны. Ловцы осматривали свои сѣти, и прибой выкинулъ на сушу почти въ одно

время со мною тинтореру и остатки Рафаэля. Никто не сомнѣвался въ томъ, что я хотѣлъ спасти друга отъ участи, которой онъ палъ жертвою. Я предоставилъ болтунамъ выхватить мое самоотверженіе. Только одна женщина подозрѣвала истину; вы видѣли, какъ она побѣдила, при воспоминаніи объ этой ночи; но отъ-чего? жаль ли ей Рафаэля? или встревожила ее мысль объ опасности, которой я подвергался? вотъ чего не могу я разгадать, и это меня мучить. Никто кромѣ васъ, прибавилъ онъ, не знаетъ подробностей моего приключенія, и вы уйдете черезъ нѣсколько часовъ.

Водолазъ замолчалъ и, казалось, погрузился въ глубокую думу. Послѣ минутнаго молчанія онъ вспомнилъ о долгѣ гостепріимства. Мы вошли въ хижину. Въ отдаленной комнатѣ, куда молодая женщина удалилась по приказанію мужа, догорали двѣ свѣчи. При слабомъ ихъ свѣтѣ, видѣлся грубый образъ, изображавшій души въ чистилищѣ, въ честь и во искупленіе которыхъ двѣ свѣчи благоговѣнно зажигались каждый вечеръ. Молодая женщина, усталая, сидѣла на полу и мирно дремала, склонивши голову на скамейку. Длиныя косы ея разсыпались до ногъ. Глядя на блестящую красоту Хесуситы, легко было повѣять любовь Хозе-Хуана, но трудно было объяснить ревность его, видя спокойный сонъ Мехиканки. Метисъ, посмотрѣвши на нее съ минуту, развернулъ китайскую рогожку и разостлалъ ее въ первой комнатѣ; это была самая роскошная постель, какою могъ угостить меня полудикій хозяинъ. Вся мебель въ хижинѣ состояла изъ двухъ другихъ подобныхъ рогожекъ и двухъ камышевыхъ стульевъ. Хозяйство капитана Рамона было не богаче; но почему мнѣ не признаться, что послѣ этого кроваваго разсказа я предпочелъ бы палубу нашей голеты хижинѣ этого человѣка? Я не могъ закрыть глазъ, и на разсвѣтѣ услышалъ голосъ Хозе-Хуана:

— *Коромцель* все еще дуетъ, сказалъ онъ мнѣ:—*Гвадалупа* сейчасъ снимется съ якоря.

Я протислся съ моимъ хозяиномъ и поспѣшилъ на бортъ.

Ну, что? сказалъ мнѣ капитанъ Рамонъ:—теперь вы не будете удивляться, когда заговорятъ о Хозе-Хуанѣ? что вы объ немъ думаете?

— Что онъ вѣрный другъ! отвѣчалъ я.

На другой день поутру мы бросили якорь въ Пичименгъ; на этотъ разъ капитанъ не ошибся.

ПОХОЖДЕНІЯ МУЖИЧКА ВЪ ПИТЕРЪ.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возвращаясь зимою въ Петербургъ изъ дальней поѣздки, я былъ застигнутъ ночью въ дорогѣ и рѣшился переночевать въ первой попавшейся деревнѣ. Было около девяти часовъ вечера, когда повозка моя остановилась у воротъ довольно опрятной избы и хозяинъ вышелъ съ зажженною лучиною встрѣчать меня. Войдя въ избу, я нашелъ тамъ человѣкъ пять мужиковъ, которые сидѣли вокругъ стола и, какъ казалось, только что кончили ужинъ, что, между прочимъ, доказывали крошки чорнаго хлѣба, раскиданныя по столу, деревянная

солонка и деревянная же кружка съ квасомъ. При входѣ моемъ, они замолчали, но видя, что я нисколько не стѣсняюсь ихъ присутствіемъ, они стали опять разговаривать вполголоса. Между тѣмъ, мнѣ устроили въ углу, на лавкѣ постель; но сильный жаръ въ избѣ долго нѣшля мнѣ заснуть, и я, отъ нечего дѣлать, началъ прислушиваться къ разговору сидѣвшихъ за столомъ. Мужикъ лѣтъ сорока, съ небольшою, русой бородой, повидному, недавно возвратившійся изъ Петербурга, рассказывалъ своимъ собесѣдникамъ про жизнь въ столицѣ. Рассказъ его показался мнѣ довольно оригинальнымъ и я рѣшился записать его со всевозможною точностію.

— Да чтожь ты, Митя, съ этимъ-то хозяномъ не поладишь?

— Да! чортъ съ нимъ и уладить! Ужь больно много сталъ резону требовать. Да на что ужъ я, какъ у прежняго-то хозяина жилъ, такъ стану человѣкамъ могъ командовать. Бывало хозяинъ, коли поѣзжаетъ куда, такъ на меня всяко расположеніе имѣеть и всѣхъ, бывало, робить мнѣ приказываетъ. Пожалуйста, говоритъ, братъ Митрій, ты, то есть, смотри, напримѣръ, за народомъ, чтобы не баловался али што влаетъ; такъ ужъ, бывало, весь порядокъ приставимъ и хозяинъ, то есть, безъ сумленія остается въ автомъ дѣлѣ; а какъ къ автомъ дьяволу къ Нѣмцу попалъ, такъ просто, то есть, ни въ чемъ не угодишь и ругаетъ тебя всячески, а чуть станешь поперечить, такъ и въ ухо запалить.

— Вотъ ужъ драться-то и не годится! замѣтилъ старикъ съ сѣдою бородой, котораго рассказчикъ называлъ дядю.

— Да, знаю, негодится, дядя Кузьма, да что-жь ты съ нимъ станешь дѣлать?

— Ужь такіе это и хозяева, продолжалъ дядя Кузьма: — иной, который самъ двумъ свиньямъ корму дать не умѣеть, а тоже считается хозяиномъ. Онъ, братъ Митя, увидѣлъ тебя, что ты человѣкъ смиренный, такъ вотъ онъ на тебѣ и поѣхалъ. А вѣдь на инова на такова попадетъ, который и самъ сладки дастъ. Да вотъ кабы онъ сунулся хоть бы на Андрюшку косова, такъ тотъ бы ему показалъ климать.

— Да не всякій дается ударить, прибавилъ третій собесѣдникъ, до сихъ поръ молчавшій.

— А гдѣ новѣче Андрюшка-то косой? спросилъ дядя Кузьма.

— Да онъ, дядя, все въ Питерѣ. Перва на перво онъ былъ въ Кромшлатѣ; тамъ, вишь ты, новую чудодѣль ладили, тамъ онъ у подрачка жилъ въ десятникахъ; а топеря онъ въ кіатрѣ лампы зажигаетъ.

— А што это, братъ Митя, за кіатра такая? спросилъ молчаливый собесѣдникъ.

— А вотъ, вишь ты, тамъ всякую эдакую приставу приставляютъ. Все октершики набравы, и надъ нимъ поставленъ дилектуръ, онъ имъ и жалованье платить. Мы вотъ какъ пріѣхали въ Питеръ, такъ и остановились на фатерѣ подъ Невскимъ, тутъ, то есть, я и встрѣтился

съ нашимъ землякомъ. А гдѣ, я говорю, братцы, нашъ Андрюшка новъче? А онъ, говоритъ, новъче въ кѣтрѣ служить, зажигаеть ланьпы: да пойдѣмъ, говоритъ, къ нему, онъ наказывалъ совечеръ приходить.

Вотъ мы и пошли съ землякамъ; шли, шли прищепотомъ да и пришли къ этой кѣтрѣ. Хоромина, братцы, привысочающая такая построена; ужъ вонъ чево, кажись, высокъ у насъ сѣновалъ, на господскомъ дворѣ, а коли приставить отъ него лѣстницу, такъ и до половины почитай не хватить.

— Эка, братъ, подумаешь, вышина, сказалъ дядя: — да какъ эдакую вышину и построили-то?

— Да ужъ видно такого мастера нашли, дядя, который ее построилъ.

— Знамо, ужъ это не простой человѣкъ строилъ; да какъ онъ ее подвизалъ-то эдакъ высоко?

— А ужъ Господь ее вѣдаетъ! Можетъ, ужъ этого человѣка годовъ сто и на свѣтѣ нѣтъ, который ее строилъ, такъ у ковожь тутъ узнаешь, какъ ее строили! А ужъ болшо висока! Вотъ мы это какъ подошли къ дверямъ-то и поставленъ тутъ кавалеръ во всемъ порядкѣ, съ ружьемъ, и сумка надѣта. Одначе, онъ, то есть, намъ ничево не сказалъ; мы и стали вздыматься на лѣстницу, а тутъ на лѣстницѣ-то и стоимъ эдакой валетъ съ краснымъ ошлагомъ; куда, говоритъ, вы идете? — а земляки-то говорятъ: намъ, говорятъ, надо Андрюшку, которой ланьпы зажигаеть. — Ну, говоритъ, такъ ступайтежь вы на самый на верѣхъ. — Вотъ и вздынулись мы по лѣстницѣ; а лѣстница-то, братцы, вся каменная, просто, то есть, дерева и нисколько нѣтъ, и пришли мы туда подъ самую крышу, а Андрюшка-то стоимъ да ланьпы зажигаеть.

— А какъ же онъ ихъ, то есть, напрымѣръ, зажигаеть? спросилъ дядя.

— А вотъ, вишь ты, у него эдакой фитилекъ зажженъ; онъ этимъ фитилькомъ-то какъ торнетъ, тамъ огонекъ и загорится, а онъ сверху бутылочку и насодить и горить такъ яско. Миѣ, братцы, эта бутылочка и полюбилась, я и думалъ взять ее; годилась бы хоть подъ колушку, чтобы не платить за посуду; да я ее какъ взялъ рукой-то, а она, словно огонь, горячая, такъ къ пальцамъ-то и пристала; я ее какъ ударилъ объ полъ, такъ ажво искры полетѣли; да еще ладно, что никто не видалъ. Андрюшка, признаться, поругалъ меня: — что ты, говоритъ, Митрій, бьешь у меня посуду? у насъ, говоритъ, эдакова положенья нѣтъ; а коли, говоритъ, начальство узнаеть, такъ съ насъ вѣдь взыщутъ. Одначе, то есть, онъ другую бутылку принесъ, да и насадилъ ее на огонь-то; а тутъ другой мужичокъ приближдъ, да говоритъ: смотри, братцы, начальство идетъ. Вотъ мы покидали шапки, да и стоимъ; а Андрюшка подошелъ къ начальнику, да и говоритъ: вотъ, молъ, ваше превосходительство, наши земляки приѣхали изъ деревни, да эдакой приставы отряда не видывали, такъ позволъ-

те, то есть, посмотрѣть. А начальникъ-то, такой добръющій, ладно, говоритъ, пускай ихъ смотрятъ. Вотъ мы и пошли съ Андреемъ на самой чердакъ; а у нихъ тамъ-то вногю огня зажжено, да и опущено въ такую круглую дыру. Вотъ, то есть, Авдрюшка говорить, ну, говори, земляки, ложись на зень, да и смотри туда внизъ. Вотъ мы, знашь ты, легли да и глядимъ; а тамъ подъ нѣбѣмъ-то и Господи какъ свѣтло! около стѣнъ-то все кѣтки подбланы и народу насѣвши, ровно куры на насѣстахъ; а Андрюшка говорить: это, говоритъ, братцы, все царска публанка. Ну, ладно! А впереди-то посажены все музыканщии; да ихъ человекъ пятнадцать нагнаю и всякой по своему, кто въ дудку, кто въ скрыпку играетъ; а старшой-то ихной посреди стоитъ съ палкой да только помахиваетъ на нихъ, чтобъ бойчѣ играли, а который не такъ, такъ и по шеѣ вытянетъ палкой. А ужъ какъ начали они, братъ, такъ что твоя волюшка, такъ и гудеть; а народъ-то весь въ ладоши захопалъ да ногамъ затопоталъ, ижно стонъ стонъ. А тутъ вдругъ и подняли переднюю-то стѣну кверху, а тамъ все эдакой дѣсъ, оно хоша и зимой, а зелени вногю было: — вотъ и выходитъ эдакой болонсерщикъ, да и началъ плясать, такъ ево всево и ломаетъ; онъ говорить-то не говорить, а только руками помахиваетъ. Плясалъ онъ плясалъ, а какъ народъ-то затопочеть ногамъ, онъ сталъ да и поклонился намъ, и мы ему поклонились; онъ и пошелъ домой, а народъ-то какъ закричитъ на ево; онъ опять вернулся да кланяется.

— Эко диво, братецъ ты мой, перебылъ дядя: — да чевожъ народъ-то на него осерчалъ?

— Да Андрюшка сказывалъ, что ужъ тамъ тако заведение въ кiatorъ: который не потрафитъ проплясать аль пѣсню пропѣть, такъ народъ-то вѣдь и закричитъ на ево, а онъ стоитъ да кланяется.

— Такъ чтожъ онъ, Митя, ужъ больше и не приходилъ?

— Нѣтъ, дядько, ужъ онъ вѣрно больно струсилъ, сердечный; а послѣ его вышелъ графъ Короцыпинъ, и съ хозяйкой. Хозяйка-то къ нему такъ вотъ и дастится, хоть мазокъ не мажь, а онъ тово и не знаетъ, что она, то есть, тово!

— Да вѣдь за бабой, братъ, мудрено углядѣть: тово и смотри, что на сторону свернется!

— То-то, дядя, а графъ-то, однако, не зналъ; да оно, можетъ, такъ бы и прошло, да тутъ вышелъ какой-то фараонъ въ красномъ кафтанѣ да и шепнулъ графу-то: что ты, говорить, батюшка, графъ ее слушаешь: вѣдь она, говорить, тебя обманываетъ. Графъ-то какъ услышалъ это, и осерчалъ на хозяйку-то; ругалъ, ругалъ ее, а она еще поперечить стала; а онъ вытащилъ изъ за пояса эдакой кинжалъ да какъ порснетъ ее въ бокъ; она, братъ, и вытянулась, и паръ вонъ! Ужъ это мы съ землякомъ натрусились, нуко бѣжать изъ кiatorы. Еще, пожалуй, городской скажетъ: вѣдь вы ребята видѣли, чего жъ вы не розняли ихъ? Да еще поведутъ въ часть да розгами накажутъ; долголь до грѣха?

— А нешто, Митя, тамъ наказываютъ розгами?

— Да бываетъ, дядя, всяко. И меня разъ маленько посябли.

— Что, братъ Митя, вѣрно пьянъ былъ? спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Нѣтъ, братъ, не пьянъ. А это, вишь ты, дѣло было какъ: жили мы въ дворникахъ у купца. Домъ большой былъ, за всѣмъ не усмотришь. Жилъ у насъ Нѣмецъ доѣтуръ, прозывался Карла Карлычъ, такой былъ, что и Господи! Разъ только въ Христовъ день далъ на водку, да и то четвертакъ-отъ, примѣромъ, слѣпой былъ, а ужъ слѣпныя-то деньги тогда у насъ и не ходили; да я его насилу сбывъ въ лавку, никакъ за шесть гривенъ. Вотъ, братецъ ты мой, у этова доѣтура куфарка жила, тоже изъ Нѣмцевъ, да только безпашпортная. И черти ее знаютъ, какъ я не доглядѣлъ! Фартальный призываетъ. — А по какимъ, говорить, правиламъ, у вашего доѣтура на фатерѣ куфарка пробавляется безъ контромарку? — Знамо дѣло, виноватъ, молъ, ваше высокоблагородіе, не доглядѣлъ! — А вотъ я, говорить, выучу тебя порядку. — Позвалъ городского и повели насъ въ часть, да и наказали насъ розгами.

— А больно ль тебя наказали?

— Нѣтъ, дядя, такъ постегали легонько. А ужъ насъ такъ всѣ любили, и вся полица, то есть, ни почему была: подчастокъ ровво братъ родной былъ, а буточникъ такъ такой пріятель, что и Господи! Сколько разъ косушку пополамъ рвали. А какъ идешь, бывало, мимо будки, такъ говорить: здорово, Митюха, — да еще вынетъ тавлинку да березинскимъ попоштуеть, — такъ вотъ оно что!

— Вишь ты, какой добрый человекъ!

— Да не отомя что буточникъ, а и самъ фартальный, какъ упадетъ, бывало, на прищептѣ, — ну, знамо, остановишься да шапку скинешь: — здравія желаю, ваше высокоблагородіе! — Здорово, говорить, Митрій.

— Эко, братъ, житье-то тебѣ было!

— Да, житье, братъ, было не што таки: можно бѣ было жить, да хозяйнъ нашъ продалъ домъ-то другому, а тотъ своего дворника поставилъ, такъ намъ и отказали. А я бы съ этвимъ хозяномъ не расстался, такой былъ ласковой! Ужь, бывало, кажинной день, коли придешь зачѣмъ на кухню, такъ прикащикъ и выносить маленькую, а по праздникамъ хозяйка выдетъ сама да еще велитъ куфаркѣ пирога отрѣзать, окромя того, что съ жильцовъ получали на водку.

— Да, на эдакомъ мѣстѣ можно жить!

— Да вѣдь, братецъ ты мой, не стали держать, такъ насильно не останешься.

— А долго ль ты тутъ эдакъ царствовалъ?

— Да не долго, братъ: всего-то мѣсяцовъ семь.

— Такъ отсюда-то ты и въ деревню-то поѣхалъ?

— Нѣтъ, братъ, не отсюда. А какъ отсюда-то мы отошли, такъ дядя Матвѣй приставилъ насъ на друго мѣсто.

— Тоже къ купцу аль къ кому другому?

— Нѣтъ, ужь не купцу, а къ барину. Онъ изъ Французовъ аль изъ другихъ какихъ, ужь Богъ его вѣдаетъ, а только что изъ Нѣмцевъ.

— А вѣдь поди-ко ты, у Нѣмца-то, я чай, не та ужь жизнь-то была?

— Да, ужь знамо, что не та; иначе, тоже добрый человекъ былъ.

— Вишь ты, и Нѣмецъ, а добрый человекъ.

— Да, вѣдь оно, конечно, дядя Кузьма, во всякомъ званіи есть добрыхъ людей довольно.

— А что онъ, какимъ ремесломъ промышлялъ этотъ Нѣмецъ-то?

— Да онъ, вишь ты, эдакой цыпцыонъ содержалъ.

— Какой этой цыпцыонъ?

— Да по нашему-то школа. Онъ, вишь ты, мальчиговъ бралъ грамотѣ обучать. Оно бы и ништо жить-то, да работы больно много было. Все одинъ вѣдъ: и дровъ натаскай и воды принеси; а каждой Божій день на сорокъ человекъ обѣдъ стряпали, такъ одному-то не повернуться. Да оно все можно бѣ было жить, да управляющій сталъ больно нажимать, такъ ужь и не въ моготу пришло.

— Долго ль ты тутъ пожилъ-то?

— Да всего, никакъ, три мѣсяца, а потомъ мы и отошли.

— Что, братъ, тутъ видно не у купца было жить-то?

— Нѣтъ, братъ, тутъ ужь совсѣмъ други порядки пошли. Вишь ты, хозяйника-то нѣмцева съ офицеромъ гулала, да со мною письмо и послала къ нему, а я его не туда отдалъ; такъ вотъ черезъ это самое и не угодила.

— Куда жь ты оттуда-то пошла?

— А то же къ Нѣмцу; только это не простой былъ Нѣмецъ, а нѣмецкій остроломъ. Онъ, виши ты, все эдаки большіе бумаги писалъ да лопусы дѣлалъ.

— Какіе это лопусы?

— Да это по-нѣмецки-то лопусъ, а по-русски-то земля называется. Мы у него жили тоже въ работникахъ; вотъ онъ разъ вышелъ въ кухню да говоритъ: принеси огня; я къ нему въ комнату и понесъ, а у него слаженъ эдакой лопусъ да и постамень на столъ, словно большой кочанъ капусты. — Поди-ка, говоритъ, Митрій, посмотри: ево, говоритъ, Волга. А черезъ лопусъ-то словно ниточка протянута тоненькая, — такъ ужь какая же это Волга? Мы по Волгѣ ѣзживали на стругахъ, такъ видали ее, какова она есть. Въ ниню мѣстѣ можетъ верста есть аль больше въ ширину-то, а Нѣмецъ протянулъ ниточку да говоритъ: *это Вола*.

— Вишь, какъ они людей-то морочать!

— Да, вѣдь пожалуй, братъ, господь-то не долго обморочить: что Нѣмецъ скажетъ, тому и вѣрять, а, можетъ, ниню и отрода Волги-то не видалъ, такъ ему што хочь покажи, такъ онъ и повѣритъ, что это Волга.

При этомъ, всѣ собесѣдники засмѣялись.

— Такъ у этого Нѣмца ты не долго жилъ, Митя?

— Да почитай, что не съ большими мѣсяцъ. Тутъ братъ сталъ писать, что приѣзжай, дескать, къ намъ; я и воѣхалъ въ деревню.

— А много ль ты жалованья-то получалъ у этого Нѣмца?

— Да мы получали двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ, на его харчакъ. Да вотъ изъ прежнихъ-то, что скопилъ, такъ сестрѣ послалъ двадцать пять рублей въ новгородску губернію; она, вишь ты, погорѣла; да поддѣвку новую сшилъ, стала сорокъ рублей безъ мала, — такъ тутъ не много домой-то принесешь.

— Эхъ, братъ, Митя, никто какъ Богъ!

— Да, оно, конечно.

— Ну, братцы, пора съ Богомъ и спать идти. Завтра надо пораньше вставать да ѣхать въ пасѣку.

Собесѣдники встали и начали укладываться. Дядя Кузьма, по праву старшинства, занялъ мѣсто на печкѣ; прочіе разлеглись на полу въ повалку. Лучина погасла и скоро изба погрузилась въ совершенное безмолвіе: только нарядка сторожъ, караулившій барскій дворъ, мѣрными ударами въ доску давалъ знать, что онъ бодрствуетъ, да собаки выли, чья близость волковъ.

ОТЗЫВЪ АНГЛИЧАНЪ О РУССКОМЪ ЗЕМЛЕДѢЛІИ. Вопросъ о томъ: въ какой мѣрѣ можетъ быть опасно для Англіи соперничество иностраннаго хлѣба, всегда возбуждалъ тамъ живѣйшее участіе земледѣльческихъ интересовъ, и оно еще болѣе увеличилось съ приближеніемъ времени отмиженія закона, стѣснявшаго ввозъ хлѣбныхъ припасовъ. Одинъ изъ просвѣщенныхъ англійскихъ фермеровъ, г. Салтеръ, раздѣлавшій опасенія тамошнихъ хозяевъ на счетъ угрожавшаго имъ соперничества со стороны европейскаго земледѣлія, рѣшился отправиться на материкъ, въ Россію, Пруссію, Данію, чтобы удостовѣриться, какихъ послѣдствій можно ожидать отъ преобразования англійскаго тарифа. Онъ предпринялъ эту поѣздку въ 1843 г., проѣхалъ 6000 миль по разнымъ краямъ Россіи и Пруссіи, и, разсматривая хозяйственныя ихъ обстоятельства своимъ опытнымъ взглядомъ, убѣдился, что понятіе о производительныхъ силахъ и плодородіи этихъ странъ чрезвычайно преувеличено, что тамошніе жители не имѣютъ ни знаній, ни искусства, ни капиталовъ, какіе нужны для успѣховъ земледѣлія, — что множество необходимыхъ въ немъ переменъ и множество затрудненій, препятствующихъ скорому его улучшенію, достаточно охраняютъ выгоды англійскихъ сельскихъ хозяевъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ отозвался о русскомъ земледѣліи:

«Земледѣліе находится въ Россіи въ первобытномъ состояніи; употребляемая тамъ орудія напоминаютъ времена Триптолема и Цереры. Соха, какаля-то безобразная скребалка, состоитъ изъ двухъ пластинокъ желѣза, утвержденныхъ, подъ прямымъ угломъ, на зыбкихъ деревяшкахъ. Лошадь тащитъ это подобіе земледѣльческаго орудія, которое

едва царапаетъ почву и входитъ въ нее только съ помощью руки пахаря. Бороны еще несовершеннѣе, если это возможно, а телеги нѣтъ средствъ описать. Часто случается видѣть, что три лошади или вола едва тащатъ тележку, которую на нашихъ (англійскихъ) обыкновенныхъ, дорогахъ легко могъ бы вести осленокъ (?). Земледѣльческія работы предоставлены женщинамъ, малолѣтнимъ и старикамъ; люди взрослые живутъ въ прислугѣ у господъ или синскиваютъ себѣ пропитаніе разными промыслами по городамъ. Работа господскихъ людей вовсе не показалась г. Салтеру такъ дешевою, какъ ее описываютъ. Онъ находитъ, что заплативъ англійскому земледѣльцу вдвое дороже, не остался бы въ убыткѣ отъ этой мнимой потери. Господскіе люди работаютъ не болѣе 240 дней въ году; остальное время посвящается праздникамъ. Почва повсюду въ совершенномъ заустѣннѣ; она даетъ скудные урожанъ, хотя заключаетъ въ себѣ многіе источники плодородія, которыми можно придать силу только съ помощію большихъ капиталовъ. Сверхъ того, климатъ препятствуетъ успѣхамъ земледѣлія. Въ продолженіи семи мѣсяцовъ въ году мерзлая земля не можетъ быть воздѣлываема. Весна и осень весьма кратковременны, отъ-того, почти вдругъ, за суровыми морозами наступаютъ сильныя жары. Надобно еще упомянуть о затруднительности перевозки продуктовъ, происходящей наиболѣе отъ недостатка матеріаловъ, нужныхъ для устройствъ хорошихъ дорогъ. Путешественникъ часто пробѣждаетъ по неизмѣримымъ песчанымъ равнинамъ, гдѣ тонутъ колѣса, и если бы зима не разстлала по землѣ своего снѣжнаго покрова, по которому тысячи возовъ отправляются въ нуль, то многія селенія были бы совершенно лишены способовъ къ сбыту своихъ продуктовъ. Всѣ эти обстоятельства затрудняютъ развитіе земледѣлія въ Россіи и доказываютъ, что урожанъ тамъ никогда не могутъ быть очень изобильны. Налишне, кажется, присовокуплять, что состояніе тамошняго полеводства вполне соответствуетъ земледѣльческимъ орудіямъ, и что паровое поле господствуетъ тамъ, какъ и во многихъ другихъ краяхъ. Г. Салтеръ говоритъ, что по мнѣнію рижскихъ купцовъ и помѣщиковъ, цѣны на хлѣбъ, вывозимый изъ Россіи, вѣроятно, не понизятся противъ нынѣшнихъ, и что въ случаѣ большого требованія онѣ непременно возвысятся. Нынѣшнія среднія цѣны могли существовать у нихъ только потому, что не было надежнаго истока для хлѣба, и хотя почва заключаетъ въ себѣ обильныя богатства, однако, по непостоянству и суровости климата, по малому числу рабочихъ рукъ, нужно, чтобы открылся постоянный сбытъ, и чтобы цѣны на хлѣбъ возвысились для привлеченія капиталовъ къ земледѣлію.

По всѣмъ своимъ наблюденіямъ г. Салтеръ заключаетъ, что Россія еще долго не будетъ въ состояніи значительно увеличить отпускъ своего хлѣба, и что, впрочемъ, съ умноженіемъ требованія, съ расширеніемъ сбыта, хлѣбныя цѣны должны будутъ возвыситься и въ Россіи, какъ это бываетъ вездѣ.

Въ этомъ мнѣніи англійскаго фермера есть, конечно, замѣчанія

дѣльными, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, недостатки нашего хозяйства показали ему такъ разительными и представлены имъ даже въ преувеличенномъ видѣ, кажется, отъ-того, что онъ сравнивалъ во всемъ наше земледѣліе съ англійскимъ, все измѣрять англійскимъ масштабомъ, который нельзя примѣнять къ нашимъ хозяйственнымъ способамъ.

Впрочемъ, общій выводъ его о неосновательности опасеній, возбужденныхъ въ англійскихъ хозяевахъ ожиданіемъ свободнаго ввоза хлѣба, согласуется съ тѣми свѣдѣніями, какія были собраны англійскимъ правительствомъ въ разныхъ странахъ, относительно цѣнъ и количества хлѣба, поступающаго въ заграничный отпускъ. До послѣдняго преобразования привозныхъ пошлинъ съ иностраннаго хлѣба, министерство поручило англійскимъ консуламъ и агентамъ доставить подробнѣйшія свѣдѣнія о томъ: по какимъ цѣнамъ иностранцы могутъ снабжать Англію хлѣбомъ и какъ велико количество хлѣба, которое она можетъ получать изъ иностранныхъ земель въ нынѣшнее время. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что средняя цѣна пшеницы съ погрузкою обходится 40 ш. 6 п. за кварталъ (около 10 р. 12 к. сер. четв.), въ главныхъ портахъ Балтійскаго, Чернаго и Средиземнаго морей. Средній фрахтъ 4 ш. 9 п. (около 1 р. 19 к. сер. съ четв.) Расходовъ на выгрузку, на складку въ анбаръ и на раструску полагается 6 шил.; страховую премію нельзя считать менѣе 10%. Полагая на барышъ привозителя только 5%, находимъ, что цѣна пшеницы на мѣстѣ выгрузки обойдется потребителю въ 54 ш. 3 п. за кварталъ (около 13 р. 48 к. сер. четв.); въ случаѣ же продажи на внутреннихъ рынкахъ, къ этой цѣнѣ прибавятся еще провозные расходы. Все это очевидно доказываетъ, что если Англіи понадобится значительное количество иностранной пшеницы, то цѣны ея должны непременно подняться свыше 50 шил. (12 р. 50 к. сер. четв.) Чрезвычайно низкія цѣны въ заграничныхъ портахъ, такъ пугавшія англійскихъ земледѣльцовъ, происходили единственно отъ-того, что во время прежняго стѣснительнаго закона для привоза хлѣба въ Англію, накопились въ тѣхъ портахъ большіе запасы, которые, при свободномъ и постепенномъ ввозѣ, нисколько не были бы опасны, — во нахлынувъ вдругъ на внутренніе рынки Англій, сильно уднѣтали тамошнія цѣны всякій разъ, когда иностранный хлѣбъ былъ допускаемъ къ привозу. Далѣе, тѣже консульскія свѣдѣнія показываютъ, что среднее количество пшеницы, вывозимой изъ всѣхъ портовъ Балтійскаго, Чернаго и Средиземнаго морей, простирается около 3,500,000 кварталовъ (4,660,000 четвертей), и эта пропорція сбывается не въ одну Великобританію, а во всѣ страны, нуждающіяся въ привозѣ пшеницы. Въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1838 по 1843 г., количество иностранной пшеницы, поступившей на внутреннее продовольствіе Великобританіи, составляло среднимъ числомъ 2,273,000 кварт. (3,036,000 четв.); въ 1842 г оно доходило до 2,667,000 кварт. Очевидно, что въ настоящее время привозъ и цѣны иностранной пшеницы не могутъ повредить англійско-

му земледѣлю; но открытіе постояннаго, свободнаго ввоза хлѣба въ это государство не будетъ ли способствовать чрезвычайному развитію хлѣбопашества въ Европѣ? Всѣ отзывы англійскихъ консуловъ согласны въ томъ, что множество естественныхъ препятствій должны задержать быстрое умноженіе производства хлѣба на европейскомъ материкѣ. Если оно увеличится, то приращеніе его будетъ постепенное, и притомъ оно должно быть сопровождаемо повсюду ощутительнымъ возвышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ.

ПАРОХОДСТВО НА ВОЛГѢ. Первымъ учредителемъ пароходнаго плаванія на Волгѣ былъ астраханскій житель, титулярный совѣтникъ Д. П. Еврейновъ. Воспользовавшись привилегією, переданною ему г. Бердомъ, онъ устроилъ въ 1820 г. пять пароходовъ: изъ нихъ четыре, каждый въ 16 силъ, дѣйствовали до 1824 года между Нижнимъ-Новгородомъ и Рыбинскомъ, вѣдя за собою по нѣскольку судовъ, съ грузомъ до 80,000 пуд., а пятый пароходъ, въ 60 силъ, содержалъ сообщеніе между Астраханью и Нижнимъ-Новгородомъ. Машины на всѣхъ этихъ пароходахъ были съ завода г. Берда. — Обмелѣніе Волги, въ мѣстахъ, назначенныхъ для плаванія четырехъ 16-ти сильныхъ пароходовъ, воспрепятствовало имъ проходить по фарватеру этой рѣки, и какъ они не имѣли достаточной силы для подъема судовъ съ значительнымъ грузомъ, противъ быстраго теченія Волги, то и были перестроены, такъ что машины съ двухъ пароходовъ поставлены на одно судно для плаванія между Астраханью и Нижнимъ-Новгородомъ. Въ 1835 г., изъ пароходовъ, устроенныхъ г. Еврейновымъ, продолжали ходить только два, перешедшіе въ собственность другихъ лицъ, доктора Менда и купца Алабова. Къ нимъ присоединились потомъ два парохода: одинъ помѣщика Сомова, выстроенный въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ 1834 г., съ машиною въ 28 силъ, сдѣланною на шепелевскомъ заводѣ, а другой — астраханскаго армянина Хралова, построенный въ 1836 г., съ машиною бердовскаго завода, въ 42 силы. Пароходы отправлялись съ грузами изъ Астрахани, около 1-го іюля, къ нижегородской ярмаркѣ, и приходили туда въ 35 — 40 дней, а съ ярмарки возвращались около половины сентября и доставляли въ Астрахань легкіе грузы и пассажировъ, которыхъ бывало иногда до 100 человекъ. Случалось, что въ позднюю осеннюю пору пароходы дѣлали второй рейсъ до Саратова, гдѣ и оставались на зимовку.

Въ такомъ положеніи находилось пароходство по Волгѣ до новѣйшаго времени. Успѣхамъ этого предпріятія, особенно при употребленіи судовъ прежней конструкціи, препятствовали многія обстоятельства: 1) мели, откосы и частыя перемѣны фарватера затрудняютъ плаваніе по этой рѣкѣ; на снятіе пароходовъ съ мелей теряется много времени, чему не рѣдко подвергались пароходы и на обратномъ пути съ нижегородской ярмарки. При хорошей водѣ, они приходили изъ Нижняго въ Астрахань въ девять дней, а при малой — въ двадцать дней и болѣе. Случалось, что за мелководіемъ они не доходили

до Нижняго и останавливались не много выше Казани. 2) На пространствѣ двухъ тысячъ верстъ отъ Астрахани до Нижняго-Новгорода, въ случаѣ какого либо поврежденія машины или другихъ частей парохода, всякое исправленіе было сопряжено съ большими затрудненіями, по недостатку хорошихъ мастеровъ и по дальности взаимнаго разстоянія городовъ и селеній. 3) Не менѣе того обременяло заготовленіе топлива, потому-что на всемъ пространствѣ отъ Астрахани до Самары находятяся безлѣсныя мѣста. Пароходы добывали дрова не рѣдко съ великимъ трудомъ и, не надѣясь найти ихъ въ близкомъ разстояніи, были принуждены везти съ собою большіе запасы, грузъ которыхъ простирался иногда до 3,500 пуд., и болѣе. 4) Дороговизна машинъ, недостатокъ хорошихъ вольныхъ машинистовъ и высокая имъ плата, тогда какъ цѣны за провозъ груза были очень низки.

Сколько намъ извѣстно, первый пароходъ, выстроенный по чертежу новѣйшихъ американскихъ пароходовъ, явился на Волгѣ не прежде, какъ въ 1842 году. Это былъ сорокадвухсельный пароходъ «Соколъ», принадлежавшій г. Соколовскому. Онъ былъ назначенъ для сообщенія между Астраханью, Саратовомъ и Нижнимъ-Новгородомъ. Превосходное устройство этого парохода дало ему возможность проходить безъ затрудненія всѣ волжскія мели, которыя останавливаютъ тамошнее судоходство. Въ 1843 г. былъ сдѣланъ первый опытъ перевозки пассажировъ, для которой это судно казалось особенно удобнымъ, по замѣчательной быстротѣ его хода. Менѣе, чѣмъ въ десять дней доставлено имъ 96 пассажировъ съ нижегородской ярмарки въ Астрахань. Въ 1844 г. «Соколъ», отплывъ изъ Нижняго, 31 августа, съ 120 пассажирами, и имѣя на буксирѣ судно съ дровами, прибылъ въ Астрахань менѣе, чѣмъ въ десять дней, пройдя болѣе 2000 верстъ, со включеніемъ времени простоя у разныхъ приволжскихъ городовъ для высадки и приѣма пассажировъ и для погрузки дровъ, необходимыхъ на тонку парохода въ пути.

Между тѣмъ, какъ пароходство еще поддерживалось на нижней части Волги, плаваніе пароходовъ по этой рѣкѣ выше Нижняго-Новгорода возобновилось только съ недавняго времени. Предпримчивое рыбнское купечество давно уже помышляло о заведеніи на Волгѣ пароходовъ для перевозки хлѣба съ низовыхъ пристаней. Хотя всѣ сознавали важность этого предпріятія, однако, опасались, что оно не удастся, что пароходъ нѣстами не пойдетъ противъ воды, особенно близъ Густомѣсова и Овсяникова (въ костромской и ярославской губерніяхъ), гдѣ находятяся большія мели, и что онъ не будетъ въ состояніи потянуть за собою значительные грузы. Нѣсколько разъ уже пытались взводить вверхъ по Волгѣ нагруженные суда посредствомъ пароходовъ; но эти опыты оставались неудачными, отъ-того, что суда были худо построены, глубоко сидѣли въ водѣ, и притомъ ихъ машины были слишкомъ малосильны для плаванія противъ теченія. По этому задача состояла въ постройкѣ пароходовъ съ сильными машинами, не требующихъ для плаванія своего большой глубины.

Приведеніемъ такого предпріятія въ дѣйствіе занялись с. петербургскій иностранный гость, Эдуардъ Кейли (Cayley), и голландскій инженеръ Рентгенъ (Roentgen). Прежде всего было приступлено къ изслѣдованію свойствъ Волги, для опредѣленія, какіе пароходы способны къ буксированію судовъ по этой рѣкѣ. Это изслѣдованіе было выполнено г. Рентгеномъ и послужило къ основанію въ Петербургѣ общества буксирнаго пароходства по Волгѣ. Въ 1843 г., правительство, разрѣшивъ иностранному гостю Кейли съ товарищами, учредить общество на паяхъ, такъ какъ эта компанія не испрашивала для себя никакихъ особыхъ правъ, постановило, въ тоже время, правила, на которыхъ предоставляется всѣмъ свободное право учреждать буксирное пароходство въ имперіи. Компанія Кейли, основанная подъ названіемъ «пароходнаго общества по Волгѣ», собрала первоначальный капиталъ въ 225,000 руб. сер., раздѣленный на сто пятьдесятъ паевъ, каждый въ 1,500 руб. сер. Правленіе общества заключило контрактъ съ инженеромъ Рентгеномъ о постройкѣ большого парохода, съ условіемъ провести 150,000 пуд. или 2,500 тоннъ на судахъ, нарочно для того построенныхъ, отъ Самары до Рыбинска, на пространствѣ 1,400 верстъ, противъ теченія, въ двадцать дней, и съ тѣмъ, чтобы провозныя издержки были уплачены не прежде, какъ по совершеніи этого пути въ назначенный срокъ. Въ случаѣ неисполненія такого условія, строитель былъ обязанъ принять на свой счетъ выданныя ему для расходовъ деньги. На этомъ основаніи, былъ заказанъ въ Голландіи, на заводѣ нидерландскаго пароходнаго общества, желѣзный пароходъ въ 250 силъ, въ 2 $\frac{1}{2}$ фута глубины, по плану инженера Рентгена, и привезенъ по частямъ въ Рыбинскъ; здѣсь пароходъ былъ собранъ и постройка его окончена. Съ сентябрѣ, 1845 г., сдѣланъ пробный рейсъ парохода для испытанія его машинъ, а въ апрѣлѣ, 1846 г., онъ пущенъ въ ходъ съ принадлежащими къ нему большими грузовыми судами (подчалками). Постройка этихъ огромныхъ подчалковъ возбудила любопытство и недоумѣніе мѣстныхъ жителей: донинѣ тамъ не видали судовъ такого размѣра, и полагали, что въ нихъ непременно долженъ произойти переломъ. Великою онѣ въ длину 400 футовъ, а въ ширину 31 фут., и, опускаясь въ воду футовъ на пять, поднимаютъ тяжесть въ 75,000 пуд., или 1,250 тоннъ. Пароходъ «Волга», имѣя на буксирѣ два такихъ подчалка, отправился, 20 апрѣля, изъ Рыбинска внизъ по Волгѣ до Самары, для пробнаго рейса. По нагрузкѣ въ подчалки 150,000 пуд. (2,500 тоннъ) клади, пароходъ съ этимъ грузомъ отплылъ изъ Самары. Вода въ Волгѣ стояла тогда высокая и теченіе было очень сильное, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта рѣка протекаетъ между горами. Погода также не благопріятствовала плаванію: были сильныя вѣтры и бури, отъ которыхъ погибло на Волгѣ значительное число другихъ судовъ. Несмотря на то, пароходъ «Волга», совершивъ путь въ 298 часовъ, или въ 16 дней съ половиною, доставилъ въ Рыбинскъ 150,000 пуд. хлѣба, слѣдовательно, прибылъ 3 $\frac{1}{2}$ днями ранѣе условеннаго срока. При обы-

живоенныхъ средствахъ, на совершеніе этого пути нужно отъ трехъ до четырехъ мѣсяцовъ.

Послѣдствія этого опыта, увѣчанаго такимъ счастливымъ успѣхомъ, безъ сомнѣнія, будутъ весьма важны въ коммерческомъ отношеніи. Можно ожидать, что въ скоромъ времени появятся на Волгѣ десятки, сотни буксирныхъ пароходовъ, и съ помощью ихъ хлѣбъ будетъ доставляться въ Рыбинскъ скорѣе и постоянно, чѣмъ прежде; притомъ доставка его будетъ обходиться гораздо дешевле.

Русскіе и иностранные негоціанты, основавшіе пароходное общество по Волгѣ, видя успѣхъ произведеннаго опыта перевозки товаровъ вверхъ по этой рѣкѣ, посредствомъ желѣзнаго парохода съ двумя подчалками, — рѣшились распространить свое предпріятіе, для чего и получили Высочайшее разрѣшеніе какъ на собраніе капитала посредствомъ акцій, такъ и на беспошлинный привозъ изъ-за границы восьми желѣзныхъ пароходовъ со всѣми принадлежностями. Въ январѣ нынѣшняго года, правленіе общества приступило къ выдачѣ акцій, цѣною въ 250 руб. сер. каждая, для составленія капитала въ миллионъ триста тысячъ рублей серебромъ.

Вскорѣ послѣ учрежденія въ Петербургѣ первой компаніи буксирнаго пароходства по Волгѣ, въ январѣ, 1844 г., Высочайше разрѣшено коллежскому совѣтнику Паркареву, титулярному совѣтнику Цвѣткову и шадринскому купцу Череланову, въ Перми, учредить общество на акціяхъ, для содержанія пароходовъ и буксированія ими судовъ по Волгѣ, Камѣ и другимъ впадающимъ въ нихъ рѣкамъ, и для застрахованія товаровъ, перевозимыхъ по этимъ судоходнымъ путямъ. Цѣль этой компаніи состоитъ въ томъ, чтобы облегчить торговля сношенія сибирскаго края съ внутренними губерніями, посредствомъ пароходной перевозки сибирскихъ товаровъ, всякаго рода тяжестей и пассажировъ изъ Перми, и разныхъ грузовъ, идущихъ въ Сибирь съ нижегородской ярмарки. Компанія предполагаетъ удешевить, до возможной степени, плату за провозъ кладей и ускорить доставку ихъ, сократя, по крайней мѣрѣ, въ половину противъ существующихъ сроковъ, чтобы тѣмъ доставить возможность къ перевозкѣ товаровъ въ Сибирь еще лѣтнимъ путемъ. Капиталъ этого общества положено составить въ 150,000 руб. сер. выпускомъ 500 акцій, каждая въ 300 руб. сер., или купоновъ на нихъ въ 150 руб. каждый. — Въ 1845 г., по распоряженію правленія, выстроены на волжской пристани у города Балахны (въ нижегородской губерніи) два парохода, каждый въ 60 силъ, и къ нимъ пять буксирныхъ судовъ; а машины сдѣланы въ Петербургѣ, на механическомъ заведеніи Ипервуда. Сверхъ того, правленіе взяло въ арендное содержаніе пароходъ въ 60 силъ, принадлежащій г. Еврейнову, на пять лѣтъ, съ условіемъ переставить машины его въ корпусъ парохода, выстроеннаго иждивеніемъ общества. Съ открытіемъ навигаціи 1846 г. общественный пароходъ «Пермь» и арендуемый пароходъ «Волга», сопровождаемые буксирными судами съ кладею, начали рейсы въ видѣ опыта; первый сдѣлалъ пять,

а послѣдній, принятый въ Астрахани, сдѣлалъ три рейса. Появленіе этихъ пароходовъ на Волгѣ и Камѣ, равно какъ успѣшныя и быстрыя рейсы ихъ въ концѣ осени, возбуждали благоприятныя ожиданія и довѣріе къ развитію дѣйствию пермскаго пароходнаго общества, согласно предположенной имъ цѣли.

Кромѣ акціонерныхъ предпріятій, основанныхъ въ недавнемъ времени на рѣчномъ пароходствѣ, съ нѣкоторыхъ поръ примѣтно оживленіе предпріимчивости частныхъ капиталистовъ къ заведенію пароходовъ на Волгѣ и рѣкахъ, въ нее впадающихъ. Такъ напримѣръ, для перевозки товаровъ между Нижнимъ Новгородомъ, Рыбинскомъ и Казанью, гг. Всеволожскіе построили недавно два парохода: одинъ, «Никита Всеволожской» въ 100 силъ, а другой «Всеволодъ» въ 24 силы; но какъ эти пароходы дѣйствуютъ, подобно конноводнымъ машинамъ, съ завозомъ якоря, то и двигаются весьма медленно противъ теченія, не болѣе 30 верстъ въ сутки. — Въ 1845 г., спущенъ на воду первый выстроенный на Уралѣ желѣзный пароходъ, въ суксунскомъ горномъ заводѣ, принадлежащемъ Павлу и Петру Григорьевичамъ Демидовымъ. Онъ построенъ для испытанія возможности перевозки металловъ и другихъ товаровъ съ пермскихъ пристаней и изъ Сибири на желѣзныхъ судахъ, буксируемыхъ пароходомъ. Если этотъ опытъ достигнетъ своей цѣли, то послѣдствія его будутъ весьма важны во многихъ отношеніяхъ: кромѣ того, что этимъ способомъ перевозка владѣй сдѣлается скорѣе и дешевле, большое число людей освободится отъ этой работы, значительное количество лучшаго лѣса сохранится отъ ежегоднаго истребленія и отвращено будетъ множество несчастій съ судами, при развитіи которыхъ не рѣдко гибнутъ судовыя бочіе, а промышленники подвергаются большому убытку. — Слышно, что нѣкоторые владѣльцы обширныхъ помѣстій, окружающихъ Каму съ ея притоками, также предполагаютъ заводить у себя, исподоволь, пароходы для перевозки соли и желѣза въ Нижній-Новгородъ. Хотя доставка этихъ продуктовъ теперь обходится владѣльцамъ не дорого, потому-что они употребляютъ въ работу своихъ людей, однако, это отвлекаетъ крестьянъ отъ земледѣлія въ нужнѣйшую пору, и для облегченія ихъ, равно какъ для собственныхъ выгодъ помѣщиковъ, устройство пароходства принесло бы существенную пользу. Пароходы, будучи построены на мѣстѣ, въ помѣщичьихъ заводахъ, вѣроятно обондутся имъ безъ значительныхъ издержекъ.

Правительство не оставило обратить свое вниманіе на пробудившуюся въ пермскомъ краѣ потребность въ пароходномъ сообщеніи съ Волгою. Въ Екатеринбургѣ, близъ монетнаго двора, устроивается казенное заведеніе для постройки желѣзныхъ пароходовъ. Недавно посланы въ Англію механикъ Теше и два воспитанника петербургскаго технологическаго института для усовершенствованія себя въ постройкѣ желѣзныхъ пароходовъ, приспособленныхъ къ плаванію по рѣкамъ, имѣющимъ не глубокій фарватеръ. Къ нынѣшней веснѣ готовится пароходъ въ 50 силъ, построенный въ Екатеринбургѣ у ме-

ханника Теше, брата того, который посланъ въ Англію. Этотъ пароходъ долженъ идти съ грузомъ въ водѣ не глубже пяти четвертой. Предполагается употребить его, между прочимъ, и для перевозки пассажировъ изъ Перми въ Нижній-Новгородъ, и обратно.

Развитіе пароходства на Камѣ и притокахъ ея, облегчающее сообщенія этого отдаленнаго края съ Волгою, пріобрѣтаетъ еще болшую важность въ настоящее время по случаю учрежденія пароходовъ на сибирскихъ водахъ. Этотъ надежный, дешевый и скорый способъ коммуникаціи значительно сблизитъ Сибирь съ европейской Россію и окажетъ благотворное вліяніе на успѣхи внутренней торговли и промышленности.

НОВѢЙШІЕ ОПЫТЫ И ИСЛѢДОВАНІЯ НАДЪ ДѢЙСТВИЕМЪ СВѢРНАГО ЭФИРА. Неожиданное открытіе Джаксона сильно занимаетъ въ сію минуту ученый міръ и публику. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ наука обогатилась многими новыми результатами, относительно этого вопроса. 15 февраля были произведены замѣчательные опыты въ Берлинѣ двумя извѣстными врачами — Юнкелемъ и Биршовомъ. Во Франціи продолжались опыты въ госпиталѣ св. Лудовика и многихъ другихъ. — Ученые врачи, г. Ру, управляющій госпиталемъ Hôtel-Dieu, и г. Вельпо, главный врачъ больницы la Charité, оба члены Французской Академіи Наукъ, произвело уже болѣе пятидесяти различныхъ операцій, при помощи эфıra. Вопросъ обратилъ на себя вниманіе Академіи еще въ концѣ января и главный предметъ *трехъ* засѣданій въ февралѣ мѣсяцѣ составляло разсужденіе о дѣйствіяхъ новаго, усыпляющаго вещества. Представлено уже много записокъ. Замѣчательно, что г. Мажанди оказалъ сильную и странную оппозицію противъ новаго открытія. Извѣстные физиологи, и особенно г. Серръ, старались объяснить образъ дѣйствія эфıra на организмъ. Наконецъ, г. Ру и Вельпо представили подробности объ усовершенствованіяхъ въ сварядахъ и приѣмахъ, употребляемыхъ при вдыханіи эфıra.

Спѣшимъ сообщить читателямъ всѣ эти новости.

Нѣтъ сомнѣнія, что образы дѣйствія эфıra на различные организмы должны быть разнообразны, также точно, какъ разнообразны степеніи обыкновеннаго сна или опьяненія. — Конечно, и результаты дѣйствія эфıra должны зависеть отъ темперамента и характера субъектовъ, но тщательные и многочисленные опыты, кажется, доказываютъ, что главная причина, отъ-чего нѣкоторыхъ субъектовъ нельзя было усыпить, происходитъ отъ несовершенства приборовъ, употребленныхъ для *вдыханія*, отъ неправильности приѣмовъ самихъ медиковъ и отъ неумѣнья обращаться съ приборомъ. Гг. Ру и Вельпо сообщили академіи много подробностей, которыя разъясняютъ этотъ вопросъ. Многіе пациенты, которые не могли быть усыплены нѣкоторыми медиками, засыпали черезъ нѣсколько минутъ, когда дѣйствовали на нихъ приборами усовершенствованными, находящимися въ госпиталяхъ Charité и Hôtel-Dieu. Притомъ замѣчено, что по мѣрѣ того,

какъ улучшаются приборы, число неудачныхъ опытовъ сильно уменьшается. Изъ этого должно, кажется, заключить, что такъ называемыхъ упорныхъ субъектовъ (*refractaires à l'éther*) не существуетъ въ самомъ дѣлѣ.

Новыя свойства эфира извѣстны въ Европѣ еще не болѣе полутора мѣсяца и потому неудивительно, что не опредѣлены еще вѣрно ни условія совершенства приборовъ и приемовъ, ни вліяніе эфира, дѣйствующаго какъ въ легкихъ на кровь, такъ и на органы.

Явленія, которыя замѣчаются при усыпленіи посредствомъ эфира, весьма любопытны. Пациентъ впадаетъ очень часто въ экстатическое состояніе, сопровождаемое криками и разговорами, подобно магнетическому сну. Доволяю также, что очень часто субъекты подвержены эротическимъ припадкамъ.—Но главный фактъ дѣйствія эфира—это оцѣмѣніе всѣхъ пассивныхъ, или чувствительныхъ нервовъ, посредствомъ которыхъ, какъ доказано новѣйшими физиологами, мы получаемъ понятіе о внѣшнихъ впечатлѣніяхъ. — Г. Вельпо говорилъ объ одномъ пациентѣ, который во время трудной операціи видѣлъ во снѣ, что онъ играетъ на билліардѣ, и по пробужденіи разсказалъ ему подробно всѣ обстоятельства своей партіи. Этотъ же самый ученый врачъ, сообщаетъ, будто одинъ молодой медикъ до такой степени свылся съ употребленіемъ эфира, что по усыпленіи самого себя до *какой-то степени*, могъ, не чувствуя боли, производить себѣ уколы и разрѣзы. — Если бы за этотъ чудный фактъ не ручалось намъ имя г-на Вельпо, имѣющаго авторитетъ въ наукѣ, мы не обратили бы на него вниманіе. — Докторъ Вельпо разсказываетъ еще многіе случаи, одинъ другого изумительнѣе. Удивленіе Академіи доходило до энтузіазма, какъ увѣряютъ единогласно парижскіе журналы. Одинъ только знаменитый г. Мажанди явился упорнымъ противникомъ новаго открытія. Члены Академіи старались доказать ему, какъ важно это новое открытіе для страждущаго человечества,—открытіе, которое, можетъ быть, по ставитъ Джаксона рядомъ съ Дженнеромъ — другимъ человечества.... Мажанди спорилъ, горячился, доказывалъ, что такого рода употребленіе эфира, по его мнѣнію, *предосудительно*, ибо многіе субъекты слабаго пола были подвержены во время усыпленія столь сильнымъ эротическимъ припадкамъ, что молодые доктора рисковали при этомъ потерять свою репутацію!... Слова эти возбудили смѣхъ, рѣдкій въ храмѣ науки. Но на г. Мажанди ничто недѣйствовало, даже смѣхъ. Онъ остался непреклоненъ и напечаталъ длинное, громовое письмо въ журналахъ противъ эфира. Вслѣдствіе его замѣчанія, что вдыханіе эфира можетъ быть причиною несчастныхъ случаевъ, если снарядъ воспламенится отъ приближенія свѣчи, Флуранъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, представилъ результаты опытовъ своихъ и г-на Донже о вліяніи вдыхаемаго эфира на организмъ животныхъ. Скажемъ сначала, что эти опыты совершенно опровергаютъ опасенія г. Мажанди, ибо свѣча, приближенная къ снаряду, воспламенила эфиръ только въ немъ, но не замѣтно было никакого поврежде-

нія въ дыхательномъ каналѣ животнаго. Многіе опыты подтверждаютъ также, что чрезъ одну или двѣ минуты по отнятїи прибора выходящїй изъ рта эфиръ уже теряетъ способность воспламениться. Гг. Флуранъ и Серръ старались объяснить дѣйствіе эфира на организмъ. — Извѣстно, что, по новѣйшей физиологіи, нервы животныхъ раздѣляются на *пассивныя*, чувствительныя, посредствомъ которыхъ передаются вишія впечатлѣнія, и *активныя*, или дѣйствующіе, которыми производятся движеніе членовъ. Г. Флуранъ изъ своихъ опытовъ выводитъ, что кровь, замѣненная въ своемъ составѣ посредствомъ эфира, дѣйствуетъ на эти органы, причиняетъ *нечувствительность*. Г. Серръ, напротивъ того, полагаетъ, что измѣненная кровь имѣетъ *охлаждающее* свойство. Дѣйствительно, пары эфира въ легкихъ должны по необходимости раскислять кровь (углеродъ эфира соединяется здѣсь съ кислородомъ крови); кровь идетъ по артеріямъ не такая, какъ обыкновенно, но уже раскисленная, и дѣйствуетъ на мозгъ или другіе органы.

Опыты берлинскихъ врачей, Винкеля и Биршова, произведены въ присутствїи многихъ. Первый опытъ: больному сдѣлана фонтенель. Онъ не ощутилъ ни малѣйшей боли, говорилъ во снѣ, и сонъ его, по видимому, былъ прїятный. Другой опытъ произведенъ надъ женщиною, которая страдала болѣзнію въ родѣ рака (*fungus medullaris*); больная чувствовала небольшія страданія, но, вѣроятно отъ недостаточнаго вдыханія эфира. Третій опытъ увѣчался полнымъ успѣхомъ; больному отрѣзали четыре геморроидальныхъ шишки. Онъ увѣралъ потому, что рѣшительно ничего не чувствовалъ. — Четвертый опытъ не менѣ замѣчателенъ: больному сдѣлана мокса (шока), и онъ такъ глубоко спалъ во время операціи, что когда проснулся, едва помнилъ, что у него была когда-то боль. Онъ увѣралъ, что смутно помнитъ свое прошедшее, какъ бы нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ заснулъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что въ этихъ опытахъ усыпленіе продолжалось отъ 6 до 10 минутъ.

Мы уже говорили объ устройствѣ обыкновеннаго прибора для вдыханія. Онъ состоитъ изъ склянки съ губкою, съ двумя трубками и двумя клапанами. Гг. Ру и Вельпо доказываютъ, что главное несовершенство прибора состоитъ въ несоразмѣрности діаметровъ трубочекъ (обыкновенно не болѣе гусиного лица) съ діаметромъ горла. Отъ этого вдыханіе трудно, не свободно, и воздухъ по необходимости, входя *изъ разныхъ отверстій* *влѣзаетъ съ эфиромъ*, уменьшаетъ его силу. Изъ многихъ опытовъ дознано, что отверстіе трубокъ и клапановъ должно быть не менѣ отверстія дыхательнаго канала. Во многихъ приборахъ, напротивъ того, отверстія такъ малы, что съ ними трудно дышать болѣе десяти минутъ даже въ такомъ случаѣ, когда въ нихъ нѣтъ эфира, а проходитъ одинъ чистый воздухъ. Многіе изъ пациентовъ чувствовали сильную боль, при вдыханїи. По увѣренїю г. Ру, это происходитъ отъ-того, что пары эфира внезапно дѣйствуютъ на легкія. Г. Ру устроилъ приборы, въ которыхъ сначала

идеть сложный эфиръ съ воздухомъ и сила его постепенно увеличивается. Такие приборы многие французскіе врачи признали за лучшіе. Можно придумать много устройствъ для этого; но лучше всего удесть приборъ съ такъ называемымъ *краномъ двойного дѣйствія*. Нашето устройство простого крана: онъ можетъ попеременно прекращать и возобновлять сообщеніе двухъ вѣтвей одной и той же трубки. Кранъ двойного дѣйствія, который часто употребляется въ эвентискихъ инструментахъ, имѣетъ два *прорѣза*, такъ что можетъ сообщать одну вѣтвь трубы съ двумя другими, которыя идутъ въ два сосуда: одинъ наполненъ воздухомъ, другой эфиромъ. При этомъ устройствѣ, стоитъ только поворачивать кранъ, такимъ образомъ, чтобы пациентъ вдыхалъ попеременно то чистый воздухъ, то пары эфира. Многие опыты доказали, что чрезъ это уничтожается вредное, жгучее дѣйствіе эфира на легкія. Изъ множества примѣровъ, сообщенныхъ Академіи, надобно заключить, что этотъ приборъ удобнѣе другихъ, ибо посредствомъ его всегда можно постепенно и незаметно усыпить пациента, особенно слабой натуры. Съ большимъ успѣхомъ были произведены этимъ способомъ разныя операціи у такихъ женщинъ, которыя были подвержены *раздраженію вѣтвей дыхательнаго юрла* (*irritation des branches*) и, слѣдовательно, чувствовали сильную боль при вдыханіи. Однажды, подобному субъекту нужно было произвести операцію *прекалеманія той части кожи, гдѣ была вода*, и *выпрыскиваніе* (*injection*) раствора іода (это одна изъ мучительныхъ операцій). Больная во время усыпленія была чрезвычайно спокойна и когда проснулась, сожалѣла, что ее скоро разбудили, потому что во снѣ она ощущала необыкновенную пріятность (*Roux, Comptes rendus, févriér № 5*). Мы не станемъ приводить другихъ опытовъ. Ихъ уже такъ много и они такъ разнообразны, что это заняло бы насъ слишкомъ далеко; но должно, однакожъ, присоветовать, что и въ Петербургѣ были уже дѣланы подобныя операціи, и весьма трудныя, и всѣ увѣнчались самымъ счастливымъ успѣхомъ. Такъ знаменитый хирургъ нашъ Пироговъ въ здѣшнемъ Военно-Сухопутномъ госпиталѣ произвелъ операцію отнятія женской правой груди, (см. ниже «Соврем. Записки»), и больная не чувствовала совершенно никакой боли; проснувшись, она не хотѣла вѣрить, что все кончено. Другія операціи, исполненныя въ Петербургѣ съ помощью эфира, совершены также удачно.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА (*Письма третья*). Можетъ быть, не совсѣмъ скучно будетъ вамъ пересмотрѣть всѣ лучшія произведенія здѣшнихъ театровъ. Каждый изъ нихъ приготовилъ, какъ это обыкновенно бываетъ, свою капитальную пьесу къ зимѣ, и какъ всѣ эти пьесы теперь ужъ на лицо, то по нимъ можно судить вполне о драматическомъ движеніи во Франціи. Признательно сказать, для меня онѣ имѣли еще другую занимательность, именно, какъ вопросъ: чѣмъ занята общественная мысль; но это я оставляю про себя, и отъ души позволяю

вамъ думать, что всякая театральная пьеса сдѣлана для того, чтобъ быть театральной пьесой, а совсѣмъ не вопросомъ, который только въ слѣдственномъ дѣлѣ бываетъ у мѣста. Начинаю съ Роберта Брюса, французской оперы. Вамъ вѣроятно уже извѣстенъ неслыханный поступокъ г-жи Штольцъ, при первомъ представленіи (*). Въ слѣдующія представленія было мертвое молчаніе со стороны публики, безчисленныя фальшивыя ноты со стороны г-жи Штольцъ,—и такъ идетъ до дня сего, ради всеобщаго желанія не остановить представленій. Никто не предполагалъ, что по части скандальёзныхъ происшествій будетъ въ нынѣшнюю зиму нѣчто получше. Процессъ Александра Дюма съ журналами *Constitutionnel* и *Presse* вѣроятно также уже извѣстенъ вамъ. Я говорить о немъ не стану, замѣчу только, что въ рѣчи Дюма (**) каждая фраза была гасконода, каждая мысль — негѣлая претензія, и каждое слово — уморительное самохвальство. Это Хлестаковъ въ самомъ крайнемъ, колоссальномъ своемъ развитіи... но возвратился къ пьесѣ. Несмотря на восхитительныя мелодіи перваго акта, на превосходный финалъ второго (третій очень слабъ и вторую половину наполненъ балетомъ),—эта опера Россіи рѣшительно не имѣетъ никакого характера, не оставляетъ по себѣ никакого образа и до того лишена основной идеи, что до сихъ поръ публики не знаетъ, принять ли ее за шутку, или за серьёзное произведеніе болонскаго маэстро. Такъ всегда бываетъ съ пьесами, составленными изъ разныхъ постороннихъ клочковъ, хотя бы каждый отдѣльно изъ нихъ и былъ превосходенъ. При этомъ случаѣ, слѣдуетъ упомянуть объ удивительной обстановкѣ, которая, въ соединеніи съ превосходнымъ хоромъ, произвела во второмъ актѣ (финалъ) сцену, постоянно электризирующую публику. При переѣвѣ декораціи, открывается ущелье въ шотландскихъ горахъ, покрытыхъ войскомъ, ожидающимъ прибытія короля Роберта (Баруале). Рядъ бардовъ длиннымъ строемъ приближается къ авансценѣ съ арфами въ рукахъ и начинаетъ военный гимнъ, который прерывается маршемъ короля Роберта, появляющагося съ своей свитой. Тогда маршъ и гимнъ соединяются въ одно цѣлое — поразительнаго величія, и ему отвѣчаютъ съ горъ восторженные клики войска, колебаніе знаменъ и щитовъ. Въ это же время публики всего театра подымается и крики энтузіазма изъ партера смѣшиваются, съ послѣдними нотами хора. На этотъ отликъ настоящаго народа, сохраняющаго еще до сихъ поръ воинственную черту въ характерѣ, Россіи, конечно, не рассчитывалъ, но именно это невольное движеніе и довершаетъ полный эффектъ, начатый въ сценѣ. Кстати, я видѣлъ одного Нѣнца, который нисколько не былъ увлеченъ имъ, потому что, говорить, въ XIV столѣтіи не было бардовъ въ Шотландіи. Слова эти мнѣ доказали еще разъ всю пользу строгаго ученаго образованія. Нѣчто подобное, касательно энтузіазма, происходитъ, при нѣкоторыхъ

(*) Совр. № 2, стр. 194. Смѣсь.

(**) См. ниже «Современныя захѣтки».

частяхъ новой симфоніи Берліоза: *La Damnation de Faust*, особенно, при такъ называемомъ венгерскомъ маршѣ, послѣдніе темпы котораго всегда заглушается «ренетическими рукоплесканіями. Что касается до цѣлаго, то оно уже страдаетъ не отъ разорванности, а напротивъ, отъ вычурности. Я убѣжденъ, что въ Россіи только прачка, которая на плоту крутить бѣлье, выжимая изъ него воду, можетъ имѣть понятіе о творческомъ процессѣ, свойственномъ Берліозу. Между Берліозомъ и Викторомъ Гюго есть, по моему мнѣнію, сильное духовное родство, хотя первый, какъ талантъ, выше второго. Оба страдаютъ жаждой новости, образовъ вѣ исторической и просто психологической повѣрки, и гениальность полагаютъ въ томъ, чтобъ произвести человѣка или идею, которые не имѣли бы ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ ничего общаго. Какъ это любезно! Родъ человѣческій за такуюю къ нему продерзость обыкновенно отомщаетъ помраченіемъ головы неучтивца. Трагедіи В. Гюго свидѣлствуютъ это, и Берліозъ былъ тѣмъ же наказанъ. Въ своемъ либретто Фауста онъ приводитъ хоръ подземныхъ духовъ и заставляетъ ихъ пѣть слѣдующій куплетъ, замѣтивъ сперва въ выноскѣ, что, по увѣренію Сведенборга, это настоящій языкъ чертей :

Tradition marexil Trudinxе burrudixe,
 Fory my dinkorlltz Hor meak omévixe!
 Urakalké!
 Murakalké!

и пр. и пр. Онъ перелагаетъ потомъ этотъ прекрасный діалектъ, ни мало не уступающій языку, какимъ у насъ пишутся нѣкоторыя драматическія фантазіи, на соответственную ему музыку, и дѣйствительно выходитъ чертовщина совершенная, да только многіе сомнѣваются, можетъ ли такая гадкая поэзія существовать гдѣнибудь, даже въ преисподней. Ее бы со всякаго театра согнали. Несмотря на всѣ эти недоразумѣнія, есть чудные проблески въ этой симфоніи, мотивы несомнѣнной свѣжести и оригинальности, увлекательные по выраженію легкости и игривости хоры, какъ, на примѣръ, хоръ сильфовъ и гномовъ во второй части. Поэтому выходяшь изъ концерта въ томъ запутанномъ состояніи души, въ какомъ долженъ былъ находиться извѣстный античный герой, когда, нѣжно поцаловавъ дѣтей своихъ, онъ отправилъ ихъ на казнь. Я думаю, не безъ расчета также выбралъ Берліозъ и театръ оперы *Comique* для исполненія своей симфоніи и драмы. Социстическому уму его вѣроятно улыбнулась противоположность огласить стѣны этого театра, посвященнаго шумливой и граціозной музыкѣ, — сильвымъ и могущественнымъ произведеніемъ. Въ теченіи зимы опера *Comique* дала четыре оперы новыхъ композиторовъ, и всякій разъ, сида въ ея покойныхъ креслахъ, окруженный старыми и юными щеголями, предавался я удовольствію слѣдовать безмысленно за звуками, прислушиваться къ нѣжнымъ переливамъ оркестра, къ томному романсу, къ веселой пѣсенкѣ и бла-

годарить за всякую фразу, легѣющую уху. Вы, можетъ быть, нѣсколько усомнитесь въ возможности наслаждаться только чертами, только линиями, только звуками безъ образа и съ едва видимымъ содержаніемъ? но послушали бы вы только здѣсь *Giddy la cornemuse*, г. Клапписсона съ г. Роже и г-жею Делиль, и новую: *Ne touchez pas à la Laine*, г-на Буассело, исполненную г. Огранъ и г-жею Лавуа! Да что это я такъ умѣренно говорю? Я, какъ Марія Стюартъ у Шиллера, ниѣю право сказать: святая *осторожность* — лети на небеса! Знаете ли вы похвальную рѣчь покойному Ройе-Коллару, произнесенную г-номъ Ремюза въ академіи? Что такое Ройе-Колларъ? — человѣкъ, всю жизнь колебавшійся между двумя направленіями, измѣнившій добросовѣстно имъ обомъ и, наконецъ, отыскавшій способъ привести въ теорію собственное безсміе, — что и сдѣлало его патриархомъ позднѣйшихъ доктринѣровъ. Всѣ были умѣрены, что сказать настоящее похвальное слово Ройе-Коллару нѣтъ никакой возможности и, однакожъ, послѣ рѣчи Ремюза, Парижъ цѣлую недѣлю только и бредилъ ею? Отъ чего же Парижъ цѣлую недѣлю бредилъ ею? Ради фразы, звука и оборота, словомъ, ради только формы ея. Дѣйствительно, это *chef-d'œuvre* французскаго языка въ XIX столѣтіи. Гибкость, тонина выраженія, остроумная умѣренность каждой мысли, мѣткость каждаго слова, ясный, но не совсѣмъ выговоренный намекъ, всѣ качества, къ какимъ только способенъ французскій языкъ, приведены тутъ были въ дѣло авторомъ Абеляра и увлекли меня вѣстѣ со всѣмъ читающимъ міромъ. Надѣюсь, что этого оправданія достаточно, а если все еще совѣсть у васъ неспокойна, я, пожалуй, приведу въ оправданіе и цѣлый народъ. Возьмите Итальянцевъ, которые, до дня сего, мастерство сказать что-нибудь поставляли конечной цѣлью литературы, и весьма мало обращали вниманія на то, что сказано. Прекрасный народъ! одинъ изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, который можетъ притти въ восторгъ отъ сцѣпленія, паденія, интонаціи словъ. Правда, теперь начинается реакція, благодаря неутомному Біанки-Джівани, исторической драмѣ, *открытой* Ревере, и выиѣшнимъ сардинскимъ брошюрамъ: погибель *краснаго* слова видимо приближается, исполняя ротъ мой прахомъ огорченія. Это само собой переноситъ меня къ здѣшнему итальянскому театру и къ Верди, который тоже принадлежитъ, въ сферѣ музыки, къ семьѣ вышеупомянутыхъ нововводителей. Опера его *I due Foscari* имѣла здѣсь успѣхъ колоссальный. Колетти, въ роли стараго дожа, Гриви, въ роли молодой Фоскари были превосходны. Публика парижская смотрѣла — если не другъ на друга, что было бы грамматически неправильно, то, по крайней мѣрѣ, внутрь себя и спрашивала: гдѣ же заунывные *andante*, гдѣ фигурныя *allegro* съ безчисленной гранью *фигуртуръ*. Въ *andante* слышалась твердая жалоба, *allegro* противъ обыкновенія выражало упрекъ и иногда угрозу, а потомъ хоры необычайной энергіи, которая все растетъ, растетъ, какъ волна въ бурю.... Жоны богатыхъ мануфактуристовъ спрашиваютъ у мужей своихъ: что такое сдѣлалось

съ итальянской музыкой? Ужь не завели ли тамъ общество свободнаго обихода? — Но будетъ о музыкѣ. Я и такъ вѣрно наговорилъ множество ересей, огню подлежащихъ, но вѣдь я и отречься готовъ, хоть сейчасъ: не упоренъ я.

Перехожу къ драматической литературѣ. Теперь вамъ уже извѣстно паденіе Агнесы де Мерани, г. Понсара, на Одеонѣ. Печальнѣе этого зрѣлища трудно вообразить себѣ. На первое представленіе съѣхалась публика, рѣшившаяся заранѣе быть увлеченной, во что бы то ни стало. Ложи были наполнены всѣми парижскими знаменитостями, не исключая Гизо, присутствіе котораго въ театрѣ какъ бы оправдывало весь запасъ восторга, предусмотрительно съѣданный публикой на всякій случай. Въ продолженіи первыхъ актовъ, чѣмъ болѣе ослабѣвалъ авторъ, тѣмъ благорасположеннѣе становилась къ нему публика. Она придиралась къ каждому стиху, нѣсколько удачному, къ каждому порыву актеровъ, тоже выходившихъ изъ себя ради соревнованія. Можно было наблюдать, какъ партеръ не вѣрить собственной своей скукѣ и соблюдаетъ надъ собой роль полиціи, отгоняя всѣ черныя мысли и все ожидая: вотъ появится настоящее чувство и вырвется страсть. Все напрасно. Переваживалась съ ноги на ногу, шель авторъ къ пятому акту, разговаривая съ самимъ собой, въ какомъ-то непонятномъ состояніи немощи и тупости. Въ пятомъ актѣ обезсиленная публика уже сохраняла мертвое молчаніе и разошлась, наконецъ, со всѣми признаками изумленія къ способности нѣкоторыхъ пьесъ падать неудержимо, противъ всѣхъ и всего. Да зато и пьеса же! Недостатки Лукреціи, какъ-то: отсутствіе жизни и наклонность къ револьверству, достигли чудовищныхъ размѣровъ во второй трагедіи Понсара. Каждое лицо съ начала до конца разсуждаетъ—кто о важности папскаго запрещенія, кто объ обязанностяхъ королевскаго сама, женщины о любви, кавалеры о благочиніи. Понсаръ способенъ заставить разсуждать ребенка о лучшей манерѣ извлеченія молока изъ материнскихъ сосцовъ, — вѣдь заставилъ же онъ въ пятомъ актѣ, при смерти отравившейся Агнесы, разсуждать папскаго монаха о томъ, полойти ли къ ней съ изъявленіемъ состраданія или удержаться, умиривъ оное! Чудно. Паденіе Агнесы нанесло ударъ такъ называемой школѣ *здраваго смысла*, которая образовалась изъ академиковъ, избранныхъ, т. е. неизвѣстныхъ литераторовъ и людей хорошаго тона. Школа эта, поставивъ Понсара во главѣ своей, хотѣла посредствомъ его противоdѣйствовать драматическимъ вольностямъ Гюго, Дюна и пр. Увы! послѣдствія доказали, что *здравый смыслъ* можетъ производить точно такія же негѣпости, какъ и всякій другой смыслъ, и даже хуже — производить скучныя негѣпости. На кого же надѣяться теперь и въ кого вѣрять, когда и самый здравый смыслъ можетъ такъ страшно падать? Въ отчаяніи своемъ и вѣроятно еще для того, чтобъ оправдать принятое ею названіе, школа эта, черезъ одного изъ своихъ членовъ, запретила всѣ пародіи Агнесы на другихъ театрахъ. Немного строго, а впрочемъ, въ нихъ дѣйствительно надобности нѣтъ.

Мнѣ пріятно, при этомъ случаѣ, замѣтить, что ласковая снисходительность, проявившаяся въ отношеніи Агнесы, сдѣлалась, кажется, основною чертою здѣшней публки и распространяется не на одни сценическія представленія. Куда ни обращался я — вездѣ видѣлъ я вниманіе, безпристрастную оцѣнку, похвальный разборъ противорѣчащихъ мнѣній, съ отдачей каждому должнаго. Я исполняю обязанность друга, предостерегаю васъ отъ нѣкоторыхъ иллюзій, всегда рождающихся, когда мы издали судимъ о народѣ по словамъ и актамъ людей передняго плана. Эти понеобходимости должны быть горячи, странны, эффектны, запутанны, а публика, тоже по необходимости, можетъ хладнокровно разбирать, на сколько въ нихъ было жару, странности, эффектности и запутанности. Такимъ образомъ, всё свое дѣло дѣлають, и отъ этого раздѣленія занятій рождаются тѣ несомнѣнные, благіе плоды, какіе мы видимъ на глазахъ нашихъ: укорененіе существующей гражданской формы, занятіе болѣе собственными дѣлами, всеобщее спокойствіе. Есть люди, которые объясняютъ это *арифметическое* направленіе публки довольно коварно, — говорятъ: она хладнокровна, потому что не вѣрится ни въ себя, ни въ другихъ, а не вѣрится этому, потому что занята иной, новой, неизвѣстной мыслию. Въ этомъ утѣшеніи, мнѣ кажется, есть много мечты, а также много безсилія. Мысль, которая никакъ не можетъ найти надлежащей формы для дѣйствительнаго, политическаго своего направленія, — врядъ ли и назваться такою можетъ. Она можетъ быть *высокой думой* для будущаго и походить на знатную даму, которая считаетъ неприличнымъ связываться съ настоящимъ ходомъ дѣлъ, но за то и весь міръ, съ достоуважаемымъ уваженіемъ къ ея породѣ, проходитъ мимо безъ всякаго вниманія. Все это говорю я, чтобъ спасти настоящую деликатную умѣренность публки отъ оскорбительныхъ подозрѣній и злой недобѣрчивости.

Въ циркѣ даютъ пьесу подъ названіемъ: *Révolution française*. Она дурно составлена и, по характеру театра, занимается болѣе военной стороною эпохи. Вербовка волонтеровъ на *Pont-Neuf*, Дюмурье съ сотней фигурантовъ въ Бельгін, 20 или 30 акробатовъ на лошадаяхъ, скачуть по горамъ и рѣшаютъ дѣло подлѣ Цюрихомъ, перестрѣлка, барабанный бой, страшный дымъ, неистовая музыка и перемѣна декораций съ красными и голубыми огнемъ — таково содержаніе пьесы. Со всѣмъ тѣмъ раза два или три слышится извѣстная пѣсня, отъ которой такъ много страдала Франція, разъ показывается страшный комитетъ, въ которомъ говорить *устроитель побѣды*, разъ даже открывается само ужасное собраніе и на каедрѣ стоитъ Дантонъ, декламируя отрывокъ изъ настоящей рѣчи, записанной *Монитеромъ*, между тѣмъ, какъ президентское кресло занимаетъ молодой человекъ, названный въ афишѣ С. Жюстомъ. Тутъ-то вслѣдъ за нимъ, которому дороги успѣхи европейской цивилизаціи, съ удовольствіемъ могъ бы замѣтить, до какой степени притупились нѣкоторые звуки, обезсмыслили нѣкоторые имена. Еще за 7 лѣтъ нельзя было бы промолвить и показать ихъ, а теперь весь энтузіазмъ публки сосредоточился на

проявленіи военной доблести, чертъ самоотверженія и на жаждѣ славы и побѣдъ, вещахъ, лежащихъ въ основѣ народнаго характера и ни чѣмъ неизменимыхъ. Это успѣхъ неизвѣстный, который я смѣшу вамъ передать. Въ доказательство, какъ одна идея военного достоинства поглотила въ народѣ, по моему мнѣнію, всѣ прочія, привожу достовѣрный анекдотъ. Содержатель театра платитъ въ вечеръ 20 су больше фигурантамъ, изображающимъ иностранныя войска, зато, что они безпрестанно *отступаютъ*. Въ одномъ балетѣ крайняя необходимость требовала, чтобъ и французскіе гренадеры отступили, разумѣется на бездѣлицу, шагъ назадъ не болѣе — безъ этого обойтись нельзя было. Сдѣлался ропотъ между фигурантами, едва уговорили, да и то замѣтивъ, что это нужно для искусства, а въ дѣйствительности такой вещи съ сотворенія міра не было. Говорятъ, что и теперь, когда приходится дѣлать этотъ роковой шагъ назадъ, у многихъ нѣтъ слезы на глазахъ выступаютъ. Нѣкоторые бормочутъ: проклятое искусство!... Смѣхъ, да и только.

Я отношу къ тому же счастливому направленію смотрѣть на страшный переворотъ, о которомъ идетъ здѣсь дѣло, какъ на прошедшее, подлежащее хладнокровному обсужденію, и появленіе большого количества исторій, имъ занимающихся. Книги эти уже не событія. J. Бланка волюмъ имѣетъ строгую критическую форму и ищетъ началъ переворота по раднымъ землямъ и у Гусса. Волюмъ Мишле держится на туземной почвѣ и написанъ съ жаромъ, который, можетъ быть, дастъ ему мгновенную популарность. Общаются на дняхъ волюмъ Ламартина (о Жирондистахъ), волюмъ Эскиро (о Монтаньярахъ) и волюмъ Пюжеля, который, говорятъ, будетъ написанъ съ консервативной точки зрѣнія. — Желательно было бы знать мнѣ, успѣлъ ли я передать вамъ этимъ долгимъ отступленіемъ мое понятіе о настроенности французской современной публики?

Въ *Gymnase dramatique* царитъ безраздѣльно несравненная *Rosa Шери*, съ своей дѣвственной скромностію, съ задумчивой улыбкой, полной сдерживаемаго чувства, наконецъ, во всегдашней своей борьбѣ между искушеніями паденія и сознаніемъ своего достоинства, которую передаетъ она такъ тонко и нѣжно. Нынѣшнюю зиму она почти совсѣмъ вытѣснила свой антиподъ, который, однакожь, служилъ ей какъ бы дополненіемъ и поясненіемъ, граціозно-беззаботную и вызывающую на паденіе *Дезире*. Боюсь я, что по роду пьесъ, какія сталъ писать для *Шери* Скрибъ, всѣ ея качества не обратились бы въ манеру. Послѣ успѣха *Шарлоты Гарло* — только и есть что Брессанъ въ видѣ недостойнаго любовника, а Роза Шери въ видѣ дѣвушки, облагороживающей любовника силою чистой къ нему страсти.

Въ новой пьесѣ *Irène, ou le magnétisme*, любовникъ уже магнетизѣръ, который хочетъ завладѣть дѣвушкой посредствомъ медицинскихъ своихъ качествъ и находить собственное спасеніе въ ея дѣвическихъ мечтахъ и стремленіяхъ. Разбирая эту пьесу, Ж. Жаненъ рекомендовалъ Скрибу написать ужъ заодно водевилъ изъ новооткры-

таго дѣйствія эфира, который, какъ извѣстно, поражаетъ человѣка на нѣсколько минутъ совершенной безчувственностью. Дѣйствительно, комбинацій, при этомъ случаѣ, можетъ быть очень много, и даже моему уму, весьма мало драматическому, представляется нѣсколько, крайне обольстительныхъ. Здѣсь у мѣста сказать, что это открытiе, изволновавши весь ученый мiръ и нынѣ почти единогласно признанное (Мажанди сомнѣнiя всѣ опровергнуты) однимъ изъ благодѣтельныхъ дѣлъ для человѣчества, встрѣчено было въ ученомъ сѣлетонѣ National сильными нападками и опять изъ принципа закованной морали: вѣдь эфиръ есть, такъ сказать, аристократiя водки, то употребленiе безразсуднаго средства, какъ пособiя, не должно быть допущено. Право, выходитъ изъ этихъ статей, что лучше человѣчеству умереть въ мученiяхъ подъ ножомъ оператора, да только съ убѣжденiемъ, что во рту никогда хмельного не было. Если, съ одной стороны, отвратительное зрѣлище представляетъ презрѣнiе къ своему достоинству, продажа себя и своихъ убѣжденiй, то, съ другой, и эта исключительность людей съ язвами возбуждаетъ жалость. Мѣжду тѣмъ, я самъ, собственной особой, въ присутствiи одного изъ лучшихъ парижскихъ докторовъ, вдыхалъ эфиръ изъ красиваго сосуда съ трубочкой, похожаго на кальянъ, и думаю, вы не почтете меня за это чудовищемъ разврата. Дѣйствiе эфира на тѣхъ, которые достойны принять его (говорятъ есть люди сопротивляющiеся его влiянiю, но для нихъ уже изобрѣтается новая крѣпчайшая химическая комбинацiя), болѣею частью мгновенно. Съ необычайной скоростью переноситъ онъ васъ къ самому высшему градусу опьяненiя, минуя вдругъ всѣ тѣ болѣе или менѣе шотландскiя ступени, по которымъ проходитъ обыкновенный винный хмель. Послѣ нѣсколькихъ глотковъ эфира, произведшихъ сперва во мнѣ перхоту, скоро, однакожъ, отстраненную имъ самимъ, именно черезъ двѣ минуты, почувствовалъ я онѣмѣнiе въ ногахъ, сильное бiенiе сердца и пульса. Голова моя не закружилась, а помрачилась, обильный потъ выступилъ по всему тѣлу. Разница между влiянiями эфира и винныхъ паровъ состоитъ въ томъ, что первый не обезображиваетъ сознание, а только отнимаетъ его; сходство, можетъ быть, состоитъ въ томъ, что послѣ перваго отвращенiя наступаетъ роль влеченiя и неудержимой наклонности. Въ эфирѣ фактъ этотъ особенно замѣчается на женщинахъ и дѣвушкахъ. При сильныхъ вдыханiяхъ изъ проводника, со стиснутымъ особенными щипчиками носомъ и уже со всѣми форменными признаками сильнаго опьяненiя, я видѣлъ ясно вокругъ себя и даже очень хорошо чувствовалъ; что еще пять или десять глотковъ погружатъ меня непременно въ сонъ, который и долженъ перейти въ совершенное опѣненiе. Въ это время докторъ, державшiй все время пульсъ мой, снялъ щипчики съ моего носа и отодвинулъ инструментъ, не желая вѣроятно приводить меня понапрасну въ состоянiе крота или, можетъ быть, боясь огорчить меня, лишивъ на нѣсколько мгновенiй чувствительности, столь необходимой моему сердцу! Замѣчательно, что также скоро пропадаетъ обонiе этихъ испа-

репій, какъ быстро пришло оно. Два или три сильныхъ вздоха освободили меня совершенно отъ всего: остались только слабость во всѣхъ членахъ, легкое колотье у сердца, да и тѣ черезъ полчаса со всѣмъ пропали. Такъ вотъ такъ-то!

Остальные театры не любопытны, исключая Théâtre-Français съ его донъ-Хуаномъ Мольера, окруженнымъ великолѣпнѣйшею обстановкой. Это гениальное въ первыхъ 4-хъ актахъ своикъ произведение заслуживаетъ порядочнаго разговора, и о немъ когданибудь послѣ. Всѣ первые сюжеты, театровъ *Variétés* и *Vaudeville* — *Буфъ*, *Ариалъ*, *Дюказе*, были чувствительно обижены со стороны авторовъ и вращаясь въ роляхъ, какъ будто нарочно сдѣланныхъ для того, чтобы закрыть ихъ достоинства. Если случится на оборотъ, не премини утѣдомить. Театръ *Porte St.-Martin* безъ *Фредерика Леметра*, который въ отпуску; *Ambigu* судорожно держится за свою доходную *Closerie des gendts*, а *Gaité* далъ мелодрану Анисе Буржуа *Mystère de carnaval*, гдѣ шутовство маскарада развивается рядомъ съ самымъ невозможнымъ преступленіемъ, такъ что масляница безпрестанно встрѣчается съ предчувствіемъ эшафота, производя этимъ уничтожающіе эффекты. Нѣсколько разъ слышался стоиъ ужаса въ партерѣ. Впрочемъ, какъ же и легко надуть ужасомъ эту добрую публику, приходящую въ театръ съ добродушною готовностію благодарно принимать рѣшительно все, что подастъ авторъ. Пустите, придравшись къ чемунибудь, отца съ ножомъ на сына — будетъ ужасъ. Держите этотъ ужасъ часокъ времени на одномъ мѣстѣ, потомъ растворите заднія двери на сценѣ и велите крикнуть первому встрѣчному и безъ всякой причины: «сынъ, защищайся: это не отецъ твой!» — будетъ радость и шумный аплодисментъ. Такъ великій знатокъ челоуѣческаго сердца *Анисе Буржуа* и сдѣлалъ. Гораздо хуже, что прогулка масляничнаго быка не удалась: оба дня шелъ проливной дождь. Сердце разрывалось отъ горести, при видѣ этого почтеннаго быка съ золотыми рогами, предшествуемаго рыцарями, мускатерами и жертвоприносителями, сопровождаемаго колесницей боговъ, богинь, гениевъ и обливаемаго дождемъ! Онъ походилъ на профессора, говорящаго рѣчь, при погребеніи, въ дурную погоду. Вечеромъ послѣдняго дня масляницы, *mardi gras*, самъ «президентъ» изъ драмы «Коварство-Любовь» пролилъ бы слезы при зрѣлищѣ, какое представляли мокрые бульвары. Тутъ гремѣли три бала, свѣтъ былъ отъ площадъ и газовыхъ этажерокъ, а на тротуарахъ кричали замаскированныя гризетки, придерживая одной рукой широкіе мужскіе свои шальвары, а другой несчастный зонтъ, выбиваемый вѣтромъ. Нѣкоторымъ подавалъ я руку, и онѣ позволяли вести себя, куда угодно: такъ справедливо, что горе умягчаетъ сердце челоуѣка! Прощайте....

ПИСЬМА ИЗЪ БЕРЛИНА. (Письмо первое, 1-го марта н. ст., 1847)

.....Вы желаете услышать отъ меня нѣсколько берлинскихъ новостей... Но что прикажете сказать о городѣ, гдѣ встаютъ въ 6 часовъ

утра, обладаютъ въ 2, и ложатся спать гораздо прежде куриць, о городѣ, гдѣ въ 10 часовъ вечера одни меланхолическіе и нагруженные пивомъ ночные сторожа скитаются по пустымъ улицамъ, да какойнибудь буйный и подгулявшій Нѣмецъ идетъ изъ Тиргартена — и у бранденбургскихъ воротъ тщательно гаситъ свою сигарку, ибо «нѣмецъъ передъ закономъ?» — Шутки въ сторону, Берлинъ — до сихъ поръ еще не столица; по крайней мѣрѣ, столичной жизни въ этомъ городѣ нѣтъ и слѣда, хотя вы, побывши въ немъ, все таки чувствуете, что находитесь въ одномъ изъ центровъ или фокусовъ европейскаго движенія. Наружность Берлина не измѣнилась съ 40-го года (одни Петербургъ растутъ не по днямъ, а по часамъ); но большія внутреннія перемѣны совершились. Начнемъ, наприм. съ университета. Помните ли восторженные описанія лекцій Вердера, ночной серенады подь его окнами, его рѣчей, студенческихъ слезъ и криковъ? Помните? Ну, такъ смотрите же, помните хорошенько, потому что здѣсь всѣ эти невинныя протѣлки давнымъ давно позабыты. — Участіе, нѣкогда возбуждаемое въ юныхъ и старыхъ сердцахъ чисто-спекулятивной философіей, исчезло совершенно — по крайней мѣрѣ въ юныхъ сердцахъ. Въ 40-мъ году съ волненіемъ ожидали Шеллинга, шикали съ ожесточеніемъ на первой лекціи Шталя, воодушевлялись при одномъ имени Вердера, воспалялись отъ Беттины, съ благоговѣніемъ слушали Стеффенса; теперь же на лекціи Шталя никто не ходитъ, Шеллингъ умолкъ, Стеффенсъ умеръ, Беттина перестала красить свои волосы... Одинъ Вердеръ съ прежнимъ жаромъ комментируетъ логику Гегеля, не упуская случая приводить стихи изъ 2-й части Фауста; но увы! — передъ тремя слушателями, изъ которыхъ только одинъ Нѣмецъ, и тотъ изъ Помераніи. Что я говорю! Даже та юная, новая школа, которая такъ смѣло, съ такой увѣренностью въ свою несокрушимость, подняла тогда свое знамя, даже та школа успѣла исчезнуть изъ памяти людей. Бруно Бауеръ живетъ здѣсь, но никто его не видитъ, никто о немъ не слышитъ; на дняхъ я встрѣтилъ въ концертѣ человѣчка прилизаннаго и печально-смиренаго... Это былъ Максъ Штирнеръ. Впрочемъ, понятно, почему ихъ забыли; Фейербахъ не забыть, напротивъ! — Повторяю: литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни — кажется, кончена. Въ послѣднее время, вы знаете, богословскія распри сильно волновали нѣмецкія души... Законное существованіе «нѣмецкихъ католиковъ» (Deutsch-Katholiken) наконецъ признано; до сихъ поръ еще не рѣшенъ споръ о непріятіи д-ра Руина (нѣмецкаго католика) въ Общество Густава-Адольфа (Gustav Adolfs-Verein), учрежденное для поддержанія протестантскихъ приходовъ въ католическихъ земляхъ, хотя общее мнѣніе выразилось въ пользу Руина... Геймстембергъ все еще хлопочетъ о пріивітіи кальвинизма къ евангелическому вѣроисповѣданію... Такъ; но вы ошибаетесь, если примете всѣ эти движенія, споры и распри за чисто богословскіе; подь этими вопросами таятся другіе... Дѣло идетъ объ

ной борьбѣ. Вы легко можете себя представить, какіе смѣшныя и странныя виды принимаетъ иногда, говоря словами Гегеля, *Logos* (или Мысль, или Духъ, или прогрессъ, или человечество — названій много въ вашемъ распоряженіи), добросовѣстно, медленно и тяжело развиваемый германскими умами... но отъ смѣшного до великаго тоже одинъ шагъ... Особенно теперь всё здѣсь исполнено ожиданья...

На дняхъ появилась здѣсь книга пресмѣшная и претяжелая, впрочемъ, очень строгая и сердитая, нѣкоего г. Засса; онъ разбираетъ берлинскую жизнь по частичкамъ, и за недостаткомъ другихъ «элементовъ или моментовъ» общественности, съ важностью характеризуетъ здѣшнія главныя кондитерскія... Первое изданіе этой книги уже разошлось. Это — фактъ замѣчательный. Онъ показываетъ, до какой степени Берлинцы рады критическому разбору своей общественной жизни, и какъ имъ бы хотѣлось другой...

Искусство здѣсь — увь!.. Представители искусства въ Берлинѣ всё старики (Корнелиусъ, Раухъ, ваятель Тигъ, Шадовъ, Бегасъ — уже ветераны); отъ нихъ произведеній вѣтъ холодомъ и смертью, смертью уже потому, что они почти всё заняты сооруженіемъ и украшеніемъ могильныхъ склеповъ, надгробныхъ и другихъ памятниковъ. Возлѣ собора воздвигается «*Santo Santo*» на манеръ итальянскихъ (какъ напр. въ Пизѣ, Болонѣ); Корнелиусу заказаны фрески... Я видѣлъ нѣкоторые изъ нихъ. Ихъ безъ особаго комментарія понять нельзя; композиція иногда довольно удачна, но Корнелиусъ *презираетъ* колоритъ — и, какъ почти всё нынѣшніе художники, — электикъ, аллегористъ и подражатель, хотя видно, что ему очень бы хотѣлось быть оригинальнымъ. — «*Ich trinke gegn aus dem frischen Quell.*», говоритъ Гете, т. е., я лучше пойду любоваться фресками Микель-Анджело или Оркани... Чтѣ мнѣ изъ этого «плѣнной мысли раздраженья»? — Со времени моего пребыванія здѣсь, фасадъ музеума раскрасили альфреско и довольно плохо, нечего сказать. Тутъ же поставили «Амазонку» Кисса; эта группа очень хороша, особенно лошадь. Новыхъ зданій въ Берлинѣ не видать. Театръ перестроенъ, послѣ пожара 1843 года. Онъ отдѣланъ очень, даже слишкомъ богато, но во многомъ грѣшитъ противу вкуса. Въ особенности непріятны искривленные статуи à la Vergini, поставленные между главными ложами. Приторно-сладкій, голубоватый фонъ картинъ на потолкѣ — тоже вредитъ общему впечатлѣнію. Надъ сценой находятся портреты четырехъ главныхъ нѣмецкихъ композиторовъ: Бетговена, Моцарта, Вебера и Глука... Грустно думать, что первые два жили и умерли въ бѣдности (могила Моцарта даже неизвѣстна), а Веберъ и Глукъ нашли себя пріютъ въ чужихъ земляхъ, одинъ въ Англии, другой во Франціи. — Я съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ и услышалъ снова Вярдо. Голосъ ея не только не ослабѣлъ, напротивъ, усилился; — въ «Гугенотахъ» она превосходна и возбуждаетъ здѣсь фуроръ. — Знаменитая Черито тоже здѣсь. Она очень мила, но до Талиони, до Эльслеръ, даже до Кар-

лотты Гривн, ей, «какъ до звѣзды небесной», далеко. — Дрейшокъ далъ здѣсь два концерта: это барабанщикъ, а не піанистъ; но техника его изумительна.

Здѣсь съ прошлаго года существуетъ заведеніе, котораго не достаётъ въ Петербургѣ. Это огромный кабинетъ для чтенія съ 600-ми (говору — шестьюстами) журналами. — Изъ нихъ разумѣется двѣ трети (почти всѣ нѣмецкіе) очень плохи; но все таки нельзя не отдать полной справедливости учредителю. — Нѣмецкая журналистика дѣйствительно теперь никуда не годится.

Вотъ пока все, что я могу вамъ сообщить любопытнаго. Повторяю: я нашелъ въ Берлинѣ переимѣну большую, коренную, но незамѣтную для поверхностнаго наблюдателя: здѣсь какъ будто ждуть чего-то, всѣ глядятъ впередъ; но «пивныя мѣстности» (Bier-Localen, такъ называются комнаты, гдѣ пьютъ этотъ недостойный и гнусный напитокъ) также наполняются тѣми же лицами; извозчики носятъ тѣже неестественныя шапки; офицеры также бѣлокуры и длинные и также небрежно выговариваютъ букву р; все, кажется, идетъ по старому. Одни Eckensteher (комисіонеры) исчезли, извѣстные своими оригинальными островами. Цивилизація ихъ стубила. Сверхъ того, завелись омнибусы, да нѣкто г-нъ Кохъ показываетъ странное допотопное чудище — Hudgarchos, которое, по всей вѣроятности, мыталось акулами и китами. Да еще — чуть было не забылъъ въ «Тиргартенѣ» другой индивидуумъ, по прозванію Кроль, выстроилъ огромнѣйшее зданіе, гдѣ каждую недѣлю добрые Нѣмцы собираются сотнями и торжественно ѣдятъ (halten ein Festessen) въ честь какаго нибудь достопамятнаго происшествія или лица, лейпцигскаго сраженія, изобрѣтенія книгопечатанія, Ронге, Семилѣтней войны, столпотворенія, мірозданія, Блюхера и другихъ допотопныхъ явленій.

Въ слѣдующемъ письмѣ я вамъ еще кой-что расскажу о Берлинѣ; о многомъ я даже не упомянуть... но не все же разомъ.

Т.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Нѣсколько словъ о современной филантропіи. — Общество посѣщенія бѣдныхъ просителей въ Петербургѣ. — Пожертвованія. — Домъ для убогихъ и шитихъ въ Москвѣ. — Извлеченіе изъ отчетовъ частной глазной и ушной лечебницы д-ра Штрауха и петербургской частной глазной лечебницы. — Операніи проф. Пирогова, при помощи сѣрнаго эѳира. — Школа московскаго благотворительнаго общества 1837 года. — Воскресные классы въ селѣ Ивановѣ. — Приютъ для слухавовъ. — Выставка сельскихъ произведеній въ с. Боголюбовѣ. — О добычѣ золота на Уралѣ. — Мѣщанское сословіе въ Москвѣ. — Различныя мнѣнія объ условіяхъ хорошаго управленія и объ отношеніяхъ его къ крестьянамъ. — Литературныя и музыкальныя извѣстія.

Одинъ изъ самыхъ живыхъ и безпокойныхъ вопросовъ, которые въ-ходу въ современномъ обществѣ, это вопросъ о благотворительности. Но до сихъ поръ существуетъ много спорныхъ мнѣнй о сущности и значеніи благотворительности, о томъ, какъ должно дѣйствовать на бѣдныхъ и какъ изыскивать средства къ оказанію имъ помощи.

Вопросъ этотъ интересенъ для каждаго, притомъ и говорить объ немъ можетъ каждый, потому-что данныя для разрѣшенія его заключены въ явленіяхъ ежедневной жизни. Стоить только пристально всматриваться въ то, что около насъ дѣлается, для того, чтобы убѣдиться, съ одной стороны, въ близорукости и самообольщеніи большей части патентованныхъ и превозглашенныхъ филантроповъ, въ недостаточности признанныхъ и приведенныхъ въ извѣстности мѣръ къ искорененію бѣдности, а съ другой стороны, въ возможности найти болѣе широкія, болѣе общія, болѣе радикальныя средства къ водворенію благосостоянія въ классѣ людей немущихъ и страждущихъ.

Въ этомъ очень легко удостовѣриться. Лучшее доказательство того, что пришло время подумать о бѣдныхъ, заключается въ томъ, что вопросъ о бѣдности интересуется всѣхъ, что слово филантропія вращается праздно на языкѣ каждаго свѣтскаго болтуна и болѣзненно отзывается въ сердцѣ человѣка любящаго и мыслящаго. Съ тѣхъ поръ, какъ личность человѣка, какъ человѣка, уважается выше всего, и пересталъ человѣкъ опредѣляться той ячейкой, въ которой суждено ему вращаться цѣлый вѣкъ, тѣми правами, которыя укрѣплены за нимъ рожденіемъ, и получила дѣятельность его больше простора, — съ тѣхъ поръ, очевидно, невыносимо сдѣлалось для людей здоровыхъ и обезпеченныхъ зрѣлище безпріютности и необразованности существа имъ подобнаго. Современный человѣкъ, живущій въ довольствѣ и могуществѣ, перестаетъ быть спокоенъ и доволенъ, видя нищаго и больного, потому-что, признавая за нимъ, охотно или неохотно, сердцемъ или умомъ, все равно, всѣ права на обезпеченность и неприкосновенность, и видя въ положеніи его нарушеніе правъ личности, онъ перестаетъ вѣрить въ дѣйствительность и прочность своего привольнаго, спокойнаго положенія въ обществѣ.

Этотъ фактъ признаетъ каждый задававшій себѣ вопросъ: отъ-чего невольно содрагаешься или, по крайней мѣрѣ, морщишься, при зрѣлищѣ бѣдности? Этому же человѣка довольнаго, здороваго, однимъ словомъ, удовлетвореннаго, процвѣтающаго, наиболѣе страдаетъ въ тѣ минуты, когда онъ поставленъ лицомъ къ лицу съ убитымъ горемъ, больнымъ, нуждающимся, бѣдствующимъ.

Странно было бы кому нибудь начать доказывать, что послѣдній изъ людей, невѣжественный, убогій, правдный, нищій—все таки человѣкъ, все таки имѣетъ право на жизнь, а следовательно, и на наслажденіе. Это всѣ знаютъ про себя и молчатъ именно потому, что чувствуютъ справедливость этой мысли, а привести въ исполненіе эту

мысль, оправдать на дѣлѣ свое убѣжденіе, потянуть кончикъ тревожнаго вопроса какъ-то страшно. Отъ этого и стараются загородить себя отъ мучительныхъ зловѣщихъ грезъ, которыя невольно пробуждаются послѣ встрѣчи съ бѣднякомъ. Чѣмъ же убивать въ себѣ нудящее горе? будемъ дѣлать добро, по крайнему разумѣнію (т. е. не проводя въ своихъ дѣйствіяхъ той мысли, которая должна быть положена въ основаніе филантропін), будемъ помогать беззаботно, не мудрствуя лукаво. Дѣятельность филантроповъ отъ-того и ничтожна, что большинство общества старается разсѣять мысль о бѣдности, и только малое число людей, которымъ умственное развитіе и матеріальное благосостояніе не помѣшали остаться людьми по преимуществу, поступаютъ иначе. Утѣшительно то, что съ каждымъ днемъ небольшой кругъ людей, занятыхъ великимъ дѣломъ благотворительности, увеличивается; утѣшительно то, что немногіе, надѣленные положительными средствами къ благотворенію, протягиваютъ руку каждому готовому участвовать временемъ, способностями и малой собственностью въ служеніи страждущему человечеству,—что призываютъ на это поприще молодое поколѣніе, живое, впечатлительное и не закостѣвшее въ равнодушіи и невѣрїи къ воплю и рубищу,—что эти немногіе, пребывавшіе въ дружественныхъ отношеніяхъ съ большинствомъ людей безучастныхъ къ чужимъ страданіямъ, такъ или иначе вырываютъ у нихъ лептъ въ пользу добраго дѣла. Но и въ этой средѣ благородныхъ дѣателей многіе ли хорошо понимаютъ, за что они взялись?

Вопервыхъ, очень многіе до сихъ поръ пребываютъ въ наивномъ убѣжденіи, что благотворительность заключается въ *далнѣи есмь прослѣдимъ*, встрѣчному и поперечному, не задавая себѣ вопроса ни о превратныхъ послѣдствіяхъ посылныхъ далнѣи, ни о необходимости организациі благотворительнаго общества. Другіе понимаютъ филантропію, какъ изысканіе средствъ — какъ можно болѣе помогать бѣднымъ, и на этомъ основаніи отыскиваютъ бѣдныхъ, дѣлаютъ различіе между ними, смотря по степени ихъ нуждъ и страданій, наблюдаютъ за ихъ поведеніемъ, и проч. и проч. Хотя такой взглядъ гораздо основательнѣе перваго, но несмотря на то, приверженцы этого мнѣнія весьма легко впадаютъ въ оптимизмъ; соберутъ нѣсколько тысячъ рублей, надѣлятъ ими нѣсколько семействъ, а главное, прольютъ много слезъ отъ умиленія и жалости, при видѣ приварѣнныхъ ими несчастливцевъ, и имъ кажется, что цѣль достигнута, что формула, долженствующая руководить всѣми дѣйствіями ихъ, найдена; возросъ капиталъ до значительной цифры, удалось имъ образовать изъ своего кружка сколько нибудь стройный комитетъ, сейчасъ несчастный формализмъ пускаетъ свой пагубный ростокъ въ нѣдрахъ возникающаго общества, и поневолѣ вспомнишь слова Гоголя: «Готовность всякую минуту есть, пожалуй, на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и нивѣсть какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Мо-

жесть быть, это происходит отъ-того, что мы вдругъ удовлетворяемъ въ самомъ началѣ и уже почитаемъ, что все сдѣлано.

Поэтому прежде всего надобно уяснить себѣ вопросы: что такое бѣдный? что такое помощь бѣдному? что такое истинная сострада-тельность и человеколюбіе? и наконецъ, въ чемъ заключается ясное и самое явное средство улучшения участи бѣдныхъ?

Обыкновенно называютъ бѣдными оборваннаго, больного, калечнаго, обремененнаго семействомъ, стараго, малолѣтняго. Конечно, вопіющія данныя говорить въ пользу такихъ бѣдныхъ. Но слишкомъ недалководивенъ тотъ, кто ограничивается въ сужденіи о бѣдности чело-вѣка только этими данными, не принимая въ расчетъ другихъ, не менѣ важныхъ признаковъ, по которымъ, можетъ быть, съ большею вѣрностью можно заключать о счастьи или бѣдствіяхъ чело-вѣка. Вмѣсто того, чтобы принимать мѣриломъ, при опредѣленіи степени несча-стія чело-вѣка, его изношенное платье, темную кануру и болѣзненное лицо; иными словами: вмѣсто того, чтобы въ своихъ благотвори-тельныхъ подвигахъ руководиться первымъ впечатлѣніемъ, произ-водимымъ на васъ зрѣлищемъ недостатка и болѣзни, — не го-раздо ли лучше заглянуть поглубже въ бытъ людей, еще не доведенныхъ до послѣдней крайности, научиться въ-пору и во-вре-мя распознавать начало той внутренней драмы — борьбы съ нуждою, которая губить и точить чело-вѣка, еще не дошедшаго до послѣдней крайности и часто доводитъ его до самаго бѣдственнаго положенія? Чтобы судить о бѣдности чело-вѣка съ возможной справедливостью, необходимо принять въ расчетъ всѣ обстоятельства, подъ влияніемъ которыхъ онъ развивался, изучить всѣ тѣ потребности, отъ неудов-летворенія которыхъ нарушается равновѣсіе его природы и близится онъ къ нравственному упадку. У много много потребностей, у дру-гого ихъ меньше. Два чело-вѣка живутъ вмѣстѣ, пользуются одинаки-ми правами въ обществѣ, источники существованія у нихъ одни и тѣже, родъ занятія одинъ и тотъ же, а между тѣмъ, одинъ изъ нихъ страдаетъ, другой совершенно доволенъ. Не ясно ли, что первый го-раздо бѣднѣе второго?

Кто не знаетъ, какъ часто чело-вѣкъ платитъ тяжкую дань своимъ условнымъ понятіямъ о причинѣ и условномъ благородствѣ? Низвер-гнуть этихъ понятій онъ не можетъ. они слѣдствіе полученнаго имъ воспитанія. Онъ терзается отъ нужды, онъ радъ бы пойти пилить дрова или разносить афиши, для того, чтобы реставрировать по-блѣвшій по швамъ вицъ-мундиръ и, можетъ быть, и накопить и обути голодное, заблужденное семейство, но мысль о его происхожденіи сидитъ въ немъ тяжелымъ гвоздемъ, и отвергаетъ онъ всякое выгодное част-ное мѣсто въ ожиданіи вакансіи на скучную должность въ департа-ментѣ. По ночамъ насиживаетъ онъ себѣ чахотку, тайкомъ переписывая бумаги, и занимаетъ подъ залогъ послѣднихъ вещей день-ги, занимается на честное слово у знакомыхъ, изощряетъ слогъ въ со-чиненіи трогательныхъ, но все таки благородныхъ, именъ о посо-

бш.... И чахнетъ онъ тѣломъ, и тускнѣетъ его умъ, и становится онъ мраченъ, запуганъ, ничтоженъ, а подь-часъ готовъ и на дѣло не со-всѣмъ чистое!

Сколько, опять, есть такихъ людей, которые слывуть за сильныхъ, здоровыхъ, способныхъ, и потому нѣтъ имъ мѣста въ спискахъ благотворительнаго комитета, а между тѣмъ, эти люди и болѣе, чѣмъ кто нибудь, нуждаются въ пособіи всякаго рода, начиная съ обязательной выдачи столькихъ-то рублей до облегченія стѣсненной и убитой души ихъ живительной дружеской бесѣдой! Предоставьте такого человѣка самому себѣ, пусть самъ выпутывается изъ трущобы, куда загнало его внезапное горе, можетъ быть, не видное, не прописанное въ паспортѣ, которое и высказать трудно.... и не пройдетъ полугода, этотъ человѣкъ подойдетъ подь категорію нуждающихся въ больницѣ, а чего добраго, и въ полицейскомъ надзорѣ. — Наконецъ, кто не знаетъ, кто не согласится, что въ жизни весьма, по видимому, порядочныхъ и достаточныхъ людей бываетъ безчисленное множество такихъ обстоятельствъ, которыя доводятъ ихъ совершенно неожиданно до гибели. Достаточно задать себѣ вопросъ: что такое семейство? — что творится иногда въ семействахъ? Каково образованіе двухъ-третьей патриарховъ, которые воспитываютъ и лелѣютъ, каждый по-своему, чадъ своихъ и готовятъ имъ будущность, объ которой страшно и подумать.... И всего тяжелѣе становится, когда подумаешь, что въ числѣ людей, лишенныхъ права возвысить голосъ о помощи и въ тоже время придавленныхъ нуждой, часто отъ недостатка практической бойкости и сваровки и опытности въ житейскихъ сдѣлкахъ, гибнетъ человѣкъ съ талантомъ, мощнымъ и прекраснымъ, гибнетъ не узанный, не признанный, часто униженный обиднымъ прозваньемъ празднаго-лѣнница, безнравственнаго мечтателя!...

Кажется, нельзя не согласиться, что важнѣе сберечь отъ бѣдствій и преступленій существо, начинающее жизнь, нежели съ самодовольствомъ выполнять роль гробовщиковъ и сестеръ милосердія, подготавливая отходящимъ изъ міра, полуразрушеннымъ и падшимъ нравственно — пенсіи и помѣщенія!... И тѣмъ болѣе неосновательно забывать людей живой половины общества, обреченныхъ на тяжкій трудъ и безпрестанныя испытанія, — что, оказавъ имъ прямую, положительную помощь въ критическую минуту ихъ жизни, общество приобрѣло бы новыхъ полезныхъ дѣателей, сильныя руки, свѣжія головы, людей, готовыхъ, въ свою очередь служить, страждущимъ и немощнымъ.

Филантропическія стремленія современнаго общества — дѣло прекрасное и доброе, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и странно было бы порицать благородное усиліе людей, поставившихъ себѣ задачею отыскивать бѣдняковъ и помогать имъ, на сколько хватаетъ средствъ. Люди эти имѣютъ полное право на уваженіе и благодарность каждаго порядочнаго человѣка. Но странно было бы не согласиться, что всякое добровольное служеніе обществу способно принести не ме-

нѣ, если не гораздо болѣе пользы бѣднымъ. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, что частная благотворительность тогда только получить высокое значеніе, когда лица, посвятившія себя этой дѣятельности, будутъ руководствоваться тою мыслію, что предупрежденіе бѣдности дѣло столь же великое, какъ и призрѣніе нищихъ, — что вывести изъ онута житейскихъ дразговъ человѣка съ свѣтлымъ умомъ и добросю волею, дать средства развиться молодому таланту, поощрять смышленнаго ремесленника, поддержать его во-время совѣтомъ и капиталомъ, можетъ быть, гораздо важнѣе, нежели подвизаться въ раздачѣ пятачковъ убогой братіи!

Намъ могутъ возразить на все это — чегожъ вы хотите? Откуда же взять средствъ, чтобы поддержать роскошь эпикурейца, впаваго въ уныніе отъ-того, что у него не хватаетъ денегъ на щегольскую мебель и лакомый обѣдъ? Какимъ образомъ наводить справки о способностяхъ, добродѣтеляхъ людей безмолвно-страждущихъ и только угрожаемыхъ нищетою? По чьимъ показаніямъ составлять біографіи этихъ неузнанныхъ героев добродѣтели? Не гораздо ли болѣе нечтательности въ этихъ мнѣніяхъ, нежели въ простомъ и всѣмъ понятномъ способѣ раздачи милостыни?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Ясно, что всего золота Сибири не достанетъ для обогащенія нищему классу, — что какъ бы ни сильна была энергія частнаго человѣка, никогда онъ не осуществитъ и сотой доли высказанныхъ нами предположеній, если орудіемъ его дѣйствій не будетъ общество, правильно устроенное и возникшее на основаніи глубокаго убѣжденія въ необходимости радикальныхъ мѣръ къ исцѣленію общественныхъ недуговъ.

А эти радикальныя мѣры очевидно состоятъ въ неусыпной заботливости и воспитаніи дѣтей всѣхъ классовъ, всѣхъ состояній, въ приговлєніи новой генерации людей практическихъ, здоровыхъ и здраво-мыслящихъ, свободныхъ отъ предрассудковъ, твердыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ.... людей, между которыми нельзя бы было допустить человѣка, неуважающаго правъ личности и равнодушнаго къ страданіямъ ближняго.

Эти радикальныя мѣры, съ другой стороны, вызываютъ учрежденіе больницъ, въ которыхъ бы бѣднякъ могъ пользоваться всѣми средствами, необходимыми для полнаго его излеченія, и въ то же время не страдалъ бы ни отъ грубаго обращенія, ни отъ безпокойства о томъ, что станетъ съ нимъ по выходѣ изъ больницы.

Эти мѣры состоятъ, между прочимъ, въ челоѣколюбивомъ и основательномъ управленіи имѣній, во введеніи въ селеніяхъ правильнаго хозяйства. Эти мѣры выразились бы въ учрежденіи мастерскихъ и пріютовъ для ремесленниковъ, ищущихъ работы и томлящихся гдѣ нибудь на квартирѣ, безъ мѣста и безъ хлѣба, — въ учрежденіи выставокъ произведеній, которыхъ бѣдному мастеру не гдѣ держать, не кому продать, за сколько нибудь выгодную цѣну, — въ установленіи поощрительныхъ премій за отличныя издѣлія по всѣмъ от-

расламъ промышленности, — конкурсовъ для художниковъ, — сберегательныхъ кассъ и въ изысканіи тысячи другихъ способовъ предупредить зло, готовое разразиться надъ головою бѣдняка.

И тѣмъ несомнѣннѣе успѣхъ въ подобномъ дѣлѣ, что почти всѣ исчисленныя мѣры уже принялись на русской почвѣ, благодаря неусыпной попечительности Правительства о бѣдныхъ классахъ. Остается пожелать, чтобы сознаніе прямыхъ общественныхъ интересовъ вызвало способныхъ и благомыслящихъ людей на совершеніе подвига, необходимость котораго выражается въ потребности настоящаго времени и въ общемъ говорѣ о филантропіи.

Общество посѣщенія бѣдныхъ проситалей въ Петербургѣ можетъ служить примѣромъ, какъ много можно сдѣлать хорошаго, взявшись за дѣло на основаніи зрѣло обдуманной идеи и твердаго убѣжденія въ пользѣ, которую должно принести предпріятіе.

Представляемъ еще нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ сознаніи большинства развилось уже убѣжденіе въ необходимости всѣми силами поддерживать бѣдный классъ, и что въ настоящую минуту вся задача филантропіи состоитъ въ составленіи плана разумной организаціи благотворительныхъ учреждений.

— 23 февраля назначено открытіе выставки ежегодной лотереи въ пользу дѣтскихъ приютовъ. Выставки эти украшены приношеніями Высочайшихъ особъ Императорской фамиліи, работами дамъ знатныхъ фамилій и значительнымъ числомъ вещей, нарочно для того выписанныхъ изъ за-границы по распоряженію совѣта дѣтскихъ приютовъ. Залы выставки открыты для посѣтителей ежедневно отъ 10 часовъ утра до 6 ч. вечера. Выигрыши присылаются на имя предсѣдательницы совѣта, гр. Ю. П. Строгановой; цѣна билета на лотерею — 75 коп. сер.

— Въ Польшѣ благотворительность также нашла отголосокъ. Г.г. Понятовскій, Васильковскій и Кульчицкій пожертвовали для бѣдныхъ слѣшкомъ 284,000 польскихъ гульденовъ. Общество для вспоможенія бѣднымъ музыкантамъ, основанное въ 1837 году и состоящее въ настоящее время изъ 100 членовъ, получило подтвержденіе своихъ статутровъ. Оно имѣетъ до 44,000 гульденовъ капитала и оказываетъ пособіе семи человѣкамъ. — Варшавское общество благотворительности расширило кругъ своихъ дѣйствій и открыло сельмой приютъ.

— Имп. Моск. человеколюбивое общество предполагаетъ устроить помѣщеніе для 600 человѣкъ обоюдо пола, мнимогающихъ отъ нищеты и болѣзней. Подписка на это благое дѣло открыта была въ 1844 году; до сихъ поръ собрано — только 18,700 руб. серебромъ.

— Представляемъ слѣдующія данныя изъ отчета частной глазной и ушной лечебницы доктора Штрауха.

Въ продолженіи 1846 года, число больныхъ глазами, приходившихъ въ лечебницу, простиралось до 1,259 человѣкъ. Въ самую больницю принято было 120 человѣкъ, изъ нихъ совершенно излечились 98 человѣкъ. Операцийъ глазныхъ сдѣлано 100, не считая маловажныхъ.

Страдавшихъ ушами приходило до 1,271. Изъ нихъ выздоровѣло совершенно 839. Важныхъ операцій ушныхъ сдѣлано 66.

— Въ петербургской частной глазной лечебницѣ въ теченіи послѣднихъ четырехъ мѣсяцовъ 1846 года пользовалось 1916 человекъ; принято въ больницу 169 человекъ, оставалось отъ прежней трети 50 человекъ; изъ нихъ выздоровѣло совершенно 164 человека. Значительныхъ операцій сдѣлано 192.

— 14 февраля, въ здѣшнемъ второмъ сухопутномъ госпиталѣ, произведена безъ боли операція отнятія женской правой груди, при помощи вдыханія воздуха, насыщеннаго парами сѣрнаго эфира. Операцію совершилъ профессоръ medico-хирургической академіи, Н. И. Пироговъ. Приборъ, употребленный для вдыханія паровъ, сдѣлалъ инструментальный мастеръ Роохъ, по модели Шаріера. Операція увѣчалась полнымъ успѣхомъ. Собственно отнятіе груди продолжалось полторы минуты. Больная не чувствовала никакой боли и, пришедши въ себя, не хотѣла вѣрить, что ей отняли грудь. Кровотеченіе, противъ обыкновеннаго, было незначительное. Больная послѣ операціи хорошо провела слѣдующую затѣмъ ночь и вообще оставалась въ удовлетворительномъ состояніи.

Въ тотъ же день, въ томъ же госпиталѣ, г. Пироговымъ произведена равно успѣшная операція надъ мужчиною. 16 февраля, г. Пироговъ сдѣлалъ двѣ операціи по новому способу въ Обуховской больницѣ. Также совершенно нѣсколько подобныхъ операцій при первомъ Военно-сухопутномъ госпиталѣ.

Вотъ факты истинной сознательной любви къ человѣчеству. Какъ бы хорошо было, если бы мечтательные благолюбцы, отыскивающие средства благотворить человѣчеству, убѣдились, что подъ хирургическимъ ножомъ знаменитаго профессора рѣшался вопросъ потрудитѣ тѣхъ, которые задаютъ они другъ другу на совѣщаніяхъ о призрѣніи бѣдныхъ! То былъ вопросъ о жизни и смерти страждущаго субъекта, и разрѣшеніе этого вопроса, рациональное, краснорѣчивое, имѣло источникомъ науку и опытъ, любовательность и безкорыстную преданность своему дѣлу.

— Московское благотворительное общество 1837 года открыло въ теченіи восьми лѣтъ 14 школъ, въ которыхъ воспитываются 408 дѣвицъ. Четыре школы содержатся своими собственными капиталами, а остальные десять добровольными приношеніями, — суммами, вносимыми отъ членовъ общества, и деньгами, выручаемыми отъ баловъ съ лотереями и базаровъ.

— Московскій купецъ Бабуринъ открылъ въ селѣ Ивановѣ (влад. губ.) воскресные классы для обученія дѣтей, работающихъ на его фабрикѣ. Въ настоящее время поступило въ эту новую школу 15 мальчиковъ, которые будутъ обучаться русской грамотѣ и правиламъ фабричнаго счетоводства.

— *Пріютъ для служанокъ.* Двѣ Англичанки, вдовы, госпожа Бюллеръ и госпожа Михельсонъ, основали, въ 1839 году, пріютъ для

прибывающихъ въ С. Петербургъ изъ всей Россіи служанскъ, посредствомъ добровольныхъ приношеній благотворительныхъ лицъ, и пріютъ поступилъ подъ покровительство Великой Княгини Елены Павловны. Онъ помѣщается въ Большой Мѣщанской, въ домѣ Волкова, и состоитъ изъ пріемной, двухъ рабочихъ и спальной. За 9 копѣекъ серебромъ въ сутки, каждая служанка имѣетъ теплую и чистую квартиру съ постелью, самое простое, но достаточное содержаніе. Въ заведеніе это принимаются служанки не иначе, какъ по разсмотрѣніи аттестатовъ о добромъ поведеніи и нравственности. Малѣйшее сомнѣніе на счетъ нравственности дѣлаетъ поступленіе въ пріютъ невозможнымъ. Онъ состоитъ подъ управленіемъ г-жи Кинь. Съ января, 1839, по декабрь, 1845 года, въ заведеніи нашли пристанище 788 служанокъ. Заведеніе заботится о приисканіи мѣстъ для находящихся подъ его попеченіемъ. Изъ отчета за 1845 годъ оказывается, что въ теченіи года въ пріютъ поступило 135 служанокъ, нашли мѣста 109. Годовой доходъ отъ щедротъ Императорской Фамилии и пожертвованій частныхъ лицъ состоялъ изъ 1,358 руб. 38 коп. сер., и изъ этой суммы еще была уплачена половина долга, лежащаго на заведеніи.

— 8 сентября прошлаго года, владимірской губерніи и уѣзда, въ селѣ Боголюбовѣ, вѣдомства Государственныхъ Имуществъ, происходило открытіе учрежденной тамъ третьей очередной *выставки сельскихъ произведеній*. Выставка продолжалась съ 8-го по 14-е число, подъ главнымъ вѣдѣніемъ председателя и членовъ комитета и наблюденіемъ комиссаровъ. Уставъ выставки превзошелъ ожиданія. Мѣстныхъ представителей сельскихъ произведеній было 253 человекъ. Выставленные предметы раздѣлены были на три отдѣленія. Въ первомъ отдѣленіи—произведенія сельскаго ховяйства въ первобытномъ, неразработанномъ видѣ, числомъ 92. Во второмъ отдѣленіи 236 произведеній сельскаго хозяйства, уже въ окончательно-отдѣланномъ видѣ. Въ третьемъ отдѣленіи—земледѣльческія орудія, машины, крестьянскія надѣлія изъ дерева и желѣза, орудія для обработки льна, скоть, всего 181 номеръ.

Кромѣ того, комитетомъ назначены были состязанія: для разводителей лучшихъ крестьянскихъ рабочихъ и ломовыхъ лошадей и для занимающихся приготовленіемъ земледѣльческихъ произведеній. Назначены были двѣ дистанціи: 1) на дорогѣ—для испытанія ломовыхъ лошадей въ возкѣ тяжестей; 2) на полѣ— для испытанія лошадей и земледѣльческихъ орудій въ пашиѣ. Сверхъ этого, допущено было состязаніе въ гоньбѣ: тройками, парами и поодиначкѣ. Въ заключеніе розданы были награды: 7 медалей, 6 похвальныхъ листовъ и 139 денежныхъ премій (на сумму 400 руб. сер.), а 39 лицъ удостоены публичной похвалы.

Говоря объ огромныхъ матеріальныхъ средствахъ нашего отечества, нельзя не упомянуть и о представителяхъ цѣнности вещей—золотѣ, котораго въ прошедшемъ 1846 году добыто на Уралѣ и въ Сибири 1722 пуда 29 ф. 87 зол. Замѣчательно, что въ 1819 г. золото добывалось только въ округѣ екатеринбургскихъ заводовъ и въ округахъ

заводовъ кюльвано-воскресевскихъ и мерчинскихъ, гдѣ оно получалось въ соединеніи съ выплавленными тамъ серебромъ, и все количество золота составляло отъ 34 до 40 пудовъ въ годъ.

Въ 1819 году открыты золотоносные ровыски на Уралѣ, а въ 1829 г. въ Сибири. Съ тѣхъ поръ добыча золота постоянно возрастала.

Въ 1819 году добыто	40 п.
— 1829 — —	319 п.
— 1839 — —	525 п.
— 1845 — —	1,386 п.

Слѣдовательно, со времени открытія ровышекъ получено золота болѣе 14,000 пудовъ, а добыча прошлаго года составляетъ болѣе 10% всего количества золота, добытаго съ 1819 года.

Еще разъ — «Россія велика и обильна!»

— Въ журналѣ М. В. Д. сообщается любопытная характеристика одного изъ классовъ московскаго народонаселенія, того класса, который въ Москвѣ отличается особенно рѣзкими чертами. Вотъ эта любопытная характеристика. Въ настоящее время мѣщане занимаютъ между городскими обывателями средній классъ — середину между купцами и ремесленниками. Мѣщане не имѣютъ капитала, чтобъ поступить въ гильдію, ни мастерства, чтобъ приписаться въ цѣхъ. Торги и другіе промыслы дозволяются имъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Изъ собранныхъ за 1845 годъ свѣдѣній о московскихъ мѣщанахъ мы видимъ слѣдующее:

Общее число всѣхъ мѣщанъ простиралось до 40,242 чел. муж. пола. Число это измѣняется не только отъ дѣторожденія и смертности, но и отъ другихъ причинъ. увеличивается — отъ перехода въ мѣщанство изъ купцовъ и приписки вольноотпущенныхъ, уменьшается отъ перечисленія въ другіе города и перехода въ купечество.

2,132 мѣщанскихъ семействъ имѣютъ въ Москвѣ свои дома; поэтому, если положимъ круглымъ числомъ каждое семейство въ 5 душъ, то выходитъ, что собственный кровъ въ городѣ имѣетъ только $\frac{1}{4}$ всего сословія.

Занимавшихся торговлею въ законныхъ размѣрахъ открыто, отъ своего имени, считалось 2,389; хозяевъ фабрикъ и заводовъ 141, занимающихся ремеслами 941, извозомъ 163 человекъ; находящихся въ разныхъ должностяхъ (съ адресными билетами) въ Москвѣ 6,416 (обою пола) (*), проживающихъ внѣ города 6,542.

(*) Въ 1844 г. было до 8,823. Главною причиною столь замѣчательнаго уменьшенія числа слугъ изъ мѣщанскаго сословія — увеличеніе постоянно прибывающихъ въ Москву дворовыхъ людей, а также безсрочно отпусковыхъ. Первыхъ занимаютъ въ услуженіе охотнѣе, чѣмъ мѣщанъ, потому-что они находятся подъ надзоромъ помѣщиковъ; за исправность и преимущество безсрочно-отпусковыхъ ручаются долговременная служба подъ строгой воинскою дисциплиною и зависимость отъ военнаго начальства.

Итогъ этихъ чиселъ составляетъ меньше половины всего мѣщанскаго сословія.—Спрашивается, что дѣлаютъ и чѣмъ питаются остальное количество мѣщанъ, простирающееся до 24,000?

Въ большихъ городахъ, особенно какъ Москва, гдѣ населеніе считается сотнями тысячъ, нѣтъ возможности слѣдить подробно за дѣйствіями людей и способами ихъ существованія. Много бываетъ такихъ, что если спросить по совѣсти, то сами не будутъ въ состояніи сказать, ни что дѣлаютъ, ни чѣмъ существуютъ; живутъ себѣ такъ, со дня на день, какъ Божія птицы, по пословицѣ: «дасть Богъ день, дасть и пищу!». Другіе, при неизмѣнн явныхъ способовъ существованія, владѣютъ и пользуются средствами, которыя не любятъ свѣта.— Здѣсь идетъ рѣчь объ искусствѣ пользоваться своею ловкостью и изворотливостію на чужой счетъ, безъ открытой ссоры съ существующими, установленными законами порядкомъ, даже въ согласіи съ общими, утвержденными давней терпимостью обычаями. Такой родъ промышленности, весьма разнообразный въ своихъ видахъ, нерѣдко обращается въ ремесло цѣлой жизни и даетъ отличныхъ мастеровъ, или, какъ говорится народнымъ русскимъ каламбуромъ, отличныхъ «художниковъ» въ своемъ родѣ. Въ Москвѣ, между подобными промышленниками, замѣтны въ особенности такъ называемые «перекупы» и «мелочные площадные торговцы». И тѣ и другіе составляютъ, можно сказать, особые многочленные цѣхи, состоящіе преимущественно изъ мѣщанъ.

Перекупы, иначе извѣстные подъ живописнымъ названіемъ «кулаковъ», посвящаютъ себя перекупкѣ и перепродажѣ жизненныхъ припасовъ, привозимыхъ въ городъ крестьянами. Они имѣютъ опредѣленные времена для своихъ дѣйствій: вопервыхъ, всѣ торговые дни; вторыхъ, зимнюю пору, когда хлѣбъ разныхъ родовъ, мерзлая живность, масло, сѣно, дрова и другія жизненные потребности, приходятъ въ городъ обозами. Разумѣется, операціи ихъ не могутъ отличаться строгою честностью и добросовѣстностью. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы перехватить мужичка на дорогѣ къ базару, часто еще за городской заставою, иногда передѣвшись и притворясь такимъ же мужичкомъ въ отвращеніе подозрѣнія; затѣмъ, сбивъ какойнибудь алтынъ или гривну съ товара, перепродать его настоящимъ покупщикамъ по настоящей цѣнѣ, а иногда и съ уступкою противъ цѣны, но съ прибавкою нѣкоторыхъ «художническихъ» средствъ, на примѣръ, смѣшавъ свѣжую провизію съ залежалюю, подсыпавъ въ муку отрубей, сѣно намочивъ для большаго вѣса, возъ дровъ оптически увеличивъ искусной перекладкой, и т. п.

Люди опытные знаютъ эти продѣлки и не поддаются имъ; но еще довольно простаковъ, которые сами бѣгутъ на удочку, довольно не только между приѣзжающими, особенно изъ дальнихъ деревень крестьянами, но и между самими городскими обывателями, любящими покупать подешевле.

Мелочные площадные торговцы занимаются видимо сбытомъ всякого рода хлама, лоскутьевъ, обносковъ и т. п.; при чемъ, однако, болѣе цѣнные товары, *происхожденія неизвѣстнаго*. Такіе торговцы (между которыми непоследнюю роль играютъ женщины), въ Москвѣ имѣютъ обыкновенный притонъ на площади между Никольскими и Ильинскими воротами, также, по воскреснымъ днямъ: у Сухаревой-Башни, подъ Новинскимъ, возлѣ Охотнаго-Ряда и въ другихъ, менѣе значительныхъ мѣстахъ народныхъ сборищъ. Еще памятны времена, когда противъ Экзерцищъ-Гауза, на углу Малаго Театра, у башни близъ Хлѣбныхъ-Лабазовъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, съ ранняго утра собирались толпы, которыя, завидя издали появленіе полиціи, тотчасъ разсыпались въ разныя стороны; въ противномъ же случаѣ, стояли покойно, выжидая: вдругъ, глядишь, подбѣжитъ ктонибудь съ мѣшкомъ или съ кулькомъ, кинетъ его въ средину круга, въ минуту сторгуется и въ минуту исчезнетъ; а между тѣмъ, принесенный товаръ, если это платье, тутъ же распорется, разрѣжется, разберется по рукамъ; если другая вещь — подвергнется другимъ приличнымъ операціямъ, такъ что всѣ концы уйдутъ въ воду, и никто не отыщетъ слѣдовъ, хотя бы гнался по пятамъ за принощикомъ. Этого рода сцены принадлежать уже теперь болѣею частью къ числу воспоминаній; но пополюзованію къ нимъ поводъ остается въ самыхъ этихъ воспоминаніяхъ, особливо, при соблазнительныхъ преданіяхъ, что, въ старыя времена, подобною промышленностью наживались порядочные капиталы, и художники, болѣе ловкіе и болѣе счастливые, иногда оканчивали свое поприще въ изобиліи и даже въ почетѣ.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, всѣ эти, и даже другіе, менѣе предосудительные способы — перебиваться со дня на день, безъ правдынаго, постоянного занятія, далеко недостаточны для покрытія самыхъ насущныхъ потребностей, самыхъ первыхъ нуждъ поддерживающихся ими людей. Въ теченіи 1845 года въ Москвѣ было до *12,113 человекъ мѣщанъ, за которыхъ государственныя подати заплачены не ими самими*.

Все это, конечно, не свидѣтельствуетъ въ пользу нравственнаго образованія разсматриваемаго класса. Въ 1845 году, по приговору московскаго городского общества, было исключено изъ мѣщанскаго сословія: для отдачи въ военную службу — 17, для отсылки въ арстанскія роты — 12, для отсылки въ Сибирь — 7; всего — только 36 человекъ!...

— Въ заключеніе приведемъ еще нѣсколько замѣчательныхъ фактовъ, прямо доказывающихъ ту утѣшительную истину, что вопросъ объ улучшеніи участи бѣдныхъ и малыхъ міра сего составляетъ теперь предметъ всеобщаго вниманія, хотя, какъ мы сейчасъ увидимъ, до сихъ поръ русскіе люди еще очень расходятся въ мнѣніяхъ о средствахъ и приемахъ улучшенія. Всѣмъ извѣстно, что благоразумное управленіе помѣщичьиими крестьянами есть одно изъ вѣрнѣйшихъ усло-

вій благосостоянія нашего отечества. Недавно мы прочли въ трехъ разныхъ изданіяхъ три различныя сужденія о правшахъ, которыхъ долженъ придерживаться хорошіи управляющіи въ своихъ отношеніяхъ со вѣренными ему крестьянами, — сужденія, каждое по своему, замѣчательныя.

Одна статья начинается лестными отзывами о добрыхъ качествахъ русскаго крестьянина :

«Природныя свойства русскаго крестьянина суть драгоценныя сокровища въ рукахъ того, кто сумѣетъ понять его. Мужикъ нашъ добръ, богобоязливъ, сострадателенъ, великодушенъ, трудолюбивъ, смѣливъ, призавателъ , хлѣбосолъ, учтивъ и послушенъ, словомъ — склоненъ ко всемъ общественнымъ добродѣтелямъ. *Надо уметь только обходиться съ нимъ.*»

Далѣе, авторъ говоритъ :

«Заслужить любовь, уваженіе и довѣренность крестьянъ — есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ для помѣщика... Большая разница въ усиліяхъ человека, побуждаемаго въ трудъ однимъ страхомъ наказанія, отъ усилій того, кѣмъ движутъ любовь, усердіе и самолюбіе.... Между тѣмъ, многіе еще, къ сожалѣнію, полагаютъ, что тѣлесное наказаніе — необходимость въ нашихъ домохозяйствъ. *Тѣлесное наказаніе во всякомъ случаѣ унижаетъ человеческое достоинство, подавляетъ чувство самолюбія, заставляетъ человека презирать самого себя и, наконецъ, раздражаетъ, если употребляется несправедливыми образами.*» — и т. д.

Высказавъ такія несомнѣныя и великія истины, авторъ еще разъ совѣтуетъ владѣльцамъ не бить крестьянъ по-напрасну, а въ случаѣ крайней надобности, предварительно объяснить виновному, что его будутъ наказывать для *собственной его нравственной пользы* и, наконецъ, наказать *по мѣрѣ вины*. Но спрашивается, какъ будетъ объяснять управляющій провинившемуся и запуганному мужику *нравственную пользу наказанія*? И какъ, наконецъ, опредѣлить мѣру тѣлеснаго наказанія за проступокъ? Авторъ отвѣта не даетъ и нѣсколько далѣе утѣшаетъ насъ тою мыслию, что если помѣщикъ или представитель его власти, въ особѣ прикащика, управляющаго и т. п. *уменьшитъ мѣру наказанія (справедливаго), то мужикъ будетъ ему признателенъ.*

Изложивъ такимъ образомъ свою profession de foi въ дѣлѣ обращенія съ крестьянами, авторъ рассказываетъ о томъ, какъ по порученію помѣщика довелось ему обращаться на пашию крестьянъ, бывшихъ съ незапамятныхъ временъ на оброкѣ. «Всѣмъ, кто только знаетъ деревенскій бытъ, извѣстно, что *такая перемена чрезвычайно трудна и часто производитъ волненіе между крестьянами, которые, привыкши на оброкъ къ некоторому роду независимости, неохотно идутъ подъ непосредственный и безпрестанный надзоръ, сопряженный съ экономическимъ управленіемъ.*»

Если ссадить мужика съ оброка на барщину такъ трудно, то значить, до сихъ поръ, въ большей части мѣстъ брались за подобное дѣло не совсѣмъ искусно. Чтожъ касается до автора статьи, то онъ,

по собственному признанію, так повелъ дѣло, что крестьяне сами объявили, что лучше желаютъ быть на нашихъ, чѣмъ на новыхъ условіяхъ оброка. «Мнѣ того-то и хотѣлось», прибавляетъ онъ.... Жаль, что авторъ не упоминаетъ, какъ именно повелъ онъ дѣло?...

Но послушаемъ далѣе :

«Сначала, дѣло шло хорошо, крестьяне не смѣли роптать.... Но—случился на бѣду между стариками питомецъ Пугачова (?), человѣкъ прѣзрительный, который, съ помощью четырехъ товарищей, такихъ же буяновъ, успѣлъ возмутить и остальныхъ : на слѣдующій годъ, мужики вдругъ отказались отъ повиновенія, какъ это обыкновенно водится, съ крикомъ и шумомъ».

Что разумѣетъ авторъ подъ словами : питомецъ Пугачова? былъ ли то удалецъ, уцѣлѣвшій изъ шайки историческаго разбойника, или просто человѣкъ, обуреваемый безпокойнымъ духомъ своеволія? Какъ бы то ни было, представленный авторомъ случай есть исключеніе изъ общаго правила и не только противорѣчить выгоднымъ отзывамъ автора о доброй природѣ русскаго крестьянина, но и несогласенъ съ характеромъ русскихъ стариковъ-поселянъ, обыкновенно миролюбивыхъ и вовсе несклонныхъ къ буйству. Но что случилось, того не перешлишь. Что же тутъ сдѣлалъ авторъ?

Предварительно далъ знать мѣстной полиціи, потомъ, при пособіи *отставнаго унтеръ-офицера*, на котораго могъ надѣяться, *схватилъ и связалъ всѣхъ зачинщиковъ*.... Уже это показываетъ, что большого волненія между крестьянами не было, иначе что бы значило содѣйствіе одного унтеръ-офицера противъ цѣлой деревни, вышедшей изъ повиновенія? Далѣе, авторъ *посадилъ всѣхъ связанныхъ въ особую пустую избу* и приставилъ для караула *молодцовъ изъ богатыхъ семействъ*, которымъ пригрозилъ, что *всѣхъ ихъ отдастъ безъ очереди въ рекруты*, если упустятъ хоть одного изъ арестантовъ. А на другой день, когда крестьяне совершенно утихли и пришли просить объ освобожденіи связанныхъ и содержимыхъ подъ карауломъ товарищей, онъ объявилъ имъ, что требуетъ выдачи зачинщиковъ, а въ противномъ случаѣ, предоставитъ суду наказать ихъ всѣхъ. Мужики поколебались, рѣшили миромъ уступить его требованіямъ, но когда дѣло дошло до расправы, то въ толпѣ опять зашевелились. Тогда управляющій *скомандовалъ : ложись* и, начиная со старика *пугачовскаго питомца*, пересѣкъ всѣхъ виновныхъ *приличными образами*. Потомъ объяснилъ мужикамъ, *что они глупы, сами не знаютъ, чего хотятъ* (они хотѣли быть на оброкѣ, а не набарщивъ!), что *на этотъ разъ онъ ихъ прощаетъ* и т. д. Мужички *низко поклонились*, *спокойно принялись за работу* и *дѣло обошлось безъ исправника*.

Авторъ оканчиваетъ этотъ разговоръ слѣдующими словами :

«Это была *последняя попытка* этихъ крестьянъ уклониться отъ *должнаго повиновенія*».

На тѣхъ же основаніяхъ дѣйствовалъ авторъ и въ другомъ мѣстѣ, въ костромской губерніи, гдѣ удалось ему тотчасъ по водвореніи въ

помѣсть въ тридцати тысячъ рублей въ тотъ же годъ выручить доходу до ста тысячъ; и подвигъ этотъ совершилъ онъ, *не наказавъ ни одного человека!*

Въ заключеніе, авторъ совѣтуетъ всѣмъ помѣщикамъ и прикащикамъ слѣдовать его примѣру и успокоиваетъ ихъ слѣдующими словами :

«Стоитъ только преодолѣть нѣкоторыя безпокойства сначала, а тамъ *благодѣтельнымъ закатіемъ вашимъ обратится въ прищипку, и все пойдетъ, какъ по маслу.*»

Теперь, вмѣсто отвѣта приведемъ нѣсколько строкъ изъ другой статьи, напечатанной по поводу того же предмета, а именно, о необходимыхъ качествахъ хорошаго управляющаго.

Дѣло вотъ въ чемъ. У одного помѣщика былъ управляющій, чело-
вѣкъ лѣтъ 50-ти, плѣшивый, съ краснымъ носомъ, съ очками на
лбу, съ синяками подъ глазами, который ходилъ въ оборванномъ сюр-
тукѣ, въ сапогахъ, намазанныхъ дегтемъ, и въ брюкахъ, засунутыхъ
въ сапоги, и *съ катанкой за поясомъ.* Отзывался о немъ помѣщикъ та-
кимъ образомъ: «Хотя мой управляющій и выгнанный подьячій, хотя
и колотятъ его пьяненькаго мужики, однако-жь, ужъ за то и дѣло
свое знаетъ; ежели велю, то *такъ отшлепаетъ катанкою, что будутъ
поминать до новыхъ вѣтхиковъ.* А сказки какія мнѣ рассказываетъ по но-
чамъ, Бову и Еруслана, какъ по писанному. *Чудныя способности!*»
Приведенный рассказъ переданъ очевидцемъ, который отъ себя при-
бавляетъ, что управитель, какъ лицо довѣренное владѣльцемъ, кромѣ
благонравія и практическихъ и теоретическихъ знаній въ хозяйствѣ,
долженъ еще быть «на ряду почетнаго гражданства». Наконецъ, вотъ
третье сужденіе о томъ же предметѣ, вызванное предыдущимъ и
служащее ему отвѣтомъ :

«Въ сельскомъ хозяйствѣ, быть можетъ, болѣе, нежели въ какомъ либо дру-
гомъ дѣлѣ, есть множество предметовъ спорныхъ.... потому-что здѣсь рѣшеніе
всѣхъ вопросовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ людей практическихъ, *редко
имѣющихъ досугъ, желаніе и возможность восходить къ общимъ началамъ, ко-
торыхъ одни могутъ помирить взгляды совершенно противоположныя* . . . . .

«Намъ кажется, что всѣ недоразумѣнія о существѣ управляющаго, управителя и
прикащика, исчезли бы сами собою, *если бы исчезли катанка и понятіе о ней,*
— оставленная намъ въ наслѣдство татарскими игонъ. Тогда этотъ, повидному,
сильный рычагъ нашего сельскаго хозяйства, завѣнчалъ бы *началомъ нравствен-
ности;* исчезла бы прелесть чудныхъ рассказовъ о Бовѣ и Ерусланѣ. Тогда
смѣсто *самопроизвольнаго управленія* довершенныя имѣнія заступило бы мѣ-
сто *законнаго управленія.* Тогда званіе управляющаго, управителя и прикащика
сдѣлалось бы почетнымъ *само собою,* какъ всякое занятіе, *безъ диплома и
прикляптей.* Въ природѣ вещей существуетъ удивительная связь, надобно только
умѣть понимать ее».

Едва ли нужно входить въ разбирательство — кто правъ, кто не-
правъ?... Во всякомъ случаѣ, о подобныхъ вопросахъ, нужно говорить
или много, или не говорить ничего....

— Переходимъ къ литературнымъ и музыкальнымъ новостямъ: Въ Москвѣ вышла диссертация, на степень доктора, соч. профессора московскаго университета, С. М. Соловьева, подъ названіемъ: «*Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома*», — книга, чрезвычайно замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, и потому въ слѣдующихъ нумерахъ «Современника» мы представимъ объ ней большую критическую статью. — Тамъ же вышелъ четырнадцатый выпускъ «Шекспира», переводимаго съ англійскаго г. Кетчеромъ, заключающій въ себѣ драму: «Все хорошо, что хорошо окончилось». Въ слѣдующей книжкѣ мы поговоримъ о ней и вообще объ этомъ изданіи, которое, послѣ долгой остановки, теперь, какъ слышно, будетъ снова продолжаться безостановочно....

— Въ Петербургѣ вышли: первый выпускъ «Музея современной иностранной литературы», заключающій въ себѣ нѣсколько повѣстей и разсказовъ; «Исторія древняго міра», курсъ, составленный Я. Туркуновымъ; «Курсъ эстетики», соч. Гегеля, переводъ г. Модестова, изд. г. Полякова; «Взглядъ на современное положеніе уголовного судопроизводства», соч. П. Дегля; «Исторія консульства и имперіи во Франціи» соч. А. Тьера, перев. Ф. Коми, томъ III.

— Петербургской публикѣ предстоить много музыкальных удовольствій. Здѣсь въ настоящую минуту слѣдующія музыкальныя знаменитости:

Берлиозъ — прославленный композиторъ и фельетонистъ по музыкальной части въ *Journal des Débats*. Онъ намѣренъ дать въ первый концертъ свой — «Фауста», легенду въ 4 актахъ. — Фаустъ г. Берлиоза — родъ музыкальной поэмы. Въ ней будутъ участвовать два лица: Фаустъ (теноръ — г. Риччарди) и Мефистофель (басъ — Ферзингъ) съ аккомпаниментомъ 200 музыкантовъ и 100 пѣвчихъ. Это *концерт-монстръ!*

За тѣмъ еще: скрипачъ *Эрнстъ*, виолончелистъ г. *Максъ-Бореръ*, и кларнетистъ *Блазъ*, съ супругою своею, пѣвицею *Мерти*.

Нѣкоторые изъ нихъ уже являлись передъ петербургскою публикою, другіе на дняхъ явятся.... Въ слѣдующей книжкѣ мы надѣемся представить отчетъ объ ихъ концертахъ.

II.

Парижскій карнавалъ. — Процессъ г. Александра Дюма. — Толикъ объ немъ въ палатѣ депутатовъ. — Процессъ г. Сю съ Constitutionnel. — Голосъ Эмиль-Жирардена въ защиту промышленниковъ. — Мода на чтеніе. — О томъ, чѣмъ извѣстны 1. Амни, замѣстившій кресло г. Жюмъ во французской Академіи. — *Музыкальныя извѣстія*: четыре венгерскіе пѣвцы въ Парижѣ; успѣхъ г. Серве; г. Влардо въ Берлинѣ. *Театральныя новости*: открытіе Историческаго театра г. Дюма, открытіе театра Королевы въ Лондонѣ. — Переводъ на турецкій языкъ: *le Malade imaginaire* и *George Dandin* Мольера. — Албомъ

Гагарин. — Щитъ, приготовленный въ подарокъ королеви прусскойъ принцу валлійскому — Новое великолѣпное изданіе пѣсень Беранже. — Новые сочиненія гг. Ламартина, Мишлѣ, Лун-Бланшъ, Альфонсъ Эскироса и Марье.

Несмотря на суровость зимы: снѣгъ дождь, гололедицу, несмотря на различныя бѣдствія, голодъ и наводненія, — несмотря ни на что, — Парижъ веселится, какъ всегда, съ бѣшеннымъ увлеченіемъ. Карнавалъ этого года, какъ пишутъ журналы, ни мало не уступалъ въ блескѣ предшествовавшимъ карнаваламъ. Карнавалъ парижскій замѣнитъ вполнѣ карнавалы венеціанскій и римскій, и всѣ пять частей свѣта стремятся теперь въ Парижъ къ этому времени.

И какъ хорошъ Парижъ, вечеромъ во время карнавала! Какой шумъ, какіе крики, какой хохотъ, какое волненіе на бульварахъ, на пространствахъ 2-хъ верстъ, начиная отъ *Ambigu Comique* до улицы *Lepelletier*, затопленной газомъ, къ которой тянутся безконечныя ряды экипажей.... Въ этой улицѣ храмъ карнавалный — зданіе Большой-Оперы, въ которой гремитъ несравненный Мюзаръ.... Здѣсь въ продолженіи шести часовъ властвуетъ онъ неограниченно своими дикими звуками надъ этою пестрою, бѣснующеюся толпою. Такъ веселиться могутъ только одни Парижане. — Но въ этой огромной залѣ Большой-Оперы надобно заранѣе отказаться отъ всякихъ претензій, отъ всякаго самолюбія, отъ всякой личности.... Будьте вы хороши и величественны, какъ Аполлонъ бельведерскій, или уродливы, какъ Казимодо, умны и остроумны, какъ Волтеръ, или глупы и пошлы, какъ русскій фельетонистъ, — танцуйте, какъ дебютирующій медвѣдь или какъ Тальони въ «Сильфидѣ» и Карлотта Гризе въ «Фавориткѣ», — все равно: васъ никто не замѣтитъ.

И потому любители эсцентрическихъ танцовъ — канкана и польки, — люди самолюбивые, охотники рисоваться, — рѣдко посѣщаютъ оперную залу. Они предпочитаютъ залу театра *Variétés*, гдѣ могутъ обнаружить свои таланты во всемъ блескѣ. Въ этой залѣ нѣтъ никогда такой давки и духоты, какъ въ Большой-Оперѣ. Въ *Variétés* всѣ типы танцовщиковъ и танцовщицъ выдаются какъ нельзя рельефнѣе. Здѣсь поддерживаются старыя и возникаютъ новыя репутаціи и славы... *Канканъ* чрезвычайно усовершенствованъ нынѣшнюю зиму. Вслѣдствіе этого усовершенствованія, онъ сдѣлался очень труденъ и требуетъ глубокаго изученія, — отъ того и доступенъ только не многимъ избраннымъ. Маскарады также имѣютъ свою моду. Бархатъ со всѣмъ не употреблялся нынѣшній карнавалъ. Его замѣнили атласъ и кружева. Вотъ маскарадный костюмъ элегантной гризетки: розовыя атласныя панталоны, широкія и короткія, съ боку на швахъ вмѣсто пуговицъ букеты изъ камелій, — талія перевязана кашемировымъ кушакомъ, — мужская тонкая батистовая рубашка съ кружевами *point d'Angleterre* — и, главное, отсутствіе корсета. Женщинѣ, замаскированной такимъ образомъ, говорятъ обыкновенно: «*Tu as ce soir un costume rapin*». — Въ переводѣ на языкъ будничныи, простой, это значитъ: ты одѣта сегодня какъ нельзя болѣе изящно!

Знаменитая королева Помаре возвратилась изъ Италіи, гдѣ она въ роютно отдыхала отъ канкановъ и полекъ.... Звѣзда ея еще не со всѣмъ закатилась. Но царицами вакханалій канкана нынѣшнюю зиму были двѣ только что возникшія славы: Frisette и Rigolette, въ особенноти послѣдняя. Rigolette небольшая, электрическая женщина. У нея маленькая ножка, такія гибкая и стройная. Новѣйшая хореографія обязана ей многимъ. Rigolette совершаетъ въ разгарѣ канкана необыкновенныя вещи съ ловкостью, легкостью и граціею изумительною: ложится на животъ, на спину, поднимаетъ свою ножку выше головы,— и проч. Она съ ума свела весь Парижъ....

Балы, даваемые актрисами, имѣютъ особенную привлекательность... На этихъ балахъ разумеется отличаются всѣ парижскіе *деиди*. Лучшимъ изъ этихъ баловъ нынѣшнюю зиму былъ балъ M-lle Natalie — актрисы пале-ройальскаго театра. Три парижскія знаменитости — комики *Равель*, *Гофманъ* и *Левассоръ* отличались на этомъ балѣ остроуміемъ и веселостію. разыгрывали различныя сцены и за великолѣпнымъ ужиномъ, гдѣ лилось рѣкой шампанское и бордосское пѣли куплеты и наконецъ, удивительно танцовали *польку-малурку* — петербургскій танецъ, который теперь въ большой модѣ въ Парижѣ.

Процессія карнавальнаго быка (*boeuf-gras*) была нынче очень плачевна, потому-что во время торжественнаго шествія его дождь лилъ ливнемъ.... Во время славы г. Балъзака (это уже давно минувшее время!) карнавальнй быкъ назывался: *Père-Goriol*, потомъ *Диагоберомъ* — въ честь Сю — творца «парижскихъ тайнъ»; нынѣшній годъ онъ названъ былъ: *Монте-Кристо* въ честь г. Дюма, о которомъ теперь кричатъ весь Парижъ, по случаю его процесса.

Кстати, мы сообщимъ здѣсь вкратцѣ этотъ процессъ очень любопытный во многихъ отношеніяхъ. Изъ чего возникъ онъ, извѣстно уже нашимъ читателямъ. (См. Совр. № 2. Смѣсь, стр. 193).

По жалобамъ гг. Верона и Жарардена, г. Дюма долженъ былъ явиться предъ гражданское судилище и вызвался самъ защищать себя. Безчисленныя толпы зрителей 29 января съ раннего утра стеклись на этотъ процессъ. Самъ г. Дюма пріѣхалъ довольно поздно и едва уже могъ пробраться сквозь густую толпу. Президентъ назначилъ ему первое мѣсто близъ трибуны.

Г. Дюма началъ защищеніе свое очень гордо и эффектно, какъ слѣдуетъ драматическому писателю.

«Господа!» сказалъ онъ: — «вы позволили мнѣ самому защищать себя, и я вамъ очень благодаренъ за это. Обстоятельство, побудившее меня предстать передъ вами, не простое дѣло челоуѣка съ челоуѣкомъ, это не простой денежный споръ. Нѣтъ! это поединокъ за честь.... Я очень сожалею, что не вижу здѣсь ни г. Верона, ни г. Жирардена. Я принужденъ буду стрѣлять на воздухъ: пуля вмѣсто того, чтобы поразить ихъ прямо въ сердце, должна будетъ упасть къ ногамъ ихъ!»

За тѣмъ г. Дюма прочелъ условіе, заключенное имъ въ 1845 г. съ гг. Верономъ и Жирарденомъ. Вотъ главные пункты этого условія :

1) Съ 1845 г., включительно, г. Дюма обязывается, въ продолженіи 5 лѣтъ, писать 18 томовъ ежегодно: 9 для г. Верона и 9 для г. Жирардена. (Эти условія не выполнены: г. Верону онъ далъ 5 томовъ, у г. Жирардена въ «*Presse*» не докончилъ романа «*Бальзамо*»).

2) Каждый томъ долженъ состоять изъ 6,000 строкъ нынѣшняго фельетона «*Presse*» и помѣщаться въ 22 фельетонахъ, считая и короткія, или неполныя строки.

3) Г. Дюма обязывается предварительно условливаться съ гг. Верономъ и Жирарденомъ о выборѣ сюжета для каждаго романа.

4) Цѣна каждому тому 3,500 франковъ, выплачиваемые автору, по мѣрѣ доставленія рукописи.

5) Половина 9 томовъ или, по крайней мѣрѣ, 4 тома должны быть доставлены гг. Верону и Жирардену къ 1 июлю 1846 года, — остальные 5 или 4 не позже декабря.

6) Сроки эти могутъ быть измѣнены, по взаимному согласію договаривающихся, — но г. Дюма не въ правѣ принуждать гг. Верона и Жирардена принять вдругъ всѣ 9 томовъ и тогда же требовать за нихъ платы.

Извѣстно, что по условіямъ, сдѣланнымъ еще прежде съ другими издателями, г. Дюма долженъ былъ окончить или вновь написать для нихъ :

для <i>Journal des Débats</i>	30,000	строчекъ.
<i>Bragelonne</i>	36,000	—
<i>Maison - Rouge</i>	24,000	—
для журнала « <i>Patrie</i> »	15,000	—
для « <i>Commerce</i> »	24,000	—
для книгопродавца Кадо	6,000	—
<i>Siècle de Louis XIV</i>	12,000	—
для книгопродавца Дюмона	6,000	—
<i>Histoire de la Peinture</i>	6,000	—
<i>Fils de Milady</i>	6,000	—

Итого 165,000 строчекъ.

• Чтобы окончить въ 2 года всѣ эти томы, продолжалъ г. Дюма: — «я долженъ былъ писать по 85,000 строчекъ въ годъ. Я увѣренъ, что всѣ знаменитые члены Французской Академіи вмѣстѣ не написали бы столько, а вѣдь ихъ 40!» (Громкій смѣхъ между зрителями.)

• Я много работалъ, я сдѣлалъ, чего ни одинъ человѣкъ до меня не дѣлалъ и не сдѣлаетъ.... Я писалъ въ одно время пять романовъ для пяти различныхъ журналовъ.... Съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что я исключительно принадлежу гг. Верону и Жирардену, въ мѣрѣ литературномъ поднялся крикъ .. Многіе журналы начали требовать, чтобы я исполнилъ свои контракты. Въ 18 мѣсяцовъ я написалъ 158,000 строчекъ.... Я былъ измученъ. Правда, у меня есть отличный и дѣл-

тельный сотрудник : *Макс*, но здоровье мое разстроилось и я принужденъ былъ просить у этихъ господъ ношады, позволенія отлучиться, отдохнуть, уѣхать куда нибудь на короткое время. Мнѣ необходимо было путешествіе, развлеченіе. Я поѣхалъ въ Испанію и въ Алжиръ. Къ тому же я имѣлъ порученіе въ Алжиръ отъ г. Сальванди, министра народнаго просвѣщенія....»

«И какія пожертвованія я сдѣлалъ для этихъ господъ, которые теперь призвали меня къ суду! Я выкупилъ свой контрактъ у наследниковъ г. Дюжарье (бывшій редакторъ фельетона въ «*Presse*») за 12,000 фр., я смѣлъ *Fabien*, потому-что его нашли ниже другихъ моихъ произведеній, и потерялъ отъ этого 26,000 фр. Я не смѣю въ арифметикѣ, но кассиръ г. Жирардена вамъ скажетъ, что 12,000 фр. и 26,000 фр. составляютъ 38,000 фр. Я отказался еще отъ 6,000 фр., которые слѣдовало мнѣ получить отъ г. Дюмона за 2 тома,—значитъ я потерялъ всего 44,000 фр., а съ меня требуютъ 50,000 фр. вознагражденія за убытки, да сверхъ того 75,000 фр. за совершеніе контрактовъ съ гг. Веромомъ и Жирарденомъ. Процессъ этотъ не дурная спекуляція для основателя *Musée des Familles!* (Волненіе между зрителями.)

Г. *Лаканъ*, адвокатъ «*Constitutionnel*», прекрасно возразилъ г. Дюма на его фразы.

«Если бы здѣсь», сказалъ онъ... нужно было одно краснорѣчіе, — одно остроуміе и смѣлыя выходки, безъ здравыхъ доказательствъ, г. Дюма, безъ всякаго сомнѣнія, выигралъ бы свой процессъ. Но къ сожалѣнію, процессъ — не романъ, не драма. Передъ судомъ нужна не фантазія, а голая дѣйствительность. Если человѣкъ связываетъ себя контрактомъ, онъ долженъ свято исполнить его. Г. Дюма оправдывается тѣмъ, что онъ ѣздилъ въ Испанію и въ Алжиръ для поправленія здоровья и по порученію г. Сальванди; но если бы г. Сальванди зналъ, что г. Дюма удерживаетъ во Франціи обязательство, дѣло чести, — онъ вѣроятно не сталъ бы принуждать его къ отъѣзду. — Г. Дюма выѣхалъ изъ Франціи въ началѣ октября, но что же онъ дѣлалъ съ іюня до октября, въ продолженіи четырехъ мѣсяцовъ?... Вѣдь 4 мѣсяца — вѣчность для г. Дюма. Ему ничего не стоило написать въ это время 4 тома. А намъ положительно извѣстно, что въ эти четыре мѣсяца онъ ничего не дѣлалъ. Онъ наслаждался красотами своей сенжерменской виллы, онъ заставлялъ репетировать тамъ свои и шекспировы драмы; онъ чертилъ планы для своего новаго театра. Все это прекрасно, но г. Дюма совсѣмъ забылъ въ это время своихъ литературныхъ кредиторовъ....»

«Позвольте сказать мнѣ нѣсколько словъ» возразилъ г. Дюма: — «эти господа полагаютъ, что въ моей прекрасной сенжерменской виллѣ я сдѣлалъ сложа руки, что я заставлялъ репетировать Шекспира и Дюма, но развѣ эти занятія такъ далеки отъ искусства, которому я посвятилъ всю жизнь мою, развѣ меня можно упрекать за это? — Наконецъ, послѣ тяжкихъ трудовъ, неужели я не могу позволить себѣ

маленькое удовольствіе, развлеченіе? — Что же касается до моего путешествія въ Испанію. я не добивался его. Меня пригласилъ ѣхать туда герцогъ Монпансье. «Пріѣзжайте въ Испанію» сказалъ онъ мнѣ... на празднествахъ національныхъ: — вы и г. Гюго должны необходимо присутствовать... «Вы непременно поѣдете въ Испанію», сказалъ мнѣ г. Сальванди:— а оттуда въ Алжиръ, въ эту прекрасную страну, вовсе неизвѣстную нашимъ депутатамъ, которые вкось и вкривь толкуютъ объ ней. Необходимо, чтобы талантъ народный, плодовитый, самобытный.... (это слова министра) далъ имъ ясное понятіе объ Алжирѣ. — Я отправился въ Испанію — и только одинъ я изъ Французовъ находился при бракосочетаніи. Я получилъ тогда орденъ Карла III, пожалованный не писателю, но человеку, мнѣ. *Александру Дюма Леви, маркизу де-ла-Паллетри, другу герцога Монпансье!*

Выходка громкая! И въ самомъ дѣлѣ, какая дерзость со стороны г. Верона и Жирардена потребовать къ суду маркиза де-ла-Паллетри, друга герцога Монпансье!

•Послѣ сваденныхъ церемоній», продолжалъ г. Дюма:— я поѣхалъ въ Тунисъ. Тунисскій Бей находился тогда въ Парижѣ, но и въ отсутствіе его я былъ встрѣченъ *блнстательно, какъ представитель Франціи...* Для отъѣзда въ Тунисъ правительство дало *въ мое распоряженіе пароходъ «Велозъ» въ 220 силъ, который былъ назначенъ только для меня и для тунисскаго Бей.* Когда мы пристали къ берегамъ Африки, я узналъ, что наши плѣнники могутъ черезъ мое посредство получить свободу. Дѣло шло о двѣнадцати головахъ, Мм. Гг., которымъ угрожалъ топоръ. — Между ними были храбрые офицеры нашей арміи— и я спасъ эти двѣнадцать головъ!... Въ Мелилю три тысячи чело-вѣкъ для меня устроили пиръ, а здѣсь я переносу клеветы и оскорбленія, здѣсь съ меня требуютъ 50,000 ф., говорятъ, что я сидѣлъ сложа руки, а, который спасъ двѣнадцать соотечественниковъ отъ смерти!... Вотъ отвѣтъ мой противникамъ!»

Этимъ кончилось въ гражданскомъ судѣ первое засѣданіе. 29 января. На второе засѣданіе, 5 февраля, г. Дюма не явился, а прислалъ вмѣсто себя адвоката.

Засѣданіе 5 февраля началось рѣчью г. Ланглѣ, адвоката г. Жирардена. Г. Ланглѣ говорилъ много и долго и говорилъ очень умно. Онъ замѣтилъ, между прочимъ, что г. Дюма получалъ отъ г. Жирардена за каждую строчку долгую и короткую, за — *Да, Нѣтъ и Неужели* по 40 сантимовъ, и что вѣроятно отъ этого дѣйствующія лица его романовъ такъ много разговариваютъ. Г. Ланглѣ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

•Повторимъ вкратцѣ весь процессъ... Г. Дюма отдавалъ въ другіе журналы сочиненія, которыя должны были принадлежать газетамъ «*Presse*» и «*Constitutionnel*»; онъ взялъ впередъ деньги за сочиненія, которыя обѣщалъ, которыя долженъ былъ дать — и не далъ. Онъ подписалъ контрактъ, условія котораго не выполнилъ. Конечно, писатель не поденщикъ, не рабъ. Онъ ждетъ своего часа, онъ ждетъ, пока

прійдетъ вдохновеніе; но всѣхъ этихъ оправданій нѣтъ у г. Дюма. Въ эти два года онъ писалъ много, онъ работалъ для всѣхъ, исключая «*Presse*» и «*Constitutionnel*». Правосудіе дастъ г. Дюма урокъ—и онъ пойметъ, что нельзя безнаказанно нарушать контрактъ.»

Послѣ г. Лангле говорилъ адвокатъ г. Дюма, г. Ножанъ-Сень-Лоранъ.

Въ третье засѣданіе, 12 февраля, гражданскій судъ выслушалъ заключеніе королевскаго адвоката г. Монжиса.

Г. Дюма, по мнѣнію королевскаго адвоката, какъ неисполнившій контрактъ, заключенный имъ съ г.г. Верономъ и Жирарденомъ, обязанъ вознаградить ихъ за убытки, понесенные ими. — Судъ имѣетъ достаточныя средства оцѣнить этотъ ущербъ. Независимо отъ средствъ къ смягченію строгости закона, которыми судъ обладаетъ вообще, онъ можетъ еще дать срокъ и льготу, потому-что литературный, также какъ и всякій другой должникъ, можетъ пользоваться выгодами общаго права.... Королевскаго адвоката поразило, между прочимъ, то, что г. Дюма въ своей защитительной рѣчи, изъ которой мы привели только отрывки, нѣсколько разъ назвалъ свои произведенія *товаромъ*.

Наконецъ, въ засѣданіи 19 февраля парижскій судъ первой инстанціи разрѣшилъ этотъ запутанный процессъ, постановивъ два приговора: одинъ по дѣлу г. Дюма съ *Presse*, другой по дѣлу его съ *Constitutionnel*. Сущность перваго изъ этихъ рѣшеній состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Александръ Дюма признанъ невиновнымъ въ томъ, что *Siècle*, *La Mode* и другіе журналы обѣщали своимъ подписчикамъ его романъ, и въ томъ, что въ *Siècle* помѣщена была его повѣсть *Амазонка*, потому-что этотъ журналъ приобрѣлъ ее отъ книгопродавца Гетцеля, которому она продана до заключенія контракта съ г. Жирарденомъ.

2) Такъ какъ по контракту съ г. Жирарденомъ, г. Дюма обязался поставлять въ *Presse* по 9 томовъ ежегодно въ продолженіи 5 лѣтъ (съ 1 апрѣля, 1845 г.), съ тѣмъ, чтобы половину доставить къ 1 октября, а другую къ 1 марту, то судъ призналъ г. Дюма должнымъ журналу *Presse* по 11 декабря, 1846 г., восемь томовъ и одну пятую. Исполненіе этого договора принимается судомъ со времени уничтоженія контракта г. Дюма съ г. Дюжарье, т. е. съ 9 июля, 1845 г.). Для уплаты этого долга полагается срокъ 8 мѣсяцевъ. Въ случаѣ неисполненія, по минowanіи этого срока, г. Дюма обязуется платить г. Жирардену 100 ф. за каждый день промедленія. Къ уплатѣ этого штрафа, какъ скоро онъ возвысится до 300 франковъ, Дюма можетъ быть *присужденъ тѣлесно* (*contraint par corps*), т. е. можетъ быть посаженъ въ тюрьму. — Кроме того судъ приговорилъ г. Дюма къ уплатѣ Жирардену 3000 ф., въ видѣ вознагражденія за убытки.

Приговоръ по дѣлу г. Дюма съ «*Constitutionnel*» того же содержанія; разница въ одномъ: — онъ признанъ должнымъ этому журналу за прошлое время вмѣсто восьми томовъ съ одною пятою — шесть съ третью.

Итакъ, г. Дюма долженъ написать въ теченіи 1847 г. для «*Presse*» — 17½ томовъ и для «*Constitutionnel*» — 15½ томовъ, всего болѣе 32 томовъ!...

Страшный шумъ, который надѣлалъ процессъ г. Дюма, отозвался даже и въ палатѣ депутатовъ, во время пренія о 10 параграфѣ адреса, касательно Алжира. Объявляя въ судѣ о порученіи, которое даво ему было министромъ народнаго просвѣщенія, г. Дюма важно задѣлъ гг. депутатовъ. И палата думала отиствить г. Дюма отъзываясь объ немъ съ пренебреженіемъ. Вопросъ о г. Дюма поднять былъ молодымъ депутатомъ графомъ де Кастелланомъ....

— Ми. Гг., сказалъ г. де Кастелланъ:—нѣсколько мѣсяцовъ назадъ тому разнесся слухъ, что знаменитому *антрепренёру* фельетонъ....

Нѣсколько голосовъ: — А! рѣчь идетъ о г. Александрѣ Дюма. (слушайте, слушайте!)

Г. де Кастелланъ: знаменитому антрепренёру даво было порученіе отправиться изучать французскую Алжирію и познакомиться съ нею Францію.

Голосъ на лѣвой сторонѣ:... и депутатовъ, которые хотя и были въ Африкѣ, но не имѣютъ объ ней никакого понятія, — такъ сказалъ г. Александръ Дюма.

Г. де Кастелланъ. Это еще не все. Королевскій пароходъ *Велоз* былъ нарочно посланъ въ Кадиксъ за этимъ *господиномъ* (се *monsieur*). (*Продолжительный смѣхъ и шумъ*).

Голосъ на лѣвой сторонѣ: *этимъ господиномъ?* Это очень мило сказано!

Г. де Кастелланъ.... нарочно былъ посланъ въ Кадиксъ за этимъ господиномъ и предоставленъ въ его распоряженіе. Ми. Гг.! я оста- вляю въ сторонѣ смѣшную сторону всего этого, я не говорю объ из- держкахъ. Я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ, что путешествіе *этой особы* стоило морскому вѣдомству до 30,000 ф. (знаки удивле- нія); но да позволено мнѣ будетъ сказать, что честь флота, деликат- ное чувство моряковъ и даже, можетъ быть, достоинство палаты до нѣкоторой степени было оскорблено этимъ необъяснимымъ происше- ствіемъ.... (На лѣвой сторонѣ: это правда!) Говорятъ будто бы ни г. морской министръ, ни г. военный министръ нисколько не прича- стны этому. Но если такого рода происшествія случились одинъ разъ, они легко могутъ повториться и въ другой, и для того только, чтобы они не повторились, я рѣшилъ все это изложить передъ пала- тою! (Общій крикъ: очень хорошо, очень хорошо!)

Морской министръ, г. де Маккау, отвѣчалъ, что онъ рѣшительно ничего не зналъ ни о порученіи, данномъ *этой особѣ*, ни о томъ, какимъ образомъ *особа эта* попала на королевскій фрегатъ и отправи- лась Бюжо, и что маршалъ отвѣчалъ ему, что это случилось по недоразумѣнію (*c'était l'effet d'un malentendu*).

Военный министръ, г. Молинь де Сянт-Іонъ, объяснялъ, что онъ по- этому предмету получилъ письмо отъ маршала Бюжо, изъ котораго видно, что пароходъ *Велоз* каждые пятнадцать дней ходитъ изъ Тан-

гера въ Оранъ для сообщенія корреспонденціи, что онъ по своей обязанности остановился въ Кадиксѣ — и тамъ взялъ на бортъ *особу*, о которой говорилъ г. де Кастелланъ.

Голосъ на лѣвой сторонѣ: *особа! господинъ!* отъ-чего же не сказать: маркизъ де ла Паллетри?

«Пароходъ этотъ», продолжалъ военный министр: — «вѣсто того, чтобы отправиться въ Оранъ, пошелъ въ Алжиръ, по ошибкѣ....» (Шопотъ и смѣхъ.) «Въ отсутствіе г. Бюжо, который осматривалъ провинціи, временный начальникъ Алжира полагалъ, что *особа*, находившаяся на пароходѣ, имѣла важныя порученія, — по крайней мѣрѣ, *особа эта* всѣмъ объ этомъ рассказывала....»

Г. *Дербетъ*. Но кто же заплатитъ надержки по этому путешествію? Пусть гг. морской и военный министры и маршалъ Бюжо примутъ на свой счетъ расходъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ войти въ государственные расходы.

Г. *Леонъ де Мальеми*. Мы, кажется, теперь не узнаемъ истины, ни. гг., по этому дѣлу. Какимъ образомъ *Велозъ* очутился въ Кадиксѣ?... по чьему приказанію онъ отправился въ Алжиръ?... Все это недоразумѣнія. Важно здѣсь только одно — порученіе, данное *особѣ*, о которой идетъ рѣчь.... Министерство необходимо обязано объяснить намъ этотъ пунктъ. Этого требуетъ его честь и наше достоинство.... (Нѣсколько голосовъ: Именно!)

Г. министръ народнаго просвѣщенія послалъ въ Алжиръ г. Дюма съ тѣмъ, чтобы онъ познакомилъ насъ съ Алжиромъ, насъ, которые будто бы не имѣютъ никакого понятія объ Алжирѣ!... (Шумъ и смѣхъ.) Пусть министерство объяснить намъ, что это значить.

Въ эту минуту очень кстати вошелъ въ залу г. Сальванди, министръ народнаго просвѣщенія, и встрѣченъ былъ ироническими восклицаніями лѣвой стороны.

Г. Сальванди объявилъ, что онъ точно давалъ г. Дюма литературное порученіе въ Алжиръ, что такого рода порученія давались ему и предшественниками его, — что онъ полагаетъ полезнымъ и необходимымъ знакомить Францію со страной, которою она недавно владѣтъ, — что семнадцать лѣтъ постоянно всѣ министерства во Франціи заботились о томъ, чтобы привести Африку и Францію въ живое сопрокосновеніе, — и что въ порученіи, которое онъ далъ г. Дюма, онъ не видитъ ничего дурного.

Г. Дюма чрезвычайно оскорбился презрительнымъ тономъ, съ которымъ отзывались объ немъ въ палатѣ, и напечаталъ письмо въ «*Siècle*», въ которомъ подтверждалъ, что *Велозъ* данъ былъ въ его полное распоряженіе г. маршаломъ Бюжо. Какъ бы то ни было *велозское дѣло* заставило морского министра разослать циркулярное предписаніе всѣмъ капитанамъ государственныхъ пароходовъ, чтобы они впредь никого не принимали на свои пароходы безъ особеннаго приказанія его или морского префекта.

Процессъ г. Дюма вполнѣ обнаружилъ, до какой жалкой и безстыдной промышленности дошли въ сію минуту нѣкоторые французскіе литераторы. Искусства у нихъ уже нѣтъ и въ поминѣ. Оно обратилось въ прибыльное ремесло. Г. Дюма во время защищенія себя въ судѣ самъ называлъ свои произведенія — *товарами* и объявлялъ, между прочимъ, что такъ какъ ему необходимо для его ежегодныхъ расходовъ, кажется, 200,000 фр., то онъ и предположилъ себѣ, во что бы то ни стало, выработать эту сумму. Любопытно бы было знать, сколько онъ удѣляетъ изъ нея г. *Макс*, своему сотруднику?... Г. Дюма упоминалъ, между прочимъ, что всѣ рукописи его произведеній писаны его собственною рукою. Какую же роль играетъ у него вотъ г. *Макс*? И что значить его сотрудничество?

Г. Дюма готовится, говорятъ, еще процессъ. Маркизь де Бюсси требуетъ съ него 50,000 ф. за безчестіе, которое онъ навесъ его предку Бюсси, выставивъ его въ своемъ романѣ: *«Жю Монсоро миньономъ Генриха III.»*

Едва кончился процессъ г. Дюма, какъ уже французскіе журналы объявляютъ о новомъ процессѣ, который вѣроятно будетъ не менѣе любопытенъ, — о процессѣ *Constitutionnel* съ г. Евгениемъ Сю за «*Мартына Найденыша (Martin l'Enfant trouvé)*».

Въ минуту этихъ литературныхъ процессовъ, гдѣ дѣло идетъ о десяткахъ и сотняхъ тысячъ, очень смѣшно читать возгласы фельетониста «*Presse*», г. Теофила Готье, о какихъ-то писателяхъ, не имѣющихъ будто бы въ наше время насущнаго куска хлѣба.... Какъ будто въ наше время могутъ быть *Жильберы* и *Чатертоны*? Редакторъ *Presse*, г. Жирарденъ, очень остроумно отвѣчаетъ на это своему сотруднику.

«Что за удовольствіе», говоритъ г. Жирарденъ: — «писателямъ нашимъ выдавать себя за страдальцевъ и общественныхъ паріевъ? Вздыхать и жаловаться на свое положеніе? Эти жалобы имѣли смыслъ во время оно, но теперь рѣшительно не имѣютъ никакого смысла. Одно изъ двухъ: или писатель имѣетъ талантъ, или не имѣетъ; если онъ имѣетъ талантъ, тогда ему не на что жаловаться. Пусть избересть онъ себѣ другую, болѣе приличную карьеру или страдаетъ молча. Если же у него есть талантъ, на что же ему жаловаться? *Спекуляторы* (на которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, такъ несправедливо нападаютъ) доставляютъ имъ не только средства къ обезпеченію, но огромные капиталы, богатства.... не угодно ли фактовъ? Г. де Шатобрианъ получилъ за свои «*Загробные Мемуары (Mémoires d'outre-tombe)*» полмилліона; г. Тьеръ приобрѣлъ 500,000 ф. за свою «*Исторію Консульства и Имперіи*». Можетъ быть, возражать на это, что г. Тьерръ не поэтъ. — Положимъ. А развѣ г. Ламартинъ не поэтъ? развѣ за каждый томъ своей «*Исторіи Жирондистовъ*» онъ не получалъ по 50,000 ф.? Въ два года бессмертное перо маконскаго депутата принесеть ему 350,000 ф. Г. Луи Бланъ, который до изданія своей «*Исто-*

рин десяти лѣтъ • не могъ быть избирателями, послѣ своей «Исторіи Французской Революціи» будетъ не только избирательнымъ (*), — а капиталистомъ ; онъ будетъ (да проститъ мнѣ его радикализмъ!) принадлежать къ сословію *Bourgeoisie*, — къ этому сословію, противъ котораго онъ такъ мастерски и энергически вооружается. А 63,000 ф., которые *Constitutionnel* и *Presse* платятъ ежегодно г. Дюма за его фельетонные романы, за которые онъ получаетъ потомъ еще столько же, если не болѣе, выдавая ихъ отдѣльными книжками? За 4 тома въ годъ г. Евг. Сю получаетъ 60,000 фр. дохода. Г-жа Жоржъ Сандъ за три тома *Piccinino*, который будетъ печататься въ «*Presse*», тотчасъ послѣ *Valcreuse*, получила 22,000 ф. Г. Фридерикъ Сулье получаетъ болѣе 40,000 ф. въ годъ. Самъ г. Теофиль Готье, такъ сострадающій бѣдствіямъ писателей, получаетъ ежегодно жалованья за свои фельетоны въ *Presse* болѣе, чѣмъ президенты *Cour Royal*.... Кому же теперь житье во Франціи, если не писателямъ? Они академики, депутаты, перы Франціи. Имъ ли жаловаться на свою участь?...

• Нападать на *спекуляторовъ* также несправедливо, также пошло, какъ жаловаться на то, что писатели въ наше время не имѣютъ настоящаго хлѣба. И то и другое — непростительные анахронизмы!... Точно также, какъ поэты раздѣляются на талантливыхъ и безталантныхъ, такъ спекуляторы раздѣляются на честныхъ и безчестныхъ.... Прозирайте однихъ, но не нападайте на другихъ. Честный спекуляторъ въ мирное время тоже, что въ военное время генералъ, распорядившійся битвой. Развѣ г. Бюлозъ, издатель *Revue des Deux Mondes*, не спекуляторъ? Вѣдь онъ не писатель, потому что мы не знаемъ его твореній. Онъ спекулировалъ на успѣхъ своего журнала, который основанъ имъ съ помощію нѣсколькихъ писателей.... Они дали г. Бюлозу свой умъ и свои таланты, г. Бюлозъ даетъ имъ свои деньги.... Что же дурного дѣлаетъ г. Бюлозъ?...

Все это такъ. Г. Бюлозъ человекъ, достойный уваженія, — противъ этого сказать нечего. Мы совершенно согласны съ г. Жирарденомъ. Г. Бюлозъ спекуляторъ честный, онъ не выдаетъ трудовъ своихъ сотрудниковъ за свои труды, онъ не усиливается корчить писателя, не имѣя на то никакого права; онъ, получая значительный доходъ отъ своего журнала, платитъ щедрою рукою своимъ сотрудникамъ; онъ не заставляетъ тѣхъ, которые трудятся у него въ потъ и кровь, грызть чорствый кусокъ хлѣба, выдавая имъ нищенскую плату; онъ, этотъ добрый г. Бюлозъ, настоящій *Bourgeois* духомъ и тѣломъ, не прикидывается демократомъ.... Но вѣдь бываютъ во Франціи и такого рода спекуляторы и лицемеры.... Вотъ ихъ-то вѣроятно г. Жирарденъ называетъ безчестными спекуляторами!... Впрочемъ, во Франціи люди такого рода принадлежать къ исключеніямъ. Онъ пользуются

(*) Извѣстно, что право на избирательство и на избираемость зависитъ во Франціи отъ капитала.

ся заслуженнымъ общественнымъ презрѣніемъ, и слѣдовательно, о нихъ говорить нечего.

Вооружаться же противъ спекуляторовъ прямыхъ и честныхъ, разумѣется, нелѣпо, а со стороны писателей и поэтовъ, даже неблаго- дарно. Кстати о поэтахъ. Никогда не были въ Парижѣ въ такой модѣ чтенія, какъ въ эту зиму... За поэтами просто бѣгаютъ, ихъ ловятъ.... На пригластельныхъ билетахъ пишутъ въ *post-scriptum* вмѣсто: *on dansera — on lira un poëme épique*. Во всѣхъ салонахъ чтенія: у г-жи Рекамье, у Виктора Гюго, у Лакретега, у Августина Тьерри. Признаемся, мы рѣшительно противъ этой нелѣпой моды.... Да сохранить насъ Богъ отъ всякихъ чтеній и такъ называемыхъ литературныхъ вечеровъ. Это такая тоска!... Г. Понсаръ, говорятъ, вездѣ носитъ съ собою *Agnès* и читаетъ ее во всѣхъ салонахъ. И у насъ есть такого рода литераторы, которые готовы во всякій часъ и во всякое время читать собственныя произведенія. Это ужасные люди! Они ловятъ неопытныхъ слушателей на улицѣ, въ ресторанахъ, въ салонахъ, въ комитетахъ, въ департаментахъ, повсюду. Они наизусть знаютъ свои поэмы, повѣсти, романы и драмы.... И горе вамъ, если вы когда нибудь попадетесь къ такому литератору!... Мы искренно совѣтуемъ нашимъ читателямъ избѣгать вообще знакомства съ литераторами, потому-что они прескучные и пресамолюбивые люди.

— Въ прошломъ мѣсяцѣ извѣщали мы нашихъ читателей о томъ горестномъ положеніи, въ которомъ находилась Французская Академія, отыскивая себѣ кандидатовъ на кресло г. Жуи. Всѣ поиски ея были тщетны: кромѣ гг. Леклерка, Дешанъ (*Deschamps*) и Ампи (*Empis*) никто не явился на балотировку.... А изъ этихъ трехъ равныхъ знаменитостей попалъ въ безсмертные счастливецъ г. Ампи.... — Но кто такой этотъ г. Ампи и чѣмъ заслужилъ онъ безсмертіе? спросать насъ читатели. Мы рѣшительно не знали бы, что отвѣчать на это, если бы остроумный фельетонистъ «*Siècle*», г. Ежень Гиво (Поль Дюранъ), не вывелъ насъ изъ этого затрудненія.

Вотъ что рассказываетъ онъ о г. Ампи :

«Г. Ампи занимаетъ довольно важное мѣсто. Онъ *Directeur du domaine à l'intendance de la liste civile*. Вотъ самое главное право его на занятіе кресла въ Академіи, въ глазахъ придворныхъ академикомъ. Г. Ампи черезъ *бюро* вошелъ въ литературу. Глядя на *Théâtre-Français*, отчасти ему подвѣдомственный, ему пришла однажды идея написать комедію. Отъ-чего же не такъ? У него были перья, чернила, бумага, комическій сюжетъ — и обезпеченіе въ томъ, что его пьеса будетъ принята на театрѣ. Онъ принялся сочинять — и черезъ три мѣсяца комедія была готова. Разумѣется, она принята на театрѣ съ восторгомъ, потому-что театральныи комитетъ въ большой дружбѣ съ бюрократами. Отъ нихъ такъ много зависитъ!... Комедія имѣла даже небольшой успѣхъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, г. Ампи продолжалъ писать для *Théâtre-Français*. Театръ не раскаялся въ своей вниматель-

ности къ г. Ампи. Черезъ его посредство платежъ наемной суммы за театръ былъ нѣсколько разъ отсроченъ. Г. Ампи возбуждалъ королевское состраданіе къ бѣднымъ и часто несостоятельнымъ актерамъ— и г. Ампи всегда встрѣчаемъ былъ за кулисами восклицаніями искренней благодарности. Такимъ-то образомъ, помаленьку, г. Ампи добирался до Академіи. Человѣкъ вѣжливый, ловкій, съ ровнымъ характеромъ, съ небольшимъ, но пріятнымъ талантомъ, онъ спокойно наслаждался своими неблестящими и невинными драматическими успѣхами — и только одно происшествіе возмутило однажды его спокойствіе.

«Это было 10 или 11 лѣтъ назадъ тому, въ одно изъ представленій его пяти-актной комедіи «Лордъ Новаръ» (*Lord Novart*). Въ то время однимъ изъ постоянныхъ посѣтителемъ *Théâtre-Français* былъ одинъ господинъ, извѣстный своими странностями и эксцентрическими выходками, нѣкто г. де С*. Онъ принадлежалъ къ философамъ школы діогеновой, но подъ этою нѣсколько грязной наружностію скрывался умъ блестящій и острый и образованіе замѣчательное. Г. де С* каждый вечеръ аккуратно проводилъ въ *Théâtre-Français* въ своей абонированной ложѣ подъ балкономъ. Появленіе его въ театрѣ всегда производило нѣкоторый эффектъ, потому-что онъ постоянно чѣмъ нибудь особеннымъ обращалъ на себя вниманіе. Во время междулѣтствій около его ложи всегда собирались группы, для того, чтобы подслушивать его остроумныя замѣчанія и его мѣткія сужденія о представляемыхъ пьесахъ. Г. де С* судилъ очень строго о драматической литературѣ. Ему хотѣлось, чтобы *Théâtre-Français* давалъ только пьесы избранныя. Съ ѣдкой ироніей отзывался онъ о твореніяхъ г. Ампи, но г. Ампи утѣшалъ себя тѣмъ, что на этого чудака угодить трудно, да и что за охота угождать чудакамъ?... «Лордъ Новаръ» въ особенности не нравился г. С*.... Онъ странно зѣвалъ во время представленій этой комедіи, наконецъ, въ одно представленіе, терпѣніе его допнуло — и въ самой серединѣ пьесы онъ высунулся изъ своей ложи и, обращаясь къ публикѣ, закричалъ звучнымъ и твердымъ голосомъ:

«Мм. гг., мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы г. Ампи имѣлъ 100,000 ливровъ годового дохода. Какъ вы думаете? Вы вѣрно согласитесь со мною.»

И произнесъ это, онъ спокойно опустился въ свои кресла.

Взоры всѣхъ съ удивленіемъ обратились къ его ложѣ. Въ партерѣ начался смѣхъ, шопотъ, хохотъ.... — Что онъ такое сказалъ?... Что это значить? въ недоумѣніи спрашивали зрители другъ у друга.

Замѣтимъ, что большая часть зрителей не поняла значенія его словъ. Г. де С* поднялся снова и произнесъ также громко и выразительно:

«Если бы г. Ампи имѣлъ 100,000 ливровъ дохода, онъ пересталъ бы писать для театра. Ясно ли?»

И онъ опять спокойно опустился въ свои кресла.

Тогда шумъ и хохотъ, ничѣмъ неупержимые разразились во всей залѣ, и какъ въ парламентскихъ засѣданіяхъ слышались : — громкія одобренія *левой стороны*, — взрывъ ропота въ *центр*, — восклицанія *за и противъ*, — крики *A l'ordre! à l'ordre!* — только съ тою разницею, что вмѣсто криковъ : *à l'ordre*, — кричали : *à la porte!*

Большинство публики взяло сторону оскорбленнаго. Въ это дѣло вмѣшалась полиція. Г. Ампи былъ отпущенъ и г. де С* долженъ былъ выйти изъ своей ложи.

Но этимъ еще не все кончилось.

Г. де С* натурально былъ очень радъ оставить театръ, не дождавшись конца «*Лорда Новара*», но самолюбіе его оскорблено было тѣмъ, что его заставили выйти. «*Хорошо же*», подумалъ онъ, прохаживаясь по галлереймъ Пале-Ройяля : — «они меня выгнали: это имъ не пройдетъ даромъ. Они мнѣ заплатятъ за это!»

И въ то время, какъ публика спокойно дослушивала послѣдніе акты комедіи г. Ампи, — г. де С* придумалъ для нея страшное мщеніе.

Въ этотъ вечеръ погода была ужасная : снѣгъ, вѣтеръ, грязь.... Г. де С* въ самую минуту окончанія спектакля, когда уже всѣ двери открылись для выходящихъ, со всѣхъ ногъ бросился на пале-ройальскую площадь, гдѣ всегда стоятъ въ большомъ количествѣ фиакры и наемные кабриолеты, въ ожиданіи театральнаго разъѣзда.... «*Ко мнѣ всѣ извозчики!*» закричалъ онъ громовымъ голосомъ : — «я беру всѣ фиакры и всѣ кабриолеты на часы, я плачу вдвое.... Мнѣ нужны экипажи для свадьбы въ рульскомъ предмѣстіи!»

И онъ роздалъ извозчикамъ нѣсколько монетъ впередъ *en guise de pourboire*. Извозчики были въ восторгѣ. Г. де С* сѣлъ въ одинъ изъ фиакровъ и поѣхалъ. Всѣ остальные потянулись за нимъ.

Кортежъ этотъ двигался по маленьку по улицѣ *Сент-Оноре* въ ту минуту, когда несчастные зрители «*Лорда Новара*» дрожали отъ холода и мокли отъ дождя и снѣга у театральнаго подъѣзда, тщетно призывая извозчиковъ. — *Коммиссіонеры*, посланные ими на пале-ройальскую площадь за каретами, возвратились съ роковымъ отвѣтомъ, что «*площадь пуста и всѣ фиакры разобраны*».

Дѣлать было нечего. Зрители «*Лорда Новара*» принуждены были возвратиться домой пѣшкомъ по снѣгу и грязи ... Большая часть изъ нихъ простудилась и занемогла. Г. де С* съ своимъ кортежемъ около часа катался по улицамъ, смѣясь внутренно и воображая себѣ отчаяніе несчастныхъ защитниковъ г. Ампи : потому онъ возвратился къ себѣ домой, заплатилъ за экипажи 100 экю, — и на другой день рассказывая объ этомъ происшествіи въ *Café Anglais*, — заключилъ свой рассказъ слѣдующими словами :

«*Всѣмъ этимъ я очень доволенъ : я торжественно и громко выразилъ мнѣніе мое о комедіи г. Ампи, наказавъ дерзость публики, выг-*

нашей меня за двери театра, не праздно проведи вечеръ, и насколько не сожалѣю объ издержанных мною деньгахъ.

Вотъ чѣмъ извѣстенъ г. Ампи, нынѣ попавшій въ *безсмертные*. Другихъ свѣдѣній объ немъ мы никакихъ не собрали.

— Кромѣ г.г. Дюма и Ампи вниманіе — и, главное, слухъ парижской публики занимали въ прошедшій мѣсяцъ *четыре венгерскіе музыканта*, составляющіе довольно-пріятный инструментально-вокальный *quatuor*. — Эти артисты подражаютъ голосами звукамъ различныхъ инструментовъ, и притомъ съ закрытымъ ртомъ. Вѣрность ихъ интонаціи, тонкость музыкальных оттѣнковъ, быстрота съ которою они исполняютъ различныя инструментальныя піесы, — все это не могло не произвести эффекта по новости и толпы народа осаждали кассу театра *Vaudeville*, въ залѣ котораго они давали концерты.... Кстати о музыкѣ. — Виолончельстъ г. Серве, такъ хорошо знакомый намъ Русскимъ, производилъ нынѣшнюю зиму въ Парижѣ *фуроръ* своею игрою. «Это талантъ перваго разряда», говоритъ объ немъ г. Берліозъ, — «талантъ Паганиниевской, который удивляетъ, умиляетъ и увлекаетъ своею смѣлостью. Это великій виолончельстъ! Онъ дѣлаетъ чудеса изъ своего инструмента, и притомъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ эффектамъ.... Звуки его вырываются прямо изъ души».

— Г-жа Віардо-Гарція пользуется огромнымъ успѣхомъ въ Берлинѣ, въ этомъ великомъ музыкальномъ центрѣ, какъ выражается о Берлинѣ г. Берліозъ. Триумфъ ея былъ полный въ роли Валентины (въ Гугенотахъ Мейербера); она пѣла на нѣмецкомъ языкѣ, и была, говорятъ, особенно хороша въ 4 актѣ, въ знаменитомъ дуэтѣ, которымъ оканчивается этотъ актъ.... Въ *Жидокѣ* Галеви она пѣла не меньшій успѣхъ. Ее вызывали послѣ каждого акта; по окончаніи спектакля члены оркестра разыграли подъ ея окнами серенаду.

— Въ Вѣнѣ на императорскомъ театрѣ, 18 февраля, дана была въ первый разъ опера Мейербера: *Силезскій лагерь*, подъ именемъ *Wielka* (имя героя либретто). Дженни Линдъ, для которой написана эта опера была превосходна. Мейерберъ самъ держировалъ оркестромъ. Когда онъ вошелъ въ оркестръ, раздался всеобщій крикъ *Vive Meyerbeer!* Крикъ этотъ возобновлялся послѣ каждого акта. Послѣ спектакля знаменитый маэстро вызванъ былъ на сцену и со всѣхъ концовъ залы посыпались на него лавровые вѣнки, нѣкоторые даже со стихами въ честь его.

— Въ письмѣ изъ Парижа, помѣщенномъ въ этой книжкѣ, упоминается о замѣчательныхъ театральныхъ новостяхъ въ Парижѣ.... Мы, съ своей стороны, скажемъ только объ открытіи театра г. Дюма, который окончательно наименованъ: *Историческимъ театромъ*. Открытіе его происходило 21 февраля въ 6½ часовъ. Спектакль (*Королева Марю*, драма г. Дюма въ 5 актахъ и 15 картинахъ) продолжался 8 часовъ сряду, т. е. до 2½ часовъ утра — и, только очень небольшое число зрителей удалилось изъ театра не дождавшихъ конца

этой чудовищной драмы. Герцог Монпансье пріѣхалъ въ театръ первый и уѣхалъ изъ театра, послѣдній. Театръ этотъ въ чертѣ стоитъ г. Дюма 1,500,000 ф. Послѣ сцены *большой оперы сцена историческаго театра* по величинѣ должна занять первое мѣсто.

Восьмичасовая драма г. Дюма имѣла успѣхъ огромный.... Зрители были утомлены и изнучены и, несмотря на то, не могли оторваться отъ своихъ мѣстъ и невольно рукоплескали отъ начала до конца этому безсвязному, но необыкновенно эффектному произведенію. Труппа составлена довольно удачно.... Забѣчательнѣйшіе изъ актеровъ: *Мелані, Руверь, Вильон, Сен-Леонъ и Бумань*. Роль Королевы Марго исполнила какая-то провинціальная знаменитость, но «она играла», по словамъ г. Жюль-Жанена, «изрядно, такъ какъ играютъ въ Парижѣ актрисы съ небольшимъ дарованіемъ....» Декорации и вообще обстановка *Королевы Марго* великолѣпныя....

— 15 февр. открытъ въ Лондонѣ новый *театръ Королевы оперою Фаворитка*. *Гордонъ* въ первый разъ игралъ роль Фернанда. Говорятъ, что онъ имѣетъ всѣ качества, чтобы достойно выполнять роли *Маріо*. — *Гордонъ* принятъ былъ съ громкими рукоплесканіями.

— Но вотъ новость необыкновенная: комьеровъ: *Le Malade imaginaire* и *Georges Dandin*, по приказанію султана, переведены на турецкій языкъ и играны въ присутствіи его турецкими актерами, которые были одѣты въ костюмы вѣка Людовика XIV. Успѣхъ ли это просвѣщенія или нѣтъ — какъ хотите, но все таки это доказательство неоспоримое, какъ удивительно измѣнились въ послѣднее время понятія Мусульманъ. По нашему мнѣнію, это явленіе очень и очень замѣчательное.

— Въ Парижѣ вышелъ превосходный альбомъ — *Избранныя сочиненія Гаварни* (*Oeuvres choisies de Gavagni*). Вотъ гдѣ можно познакомиться съ современнымъ парижскимъ обществомъ!... Г. Гаварни великій комикъ и въ настоящую минуту, можно сказать смѣло, у него нѣтъ соперниковъ.

— Прусскій король даритъ своему крестнику, принцу валлійскому, сыну королевы Викторіи, серебряный щитъ превосходной работы. Щитъ этотъ выставленъ теперь для публки въ одной изъ галлерей королевскаго музея въ Берлинѣ. Онъ имѣетъ форму круглую и весь покрытъ барельефами, исполненными по модели молодого берлинскаго скульптора Фишера. Въ серединѣ щита золотое распятіе; у подножія креста четыре женскія фигуры, также золотыя, олицетворяющія вѣру, милосердіе, надежду и правосудіе. Остальное поле щита изпестрено четверугольниками, въ которыхъ изображены сюжеты изъ вѣтхаго и новаго завѣта. Края щита украшены камнями и кругомъ надпись:

Fredericus Guillelmus, rex Borussiae, Alberto Eduardo, principi Walliae, in memoriam diei bapt. XXV M Jan., A. MDCCCXLII, т. е. Фридерикъ Вильгельмъ, король прусскій, Альберту Эдуарду, принцу валлійскому, въ память дня его крещенія 25 мѣс. января, года 1842.

— Въ Парижѣ въ послѣднее время вышло и выходитъ очень много замѣчательныхъ книгъ. Укажемъ на нѣкоторыя :

Исторія французской революціи Луи Блана (автора Исторіи X лѣтъ) появилась въ концѣ января. Въ одно утро первый томъ разошелся въ числѣ 10,000 экземпляровъ. Второе изданіе его уже готово.

Вышелъ также I томъ *Исторіи французской революціи*, профессора Collège de France, г. Мишлѣ.

Скоро долженъ появиться первый томъ *Исторіи жирондистовъ* г. Дамартина и первый томъ *Исторіи монтаньаровъ* г. Альфонса Эскироса.

Докторъ Корнелій Гофманъ, молодой лингвистъ, сопутствовавшій знаменитому Зибольду въ его двухъ послѣднихъ путешествіяхъ въ Японію, окончилъ свой *монско-французскій словарь*. Король Французовъ приказалъ надать этотъ замѣчательный трудъ на государственныи счетъ.

Выходитъ ливрезономъ 14-е изданіе *Собранія сочиненій Беранже*. — Изданіе это отличается необычайнымъ вкусомъ и великолѣпіемъ въ типографскомъ отношеніи. Г. Беранже подарилъ издателю, г. Перротеню, восемь новыхъ пѣсень. Пѣсни эти должны появиться въ послѣднихъ ливрезонахъ.

Г. Марье издалъ свои путешествія подъ названіемъ: *Отъ Рейна до Нила (Du Rhin au Nil)*. Книжка эта только что получена въ Петербургѣ. Мы пробѣжали ее, и, признаемся, нашли въ ней не много новаго и замѣчательнаго.

— 25 января умеръ въ Парижѣ членъ французской академіи, баронъ Александръ Гиро (Guiraud) послѣ долгой и тяжелой болѣзни. Гиро еще не было 60 лѣтъ... Въ теченіи 6 лѣтъ французская академія лишилась 12 своихъ членовъ.... Вотъ и еще пустое кресло. Кѣмъ-то замѣстится оно?

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ СОВРЕМЕННОСТИ. — Милостивый государь, въ ноябрьской книжкѣ «Современника» за прошлый 1846 годъ была напечатана весьма лестная для меня рецензія на мою книгу: *Основанія Математической Теоріи Вѣроятностей*. Такой отзывъ объ моемъ трудѣ я отношу болѣе къ снисходительности, съ которою рецензентъ смотрѣлъ на первый опытъ на русскомъ языкѣ о столь трудномъ предметѣ, какъ анализъ вѣроятностей, чѣмъ къ внутреннему достоинству самого сочиненія. При всемъ томъ этотъ первый привѣтъ не могъ не порадовать меня, тѣмъ болѣе, что вся рецензія проникнута живымъ участіемъ и доброжелательствомъ, которыя не всегда встрѣчаются въ критическихъ разборахъ. Нынѣ, ниѣя въ виду войти въ нѣкоторыя объясненія относительно этой книги, я увѣренъ,

М. Г., что вы дадите имъ мѣсто въ томъ же журналѣ, редація котораго теперь перешла къ вамъ.

Читая въ здѣшнемъ университетѣ лекціи о математической теоріи вѣроятностей и руководствуясь, при моихъ чтеніяхъ, этою самою книгою, я имѣлъ уже случай сдѣлать разныя замѣчанія, которыя клонятся вообще къ ея улучшенію и къ устраненію нѣкоторыхъ недостатковъ изложенія. Полагаю излишнимъ исчислять здѣсь измѣненія, которымъ я призналъ бы полезнымъ подвергнуть мое сочиненіе: но одно опущеніе въ немъ, кажется, мнѣ болѣе важнымъ, и потому спѣшу поставить его на видъ.

Упущеніе это относится, впрочемъ, не къ тексту сочиненія, а къ IV и IX *примѣчаніямъ*, напечатаннымъ въ концѣ книги, я состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ IV *примѣчаніи* предлагаются разныя изслѣдованія объ одномъ опредѣленномъ интегралѣ, весьма употребительномъ въ анализѣ вѣроятностей. Въ заключеніи статьи (§ 3, стр. 416), я помѣстилъ любопытное разложеніе упоминаемаго интеграла въ непрерывную дробь, первоначально найденное *Лапласомъ* и изложенное имъ въ X книгѣ его *Небесной Механики*. Но приведенное мною доказательство этого разложенія, которое читатели, конечно, найдутъ весьма остроумнымъ и совершенно удовлетворительнымъ со стороны строгости, принадлежитъ не Лапласу, а нашему знаменитому математику М. В. Остроградскому, о чемъ у меня не упомянуто.

2) Въ началѣ IX *примѣчанія* я также не упомянулъ, что разсмотрѣніе опредѣленныхъ интеграловъ въ связи ихъ съ *средними арифметическими величинами*, есть тоже мысль академика Остроградскаго. Этотъ способъ воззрѣнія на трансцендентный анализъ онъ изложилъ съ возможною подробностію на публичныхъ лекціяхъ объ интегральномъ исчисленіи, которыя онъ читалъ на Русскомъ языкѣ въ 1837 и 1838 годахъ. Опредѣлительность подобнаго взгляда на интегралы и значительныя его выгоды во многихъ приложеніяхъ математическаго анализа даютъ этому способу несомнѣнное преимущество предъ всѣми другими изложеніями того же предмета. И хотя, по гласности лекцій, читанныхъ академикомъ Остроградскимъ тому уже десять лѣтъ, первенство этой мысли, безъ сомнѣнія, давно уже утверждено за нимъ во мнѣніи отечественныхъ математиковъ, но какъ самое изложеніе упоминаемаго способа является напечатаннымъ, если не ошибаюсь, въ первый разъ, въ моей книгѣ, то считаю, съ своей стороны, это объясненіе не лишнимъ.

Если, сверхъ ожиданія, кромѣ этихъ двухъ мѣстъ, найдутся еще и другія, въ которыхъ я забылъ поименовать кого либо изъ русскихъ математиковъ, надѣюсь на ихъ снисхожденіе: они сами знаютъ, что иногда большая или меньшая степень извѣстности излагаемой теоріи или аналитическаго приѣма можетъ поставить автора въ нерѣшимость—дѣлать ли цитаты или нѣтъ.

Впрочемъ, обращаюсь снова къ означеннымъ моимъ упущеніямъ, замѣчу только, что они, при изобиліи примѣчательныхъ трудовъ, которыми ознаменовалъ себя нашъ русскій математикъ, не могутъ имѣть никакого значенія относительно его ученой славы. И эти строки я пишу единственно для того, чтобы воздать должному должное.

Примите и проч.

В. Буняковскій.

Февраля, 1847 г.

Парижскія моды. Одинъ изъ послѣднихъ вечерней герцога немурскаго передъ постомъ отличался не многочисленнымъ, но самымъ избраннымъ обществомъ. Костюмы были чудо какъ хороши, особенно костюмъ графини Рожье. Нельзя было глазъ отвести отъ этого костюма! Вообразите себя, если только вы можете это вообразить, платье изъ жонкилевскаго крепа съ разрезными юлапами, — прелестное, воздушное платье, которое такъ гармонировало.... *avec une coiffure de fruits*.... Мы поневоля вышпываемъ французскія фразы (читательницы вѣрно не будутъ на насъ за это въ претензіи), потому-что по-русски нѣтъ никакой возможности выразиться съ приличною граціею о дамскихъ туалетахъ. Языкъ нашъ еще слишкомъ грубъ и неповоротливъ для этого.... На г-жѣ Суси было платье изъ бѣлаго атласа, убранный кружевами Волосы ея украшались розовыми живыми рододендропами. Много было живыхъ цвѣтовъ на этомъ вечерѣ.... Какъ шли, папримѣръ, фіалки къ княгинѣ Куракиной! какъ хороша была головка графиня Д', украшенная *изъ-розово бѣлыми* камеліями, то есть, камеліями *blanc rose*

На балѣ у неаполитанскаго посланника, гдѣ было 700 человекъ, туалеты были необыкновенно разнообразны: много замѣчено легкихъ платьевъ, убранныхъ отъ подола до колѣнъ тюлемъ *buillonés*; много платьевъ съ тремя юлками, украшенныхъ атласными руло, которыя доходили до талии, и букетами цвѣтовъ; много *robes de moi-ge*, убранныхъ кружевами и открытыхъ съ боковъ, для того, чтобы пропустить облако тюля, которое перехватывается лентами или драгоценными камнями, а часто и тѣмъ и другимъ. «Рѣшительно недоумываешь (такъ пишетъ г-жа Леонтина де В.), которому изъ этихъ

платьевъ отдать преимущество». Мы совершенно согласны съ г-жой Леонтиной В. — Въ самомъ дѣлѣ, это очень затрунительно !

Въ послѣднее воскресенье на масляницѣ данъ былъ великолѣпный праздникъ г. Фридерикомъ Сулье. На этомъ праздникѣ Серве игралъ на своей удивительной виолончели, ученица Гардіа — Антонія Менди пѣла итальянскія арии.... Женщины были одѣты артистически... Цвѣтныя гирлянды, платья изъ розоваго, бѣлаго и синеватаго крепа,—все это вмѣстѣ производило эффектъ удивительный. — Въ 3 часа танцовали съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и въ 12.

Маленькіе утренніе чепчики (*petit bonnet Marie-Stuart*), всѣ переплетенные узенькими ленточками, въ большемъ ходу. Наколки изъ лентъ для простыхъ вечеровъ также въ сильномъ употребленіи.

Особенныхъ новостей, впрочемъ, никакихъ. Фасонъ шляпокъ не измѣнился. Безъ кружевъ и цвѣтовъ по прежнему нельзя показаться ни на одинъ вечеръ.

Петербургскія моды. Въ настоящее время въ петербургскихъ модахъ мало разнообразія. Великій постъ наступилъ и балы прекратились. — Петербургскія красавицы донашиваютъ свои зимніе наряды, и въ ожиданіи Святой-недѣли и весенняго солнца, чтобы сбросить съ себя мѣха, тяжелыя матеріи и облечься въ свѣтлыя, легкія, воздушныя ткани. — Модистки на досугъ считаютъ теперь полученные ими барыши за прошедшій балльный сезонъ и обдумываютъ новые наряды для весны. — Одинъ только, можетъ быть, бѣдныя швеи рады наступившему посту : ихъ окостенѣвшіе пальцы, неразгибавшіеся отъ Рождества до конца масляной, теперь могутъ выпрямиться. — Въ городѣ тишина... Изрѣдка рауты, нѣсколько концертовъ съ громкими и не громкими именами артистовъ, до которыхъ, впрочемъ, петербургскія лавицы небольшія охотницы. — Онѣ любятъ гораздо болѣе катанье съ горъ. Почти ежедневно устраиваются пикники, — и главная принадлежность ихъ непременно *горы*. — На дняхъ вечеромъ, проѣзжая по каменному острову, мы были поражены удивительнымъ, оригинальнымъ зрѣлищемъ. Устроенныя тамъ горы были великолѣпно иллюминированы фонарями à la *kiakin*; шумное общество весело каталось съ горъ, при этомъ фантастическомъ освѣщеніи. Мы полагаемъ, что такого рода ночныя катанья съ горъ имѣютъ особую заманчивость. Говорятъ, этотъ ночной пикникъ устроенъ былъ нѣсколькими молодыми фэшенблэмп для избранныйшихъ красавицъ большаго свѣта въ награду за ихъ умъ, грацію и безчисленное множество кадрилией, полекъ и мазурокъ, которыми онѣ дарили ихъ на прошедшихъ балахъ.

На этомъ катаньи мы ничего не могли замѣтить особеннаго. — Бархатныя платья, маленькія шляпки, меховыя мантильи, муфты, — вотъ и все. — Дамы всѣ были закутаны въ мехъ, потому что въ этотъ вечеръ морозъ былъ довольно сильный....

«Но вьюги съвера не вредны Русской розѣ»....

.....

Обратимся теперь къ послѣднимъ днямъ масляницы, къ этимъ днямъ, которые проводятся обыкновенно съ весельемъ шумнымъ и бѣшвымъ. — Въ эти дни высшее петербургское общество танцовало съ вечера до утра, или, правильнѣе, отъ утра до утра: сколько роскошныхъ, изящныхъ, великолѣпныхъ нарядовъ, видѣли мы въ эти дни! Страшный эффектъ произвелъ, между прочимъ, слѣдующій нарядъ:—бѣлое кисейное платье; юбка вся съ верху до низу въ кружевныхъ прошивкахъ, обшитыхъ по краямъ тоненькою соломенною тесьмою; талія вся въ складкахъ; рукава съ легкими буфами, съ прошивками и соломою; а на головѣ вѣнокъ изъ васильковъ; какъ это мило.... Много было и другихъ превосходныхъ костюмовъ, но въ многолюдныхъ, блестящихъ собраніяхъ, тамъ, гдѣ всѣ такъ хорошо одеваются, нужно имѣть костюмъ особенно изящный и оригинальный, чтобы онъ могъ быть отличенъ отъ другихъ. — На предпоследнемъ балѣ въ субботу на масляницѣ, въ великолѣпныхъ палатахъ одного изъ богатѣйшихъ русскихъ вельможъ, привлекъ всеобщее вниманіе костюмъ г-жи С. Платье блажеваго, нѣсколько блестящаго муаре, обшитою двумя широкими воланами изъ черныхъ кружевъ, перехваченныхъ напередѣ четырьмя бантами съ тремя длинными концами изъ ленты такого же цвѣта, какъ платье; берта — черная кружевная; на груди большой букетъ и на головѣ вѣнокъ à la duchesse изъ блажевыхъ розъ съ незабудками. — Какое разное соединеніе цвѣтовъ! Но такія разкости въ костюмѣ, хотя и изящномъ, не всѣ могутъ позволить себѣ. Для этого нужно имѣть и стройный, гибкій станъ, и живое, умное и выразительное лицо, и... да мало ли еще что нужно для этого?... Изобиліе и роскошь кружевъ — невѣроятны. Напримѣръ: платье на К. Ю. было все кружевное на розовомъ чехлѣ. И знатоки цѣнятъ это платье въ 15,000 руб. асс.! Кстати о роскоши: передъ масляной намъ удалось видѣть приданое одной изъ самыхъ богатѣйшихъ невестъ въ Петербургѣ, гр. З., теперь уже гр. Н. Мы не будемъ говорить ни о бриллиантовыхъ *парюрахъ* поразительной величины: изумрудныхъ, сапфирныхъ, бирюзовыхъ и прочее, ни о несметномъ числѣ платьевъ балныхъ, утреннихъ, вечернихъ, визитныхъ изъ всѣхъ возможныхъ матерій, — ни о мантильяхъ и шляпкахъ самыхъ разнообразнѣйшихъ, ни о богатѣйшихъ турецкихъ ша-

ляхъ, ни о дорогихъ мехахъ, — скажешь только несколько словъ о бѣльѣ. потому-что это чудо роскоши. Все оно почти сделано изъ лино-батмста. — Что за издѣльные пенюары, манишки, воротнички! какое удивительное шитье! какая отделка! Это верхъ совершенства! Парадные простыни обшиты валансьенскими кружевами, подушки съ такими же кружевами и съ шитьемъ по угламъ; но всего замѣчательнѣе, — это носовые платки, вышитые *point d'arme* и обшитые валансьенскими кружевами тонкости, ширивы и узоры непостижимыхъ. Это приданое не выходитъ у насъ изъ головы!

СОВРЕМЕНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. ВЕНКТЕВОВА

ТОМЪ II, 2

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВЪЛАРАА ПРАЦА

=
1847

СОВРЕМЕНИКЪ

II,2

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. ПАНАЕВЫМЪ И П. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦИЮ
А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ II

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАУАРА ДРАЦА

=
1847

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1975

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin – DDR
Ag 509/122/1974

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Прошло съ годъ послѣ описанныхъ въ послѣдней главѣ первой части сценъ и происшествій.

Александръ, мало по малу, перешелъ отъ мрачнаго отчаянья къ холодному унынію. Онъ уже не гремѣлъ проклятіями, съ присовокупленіемъ скрежета зубовъ, противъ графа и Надиньки, а клеймилъ ихъ глубокимъ презрѣніемъ.

Лизавета Александровна утѣшала его со всею нѣжностію друга и сестры. Онъ поддавался охотно этой милой опецѣ. Всѣ такія натуры, какова была его, любятъ отдавать свою волю въ распоряженіе другого. Для нихъ нянька — необходимость. Наконецъ, страсть выдохлась въ немъ, истинная печаль прошла; но ему жаль было разстаться съ нею: онъ насильственно продолжилъ ее, или, лучше сказать, создалъ себѣ искусственную грусть, игралъ, красовался ею и утопалъ въ ней. Ему какъ-то нравилось играть роль страдальца. Онъ былъ тихъ, важенъ, туманенъ, какъ человѣкъ, выдержавшій, по его словамъ, *ударъ рока*, — говорилъ о высокихъ страданіяхъ, о святыхъ, возвышен-

ныхъ чувствахъ, смятыхъ и втоптаныхъ въ грязь — «и кѣмъ?» прибавлялъ онъ: — «дѣвчонкой, кокеткой и презрѣннымъ развратникомъ, мишурнымъ львомъ. Неужели судьба послала меня въ міръ для того, чтобъ все, что было во мнѣ высокаго, принести въ жертву ничтожеству?» Ни мужчина мужчинѣ, ни женщина женщинѣ не простили бы этого притворства и сейчасъ свели бы другъ друга съ ходулей. Но чего не прощаютъ молодые люди разныхъ половъ другъ другу?

Лизавета Александровна слушала снисходительно его іереміады и утѣшала, какъ могла. Ей это было вовсе непротивно, можетъ быть и потому, что въ племянникѣ она все таки находила сочувствіе собственному сердцу, слышала въ его жалобахъ на любовь голось нечуждыхъ и ей страдавій. Она жадно прислушивалась къ стонѣмъ его сердца и отвѣчала на нихъ непримѣтными вздохами и не кѣмъ невидимыми слезами. Она даже и на притворныя и приторныя изліянія тоски племянника находила утѣшительныя слова въ такомъ же тонѣ и духѣ; но Александръ и слушать не хотѣлъ.

— О, не говорите мнѣ, *ma tante*, возражалъ онъ: — я не хочу позорить святого имени любви, называя такъ наши отношенія съ этой.... Тутъ онъ дѣлалъ презрительную гримасу и готовъ былъ, какъ Петръ Ивановичъ, спросить: какъ ее? — Впрочемъ, прибавлялъ онъ еще съ большимъ презрѣніемъ: — ей простиительно: я слишкомъ былъ выше и ея, и графа, и всей этой жалкой и мелкой сферы; не мудрено, что я остался неразгаданнымъ и непонятнымъ ей. — И послѣ этихъ словъ онъ еще долго сохранялъ презрительную гримасу, въ которой главную роль играла нижняя губа.

— Дядюшка твердить, что я долженъ быть благодаренъ Иадннѣ, продолжалъ онъ: — за что? чѣмъ ознаменована эта любовь? все пошлости, все общія мѣста. Было ли какое нибудь явленіе, которое бы выходило изъ обыкновеннаго круга ежедневныхъ дразговъ? Видно ли было въ этой любви сколько нибудь героизма и самоотверженія? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! она все почти дѣлала съ вѣдома матери! отступила ли для меня хоть разъ отъ условій свѣта, отъ долга? никогда, никогда! и это любовь!!! дѣвушка — и не умѣла влить поэзіи въ это чувство!

— Какой же любви потребовали бы вы отъ женщины? спросила Лизавета Александровна.

— Какой! отвѣчалъ Александръ : — я бы потребовалъ отъ нея первенства въ ея сердцѣ. Любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, кромѣ меня. Всѣ они должны казаться ей невыносимы. Я одинъ выше, прекраснѣе, — тутъ онъ выпрямился, — лучше, благороднѣе всѣхъ. Каждый мигъ, прожитый не со мной, для нея потерянный мигъ. Въ моихъ глазахъ, въ моихъ разговорахъ должна она почерпать блаженство и не знать другого....

Лизавета Александровна начала гримасничать, чтобъ скрыть улыбку. Александръ не замѣчалъ.

— Для меня, продолжалъ онъ съ блистающими глазами : — она должна жертвовать всѣмъ : презрѣнными выгодами, расчетами, свергнуть съ себя деспотическое иго матери, мужа, бѣжать, если нужно, на край свѣта, сносить энергически всѣ лишеныя, наконецъ — презрѣть самую смерть, — вотъ любовь ! а эта....

— А вы чѣмъ бы вознаградили за эту любовь? спросила тетка.

— Я? О! началъ Александръ, возводя взоры къ небу : — я бы посвятилъ всю жизнь ей, я бы лежалъ у ногъ ея; смотрѣть ей въ глаза было бы высшимъ счастьемъ. Каждое слово ея было бы мнѣ закономъ. Я бы пѣлъ ея красоту, нашу любовь, природу.

Съ ней обрѣли бѣ уста мои
Языкъ Петрарка и любви....

но развѣ я не доказалъ Надинькѣ, какъ я могу любить, а она....

— Такъ вы совсѣмъ не вѣрите въ чувство, когда оно не выказывается такъ, какъ вы хотите? Сильное чувство прячется....

- Не хотите ли вы увѣрить меня, *ma tante*, что такое чувство, какъ дядюшкино, напимѣръ, прячется? Не увѣрите.

Лизавета Александровна слегка покраснѣла. Она не могла внутренно не согласиться съ племянникомъ, что чувство безъ всякаго проявленія какъ-то подозрительно, что, можетъ быть, его и нѣтъ, что еслибъ было, оно бы прорвалось наружу, что кромѣ самой любви, обстановка ея заключаетъ въ себѣ неизъяснимую предельность.... Тутъ она мысленно пробѣжала весь періодъ своей замужней жизни и глубоко задумалась. Нескром-

ный намекъ племянника пошевелилъ въ ея сердцѣ тайну, которую она прятала такъ глубоко, и навелъ ее на вопросъ — счастлива ли она? Жаловаться она не имѣла права. Всѣ наружныя условія счастья, за которымъ гоняется толпа, исполнялись надъ нею, какъ по заданной программѣ. Довольство, даже роскошь въ настоящемъ, обезпеченность въ будущемъ, — все избавляло ее отъ мелкихъ, горькихъ заботъ, которыя сосутъ сердце и сушатъ грудь множества бѣдняковъ. Мужъ ея неутомимо трудился и все еще трудится. Но что было главною цѣлюю его трудовъ? Трудился ли онъ для высокой, поэтической цѣли, исполняя предъ лицомъ судьбы заданный ему урокъ, или только для мелочныхъ причинъ, чтобы пріобрѣсть между людьми чиновное и денежное значеніе, для того ли, наконецъ, чтобы его не гнули въ дугу нужда, обстоятельства? Богъ его знаетъ. О высокихъ цѣляхъ онъ разговаривать не любилъ, называя это бредомъ, а говорилъ сухо и просто, что надо *дѣло дѣлать*. Лизавета Александровна вывела только то грустное заключеніе, что не она и не любовь къ ней были единственною цѣлюю его ревнѣнія и усилій. Онъ трудился и до женитьбы, еще не зная своей жены. О любви онъ ей никогда не говорилъ и у ней не спрашивалъ; на ея вопросы объ этомъ отдѣлывался шуткой, остротой или дремотой. Вскорѣ послѣ знакомства съ нею, онъ заговорилъ о сватбѣ, какъ будто давая знать, что любовь тутъ сама собою разумѣется, и что объ ней толковать много нечего. Онъ былъ врагъ всякихъ эффектовъ — это бы хорошо; но онъ не любилъ и искреннихъ проявленій сердца, не вѣрилъ этой потребности и въ другихъ. Между тѣмъ, онъ однимъ взглядомъ, однимъ словомъ могъ бы создать въ ней глубокую страсть къ себѣ; но онъ молчитъ, онъ не хочетъ. Это даже не льститъ его самолюбію. Она попробовала возбудить въ немъ ревность, думая, что тогда любовь непременно выскажется.... Ничего не бывало. Чуть онъ замѣтитъ, что она отличаетъ въ обществѣ какого нибудь молодого человѣка, онъ спѣшитъ пригласить его къ себѣ, обласкаетъ, самъ не нахвалится его достоинствами и не боится оставлять его наединѣ съ женой — убійственно! Лизавета Александровна иногда обманывала себя, мечтая, что, можетъ быть, Петръ Ивановичъ дѣйствуетъ стратегически, что не въ томъ ли состоитъ его таинственная метода, чтобы, поддерживая въ ней всегда сомнѣніе, тѣмъ поддерживать и самую любовь.

Но при первомъ отзывѣ мужа о любви, она тотчасъ же разочаровывалась. Еслибъ онъ еще былъ грубъ, неотесанъ, бездушень, тяжелоумень, одинъ изъ тѣхъ мужей, которымъ нима легионъ, которыхъ такъ безгрѣшно, такъ нужно, такъ отрадно обманывать для ихъ и своего счастья, которые, кажется, для того и созданы, чтобъ женщина искала вокругъ себя и любила диаметрально противоположное имъ. Но Петръ Ивановичъ былъ человѣкъ съ умомъ п тактомъ, не часто встрѣчающимися. Онъ былъ тонокъ, проницателенъ, ловокъ. Онъ понималъ всѣ тревоги сердца, всѣ душевныя бури, но понималъ — и только. Весь кодексъ сердечныхъ дѣлъ былъ у него въ головѣ, но не въ сердцѣ. Въ его сужденіяхъ объ этомъ видно было, что онъ говоритъ какъ бы слышанное и затверженное, но отнюдь не прочувствованное. Онъ разсуждалъ о страстяхъ вѣрно, но не признавалъ надъ собой ихъ власти, даже смѣялся надъ ними, считая ихъ ошибками, уродливыми отступленіями отъ дѣйствительности, чѣмъ-то въ родѣ болѣзней, для которыхъ, современнымъ, явится своя медицина. Лизавета Александровна чувствовала его умственное превосходство надъ всѣмъ окружающимъ и терзалась этимъ. «Еслибъ онъ не былъ такъ уменъ, думала она:—я бы была спасена....» Онъ поклоняется положительнымъ цѣлямъ, это ясно, и требуетъ чтобъ и жена жила немечтательною жизнію. «Но Боже мой! думала Лизавета Александровна:—ужели онъ женился только для того, чтобъ имѣть хозяйку, чтобъ придать своей холостой квартирѣ полноту и достоинство семейнаго дома, чтобъ имѣть больше вѣса въ обществѣ? Хозяйка, жена — въ самомъ прозаическомъ смыслѣ этихъ словъ! Да развѣ онъ не постигаетъ, со всѣмъ своимъ умомъ, что и въ положительныхъ цѣляхъ женщины присутствуетъ непременно любовь?... Семейныя обязанности — вотъ ея заботы; но развѣ можно исполнять ихъ безъ любви? и няньки, и кормилицы, и тѣ творятъ себѣ кумира изъ ребенка, за которымъ ходить; а жена, а мать! О, пусть я купила бы себѣ чувство муки, пусть бы перенесла всѣ страданія, какія неразлучны съ страстью, но лишь бы жить полною жизнію, лишь бы чувствовать свое существованіе, а не прозябать!...» Она взглянула на роскошную мебель, на всѣ игрушки и дорогія бездѣлки своего будуара — и весь этотъ комфортъ, которымъ у другихъ заботливая рука любящаго человѣка окружаетъ любимую женщину,

показался ей холодною насмѣшкой надъ истиннымъ счастьемъ. Она была свидѣтельницею двухъ страшныхъ крайностей — въ племянникѣ и мужѣ. Одинъ — восторженъ до сумазбродства, другой — ледянь до ожесточенія. «Какъ мало понимаютъ оба они, да и большая часть мужчинъ, истинное чувство! и какъ я понимаю его! думала она: — а что пользы? зачѣмъ? О, еслибъ....» Она закрыла глаза и пребыла такъ нѣсколько минутъ, потомъ открыла ихъ, оглянулась вокругъ, тяжело вздохнула и тотчасъ приняла обыкновенный, покойный видъ. Бѣдняжка! Никто не зналъ объ этомъ, никто не видалъ этого! Ей бы вмѣнили въ преступленіе эти невидимыя, неосязаемыя, безыменные страданія, безъ ранъ, безъ крови, прикрытыя не лохмотьями, а бархатомъ. Но она съ героическимъ самоотверженіемъ таила свою грусть, да еще находила довольно силъ, чтобы утѣшать другихъ.

Скоро Александръ пересталъ говорить и о высокихъ страданіяхъ и о непонятой и неощущенной любви. Онъ перешелъ къ болѣе общей темѣ. Онъ жаловался на скуку жизни, пустоту души, на томительную тоску.

Я пережилъ свои страданья,
Я разлюбилъ свои мечты....

твердилъ онъ безпрестанно.

— И теперь меня преслѣдуетъ черный демонъ. Онъ, *ma tante*, всюду со мной: и ночью, и за дружеской бесѣдой, за чашей пиршества, и въ минуту глубокой думы!

Такъ прошло нѣсколько недѣль. Кажется, вотъ еще бы недѣльки двѣ, такъ чудакъ и успокоился бы совсѣмъ и, можетъ быть, сдѣлался бы весьма порядочнымъ, т. е. весьма простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ всѣ. Такъ нѣтъ! Особенность его странной природы находила вездѣ случай проявиться. Однажды онъ пришелъ къ теткѣ въ припадкѣ какого-то злобнаго расположенія духа на весь родъ людской. Что слово, то колкость, что сужденіе, то эпиграмма, направленная и на тѣхъ, кого бы нужно уважать. Пощады не было никому. Досталось и ей, и Петру Ивановичу. Лизавета Александровна стала допытываться причины.

— Вы хотите знать, началъ онъ тихо, торжественно, — что меня теперь *волнуеть, бьситъ*? слушайте же : вы знаете, я имѣлъ друга, котораго не видалъ нѣсколько лѣтъ, но для котораго у меня всегда оставался уголокъ въ сердцѣ. Дядюшка, вначалѣ моего прїѣзда сюда, принудилъ меня написать къ нему странное письмо, въ которомъ заключались его любимыя правила и образъ мыслей. Но я то изорвалъ и послалъ другое, стало быть, мѣняться моему прїятелю было не отъ чего. Послѣ этого письма наша переписка прекратилась, и я потерялъ своего прїятеля изъ виду. Что же случилось? Дня три назадъ, иду по Невскому проспекту и вдругъ вижу его. Я остолбенѣлъ, по мнѣ побѣжали искры, въ глазахъ явились слезы. Я протянулъ ему руки и не могъ отъ радости сказать ни слова : духъ захватило. Онъ взялъ одну руку и пожалъ. «Здравствуй Адуевъ», сказалъ онъ такимъ голосомъ, какъ будто мы вчера только съ нимъ разстались. «Давно ли ты здѣсь?» удивился, что мы до сихъ поръ не встрѣтились, слегка спросилъ, что я дѣлаю, гдѣ служу, долгомъ счелъ увѣдомить, что онъ имѣетъ прекрасное мѣсто, доволенъ и службой, и начальниками, и товарищами и... всѣми людьми и своей судьбой... потомъ сказалъ, что ему некогда, что онъ торопится на званый обѣдъ — слышите, *ma tante*? при свиданіи, послѣ долгой разлуки съ другомъ, онъ не могъ отложить обѣда....

— Но, можетъ быть, его стали бы ждать, замѣтила тетка : — приличія не позволили....

— Приличія и дружба! и вы, *ma tante*! да это еще что : я вамъ скажу лучше. Онъ сунулъ мнѣ въ руку адресъ, сказалъ, что вечеромъ на другой день ожидаетъ меня къ себѣ — и исчезъ. Долго я смотрѣлъ ему вслѣдъ и все не могъ притти въ себя. Это товарищъ дѣтства, это другъ юности! хорошъ! Но потомъ подумалъ, что, можетъ быть, онъ все отложилъ до вечера и тогда посвятить время искренней, душевной бесѣдѣ. «Такъ и быть, думаю, пойду». Являюсь. У него было человекъ десять прїятелей. Онъ протянулъ мнѣ руку ласковѣе, нежели наканунѣ — это правда; но зато, не говоря ни слова, тотчасъ же предложилъ сѣсть за карты. Я сказалъ, что не играю, и усѣлся одинъ на диванѣ, полагая, что онъ броситъ карты и придетъ ко мнѣ. «Не играешь! сказалъ онъ съ удивленіемъ : — что же ты дѣлаешь?» хорошъ вопросъ! а? Вотъ я жду часъ, два, онъ не подходитъ ко

мнѣ; я выхожу изъ терпѣнія. Онъ предлагалъ мнѣ то сигару, то трубку, жалѣлъ, что я не играю, что мнѣ скучно, старался занять меня чѣмъ, какъ вы думаете? безпрестанно обращался ко мнѣ и рассказывалъ всякій свой удачный и неудачный выходъ. Я, наконецъ, не вытерпѣлъ, подошелъ къ нему и спросилъ, намѣренъ ли онъ удѣлить мнѣ сколько нибудь времени въ этотъ вечеръ? А сердце у меня такъ и кипѣло, голосъ дрожалъ. Это его, кажется, удивило. Онъ посмотрѣлъ на меня странно. «Хорошо, говорить, вотъ дай кончить пульку». Какъ только онъ сказалъ мнѣ, я схватилъ шляпу и хотѣлъ уйти, но онъ замѣтилъ и остановилъ меня. «Пулка кончается, сказалъ онъ: — сейчасъ будемъ ужинать». Наконецъ, кончили. Онъ сѣлъ подлѣ меня и звѣнулъ: тѣмъ и началась наша дружеская бесѣда. «Ты мнѣ что-то хотѣлъ сказать?» спросилъ онъ. Это было сказано такимъ монотоннымъ и безчувственнымъ голосомъ, что я, ничего не говоря, только посмотрѣлъ на него съ грустной улыбкой. Тутъ онъ вдругъ будто ожилъ и засыпалъ меня вопросами: «что съ тобой? да не нуждаешься ли ты въ чемъ? да не могу ли я быть тебѣ полезнымъ по службѣ?...» и т. п. Я покачалъ головой и сказалъ ему, что я хотѣлъ говорить съ нимъ не о службѣ, не о матеріальныхъ выгодахъ, а о томъ, что ближе къ сердцу: о золотыхъ дняхъ дѣтства, объ играхъ, о проказахъ.... Онъ, представьте, даже не далъ мнѣ договорить. «Ты еще все, говорить, такой же мечтатель!» потомъ вдругъ переѣнилъ разговоръ, какъ будто считая его пустяками и началъ серьезно расспрашивать меня о моихъ дѣлахъ. о надеждахъ на будущее, о карьерѣ, какъ дядюшка. Я удивился, не вѣрилъ, чтобъ въ человѣкѣ могло до такой степени огрубѣть сердце. Я хотѣлъ испытать его въ послѣдній разъ, привязался къ вопросу его о моихъ дѣлахъ и началъ рассказывать о томъ, какъ поступили со мной: «ты выслушай, что сдѣлали со мной люди....» началъ было я. «А что? вдругъ перебилъ онъ съ испугомъ: — вѣрно обокрали?» Онъ думалъ, что я говорю про лакеевъ; другого горя онъ не знаетъ, какъ дядюшка: до чего можетъ окаменѣть человѣкъ! «Да, сказалъ я: — люди обокрали мою душу...» Тутъ я заговорилъ о моей любви, о мученіяхъ, о душевной пустотѣ... я началъ было увлекаться и думалъ, что повѣсть моихъ страданий растопитъ ледяную кору, что еще въ глазахъ его не высохли слезы.... Какъ вдругъ онъ — разразился хохотомъ; смотрю,

въ рукахъ у него платокъ : онъ во время моего разсказа все крѣпился , наконецъ , не выдержалъ.... Я въ ужасѣ остано-вился .

— Полно , полно , сказалъ онъ : — лучше выпей-ка водки да станемъ ужинать . Человѣкъ! водки . Пойдемъ , пойдемъ , ха , ха , ха.... есть славный.... рост.... ха , ха , ха.... ростбифъ....

Онъ взялъ было меня подъ руку , но я вырвался и бѣжалъ отъ этого чудовища.... Вотъ каковы люди , ma tante! заклю-чилъ Александръ , потомъ махнулъ рукой и ушелъ .

Лизаветѣ Александровнѣ стало жаль Александра , жаль его пылкаго , но ложно направленного сердца . Она увидѣла , что , при другомъ воспитаніи и правильномъ взглядѣ на жизнь , онъ былъ бы счастливъ самъ и могъ бы осчастливить когонибудь еще . А теперь онъ жертва собственной сѣпноты и самыхъ му-чительныхъ заблужденій сердца . Онъ самъ дѣлаетъ изъ жизни пытку . Какъ указать настоящій путь его сердцу ? Гдѣ этотъ спасительный компасъ ? Она чувствовала , что только нѣжная , дружеская рука могла ухаживать за этимъ цвѣткомъ . Ей уда-лось уже разъ укротить непокойные порывы въ сердцѣ племян-ника , но то было въ дѣлѣ любви . Тамъ она знала , какъ обой-тись съ оскорбленнымъ сердцемъ . Она , какъ искусная дипло-матка , первая осыпала укоризнами Надиньку , выставила ее по-ступокъ ея самомъ чорномъ видѣ , опошшила ее въ глазахъ Алек-сандра и успѣла доказать ему , что она недостойна любви его . Этимъ она вырвала изъ сердца Александра мучительную боль , замѣнивъ ее покойнымъ , хотя не совсѣмъ справедливымъ чув-ствомъ — презрѣніемъ . Петръ Ивановичъ , напротивъ , старался оправдать Надиньку и этимъ не только не успокоилъ , но еще растравилъ его муку , заставилъ думать , что ему предпочтенъ достойнѣйшій . Но въ дружбѣ другое дѣло . Лизавета Алексан-дровна видѣла , что другъ Александра былъ виноватъ въ его глазахъ и правъ въ глазахъ толпы . Прошу растолковать это Александру ! Она не рѣшалась на этотъ подвигъ сама и прибѣгла къ мужу , полагая , не безъ основанія , что у него за доводами противъ дружбы дѣло не станеть .

— Петръ Ивановичъ ! сказала она однажды ему ласково : — я къ тебѣ съ просьбой .

— Говори : ты знаешь , на твои просьбы отказа нѣтъ . Вѣрно , о петергофской дачѣ : вѣдь еще теперь рано....

— Нѣтъ! сказала Лизавета Александровна.

— Что же? ты говорила, что боишься нашихъ лошадей: хотѣла посмирнѣе....

— Нѣтъ!

— Ну? о новой мебели?...

Она покачала головой.

— Воля твоя, не знаю, сказалъ Петръ Ивановичъ: — вотъ возьми лучше ломбардный билетъ и распорядись, какъ тебѣ нужно; это вчерашній выигрышъ....

Онъ досталъ было бумажникъ.

— Нѣтъ, не беспокойся, спрячь деньги назадъ! сказала Лизавета Александровна: — это дѣло не будетъ стоить тебѣ ни копѣйки.

— Не брать денегъ, когда даютъ! сказалъ Петръ Ивановичъ, пряча бумажникъ: — это непостижимо. Что же нужно?

— Нужно только не много доброй воли....

— Сколько хочешь; что такое?

— Вотъ видишь: третьяго дня былъ у меня Александръ....

— Охъ! чувствую недоброе! перебилъ Петръ Ивановичъ: — ну?

— Онъ такой мрачный, продолжала Лизавета Александровна: — я боюсь, чтобъ все это не довело его до чегонибудь....

— Да что съ нимъ еще? Опять измѣнили въ любви, что ли?

— Нѣтъ, въ дружбѣ.

— Въ дружбѣ! часъ отъ часу не легче! Какъ же въ дружбѣ? это любопытно: расскажи, пожалуйста.

— А вотъ какъ. — Тутъ Лизавета Александровна рассказала ему все, что слышала отъ племянника. Петръ Ивановичъ сильно пожалъ плечами.

— Чтожь ты хочешь, чтобъ я тутъ сдѣлалъ? видишь, какой онъ!

— А ты обнаружь ему участіе, спроси, въ какомъ положеніи его сердце....

— Вотъ тебѣ на! нѣтъ, ужъ это ты спроси.

— Поговори съ нимъ.... какъ это?... понѣжнѣе, а не такъ, какъ ты всегда говоришь.... не смѣйся надъ чувствомъ....

— Не прикажешь ли заплакать?

— Не мѣшало бы.

— А что пользы ему отъ этого?

— Много... и не одному ему! замѣтила вполголоса Лизавета Александровна.

— Что? спросилъ Петръ Ивановичъ.

Она молчала.

— Охъ ужъ этотъ мнѣ Александръ: онъ у меня вотъ гдѣ сидитъ! сказалъ Петръ Ивановичъ, показывая на шею.

— Чѣмъ это онъ такъ обременилъ тебя?

— Какъ чѣмъ? Шестъ лѣтъ вожусь съ нимъ: то онъ расплачется — надо утѣшать, то поди переписывайся съ матерью.

— Въ самомъ дѣлѣ, бѣдный! Какъ это достаетъ тебя? Какой страшный трудъ: получить разъ въ мѣсяцъ письмо отъ старушки и, не читая, бросить подъ столъ, или поговорить съ племянникомъ! Какъ же, вѣдь это отвлекаетъ отъ висту! Мужчины! мужчины! Если есть хорошій обѣдъ, лафитъ за золотой печатью, да карты — и все тутъ; ни до кого и дѣла нѣтъ! А если къ этому еще случай поважничать и поумничать, такъ и счастливы....

— Какъ для васъ пококетничать, замѣтилъ Петръ Ивановичъ: — всякому свое, моя милая! чего же еще?

— Чего! а сердце! объ этомъ никогда и рѣчи нѣтъ.

— Вотъ еще!

— Мы очень умны: какъ намъ заниматься такими мелочами? Мы ворочаемъ судьбами людей. Смотрятъ, что у человѣка въ карманѣ да въ петлицѣ фрака, а до остального и дѣла нѣтъ. Хотятъ, чтобъ и всѣ были такіе! Нашелся между ними одинъ чувствительный, способный любить и заставить любить себя....

— Славно онъ заставилъ любить себя эту.... какъ ее? Вѣрочку, что ли? замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Нашелъ кого поставить съ нимъ наравнѣ: это насмѣшка судьбы. Она всегда, будто нарочно, сведетъ нѣжнаго, чувствительнаго человѣка съ холоднымъ созданиемъ! Бѣдный Александръ! У него умъ нейдетъ наравнѣ съ сердцемъ, вотъ онъ и виноватъ въ глазахъ тѣхъ, у кого умъ забѣжалъ слишкомъ впередъ, кто хочетъ взять вездѣ только разсудкомъ....

— Согласись, однако, что это главное; иначе....

— Не соглашусь, ни за что не соглашусь: это главное тамъ на заводѣ, можетъ быть, а вы забываете, что у человѣка есть еще чувство....

— Пять! сказалъ Адуевъ: я еще это въ азбукѣ затвердилъ.

— И досадно и грустно! прошептала Лизавета Александровна.

— Ну, ну, не сердись : я сдѣлаю все, что прикажешь, только научи — какъ, сказалъ Петръ Ивановичъ.

— А ты дай ему легкій урокъ....

— Нагоняй ? изволь.

— Вотъ ужъ и нагоняй : ты объясни ему поласковѣ , чего можно требовать и ожидать отъ нынѣшнихъ друзей ; скажи, что другъ не такъ виноватъ , какъ онъ думаетъ.... да мнѣ ли учить тебя ? ты такой умный.... такъ хорошо хитришь.... прибавила Лизавета Александровна.

Петръ Ивановичъ , при послѣднемъ словѣ , не много нахмурился.

— Мало ли тамъ у васъ было искреннихъ изліяній ? сказалъ онъ сердито : — шептались, шептались и все еще не перешптали всего о дружбѣ да о любви ; теперь меня путаютъ....

— Зато это въ послѣдній разъ, сказала Лизавета Александровна : — я надѣюсь, что послѣ этого онъ утѣшится.

Петръ Ивановичъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Есть ли у него деньги ? спросилъ онъ : — можетъ быть, нѣтъ, такъ онъ и того....

— Только деньги на умъ ! онъ готовъ бы былъ отдать всѣ свои деньги за одно привѣтливое слово друга.

— Чего добраго ! отъ него станется. Развѣ онъ и такъ не далъ тамъ у себя въ департаментѣ чиновнику денегъ за искреннія изліянія.... Вотъ кто-то позвонилъ : не онъ ли ? что надо сдѣлать ? повтори : дать ему нагоняй.... еще что ? денегъ ?

— Какой нагоняй ! ты, пожалуй, хуже надѣлаешь. О дружбѣ я просила тебя поговорить, о сердцѣ , да поласковѣ , повнимательнѣе....

— А о деньгахъ не нужно ?

— Нѣтъ, нѣтъ ! ти !

Александръ молча поклонился , молча и много ѣлъ за обѣдомъ , а въ антрактахъ каталъ шарики изъ хлѣба и смотрѣлъ на бутылки и графины изъ подлобья. Послѣ обѣда онъ взялся было за шляпу.

— Ба ! куда же ты ? спросилъ Петръ Ивановичъ : — посиди
с нами.

Александръ молча повиновался. Петръ Ивановичъ думалъ, какъ бы приступить къ дѣлу понѣжнѣе и половчѣе, и вдругъ спросилъ скороговоркою :

— Я слышалъ, Александръ, что другъ твой поступилъ съ тобой какъ-то коварно ?

При этихъ неожиданныхъ словахъ, Александръ встряхнулъ головой, какъ будто его ранили, и устремилъ полный упрека взглядъ на тетку. Она тоже не ожидала такого крутого приступа къ дѣлу и сначала опустила голову на работу, потомъ также съ упрекомъ поглядѣла на мужа. Но онъ былъ подъ двойной эгидою пищеваренія и дремоты и оттого не почувствовалъ рикшета этихъ взглядовъ.

Александръ отвѣчалъ на его вопросъ чуть слышнымъ вадомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ Петръ Ивановичъ : — какое коварство ; что за другъ ! не выдался лѣтъ пять и охладѣлъ до того, что при встрѣчѣ не задушилъ друга въ объятіяхъ, а позвалъ его къ себѣ вечеромъ, хотѣлъ усадить за карты.... и накормить.... А потомъ, коварный человѣкъ, замѣтилъ на лицѣ друга кислую мину и давай спрашивать его о его дѣлахъ, объ обстоятельствахъ, о нуждахъ — какое гнусное любопытство ! да еще — о верхъ коварства ! осмѣлился предлагать свои услуги... помощь.... можетъ быть, деньги ! и никакихъ искреннихъ изліяній ! ужасно, ужасно ! Покажи, пожалуйста, мнѣ это чудовище, приведи въ пятницу обѣдать.... А почему онъ играетъ ?

— Не знаю, сказалъ Александръ сердито. — Смѣйтесь, дядюшка : вы правы ; я виноватъ кругомъ. Повѣрить людямъ, искать симпатіи, въ комъ ! Кругомъ низость, слабодушіе, мелочность, а я еще сохранилъ юношескую вѣру въ добро, въ доблесть, въ постоянство....

Петръ Ивановичъ началъ что-то часто и мѣрно кивать головой.

— Петръ Ивановичъ ! сказала Лизавета Александровна шопотомъ, дернувъ его за рукавъ : — ты спишь ?

— Вотъ сплю ! сказалъ проснувшись Петръ Ивановичъ : — я все слышу : « доблесть , постоянство », гдѣ же сплю ?

— Не мѣшайте дядюшкѣ, ma tante ! замѣтилъ Александръ : — онъ не уснетъ , у него разстроится пищевареніе , и Богъ знаетъ

что изъ этого будетъ. Человѣкъ, конечно, властелинъ земли, но онъ также и рабъ своего желудка.

При этомъ онъ хотѣлъ, кажется, горько улыбнуться, но улыбнулся какъ-то кисло.

— Скажи же мнѣ, чего ты хотѣлъ отъ своего друга — жертвы, что ли какойнибудь? чтобъ на стѣну полѣзъ или кинулся изъ окошка? какъ ты понимаешь дружбу, что она такое? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Теперь ужъ жертвы не потребую: не беспокойтесь. Я, благодаря людямъ, низошелъ до жалкаго понятія и о дружбѣ, какъ о любви.... Вотъ я всегда носилъ съ собой эти строки, которыя казались мнѣ вѣрнѣйшимъ опредѣленіемъ этихъ двухъ чувствъ, какъ я ихъ понималъ и какъ они должны быть, а теперь вижу, что это ложь, клевета на людей, или жалкое незначіе ихъ сердца.... Они неспособны къ такимъ чувствамъ. Прочь — это коварныя слова!..

Онъ досталъ изъ кармана бумажникъ, а изъ бумажника двѣ осмьюшки исписанной бумаги.

— Что это такое, покажи? спросилъ дядя.

— Не стоитъ! сказалъ Александръ — и хотѣлъ рвать бумаги.

— Прочтите, прочтите! стала просить Лизавета Александровна.

— Вотъ какъ два новѣйшіе французскіе романиста опредѣляютъ истинную дружбу и любовь, и я согласился съ ними, думалъ, что встрѣчу въ жизни такія существа и найду въ нихъ.... да что! Онъ презрительно махнулъ рукой и началъ читать: «любить не тою фальшивою, робкою дружбою, которая живетъ въ нашихъ раззолоченныхъ палатахъ, которая не устоитъ передъ горстью золота, которая боится двусмысленнаго слова, но тою могучею дружбою, которая отдаетъ кровь за кровь, которая покажетъ себя въ битвѣ и кровопролитіи, при громѣ пушекъ, подъ ревомъ бурь, когда друзья лобзаются прокопченными порохомъ устами, обнимаются окровавленными объятіями.... И если Пилладъ раненъ на смерть, Орестъ, энергически прощаясь съ нимъ, вѣрнымъ ударомъ книжала прекращаетъ его мученія, страшно клянется отмстить, и сдерживаетъ клятву, потомъ отираетъ слезу и успокоивается»....

Петръ Иванычъ засмѣялся своимъ мѣрнымъ, тихимъ смѣхомъ.

— Надъ кѣмъ вы, дядюшка, смѣтаетесь? спросилъ Александръ.

— Надъ авторомъ, если онъ говоритъ это не шутя и отъ себя, а потомъ надъ тобой, если ты дѣйствительно такъ понималъ дружбу.

— Ужели это только смѣшно? спросила Лизавета Александровна.

— Только. Да, виновать: смѣшно и жалко. Впрочемъ, и Александръ согласенъ съ этимъ и позволилъ смѣяться. Онъ самъ сейчасъ сознался, что такая дружба — ложь и клевета на людей. Это ужъ важный шагъ впередъ.

— Ложь потому, что люди неспособны возвышаться до того понятія о дружбѣ, какая должна быть....

— Если люди неспособны, такъ и не должна быть.... сказалъ Петръ Иванычъ.

— Но бывали же примѣры....

— Это исключенія, а исключенія почти всегда не хороши. «Окровавленные объятія, страшная клятва, ударъ кинжала»...

И онъ опять засмѣялся.

— Ну-ка, прочти о любви, продолжалъ онъ: — у меня и сонъ прошелъ.

— Если это можетъ доставить вамъ удовольствіе, извольте! сказалъ Александръ и началъ читать слѣдующее:

«Любить, значитъ не принадлежать себѣ, перестать жить для себя, перейти въ существованіе другого, сосредоточить на одномъ предметѣ всѣ человѣческія чувства — надежду, страхъ, горестъ, наслажденіе; любить, значитъ жить въ безконечномъ...»

— Чортъ знаетъ, что такое! перебилъ Петръ Иванычъ: — какой наборъ словъ!

— Нѣтъ! это очень хорошо! мнѣ нравится, замѣтила Лизавета Александровна: — продолжайте, Александръ.

«Не зная предѣла чувству, посвятить себя одному существу», продолжалъ Александръ читать: — «и жить, мыслить только для его счастья. находить величіе въ униженіи, наслажденіе въ грусти и грусть въ наслажденіи, предаваться всевозможнымъ противоположностямъ, кромѣ любви и ненависти. Любить, значитъ жить въ идеальномъ мірѣ....»

Петръ Иванычъ покачалъ при этомъ головой.

«Въ идеальномъ мірѣ (продолжалъ Александръ), превосходящемъ блескомъ и великолѣпіемъ всякій блескъ и великолѣпіе. Въ этомъ мірѣ небо кажется чище, природа роскошнѣе; раздѣлять жизнь и время на два раздѣленія — присутствіе и отсутствіе, на два времени года — весну и зиму; первому соотвѣтствуетъ весна, второму — зима, потому-что какъ бы ни были прекрасны цвѣты и чиста лазурь неба, но въ отсутствіи вся прелесть того и другого помрачается; въ цѣломъ мірѣ видѣть только одно существо и въ этомъ существѣ заключать вселенную... Наконецъ, любить, значитъ подстерегать каждый взглядъ любимаго существа, какъ Бедуша подстерегаетъ каждую каплю росы, для освѣженія запекшихся отъ зноя устъ; волноваться въ отсутствіи его роемъ мыслей, а при немъ не умѣть высказать ни одной, стараться превзойти другъ друга въ пожертвованіяхъ....»

— Довольно, ради Бога, довольно! перебилъ Петръ Ивановичъ: — терпѣнья нѣтъ! ты рвать хотѣлъ: рви же, рви скорѣй! вотъ такъ!

Петръ Ивановичъ даже всталъ съ кресла и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Неужели былъ вѣкъ, когда не шутя думали такъ и продѣлывали все это? сказалъ онъ. — Неужели все, что пишутъ о рыцаряхъ и пастушкахъ необходимая выдумка на нихъ? И какъ достаетъ охоты расшевелить и анализировать такъ подробно эти жалкія струны души человѣческой.... любовь!... придавать всему этому такое значеніе.... Онъ пожалъ плечами.

— Зачѣмъ, дядюшка, уноситься такъ далеко? сказалъ Александръ: — я самъ чувствую въ себѣ эту силу любви и горжусь ею. Мое несчатіе состоитъ въ томъ только, что я не встрѣтилъ существа, достойнаго этой любви и одареннаго такою же силой....

— Сила любви! повторилъ Петръ Ивановичъ: — все равно, еслибъ ты сказалъ сила слабости.

— Это не по тебѣ, Петръ Ивановичъ, замѣтила Лизавета Александровна: — ты не хочешь вѣрить существованію такой любви и въ другихъ...

— А ты? неужели ты вѣришь? спросилъ Петръ Ивановичъ, подходя къ ней: — да нѣтъ! ты шутишь! Онъ еще ребенокъ и не знаетъ ни себя, ни другихъ, а тебѣ стыдно! Неужели ты могла

бы уважать мужчину, еслибъ онъ полюбилъ такъ?... такъ ли любить?... Лизавета Александровна бросила свою работу.

— Какъ же, скажи, какъ? заговорила она тихо, взявъ его за руки и притягивая къ себѣ. — Хоть одно слово!

Петръ Иванычъ тихо высвободилъ свои руки изъ ея рукъ, покачалъ головой и тихонько показалъ на Александра, который стоялъ у окна, спиной къ нимъ, и опять началъ совершать свое хожденіе по комнатѣ.

— Какъ! какъ! говорилъ онъ: — будто ты не слыхала, какъ любить!...

— Любить! а ты?

Напрасно ждала она отвѣта. Онъ молчалъ и по лицу его видно было, что онъ думалъ о другомъ.

— Любить! повторила она задумчиво, и медленно, нѣхотя принялась опять за работу.

Съ четверть часа длилось молчаніе. Петръ Иванычъ первый прервалъ его.

— Что ты теперь дѣлаешь? спросилъ онъ племянника.

— Да.... ничего.

— Мало. Ну, читаешь, по крайней мѣрѣ?

— Да....

— Что же?

— Теперь басни Крылова.

— Хорошая книга; да не одну же ее?

— Теперь одну. Боже мой! какіе портреты людей, какая вѣрность!

— Ты что-то сердить на людей? Ужели любовь къ этой.... какъ ее? сдѣлала тебя такимъ?...

— О! я и забылъ объ этой глупости. Недавно я проѣхалъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ былъ такъ счастливъ, думалъ, что воспоминаніями разорву сердце на части....

— Ну, что же, разорвалъ?

— Видѣлъ и дачу, и садъ, и рѣшетку, а сердце и не стукнуло.

— Ну, вотъ: я вѣдь говорилъ. Чѣмъ же тебѣ такъ противны люди?

— Чѣмъ!... своею низостью, мелкостью души... Боже мой! когда подумаешь, сколько подлостей вращается тамъ, гдѣ природа бросила такія чудныя сѣмена....

— Да тебѣ что за дѣло? Исправить, что ли, хочешь людей?

— Что за дѣло? Развѣ до меня не долетаютъ брызги этой грязи, въ которой нупаются люди? Вы знаете, что случилось со мною — и послѣ всего этого не ненавидѣть, не презирать людей!

— Что же случилось съ тобой?

— Измѣна въ любви, какое-то грубое, холодное забвеніе въ дружбѣ.... Да и вообще противно, гадко смотрѣть на людей, жить съ ними! Всѣ ихъ мысли, слова, дѣла, — все видится на пескѣ. Сегодня бѣгутъ къ одной цѣли, спѣшать, сбиваютъ другъ друга съ ногъ, дѣлаютъ подлости, льстятъ, унижаются, строятъ козни, а завтра и забыли и бѣгутъ за другимъ. Сегодня восхищаются однимъ, завтра ругаютъ, сегодня горячи, нѣжны, завтра холодны... нѣтъ! какъ посмотришь — страшна, противна жизнь, а люди!...

Петръ Ивановичъ, сидя въ креслахъ, задремалъ было опять.

— Петръ Ивановичъ! сказала Лизавета Александровна, толкнувъ его тихонько.

— Хандришь, хандришь! надо дѣломъ заниматься, сказалъ Петръ Ивановичъ, протирая глаза: — тогда и людей бранить не станешь, не за что. Чѣмъ не хороши твои знакомые? все люди порядочные.

— Да! за кого нихватишься, такъ какойнибудь звѣрь изъ басенъ Крылова и есть, сказалъ Александръ.

— Хозаровы, напримѣръ?

— Цѣлая семья животныхъ! перебилъ Александръ. — Одинъ расточаетъ вамъ въ глаза лесть, ласкаетъ васъ, а за глаза.... я слышалъ, что онъ говоритъ обо мнѣ. Другой сегодня съ вами рыдаетъ о вашей обидѣ, а завтра зарыдаетъ съ вашимъ обидчикомъ; сегодня смѣется съ вами надъ другимъ, а завтра съ другимъ надъ вами.... Фу, гадко!

— Ну, Лунины?

— Хороши и эти. Самъ онъ точно тотъ осель, отъ котораго соловей улетѣлъ за тридевять земель. А она такой доброй лисицей смотреть....

— Что скажешь о Сониныхъ?

— Да хорошаго ничего не скажешь. Сонинъ всегда дастъ хорошиіи совѣтъ, когда пройдетъ бѣда, а попробуйте обратиться въ нуждѣ.... такъ онъ и отпустить безъ ужина домой, какъ лисица волка. Помните, какъ онъ юлилъ передъ вами, когда ис-

какъ мѣста чрезъ ваше посредство? А теперь, послушайте, что говорить про васъ....

— И Волочковъ не нравится тебѣ?

— Ничтожное и, еще въ добавокъ, злое животное...

Александръ даже поклонулъ.

— Ну! отдѣлалъ же! примолвилъ Петръ Иванычъ.

— Чего же мнѣ ждать отъ людей? продолжалъ Александръ.

— Всего, отвѣчалъ Петръ Иванычъ: — и дружбы, и любви, и штаб-офицерскаго чина, и денегъ.... Ну, теперь заключи эту галерею портретовъ нашими: скажи, какіе мы съ женой звѣри?

Александръ ничего не отвѣчалъ, но на лицѣ у него мелькнуло выраженіе тонкой, едва замѣтной ироніи. Онъ улыбнулся. Ни это выраженіе, ни улыбка не ускользнули отъ Петра Иваныча. Онъ переглянулся съ женой, та потупила глаза.

— Ну, а ты самъ что за звѣрь? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Я не сдѣлалъ людямъ зла! съ достоинствомъ произнесъ Александръ: — я исполнилъ въ отношеніи къ нимъ все.... У меня сердце любящее; я распахнулъ широкія объятія для людей, а они что сдѣлали?

— Что это, какъ онъ смѣшно говорить! замѣтилъ Петръ Иванычъ, обратясь къ женѣ.

— Тебѣ все смѣшно! отвѣчала она.

— И самъ я отъ людей не требовалъ, продолжалъ Александръ: — ни подвиговъ добра, ни великодушія, ни самоотверженія.... требовалъ только должнаго, слѣдующаго мнѣ по всѣмъ правамъ....

— Такъ ты правъ? Вышелъ совсѣмъ сухъ изъ воды. Поймай же, я выведу тебя на свѣжую воду.

Лизавета Александровна замѣтила, что супругъ ея заговорилъ строгимъ тономъ и перепугалась.

— Петръ Иванычъ! Петръ Иванычъ! шептала она: — перестань, пощади....

— А пощадилъ ли онъ когонибудь, и насъ съ тобой тоже? нѣтъ: пусть же выслушаетъ правду. Я мигомъ кочу. Скажи, пожалуйста, Александръ, когда ты клеймилъ сейчасъ своихъ знакомыхъ то негодаями, то дураками, у тебя въ сердцѣ не зашевелилось чтонибудь похожее на совѣсть?

— Отчего же, дядюшка?...

— А оттого, что у этих звѣрей ты нѣсколько лѣтъ сряду находилъ всегда радушный пріемъ; положимъ, передъ тѣми, отъ кого эти люди добивались чего нибудь, они хитрили, строили имъ козни, какъ ты говоришь, а въ тебѣ имъ нечего было искать: что же заставляло ихъ зазывать тебя къ себѣ, ласкать.... не хорошо, Александръ!... прибавилъ серьезно Петръ Ивановичъ. — Другой за одно это, еслибъ и зналъ за ними какіе нибудь грѣшки, такъ промолчалъ бы.

Александръ весь вспыхнулъ.

— Я приписывалъ ихъ внимательность къ себѣ вашей рекомендаціи, отвѣчалъ онъ, но уже безъ достоинства, а довольно смиренно. — Притомъ это свѣтскія отношенія....

— Ну, хорошо; возьмемъ не свѣтскія. Я ужь доказывалъ тебѣ, не знаю только, доказалъ ли, что къ своей этой.... какъ ее? Сашенькѣ, что ли? ты былъ несправедливъ. Ты полтора года былъ у нихъ въ домѣ, какъ свой: жилъ тамъ съ утра до вечера, да еще былъ любимъ этой *презрѣнной дѣвчонкой*, какъ ты ее называешь. Кажется, это не презрѣнія заслуживаетъ.... а?

— А зачѣмъ она измѣнила?

— Т. е. полюбила другого. И это мы рѣшили удовлетворительно. Да неужели ты думаешь, что еслибъ она продолжала любить тебя, ты бы не разлюбилъ ее?

— Я? никогда.

— Ну, такъ ты ничего не смыслишь. Пойдемъ дальше. Ты говоришь, что у тебя нѣтъ друзей, а я все думалъ, что у тебя ихъ трое.

— Трое? воскликнулъ Александръ: — былъ когда-то одинъ, да и тотъ....

— Трое, настойчиво повторилъ Петръ Ивановичъ. — Первый, начнемъ по старшинству, этотъ *одинъ*. Не выдавшись нѣсколько лѣтъ, другой бы, при встрѣчѣ, отвернулся отъ тебя, а онъ пригласилъ тебя къ себѣ, и когда ты пришелъ съ кислой миной, онъ съ участіемъ спрашивалъ, не нужно ли тебѣ чего, сталъ предлагать тебѣ услуги, помощь, и я увѣренъ, что далъ бы и денегъ, — да! а въ нашъ вѣкъ объ этотъ пробный камень споткнется не одно чувство.... нѣтъ, ты познакомь меня съ нимъ: онъ, я вижу, человекъ порядочный.... а по твоему, коварный, потому что не сталъ слушать пустяковъ.

Александръ стоялъ, потупя голову.

— Ну, какъ ты думаешь, кто твой второй другъ? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Кто? сказалъ съ недоумѣніемъ Александръ:—да никто....

— Безсовѣстный! перебилъ Петръ Иванычъ: — а, Лиза! и не краснѣеть! а я какъ довожусь тебѣ, позволю спросить?

— Вы.... родственникъ.

— Важный титулъ! Нѣтъ, я думалъ больше. Не хорошо, Александръ: это такая черта, которая даже на школьныхъ прописяхъ названа гнусною, и которой, кажется, и у Крылова нѣтъ.

— Но вы всегда отталкивали меня.... робко говорилъ Александръ, не поднимая глазъ.

— Да, когда ты хотѣлъ обниматься.

— Вы смѣялись надо мной, надъ чувствомъ....

— А для чего, а зачѣмъ? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Вы слѣдили за мной шагъ за шагомъ....

— А! договорился! слѣдилъ! найми-ка себѣ такого гувернера! Изъ чего я хлопоталъ?... Я могъ бы еще прибавить кое-что, но это бы походило на пошлый упрекъ....

— Дядюшка! сказалъ Александръ, подходя къ нему и протягивая обѣ руки.

— На свое мѣсто: я еще не кончилъ! холодно сказалъ Петръ Иванычъ. — Третьяго и лучшаго друга, надѣюсь, назовешь самъ, а?

Александръ опять смотрѣлъ на него и, кажется, спрашивалъ: «да гдѣ же онъ?» Петръ Иванычъ указалъ на жену.

— Вотъ она.

— Петръ Иванычъ, перебила Лизавета Александровна: — у тебя нѣтъ ни жалости, ни великодушія; оставь....

— Нѣтъ, не мѣшай.

— Я умѣю цѣнить дружбу тетюшки.... бормоталъ Александръ невнятно.

— Нѣтъ! не умѣешь: еслибъ умѣлъ, ты бы не искалъ глазами друга на потолокъ, а указалъ бы на нее. Еслибъ чувствовалъ ея дружбу, ты, изъ уваженія къ ея достоинствамъ, не презиралъ бы людей. Она одна выкупила бы, въ глазахъ твоихъ, недостатки другихъ. Кто осушалъ твои слезы да хныкалъ съ тобой вмѣстѣ? кто во всякомъ твоёмъ вздорѣ принималъ участіе, и какое участіе? Развѣ только мать могла бы такъ горячо принять

къ сердцу все, что до тебя касается, и та не съумѣла бы. Еслибъ ты чувствовалъ это, ты не улыбнулся бы давеча иронически, ты бы видѣлъ, что тутъ нѣтъ ни лисы, ни волка, а есть женщина, которая любить тебя, какъ родная сестра....

— Ахъ, та tante! сказалъ Александръ, растерянный и совершенно уничтоженный этимъ упрекомъ : — неужели вы думаете, что я не цѣню этого и не считаю васъ блистательнымъ исключеніемъ изъ толпы? Боже, Боже! клянусь....

— Вѣрю, вѣрю, Александръ! отвѣчала она : — вы не слушайте Петра Ивановича : онъ изъ мухи дѣлаетъ слона ; радъ случаю поумничать. Перестань, ради Бога, Петръ Ивановичъ.

— Сей часъ, сей часъ кончу — *Еще одно послѣднее сказанье!* Ты сказалъ, что исполняешь все, чего требуютъ отъ тебя твои обязанности къ другимъ ?

Александръ уже ни слова не отвѣчалъ и не поднималъ глазъ.

— Ну, скажи, любишь ли ты свою мать ?

Александръ вдругъ ожилъ.

— Какой вопросъ! сказалъ онъ : — когѣ послѣ этого любить мнѣ? я ее обожаю, я отдалъ бы за нее жизнь....

— Хорошо. Стало быть, тебѣ извѣстно, что она живетъ, дышетъ только тобою, что всякая твоя радость и горе — радость и горе для нея. Она теперь время считаетъ не мѣсяцами, не недѣлями, а вѣстами о тебѣ и отъ тебя.... Скажи-ка, давно ли ты писалъ къ ней ?

Александръ встрепнулся.

— Недѣли.... три, пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ : четыре мѣсяца! Какъ прикажешь назвать такой поступокъ? Ну-ка, какой ты звѣрь? Можетъ быть, оттого и не называешь, что у Крылова такого нѣтъ.

— А что? вдругъ съ испугомъ спросилъ Александръ.

— А то, что старуха больна съ горя.

— Ужели? Боже! Боже!

— Неправда! неправда! сказала Лизавета Александровна и тотчасъ же побѣжала къ бюро и достала оттуда письмо, которое подала Александру. — Она не больна, но очень тоскуетъ.

— Ты балуешь его, Лиза, сказалъ Петръ Ивановичъ.

— А ты ужь не въ мѣру строгъ. У Александра были такіа обстоятельствова, которыя отвлекли его на время....

— Для дѣвочки забыть мать : славныя обстоятельствова!

— Да полно, ради Бога! сказала она убѣдительно и указала на племянника. Александръ, прочитавъ письмо матери, закрылъ имъ себѣ лицо.

— Не мѣшайте дядюшкѣ, ma tante: пусть онъ гремитъ упреками; я заслужилъ хуже: я чудовище! говорилъ онъ, дѣлая отчаянныя гримасы.

— Ну, успокойся, Александръ! сказалъ Петръ Ивановичъ: — такихъ чудовищъ много. Увлекся глупостью и на время забылъ о матери — это естественно; любовь къ матери — чувство покойное. У ней на свѣтѣ одно — ты: оттого ей естественно огорчаться. Казнить тебя тутъ еще не за что; скажу только словами любимаго твоего автора:

«Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ли на себя, кума, оборотиться?»

и быть снисходительнымъ къ слабостямъ другихъ. Это такое правило, безъ котораго ни себѣ, ни другимъ житья не будетъ. Вотъ и все. Ну, я пойду уснуть.

— Дядюшка! вы сердитесь? сказалъ Александръ голосомъ глубокаго раскаянія.

— Съ чего ты это взялъ? Изъ чего я стану себѣ портить кровь? и не думалъ сердиться. Я только хотѣлъ разыграть роль медвѣдя въ баснѣ: *мартышка и зеркало*. Что вѣдь искусно разыгралъ? Лиза, а?

Онъ мимоходомъ хотѣлъ ее поцеловать, но она увернулась.

— Кажется, я въ точности исполнилъ твои приказанія, прибавилъ Петръ Ивановичъ: — что же ты?... да, забылъ одно.... въ какомъ положеніи твое сердце, Александръ? спросилъ онъ.

Александръ молчалъ.

— А денегъ не нужно? спросилъ опять Петръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, дядюшка....

— Никогда не попросить! сказалъ Петръ Ивановичъ, затворя за собою дверь.

— Что будетъ думать обо мнѣ дядюшка? спросилъ Александръ помолчавъ.

— Тоже, что и прежде, отвѣчала Лизавета Александровна.— Вы думаете, что онъ говорилъ вамъ все это съ сердцемъ, отъ души?

— А какъ же?

— И! нѣтъ. Повѣрьте, что онъ поважничать хотѣлъ. Видите, какъ онъ все это методически сдѣлалъ? расположилъ доказательства противъ васъ по порядку: прежде слабыя, а потомъ сильнѣе; сначала вывѣдалъ причину вашихъ дурныхъ отзывовъ о людяхъ.... а потомъ ужь.... вездѣ метода! теперь и забылъ, я думаю.

— Сколько ума, какое знаніе жизни, людей, умѣнье владѣть собой!

— Да, много ума и слишкомъ много умѣнья владѣть собой, задумчиво говорила Лизавета Александровна: — но....

Она кончила вздохомъ.

— А вы, ma tante, вы перестанете уважать меня? Но повѣрьте, только такія потрясенія, какія были со мной, могли отвлечь меня.... Боже! бѣдная маменька!

Лизавета Александровна подала ему руку.

— Я, Александръ, не перестану уважать въ васъ сердца, сказала она. — Чувство увлекаетъ васъ и въ ошибки, оттого я всегда извиню ихъ.

— Ахъ, ma tante! вы идеалъ женщины!

— Просто женщина, сказала она.

На Александра довольно сильно подѣйствовалъ нагоняй дяди. Онъ тутъ же, сидя съ теткой, погрузился въ мучительныя думы. Казалось, спокойствіе, которое она съ такимъ трудомъ, такъ искусно водворила въ его сердцѣ, вдругъ оставило его. Напрасно ждала она какой нибудь злой выходки, сама называлась на колкость и преусердно подводила подъ эпиграмму Петра Иваныча. Александръ былъ глухъ и нѣмъ. На него какъ будто вылили ушатъ холодной воды.

— Что съ вами? отчего вы такіе? спрашивала тетка.

— Да такъ, ma tante: что-то не весело на сердцѣ. Дядюшка далъ мнѣ понять себя: славно растолковалъ.

— Вы не слушайте его: онъ иногда и неправду говорить.

— Нѣтъ, не утѣшайте меня. Я теперь гадокъ самому себѣ. Презиралъ, ненавидѣлъ людей, а теперь и себя. Отъ людей можно скрыться, а отъ себя куда уйдешь? Такъ все ничтожно: всѣ эти блага, вся пустошь жизни, и люди, и самъ....

— Ахъ! этотъ Петръ Иванычъ! примолвила съ глубокимъ вздохомъ Лизавета Александровна: — онъ хоть на кого нагонитъ тоску!

— Одно только отрицательное утѣшеніе и осталось мнѣ, что я не обманулъ никого, не измѣнилъ ни въ любви, ни въ дружбѣ....

— Васъ не умѣли цѣнить, примолвила тетка: — но по-вѣрьте, найдется сердце, которое васъ оцѣнитъ; я вамъ порука въ томъ. Вы еще такъ молоды, забудьте это все, займитесь: у васъ есть талантъ: пишите.... пишете ли вы что нибудь теперь?

— Нѣтъ.

— Напишите.

— Боюсь, ma tante....

— Не слушайте Петра Иваныча: разсуждайте съ нимъ о политикѣ, объ агрономіи, о чемъ хотите, только не о поэзіи. Онъ вамъ никогда объ этомъ правды не скажетъ. Васъ оцѣнитъ публика, вы увидите.... Такъ будете писать?

— Хорошо.

— Скоро начнете?

— Какъ только могу. Теперь на одно это и осталась надежда....

Петръ Иванычъ, выспавшись, пришелъ къ нимъ, одѣтый совсѣмъ и со шляпой въ рукахъ. Онъ тоже посовѣтовалъ Александру заняться дѣломъ по службѣ и по отдѣлу сельскаго хозяйства для журнала.

— Постараюсь, дядюшка, отвѣчалъ Александръ: — но вотъ я обѣщалъ теткушкѣ....

Лизавета Александровна сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ молчалъ, но Петръ Иванычъ замѣтилъ.

— Что, что обѣщалъ? спросилъ онъ.

— Привезти новыя ноты, отвѣчала она.

— Нѣтъ, неправда: что такое, Александръ?

— Написать повѣсть или что нибудь....

— Ты еще не отказался отъ изящной литературы? говорилъ Петръ Иванычъ, обирая пылинки съ платья. — А ты, Лиза, сбиваешь его съ толку: напрасно!

— Я не въ правѣ отказаться отъ этого, замѣтилъ Александръ.

— Ба! ктожъ тебя неволить? сказалъ Петръ Иванычъ.

— Зачѣмъ я самовольно и неблагодарно отвергну почетное назначеніе, къ которому призванъ? Одна свѣтлая надежда въ жизни и осталась, а я уничтожу и ее? Если я погублю, что свыше вложено въ меня, то погублю и себя....

— Да что вложено въ тебя такое, растолкуй мнѣ, пожалуйста?

— Этого я, дядюшка, не могу растолковать вамъ. Надо понимать самому. Воздымались ли у васъ на головѣ волосы отъ чего нибудь, кромѣ гребенки?

— Нѣтъ! сказалъ Петръ Иванычъ.

— Ну, вотъ видите. Бушевали ли въ васъ страсти, кипѣло ли воображеніе и создавало ли вамъ изящные призраки, которые просились воплотиться? билось ли сердце особеннымъ біеніемъ?

— Дико, дико! Ну, такъ чтожь? спросилъ Петръ Иванычъ.

— А то, что съ кѣмъ этого не бывало, такъ тому и растолковать нельзя, почему хочется писать, когда какой-то безпокойный духъ твердитъ и днемъ и ночью, и во снѣ и на яву: пиши, пиши....

— Да вѣдь ты не умѣешь писать?

— Полно, Петръ Иванычъ: самъ не умѣешь, такъ за чѣмъ же мѣшать другимъ? сказала Лизавета Александровна.

— Извините, дядюшка, если замѣчу, что вы не судья въ этомъ дѣлѣ.

— Ктожь судья? она?

Петръ Иванычъ указалъ на жену.

— Она нарочно, а ты вѣришь, примолвилъ онъ.

— Да и сами вы въ началѣ моего пріѣзда сюда совѣтовали писать, испытывать себя?

— Да, ну, такъ чтожь? попробовалъ — не выходитъ ничего: и бросить бы.

— Неужели вы никогда не нашли у меня ни дѣльной мысли, ни удачнаго стиха?

— Какъ не найти? есть. Ты не глупъ: какъ же у неглупаго человѣка въ нѣсколькихъ пудахъ сочиненій не найти удачной мысли? Такъ вѣдь это не талантъ, а умъ.

— Ахъ! сказала Лизавета Александровна, съ досадою повернувшись на стулѣ.

— А біеніе сердца, трепеть, сладостная нѣга и прочее такое — съ кѣмъ не бываетъ?

— Да съ тобой, я думаю, первымъ! замѣтила жена.

— Ну, вотъ! а помнишь, я бывало восхищался....

— Чѣмъ это? не помню.

— Всѣ испытываютъ эти вещи, продолжалъ Петръ Ивановичъ, обращаясь къ племяннику: — кого не трогаетъ тишина или тамъ темнота ночи, что ли, шумъ дубравы, садъ, пруды, море? Еслибъ это чувствовали одни художники, такъ некому бы было понимать ихъ. А отражать всѣ эти ощущенія въ своихъ произведеніяхъ — это другое дѣло: для этого нуженъ талантъ, а его у тебя, кажется, нѣтъ. Его не скроешь: онъ блеситъ въ каждой строкѣ, въ каждомъ ударѣ кисти...

— Петръ Ивановичъ! тебѣ пора ѣхать! сказала Лизавета Александровна.

— Сейчасъ.

— Отличиться хочется! продолжалъ онъ: — тебѣ есть чѣмъ отличиться. Редакторъ хвалитъ тебя, говоритъ, что статьи твои о сельскомъ хозяйствѣ обработаны прекрасно, съ полнотой и отчетливостью университетскаго образованія, показываютъ, говорить, ученаго производителя, а не ремесленника. Я порадовался. «Ба! думаю, Адуевы-то всѣ не безъ головы!» видишь: и у меня есть самолюбіе! Ты можешь отличиться и въ службѣ и приобрѣсть извѣстность писателя....

— Хороша извѣстность! писатель о наземѣ!

— Всякому свое: одному суждено витать въ небесныхъ пространствахъ, а другому рыться въ наземѣ и оттуда добывать сокровища. Я не понимаю, отчего пренебрегать скромнымъ назначеніемъ? И оно имѣетъ свою поэзію. Вотъ ты бы выслужился, нажилъ бы трудами денегъ, выгодно женился бы, какъ большая часть.... Не понимаю, чего еще! Долгъ исполненъ, жизнь пройдена съ честью, трудолюбиво — вотъ въ чемъ счастье! по моему, такъ. Вотъ я статскій совѣтникъ почину, заводчикъ по ремеслу, а предложи-ка мнѣ въ замѣнъ званіе перваго поэта, ей Богу, не возьму!

— Послушай, Петръ Ивановичъ! ты, право, опоздаешь! перебила Лизавета Александровна: — скоро 10 часовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ пора. Ну, до свиданія. А то вообразить себя, Богъ знаетъ съ чего, необыкновенными людьми, началъ Петръ Ивановичъ, уходя вонъ: — да и того....

ГЛАВА II.

Александръ, возвратясь домой отъ дяди, сѣлъ въ кресло и задумался. Онъ припомнилъ весь разговоръ съ дядей и теткой и потребовалъ строгаго отчета отъ самого себя. Какъ, въ свои лѣта, позволивъ себѣ ненавидѣть и презирать людей, разсмотрѣвъ и обсудивъ ихъ ничтожность, мелочность, слабости, перебравъ всѣхъ и каждаго изъ своихъ знакомыхъ, онъ забылъ разобрать себя! какая слѣпота! И дядя далъ ему урокъ, какъ школьнику, разобралъ его по ниточкѣ, да еще при женщинѣ; что бы ему самому оглянуться на себя! Какъ дядя долженъ выиграть въ этотъ вечеръ въ глазахъ жены! это бы, пожалуй, ничего, оно такъ и должно быть; но вѣдь онъ выигралъ на его счетъ. Дядя имѣетъ надъ нимъ неоспоримый верхъ, всюду и во всемъ. Гдѣ же, думалъ онъ, — послѣ этого преимущества молодости, свѣжести, пылкости ума и чувствъ, когда человѣкъ, съ нѣкоторою только опытностью, но съ чорствымъ сердцемъ, безъ энергій, уничтожаетъ его на каждомъ шагу, такъ, мимоходомъ, небрежно? Когда же споръ будетъ ровень и когда, наконецъ, перевѣсъ будетъ на его сторонѣ? А на его сторонѣ, кажется, и талантъ и избытокъ душевныхъ силъ.... а дядя является исполнномъ въ сравненіи съ нимъ. Съ какою увѣренностью онъ споритъ, какъ легко устраняетъ всякое противорѣчіе и достигаетъ прямо къ цѣли, шутя, съ зѣвотой, насмѣхаясь надъ чувствомъ, надъ сердечными изліяніями дружбы и любви, словомъ, надъ всѣмъ, въ чемъ пожилые люди привыкли завидовать молодымъ.

Перебирая все это въ умѣ, Александръ покраснѣлъ отъ стыда. Онъ далъ себѣ слово строго смотрѣть за собой и, при первомъ случаѣ, уничтожить дядю: доказать ему, что никакая опытность не замѣнитъ того, что *вложено свыше*, что, какъ онъ, Петръ Ивановичъ, тамъ себѣ ни проповѣдуй, а съ этой минуты не сбудется ни одно изъ его холодныхъ, правильныхъ предсказаній. Александръ самъ найдетъ свой путь и пойдетъ по немъ не робкими, а твердыми и ровными шагами. Онъ теперь не то, что былъ три года назадъ. Онъ проникъ взглядомъ въ тайники сердца, разсмотрѣлъ игру страстей, добылъ себѣ тайну жизни, конечно, не безъ мученій, но зато закалялъ себя противъ нихъ

навсегда. Будущее ему ясно, онъ возсталъ, окрылился, — онъ не ребенокъ, а мужъ,—смѣло впередъ! Дядя увидитъ и, въ свою очередь, разыграетъ въ послѣдствіи передъ нимъ, опытнымъ мастеромъ, роль жалкаго ученика; онъ узнаетъ, къ удивленію своему, что есть иная жизнь, иныя отличія, иное счастье, кромѣ жалкой карьеры, которую онъ себѣ избралъ и которую навязываетъ и ему, можетъ быть, изъ зависти. Еще, еще одно благородное усиліе — и борьба кончена!

Александръ ожилъ. Онъ опять сталъ творить особый міръ, нѣсколько помудрѣе перваго. Тетка поддерживала въ немъ это расположеніе, но тайкомъ, когда Петръ Ивановичъ спалъ или уѣзжалъ на заводъ и въ англійскій клубъ. Она спрашивала Александра о занятіяхъ. А ужъ какъ это нравилось ему. Онъ рассказывалъ ей планъ своихъ сочиненій и иногда, въ видѣ совѣта, требовалъ одобренія. Она часто спорила съ нимъ, но еще чаще соглашалась. Александръ привязался къ труду, какъ привязываются къ послѣдней надеждѣ. «За этимъ», говорилъ онъ теткѣ: — «вѣдь ужъ нѣтъ ничего: тамъ голая степь, безъ воды, безъ зелени, мракъ, пустыня, — что тогда будетъ жизнь? хоть въ гробъ ложись!» И онъ работалъ неутомимо. Иногда угасшая любовь придетъ на память, онъ взволнуется — и за перо: и напишетъ трогательную элегію. Въ другой разъ жолчь хлынетъ къ сердцу и подниметъ со дна недавно бушевавшую тамъ ненависть и презрѣніе къ людямъ—смотришь—и родится нѣсколько энергическихъ стиховъ. Въ тоже время онъ обдумывалъ и писалъ повѣсть. Онъ потратилъ на нее много размышленія, чувства, матеріальнаго труда и около полугода времени. Вотъ, наконецъ, повѣсть готова, пересмотрѣна и переписана набѣло. Тетка была въ восхищеніи.

Въ этой повѣсти дѣйствіе происходило уже не въ Америкѣ, а гдѣ-то въ тамбовской деревнѣ. Дѣйствующія лица были обыкновенные люди: клеветники, лжецы и всякаго рода изверги — во фракахъ, измѣнницы въ корсетахъ и въ шляпкахъ. Все было прилично, на своихъ мѣстахъ.

— Я думаю, *ma tante*, это можно показать дядюшкѣ? .

— Да, да, конечно, отвѣчала она: — а впрочемъ... не лучше ли отдать напечатать такъ, безъ него? онъ всегда противъ этого: скажетъ что-нибудь.... Вы знаете, это кажется ему ребячествомъ.

— Нѣтъ, лучше показать! отвѣчалъ Александръ.— Я, послѣ вашего суда и собственнаго сознанія, не боюсь никого, а между тѣмъ, пусть онъ увидитъ....

Показали. Петръ Ивановичъ, увидя тетрадь, не много нахмурился и покачалъ головой.

— Что, это вы вдвоемъ сочинили? спросилъ онъ: — что-то много. Да какъ мелко писано: охота же писать.

— Ты погоди качать головой, отвѣчала жена: — а прежде выслушай. — Прочтите намъ, Александръ. — Только ты выслушай внимательно, не дремли и скажи потомъ свой приговоръ. Недостатки вездѣ можно найти, если захочешь искать ихъ. А ты будь снисходителенъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ? будьте только справедливы, прибавилъ Александръ.

— Нечего дѣлать, я выслушаю, сказалъ Петръ Ивановичъ со вздохомъ: — только съ условіемъ: во-первыхъ, не послѣ обѣда вскорѣ читать, а то я за себя не ручаюсь, что не засну. Этого, Александръ, на свой счетъ не принимай: чтò бы ни читали послѣ обѣда, а меня всегда клонитъ сонъ, а во-вторыхъ, если это что нибудь дѣльное, то я скажу свое мнѣніе, а нѣтъ—я буду только молчать, а вы тамъ какъ себѣ хотите.

Стали читать. Петръ Ивановичъ ни разу не вздремнулъ, слушалъ, не сводя глазъ съ Александра, даже рѣдко мигалъ, а два раза такъ одобрительно кивнулъ головой.

— Видишь! сказала жена вполголоса. — Я тебѣ говорила.

Онъ и ей кивнулъ.

Читали два вечера сряду. Въ первый вечеръ, послѣ чтенія, Петръ Ивановичъ рассказалъ, къ удивленію жены, все, что будетъ дальше.

— Ты почему знаешь? спросила она.

— Мудрено! Идея ужъ не новая, — тысячу разъ писали объ этомъ. Дальше и читать бы не нужно, да посмотримъ, какъ она развилась у него.

Когда, на другой вечеръ, Александръ дочитывалъ послѣднюю страницу, Петръ Ивановичъ позвонилъ. Вошелъ челоуѣкъ.

— Приготовь одѣться, сказалъ онъ. — Извини, Александръ, что перервалъ. Тороплюсь, — опедаю въ клубъ къ висту.

Александръ кончилъ. Петръ Ивановичъ проворно пошелъ вонъ.

— Ну, до свиданья! сказалъ онъ женѣ и Александру. — Я ужь не зайду сюда.

— Постой! постой! закричала жена: — что жь ты ничего не скажешь о повѣсти?

— По уговору не слѣдуетъ! отвѣчалъ онъ и хотѣлъ итти.

— Это упрямство! сказала она. — О, онъ упрямъ: я его знаю! Вы не смотрите на это, Александръ.

— Это недоброжелательство! подумалъ Александръ. — Онъ меня хочетъ втоптать въ грязь, стащить въ свою сферу.

— Это изъ рукъ вонъ, Петръ Ивановичъ! начала жена чуть не со слезами. — Ты хоть что-нибудь скажи. Я видѣла, что ты въ знакъ одобренія, качалъ головой, стало быть, тебѣ понравилось. Только по упрямству не хочешь сознаться. Это, по твоему, такъ, пустяки, не дѣло. Какъ сознаться, что намъ нравится повѣсть! Мы слишкомъ умны для этого. Признайся, что хорошо.

— Я качалъ головой потому, что и изъ этой повѣсти видно, что Александръ уменъ, но онъ не умно сдѣлалъ, что написалъ ее.

— Однакожъ, дядюшка, судъ такого рода....

— Послушай: вѣдь ты мнѣ не вѣришь, нѣчего и спорить, — выберемъ лучше посредника. Я даже вотъ что сдѣлаю, чтобъ кончить это между нами однажды, навсегда: я назовусь авторомъ этой повѣсти и отоплю ее къ моему пріятелю, сотруднику журнала: посмотримъ, что онъ скажетъ. Ты его знаешь и вѣроятно положишься на его судъ. Онъ человекъ опытный.

— Хорошо, посмотримъ.

Петръ Ивановичъ сѣлъ къ столу и наскоро написалъ нѣсколько строкъ, потомъ передалъ письмо Александру.

«Я, на старости лѣтъ, пустился въ авторство», писалъ онъ: — «что дѣлать: хочется прославиться, взять и тутъ, — съума сошелъ! Вотъ я и произвелъ прилагаемую при семъ повѣсть. «Просмотрите ее, и если годится, то напечатайте въ вашемъ «журналѣ, разумѣется, за деньги: вы знаете, я даромъ работать «не люблю! Вы удивитесь и не повѣрите, но я позволяю вамъ «даже подписать мою фамилію, стало быть, не лгу.»

Увѣренный въ благопріятномъ отзывѣ о повѣсти, Александръ покойно ожидалъ отвѣта. Онъ даже радовался, что дядя упомянулъ въ запискѣ о деньгахъ.

— Очень, очень умно, думалъ онъ. — Маменька жалуется, что хлѣбъ дешевъ; пожалуй, не скоро придетъ денегъ; а тутъ оно и кстати получить тысячи полторы.

Прошло, однако же, недѣли три; отвѣта все не было. Вотъ, наконецъ, однажды утромъ, къ Петру Ивановичу принесли большой пакетъ и письмо.

— А! назадъ прислалъ! сказалъ онъ, лукаво взглянувъ на жену.

Онъ не распечаталъ записки и не показалъ женѣ, какъ она ни просила. Въ тотъ же день вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ клубъ, онъ самъ отправился къ племяннику.

Дверь была не заперта. Онъ вошелъ. Евсей храпѣлъ, растянувшись въ передней діагонально на полу. Свѣтильня страшно нагорѣла и свѣсилась съ подсвѣчника. Онъ заглянулъ въ другую комнату. Темно.

— О провинція! проворчалъ Петръ Ивановичъ.

Онъ растолкалъ Евсея, показалъ ему на дверь, на свѣчку и погрозилъ тростью. Въ третьей комнатѣ за столомъ сидѣлъ Александръ, положивъ руки на столъ, а на руки голову и тоже спалъ. Передъ нимъ лежала бумага. Петръ Ивановичъ заглянулъ — стихи.

Онъ взялъ бумагу и прочиталъ слѣдующее:

Весны пора прекрасная минула,
Исчезъ на вѣкъ волшебный мигъ любви,
Она въ груди могильнымъ сномъ уснула,
И пламенемъ не пробъжить въ кровь!
На алтарь ея осиротѣломъ
Давно другой кумиръ воздвигнулъ я,
Молюсь ему.... но....

— И самъ уснулъ! Молись, милый, не лѣнись! сказалъ вслухъ Петръ Ивановичъ. — Свои же стихи, да какъ уходили тебя! Зачѣмъ другого приговора? самъ изрекъ себѣ.

— А! сказалъ Александръ, потягиваясь: — вы все еще противъ моихъ сочиненій? Скажите, дядюшка, откровенно, что составляетъ васъ такъ настойчиво преслѣдовать талантъ, когда нельзя не признать....

— Да зависть, Александръ. Посуди самъ: ты приобрѣтешь славу, почетъ, можетъ быть еще, безсмертіе, а я останусь темнымъ человѣкомъ и принужденъ буду довольствоваться названіемъ полезнаго труженика. А вѣдь я тоже Адуевъ! воля твоя, обидно! Что я такое? прожилъ вѣкъ свой тихо, безвѣстно, исполнилъ только свое дѣло и былъ еще гордъ и счастливъ этимъ. Не жалкій ли удѣлъ? Когда умру, т. е. ничего не буду чувствовать и знать, *струны вѣщія баяновъ* не станутъ говорить обо мнѣ, *отдаленныя вѣка, потомство, міръ* не наполнятся моимъ именемъ, не узнаютъ, что жилъ на свѣтѣ статскій совѣтникъ Петръ Ивановичъ Адуевъ, и я не буду утѣшаться этимъ въ гробѣ, если я и гробъ уцѣлѣемъ какъ нибудь до потомства. Какая разница ты: когда, *расширися шумящими крылами*, будешь летать *подъ облаками!* Мнѣ придется утѣшаться только тѣмъ, что въ массѣ человѣческихъ трудовъ есть *капля и моего меда*, какъ говоритъ твой любимый авторъ.

— Оставьте его, ради Бога, въ сторонѣ; что онъ за любимый мой авторъ! Издѣвается только надъ ближнимъ.

— А! издѣвается! Не съ тѣхъ ли поръ ты разлюбилъ Крылова, какъ увидалъ у него свой портретъ? А гророс: знаешь ли, что твоя будущая слава, твое безсмертіе у меня въ карманѣ? но я желалъ бы лучше, чтобъ тамъ были твои деньги; это вѣрнѣе.

— Какая слава?

— А отвѣтъ на мою записку.

— Ахъ! дайте, ради Бога, скорѣе. Что онъ пишетъ?

— Я не читалъ: прочитай самъ, да вслухъ.

— И вы могли утерпѣть?

— Да мнѣ-то что?

— Какъ что! Вѣдь я вашъ родной племянникъ! какъ не полюбопытствовать? Какая холодность! это эгоизмъ, дялюшка!

— Можетъ быть: я не запираюсь. Впрочемъ, я знаю, что тутъ написано. На, читай!

Александръ началъ читать громко, а Петръ Ивановичъ постукивалъ палкой по сапогамъ. Въ запискѣ было вотъ что:

«Что это за мистификація, мой любезнѣйшій Петръ Ивановичъ? Вы пишете повѣсти! Да ктожь вамъ повѣритъ? И вы «думали обморочить меня, стараго воробья! А еслибъ, чего Боже сохрани, — это была правда, еслибъ вы оторвали на время «ваше перо отъ дорогихъ, въ буквальномъ смыслѣ, строкъ, изъ

«которыхъ каждая, конечно, не одинъ червонецъ стоитъ, и перестали бы выводить почтенные итоги, а произвели бы лежащую передо мною повѣсть, то я и тогда сказалъ бы вамъ, что «хрупкія произведенія вашего завода гораздо прочнѣе этого творенія»....

У Александра голосъ вдругъ упалъ.

«Но я отвергаю такое обидное подозрѣніе на вашъ счетъ», продолжалъ онъ читать робко и тихо.

— Не слышу, Александръ,—погромче! сказалъ Петръ Ивановичъ.

Александръ продолжалъ тихимъ голосомъ :

«Принимая участіе въ авторѣ повѣсти, вы вѣроятно хотите «знать мое мнѣніе. Вотъ оно. Авторъ долженъ быть молодой «человѣкъ. Онъ не глупъ, но что-то не путемъ сердить на весь «мірѣ. Въ какомъ озлобленномъ, ожесточенномъ духѣ пишетъ «онъ! Вѣрно разочарованный. О, Боже! когда переведется «этотъ народъ? Какъ жаль, что, отъ фальшиваго взгляда на «жизнь гибнетъ у насъ много дарованій въ пустыхъ, бесплод- «ныхъ мечтахъ, въ напрасныхъ стремленіяхъ къ тому, къ чему «они не призваны.»

Александръ остановился и перевелъ духъ. Петръ Ивановичъ зкуривъ сигару и пустилъ кольцо дыму. Лицо его, по обыкновенію, выражало совершенное спокойствіе. Александръ продолжалъ читать глухимъ, едва слышнымъ голосомъ :

«Самолюбіе, мечтательность, преждевременное развитіе сердечныхъ склонностей и неподвижность ума, съ неизбѣжнымъ «послѣдствіемъ — лѣнью,—вотъ причины этого зла. А гдѣ средства къ исправленію, — Богъ знаетъ!»

— Все дѣло можно бы въ трехъ строкахъ объяснить, сказалъ Петръ Ивановичъ, поглядѣвъ на часы:—а онъ въ пріятельскомъ письмѣ написалъ цѣлую диссертацию! ну, не педантъ ли? Читаетъ ли дальше, Александръ? брось: скучно. Мнѣ бы надо тебѣ кое-что сказать.

— Нѣтъ, дядюшка, позвольте, ужъ я выпью чашу до дна: дочитаю.

— Ну, читай на здоровье.

«Это печальное направленіе душевныхъ способностей», читалъ Александръ, «обнаруживается въ каждой строкѣ присланной вами повѣсти. Скажите же вашему protégé, что писатель

«тогда только, во-первыхъ, напишетъ дѣльно, когда не будетъ «находиться подъ вліяніемъ личнаго увлеченія и пристрастія. «Онъ долженъ обзрѣвать покойнымъ и свѣтлымъ взглядомъ «жизнь и людей вообще, — иначе выразить только свое я, до котораго никому нѣтъ дѣла. Этотъ недостатокъ сильно преобладаетъ въ повѣсти. Второе и главное условіе, — этого, пожалуй, «автору не говорите, изъ сожалѣнія къ молодости и авторскому «самолюбію, самому безпокойному изъ всѣхъ самолюбій, — ну, «женъ талантъ, а его тутъ и слѣда нѣтъ. Языкъ, впрочемъ, всездѣ правиленъ и чистъ, авторъ даже обладаетъ слогомъ»....
Насилу дочиталъ Александръ.

— Вотъ давно бы такъ! сказалъ Петръ Ивановичъ: — а то, Богъ знаетъ, что наговорилъ! О прочемъ мы съ тобой и безъ него разсудимъ.

У Александра задрожали и опустились руки. Онъ, молча, какъ человѣкъ, оглушенный неожиданнымъ ударомъ, глядѣлъ мутными глазами прямо въ стѣну. Петръ Ивановичъ взялъ у него письмо и прочиталъ въ P. S. слѣдующее: «Если вамъ непремѣнно хочется помѣстить эту повѣсть въ нашъ журналъ, — пожалуйста, для васъ, въ лѣтніе мѣсяцы, когда мало читаютъ, — я помѣщу, но о вознагражденіи и думать нельзя».

— Ну, что, Александръ, какъ ты себя чувствуешь? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Покойнѣе, нежели можно было ожидать, отвѣчалъ съ усиленіемъ Александръ. — Чувствую, какъ человѣкъ, обманутый во всемъ.

— Нѣтъ, какъ человѣкъ, который обманывалъ самъ себя да хотѣлъ обмануть и другихъ....

Александръ не слышалъ этого возраженія.

— Уже ли и это мечта?... и это взмѣнило?... шепталъ онъ. — Горькая утрата! Чтожь, не привыкать—стать обманываться! Но зачѣмъ же, я не понимаю, вложены были въ меня всѣ эти неодолимые побужденія къ творчеству?...

— Вотъ то-то! въ тебя вложили побужденія, а самое творчество видно и забыли вложить, сказалъ Петръ Ивановичъ: — я говорилъ!

Александръ отвѣчалъ вздохомъ и задумался, потомъ вдругъ съ живостью бросился отворять всѣ ящики, досталъ нѣсколько

тетрадей, листовъ, клочковъ и началъ съ ожесточеніемъ бросать въ каминъ.

— Вотъ это не забудь! сказалъ Петръ Иванычъ, подвигая къ нему листокъ съ начатыми стихами, лежавшій на столѣ.

— И это туда же! говорилъ Александръ съ отчаяніемъ, бросая стихи въ каминъ.

— Нѣтъ ли еще чего? Поищи-ка хорошенько, спросилъ Петръ Иванычъ, осматриваясь кругомъ: — ужъ за одинъ бы разъ дѣлать умное дѣло. Вонъ, что тамъ это на шкафѣ за связка?

— Туда же! говорилъ Александръ, доставая ее: — это статьи о сельскомъ хозяйствѣ.

— Не жги, не жги этого! Отдай мнѣ! сказалъ Петръ Иванычъ, протягивая руку: — это не пустяки.

Но Александръ не слушалъ.

— Нѣтъ! сказалъ онъ съ злостью: — если погибло для меня благородное творчество въ сферѣ изящнаго, такъ я не хочу и труженничества: въ этомъ меня судьба не переломить!

И связка полетѣла въ каминъ.

— Напрасно! примолвилъ Петръ Иванычъ и между тѣмъ самъ палкой шарилъ въ корзинѣ подъ столомъ, нѣтъ ли еще чего нибудь бросить въ огонь.

— А что же мы съ повѣстью слѣлаемъ, Александръ? Она у меня.

— Не нужно ли вамъ обклеить перегородки?

— Нѣтъ, теперъ нѣтъ. Не послать ли за ней? Евсей! Евсей! опять заснулъ; смотри, тамъ мою шинель у тебя подъ носомъ украдутъ! Сходи скорѣе ко мнѣ, спроси тамъ у Василья толстую тетрадь, что лежитъ въ кабинетѣ на бюро, и принеси сюда.

Александръ сидѣлъ, опершись на руку, и смотрѣлъ въ каминъ. Принесли тетрадь. Александръ поглядѣлъ на плодъ полугодовыхъ трудовъ и задумался. Петръ Иванычъ замѣтилъ это.

— Ну, кончай, Александръ, сказалъ онъ: — да поговоримъ о другомъ.

— И это туда же! воскликнулъ Александръ, швырнувъ тетрадь въ печь. Оба стали смотрѣть, какъ она загорится, Петръ Иванычъ, повидимому, съ удовольствіемъ, Александръ съ грустью, почти со слезами. Вотъ верхній листъ зашевелился и поднялся, какъ будто невидимая рука перевертывала его; края

его загнулся, онъ почернѣлъ, потомъ скоробился и вдругъ вспыхнулъ; за нимъ быстро вспыхнулъ другой, третій, а тамъ вдругъ нѣсколько поднялись и загорѣлись кучей, но слѣдующая подъ ними страница еще бѣлѣлась и черезъ двѣ секунды тоже начала чернѣть по краямъ.

Александръ, однакожь, успѣлъ прочесть на ней: глава III-я. Онъ вспомнилъ, что было въ этой главѣ, и ему стало жаль ее. Онъ всталъ съ креселъ и схватилъ щипцы, чтобы спасти остатки своего творенія. «Можетъ быть, еще....» шептала ему надежда.

— Постой, вотъ я лучше тростью, сказалъ Петръ Ивановичъ: — а то обожжешься щипцами.

Онъ подвинулъ тетрадь въ глубину камина, прямо на уголья. Александръ остановился въ нерѣшимости. Тетрадь была толста и не вдругъ поддавалась дѣйствию огня. Изъ подъ нея сначала повалилъ густой дымъ; пламя изрѣдка вырвется снизу, лизнетъ ее по боку, оставитъ черное пятно и опять спрячется. Еще можно было спасти. Александръ ужъ протянулъ руку, но въ тужь секунду пламя озарило и кресла, и лицо Петра Ивановича, и столъ; вся тетрадь вспыхнула и черезъ минуту потухла, оставивъ посебѣ кучку чорнаго пепла, по которому мѣстами пробѣгали огненные змѣйки. Александръ бросилъ щипцы.

— Все кончено! сказалъ онъ.

— Кончено! повторилъ Петръ Ивановичъ.

— Ухъ! примолвилъ Александръ: — я свободенъ!

— Ужь это въ другой разъ я помогаю тебѣ очищать квартиру, сказалъ Петръ Ивановичъ: — надѣюсь, что на этотъ разъ...

— Невозвратно, дядюшка.

— Аминь! примолвилъ дядя, положивъ ему руки на плеча: — ну, Александръ, совѣтую тебѣ немедленно: сейчасъ же напиши къ Ивану Ивановичу, чтобы прислалъ тебѣ работу въ отдѣленіе сельскаго хозяйства. Ты, по горячимъ слѣдамъ, послѣ всѣхъ глупостей, теперь напишешь преумную вещь. А онъ все заговариваетъ: «чтожь, говоритъ, вашъ племянникъ....»

Александръ съ грустью покачалъ головой.

— Не могу, сказалъ онъ: — нѣтъ! не могу! все кончено.

— Чтожь ты станешь теперь дѣлать?

— Что? спросилъ онъ и задумался: — теперь пока ничего.

— Это только въ провинціи какъ-то умѣютъ ничего не дѣлать; а здѣсь.... Зачѣмъ же ты прїѣзжалъ сюда? Это непонятно!... Ну, пока довольно объ этомъ: у меня до тебя есть просьба.

Александръ медленно приподнялъ голову и взглянулъ на лядю вопросительно.

— Вѣдь ты знаешь, началъ Петръ Ивановичъ, подвигая къ Александру свои кресла: — моего компаніона Суркова?

Александръ кивнулъ головой.

— Да, ты иногда обѣдывалъ у меня съ нимъ, только успѣлъ ли ты разглядѣть хорошенько, что эта за птица? Онъ добрый малый, но препустой. Господствующая его слабость — женщины. Онъ же, къ несчастію, какъ ты видишь, не дурень собой, т. е. какъ не дурень? румянъ, гладокъ, высокъ, ну, всегда завить, раздушенъ, одѣтъ по картинкѣ: вотъ и воображаетъ, что всѣ женщины отъ него безъ ума — такъ, фатъ! да чортъ съ нимъ совсѣмъ, я бы не замѣтилъ этого, но вотъ бѣда: чуть заведется страстишка, онъ и пошелъ мотать. Тутъ у него пойдутъ и сюрпризы, и подарки, и угожденія; самъ пустится въ щегольство, начнетъ мѣнять экипажи, лошадей.... просто раззорень! И за моей женой волочился. Бывало, ужъ я и не забочусь посылать человѣка за билетомъ въ театръ: Сурковъ непременно привезетъ. Лошадей ли надо промѣнять, достать ли что нибудь рѣдкое, толпу ли растолкать, сѣздить ли осмотрѣть дачу, куда ни пошлешь — золото! ужъ какъ былъ полезенъ: этакого за деньги не наймешь. Жаль! Я нарочно немѣшалъ ему, да женѣ очень надоѣлъ: нечего дѣлать, я и прогналъ. Вотъ когда онъ эдакъ пустится мотать, ему ужъ не достааетъ процентовъ, онъ начинаетъ просить денегъ у меня — откажешь, заговариваетъ о капиталѣ. «Что, говоритъ, мнѣ вашъ заводъ? никогда нѣтъ свободныхъ денегъ въ рукахъ!» надоѣсть до крайности. Добро бы взялъ какую нибудь.... такъ нѣтъ: все ищетъ связей въ свѣтѣ: «мнѣ, говоритъ, надобно *благородную штрипу*: я безъ любви жить не могу!» — А! какво это покажется тебѣ? не оселъ ли? Малому чуть не сорокъ лѣтъ и не можетъ жить безъ любви.

Александръ вспомнилъ о себѣ и печально улыбулся.

— Онъ все вретъ, продолжалъ Петръ Ивановичъ. — Я послѣ разсмотрѣлъ, о чемъ-онъ хлопочетъ. Ему только бы похвастать-

ся, — вотъ чтобъ объ немъ говорили, что онъ въ связи съ такой-то, что его видятъ въ ложѣ у такой-то, или что онъ на дачѣ сидѣлъ вдвоемъ на балконѣ поздно вечеромъ, катался что ли тамъ съ ней гдѣ нибудь въ уединенномъ мѣстѣ въ коляскѣ или верхомъ. А между тѣмъ, выходитъ, что эти такъ называемыя *благородныя интриги*, чтобъ чортъ ихъ взялъ, гораздо дороже обходятся, чѣмъ неблагородныя. Вотъ изъ чего бьется, дурачина!

— Къ чему же это все ведетъ, дядюшка? спросилъ Александръ: — я не вижу, что я могу тутъ сдѣлать.

— А вотъ увидишь. Недавно воротилась сюда изъ за-границы молодая вдова, Юлія Павловна Тафаева. Она очень недурна собой. Съ мужемъ я и Сурковъ были пріятелями. Тафаевъ умеръ въ чужихъ краяхъ. Ну, догадываешься?

— Догадываюсь: Сурковъ влюбился во вдову.

— Такъ: совсѣмъ одурѣлъ! а еще?

— Еще... не знаю....

— Экой какой! Ну, слушай: Сурковъ мнѣ раза два проговорился, что ему скоро понадобятся деньги. Я сейчасъ догадался, что это значить, только съ какой стороны вѣтеръ дуетъ — не могъ угадать. Я допытываться, зачѣмъ деньги? Онъ мялся, мялся, наконецъ сказалъ, что хочетъ отдѣлать себѣ квартиру на Литейной. Я припоминать, что бы такое было на Литейной — и вспомнилъ, что Тафаева живетъ тамъ же и примехонько противъ того мѣста, которое онъ выбралъ. Ужь и задатокъ далъ. Бѣда грозить неминуемая, если.... не поможешь ты. Теперь догадался?

Александръ поднялъ носъ не много къ верху, провелъ взоромъ по стѣнѣ, по потолку, потомъ мигнулъ раза два и сталъ глядѣть на дядю, но молчалъ.

Петръ Ивановичъ смотрѣлъ на него съ улыбкою. Онъ страхъ любилъ замѣтить въ комъ нибудь промахъ со стороны ума, догадливости и дать почувствовать это.

— Что это, Александръ, съ тобой? А еще повѣсти пишешь! сказалъ онъ.

— Ахъ, догадался, дядюшка!

— Ну, слава Богу!

— Сурковъ просить денегъ: у васъ ихъ нѣтъ, вы хотите чтобъ я.... ссудилъ его. Но вы знаете, мои финансы....

Петръ Ивановичъ засмѣялся. Александръ не кончилъ фразы и смотрѣлъ на дядю въ недоумѣніи.

— Нѣтъ, не то! сказалъ Петръ Ивановичъ. — Развѣ у меня когда нибудь не бываетъ денегъ? Попробуй обратиться, когда хочешь, увидишь! А вотъ что: Тафаева черезъ него напомнила мнѣ о знакомствѣ съ ея мужемъ. Я заѣхалъ. Она просила посѣщать ее, я обѣщалъ и сказалъ, что привезу тебя: ну, теперь, надѣюсь, понялъ?

— Меня? повторилъ Александръ, глядя во всѣ глаза на дядю. — Да, конечно.... теперь понялъ.... торопливо прибавилъ онъ, но на послѣднемъ словѣ запнулся.

— А что ты понялъ? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Хоть убейте, ничего, дядюшка, не понимаю! позвольте.... можетъ быть, у ней пріятный домъ.... вы хотите, чтобъ я разсѣлся.... что такъ какъ мнѣ скучно....

— Вотъ прекрасно! стану я возить тебя для этого по домамъ! послѣ этого не достаетъ только, чтобъ я тебѣ закрывалъ на ночь ротъ платкомъ отъ мухъ! Нѣтъ, все не то. А вотъ въ чемъ дѣло: влюби-ка въ себя Тафаеву.

Александръ вдругъ поднялъ брови и посмотрѣлъ на дядю.

— Вы шутите, дядюшка? это нелѣпо! сказалъ онъ.

— Тамъ, гдѣ точно есть нелѣпости, ты ихъ дѣлаешь очень важно, а гдѣ дѣло просто и естественно, это у тебя нелѣпости. Чтожъ тутъ нелѣпаго? Разбери, какъ нелѣпа сама любовь: игра крови, самолюбіе.... да что толковать съ тобой: вѣдь ты все еще вѣришь въ неизбѣжное назначеніе кого любить, въ симпатію душъ?

— Извините: теперь ни во что не вѣрю. Но развѣ можно влюбить и влюбиться по произволу?

— Можно, но не для тебя. Небойся: я такого мудренаго порученія тебѣ не дамъ. Ты вотъ что только сдѣлай. Ухаживай за Тафаевой, будь внимателенъ, не давай Суркову оставаться съ ней наединѣ.... ну, просто, взбѣси его. Мѣшай ему: онъ слово, ты два,—онъ миѣніе, ты опроверженіе. Сбивай его безпрестанно съ толку, уничтожай на каждомъ шагѣ....

— Зачѣмъ?

— Все еще не понимаешь? А затѣмъ, мой милый, что онъ сначала будетъ съ ума сходить отъ ревности и досады, потомъ охладѣетъ. Это у него скоро слѣдуетъ одно за другимъ. Онъ

самолюбивъ до глупости. Квартира тогда не понадобится, капиталъ останется цѣль, заводскія дѣла пойдутъ своимъ чередомъ... ну, понимаешь? Ужь это въ пятый разъ я съ нимъ играю шутку: прежде, бывало, когда былъ холостой и помоложе, самъ, а не то — кого нибудь изъ пріятелей подошлю.

— Но я съ нею не знакомъ, сказалъ Александръ.

— А для этого-то я и повезу тебя къ ней въ среду. По средамъ у ней собираются кое кто изъ старыхъ знакомыхъ.

— А если она отвѣчаетъ любви Суркова, тогда, согласитесь, что мои угожденія и внимательность взбѣсятъ не одного его.

— Э! полно: порядочная женщина, разглядѣвши дурака, перестанетъ имъ заниматься, особенно при свидѣтеляхъ: самолюбіе не позволитъ. Тутъ же около будетъ другой, поумнѣе и покрасивѣе, она посовѣстится, скорѣй броситъ, — вотъ для этого я и выбралъ тебя.

Александръ поклонился.

— Сурковъ неопасенъ, продолжалъ дядя: — но Тафаева принимаетъ очень не многихъ, такъ что онъ можетъ, пожалуй, въ ея маленькомъ кругу прослыть и львомъ и умникомъ. На женщинъ много дѣйствуетъ внѣшность. Онъ же мастеръ угодить, ну, его и терпятъ. Она, можетъ быть, кокетничаетъ съ нимъ, а онъ и того.... И умныя женщины любятъ, когда для нихъ дѣлаютъ глупости, особенно дорогія. Только онѣ любятъ большею частію при этомъ не того, кто ихъ дѣлаетъ, а другого.... Многіе этого не хотятъ понять, въ томъ числѣ и Сурковъ, — вотъ, ты и вразуми его.

— Но Сурковъ вѣроятно тамъ и не по средамъ бываетъ, — въ среду я ему помѣшаю, а въ другіе дни какъ?

— Все учи тебя: ты польсти ей, прикинься немножко влюбленнымъ, — вотъ, со второго раза она пригласитъ тебя ужъ не въ среду, а въ четвергъ или въ пятницу; ты удвой внимательность, а я потомъ немножко ее настрою, намекну, будто ты и въ самомъ дѣлѣ — того.... Она, кажется.... сколько я могъ замѣтить.... такая чувствительная.... должно быть, слабонервная.... она, я думаю, тоже не прочь отъ симпатіи.... отъ изліяній....

— Какъ это можно? говорилъ въ раздумьи Александръ. — Еслибъ я могъ еще влюбиться, такъ! а то не могу.... и успѣха не будетъ.

— Напротивъ , тутъ-то и будетъ : еслибъ ты влюбился, ты не могъ бы притворяться , сталъ бы ревновать , она сейчасъ бы замѣтила и пошла бы играть съ вами съ обоими въ дураки. А теперь.... да ты мнѣ забѣси только Суркова : ужъ я знаю его , какъ свои пять пальцевъ. Онъ , какъ увидитъ , что ему не везетъ , не станетъ тратить деньги даромъ , а мнѣ это только и нужно... Слушай, Александръ, это очень важно для меня : если ты это сдѣлаешь — помнишь двѣ вазы , что понравились тебѣ на заводѣ? онѣ — твои : только пьедесталъ ты самъ купи.

— Помигуйте, дядюшка, неужели вы думаете, что я....

— Да за чтожъ ты станешь даромъ хлопотать , терять время? Вотъ прекрасно! Ничего! вазы очень красивы. Въ нашъ вѣкъ безъ ничего ничего и не сдѣлаютъ. Когда я что-нибудь для тебя сдѣлаю, предложи мнѣ подарокъ : я возьму.

— Странное порученіе! сказалъ Александръ нерѣшительно.

— Надѣюсь, ты не откажешься исполнить его для меня. Я для тебя тоже готовъ сдѣлать, что могу : когда понадобятся деньги — такъ того.... обратись.... Такъ въ среду! эта исторія продолжится мѣсяць, много два. Я тебѣ самъ скажу, какъ не нужно будетъ, тогда и брось.

— Извольте , дядюшка , я готовъ , только странно , очень странно.... За успѣхъ не ручаюсь.... еслибъ я могъ еще самъ влюбиться, тогда.... а то нѣтъ....

— И очень хорошо , что не можешь , а то бы все дѣло испортилъ. Я самъ ручаюсь за успѣхъ. Прощай!

Онъ ушелъ , а Александръ долго еще сидѣлъ у камина надъ милымъ пепломъ.

Когда Петръ Иванычъ воротился домой, жена спросила, что Александръ, что его повѣсть, будетъ ли онъ писать?

— Нѣтъ, я его вылечилъ навсегда.

Адуевъ разсказалъ ей содержаніе письма, полученнаго имъ съ повѣстью, и о томъ, какъ они сожгли все.

— Ты безъ жалости, Петръ Иванычъ! сказала Лизавета Александровна : — или не умѣешь ничего порядочно сдѣлать, за что ни примешься.

— Ты хорошо дѣлала, что принуждала его бумагу марать! развѣ у него есть талантъ?

— Нѣтъ.

Петръ Иванычъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Такъ зачѣмъ же ты?...

— А ты все еще не понялъ, не догадался?

Онъ молчалъ и невольно вспомнилъ сцену свою съ Александромъ.

— Чегожь тутъ не понять? это очень ясно! говорилъ онъ, глядя на нее во всѣ глаза.

— А что, скажи?

— Что.... что.... ты хотѣла дать ему урокъ.... только иначе, мягче, по своему....

— Не понимаетъ, а еще умный человѣкъ! Отчего онъ былъ все это время веселъ, здоровъ, почти счастливъ? Оттого, что надѣялся. Вотъ я и поддерживала эту надежду: ну, теперь ясно?

— Такъ это ты все хитрила съ нимъ?

— Я думаю, это позволительно. А ты что надѣлалъ? Тебѣ его вовсе не жаль: отнял послѣднюю надежду.

— Полно! какую послѣднюю надежду: еще много глупостей впереди.

— Что онъ теперь будетъ дѣлать? Опять станетъ ходить по-вѣся носъ?

— Нѣтъ! не станетъ: не до того будетъ, — я задалъ ему работу....

— Что, опять переводъ какойнибудь о картофелѣ? Развѣ это можетъ занять молодого человѣка, и особенно пылкаго и восторженнаго? У тебя бы только была занята голова.

— Нѣтъ, моя милая, не о картофелѣ, а по заводу кое-что.

ГЛАВА III.

Настала и среда. Въ гостиной Юліи Павловны собралось человѣкъ двѣнадцать или пятнадцать гостей. Четыре молодые дамы, два иностранца съ бородами, заграничные знакомые хозяйки да офицеръ составляли одинъ кружокъ. Отдѣльно отъ нихъ, на бержеркѣ, сидѣлъ старикъ, повидимому отставной военный, съ двумя клочками сѣдыхъ волосъ подъ носомъ и со множествомъ ленточекъ въ петлицѣ. Онъ толковалъ съ какимъ-то пожилымъ человѣкомъ о предстоявшихъ откупахъ. Въ другой комнатѣ старушка и двое мужчинъ играли въ

карты. За фортепiano сидѣла очень молоденькая дѣвица, другая тутъ же разговаривала со студентомъ.

Явились Адуевы. Рѣдко кто умѣлъ войти съ такой неприужденностью и достоинствомъ въ гостиную, какъ Петръ Ивановичъ. За нимъ, съ какой-то нерѣшимостью, слѣдовалъ Александръ. Какая разница между ними: одинъ цѣлой головой выше, стройный, полный, человекъ крѣпкой и здоровой природы, съ самоувѣренностью въ глазахъ и въ манерахъ. Но ни въ одномъ взглядѣ, ни въ движеніи, ни въ словѣ нельзя было угадать мысли или характера Петра Ивановича, — такъ все прикрито было въ немъ свѣтскостью и искусствомъ владѣть собой. Кажется, у него рассчитаны были и жесты и взгляды. Блѣдное, безстрастное лицо показывало, что въ этомъ человекѣ немного разгула страстямъ подъ деспотическимъ правленіемъ ума, что сердце у него бьется или не бьется по приговору головы. Въ Александрѣ, напротивъ, все показывало слабое и нѣжное сложеніе: и измѣнчивое выраженіе лица, и какая-то лѣнь или медленность и неровность движеній, и матовый взглядъ, который сейчасъ высказывалъ, какое ощущеніе тревожило его сердце или какая мысль шевелилась въ головѣ. Онъ былъ средняго роста, но худъ и блѣденъ, — блѣденъ не отъ природы, какъ Петръ Ивановичъ, а отъ непрерывныхъ душевныхъ волненій; волосы не росли, какъ у того, густымъ лѣсомъ по головѣ и по щекамъ, но спускались по вискамъ и по затылку длинными, слабыми, но чрезвычайно мягкими, шелковистыми прядями свѣтлаго цвѣта, съ прекраснымъ отливомъ.

Дядя представилъ племянника.

— А моего пріятеля Суркова нѣтъ? спросилъ Петръ Ивановичъ, оглядываясь съ удивленіемъ. — Онъ забылъ васъ.

— О, нѣтъ! я очень благодарна ему, отвѣчала хозяйка. — Онъ посѣщаетъ меня: вы знаете, я, кромѣ знакомыхъ моего покойнаго мужа, почти никого не принимаю.

— Да гдѣ же онъ?

— Онъ сейчасъ будетъ. Вообразите, онъ далъ слово мнѣ и кузинѣ достать непременно ложу на завтрашній спектакль, когда, говорятъ, нѣтъ никакой возможности.... и теперь поѣхалъ.

— И достанетъ; я ручаюсь за него: онъ гений на это. Онъ всегда достаетъ мнѣ, когда ни знакомство, ни протекція не помогаютъ. Гдѣ онъ беретъ, и за какія деньги, это его тайна.

Приѣхалъ и Сурковъ. Туалетъ его былъ свѣжъ, но въ каждой складкѣ платья, въ каждой бездѣлицѣ рѣзко проглядывала претензія быть львомъ, превзойти всѣхъ модниковъ и самую моду. Если, напримѣръ, мода требовала распахнутыхъ фраковъ, такъ его фракъ распахивался до того, что походилъ на распростертыя птичьи крылья; если носили откидные воротники, такъ онъ заказывалъ себѣ такой воротникъ, что въ своемъ фракѣ онъ похожъ былъ на пойманнаго сзади мошенника, который рвется вонъ изъ рукъ. Онъ самъ давалъ наставленія своему портному, какъ шить. Когда онъ явился къ Тафаевой, шарфъ его на этотъ разъ былъ приколотъ къ рубашкѣ булавкой такой неумѣренной величины, что она походила на дубинку.

— Ну, что достали? раздалось со всѣхъ сторонъ. Сурковъ только что хотѣлъ отвѣчать, но увидѣвъ Адуева съ племянникомъ, вдругъ остановился и поглядѣлъ на нихъ съ удивленіемъ.

— Предчувствуетъ! сказалъ Петръ Ивановичъ тихо племяннику: — ба! да онъ съ тростью: что это значитъ?

— Это что? спросилъ онъ Суркова, показывая на трость.

— Давича выходилъ изъ коляски.... оступился и не много хромяю, отвѣчалъ тотъ, покашливая.

— Вздоръ! шепнулъ Петръ Ивановичъ Александру. — Замѣть набалдашникъ: видишь золотую львиную голову? Третьяго дня онъ хвастался мнѣ, что заплатилъ за нее Барбье шесть сотъ рублей, и теперь показываетъ: вотъ тебѣ обращикъ средствъ, какими онъ дѣйствуетъ. Сражайся и сбей его вонъ съ той позиціи.

Петръ Ивановичъ указалъ въ окно на домъ, бывшій напротивъ. — Помни, что вазы твои, и одушевись, примолвилъ онъ.

— На завтрашній спектакль имѣете билетъ? — спросилъ Сурковъ Тафаеву, подходя къ ней торжественно.

— Нѣтъ.

— *Позвольте вамъ вручить!* продолжалъ онъ и досказалъ весь отвѣтъ Загорѣцкаго изъ *Горя отъ ума*.

Усы офицера слегка зашевелились отъ улыбки. Петръ Ивановичъ искоса поглядѣлъ на племянника, а Юлія Павловна покраснѣла. Она стала приглашать Петра Ивановича въ ложу.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ онъ: — но я завтра дежурный въ театрѣ при женѣ; а вотъ позвольте представить вамъ замѣнъ молодого человѣка....

Онъ показаль на Александра.

— Я хотѣла просить и его ; насъ только трое : я съ кузиной да....

— Онъ вамъ замѣнить и меня, сказалъ Петръ Ивановичъ, а въ случаѣ нужды и этого повѣсу.

Онъ указаль на Суркова и началъ что-то тихо говорить ей. Она при этомъ два раза украдкою взглянула на Александра и улыбнулась.

— Благодарю ! отвѣчалъ Сурковъ : — только не худо бы было предложить этотъ замѣнъ пораньше, когда не было билета : я бы посмотрѣлъ тогда.... какъ бы вы замѣнили меня.

— Ахъ ! я вамъ очень благодарна за вашу любезность, съ живостию сказала хозяйка Суркову : — но не пригласила васъ въ ложу потому, что у васъ есть кресло. Вы вѣрно предпочтете быть прямо противъ сцены.... особенно въ балетъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, лукавите : вы не думаете этого : промѣнять мѣсто подлѣ васъ — ни за что !

— Но оно ужъ обѣщано....

— Какъ ? кому ?

— М. Ренье.

Она показала на одного изъ бородатыхъ иностранцевъ.

— Oui, madame m'a fait cet honneur.... живо забормоталъ тотъ.

Сурковъ, разиня ротъ, поглядѣлъ на него, потомъ на Тафеэву.

— Я перемѣнюсь съ нимъ : я предложу ему кресло, сказалъ онъ.

— Попробуйте.

Бородачъ и руками и ногами.

— Покорно васъ благодарю ! сказалъ Сурковъ Петру Ивановичу, косясь на Александра : — этимъ я вамъ обязанъ.

— Не стоитъ благодарности. Да не хочешь ли въ мою ложу ? насъ только двое съ женой ; ты же давно съ ней не видался : поволочился бы.

Сурковъ съ досадою отвернулся отъ него. Петръ Ивановичъ тихонько уѣхалъ. Юлія посадила Александра подлѣ себя и говорила съ нимъ цѣлый часъ. Сурковъ вмѣшивался нѣсколько разъ въ разговоръ, но какъ-то все не кстати. Заговорилъ что-то балетъ и получилъ въ отвѣтъ да, когда надо было сказать

мать, и на оборотъ, — ясно, что его не слушали. Потомъ вдругъ перескочилъ къ устрицамъ, увѣряя что онъ съѣлъ ихъ утромъ 180 штукъ, — и не получилъ даже взгляда. Онъ сказалъ еще нѣсколько общихъ мѣстъ, и не видя никакого толку, схватилъ шляпу и вертѣлся около Юліи, давая ей замѣтить, что онъ недоволенъ и собирается уѣхать. Но она не замѣтила.

— Я уѣзжаю! сказалъ онъ, наконецъ, выразительно. — Прощайте!

Въ этихъ словахъ слышалась худо скрытая досада.

— Уже! отвѣчала она покойно. — Завтра дадите взглянуть на себя въ ложѣ хоть на одну минуту?

— Какое коварство! Одну минуту, когда знаете, что за мѣсто подлѣ васъ я не взялъ бы мѣста въ раю.

— Если въ театральномъ, вѣрю!

Ему ужъ не хотѣлось уѣзжать. Досада его прошла отъ брошеннаго ему Юліею ласковаго слова на прощанья. Но всѣ видѣли, что онъ раскланивался: надо было поневолѣ уходить, и онъ ушелъ, оглядываясь какъ собачонка, которая пошла было вслѣдъ за своимъ господиномъ, но которую гонять назадъ.

Юліи Павловнѣ было 23—24 года. Петръ Иванычъ угадалъ: она, въ самомъ дѣлѣ, была слабонервна. Но это не мѣшало ей быть вмѣстѣ очень хорошенькой, умной и граціозной женщиной. Только она была робка, мечтательна, чувствительна, какъ большая часть нервныхъ женщинъ. Черты лица нѣжныя, тонкія, взглядъ кроткій и всегда задумчивый, частію грустный — безъ причины, или, если хотите, по причинѣ нервъ. На мѣръ и жизнь она глядѣла не совсѣмъ благосклонно, задумывалась надъ вопросомъ о своемъ существованіи и находила, что она лишняя здѣсь. Но Боже сохрани, если кто, даже случайно, проговаривался при ней о могилѣ, о смерти, — она блѣднѣла. Отъ ея взгляда ускользала свѣтлая сторона жизни. Въ саду, въ роцѣ она выбирала для прогулки темную, густую аллею и равнодушно глядѣла на смѣющийся пейзажъ. Въ театрѣ смотрѣла всегда драму, комедію рѣдко, водевилъ никогда; зажимала уши отъ доходявшихъ до нея случайно звуковъ веселой пѣсни, никогда не улыбалась шуткѣ. Въ другое время черты ея лица выражали томленіе, но не страдальческое, не болѣзненное, а томленіе будто нѣги. Видно было, что она внутренно боролась съ какою нибудь обольстительною мечтою — и изнемогала. Послѣ

такой борьбы долго она была молчалива, грустна, потомъ вдругъ впадала въ безотчетно веселое расположеніе духа, не измѣняя, однако же, своему характеру; что веселило ее — не развеселило бы другого. Все нервы! А послушать этихъ дамъ, такъ чего онѣ не насажутъ! слова: *судьба, симпатія, безотчетное влеченіе, невидимая грусть, смутныя желанія* — такъ и толкаютъ одно другое, а кончится все таки вздохомъ, словомъ нервы и флакончикомъ со спиртомъ.

— Какъ вы угадали меня! сказала Тафаева Александру, при прощаньи. — Изъ мужчинъ никто, даже мужъ, не могли понять хорошенько моего характера.

А дѣло въ томъ, что чуть ли Александръ и самъ не былъ таковъ. То-то было раздолье ему!

— До свиданія.

Она подала ему руку.

— Надѣюсь, что теперь вы безъ дядюшки найдете ко мнѣ дорогу, прибавила она.

Настала зима. Александръ обыкновенно обѣдалъ по пятницамъ у дяди. Но вотъ ужъ прошло четыре пятницы, онъ не являлся, не заходилъ и въ другіе дни. Лизавета Александровна сердилась; Петръ Ивановичъ ворчалъ, что онъ заставлялъ понапрасну ждать себя лишніе полчаса. А между тѣмъ, Александръ былъ не безъ дѣла. Онъ исполнялъ порученіе дяди. Сурковъ ужъ давно пересталъ ѣздить къ Тафаевой и вездѣ объявилъ, что у нихъ все кончено, что онъ *разорвалъ съ ней связь*. Однажды вечеромъ — это было въ четвергъ — Александръ воротился домой и нашелъ у себя на столѣ двѣ вазы и записку отъ дяди. Петръ Ивановичъ благодарилъ его за дружеское усердіе и звалъ на другой день, по обыкновенію, обѣдать. Александръ задумался, какъ будто это приглашеніе разстроивало его планы; на другой день, однако же, онъ пошелъ къ Петру Ивановичу за часъ до обѣда.

— Что съ тобой? совсѣмъ тебя не видать? забыли насъ? закидали его вопросами и дядя и тетка.

— Ну! удружилъ, продолжалъ Петръ Ивановичъ: — сверхъ ожиданія! а скромничалъ: «не могу, говоритъ, не умѣю!» не умѣеть! я хотѣлъ давно повидаться съ тобой, да тебя нельзя поймать. Ну, очень благодаренъ! получилъ вазы въ цѣлости?

— Получилъ. Но я ихъ назадъ пришлю.

— Зачѣмъ? ни, ни! онѣ, по всѣмъ правамъ, твои.

— Нѣтъ! сказалъ Александръ рѣшительно. — Я не возьму этого подарка.

— Ну, какъ хочешь! онѣ нравятся женѣ: она возьметъ.

— Я не знала, Александръ, сказала Лизавета Александровна съ лукавою улыбкой: — что вы такъ искусны на эти дѣла.... мнѣ ни слова....

— Это дядюшка придумалъ, отвѣчалъ сконфуженный Александръ: — я тутъ ровно ничего; онѣ и меня научилъ....

— Да, да, слушай его: онѣ самъ не умѣетъ. А такъ обработалъ дѣльцо... Очень, очень благодаренъ! А дуралей-то мой, Сурковъ, чуть съ ума не сошелъ. Насмѣшилъ меня. Послушай: просто комедія! Недѣли двѣ назадъ тому, вбѣгаетъ ко мнѣ самъ не свой: я сейчасъ понялъ, зачѣмъ, только не показываю виду, пишу, будто ничего не знаю. «А! это ты, говорю: что скажешь хорошаго?» Онѣ улыбнулся, хотѣлъ притвориться покойнымъ.... а у самого чуть не слезы на глазахъ. «Ничего, говоритъ, хорошаго! я пріѣхалъ къ вамъ съ дурными вѣстями.» Я поглядѣлъ на него будто съ удивленіемъ. «Что такое?» спрашиваю. «Да о вашемъ, говоритъ, племянникѣ!» «А что? ты пугаешь меня, скажи скорѣй?» спрашиваю я. Тутъ спокойствіе его лопнуло: онѣ началъ кричать, бѣситься. Я откатился отъ него съ креслами, — нельзя говорить: такъ и брызжетъ. «Сама, говоритъ, жаловались, что онѣ мало дѣломъ занимается, а вы же его и пріучаете къ бездѣлю.» «Я?» «Да, вы: кто его познакомилъ съ Julie?» Надо тебѣ сказать, что онѣ со второго дня знакомства съ женщиной уже начинаетъ звать ее полуименемъ. «Чтожъ за бѣда!» говорю я. «А та бѣда, говоритъ, что онѣ у ней теперь съ утра до вечера сидитъ....»

Александръ вдругъ покраснѣлъ.

— Видишь, вѣдь какъ жжетъ отъ злости, думалъ я, продолжалъ Петръ Ивановичъ, поглядывая на племянника: — станеть Александръ сидѣть тамъ съ утра до вечера! объ этомъ я его не просилъ; такъ ли?

Тутъ Петръ Ивановичъ, какъ инквизиторъ, остановилъ на племянникѣ свой холодный и покойный взоръ, который казался Александру просто огненнымъ.

— Да.... я иногда.... захожу.... бормоталъ Александръ.

— Иногда — это разница, продолжалъ дядя: — я такъ и просилъ; не каждый же день. Я зналъ, что онъ лжетъ. Что тамъ дѣлать каждый день? соскучишься!

— Нѣтъ! она очень умная женщина.... прекрасно воспята-ма.... любить музыку.... говорилъ Александръ невнятно, съ разстановкою, и почесалъ глазъ, хотя онъ не чесался, погладилъ лѣвый високъ, потомъ досталъ платокъ и отеръ губы.

Лизавета Александровна пристально, украдкою, взглянула на него, отвернулась къ окну и улыбнулась.

— А! ну, тѣмъ лучше! сказалъ Петръ Ивановичъ: — если тебѣ не было скучно, а я все боялся, не надѣлалъ ли я тебѣ неприятныхъ хлопотъ. Вотъ я говорю Суркову: «спасибо, милый, что ты принимаешь участіе въ моемъ племянникѣ; очень, очень благодаренъ тебѣ.... только не преувеличиваешь ли ты дѣла? Бѣда не такъ еще велика....» «Какъ не бѣда! закричалъ онъ: — онъ, говоритъ, дѣломъ не занимается; молодой человѣкъ долженъ трудиться....» «И это не бѣда, говорю я, тебѣ что за нужда?» «Какъ, говоритъ, что за нужда? онъ вздумалъ дѣйствовать противъ меня хитростями....» «А, вотъ гдѣ бѣда, сталъ я дразнить.» «Внушаетъ, говоритъ, Юліи чортъ знаетъ что про меня... Она совсѣмъ теперь перемѣнилась ко мнѣ. Я проучу его, молокососа, — извини, повторяю его слова, — гдѣ, говорить, ему со мной бороться? онъ только клеветой взялъ; надѣюсь, что вы вразумите его....» «Пожурю, пожурю, говорю я, непременно пожурю, только, полно, правда ли это? чѣмъ онъ тебѣ надосадилъ?» Ты ей тамъ цвѣты, что ли, дарилъ?... Тутъ Петръ Ивановичъ опять остановился, какъ будто ожидая отвѣта. Александръ молчалъ. Петръ Ивановичъ продолжалъ: «Какъ, говоритъ, неправда? зачѣмъ онъ ей каждый день букетъ цвѣтовъ носить? теперь, говоритъ, зима.... чего это стоитъ?... я знаю, говоритъ, что значать эти букеты.» Вотъ что, подумалъ я самъ про себя, свой-то человѣкъ: нѣтъ, я вижу, родство не пустая вещь, — сталъ ли бы ты такъ хлопотать для другого! «Только точно ли каждый день? говорю я. Постой-ка, я спрошу его: ты, пожалуй, солжешь,» и вѣрно совралъ! да? Не можетъ быть, чтобъ ты....

Александръ хоть сквозь землю провалиться. А Петръ Ивановичъ безпощадно смотрѣлъ прямо ему въ глаза и ждалъ отвѣта.

— Иногда.... я, точно.... носилъ.... сказалъ Александръ, потупивъ глаза.

— Ну, опять-таки — иногда. Не каждый же день: это, въ самомъ дѣлѣ, убыточно. Ты, впрочемъ, скажи мнѣ, что все это стоитъ тебѣ: я не хочу, чтобъ ты тратился для меня; довольно и того, что ты хлопочешь. Ты дай мнѣ счетъ. Ну, и долго тутъ Сурковъ поролъ горячку. «Они всегда, говоритъ, прогуливаются вдвоемъ пѣшкомъ или въ экипажѣ тамъ, гдѣ меньше народу.» Александра при этихъ словахъ немного покорило: онъ вытянулъ ноги изъ подъ стула и вдругъ опять поджалъ ихъ. «Я покачалъ сомнительно головой, продолжалъ дядя: — станеть онъ гулять каждый день!» говорю. «Спросите, говоритъ, у люлей...» «Я лучше у самого спрошу, сказалъ я.... Вѣдь не правда?

— Я нѣсколько разъ.... точно.... гулялъ съ ней....

— Такъ не каждый же день; я не просилъ! я зналъ, что онъ вретъ. «Ну, чтожь, я говорю ему, за важность? Она вдова, близкихъ мужчинъ нѣтъ у ней, Александръ скромень, — не то, что ты — повѣса. Вотъ она и беретъ его: нельзя же ей одной.» Онъ и слушать ничего не хочетъ. «Нѣтъ, говоритъ, меня не проведете: я знаю. Всегда съ ней въ театрѣ; я же, говоритъ, и ложу достану, иногда Богъ знаетъ съ какими хлопотами, а онъ въ ней и засѣдаетъ.» Я ужь тутъ не выдержалъ и расхохотался. «Такъ тебѣ и надо, думаю, болванъ!» Ай да Александръ! вотъ племянникъ, такъ племянникъ! Только совѣстно мнѣ, что ты такъ хлопочешь для меня.

Александръ былъ какъ въ пыткѣ. Со лба капали крупныя капли пота. Онъ едва слушалъ, что говорилъ дядя, и не смѣлъ взглянуть ни на него, ни на тетку.

Лизавета Александровна сжалась надъ нимъ. Она покачала мужу головой, упрекая, что онъ мучитъ племянника. Но Петръ Иванычъ не унялся.

— Сурковъ, отъ ревности, вадумалъ увѣрять меня, продолжалъ онъ: — что ты ужь будто и влюбленъ по уши въ Тафеву. «Нѣтъ, ужь извини, говорю я ему, вотъ это не правда: послѣ всего, что съ нимъ случилось, онъ не влюбится. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ женщинъ и презираетъ ихъ.... Не правда ли?

Александръ, не поднимая глазъ, кивнулъ головой. Лизавета Александровна страдала за него.

— Петръ Иванычъ! сказала она, чтобъ какъ нибудь замять рѣчь.

— А? что?

— Давеча приходилъ человекъ отъ Лукьяновыхъ съ письмомъ.

— Знаю; хорошо. На чемъ я остановился?

— Опять, Петръ Иванычъ, ты сталъ сбрасывать пепелъ въ мои цѣвты. Смотри, что это такое?

— Ничего, милая: говорятъ, пепелъ способствуетъ растительности.... такъ я хотѣлъ сказать...

— Да не пора ли, Петръ Иванычъ, обѣдать?

— Хорошо, вели давать! Вотъ ты кстати напомнила объ обѣдѣ. Сурковъ говорить, что ты, Александръ, тамъ почти каждый день обѣдаешь, что, говорить, оттого нынче у васъ и по пятницамъ не бываетъ, что вы будто цѣлые дни вдвоемъ проводите.... чортъ знаетъ что вралъ тутъ, надоѣлъ; наконецъ я его выгналъ. Такъ и вышло, что совралъ. Нынче пятница, а вотъ ты налицо!

Александръ переложилъ одну ногу на другую и склонилъ голову къ лѣвому плечу.

— Я весьма, весьма благодаренъ тебѣ. Это — и дружеская и родственная услуга! заключилъ Петръ Иванычъ. — Сурковъ убѣдился, что ему нечего взять, и ретировался: «она, говорить, воображаетъ, что я стану вздыхать по ней, — ошибается!» И при этомъ предико заревѣлъ и ударилъ кулакомъ по столу. «А я еще хотѣлъ, говорить, отдѣлать этажъ изъ оконъ въ окна и Богъ знаетъ, какія намѣренія имѣлъ: она, говорить, можетъ быть, и не мечтала о такомъ счастьи, какое ей готовилось. Я бы, говорить, не прочь жениться, еслибъ она умѣла привязать меня къ себѣ. Теперь все кончено. Вы правду, говорить, совѣтовали, Петръ Иванычъ. Я сохраню и деньги и время!» И теперь, малый байронствуетъ, ходитъ такой угрюмый и денегъ не проситъ. И я съ нимъ скажу: все кончено! Твое дѣло сдѣлано, Александръ, и мастерски! я теперь покоенъ надолго. Больше не хлопочи. Можешь къ ней теперь и не заглядывать: я воображаю, какая тебѣ скука!... извини меня, пожалуйста.... я заслужу это какъ нибудь. Когда понадобятся деньги, обратись. Лиза! вели намъ подать хорошаго вина къ обѣду: мы выпьемъ за успѣхъ дѣла.

Петръ Ивановичъ вышелъ изъ комнаты. Лизавета Александровна посмотрѣла украдкой раза два на Александра и видя, что онъ не говоритъ ни слова, тоже вышла что-то приказать людямъ. Александръ сидѣлъ, какъ будто въ забытѣи, и все смотрѣлъ себѣ на колѣни. Наконецъ, поднялъ голову, осмотрѣлся—никого нѣтъ. Онъ перевелъ духъ, посмотрѣлъ на часы — четыре. Онъ поспѣшно взявъ шляпу, махнулъ рукой въ ту сторону, куда ушелъ дядя, и тихонько, на цыпочкахъ, оглядываясь во всѣ стороны, добрался до передней, тамъ взявъ шинель въ руки, опрометью бросился бѣжать съ лѣстницы и ухалъ къ Тафавой.

Сурковъ не солгалъ : Александръ любилъ Юлію. Онъ почти съ ужасомъ почувствовалъ первые припадки этой любви, какъ будто какой нибудь заразы. Его мучили и страхъ и стыдъ: страхъ подвергнуться опять всѣмъ прихотямъ и своего и чужого сердца, стыдъ передъ другими, болѣе всего передъ дядей. Дорого онъ далъ бы, чтобъ скрыть отъ него. Давно ли, три мѣсяца назадъ тому, онъ такъ гордо, рѣшительно отрекся отъ любви, написалъ даже эпитафію въ стихахъ этому безпокойному чувству, читанную дядей, наконецъ, явно презиралъ женщинъ — и вдругъ опять у ногъ женщины! Опять доказательство ребяческой опрометчивости. Боже! когда же онъ освободится отъ несокрушимого вліянія дяди? Неужели жизнь его никогда не приметъ особеннаго, неожиданнаго оборота, а будетъ вѣчно идти по предсказаніямъ Петра Ивановича? Эта мысль приводила его въ отчаяніе. Онъ радъ бы бѣжать отъ новой любви. Но какъ бѣжать? Какая разница между любовью къ Надинкѣ и любовью къ Юліи! Первая любовь — ничто иное, какъ несчастная ошибка сердца, которое требовало пищи, а сердце въ тѣ лѣта такъ неразборчиво: принимаетъ первое, что попадетъ. А Юлія! это уже не капризная дѣвочка, не понимающая ни его, ни самой себя, ни любви. Это — женщина въ полномъ развитіи, слабая тѣломъ, но съ энергіей духа — для любви : она — вся любовь! Другихъ условій для счастья и жизни она не признаетъ. Любить — будто бездѣлица? это также даръ ; а Юлія — гений въ этомъ. Вотъ о какой любви мечталъ онъ : о сознательной, разумной, но вмѣстѣ сильной, не знающей ничего внѣ своей сферы. «Я не задыхаюсь отъ радости, какъ животное, говорилъ онъ самъ себѣ : — духъ не замираетъ, но во мнѣ совершаетъ

ся процессъ важнѣе, выше: я сознаю свое счастье, размышляю объ немъ, и оно полнѣе, хотя, можетъ быть, тише.... Какъ благородно, непритворно, совѣтъ безъ жеманства, отдалась Юлія своему чувству. Она какъ будто ждала человѣка, понимающаго глубоко любовь — и человѣкъ явился. Онъ, какъ законный властелинъ, вступилъ гордо во владѣніе наследственнаго богатства и признанъ съ покорностію. Какая отрада, какое блаженство, думалъ Александръ, ѣдучи къ ней отъ дяди: — знать, что есть въ мірѣ существо, которое, гдѣ бы ни было, чтобы ни дѣлало, помнить объ насъ, сближаетъ всѣ мысли, занятія, поступки, — все къ одной точкѣ и одному понятію — о любимомъ существѣ. Это какъ будто нашъ двойникъ. Что онъ ни слышитъ, что ни видитъ, мимо чего ни пройдетъ, или что ни пройдетъ мимо его, все повѣряется впечатлѣніемъ другого, своего двойника; это впечатлѣніе извѣстно обоимъ, оба изучили другъ друга — и потомъ повѣренное такимъ образомъ впечатлѣніе принимается и утверждаетъ въ душѣ неизгладимыми чертами. Двойникъ отказывается отъ собственныхъ ощущеній, если они не могутъ быть раздѣлены или приняты другимъ. Онъ любить то, что любить другой, и ненавидитъ, что тотъ ненавидитъ. Они живутъ нераздѣльно въ одной мысли, въ одисмъ чувствъ; у нихъ одно духовное око, одинъ слухъ, одинъ умъ, одна душа....

— Баринъ! кое мѣсто на Литейной? спросилъ извозчикъ.

Юлія любила Александра еще сильнѣе, нежели онъ ее. Она даже не сознавала всей силы своей любви и не размышляла объ ней. Она любила въ первый разъ — это бы еще ничего — нельзя же полюбить прямо во второй разъ; но бѣда была въ томъ, что сердце у ней было развито до нельзя, обработано романами и приготовлено не то что для первой, но для той романтической любви, которая существуетъ въ нѣкоторыхъ романахъ, а не въ природѣ, и которая оттого всегда и бываетъ несчастлива, что невозможна на дѣлѣ. Между тѣмъ, умъ Юліи не находилъ въ чтеніи однихъ романовъ здоровой пищи и отставалъ отъ сердца. Она не могла никакъ представить себѣ тихой, простой любви безъ бурныхъ проявленій, безъ неумѣренной нѣжности. Она бы тотчасъ разлюбила человѣка, еслибъ онъ не палъ къ ея ногамъ, при удобномъ случаѣ, еслибъ не клялся ей *всѣми силами души*, еслибъ осмѣ-

лился не сжечь и не испепелить ее въ своихъ объятіяхъ, или дерзнулъ бы кромѣ любви заняться другимъ дѣломъ, а не пилъ бы только чашу жизни по каплѣ въ ея слезахъ и поцалухахъ. Отсюда родилась мечтательность, которая создала ей особый міръ. Чуть что нибудь въ простомъ мірѣ совершалось не по законамъ особаго, сердце ея возмущалось, она страдала. Слабый и безъ того организмъ женщины подвергался потрясенію, иногда весьма сильному. Частыя волненія раздражали нервы и наконецъ довели ихъ до совершеннаго разстройства. Вотъ отчего эта задумчивость и грусть безъ причины, этотъ сумрачный взглядъ на жизнь у многихъ женщинъ; вотъ отчего стройный, мудро-созданный и совершающійся, по непреложнымъ законамъ, порядокъ людскаго существованія кажется имъ тяжелой нѣбью; вотъ, однимъ словомъ, отчего пугаетъ ихъ дѣйствительность, заставляя строить міръ, подобный міру фатаморганы.

Кто же постарался обработать преждевременно и такъ неправильно сердце Юліи и оставить въ покоѣ умъ?... Кто! А тотъ классическій триумвиратъ педагоговъ, которые, по призыву родителей, являются воспринять на свое попеченіе юный умъ, открыть ему *всѣхъ вещей дѣйства и причины*, расторгнуть завѣсу прошедшаго и показать, что подъ нами, надъ нами, что въ самихъ насъ — трудная обязанность! За то и призваны были три націи на этотъ важный подвигъ. Родители сами отступились отъ воспитанія, полагая, что всѣ ихъ заботы кончаются тѣмъ, чтобъ, положась на рекомендацію добрыхъ пріятелей, нанять француза Пуле, для обученія французской литературѣ, разнымъ наукамъ и между прочимъ неизбѣжной тогда миеологій; — далѣе, нѣмца Шмита, потому-что это принято учиться, но отнюдь не выучиваться по-нѣмецки; наконецъ, русскаго учителя Ивана Ивановича. «Да они всѣ такіе нечосанные, говоритъ мать: — одѣты такъ всегда дурно, хуже лакея на видъ; иногда еще отъ нихъ виномъ пахнетъ.... какой примѣръ для дѣвицы?»

— Да какъ же безъ русскаго учителя? нельзя! рѣшилъ отецъ: — не безпокойся: я самъ выберу почище.

Вотъ французъ принялся за дѣло. Около него ухаживали и отецъ и мать. Его приглашали въ домъ, какъ гостя, обходились съ нимъ очень почтительно: это былъ дорогой французъ. Ему было легко учить Юлію. Она, благодаря гувернанткѣ, болтала пофранцузски, читала и писала почти безъ ошибокъ. М. Пуле ос-

тавалось только занять ее сочиненіями. Онъ задавалъ ей разныя темы : то описать восходящее солнце , то опредѣлить любовь и дружбу, то написать поздравительное письмо родителямъ , или излить грусть при разлукѣ съ подругой. А Юліи изъ своего окна видно было только, какъ солнце заходить за домъ купца Гиррина ; съ подругами она никогда не разлучалась, а дружба и любовь.... но тутъ впервые мелькнула у ней идея объ этихъ чувствахъ. Надо же когда нибудь узнать объ нихъ. Истоцивъ весь запасъ этихъ темъ, Пуле рѣшился, наконецъ, приступить къ той заветной тоненькой тетрадкѣ , на заглавномъ листѣ которой крупными буквами написано : Cours de la littérature française. Кто изъ насъ не помнитъ этой тетради ? Черезъ два мѣсяца Юлія знала навзусъ французскую литературу, т. е. тоненькую тетрадку, а черезъ три забыла ее ; но гибельные саѣды остались. Она знала, что былъ Вольтеръ, и иногда навязывала ему *Мучениковъ*, а Шатобриану приписывала *Dictionnaire philosophique*, Монтаня называла M-g de Montaigne и упоминала объ немъ иногда рядомъ съ Гюго. Про Мольера говорила, что онъ пишетъ для театра ; изъ Расина выучила знаменитую тираду : *A reine nous sortions des portes de Trezènes*. Въ мифологіи ей очень понравилась комедія, разыгранная между Вулканомъ , Марсомъ и Венерой. Она было заступилась за Вулкана , но узнавши , что онъ былъ хромой и неуклюжій , и притомъ кузнецъ , сейчасъ перешла на сторону Марса. Она полюбила и басню о Семелѣ и Юпитерѣ , и объ изгнаніи Апполона и его проказахъ на землѣ , принимая все это такъ , какъ оно написано, и не подозрѣвая никакого другого значенія въ этихъ сказкахъ. Подозрѣвалъ ли самъ французъ — Богъ знаетъ ! На вопросы ея объ этой религіи древнихъ , онъ , наморщивъ лобъ , съ важностью отвѣчалъ ей : *Des bêtises ! Mais cette bête de Vulcain devait avoir une drôle de mine.... écoutez*, прибавилъ онъ потомъ , прищуривъ немного глаза и потрепавъ ее по рукѣ :—*que feriez-vous à la place de Vénus ?* Она ничего не отвѣчала, но въ первый разъ въ жизни покраснѣла, по неизвѣстной ей причинѣ. Французъ усовершенствовалъ, наконецъ, воспитаніе Юліи тѣмъ, что познакомилъ ее , уже не теоретически, а практически, съ новой школой французской литературы. Онъ давалъ ей надѣлавшіе въ свое время большаго шуму : *Le manuscrit vert*, *Les sept péchés capitaux*, *L'âne mort* и цѣлую фалангу книгъ, наводившихъ тогда Фран-

цію и Европу. Бѣдная дѣвушка съ жалностію бросилась въ этотъ безбрежный океанъ. Какими героями казались ей Жанены, Бальзаки, Друино — и цѣлая вереница великихъ мужей. Что передъ ихъ дивными изображеніями жалкая сказка о Вулканѣ? Венера, передъ этими новыми героинями, просто невинность! И она жадно читала новую школу, вѣроятно читаетъ и теперь. Между тѣмъ, какъ французъ зашелъ такъ далеко, солидный нѣмецъ не успѣлъ пройти и грамматику: онъ очень важно составлялъ таблички склоненій, спряженій, придумывалъ разные затѣйливые способы, какъ лучше запомнить окончанія падежей; толковалъ, что иногда частица *zu* ставится на концу и т. п. А когда отъ него потребовали литературы, бѣднякъ перепугался. Ему показали тетрадь француза, онъ покачалъ головой и сказалъ, что понѣмецки этому нельзя учить, а что есть хрестоматія Аллера, въ которой всѣ писатели, съ своими сочиненіями, состоятъ на лицо. Но онъ этимъ не отдѣлался: къ нему пристали, чтобъ онъ знакомилъ Юлію, какъ м. Пуле, съ разными сочинителями. Нѣмецъ, наконецъ, обѣщалъ и пришелъ домой въ сильномъ раздумьи. Онъ отворилъ, или, правильнѣе, вскрылъ шкафъ, вынулъ одну дверцу совѣмъ и представивъ ее къ стѣнкѣ, потому-что шкафъ съ давнихъ поръ не имѣлъ ни петель, ни замка, — досталъ оттуда старые сапоги, полголовы сахару, бутылку съ нюхательнымъ табакомъ, графинъ съ водкой и корку чорнаго хлѣба, потомъ изломанную кофейную мѣльницу, далѣе бритвенницу, съ кускомъ мыла и съ щоточкой въ помадной банкѣ, старые подтяжки, оселокъ для перочиннаго ножа. Наконецъ, за этимъ показалась книга, другая, третья, четвертая — такъ, пять счетовъ — всѣ тутъ. Онъ хлопалъ ихъ одну объ другую: пыль поднялась облакомъ, какъ дымъ, и торжественно осѣнила голову педагога. Первая книга была: Идилліи Геснера — *gut!* сказалъ нѣмецъ, и съ наслажденіемъ прочелъ идиллію о разбитомъ кувшинѣ. Развернулъ вторую книгу: Готскій Календаръ 1804 года. Онъ перелистывалъ ее — тамъ династіи европейскихъ государей, картинки разныхъ замковъ, водопадовъ. — *sehr gut!* сказалъ Нѣмецъ. Третья — Библія: онъ отложилъ ее въ сторону, пробормотавъ набожно: *Hein!* Четвертая — *Юнговы ночи*: онъ покачалъ головой и пробормоталъ *Hein!* Послѣдняя — Вейссе! и Нѣмецъ торжественно улыбнулся: *da habe ich's!* сказалъ онъ. Когда ему

сказали, что есть еще Шиллеръ, Гёте и другіе, онъ качалъ головой и упрямо говорилъ : *Nein!* Юлія зѣвнула, только что нѣмецъ перевелъ ей первую страницу изъ Вейссе, и потомъ вовсе не слушала. Такъ отъ нѣмца у ней въ памяти осталось только, что частица *zu* ставится иногда на концу.

А русскій? этотъ еще добросовѣстиѣе нѣмца дѣлалъ свое дѣло. Онъ, почти со слезами, увѣрялъ Юлію, что *существительное имя или глаголъ* есть такая часть рѣчи, а *предлогъ* вотъ такая-то, и наконецъ достигъ, что она повѣрила ему и выучила наизусть опредѣленія всѣхъ частей рѣчи. Она могла даже разомъ исчислить всѣ предлоги, союзы, нарѣчія, и когда учитель важно вопрошалъ: «А ну-те-ка, извольте сказать, какія суть междометія страха или удивленія», она вдругъ, не переводя духу, проговаривала: ахъ, охъ, эхъ, увы, о, а, ну, эге! И наставникъ былъ въ восторгѣ. Она узнала нѣсколько истинъ и изъ синтаксиса, но не могла никогда приложить ихъ къ дѣлу и осталась при грамматическихъ ошибкахъ на всю жизнь. Изъ исторіи она узнала, что былъ Александръ Македонскій, что онъ много воевалъ и былъ прехрабрый... и, конечно, прехорошенькій... а что еще онъ значилъ и что значилъ его вѣкъ, объ этомъ ни ей, ни учителю и въ голову неприходило, да и Кайдановъ не распространяется очень объ этомъ. Когда отъ учителя потребовали литературы, онъ притащилъ кучу старыхъ, подержанныхъ книгъ. Тутъ были и Кантемиръ и Сумароковъ, потомъ Ломоносовъ, Державинъ, Озеровъ. Всѣ удивились; осторожно развернули одну книгу, понюхали, потомъ брѣсали и потребовали чего нибудь поновѣе. Учитель принесъ Карамзина. Но послѣ новой французской школы читать Карамзина! Юлія прочла *Блѣдную Лизу*, нѣсколько страницъ изъ *Путешествій*, и отдала назадъ. Антрактовъ у блѣдной ученицы, между этими вздорными занятіями, оставалось пропасть, — и никакой благородной, здоровой пищи для мысли! Умъ начиналъ засыпать, а сердце бить тревогу. Вотъ тутъ-то подвернулся услужливый кузень и кстати привезъ ей нѣсколько главъ Онѣгина, Кавказскаго Плѣнника и проч. И дѣва познала сладость русскаго стиха. Онѣгинъ былъ выученъ наизусть и не покидалъ изголовья Юліи. И кузень, какъ прочіе наставники, не умѣлъ растолковать ей значенія и достоинства этого произведенія. Она взяла за образецъ себѣ Татьяну и мысленно повторяла своему идеалу пламенная

строки татьянина письма къ Онѣгину, и сердце ея ныло, билось. Воображеніе искало то Онѣгина, то такого нибудь героя мастеровъ новой школы — блѣднаго, грустнаго, разочарованнаго.... Итальянецъ и другой французъ довершили ея воспитаніе, давъ ея голосу и движеніямъ стройныя размѣры, т. е. выучили танцевать, пѣть, играть, или, лучше, поиграть до замужства на фортепiano, но музыкѣ не выучили. И вотъ она восемнадцати лѣтъ, но уже съ постоянно задумчивымъ взоромъ, съ интересной блѣдностью, съ воздушной таліей, съ маленькой ножкой, явилась въ салонахъ, на показъ свѣту.

Ее замѣтилъ Тафаевъ, человѣкъ со всѣми атрибутами жениха, т. е. съ почтеннымъ чиномъ, съ хорошимъ состояніемъ, съ крестомъ на шеѣ, словомъ, съ карьерой и фортуной. Нельзя сказать про него, чтобъ онъ былъ простой и добрый человѣкъ. О, лѣтъ! Онъ въ обиду себя не давалъ и судилъ весьма здраво о нынѣшнемъ состояніи Россіи, о томъ, чего ей не достаетъ въ хозяйственномъ и промышленномъ состояніи, и въ своей сферѣ считался дѣловымъ человѣкомъ. Блѣдная, задумчивая дѣвушка, по какому-то странному противорѣчію съ его плотной натурой, сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Онъ на вечерахъ уходилъ изъ за картъ и погружался въ непривычную думу, глядя на этотъ полувоздушный призракъ, летавшій передъ нимъ. Когда на него падалъ ея томный взоръ, разумѣется, случайно, онъ, бойкій гладиаторъ въ салонныхъ разговорахъ, смущался передъ робкой дѣвочкой, хотѣлъ ей иногда сказать что нибудь, но не могъ. Это надоѣло ему и онъ рѣшился дѣйствовать положительно, черезъ разныхъ тетокъ. Справки о приданомъ оказались удовлетворительны. «Чтожь! насъ пара! разсуждалъ онъ съ собой. — Мнѣ только 45 лѣтъ, ей 18: съ нашимъ состояніемъ и не двое прожили бы хорошо. Паружность? она еще заурядъ хорошенькая, а я, что называется мужчиною... видный. Образована она, говорятъ: что же? И я когда-то учился, помню, учили и по-латыни и римскую исторію. Еще и теперь помню, тамъ консулъ этотъ — какъ его.... ну, чортъ съ нимъ! Помню и о реформаціи читали.... и эти стихи *Beatus ille*.... какъ дальше? *ruer, rueri, ruero*.... вѣтъ, не то, чортъ знаетъ — все перезабылъ. Да вѣдь, ей Богу, затѣмъ и учать, чтобъ забыть. Ну, вотъ хоть зарѣжь меня, а я говорю, что вонъ и этотъ, и тотъ, всѣ эти чиновные и умные люди, ни одинъ не скажетъ, какой

это консулъ тамъ побойчѣе или въ которомъ году были олимпійскія игры, — стало быть, учать такъ.... потому-что порядокъ такой : да и какъ не забыть? вѣдь въ свѣтѣ объ этомъ ужъ потомъ ничего никогда не говорятъ, а заговорн-ка кто, такъ, я думаю, просто выведутъ! нѣтъ! насъ пара».

И вотъ, когда Юлія вышла изъ дѣтства, ее на первомъ шагѣ встрѣтила самая печальная дѣйствительность — обыкновенный мужъ. Какъ онъ далекъ былъ отъ тѣхъ героевъ, которыхъ со-здали ей воображеніе и поэты!

Пять лѣтъ провела она въ этомъ скучномъ снѣ, какъ она называла замужство безъ любви, и вдругъ явились свобода и любовь. Она улыбнулась и простерла къ нимъ горячія объятія и предалась своей страсти, какъ человѣкъ предается быстрому бѣгу на конѣ. Онъ несется съ могучимъ животнымъ, забывая пространство. Духъ замираетъ, предметы бѣгутъ назадъ; въ лицо вѣетъ свѣжесть, грудь едва выносить ощущеніе нѣги.... или, какъ человѣкъ, предающійся безопасно въ челнокъ теченію волнъ: солнце грѣетъ его, зеленые берега мелкаютъ въ глазахъ, игривая волна ласкаетъ корму и такъ сладко шепчетъ, забѣгаетъ впередъ и манитъ все дальше, дальше, показывая путь безконечной струей.... И онъ влечется. Некогда смотрѣть и думать тогда, чѣмъ кончится путь: мчитъ ли конь въ пропасть, влечетъ ли волна на скалу?... Мысли уносить вѣтеръ, глаза закрываются, обаяніе непреодолимо... такъ и она не преодолевала его, а все влеклась, влеклась... Для нея, наконецъ, настали поэтическія мгновенія жизни: она полюбила эту, то сладостную, то мучительную тревожность души, искала сама волненій, выдумывала себѣ и муку и счастье. Она пристрастилась къ своей любви, какъ пристращаются къ опиуму, и жадно пила сердечную отраву.

Юлія была ужъ взволнована ожиданіемъ. Она стояла у окна, и нетерпѣніе ея возрастало съ каждой минутой. Она ощипывала китайскую розу и съ досадой бросала листья на полъ, а сердце такъ и замирало: это былъ моментъ муки. Она мысленно играла въ вопросъ и отвѣтъ: придетъ или не придетъ? вся сила ея соображенія была устремлена на то, чтобы рѣшить эту мудреную задачу. Если соображенія говорили въ ея пользу, она улыбалась, если нѣтъ — блѣднѣла.

Когда Александръ подъѣхалъ, она, блѣдная, опустилась въ кресла отъ изнеможенія : такъ сильно работало въ ней сердце. Когда онъ вошелъ.... невозможно описать этого взгляда, которымъ она встрѣтила его, этой радости, которая мгновенно разлилась по всемъ ея чертамъ, какъ будто они годъ не видались, а они видѣлись наканунѣ. Она молча указала на стѣнные часы, но едва онъ занулся, чтобъ оправдаться, она, не выслушавъ, повѣрила, простила, забыла всю боль нетерпѣнія, подала ему руку, и оба сѣли на диванъ и долго говорили, долго молчали, долго смотрѣли другъ на друга. Не напомнимъ человѣкъ, они непременно забыли бы обѣдать.

Сколько наслажденій! Никогда Александру и не мечталось о такой полнотѣ *искренности, сердечныхъ изліяній*. Лѣтомъ прогулки вдвоемъ за городомъ : если толпу привлекала куда нибудь музыка, фейерверкъ, то вдали между деревьями мелькали они, гуляя подъ руку. Зимой Александръ пріѣзжалъ къ обѣду и послѣ они сидѣли рядомъ у камина до ночи. Иногда вѣдѣли закладывать санки, и промчавшись по темнымъ улицамъ, спѣшили продолжать нескончаемую бесѣду за самоваромъ. Каждое явленіе кругомъ, каждое мимолетное движеніе мысли и чувства, — все замѣчалось и дѣлилось вдвоемъ. Александръ боялся встрѣчи съ дядей, какъ огня. Онъ иногда приходилъ къ Лизаветѣ Александровнѣ, но она никогда не успѣвала расшевелить въ немъ откровенности. Онъ всегда былъ въ безпокойствѣ, чтобъ не засталъ дядя и не разыгралъ съ нимъ опять какой нибудь сцены, и оттого всегда сокращалъ свои визиты. Былъ ли онъ счастливъ? Про другихъ можно сказать въ такомъ случаѣ и *да и мѣть*, а про него *мѣть*: у него любовь начиналась страданіемъ. Минутами, когда онъ успѣвалъ забыть прошлое, онъ вѣрилъ въ возможность счастья, въ Юлію и въ ея любовь. Въ другое время онъ вдругъ смущался въ пылу самыхъ *искренности изліяній*, съ болѣзнію слушалъ ея страстный, восторженный бредъ. Ему казалось, что вотъ того и гледи, она измѣнитъ или какой нибудь другой неожиданный ударъ судьбы нигомъ разрушитъ великолѣпный міръ блаженства. Вкушая минуту радости, онъ зналъ, что ее надо выкупить страданіемъ, и хандра опять находила на него. Однакожь, прошла вся зима, настало лѣто, а любовь не кончалась. Юлія привязывалась къ нему все сильнѣе и сильнѣе. Ни измѣны, ни удара судьбы не было: случилось совсѣмъ другое. Взоръ его

просвѣтлѣлъ. Онъ свыкъся съ мыслию о возможности постоянной привязанности. «Только эта любовь ужъ не такъ пылка.... думалъ онъ однажды, глядя на Юлію: — но зато прочна, можетъ быть, вѣчна! Да, нѣтъ сомнѣнія. А! наконецъ, я понимаю тебя, судьба! Ты хочешь вознаградить меня за прошлыя мученія и ввести, послѣ долгаго странствованія, въ мирную пристань. Такъ вотъ гдѣ приютъ.... Юлія!» воскликнулъ онъ вслухъ.

Она вздрогнула.

— Что вы? спросила она.

— Нѣтъ! такъ....

— Нѣтъ! скажите: у васъ была какая-то мысль.

Александръ упрямылся. Она настаивала.

— Я думалъ, что для полноты нашего счастья не достаетъ...

— Чего? съ безпокойствомъ спросила она.

— Такъ, ничего! мнѣ пришла странная идея....

Юлія смутилась.

— Ахъ! не мучьте меня, говорите скорѣй! сказала она.

Александръ задумался и говорилъ вполголоса, какъ будто съ собой.

— Приобрѣсти право не покидать ее ни на минуту, не уходить домой.... быть всюду и всегда съ ней. Быть въ глазахъ свѣта ея законнымъ обладателемъ.... Она назоветъ меня громко, не краснѣя и не блѣднѣя, своимъ.... и такъ всю жизнь! и гордиться этимъ вѣчно....

Говоря этимъ высокимъ слогомъ, слово за слово, онъ добрался, наконецъ, до слова: *супружество*. Юлія вздрогнула, потомъ заплакала. Она подала ему руку съ чувствомъ невыразимой нѣжности и признательности, и они оба оживились, оба вдругъ заговорили. Положено было Александру поговорить съ теткой и просить ея содѣйствія въ этомъ мудреномъ дѣлѣ. Въ радости, они не знали, что дѣлать. Вечеръ былъ прекрасный. Они отправились куда-то за городъ, въ глушь, и, нарочно отыскавъ съ большимъ трудомъ гдѣ-то холмъ, просидѣли цѣлый вечеръ на немъ, смотрѣли на заходящее солнце, мечтали о будущемъ образѣ жизни, предполагали ограничиться тѣснымъ кругомъ знакомыхъ, не принимать и не дѣлать пустыхъ визитовъ. Потомъ воротились домой и начали толковать о будущемъ порядкѣ въ о распредѣленіи комнатъ и прочее. Пришли къ тому, какъ

убрать комнаты. Александръ предложилъ обратить ея уборную въ свой кабинетъ, такъ чтобъ это было подлѣ спальни.

— Какую же мебель хотите вы въ кабинетъ? спросила она.

— Я бы желалъ орѣховаго дерева съ синей бархатной по-
крышкой.

— Это очень мило и не марко: для мужского кабинета надобно выбирать непременно темные цвѣта, — свѣтлые скоро портятся отъ дыму. А вотъ здѣсь, въ маленькомъ пассажѣ, который ведетъ изъ будущаго вашего кабинета въ спальню, — я устрою боскетъ: не правда ли, это будетъ прекрасно? Тамъ поставлю одно кресло, такъ чтобы я могла, сидя на немъ, читать книгу и видѣть васъ въ кабинетѣ.

— Не долго мнѣ такъ прощаться съ вами, говорилъ, прощаюсь, Александръ.

Она зажала ему ротъ рукой.

На другой день Александръ отправился къ Лизаветѣ Александровнѣ открывать то, что ей давно было извѣстно, и требовать ея совѣта и помощи. Петра Ивановича не было дома.

— Чтѣжь, я не прочь! сказала она, выслушавъ его исповѣдь: — вы теперь не мальчикъ: можете судить о своихъ чувствахъ и располагать собой. Только не торопитесь, — узнайте ее хорошенько.

— Ахъ, ma tante, еслибъ вы ее знали! Сколько достоинствъ!

— Напримѣръ?

— Она такъ любитъ меня....

— Это, конечно, важное достоинство, да не одно это нужно въ супружествѣ.

Тутъ она сказала нѣсколько общихъ истинъ на счетъ супружескаго состоянія, о томъ, какова должна быть жена, каковъ мужъ.

— Только погодите. Теперь осень наступаетъ, прибавила она: — съѣдутся всѣ въ городъ. Тогда я сдѣлаю визитъ вашей невѣстѣ; мы познакомимся, и я примусь за дѣло горячо. Вы не оставляйте ее: я увѣрена, что вы будете счастливѣйшій мужъ.

Женщины страхъ какъ любятъ женить мужчинъ; иногда онѣ и видятъ, что бракъ какъ-то не клеится и не долженъ бы клеиться, но всячески помогаютъ дѣлу. Имъ лишь бы устроить свадьбу, а тамъ новобрачные, какъ себѣ хотятъ. Богъ знаетъ, изъ чего онѣ хлопочуть.

Александръ просилъ тетку, до окончанія дѣла, ничего не говорить Петру Иванычу.

Промелькнуло лѣто, протащилась и скучная осень. Наступила другая зима. Свиданія Адуева съ Юліей были также часты.

У ней какъ будто сдѣланъ былъ строгій расчетъ днямъ, часамъ и минутамъ, которые можно было провести вмѣстѣ. Она выскивала всѣ случаи къ тому.

— Рано ли вы завтра отправитесь на службу? спрашивала она иногда.

— Часовъ въ одиннадцать.

— А въ десять приѣзжайте ко мнѣ, будемъ завтракать вмѣстѣ. Да нельзя ли не ходить совсѣмъ? будто ужъ тамъ безъ васъ....

— Какъ же? отечество.... долгъ.... говорилъ Александръ.

— Вотъ прекрасно! А вы скажите, что вы любите и любимы. Неужели начальникъ вашъ никогда не любилъ? Если у него есть сердце, онъ пойметъ. Или принесите сюда свою работу; кто вамъ мѣшаетъ заниматься здѣсь?

Въ другой разъ не пускала его въ театръ, а къ знакомымъ рѣшительно почти никогда. Когда Лизавета Александровна приѣхала къ ней съ визитомъ, Юлія долго не могла притти въ себя, увидѣвъ, какъ молода и хороша тетка Александра. Она воображала ее такъ-себѣ теткой: пожилой, нехорошей, какъ большая часть тетокъ; а тутъ, прошу покорнѣйше, женщина лѣтъ двадцати шести, семи, и красавица! Она сдѣлала Александру сцену и стала рѣже пускать его къ дядѣ.

Но что значили ея ревность и деспотизмъ въ сравненіи съ деспотизмомъ Александра? Онъ ужъ убѣдился въ ея привязанности, видѣлъ, что измѣна и охлажденіе не въ ея натурѣ, и ревновалъ! но какъ ревновалъ? Это не была ревность отъ избытка любви: плачущая, стонущая, вопіющая отъ мучительной боли въ сердцѣ, трепещущая отъ страха потерять счастье, — но равнодушная, холодная, злая. Онъ тиранилъ бѣдную женщину по любви, какъ другіе не тиранятъ по ненависти. Ему покажется, напримѣръ, что, вечеромъ, при гостяхъ, она не довольно долго и нѣжно или часто глядитъ на него, — и онъ осматривается, какъ звѣрь, кругомъ, — и горе, если въ это время около Юліи есть молодой человѣкъ, и даже не молодой, а просто человѣкъ, часто женщина, иногда — вещь. Оскорбленія, колкости, черныя по-

дозрѣнія и упреки сыпались градомъ. Она тутъ же должна была оправдываться и откупаться разными пожертвованіями, безусловною покорностью: не говорить съ тѣмъ, не сидѣть тамъ, не подходить туда, переносить лукавыя улыбки и шопоть хитрыхъ наблюдателей, краснѣть, блѣднѣть, компрометировать себя.

Если она получала приглашеніе куда нибудь, она, не отвѣчая, прежде всего обращала на него вопросительный взглядъ, — и чуть онъ наморщитъ брови, она, блѣдная и трепещущая, въ ту же минуту отказывалась. Иногда онъ дастъ позволеніе — она соберется, одѣнется, готовится сѣсть въ карету, — какъ вдругъ онъ, по минутному капризу, произноситъ грозное *veto*, и она раздѣвалась, карета откладывалась. Послѣ онъ, пожалуй, начнетъ просить прощенія, предлагаетъ ѣхать, но когда же опять дѣлать туалетъ, закладывать карету? Такъ и остается. Онъ ревновалъ не къ красавцамъ, не къ достоинству ума или таланта, а даже къ уродамъ, наконецъ къ тѣмъ, чья физіономія просто не нравилась ему. Однажды пріѣхалъ какой-то гость изъ ея стороны, гдѣ жили ея родные. Гость былъ пожилой, некрасивый человѣкъ, говорилъ все объ урожаѣ да о своемъ сенатскомъ дѣлѣ, такъ-что Александръ, соскучившись слушать его, ушелъ въ сосѣднюю комнату. Ревновать было не къ чему. Наконецъ, гость сталъ прощаться.

— Я слышалъ, сказалъ онъ: — что вы по середамъ дома; не позволите ли мнѣ присоединиться къ обществу вашихъ знакомыхъ?

Юлія улыбнулась и готовилась сказать: прошу! какъ вдругъ изъ другой комнаты раздался шопоть, громче всякаго крика: не хочу!

— Не хочу! торопливо, вслухъ повторила Юлія гостю, вздрогнувъ.

Но Юлія сносила все. Она запиралась отъ гостей, никуда не выѣзжала и сидѣла съ глазу на глазъ съ Александромъ.

Они продолжали систематически упиваться блаженствомъ. Истративъ весь запасъ извѣстныхъ и готовыхъ наслажденій, она начала придумывать новыя, разнообразить этотъ, и безъ того богатый удовольствіями міръ. Какой даръ изобрѣтательности обнаружила Юлія! Но и этотъ даръ истощился. Начались повторенія. Желать, испытывать было нечего.

Не было ни одного загороднаго мѣста, котораго бы они не посѣтили, ни одной пьесы, котрой бы они не видали вмѣстѣ, ни одной книги, которую бы не прочитали и не обсудили. Они изучили чувства, образъ мыслей, достоинства и недостатки другъ друга и ничто уже не мѣшало имъ привести въ исполненіе задуманный планъ.

Искреннія изліянія стали рѣдки. Они иногда по цѣлымъ часамъ сидѣли, не говоря ни слова. Но Юлія была счастлива и молча.

Она изрѣдка перекликнется съ Александромъ вопросомъ и получить: да или нѣтъ — и довольна; а не получить этого, такъ посмотреть на него пристально: онъ улыбнется ей, и она опять счастлива. Не улыбнись онъ и не отвѣтъ ничего, она начнетъ стеречь каждое движеніе, каждый взглядъ и толковать по своему, и тогда не оберешься упрековъ.

О будущемъ они перестали говорить, потому-что Александръ, при этомъ, чувствовалъ какое-то смущеніе, неловкость, котрой не могъ объяснить себѣ, и старался замять разговоръ. Онъ сталъ размышлять, задумываться. Магическій кругъ, въ который заключена была его жизнь любовью, мѣстами разорвался, и ему вдали показались: то лица пріятелей и рядъ разгульных удовольствій, то блистательные балы съ толпой красавицъ, то вѣчно занятый и дѣловой дядя, то покинутыя занятія....

Въ такомъ расположеніи духа сидѣлъ онъ однажды вечеромъ у Юліи. На дворѣ была мятежь. Спѣгъ билъ въ окна и ключьями прилипалъ къ стекламъ. Вѣтеръ врывался въ каминъ и завывалъ унылую пѣсню. Въ комнатѣ слышалось однообразное качанье маятника столовыхъ часовъ, да изрѣдка вздохи Юліи. Александръ окинулъ взглядомъ, отъ нѣчего дѣлать, комнату, потомъ посмотрѣлъ на часы, — десять, а надо просидѣть еще часа два: онъ зѣвнулъ. Взоръ его остановился на Юліи. Она, прислонясь спиной къ камину, стояла, склонивъ блѣдное лицо къ плечу, и слѣдила глазами за Александромъ, но не съ выраженіемъ педовѣрчивости и допроса, а нѣги, любви и счастья. Она, повидимому, боролась съ тайнымъ ощущеніемъ, съ сладкой мечтой и казалась утомленною. Нервы такъ сильно дѣйствовали, что и самый трепетъ нѣги повергалъ ее въ болѣзненное томленіе: мѣла и блаженство были у ней неразлучны. Александръ отвѣчалъ ей сухимъ, безпокойнымъ взоромъ. Онъ подошелъ къ окну и началъ

слегка барабанить пальцами по стеклу, глядя на улицу. Съ улицы долеталъ смѣшанный шумъ голосовъ, ѣзды экипажей. Въ окнахъ вездѣ свѣтились огни, мелькали тѣни. Ему казалось, что тамъ, гдѣ больше освѣщено, собралась веселая толпа; тамъ, можетъ быть, происходилъ живой размѣнъ мыслей, огненныхъ, летучихъ ощущений; тамъ живутъ шумно и радостно. А вонъ въ томъ слабо-освѣщенномъ окнѣ вѣроятно сидитъ надъ дѣльнымъ трудомъ благородный труженикъ. И Александръ подумалъ, что почти два года уже онъ влачитъ праздную, глупую жизнь, и вотъ два года вонъ изъ итога годовъ жизни, — а все любовь! Тутъ онъ попалъ на любовь.

— И что это за любовь? думалъ онъ, — какая-то сонная, безъ энергіи. Эта женщина поддалась чувству безъ борьбы, безъ усилій, безъ препятствій, какъ жертва: слабая, безхарактерная женщина! ошастливила своей любовью перваго, кто попался; не будь меня, она полюбила бы точно также Суркова, и уже начала любить: да! какъ она ни защищайся — я видѣлъ! приди ктонибудь побойчѣе и поискунѣе меня, она отдалась бы тому.... это просто безнравственно! Это ли любовь! гдѣ же тутъ симпатія душъ, о которой проповѣдаютъ чувствительныя души? А ужъ тутъ ли не тянуло душъ другъ къ другу: казалось слиться бы имъ на вѣкъ, а вотъ подижь ты! Чортъ знаетъ, что это такое, не разберешь! шепнулъ онъ съ досадою.

— Что вы тамъ дѣлаете? О чемъ думаете? спросила Юлія.

— Такъ.... сказалъ онъ, зѣвая, и сѣлъ на диванъ, подальше отъ нея, обхвативъ одной рукой уголъ шитой подушки.

— Сядьте здѣсь, поближе.

Онъ не сѣлъ и ничего не отвѣчалъ.

— Что съ вами? продолжала она, подходя къ нему: — вы несносны сегодня.

— Я не знаю... сказалъ онъ вяло: — мнѣ что то... какъ будто я....

Онъ не зналъ, что отвѣчать ей и самому себѣ. Онъ еще все хорошенько не объяснилъ себѣ, что съ нимъ дѣлается.

Она сѣла подлѣ него, начала говорить о будущемъ и мало по малу оживилась. Она представляла счастливую картину семейной жизни, порой шутила и заключила очень нѣжно:

— Вы мой мужъ! смотрите: сказала она, показывая вокругъ: — скоро все это будетъ ваше. Вы здѣсь будете владыче-

ствовать въ домѣ, какъ у меня въ сердцѣ. Я теперь независима, могу дѣлать, что хочу, поѣхать, куда глаза глядятъ, а тогда ничто здѣсь не тронется съ мѣста безъ вашего приказанія; я сама буду связана вашей волей; но какая прекрасная цѣпь! Заковычайте же поскорѣй; когда же?... Всю жизнь мечтала я о такомъ человѣкѣ, о такой любви.... и вотъ мечта исполняется.... и счастье близко.... я едва вѣрю.... Знаете ли: это мнѣ кажется сномъ. Не награда ли это за всѣ мои прошедшія страданія?...

Александрѣ мучительно было слышать эти слова.

— А еслибъ я васъ разлюбилъ? вдругъ спросилъ онъ, стараясь придать голосу шутливый тонъ.

— Я бы вамъ уши выдрала! отвѣчала она, взявъ его за ухо, потомъ вздохнула и задумалась отъ одного шутливаго намека. Онъ молчалъ.

— Да что съ вами? вдругъ спросила она съ живостію: — вы молчите, едва слушаете меня, смотрите въ сторону....

Тутъ она подвинулась къ нему и, положивъ ему на плечо руку, стала говорить тихо, почти шопотомъ на ту же тему, но не такъ положительно. Она напомнила начало ихъ сближенія, начало любви, первые ея признаки и первыя радости. Она почти задышалась отъ нѣги ощущеній; на блѣдныхъ ея щекахъ зардѣлись два розовыя пятнышка. Они постепенно разгорались, глаза блистали, потомъ сдѣлались томны и полузакрылись, грудь дышала сильно. Она говорила едва внятно и одной рукой играла мягкими волосами Александра, потомъ заглянула ему въ глаза. Онъ тихо освободилъ голову отъ ея руки, вынулъ изъ кармана гребенку и тщательно причесалъ приведенные ею въ безпорядокъ волосы. Она встала и посмотрѣла на него пристально.

— Что съ вами, Александръ? спросила она съ безпокойствомъ.

— Вотъ пристала! почему я знаю? думалъ онъ, но молчалъ.

— Вамъ скучно? вдругъ сказала она, и въ голосѣ ея слышались и вопросъ и сомнѣніе.

— Скучно! подумалъ онъ: — слово найдено! Да! это мучительная, убійственная скука! вотъ ужъ съ мѣсяць этотъ червь вползъ ко мнѣ въ сердце и точитъ его.... О, Боже мой! что мнѣ дѣлать? а она толкуетъ о любви, о супружествѣ. Какъ ее образумить!

Она сѣла за фортепiano и сыграла нѣсколько любимыхъ его пьесъ. Онъ не слушалъ и все думалъ свою думу.

У Юліи опустились руки. Она вздохнула, завернулась въ шаль и бросилась въ другой уголъ дивана, откуда взорами, съ тоской, наблюдала за Александромъ.

Онъ взялъ шляпу.

— Куда вы? спросила она съ удивленіемъ.

— Домой.

— Еще нѣтъ 11-ти часовъ.

— Мнѣ надо написать къ маменькѣ: я давно не писалъ къ ней.

— Какъ давно? вы третьяго дня писали.

Онъ молчалъ: сказать было нечего. Онъ точно писалъ и какъ-то вскользь сказалъ ей тогда объ этомъ, но забылъ; а любовь не забываетъ ни одной мелочи. Въ глазахъ ея все, что ни касается до любимаго предмета, все важный фактъ. Въ умѣ любящаго человѣка плетется многосложная ткань изъ наблюдений, тонкихъ соображеній, воспоминаній, догадокъ обо всемъ, что окружаетъ любимаго человѣка, что творится въ его сферѣ, что имѣетъ на него 'рефлекцію. Въ любви довольно одного слова, намекъ... чего намекъ! взгляда, едва примѣтнаго движенія губъ, чтобы составить догадку, потомъ перейти отъ нея къ соображенію, отъ соображенія къ рѣшительному заключенію и потомъ мучиться или блаженствовать отъ собственной мысли. Логика влюбленныхъ, иногда фальшивая, иногда изумительно-вѣрная, быстро возводитъ зданіе догадокъ, подозрѣній, но сила любви еще быстрѣе разрушаетъ его до основанія: часто довольно для этого одной улыбки, слезы, много много двухъ, трехъ словъ— и прощай подозрѣнія. Этого рода контроля ни усыпить, ни обмануть не возможно ничѣмъ. Влюбленный, то вдругъ заберетъ въ голову то, чего другому бы и во снѣ не приснилось, то не видитъ того, что дѣлается у него подъ носомъ, то приницательнѣе до ясновидѣнія, то недальновиденъ до слѣпоты.

Юлія вскочила съ дивана, какъ дикая кошка, и схватила его за руку.

— Что это значитъ! куда вы? спросила она.

— Да ничего, право ничего; ну, мнѣ просто спать хочется: я нынче мало спалъ; вотъ и все.

— Мало спали! какъ же сами сказали давеча утромъ, что спали девять часовъ, и что у васъ даже отъ того голова болѣла?..

Опять не хорошо.

— Ну, голова болитъ.... сказалъ онъ смутившись не много:— этого и ѣду.

— А послѣ обѣда сивзали, что голова прошла.

— Боже мой, какая у васъ память. Это несносно! Ну, мнѣ просто хочется домой.

— Развѣ вамъ здѣсь не хорошо? что у васъ тамъ дома?

Она, глядя ему въ глаза, недовѣрчиво покачала головой. Онъ кое-какъ успокоилъ ее и уѣхалъ.

— Что ежели я не поѣду сегодня къ Юліи? задалъ себѣ вопросъ Александръ, проснувшись на другой день поутру. Онъ прошелся раза три по комнатѣ. — Право не поѣду! прибавилъ онъ рѣшительно.

— Евсей! одѣваться. — И пошелъ бродить по городу.

«Какъ весело, какъ пріятно гулять одному! думалъ онъ: — пойти — куда хочется, остановиться, прочитать вывѣску, заглянуть въ окно магазина, зайти туда, сюда... очень, очень хорошо! Свобода — великое благо! Да! именно: свобода, въ обширномъ, высокомъ смыслѣ, значитъ — гулять одному!» Онъ постукивалъ тростью по тротуару, весело кланялся съ знакомыми. Проходя по Морской, онъ увидалъ въ окнѣ одного дома знакомое лицо. Знакомый приглашалъ его рукой войти. Онъ поглядѣлъ. Ба! да это Дюме! и вошелъ, отобѣдалъ, просидѣлъ до вечера, вечеромъ отправился въ театръ, изъ театра ужинать. О домѣ онъ старался не вспоминать: онъ зналъ, что тамъ ждетъ его. Въ самомъ дѣлѣ, по возвращеніи, онъ нашелъ до полдюжины записокъ на столѣ и соннаго лакея въ передней. Слугѣ не вѣлѣно было уходить, не дождавшись его. Въ запискахъ — упреки, допросы и слѣды слезъ. На другой день надо было оправдываться. Онъ отговорился дѣломъ по службѣ. Кое-какъ помирились. Дня черезъ три, и съ той и съ другой стороны, повторилось то же самое. Потомъ опять и опять. Юлія похудѣла, никуда не выѣзжала и никого не принимала, но молчала, потому что Александръ сердился за упреки.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, Александръ условился съ пріятелями выбрать день и повеселиться на пропалую. Но въ то же утро онъ получилъ записку отъ Юліи, съ просьбой пребыть

съ ней цѣлый день и прѣхатъ пораньше. Она писала, что она больна, грустна, что нервы ея страдаютъ и т. п. Онъ разсердился, но, однакожъ, поѣхалъ предупредить ее, что онъ не можетъ остаться съ ней, что у него много дѣла.

— Да, конечно: обѣдъ у Дюме, театръ, катанье на горахъ— очень важныя дѣла.... сказала она томно.

— Это что значить? спросилъ онъ съ досадой: — вы, кажется, присматриваете за мной? я этого не потерплю.

Онъ всталъ и хотѣлъ итти.

— Пойдите, послушайте! сказала она: — поговоримте.

— Мнѣ некогда.

— Одну минуту: сядьте.

Онъ сѣлъ нехотя на край стула.

Она, сложивъ руки, безпокойно вглядывалась въ него, какъ будто стараясь прочесть на лицѣ его заранѣе отвѣтъ на то, что ей хотѣлось сказать.

Онъ отъ нетерпѣнія вертѣлся на мѣстѣ.

— Поскорѣе! мнѣ некогда! сказалъ онъ сухо.

Она вздохнула.

— Вы меня не любите? спросила она, слегка качая головой.

— Старая пѣсня! сказалъ онъ, поглаживая шляпу рукавомъ.

— Какъ она вамъ надоѣла! отвѣчала она.

Онъ всталъ и началъ скорыми шагами ходить по комнатѣ. Черезъ минуту послышалось всхлипыванье.

— Этого только не доставало! сказалъ онъ почти съ яростью, остановясь передъ ней: — мало вы мучили меня!...

— Я мучила! воскликнула она и зарыдала сильнѣе.

— Это нестерпимо! сказалъ Александръ, готовясь уйти.

— Ну, не стану, не стану! скоро заговорила она, отирая слезы: — видите, я не плачу, только не уходите, сядьте.

Она старалась улыбнуться, а слезы такъ и капали на щоки. Александръ почувствовалъ жалость. Онъ сѣлъ и началъ качать ногой. Онъ сталъ задавать себѣ мысленно вопросъ за вопросомъ и дошелъ до заключенія, что онъ охладѣлъ, не любить Юлію. А за что? Богъ знаетъ! Она любитъ его съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе; не оттого ли? Боже мой! какое противорѣчіе! Всѣ условія счастья тутъ. Ничто не препятствуетъ имъ, даже и другое чувство не отвлекаетъ, а онъ охладѣлъ! О, жизнь! Но какъ успокоить Юлію? Пожертвовать собой? влачить съ нею

скучные, долгіе дни; притворяться — онъ не умѣетъ, а не притворяться, значить видѣть ежеминутно слезы, слышать упрёки, мучить ее и себя.... Заговорить ей вдругъ о длинной теоріи измѣнъ и охлажденій — прошу покорнѣйше: она, ничего невидя, плачетъ, а тогда! что дѣлать?

Юлія, видя, что онъ молчитъ, взяла его за руку и поглядѣла ему въ глаза. Онъ медленно отвернулся и тихо высвободилъ свою руку. Онъ не только не чувствовалъ влеченія къ ней, но, отъ прикосновенія ея, по тѣлу его пробѣжала холодная и неприятная дрожь. Она удвоила ласки. Онъ не отвѣчалъ на нихъ и сдѣлался еще холоднѣе, угрюмѣе. Она вдругъ оторвала отъ него свою руку и вспыхнула. Въ ней проснулись женская гордость, оскорбленное самолюбіе, стыдъ. Она выпрямила голову, станъ, покраснѣла отъ досады.

— Оставьте меня! сказала она отрывисто.

Онъ проворно пошелъ вонъ, безъ всякаго возраженія. Но когда шумъ шаговъ его сталъ затихать, она бросилась вслѣдъ за нимъ.

— Александръ Ѳеодорычъ! Александръ Ѳеодорычъ! закричала она. Онъ воротился.

— Куда же вы?

— Да вѣдь вы велѣли уйти.

— А вы и рады бѣжать. Оставайтесь!

— Мнѣ некогда!

Она взяла его за руку и — опять полилась нѣжная, пламенная рѣчь, мольбы, слезы. Онъ ни взглядомъ, ни словомъ, ни движеніемъ, не обнаружилъ сочувствія, — стоялъ точно деревянный, переминаясь съ ноги на ногу. Его хладнокровіе вывело ее изъ себя. Посыпались угрозы и упрёки. Кто бы узналъ въ ней кроткую, слабонервную женщину? Локоны у ней распустились, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ, щоки пылали, черты лица странно разложились. «Какъ она нехороша!» думалъ Александръ, глядя на нее съ гримасой.

— Я отмщу вамъ, говорила она: — вы думаете, что такъ легко можно шутить судьбой женщины? Вкрались въ сердце лестью, притворствомъ, овладѣли мной совершенно, а потомъ кинули, когда я ужъ не въ силахъ выбросить васъ изъ памяти... нѣтъ! я васъ не оставлю! я буду васъ всюду преслѣдовать. Вы чикуда не уйдете отъ меня: поѣдете въ деревню — и я за вами,

за границу — и я туда же, всегда и вездѣ. Я не легко разстанусь съ своимъ счастьемъ. Мнѣ все равно: какова ни будетъ жизнь моя.... мнѣ больше нѣчего терять; но я отмщу, отмщу; у меня должна быть соперница! Не можетъ быть, чтобъ вы такъ оставили меня.... я найду ее — и посмотрите, что я сдѣлаю: вы не будете рады и жизни! Съ какимъ бы наслажденіемъ я услышала теперь о вашей гибели.... я бы сама убила васъ! — крикнула она дико, бѣшено.

— Какъ это глупо! нелѣпо! думалъ Александръ, пожимая плечами.

Видя, что Александръ равнодушенъ и къ угрозамъ, она вдругъ перешла въ тихій, грустный тонъ, потомъ молча глядѣла на него.

— Сжальтесь надо мной! говорила она: — не покидайте меня; что я теперь безъ васъ буду дѣлать! я не вынесу разлуки. Я умру! Подумайте: женщины любятъ иначе, нежели мужчины: нѣжныѣе, сильнѣе. Для нихъ любовь — все, особенно для меня: другія кокетничаютъ, любятъ свѣтъ, шумъ, суету; я не привыкла къ этому, у меня другой характеръ. Я люблю тишину, уединеніе, книги, музыку, но васъ болѣе всего на свѣтѣ....

Александръ обнаружилъ нетерпѣніе.

— Ну, хорошо! не любите меня, съ живостію продолжала она: — по исполните ваше обѣщаніе: женитесь на мнѣ, будьте только со мной.... вы будете свободны: дѣлайте, что хотите, даже любите, кого хотите, лишь бы я иногда, изрѣдка видѣла васъ.... О, ради Бога, сжальтесь, сжальтесь.... Она заплакала и не могла продолжать. Волненіе истощило ее, она упала на диванъ, закрыла глаза, зубы ея стиснулись, ротъ судорожно искривился. Съ ней сдѣлался истерическій припадокъ. Черезъ часъ она опомнилась, пришла въ себя. Около нея суетилась горничная. Она оглядѣлась кругомъ. «А гдѣ же?...» спросила она.

— Они уѣхали!

— Уѣхалъ! уныло повторила она и долго сидѣла молча и неподвижно.

На другой день записка за запиской къ Александру. Омъ не являлся и не давалъ отвѣта. На третій, на четвертый день тоже. Юлія написала къ Петру Иванычу, приглашая его къ себѣ по

важному дѣлу. Жену его она не любила, потому-что она была молода, хороша и приходилась Александру теткой.

Петръ Ивановичъ засталъ ее испуганной, чуть не умирающей. Онъ пребылъ у ней часа два, потомъ отправился къ Александру.

— Каковъ притворщикъ, а! сказалъ онъ.

— Что такое? спросилъ Александръ.

— Смотрите, какъ будто не его дѣло! Не умѣеть влюбить въ себя женщину, а самъ съ ума сводить.

— Я не понимаю, дядюшка....

— Чего тутъ не понимать? понимаешь! Я былъ у Тафаевой: она мнѣ все сказала.

— Какъ! пробормоталъ Александръ въ сильномъ смущеніи.
— Все сказала!

— Все! какъ она любить тебя! Счастливецъ! Ну, вотъ ты все плакалъ, что не находишь страсти: вотъ тебѣ и страсть; угѣшься! Она съ ума сходитъ, ревнуетъ, плачетъ, бѣсится.... Только зачѣмъ вы меня пугаете въ свои дѣла? Вотъ ты женщину сталъ навязывать мнѣ на руки. Этого только не доставало: потерялъ цѣлое утро съ ней. Я думалъ, за какимъ тамъ дѣломъ: не имѣніе ли хочеть заложить въ опекунскій совѣтъ.... она какъ-то говорила.... а вотъ за какимъ: ну, дѣло!

— Зачѣмъ же вы у ней были?

— Она звала, жаловалась на тебя. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тебѣ не стыдно такъ negliжировать? четыре дня глазъ не казалъ — шутка ли? Она, бѣдная, умираеть! Ступай, поѣзжай скорѣ....

— Чтожь вы ей сказали?

— Что! обыкновенно что: что ты также ее любишь безъ ума, что ты давно искалъ нѣжнаго сердца, что тебѣ страхъ какъ нравятся искреннія изліянія и безъ любви ты тоже не можешь жить; сказалъ, что напрасно она беспокоится, ты воротись; совѣтовалъ не очень стѣснять тебя, позволить иногда и пошалить.... а то, говорю, вы наскучите другъ другу... ну, обыкновенно что говорится въ такихъ случаяхъ. Она стала такая веселая, проговорила, что у васъ положено быть свадьбѣ, что и жена моя тутъ вмѣшалась. А мнѣ ни слова — каковы! Ну, чтожь: дай Богъ! у этой хоть что нибудь есть; проживете вдвоемъ. Я сказалъ ей, что ты непременно исполнишь свое обѣ-

щаніе.... Я ужь нынче постарался для тебя, Александръ, за услугу, которую ты мнѣ оказалъ.... увѣрилъ ее, что ты любишь такъ пламенно, такъ нѣжно....

— Что вы надѣлали, дядюшка? воскликнулъ Александръ, мѣняясь въ лицѣ : — я... я не люблю.... ее больше!... я не хочу жениться!... Я холоденъ къ ней, какъ ледъ!... скорѣй въ воду... чѣмъ....

— Ба, ба, ба! сказалъ Петръ Ивановичъ съ притворнымъ изумленіемъ : — тебя ли слышу? Да не ты ли говорилъ, помнишь? что презираешь человѣческую патуру и особенно женскую, что нѣтъ сердца въ мірѣ достойнаго тебя?... что еще ты говорилъ?... дай Богъ память....

— Ради Бога, ни слова, дядюшка : довольно и этого урока; зачѣмъ еще нравоученіе? вы думаете, что я такъ не понимаю.... О, люди! люди!

Онъ вдругъ началъ хохотать, а съ нимъ и дядя.

— Вотъ такъ-то лучше! сказалъ Петръ Ивановичъ : — я говорилъ, что ты самъ будешь смѣяться надъ собою... вотъ оно....

И опять оба захохотали.

— Ну-ка, скажи, продолжалъ Петръ Ивановичъ : — какого ты мнѣнія теперь объ этой.... какъ ее?... Пашенька, что ли, съ бородавкой-то?

— Дядюшка! это не великодушно.

— Нѣтъ, я только къ тому говорю, чтобъ узнать, все ли ты еще презираешь ее?

— Оставьте это, ради Бога, а лучше помогите мнѣ теперь выйти изъ ужаснаго положенія. Вы такъ умны, такъ разсудительны....

— А! теперъ комплименты, лесть! нѣтъ: ты женись-ка поди.

— Ни за что, дядюшка! умоляю, помогите!... забвеніе, великодушіе....

— То-то и есть, Александръ : хорошо, что я давно догадался о твоихъ продѣлкахъ....

— Какъ, давно!

— Да такъ : я зналъ о твоей связи съ самого начала.

— Вамъ вѣрно сказала ma tante.

— Какъ не такъ! я ей сказалъ. Что тутъ мудренаго? у тебя все на лицѣ было написано. Ну, не тужи : я ужь помогъ тебѣ.

— Какъ, когда ?

— Сегодня же утромъ. Не безпокойся: Тафаева больше не станетъ тревожить тебя....

— Какъ же вы сдѣлали? что вы ей сказали ?

— Долго повторять, Александръ: скучно.

— Но, можетъ быть, вы Богъ знаетъ чего наговорили ей. Она ненавидитъ, презираетъ меня....

— Э! да не все ли равно? я успокоилъ ее, этого и довольно, сказалъ, что ты любить не можешь, что не стоитъ о тебѣ и хлопотать....

— Чтожь она ?

— Она теперь даже рада, что ты оставилъ ее.

— Какъ, рада! сказалъ Александръ задумчиво.

— Такъ, рада.

— Вы не замѣтили въ ней ни сожалѣнія, ни тоски? ей все равно? это ни на что не похоже!

Онъ началъ въ безпокойствѣ ходить по комнатѣ.

— Рада, покойна! твердилъ онъ: — прошу покорнѣйше! сей часъ же ѣду къ ней.

— Вотъ люди! замѣтилъ Петръ Ивановичъ: — вотъ сердце: живи имъ — хорошо будетъ. Да не ты ли боялся, чтобъ она не прислала за тобой? не ты ли просилъ помочь? а теперь встревожился, что она, разставаясь съ тобой, не умираетъ съ тоски.

— Рада, довольна! говорилъ, ходя взадъ и впередъ, Александръ, и не слушая дяди. — А! такъ она не любила меня! ни тоски, ни слезъ! Нѣтъ, я увижу ее.

Петръ Ивановичъ пожалъ плечами.

— Воля ваша: я не могу оставить такъ, дядюшка! примолвилъ Александръ, хватаясь за шляпу.

— Ну, такъ поди къ ней опять: тогда и не отвяжешься, а ужъ ко мнѣ потомъ не приставай: я не стану вмѣшиваться, и теперь вмѣшался только потому, что самъ же ввелъ тебя въ это положеніе. Ну, полно, что еще повѣсилъ носъ?

— Стыдно жить на свѣтѣ! сказалъ со вздохомъ Александръ.

— И не заниматься дѣломъ, примолвилъ дядя. — Полно! приходи сегодня къ намъ: за обѣдомъ посмѣемся надъ твоей исторіей, а потомъ прокатаемся на заводъ.

— Какъ я мелокъ, ничтоженъ! говорилъ въ раздумьи Александръ: — нѣтъ у меня сердца! я жалокъ, нищъ духомъ!

— А все отъ любви! прервалъ Петръ Иванычъ: — какое глупое занятіе! предоставь его какому нибудь Суркову. А ты дѣльный малый: можешь заняться чѣмъ нибудь поважнѣе. Полно тебѣ гоняться за женщинами.

— Но вѣдь вы любите же вашу жену?...

— Да, конечно. Я очень къ ней привыкъ, но это не мѣшаетъ мнѣ дѣлать свое дѣло. Ну, прощай же; приходи.

Александръ сидѣлъ смущенный, угрюмый. Къ нему подкрался Евсей съ сапогомъ, въ который опустилъ руку.

— Извольте-ка посмотрѣть, сударь, сказалъ онъ умильно: — какая вакса-то: вычистишь, словно зеркало! а всего четвертакъ стѣбитъ.

Александръ очнулся, посмотрѣлъ машинально на сапогъ, потомъ на Евсея.

— Пошелъ вонъ! сказалъ онъ: — ты дуракъ!

— Въ деревню бы послать.... началъ опять Евсей.

— Пошелъ, говорю тебѣ, пошелъ! закричалъ Александръ почти плача: — ты взмучилъ меня, ты своими сапогами сведешь меня въ могилу.... ты.... варваръ!

Евсей проворно убрался въ переднюю.

ГЛАВА IV.

— Отчего это Александръ не ходитъ къ намъ? я его мѣсяца три не видалъ, спросилъ однажды Петръ Иванычъ у жены, воротясь откуда-то домой.

— Я ужъ потеряла надежду когда-нибудь увидѣться съ нимъ, отвѣчала она.

— Да что съ нимъ. Опять влюбленъ, что ли?

— Не знаю.

— Онъ здоровъ?

— Здоровъ.

— Напиши, пожалуйста, къ нему, позови его къ намъ: мнѣ нужно съ нимъ поговорить. У нихъ опять перемѣны въ службѣ, а онъ, я думаю, и не знаетъ. Не понимаю, что за безпечность.

— Я ужъ десять разъ писала, звала. Онъ говоритъ, что некогда, а самъ играетъ съ какими-то чудаками въ шашки или удить рыбу. Поди ты лучше самъ: ты бы узналъ, что съ нимъ.

— Нѣтъ, не хочется; послать человѣка.

— Александръ не пойдетъ.

— Попробуемъ.

Послали. Человѣкъ вскорѣ воротился.

— Ну, что, онъ дома? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Дома-съ: кланяться приказали.

— Что онъ дѣлаетъ?

— Лежать на диванѣ.

— Какъ, объ эту пору?

— Они, слышь, всегда лежатъ.

— Да чтожь онъ спитъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я самъ сначала думалъ, что почиваютъ, — да глазки-то у нихъ открыты; на потолокъ изволятъ смотрѣть.

Петръ Иванычъ пожалъ плечами.

— Чтожь, онъ придетъ сюда? спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ: кланяйся, говоритъ, доложи дядинькѣ, чтобъ извинили: не такъ, дескать, здоровъ; и вамъ, сударыня, кланяться приказали.

— Что еще тамъ съ нимъ? это удивительно, право! Вѣдь уродится же эдакой! Не вели откладывать саней. Нечего дѣлать, съѣзжу. Но ужъ право въ послѣдній разъ.

И Петръ Иванычъ засталъ Александра на диванѣ. Онъ, при входѣ дяди, привсталъ и сѣлъ.

— Ты не здоровъ? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Такъ.... отвѣчалъ Александръ, зѣвая.

— Чтожь ты дѣлаешь?

— Ничего.

— И ты можешь пробыть безъ дѣла?

— Могу.

— Я слышалъ, Александръ, сегодня, что будто у васъ Ивановъ выходитъ.

— Да, выходитъ.

— Ктожь на его мѣсто?

— Говорятъ, Иченко.

— А ты что?

— Я? ничего.

— Какъ ничего? отчего же не ты?

— Не удостоиваютъ. Чтожь дѣлать: вѣрно не гожусь.

къ директору.

— Нѣтъ, сказалъ Александръ, тряся головой.

— Тебѣ, повидимому, все равно.

— Все равно.

— Да вѣдь ужь тебя въ третій разъ обходятъ

— Все равно : пусть !

— Вотъ посмотримъ, что-то ты скажешь, когда твой бывшій подчиненный станетъ приказывать тебѣ, или когда войдетъ, а тебѣ надо встать и поклониться.

— Чтожъ : встану и поклонюсь.

— А самолюбіе ?

— У меня его нѣтъ.

— Однакожъ, у тебя есть же какіе нибудь интересы въ жизни ?

— Никакихъ. Были, да прошли.

— Не можетъ быть ; одни интересы смѣняются другими. Отчего же у тебя прошли, а у другихъ не проходятъ ? Рано бы, кажется : тебѣ еще и тридцати лѣтъ нѣтъ.

— Александръ пожалъ плечами.

Петру Иванычу ужь и не хотѣлось продолжать этого разговора. Онъ называлъ все это капризами. Но онъ зналъ, что, по возвращеніи домой, ему не избѣжать вопросовъ жены — и оттого нехотя продолжалъ :

— Ты бы развлекся чѣмъ нибудь : посѣщалъ бы общество, сказалъ онъ : — читалъ бы.

— Не хочется, дядюшка.

— Про тебя ужь начинаютъ поговаривать, что ты того.... эдакъ.... тронулся отъ любви, дѣлаешь Богъ знаетъ что : водишься съ какими-то чудаками.... Я бы для одного этого пошелъ.

— Пусть ихъ говорятъ, что хотятъ.

— Послушай, Александръ, шутки въ сторону. Это все мелочи : можешь кланяться или не кланяться, посѣщать общество или нѣтъ — дѣло не въ томъ. Но вспомни, что тебѣ надо, какъ и всякому, сдѣлать какую нибудь карьеру. Думаешь ли ты иногда объ этомъ ?

— Какъ же не думаю : я ужь сдѣлалъ.

— Ба ! какъ такъ !

— Я очертилъ себѣ кругъ дѣйствія и не хочу выходить изъ этой черты. Тутъ я хозяинъ; вотъ моя карьера.

— Это лѣнь!

— Можетъ быть!

— Ты не въ правѣ лежать на боку, когда можешь дѣлать что нибудь, пока есть силы. Сдѣлано ли твое дѣло?

— Я дѣлаю дѣло. Никто не упрекнетъ меня въ праздности. Утро я занятъ въ службѣ, а трудиться сверхъ того — это роскошь, произвольная обязанность. Зачѣмъ я буду хлопотать?

— Всѣ хлопочутъ изъ чего нибудь: иной потому, что считаетъ своимъ долгомъ дѣлать сколько есть силъ, другой изъ денегъ, третій изъ почета.... Ты что за исключеніе?

— Почетъ, деньги! особенно деньги! Зачѣмъ онѣ? Вѣдь я сытъ, одѣтъ: на это станеть.

— И одѣтъ-то теперь плохо! замѣтилъ дядя. — Да будто тебѣ только и надобно?

— Только!

— А роскошь умственныхъ и душевныхъ наслажденій, а искусство.... началъ было Петръ Ивановичъ, поддѣлываясь подъ тонъ Александра. — Ты можешь итти впередъ, твое назначеніе выше; долгъ твой призываетъ тебя къ благородному труду.... А стремленія къ высокому.... забылъ?

— Богъ съ ними! Богъ съ ними! сказалъ съ безпокойствомъ Александръ. — И вы, дядюшка, начали дико говорить! Этого прежде не водилось за вами. Не для меня ли? Напрасныи трудъ! Я стремился выше — вы помните? Чтожь вышло?

— Помню, какъ ты вдругъ съ разу въ министры захотѣлъ, а потомъ въ писатели. А какъ увидалъ, что къ высокому званію ведетъ длинная и трудная дорога, а для писателя нуженъ талантъ, такъ и назадъ. Много вашей братьи пріѣзжаютъ сюда съ высшими взглядами, а дѣла своего подъ носомъ не видятъ. Какъ понадобится бумагу написать, смотришь, и того.... Я не про тебя говорю: ты доказалъ, что можешь заниматься, а со временемъ и быть чѣмъ нибудь. Да скучно, долго ждать. Мы вдругъ хотимъ; не удалось — и носъ повѣсили.

— Да я стремиться выше не хочу. Я хочу такъ остаться, какъ есть: развѣ я не въ правѣ избрать себѣ занятія, ниже ли оно моихъ способностей, или нѣтъ, что нужды? если я дѣлаю дѣло добросовѣстно, я исполняю свой долгъ. Пусть упрекаютъ

чело бы, если бъ это была и правда. Сами же вы говорили, что есть поэзія въ скромномъ удѣлѣ, а теперь упрекаете, что я избралъ скромнѣйшій. Кто мнѣ запретитъ сойти нѣсколькими ступенями ниже и стать на той, которая мнѣ нравится? Я не хочу высшаго назначенія, слышите ли, не хочу.... ну, вотъ!

— Слышу! я не глухъ, только все это жалкіе софизмы.

— Нужды нѣтъ. Вотъ я нашелъ себѣ мѣсто и буду сидѣть на немъ вѣкъ. Нашелъ простыхъ, незатѣйливыхъ людей, нужды нѣтъ, что ограниченныхъ умомъ, играю съ ними въ шашки и ужу рыбу, и прекрасно! Пусть я по вашему буду наказанъ за это! пусть лишусь награды, денегъ, почета, значенія, — всего, что такъ льститъ вамъ. Я навсегда отказываюсь....

— Ты, Александръ, хочешь притвориться покойнымъ и равнодушнымъ ко всему, а въ твоихъ словахъ такъ и кипитъ досада: ты и говоришь, какъ будто не словами, а слезами. Много жолчи въ тебѣ: ты не знаешь на кого излить ее, потому-что виноватъ только самъ.

— Пусть! сказалъ Александръ.

— Чтожъ ты хочешь? Человѣкъ долженъ же хотѣть чего нибудь?

— Хочу, чтобъ мнѣ не мѣшали быть въ моей темной сферѣ, не хлопотать ни о чемъ и быть покойнымъ.

— Да развѣ это жизнь?

— А по моему та жизнь, которою вы живете — не жизнь: стало быть, и я правъ.

— Тебѣ бы хотѣлось передѣлать жизнь по своему: я воображаю, хороша бы была. У тебя, я думаю, среди розовыхъ кустовъ гуляли бы все попарно любовники да друзья....

Александръ ничего не сказалъ.

Петръ Ивановичъ молча глядѣлъ на Александра. Онъ опять похудѣлъ. На щекахъ и на лбу появились преждевременныя складки.

Дядя испугался. Душевному страданіямъ онъ мало вѣрилъ, но боялся, не кроется ли подъ этимъ уныніемъ начала какого нибудь физическаго недуга. «Пожалуй, думалъ онъ, малый рехнется, а тамъ поди раздѣлывайся съ матерью: то-то заведется переписка! того гляди, еще прикатитъ сюда.»

— Да ты, Александръ, разочарованный, я вижу, сказалъ онъ.

«Какъ бы, думалъ онъ, — повернуть его назадъ, къ его любимымъ идеямъ : постой-ка, я прикинуть....»

— Послушай, Александръ, сказалъ онъ : — ты очень опустился. Страхни съ себя эту апатію. Не хорошо! И отчего? Ты, можетъ быть, принялъ слишкомъ горячо къ сердцу, что я иногда небрежно отзывался о любви, о дружбѣ. Вѣдь это я дѣлалъ шутя, больше для того, чтобъ умѣрить въ тебѣ восторженность, которая въ нашъ положительный вѣкъ какъ-то неумѣстна, особенно здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ все уравнено, какъ моды, такъ и страсти, и дѣла, и удовольствія, все взвѣшено, узнано. оцѣнено.... всему назначены границы. Зачѣмъ одному отступать наружию отъ этого общаго порядка? Неужели же ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я безчувственный, что я не признаю любви? Любовь — чувство прекрасное : нѣтъ ничего святѣе союза двухъ сердець, или дружба, на примѣръ.... Я внутренно убѣжденъ, что чувство должно быть постоянно, вѣчно....

Александръ засмѣялся.

— Что ты? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Дико, дико говорите, дядюшка. Не прикажете ли сигару? закуримъ : вы будете продолжать говорить, а я слушаю.

— Да что съ тобой?

— Такъ, ничего. Вздумали поддѣть меня! А называли когда-то неглупымъ человѣкомъ! Хотите играть мной, какъ мячикомъ; это обидно! Не вѣкъ же быть мальчикомъ. Къ чемунибудь да пригодилась школа, которую я прошелъ. Какъ вы пустились ораторствовать! будто у меня нѣтъ глазъ; вы только устроили фокусъ, а я смотрѣлъ.

— Не за свое дѣло взялся, подумалъ Петръ Ивановичъ : — это не по моей части; къ женѣ послать.

— Приходи къ намъ, сказалъ онъ : — жена очень хочетъ видѣть тебя.

— Не могу, дядюшка.

— Хорошо ли ты дѣлаешь, что забываешь ее?

— Можетъ быть, очень дурно, но ради Бога, извините меня и теперь не ждите. Погодите еще нѣсколько времени, приду.

— Ну, какъ хочешь, сказалъ Петръ Ивановичъ. Онъ махнулъ хой и поѣхалъ домой.

въ этой комнатѣ нѣкогда! онъ былъ не одинъ. Около него присутствовалъ тогда прекрасный призракъ и осѣнялъ его двумя заботливымъ трудомъ, ночью бодрствовалъ надъ его изголовьемъ. Тамъ жили съ нимъ тогда мечты, будущее было одѣто туманомъ, но не тяжелымъ, удушливымъ туманомъ, предвѣщающимъ ненастье, — а утреннимъ, скрывающимъ свѣтлую зарю. За тѣмъ туманомъ таилось что-то, вѣроятно счастье.... А теперь? не только его комната, для него опустѣлъ цѣлый мѣръ, и въ немъ самомъ холодъ, тоска.... Онъ сталъ разсматривать свою прошлую жизнь, — и поднялась буря. Когда онъ мысленно приблизился къ послѣднимъ, только что прожитымъ опытамъ, буря начала утихать; но долго еще не сбывшіяся надежды, разбишіяся о дѣйствительность мечты ходили, какъ не улегшіяся волны. Наконецъ, все стихло, началась вѣчная тишь. Вглядываясь въ жизнь, вопрошая сердце, голову, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что ни тамъ, ни сямъ не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды: все ужъ было назади; туманъ разсѣлся; передъ нимъ разостлалась, какъ степь, голая дѣйствительность. Боже! какое необозримое пространство! какой скучный, безотраднѣйшій видъ! Прошлое погубило, будущее уничтожено, счастья нѣтъ: все химера, — а живи! зачѣмъ?...

Чего онъ хотѣлъ, и самъ не зналъ; а какъ многого не хотѣлъ!

Голова его была какъ будто въ туманѣ. Онъ не спалъ, но былъ, казалось, въ забытій. Тяжелыя мысли безконечной вереницей тянулись въ головѣ. Онъ думалъ:

— Что могло его увлечь? плѣнительныхъ надеждъ, безопасности нѣтъ! онъ знаетъ все, что впереди. Почетъ, стремленіе по пути честей? Да что ему въ нихъ? Стоить ли, для какихъ нибудь двадцати, тридцати лѣтъ битися, какъ рыба объ ледъ? И грѣеть ли это сердце? Отраднѣе ли душѣ, когда тебѣ нѣсколько человѣкъ поклонятся низко, а сами подумаютъ, можетъ быть, чортъ бы тебя взялъ! Любовь? Да, вотъ еще! Онъ знаетъ ее наизусть, да и потерялъ уже способность любить. А услужливая память, какъ на смѣхъ, напоминала ему Надиньку, но не невинную, простодушную Надиньку, — этого она никогда не напоминала, — а непремѣнно Надиньку-измѣнницу, со всею обстановкой, съ деревьями, съ дорожкой, съ цвѣтами, и среди всего этотъ змѣенокъ, съ знакомой ему улыбкой, съ краской нѣги и стыла.... и все для другого, не для него.... Онъ со стономъ хва-

тился за сердце. — Дружба, подумалъ онъ: — другая глупость! Все извѣдано, новаго ничего нѣтъ, старое не повторится, а живи!» Онъ никому и ничему не вѣрилъ, не забывался въ наслажденіи; вкушалъ его, какъ человѣкъ безъ аппетита вкушаетъ лакомое блюдо, холодно, зная, что за этимъ наступитъ скука, что наполнить душевной пустоты ничѣмъ нельзя. Ввѣриться чувству, оно обманетъ и только взволнуетъ душу и прибавитъ еще нѣсколько ранъ къ прежнимъ. Глядя на людей, связанныхъ любовью, не помнящихъ себя отъ восторга, онъ улыбался иронически и думалъ: «погодите, опомнитесь; послѣ первыхъ радостей начнется ревность, сцены примиренія, слезы. Живучи вмѣстѣ, надоѣдите другъ другу смертельно, а разстанетесь — вдвое заплачете. Сойдетесь опять, еще хуже. Сумасшедшіе! безпрерывно ссорятся, дуются другъ на друга, ревнуютъ, потомъ мирятся на минуту, чтобъ сильнѣе поссориться: это у нихъ любовь, преданность! а все вмѣстѣ, съ пѣной на устахъ, иногда со слезами отчаянія на глазахъ, упрямо называютъ *счастьемъ!* А дружба ваша, *брось-ка кость, такъ что твои собаки!*» Желать онъ боялся, зная, что часто въ моментъ достиженія желаемаго судьба вырветъ изъ рукъ счастье и предложитъ совсѣмъ другое, чего вовсе не хочешь, — такъ, дрянъ какуюнибудь; а если, наконецъ, и дастъ желаемое, то прежде измучитъ, истомитъ, унижитъ въ собственныхъ глазахъ и потомъ броситъ, какъ бросаютъ подачку собакѣ, заставивши ее прежде проползти до лакомаго куска, смотрѣть на него, держать на носу, завалить въ пыли, стоять на заднихъ лапахъ, и тогда — пиль! Его пугалъ и періодическій приливъ счастья и несчастья въ жизни; радостей онъ не предвидѣлъ, а горе все непремѣнно впереди, его не избѣжишь: всѣ полвержены общему закону, всѣмъ, какъ казалось ему, отпущена ровная доля и счастья и несчастья. Прямое счастье для него кончилось, и какое счастье? все въ обманѣ, только горе реально, а оно впереди. Тамъ и болѣзнь, и старость, и разныя утраты, можетъ быть, еще нужда.... Всѣ эти *удары рока*, какъ говоритъ деревенская тетушка, стерегутъ его; а отрады какія? Высокое, поэтическое назначеніе измѣнило; на него наваливаютъ тяжкую ношу, и называютъ это долгомъ! Остаются жалкія блага — деньги, комфортъ, чины.... Богъ съ ними! О, какъ грустно разглядѣть жизнь, понять, какова она, и не понять, зачѣмъ она?

Такъ хандрилъ онъ и не видѣлъ исхода изъ омота этихъ сомнѣній. Онъ не зналъ, что дѣлать: ворочался съ боку на бокъ на диванѣ, сталъ перебирать въ умѣ знакомыхъ — и пуще затосковалъ. Одинъ служитъ отлично, пользуется почетомъ, извѣстностью, какъ хорошій администраторъ; другой обзавелся семьей и предпочитаетъ тихую жизнь всѣмъ суетнымъ благамъ міра, никому не завидуя, ничего не желая; третій... да что? всѣ, всѣ какъ-то пристроились, основались и идутъ по своему ясному и угаданному пути. «Одинъ я только.... да что же я такое?» Тутъ онъ сталъ допытываться у самого себя: могъ ли бы онъ быть администраторомъ, какимъ нибудь командиромъ эскадрона? могъ ли бы довольствоваться семейною жизнью? и увидалъ, что ни то, ни другое, ни третье не удовлетворило бы его. Какой-то бѣсенокъ все шевелился въ немъ, все шепталъ ему, что это мелко для него, что ему бы летать выше.... а гдѣ и какъ, онъ не могъ рѣшить. Въ авторствѣ онъ ошибся; что же дѣлать, что начать? спрашивалъ онъ себя, и не зналъ, что отвѣчать. А досада такъ и грызла его: ну, хоть пожалуй администраторомъ или эскадроннымъ командиромъ.... да нѣтъ: время ушло, надо начинать съ азбуки. Отчаяніе выдавило у него слезы изъ глазъ, слезы досады, зависти, недоброжелательства ко всѣмъ, самыя мучительныя слезы. Онъ горько каялся, что не послушалъ матери и бѣжалъ изъ глуши. — Маменька сердцемъ чуяла отдаленное горе, думалъ онъ: — тамъ эти безпокойные порывы спали бы непробуднымъ сномъ, тамъ не было бы бурного броженія этой сложной жизни. Между тѣмъ, и тамъ посѣтили бы меня всѣ человѣческія чувства и страсти: и самолюбіе, и гордость, и честолюбіе, — все въ маломъ размѣрѣ коснулось бы сердца въ тѣсныхъ границахъ нашего уѣзда — и все бы удовлетворилось! первый въ уѣздѣ! да! все условно. Божественная искра небеснаго огня, которая, болѣе или менѣе, горитъ во всѣхъ насъ, сверкнула бы тамъ незамѣтно и скоро потухла бы въ празднои жизни или зажглась бы въ привязанности къ женѣ и дѣтямъ. Существованіе не было бы отравлено. Я прошелъ бы гордо свое назначеніе; путь жизни былъ бы тихъ, казался бы и простъ и понятенъ мнѣ, жизнь была бы по силамъ, я бы вынесъ борьбу съ ней.... А любовь? Она бы цвѣла пышнымъ цвѣтомъ и наполнила бы всю жизнь мою. Софья полюбила бы меня въ тишинѣ. Я не терялъ бы вѣры ни во что, рвалъ бы од-

недостаткомъ — соперничества! Зачѣмъ же такъ сильно и слѣпо влекло меня вдалѣ, въ туманъ, на неровную и неизвѣстную борьбу съ судьбой? А какъ прекрасно понималъ я тогда и жизнь и людей! такъ понималъ бы ихъ еще и теперь, ничего не понимая. Я ждалъ тогда отъ жизни такъ много и, не разсмотрѣвши ее такъ пристально, ждалъ бы тамъ еще и до сихъ поръ. Сколько сокровищъ открылъ я въ душѣ своей; куда они дѣлись? Я пустилъ ихъ въ размѣнъ по свѣту, я отдалъ искренность сердца, первую завѣтную страсть — и что получилъ? горькое разочарованіе, узналъ, что все обманъ, все непрочно, что нельзя надѣяться ни на себя, ни на другихъ, и сталъ бояться и другихъ и себя.... Я не могъ, среди этого анализа, признать мелочей жизни и быть ими доволенъ, какъ дядюшка и многіе другіе...

Зачѣмъ я уѣзжалъ? я бы не узналъ тамъ, что счастья нѣтъ и былъ бы счастливъ этимъ самымъ незнаніемъ, былъ бы безпеченъ, какъ слѣпой на краю пропасти, и никогда не прозрѣлъ бы, никогда бы не упалъ! А теперь!...

Теперь онъ желалъ только одного: забвенія прошедшаго, спокойствія, сна души. Онъ охлаждался болѣе и болѣе въ жизни, на все смотрѣлъ сонными глазами. Въ толпѣ людской, въ шумѣ собраній онъ находилъ скуку, бѣжалъ отъ нихъ, а скука за нимъ.

Онъ удивлялся, какъ могутъ люди веселиться, безпрестанно заниматься чѣмъ нибудь, увлекаться каждый день новыми интересами. Ему странно казалось, какъ это всѣ не ходятъ сонные, какъ онъ, не плачутъ, и вмѣсто того, чтобъ болтать о погодѣ, не говорятъ о тоскѣ и взаимныхъ страданіяхъ, а если и говорятъ, такъ о тоскѣ въ ногахъ или въ другомъ мѣстѣ, о ревматизмѣ или геморроѣ. Одно тѣло наводитъ на нихъ заботу, а души и въ поминѣ нѣтъ! «Пустые, ничтожные люди, животныя!» думалъ онъ. А иногда такъ впадалъ въ глубокое раздумье. «Ихъ такъ много, этихъ ничтожныхъ людей, говорилъ онъ себѣ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ: — а я одинъ; неужели.... всѣ они.... пусты.... не правы.... а я?»

Тутъ ему казалось, что чуть ли не онъ одинъ виновать, и онъ дѣлался отъ этого еще несчастнѣе.

Съ старыми знакомыми онъ пересталъ видѣться; приближеніе новаго лица обдавало его холодомъ. Послѣ разговора съ дя-

дей, онъ еще глууже утонулъ въ апатическомъ снѣ; душа его погрузилась въ совершенную дремоту. Онъ предался какому-то истуканному равнодушію, жилъ праздно, упрямо удалялся отъ всего, что только напоминало образованный міръ. «Какъ бы ни прожить, лишь бы прожить! говорилъ онъ: — всякій воленъ понимать жизнь, какъ хочетъ; а тамъ, какъ умрешь....» Онъ искалъ бесѣды людей съ жолчнымъ, озлобленнымъ умомъ, съ ожесточеннымъ сердцемъ, и отводилъ душу, слушая злыя насмѣшки надъ судьбой; или проводилъ время съ людьми, неравными ему ни по уму, ни по воспитанію, всего чаще со старикомъ Костяковымъ, съ которымъ Заѣзжаловъ хотѣлъ познакомиться Петра Ивановича. Костяковъ жилъ на Пескахъ и ходилъ по своей улицѣ въ лакированномъ картузѣ, въ халатѣ, подпоясавшись носовымъ платкомъ. У него жила кухарка, съ которой онъ игралъ по вечерамъ въ свои козыри. Если случался пожаръ, онъ являлся первый и уходилъ послѣдній. Проходя мимо церкви, въ которой отпѣвали покойника, онъ продирался сквозь толпу взглянуть мертвому въ лицо и потомъ шелъ провожать его на кладбище. Вообще онъ былъ страстный любитель всякихъ церемоній, и веселыхъ, и печальныхъ; любилъ также присутствовать при разныхъ экстраординарныхъ происшествіяхъ, какъ-то: дракахъ, несчастныхъ смертныхъ случаяхъ, провалахъ потолковъ и т. п., и читалъ съ особеннымъ наслажденіемъ исчисленіе подобныхъ случаевъ въ газетахъ. Читалъ онъ, кромѣ этого, еще медицинскія книги, «для того, говорилъ онъ, чтобъ знать, что въ человѣкѣ есть». Зимой Александръ игралъ съ нимъ въ шашки, а лѣтомъ за городомъ удилъ рыбу. Старикъ разговаривалъ о томъ, о семъ. Когда шли по полю, онъ говорилъ о хлѣбѣ, о посѣвѣ; по берегу — о рыбѣ, о судоходствѣ; по улицѣ — дѣлалъ замѣчанія о домахъ, о постройкѣ, о матеріалахъ и доходахъ.... отвлеченностей никакихъ. На жизнь смотрѣлъ, какъ на хорошую вещь, когда есть деньги, и наоборотъ; такой человѣкъ былъ не опасенъ Александру и душевныхъ волненій пробудить не могъ.

Александръ также усердно старался умѣртовить въ себѣ духовное начало, какъ отшельники стараются объ умерщвленіи плоти. На службѣ онъ былъ молчаливъ, при встрѣчѣ съ знакомыми, отдѣлывался двумя, тремя словами и, отговариваясь несугомъ, бѣжалъ прочь. Зато съ своимъ пріателемъ Костяко-

лый день, то зазоветъ къ себѣ Адуева на щи. Ужь онъ выучилъ Адуева дѣлать настойку, варить селянку и рубцы. Потомъ они отправляются вмѣстѣ куда нибудь въ окрестную деревню — въ поле. У Костякова вездѣ было много знакомыхъ. Съ мужиками онъ разсуждалъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, съ бабами шутилъ — и точно былъ балагуръ, какъ рекомендовалъ его Заѣзжаловъ. Александръ предоставлялъ ему полную волю говорить, а самъ большею частію молчалъ.

Онъ уже чувствовалъ, что идеи покинутаго міра посѣщали его рѣже, вращались въ головѣ медленнѣе и, не находя въ окружающемъ ни отраженія, ни сопротивленія, не сходили на языкъ и умирали не плодясь. Въ душѣ было дико и пусто, какъ въ заглогшемъ саду. Ему оставалось ужъ немного до состоянія совершенной одеревенѣлости. Еще нѣсколько мѣсяцовъ — и прощай! Но вотъ что случилось :

Однажды Александръ съ Костяковымъ удили рыбу. Костяковъ, въ архалукѣ, въ кожаной фуражкѣ, водрузивъ на берегу нѣсколько удочекъ разной величины, и донныхъ, и съ поплавками, съ бубенчиками, и съ колокольчиками, курилъ изъ коротенькой трубки, а самъ наблюдалъ, не смѣя мигнуть, за всей этой баттареей удочекъ, въ томъ числѣ и за удочкой Адуева, потому-что Александръ стоялъ, прислонясь къ дереву, и смотрѣлъ въ другую сторону. Долго такъ стояли они молча.

— У васъ клюётъ, смотрите, Александръ Федорычъ! вдругъ шопотомъ сказалъ Костяковъ.

Адуевъ посмотрѣлъ на воду и опять отвернулся.

— Нѣтъ, это такъ показалось вамъ отъ зыби, сказалъ онъ.

— Смотрите, смотрите! закричалъ Костяковъ : — клюётъ, ей Богу, клюётъ! ай, ай! тащите, тащите! держите!

Въ самомъ дѣлѣ, поплавокъ нырнулъ въ воду, лѣса проворно побѣжала за нимъ же, за лѣсой поползла и палка съ куста. Александръ ухватился за палку, потомъ за лѣсу.

— Тихе, полегоньку, не такъ.... что вы это! кричалъ Костяковъ, проворно перехватывая лѣсу. — Батюшки! тяжесть какая! не дергайте; водите, водите, а то оборветъ. Вотъ такъ, на право, на лѣво, сюда, къ берегу! отходите дальше; теперь тащите, тащите, только не вдругъ; вотъ такъ, вотъ такъ....

На поверхности воды показалась огромная щука. Она быстро свилась кольцомъ, сверкнувъ серебристой чешуей, хлестнула хвостомъ на право, на лѣво и обдала ихъ обонихъ брызгами. Костяковъ поблѣднѣлъ.

— Какая щука-то! закричалъ онъ почти съ испугомъ и распростерся надъ водой, падалъ, спотыкался о свои удочки и ловилъ обѣими руками вертѣвшуюся надъ водой щуку: — ну, на берегъ, на берегъ, туда, дальше! тамъ ужъ наша будетъ, какъ ни вертись. Вишь какъ скользить: словно бѣсъ! Ахъ, какая!...

— Ахъ! кто-то повторилъ сзади.

Александръ обернулся. Въ двухъ шагахъ отъ нихъ стоялъ старикъ, подъ руку съ нимъ хорошенькая дѣвушка, высокаго росту, съ открытой головой и съ зонтикомъ въ рукахъ. Брови у ней слегка нахмурились. Она немного нагнулась впередъ и съ сильнымъ участіемъ слѣдила глазами за каждымъ движеніемъ Костякова. Она даже не замѣтила Александра.

Адуева смутило это неожиданное явленіе. Онъ выпустилъ изъ рукъ палку, щука бухнулась въ воду, граціозно вильнула хвостомъ и умчалась въ глубину, увлекая за собой лѣсу. Все это сдѣлалось въ одно мгновеніе.

— Александръ Федорычъ! что вы это! какъ бѣшенный закричалъ Костяковъ и началъ хватать лѣсу. Онъ дернулъ ее и вытащилъ только конецъ, но безъ крючка и безъ щуки.

Онъ, весь блѣдный, оборотился къ Александру, показывая ему конецъ лѣсы, и съ яростью посмотрѣлъ на него съ минуту молча, потомъ плюнулъ.

— Никогда не пойду съ вами рыбу ловить, будь я анаема! примолвилъ онъ и отошелъ къ своимъ удочкамъ.

Въ это время дѣвушка замѣтила, что Александръ смотритъ на нее, покраснѣла и отступила назадъ. Старикъ, повидимому ея отецъ, поклонился Адуеву. Адуевъ угрюмо отвѣчалъ на поклонъ, бросилъ удочку и сѣлъ шагахъ въ десятиоттуда на скамью подъ деревомъ.

— И тутъ покоя нѣтъ! думалъ онъ. — Вотъ какой-то Эдипъ съ Антигоной. Опять женщина! никуда не уйдешь. Боже мой! какая ихъ пропасть вездѣ!

— Эхъ, вы, рыболовы! говорилъ, между тѣмъ, Костяковъ, поправляя свои удочки и поглядывая по временамъ злобно на

сидя тамъ у себя на диванѣ; а то рыбу ловить! Гдѣ ужь ловить, коли изъ рукъ ушла? чуть во рту не была, только что не жареная! Диво еще, какъ у васъ съ тарелки не уходитъ!

— А есть клѣвъ? спросидь старикъ.

— Да, вотъ видите, отвѣчалъ Костяковъ: — вонъ у меня на шести удочкахъ хоть бы погащій ершишка насмѣхъ клюнулъ; а тамъ объ эту пору, диви бы на донную, а то съ поплавкомъ, вонъ что привалило: щука фунтовъ въ десять, да и тутъ прозѣвали. Вотъ, говорятъ, на ловца звѣрь бѣжитъ! Какъ не такъ: сорвись-ка у меня, такъ я бы ее въ водѣ досталъ; а тутъ щука сама въ зубы лѣзетъ, а мы спимъ... а еще рыболовы называются! Какіе это рыболовы! эдакіе ли рыболовы бываютъ? Нѣтъ, настоящій-то рыболовъ, хоть изъ пушки рядомъ пали, не смигнетъ. А то это рыболовы. Куда вамъ рыбу ловить.

Дѣвушка, между тѣмъ, успѣла разглядѣть, что Александръ былъ совсѣмъ другого рода человекъ, нежели Костяковъ. У ногъ его лежала удочка изъ тростника съ мѣдными клапанами, на берегу валялся затѣйливый снарядъ краснаго дерева съ крючками, лѣсами, искусственными мухами. И костюмъ Александра былъ не такой, какъ Костякова, и талія, и лѣта, и манеры, да и все. Она рассмотрѣла и лицо его; однимъ взглядомъ успѣла прочесть на этомъ лицѣ не грубую и простую мысль, какъ у Костякова, а воздѣланную воспитаніемъ, — успѣла даже замѣтить и оттѣнокъ грусти.

— Но чтожь онъ убѣжалъ? подумала она. — Странно! кажется, я не такая, чтобъ бѣгать отъ меня.

Она гордо выпрямилась, опустила рѣсницы, потомъ подняла ихъ и неблагосклонно взглянула на Александра.

Ей ужь было досадно. Она увлекла отца и величаво прошла мимо Адуева. Старикъ опять раскланялся съ Александромъ; но дочь не удостоила его взглядомъ.

— Пусть узнаетъ онъ, что имъ вовсе не занимаются! думала она, поглядывая украдкой, смотреть ли Адуевъ. Александръ хотя и не взглянулъ на нее, однако, невольнo принялъ позу живописца.

— Каково! онъ и не смотритъ! думала дѣвушка. — Какая дерзость!

Костяковъ на другой же день повлекъ Александра опять на рыбную ловлю и, такимъ образомъ, по собственному заклѣтію, сталъ анаемой.

Дня два ничто не нарушало ихъ уединенія. Александръ сначала оглядывался, будто съ боязнію, но, не видя никого, успокоился опять. Во второй день онъ вытащилъ огромнаго окуня. Костяковъ вполнину помирился съ нимъ.

— Но все это не шука! говорилъ онъ со вздохомъ :— было счастье въ рукахъ, да не умѣли пользоваться; дважды этого не случится. А у меня опять ничего! на шесть удочекъ ничего!

— А вы позвоните въ колокольчики-то! сказалъ какой-то крестьянинъ, остановившійся мимоходомъ посмотрѣть на успѣхъ ловли :— можетъ, рыба на благовѣсть-то и того.... поидеть.

Костяковъ злобно посмотрѣлъ на него.

— Молчи ты, необразованный человѣкъ! сказалъ онъ :— мужикъ!

Мужикъ пошелъ прочь.

— Дубина! кричалъ вслѣдъ ему Костяковъ :— скоть, такъ скоть и есть. Шутилъ бы съ своимъ братомъ! анаема эдакая! скоть, говорю тебѣ, мужикъ!

Боже сохрани раздражить охотника въ минуту неудачи!

На третій день, когда они молча удили, устремивъ неподвижный взоръ на воду, сзади послышался шорохъ. Александръ обернулся и вздрогнулъ, какъ будто его укусилъ комаръ, ни болѣе, ни менѣе. Старикъ и дѣвушка были тутъ. Адуевъ, косясь на нихъ, едва отвѣчалъ на поклонъ старика, но, кажется, онъ ожидалъ этого посѣщенія. Обыкновенно онъ ходилъ на рыбную ловлю очень небрежно одѣтый; а тутъ надѣлъ новое пальто и кокетливо повязалъ на шею голубую косыночку, волосы расправилъ, даже, кажется, немного позавилъ и сталъ походить на идиллическаго рыбака. Выждавъ столько времени, сколько требовало приличіе, онъ ушелъ и сѣлъ подъ дерево.

— *Cela passe toute permission!* подумала Антигона, вспыхнувъ отъ гнѣва.

— Извините! сказалъ Эдипъ Адуеву :— мы, можетъ быть, помѣшали вамъ?...

— Нѣтъ! отвѣчалъ Адуевъ. — Я усталъ.

— Есть ли клѣвъ? спросилъ старикъ Костякова.

какой-нибудь, когда подь руку говорить, отвѣчалъ тотъ сердито. — Вотъ тутъ прошелъ какой-то лѣшій, болтнулъ подь руку — и хотъ бы клянуло съ тѣхъ поръ. А вы, видно, близко въ этихъ мѣстахъ изволите жить? спросилъ онъ у Эдипа.

— Вонъ наша дача съ балкономъ, отвѣчалъ тотъ.

— Дорого изволите платить?

— Пятьсотъ рублей за лѣто.

— Дача, кажется, хорошая, хозяйственная, и на дворѣ строенія много. Тысячъ тридцать, чай, стала хозяйну.

— Да, около этого.

— Такъ-съ.

— А это дочка ваша?

— Дочь.

— Такъ-съ. Славная барышня! гулять изволите?

— Да, гуляемъ. На дачѣ жить, надо гулять.

— Точно, точно, какъ не гулять: время стоитъ хорошее; не то что на той недѣлѣ: какая была погода, ай, ай, ай! не приведи Богъ. Чай, озими досталось.

— Богъ дастъ, поправится.

— Дай Богъ.

— Такъ у васъ нынче не ловится?

— У меня ничего, а у нихъ такъ вотъ, извольте посмотреть.

Онъ показалъ окуня.

— Доложу вамъ, продолжалъ онъ: — это рѣдкость, какъ они счастливы! жаль, что думаютъ не объ этомъ, а то бы съ ихъ счастьемъ мы никогда съ пустыми руками не уходили. Упустить эдакую щуку!

Онъ вздохнулъ.

Антигона начала живѣе вслушиваться, но Костяковъ замолчалъ.

Появленіе старика съ дочерью стало повторяться чаще и чаще. И Адуевъ удостоилъ ихъ вниманія. Онъ иногда тоже перемолвить слова два со старикомъ, а съ дочерью все ничего. Ей сначала было досадно отъ этой невнимательности, потомъ обидно, наконецъ стало грустно. А поговори съ ней Адуевъ или даже обрати на нее обыкновенное вниманіе—и она бы забыла объ немъ, а теперь совсѣмъ другое. Сердце людское только кажется и живетъ противорѣчіями: не будь ихъ, и его какъ будто нѣтъ въ груди.

Антигона обдумывала было какой-то ужасный планъ мщенія, но потомъ мало по малу оставила его.

Однажды, когда старикъ съ дочерью подошли къ нашимъ пріятелямъ, Александръ, погода немного, положилъ удочку на кустъ, а самъ, по обыкновенію, сѣлъ на свое мѣсто и машинально сталъ смотрѣть то на отца, то на дочь. Они стояли къ нему бокомъ. Въ отцѣ онъ не открылъ ничего особеннаго. Бѣлая блуза, нанковые панталоны безъ штрипокъ и низенькая шляпа съ большими полями, подбитыми зеленымъ плюшемъ. Но за то дочь! какъ граціозно оперлась она на руку старика. Вѣтеръ по временамъ отвѣвалъ то локонъ отъ ея лица, какъ будто нарочно, чтобы показать Александру прекрасный профиль и бѣлую шею, то приподнималъ шелковую мантилью и выказывалъ стройную талію, то заигрывалъ съ платьемъ и открывалъ маленькую пожку. Она задумчиво смотрѣла на воду.

Александръ долго не могъ отвести глазъ отъ нея и почувствовалъ, что по тѣлу его пробѣжала лихорадочная дрожь. Онъ отвернулся отъ соблазна и сталъ прутомъ срывать головки съ цвѣтовъ.

— А! знаю я, что это такое? думалъ онъ. — Дай волю, оно бы и пошло! вотъ и любовь готова; глупо! Дядюшка правъ. Но одно животное чувство меня не увлечетъ; нѣтъ, я до этого не унижусь.

— Можно мнѣ поудить? робко спросила дѣвушка у Костякова.

— Можно, сударыня, отчего не можно! отвѣчалъ тотъ, подавая ей удочку Адуева.

— Ну, вотъ вамъ и товаришь! сказалъ отецъ Костякову и, оставя дочь, пошелъ вдоль берега гулять.

— Смотри же, Лиза, налови рыбы къ ужину, примолвилъ онъ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Отчего же это вашъ товарищъ такой угрюмый? спросила тихо Лиза у Костякова.

— Третій разъ мѣстомъ обошли, сударыня.

— Что? спросила она, сдвинувъ слегка брови.

— Въ третій разъ, молъ, мѣста не даютъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ: не можетъ быть! подумала она. — Не то!

— Вы мнѣ не вѣрите, сударыня? будь я анаеема! И шуку-то, помните, упустилъ все отъ этого.

знаю, отчего онъ упустилъ щуку.

— Ахъ, ахъ! закричала она вдругъ! — посмотрите, шевелится, шевелится.

Она дернула и ничего не поймала.

— Сорвалась! сказалъ Костяковъ, глядя на удочку: — вишь, какъ червяка-то схватила! большой окунь долженъ быть. А вы не умѣете, сударыня, не дали ему клюнуть хорошенько.

— Да развѣ и тутъ надо умѣть?

— Какъ и во всемъ, сказалъ Александръ машинально.

Она вспыхнула и съ живостію обернулась, уронивъ, въ свою очередь, удочку въ воду. Но Александръ смотрѣлъ уже въ другую сторону.

— Какъ же достигъ этого, чтобъ умѣть? сказала она съ легкимъ трепетомъ въ голосъ.

— Чаще упражняться, отвѣчалъ Александръ.

— А, вотъ что! думала она, замирая отъ удовольствія. — То есть, чаще приходить сюда, понимаю! хорошо, я буду приходить, но я помучаю васъ, г. дикарь, за всѣ ваши дерзости....

Такъ кокетство перевело ей отвѣтъ Александра, а онъ въ тотъ день больше ничего и не сказалъ.

— Она подумаетъ, пожалуй, Богъ знаетъ что! говорилъ онъ самъ себѣ: — станеть жеманиться, кокетничать.... это глупо!

Съ того дня посѣщенія старика и дѣвушки повторялись ежедневно. Иногда Лиза приходила безъ старика съ нянькой. Она приносила съ собой работу, книги и садилась подъ дерево, показывая видъ совершеннаго равнодушія къ присутствію Александра.

Она думала тѣмъ затронуть его самолюбіе и, какъ она говорила, *помучить*. Она вслухъ разговаривала съ нянькой о домѣ, о хозяйствѣ, чтобы показать, что она даже и не видитъ Адуева. А онъ иногда и точно не видалъ ее, увидѣвъ же, сухо кланялся — и ни слова. Видя, что этотъ обыкновенный маневръ ей не удался, она перемѣнила планъ и раза два заговаривала съ нимъ сама, иногда брала у него удочку. Александръ, мало по малу, сталъ съ ней разговорчивѣе, но былъ очень остороженъ и не допускалъ никакой искренности. Расчетъ ли то былъ съ его стороны, или еще *прежнихъ ранъ*, что ли, *ничто не излечило*, какъ онъ говорилъ, только онъ былъ довольно холоденъ съ ней

въ разговорѣ. Однажды старикъ велѣлъ принести на берегъ самоваръ; Лиза разливала чай. Александръ упрямо отказался отъ чаю, сказавъ, что онъ не пьетъ его по вечерамъ. «Всѣ эти чаи ведутъ за собой сближеніе.... знакомства.... не хочу!» подумалъ онъ.

— Что вы? да вчера четыре стакана выпили! сказалъ Костяковъ.

— Я на воздухѣ не пью, поспѣшно прибавилъ Александръ.

— Напрасно! сказалъ Костяковъ: — чай славнѣйшій, цвѣточный! поди, рублевъ пятнадцать. Пожалуйте-ка еще, сударыня, да хорошо бы ромку!

Принесли и ромъ.

Старикъ зазывалъ Александра къ себѣ, но онъ отказался наотрѣвъ. Лиза, услышавъ отказъ, надула губки. Она стала добиваться отъ него причины нелююдности. Какъ ни хитро наводила она разговоръ на этотъ предметъ, Александръ еще хитрѣе отдѣлывался. Эта таинственность только раздражала любопытство, а можетъ быть, и другое чувство Лизы. На лицѣ ея, до тѣхъ поръ ясномъ, какъ лѣтнее небо, появилось облачко безпокойства, задумчивости. Она часто устремляла на Александра грустный взглядъ, со вздохомъ отводила глаза и потупляла въ землю, а сама, кажется, думала: «вы несчастливы! можетъ быть, обмануты.... о, какъ бы я умѣла сдѣлать васъ счастливымъ! какъ бы берегла васъ, какъ бы любила.... я бы защитила васъ отъ самой судьбы, я бы....» и прочее. Такъ думаетъ большая часть женщинъ и большая часть обманываетъ тѣхъ, кто вѣритъ этому пѣнію сиренъ. Александръ будто ничего не замѣчаетъ. Онъ говоритъ съ ней, какъ бы говорилъ съ пріателемъ, съ дядей: никакого оттѣнка той нѣжности, которая невольно вкрадывается въ дружбу мужчины и женщины и дѣлаетъ эти отношенія непохожими на дружбу. Оттого и говорятъ, что между мужчиной и женщиной нѣтъ и не можетъ быть дружбы, что называемое дружбой между ними — есть ничто иное какъ или начало, или остатки любви, или, наконецъ, самая любовь. Но глядя на обращеніе Адуева съ Лизой, можно было повѣрить, что такая дружба существуетъ. Однажды только онъ отчасти открылъ или хотѣлъ открыть ей образъ своихъ мыслей. Онъ взялъ со скамьи принесенную ею книгу и развернулъ. То былъ Чайльдъ-Гарольдъ во французскомъ переводѣ.

Александръ покачалъ головою, веденный въ негоже подожгли книгу на мѣсто.

— Вамъ не нравится Байронъ? Вы противъ Байрона? сказала она. — Байронъ! такой великій поэтъ—и не нравится вамъ!

— Я ничего не говорю, а вы ужь напали на меня, отвѣчалъ онъ.

— Отчего же вы покачали головой?

— Такъ: мнѣ жаль, что эта книга попалась вамъ въ руки.

— Кого же жаль? книгу или меня?

Александръ молчалъ.

— Отчего же мнѣ не читать Байрона? спросила она.

— По двумъ причинамъ, сказалъ Александръ помолчавъ.

Онъ положилъ свою руку на ея руку, для большаго ли убѣжденія, или потому, что у ней была бѣленькая и мягкая ручка — не знаю, и началъ говорить тихо, мѣрно, поводя глазами то по локонамъ Лизы, то по шеѣ, то по талии. По мѣрѣ этихъ переходовъ, возвышался постепенно и его голосъ. — Во-первыхъ, потому, говорилъ онъ, — что вы читаете Байрона пофранцузски и, слѣдовательно, для васъ потеряны красота и могущество языка поэта. Посмотрите, какой здѣсь блѣдный, бѣзцвѣтный, жалкій языкъ! Это прахъ великаго поэта: идеи его какъ будто расплылись въ водѣ. Во-вторыхъ, потому бы я не совѣтовалъ вамъ читать Байрона, что.... онъ, можетъ быть, пробудитъ въ душѣ вашей такія струны, которыя бы вѣкъ молчали безъ того....

Тутъ онъ крѣпко и выразительно сжалъ ея руку, какъ будто хотѣлъ придать тѣмъ вѣсь своимъ словамъ. — Зачѣмъ вамъ читать Байрона? продолжалъ онъ: — можетъ быть, жизнь ваша протечетъ тихо, какъ этотъ ручей: видите, какъ онъ малъ, мелокъ; онъ не отразитъ ни цѣлаго неба въ себѣ, ни тучъ; на берегахъ его нѣтъ ни скалъ, ни пропастей; онъ бѣжитъ игриво; чуть-чуть только легкая зыбь рябитъ его поверхность; отражаетъ онъ только зелень береговъ, клочокъ неба да маленькія облака.... такъ вѣроятно протекла бы и жизнь ваша, а вы спрашиваетесь на напрасныя волненія, на бури, хотите взглянуть на жизнь и людей сквозь мрачное стекло.... оставьте, не читайте! глядите на все съ улыбкой, не смотрите вдаль, живите день за днемъ, не разбирайте темныхъ сторонъ въ жизни и людяхъ, а то....

— А то что?

— Ничего! сказалъ Александръ, будто опомнившись.

— Нѣтъ, скажите мнѣ: вы вѣрно испытали что нибудь?...

— Гдѣ моя удочка? позвольте, мнѣ пора. Онъ казался встревоженнымъ, что высказался такъ неосторожно.

— Нѣтъ, еще слово, заговорила Лиза: — вѣдь поэтъ долженъ пробуждать сочувствіе къ себѣ: Байронъ — великій поэтъ, — отчего же вы не хотите, чтобъ я сочувствовала ему? развѣ я такъ глупа, ничтожна, что не пойму?...

Она обидѣлась.

— Не те совѣмъ: сочувствуйте тому, что свойственно вашему женскому сердцу; ищите того, что подъ ладъ ему, иначе можетъ случиться страшный разладъ.... и въ головѣ и въ сердцѣ. — Гутъ онъ покачалъ головой, намекая на то, что онъ самъ — жертва этого разлада. — Одинъ покажетъ вамъ, говорилъ онъ: — цвѣтокъ и заставитъ наслаждаться его запахомъ и красотой, а другой укажетъ только ядовитый сокъ въ его чашечкѣ.... тогда для васъ пропадутъ и красота и благоуханіе. Онъ заставитъ васъ только сожалѣть о томъ, зачѣмъ тамъ этотъ сокъ, и вы забудете, что есть и благоуханіе.... Есть разница между этими обоими людьми и между сочувствіемъ къ нимъ. Не ищите же яду, не добирайтесь до начала всего, что дѣлается съ нами и около насъ, не ищите ненужной опытности: не она ведетъ къ счастію. — Онъ замолчалъ. Она довѣрчиво и задумчиво слушала его.

— Говорите, говорите.... сказала она съ дѣтскою покорностью: — я готова слушать васъ цѣлые дни, повиноваться вамъ во всемъ; ваша воля для меня будетъ закономъ....

— Мнѣ? сказалъ Александръ холодно: — помилуйте! какое я имѣю право располагать вашей волей?.. извините, что я позволилъ себѣ сдѣлать замѣчаніе; читайте что угодно.... Чайльдъ-Гарольдъ — очень хорошая книга, Байронъ — великій поэтъ!

— Нѣтъ, не притворяйтесь! не говорите такъ; скажите, что мнѣ читать?

Онъ съ педантическою важностію предложилъ было ей нѣсколько историческихъ книгъ, путешествій, но она сказала, что это ей и въ пансіонѣ надоѣло. Тогда онъ указалъ ей Вальтера-Скотта, Куцера, нѣсколькихъ французскихъ и англійскихъ писателей и писательницъ, изъ русскихъ двухъ или трехъ авто-

роль, стараясь при этом, судя по тону, обнаруживая свой интеллигентный вкус и тактъ. Потомъ между ними уже не было подобнаго разговора. Александръ все хотѣлъ бѣжать прочь. «Что мнѣ женщины? говорить онъ: — любить я не могу, я отжилъ для нихъ».... «Ладно, ладно! возразилъ Костяковъ: — вотъ жепитесь, такъ и увидите. Я самъ, бывало, только бы играть съ молодыми дѣвками да бабами, а какъ пришла пора къ вѣнцу, словно колъ въ голову вбили: такъ кто-то и пхалъ жепиться!»

И Александръ не бѣжалъ. Въ немъ зашевелились всѣ прежнія мечты. Сердце стало биться вдвое усиленнымъ тактомъ. Въ глазахъ его мерещились то таля, то ножка, то локонъ Лизы, и жизнь онять не много просвѣтлѣла. Дня три ужъ не Костяковъ звалъ его, а онъ самъ тащилъ Костякова на рыбную ловлю. «Опять! опять прежнее! говорилъ Александръ: — но я твердъ!» и между тѣмъ, торопливо шелъ на рѣчку. Онъ ужъ говорилъ съ Лизой о писателяхъ технически, какъ добрый учитель словесности, не пускаясь слишкомъ глубоко въ разборъ о красотахъ, и тѣмъ сильнѣе возбуждалъ ея любопытство. Лиза всякій разъ съ нетерпѣніемъ поджидала прихода пріятелей. Костякова каждый вечеръ ожидала чашка душистаго чаю съ ромомъ — и, можетъ быть, Лиза отчасти обязана была этой хитрости тѣмъ, что они не пропускали ни одного вечера. Если они опаздывали, Лиза съ отцомъ шла имъ навстрѣчу. Когда ненастная погода удерживала пріятелей дома, на другой день упрекамъ, и имъ и погодѣ, не было конца.

Александръ думалъ, думалъ, — и рѣшился на время прекратить свои прогулки, Богъ знаетъ съ какою цѣлью, онъ и самъ не зналъ этого, и не ходилъ ловить рыбу цѣлую недѣлю. И Костяковъ не ходилъ. Наконецъ пошли. Еще за версту до того мѣста, гдѣ они ловили, встрѣтили они Лизу съ нянькой. Она вскрикнула, завидя ихъ, потомъ вдругъ смѣшалась, покраснѣла. Адуевъ холодно поклонился, Костяковъ пустился болтать. «Вотъ и мы, сказалъ онъ: — вы не ждали? хе, хе, хе! вижу, что не ждали: и самовара нѣтъ! Давненько, сударыня, давненько не видались! есть ли клѣвъ! я все порывался, да вотъ Александра Федорыча не могъ уговорить: сидитъ дома.... или нѣтъ, бишь, все лежить».

Она съ упрекомъ взглянула на Адуева.

— Что это значить? спросила она.

— Что?

— Вы не были цѣлую недѣлю?

— Да, кажется, съ недѣлю не былъ.

— Отчего же?

— Такъ, не хотѣлось....

— Не хотѣлось! сказала она съ изумленіемъ.

— Да, а что?

Она молчала, но, кажется, думала: да развѣ вамъ можетъ не хотѣться итти сюда?

— Я хотѣла послать папеньку въ городъ къ вамъ, сказала она: — но не знала, гдѣ вы живете.

— Въ городъ, ко мнѣ, зачѣмъ?

— Прекрасный вопросъ! сказала она обиженнымъ тономъ: — зачѣмъ? провѣдать, не случилось ли съ вами чего нибудь, здоровы ли вы?...

— Да что же вамъ?...

— Что мнѣ? Боже!...

— Что Боже?

— Какъ что!... да вѣдь у меня ваши книги есть... Она смѣшалась. — Недѣлю не быть! примолвила она.

— Развѣ я непременно долженъ бывать здѣсь каждый день.

— Непременно!

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ, зачѣмъ! она печально глядѣла на него и твердила: зачѣмъ, зачѣмъ.

Онъ взглянулъ на нее. Что это? слезы, смятеніе, и радость, и упреки? Она блѣдна, немного похудѣла, глаза покраснѣли.

— Такъ вотъ что! уже! подумалъ Александръ: — я не ожидалъ такъ скоро! потомъ громко засмѣялся.

— Зачѣмъ? говорите вы; послушайте.... продолжала она. У ней въ глазахъ блеснула какая-то рѣшимость. Она, по видимому, готовилась сказать что-то важное, но въ ту минуту подходилъ къ нимъ ея отецъ. — До завтра, сказала она: — завтра мнѣ надо съ вами поговорить; сегодня я не могу: сердце мое слишкомъ полно.... завтра вы придете? да, слышите? вы не забудете насъ? не покинете?... и побѣжала, не дождавшись отвѣта. Отецъ поглядѣлъ пристально на нее, потомъ на Адуева, и покачалъ головой. Александръ молча смотрѣлъ ей вслѣдъ. Онъ что-то и жалѣлъ и досадовалъ на себя, что незамѣтно довелъ

ее до этого положенія; кровь бросилась ему къ сердцу, а въ голову.

«Она любитъ меня, думалъ Александръ, ѣдучи домой. — Боже мой, какая скука! какъ это нелѣпо! теперь нельзя и прѣхать сюда, а въ этомъ мѣстѣ рыба славно клюетъ.... досадно!

А между тѣмъ, внутренно онъ, кажется, почему-то былъ не доволенъ этимъ, сталъ веселъ и болталъ поминутно съ Костяковымъ.

Услужливое воображеніе, какъ нарочно, рисовало ему портретъ Лизы во весь ростъ: съ роскошными плечами, съ стройной таліей, не забыло и ножку. Въ немъ зашевелилось странное ощущеніе, опять по тѣлу пробѣжала дрожь, но не добралась до души — и замерла. Онъ разобралъ это ощущеніе отъ источника до самого конца. — Животное! бормоталъ онъ про себя: — такъ вотъ какая мысль бродитъ у тебя въ умѣ.... а! обнаженные плечи, бюстъ, ножка.... воспользоваться довѣрчивостью, неопытностью.... обмануть.... ну, хорошо, обмануть, а тамъ что? таже скука да еще, можетъ быть, угрызеніе совѣсти, а изъ чего?... нѣтъ! нѣтъ! не допущу себя, не доведу и ее.... о, я твердъ!... чувствую въ себѣ довольно чистоты души, благородства сердца.... Я не паду во прахъ — и не увлеку ее.

Лиза ждала его цѣлый день съ трепетомъ удовольствія, а потомъ сердце у ней сжалось; она оробѣла, сама не зная отъ чего, стала грустна и почти не желала прихода Александра. Когда же урочный часъ насталъ, а Александра не было, нетерпѣніе ея превратилось въ томительную тоску. Съ послѣднимъ лучомъ солнца исчезла всякая надежда; она заплакала. На другой день опять ожила, опять съ утра была весела, а къ вечеру сердце стало пуще ныть и замирать и страхомъ и надеждой. Опять не пришли. На третій, на четвертый день тоже. А надежда все влекла ее на берегъ: чуть вдали покажется лодка или мелькнутъ по берегу двѣ человѣческія тѣни, она затрепещетъ и изнеможетъ подъ бременемъ радостнаго ожиданія. Но когда увидитъ, что въ лодкѣ не они, что тѣни не ихъ, она опуститъ уныло голову на грудь, отчаяніе сильнѣе наляжетъ на душу.... Черезъ минуту опять коварная надежда шепнетъ ей утѣшительный предлогъ промедленія, и сердце опять забьется ожиданіемъ. А Александръ медлилъ, какъ будто нарочно. Наконецъ, когда она, полубольная, съ безнадежностью въ душѣ, сидѣла однажды па

своемъ мѣстѣ подѣ деревомъ, — вдругъ послышался ей шорохъ; она обернулась — и задрожала отъ радостнаго испуга: передъ ней, сложя руки крестомъ, стоялъ Александръ. Она съ радостными слезами протянула ему руки и долго не могла притти въ себя. Онъ взялъ ее за руку и жадно, также съ волненіемъ, вглядывался ей въ лицо.

— Вы похудѣли! сказалъ онъ тихо: — вы страдаете?

Она вздохнула.

— Какъ вы долго не были! промолвила она.

— А вы ждали меня?

— Я? съ живостію отвѣчала она. — О, еслибъ вы знали!... она остановилась и докончила отвѣтъ крѣпкимъ пожатіемъ его руки.

— А я пришелъ проститься съ вами! сказалъ онъ — к остановился, наблюдая, что будетъ съ ней. Она съ испугомъ и недовѣрчивостію взглянула на него.

— Неправда, сказала она.

— Правда! отвѣчалъ онъ.

— Послушайте! вдругъ заговорила она, робко оглядываясь во всѣ стороны: — не уѣзжайте, ради Бога, не уѣзжайте! я вамъ скажу тайну.... здѣсь насъ увидитъ папенька изъ окошекъ: пойдемте къ намъ въ садъ, въ бесѣдку.... она выходитъ въ поле, я васъ проведу.

Они пошли. Александръ не сводилъ глазъ съ ея плечъ, стройной талии и чувствовалъ лихорадочную дрожь.

— Чтожъ за важность, думалъ онъ, идучи за ней, — что я пойду? вѣдь я такъ только.... взгляну, какъ у нихъ тамъ въ бесѣдкѣ.... отецъ звалъ же меня; вѣдь я могъ бы итти прямо и открыто.... но я далекъ отъ соблазна, ей Богу, далекъ — и докажу это: вотъ, нарочно пришелъ сказать, что ѣду.... хотя и не ѣду никуда! — нѣтъ, демонъ! меня не соблазнишь! — Но тутъ, кажется, какъ будто Крылова бѣсенокъ, явившійся изъ за печки затворнику, шепнулъ и ему: «А зачѣмъ ты пришелъ сказать это? въ этомъ не было надобности; ты бы не явился, и недѣли черезъ двѣ былъ бы забытъ....» Но Александру казалось, что онъ поступаетъ благородно, являясь на подвигъ самоотверженія, бороться съ соблазномъ лицомъ къ лицу. Первымъ трофеемъ его побѣды надъ собою былъ поцалуй, похищенный имъ у Лизы, потомъ онъ обнялъ ее за талию, сказалъ,

что никуда не идетъ, что выдыхаетъ это, чтоооо испытать ее, узнать, есть ли въ ней чувство къ нему. Наконецъ, къ довершенію побѣды, онъ обѣщалъ на другой день явиться въ этотъ же часъ въ бесѣдку. Идучи домой, онъ разсуждалъ о своемъ поступкѣ, и его обдавало то холодомъ, то жаромъ. Онъ замиралъ отъ ужаса и не вѣрилъ самому себѣ, — наконецъ, рѣшился не быть завтра — и явился ранѣе назначеннаго часу.

Это было въ августѣ мѣсяцѣ. Уже смеркалось. Александръ обѣщалъ быть въ девять часовъ, а пришелъ въ восемь, одинъ, безъ Костякова, даже безъ удочки. Онъ, какъ воръ, пробирался къ бесѣдкѣ, то боязливо оглядывался, то бѣжалъ опростею. Но кто-то опередилъ его. Тотъ тоже торопливо, запыхавшись, вбѣжалъ въ бесѣдку и сѣлъ на диванъ въ темномъ углу.

Александра какъ будто стерегли. Онъ тихо отворилъ дверь, въ сильномъ волненіи, на цыпочкахъ, подошелъ къ дивану и тихо взялъ за руку — отца Лизы. Александръ вздрогнулъ, отскочилъ, хотѣлъ бѣжать, но старикъ поймалъ его за фалду, потомъ крѣпко взялъ за руку и посадилъ насильно подлѣ себя на диванъ.

— Какъ это вы, батюшка, зашли сюда? спросилъ онъ.

— Я.... за рыбой.... бормоталъ Александръ, едва шевеля губами. Зубы у него стучали одинъ объ другой. Старикъ былъ вовсе не страшень, но Александръ, какъ и всякій воръ, пойманный на дѣлѣ, дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— За рыбой! повторилъ старикъ насмѣшливо: — знаете ли, что это значитъ ловить рыбу въ мутной водѣ? Давно я замѣчаю за вами, и вотъ узналъ васъ наконецъ, а Лизу свою знаю съ пеленъ: она добра и довѣрчива, а вы, вы опасный плутъ....

Александръ хотѣлъ встать, но старикъ удержалъ его за руку.

— Да, батюшка, не погнѣвайтесь. Вы прикинулись несчастнымъ, притворно избѣгали Лизы, завлекли ее, увѣрились да и хотѣли воспользоваться.... хоршее ли это дѣло? какъ васъ назвать?

— Клянусь честью, я не предвидѣлъ послѣдствій... сказалъ Александръ голосомъ глубокаго убѣжденія: — я не хотѣлъ....

Старикъ молчалъ нѣсколько минутъ.

— А можетъ быть, и то! сказалъ онъ: — можетъ быть, вы не по любви, а такъ, отъ праздности, сбивали съ толку бѣдную дѣвочку, не зная сами, что изъ этого будетъ; удастся — хорошо, не удастся — нужды нѣтъ! Въ Петербургѣ много этакихъ молодцовъ.... знаете, какъ поступаютъ съ такими франтами?...

Александръ сидѣлъ, потупя взоры. У него не доставало духу оправдываться.

— А сначала я думалъ лучше объ васъ, но ошибся, крѣпко ошибся! видишь, вѣдь какимъ тихенькимъ прикинулся! слава Богу, что спохватился во время.... слушайте: терять времени некогда; глупая дѣвчонка, того и гляди, явится на свиданіе. Я вчера подкараулилъ васъ. Не нужно, чтобъ она видѣла насъ вмѣстѣ: вы уйдете и, разумѣется, не воротитесь никогда; она подумаетъ, что вы обманули ее, и это послужитъ ей урокомъ. Только смотрите, чтобъ васъ здѣсь никогда не было; найдите другое мѣсто для рыбной ловли, а не то... я провожу васъ неласково.... Счастье ваше, что Лиза еще можетъ прямо глядѣть мнѣ въ глаза; я цѣлый день наблюдалъ за нею.... иначе вы не этой дорогой вышли бы отсюда.... прощайте!

Александръ что-то хотѣлъ сказать, но старикъ отворилъ дверь и почти вытолкалъ его.

Александръ вышелъ — въ какомъ положеніи, пусть судить читатель, если только ему не совѣстно будетъ на минуту поставить себя на его мѣсто. У моего героя брызнули даже слезы изъ глазъ, слезы стыда, бѣшенства на самого себя и отчаянія....

— Зачѣмъ я живу? громко сказалъ онъ: — отвратительная, убійственная жизнь! а я, я... нѣтъ! если у меня не достало твердости устоять противъ обольщенія.... то достанетъ духу прекратить это бесполезное, позорное существованіе....

Онъ скорыми шагами подошелъ къ рѣчкѣ. Она была черна. По волнамъ перебѣгали какія-то длинныя, фантастическія, уродливыя тѣни. Берегъ, гдѣ стоялъ Александръ, былъ мелокъ.

— Тутъ и умереть нельзя! сказалъ онъ презрительно и пошелъ на мостъ, бывшій оттуда во ста шагахъ. Александръ облокотился на перила по срединѣ моста и сталъ вглядываться въ воду. Онъ мысленно прощался съ жизнію, посылалъ вздохи къ матери, благословлялъ тетку, даже простилъ Надиньку. Слезы умиленія текли у него по щекамъ.... Онъ закрылъ лицо руками.... не извѣстно, что бы онъ сдѣлалъ, какъ вдругъ мостъ

онъ на краю пропасти; передъ нимъ зияеть могила: половина моста отдѣлилась и отплываетъ прочь.... проходятъ барки; еще минута — и прощай! Онъ собралъ всѣ силы и сдѣлалъ отчаянный прыжокъ.... на ту сторону. Тамъ онъ остановился, перевелъ духъ и схватился за сердце.

— Что, баринъ, испужался? спросилъ его сторожъ.

— Чего, братецъ, чуть было въ середину не попалъ! отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ Александръ.

— Боже храни! долго ль до грѣха? примолвилъ сторожъ зѣвая: — въ запрошломъ лѣтѣ одинъ барочникъ и такъ упалъ.

Александръ пошелъ домой, придерживаясь рукой за сердце. Онъ по временамъ оглядывался на рѣчку, на разведенный мостъ и, вздрагивая, тотчасъ же отворачивался и ускорялъ шаги.

Между тѣмъ, Лиза кокетливо одѣвалась, не брала съ собой ни отца, ни няньки и каждый вечеръ просиживала до поздней ночи подъ деревомъ.

Настали темные вечера, она все ждала; но о пріятеляхъ ни слуху, ни духу.

Пришла осень. Жолтые листья падали съ деревьевъ и усыяли берега; зелень полиняла; рѣка приняла свинцовый цвѣтъ; небо было постоянно сѣро; дуть холодный вѣтеръ съ мелкимъ дождемъ. Берега и рѣки опустѣли: не слышно было ни веселыхъ пѣсень, ни смѣху; лодки и барки перестали снова вездѣ и впередъ. Ни одно насѣкомое не прожужжитъ въ травѣ, ни одна птичка не защечечетъ на деревѣ; только галки и вороны крикомъ наводили уныніе на душу; и рыба перестала клевать. А Лиза все ждала. Ей непремѣнно нужно было поговорить съ Александромъ, открыть ему тайну. Она все сидѣла на скамьѣ, подъ деревомъ, въ кацавейкѣ. Она похудѣла, глаза у ней немного впали, щоки были подвязаны платкомъ. Такъ засталъ ее однажды отецъ.

— Пойдемъ, полно тутъ сидѣть, сказалъ онъ, морщась и дрожа отъ холоду: — посмотри, у тебя руки посинѣли; ты озябла, Лиза! слышишь ли? пойдемъ.

— Куда?

— Домой; мы сегодня переѣзжаемъ въ городъ.

— Зачѣмъ? спросила она съ удивленіемъ.

— Какъ зачѣмъ! осень на дворѣ; мы одни только остались на дачѣ.

— Ахъ, Боже мой! сказала она: — здѣсь и зимой будетъ хорошо: останетесь.

— Вотъ что еще выдумала! полно, полно, пойдемъ!

— Погодите! сказала она умоляющимъ голосомъ: — еще воротятся красные дни.

— Послушай! отвѣчалъ отецъ, трепля ее по щекѣ и указывая на то мѣсто, гдѣ удили пріятели: — они не воротятся...

— Не.... воротятся! повторила она вопросительно-печальнымъ голосомъ, потомъ подала отцу руку и тихо, склонивъ голову, пошла домой, оглядываясь повременамъ назадъ.

А Адуевъ съ Костяковымъ давно уже удили гдѣ-то въ противоположной сторонѣ отъ этого мѣста.

ГЛАВА V.

Мало по малу Александръ успѣлъ забыть и Лизу и неприятную сцену съ ея отцомъ. Онъ опять сталъ покоенъ, даже веселъ, часто хохоталъ плоскимъ шуткамъ Костякова. Его смѣшилъ взглядъ этого человѣка на жизнь. Они строили даже планы уѣхать куда нибудь подальше, выстроить на берегу какой нибудь рѣки, гдѣ много рыбы, хижину, и прожить тамъ остатокъ дней. Душа Александра опять стала утопать въ тинѣ скудныхъ понятій и матеріальнаго быта. Но судьба не дремала, и ему не удавалось утонуть совсѣмъ въ этой тинѣ.

Осенью онъ получилъ отъ тетки записку съ убѣдительнѣйшею просьбою проводить ее въ концертъ, потому-что дядя былъ не совсѣмъ здоровъ. Пріѣхалъ какой-то артистъ, европейская знаменитость.

— Какъ, въ концертъ! воскликнулъ Александръ въ сильной тревогѣ: — въ концертъ, опять въ эту толпу, въ самый блескъ мишуры, лжи, притворства.... нѣтъ, не поѣду.

— Поди, чай, еще пять рублей стоитъ, замѣтилъ бывший тутъ Костяковъ.

— Билетъ стоитъ пятнадцать рублей, сказалъ Александръ: — но я охотно бы лалъ пятьдесятъ, чтобъ не ѣхать.

чуть звъка, какъ раздались олушительныя рукоплесканія, привѣтствовавшія артиста. Александръ и не взглянулъ на него. Заиграли интродукцію. Черезъ нѣсколько минутъ оркестръ сталъ стихать. Къ послѣднимъ его звукамъ прицѣпились чуть слышно другіе, сначала рѣзвые, игривые, какъ будто напоминавшіе игры дѣтства; слышались точно дѣтскіе голоса, шумные, веселые; потомъ звуки стали плавнѣе и мужественнѣе; они, казалось, выражали юношескую безпечность, отвагу, избытокъ жизни и силъ. Потомъ полились медленнѣе, тише, какъ будто передавали нѣжное изліяніе любви, задушевный разговоръ, и ослабѣвая, мало по малу, слились въ страстный, таинственный шопоть и незамѣтно смолкли. Но толпа еще слушала. Никто не смѣлъ пошевелиться. Масса людей замерла въ безмолвіи. Наконецъ, вырвалось у всѣхъ единодушное *ах!* и шопотомъ пронеслось по залѣ. Толпа было зашевелилась, но вдругъ звуки снова проснулись, полились *staccato* бурнымъ потокомъ, потомъ раздробились на тысячу каскадовъ и запрыгали, тѣсня и подавляя другъ друга. Они гремѣли, будто упреками ревности, кипѣли бѣшенствомъ страсти; ухо не успѣвало ловить ихъ, — и вдругъ прервались, какъ точно у инструмента не стало болѣе ни силъ, ни голоса. Изъ подъ смычка сталъ вырываться то глухой, отрывистый стонъ, то слышались плачущіе, рыдающіе, грустные, умоляющіе звуки — и все окончилось болѣзненнымъ, продолжительнымъ вздохомъ. Сердце надрывалось: звуки какъ будто пѣли объ обманутой любви и безнадежной тоскѣ. Всѣ страданія, вся скорбь души человѣческой слышалась въ нихъ. Александръ затрепеталъ. Онъ поднялъ голову и поглядѣлъ, сквозь слезъ, черезъ плечо сосѣда. Худощавый нѣмецъ, согнувшись надъ своимъ инструментомъ, стоялъ передъ толпой и могущественно повелѣвалъ ею. Онъ кончилъ и равнодушно отеръ платкомъ руки и лобъ. Въ залѣ раздался ревъ и страшныя рукоплесканія. И вдругъ этотъ артистъ согнулся, въ свой чередъ, передъ толпой и началъ униженно кланяться и благодарить.

— И онъ поклоняется ей, думалъ Александръ, глядя съ робостію на эту тысячеглавую гидру: — онъ, стоящій такъ высокъ передъ ней....

Артистъ поднялъ смычокъ и все мгновенно смолкло. Заколебавшаяся толпа слилась опять въ одно неподвижное тѣло. Потекли другіе звуки, величавые, торжественные: отъ этихъ звуковъ

гивался выше. Они пробуждали въ сердцѣ гордость, рождали мечты о славѣ. Оркестръ началъ глухо вторить, какъ будто отдаленный гулъ толпы, какъ народная молва. Александръ поблѣднѣлъ и поникъ головой. Эти звуки, точно нарочно, внятно рассказывали ему прошедшее, всю его жизнь, горькую и обманутую.

— Посмотри, какая мина у этого! сказалъ кто-то, указывая на Александра: — я не понимаю, какъ можно такъ обнаруживаться: я Паганини слышалъ, да у меня и бровь не шевельнулась.

Александръ проклиналъ и приглашеніе тетки, и артиста, а болѣе всего судьбу, что она не даетъ ему забыться.

— И къ чему? съ какой цѣлью? думалъ онъ: — чего она добивается отъ меня? къ чему напоминать мнѣ мое безсиліе, позоръ, бесполезность прошедшаго, котораго не воротить!

Проводивъ тетку до дому, онъ хотѣлъ было ѣхать къ себѣ, но она удержала его за руку.

— Неужели вы не зайдете? спросила она съ упрекомъ.

— Нѣтъ.

— Отчего же?

— Теперь ужь поздно: когда нибудь въ другой разъ.

— И это вы мнѣ отказываете?

— Вамъ болѣе, нежели кому нибудь.

— Почему же?

— Долго говорить. Прощайте.

— Полчаса, Александръ; слышите? не болѣе. Если откажете, значитъ вы никогда ни наводось не имѣли ко мнѣ дружбы. — Она просила съ такимъ чувствомъ, такъ убѣдительно, что у Александра не стало духу отказаться, и онъ пошелъ за ней, склонивъ голову. Петръ Ивановичъ былъ у себя въ кабинетѣ.

— Неужели я заслужила отъ васъ одно пренебреженіе, Александръ? спросила Лизавета Александровна, усадивъ его у камина.

— Вы ошибаетесь: это не пренебреженіе, отвѣчалъ онъ.

— Что же это значитъ? какъ это назвать? сколько разъ я писала къ вамъ, звала къ себѣ, — вы не шли, наконецъ, перестали отвѣчать на записки.

— Это не пренебреженіе....

— Что же!

— Такъ! сказалъ Александръ и вздохнулъ: — прощайте, tante.

— Постоите! что я вамъ сдѣлала? что съ вами, Александръ, отчего вы такіе? отчего равнодушны ко всему, никуда не ходите, живете въ обществѣ не по васъ?

— Да такъ, ma tante: этотъ образъ жизни мнѣ нравится: такъ покойно жить, хорошо; это по мнѣ....

— По васъ! вы находите пищу для ума и сердца въ такой жизни, съ такими людьми?

Александръ кивнулъ головой.

— Вы притворяетесь, Александръ; вы чѣмъ нибудь сильно огорчены, и молчите. Прежде, бывало, вы находили кому повѣрить ваше горе, вы знали, что всегда найдете утѣшеніе или, по крайней мѣрѣ, сочувствіе, а теперь развѣ у васъ никого ужъ нѣтъ!

— Никого!...

— Вы никому не вѣрите?

— Никому.

— Развѣ вы не вспоминаете иногда о вашей матушкѣ.... о ея любви къ вамъ.... ласкахъ?... неужели вамъ не приходило въ голову, что, можетъ быть, кто нибудь и здѣсь любитъ васъ, если не такъ, какъ она, то, по крайней мѣрѣ, какъ сестра или, еще больше, какъ другъ.

— Прощайте, ma tante! сказалъ онъ.

— Прощайте, Александръ: я васъ не удерживаю болѣе, отвѣчала тетка. У ней навернулись слезы.

Александръ взялъ было шляпу, но потомъ положилъ и поглядѣлъ на Лизавету Александровну.

— Нѣтъ, не могу бѣжать отъ васъ: не достаетъ силъ! сказалъ онъ: — что вы дѣлаете со мной?

— Будьте опять прежнимъ Александромъ, хоть на одну минуту; расскажите, повѣрьте мнѣ все....

— Да, я не могу молчать передъ вами: вамъ выскажу все, что у меня на душѣ, сказалъ онъ. — Вы спрашиваете, отчего я прячусь отъ людей, отчего я ко всему равнодушенъ, отчего не вижу даже съ вами?... отчего! Знайте же, что жизнь давно опротивѣла мнѣ: вотъ я избралъ себѣ такой бытъ, гдѣ она

души. Я извѣдалъ всю пустоту и всю ничтожность жизни — и глубоко презираю ее. *Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душу не презирять людей.* Дѣятельность, хлопоты, заботы развлечения — все надоѣло мнѣ. Я ничего не хочу добиваться и искать; у меня нѣтъ цѣли, потому-что къ чему повлечешься, достигнешь — и увидишь, что все призракъ. Радости для меня миновались; я къ нимъ охладѣлъ. Живучи въ образованномъ мѣрѣ, съ людьми, я сильнѣе чувствую невыгоды жизни, а у себя, одинъ, вдаль отъ толпы, я одеревенѣлъ: случись, что хочеть, въ этомъ свѣтѣ, я не замѣчаю ни людей, ни себя. Я ничего не дѣлаю и не вижу ни чужихъ, ни своихъ поступковъ — и покоенъ... мнѣ все равно: счастья не можетъ быть, а несчастье не пройметъ меня....

— Это ужасно, Александръ, сказала тетка: — въ эти лѣта такое охлажденіе ко всему....

— Чему вы удивляетесь, ma tante? отдѣлитесь на минуту отъ тѣснаго горизонта, въ которомъ вы заключены; посмотрите на жизнь, на мѣръ: что это такое?... Что вчера велико, сегодня ничтожно; чего хотѣлъ вчера, не хочешь сегодня, вчерашній другъ — сегодня врагъ. Стоитъ ли хлопотать изъ чего нибуль, любить, привязываться, ссориться, мириться, словомъ, жить? не лучше ли спать и умишь и сердцемъ? Я и сплю, оттого и не хожу никуда, и къ вамъ особенно: я уснулъ было совсѣмъ, а вы будите и умъ и сердце и толкаете ихъ опять въ омутъ. Если хотите видѣть меня веселымъ, здоровымъ, можетъ быть, живымъ, даже, пожалуй, по понятіямъ дядюшки, счастливымъ, оставьте меня тамъ, гдѣ я теперь. Дайте успокоиться этимъ волненіямъ; пусть мечты улягутся, пусть умъ оцѣпенѣтъ совсѣмъ, сердце окаменѣтъ, глаза отвыкнуть отъ слезъ, губы отъ улыбки, — и тогда, черезъ годъ, черезъ два, я приду къ вамъ совсѣмъ готовый на всякое испытаніе: тогда не пробудите, какъ ни старайтесь, а теперь....

Онъ сдѣлалъ отчаянный жестъ.

— Смотрите, Александръ, живо перебила тетка: — вы въ одну минуту измѣнились: у васъ слезы на глазахъ; вы еще все тѣже: не притворяйтесь же, не удерживайте чувства, дайте ему волю....

— Зачѣмъ? я не буду лучше отъ этого? я буду только сильнѣе мучиться. Нынѣшній вечеръ уничтожилъ меня въ собственныхъ глазахъ. Я ясно понялъ, что не имѣю права никого винить въ своей тоскѣ. Я самъ уничтожилъ свою жизнь. Я мечталъ о славѣ, Богъ знаетъ съ чего, и пренебрегъ своимъ дѣломъ; я испортилъ свое скромное назначеніе и теперь не поправлю прошлаго: поздно! Я бѣжалъ толпы, презиралъ ее, — бѣжалъ, презиралъ! а этотъ Нѣмецъ, съ своей глубокой, сильной душой, съ поэтической натурой, не отрекается отъ міра и не бѣжитъ отъ толпы: онъ гордится ея рукоплесканіями. Онъ понимаетъ, что онъ едва замѣтное кольцо въ безконечной цѣпи человѣчества; онъ тоже все знаетъ, что я: ему знакомы страданія. Слышали, какъ онъ разсказалъ въ звукахъ всю жизнь — и радости, и горечь ея, и счастье, и скорбь души? она понятна ему. Какъ сталъ я сегодня вдругъ мелокъ, ничтоженъ въ собственныхъ глазахъ съ своей тоской, страданіями.... Онъ пробудилъ во мнѣ горькое сознаніе, что я гордъ — и безсиленъ.... Ахъ, зачѣмъ вы вызвали меня? Прощайте, пустите меня....

— Чѣмъ же я виновата, Александръ? неужели я могла пробудить въ васъ горькое чувство — я....

— Вотъ тото и бѣда: ваше ангельское, доброе лицо, та tante, кроткія рѣчи, дружеское пожатіе руки — все это смущаетъ и трогаетъ меня: мнѣ хочется плакать, хочется опять жить, томиться.... а зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? останьтесь всегда съ нами и, если вы считаете меня хоть не много достойною вашей дружбы, стало быть, вы найдете утѣшеніе и въ другой; не одна я такая... васъ оцѣнять.

— Да! вы думаете, это всегда будетъ утѣшать меня? вы думаете, я повѣрю этому минутному умиленію? Вы точно — женщина въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова; вы созданы на радость, на счастье мужчины; да можно ли надѣяться на это счастье? можно ли поручиться, что оно прочно, что сегодня, завтра, судьба не обернетъ верхъ дномъ этой счастливой жизни?... вотъ вопросъ! Можно ли вѣрить чему нибудь — и кому нибудь, даже себѣ? не лучше ли жить безъ всякихъ надеждъ и волненій? не ожидать ничего, не искать радостей и, стало быть, не оплакивать потерь?...

гдѣ вы теперь, она все будетъ преслѣдовать васъ....

— Да, правда : только тамъ судьбѣ не надѣть тѣмъ забавляться, — больше забавляюсь я надѣею : смотришь, то рыба сорвется съ удочки, когда ужъ протянулъ къ ней руку, то дождь пойдетъ, когда собрался за городъ, или погода хороша, да самому не хочется.... ну, и смѣшно....

У Лизаветы Александровны не доставало болѣе возраженій.

— Вы женитесь.... будете любить.... сказала она нерѣшительно.

— Женюсь! вотъ еще! неужели вы думаете, что я вѣрю свое счастье женщинѣ, если бѣ даже и полюбилъ ее, чего тоже быть не можетъ? или неужели вы думаете, что я взялся бы сдѣлать женщину счастливой? нѣтъ, я знаю, что мы обманемъ другъ друга и оба обманемся. Дядюшка Петръ Ивановичъ и опыты научили меня....

— Петръ Ивановичъ! да, онъ много виноватъ! сказала Лизавета Александровна со вздохомъ : — это все онъ съ своимъ анализомъ да методами.... но вы имѣли право не слушать его.... и были бы счастливы въ супружествѣ....

— Да, въ деревнѣ, конечно; а теперь.... нѣтъ, ma tante! супружество не для меня. Я теперь не могу притвориться, когда разлюблю, и перестану быть счастливъ; не могу также не увидѣть, когда жена притворится; будемъ оба хитрить, какъ хитрите.... напимѣрь, вы и дядюшка....

— Мы? съ изумленіемъ и съ испугомъ спросила Лизавета Александровна.

— Да, вы! скажите-ка, такъ ли вы счастливы, какъ мечтали нѣкогда?

— Не такъ, какъ мечтала.... но счастлива иначе, нежели мечтала, разумнѣе, можетъ быть, больше.... не все ли это равно?... съ замѣшательствомъ отвѣчала Лизавета Александровна : — и вы тоже....

— Разумнѣе! ахъ, ma tante, не вы бы говорили : такъ дядюшкой и отзывается. Знаю я это счастье по его методѣ : разумнѣе — такъ, но больше ли? вѣдь у него все счастье, несчастья нѣтъ. Богъ съ нимъ! Нѣтъ! моя жизнь исчерпана; я усталъ, утомился жить....

Она замолчала. Александръ поглядывалъ на шлангу, тетка придумывала, чѣмъ бы еще остановить его.

— А талантъ! вдругъ сказала она съ живостію. — Вы забыли талантъ....

— Э! ma tante! охота вамъ смѣяться надо мной! вы забыли русскую пословицу: *лежачаго не бьютъ*.

— Я смѣюсь? сказала Лизавета Александровна, стараясь скрыть свое замѣшательство.

— Да, вы знаете очень хорошо, что у меня нѣтъ таланта.

— Совсѣмъ нѣтъ! протяжно отвѣчала она.

— Не притворяйтесь! Да вѣроятно вамъ и дялюшка показалъ тогда отвѣтъ журналиста....

— Ахъ. не вѣрьте Петру Иванычу: вы не знаете, какой онъ притворщикъ: ему хотѣлось, чтобъ вы занимались тѣмъ же, чѣмъ онъ: отъ этого онъ и старался всѣми силами дѣлать и говорить все наперекоръ вамъ, онъ нарочно подучилъ своего пріятеля написать: я ужъ бранилась съ нимъ за это.

— Не хитрите, ma tante: дялюшка не подучалъ. Я очень благодаренъ вамъ за доброе намѣреніе, но оно не удастся. Пора мнѣ самому знать, безъ постороннихъ, о томъ, что я могу дѣлать и чего нѣтъ. У меня таланта нѣтъ, рѣшительно нѣтъ. У меня есть чувство, была горячая голова; мечты я принялъ за творчество и творилъ. Недавно еще я нашелъ кое-что изъ старыхъ грѣховъ, прочелъ — и самому смѣшно стало. Дялюшка правъ, что принудилъ меня сжечь все, что было. Ахъ, если бы я могъ воротить прошедшее! Не такъ я распорядился имъ.

— Не разочаровывайтесь до конца! сказала она: — всякому изъ насъ посланъ тяжкій крестъ....

— Кому это крестъ? сказалъ Петръ Иванычъ, входя въ комнату. — Здравствуй, Александръ; тебѣ, что ли? Петръ Иванычъ сгорбился и шелъ, едва передвигая ноги.

— Да, мнѣ! отвѣчалъ Александръ.

— Только не такой, какъ ты думаешь, сказала Лизавета Александровна: — я говорю о тяжкомъ крестѣ, который несетъ Александръ....

— А! что онъ тамъ еще несетъ? спросилъ Петръ Иванычъ, опускаясь съ величайшею осторожностію въ кресла. — Охъ! какая боль! что это за наказаніе!

— Да! а что сдѣлали? представили мнѣ жизнь въ самой безобразной наготѣ, и въ какія лѣта? когда я долженъ былъ понимать ее только съ свѣтлой стороны.

— Т. е. я старался представить тебѣ жизнь, какъ она есть, чтобъ ты не забиралъ себѣ въ голову, чего нѣтъ! я помню, какимъ ты молодцомъ пріѣхалъ изъ деревни, надожь было предостеречь тебя, что здѣсь такимъ быть нельзя. Я предостерегъ тебя, можетъ быть, отъ многихъ ошибокъ и глупостей: еслибъ не я, ты бы ихъ еще не столько надѣлалъ!

— Можетъ быть; но вы только выпустили одно изъ виду, дядюшка: счастье. Вы забыли, что человекъ счастливъ заблужденіями, мечтами и надеждами; дѣйствительность не счастливить....

— Какую ты дичь несешь. Это мнѣніе привезъ ты прямо съ азіатской границы: въ Европѣ давно перестали вѣрить этому. Мечты, игрушки, обманъ — все это годится для женщинъ и дѣтей, а мужчинѣ надо знать дѣло, какъ оно есть. По твоему, это хуже, нежели обманываться?

— Да, дядюшка, что ни говорите, а счастье составляютъ мечты, надежды, очарованіе, довѣрчивость къ людямъ, увѣренность въ самомъ себѣ, потомъ любовь, дружба — и благородная цѣль существованія. А вы твердили мнѣ, что любовь — вздоръ, пустое чувство, что легко, и даже лучше, прожить безъ него, что любить страстно — не великое достоинство, что этимъ не перещеголяешь животное....

— Да ты вспомни, какъ ты хотѣлъ любить: тебѣ подавай кинжаловъ, рѣзни, крови; ты хотѣлъ, чтобъ красавица твоя ушла для тебя изъ дому, да еще ночью, если возможно, такъ при лунѣ, да бѣжала бы на необитаемые острова, а ты бы защищалъ ее отъ звѣрей и отъ разбойниковъ, да пѣлъ бы подъ ея балкономъ по ночамъ, или сочинялъ бы стихи, а она бы учила ихъ наизусть... или, еще лучше: хотѣлъ, чтобъ эта твоя... какъ, какъ ее? Груня, что ли? любила тебя до гробовой доски, а ты бы ее такъ себѣ, кое-какъ... ну, есть ли во всемъ этомъ смыслъ, скажи намилость?

Александръ покраснѣлъ.

— А ты какъ любишь, скажи-ка? спросила Лизавета Александровна мужа.

— Охъ, какъ колетъ поясницу! простоналъ Петръ Ивановичъ.

— Потомъ вы твердили, продолжалъ Александръ, — что привязанности глубокой, симпатической нѣтъ, а есть одна привычка....

— Ты и это говорилъ? спросила Лизавета Александровна.

— Т. е. я, вотъ видишь ли.... мой другъ, говорилъ ему для того.... чтобъ.... онъ.... того.... ой, ой, поясница!

— И вы говорили это, продолжалъ Александръ: — двадцатилѣтнему мальчику, для котораго любовь — все, котораго дѣятельность, цѣль, — все вертится около этого чувства: имъ онъ можетъ спастись — или погибнуть.

— Точно двѣсти лѣтъ назадъ родился! бормоталъ Петръ Ивановичъ: — жить бы тебѣ при царѣ горохѣ.

— Вы растолковали мнѣ, говорилъ Александръ: — теорію любви, обмановъ, измѣнъ, охлажденій.... зачѣмъ? я зналъ все это прежде, нежели началъ любить; а любя, я ужъ анализировалъ любовь, какъ ученикъ анатомируетъ тѣло подъ руководствомъ профессора и вмѣсто красоты формъ видитъ только мускулы, нервы....

— Однако, я помню, это не помѣшало тебѣ сходить съ ума по этой.... какъ ее.... Вѣрочкѣ, что ли?

— Да, но вы не дали мнѣ обмануться: я бы видѣлъ въ измѣнѣ Надиньки несчастную случайность и ожидалъ бы счастья въ будущемъ; съ этимъ ожиданіемъ я дожился бы до тѣхъ поръ, когда ужъ не нужно бы было любви, а вы сейчасъ подоспѣли съ теоріей и показали мнѣ, что это общій порядокъ — и я, въ двадцать пять лѣтъ, потерялъ довѣренность къ счастью и къ жизни и состарѣлся душой. Дружбу вы отвергали, называли и ее привычкой; называли себя, и то вѣроятно шутя, лучшимъ моимъ другомъ, потому развѣ, что успѣли доказать, что дружбы нѣтъ.

Петръ Ивановичъ слушалъ и поглаживалъ одной рукой спину. Онъ возражалъ небрежно, какъ человѣкъ, который, казалось, однимъ словомъ могъ уничтожить всѣ взводимыя на него обвиненія. — И дружбу хорошо ты понималъ, сказалъ онъ: — тебѣ хотѣлось отъ друга такой же комедіи, какую разыграли, говорятъ, въ древности вонъ эти два дурака... какъ ихъ? что одинъ еще остался въ залогъ, пока другъ его съѣздитъ пови-

даться.... что еслибъ всё-то такъ дѣлали, вѣдь просто весь міръ былъ бы домъ сумасшедшихъ.

— Я любилъ людей, продолжалъ Александръ: — вѣрилъ въ ихъ достоинства, видѣлъ въ нихъ братьевъ, простеръ было къ нимъ горячія объятія.

— Да, очень нужно; помню твои объятія, перебилъ Петръ Ивановичъ: — ты мнѣ ими тогда порядочно надоѣлъ.

— А вы показали мнѣ, чего они стоютъ; вмѣсто того, чтобъ руководствовать мое сердце въ привязанностяхъ, вы научили меня не чувствовать, а разбирать, разсматривать и остерегаться людей: я разсмотрѣлъ ихъ — и разлюбилъ!

— Ктожь тебя зналъ! видишь, вѣдь ты какой приткой: я думалъ, что ты отъ этого будешь только снисходительнѣе къ нимъ. Я вотъ знаю ихъ, да не возненавидѣлъ....

— Чтожь ты любишь людей? спросила Лизавета Александровна.

— Привыкъ.... къ нимъ.

— Привыкъ!

Она покачала головой.

— И онъ бы привыкъ, сказалъ Петръ Ивановичъ: — да онъ ужь прежде былъ сильно испорченъ въ деревнѣ теткой да жолтыми цвѣтами, оттого такъ туго и развивается.

— Потомъ я вѣрилъ въ самого себя, началъ опять Александръ: — вы показали мнѣ, что я хуже другихъ, — я возненавидѣлъ и себя.

— Еслибъ ты разсматривалъ дѣло похладнокровнѣе, такъ увидалъ бы, что ты не хуже другихъ и не лучше, чего я и хотѣлъ отъ тебя, тогда не возненавидѣлъ бы ни другихъ, ни себя, а только равнодушнѣе сносилъ бы людскія глупости и былъ бы повнимательнѣе къ своимъ. Я вотъ знаю цѣну себѣ, вижу, что не хорошъ, а признаюсь, очень люблю себя.

— А! тутъ *любишь*, а не *привыкъ!* примолвила Лизавета Александровна: — что?

— Охъ, поясница! захохалъ Петръ Ивановичъ.

— Наконецъ, вы однимъ ударомъ, безъ предостереженія, безъ жалости разрушили лучшую мою мечту; я думалъ, что во мнѣ есть искра поэтическаго дарованія; вы жестоко доказали мнѣ, что я не созданъ жрецомъ изящнаго; вы съ болью вырва-

торый былъ мнѣ противенъ. Безъ васъ я писалъ бы....

— И былъ бы извѣстенъ въ публикѣ, какъ бездарный писатель, перебилъ Петръ Ивановичъ: — развѣ это хорошо?

— Что мнѣ до публики? Я хлопоталъ о себѣ, я приписывалъ бы свои неудачи злости, зависти, недоброжелательству и мало по малу свыкъся бы съ мыслию, что писать не нужно, и самъ бы принялся за другое. Чему же вы удивляетесь, что я, узнавши все, упалъ духомъ....

— Ну, что скажешь? спросила Лизавета Александровна.

— Не хочется и говорить-то: какъ отвѣчать на такой вздоръ? Я виноватъ, что ты, ѣдучи сюда, воображалъ, что здѣсь все цвѣты желтые, любовь да дружба, что люди только и дѣлаютъ, что — одни пишутъ стихи, — другіе слушаютъ, да изрѣдка, такъ, для разнообразія примутся за прозу?... Я доказывалъ тебѣ, что человѣку вообще вездѣ, а здѣсь въ особенности, надо работать, и много работать, даже до боли въ поясницѣ.... цвѣтовъ желтыхъ нѣтъ: есть чины, деньги: это гораздо лучше! Вотъ что я хотѣлъ доказать тебѣ! я не отчаявался, что ты поймешь наконецъ, что такое жизнь, особенно, какъ ее теперь понимаютъ. Ты и понялъ, да какъ увидѣлъ, что въ ней мало цвѣтовъ и стиховъ, и воображилъ, что жизнь — большая ошибка, что ты видишь это и оттого имѣешь право скучать, а другіе не замѣчаютъ и оттого живутъ припѣваючи. Ну, чѣмъ ты недоволенъ? чего тебѣ не достаетъ? Другой на твоемъ мѣстѣ благословилъ бы судьбу. Ни нужда, ни болѣзнь, никакое реальное горе не дотрогивались до тебя. Чего у тебя нѣтъ? любви, что ли? Мало еще тебѣ: любилъ ты два раза и былъ любимъ. Тебѣ измѣнили, ты поквитался. Мы рѣшили, что друзья у тебя есть, какіе у другого рѣдко бываютъ: не фальшивые. Въ воду за тебя, правда, не бросятся и на костеръ не пойдутъ, обниматься тоже не охотники; да вѣдь это до крайности глупо; пойми наконецъ! но за то совѣтъ, помощь, даже деньги — всегда найдешь.... Это ли еще не друзья? Со временемъ ты женишься; карьера передъ тобой: займись только; а вмѣстѣ съ ней и фортуна. Дѣлай все, какъ другіе — и судьба не обойдетъ тебя: найдешь свое. Смѣшно воображать себя особеннымъ, великимъ человѣкомъ, когда ты не созданъ такимъ! Ну, о чемъ же ты говоришь?

— И вась не вась, дадоща, напротивъ, я ужью цѣнить ваши намѣренія и отъ души благодарю за нихъ. Что дѣлать, что они не удались? Мы не поняли другъ друга, вотъ въ чемъ наша бѣда! Что можетъ нравиться и годиться вамъ, другому, третьему — не нравится мнѣ....

— Нравится мнѣ, другому, третьему!... не то говоришь, милый! развѣ я одинъ такъ думаю и дѣйствую, какъ учишь думать и дѣйствовать тебя?... посмотри кругомъ: разсмотри массу, толпу, какъ ты называешь ее — не ту, что въ деревнѣ живеть: туда это долго не дойдетъ, а современную, образованную, мыслящую и дѣйствующую: чего она хочетъ, и къ чему стремится? какъ мыслить? и увидишь, что именно такъ, какъ я учишь тебя. Чего я требовалъ отъ тебя — не я все это выдумалъ.

— А кто же? спросила Лизавета Александровна.

— Вѣкъ.

— Такъ непременно и надо слѣдовать всему, что выдумаетъ твой вѣкъ? спросила она: — такъ все и свято, все и правда?

— Все и свято! сказалъ Петръ Иванычъ.

— Какъ! правда, что надо больше рассуждать, нежели чувствовать? Не давать воли сердцу, удерживаться отъ порывовъ чувства? не предаваться и не вѣрить искреннему изліянію?

— Да, сказалъ Петръ Иванычъ.

— Дѣйствовать вездѣ по методѣ, меньше довѣрять людямъ, считать все ненадежнымъ и жить одному про себя?

— Да.

— И это свято, что любовь не главное въ жизни, что надо больше любить свое дѣло, нежели любимаго человѣка, не надѣяться ни на чью преданность, вѣрить, что любовь должна кончаться охлажденіемъ, измѣной или привычкой? что дружба привычка? Это все правда?

— Это была всегда правда, отвѣчалъ Петръ Иванычъ: — только прежде не хотѣли вѣрить ей, а нынче это сдѣлалось обще-извѣстной истиной.

— Свято и это, что все надо разсматривать, все рассчитывать и обдумывать, не позволять себѣ забыть, помечтать, увлечься хоть и обманомъ, лишь быть отъ того счастливымъ?...

— Свято, потому-что умно, сказалъ Петръ Иванычъ.

кими сердцу.... напимѣрь, съ женой?...

— У меня еще никогда такъ не болѣла поясница.... охъ! сказалъ Петръ Ивановичъ, корчась на стулѣ.

— А! поясница! хорошъ вѣкъ! нѣчего сказать.

— Очень хорошо, милая; такъ, изъ капризовъ ничего не дѣлается: вездѣ разумъ, причина, опытъ, постепенность, и слѣдовательно, успѣхъ; все стремится къ усовершенствованію и добру.

— Въ вашихъ словахъ, дядюшка, можетъ быть, есть и правда, сказалъ Александръ: — но она не утѣшаетъ меня. Я, по вашей теоріи, знаю все, смотрю на вещи вашими глазами, я воспитаникъ вашей школы, а между тѣмъ, мнѣ скучно жить, тяжело, невыносимо.... отчего же это?

— А отъ непривычки къ новому порядку, Не одинъ ты такой: еще есть отсталые; это все *страдальцы*: они точно жалки, но чтожъ дѣлать: нельзя же для горсти людей оставаться назади цѣлой массѣ. На все, въ чемъ ты меня сейчасъ обвинилъ, сказалъ Петръ Ивановичъ, подумавъ: — у меня есть одно и главное оправданіе: помнишь ли, когда ты явился сюда, я, послѣ пятиминутнаго разговора съ тобой, совѣтовалъ тебѣ ѣхать назадъ? Ты не послушалъ. За чтожъ теперь нападаешь на меня? Я предсказалъ тебѣ, что ты не привыкнешь къ настоящему порядку вещей, а ты понадѣялся на мое руководство, просилъ совѣтовъ.... говорилъ высокимъ слогомъ о современныхъ успѣхахъ ума, о стремленіяхъ человѣчества.... о практическомъ направленіи вѣка—ну, вотъ тебѣ. Нельзя же мнѣ было внянчить съ тобой съ утра до вечера: что мнѣ за надобность! Я не могъ ни закрывать тебѣ рта платкомъ на ночь отъ мухъ, ни крестить тебя. Я говорилъ тебѣ дѣло, потому-что ты просилъ меня объ этомъ, а что изъ этого вышло, то ужь до меня не касается. Ты не ребенокъ и не глупъ, можешь разсудить и самъ.... Тутъ чѣмъ бы свое дѣло дѣлать, ты то стонешь отъ измѣны дѣвчонки, то плачешь въ разлукѣ съ другомъ, то страдаешь отъ душевной пустоты, то отъ полноты ощущеній; ну, что это за жизнь? вѣдь это пытка! Посмотри-ка на нынѣшнюю молодежь: что за молодцы! Какъ все кипитъ умственною дѣятельностію, энергіей, какъ ловко и легко управляютъ они со всѣмъ этимъ вздоромъ, что на вашемъ старомъ языкѣ называется *треволненіями, страданіями*.... и чортъ знаетъ что еще!

— Какъ ты легко рассуждаешь! сказала Лизавета Александровна: — и тебѣ не жаль Александра?

— Нѣтъ! вотъ, еслибъ у него болѣла поясница, такъ я бы пожалѣлъ: это не вымыселъ, не мечта, не поэзія, а реальное горе.... охъ!

— Научите же меня, дядюшка, по крайней мѣрѣ, что мнѣ дѣлать теперь? Какъ вы вашимъ умомъ разрешите эту задачу?

— Что дѣлать? Да.... ѣхать въ деревню.

— Въ деревню! воскликнула Лизавета Александровна: — въ умѣ ли ты, Петръ Ивановичъ? что онъ тамъ станетъ дѣлать?

— Въ деревню! повторили Александръ и Лизавета Александровна и оба глядѣли на Петра Ивановича.

— Да! въ деревню! тамъ ты увидишься съ матерью, утѣшишь ее: ты же ищешь покойной жизни: здѣсь вонъ тебя все волнуетъ; а гдѣ покойнѣе, какъ не тамъ, на озерѣ, съ теткой... Право, поѣзжай! А кто знаетъ? можетъ быть, ты и того.... Охъ!

Онъ схватился за спину.

Недѣли черезъ двѣ Александръ вышелъ въ отставку и пришелъ проститься съ дядей и теткой. Тетка и Александръ были грустны и молчаливы. У Лизаветы Александровны висѣли слезы на глазахъ. Петръ Ивановичъ говорилъ одинъ.

— Ни карьеры, ни фортуны! говорилъ онъ, качая головой: — стоило пріѣзжать! осрамилъ родъ Адуевыхъ!

— Да полно, Петръ Ивановичъ, сказала Лизавета Александровна: — ты надоѣлъ съ своей карьерой.

— Какъ же, милая, въ восемь лѣтъ ничего не сдѣлать!

— Прощайте, дядюшка. сказалъ Александръ: — благодарю васъ за все, за все....

— Не за что! прощай, Александръ; не надо ли денегъ на дорогу?

— Нѣтъ, благодарю: мнѣ станетъ!

— Что это никогда не возьметъ: это, наконецъ, бѣситъ меня! Ну, съ Богомъ, съ Богомъ.

— И тебѣ не жаль разстаться съ нимъ? примолвила Лизавета Александровна.

— М-мъ, промычалъ Петръ Ивановичъ: — я очень, очень привыкъ къ нему. Помни же, Александръ, что у тебя есть дядя

зрѣвннй металлъ, смѣло обратись ко мнѣ: всегда найдешь и то, и другое, и третье.

— А если понадобится участіе, сказала Лизавета Александровна: — утѣшеніе въ горѣ, теплая, надежная дружба....

— И искреннія изліянія, прибавилъ Петръ Ивановичъ.

— Такъ вспомните, продолжала Лизавета Александровна: — что у васъ есть тетка и другъ.

— Ну, этого, милая, и въ деревнѣ не занимать стать: все есть: и цвѣты, и любовь, и изліянія, и даже тетка....

Александръ былъ растроганъ. Онъ не могъ сказать ни слова. Прощаясь съ дядей, онъ простеръ было къ нему объятія, хоть и не такъ живо, какъ восемь лѣтъ тому назадъ, но Петръ Ивановичъ не обнялъ его, а взялъ только его за обѣ руки и пожалъ ихъ крѣпче, нежели восемь лѣтъ назадъ. Лизавета Александровна залилась слезами.

— Ухъ! гора съ плечъ, слава Богу! сказалъ Петръ Ивановичъ, когда Александръ уѣхалъ. — Какъ будто и поясницѣ легче стало!

— Что онъ тебѣ сдѣлалъ? примолвила, сквозь слезы, жена.

— Что! просто мученье: хуже, чѣмъ съ фабричными: тѣхъ, если задурятъ, такъ посѣчешь; а съ нимъ что станешь дѣлать?

Тетка проплакала цѣлый день, и когда Петръ Ивановичъ спросилъ объѣдать, ему сказали, что стола не готовили, что барыня заперлась у себя въ кабинетѣ и не приняла повара.

— А все Александръ! сказалъ Петръ Ивановичъ: — что это за мука съ нимъ!

Онъ поворчалъ, поворчалъ и поѣхалъ объѣдать въ англійскій клубъ.

Дилижансъ, рано утромъ, медленно тащился изъ города и увозилъ Александра Федорыча и Евсея.

Александръ, высунувъ голову изъ окна кареты, вслѣдски старался настроить себя на грустный тонъ и, наконецъ, мысленно разрѣшился монологомъ.

Проѣзжали мимо куафферовъ, дантистовъ, модистокъ, барскихъ палатъ. «Прощай, говорилъ онъ, покачивая головой и хватаясь за свои жиденькіе волосы: — прощай, городъ поддѣльныхъ волосъ, вставныхъ зубовъ, ваточныхъ подражаній приро-

дѣ, пружинамъ жизни, городъ утихой снѣжн, искусственныхъ чувствъ, безжизненной суматохи! прощай, великолѣпная гробница глубокихъ, сильныхъ, нѣжныхъ и теплыхъ движеній души! Такъ! я здѣсь десять лѣтъ стоялъ лицомъ къ лицу съ современною жизнію, но спиною къ природѣ, и она отвернулась отъ меня: я утратилъ жизненные силы и состарѣлся въ 29 лѣтъ; а было время....

Прощай, прощай, городъ,

Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ.

Къ вамъ простираю объятія, широкія поля, къ вамъ, благодатныя веси и пажити моей родины! примите меня въ свое лоно: да оживу и воскресну душой!

Тутъ онъ прочелъ стихотвореніе Пушкина: *Художникъ варваръ кистью сонной* и т. д., отеръ влажные глаза — и спрятался въ глубину кареты.

ГЛАВА VI.

Утро было прекрасное. Знакомое читателю озеро въ селѣ Грачахъ чуть-чуть рябѣло отъ легкой зыби. Глаза невольно зажимались отъ ослѣпительнаго блеска солнечныхъ лучей, сверкавшихъ то алмазными, то изумрудными искрами въ водѣ. Плакучія ивы купали въ озерѣ свои вѣтви и кое-гдѣ берега поросли осокой, въ которой прятались большіе, желтые цвѣты, покоившіеся на широкихъ зеленыхъ листьяхъ. На солнце набѣгали иногда легкія облака; вдругъ оно какъ будто отвернется отъ Грачей, — тогда и озеро, и роща, и село, — все мгновенно потемнѣетъ, — одна даль ярко сіяетъ. Облако пройдетъ, — озеро опять заблеститъ, нивы обольются точно золотомъ.

Анна Павловна съ пяти часовъ сидитъ на балконѣ. Что ее вызвало? восходъ солнца, свѣжій воздухъ или пѣнье жаворонка? Нѣтъ! она не сводитъ глазъ съ дороги, что идетъ черезъ рощу. Пришла Аграфена просить ключа, — Анна Павловна не поглядѣла на нее и, не спуская глазъ съ дороги, отдала ключи и

на него, отдала ему множество приказаній. Другой день столъ заказывался на десять человѣкъ. Анна Павловна осталась опять одна. Вдругъ глаза ея заблестали. Всѣ силы ея души и тѣла перешли въ зрѣніе. На дорогѣ что-то зачернѣло. Кто-то ѣдетъ, но тихо, медленно. Ахъ! это возъ спускается съ горы. Анна Павловна нахмурилась.

— Вотъ кого-то понесла нелегкая! проворчала она: — иѣтъ, чтобъ объѣхать кругомъ; всѣ лѣзутъ сюда.

Она съ неудовольствіемъ опустила въ кресло и опять съ трепетнымъ ожиданіемъ устремила взоры на рощу, не замѣчая ничего вокругъ. А вокругъ было бы что замѣтить: декорация начала значительно измѣняться. Полуденный воздухъ, накаленный знойными лучами солнца, становился душень и тяжелъ. Вотъ и солнце спряталось. Стало темно. И лѣсъ, и дальнія деревни, и трава, — все облеклось въ безразличный, какой-то зловѣщій цвѣтъ. Анна Павловна очнулась и взглянула вверхъ. Боже мой! Съ запада тянулось, точно живое чудовище, черное, безобразное пятно съ мѣднымъ отливомъ по краямъ — и быстро надвигалось на село и на рощу, простирая будто огромныя крылья по сторонамъ. Все затосковало въ природѣ. Коровы понурили головы. Лошади обмахивались хвостами, раздували ноздри и фыркали, встряхивая гривой. Пыль подъ ихъ копытами не поднималась вверхъ, но тяжело, какъ песокъ, рассыпалась подъ колесами. Туча надвигалась грозно. Вскорѣ медленно прокатился отдаленный гулъ. Все притихло, какъ будто ожидало чего-то небывалаго. Куда дѣвались эти птицы, которыя такъ рѣзко пѣли и порхали при солнышкѣ? Гдѣ насѣкомыя, что такъ разнообразно жужжали въ травѣ? Все спряталось и безмолствовало. И бездушные предметы, казалось, раздѣляли зловѣщее предчувствіе. Деревья перестали покачиваться и задѣвать другъ друга сучьями. Они выпрямились, только изрѣдка наклонялись верхушками между собою, какъ будто взаимно предупреждая себя шопотомъ о близкой опасности. Туча уже обложила горизонтъ и образовала какой-то свинцовый, непроницаемый сводъ. Въ деревнѣ всѣ старались убраться во время по домамъ. Наступила минута всеобщаго, торжественнаго молчанія. Вотъ отъ лѣсу, какъ передовой вѣстникъ, пронесся свѣжій вѣтерокъ, повѣялъ прохладой въ лицо путнику, прошумѣлъ по листьямъ,

цѣ, затихъ въ кустахъ. Слѣдомъ за нимъ мчится бурный вихрь, медленно двигая по дорогѣ столпъ пыли. Вотъ ворвался въ деревню, сбросилъ нѣсколько гнилыхъ досокъ съ забора, снесъ соломенную кровлю, взвилъ юбку у несущей воду крестьянки и погналъ вдоль улицы пѣтуховъ и куръ, раздувая имъ хвосты. Пронесся. Опять безмолвіе. Все суетится и прячется. Только глупый баранъ не предчувствуетъ ничего. Онъ равнодушно жуеть свою жвачку, стоя по среди улицы, и глядитъ въ одну сторону, не понимая общей тревоги, да перышко съ соломенкой, кружась по дорогѣ, силится поспѣть за вихремъ. Упали двѣ, три крупныя капли дождя — и вдругъ блеснула молнія. Старикъ всталъ съ заваленки и поспѣшно повелъ маленькихъ внучатъ въ избу; старуха, крестясь, торопливо закрыла окно. Грянулъ громъ и, заглушая людской шумъ, торжественно, царственно прокатился въ воздухѣ. Испуганный конь оторвался отъ коновязи и мчится съ веревкой въ поле; тщетно преслѣдуетъ его крестьянинъ. А дождь такъ и сыплеть, такъ и съчетъ все чаще и чаще и дробить въ кровли и окна сильнѣе и сильнѣе. Бѣленькая ручка боязливо высовываетъ на балконъ предметъ нѣжныхъ заботъ — цвѣты.

При первомъ ударѣ грома, Анна Павловна перекрестилась и ушла съ балкона.

— Нѣтъ, ужь сегодня нѣчего видно ждать, сказала она со вздохомъ: — отъ грозы гдѣ нибудь остановился; развѣ къ ночи....

Вдругъ послышался стукъ колесъ, только не отъ роши, а съ другой стороны. Кто-то въѣхалъ на дворъ. У Адуевой замерло сердце.

— Какъ же оттуда? думала она: — развѣ не хотѣлъ ли онъ тайкомъ пріѣхать? Да нѣтъ, тутъ не дорога.

Она не знала что дѣлать. Но вскорѣ все объяснилось. Черезъ минуту вошелъ Антонъ Ивановичъ. Волосы его серебрились просвѣдью; самъ онъ растолстѣлъ, щоки отекали отъ бездѣйствія и объяденія. На немъ былъ тотъ же сюртукъ, тѣже широкіе панталоны.

— Ужь я васъ ждала, ждала, Антонъ Ивановичъ, начала Анна Павловна: — думала что не будете, — отчаялась было.

меня не ко всякому залучишь... только не къ вамъ. Замѣшкался не по своей винѣ: вѣдь я нынче на одной лошаdkѣ развѣзжаю.

— Что такъ? спросила развѣянно Анна Павловна, подвигаясь къ окну.

— Чего, матушка! съ крестинь у Павла Савича пѣгашка захромалъ: угораздила нелегкая кучера положить черезъ канавку старую дверь отъ анбара.... бѣдные люди, видите! не стало новой дощечки! а на двери-то былъ гвоздь или крючокъ, что ли, лукавый ихъ знаетъ! лошадь какъ ступила, такъ въ сторону и шарахнулась; и мнѣ чуть было шеи не сломала.... пострѣлы эдакіе! вотъ съ тѣхъ поръ и хромаетъ... вѣдь есть же скареды такіе! вы не повѣрите, матушка, что это у нихъ въ домѣ: въ иной богадѣльнѣ лучше содержатъ народъ. А въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, что годъ, то тысячь десять и посаждать!

Анна Павловна слушала его развѣянно и слегка покачала головой, когда онъ кончилъ.

— А вѣдь я отъ Сашеньки письмо получила, Антонъ Ивановичъ! перебила она: — пишетъ, что около 20-го будетъ: такъ я и не вспомнилась отъ радости.

— Слышамъ, матушка: Прощка сказывалъ, да я сначала-то не разобралъ, что онъ говорить, — подумалъ что ужъ и пріѣхалъ; съ радости меня индо въ потъ бросило.

— Дай Богъ вамъ здоровья, Антонъ Ивановичъ, что любите насъ.

— Еще бы не любить; да вѣдь я Александра Федорыча на рукахъ носилъ: все равно, что родной.

— Спасибо вамъ, Антонъ Ивановичъ: Богъ васъ наградить! А я другую ночь почти не сплю и людямъ не даю спать: не равно пріѣдетъ, а мы всѣ дрыхнемъ; хорошо будетъ! Вчера и третьяго дня до роши пѣшкомъ ходила, и нынче бы пошла, да старость проклятая одолѣваетъ. Ночью бессонница истомила. Садитесь-ка, Антонъ Ивановичъ! да вы всѣ перемокли; не хотите ли выпить и позавтракать? Обѣдать-то, можетъ быть, поздно придется: станемъ дожидать дорогого гостя.

— Такъ развѣ закусить, а то я ужъ, признаться, завтракать-то завтракалъ.

— Гдѣ это вы успѣли?

— А на перепутьи у шары Карповны остановился. Вѣдь мимо ихъ приходилось : больше для лошади , нежели для себя. Ей далъ вздохнуть. Шутка ли по нынѣшней жарѣ 12 верстъ махнуть ? Тамъ кстати и самъ закусилъ. Хорошо , что не послушался : не остался , какъ ни унимали , а то бы гроза захватила тамъ на цѣлый день.

— Что , какво поживаетъ Марья Карповна ?

— Слава Богу ! кланяется вамъ .

— Покорно благодарю ; а дочка-то , Софья Михайловна съ муженькомъ , что ?

— Ничего , матушка ; ужъ шестой ребеночекъ въ походѣ . Недѣли черезъ двѣ ожидаютъ ; просили меня побывать около того времени . А у самихъ въ домѣ бѣдность такая , что и неглядѣлъ бы . Кажись , до дѣтей ли бы ? такъ нѣтъ : туда же !

— Что вы !

— Ей Богу ! въ покояхъ косяки всѣ покривились ; полъ такъ и ходитъ подъ ногами ; черезъ крышу течетъ . И поправить-то не на что , а на столъ подадутъ супу , ватрушекъ да баранины , — вотъ вамъ и все ! а вѣдь какъ усердно зовутъ .

— Туда же за моего Сашеньку наровила , ворона эдакая !

— Куда ей , матушка , за эдакого сокола ! жду не дождусь , какъ бы взглянуть : чай , красавецъ какой ! Я что-то смекаю , Анна Павловна : не высваталъ ли онъ тамъ себѣ какую нибудь княжну или графиню да не ѣдетъ ли просить вашего благословенія , да звать на свадьбу ?

— Что вы , Антонъ Ивановичъ , сказала Анна Павловна , мѣля отъ радости .

— Право !

— Ахъ ! вы голубчикъ мой ? дай Богъ вамъ здоровья !... Да ! вотъ было изъ ума вонъ : хотѣла вамъ рассказать , да и забыла : думаю , думаю — что такое ; такъ на языкѣ и вертится ; вотъ вѣдь , чего-добраго , такъ бы и прошло . Да не позавтракать ли вамъ прежде , или теперъ рассказать ?

— Все равно , матушка , хоть во время завтрака : я не пророню ни кусочка.... ни словечка , бишь .

— Ну , вотъ , начала Анна Павловна , когда принесли завтракъ и Антонъ Ивановичъ усѣлся за столъ : — и вижу я....

— А чтожь вы сами-то развѣ не станете кушать ? спросилъ Антонъ Ивановичъ .

— И! до ѣды ли мнѣ теперь? мнѣ и кусокъ въ горло не пойдеть; давеча чашки чаю не допила. — Вотъ я вижу во снѣ, что я будто сижу эдакъ-то, а такъ, напротивъ меня, Аграфена стоитъ съ подносомъ. Я и говорю будто ей, что же, молъ, говорю, у тебя Аграфена подносъ-то пустой? а она молчитъ, а сама смотритъ все на дверь. «Ахъ, матушки мои! думаю во снѣ-то, сама про себя, что же это она устала туда глаза». Вотъ и я стала смотрѣть... смотрю; вдругъ Сашенька и входитъ: такой печальный, подошелъ ко мнѣ и говоритъ, да такъ, словно на яву, говоритъ: «прощайте, говоритъ, маменька, я ѣду далеко вонъ туда», — и указалъ на озеро, — «и больше, говоритъ, не приѣду». «Куда же это, мой дружочекъ? спрашиваю я, а сердце такъ и ноетъ у меня. Онъ будто молчитъ, а самъ смотритъ на меня такъ странно да жалостно. «Да откуда ты взялся, голубчикъ»? будто спрашиваю я опять. А онъ, сердечный, вздохнулъ и показалъ на озеро. «Изъ омута, молвилъ чуть слышно: — отъ водяныхъ». Я такъ вся и затряслась, и проснулась. Подушка у меня вся въ слезахъ; и на яву-то не могу опомниться; сижу на постели, а сама плачу, такъ и заливаюсь, плачу. Какъ встала, сейчасъ затеплила лампадку передъ Казанской Божьей Матерью: авось, Она, милосердая заступница наша, сохранить его отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Такое сомнѣніе навело, ей Богу! не могу понять, чтò бы это значило? не случилось бы съ нимъ чегонибудь? Гроза же эдакая....

— Это хорошо, матушка, плакать во снѣ: къ добру! сказалъ Антонъ Ивановичъ, разбивая яйцо объ тарелку: — завтра непременно будетъ.

— А я было думала, не пойти ли намъ, послѣ завтрака, до роши, на встрѣчу къ нему: какънибудь бы дотащилась; да вонъ вѣдь грязь какая вдругъ сдѣлалась.

— Нѣтъ, сегодня не будетъ: у меня есть примѣта!

Въ эту минуту по вѣтру донеслись отдаленные звуки колокольчика и вдругъ смолкли. Анна Павловна притаила дыханіе.

— Ахъ! сказала она, облегчая грудь вздохомъ: — а я было думала....

Вдругъ опять.

— Господи, Боже мой! никакъ колокольчикъ? сказала она и бросилась къ балкону.

тутъ близко пасется съ колокольчикомъ на шеѣ: я видѣлъ дорожкой. Еще я пугнулъ его, а то въ рожь было забрелъ. Что вы не велите стреножить?

Вдругъ колокольчикъ раздался какъ будто подь самымъ балкономъ и заливался все громче и громче.

— Ахъ, батюшка! такъ и есть: сюда, сюда ѣдетъ! это онъ, онъ! кричала Анна Павловна: — ахъ, ахъ! бѣгите, Антонъ Ивановичъ! гдѣ люди? гдѣ Аграфена? никого нѣтъ.... точно въ чужой домъ ѣдетъ. Боже мой!

Она совсѣмъ растерялась. А колокольчикъ звенѣлъ ужъ какъ будто въ комнатѣ.

Антонъ Ивановичъ выскочилъ изъ за стола.

— Онъ! онъ! кричалъ Антонъ Ивановичъ: — вонъ и Евсей на козлахъ! гдѣ же у васъ образъ, хлѣбъ—соль? дайте скорѣе; что же я вынесу къ нему на крыльцо? какъ можно безъ хлѣба и соли? примѣта есть.... что это у васъ за беспорядокъ! никто не подумалъ! да чтожь вы сами, Анна Павловна, стойте, нейдете на встрѣчу? бѣгите скорѣе!...

— Не могу! проговорила она съ трудомъ: — ноги отнялись.

И съ этими словами опустила въ кресла. Антонъ Ивановичъ схватилъ со стола ломоть хлѣба, положилъ на тарелку, поставилъ солонку и бросился было въ дверь.

— Ничего не приготовлено! ворчалъ онъ.

Но въ тѣже двери, на встрѣчу ему, ворвались три лакея и двѣ дѣвки.

— Ыдетъ! ѣдетъ! пріѣхалъ! кричали они блѣдные, испуганные, какъ будто пріѣхали разбойники.

Вслѣдъ за ними явился и Александръ.

— Сашенька! другъ ты мой! воскликнула Анна Павловна и вдругъ остановилась и глядѣла въ недоумѣніи на Александра.

— Гдѣ же Сашенька? спросила она.

— Да это я, маменька! отвѣчалъ онъ, цалуя у ней руку.

— Ты? — Она поглядѣла на него пристально.

— Ты, точно ты, мой другъ! сказала она и крѣпко обняла его. Потомъ вдругъ опять посмотрѣла на него.

— Да что съ тобой? Ты не здоровъ? спросила она съ беспокойствомъ, не выпуская его изъ объятій.

— Здоровъ, маменька.

кимъ ли я отпустила тебя?

Она прижала его къ сердцу и горько заплакала. Она целовала его въ голову, въ щеки, въ глаза.

— Гдѣ же твои волоски? какъ шолкъ были! проговаривала она сквозь слезы: — глаза свѣтились, словно двѣ звѣздочки; щеки — кровь съ молокомъ; весь ты былъ, какъ наливное яблочко! знать, извели лихіе люди, позавидовали твоей красотѣ да моему счастью! А дядя-то чего смотрѣлъ? А еще отдала съ рукъ на руки, какъ путному человѣку! Не умѣлъ сберечь сокровища! Голубчикъ ты мой!

Старушка плакала и осыпала ласками Александра.

— Видно слезы-то во снѣ не къ добру! подумалъ Антонъ Иванычъ.

— Что это вы, матушка, надъ нимъ, словно надъ мертвымъ, вопите? шепнулъ онъ: — не хорошо! примѣта есть!

— Здравствуйте, Александръ Федорычъ! сказалъ онъ: — привелъ Богъ еще и на этомъ свѣтѣ увидѣться.

Александръ молча подаль ему руку. Антонъ Иванычъ пошелъ посмотреть, все ли вытащили изъ кибитки, потомъ сталъ сзывать дворню здороваться съ бариномъ. Но всѣ уже толпились въ передней и въ сѣняхъ. Онъ всѣхъ разставилъ въ порядкѣ и училъ, кому какъ здороваться: кому поцеловать у барина руку, кому плечо, кому только полу платья и что говорить при этомъ, — одного парня совсѣмъ прогналъ, сказавъ ему: «ты поди прежде рожу вымой да носъ утри.»

Евсей, подпоясанный ремнемъ, весь въ пыли, здоровался съ дворней. Она кругомъ обступила его. Онъ дарилъ петербургскіе гостинцы: кому серебряное кольцо, кому березовую табакерку. Увидѣвъ Аграфену, онъ остановился, какъ окаменѣлый, и смотрѣлъ на нее молча, съ глупымъ восторгомъ. Она поглядѣла на него съ боку, изъ подлобья, но тотчасъ же неволью измѣнила себѣ: засмѣялась отъ радости, потомъ заплакала-было, но вдругъ отвернулась въ сторону и нахмурилась.

— Что молчишь? сказала она: — экой болванъ! и не здоровается!

Но онъ не могъ ничего говорить. Онъ, съ той же глупой улыбкой, подошелъ къ ней. Она едва дала ему обнять себя.

по временамъ украдкой; но въ глазахъ и въ улыбкѣ ея выражалась величайшая радость.— Чай, петербургскіе—то свергѣли тамъ васъ съ бариномъ? вишь, усищи какіе отпустилъ!

Онъ вынулъ изъ кармана маленькую бумажную коробочку и подалъ ей. Тамъ были бронзовыя серьги. Потомъ онъ досталъ изъ мѣшка пакетъ, въ которомъ завернуть былъ большой платокъ.

Она схватила и проворно сунула, не поглядѣвши, и то и другое въ шкапъ.

— Покажите гостинцы, Аграфена Ивановна, сказали нѣкоторые изъ дворни.

— Ну, что тутъ смотрѣть? чего не видали? подите отсюда! что вы тутъ набились? кричала она на нихъ.

— А вотъ еще! выговорилъ, наконецъ, Евсей, подавая ей другой пакетъ.

— Покажите, покажите! пристали нѣкоторые.

Аграфена рванула бумажку и оттуда посыпалось нѣсколько колодъ игранныхъ, но еще почти совсѣмъ новыхъ картъ.

— Вотъ нашелъ чего привезти! сказала Аграфена: — ты думаешь, мнѣ только и дѣла, что играть? какъ же! выдумалъ что! стану я съ тобой играть!

Она спрятала и карты. Черезъ часъ Евсей опять сидѣлъ уже на старомъ мѣстѣ, между столомъ и печкой.

— Господи! какой покой! говорилъ онъ, то поджимая, то протягивая ноги: — то ли дѣло здѣсь? а у насъ, въ Петербургѣ, просто каторжное житье! Нѣтъ ли чего перекусить, Аграфена Ивановна? съ послѣдней станціи ничего не ѣли.

— Ты еще не отсталъ отъ своей привычки? На! Видишь, какъ принялся: видно васъ тамъ не кормили совсѣмъ?

Александръ прошелъ по всѣмъ комнатамъ, потомъ по саду, останавливаясь у каждаго куста, у каждой скамьи. Ему сочувствовала мать. Она, вглядываясь въ его блѣдое лицо, вздыхала, но плакать боялась: ее напугалъ Антонъ Ивановичъ. Она спрашивала сына о житьѣ-бытьѣ, но никакъ не могла добиться причины, отчего онъ сталъ худъ, блѣденъ и куда дѣвались волосы. Она предлагала ему и покушать и выпить, но онъ, отказавшись отъ всего, сказалъ, что усталъ съ дороги и хочетъ уснуть.

Анна Павловна посмотрѣла, хорошо ли постлана постель, побранила дѣвку, что жестко, заставила перестлать при себѣ и до тѣхъ поръ не ушла, пока Александръ улегся. Она вышла на цыпочкахъ, погрозила людямъ, чтобы не смѣли говорить и дышать вслухъ и ходили бы безъ сапоговъ. Потомъ велѣла позвать къ себѣ Евсея. Съ нимъ пришла и Аграфена. Евсей поклонился барынѣ въ ноги и поцаловалъ у ней руку.

— Что это съ Сашенькою сдѣлалось? спросила она грозно: — на кого онъ сталъ похожъ, а?

Евсей молчалъ.

— Чтожъ ты молчишь? сказала Аграфена: — слышишь, барыня тебя спрашиваетъ?

— Отчего онъ такъ похудѣлъ? сказала Анна Павловна: — куда волоски-то у него дѣвались?

— Не могу знать, сударыня! сказалъ Евсей: — барское дѣло!

— Не можешь знать! А чегожъ ты смотрѣлъ?

Евсей не зналъ, что сказать и все молчалъ.

— Нашли кому повѣрить, сударыня! примолвила Аграфена, глядя съ любовью на Евсея: — добро бы человѣку! Что ты тамъ дѣлалъ? говори-ка барынѣ! вотъ ужъ будетъ тебѣ!

— Я ли, сударыня, не усердствовалъ! боязливо сказалъ Евсей, глядя то на барыню, то на Аграфену: — служилъ вѣрой и правдой, хоть извольте у Архипыча спросить....

— У какого Архипыча?

— У тамошняго дворника.

— Вишь вѣдь, что городить! замѣтила Аграфена. — Что вы его, сударыня, слушаете! запереть бы его въ хлѣвъ, вотъ и сталъ бы знать!

— Готовъ, не токма что своимъ господамъ исполнять ихъ барскую волю, продолжалъ Евсей: — хоть умереть сейчасъ! я образъ сниму со стѣны....

— Всѣ вы хороши на словахъ! сказала Анна Павловна: — а какъ надо дѣло дѣлать, такъ насъ тутъ нѣтъ! Видно хорошо смотрѣлъ за бариномъ: допустилъ до того, что онъ, голубчикъ мой, здоровье потерялъ. Смотрѣлъ ты! Вотъ, ты увидишь у меня....

Она погрозила ему.

— А ты что не унималъ?

— Я унималъ, сударыня: — не сидите, молю, говорю, Александръ Федорычъ, извольте итти гулять, погода хорошая, много господъ гуляетъ; что за писанье? грудку надсадите; маменька, молю, гнѣваться стануть.

— А онъ что?

— Пошелъ, говорятъ, вонъ! ты дуракъ!

— И подлинно, дуракъ! примолвила Графена.

Евсей взглянулъ при этомъ на нее, потомъ опять продолжалъ глядѣть на барыню.

— Ну, а дядя-то развѣ не унималъ? спросила Анна Павловна.

— Куда, сударыня! придуть, да коли застануть безъ дѣла, такъ и накинутся. — Что, говорятъ, ничего не дѣлаешь? здѣсь, говорятъ, не деревня; надо работать, говорятъ, а не на боку лежать! все, говорятъ, мечтаешь! — А то еще и выбранять....

— Какъ выбранять?

— Провинція.... говорятъ.... и пойдуть и пойдуть.... такъ бранятся, что иной разъ не слушалъ бы!

— Чтобъ ему пусто было! сказала, плюнувъ, Анна Павловна. — Своихъ бы пострѣлять народилъ, да и ругалъ бы! Чѣмъ бы унять, а онъ.... Господи, Боже мой, царь милосердый! воскликнула она: — на кого нынче надѣяться, коли и родные свои хуже дикаго звѣря? Собака, и та бережетъ своихъ щенятъ, а тутъ дядя извелъ родного племянника! А ты, дурачина этакой, не могъ дядюшкѣ-то сказать, чтобъ онъ не изволилъ такъ лаяться на барина, а отваливалъ бы прочь. Кричалъ бы на жену свою, мерзавку этакую! Видишь, нашелъ кого ругать: работай, работай! самъ бы околѣвалъ надъ работой! Собака, право собака, прости Господи! Холопа нашелъ работать.

За этимъ послѣдовало молчаніе.

— Давно ли Сашенька сталъ такъ худъ? спросила она потомъ.

— Вотъ ужъ года три, отвѣчалъ Евсей: — Александръ Федорычъ стали больно скучать и пищи мало принимали; вдругъ стали худѣть, худѣть, таяли словно свѣчка.

— Отчего же скучалъ-то?

— Богъ ихъ въдаетъ, сударыня. Петръ Иванычъ изволили говорить имъ что-то объ этомъ; я было послушалъ, да мудрено: не разобралъ.

— А что онъ говорилъ?

Евсей подумалъ съ минуту, стараясь, по видимому, что-то припомнить и шевелилъ губами.

— Называли какъ-то они ихъ, да забылъ....

Анна Павловна и Аграфена смотрѣли на него и дожидались съ нетерпѣніемъ отвѣта.

— Ну? сказала Анна Павловна.

Евсей молчалъ.

— Ну же, розиня, молви что нибудь, прибавила Аграфена: — барыня дожидается.

— Ра.... кажись, разочаро....ванный.... выговорилъ наконецъ Евсей.

Анна Павловна посмотрѣла съ недоумѣніемъ на Аграфену, Аграфена на Евсея, Евсей на нихъ обѣихъ — и всѣ молчали.

— Какъ? спросила Анна Павловна.

— Разо.... разочарованный! точно такъ-съ, вспомнилъ! рѣшительнымъ голосомъ отвѣчалъ Евсей.

— Что это еще за напасть такая, Господи? болѣзнь, что ли? спросила Анна Павловна съ тоской.

— Ахъ, да не испорченъ ли это значить, сударыня? торопливо примолвила Аграфена.

Анна Павловна поблѣднѣла и плюнула.

— Чтобъ тебѣ типунъ на языкъ! сказала она. — Ходилъ ли онъ въ церковь?

Евсей нѣсколько помялся.

— Нельзя сказать, сударыня, чтобы больно ходили.... нерѣшительно отвѣчалъ онъ: — почти можно сказать, что и не ходили.... тамъ, господа, почестъ, мало ходятъ въ церковь....

— Вотъ оно отчего! сказала Анна Павловна со вздохомъ и перекрестилась. — Видно Богу не угодны были однѣ мои молитвы. Сонъ-то и не лживъ: точно изъ омута вырвался, голубчикъ мой!

Тутъ пришелъ Антонъ Иванычъ.

— Обѣдъ простынетъ, Анна Павловна! сказалъ онъ: — не по-да ли будить Александра Федорыча?

— Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани! отвѣчала она: — онъ не велѣлъ себя будить; «кушайте, говорить, одни: у меня аппетиту нѣтъ; я лучше усну, говорить; сонъ подкрѣпитъ меня; развѣ вечеромъ захочу.» Такъ вы вотъ что сдѣлайте, Антонъ Ивановичъ: ужь не прогибѣвайтесь на меня, старуху: я пойду затеплю лампадку, да помолюсь, пока Сашенька почиваетъ; мнѣ не до ѣды; а вы откушайте одни.

— Хорошо, матушка, хорошо, исполню: положитесь на меня.

— Да ужь окажите благодареніе, продолжала она: — вы нашъ другъ, такъ любите насъ, позовите Евсея и спросите путемъ, отчего это Сашенька сталъ такой задумчивый да худой, и куда дѣлись его волоски? Вы мужчина: вамъ оно ловчѣе.... не огорчили ли его тамъ? вѣдь есть эдакіе злодѣи на свѣтѣ! все узнайте.

— Хорошо, матушка, хорошо: я допытаюсь, всю подноготную вывѣдаю. Пошлите-ка ко мнѣ Евсея, пока я буду объѣдать.... все исполню!

— Здорово, Евсей! сказалъ онъ, садясь за столъ и затыкая салфетку за галстухъ: — какъ поживаешь?

— Здравствуйте, сударь! что наше за житье — плохое-съ; вотъ вы такъ подобрѣли здѣсь.

Антонъ Ивановичъ плюнулъ.

— Не сглазь, братъ; долго ли до грѣха? прибавилъ онъ и началъ ѣсть щи.

— Ну, что вы тамъ, какъ? спросилъ онъ.

— Да такъ-съ: не больно хорошо.

— Чай, провизія-то хорошая? ты что ѣлъ?

— Что-съ? возьмешь въ лавочкѣ студени да холоднаго пирога; вотъ и обѣдъ!

— Какъ, въ лавочкѣ? а своя-то печь?

— Дома не готовили. Тамъ холостые господа стола не держуть.

— Что ты? сказалъ Антонъ Ивановичъ, положивъ ложку.

— Право-съ; и барину-то изъ трактира носили.

— Экое цыганское житье! а! не похудѣть! на-ка, выпей!

— Покорнѣйше васъ благодарю, сударь! за ваше здоровье!

Затѣмъ послѣдовало молчаніе. Антонъ Ивановичъ ѣлъ.

ложивъ себѣ на тарелку огурецъ.

— Сорокъ копѣекъ десятокъ.

— Полно?

— Ей Богу-съ! да чего, сударь! срамъ сказать, иной разъ изъ Москвы соленые-то огурцы возятъ.

— Ахъ, ты Господи! ну! не похудѣть!

— Гдѣ тамъ эдакаго огурца увидишь? продолжалъ Евсей, указывая на одинъ огурецъ: — и во снѣ не увидишь! мелочь, дрянъ; здѣсь и глядѣть бы не стали; а тамъ господа кушаютъ! въ рѣдкомъ домѣ, сударь, хлѣбъ пекутъ. А этого тамъ, чтобы капусту запасать, солонину солить, грибы мочить — ничего въ заводѣ нѣтъ.

Антонъ Ивановичъ покачалъ головой, но ничего не сказалъ, потому-что ротъ у него былъ биткомъ набитъ.

— Какъ же? спросилъ онъ, прожевавъ.

— Все въ лавочкѣ есть! а чего нѣтъ въ лавочкѣ, такъ тутъ же гдѣ нибудь въ колбасной есть, а тамъ нѣтъ, такъ въ кандитерской; а ужъ чего въ кандитерской нѣтъ, такъ иди въ аглицкій магазинъ: у французовъ все есть!

Молчаніе.

— Ну, а почему поросята? спросилъ Антонъ Ивановичъ, взявши на тарелку почти полпоросенка.

— Не знаю-съ; не покупывали: что-то дорого, рубля два, кажись....

— Ай, ай, ай! не похудѣть! эдакая дороговизна!

— Ихъ хорошіе-то господа мало и кушаютъ: все больше чиновники.

Опять молчаніе.

— Ну, такъ какъ же вы тамъ, плохо? спросилъ Антонъ Ивановичъ.

— И не дай Богъ, какъ плохо. Вотъ здѣсь квасъ-то какой; а тамъ и пиво-то жиже; а отъ квасу такъ цѣлый день въ живогѣ словно что кипитъ! Только и хороша одна вакса: ужъ вакса, такъ и не наглядимся! и запахъ какой: такъ-бы и съѣлъ!

— Что ты!

— Ей Богу-съ.

Молчаніе.

— Ну, такъ какъ же? спросилъ Антонъ Ивановичъ, прожевавъ.

— Да такъ-съ.

— Плохо ѣли?

— Плохо. Александръ Федорычъ кушали такъ, самую малость : совсѣмъ отвыкли отъ ѣды; за обѣдомъ и фунта хлѣба не скушаютъ.

— Не похудѣть! сказалъ Антонъ Ивановичъ. — Все оттого, что дорого, что ли?

— И дорого-съ, да и обычая нѣтъ набѣдаться каждый день до сыта. Господа кушаютъ словно украдкой, по одному разу въ день, и то коли успѣютъ, часу въ пятомъ, иной разъ въ шестомъ; а то такъ чего нибудь перехватятъ, да тѣмъ и покончатъ. Это у нихъ послѣднее дѣло : сначала всѣ дѣла передѣлаютъ, а потомъ и кушать.

— Вотъ житье-то! говорилъ Антонъ Ивановичъ. — Не похудѣть! диво, какъ вы тамъ не умерли! и весь вѣкъ такъ?

— Нѣтъ-съ! по праздникамъ господа, какъ соберутся иногда, такъ, не дай Богъ, какъ ѣдятъ. Поѣдутъ въ какой нибудь нѣмецкій трактиръ, да рублей сто, слышь, и проѣдятъ. А пьютъ что — Боже упаси! хуже нашего брата! Вотъ, бывало, у Петра Ивановича соберутся гости : сядутъ за столъ часу въ шестомъ, а встанутъ утромъ въ четвертомъ часу.

Антонъ Ивановичъ вытаращилъ глаза.

— Что ты! сказалъ онъ : — и все ѣдятъ?

— Все ѣдятъ!

— Хоть бы посмотрѣть! не понашему! что же они ѣдятъ?

— Да что, сударь, не начто смотрѣть! не узнаешь, что и ѣшь : нѣмцы накладываютъ въ кушанье, Богъ знаетъ, чего : и въ ротъ-то взять не захочется. И перець-то у нихъ не такой ; подливаютъ въ соусъ чего-то изъ заморскихъ склянокъ... Разъ угостилъ меня поваръ Петра Ивановича барскимъ кушаньемъ, такъ три дня тошнило. Смотрю, оливка въ кушаньѣ : думалъ, какъ и здѣсь, оливка; раскусилъ — глядь : а тамъ рыбка маленькая ; противно стало, выплюнулъ; взялъ другую — и тамъ то же, да во всѣхъ... ахъ, вы, чтобъ васъ, проклятые!

— Какъ же это они, нарочно кладутъ туда?

— Богъ ихъ вѣдаетъ! я спрашивалъ : ребята смѣются, говорятъ — такъ, слышь, родятся. И что за кушанья? сначала

пирогъ: съ наперстокъ; возьмешь въ ротъ вдругъ штукъ шесть, хочешь пожевать, смотришь — ужъ тамъ ихъ и нѣтъ, и растаяли.... Послѣ горячаго вдругъ чего-то сладкаго дадутъ, тамъ говядины, а тамъ мороженаго, а тамъ травы какой-то, а тамъ жаркое.... и не ѣлъ бы!

— Такъ печь-то у васъ и не топилась? Ну! какъ не поху-дѣть! примолвилъ Антонъ Ивановичъ, вставая изъ за стола.

— Благодарю тебя, Боже мой, началъ онъ вслухъ, съ глубокимъ вздохомъ: — яко насытилъ мя еси небесныхъ благъ.... что я! замолчалъ языкъ-то: земныхъ благъ, — и не лиши меня небеснаго твоего царствія. Убирайте со стола: господа не будутъ кушать. Къ вечеру приготовьте другого поросенка.... или нѣтъ ли индѣйки? Александръ Федорычъ любитъ индѣйку; онъ, чай, проголодается. А теперь принесите-ка мнѣ посвѣжѣ сѣнца въ свѣтелку: я вздохну часокъ-другой; тамъ къ чаю разбудите. Коли-чуть тамъ Александръ Федорычъ зашевелится, такъ того.... растолкайте меня.

Возставъ отъ сна, онъ пришелъ къ Аннѣ Павловнѣ.

— Ну, что, Антонъ Ивановичъ? спросила она.

— Ничего, матушка, покорно благодарю за хлѣбъ за соль.... и уснулъ такъ сладко; сѣно такое свѣжее, душистое....

— На здоровье, Антонъ Ивановичъ. Ну, а что говоритъ Евсей? Вы спрашивали?

— Какъ не спрашивать! Все вывѣдалъ: пустое! все поправится. Дѣло-то все выходить оттого, что пища тамъ была плоха.

— Пища?

— Да, судите сами: огурцы сорокъ копѣекъ десятокъ, поросенокъ два рубля, слышь, а кушанье все кондитерское — и не наѣшься до сыта. Какъ не поху-дѣть! Не безпокойтесь, матушка! мы его поставимъ здѣсь на ноги, вылечимъ. Вы велите-ка заготовить побольше настойки березовой; я дамъ рецептъ; мнѣ отъ Прокофья Астафьича достался; да утромъ и вечеромъ и да-вайте по рюмкѣ или по двѣ, и передъ обѣдомъ хорошо; можно со святой водой.... у васъ вѣдь есть?

— Есть, есть: вы же привезли.

— Да, вѣдь въ самомъ дѣлѣ я. Кушанья выбирайте пожир-нѣе. Я ужъ къ ужину велѣлъ поросенка или индѣйку зажарить.

— Не на чѣмъ, матушка! не велѣть ли еще цыплатъ съ бѣлымъ соусомъ?

— Я велю....

— За чѣмъ вамъ самимъ? а я-то начто? я похлопочу.... дайте мнѣ.

— Похлопочите, помогите, отецъ родной.

Онъ ушелъ, а она задумалась.

Женскій инстинктъ и сердце матери говорили ей, что не пища — главная причина задумчивости Александра. Она стала искусно вывѣдывать намеками, стороной, но Александръ не понималъ этихъ намековъ и молчалъ. Такъ прошли недѣли двѣ, три. Поросятъ, цыплатъ и индѣекъ пошло на Антона Ивановича множество, а Александръ все былъ задумчивъ, худъ и волосы не росли.

Тогда Анна Павловна рѣшилась поговорить съ нимъ напрямки.

— Послушай, другъ мой Сашенька! сказала она однажды: — вотъ ужъ съ мѣсяцъ, какъ ты живешь здѣсь, а я еще не видала, чтобъ ты улыбнулся хоть разъ; ходишь, словно туча, смотришь въ землю. Или тебѣ ничто не мило на родной сторонѣ? видно на чужой милѣ; тоскуешь по ней, что ли? Сердце мое надрывается, глядя на тебя. Что съ тобой случилось? расскажи ты мнѣ: чего тебѣ не достаетъ? я ничего не пожалѣю. Обидѣлъ ли кто тебя: я доберусь до того....

— Не беспокойтесь, маменька, сказалъ Александръ: — это такъ, ничего! я вошелъ въ лѣта, сталъ разсудительнѣе, оттого и задумчивъ....

— А худъ-то отчего? а волосы-то гдѣ?

— Я немогу рассказать, отчего.... всего не перескажешь, что было въ восемь лѣтъ.... можетъ быть, и здоровье не много разстроилось....

— Чтожь у тебя болитъ?

— Болитъ и тутъ и здѣсь. — Онъ указалъ на голову и сердце.

Анна Павловна дотронулась рукой до его лба.

— Жару нѣтъ, сказала она. — Чтожь бы это такое было? стрѣляетъ, что ли, въ голову?

— Нѣтъ.... такъ....

— Сашенька! пошлемъ за Иваномъ Андренчемъ.

— Кто это Иванъ Андренчъ?

— Новый лекаръ ; года два, какъ пріѣхалъ. Дока такой, что чудо. Лекарствъ почти никакихъ не прописываетъ ; самъ дѣлаетъ какія-то крохотныя зернышки — и помогаютъ. Вонъ у насъ Ома животомъ страдалъ ; трои сутки ревма-ревѣлъ ; онъ далъ ему три зернышка , — какъ рукой сняло ! полегчилось , голубчикъ !

— Нѣтъ, маменька, онъ не поможетъ мнѣ : это такъ ; пройдетъ.

— Да отчего-же ты такъ скучаешь ? что это за напасть такая ?

— Такъ....

— Чего тебѣ хочется.

— И самъ не знаю ; такъ, скучаю....

— Экое диво, Господи ! сказала Анна Павловна. — Пища, ты говоришь, тебѣ нравится, удобства всѣ есть, и чинъ хорошей.... чего бы, кажется ? а скучаешь ! Сашенька ! сказала она помолчавъ, тихо. — Не пора ли тебѣ.... жениться ?

— Что вы ! нѣтъ, я не женюсь.

— А у меня есть на примѣтѣ дѣвушка — точно пупочка : розовенькая, нѣжненькая ; такъ, кажется, изъ косточки въ косточку мозжечекъ и переливается. Талія такая тоненькая, стройная ; училась въ городѣ, въ пансіонѣ. За ней семьдесятъ пять душъ да двадцать пять тысячъ деньгами. И приданое славное : въ Москвѣ дѣлали ; и родня хорошая.... а ? Сашенька ? я ужъ съ матерью, разъ за кофеемъ, разговорила, да шутя и забросила словечко, — у ней, кажется, и ушки на макушкѣ отъ радости....

— Я не женюсь, повторилъ Александръ.

— Какъ, никогда ?

— Никогда.

— Господи помилуй ! чтожь изъ этого будетъ ? всѣ люди какъ люди, только ты одинъ, Богъ знаетъ, на кого похожъ ! а мнѣ-то бы радость какая ! привелъ бы Богъ помянуть внучатъ. Право, женись на ней ; ты ее полюбишь....

— Я не люблю, маменька : я ужъ отлюбилъ.

— Какъ отлюбилъ, не женись ? когось ты любилъ тамъ ?

— Дѣвушку ?

— Чтожь не женился?

— Она измѣнила мнѣ.

— Какъ измѣнила? вѣдь ты еще не былъ женатъ на ней?
Александръ молчалъ.

— Хороши же тамъ у васъ дѣвушки : до свадьбы любятъ !
Измѣнила! мерзавка эдакая! счастье-то само просилось къ ней
въ руки, да не умѣла цѣнить, негодница! увидала бы я ее, я бы
ей въ рожу наплевала. Чего дядя-то смотрѣлъ? кого это она
тамъ нашла лучше, посмотрѣла бы я?... чтожь, развѣ одна
она? полюбишь въ другой разъ.

— Я и въ другой разъ любилъ.

— Кого же?

— Вдову.

— Ну, чтожь не женился?

— Той я самъ измѣнилъ.

Анна Павловна глядѣла на Александра и не знала, что
сказать.

— Измѣнилъ!... повторица она. — Видно безпутная какая
нибудя прибавила потомъ. — Подлинно, омутъ, прости Господи :
любятъ до свадьбы, безъ обряда церковнаго, измѣняютъ.... Что
это дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, какъ поглядишь? знать, скоро
свѣто-преставленіе!... Ну, скажи, не хочется ли тебѣ чего ни-
будя? Можетъ быть, пища тебѣ не по вкусу? я изъ города повара
выпишу....

— Нѣтъ, благодарю : все хорошо.

— Можетъ быть, тебѣ скучно одному, — я и за сосѣдами
пошлаю.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не тревожьтесь, маменька! мнѣ здѣсь покой-
но, хорошо; все пройдетъ.... я еще не осмотрѣлся.

Вотъ и все, чего могла добиться Анна Павловна.

— Нѣтъ, думала она : — безъ Бога видно ни на шагъ. — Она
предложила Александру поѣхать съ ней къ обѣднѣ въ ближай-
шее село. Но онъ проспалъ два раза, а будить она его не рѣша-
лась. Наконецъ она позвала его вечеромъ ко всенощной. —
«Пожалуй,» сказалъ Александръ, и они поѣхали. Мать вошла въ
церковь и стала у самого клироса, а Александръ остался у две-
рей. Солнце ужъ садилось и бросало косвенные лучи, которые
то играли по золотымъ окладамъ иконъ, то освѣщали темные и
суровые лики святыхъ и уничтожали своимъ блескомъ слабое

и робкое мерцаніе свѣтъ. Церковь была почти пуста: крестьяне были на работѣ въ полѣ. Только въ углу тѣснилось нѣсколько старухъ, повязанныхъ бѣлыми платками. Иныя, пригорюнившись и опершись щекой на руку, сидѣли на каменной ступенькѣ придѣла и по временамъ выпускали громкіе и тяжкіе вздохи, Богъ знаетъ, о грѣхахъ ли своихъ, или о домашнихъ дѣлахъ. Другія, припавъ къ землѣ, долго лежали ницъ, молясь, можетъ быть, о тихой смерти. Свѣжій вѣтерокъ врывается сквозь чугунную рѣшотку въ окно и то приподнималъ ткань на престолѣ, то игралъ сѣдинами священника, или перевертывалъ листъ книги и тушилъ свѣчу. Шага священника и дьячка громко раздавались по каменному полу въ пустой церкви; голоса ихъ уныло разносились по сводамъ. Вверху, въ куполѣ, звучно кричали галки и чирикали воробьи, перелетавшіе отъ одного окна къ другому, и шумъ крыльевъ ихъ и звонъ колоколовъ заглушали иногда службу....» Пока въ человѣкѣ кипятъ жизненныя силы, думалъ Александръ: — пока играютъ желанія и страсти, онъ занятъ чувственно, онъ бѣжитъ того успокоительнаго, важнаго и торжественнаго созерцанія, къ которому ведетъ религія.... онъ приходитъ искать утѣшенія въ ней съ угасшими, растраченными силами, съ сокрушенными надеждами, съ бременемъ лѣтъ....»

Мало по малу, при видѣ знакомыхъ предметовъ, въ душѣ Александра пробуждались воспоминанія. Онъ мысленно пробѣжалъ свое дѣтство и юношество до поѣздки въ Петербургъ; вспомнилъ, какъ, будучи ребенкомъ, онъ повторялъ за матерью молитвы, какъ она твердила ему объ Ангелѣ хранителѣ, который стоитъ на стражѣ души человѣческой и вѣчно враждуетъ съ нечистымъ, — какъ она, указывая ему на звѣзды, говорила, что это очи Божіихъ ангеловъ, которые смотрятъ на міръ и считаютъ добрыя и злыя дѣла людей, — какъ небожители плачутъ, когда въ итогѣ окажется больше злыхъ, нежели добрыхъ дѣлъ, и какъ радуются, когда добрыя дѣла превышаютъ злыя. Показывая на синеву дальняго горизонта, она говорила, что это Сіонъ.... Александръ вздохнулъ, очнувшись отъ этихъ воспоминаній.

— Ахъ! еслибъ я могъ еще вѣрить въ это! думалъ онъ. — Младенческія вѣрованія утрачены, а что я узналъ новаго, вѣрнаго?... ничего! я нашелъ одни сомнѣнія, толки, теоріи.... и

отъ истины еще дальше прежняго.... Къ чему этотъ расколъ, это умничанье?... Боже! Боже! когда теплота вѣры не грѣетъ сердца, развѣ можно быть счастливымъ? счастливѣ ли я?

Всенощная кончилась. Александръ прѣхалъ домой еще скучнѣе, нежели поѣхалъ. Анна Павловна не знала, что и дѣлать. Однажды онъ проснулся ранѣе обыкновеннаго и услышалъ шорохъ за своимъ изголовьемъ. Онъ оглянулся: какая-то старуха стоитъ надъ нимъ и шепчетъ. Она тотчасъ исчезла, какъ скоро увидѣла, что ее замѣтили. Подъ подушкой у себя Александръ нашелъ какую-то траву; на шеѣ у него висѣла ладонка.

— Что это значить? спросилъ Александръ у матери: — что за старуха была у меня въ комнатѣ?

Анна Павловна смутилась.

— Это.... Никитишна, сказала она.

— Какая Никитишна?

— Она, вотъ видишь, мой другъ.... ты не разсердишься?

— Да что такое, скажите?

— Она.... говорятъ, многимъ помогаетъ.... Она только пошепчетъ на воду да подышетъ на спящаго человѣка, все и пройдетъ.

— Въ третьемъ году, ко вдовѣ Сидорихѣ, примолвила Аграфена: — леталъ по ночамъ огненный змѣй въ трубу....

Тутъ Анна Павловна плюнула.

— Никитишна, продолжала Аграфена: — заговорила змѣя.... пересталъ летать...

— Ну, а Сидориха что? спросилъ Александръ.

— Родила: ребенокъ былъ такой худой да чорный! на третій день умеръ.

Александръ засмѣялся, можетъ быть, въ первый разъ послѣ прѣзда.

— Откуда вы ее взяли? спросилъ онъ.

— Антонъ Ивановичъ привезъ, отвѣчала Анна Павловна.

— Охота вамъ слушать этого дурака.

— Дурака! Ахъ, Сашенька, что ты это? не грѣхъ ли? Антонъ Ивановичъ дуракъ! какъ это у тебя языкъ-то поворотился? Антонъ Ивановичъ! благодѣтель, другъ нашъ!

— Вотъ возьмите, маменька, ладонку и отдайте ее нашему другу и благодѣтелю: пусть онъ повѣситъ ее себѣ на шею.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ запирается на ночь.

Прошло два, три мѣсяца. Мало по малу уединеніе, тишина, домашняя жизнь и всё сопряженныя съ нею матеріальныя блага помогли Александру войти въ тѣло. А лѣнь, беззаботность и отсутствіе всякаго нравственнаго потрясенія водворяли въ душѣ его миръ, котораго Александръ напрасно искалъ въ Петербургѣ. Тамъ, бѣжавши отъ міра идей, искусствъ, заключенный въ каменныхъ стѣнахъ, онъ хотѣлъ заснуть сномъ крота, но его безпрестанно прѣбуждали волненія зависти и безсильныя желанія. Всякое явленіе въ мірѣ науки и искусства, всякая новая знаменитость будили въ немъ вопросъ: «почему это не я, зачѣмъ не я?» Тамъ на каждомъ шагу онъ встрѣчалъ въ людяхъ невыгодныя для себя сравненія.... Тамъ онъ такъ часто падалъ, тамъ увидалъ, какъ въ зеркалѣ, свои слабости.... Тамъ былъ неумолимый дядя, преслѣдовавшій его образъ мыслей, лѣнь и ни на чемъ неоснованное славолюбіе; тамъ — изящный міръ и куча дарованій, между которыми онъ не игралъ никакой роли; наконецъ, тамъ жизнь стараются подвести подъ извѣстныя условія, прояснить ея темныя и загадочныя мѣста, не давая разгула чувствамъ, страстямъ и мечтамъ и гнѣвъ лишая ее поэтической заманчивости, хотятъ издать для нея какую-то скучную, сухую, одвообразную и тяжелую форму.... а здѣсь? какое приволье! онъ лучше, умнѣе всѣхъ! здѣсь онъ всеобщій идолъ на нѣсколько верстъ кругомъ. Притомъ, здѣсь на каждомъ шагу, передъ лицомъ природы, душа его отверзалась мирнымъ, успокоительнымъ впечатлѣніямъ. Говоръ струй, шопотъ листьевъ, прохлада и подъ часъ самое молчаніе природы, — все рождало думу, будило чувство. Въ саду, въ полѣ, дома его посѣщали воспоминанія дѣтства и юности. Анна Павловна, сидя иногда подлѣ него, какъ будто угадывала его мысли. Она помогала ему возобновлять въ памяти дорогія сердцу мелочи изъ жизни или рассказывала то, чего онъ не помнилъ.

— Вотъ эти липы, говорила она, указывая на садъ: — сажалъ твой отецъ. Я была беременна тобой. Сажу, бывало, здѣсь на балконѣ да смотрю на него. Онъ поработаетъ, поработаетъ — да взглянетъ на мѣня, а потъ такъ градомъ и льѣтъ съ него. «А! ты тутъ? молвить: — то-то мнѣ такъ весело работать!» — и олятъ примется. А вонъ лужокъ, гдѣ ты игралъ, бывало, съ ребятишками, такой сердитый былъ: чуть что не по тебѣ... и закричишь благимъ матомъ. Однажды Агашка.... вотъ что

какъ-то тебя, да носъ до крови и росшиби; отецъ порогъ, порогъ ее, я на силу умолила.

Александръ мысленно дополнялъ эти воспоминанія другими: «вонъ на этой скамьѣ подъ деревомъ, думалъ онъ: — я сиживалъ съ Софьей и былъ счастливъ тогда. А вонъ тамъ, между двухъ кустовъ сирени, получилъ отъ нея первый поцалуй....» И все это было передъ глазами. Онъ улыбался этимъ воспоминаніямъ и просиживалъ по цѣлымъ часамъ на балконѣ, встрѣчая или провожая солнце, прислушиваясь къ пѣнію птицъ, къ плеску озера и къ жужжанью невидимыхъ насѣкомыхъ.

— Боже мой! какъ здѣсь хорошо! говорилъ онъ подъ вліяніемъ этихъ кроткихъ впечатлѣній: — вдали отъ суеты, отъ этой мелочной жизни, отъ того муравейника, гдѣ... люди

.... въ кучахъ, за оградой
Не дышать утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ.

Какъ устаешь тамъ жить и какъ отдыхаешь душой здѣсь, въ этой простой, несложной, немудреной жизни. Сердце обновляется, грудь дышетъ свободнѣе, а умъ не терзается мучительными думами и нескончаемымъ разборомъ тяжбныхъ дѣлъ съ сердцемъ: и то и другое въ ладу. Не надъ чѣмъ задумываться! Беззаботно, безъ тягостной мысли, съ дремлющимъ сердцемъ и умомъ и съ легкимъ трепетомъ скользишь взоромъ отъ роши къ пашнѣ, отъ пашни къ холму и потомъ погружаешь его въ бездонную синеву неба. Иногда онъ переходилъ къ окну, выходявшему на дворъ и на улицу въ село. Тамъ другая картина, картина тенъеровская, полная хлопотливой, семейной жизни. Барбось отъ зноя растянется у конуры, положивъ морду на лапы. Десятки куръ встрѣчаютъ утро, кудахтая въ запуски; пѣтухи дерутся. По улицѣ гонятъ стадо въ поле; иногда одна оставшая отъ стада корова тоскливо мычитъ, стоя среди улицы и оглядываясь во всѣ стороны. Вотъ мужики и бабы, съ граблями и косами на плечахъ, идутъ на работу. Вѣтеръ по временамъ выхватитъ изъ ихъ говора два, три слова и донесетъ до окна; тамъ крестьянская телѣга съ громомъ проѣдетъ по мостику, за ней лѣниво проползетъ возъ съ сѣномъ. Бѣлокудрые и

жостковолосые ребятишки, поднявши рубашонки, бродят по лужамъ. Глядя на эту картину, Александръ началъ постигать поэзію *спренькаго неба, сломажнаго забора, калитки, грязнаго пруда и трепака*. Узкій щегольскій фракъ онъ замѣнилъ широкимъ халатомъ домашней работы. И въ каждомъ явленіи этой мирной жизни, въ каждомъ впечатлѣніи и утра, и вечера, и трапезы, и отдыха присутствовало недремлющее око материнской любви.

Она не могла нарадоваться, глядя, какъ Александръ полнѣлъ, какъ на щоки его возвращался румянецъ, какъ глаза оживлялись мирнымъ блескомъ. «Только волоски не растутъ», говорила она: — а были, какъ шолкъ.»

Александръ часто гулялъ по окрестностямъ. Однажды онъ встрѣтилъ толпу бабъ и дѣвокъ, шедшихъ въ лѣсъ за грибами, присоединился къ нимъ и проходилъ цѣлый день. Воротясь домой, онъ похвалилъ дѣвушку Машу за проворство и ловкость, и Маша взята была во дворъ *ходить за бариномъ*. Бѣдилъ онъ иногда посмотрѣть полевыя работы и на опытѣ узнавалъ то, о чемъ часто писалъ и переводилъ для журнала. «Какъ мы иногда вращаемся тамъ», думалъ онъ, качая головой, и сталъ вникать въ дѣло глубже и пристальнѣе.

Однажды, въ ненастную погоду, попробовалъ онъ заняться дѣломъ, сѣлъ писать и остался доволенъ началомъ труда. Понадобилась для справокъ какая-то книга: онъ написалъ въ Петербургъ, книгу выслали. Онъ занялся не шутя. Выписалъ еще книгъ. Напрасно Анна Павловна пустилась уговаривать его не писать, чтобы не *надсадить грудку*. Онъ и слушать не хотѣлъ. Она подослала Антона Иваныча. Александръ не послушалъ и его и все писалъ. Когда прошло мѣсяца три, четыре, а онъ отъ писанья не только не похудѣлъ, а растолстѣлъ больше, Анна Павловна успокоилась. Такъ прошло года полтора. Все бы хорошо, по Александръ, къ концу этого срока, сталъ опять задумываться. Желаній у него не было никакихъ, а какія и были, такъ ихъ немудрено было удовлетворить: они не выходили изъ предѣловъ семейной жизни. Ничто его не тревожило: ни забота, ни сомнѣніе, а онъ скучалъ! Ему, мало по малу, надоѣлъ тѣсный домашній кругъ; угожденія матери стали докучны, Антонъ Иванычъ опротивѣлъ; надоѣлъ и трудъ. И природа не плѣняла его. Онъ сиживалъ молчаливъ у окна и уже равнодуш-

но глядѣлъ на отцовскія липы, съ досадою слушалъ плескъ озера. Онъ началъ размышлять о причинѣ этой новой тоски, и открылъ, что ему было скучно — по Петербургу! Удалась отъ минувшаго, онъ началъ жалѣть о немъ. Кровь еще кипѣла въ немъ, сердце билось, душа и тѣло просили дѣятельности.... Опять задача. Боже мой! онъ чуть не заплакалъ отъ этого открытія. Онъ думалъ, что эта скука пройдетъ, что онъ приживется въ деревнѣ, привыкнетъ — итъ: чѣмъ дольше онъ жилъ тамъ, тѣмъ сердце пуще ныло и опять просилось въ омутъ, теперь уже знакомый ему. Онъ помирился съ прошедшимъ; оно стало ему мило. Ненависть, мрачный взглядъ, угрюмость, нелюдямость смягчились уединеніемъ, размысленіемъ. Минувшее предстало ему въ очищенномъ свѣтѣ, и сама измѣнница Надинька дуть не въ лучахъ. «И что я здѣсь дѣлаю? съ досадою говорилъ онъ: — за что вяну? зачѣмъ гаснуть мои дарованія? Почему мнѣ не блистать тамъ своимъ трудомъ?... Теперь я сталъ разсудительнѣе. Чѣмъ дядюшка лучше меня? развѣ я не могу отыскать себѣ дороги? Ну, не удалось до сихъ поръ, не за свое брался, чтожъ? опомнился теперь: пора, пора! Боже, Боже! какъ огорчить мой отъѣздъ матушку, а между тѣмъ, необходимо ѣхать; нельзя же погибнуть здѣсь! тамъ и тотъ и другой — всѣ вышли въ люди.... А моя карьера, а fortuna.... я только одинъ отсталъ.... да за что же? да почему же?» онъ метался отъ тоски и не зналъ, какъ сказать матери о намѣреніи ѣхать. Но мать вскорѣ избавила его отъ этого труда: она умерла.

Вотъ, наконецъ, что писалъ онъ къ дядѣ и теткѣ въ Петербургъ. Къ теткѣ:

«Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, вы, ma tante, со слезами на глазахъ, напутствовалъ меня драгоценными словами, которыя врѣзались въ моей памяти. Вы сказали: «если когда нибудь мнѣ нужна будетъ теплая дружба, искреннее участіе, то въ вашемъ сердцѣ всегда останется уголокъ для меня». Настала минута, когда я понялъ всю цѣну этихъ словъ. Въ правахъ, которыя вы мнѣ такъ великодушно дали надъ вашимъ сердцемъ, заключается для меня залогъ мира, тишины, утѣшенія, спокойствія, можетъ быть, счастья всей моей жизни. Мѣсяца три тому назадъ, скончалась матушка: больше не прибавлю ни слова. Вы по письмамъ ея знаете, что она была для меня, и поймете, чего я лишился въ ней.... я теперь бѣгу отсюда—!»

бѣгу навсегда. Но куда, одинокій странникъ, направилъ бы я путь свой, какъ не въ тѣ мѣста, гдѣ вы?... Скажите одно слово: найду ли я въ васъ то, что оставилъ года полтора тому назадъ? не изгладили ли вы меня изъ памяти? согласитесь ли вы на скучную обязанность цѣлить вашею дружбою, которая уже не разъ спасала меня отъ горя, новую и глубокую рану? Всю надежду возлагаю на васъ и на другую, могучую союзницу — дѣятельность! Вы удивляетесь, не правда ли? Вамъ странно слышать отъ меня это? читать эти строки, писанныя въ покойномъ, несвойственномъ мнѣ тонѣ? Не удивляйтесь и не бойтесь моего возвращенія: къ вамъ пріѣдетъ не сумасбродъ, не мечтатель, не разочарованный, не провинціалъ, а просто человекъ, какихъ въ Петербургѣ много и какимъ бы давно мнѣ пора быть. Предупредите особенно дядюшку на этотъ счетъ. Когда посмотрю на прошлую жизнь, мнѣ становится неловко, стыдно и другихъ и самого себя. Но иначе и быть не могло. Вотъ когда только очулся — въ тридцать лѣтъ! Тяжкая школа, пройденная въ Петербургѣ, и размышленіе въ деревнѣ прояснили мнѣ вполне мою судьбу. Удалясь на почтительное разстояніе отъ уроковъ дядюшки и собственного опыта, я уразумѣлъ ихъ, здѣсь въ тишинѣ, яснѣе, и вижу, къ чему бы они давно должны были повести меня, — вижу, какъ жалко и неразумно уклонялся я отъ прямой цѣли. Я теперь покоенъ: не терзаюсь, не мучаюсь, но не хвастаюсь этимъ: можетъ быть, это спокойствіе происходитъ пока изъ эгоизма; чувствую, впрочемъ, что скоро взглядъ мой на жизнь уяснится до того, что я открою другой источникъ спокойствія — чище. Теперь я еще не могу не жалѣть, что я уже дошелъ до того рубежа, гдѣ... увы! кончается молодость и начинается пора размышленій, повѣрка и разборка всякаго волненія, пора сознанія!

Хотя, можетъ быть, мнѣніе мое о людяхъ и жизни измѣнилось и не много, но много надеждъ улетѣло, много миповалось желаній, словомъ, иллюзіи утрачены, слѣдовательно, не во многомъ и не во многихъ ужъ придется ошибиться и обмануться, а это очень утѣшительно съ одной стороны! И вотъ я смотрю яснѣе впередъ: самое тяжелое позади; волненія не страшны, потому что ихъ осталось не много; главнѣйшія пройдены, и я благословляю ихъ. Стыжусь вспомнить, какъ я, воображая себя страдальцомъ, проклиналъ свой жребіи, жизнь. Про-

клиналъ! какое жалкое ребячество и неблагодарность! Какъ я поздно увидѣлъ, что страданія очищаютъ душу, что одни они дѣлаютъ человѣка сноснымъ и себѣ и другимъ, возвышаютъ его.... Признаю теперь, что не быть причастнымъ страданіямъ, значитъ не быть причастнымъ всей полнотѣ жизни: въ нихъ много важныхъ условій, которыхъ разрѣшенія здѣсь мы, можемъ быть, и не дождемся. Я вижу въ этихъ волненіяхъ руку Промысла, который, кажется, задаетъ человѣку нескончаемую задачу — стремиться впередъ, достигать свыше предназначенной цѣли, при ежеминутной борьбѣ съ обманчивыми надеждами, съ мучительными преградами. Да, вижу, какъ необходима эта борьба и волненія для жизни, какъ жизнь безъ нихъ была бы не жизнь, а застой, сонъ.... Кончается борьба, смотриши — кончена и жизнь; человѣкъ былъ занятъ, любилъ, наслаждался, страдалъ, волновался, сдѣлалъ свое дѣло, и слѣдовательно, жилъ! Видите ли, какъ я разсуждаю: я вышелъ изъ тьмы — и вижу, что все прожитое мною до сихъ поръ было какимъ-то труднымъ приготовленіемъ къ настоящему пути, мудреною наукою для жизни. Что-то говорить мнѣ, что остальной путь будетъ легче, тише, понятнѣе.... Темныя мѣста освѣтились, мудреные узлы развязались сами собою; жизнь начинаетъ казаться благомъ, а не зломъ. Скоро скажу опять: какъ хороша жизнь! но скажу, не какъ юноша, упоенный минутнымъ наслажденіемъ, а съ полнымъ сознаніемъ ея истинныхъ наслажденій и горечи. За тѣмъ не страшна и смерть: она представляется не пугаломъ, а прекраснымъ опытомъ. И теперь уже въ душу вѣетъ невѣдомое спокойствіе: ребяческихъ досадъ, вспышекъ уколотаго самолюбія, дѣтской раздражительности и комическаго гнѣва на міръ и людей, похожаго на гнѣвъ москки на слона — какъ не бывало.

Я сдружился опять съ чѣмъ давно раздружился — съ людьми, которые, мимоходомъ замѣчу, и здѣсь тѣже, какъ въ Петербургѣ, только пожостче, погрубѣе, посмѣшнѣе; но я не сержусь на нихъ и здѣсь, а тамъ и подавно не стану сердиться. Вотъ вамъ образецъ моей кротости: къ намъ ѣздитъ чудакъ Антонъ Ивановичъ гостить, дѣлать, будто бы, мое горе; завтра онъ поѣдетъ на свадьбу къ сосѣду — дѣлать радость, а тамъ къ кому нибудь — исправлять должность повивальной бабки. По ни горе, ни радость не мѣшаютъ ему у всѣхъ ѣсть раза по че-

тыре въ день. Я вижу, что ему все равно, умеръ ли, или родился, или женился такой-то : и мнѣ не противно смотрѣть на него, не досадно.... я терплю его, не выгоняю.... Добрый признакъ, не правда ли, ma tante? Что вы скажете, прочтя это похвальное слово самому себѣ?»

Къ дядѣ :

«Любезнѣйшій, добрѣйшій дядюшка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ваше превосходительство!

Съ какою радостью узналъ я, что и карьера ваша совершенна достохвально : съ фортуною вы ужь поладили давнѣ! Вы дѣйствительный статскій совѣтникъ, вы директоръ канцеляріи! осмѣлюсь ли напомнить вашему превосходительству обѣщаніе, данное мнѣ при отъѣздѣ : «когда понадобятся служба, занятія, или деньги, обратись ко мнѣ!» говорили вы. И вотъ мнѣ понадобились и служба, и занятія, — понадобятся, конечно, и деньги. Бѣдный провинціалъ осмѣливается просить мѣста и работы. Какая участь ожидаетъ мою просьбу? Не такая ли, какая постигла нѣкогда письмо Заѣзжалова, который просилъ похлопотать о своемъ дѣлѣ? Что касается до *творчества*, о которомъ вы имѣли жестокость упомянуть въ одномъ изъ вашихъ писемъ, то ... не грѣхъ ли вамъ тревожить давно забытыя глупости, когда я самъ краснѣю за нихъ?... Эхъ, дядюшка! эхъ, ваше превосходительство! Ктожь не былъ молодъ и отчасти глупъ? У кого не было какой нибудь странной, такъ называемой *за-вѣтной* мечты, которой никогда не суждено сбываться? Вотъ мой сосѣдъ справа воображалъ себя героемъ, исполномъ — ловцомъ предъ Господомъ.... онъ хотѣлъ изумить міръ своими подвигами — и кончилось тѣмъ, что онъ вышелъ прапорщикомъ въ отставку, не бывши на войнѣ, и мирно разводитъ картофели и сѣетъ рѣпу. Другой, слѣва, мечталъ по своему передѣлать весь свѣтъ и Россію, а самъ, пописавъ нѣкоторое время бумаги въ палатѣ, удалился сюда и до сихъ поръ не можетъ перелѣзать стараго забора. Я думалъ, что въ меня вложенъ свыше творческій даръ и хотѣлъ повѣдать міру новыя, невѣдомыя тайны, не подозрѣвая, что это уже не тайны, и что я не пророкъ! Всѣ мы смѣшны, но скажите, кто, не краснѣя за себя, рѣшится заклеить позорною бранью эти юношескія, благородныя, пылкія, хоть и не совсѣмъ умѣренные мечты? Кто не питалъ, въ свою очередь, бесплоднаго желанія, не ставилъ себя героемъ добле-

стнаго подвига, торжественной пѣсни, громкаго повѣствованія? Чье воображеніе не уносилось къ баснословнымъ, героическимъ временамъ прошедшаго? Кто не плакалъ, сочувствуя высокому и прекрасному? Если найдется такой человекъ, пусть онъ броситъ камень въ меня — я ему не завидую. Я краснѣю за свои юношескія мечты, но чту ихъ: онѣ залогъ чистоты сердца, признакъ души благородной, расположенной къ добру. Васъ, я знаю, не убѣдятъ эти доводы: вамъ нуженъ доводъ положительный, практическій; извольте, вотъ онъ: скажите, какъ узнавались и обрабатывались бы дарованія, еслибъ молодые люди подавляли въ себѣ эти раннія склонности, еслибъ не давали воли и простора мечтамъ своимъ, а слѣдовали бы рабски указанному направленію, не пробуя силъ? Наконецъ, не есть ли это общій законъ природы, что молодость должна быть тревожна, кипуча, иногда сумазбродна, глупа, и что у всякаго мечты современемъ улягутся, какъ улеглись теперь у меня? А ваша собственная молодость развѣ чужда этихъ грѣховъ? Вспомните, поройтесь въ памяти. Вижу отсюда, какъ вы, съ вашимъ покойнымъ, никогда несмушающимся взоромъ, качаете головой и говорите: нѣтъ ничего! Позвольте же уличить васъ, напримѣръ, хоть въ любви.... что отрекаетесь? не отречетесь: улика у меня въ рукахъ.... Вспомните, что я могъ изслѣдовать дѣло на мѣстѣ дѣйствія. Театръ вашихъ любовныхъ похожденій передъ моими глазами: это озеро. На немъ еще растутъ и желтые цвѣты: одинъ, высушивъ надлежащимъ образомъ, честь имѣю препроводить при семъ къ вашему превосходительству, для сладкаго воспоминанія. Но есть страшнѣе оружіе противъ вашихъ нападокъ на любовь вообще, и на мою въ особенности — это документъ.... Вы хмуритесь? и какой документъ! писанный вашею кровью!!! поблѣднѣли? Я похитилъ эту драгоцѣнную ветхость у тетушки, съ неменѣе ветхой груди, и везу съ собой, какъ вѣчную улику противъ васъ и какъ защиту себѣ. Трепещите, дядюшка! Мало того, я въ подробности знаю всю исторію вашей любви: тетушка рассказываетъ мнѣ каждый день, за утреннимъ чаемъ, и за ужиномъ, на сонъ грядущій, по интересному факту, а я вношу всѣ эти драгоцѣнные матеріалы въ особый мемуаръ, который и не премину вручить вамъ лично, вмѣстѣ съ моими трудами по части сельскаго хозяйства, которыми я занимаюсь здѣсь уже съ годъ. И съ своей стороны долгомъ считаю

увѣрять тетюшку въ неизмѣнности вашихъ къ ней *чувствованій*, какъ она говоритъ. Когда удостоюсь получить отъ вашего превосходительства благопріятный, по моей просьбѣ, отвѣтъ, то буду имѣть честь явиться къ вамъ, съ приношеніемъ сушеной малины и меду и съ представленіемъ нѣсколькихъ писемъ, которыми обѣщаютъ меня снабдить сосѣди, по своимъ надобностямъ, кромѣ Заѣжалова. «мершаго до окончанія своего процесса.»

Э П И Л О Г Ъ.

Вотъ что, спустя года четыре, послѣ вторичнаго пріѣзда Александра въ Петербургъ, происходило съ главными дѣйствующими лицами этого романа.

Въ одно утро Петръ Ивановичъ ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету. Это уже былъ не прежній бодрый, полный и стройный Петръ Ивановичъ, всегда съ одинаково покойнымъ взоромъ, съ гордо поднятою головою и прямымъ станомъ. Отъ лѣтъ ли, отъ обстоятельствъ ли, но онъ какъ будто опустился. Движенія его были не такъ живы, взглядъ не такъ остръ. Въ бакенбартахъ и вискахъ свѣтилось много сѣдыхъ волосъ. Видно было, что онъ отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей жизни. Онъ ходилъ не много сгорбившись. Особенно странно было видѣть на лицѣ этого безстрастнаго и покойнаго человѣка, какимъ мы его до сихъ поръ знали, — болѣе нежели заботливое, почти тоскливое выраженіе, хотя и оно имѣло свойственный Петру Ивановичу характеръ. Онъ какъ будто былъ въ недоумѣніи. Онъ дѣлалъ шага два и вдругъ останавливался посреди комнаты или скорыми шагами отмѣривалъ два, три конца отъ одного угла до другого. Казалось, его посетила непривычная дума. На креслахъ, близъ стола, сидѣлъ невысокаго росту, полный человѣкъ, съ крестомъ на шеѣ, въ застегнутомъ на глухо фракѣ, положивъ одну ногу на другую. Не доставало только въ рукахъ трости съ большимъ золотымъ набалдашникомъ, той классической трости, по которой читатель, бывало, сейчасъ узнавалъ докто-

ра въ романахъ и повѣстяхъ. Можетъ быть, доктору и пристала эта булава, съ которою онъ, отъ нечего дѣлать, прогуливается пѣшкомъ и по цѣлымъ часамъ просиживаетъ у больныхъ, утѣшаетъ ихъ и часто соединяетъ въ лицѣ своемъ двѣ, три роли: медика, практическаго философа, друга дома и т. п. Но все это хорошо тамъ, гдѣ живутъ на раздольи, на просторѣ, болѣютъ рѣдко, и гдѣ докторъ больше роскошь, чѣмъ необходимость. Нѣтъ! докторъ Петра Ивановича былъ петербургскій докторъ. Онъ не зналъ, что значить ходить пѣшкомъ, хотя и предписывалъ больнымъ моціонъ. Онъ и членъ какого-то совѣта, и секретарь какого-то общества, и профессоръ, и врачъ нѣсколькихъ казенныхъ заведеній, и врачъ для бѣдныхъ, и непремѣнный посѣтитель всѣхъ консультацій; у него и огромная практика. Онъ не снимаетъ даже перчатки съ лѣвой руки, не снималъ бы и съ правой, если бъ не надо было щупать пульса, не разстегиваетъ никогда фрака и почти не садится. Докторъ ужъ не разъ перекладывалъ, отъ нетерпѣнія, то лѣвую ногу на правую, то правую на лѣвую. Ему давно пора ѣхать, а Петръ Ивановичъ все ничего не говоритъ. Наконецъ!

— Что дѣлать, докторъ? — спросилъ Петръ Ивановичъ, вдругъ остановясь передъ нимъ.

— Ѣхать въ Киссингенъ, отвѣчалъ докторъ: — одно средство. У васъ припадки стали повторяться слишкомъ часто....

— Э! вы все обо мнѣ! перебилъ Петръ Ивановичъ: — я вамъ говорю о женѣ. Мнѣ за пятьдесятъ лѣтъ, а она въ цвѣтущей порѣ, ей надо жить, и если здоровье ея начинаеть угасать съ этихъ поръ....

— Вотъ ужъ и угасать! замѣтилъ докторъ. — Я сообщилъ вамъ только свои опасенія на будущее время, а теперь еще нѣтъ ничего.... Я только хотѣлъ сказать, что здоровье ея.... или не здоровье, а такъ, она.... какъ будто не въ нормальномъ положеніи....

— Не все ли равно? вы вскользь сдѣлали ваше замѣчаніе, да и забыли; а я съ тѣхъ поръ слѣжу за ней пристально и съ каждымъ днемъ открываю въ ней новыя, неутѣшительныя перемѣны, — и вотъ три мѣсяца не знаю покою. Какъ я прежде не видалъ? не понимаю! Должности и свои дѣла отнимають у меня и время и здоровье.... а вотъ теперь, пожалуй и жену.

Онъ опять пустился шагать по комнатамъ.

— Вы сегодня распрашивали ее? спросилъ онъ помолчавъ.

— Да, но она ничего въ себѣ не замѣчаетъ. Я сначала предполагалъ физиологическую причину: у ней не было дѣтей... но, кажется, нѣтъ! Можетъ быть, причина — чисто психологическая....

— Еще легче! замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— А можетъ быть, и ничего нѣтъ. Подозрительныхъ симптомовъ рѣшительно никакихъ! Это такъ... вы засидѣлись слишкомъ долго здѣсь, въ этомъ болотистомъ климатѣ. Ступайте на югъ, освѣжитесь, наберитесь новыхъ впечатлѣній и посмотрите, что будетъ. Лѣто проживите въ Киссингенѣ, возьмите курсъ водъ, а осень въ Италиі, зиму въ Парижѣ: увѣрю васъ, что накопленія слизи, раздражительности.... какъ не бывало!

Петръ Ивановичъ почти не слушалъ его.

— Психологическая причина! — сказалъ онъ вполголоса и покачалъ головой.

— Т. е. вотъ видите ли, почему я говорю психологическая, сказалъ докторъ: — иной, не зная васъ, могъ бы подозрѣвать тутъ какія нибудь заботы.... или не заботы, а подавленные желанія.... иногда бываетъ нужда, недостатокъ.... я хотѣлъ васъ навести на мысль....

— Нужда, желанія! перебилъ Петръ Ивановичъ: — всѣ ея желанія предупреждаются; я знаю ея вкусъ, привычки. А нужда... Гм! она не знаетъ, что такое нужда, докторъ! Вы видите нашъ домъ, знаете, какъ мы живемъ...

— Хорошій домъ, славный домъ, сказалъ докторъ: — живете прекрасно; чудесный... поваръ и какія сигары! А что этотъ пріятель вашъ, что въ Лондонѣ живетъ... какъ его? пересталъ присылать вамъ хересь? что-то нынѣшній годъ не видать у васъ....

— Какъ коварна судьба, докторъ! ужъ я ли не былъ остороженъ съ ней? началъ Петръ Ивановичъ съ несвойственнымъ ему жаромъ: — взвѣшивалъ, кажется, каждый свой шагъ... Нѣтъ, гдѣ нибудь да подкосить! и когда же? при всѣхъ удачахъ, на такой карьерѣ... А!

Онъ махнулъ рукой и продолжалъ ходить.

— Что вы тревожитесь такъ? сказалъ докторъ: — опаснаго рѣшительно ничего нѣтъ. Я повторю вамъ, что сказалъ въ первый разъ, т. е., что организмъ ея не тронуть: разрушительныхъ

симптомовъ нѣтъ. Она только не пользуется тѣмъ здоровьемъ, какимъ бы въ ея лѣта могла пользоваться... вотъ и все!

— Бездѣлица! сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Нездоровье ея — отрицательное, а не положительное, продолжалъ докторъ. — Будто одна она? посмотрите на всѣхъ нездѣшнихъ уроженцевъ: на что они похожи? Ступайте, ступайте отсюда. А если нельзя ѣхать, развлекайте ее, не давайте сидѣть, угрожайте, вывозите; больше движенія и тѣлу и духу: и то и другое у ней въ неестественномъ усыпленіи; конечно, со временемъ оно можетъ пасть на легкія или....

— Прощайте, докторъ! я пойду къ ней, сказалъ Петръ Ивановичъ и скорыми шагами пошелъ въ кабинетъ жены. Онъ остановился у дверей, тихо раздвинулъ портьеры и устремилъ на жену безпокойный взглядъ.

Она... что же особеннаго замѣтилъ въ ней докторъ? Всякій, увидѣвъ ее въ первый разъ, нашелъ бы въ ней женщину, какихъ много въ Петербургѣ. Блѣдна, это правда, взглядъ у ней матовый, блуза свободно и ровно стелется по плоскимъ плечамъ и гладкой груди; движенія медленны, почти вялы... Но развѣ румянецъ, блескъ глазъ и огонь движеній — отличительные признаки нашихъ красавицъ? А прелесть формъ... Ни Фидій, ни Пракситель не нашли бы здѣсь Венеръ для своего рѣзца. Нѣтъ! не пластической красоты надо искать въ сѣверныхъ красавицахъ. Онѣ — не статуи. Имъ не дались античныя позы, въ которыхъ увѣковѣчилась красота греческихъ женщинъ, да не изъ чего и строить этихъ позъ: нѣтъ тѣхъ безукоризненно правильныхъ контуровъ тѣла... Чувственность не льется изъ глазъ ихъ жаркимъ потокомъ лучей; на полуоткрытыхъ губахъ не млѣбета наивно-сладострастная улыбка, какою горятъ уста южной женщины. Нѣтъ! нашимъ женщинамъ дана въ удѣлъ другая, высшая красота. Для рѣзца неуловимъ этотъ блескъ мысли въ чертахъ ихъ лицъ, эта борьба воли съ страстью, игра не высказываемыхъ языкомъ движеній души съ безчисленными, тонкими оттѣнками лукавства, мнимаго простодушія, гнѣва и доброты, затаенныхъ радостей и страданій... всѣхъ этихъ мимолетныхъ молній, вырывающихся изъ концентрической души....

Какъ бы то ни было, но видѣвшій въ первый разъ Лизавету Александровну не замѣтилъ бы въ ней никакого разстройства;

тотъ только, кто зналъ ее прежде, кто помнилъ свѣжесть ея лица, блескъ взоровъ, подъ которыми, бывало, трудно разсмотрѣть цвѣтъ ея глазъ: такъ тонули они въ роскошныхъ, трепещущихъ волнахъ свѣта; кто помнилъ ея пышныя плечи и стройный бюстъ, тотъ съ болѣзненнымъ изумленіемъ взглянулъ бы на нее теперь, сердце его сжалось бы отъ сожалѣнія, если онъ не чужой ей, какъ теперь оно сжалось, можетъ быть, у Петра Ивановича, въ чемъ онъ боялся признаться самому себѣ.

Онъ тихо вошелъ въ кабинетъ и сѣлъ подлѣ нея.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ онъ.

— Вотъ просматриваю расходную книжку, отвѣчала она. — Вообрази, Петръ Ивановичъ: въ прошедшемъ мѣсяцѣ на одинъ столъ вышло около 1,500 рублей: это ни на что не похоже!

Онъ, не говоря ни слова, взялъ у ней книжку и положилъ на столъ.

— Послушай! началъ онъ: — докторъ говоритъ, что здѣсь моя болѣзнь можетъ усилиться: онъ совѣтуетъ ѣхать на воды за границу. Что ты скажешь?

— Что же мнѣ сказать? Тутъ, я думаю, голосъ доктора важнѣе моего. Надо ѣхать, если онъ совѣтуетъ.

— А ты? Желала ли бы ты сдѣлать этотъ вояжъ?

— Пожалуй.

— Но, можетъ быть, ты лучше хотѣла бы остаться здѣсь?

— Хорошо: я останусь.

— Что же изъ двухъ? спросилъ Петръ Ивановичъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Распожайся и собой и мной, какъ хочешь, отвѣчала она съ унылымъ равнодушіемъ: — велишь — я поѣду, нѣтъ — останусь здѣсь....

— Оставаться тебѣ здѣсь нельзя, замѣтилъ Петръ Ивановичъ: — докторъ говоритъ, что и твое здоровье нѣсколько пострадало.... отъ климата.

— Съ чего онъ взялъ? сказала Лизавета Александровна: — я здорова, я ничего не чувствую.

— Продолжительное путешествіе, говорилъ Петръ Ивановичъ: — тоже будетъ, можетъ быть, для тебя утомительно; не хочешь ли ты пожить въ Москвѣ у тетки, пока я буду за границею?

— Хорошо: я пожалуй поѣду въ Москву.

— Или не съѣздить ли намъ обоимъ на лѣто въ Крымъ?

— Хорошо и въ Крымъ....

Петръ Ивановичъ не выдержалъ; онъ всталъ съ дивана и началъ, какъ у себя въ кабинетѣ, ходить по комнатѣ, потомъ остановился передъ ней.

— Тебѣ все равно, гдѣ ни быть? спросилъ онъ.

— Все равно, отвѣчала она.

— Отчего же?

Она, ничего не отвѣчая на это, взяла опять расходную тетрадь со стола.

— Воля твоя, Петръ Ивановичъ, заговорила она: — намъ надо сократить расходы: какъ, тысяча пятьсотъ рублей на одинъ столъ....

Онъ взялъ у ней тетрадь и бросилъ подъ столъ.

— Что это такъ занимаетъ тебя? спросилъ онъ: — или денегъ тебѣ жаль?

— Какъ же не занимать? вѣдь я твоя жена! Ты же самъ училъ меня.... а теперь упрекаешь, что я занимаюсь.... *Я дѣлаю свое дѣло!*

— Послушай, Лиза! сказалъ Петръ Ивановичъ, послѣ краткаго молчанія: — ты хочешь передѣлать свою натуру, осилить свою волю.... это не хорошо. Я никогда не принуждалъ тебя: ты могла дѣлать и не дѣлать. Ты не увѣришь меня, чтобы эти дразги — онъ указалъ на тетрадь — могли занимать тебя. Зачѣмъ ты хочешь стѣснить себя? Я предоставляю тебѣ полную свободу....

— Боже мой! зачѣмъ мнѣ свобода? сказала Лизавета Александровна: — что я стану съ ней дѣлать? Ты до сихъ поръ такъ хорошо, такъ умно распоряжался и мной и собой, что я отвыкла отъ своей воли; продолжай и впередъ, — а мнѣ свобода не нужна.

Оба замолчали.

— Давно, началъ опять Петръ Ивановичъ: — я не слыхалъ отъ тебя, Лиза, никакой просьбы, никакого желанія, каприза....

— Мнѣ ничего не нужно, замѣтила она.

— У тебя нѣтъ никакихъ особенныхъ.... скрытыхъ желаній? спросилъ онъ съ участіемъ, пристально глядя на нее.

Она колебалась, говорить или нѣтъ.

Петръ Иванычъ замѣтилъ это.

— Скажи, ради Бога, скажи! продолжалъ онъ. — Твои желанія будутъ моими желаніями, я исполню ихъ, какъ законъ.

— Ну, хорошо, отвѣчала она: если ты можешь это сдѣлать для меня.... то.... уничтожь наши пятницы.... эти обѣды утомляютъ меня....

Петръ Иванычъ задумался.

— Ты и такъ живешь въ заперти, сказалъ онъ, помолчавъ: — а когда къ намъ перестанутъ собираться пріятель по пятницамъ, ты будешь совершенно въ пустынь. Впрочемъ, изволь; ты желаешь этого, — будетъ исполнено. Чтожь ты станешь дѣлать?

— Ты передай мнѣ свои счета, книги, дѣла.... я займусь... сказала она и потянулась подъ столъ поднять расходную тетрадь.

Петру Иванычу показалось это худо скрытымъ притворствомъ.

— Лиза!... съ упрекомъ сказалъ онъ.

Книжка осталось подъ столомъ.

— А я думалъ, не возобновишь ли ты нѣкоторыхъ знакомствъ, которыя мы совсѣмъ оставили? для этого я хотѣлъ дать балъ, чтобъ ты разсѣялась, выѣзжала бы сама....

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! съ испугомъ заговорила Лизавета Александровна: — ради Бога! не нужно! какъ можно.... балъ!

— Чтожь это такъ пугаетъ тебя? въ твои лѣта балъ еще не теряетъ своей занимательности: ты еще можешь танцовать....

— Нѣтъ, Петръ Иванычъ, прошу тебя, не затѣвай! заговорила она съ живостію: — заботиться о туалетѣ, одѣваться, принимать толпу, выѣзжать.... Боже сохрани!

— Ты, кажется, весь вѣкъ хочешь проходить въ блузѣ?

— Да, если ты позволишь, я бы не сняла ее. Зачѣмъ наряжаться? и трата денегъ, и лишнія хлопоты безъ всякой пользы.

— Знаешь что? вдругъ сказалъ Петръ Иванычъ: — говорятъ, на нынѣшнюю зиму ангажированъ сюда Рубини; у насъ будетъ постоянная итальянская опера; я просилъ оставить для насъ ложу.... какъ ты думаешь?

Она молчала.

— Лиза?

— Напрасно! сказала она робко: — я думаю, и это будетъ мнѣ утомительно....

Петръ Ивановичъ склонилъ голову, подошелъ къ камину и, облокотясь на него, смотрѣлъ.... какъ бы это сказать? съ тоской, не съ тоской, а съ тревогой, съ беспокойствомъ и съ боязнію, на нее.

— Отчего, Лиза, это.... началъ было онъ и не договорилъ. Слово «равнодушіе» не сошло у него съ языка. Онъ долго, молча, глядѣлъ на нее. Въ ея безжизненно-матовыхъ глазахъ, въ лицѣ, лишенномъ игры живой мысли и чувствъ, въ ея лѣнливой позѣ и медленныхъ движеніяхъ онъ прочиталъ причину того равнодушія, о которомъ боялся спросить; онъ угадалъ отвѣтъ тогда еще, когда докторъ только что намекнулъ ему о своихъ опасеніяхъ. Онъ тогда опомнился и сталъ догадываться, что, ограждая жену методически отъ всѣхъ уклоненій, которыя могли бы повредить ихъ супружескимъ интересамъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не представилъ ей въ себѣ вознаградительныхъ условій за тѣ, можетъ быть, непривилегированныя закономъ радости, которыя бы она встрѣтила внѣ супружества, — что домашній ея міръ былъ ничто иное, какъ крѣпость, благодаря методѣ его, неприступная для соблазна, но зато въ ней встрѣчались на каждомъ шагу рогатки и патрули и противъ всякаго законнаго проявленія чувства.... Методичность и сухость его отношеній къ ней простерлись, безъ его вѣдома и воли, до холодной и тонкой тиранніи, и надъ чѣмъ? надъ сердцемъ женщины; за эту тираннію онъ платилъ ей богатствомъ, роскошью, всѣми наружными и, сообразными съ его образомъ мыслей, условіями счастья — ошибка ужасная, тѣмъ болѣе ужасная, что она сдѣлана была не отъ незнанія, не отъ грубаго понятія его о сердцѣ — нѣтъ! онъ зналъ его, — а отъ небрежности, отъ эгоизма! Онъ забывалъ, что она не служила, не играла въ карты, что у ней не было завода, что отличный столъ и лучшее вино почти не имѣютъ цѣны въ глазахъ женщины, а между тѣмъ, онъ заставлялъ ее жить этою жизнію. Петръ Ивановичъ былъ добръ, и если, не по любви къ женѣ, то по чувству справедливости, онъ далъ бы Богъ знаетъ что, чтобъ поправить зло; но какъ поправить? Не одну ночь провелъ онъ безъ сна съ тѣхъ поръ, какъ докторъ сообщилъ ему свои опасенія на счетъ здоровья жены, стараясь отыскать средства, примирить ея сердце съ на-

стоящимъ ея положеніемъ и возстановить угасающія силы. И теперь, стоя у камина, онъ размышлялъ о томъ же. Ему пришло въ голову, что, можетъ быть, въ ней уже таится зародышъ опасной болѣзни, что она убита безцвѣтной и пустой жизнью.... Холодный потъ выступалъ у него на лбу. Онъ терялся въ средствахъ, чувствуя, что для изобрѣтенія ихъ нужно больше сердца, чѣмъ головы. А гдѣ ему взять его? Ему что-то говорило, что еслибъ онъ могъ пасть къ ея ногамъ, съ любовью заключить ее въ объятія и голосомъ страсти сказать ей, что жилъ только для нея, что цѣль всѣхъ его трудовъ, суеты, карьеры, стяжанія — была она, что его методическій образъ поведения съ ней внушенъ былъ ему только пламеннымъ, настойчивымъ, ревнивымъ желаніемъ укрѣпить за собой ея сердце.... Онъ понималъ, что такія слова были бы дѣйствіемъ гальванизма на трушъ, что она вдругъ процвѣла бы здоровьемъ, счастьемъ и на воды не понадобилось бы ѣхать.

Но сказать и доказать — двѣ вещи разныя! Чтобъ доказать это, надо точно имѣть страсть. А порывшись въ душѣ своей, Петръ Ивановичъ не нашелъ тамъ и слѣда страсти. Онъ чувствовалъ только, что жепа была необходима ему — это правда, но наравнѣ съ прочими необходимостями жизни, необходима по привычкѣ. Онъ, пожалуй, не прочь бы притвориться сыграть роль любовника, какъ ни смѣшно въ пятьдесятъ лѣтъ вдругъ заговорить языкомъ страсти; но обманешь ли женщину страстью, когда ея нѣтъ? Достанетъ ли потомъ столько героизма и умѣнья, чтобъ дотянуть на плечахъ эту роль до той черты, за которой умолкаютъ требованія сердца? И не убьетъ ли ее окончательно оскорбленная гордость, когда она замѣтитъ, что то, что нѣсколько лѣтъ назадъ было бы волшебнымъ напиткомъ для нея, подносится ей теперь, какъ лекарство? Нѣтъ, онъ, по своему, отчетливо взвѣсилъ и обсудилъ этотъ поздній шагъ и не рѣшился на него. Онъ думалъ сдѣлать, можетъ быть, тоже, но иначе, такъ какъ это теперь было нужно и возможно. У него уже три мѣсяца шевелилась мысль, которая прежде показалась бы ему нелѣпостью, а теперь — другое дѣло! Онъ берегъ ее на случай крайности: крайность настала, и онъ рѣшился исполнить свой планъ.

— Если это не поможетъ, думалъ онъ: — тогда нѣтъ спасенья: будь, что будетъ!

Петръ Иванычъ рѣшительными шагами подошелъ къ женѣ и взялъ ее за руку.

— Ты знаешь, Лиза, сказалъ онъ: — какую роль я играю въ службѣ: я считаюсь самымъ дѣльнымъ чиновникомъ въ министерствѣ. Нынѣшній годъ буду представленъ въ тайные совѣтники, и конечно, получу. Не думай, чтобъ карьера моя кончилась этимъ: я могу еще идти впередъ.... и пошелъ бы....

Она смотрѣла на него съ удивленіемъ, ожидая, къ чему это поведетъ.

— Я никогда не сомнѣвалась въ твоихъ способностяхъ, сказала она. — Я очень увѣрена, что ты не остановишься на половинѣ дороги, а пойдешь до конца....

— Нѣтъ, не пойду: я на дняхъ подамъ въ отставку.

— Въ отставку? спросила она съ изумленіемъ, выпрямившись.

— Да.

— Зачѣмъ?

— Слушай еще. Тебѣ извѣстно, что я расчелся съ своими компаньонами и заводъ принадлежитъ мнѣ одному; онъ приносить мнѣ до сорока тысячъ чистаго барыша, безъ всякихъ хлопотъ. Онъ идетъ, какъ заведеная машина.

— Знаю; такъ чтожь? спросила Лизавета Александровна.

— Я его черезъ мѣсяцъ продамъ.

— Что ты, Петръ Иванычъ, что съ тобой? съ возрастающимъ изумленіемъ говорила Лизавета Александровна, глядя на него съ испугомъ: — для чего все это? Я не опомнюсь, понять не могу....

— Неужели не можешь понять?

— Нѣтъ!... въ недоумѣніи сказала Лизавета Александровна.

— Ты не можешь понять, что глядя, какъ ты скучаешь, какъ твое здоровье терпитъ.... отъ климата, я подорожу своей карьерой, заводомъ, не увезу тебя вонъ отсюда? не посвящу остатка жизни тебѣ?... Лиза? неужели ты считала меня неспособнымъ къ жертвѣ?... прибавилъ онъ съ упрекомъ.

— Такъ это для меня! сказала Лизавета Александровна, едва приходя въ себя: — нѣтъ, Петръ Иванычъ! живо заговорила она, сильно встревоженная: — ради Бога, — никакой жертвы для меня! Я не приму ее, слышишь ли? рѣшительно не приму. Чтобъ ты пересталъ трудиться, отличаться, богатѣть, — и для меня!

Боже сохрани! Я не стою этой жертвы, прости меня: я была мела для тебя, ничтожна, слаба, чтобы понять и оцѣнить твои высокія цѣли, благородные труды.... Тебѣ не такую женщину надо было....

— Еще великодушіе! сказалъ Петръ Ивановичъ, пожимая плечами. — Мои намѣренія неизмѣнны, Лиза!

— Боже, Боже! что я надѣлала? Я была брошена, какъ камень на твоёмъ пути; я мѣшаю тебѣ.... Что за странная моя судьба? прибавила она, почти съ отчаяніемъ. — Если человѣку не хочется, не нужно жить.... неужели Богъ не сжалятся, не возьметъ меня? Мѣшать тебѣ....

— Напрасно ты думаешь, что эта жертва тяжела для меня. Полно жить этой деревянной жизнию! я хочу отдохнуть, успокоиться, а гдѣ я успокоюсь, какъ не наединѣ съ тобой?... Мы поѣдемъ въ Италію!

— Петръ Ивановичъ! сказала она, почти плача: — ты добръ, благороденъ.... я знаю, ты въ состояніи на великодушное при творство.... но, можетъ быть, жертва бесполезна, можетъ быть, ужь.... поздно, а ты бросишь свои дѣла....

— Пощади меня, Лиза, и не добирайся до этой мысли, возразилъ Петръ Ивановичъ: — по крайней мѣрѣ, вслухъ; иначе ты увидишь, что я не изъ желѣза созданъ. Я повторяю тебѣ, что я хочу жить не однимъ этимъ, — онъ указалъ на голову: — во мнѣ еще не все застыло.

Она глядѣла на него пристально, съ недоумѣнностью.

— И это.... искренно? спросила она, помолчавъ: — ты точно хочешь покоя, уѣзжаешь не для меня одной?

— Нѣтъ: и для себя.

— А если для меня, — я ни за что, ни за что....

— Точно, точно: я не здоровъ, усталъ.... хочу отдохнуть....

Она подала ему руку. Онъ съ жаромъ поцаловалъ ее.

— Такъ поѣдемъ въ Италію? спросилъ онъ.

— Хорошо, поѣдемъ, отвѣчала она монотонно.

У Петра Ивановича какъ гора съ плечъ. «Что-то будетъ!» подумалъ онъ.

Долго сидѣли они, не зная, что сказать другъ другу. Незвѣстно, кто первый прервалъ бы молчаніе, еслибъ они оставались еще вдвоемъ. Но вотъ въ сосѣдней комнатѣ послышались торопливые шаги. Явился Александръ. Какъ онъ перемѣнился:

какъ пополнилъ, оплѣшивѣлъ, какъ румянь! Съ какимъ достоинствомъ онъ носитъ свое выпуклое брюшко и ордежъ на шеѣ! Глаза его сіяли радостью. Онъ, съ особеннымъ чувствомъ, поцаловалъ руку у тетки и прерадушно пожалъ дядишу руку.

— Откуда? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Угадайте! отвѣчалъ Александръ значительно.

— У тебя сегодня какая-то особенная прыть! сказалъ Петръ Ивановичъ, глядя на него вопросительно.

— Бьюсь объ закладъ, что не угадаете! говорилъ Александръ.

— Лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ, однажды ты, я помню, вотъ этакъ же вбѣжалъ ко мнѣ, замѣтилъ Петръ Ивановичъ: — еще разбилъ у меня что-то.... тогда я съ разу догадался, что ты влюбленъ, а теперь.... ужели опять? Нѣтъ, не можетъ быть: ты слишкомъ уменъ, чтобъ....

Онъ взглянулъ на жену и вдругъ замолчалъ.

— Не угадываете? спросилъ Александръ.

Дядя глядѣлъ на него и все думалъ.

— Ужь не.... женишься ли ты? сказалъ онъ нерѣшительно.

— Угадали! торжественно воскликнулъ Александръ: — поздравьте меня.

— Въ самомъ дѣлѣ? на комъ? спросили и дядя и тетка.

— На дочери Александра Степановича.

— Неужели? да вѣдь она богатая невѣста! сказалъ Петръ Ивановичъ. — И отецъ.... ничего?

— Я сейчасъ отъ нихъ и оттуда тотчасъ къ вамъ. Отчего отцу не согласиться? Напротивъ, онъ, со слезами на глазахъ, выслушалъ мое предложеніе, обнялъ меня и сказалъ, что теперь онъ можетъ умереть покойно, что онъ знаетъ, кому ввѣряетъ счастье дочери.... — Идите, говоришь, только по слѣдамъ вашего дядюшки!

— Онъ сказалъ это? Видишь: и тутъ не безъ дядюшки!

— А что сказала дочь? спросила Лизавета Александровна.

— Да.... она.... такъ, какъ знаете, всѣ дѣвицы, отвѣчалъ Александръ: — ничего не сказала, только покраснѣла, а когда я взялъ ее за руку, такъ пальцы ея точно играли на фортепіано въ моей рукѣ.... будто дрожали.

— Ничего не сказала! замѣтила Лизавета Александровна: — неужели вы не взяли на себя труда вывѣдать объ этомъ у ней до предложенія? Вамъ все равно? зачѣмъ же вы женитесь?

— Какъ зачѣмъ? не все же такъ шататься! Одиночество на-
скучило; пришла пора, ma tante, усѣсться на мѣстѣ, основать-
ся, обзавестись своимъ домкомъ, исполнить долгъ.... Невѣста
же хорошенькая, богатая.... Да вотъ дядюшка скажетъ вамъ,
зачѣмъ женятся: онъ такъ обстоятельно рассказываетъ....

Петръ Иванычъ, тихонько отъ жены, махнулъ ему рукой,
чтобъ онъ не ссылся на него и молчалъ, но Александръ не
замѣтилъ.

— А можетъ быть, вы и не нравитесь ей? говорила Лизавета
Александровна: — можетъ быть, она любитъ васъ не можетъ, —
что вы на это скажете?

— Дядюшка! чтобы сказать? вы такъ хорошо рассказывае-
те.... Да вотъ, я приведу ваши же слова, продолжалъ онъ, не
замѣчая, что дядя вертѣлся на своемъ мѣстѣ и значительно каш-
лялъ, чтобъ замаять эту рѣчь: — женишься по любви, говорилъ
Александръ: — любовь пройдетъ и будешь жить привычкой;
женишься не по любви и придешь къ тому же результату: при-
выкнешь къ женѣ. Любовь любовью, а женитьба женитьбой;
эти двѣ вещи не всегда сходятся, а лучше, когда не сходятся....
Не правда ли, дядюшка? вѣдь вы такъ учили....

Онъ взглянулъ на Петра Иваныча и вдругъ остановился, ви-
дя, что дядя машетъ ему обѣими руками и глядитъ на него сви-
рѣпо. Онъ, съ разинутымъ ртомъ, въ недоумѣніи поглядѣлъ на
тетку, потомъ опять на дядю и замолчалъ. Лизавета Алексан-
дровна задумчиво покачала головой.

— Ну, такъ ты женишься? сказалъ Петръ Иванычъ: — вотъ
теперь пора, — съ Богомъ! А то хотѣлъ было въ двадцать три
года.

— Молодость, дядюшка, молодость!

— То-то молодость.

Александръ задумался и потомъ улыбнулся.

— Что ты? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Такъ; мнѣ пришла въ голову одна несообразность....

— Какая?

— Когда я любилъ.... отвѣчалъ Александръ въ раздумьи: —
тогда женитьба не давалась....

— А теперь женишься, да любовь не дается! прибавилъ дя-
дя, и оба они засмѣялись.

— Изъ этого слѣдуетъ, дядюшка, что вы правы, полагая привычку главнымъ....

Петръ Ивановичъ опять сдѣлалъ ему звѣрское лицо и замахалъ рукой.... Александръ замолчалъ, не зная, что подумать.

— Женишься на тридцать пятомъ году, говорилъ Петръ Ивановичъ: — это въ порядкѣ. А помнишь, какъ ты тутъ бѣсновался въ конвульсіяхъ, кричалъ, что тебя возмущаютъ неравные браки, что певѣсту влекутъ, какъ жертву, убранныю цвѣтами и алмазами, и толкаютъ въ объятія пожилого человѣка, большею частью некрасиваго, съ лысиной.... А ну-ка, покажи голову: теперь у самого лысина, а женишься! что?

— Молодость, молодость, дядюшка! не понималъ сущности дѣла, говорилъ Александръ, заглаживая рукой волосы.

— Сущность дѣла! продолжалъ Петръ Ивановичъ. — А бывало, помнишь, какъ ты былъ влюбленъ въ эту, какъ ее.... Наташу, что ли? Бѣшенная ревность, порывы, небесное блаженство.... Куда все это дѣвалось?...

— Ну, ну, дядюшка, полно-те! говорилъ Александръ.

— Гдѣ колоссальная страсть, слезы....

— Дядюшка!

— Что! полно предаваться искреннимъ изліяніямъ, полно рвать желтые цвѣты! одиночество наскучило....

— О, если такъ, дядюшка, я докажу, что не я одинъ любилъ, бѣсновался, ревновалъ, плакалъ.... позвольте, позвольте, у меня имѣется письменный документъ....

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ и, порывшись довольно долго въ бумагахъ, вытащилъ какой-то ветхій, почти развалившійся и пожелтѣвшій листокъ бумаги.

— Вотъ, ma tante, сказалъ онъ: — доказательство, что дядюшка не всегда былъ такой разсудительный, насмѣшливый и положительный человѣкъ. И онъ вѣдалъ искреннія изліянія и передавалъ ихъ не на гербовой бумагѣ и притомъ особыми чернилами. Четыре года таскалъ я этотъ лоскутокъ съ собой и все ждалъ случая уличить дядюшку. Я было и забылъ о немъ, да вы же сами напомнили.

— Что за вздоръ? Я ничего не понимаю, сказалъ Петръ Ивановичъ, глядя на лоскутокъ.

— А вотъ взглянитесь.

Александръ поднесъ бумажку къ глазамъ дяди. Вдругъ лицо Петра Ивановича потемнѣло.

— Отдай! отдай, Александръ! закричалъ онъ торопливо и хотѣлъ схватить лоскутокъ. Но Александръ проворно отдернулъ руку. Лизавета Александровна съ любопытствомъ смотрѣла на нихъ.

— Нѣтъ, дядюшка, не отдамъ, говорилъ Александръ: — пока не сознаетесь здѣсь, при тетушкѣ, что и вы когда-то любили, какъ я, какъ всѣ.... Или, иначе, этотъ документъ передастся въ ея руки, на вѣчное храненіе.

— Варваръ! закричалъ Петръ Ивановичъ, что ты дѣлаешь со мной?

— Вы не хотите?

— Ну, ну: любилъ, подай!

— Нѣтъ, позвольте: что вы бѣсновались, ревновали?

— Ну, ревновалъ, бѣсновался.... говорилъ, морщась, Петръ Ивановичъ.

— Плакали?

— Нѣтъ, не плакалъ.

— Неправда! я слышалъ въ деревнѣ; признавайтесь.

— Языкъ не ворочается, Александръ: вотъ развѣ теперь заплачу.

— Ma tante! извольте документъ.

— Покажите, что это такое? спросила она, протягивая руку.

— Плакалъ, плакалъ, ей Богу, плакалъ; подай! отчаянно возопилъ Петръ Ивановичъ.

— Надъ озеромъ?

— Надъ озеромъ.

— И рвали желтые цвѣты?

— Рвалъ, ну тебя совсѣмъ! подай.

— Нѣтъ не все: дайте честное слово, что вы предадите вѣчному забвенію мою глупости и не станете поминать объ нихъ.

— Честное слово.

Александръ отдалъ лоскутокъ. Петръ Ивановичъ схватилъ его, зажегъ спичку и тутъ же сжегъ бумажку.

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, что это такое? спросила Лизавета Александровна.

— Нѣтъ, милая, этого и на страшномъ судѣ не скажу, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ: — да неужели я писалъ это? Быть не можетъ....

— Вы, дядюшка! перебилъ Александръ: — я, пожалуй, скажу, что тутъ написано: я наизусть знаю: «ангелъ, обожаемая мною....»

— Александръ! на вѣкъ поссоримся! закричалъ Петръ Ивановичъ сердито.

— Краснѣютъ, какъ преступленія — и чего! сказала Лизавета Александровна: — первой, нѣжной любви?

Она пожала плечами и отвернулась отъ нихъ.

— Въ этой любви такъ много.... глупаго, сказалъ Петръ Ивановичъ мягко, вкрадчиво: — вотъ у насъ съ тобой и помину не было объ искреннихъ изліяніяхъ, о цвѣтахъ, о прогулкахъ при лунѣ.... а вѣд ты любишь же меня: что, не правда?

— Да, я очень.... привыкла къ тебѣ, разсѣянно отвѣчала Лизавета Александровна.

Петръ Ивановичъ началъ въ задумчивости гладить бакенбарты.

— Что, дядюшка, спросилъ Александръ шопотомъ: — это такъ и надо?

Петръ Ивановичъ мигнулъ ему, какъ будто говоря: молчи.

— Петру Ивановичу прощительно такъ думать и поступать, сказала Лизавета Александровна: — онъ давно такой, и никто, я думаю, не зналъ его другимъ; а отъ васъ, Александръ, я не ожидала этой переменны....

Она вздохнула.

— О чемъ же вздохнули, ма tante? спросилъ Александръ.

— О прежнемъ Александрѣ, отвѣчала она.

— Неужели бы вы желали, ма tante, чтобъ я остался такимъ, какимъ былъ десять лѣтъ тому назадъ? возразилъ Александръ: — дядюшка правду говорить, что это глупая мечтательность....

Лицо Петра Ивановича начало свирѣпѣть. Александръ замолчалъ.

— Нѣтъ, не такимъ, отвѣчала Лизавета Александровна: — какъ десять лѣтъ, а какъ четыре года назадъ: помните, какое письмо вы написали ко мнѣ изъ деревни? Какъ вы хороши были тамъ!

— И, кажется, мечтали тамъ, сказалъ Александръ.

— Нѣтъ, не мечтали. Тамъ вы поняли, растолковали, какъ надо жить; тамъ вы были прекрасны, благородны, умны.... зачѣмъ не остались такими? зачѣмъ это было только на словахъ, на бумагѣ, а не на дѣлѣ? Это прекрасное мелькнуло, какъ солнце изъ за тучъ — на одну минуту....

— Вы хотите сказать, ma tante, что теперь я.... не умнѣе и не.... благороднѣе....

— Боже сохрани! нѣтъ! но теперь вы умны и благородны... по другому.... не по моему....

— Что дѣлать, ma tante! сказалъ съ громкимъ вздохомъ Александръ: — вѣкъ такой! Я иду наравнѣ съ вѣкомъ: нельзя же отставать! Вотъ я сошлюсь на дядюшку, приведу его слова....

— Александръ! свирѣпо сказалъ Петръ Ивановичъ: — пойдемъ на минуту ко мнѣ въ кабинетъ: мнѣ нужно тебѣ сказать одно слово.

Они пришли въ кабинетъ.

— Что это за страсть пришла тебѣ сегодня ссылаться на меня? сказалъ Петръ Ивановичъ: — ты видишь, въ какомъ положеніи жена?

— Что такое? съ испугомъ спросилъ Александръ.

— Ты ничего не замѣчаешь? А то, что я бросаю службу, свои дѣла, все — и ѣду съ ней въ Италію.

— Что вы, дядюшка! въ изумленіи воскликнулъ Александръ: — вѣдь вамъ нынѣшній годъ слѣдуетъ въ тайные совѣтники....

— Да видишь! тайная совѣтница-то плоха....

Онъ раза три задумчиво прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — моя карьера кончена! дѣло слѣдано; судьба не велитъ итти дальше — пусть! Онъ махнулъ рукой.

— Поговоримъ лучше о тебѣ, сказалъ онъ: — ты, кажется, идешь по моимъ слѣдамъ....

— Приятно бы, дядюшка! прибавилъ Александръ.

— Да! продолжалъ Петръ Ивановичъ: — въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ — коллежскій совѣтникъ, хорошее казенное содержаніе, посторонними трудами зарабатываетъ много денегъ, да еще во-время женишься на богатой.... да, Адуевы дѣлаютъ свое

дѣло! ты весь въ меня, только не достаетъ боли въ поясницѣ....

— Да ужь иногда колетъ.... сказалъ Александръ, дотронувшись до спины.

— Все это прекрасно, Александръ, разумѣется кромѣ боли въ поясницѣ, продолжалъ Петръ Ивановичъ: — я признаюсь, не думалъ, чтобъ изъ тебя вышло что нибудь путное, когда ты прїѣхалъ сюда. Ты все забиралъ себѣ въ голову замогильные вопросы, улеталъ на небеса.... но все прошло, и слава Богу! Я сказалъ бы тебѣ: «продолжай итти во всемъ по моимъ слѣдамъ, кромѣ....

— Кромѣ чего, дядюшка?

— Такъ.... я хотѣлъ бы тебѣ дать нѣсколько совѣтовъ.... на счетъ будущей твоей жены....

— Что такое? это любопытно.

— Да нѣтъ! продолжалъ Петръ Ивановичъ, помолчавъ: — боюсь, какъ бы хуже не надѣлать. Дѣлай, какъ знаешь самъ: авось догадаешься.... Поговоримъ лучше о твоей женитьбѣ. Говорять у твоей невѣсты двѣсти тысячъ приданого, правда ли?

— Да, двѣсти отецъ даетъ, да сто отъ матери осталось.

— Такъ это триста! закричалъ Петръ Ивановичъ съ испугомъ.

— Да еще онъ сегодня сказалъ, что всѣ свои пятьсотъ душъ отдаетъ намъ теперь же въ полное распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы выплачивать ему восемь тысячъ ежегодно: жить будемъ вмѣстѣ....

Петръ Ивановичъ вскочилъ съ креселъ, съ несвойственною ему живостію.

— Пстой, пстой! сказалъ онъ: — ты оглушилъ меня: такъ ли я слышалъ? повтори, сколько?

— Пять сотъ душъ и триста тысячъ денегъ.... повторилъ Александръ.

— Ты.... не шутишь?

— Какія шутки, дядюшка!

— И имѣніе.... не заложено? спросилъ Петръ Ивановичъ тихо, не двигаясь съ мѣста.

— Нѣтъ.

Дядя, скрестивъ руки на груди, смотрѣлъ нѣсколько минутъ съ уваженіемъ на племянника.

— И карьера и fortuna! говорилъ онъ почти про себя, любясь на племянника: — и какаѣ fortuna! и вдругъ! все, все! Александръ! гордо, торжественно прибавилъ онъ: — ты моя кровь, ты — Адуевъ! такъ и быть, обними меня!

И они обнялись.

— Это въ первый разъ, дядюшка! сказалъ Александръ.

— И въ послѣдній! отвѣчалъ Петръ Ивановичъ: — это необыкновенный случай. Ну, неужели тебѣ и теперь не нужно презрѣннаго металла? Обратись же ко мнѣ хоть однажды.

— Ахъ, нужно, дядюшка: издержекъ множество. Если вы можете дать десять, пятнадцать тысячъ....

— На силу, въ первый разъ! воскликнулъ Петръ Ивановичъ.

— И въ послѣдній, дядюшка: это необыкновенный случай! сказалъ Александръ.

ИВ. ГОНЧАРОВЪ.

КАТАЛИНА ДЕ ЭРАЙСО.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСПАНСКАЯ ПОВѢСТЬ, Г. АЛЕКСИСА ДЕ ВАЛОНА.

I.

Въ 1592 году, честный хидалго, въ Санъ-Себастьянѣ, Мигель де Эрайсо, старый солдатъ съ большимъ семействомъ и съ весьма ограниченнымъ состояніемъ, былъ очень неприятно изумленъ, когда въ одно прекрасное утро доложили, что милосердое небо въ прошлую ночь даровало ему еще четвертую дочь. Расчитавъ очень вѣрно, что у милой дочери не будетъ никакого приданого, чадолюбивый отецъ рѣшился посвятить маленькую Каталину Богу. Принявъ благое намѣреніе, онъ завернулъ новорожденную въ полу своего плаща и тотчасъ же отнесъ ее въ женскій монастырь, гдѣ игуменьей была его свояченица донья Урсула. Тутъ ужъ нельзя было и сомнѣваться, что ребенокъ, взлелѣанный въ самыхъ стѣнахъ святилища, сдѣлается современемъ образцомъ благочестія и примѣрной дочерью св. Доминника. Вышло, однакожъ, не совсѣмъ такъ, какъ расчитывалъ честный хидалго.

Каталина была прекапризная дѣвочка и самая непокорная послушница. Пятнадцати лѣтъ, въ этомъ возрастѣ, когда на челѣ молодой дѣвушки дѣтская невинность смѣшивается съ очаровательной граціею женщины, дочь стараго воина ничего не имѣла женственнаго ни въ характерѣ, ни въ чертахъ лица.

Не было въ ней и слѣдовъ этой прекрасной стыдливости молодой дѣвушки, въ которой начинается сознаніе красоты и тайное предчувствіе будущаго могущества. Гордая и надменная, она все хотѣла подчинить своей власти, и въ черныхъ ея глазахъ искрилось столько твердой рѣшимости, что въ скромной обители не знали, что и думать о странной послушницѣ: между горлицами выросла соколъ, съ которымъ управиться было мудрено. Не на всѣхъ, впрочемъ, характеръ Каталины оказывалъ одинаковое вліяніе. Ея ровесницы, съ младенчества приученныя къ повиновенію, со страхомъ подчинялись этой высшей и совсѣмъ не-женской волѣ; но старыя дѣвы, суровыя и строгія, по большей части ненавидѣли прекрасную дѣвушку. Суровѣе всѣхъ была донья Инкарнаціо де Алири, на которую молодость и красота производили самое непріятное впечатлѣніе: она терпѣть не могла Каталину и поклялась, при первомъ удобномъ случаѣ, проучить хорошенько дерзкую послушницу. Разъ, вечеромъ, когда всѣ сестры шли въ столовую, Каталина, наперекоръ заведенному порядку, обогнала старую постницу и неосторожно задѣла ее локтемъ: Инкарнаціо оттолкнула послушницу довольно невѣжливо, и когда Каталина еще разъ забѣжала впередъ, костлявая рука старой дѣвы дала ей такую громкую пощечину, какая вѣроятно еще никогда не раздавалась въ смиренной обители св. Доминика. Лицо молодой дѣвушки мгновенно измѣнилось и приняло такое страшное выраженіе, что испуганныя монахини, столпившись вокругъ нея, не безъ причины ожидали какой нибудь бѣды. Донья Инкарнаціо успѣшила скрыться; послѣ увѣряла она, что въ тоже мгновеніе угадала кровавую судьбу Каталины: столько ненависти и дикой ярости выражалъ ея взоръ, блиставшій, какъ обнаженный кинжалъ.

Это происшествіе имѣло роковое вліяніе на всю жизнь Каталины. Черезъ нѣсколько часовъ, 18 марта, 1607 года, наканунѣ св. Іосифа, когда монастырь собирался къ заутренѣ, Каталина вошла въ капеллу вмѣстѣ съ прочими сестрами и стала передъ теткой на колѣни. Донья Урсула, давъ ей ключъ отъ своей кельи, велѣла принести молитвенникъ. Послушница повиновалась: въ игуменской кельѣ открыла она шкафъ и увидѣла на гвоздикѣ цѣлую связку монастырскихъ ключей. Яркая мысль съ быстротою молніи пробѣжала въ ея головѣ. Оставивъ

дверь незамертою, она поспѣшила отдать моливенникъ и, сказавъ, что чувствуетъ себя нездоровою, просила позволенія удалиться. Донья Урсула поцаловала милую племянницу и совѣтовала отдохнуть. Каталина не заставила себя упрасивать: по выходѣ изъ церкви, она побѣжала въ игуменскую келью, за свѣтила свѣчу и во второй разъ отворила шкафъ. Она взяла оттуда пару ножницъ, иголку, клубокъ нитокъ и два реала изъ восьми другихъ, что были въ теткинномъ кошелкѣ. Послѣ этихъ распоряженій дѣвушка забрала монастырскіе ключи и тихонько вышла изъ смиренной обители, заперевъ двойнымъ замкомъ всѣ монастырскія двери, отъ первой до послѣдней. По выходѣ на незнакомую улицу, бѣгланка на минуту остановилась, не зная, на что рѣшиться. Ночь была тихая и ясная; въ городѣ господствовала глубокая тишина, нрѣдка прерываемая отдаленнымъ и слабымъ пѣніемъ монахинь. Куда итти? что дѣлать? въ какую сторону направить шаги? Впрочемъ, колебаніе смѣлой дѣвушки было непродолжительное. Каталина бросила фонарь, ключи, съ жадностію вдыхала вольный воздухъ и пустилась бѣжать изъ всей мочи, какъ жеребенокъ, вырвавшійся на волю.

За городомъ открылась передъ нею густая каштановая роща. Послѣ минутнаго размысленія дѣвушка углубилась въ чащу лѣса и запряталась въ кустарникъ. Съ наступленіемъ дня она раздѣлась и начала пороть, кроить, передѣлывать монашеское платье. Суконная голубая юбка преобразилась въ панталоны, зеленый подрясникъ послужилъ матеріаломъ для камзола и штиблетъ. Другія вещи, какъ ненужныя, брошены были въ лѣсу. Обрѣзавъ приличнымъ образомъ волосы, Каталина основательно разочла, что ее теперь можно принять за хорошенькаго мальчика, и, оставивъ засаду, побѣжала въ прямомъ направленіи отъ города. Въ двое сутокъ прошла она около двадцати миль, и на третій день прибыла въ Витторію. Несчастная дѣвушка едва дышала отъ усталости и голода: по выходѣ изъ монастыря, у ней ничего не было во рту, кромѣ травы и дикихъ ягодъ, какія попадались на дорогѣ.

Съ двумя реалами уйдешь не далеко. Въ новомъ городѣ у Каталины не было знакомыхъ. Не смѣя войти въ трактиръ, она купила у прохожаго торговца маленькую булку, сѣла на скамью и за этимъ завтракомъ принялась раздумывать о своемъ положеніи. Нужда, говорятъ, учитъ колачи ѣсть и голодъ придаетъ

память. Поломавъ голову, Каталина вдругъ вспомнила, что, кажется, въ Витторіи живетъ добрый старикъ донъ Франциско де Серралъта, дальній родственникъ ея матери, профессоръ. Подозвавъ рѣзваго школьника, бѣжавшаго съ книгами подъ мышкой, дѣвушка узнала, что Франциско точно живетъ въ Витторіи, и притомъ квартира его въ томъ самомъ домѣ, подлѣ котораго она сидѣла. Чуждая суевѣрія, Каталина увидѣла, однакожь, въ этомъ обстоятельствѣ указаніе судьбы и сильно постучалась въ дверь профессора.

Донъ Франциско, предобрѣйшій ученый мужъ, благосклонно принялъ молодого ученика, жаждущаго познаній и который очень кстати умѣлъ вклинить въ разговоръ два, три латинскихъ словца, подслушанныхъ въ монастырѣ. Мудрый просвѣтитель юности, хотя бы прежде сто разъ видѣлъ племянницу, всего менѣе способенъ былъ вообразить, что въ странномъ, оборванномъ костюмѣ стоитъ передъ нимъ молодая дѣвушка, вырвавшаяся изъ монастырскихъ стѣнъ: погруженный въ размышленія, онъ глубокомысленно рѣшалъ вопросъ, не скрывается ли въ этой юной душѣ зародышъ будущаго великаго человѣка, готоваго изумить вселенную исполинскими подвигами? Каталина обнаружила особую склонность къ латинскому языку. Вотъ она за склоненіями и спряженіями классической грамматики. Неправильные глаголы навели на нее страшную скуку. Стояло ли бѣжать изъ монастыря, чтобъ попасть подъ ферулу школьнаго педанта? Правда, столъ у профессора былъ очень недуренъ; но этотъ прохладный вѣтерокъ, раздувавшій тетради на ея рабочемъ столѣ, навѣвалъ какую-то отрадную свободу, отъ которой голова шла кругомъ. Она думала о большихъ дорогахъ, о прекрасныхъ деревьяхъ на вершинѣ горъ, думала, думала.... и въ одно прекрасное утро, лишь только профессоръ ушелъ со двора, захватила съ камина полную горсть реаловъ — совѣститься было нечего, потому-что деньги фамиліи — и потихоньку выбралась изъ дому. За городскими воротами встрѣтила она *arriero*, погонщика муловъ, который за одинъ *doitro* взялъ ее съ собою. Погонщикъ ѣхалъ въ Валладолидъ, куда отправилась и наша искательница приключеній.

Въ Валладолидѣ находился тогда король со всѣмъ дворомъ. Улицы загромождены были солдатами, лошадьми, каретами. При видѣ такихъ диковинокъ, монастырка потеряла голову

и наудачу пошла бродить по городу. Труппа музыкантовъ выполняла на большой площади воинственный маршъ; очарованная послушница, не помня себя, вмѣшалась въ толпу праздныхъ мальчиговъ, которые, во всякой странѣ, любятъ занятъ-ся за барабаномъ. Путешественникамъ извѣстно, что испанскіе зѣваки вообще отличаются самымъ страннымъ туалетомъ; но костюмъ Каталины, особенно этотъ зеленый камзолъ изъ монашескаго подрясника, уже черезчуръ превосходилъ всякую мѣру оригинальности, и веселая ватага, бросивъ музыкантовъ, съ шумомъ и гвалтомъ обступила незнакомаго товарища. За крикомъ слѣдовала брань, а тамъ очередь дошла до комковъ грязи. Каталина сперва храбро защищалась кулаками и пиньками; но потомъ борьба сдѣлалась опаснѣе, и когда буйная шайка стала напирать, смѣлая дѣвушка схватилась за камни. Мальчишка побойчѣе другихъ хотѣлъ ее обезоружить, но, пораженный въ голову острымъ камнемъ, упалъ безъ памяти на землю съ окровавленнымъ лицомъ и вышибеннымъ глазомъ. Остальные непріатели обратились въ бѣгство; но побѣдителя со всѣхъ сторонъ окружили прохожіе, и два альгвазила указали ему дорогу въ городскую тюрьму.

Нѣтъ сомнѣнія, похождения монастырки кончились бы очень прозаически, если бы судьба не явилась къ ней на помощь. Одинъ придворный, жившій на площади, видѣлъ изъ окна всю сцену сраженія. Пораженный необыкновенною храбростію Каталины, ея прекрасною наружностію и страннымъ костюмомъ, онъ на скорую руку выбѣжалъ изъ квартиры, догнавъ альгвазиловъ, въ двухъ словахъ объяснилъ дѣло, и плѣнница по его повелѣнію немедленно освобождена. Каталина молча пошла за своимъ благодѣтелемъ и, на досугъ разсматривая его шляпу съ бѣлыми перьями, шитый золотомъ камзолъ и длинную рапиру, пришла къ заключенію, что это былъ вѣроятно самъ король. Но она ошиблась: это былъ не король, а богатый вельможа, донъ Карлосъ де Ареллано, который въ тотъ же день оставилъ Каталину при себѣ, въ должности пажа. На другой день одѣли ее съ ногъ до головы, и племянница доньи Урсулы, въ пышномъ бархатномъ костюмѣ, съ золотымъ кинжаломъ за поясомъ, почувствовала въ себѣ непобѣдимое могущество. Съ этой поры рѣшилась судьба монастырки, и она увидѣла себя призванною на великія дѣла.

Едва прошелъ мѣсяцъ, какъ странное происшествіе подтвердило предчувствіе. Однажды вечеромъ, когда Каталина сидѣла въ передней новаго господина съ другимъ пажомъ, вдругъ вошелъ старый солдатъ и просилъ доложить о себѣ донъ Карлосу. Съ первыхъ же словъ дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ Каталины: посѣтитель, просившій о докладѣ, былъ ея отецъ, Мигель де Эрайсо. Сначала Каталина хотѣла бѣжать, но потомъ одумалась и рѣшилась положиться на обыкновенную свою отвагу. Смѣло и твердымъ голосомъ отвѣчала она, что донъ Карлосъ у себя, и что она сейчасъ узнаетъ, угодно ли его превосходительству принять неожиданнаго посѣтителя. Вскорѣ она воротилась съ утвердительнымъ отвѣтомъ, и Мигель де Эрайсо устремилъ пронизательные глаза на переодѣтую дочь; но вѣроятно взглядъ этотъ не подтвердилъ подозрѣній, и старый воинъ скорымъ шагомъ пошелъ къ донъ Карлосу въ сопровожденіи пажа, который, при всей дерзости, едва могъ сохранить присутствіе духа. Сеньоръ де Ареллано вышелъ навстрѣчу и дружески обнимая стараго Мигеля, освѣдомился о причинѣ пріятнаго визита. Ветеранъ, со слезами на глазахъ, рассказалъ о соблазнительномъ побѣгѣ дочери, и Каталина увидѣла, что донъ Карлосъ считался могущественнымъ покровителемъ сантъ-себастьянскаго монастыря, основаннаго его предками. Болѣе уже ничего она не слышала: съ растерзаннымъ сердцемъ бѣдная дѣвушка на цыпочкахъ пробралась въ свою комнату, наскоро уложила нужнѣйшія вещи, захватила кошелекъ съ восемью дублонами и, не дожидаясь окончанія бесѣды своего господина, побѣжала въ конюшню гостиницы и запряталась въ соломенную кучу. Два кучера, спавшіе на сушилѣ, потихоньку разговаривали между собою. Каталина наострила ухо и узнала, что ея ночные товарищи ѣдутъ завтра въ Сантъ-Лукаръ, откуда въ слѣдующемъ мѣсяцѣ должна отправиться въ Америку эскадра Фернандеса де Кордовы. Съ разсвѣтомъ бѣглянка выбралась изъ конюшни и подождала на дорогѣ караванъ погонщиковъ. Условившись въ дорожныхъ издержкахъ, она весело отправилась въ Сантъ-Лукаръ, куда и прибыла черезъ пятнадцать дней. Эскадра была уже совсѣмъ готова, и только искали молодыхъ людей для комплектованія экипажа. Каталина, еще преслѣдуемая образомъ *чадолюбиваго* отца, рѣшилась отдѣлать себя отъ чуждества Атлантическимъ океаномъ и смѣло явилась къ капи-

тану Эстевану Эгнито, который охотно взялъ ее на бортъ въ качествѣ корабельнаго юнга. Ночью, при попутномъ вѣтрѣ, выпустили паруса, и на другой день эскадра съ нашей героиней скрылась отъ береговъ Испаніи.

II.

Не мѣшаетъ теперь предупредить читателя, что повѣсть наша не сказка. Каталина дѣйствительно существовала, и притомъ именно такъ, какъ мы ее описываемъ; рассказъ этотъ основанъ на ея же мемуарахъ, изданныхъ на старомъ кастильскомъ нарѣчьи подъ заглавіемъ : *Historia de la Monja Alferes, donna Catalina de Erauso, escrita par ella misma.*

Итакъ, наша странница преобразилась въ моряка и живетъ среди двухъ сотенъ матросовъ. Положеніе очень затруднительное; но Каталина и не думала объ опасностяхъ, которыя ее окружали: въ мужскомъ костюмѣ она, повидимому, сама забыла, что была нѣкогда женщиной, да еще монастыркой. Она совершенно освоилась съ своей ролью, и во всей жизни этой необыкновенной женщины ничего не было женскаго. Непокорный школьникъ въ домѣ стараго профессора, дерзкій пажъ при особѣ донъ Карлоса, она сдѣлалась теперь самымъ безстрашнымъ юнгою, и ни одинъ матросъ не имѣлъ счастья угадать дѣвушку въ этомъ засаленномъ костюмѣ Франциско: такъ покаместъ она перекрестила себя на бортѣ корабля. Послѣ долгаго и опаснаго плаванія пристали, наконецъ, къ берегамъ Перу. Корабль Эстевана Эгнито былъ отправленъ въ маленькую пантскую гавань, въ двухъ стахъ миляхъ отъ Лимы. Ужасная катастрофа снова подвергла тяжелымъ испытаніямъ мужество Каталины. Въ темную, бурную ночь корабль наѣхалъ на утесъ, разбился во многихъ мѣстахъ, и вода хлынула со всѣхъ сторонъ. Экипажъ, несмотря на просьбы капитана, вооружилъ большую шлюпку и вдругъ оставилъ судно съ его начальникомъ на произволъ неминуемой гибели. Каталина, подъ вліяніемъ героизма или благодѣтельнаго вдохновенія, одна осталась вѣрно своей обязанности и распоряженіямъ капитана. Спустя четверть часа она увидѣла, при блескѣ молній, какъ шлюбка, наскочивъ на

подводный рифъ , разбилаясь вдребезги и погибла со всѣми де-зертерами.

Къ разсвѣту буря утихла, и море успокоилось. Разбитый корабль повисъ какимъ-то чудомъ между двумя утесами, трескался со всѣхъ сторонъ и готовъ былъ исчезнуть подъ волнами. Каталина поняла, что времени терять нечего : вмѣстѣ со старымъ капитаномъ собрала она нѣсколько разбросанныхъ обломковъ, крѣпко связала ихъ канатомъ и устроила такимъ образомъ небольшой плотъ. Хладнокровіе ни на минуту ее не покидало : въ эту торжественную минуту вспомнила она, что безъ денегъ недалеко уйдешь по большой дорогѣ міра. Вооруженная топоромъ, до пояса въ водѣ, она пробралась въ каюту, разбила денежный сундукъ, вынула сотню червонцевъ и положила ихъ въ полотняный мѣшокъ, который привязала къ одной изъ досокъ импровизированнаго плота. Потомъ все это бросила она въ море и, наконецъ, бросилась сама, приглашая за собою дона Эстевана. Старый капитанъ, хотѣвшій за нею послѣдовать, сломилъ голову; но Каталина вскарабкалась кое-какъ на свой плотикъ и пустилась на волю божію. Черезъ нѣсколько минутъ бездыханная дѣвушка лежала на песчаномъ берегу, выброшенная морскими волнами.

Сколько времени пробыла она безъ движенія и безъ жизни, ей было неизвѣстно. Пріятное ощущение теплоты, проникшей въ окостенѣлые члены, оживило отважную дѣвушку. Она открыла глаза и посмотрѣла вокругъ себя. Берегъ казался пустымъ, знойное солнце проливало потоки свѣта на безлюдную землю. Море было спокойно, и только разбросанные по берегу остатки корабля напоминали недавно ярость раздраженной стихіи. Каталина смотрѣла вдаль по направленію утесовъ, гдѣ погибъ *Nabanevo* : отъ прекраснаго корабля ничего не осталось. Итакъ, связи, соединившія ее съ Европой, подозрѣнія, которыя могли за нею слѣдовать, — все это поглощено кораблекрушеніемъ. Слѣдъ ея пропалъ навсегда, и въ этомъ новомъ мірѣ, который сдѣлается ея отечествомъ, будетъ она жить спокойно, не заботясь ни о комъ, безъ воспоминаній о прошедшемъ. Но гдѣ же она, и что ей дѣлать? Каталина недолго ломала голову надъ этими вопросами. Первымъ ея дѣломъ было привести въ порядокъ матросское платье, уже высушенное солнцемъ; она убрала приличнымъ образомъ свои черные какъ смоль волосы; потомъ

отвязала отъ маленькаго плотика, выброшеннаго съ нею на берегъ, драгоценный полотняный свертокъ, и наполнила карманы золотыми квадрупиями. Кончивъ эти приготовления, Каталина почувствовала, что умираетъ съ голоду.

Обозрѣвъ пронизательнымъ взоромъ пустынный край и не видя ничего обличающаго на берегу присутствіе человѣка, смѣтливая дѣвушка сообразила, что, углубляясь во внутренность страны, легко можно погибнуть отъ изнеможенія; напротивъ, придерживаясь береговъ, рано или поздно, дойдешь же наконецъ до Панты, потому-что Панта была морская пристань. Оставалось узнать, на югъ или на сѣверъ должно итти. Ей казалось, лучше на сѣверъ. Но всѣ эти соображенія, при всей основательности, нисколько, однакожъ, не утолили ея голода; до Панты, можетъ быть, еще далеко, и, почему знать? провидѣніе спасло ее отъ кораблекрушенія, можетъ быть, для того, чтобы уморить съ голоду на сухомъ берегу. Едва сдѣлала она нѣсколько шаговъ, какъ увидѣла завязшій въ песокъ небольшой боченокъ, выброшенный съ погибшаго корабля. Въ боченкѣ были сухари, немного, правда, попорченныя, но которые составляли роскошный обѣдъ для нашей странницы. Утоливъ голодъ, она не забыла и на будущій разъ заготовить провизію; потомъ цѣлый день шла по берегу ручья, дополнившаго ея обѣдъ. На другой день опять храбро пустилась она въ дорогу и къ вечеру въ отдаленіи замѣтила непрерывный рядъ домовъ. Инстинктъ не обманулъ Каталину: это была Панта.

Прежде чѣмъ войти въ городъ, Каталина очень умно рассудила, что съ золотомъ въ карманахъ ей вовсе не было нужно общественное соболѣзнованіе, и что на ея мѣстѣ было бы даже глупо рассказывать о своихъ приключеніяхъ. Зачѣмъ пѣть жалобную пѣсню съ капиталомъ въ рукахъ, который давалъ полную возможность играть почетную роль въ этомъ углу міра? Вслѣдствіе такихъ соображеній она велѣла указать себѣ въ Пантѣ лучшую гостинницу, гордо вошла въ отведенную *Locanda*, заказала отличный ужинъ и, покушавъ съ большимъ аппетитомъ, легла спать. На другой день она призвала лучшаго городского портного, купила щегольской костюмъ, приличный сыну богатаго арматора, какъ теперь назвалась, и пошла гулять по городскимъ улицамъ въ пышномъ нарядѣ, въ шляпѣ на бекрень, держа голову вверхъ. Портной, совершившій чудное превраще-

нiе, назывался Уркиза. Болѣе купецъ, чѣмъ портной, онъ производилъ выгодную торговлю въ Пантѣ и Трухильо, гдѣ была у него вторая контора. Каталина понравилась Уркизѣ. Негоціантъ открылъ въ нашей странницѣ отличный почеркъ, свѣдѣнiя въ ариметикѣ, необходимыя для счетныхъ книгъ и, въ добавокъ, живой, проникательный умъ, то есть, всѣ принадлежности отличнаго конторщика, какихъ немного въ Пантѣ. Собираясь скоро ѣхать въ Трухильо, онъ предложилъ молодому Доминго (новое имя Каталины) управлять въ его отсутствiе пантскими дѣлами. Доминго согласился. Онъ принялъ отъ купца двухъ невольниковъ въ услуженiе, негрятянку повариху, по три ефимка въ день для своихъ расходовъ, и расположился въ магазинѣ послѣ отъѣзда Уркизы. Новый конторщикъ собралъ подробныя свѣдѣнiя о хозяйственной части и о томъ, кто были обыкновенными покупателями негоціанта. Уркиза особенно рекомендовалъ сеньору Беатрису, знатную даму, которую очень любилъ и удостоивалъ полнаго довѣрiя; но у этой дамы былъ двоюродный братецъ, сеньоръ Рейсъ, шалунъ и кутила, котораго надлежало держать въ почтительномъ отдаленiи. Донья Беатриса не замедлила притти въ магазинъ и набрала въ долгъ всякой всячины: бархату французскаго, голландскаго полотна, китайскихъ вѣровъ, кастильскихъ кружевъ, и прочая, и прочая, такъ что Доминго счелъ за нужное предупредить своего хозяина; но тотъ отвѣчалъ, что сеньора можетъ, пожалуй, закупить цѣлую лавку: не мѣшать ей. Слѣдовательно, все шло къ лучшему, и Доминго окончательно опредѣлилъ свое коммерческое поведенiе.

Черезъ нѣсколько времени прибыла въ Панту труппа странствующихъ актеровъ, которые, во всѣхъ странахъ, въ известное время года, забавляютъ провинціальную публику своими штуками. Доминго, какъ одинъ изъ городскихъ франтовъ, не замедлилъ притти на подобный праздникъ. Вечеромъ, когда онъ, по обыкновенiю, сидѣлъ довольно спокойно въ углу залы, зтотъ самый Рейсъ, которому конторщикъ ничего не вѣрилъ въ долгъ, сталъ передъ нимъ, такъ что совершенно заслонилъ спену. Доминго учтиво попросилъ его посторониться; но негодяй, вмѣсто всякаго отвѣта, послалъ его къ чорту и съ грубостiю прибавилъ, что если тотъ не оставитъ его въ покоѣ, онъ свернетъ ему шею. Это было уже черезчуръ: ложный комми, виѣ

себя отъ гнѣва, вскочилъ съ мѣста и обнажилъ кинжалъ. Къ счастью подоспѣли тутъ бывшіе пріятели, окружили раздраженнаго конторщика, вывели изъ театра и растолковали, что Рейсъ самъ добивался его мѣста въ богатомъ магазинѣ, и что Доминго можетъ простить безсильнаго соперника. Конторщикъ, видимо, успокоился, но это гордое сердце не прощало подобныхъ обидъ: въ немъ кипѣла жолчь, и молодой человѣкъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ удобной минуты наказать дерзкаго обидчика. Часъ миценія пробилъ скоро. На другой день Рейсъ проходилъ мимо магазина и, замѣтивъ въ конторѣ Доминго, дерзко плюнулъ на окно. Тотчасъ Каталина схватила шпагу своего хозяина и побѣжала по слѣдамъ дерзкаго. Догнавъ его на площади, гдѣ тотъ гулялъ съ пріятелемъ, она немедленно его остановила: — эй! сеньоръ Рейсъ, закричала она пронзительнымъ голосомъ. — Чего тебѣ надобно? отвѣчалъ тотъ, изумленный блѣдностію молодого конторщика. — Я хочу поучить тебя, какъ свертываютъ шею молодымъ людямъ. И обнаживъ шпагу, Каталина погрузила ее въ грудь своего врага до самой рукояти. Несчастный упалъ; но побѣдитель еще не успѣлъ собраться съ духомъ, какъ два альгвазила схватили его заворотъ и потащили въ городскую тюрьму.

Читатель легко представитъ, что Каталина не пришла въ отчаяніе. Впрочемъ, какъ скоро гнѣвъ уступилъ мѣсто размышленію, и когда арестантка взглянулась хорошенько въ мрачныя стѣны тюрьмы и желѣзные запоры, она начала подумывать, что положеніе ея крайне незавидное. Чтѣжь тутъ дѣлать? Изъ тюрьмы не выйдешь какъ изъ санъ-себастьянскаго монастыря, и петля на шею, какая могла ее ожидать, вовсе не то, что голодный столъ, за который во время оно сажали монастырскую проказницу. Въ припадкѣ отчаянія, она съ яростію скрестила руки на груди, и при этомъ движеніи правая рука встрѣтила подъ камзолomъ что-то твердое: это былъ портфейль, который, по обыкновенію, она всегда носила съ собою. Мысль съ быстротою молніи озарила ея голову. Въ портфейлѣ были карандашъ и бумага; стало быть, она могла писать.... но къ кому? Уркиза былъ въ Трухильо: какъ дойдетъ до него письмо? Ей пришла въ голову сеньора Беатриса, дорожившая, по всей вѣроятности, больше своимъ любовникомъ, богатымъ негоціантомъ, чѣмъ негодяемъ братцемъ, который вполнѣ заслуживалъ

своей участи. Притомъ выбора и нельзя было дѣлать. Поэтому она написала къ доньѣ Беатрисѣ де Кардена, изложивъ, какъ слѣдуетъ, всѣ подробности приключенія. Когда вошелъ тюремщикъ съ тощимъ завтракомъ, она отдала ему письмо и увѣрила, что ему тотчасъ же отсчитаютъ три червонца, если записка дойдетъ по адресу. Кончивъ эти распоряженія, она начала ждать, и ждала цѣлую недѣлю, которая показалась ей вѣчностію. Въ восьмой день тюремщикъ сказалъ съ обыкновенною сухостію, что Уркиза воротился изъ Трухильо, и сеньоръ Доминго скоро получитъ объ немъ извѣстія. Въ тотъ же день, вечеромъ, тяжелая дверь заскрипѣла снова на своихъ крючьяхъ, и женщина подъ вуалью таинственно вошла въ душную темницу. Это была донья Беатриса. Каталина увидѣла въ ней ангела освободителя и стремительно бросилась къ ногамъ сеньоры. Беатриса благосклонно подняла молодого Доминго и посадила подлѣ себя на жесткой постелѣ. Тогда она рассказала, что Уркиза, извѣщенный ею, выхлопоталъ отъ коррехидора уполномочіе пробраться въ тюрьму; но во всякомъ случаѣ положеніе было слишкомъ затруднительное, потому-что Рейсъ умеръ и фамилія поклялась преслѣдовать убійцу. Слѣдовательно, надлежало бѣжать, и какъ можно скорѣе. Средства къ побѣгу уже готовы. «Я не хочу, съ улыбкой прибавила Беатриса, чтобы такой прелестный мальчикъ умеръ на висѣлицѣ». При этихъ словахъ Доминго пристально взглянулъ на свою собесѣдницу: донья Беатрисѣ было не больше двадцати пяти лѣтъ; перловые зубы, миндальные глаза, прекрасные черные волосы, андалузская талія дѣлали ее блистательною красавицею, въ строгомъ смыслѣ слова. Средства къ побѣгу, принесенныя Беатрисой, были уже стары и для тогдашняго времени, однакожь, они удались еще разъ, какъ безъ всякаго сомнѣнія будутъ удаваться во вѣки вѣковъ, пока не переведутся жадные тюмерщики и звонкая монета. Она принесла Домингу платье и мантилью. Арестантъ, наряженный женщиной, долженъ былъ выйти изъ тюрьмы, играя роль посѣтительницы, которая останется на его мѣстѣ. При этомъ неожиданномъ предложеніи, не зная, что отвѣчать, Доминго сжалъ въ своихъ рукахъ прелестныя руки красавицы и медленно поднесъ ихъ къ устамъ. вмѣсто сопротивленія, бѣглыя руки сами собою касались робкихъ устъ, и одна изъ нихъ обвилась около шеи счастливаго

плѣнника , который въ упоеніи страсти чувствовалъ , что щоки его пылаютъ отъ нѣжныхъ поцалуевъ. Но вдругъ Каталина вырвалась изъ пламенныхъ объятій , и блуждающіе ея глаза встрѣтили сверкающій взоръ изумленной красавицы. Къ счастью для плѣнника , неопытность тоже иной разъ имѣетъ свою прелесть , и сеньора очень хорошо знала привиллегіи первой молодости ; къ счастью также , тюремщикъ тотчасъ началъ стучаться въ дверь. Надлежало торопиться. Доминго наскоро надѣлъ свой женскій туалетъ и въ крайнемъ смущеніи вышелъ изъ темницы. Онъ побѣжалъ къ Уркизѣ , обдумывая на дорогѣ , чѣмъ окончится вся эта исторія .

Негоціантъ съ отеческою нѣжностію обнялъ своего конторщика и былъ чрезвычайно радъ , что увидѣлъ его *здрави и невредима*. Дѣло , однакожъ , кое-какъ замятое , далеко не было приведено къ концу. Прежде всего должно было оставить домъ Уркизы и отыскать другое безопасное убѣжище. Впрочемъ , негоціантъ уже все приготовилъ ; имѣніе молодого человѣка было отнесено въ тайное мѣсто , куда онъ проводитъ его самъ. Не теряя времени , онъ взялъ Доминго за руку и повелъ по извилистымъ переулкамъ къ маленькому домику , который стоялъ одиноко на концѣ города. Ласковая и смазливая горничная , повидимому ожидавшая ночныхъ посѣтителей , немедленно отворила двери. Бросивъ на Доминго любопытный взглядъ , она провела гостей въ прекрасную , ярко освѣщенную залу , гдѣ уже накрытъ былъ столъ для ужина. Доминго замѣтилъ , что на столѣ поставлено три прибора. Онъ взглянулъ , въ свою очередь , на горничную , и та отвѣчала значительной улыбкой , которой нельзя было растолковать. Оставшись наединѣ , Уркиза объяснилъ пріятелю , въ чемъ дѣло. Коррехидоръ , говорилъ онъ , подстрекаемый неумолимыми родителями Рейса , долго отказывался помочь бѣдѣ. Наконецъ , чтобы выпутаться изъ затрудненія , Уркиза долженъ былъ выдумать офиціальную ложь. Онъ объявилъ , что Доминго и донья Беатриса тайно обвѣнчаны. Эта выдумка отстраняла всѣ затрудненія , потому-что Беатриса была сестрою Рейса , и стало быть , смерть его , съ этой точки зрѣнія , становилась маленькой семейною драмой , которая исключала необходимость родовой мести. Коррехидоръ послѣ этихъ показаній согласился на освобожденіе , имѣвшее всѣ признаки бѣгства. Теперь оставалось только выполнить обрядъ , то есть ,

въ самомъ дѣлѣ жениться на Беатрисѣ, которая съ такимъ самоотверженіемъ компрометировала себя для своего жениха. — Впрочемъ, прибавилъ Уркиза:—она васъ очень, очень любитъ. И вѣдь вотъ, подумаешь, какое счастье, получить вмѣстѣ съ свободой прелестнѣйшую жену во всей Паитѣ!

Доминго смотрѣлъ на негоціанта съ выраженіемъ величайшаго изумленія. Угадать обдуманнѣйшій заговоръ подъ этой прудѣлкой было нетрудно. Беатриса, нѣтъ сомнѣній, была явной любовницей Уркизы, и ея репутація уже давно скомпрометирована. Выдавая ее за Доминго, хитрый негоціантъ возвращалъ красавицѣ приличное положеніе въ свѣтѣ и въ тоже время удерживалъ при себѣ опытнаго конторщика. Спекуляція очень недурная. Доминго тотчасъ же разгадалъ всю интригу и, чтобы выиграть время, предложилъ на первый разъ нѣсколько замѣчаній. — Я, говорилъ онъ, очень незавидный женихъ для такой прекрасной дамы:—предложить ей мою бѣдность, значитъ слишкомъ дурно заплатить за ея великодушіе. Притомъ, къ чему весь этотъ формализмъ? Развѣ нельзя сказать роднымъ, что мы уже обвинены, и отстранить этой ложью всякое затрудненіе? Все это Уркизѣ казалось весьма основательнымъ. — Но, возразилъ онъ, какъ увѣрить въ подобной исторіи раздраженную фамилію, не представивъ оффиціальнѣйшихъ актовъ? А любовь самой Беатрисы развѣ ничего не значитъ? Неужели ей надобно погибнуть, если великодушная выходка не будетъ оправдана законною любовью? Притомъ, этотъ домъ, теперешнее убѣжище Доминго, принадлежитъ Беатрисѣ: что же скажетъ свѣтъ, что подумаетъ самъ коррехидоръ, когда будетъ узно, что здѣсь скрывается убійца Рейса? На это ничего нельзя было отвѣчать, и Доминго, притворяясь убѣжденнымъ, благодарилъ почтеннаго друга за устроенное блаженство.

Въ эту минуту дверь отворилась и вошла Беатриса. Живѣйшее волненіе отражалось въ ея глазахъ, лицо пылало, и она была очаровательна. Взоръ ея нѣжно привѣтствовалъ Доминго, когда тотъ цаловалъ руку. Говорили о тюрьмѣ, о счастливомъ побѣгѣ и ужинали очень весело; само собою разумѣется, въ присутствіи молодой вдовы (донья Беатриса была вдова) не было и помину о супружествѣ. Между тѣмъ, Доминго съ безпокойствомъ осматривался вокругъ себя. Теперь, или никогда, нужно было собрать все присутствіе духа, потому-что дѣла подвигались очень

быстро. Онъ украдкой осматривалъ двери, окна, всѣ углы роскошной залы. Разсѣянность молодого человѣка приписывали страху альгвазиловъ и, какъ уже наступило время отдыха, ему предложили удалиться въ потаенную комнату подъ лѣстницей, гдѣ никто не могъ его сыскать. Доминго согласился и пошелъ внизъ въ сопровожденіи негоціанта и сеньоры, которые указывали дорогу. «Нельзя ли теперь улизнуть?» думалъ женихъ, но Уркиза былъ силенъ, проворенъ и какъ разъ догналъ бы бѣглеца. Притомъ, на крикъ его могли сбѣжаться люди, и тогда, въ случаѣ неудачи, все пропало. Наконецъ, подошли къ дверямъ таинственной комнаты; Каталина дрожала; какъ осинвый листъ. Негоціантъ вошелъ первый; лампа, которую онъ держалъ, освѣтила небольшую комнату безъ оконъ и безъ всякаго отверстія, кромѣ тяжелой двери. Стоило переступить за порогъ — и все потеряно. Въ эту роковую минуту инстинктъ дѣвушки внушилъ ей одну изъ тѣхъ счастливыхъ мыслей, которыя уже не разъ выпутывали ее изъ бѣды. Когда Беатриса подала руку, при переходѣ двухъ трудныхъ ступеней, конторщикъ схватилъ ее за талию и со всего размаху бросилъ изумленную невѣсту на сеньора Уркизу. Потомъ, не теряя ни секунды, затворилъ и заперъ дверь, вынулъ изъ замка ключъ и стремглавъ бросился на улицу, прямо къ морской пристани. Тамъ наскоро отвязалъ онъ лодку, отплылъ отъ берега и началъ грести со всею силою опытнаго моряка. Проѣхавъ милю, Каталина перевела духъ и съ упоеніемъ смотрѣла на безбрежное море. Волны были спокойны, на небѣ сіяли звѣзды, попутный ветерокъ качалъ уютную лодку. Дѣвушка понеслась, какъ легкое перо, по дунуванію судьбы.

III.

Измѣривъ, при свѣтѣ луны, дорогу, по которой слѣдовало плыть, увѣрившись, что никто не гнался въ погоню, Каталина, измученная усталостью, легла въ своей лодкѣ и уснула. Когда она встала, солнце сіяло уже во всемъ блескѣ. Лодка, между тѣмъ, увлекаемая вѣтромъ, въ продолженіи ночи занеслась далеко. Земли ни съ которой стороны не было видно, и бѣглянка очутилась среди океана, между небомъ и водою, безъ компаса,

безъ съѣстныхъ припасовъ. Грести неизвѣстно куда, значило терять напрасный трудъ. Каталина скрестила руки и положила на судьбу. Долго взоры ея бесполезно всматривались въ различныя точки горизонта; наконецъ, къ вечеру, въ туманной дали примѣтила она какъ будто парусъ. Тогда немедленно схватила она весла и что есть духу понеслась къ этой отдаленной надеждѣ, готовой исчезнуть подъ угрожающимъ мракомъ наступающей ночи. Къ счастью, завидѣнное судно плыло по ея направленію, и она пригнала лодку довольно скоро. Не въ дальнемъ разстояніи, она привязала платокъ къ рукояткѣ весла и начала дѣлать отчаянные сигналы. Черезъ нѣсколько минутъ — о, невыразимая радость! — ее увидѣли, и судно понеслось прямо къ ней. Тогда благоразуміе пробудилось въ умѣ этой чудной дѣвушки, и не зная, съ кѣмъ придется имѣть дѣло, она позаботилась устроить свой приемъ на незнакомомъ кораблѣ. Планъ ея образовался и созрѣлъ въ одно мгновеніе. При возрастающей темнотѣ ночи, скрывавшей импровизированную продѣлку, она сильно наступила ногой на край лодки, толкнула ее три раза, и нахлынувшая вода затопила маленькое судно. Послѣ такого маневра, Каталина съ удивительнымъ искусствомъ разыграла роль утопающей, и корабль принялъ ее со всѣми знаками искренняго участія.

Корабль былъ испанскій и ѣхалъ изъ Паномы въ городъ Зачатіе, куда везъ значительное вспомогательное войско, назначенное для экспедиціи противъ хилійскихъ Индѣйцевъ. Выбирать было не изъ чего, и легко угадать, на что рѣшилась Каталина. Промѣнявъ конторскія книги на ружье, она записалась волонтеромъ въ полкъ Гонзальвы Родриго подъ именемъ Пьетро Діазы изъ Санъ-Себастіана. Зачѣмъ теперь, противъ обыкновенія, она обозначила мѣсто своего рожденія? — Просто пришла фантазія, охота пошутить надъ судьбой, — и больше ничего.

Въ Зачатіи съ большимъ нетерпѣніемъ дожидались корабля съ обѣщаннымъ отрядомъ. Едва завидѣли его изъ гавани, какъ прекрасная шлюбка выѣхала къ нему на встрѣчу. Стоявшій на кормѣ офицеръ въ богатомъ костюмѣ, въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ, громкимъ и повелительнымъ голосомъ отдавалъ распоряженія. Имя и чинъ офицера, очень хорошо извѣстные экипажу, перелетали изъ устъ въ уста: это былъ Мигель де Эрайсо, секретарь генераль-губернатора. Мигель де Эрайсо! Каталина

однимъ прыжкомъ соскочила къ пассажирскимъ чемоданамъ и съ ногъ до головы осмотрѣла офицера, выходившаго на бортъ. Мигель де Эрайсо былъ ея братъ. Никогда она его не знала и не видала, потому-что ей было только два года, когда тотъ отправился въ Америку; однакожъ, ей было извѣстно, что братъ существовалъ, только Богъ знаетъ гдѣ и при чемъ. Губернаторскій секретарь поставилъ солдатъ подъ ружье и, съ реэстромъ въ рукахъ, началъ переключку, внимательно осматривая каждого. Когда очередь дошла до Пьетро Діаза изъ Санъ-Себастьяна, офицеръ съ любопытствомъ подошелъ къ молодому солдату, сказалъ на баскскомъ нарѣчїи, что они земляки, спросилъ, знаетъ ли Пьетро его фамилію и, послѣ утвердительнаго отвѣта, подробно разспрашивалъ объ отцѣ, о матери, о маленькой Каталинѣ. На всѣ эти вопросы Пьетро отвѣчалъ смѣло, бойко и очаровалъ капитана Мигеля живостью своего ума. Какъ скоро отрядъ былъ принятъ и высаженъ на берегъ, сеньоръ де Эрайсо, съ перваго взгляду полюбившій расторопнаго земляка, выпросилъ у губернатора позволеніе удержать Діаза при себѣ.

Подъ начальствомъ брата, Каталина отлично изучила трудное ремесло солдата. Около году она жила съ Мигелемъ подъ одной кровлей, кушала за однимъ столомъ, не покидала его ни на часъ и принимала дѣятельное участіе во всѣхъ экспедиціяхъ противъ Индѣйцевъ. И во все это время она ни разу не измѣнила себѣ, не проболталась ни однимъ словомъ, не подала ни малѣйшаго намека! Къ концу года губернаторъ принялъ новую систему. Чтобы окончательно раздѣлаться съ непріателемъ, онъ собралъ разсѣянные отряды и съ войскомъ изъ пяти тысячъ пошелъ къ равнинамъ Вальдивїи. Послѣ многихъ маршей и трудныхъ переходовъ по бесплодной пустынѣ, гдѣ солдаты во всемъ терпѣли недостатокъ, Индѣйцевъ, наконецъ, догнали и завязали жаркое дѣло. Битва была отчаянная и еще нерѣшительная, какъ вдругъ толпы непріятелей, посаженныхъ въ засадѣ, съ яростью устремились на батальонъ Каталины, смяли солдатъ, перерѣзали офицеровъ и отняли знамя. Упоенные успѣхомъ, Индѣйцы отступили, захвативъ съ собою трофеи. При этомъ видѣ, Каталина, сгруппировавшая около себя отважныхъ солдатъ, не могла болѣе удержать своей неустовой храбрости. Въ минуту высокой дерзости, достойной самыхъ мужественныхъ героинь, она сильно пришпорила коня и закричала пронзительнымъ голосомъ:

«кто любитъ Испанію, за мной!» Два офицера, по ея примѣру, устремились за Индѣйцами, которые немедленно обратились встрѣтить безразсудныхъ смѣльчаковъ. Діазъ и его товарищи ринулись въ самую середину дикарей, поражая чѣмъ попало справа и слѣва, убивая однихъ, нанося смертельныя раны другимъ. Вскорѣ одинъ изъ трехъ храбрецовъ былъ убитъ; два другіе напали на непріятеля съ новою яростію. Палъ мертвымъ и другой офицеръ, когда знамя было почти отбито. Діазъ, оставшись одинъ, разсѣкаетъ голову дикаря, который держалъ трофей, схватываетъ знамя за древко, размахиваетъ имъ, какъ легкимъ копьемъ, пробивается черезъ густую толпу, убивая обѣими руками и не заботясь о стрѣлахъ, летѣвшихъ въ догонку, соединяется, наконецъ, съ испанскими солдатами, спѣшившимися на выручку. Діазъ былъ героемъ этой битвы, и никто не позавидовалъ, когда на другой день Мигель де Эрайсо вытребовалъ для земляка храбро отбитое знамя. Каталина получила чинъ *альфереза* (*) въ полку Алноза Морено.

Въ этомъ чинѣ сражалась она съ отличнымъ успѣхомъ во многихъ кампаніяхъ и особенно въ славной пуренской битвѣ, гдѣ, получивъ новыя раны, дралась одинъ на одинъ съ знаменитымъ индѣйскимъ начальникомъ, Квиспиганхою, котораго удалось ей сдѣлать своимъ плѣнникомъ. За всѣ эти подвиги пользовалась она самою громкою репутаціею между испанскими солдатами. Гордая своей славой, Каталина дала полную волю необузданному честолюбію. Живя среди солдатъ, жадныхъ и жестокихъ, настоящихъ флибустьеровъ, о которыхъ исторія сохранила ужасныя подробности, наша монахиня вскорѣ потеряла въ этомъ обществѣ всякое нравственное чувство, если, впрочемъ, оно было въ ней когда нибудь. Особенно этой дикой натурой овладѣла бѣшеная страсть къ игрѣ, и не было во всей странѣ ни одного картежнаго дома, куда бы ни являлся Петро Діазъ званымъ гостемъ и страшнымъ героемъ. Упоенный первыми успѣхами, не терпя соперниковъ нигдѣ и ни въ чемъ, онъ хотѣлъ за карточнымъ столомъ отличаться хладнокровіемъ или страшными ставками, какъ во время битвы всѣхъ изумлялъ безумной отвагой. Скоро *альферезъ* на опытѣ узналъ всѣ катастрофы, не-

(*) Нынче чинъ *альфереза* соответствуетъ въ Испаніи подпоручику; но въ описываемую эпоху *альферезъ* былъ, кажется, тоже, что прапорщикъ или корнетъ.

избѣжныя при буйной жизни игрока. Разъ, вечеромъ, Пьетро пришелъ, по обыкновенію, поставить на карту все, что у него было и даже чего не было; вдругъ увидѣлъ онъ за столомъ незнакомца, который ставилъ самыя сумазбродныя ставки и постоянно выигрывалъ. Это былъ мужчина высокаго роста, съ дерзкимъ видомъ, съ взерошенными бакенбартами; онъ горделиво вертѣлъ шпагой и постукивалъ шпорами: этотъ великанъ, прибывшій, какъ говорили, изъ Лимы, гдѣ прозвали его *новымъ Цидомъ*, съ перваго взгляду не понравился Діазу. Никто изъ присутствовавшихъ не хотѣлъ уже состязаться съ неистощимымъ кошелькомъ, и надутый верзила вставалъ уже съ мѣста, когда вошелъ *альферезъ*. По данному знаку, онъ сѣлъ опять; партія началась, и счастье совершенно перемѣнилось. Груды квадруплей, нагло брошенные на столъ, перешли отъ непобѣдимаго игрока въ карманъ счастливаго Діаза. Бѣдный отъ гнѣва, *новый Цидъ* бросилъ ужасный взглядъ на альфереза, который, въ свою очередь, началъ хохотать и сказалъ: — Чѣмъ же я заслужилъ вашу немилость, что вы такъ страшно смотрите? — Въмѣсто отвѣта, раздраженный офицеръ бросилъ на столъ богатѣйшій алмазъ и тотчасъ же проигралъ. — Самъ дьяволъ вмѣшался въ мои дѣла! вскричалъ онъ, ударя кулакомъ по столу. — Чѣмъ же я заслужилъ вашу немилость? повторилъ *альферезъ*. — Незнакомецъ всталъ и внимательно окинулъ глазами противника. — Я проигралъ, вскричалъ онъ съ яростію: — я проигралъ рога своего отца, и теперь держу закладъ.... — Какой? — Теперь держу закладъ на свою шпагу! — Идетъ! быстро вскричалъ Пьетро Діазъ, и запальчивые игроки устѣлись снова. Зрители столпились вокругъ стола и съ нетерпѣніемъ дожидались, чѣмъ окончится странная партія. — Восемь! вскричалъ *новый Цидъ*, бросая кости. — Одиннадцать! отвѣчала Каталина. — Семь! — Двѣнадцать! возразилъ *альферезъ*. Сеньоръ, я выигралъ, и какъ Богъ святъ, вы со мной раздѣляетесь! Въ тоже время наша героиня обнажила шпагу; но Цидъ предупредилъ и бросился на противника съ кинжаломъ въ рукахъ. Къ счастью, онъ зацѣпилъ ногою за стулъ, споткнулся, выронилъ кинжалъ и, безоружный, упалъ къ ногамъ *альфереза*. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться выгоднымъ положеніемъ, Каталина сдѣлала шагъ назадъ и, махая шпагой надъ головою противника, кричала: — вставай, злодѣй, защищайся! Пристыженный великанъ всталъ, сопро-

вождаемый громкимъ смѣхомъ, началъ защищаться, но такъ дурно, что Каталина, со второго размаху перерѣзала ему горло, и несчастный упалъ, изрыгая потоки крови. Альферезъ, по союзу друзей, немедленно убѣжалъ и скрывался нѣсколько дней; дѣло, однакожь, кончилось безъ дурныхъ послѣдствій, потому-что Діазъ былъ вызванъ и дрался честно.

Дуэль еще больше вскружила голову запальчивой дѣвушкѣ, и уже ничто, казалось, не могло остановить ее на прекрасной дорогѣ; вскорѣ, однакожь, ужасное приключеніе образумило на нѣсколько времени отчаяннаго альфереза. Послѣ смерти новаго Цида, Діазъ благоразумно расчелъ не выходить никуда въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и сидя дома, скучалъ ужасно, какъ вдругъ однажды вечеромъ пришелъ къ нему поговорить по секрету пріятель его Хуанъ де Сильва, также альферезъ. Онъ былъ блѣденъ и ужасно взволнованъ. Дѣло въ томъ, что ровно за часъ поссорился онъ съ своимъ товарищемъ Францискомъ де Рохасъ, и ссора окончилась вызовомъ. Враги условились сойтись въ ту же ночь, въ одиннадцать часовъ, за монастыремъ св. Франциска, и каждый долженъ былъ привести по одному свидѣтелю. Выборъ пріятеля въ подобномъ случаѣ, гдѣ дѣло могло кончиться убійствомъ, былъ очень затруднителенъ, и донъ Хуанъ, съ своей стороны, кромѣ Пьетро Діаза, не зналъ никого, кто бы рѣшился быть его секундантомъ. И вотъ этой-то услуги онъ просить теперь у своего друга. Пьетро отказался: заводить новую исторію въ его положеніи было очень непріятно, да къ тому же многіе офицеры могутъ такъ же, какъ и онъ, или еще лучше, выполнить должность свидѣтеля. Донъ Хуанъ, послѣ тщетной просьбы, хотѣлъ было удалиться, сказавъ напередъ, что ужъ такъ и быть, онъ пойдетъ одинъ въ назначенное мѣсто, и Діазу, можетъ быть, придется упрекать себя въ его смерти. Но у Діаза было доброе сердце, и притомъ обнаженная шпага имѣла особую предель для его глазъ. Пораздумавъ хорошенько, онъ кликнулъ пріятеля и согласился на предложеніе. Ужъ вѣрно такъ ему было на роду написано,

Въ десять часовъ прапорщики отправились къ назначенному мѣсту. Это былъ одинъ изъ тѣхъ удушающихъ вечеровъ, которые въ странахъ, близкихъ къ тропикамъ, предшествуютъ обыкновенно ужаснымъ ураганамъ. Темнота была ужасная, и пріятели, идя рядомъ, едва видѣли одинъ другого; тяжелый,

душный воздухъ былъ пропитанъ электричествомъ, которое такъ сильно дѣйствуетъ на раздражительныя нервы. Діазъ, вообще мало чувствительный къ атмосферическимъ переменамъ, былъ, однакожъ, очень не въ хорошемъ расположеніи духа, какъ будто беспокоило его тайное предчувствіе. Не разъ старался онъ уговорить товарища, доказывая, что драться въ такую ночь было невозможно; тотъ ничего не хотѣлъ слушать, и пріятели подошли, наконецъ, къ монастырскимъ стѣнамъ. Ихъ уже ждали, и Францискъ де Рохасъ издали кликалъ соперника. Враги стали въ боевую позицію. Чтобы лучше распознать другъ друга, они, въ избѣжаніе всякой ошибки, привязали къ плечамъ по бѣлому платку и немедленно скрестили оружіе; секунданты, со шпагой въ рукахъ, не видя ничего вокругъ себя, молча подошли къ дуэлистамъ. Въ подобную минуту противникамъ нечего было заботиться о законахъ фехтованья, и дуэль не могла быть продолжительною. Ударъ, два, три — и оба противника зашатались; секунданты, въ свою очередь, въ порывѣ бѣшеннаго гнѣва, бросились одинъ на другого. Едва Каталина протянула руку, какъ шпага ея углубилась въ грудь противника, и тотъ, умирая, закричалъ страшнымъ голосомъ: «злодѣй! ты убилъ меня!» Ей казалось, цѣлый адъ разступается подъ ея ногами. Этотъ голосъ!... Чей онъ былъ, этотъ голосъ?... «Ахъ, Мигель! неужли это ты?» Въ эту минуту раздался ужасный ударъ грома, молнія перекрестила небо, мрачный блескъ освѣтилъ три трупа, и Каталина узнала блѣдное лицо Мигеля де Эрайсо. Въ отчаяніи, какъ оглушенная, она бросилась на тѣло брата. Прійдя въ себя, она начала испускать жалобныя вопли, и на этотъ раздирающій душу голосъ немедленно прибѣжали монахи съ факелами въ рукахъ и освѣтили ужасную сцену. Раненыхъ понесли въ монастырь, куда, за похороннымъ конвоемъ, отправилась и Каталина, поддерживаемая двумя братьями. Мигель де Эрайсо былъ уже мертвъ, два другіе успѣли до послѣдняго издыханія исповѣдаться и причаститься. Каталина погрузилась въ нѣмое оцѣпенѣніе. Безъ слезъ и безъ способности говорить, ее можно было принять за блѣдную статую. Пораженные этимъ безмолвнымъ отчаяніемъ, монахи сжалились надъ несчастнымъ убійцей и скрыли его въ церкви. Въ испанской землѣ церковь была въ это время убѣжищемъ, неприступнымъ для самого правосудія.

Но вѣчно оставаться въ церкви все же было невозможно, и

монахи черезъ нѣсколько дней дали знать объ этомъ несчастному *альферезу*. Тотъ, въ свою очередь, радъ былъ навсегда покинуть мѣста, ознаменованныя страшнымъ злодѣйствомъ. По ходатайству монаха, который тайкомъ сходилъ къ одному изъ его друзей, Діазъ добылъ лошадь и нѣсколько денегъ. Монахи отыскали для него старую пищаль, составлявшую весь монастырскій арсеналъ, и, снарядившись такимъ образомъ, Діазъ, въ глубокую полночь, вырвался изъ монастыря въ твердомъ намѣреніи никогда не возвращаться въ эту роковую страну. Вхать на право или на лѣво, на сѣверъ или на югъ, для него это было все равно. и *альферези* погналъ лошадь на удачу. Однакожъ, инстинктъ самосохраненія отдалилъ его отъ бесплодной пустыни и направилъ къ берегамъ океана.

Каталина вхала по морскому берегу около трехъ сутокъ. На четвертый день усталый конь не могъ больше передвигать ногъ, и путешественница расположилась отдыхать подлѣ кустарника, въ надеждѣ найти тутъ кормъ для голодной скотины. Но едва Каталина слезла съ лошади, какъ вдругъ изъ кустарника раздался голосъ: «Кто идетъ?» — Испанія, машинально отвѣчала Каталина. — «Que gente!» прибавилъ голосъ. — De paz. — Двое оборванныхъ, обросшихъ бородою мужчинъ, худошавыхъ и безобразныхъ, выскочили изъ засады и подступили къ путешественницѣ. При видѣ этихъ сорванцовъ, Каталина сочла за нужное вытащить свою пищаль, но тотчасъ же положила ее на мѣсто, когда увидѣла, что противники были безоружны. Оказалось, что это были дезертеры; откуда они убѣжали, изъ полку или съ галеръ, Каталина не могла разузнать; впрочемъ, можно было держать пари, что честные люди не выберутъ, по своей охотѣ, такого логовища; но въ пустынѣ нѣчего рассчитывать на выборъ общества, и наша искательница приключеній охотно вступила въ разговоръ. Раздѣливъ великодушно послѣдніи кусокъ хлѣба, какой былъ въ запасѣ, она легко приобрѣла дружбу несчастныхъ бродягъ, умиравшихъ отъ голоду. За этимъ скуднымъ завтракомъ знакомство утвердилось на прочномъ основаніи. Два *sabalegos*, не объяснивъ удовлетворительно причинъ побѣга, не скрывали, однакъжъ, цѣли своего путешествія. Они шли въ Тукуманъ, откуда надѣялись пробраться къ странамъ ближайшимъ къ рѣкѣ Дорало, гдѣ, по тогдашнему мнѣнію испанскихъ солдатъ, рѣчки были наполнены золотымъ пескомъ и струились ал-

мазнымъ каменникомъ. Предпріятіе нелегкое : надлежало сперва перейти крутые хребты Андъ и потомъ обширную пустыню; но вѣдь другіе отваживались же на такое предпріятіе, — почему не попытаться и имъ? Въ случаѣ успѣха имъ мерещились неистощимыя груды золота; а въ противномъ случаѣ, они промѣнивали только голодную смерть въ равнинѣ на смерть отъ жестокаго холоду на горныхъ вершинахъ. Такіе расчеты казались Каталинѣ очень разсудительными; притомъ она вовсе не дорожила жизнью и не знала, куда итти. Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, она рѣшилась сдѣлаться товарищемъ отчаянныхъ искателей счастья. Они направили путь къ востоку и начали на другой день взбираться на горы. Передъ отъѣздомъ путешественники запаслись кореньями и дикими ягодами, навьючивъ провизію на лошадь *альфераза*. Съ такимъ запасомъ они ушли недалеко: черезъ нѣсколько дней утомительной ходьбы они взобрались на горныя вершины, покрытыя вѣчнымъ льдомъ, и тамъ вдругъ очутились безъ силъ и безъ всякой пищи. Измученный конь спотыкался на каждомъ шагу и падалъ на острия льдины. Въ этой общей бѣдѣ Каталина одна умѣла сохранить присутствіе духа: она предложила товарищамъ убить полумертвую скотину, разрѣзать мясо на куски и раздѣлить поровну. Предложеніе принято, и лошадь убили. Въ тотъ же вечеръ ухитрились развести огонь изъ сухой травы и колючихъ дрововъ, отысканныхъ при подошвѣ утеса, — изжарили часть скотины на угляхъ, утолили жажду снѣгомъ и, подкрѣпивъ силы, начали на другой день продолжать путь. Холодъ постоянно усиливался. Несчастные, полунагіе солдаты едва могли держаться на ногахъ; непобѣдимый сонъ одолѣвалъ, и не было больше силъ бороться противъ этого томительнаго оцѣпенѣнія, которое надлежало побѣдить подъ опасеніемъ смерти. Каталина, болѣе мужественная и теплѣе одѣтая, нѣсколько времени воодушевляла товарищей и словами и примѣромъ; но наступило, наконецъ, время, когда солдаты, выбившись изъ силъ, объявили наотрѣзъ, что дальше не сдѣлаютъ ни шагу, и что смерть для нихъ сноснѣе каторжной жизни. Просьбы, увѣщанія, угрозы, — все было бесполезно, и Каталина поняла, что ей оставалось только продлить кое-какъ предсмертныя муки страдальцевъ.

Путешественники дотащились до мѣста, гдѣ среди вѣчныхъ снѣговъ возвышаются огромныя груды утесовъ. Напрас-

но героиня искала между камнями какого нибудь хворосту для разведенія огня : всякое прозябеніе исчезло, и только одинъ челоуѣкъ имѣеть право жить на этихъ высотахъ. Не зная, что дѣлать, она рѣшилась взобраться на одну изъ каменныхъ глыбъ, откуда взоръ могъ обнять обширнѣйшій горизонтъ. Послѣ многихъ усилій дѣвушка вскарабкалась кое-какъ на самую вершину и окинула глазами безпредѣльную окрестность. Вдругъ она испустила крикъ и въ тоже мгновеніе побѣжала къ товарищамъ: на ближайшей скалѣ она увидѣла живое существо, и это существо былъ челоуѣкъ! Но кто же онъ? быть можетъ, освободитель, и вѣроятно не одинъ. Вѣсть о неожиданной помощи возвратила мужество умирающимъ: они встали и потащились за Каталиной. Въ двадцати шагахъ отъ замѣченнаго мѣста, они дѣйствительно увидѣли путешественника, который сидѣлъ молча, не двигаясь съ мѣста, какъ стрѣлокъ или охотникъ, который сторожитъ добычу. — Кто идетъ? вскричала Каталина, съ усиліемъ поднимая пищаль. Путешественникъ не отвѣчалъ, какъ будто вовсе не разслышалъ вопроса. — Кто идетъ? повторила Каталина. Второй окликъ тоже остался безъ отвѣта. Три путешественника подвигались медленно, опираясь на утесъ, и становились, наконецъ, въ двухъ шагахъ отъ молчаливаго охотника, который сидѣлъ къ нимъ спиною. — Эй, дружище! спишь, что ли? проговорила Каталина, ударяя по плечу. Но сдѣлавъ это движеніе, она вдругъ отступила назадъ, блѣдная и трепещущая отъ страха. Сидѣвшій челоуѣкъ повалился, какъ чурбанъ, на снѣжную глыбу. Это былъ замерзшій трупъ, отвердѣвшій, какъ статуя; синее лицо и полуоткрытый ротъ искривились страшною улыбкой. Нетрудно было узнать въ этомъ трупѣ одного изъ негровъ, которыхъ обыкновенно бросали торговцы невольниками на пути изъ Буеносъ-Айреса въ Перу: трупы эти, по увѣренію путешественниковъ, не разъ описывавшихъ подобныя феномены, могли отлично сохраняться въ продолженіи цѣлаго года. Ужасное зрѣлище произвело на путешественниковъ совершенно противоположное дѣйствіе: одинъ, измученный болѣе прочихъ товарищей, у котораго жизнь и безъ того держалась на волоскѣ, тутъ же повалился на снѣжную глыбу и заснулъ сномъ вѣчнымъ. Напротивъ, Каталина и послѣдній товарищъ, почерпнули въ этомъ ужасѣ новыя силы и пустились въ дорогу, содравъ напередъ съ умершаго солдата лохмотья, которыми могли при-

крыться. По всѣмъ соображеніямъ, они уже перешли вѣроятно послѣднія горныя вершины, и теперь атмосфера скоро должна пережиться. И вотъ они идутъ; но солдатъ скоро потерялъ мужество: силы его истощились, холодъ леденилъ кровь. Несмотря на увѣщаніе Каталины, онъ хотѣлъ сѣсть, чтобы перевести духъ. Въ тоже мгновеніе голова его свалилась на грудь, глаза сомкнулись, члены окоченѣли: онъ умеръ!

Теперь наша искательница приключеній осталась одна. Первый разъ въ жизни стала она на колѣни, принялась рыдать и пламенно молиться Богу. Молитва воодушевила ее. Прежде всего Каталина начала обыскивать умершаго товарища и нашла въ его карманахъ огниво и восемь дублоновъ, которые, разумѣется, взяла съ собою. Кончивъ обыскъ, героиня взвалила на спину остальную порцію убитой лошади и, поручивъ себя святому Иосифу, пошла впередъ. Къ вечеру, въ туманной дали, примѣтила она какое-то деревцо, — явный признакъ, что страна жизни приближалась. Призвавъ на помощь всю свою энергію, она, послѣ неимоверныхъ усилій, дотащилась, наконецъ, до спасительнаго дерева; но здѣсь уже силы ее оставили, дрожащія ноги подкосились, и безъ чувствъ она повалилась на землю. Это оцѣпенѣніе, вмѣстѣ и обморокъ и сонъ, продолжалось во всю ночь. Когда дѣвушка пришла въ себя, солнце было уже высоко, температура сравнительно слѣлалась теплѣе. Голодь, жажда и чрезмѣрная усталость мучили ее невыразимо. Итти впередъ уже не было силъ: болязненные члены не двигались, израненныя ноги не переступали. Въ эту пору отчаяніе, наконецъ, овладѣло бѣдною странницею, сердце облилось кровью, и она громко начала призывать смерть, которая одна могла прекратить невыносимыя муки. Рѣшившись умереть, Каталина легла прямо противъ солнца, какъ дѣлали ея товарищи. Но часъ ея не насталъ, и судьба еще разъ сжалилась надъ несчастной искательницею приключеній. Лишь только глава умирающей коснулась земли, какъ вдругъ послышались шаги лошади. Каталина вскочила, и глаза ея встрѣтили двухъ всадниковъ....

Незнакомцы, въ свою очередь, не мало были удивлены, встрѣтивъ въ этой глуши оборваннаго молодого человѣка, близкаго къ смерти. Потерявъ способность говорить, юноша протягивалъ руки и видимо молилъ о помощи. Всадники тотчасъ остановились: одинъ взялъ Каталину въ объятія, другой вливалъ въ

горло капли вина и теръ виски. Дѣвушка постепенно оправилась, и когда совершенно пришла въ чувство, ее посадили на лошадь, и медленно продолжали путь. Всадники, какъ послѣ узнала Каталина, находились въ услуженіи у богатой сеньоры, владѣвшей въ этой сторонѣ значительнымъ имѣніемъ. Черезъ часъ ѣзды, пріѣхали къ жилищу этой дамы. Умирающая, возвращенная къ жизни, воодушевилась надеждой. Сойдя съ лошади, она могла уже идти и лично благодарить спасительницу, посланную провидѣніемъ. Путешественнику приготовили прекрасную постель, и когда онъ отогрѣлся, принесли чудесный ужинъ, который теперь такъ былъ необходимъ. Желѣзная организація вполне восторжествовала надъ этой страшной пыткой. Каталина уснула богатырскимъ сномъ, и на другой день пробудилась почти въ добромъ здоровьи. Лакей, караулившій, по приказанію госпожи, пробужденіе молодого человѣка, принесъ порцію теплаго вина и положилъ подлѣ постели полный, почти новый мужской костюмъ изъ голубого сукна, бѣлье, шляпу и приличную обувь. Черезъ минуту, по желанію Каталины, внесли въ ея комнату большую ванну съ теплой водой, и путешественница купалась съ величайшимъ наслажденіемъ. По выходѣ изъ ванны, она убрала свои прекрасные черные волосы, надѣла голубой костюмъ, который какъ разъ пришелся по ея росту, и посмотрѣвшись въ зеркало, вполне осталась довольною и нарядомъ и выразительными чертами лица, уже совершенно оживленнаго послѣ кратковременнаго отдыха. Съ своей стороны, жители дома едва могли угадать погибавшаго странника въ прекрасномъ молодомъ человѣкѣ, который теперь такъ ловко рисовался передъ ними.

IV.

Сеньора происходила отъ смѣшанной породы: отецъ ея испанецъ, мать индіянка. Неизвѣсно, была ли она замужемъ, но теперь слыла вдовою, и ей считали за пятьдесятъ. Это была превосходная женщина, простая, гостепріимная, довольно зажиточная, и доходы ея отъ хорошаго управленія стадами увеличивались со дня на день. Сеньора благосклонно начала спрашивать интереснаго путешественника. Каталина не задумавшись

отвѣчала, что она — Пьетро Діазъ, *альферезъ* въ испанской службѣ, и потомъ, съ обыкновеннымъ безстыдствомъ, сплела насчетъ своихъ походовъ одну изъ тѣхъ исторій, которыя такъ легко подвергивались ей подъ языкъ. *Альфереза* нашли прекраснымъ и удивлялись его марсовскому лицу, на которомъ еще не было и слѣдовъ бороды. Его просили оставаться въ домѣ, сколько хочеть, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не соскучится радужнымъ гостепріимствомъ. Если угодно, онъ можетъ, пожалуй, заняться управленіемъ имѣнія, гдѣ такъ всѣ были счастливы; откуда никуда и не выѣжали, кромѣ лишь въ Тукуманъ для разныхъ закупокъ по хозяйству. Картина буколической жизни не совѣмъ пришлась по вкусу нашему *альферезу*, однакожь, онъ выслушалъ сеньору съ глубочайшимъ почтеніемъ и, повидимому, съ удовольствіемъ согласился на предложеніе. Впрочемъ, это новое положеніе, во всякомъ случаѣ переходное, имѣло, при подобныхъ обстоятельствахъ, своего рода прелесть, и Каталина, въ ожиданіи лучшаго, рѣшилась имъ воспользоваться. Бесѣда въ дружескомъ тонѣ продолжалась около часу, какъ вдругъ дверь отворилась и вошла прекрасная молодая дѣвушка, дочь хозяйки. Хуанъ было около шестнадцати лѣтъ. Дочь испанца и матери американки, дѣвушка, съ выразительной андалузскою фizioноміей, соединяла гибкую талію, бархатный взглядъ и ту сладостную томность, которая составляетъ исключительную принадлежность перувіанскихъ женщинъ. Матовая, даже немного коричневая шея была украшена коралловымъ ожерельемъ, а длинныя серьги придавали фizioноміи какой-то странный, почти дикій видъ.

Дѣвушка поклонилась *альферезу* безъ всякой застенчивости, съ той граціозностью и простотою, какой, увы! не бываетъ больше въ нашихъ цивилизованныхъ обществахъ, гдѣ танцовальный учитель преподаетъ безконечные уроки вѣжливости и приличнаго тону. Въ уединенномъ помѣстьи матери Хуана не видѣла другихъ мужчинъ, кромѣ лакеевъ, и легко понять, съ какимъ наивнымъ любопытствомъ она принялась осматривать молодого человѣка, котораго уже одно появленіе, столько романическое и таинственное, сильно волновало ея женское воображеніе. Этотъ осмотръ, должно сознаться, былъ вполне благопріятенъ для *альфереза*, а Пьетро, съ своей стороны, при видѣ молодой дѣвушки, испыталъ невольное чувство удивленія

и симпатіи. Долго онъ разговаривалъ съ нею и былъ очарованъ граціозной искренностью этого прекраснаго ребенка, который безпрестанно приходилъ въ восторгъ отъ чудныхъ разказовъ испанскаго офицера. Къ концу недѣли, *альферезъ*, какъ домашній другъ, привязанный къ гостепріимной семьѣ непобѣдимую прелестью, уже не думалъ болѣе ѣхать. Но чтожь это за непобѣдимая прелесть? Объяснять какъ-то неловко, однакожь, мы должны сказать, что нашъ герой, влюбленный во всѣ возможные интриги, съ уповательнымъ любопытствомъ дѣлалъ теперь наблюденія надъ возникавшею страстью, которую безсовѣстно внушалъ неопытной дѣвушкѣ. Въ длинные вечера глаза его ловили всѣ движенія, всѣ мысли прелестной индіанки, и дитя природы видимо смущалось отъ этого взгляда, выражавшаго одно любопытство, но который можно было принять за взглядъ влюбленнаго юноши. Такъ проходило время. Мать, между тѣмъ, отгадывала все и съ безпокойствомъ спрашивала себя, какъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Случай скоро представился.

При всей прозорливости осторожной матери, сеньора не могла, однакожь, запретить молодымъ людямъ, живущимъ подъ одной кровлей, встрѣчаться безъ свидѣтелей. Въ этихъ свиданьяхъ, приготавливаемыхъ случаемъ или, быть можетъ, догадливымъ сердцемъ молодой дѣвушки, разговоръ со дня на день становился искреннѣе. Иной разъ *альферезъ* бралъ въ свои руки прелестную ручку Хуаны съ такой свободою, какую могъ позволить себѣ только братъ. Въ одинъ день, герой нашъ, повинаясь, конечно, движенію женскаго кокетства и забывъ свой костюмъ, принялся ласкающей рукой разглаживать черныя пряди волосъ молодой индіанки, которая краснѣла, какъ макъ цвѣтъ, и не имѣла силъ оттолкнуть прекраснаго юношу. Вздволнованная, трепещущая, съ пылающими щеками, Хуана была прекрасна, какъ любовь. Каталина не могла противиться желанію поцаловать очаровательное лицо своей подруги и нѣжно обвила рукою ея станъ. Гибкая талія креолки согнулась въ дугу подъ этимъ объятіемъ и выставилась во всей красотѣ очаровательнаго контура. Но вдругъ Каталина затрепетала, сдѣлала шагъ назадъ и сѣла на стулъ. Въ эту минуту вошла сеньора; передъ дочерью она притворилась совершенно спокойною и не сказала ничего; но лишь только Хуана удалась, раздраженная

мать обратилась съ упреками къ молодому человѣку. — Сеньоръ *альферезъ*, сказала она : — вы меня обманываете ! Пьетро хотѣлъ возражать , но былъ остановленъ выразительнымъ жестомъ . — Вы меня обманываете , говорю я вамъ : — и обманываете самымъ недостойнымъ образомъ . Вы погибли , были при смерти и нашли спасеніе въ моемъ домѣ ; наши попеченія возвратили васъ къ жизни , я приняла васъ , какъ сына , и за все это вы , какъ безстыдный солдатъ , хотите обольстить беззащитную , невинную дѣвушку , дочь своей благодѣтельницы ! Озадаченный *альферезъ* началъ кое-какъ бормотать свое извиненіе : онъ любилъ Хуану , какъ братъ ; его ласки были очень невинны ; онъ былъ неспособенъ принести безчестіе въ такой почтенный домъ (сеньора не подозрѣвала , какую убійственную правду говорилъ ей *альферезъ* !) Хорошая старушка недоувѣрчиво качала головой . — Къ чему послужать мои жалобы ? прибавила она . — Моя дочь васъ любитъ , и небо , быть можетъ , хочетъ наказать меня за слѣпую довѣренность . Зло уже сдѣлано , и только вы можете его поправить . Если вы точно , какъ говорите , любите спокойную жизнь , если дочь моя вамъ нравится , оставайтесь съ нами . Миѣ нѣтъ надобности до вашихъ предковъ ; не хочу даже знать , богаты вы или бѣдны . Въ здѣшней пустынѣ доброта сердца лучше всякаго дворянства , а трудъ замѣняетъ богатство . Если хотите сдѣлаться моимъ сыномъ , благословляю васъ отъ всего сердца . Каталина задумалась и не отвѣчала ничего . Раздосадованная неумѣстнымъ молчаньемъ , сеньора продолжала : — если , напротивъ , вы не болѣе , какъ низкій обольститель , то уѣзжайте , сеньоръ , уѣзжайте немедленно , нынѣшній же вечеръ . Васъ проводятъ въ Тукуманъ , и.... Богъ съ вами !

Достойная женщина была , безъ сомнѣнія , превосходная мать , обожавшая единственную дочь . Но не должно преувеличивать ея безкорыстіе . По ея понятіямъ , Пьетро Діазъ , нѣтъ нужды , что не знали хорошенько его родни , былъ очень выгодный женихъ для Хуаны . Богатъ онъ или бѣденъ , *альферезъ* или нѣтъ , все же молодой человѣкъ былъ чистой испанской породы , а испанецъ на ея глаза былъ тоже , что теперь бѣлый для черной американки . Испанцы въ тогдашнее время были очень рѣдки въ этой странѣ : если упустить Діаза , скоро ли еще дождешься новаго жениха ? Заботливая мать , по всей вѣроятности , заранѣе обсудила всѣ эти обстоятельства , прежде чѣмъ на-

ступилъ рѣшительный шагъ. Выборъ для Каталины былъ очень затруднителенъ. Ей пришли въ голову Беатриса де Кардена и старшій ея пріятель Уркиза : теперь , какъ и тогда , надлежало разыграть второе представленіе одного и того же спектакля , и она выполнила свою роль со всею прелестію молодого актера. — Хуана прелестный , очаровательный ангелъ , отвѣчала она : — и сеньора превосходнѣйшая изъ матерей ! Сдѣлаться ея сыномъ — верхъ блаженства для бѣднаго солдата , удаленнаго отъ своей родины ! И прочая , и прочая , и прочая . Сеньора , какъ и слѣдовало ожидать , была очень тронута благородствомъ прекраснаго юноши , обняла его съ материнскою нѣжностію и еще разъ изъявила полное согласіе на заключеніе брака . Было бы , конечно , гораздо проще воспользоваться вторымъ приглашеніемъ сеньоры и ускакать немедленно въ Тукуманъ ; но просто-та , какъ легко вообразить , не въ характерѣ Каталины . Всѣ возможные imbroglie ей чрезвычайно нравились , и притомъ , на этотъ разъ , она не хотѣла сыграть роли неблагодарнаго . Какъ бы то ни было , выборъ сдѣланъ , и выборъ труднѣйшій .

По предложенію *альфереза* рѣшились черезъ нѣсколько дней отпраздновать свадьбу въ Тукуманѣ . Необходимость сдѣлать нѣсколько нужныхъ закупокъ , трудность отыскать въ этой глуши священника и свидѣтелей , еще нѣсколько другихъ причинъ совершенно оправдывали предложеніе Пьетро , который , при всей изворотливости , не находилъ лучшаго средства выпутаться изъ бѣды , какъ это путешествіе и придуманная отсрочка . Бѣжать одному , по незнакомой пустынѣ , было на этотъ разъ довольно трудно : здѣсь не то , что въ Паитѣ : нельзя было рассчитывать на океанъ , поглотившій путешественника , какъ незамѣтную точку . Напротивъ , въ Тукуманѣ , при городскомъ шумѣ , при безчисленныхъ приключеніяхъ новой жизни , легко прикрыть свой побѣгъ . Итакъ , отправились въ Тукуманъ , куда и прибыли благополучно . Не прошло недѣли , какъ *альферезъ* свелъ въ городѣ отличныя знакомства и безъ зазрѣнія совѣсти пустился во всѣ прежнія привычки . Одѣтый , по милости сеньоры , въ богатое платье *кабалmero* , онъ проводилъ жизнь въ грязныхъ трактирахъ , играя , какъ отчаянный , въ обществѣ дюжины португальцевъ , отъявленныхъ мошенниковъ въ Тукуманѣ . Восемь дублоновъ , принадлежавшихъ замерзшему солдату , скоро спущены съ рукъ , и вслѣдъ за ними пошла въ оборотъ другая куча де-

негъ, занятыхъ, подъ разными предлогами, у будущей тещи. Діазъ, обыкновенно счастливый въ игрѣ, удивлялся постоянной невзгодѣ и рѣшился хорошенько присматривать за новыми пріятелями. Онъ изучалъ ихъ фізіономіи, жесты, взгляды, движенія пальцевъ, и скоро замѣтилъ, что его обкрадывали. «Отнимите у испанца все, что въ немъ хорошаго, говоритъ французская пословица: — вамъ останется португалець.» Это опытомъ дозналъ и *альферезъ*; но несмотря на глубокое презрѣніе къ своимъ партнерамъ, онъ расчелъ, что одному не управиться съ цѣлой дюжиной негодяевъ, которые, притомъ, для избѣжанія огласки, не посовѣстились бы пырнуть его кинжаломъ; и *альферезъ* скрѣпился и съ величайшимъ хладнокровіемъ проигрался до послѣдняго реала. Фернандо де Акоста, который теперь обчистилъ его карманы, по окончаніи партіи, всталъ съ мѣста, взявъ шляпу и ушелъ. Тоже самое скоро сдѣлалъ и Діазъ, по видимому, совершенно спокойный; но очутившись на улицѣ, онъ побѣжалъ изо всей силы по слѣдамъ своего противника. Завидѣвъ, при свѣтѣ луны, его силуэтъ, рисующійся на стѣнахъ, *альферезъ* приостановился и слѣдилъ за негодяемъ шагахъ въ пятнадцать. Черезъ четверть часа Фернандо де Акоста, который шелъ медленно, насвистывая какой-то романсъ, остановился передъ маленькой дверью, взявъ ключъ и ввернулъ въ замокъ. Въ эту минуту *альферезъ* догналъ его и, ударя по плечу, сказалъ: — сеньоръ Фернандо де Акоста, ты воръ! — Статься можетъ, отвѣчалъ португалець: — но я не люблю, чтобы мнѣ объ этомъ говорили! и съ этими словами обнажилъ шпагу. *Альферезъ* не хотѣлъ убить врасплохъ и далъ противнику время собраться съ духомъ, но едва тотъ сталъ въ оборонительную позицію, какъ Пьетро, нанося ударъ, воткнулъ шпагу въ самое сердце. Фернандо повалился, какъ снопъ, не испустивъ ни крика, ни вздоха.

Первымъ движеніемъ *альфереза* было возвратить свой кошелькъ, вторымъ — внимательно осмотрѣться во всѣ стороны. Скоро онъ удостовѣрился, что никто не былъ свидѣтелемъ ужасной сцены. Городъ спалъ крѣпкимъ сномъ, и огни вездѣ были потушены. Діазъ тщательно обтеръ шпагу и вложилъ въ ножны. Послѣ минутнаго размышленія, вотъ на что онъ рѣшился: ключъ португальца торчалъ въ замкѣ; Діазъ осторожно отворилъ дверь и втащилъ трупъ до первой лѣстничной ступе-

ни, потомъ, вынувъ ключъ изъ замка, положилъ его въ карманъ Фернанда и, устроивъ это дѣло, вышелъ безъ малѣйшаго шума, притворивъ напередъ дверь. На улицѣ онъ еще разъ насторожилъ ухо, но до прежнего все было спокойно. Тогда убѣжденный, что ночь похоронитъ тайну, онъ спокойно вошелъ въ свою квартиру у сеньоры и легъ спать безъ всякаго угрызенія совѣсти. На другой день, когда онъ всталъ, передъ нимъ стояли корридоръ и четыре альгвазила.

На этотъ разъ не было спасенія ни въ бѣгствѣ, ни въ сопротивленіи. *Альферецъ* посмотрѣлъ на гайдуковъ съ притворнымъ изумленіемъ и спросилъ спокойнымъ тономъ, чего отъ него требовали. Отвѣтъ былъ предвидѣнный. — Въ чемъ же, о Боже мой, меня обвиняютъ? — Въ убійствѣ, холодно возразилъ корридоръ. Пьетро, играя до конца роль изумленного, пытался улыбнуться, но очень неискусно. Надлежало одѣться на скорую руку, и бѣдному жениху не позволили даже проститься съ тещей. Только, когда спускался онъ съ лѣстницы, дверь открылась, и Діазъ увидѣлъ блѣдное, заплаканное лицо несчастной Хуаны. Черезъ полчаса *альферецъ* сидѣлъ за желѣзными запорами. Въ ту пору преступниковъ не томили въ тюрьмѣ и правосудіе дѣйствовало быстро. Въ одинъ день всѣ справки были наведены и обвинительный протоколъ составленъ. Плѣнника допрашивали въ два различные приема: онъ наотрѣвъ отперся отъ всего, съ такою дерзостію, что судьи были озадачены. Арестантъ объявилъ — и это было справедливо — что онъ никогда не входилъ въ комнату Фернанда де Акоста, что едва былъ съ нимъ знакомъ, что онъ не могъ съ нимъ поссориться въ его домѣ, и что, наконецъ, военные, какъ онъ, нападаютъ на непріятели лицомъ къ лицу, на открытомъ воздухѣ, а не въ захлаусты, какъ убійцы. Къ несчастью и къ величайшему изумленію Пьетра, явился свидѣтель. Это былъ человѣкъ подозрительной наружности, вовсе неизвѣстный Діазу. Между тѣмъ, онъ объявилъ, что знаетъ въ совершенствѣ *альфереца*, и что во всемъ кварталѣ ни для кого не было тайной, что *альферецъ* волочится за женой Фернанда де Акоста. По всей вѣроятности, продолжалъ онъ: — застигнутый любовникъ встрѣтился съ доврчивымъ мужемъ на лѣстницѣ и, отправивъ его, выпрыгнулъ въ окошко, чтобы обратить подозрѣніе на домашнихъ жильцовъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей, говорилъ обвинитель: — очень хорошо

видѣлъ, какъ *альферезъ* соскочилъ съ балкона на улицу. Этотъ пріятель, другой негодяй въ такомъ же родѣ, въ самомъ дѣлѣ, объявилъ, что совершенно узналъ Діаза, когда тотъ спрыгнулъ съ балкона; но думая, что тутъ просто были любовныя шашни, онъ не счелъ за нужное вмѣшиваться въ чужія дѣла. Что прикажете отвѣчать на демонскія обвиненія двухъ клеветниковъ, подосланныхъ, безъ сомнѣнія, португальскою шайкой? *Альферецъ* стоялъ какъ громомъ пораженный: онъ возразилъ только, что былъ невиненъ, а свидѣтели — подлые лжецы. Но такое оправданіе, не подкрѣпленное доказательствомъ, не имѣло юридической важности, и судьи, въ томъ же засѣданіи, приговорили *альфереза* къ висѣлицѣ: казнь должна была совершиться въ восьмой день, по захожденіи солнца, на главной городской площади.

Этотъ неожиданный приговоръ, выраженный точно и ясно, доставилъ Каталинѣ обильную пищу для размышлений. Умереть въ качествѣ любовника сеньоры де Акоста было очень не хорошо. Ей вдругъ пришло въ голову поставить въ тупикъ безсовѣстныхъ доносчиковъ откровеннымъ признаніемъ своего пола; но, при дальнѣйшемъ размышленіи, она увидѣла, что такое признаніе къ добру не поведетъ. Во первыхъ, этимъ она все-таки не оправдается въ убійствѣ донъ Фернанда, а потомъ, нѣтъ сомнѣнія, молва о подобномъ открытіи распространится далеко, быть можетъ, до самой Испаніи. Въ случаѣ даже оправданія въ убійствѣ, очень немудрено, что вздумаютъ заглянуть въ ея прошедшую жизнь и отыщутъ грѣшки, не менѣе важные. Притомъ немудрено также, сама инквизиція займется ея дѣломъ, и что подумаетъ *святое судилище* о ея жизни, исполненной самыхъ чудныхъ приключеній? Еще пожалуй, ее сочтутъ колдуньей и поведутъ на костеръ. Умирать такъ умирать; ужь лучше же веревка, чѣмъ пытка, лучше висѣлица, чѣмъ аутодафе. Впрочемъ, любовь къ жизни тайно баролась въ сердцѣ несчастной дѣвушки, и она ухватилась за признаніе въ полѣ, какъ за послѣднюю надежду. Въ такомъ колебаніи протекло семь дней. Наконецъ, сквозь желѣзную рѣшотку увидѣла Каталина, какъ скрывались за горами и послѣдніе лучи ея послѣдняго солнца. Въ эту минуту вошли въ тюрьму четыре монаха, чтобы приготовить къ вѣчной жизни осужденнаго на смерть. Первый былъ, повидимому, мужчина съ выразительной и проницательной фізіономіей.

Каталинѣ показалось, что онъ дѣлаетъ какіе-то знаки, и дрожь пробѣжала по ея тѣлу, когда она увидѣла въ его рукахъ клочокъ бумаги, едва замѣтный между пальцами. Съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ дѣвушка бросилась къ ногамъ честиѣйшаго отца и, цалуя руки, ловко выхватила таинственную записку, которую тутъ же засунула въ карманъ. — Радуюсь, мой сынъ, говорилъ смиренный доминиканецъ, — что нахожу въ тебѣ такое благочестивое расположеніе. Соберись съ духомъ, углубись въ сокровенные тайники своего сердца и приготовься отдать отчетъ въ дѣлахъ твоихъ и помышленіяхъ. — *Альферецъ* вовсе не слушалъ, что говорилъ монахъ, и думалъ только о запискѣ. Однакожъ, нетрудно было понять, что, притворяясь углубленнымъ въ тайники души, онъ легко могъ обмануть бдительность четырехъ монаховъ, и поэтому, ставъ на колѣни передъ кроватью, онъ открылъ таинственную записку и прочелъ только одно слово: *Не исповѣдуйся*. X. — Секунда размышленія — и Каталина быстро вскочила на ноги. — *Caramba!* святые отцы, зачѣмъ васъ принесло сюда? — Монахи съ ужасомъ отступили. — Вы хотите меня исповѣдывать, говорите вы, а кто же вамъ сказалъ, что я хочу исповѣдываться? Убирайтесь откуда пришли и оставьте меня въ покоѣ. — Озадаченные монахи старались успокоить этотъ внезапный гнѣвъ. Они говорили осужденному о близкой смерти и о жизни по ту сторону гроба; но *альферецъ* отвѣчалъ, что не боится смерти и вовсе не расположенъ думать о другой жизни. Язычникъ онъ или христіанинъ, этого заподлинно не знаетъ, да и не намѣренъ думать о подобныхъ вещахъ. Рожденный въ военномъ лагерѣ, онъ съ младенчества сражался на землѣ и на морѣ, какъ вѣрный солдатъ, разбойникомъ никогда не бывалъ, изъ подъ угла не рѣзалъ никого и всего менѣе этого мерзавца, въ чьей смерти его обвиняютъ. Чегожь вамъ еще надо? продолжалъ *альферецъ*: — пошли вонъ! — Истоцивъ понапрасну всѣ возможные увѣщанія, доминиканцы вышли изъ тюрьмы, оплакивая упорнаго беззаконника; по предложенію *однаго* изъ нихъ, они отправились къ корректору просить объ отстрочкѣ казни: авось либо имъ удастся, наконецъ, обратить на истинный путь заблудшую овцу. Теперь понятенъ смыслъ таинственной записки, которую Хуана прислала своему возлюбленному.

Каталина не вдругъ угадала мысль своей невѣсты. Корре-

хидоръ, сначала непреклонный, согласился, наконецъ, на отсрочку въ двѣнадцать часовъ; а тамъ, прибавилъ онъ: — осужденный можетъ убираться къ чорту, если хочетъ. Слѣдующій день прошелъ въ просьбахъ и бесполезныхъ увѣщаніяхъ. Каталина, узнавъ причину отсрочки, не торопилась обращеніемъ на истинный путь: она надѣялась. Къ вечеру, однакожь, мужество оставило нашу героиню, и смертная блѣдность покрыла ея лицо, когда загремѣли запоры и въ отворенную дверь вошли исполнители казни. Вскорѣ Каталина, облаченная сверхъ платья въ бѣлую льняную рубашку, вышла изъ тюрьмы съ босыми ногами, съ факеломъ въ рукѣ, сопровождаемая ротою солдатъ. Длинный рядъ монаховъ, съ крестомъ напередѣ, съ чотками въ рукахъ, ожидалъ осужденную; безчисленная толпа покрывала площадь, освѣщенную красноватымъ свѣтомъ заходящаго солнца; онъ былъ очень блѣденъ, но походка его тверда и глаза сверкали. *Какъ онъ молодъ! какой хорошенькій! Que joven! que bonito! que juarito!* кричали женщины. Какъ скоро процессія двинулась въ путь, Каталина различила въ толпѣ вчерашняго монаха, и ей показалось, что взоры его съ безпокойствомъ обращались во всѣ стороны: стало быть, еще оставалась какая-то надежда! Вскорѣ пришли на главную площадь, и осужденный могъ видѣть издали орудіе казни. Висѣлица имѣла форму буквы F; мальчикъ, верхомъ на лошади, привязывалъ къ верхней перекладинѣ веревку, альгвазилы разгоняли толпу. Каталина ничего больше не видала: глаза ея помутились, въ ушахъ звенѣло. Однакожь, она продолжала машинально итти впередъ и остановилась, наконецъ, подъ самой висѣлицей. Коррехидоръ, разѣзжавшій на бѣломъ мулѣ, передалъ бумагу начальнику альгвазиловъ, и тотъ громкимъ голосомъ прочиталъ приговоръ. Въ эту минуту какое-то сверхъестественное одушевленіе овладѣло Каталиной, и странное чувство самолюбія возвратило ей все хладнокровіе. Неповоротливый палачъ дѣлалъ петлю изъ намыленной веревки. «Пошелъ прочь, пьяница! вскричала она: — ты не знаешь своего ремесла!» И вырвавъ изъ рукъ веревку, она сама завязала одинъ изъ тѣхъ ученыхъ узловъ, которыхъ тайна извѣстна матросамъ. Толпа не могла больше обуздать своего удивленія, и со всѣхъ сторонъ раздались крики: пощадите! пощадите! Коррехидоръ, боясь волненія, далъ знакъ палачу скорѣе кончить дѣло; въ эту минуту раздался пронзительный

крикъ, и всадникъ, покрытый пылью, прискакавъ на площадь, вручилъ коррехидору депешу. Воцарилось глубокое молчаніе; зрителями, не исключая и самого палача, овладѣло живѣйшее чувство любопытства. Пробѣжавъ депешу, коррехидоръ далъ повелѣніе остановить казнь и отвести осужденнаго въ темницу. Громкія рукоплесканія, долгое время удерживаемыя, раздались со всѣхъ сторонъ; толпа разсыпалась, альгвазилы стали въ порядокъ, и между тѣмъ, какъ весь народъ терялся въ бесполезныхъ догадкахъ, Пьетро, сопровождаемый исполнителями казни, снова отправился въ тюрьму.

Причина неожиданнаго происшествія скоро объяснилась. Депеша, спасавшая жизнь осужденному, привезена изъ ла Платы, откуда отправилъ ее президентъ донъ Мартинъ де Мендіола. Оказалось, что доносчики, обвинявшіе Каталину, сами попались въ руки правосудія. Осужденные на смерть за свои злодѣянія, негодяи при допросѣ показали, между прочимъ, что вовсе не знали Пьетро Діаза, на котораго свидѣтельствовали по найму. Президентъ тотчасъ же написалъ мѣстному начальству въ Тукуманѣ, чтобы судьи вновь изслѣдовали процессъ и представили свой приговоръ на окончательное утвержденіе въ ла Плату. Само собою разумѣется, что сеньора тоже принимала участіе въ этомъ событіи. Послѣ бесполезной просьбы и богатыхъ подарковъ, предложенныхъ тукуманскому коррехидору, она поспѣшно отправилась въ ла Плату, оставивъ Хуану на попеченіе вѣрной женщины и преданнаго доминиканца. Въ ла Платѣ ходатайство ея имѣло болѣе успѣха. Отлично принятая донъ Мартиномъ, старымъ другомъ ея мужа, она ускорила ходъ правосудія и не мало содѣйствовала къ немедленному отправленію курьера, который долженъ былъ спасти жизнь ея будущаго зятя. вмѣстѣ съ жизнью, Каталина была ей обязана и снисхожденіемъ новыхъ судей, потому-что перенеслѣдованный процессъ черезъ два дня былъ отправленъ въ ла Плату, и какъ не оказывалось сильнѣйшихъ подозрѣній, судьи объявили осужденнаго невиннымъ, и Каталинѣ возвращена свобода.

Вся эта исторія, какъ легко вообразить, надѣлала много шуму въ провинціи. *Альферецъ* Пьетро сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства, и его процессъ послужилъ неистощимымъ матеріаломъ для разговоровъ во всѣхъ обществахъ. Такое положеніе, при всей двусмысленности (потому-что человѣческое

правосудіе весьма часто клеймить оскорбительною печатью даже тѣхъ, кого объявляетъ невинными), правилось, однакожь, гордой натурѣ испанскаго офицера. Сеньора приходила въ отчаяніе отъ этой молвы и хлопотала только, какъ бы поскорѣе воротиться въ спокойное помѣстье; но донъ Мартинъ счелъ нужнымъ растолковать, что теперь вовсе не кстати торопиться свадьбой. «Для пользы Хуаны», говорилъ онъ: — «непремѣнно надо выждать, пока событія дадутъ другое направленіе болтливымъ языкамъ». Онъ защищалъ это мнѣніе съ большимъ упорствомъ и на всѣ возраженія сеньоры отвѣчалъ, какъ человекъ, который знаетъ больше, нежели говорить. Какъ бы то ни было, настойчивость президента удивительно помогла *альферезу*, котораго предстоявшій бракъ пугалъ не менѣе висѣлицы. Наконецъ, сеньора согласилась на разлуку, во всякомъ случаѣ непродолжительную; она снабдила *альфереза* деньгами, и молодой женихъ, при прищипаньи, былъ въ самомъ отчаянномъ положеніи: онъ клялся, что не далѣе, какъ черезъ три мѣсяца, будетъ имѣть счастье броситься къ ногамъ превосходнѣйшей изъ матерей и прижать къ своему сердцу прелестнѣйшую изъ невѣстъ. Тотчасъ, послѣ отъѣзда сеньоры, донъ Мартинъ потребовалъ къ себѣ Пьетро. «Сеньоръ *альферезъ*», сказалъ онъ, внимательно осматривая молодого человека: — «вы не жили ли когда нибудь въ Зачатіи? И вамъ не случилось ли тамъ познакомиться съ Мигелемъ де Эрайсо? Это — мой другъ.» Каталина ужасно поблѣднѣла. «Послушайте-ка, что я вамъ скажу: убирайтесь отсюда нынѣшній же вечеръ, ступайте, куда глаза глядятъ, перемѣните фамилію, и чтобъ нога ваша не была больше въ этой сторонѣ. Понимаете?» *Альферезъ* очень понялъ и не заставилъ двухъ разъ повторять спасительнаго совѣта: тотчасъ же онъ сдѣлалъ нужныя закупки и черезъ часъ былъ уже за городомъ.

V.

Ближайшимъ городомъ былъ Пазъ, и туда Каталина направилла быстрые шаги своего коня. Этотъ конь, купленный очень дешево, былъ чудный конь: гордый, черный, безъ пятна, блестящій, какъ воронье крыло; его грива заплетена по андалузской модѣ, отлично вышитое сѣдло изъ краснаго сафьяну, вели-

чаго рисовалось на благородномъ хребтѣ. Словомъ, и конь и всадникъ были превосходны, каждый въ своемъ родѣ. Тотъ и другой немедленно были замѣчены, при въздѣ на городскую площадь, и правдая толпа съ любопытствомъ спрашивала: кто этотъ путешественникъ? Каталина, гордая прозведенный впечатлѣнїемъ, подъѣхала къ одной группѣ и велѣла указать лучшую *fonda*. Въ толпѣ замѣтила она, между прочимъ, двухъ солдатъ, довольно подозрительной наружности: они съ особымъ участїемъ слѣдили за всѣми ея движенїями, и особенно съ подозрительнымъ любопытствомъ осматривали коня. Едва путешественница отъѣхала по направленїю къ гостинницѣ, какъ эти два человѣка, пошептавшись между собою, почтительно подошли къ чиновнику въ черномъ платьѣ и, указывая на *альфереза*, торопливо дѣлали какія-то объясненїя. Каталина видѣла все. Ея первымъ движенїемъ было прищипорить сильнаго коня и ускорить, не справляясь, въ чемъ дѣло; но скоро она одумалась и поѣхала съ величавымъ спокойствїемъ, рѣшившись дожидаться окончанїя сцены. Недолго она ждала: подошедшїй альгвазилъ объявилъ ей, что городской *алькадъ* желаетъ говорить съ его милостью. *Альферецъ* немедленно поворотилъ коня и настроилъ на всякій случай самую веселую мину. *Алькадъ*, между тѣмъ, продолжалъ разговаривать съ двумя солдатами, и вокругъ ихъ образовалась густая толпа, обрадованная неожиданною сценой. *Альферецъ* подъѣхалъ. «Точно онъ», говорили солдаты:—«точно онъ! мы не ошибаемся, ваше превосходительство.» Каталина поблѣднѣла. — Чего отъ меня угодно его превосходительству? спросила она, почтительно кланяясь *алькаду*. Чиновникъ вперилъ въ путешественника пылливый взоръ. — «Извините, сеньоръ кабалеро, я не имѣю чести васъ знать, а эти солдаты увѣряютъ, что эта прекрасная лошадь будто принадлежитъ имъ; они объявляютъ о покражѣ и вызываются представить доказательства; что вы на это скажете?» Каталина, вовсе не готовая къ такому обвиненїю, на минуту смѣшалась и не знала, что отвѣчать. Но строгїй взглядъ *алькада* и чувство удовольствїя, выразившееся на лицѣ обвинителей, немедленно возвратили находчивой дѣвушкѣ обыкновенное хладнокровїе. Не говоря ни слова, она немедленно отвязала *капу*, прикрывавшую арчакъ сѣдла и нахлобучила ею всю голову коня отъ ушей до самыхъ ноздрей. — Ваше превосходительство! благоволите спросить

этихъ господъ, какой глазъ кривой у моей лошади, правый или лѣвый? Это они должны знать. — «Извольте», отвѣчалъ алькадь. — «Слышите», сказалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ: — «на какой глазъ крива эта лошадь?» Солдаты молчали. — «Отвѣчайте! говорю я вамъ.» — «На лѣвый!», пробормоталъ одинъ солдатъ. — Нѣтъ, на правый!», возразилъ другой. — «Чтожь вы путаетесь?» строго замѣтилъ алькадь. — «На лѣвый! ваша свѣтлость! на лѣвый!» вскричали вдругъ обвинители: — «мы теперь хорошо помнимъ! оно сперва было и не въ доめкъ, но теперь мы знаемъ, что у этой лошади вышибенъ лѣвый глазъ.» Альферезъ отнял каму и открылъ уши своего коня. — Благоволите, ваше превосходительство, осмотрѣть сами голову лошади и вы удостовѣритесь, что у ней оба глаза превосходные. Алькадь дѣйствительно увидѣлъ, что конь вовсе не былъ кривъ. — «Арестовать этихъ двухъ мошенниковъ!» вскричалъ алькадь. — «Извините, сеньоръ кабалеро: вы правы.» Тотчасъ толпа обступила ловкаго альфереза, и онъ, въ сопровожденіи любопытныхъ, весело направилъ путь къ первой въ городѣ *Locanda*.

Еще не успѣла Каталина хорошенько устроиться въ богатой гостинницѣ и поправить безпорядокъ дорожнаго туалета, какъ вдругъ доложили, что донъ Антоніо Кальдеронъ желаетъ говорить съ нею отъ имени алькада. Что бы значило это новое посольство? неужели еще другое приключеніе? Но какъ бы ни было, альферезъ не могъ не принять алькадскаго посланника и приказалъ просить донъ Кальдерона. Учтивость и веселое лицо вошедшаго посѣтителя въ минуту разсѣяли опасеніе путешественника. Кальдеронъ, какъ сейчасъ сказалъ, былъ племянникъ епископа въ городѣ Куско и двоюродный братъ здѣшняго алькада: обязательный начальникъ послалъ брата изъяснить сожалѣніе о неприятной и смѣшной сценѣ, какую встрѣтилъ благородный кабалеро, при въѣздѣ въ ихъ городъ. Солдаты, разумѣется, немедленно будутъ наказаны; но алькадь желалъ бы лично засвидѣтельствовать свое почтеніе сеньору (къ несчастью, онъ еще не имѣетъ чести знать ни фамиліи, ни родины, ни чина молодого путешественника) и покорнѣе просить его къ себѣ на обѣдъ. Каталина вздохнула свободно. Вспомнивъ обязательный совѣтъ тукуманскаго президента, она, не запинаясь, отвѣчала: — Моя фамилія донъ Хозе де Сальта, состою альферезомъ

на службѣ его католическаго величества; моя родина — Бискайя; ѣду въ Куско по своимъ дѣламъ.

— Вообразите, какое счастье! вскричалъ донъ Антоніо: — братъ мой тоже Бискаецъ, и завтра, какъ и вы, ѣдетъ въ Куско. Сеньоръ *альферезъ*, мы поѣдемъ вмѣстѣ, если это вамъ доставитъ удовольствіе.

Путешествовать подъ непосредственнымъ покровительствомъ законовъ, вмѣстѣ съ представителемъ правосудія, — чего еще лучше для нашей героини, уже слишкомъ измученной безконечными приключеніями бродяжнической жизни! Она съ радостію приняла обязательное приглашеніе и тутъ же отправилась къ алькаду въ сопровожденіи донъ Антоніо. Донъ Педро де Хаварріа, — такъ назывался превосходный градоначальникъ, — съ нетерпѣніемъ ожидавшій приглашеннаго гостя, принялъ его какъ нельзя лучше и еще разъ изъяснилъ сожалѣніе о глупой исторіи, представилъ донѣ Маріи, своей женѣ, прекрасной андалузянкѣ, на которой годъ былъ женатъ. Донья Марія, совершенный типъ севильскихъ женщинъ, о красотѣ которыхъ имѣютъ вообще неправильное понятіе. Это не то, что красавица изъ Кадикса, маленькая, живая брюнетка, и не то, что женщина валенсійская, сладострастная блондинка: донья Марія имѣла большой ростъ, удивительно гибкую талію, выразительные черные глаза, опоясанные длинными рѣсницами. Ея пронзительный взоръ, совершенно южный, составлялъ чудесный контрастъ съ бѣлизною лица и цвѣтомъ волосъ; тутъ было какое-то оригинальное соединеніе нѣмецкой мечтательности съ арабской выразительностью. О ногахъ говоритъ нечего: ногъ почти не было. Коротко и ясно: *альферезъ* былъ безъ ума отъ прелестной хозяйки. Отлично принятый въ домѣ алькада, онъ развернулъ всю грацію гибкаго ума, чтобы пріобрѣсть благосклонность красавицы. Онъ рассказывалъ безъ умолку о нѣкоторыхъ любопытныхъ эпизодахъ изъ своихъ путешествій, краснорѣчиво говорилъ о томъ, что зналъ, и еще краснорѣчивѣе, чего вовсе не зналъ, такъ что разговоръ былъ самый разнообразный и вѣденъ съ отиѣннымъ искусствомъ. Словомъ, молодой офицеръ всѣмъ понравился въ скромной залѣ маленькаго городка, гдѣ, конечно, были рѣдки веселые собесѣдники. Да это драгоценный товарищъ для дороги, думалъ каждый про себя, и алькада столько же радъ былъ счастливою встрѣчѣ, какъ самъ донъ

Хозе де Сальта. Прозорливость не входила въ число добродѣтелей донъ Педро де Хаварриа, и *альферезъ* уже зналъ, какъ вести себя на этотъ счетъ. Въ первый же часъ онъ замѣтилъ, что прекрасные глаза сеньоры очень часто встрѣчались со взорами братца Кальдерона, и эти взгляды выражали тысячу секретовъ. Подъ вечеръ донъ Хозе уже не сомнѣвался въ несчастіи алькада. Но какъ это до него не касалось, онъ вѣжливо распрощался съ хозяиномъ и побѣжалъ дѣлать приготовления къ отъѣзду.

Уже давно Каталина не испытывала такого совершеннаго наслажденія. Всѣ неприятности были теперь отстранены, и нѣтъ сомнѣнія, жизнь ея полетѣла свѣтлымъ потокомъ, безъ огорченій, безъ трудной борьбы съ судьбою. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы могъ подумать, что этотъ самый вечеръ, ознаменованный блестящими надеждами, эта любовь, ею подмѣченная, будутъ содержать зерно кровавой трагедіи, которая скоро навсегда окончитъ кочевую жизнь отчаянной искательницы приключеній?

На другой день донъ Хозе явился въ условленный часъ и нашелъ на дворѣ алькада цѣлый караванъ, готовый къ отъѣзду. Для доньи Маріи приготовлены были носилки, или портантины, еще и теперь употребляемыя въ Сициліи. Четыре дюжихъ лакея, въ сапогахъ до колѣнъ, вооруженные съ ногъ до головы, должны были, верхомъ на мулахъ, составлять свиту своей барыни. Прекрасная лошадь, въ полной богатой сбруѣ, уже дождалась доня Педро де Хаварриа, и вскорѣ подѣхалъ сеньоръ Кальдеронъ, живописно рисуясь на одномъ изъ тѣхъ розовыхъ коней, которыхъ странная шерсть и нынче еще довольно часто встрѣчается между испанскими породами. Путешествіе изъ Паза въ Куско было продолжительное и трудное путешествіе, и нынѣшнія дамы, привыкшія къ колыбельной качкѣ въ своихъ покойныхъ дормезахъ, не вдругъ бы рѣшились на подобную ѣзду по дикой и бесплодной странѣ, въ неуклюжихъ и тряскихъ носилкахъ. Донья Марія, съ вѣромъ въ рукахъ, съ гвоздикой при каждомъ вискѣ, была окутана съ ногъ до головы въ атласную мантилью; она граціозно поклонилась *альферезу*, подарила нѣжнымъ взглядомъ Кальдерона и сѣла въ портантину. Всадники прищипорили лошадей, и караванъ двинулся съ мѣста.

Представьте себѣ самую неправильную, прескверную дорогу по безплодной пустынѣ и, вдобавокъ, налящій зной жгучаго солнца, и вы поймете, что нашимъ путешественникамъ, при постоянной ѣздѣ четыре часа утромъ и четыре вечеромъ, никакъ нельзя было сдѣлать въ одинъ день болѣе двѣнадцати миль. Ввечеру караванъ останавливался, по обыкновенію, въ какойнибудь избушкѣ, стоявшей на юру; избушка, собственно говоря, была ничто иное, какъ грязная конюшня, гдѣ, въ одномъ изъ угловъ, сосредоточивались кухня, чуланъ, гостиная, зала и спальня. Закусывали тутъ чѣмъ Богъ послалъ, ложились просто на соломѣ, кто гдѣ попалъ; впрочемъ, для доньи Маріи лакеи устраивали что-то похожее на спальню, и барыня покоилась на перинѣ. Прекрасная андалузлянка, казалось, была очень счастлива и вовсе не обращала вниманія на продолжительность труднаго путешествія. Во весь день она не спускала глазъ съ счастливаго Кальдерона, который, для ея удовольствія, заставлялъ своего розоваго коня выдѣлывать самыя забавныя фантазіи. Мужъ не пускался на такія штуки и ѣхалъ смирно позади носилокъ. Донъ Педро принадлежалъ къ разряду тѣхъ коренастыхъ испанцевъ, у которыхъ въ глазахъ не прочтешь ничего, а на лицѣ замѣтите яркіе признаки Отелло. Черезъ нѣсколько дней альферезъ замѣтилъ, что фізіономія алькада часъ отъ часу становилась пасмурнѣе. Ясно, подозрѣніе родилось и быстро выросло въ ревнивой душѣ. Драму нетрудно было предвидѣть. Но что тутъ дѣлать? увоенные молодостью и любовью, восторженные любовники весело неслись по дуновенію страсти и вовсе не думали объ опасности, какъ два прекрасные лебедя, мирно увлекаемые теченіемъ рѣки и вдругъ сраженные свинцовой пулей коварнаго охотника. Альферезъ уже подружился съ Кальдерономъ; но тотъ во всю дорогу толковалъ лишь о своемъ домѣ, о лошадяхъ, о дядѣ, особенно объ этомъ дядѣ, епископѣ города Куско. О своей любви Кальдеронъ не проболтался ни однимъ словомъ, и альферезъ, при всемъ желаніи дать спасительный совѣтъ, ни съ какой стороны не могъ приступить къ дѣлу.

Между тѣмъ, время шло своимъ чередомъ, и путешественники пріѣхали на послѣднюю станцію. Это былъ небольшой городокъ, недавно выстроенный, въ десяти миляхъ отъ Куско. Гражданское устройство уже введено было въ этомъ посадѣ, и

оказалось, что коррехидоръ коротко зналъ Педро де Хаварриа. Благодаря ему, для прекрасной путешественницы отведена приличная квартира съ маленькимъ павильономъ, прислоненнымъ къ дому самого коррехидора. Этотъ павильонъ, выстроенный изъ дерева и помѣщенный въ саду, состоялъ изъ одной комнаты въ нижнемъ этажѣ и небольшого фронтончика наверху. Въ комнатѣ были два окна въ шести или восьми футахъ отъ земли и дверь съ красивымъ крыльцомъ, устланномъ дикими растеніями. Здѣсь-то устроили помѣщеніе для доньи Маріи. Она не побоялась провести ночь одна въ такомъ близкомъ разстояніи отъ коррехидорова дома и предпочла уютный павильонъ сырой и холодной комнатѣ хозяина, куда отправила своего мужа. Альферезъ и Кальдеронъ помѣстились, какъ могли, въ лучшей городской *locanda*. Обѣдали вмѣстѣ и вечеръ провели въ саду павильонѣ. Была прекрасная лѣтняя ночь; теплый вѣтерокъ едва колыхалъ разцвѣтшія деревья; воздухъ наполнялся благовонными испареніями пахучихъ цвѣтовъ; словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда всякая женщина должна желать, чтобъ ея любили. Сидя подлѣ открытаго окна, донья Марія, блѣдная и разсѣянная, подпирая одной рукою пылающее чело, сжимая въ другой жасминный цвѣтокъ, казалось, начинала дремать, и глаза ея смыкались. Но она не дремала. Явился Кальдеронъ съ гитарою въ рукахъ. Тотъ не андалузецъ, кто не умѣетъ пѣть какую нибудь *Jalero* или *Fandango*. Раздался сильный, переливный, звучный голосъ, исключительная принадлежность Италіи и Испаніи, голосъ рыбака, не испорченный, свѣжій, который васъ невольно переноситъ въ страну звѣздныхъ ночей, въ страну гондолъ и лагуновъ, на берега Адриатики и Гвадалквивира. Кальдеронъ пѣлъ, акомпанируя маиндолиной, рядъ тѣхъ испанскихъ куплетовъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ, повидимому безъ всякой связи, безъ всякаго порядка, и которыхъ слова, часто меланхолическія, иногда странныя и мистическія, чуднымъ образомъ противорѣчатъ съ одушевленнымъ видомъ вдохновеннаго пѣвца:

Aquel pajarillo, madre
 Que canta en la verde oliva
 Digale, por Dios, que calle
 Que su canto me lastima.

Ya no soy yo la que era
Ni la que solia ser
Soy un cuadro de tristeza
Arrimado a una pared.

Yo me enamore del aire
Del aire de una mujer,
Como la mujer es aire,
En el aire me quede.

«Мать моя, маленькая птичка поетъ на зеленой оливѣ; скажи ей, ради Бога, чтобы замолчала: ея пѣсня надрываетъ мое сердце.

«Ужъ теперь я не то, чѣмъ была, чѣмъ казалась всегда: теперь я печальная картина, повѣшенная на стѣну.

«Влюбленъ я въ воздухъ, въ воздухъ женщины; мой воздухъ — женщина, и въ этомъ воздухѣ живу я.»

Коррехидоръ былъ растроганъ, и думалъ, безъ сомнѣнiя, о далекой родинѣ. Алькадь смотрѣлъ и о чемъ-то размышлялъ. Альферезъ чувствовалъ крайнюю усталость и съ трудомъ подавлялъ зѣвоту. Около одиннадцати часовъ донья Марiа распрошчалась съ гостями. Коррехидоръ вышелъ первый вмѣстѣ съ алькадомъ; альферезъ искалъ шляпу, Кальдеронъ тоже чего-то не находилъ. Какъ скоро донъ Хозе началъ удаляться, донья Марiа, провожая Кальдерона въ отворенную дверь, бросила на него бѣглый взглядъ, и въ тоже время сдѣлала одну изъ тѣхъ пантомимъ, которыя любовники всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ переводятъ такъ: ты войдешь въ эту дверь, когда всѣ улягутся спать. Кальдеронъ сдѣлалъ едва замѣтный утвердительный знакъ и вышелъ съ дономъ Хозе. Когда спускались они съ крылечныхъ ступеней, донья Марiа выбѣжала опять, объявивъ, что хочетъ подышать на открытомъ воздухѣ. Она проводила ихъ до калитки и заперла ее сама. Проходя мимо садовой стѣны, альферезъ увидѣлъ въ тѣни два сверкающiе глаза, и тутъ же ему послышался шелестъ листьевъ. — Что это такое? спросила донья Марiа? — Вѣроятно, слетѣла птичка, отвѣчалъ Кальдеронъ.

Черезъ пять минутъ альферезъ и его товарищъ были уже въ трактирѣ и разошлись по комнатамъ. Черезъ четверть часа кальдеронова дверь тихонько отворилась, и счастливый любовникъ, въ черномъ плащѣ, осторожно вышелъ изъ дому. У воротъ

столкнулся онъ носъ объ носъ съ *альферезомъ*, который его ждалъ. «Извините мою нескромность, проговорилъ *альферезъ*: — но мнѣ хотѣлось предупредить васъ, что воздухъ нынѣшней ночи для васъ нездоровъ.» Изумленный донъ Антонио просилъ услужливаго пріятеля не вмѣшиваться въ его дѣла. Донъ Хозе сообщилъ Кальдерону свои подозрѣнія и какое-то тайное предчувствіе, отъ котораго, говорилъ онъ, никакъ не могъ освободиться. Все было бесполезно: епископскій племянникъ разгладилъ усы, поблагодарилъ пріятеля движеніемъ руки и пошелъ, не говоря ни слова. Донъ Хозе, слѣдуя издали, пробрался въ садъ и увидѣлъ въ комнатѣ Маріи слабый огонекъ, мелькавшій, какъ маякъ. Кальдеронъ, завернувшись плащомъ, прислонился къ дереву и ожидалъ; *альферезъ* сдѣлалъ тоже. Антонио насто- рожилъ уши и, не слыша ничего, началъ взбираться волчьими шагами на лѣстницу павильона. Тайственный товарищъ, на разстояніи двадцати шаговъ, могъ видѣть, при слабомъ звѣздномъ свѣтѣ, какъ молодой человекъ взошелъ на крыльцо и тихонько отворилъ дверь. Въ эту минуту отчаянный крикъ женщины раздался во внутренности павильона. Антонио хотѣлъ отступить, но въ тоже мгновеніе бросилась на него черная тѣнь, засверкали шпаги и два тѣла повалились на крыльцо. Почти въ тоже время съ трескомъ отворилось окно изъ павильона, бѣлая тѣнь выпрыгнула въ садъ, юркнула въ чашу деревъ и съ пронзительнымъ крикомъ наткнулась на ошеломленную Каталину. Это была несчастная донья Марія, съ распущенными волосами, полумертвая отъ страха. На крыльцѣ, между тѣмъ, одна изъ упавшихъ тѣней вскочила на ноги. *Альферезъ* взялъ бѣдную испанку на руки и, прикрывъ плащомъ, опрометью бросился черезъ деревья въ садовую калитку. Здѣсь онъ сталъ, и вмѣсто того, чтобы продолжать путь, неподвижно прислонился съ своей тяжестью о заборъ сада, и хорошо что такъ сдѣлалъ: почти въ ту же минуту, Хаварріа, съ ножомъ въ рукѣ, выбѣжалъ изъ калитки и посмотрѣлъ на улицу; но не виля никого, съ яростію заперъ дверь и вошелъ въ садъ. Опасность возвратила силы донѣ Маріи. Поддерживаемая товарищемъ, она могла бѣжать, и вскорѣ ее запрятали въ конюшню гостинницы.

Скрывать несчастную въ маленькомъ городкѣ было нельзя: лучше бѣжать, не теряя времени, и искать спасенія въ быстротѣ коня. Расчитавъ такимъ образомъ, *альферезъ* немедленно осѣ-

догодъ дождавъ, привязавъ позади себя донью Марію и помчался во весь опоръ, не зная самъ, куда. При выѣздѣ изъ города, онъ встрѣтилъ бѣжавшаго мужчину и угадалъ въ немъ одного изъ лакеевъ дома де Хаварріа. Онъ еще разъ пришпорилъ бѣднаго коня. Векоръ бѣглецы очутились въ чистомъ полѣ. Около уже получаса ѣхали они сломя голову, какъ вдругъ были остановлены широкимъ и быстрымъ потокомъ. *Альферецъ* не зналъ, на что рѣшиться. — Впередъ! закричала донья Марія. — Впередъ! повторила Катадина. Конь бросился въ рѣку; но едва сдѣлалъ шаговъ шесть, какъ свело его ногу, и течение быстро начало его увлекать. Держась съ отчаяннымъ усиліемъ за гриву, барахтаясь въ водѣ по самыя плечи, двѣ подруги теряли уже всякую надежду; но благородный конь собралъ послѣднія силы и, шатаясь, вышелъ на берегъ. Бѣжать дальше было не въ мочь. Къ счастью, *Альферецъ*, оглядѣвшись во всѣ стороны, замѣтилъ огонекъ. Путешественницы пошли по направленію путеводнаго свѣта и прибыли такимъ образомъ въ хижины рыбака. Мужикъ изумился глупѣйшимъ образомъ, встрѣчая у себя, въ такую позднюю пору, неожиданныхъ гостей; но золотая монета сдѣлала его учтивымъ и услужливымъ. Онъ набросалъ въ печь нѣсколько дровъ, разогрѣлъ немного вина и продалъ *Альферецу* старый кафтанъ, въ который завернулась сеньора. Платье, между тѣмъ, обсохло и лошадь отдохнула. Не теряя времени, *Альферецъ* предложилъ доньѣ Маріи снова пуститься въ дорогу. По словамъ лодочника, они ѣхали въ Кусмо, и до города оставалось не болѣе шести миль. Сеньора услышала это съ величайшимъ восторгомъ: въ монастырѣ св. Августина была игуменьей ея тетка, и она найдеть у ней безопасное, ненарушимое убѣжище. Поѣхали, и при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, передъ путешественниками замелькали кровли домовъ и городскія колокольни. Видъ города сдѣлалъ на *Альфереца* самое пріятное впечатлѣніе, но вдругъ его подруга съ ужасомъ закричала: — ахъ, сеньоръ! я погибла! — Послышался лошадиный топотъ, и донъ Хозе, обернувшись назадъ, увидѣлъ дону Хаварріа, съ бѣшенствомъ скачущаго по слѣдамъ бѣглецовъ. Рѣшившись спасти подругу, во чтобы ни стало, *Альферецъ* крѣпко привязалъ ее къ себѣ и погналъ коня во весь опоръ. Жизнь зависѣла теперь отъ быстроты бѣга. Съ перваго взгляду Хозе замѣтилъ, что Хаварріа скакалъ на прекрасной лошади Кальдерона. Бѣдное животное было

въ вѣнѣ, и выбивалось изъ силъ; но и его конь, отъ двойной тяжести, слабѣлъ постепенно, и донъ Хозе видѣлъ, что на гладкой дорогѣ борьба будетъ меровная: оставалось броситься въ сторону на почву, изрытую ухабинами, гдѣ быстроту бѣга можно дополнить ловкостію и мужествомъ. Странная, чудная борьба! Между тѣмъ, какъ одинъ изъ всадниковъ поддерживалъ блѣдную, умирающую женщину, готовую лишиться чувствъ, другой, склонившись на гриву, одушевляя своего коня жестами и голосомъ, пожиралъ, казалось, землю и заранѣе наслаждался отраднымъ чувствомъ мщенія. До Куско оставалось еще съ полчаса ѣзды. Театромъ этой оригинальной травли былъ отлогій холмъ, покрытый густою травою. Дорога, гдѣ бѣжали всадники, была, на одной сторонѣ, перерѣзана широкимъ ровомъ съ терновникомъ и острыми каменьями на днѣ. Съ меньшей тяжестью или при болѣе свѣжихъ силахъ лошади, Хозе не задумался бы перескочить черезъ ровъ, будь онъ еще шире; но теперь усталый конь могъ измѣнить, а въ случаѣ паденія, гибель неизбежна. Однако, нужно же было рѣшиться, потому-что Хаварріа подѣзжалъ все ближе. Круто новоративъ лошадь и приподнявъ на дыбы съ тою твердостію, какую опытный ѣдокъ почти всегда придаетъ своему коню, альферезъ, наконецъ, перескочилъ. Благородный конь чуть не подался назадъ, но управляемый твердою рукою, немедленно оправился и помчался что есть духу черезъ камни и терновникъ, по отлогому скату. Между тѣмъ, Хаварріа тоже перемѣнилъ тактику. Задержанный на краю широкаго рва, алькадъ отвязалъ мушкетонъ, привѣшанный къ сѣдельному арчаку, и далъ залпъ по бѣглецамъ. Десять пуль прожужжали надъ ушами донъ Маріи и воронами хребетъ бѣднаго коня, который взвился отъ боли и поскакалъ съ неудержимою быстротою. Бѣснуясь, при видѣ ускользнувшей добычи, Хаварріа, въ свою очередь, бросился черезъ опасный ровъ; но, не столько счастливый, какъ соперникъ, со всего размаху рухнулъ на острый каменникъ къ невыразимому наслажденію донъ Хозе, издали наблюдавшаго этотъ маневръ.

Вотъ уже бѣглецы наши передъ городскими воротами. Улицы въ Куско были еще пусты, городъ не проснулся, и странники, безъ дальнѣйшихъ приключеній, подѣхали, на главной площади, къ августинскому монастырю. Каталина пошла пѣ-

шкомъ, оставивъ на улицѣ измученную лошадь. Она помогла донѣ Маріи взойти на лѣстницу, проводила ее къ теткѣ и, не теряя ни минуты, хотѣла воротиться назадъ. Но переступая за порогъ монастыря, она лицомъ къ лицу очутилась передъ особой дона Хаварріа. Съ окровавленными руками и лицомъ, въ разодранномъ платки, съ мутными, сверкающими глазами, несчастный будто опьянѣлъ отъ безсильной злобы. *Альферецъ*, вынувъ шпагу, принудилъ его отступить и объявилъ, что сеньоръ алькадъ пройдетъ въ монастырь не иначе, какъ по его трупу. Донъ Хаварріа, не отвѣчая ни слова, сталъ въ оборонительное положеніе. Противники, оба истощенные усталостью, оба изнеможенные, едва держались на ногахъ, однакожъ, обнажили шпаги и завязали битву. Вниманіе жителей, уже возбужденное конскимъ топотомъ, было теперь привлечено шумомъ обнаженныхъ шпагъ. Любопытные сбѣгались со всѣхъ сторонъ, и нѣтъ сомнѣнія, сражающихся скоро бы розняли, если бы не появились на площади три новые всадника. Это были слуга Кальдерона и два лакея дона Хаварріа, издали слѣдившіе за своимъ господиномъ. Въ эту минуту раненый *альферецъ* сильнѣе началъ тѣснить противника. Лакеи бросились помогать алькаду; кальдероновъ слуга принялъ сторону дона Хозе. Свалка сдѣлалась общою. Блѣдная, съ пылающими глазами, съ растрепанными волосами, Каталина, забывая усталость, призвала на помощь всю энергію бывалыхъ дней. Оставивъ оборонительное положеніе, изступленная героиня съ яростію бросилась на противника, ранила въ самое сердце, и несчастный алькадъ опрокинулся навзничь. Кальдероновъ слуга немедленно убѣжалъ, оставивъ освободителя доньи Маріи одного противъ двухъ. Прислонившись къ монастырской стѣнѣ, *альферецъ* ловко отражалъ удары, и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта рѣзня, если бы неожиданное происшествіе не прекратило кровавую трагедію.

Отворились ворота епископскаго дворца. Епископъ, сопровождаемый своимъ секретаремъ и слугою Кальдерона, вышелъ на площадь. Толпа раздвинулась передъ духовною особой, и сраженіе прекратилось. Подойдя къ Каталинѣ, епископъ приказалъ ей отдать шпагу альгвазиламъ, которые, до появленія святѣйшаго отца, бесполезно покушались арестовать героиню. — Ваше преосвященство, возразилъ *альферецъ*: — враги окружаютъ. — От-

дайте шпагу, продолжалъ прелать: — и я ручаюсь честью за вашу жизнь. — *Альфереэ* бросилъ оружіе; альгвазилы приготовились его вязать; но по данному знаку остановились, и донъ Хозе, вмѣстѣ съ епископомъ, пошелъ во дворецъ. Епископъ, если припомнить читатели, былъ дядя Кальдерона. Слуга, оставившій мѣсто сраженія, въ трехъ словахъ извѣстилъ прелата о трагической сценѣ, и теперь, когда онъ остался съ *альфереэ*омъ одинъ на одинъ, тотъ подробно долженъ былъ рассказать ему всю исторію. Положеніе очень затруднительное, говорилъ прелать: — Хаварриа умеръ, и правительство потеряло въ немъ знаменитаго алькада. Убіеніе Кальдерона, похищеніе доньи Маріи еще болѣе запутывали процессъ. Дѣла затушить нельзя: весь городъ объ немъ зналъ. Можно, пожалуй, задержать дѣйствіе правосудія, но вовсе остановить его ходъ не было средствъ. Епископъ крайне соблазновалъ, что бѣдный Хозе такъ жестоко окомпрометировалъ себя безкорыстной преданностью къ его племяннику; однакожь, не видѣлъ другого способа выпутаться изъ бѣды, какъ обратить вниманіе начальства на прежнее доброе поведеніе *альфереэа*, если оно точно было доброе, сослаться на прежнія услуги правительству, если были услуги, и стараться великодушною цѣлью привести въ забвеніе уголовный проступокъ.

При самомъ началѣ битвы, Каталина, какъ сказано, получила рану. Ударъ былъ нанесенъ въ самую грудь, и несчастная ужасно страдала. Продолжая разговаривать съ епископомъ, она чувствовала неизбежную необходимость въ помощи хирурга. Обязанная теперь объяснить свою прежнюю жизнь, и опасаясь, по этому поводу, непріятныхъ извѣстій изъ Тукумана, думая притомъ, что врачъ и безъ того откроетъ ея тайну, и наконецъ, быть можетъ, утомленная бродячей жизнью искателя приключеній, Каталина рѣшилась объяснить епископу всю истину. Она стала на колѣни и сложила руки....

— Ваше преосвященство, я не то, чѣмъ вы меня считаете: я женщина!!!...

Голосъ Каталины сдѣлался нѣжнымъ, потупленные взоры мгновенно измѣнили выраженіе, яркій румянецъ покрылъ блѣдныя щеки. Но тутъ же силы оставили измученную дѣвушку, и она упала безъ чувствъ на холодный полъ. Легко вообразить изумленіе бѣднаго епископа. Онъ созвалъ слугъ. Перенесенная на постель, Каталина была перевязана искуснѣйшимъ хирур-

гомъ, какого могли отыскать въ околodкѣ. Епископъ, еще не увѣренный въ странномъ признаніи, отдалъ хирургу нужныя приказанія и потребовалъ, чтобы оставили его одного въ комнатѣ пациента. По окончаніи операціи, хирургъ подтвердилъ справедливость показанія. Кто же эта женщина, и что значитъ подобный маскарадъ? Смиранный пастырь терилъ голову. Рана Каталины была легкая, и послѣ кратковременнаго отдыха, дѣвушка на другой день совершенно оправилась. Епископъ призвалъ ее и ласково началъ спрашивать. Каталина рассказала всю свою исторію, скрывая, разумѣется, нѣкоторыя подробности. Она назвала имя, фамилію, говорила о родныхъ, о вступленіи въ монастырь и своемъ побѣгѣ, объ испанскихъ похожденияхъ, о матросской службѣ, караблекрушеніи, дуэляхъ, путевыхъ впечатлѣніяхъ, и прочая, и прочая. Разсказъ продолжался слишкомъ три часа, и все это время смиренный епископъ слушалъ повѣствовательницу безъ перерывовъ и съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Облокотясь на столъ, поджавъ голову руками, онъ едва переводилъ духъ и казался окаменѣвшимъ отъ изумленія. По окончаніи этой странной исповѣди, онъ, въ невыразимомъ страхѣ, возвелъ очи къ небу, какъ будто умолялъ о божественномъ милосердіи, и двѣ слезы оросили его почтенныя ланиты. Приведенная и сама въ сильнѣйшее волненіе, Каталина такъ окончила свою біографію: «Я бѣгала изъ края въ край, убивала, наносила раны, обманывала, воровала, вездѣ говорила ложь. Впрочемъ, прибавила она, потупивъ глаза: — не всѣ пороки очернили мою душу: среди безпорядочной бродячей жизни, я осталась чистою дѣвою, какъ въ день своего рожденія.» На этомъ пунктѣ сдѣлала Каталина особенное удареніе. «*Virgen intacta*, сказала она: — *como el dia en que naci.*» Епископъ съ новымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на это чудное, непонятное созданіе.

Неожиданное открытіе Каталины совершенно измѣнило положеніе вещей. Если гражданское правосудіе могло еще преслѣдовать убійцу алькада, церковь, въ свою очередь, имѣла право требовать монахиню. Спорный пунктъ былъ предметомъ продолжительныхъ разсужденій между коррехидоромъ, который, наконецъ, убѣдился, и епископомъ, считавшимъ свою монахиню необыкновеннымъ явленіемъ въ современномъ женскомъ мірѣ. Въ продолженіи этого времени, Каталина заняла

приличную комнату, приготовленную для нея по распоряженію епископа. Ей принесли отличный завтракъ, и она, послѣ длинной бесѣды, кушала съ превосходнымъ аппетитомъ. Въ слѣдующіе дни, она съ набожнымъ умиленіемъ слушала назидательныя увѣщанія добраго прелата, заключила миръ съ церковію, надѣла платье, свойственное полу, и черезъ нѣсколько времени вступила въ монастырь св. Клары.

Когда наступилъ часъ постриженія и преобразованная монахиня вышла съ епископомъ изъ его дворца, дома города Куско опустѣли, и всякая живая душа спѣшила насладиться необыкновеннымъ зрѣлищемъ. При огромномъ стеченіи народа, процессія подвигалась медленно, и когда добралась, наконецъ, до монастырскихъ воротъ, всѣ углы и закоулки смиренной обители были переполнены любопытными. Монахини, со свѣчами въ рукахъ, стояли въ два ряда. Преклонивъ колѣни передъ игуменьей, послушница благоговѣнно приложилась къ рукѣ, перепцаловала своихъ подругъ, и подруги целовали будущую сестру. Послѣ обыкновенныхъ молитвъ, обрядъ кончился, и тяжелая монастырская дверь сокрыла отъ мірскихъ соблазновъ удалого офицера испанской службы. Извѣстіе о необыкновенномъ постриженіи быстро распространилось во всѣ концы, и цѣлую недѣлю во всемъ Перу ни о чемъ больше не толковали, какъ о *monja alferex*.

Какимъ образомъ Каталина помирилась съ этииъ новымъ затворничествомъ и какъ вела себя во внутренности мирной обители, сказать довольно трудно. Если вѣрить автобіографіи, она скоро приобрѣла любовь смиренныхъ сестръ и своимъ примѣрнымъ поведеніемъ заслужила особенную благосклонность настоятельницы. Но сколько ни ломаю головы, я никакъ не могу представить себѣ нашего *альфереза*, подъ стыдливымъ покрываломъ съ нарамникомъ на шеѣ, съ четками въ рукахъ, благоговѣнно исполняющимъ строгія правила постнической жизни и вполне довольнымъ смиренною долею отшельницы, удаленной отъ всѣхъ тревоженій міра сего. Легко станется, что на первой порѣ Каталина дѣйствительно была въ упоеніи отъ этой всеобщей молвы, столько лестной для ея безпредѣльнаго самолюбія; но потомъ, какъ скоро перестали толковать о чудной исторіи, героиня наша начала задумываться. Какъ бы то ни было, ея похиженія скоро начались опять, только подъ другой формой.

Черезъ пять мѣсяцовъ, когда не стало добраго епископа, она добилась до того, что ее перевели изъ Куско въ Лиму, гдѣ тоже былъ женскій монастырь; а изъ Лимы она выхлопотала позволеніе возвратиться въ Испанію.

Перваго ноября, 1624, *monja alferex* пріѣхала въ Кадиксъ. Она путешествовала въ мужскомъ костюмѣ, — предосторожность необходимая, потому-что молва перелетѣла съ нею черезъ океанъ, и даже переодѣтая, она не вездѣ могла укрыться отъ публичнаго любопытства. Спустя нѣсколько дней, она отправилась черезъ Севилью въ Мадридъ, гдѣ представилась графу Оливаресу, къ которому имѣла рекомендательное письмо. Возвращеніе въ смиренную обитель вовсе не входило въ ея планы: напротивъ, она хотѣла выхлопотать пенсію, достойную награду за воинскіе подвиги, и упрочить себѣ независимое существованіе. Америка хотя въ ту пору для многихъ была золотымъ дномъ, но наша монахиня выѣхала оттуда съ пустыми руками. Графъ Оливаресъ представилъ путешественницу королю, и его величество поцарски наградилъ храбраго *альфереза*: Каталина де Эрайсо получила восемьсотъ ефимковъ пожизненнаго пенсіона. Указъ, опредѣлившій это награжденіе, подписанъ въ августѣ, 1625 года, и донынѣ хранится въ севильскомъ государственномъ архивѣ, гдѣ любопытные могутъ также видѣть патенты и аттестаціи, представленные военными начальниками Каталины.

Устроивъ, къ совершенному удовольствію, временныя дѣла суетнаго міра, Каталина, по совѣту покровителей, озаботилась успокоить свою совѣсть, которая, впрочемъ — я рѣшительно такъ думаю — ее нисколько не мучила. Былъ годъ великаго юбилея. Въ Римѣ святѣйшій отецъ щедрою рукою раздавалъ всѣ возможныя индульгенціи. Она отправилась изъ Барселоны, проѣхала Геную и достигла папскихъ владѣній. Въ Римѣ она имѣла честь лично представиться его святѣйшеству Урбану VIII, пожелавшему изъ устъ самой Каталины выслушать разсказъ о чудныхъ похожденіяхъ. Верховный первосвященникъ приказалъ носить ей всегда мужское платье, вести жизнь скромную и честную, практиковать себя въ забвеніи обидъ и чаще приводить на память восьмую заповѣдь. Конецъ концовъ, героиня надѣлала въ Римѣ столько же шуму, какъ и въ Америкѣ. Принцы, кардиналы, епископы, словомъ, всѣ сильные зем-

ли непременно хотѣли видѣть чудную женщину, и Каталина съ особеннымъ удовольствіемъ распространяется объ этомъ въ своихъ мемуарахъ. Всѣ салоны были для нея открыты, и не проходило дня, когда бы знаменитая отшельница, не изволила кушать за столомъ какого нибудь важнаго сеньора. Проживъ такимъ образомъ шесть недѣль въ стѣнахъ вѣчнаго города, Каталина отправилась въ Неаполь. Разъ, прогуливаясь по берегу, Каталина замѣтила, что какія-то двѣ дѣвицы сомнительной наружности, разговаривая съ матросами, смѣялись надъ нею. Одна съ наглымъ видомъ спросила: — куда это вы такъ спѣшите, сеньора Каталина? Въ Неапольъ ее уже знали. — Мнѣ хотѣлось бы васъ отстегать плетью, мои милыя, отвѣчала Каталина: — больше вы ничего не заслуживаете.

Этой выходкой оканчиваются мемуары Каталины, начавшей, какъ видно, съ большимъ успѣхомъ практиковать себя въ забвеніи обидѣ. Она прожила еще десять лѣтъ, но дальнѣйшая судьба ея очень мало намъ извѣстна. Безъ сомнѣнія, воротилась она въ Испанію, и, быть можетъ, въ Санъ-Себастьянъ, гдѣ, конечно, приняли ее со всѣми возможными почестями. Но въ 1635 году, мы встрѣчаемъ Каталину въ Коронѣ. Отъ скуки она снова возвращалась на театръ своей славы и ѣхала теперь въ Америку. Объ этомъ путешествіи сообщилъ намъ нѣсколько подробностей Николай Рентеріа, капуцинскій монахъ, плывшій въ Мексику на одномъ кораблѣ съ нашей героиней. Каталина называлась теперь Антоніо де Эрайсо и была въ черномъ мужскомъ костюмѣ. Въ темный и бурный вечеръ корабль сталъ на якорь подлѣ вера-круцкой гавани. Несмотря на сильное волненіе, капитанъ тотчасъ же хотѣлъ выйти на берегъ, посадивъ на шлюпку офицеровъ, въ томъ числѣ и монахиню-кавалериста. Поѣздка была счастливая, и офицеры, достигнувъ гавани, немедленно отправились въ лучшій городской трактиръ. Сѣли за столъ, и вдругъ замѣтили, что Каталины между ними не было. Начали искать ее, кликать, разспрашивать, — напрасный трудъ: Каталина исчезла, и больше никто объ ней никогда не слыхалъ. Само собою разумѣется, что эта таинственная пропажа породила множество самыхъ противорѣчащихъ толковъ. Неужели Каталина, влюбленная въ бродячую жизнь, опять убѣжала въ пустыню? Но въ такомъ случаѣ, вѣроятно отыскались бы ея слѣды. Или, быть можетъ, этой бурной ночью, она упала какъ ни-

буди въ море, когда шлюпка приставаала къ берегу, и товарищи въ суматохѣ ее не замѣтили? Это гораздо вѣроятнѣе, но только трупа ея въ гавани не нашли : очень не мудроно, что трупъ поглощенъ былъ акулой. Какой бы то ни было, этотъ странный конецъ очень кстати дорисовалъ поэтическую картину чудныхъ походовъ нашей героини. Жители Вера-Круца были увѣрены, что въ это дѣло вмѣшалась нечистая сила, и нашлись добрые люди, которые положительно утверждали, что въ ту самую минуту, какъ исчезла Каталина, по всему городу распространился сильный сѣрный запахъ. Каталинѣ ничего и не оставалось, какъ исчезнуть съ лица земли : она была уже не молода, и время рыцарскихъ походовъ для нея окончилось невозвратно. Поживи еще немного, нѣтъ сомнѣнiя, на самомъ мѣстѣ удалыхъ походовъ она превратилась бы въ смѣшную, безобразную старуху, между тѣмъ, какъ теперь, благодаря судьбѣ, она кончила апотеозомъ. Выйти изъ обыкновенной колеи жизни, говоритъ одинъ великiй историкъ, лучшее средство стяжать громкую славу.

БАРЫШНѢ.

Monsieur, vous ferez l'oracle!
Быть оракуломъ, быть оракуломъ!
(Les petits jeux de société).

Васъ, ангелъ, рвущій въ гостинныхъ,
Краса и диво нашихъ залъ,
Васъ, примадонна игръ невинныхъ,
Нашъ лучезарный идеалъ,
Дерзаю робкими струнами
Я славить.... Сердцемъ и душой
Благоговѣю передъ вами....
Природы лучшею мечтой
Вы рождены: вашъ станъ такъ строенъ,
Такъ очи свѣтлы, взоръ спокоенъ,
Такъ широко изъ полъ кольца
На грудь, на плечи восковыя
Упали локовы густые....
Дивлюсь могуществу Творца
И вашей маменьки искусству —
Такъ много вашимъ красотамъ —
Движеньямъ, взглядамъ и словамъ
Придать и граціи и чувства!
Она взростила васъ въ тиши,
Храня отъ страшныхъ бурь души,
Вамъ умъ и волю замѣняла,
За васъ прочувствовать желая
Все, чѣмъ насъ губить жизнь, томить,
Хотя мгновенно веселить....
Такъ цвѣтъ изыщенной лилеи
Хранять въ теплѣ оранжерей:
Его морозъ не прошибалъ
И бурный вѣтеръ не сгибалъ,
Хотя не пилъ головкой жадной
Этѣ утра свѣжести прохладной,

Не красовался онъ, блестя
 Весь въ капляхъ вешняго дождя,
 Сквозь солнце, вспрыснутаго поле....
 Вы, вжась въ сладостной неволе,
 Делая тихо свой покой
 И жизни крайностей не зная,
 Варосли, патая умъ мечтой,
 И жизнь себя изобретая...
 И эта жизнь — не шумный пиръ —
 Особый, свѣтлый, чудный миръ :
 Какъ въ фантастическомъ балетѣ,
 Въ туманъ легкой кисеи,
 Встаютъ предъ вами въ тихомъ свѣтѣ
 Картины счастья и любви ;
 Среди волшебныхъ декорацій,
 Среди группъ эвѣрныхъ нимфъ и грацій,
 Надъ урной спящихъ стариковъ,
 Подъ сѣнью лотосныхъ листовъ,
 Огромныхъ раковинъ, кристалловъ
 И фантастическихъ коралловъ,
 Ковромъ душистой муравы
 Чудесно странствуете вы....
 Но не одна: крылатый геній
 Ведетъ васъ.... тамъ сіяетъ храмъ....
 И тихо мраморныхъ ступеней
 Уже коснулася вы.... и тамъ
 Священный жертвеникъ съ цвѣтами
 Передъ богинею возженъ....
 Ктожь этотъ геній?... Точно — онъ !
 Его я видѣлъ.... Да, онъ съ вами
 Вчера мазурку танцовалъ,
 Хитро выдумывалъ фигуры,
 Легко и бѣгло толковалъ
 О вѣчныхъ красотахъ натуры,
 О новостяхъ литературы,
 И крѣпко шпорами стучалъ.
 Его я знаю; съ уваженьемъ
 Всегда внимаю я сужденьямъ
 Его о винахъ и коняхъ....
 Счастливецъ ! онъ одинъ видѣнъ
 Мелькаетъ въ вашихъ легкихъ снахъ ...
 Понятно мнѣ, зачѣмъ блѣднѣли,

Краснѣли вы предъ нимъ ; зачѣмъ
 Вчера съ такимъ вы чувствомъ ѣли :
 « Si tu savais combien je t'aime !... »
 Но , Боже мой !... вотъ туча всходитъ ,
 Я вижу , меркнетъ небосклонъ ,
 Видѣнье милое проходитъ ,
 Летитъ , какъ легкій , легкій сонъ....
 Я вижу....

Тихо въ вашей спальнѣ
 Проснулись утрою вы ; лежать
 Вкругъ васъ цвѣты , уборъ вашъ бальный ,
 Вязокъ , браслетъ , и вашъ нарядъ
 Разбросанъ въ миломъ безпорядкѣ ;
 Ужь вы проснулись , но поднять
 Глаза не хочется ; вамъ сладко
 Ночныя грезы продолжать ,
 Къ груди подушку прижимая ,
 Богъ знаетъ что воображая ,
 Уста сжимать и разжимать....
 Внезапнымъ шаменьки приходомъ
 Все прервано : цалуя васъ ,
 Съ васъ не спуская зоркихъ глазъ ,
 Она васъ спроситъ мимоходомъ :
 — « Какъ нравится тебѣ NN ? »
 Вы отвѣчаете наивно :
 — « Онъ въ паракъ и препротивный ! »
 — Умень.... « Мамаша ! старій хрынь ! »
 — И добръ.... « И пахнетъ такъ духами ! »
 — Богатъ и милъ.... « Богатство.... вздоръ !... »
 — Не старъ и ужъ богатъ чинами.... »
 Короче : этотъ разговоръ
 Такое кончатъ заключенье ,
 Что бракъ по страсти — заблужденье ,
 Что страсть пройдетъ , какъ метеоръ , —
 И правда !... вамъ потомъ одѣтой
 Велитъ къ обѣду быть ; женихъ
 Вамъ привезетъ уже браслеты ;
 Предъ нимъ , блѣднѣя каждый мигъ ,
 Ему вы будете сбираться
 Сказать , во всемъ ему признаться ;
 Но не достаетъ силы въ васъ

Ему изречь простой отказъ....
 И вы поплачете немного ,
 Дня черезъ три пройдетъ печаль ;
 Вся скажутъ хоромъ : «слава Богу!»
 Никто про васъ не скажетъ : «жаль!»
 Вамъ освятитъ вѣнкомъ цвѣтущимъ
 Изъ бѣлыхъ розъ , обвитыхъ плющемъ ,
 Широкой узелъ черныхъ косъ ;
 Вся ахнутъ : «какъ она прекрасна!»
 И не замѣтятъ робкихъ слезъ —
 Слезъ Ифигеніи несчастной
 Передъ калкасовымъ ножомъ....
 Но это мигъ одинъ.... Потомъ
 И вы привыкнете къ супругу,
 Какъ въ дѣтствѣ къ нянюшкѣ своей,
 Къ его значенію , чину , кругу
 Тяжелыхъ , будничныхъ идей ;
 Принявъ восточную небрежность ,
 Вы дѣвокъ станете ругать
 И мужу кажлый разъ являть
 Въ очахъ особенную нѣжность ,
 Когда онъ въ службѣ отличенъ ,
 Иль высшихъ ласкою почтенъ :
 Онъ на звезду свою укажетъ ,
 Прочтетъ патентъ и нѣжно скажетъ :
 «Все для тебя я» — и солжетъ.
 Въ кругу хозяйственныхъ заботъ ,
 За самоваромъ иль въ гостинной ,
 Пляня милой болтовней ,
 Смяся шуточкѣ невинной ,
 Страдая нервами порой ,
 Вы вѣчно будете казаться ,
 (Что съѣтъ про васъ ни говори) ,
 Созданьемъ розовой вари
 И легкокрылаго зефира ,
 И выше праха , выше міра!
 Что міръ вамъ ? грязная нужда ,
 И нищета въ лохмотьяхъ бѣдныхъ ,
 Толпа страдальцевъ , грубыхъ , бѣдныхъ ,
 Съ безумнымъ взоромъ , безъ стыда ,
 Съ клеймомъ насильнаго разврата ,
 Съ клеймомъ проклятыя отъ собрата ,

Чужда вамъ будетъ и чудна ,
 И отвратительно-страшна !
 Полны возвышенной морали ,
 Вы скажете : « то ихъ вина ,
 Зачѣмъ они не соблюдали
 Долгъ добродѣтели святой ? »
 Съ какою гордостью прямой
 Себя бы съ ними вы сравнили —
 Хотя безъ нужды , безъ борьбы ,
 Быть добродѣтельной купили
 Вы златомъ право у судьбы....
 За то другія твари міра
 Въ васъ состраданіе найдутъ
 И даже слезы извлекутъ :
 И въ клеткѣ птичка , дочь зѣира ,
 И заяцъ жареный.... Увы !
 Невольно вспомните тутъ вы ,
 Что онъ тотъ самый , что пугливо
 Дорогу вамъ перебѣгалъ ,
 Пугалъ васъ въ рощѣ , торопливо
 Скакнувъ изъ листьевъ , и ныралъ
 Въ златистомъ морѣ пышной нивы.
 Охотникъ будетъ вамъ тиранъ ,
 Убійца звѣрей беззаботныхъ....
 Такъ вы въ страданіяхъ животныхъ
 Прочтете истинный романъ.
 Тамъ въ жизни , полной тихой лѣни ,
 Въ васъ успокоится на магъ
 Потребность сильныхъ ощущеній ,
 Источникъ болѣе головныхъ .

Но тутъ не все Неся условья ,
 Оковы *средняго сословья* ,
 Вы не сроднитесь съ нимъ душой :
 Читать вы будете порой
 Романы изъ *большого свѣта* ,
 И на себѣ ихъ примѣрять ,
 И въ новыхъ формахъ этикета
 Его свободу примѣнять....
 Средь жизни мирной , жизни чинной ,
 Благопристойной и невинной
 Желая душу отвести ,

Слѣдить вы будете упрямо
 Трагивервическія драмы,
 Симпатизируя вполне
 (Къ досадѣ нѣжнаго супруга)
 Съ печальной ролью jeune-premier,
 Какъ онъ, обманывая друга,
 Питаетъ страсть къ его жевъ.
 И тайна ихъ васъ всю заманить,
 И ихъ успѣхомъ дорожа,
 Когда супругъ ихъ вдругъ застанетъ,
 Вы вскрикнете, за нихъ дрожа....

Потомъ, услышите случайно,
 Что ваша милая Минни
 Являлась въ маскарадъ тайно,
 И съ незнакомыми людьми,
 Особенно съ однимъ гусаромъ,
 Ходила подъ руку и съ жаромъ
 Съ нимъ говорила; и потомъ
 Онъ втерся кое-какъ въ ихъ домъ;
 И поутру, какъ мужа вѣту,
 Съ визитомъ къ ней являться сталъ, —
 Вкругъ васъ, какъ будто по объту,
 Возстанетъ цѣлый трибуналъ:
 Въ величьи грозной Немезиды,
 Неотразимая, какъ громъ,
 Вы страшнымъ грянете судомъ
 За честь общественной обиды....

Но.... о, блаженны вы стократъ,
 Когда свѣтъ истины суровой
 Не потревожитъ сна тупого,
 Которымъ чувства ваши спятъ;
 Когда, съ пелень не зная жизни,
 Весь вѣкъ лишь призраки лова,
 Вы въ гробъ сойдете не живя,
 Безъ слезъ, безъ горькой укоризны!
 Но.... если вы поймете вдругъ,
 Что были вы товаромъ торга,
 Что сердце жадное восторга,
 Что потрясеній жадный духъ
 И ваши давственные ласки

Служили красною цѣной
 За мужиннѣ санъ , балы , коляски
 И вашъ искусственный покой :
 Всей вашей жизни машинность ,
 Продѣлокъ ласки должностной ,
 Приличій вѣчныхъ театральность —
 Вы вдругъ постигнете душой....
 Придутъ часы тяжелой муки ,
 Вы , сжавъ уста , ломая руки ,
 Воскликнете : « я не жила !
 Что Богомъ мнѣ дано на долю —
 Все — умъ , подавленную волю ,
 Другимъ на жертву предала !
 Зато , чтобъ свѣтской черни лепетъ
 Не очернилъ меня шутя ,
 Душила въ сердцахъ страсти трепетъ ,
 Какъ незаконное дѣтя....
 Хотя бѣ узнать любви томленье !
 Хотя бѣ извѣдать , хоть на мигъ ,
 Страданья страстнаго сомнѣнья ! ..
 Хотя бы слышать страсти крикъ
 Хоть разъ , въ устахъ неподдавленный....
 Хоть мигъ одинъ , чтобы узнать ,
 Зачѣмъ страдать , за что страдать !... »

И взоръ , мгновенно оживленный ,
 Во слѣдъ отчаянья сверкнетъ
 Вдругъ воля вспышкой — и вотъ
 Съ престола долга и приличья ,
 Гдѣ вы сіяли безъ пути
 Въ своемъ безсмысленномъ величьи ,
 Вы рады будете сойти....
 Но это мигъ.... и страшно станетъ....
 И взоръ испуганный отпрянетъ
 Какъ бы отъ бездны подъ ногой....
 И ночь въ безплодной агоніи
 Пройдетъ опять.... и вотъ съ зарей
 Лучи разсвѣта голубые ,
 Сливаясь съ вспышкой золотой
 Ночной лампы , какъ статую
 Безъ жизни скорбную , нѣмую ,
 Сквозь оконъ озарятъ вашъ ликъ....

Склоняся къ кресламъ головою,
 Съ упавшей на плечо косою
 Заснулъ вы; но сонъ вашъ дикъ
 И смутенъ, въ сердца кровь вскипаетъ,
 По членамъ холодъ пробѣгаетъ....
 Открылась дверь; явился вдругъ
 Вашъ возвратившійся супругъ
 Съ официальной ассамблеи
 .....
 «Ахъ, душенька, ты не спала?»
 И вы, открывши взоръ свой влажный,
 Ему промолвите протяжно,
 Зывая: «все тебя ждала....»

Потомъ?

Потомъ.... какой развязки
 Еще вамъ ждать отъ этой сказки?...
 Потомъ, во славу небесамъ,
 Войдетъ все въ путь обыкновенный:
 Опять придется вѣчно вамъ
 Смѣяться шуточкѣ почтенной,
 Терпѣть наряднаго шута,
 Карать пороку судомъ гостиннымъ,
 Когда онъ деньгами или чиномъ
 Не откупился отъ суда....
 Потомъ?...

Потомъ на умъ, на чувство,
 Сонъ тяжкій ляжетъ, какъ дурманъ,
 И даже нравится искусство
 Вамъ опостылить. На диванъ
 Уляжетесь, поджавши ножки;
 Вкругъ васъ усядутся рядкомъ,
 Какъ предъ японскимъ божествомъ,
 Боловки, стриксы или кошки....
 Душевныхъ бурь пройдетъ и слѣдъ
 И страсти ужъ на вѣкъ уймутся
 И цѣпи снова вамъ придутся,
 Какъ ловко скроенный корсетъ.

А. МАЙКОВЪ.

II.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О МОСКВѢ И ПЕТЕРБУРГѢ.

Ни одно изъ европейскихъ государствъ не представляетъ, въ отношеніи къ своему средоточію, такого явленія, какъ Россія. Въ западной Европѣ общественная жизнь устроилась двояко: или по системѣ централизаціи, гдѣ все опирается на одинъ пунктъ, группируется около одной столицы, какъ, наприм., во Франціи и отчасти въ Англіи, — или по системѣ разрозненности, гдѣ вмѣсто одного центра встрѣчаемъ нѣсколько центровъ, изъ которыхъ къ каждому тяготеетъ известное число областей и городовъ: таковы Италия и Германія. Каждая изъ этихъ системъ имѣетъ свои очевидныя неудобства. Гдѣ одинъ центръ, одна столица, какъ, наприм., во Франціи, тамъ жизнь приливаетъ къ одному пункту и тѣмъ ослабляетъ силы всѣхъ прочихъ. Известно, что Парижъ поглощаетъ собою всю государственную, всю умственную и духовную дѣятельность Франціи. Чего захочетъ Парижъ, того захочетъ вся нація; въ большей части случаевъ для нея нѣтъ выбора: свободно или вѣхота она должна подчиниться безъ апелляціи рѣшенію своего законодателя. Гойне остроумно сравниваетъ всѣ прочіе города Франціи съ дорожными столбами, между которыми все различіе заключается въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ общаго центра. Очевидно, что тамъ, гдѣ жизнь сложилась такимъ образомъ, сила есть вмѣстѣ и слабость. Единству и цѣльности пожертвованы многообразіе и всѣ особенности

народной жизни. Въ противоположной системѣ мы встрѣчаемъ другую крайность. Тамъ отсутствіе общаго центра дѣлаетъ быть разнообразіе, богаче особенностями; тамъ народная жизнь, не устремляясь къ одному средоточію, разливается повсюду почти съ равной силой. Этимъ однимъ можно объяснить все богатство умственной жизни Германіи и вся великія созданія искусства, которыми покрыта Италія. Но съ другой стороны, чѣмъ объяснимъ мы политическую незначительность и слабость обѣихъ этихъ странъ, какъ не отсутствіемъ живого средоточія. Другими словами, общей для всѣхъ столицъ? Въ Россіи представляется намъ явленіе, совершенно отличное какъ отъ системы централизаціи въ смыслѣ французской, такъ и отъ системы разрозненности итальянской или германской. Русская народная жизнь искони сложилась такъ, что въ ней не встрѣчаешь ни безусловной разрозненности, ни безусловнаго средоточія. Она, выражаясь математически, не вращается въ кругъ около одного центра или во множествѣ круговъ около многихъ центровъ, но описываетъ эллипсъ, какъ планеты солнечной системы, съ тою только разницею, что вмѣсто двухъ идеальныхъ фокусовъ имѣетъ живые фокусы — двѣ столицы. Вслѣдствіе довольно часто повторяющагося въ исторіи закона, сѣверная столица Россіи была всегда центромъ гражданственности, а южная — умственной и духовной дѣятельности. Сѣверъ, какъ голова, былъ представителемъ практической, разсудочной стороны жизни; югъ, напротивъ того, представлялъ сторону теоретическую и умственную. Въ самомъ началѣ нашей исторіи встрѣчаемъ мы Новгородъ и Кіевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что принципъ, лежавшій въ основаніи общественной жизни первобытной Россіи, не въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ получилъ свое полнѣйшее развитіе. Съ другой стороны, не Новгородъ, а Кіевъ окрестилъ Россію и былъ колыбелью нашего внутренняго образованія. Кіевъ далъ Россіи религію и образованность Византіи; Новгородъ вызвалъ Русскую Правду и законодательство германо-скандинавское. Періодъ удѣловъ не уничтожилъ, а развѣ только ослабилъ весь и вліяніе этихъ двухъ центровъ русской жизни. Когда возникло московское княжество и Москва переселила Новгородъ — гражданственная жизнь, передъ тѣмъ на время колебавшаяся между Москвою и Владиміромъ, окончательно сосредоточилась въ Москвѣ; Кіевъ же остался, попрежнему, ея умственнымъ и духовнымъ центромъ. Правда, въ его дѣятельности былъ перерывъ: оставаясь святымъ городомъ православія, онъ пересталъ на время быть городомъ русскимъ; но съ учрежденіемъ духовныхъ школъ и въ послѣдствіи академій, къ нему возвратилась прежняя его значительность; кіевское братство сдѣлало его снова средоточіемъ и розсадникомъ русской образованности. Въ последнее время москов-

скаго царства, какъ и послѣ, въ первой половинѣ XVIII вѣка, Кіевъ высылалъ въ Россію великихъ святителей, проповѣдниковъ и ученыхъ, подобно первымъ временамъ по основаніи Лавры. Пришло для Россіи время преобразованія; Петръ обратилъ взоры на Европу. Во что бы ни стало, ему захотѣлось съ нею сблизиться, и не только нравственно, но и географически. Здѣсь замѣтимъ мимоходомъ: безъ пораженія при Нарвѣ въ 1700 году былъ ли бы заложенъ Петербургъ въ 1703 и не избралъ ли бы Петръ нашей второй столицей Ригу, которая уже в тогдѣ была значительнымъ городомъ, имѣла портъ и разстояніемъ своимъ отъ западной Европы еще болѣе соответствовала дѣламъ преобразователя? Какъ бы то ни было, а новая жизнь, въ которую вступала Россія, должна была вызвать и новую столицу. Самому ли Петру, или одному изъ послѣдующихъ царствованій, по внушенію Миниха, принадлежитъ окончательный выборъ Петербурга, какъ столицы и резиденціи, — все равно; главное состоитъ въ томъ, что чувствовалась необходимость новаго гражданственнаго центра. Петербургъ переселилъ Москву, какъ средоточіе государственнаго управленія; но онъ далъ ей иное значеніе. Взявъ у нея голову, онъ оставилъ ей сердце: она потеряла политическое значеніе, но сохранила нравственное. Это значеніе, ланное ей нашей позднѣйшей исторіей, признано не только Русскими, но, какъ уже сказано, и чужестранцами, въ главѣ которыхъ стоитъ геніальный завоеватель новѣйшаго времени. Желая покорить Россію, онъ, согласно съ принятой имъ тактикой, захотѣлъ поразить ее въ самое сердце; и лишь этому призванію Наполеономъ ея народнаго значенія Москва одолжена непрошеной честью его достопамятнаго посѣщенія. Съ другой стороны, Москва стала почти тѣмъ же въ отношеніи къ Петербургу, чѣмъ прежде былъ Кіевъ въ отношеніи къ ней: она сдѣлалась средоточіемъ умственной и духовной дѣятельности Россіи. Основаніе славяно-греко-латинской академіи, а въ послѣдствіи московскаго университета, перваго въ Россіи, сдѣлало до нѣкоторой степени Москву тѣмъ же, чѣмъ прежде сдѣлали Кіевъ Печерская Лавра и кіевская академія. Съ тѣхъ поръ Москва воспитала бѣольшую часть нашихъ первокласныхъ писателей и государственныхъ мужей; она разсылаетъ во все концы Россіи, начиная съ Петербурга, цвѣтъ русской молодежи, лучшій залогъ русскаго будущаго. Съ нѣкоторыхъ поръ у насъ привыкли смотреть на Петербургъ, какъ на представителя европейской жизни, а на Москву, какъ на колыбель жизни народной. На это я замѣчу, что такое противоположеніе народной и европейской жизни, помоему, ошибочно; мы, русскіе, считая себя однимъ изъ европейскихъ народовъ, не можемъ, по сущности своей, противополать свою народную жизнь началу обще-европейскому, или, другими

словами, христіянскому. Опытъ показалъ, что именно тамъ, гдѣ пульсъ русской жизни бьется всего сильнѣе, и европейское начало сознается и развивается всего могущественнѣе. Это начало является въ Москвѣ самостоятельнѣй, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи; оно развивается здѣсь не изъ духа подражанія, а вслѣдствіе внутренней потребности; оно не приходитъ извнѣ и не остается на поверхности жизни. Но это-то и показываетъ, до какой степени существенна для нашей народной жизни потребность въ европейской образованности, какъ широка и эластична русская натура, недовольная прежней ограниченностью и стремящаяся расширить свои предѣлы сообразно съ внутреннимъ закономъ. Не въ Москвѣ ли былъ воспитанъ Ломоносовъ, этотъ первый русскій и самобытный представитель европейской науки? Не въ Москвѣ ли дѣйствовалъ Новиковъ? Не здѣсь ли прошла молодость Карамзина, внесшаго европейскій и вмѣстѣ чисто русскій элементъ въ нашъ языкъ и литературу? Не отсюда ли онъ противодѣйствовалъ петербургскимъ славянофиламъ и петербургской російской академіи, считавшей, что, отставая славяно-церковный языкъ, который она и не совсемъ понимала, она тѣмъ отстаетъ все отечественное. Москва, въ главныхъ представителяхъ своей умственной дѣятельности, показала, что она не отличаетъ истинно русскаго начала отъ истинно европейскаго, — показала уже и тѣмъ, что всегда противилась самозванству, принимавшему на себя то видъ исключительной народности, то личину исключительнаго европеизма.

Всегдашнее существованіе въ Россіи двухъ центровъ, одного государственнаго, или гражданственнаго, а другого — умственнаго и духовнаго, какъ мы видѣли, принадлежитъ между европейскими государствами однимъ намъ. Въ нашей исторіи какъ будто привирлисъ тѣ двѣ системы государствъ, о которыхъ я говорилъ въ началѣ, и русская жизнь какъ будто нашла ту формулу, въ которой разрѣшаются крайности обихъ системъ и съ тѣмъ вмѣстѣ уравниваются ихъ выгоды и невыгоды. У насъ никогда не было единаго, всепоглощающаго центра, — не было также и разъединяющей разбросанности, этого послѣдствія феодализма и завоеванія. Всякій согласится, что отношеніе Рима къ католическимъ государствамъ вовсе непохоже на отношеніе Кіева къ прочимъ городамъ Россіи, — что, съ другой стороны, значеніе, наприм., Оксфорда и Кембриджа въ Англіи или Упсалы въ Швеціи, далеко не то, какое имѣлъ Кіевъ во время Московскаго Царства или вмѣстѣ Москва въ настоящее время. Отношеніе прежняго Кіева и теперешней Москвы къ государственнымъ центрамъ Россіи скорѣе напоминаетъ отношеніе лѣвой половины Парижа къ ея правой половинѣ, т. е. Сорбоннѣ и университета къ остальному городу. Но тамъ раздѣляетъ только рѣка духовную и гражданственную

оферу Франціи ; у насъ эти двѣ сферы раздѣлялись не только обширнымъ пространствомъ, но и всѣми особенностями мѣстнаго развитія, всюю полнотой въ процессъ русской жизни. Новгородъ и Кіевъ, Кіевъ и Москва, Москва и Петербургъ, — это два полюса, подъ непрерывнымъ дѣйствіемъ которыхъ вращается русская исторія. Одинъ городъ есть дополненіе другого, и необходимость ихъ другъ для друга всего очевиднѣе обнаруживается въ минуты переломовъ, во времена общественныхъ бѣдствій. Кіевъ, не переставая быть для Россіи розсадникомъ просвѣщенія и вѣры, не могъ, однако, спасти ее отъ усобицы удѣловъ и татарскаго нашествія. Спасла Москва. Въ 1612 году, правда, не Кіевъ и его Лавра спасли государственную столицу Московскаго Царства, но все таки эта послѣдняя была, между прочимъ, спасена второю русскою Лаврою, живою наследницей первой. Пульсъ русской жизни, переставшій на время биться въ Москвѣ, живо забился въ стѣнахъ Троицко-Сергіева монастыря. Духовная жизнь Россіи, никогда нечуждая ея жизни гражданственной, пробудила и возсоздала эту послѣднюю въ минуту ея гибели. По ея зову, при содѣйствіи и другихъ городовъ русскихъ, русскій народъ проснулся отъ временнаго оцѣпененія и возсталъ повсюду за народное дѣло, начиная съ Нижняго Новгорода. Въ 1812 году, Москву постигла новая бѣда: будь она одна, не будь другой столицы, гдѣ механизмъ государственный не переставалъ дѣйствовать, — кто знаетъ, черезъ какія бѣдствія должна бы была перейти Россія? Въ эту эпоху Сергіевская Лавра уже не имѣла силы спасти ее: Россію спасъ, кромѣ великаго самопожертвованія Москвы, народный духъ, русская армія и — Петербургъ, въ которомъ неприкосновенно сохранялось государственное управленіе....

Мѣстный патриотизмъ намъ неизвѣстенъ, зато для насъ вѣтъ важнѣе и выше общей, цѣльной жизни русскаго народа и русскаго государства. Все, что создано исторіей, что является не случайностью, а необходимымъ слѣдствіемъ общественнаго развитія, — все то въ нашихъ глазахъ равно важно и равно почтено. Но одинаково уважать историческія явленія, не значитъ ихъ смѣшивать. Рѣзкое различіе, а во многомъ и противоположность между Петербургомъ и Москвою, бросаются всякому въ глаза и уже не разъ служили въ нашей литературѣ поводомъ къ болѣе или менѣе остроумнымъ и дѣльнымъ сравненіямъ. Да и опредѣлить теперешнее значеніе Москвы вельзя иначе, какъ опредѣливъ различіе между ею и Петербургомъ. А потому мы позволимъ себѣ нѣсколько пополненій къ сказанному другими.

Кто знаетъ Амстердамъ и Берлинъ, тотъ согласится, что Петербургъ есть соединеніе (только въ большихъ размѣрахъ) этихъ двухъ.

городовъ. Одной своей половиной онъ напоминаетъ столицу Пруссіи, другою — столицу Голландіи. Москва ничего не напоминаетъ: она похожа лишь на самоё-себя. Это происходитъ оттого, что Петербургъ городъ сдѣланный, Москва — сдѣлавшійся. Чтобы увѣриться въ послѣднее, вѣтъ надобности справляться съ исторіей: стѣбитъ только взглянуть на планъ города. Москва представляетъ собою органическое тѣло: ея колыбель есть вмѣстѣ ея центръ; вокругъ этого центра — Кремль, исторія обвела четыре, болѣе или менѣе правильныхъ, круга: Китай-Городъ, или городъ по преимуществу; за нимъ слѣдуетъ отдаленный отъ него стѣною Белый-Городъ, который, въ свою очередь, отдаленъ отъ Земляного — широкой лентой бульвара; Земляной-Городъ окруженъ такъ называемымъ валомъ и Садовымъ, за которыми слѣдуютъ московскія предмѣстья, замкнутыя со всѣхъ сторонъ наружнымъ валомъ. Такимъ образомъ, въ широкое море русской жизни духъ исторіи бросилъ Кремль, какъ камень, отъ котораго пошли круги все шире и шире. Мало того: если съ плана Москвы мы перенесемъ взоры на карту европейской Россіи, то увидимъ, что круги около Кремля не останавливаются на наружномъ очертаніи города: около него описываются новые круги, или вѣнцы изъ городовъ — на 30, на 60, на 90, 180 и 360 верстѣ (*).

Скажемъ болѣе: центральность положенія Москвы не ограничивается однимъ этимъ. Если вспомнимъ, что Москва лежитъ почти посреди такъ называемой плоской возвышенности (**), откуда, не въ далекомъ отъ нея разстояніи, истекаютъ Волга, Ока, Днѣпръ и другія, менѣе замѣчательныя рѣки, — что Москва въ судоходномъ, а черезъ то и въ торговомъ отношеніи, несмотря на незначительныя рѣки, составляетъ одинъ изъ самыхъ естественныхъ и благопріят-

(*) Такіе все болѣе и болѣе расширяющіеся круги около главнаго центра — Москвы или, правильнѣе, Кремля, всего очевиднѣе обозначаются на старинныхъ чертежахъ Россіи. Первые круги описаны слободами, посадами, монастырями; за ними слѣдуютъ города, изъ которыхъ самые дальніе назывались *украинами*. Новѣйшія перемѣны дорожныхъ линій измѣнили разстоянія; но еще недавно вошки производили ряды свои на два, на три, на четыре десятиста верстѣ отъ Москвы. Клинъ (по старой мѣрѣ верстѣ), Серпуховъ, Коломна и прочіе были ея первымъ десятистѣю, Тверь и Тула на второмъ. — Орелъ и Тамбовъ на четвертомъ и пятомъ десятистѣю и такъ далѣе.... Къ этому расположенію подходятъ еще Калуга, Ростовъ, Владимиръ, Рязань, Ярославль и пр. См. № 2 Моск. Вѣд., 1847 года.

(**) Странное и, между тѣмъ, вѣрное сочетание этихъ двухъ словъ достаточно оправдывается пѣмѣреніями Герстнера, сдѣланными нѣсколько лѣтъ тому назадъ для опредѣленія черты петербургской желѣзной дороги; изъ нихъ оказалось, что средній уровень Московы рѣки находится на одной высотѣ съ окончательною адмиралтейскою шпичею. Такимъ образомъ, Петербургъ лежитъ ниже Москвы цѣлымъ адмиралтействомъ, но не болѣе.

ныхъ для сообщенія узловъ, гдѣ сходится и откуда расходятся пути во все концы Россіи, — то нельзя довольно надвинуться счастливому выбору такой столицы и тому вѣрному народному смыслу, которымъ определялся этотъ выборъ. Я не стану здѣсь говорить о центральности московскаго нарчія, изящнѣйшаго изъ всѣхъ русскихъ и составляющаго мѣрную средину между юго-западнымъ нарчіемъ на *a* и сѣверо-восточнымъ на *o*, не распространюсь и о томъ, что Москва, особава въ послѣднее время, служитъ средоточіемъ нашей промышленности какъ по числу и достоинству фабрикъ, такъ и по огромной ихъ производительности. Можно было бы составить цѣлое сочиненіе о центральности Москвы въ естественномъ, историческомъ, промышленномъ, лингвистическомъ и другихъ отношеніяхъ.

Въ противоположность такому центральному положенію Москвы, Петербургъ, выстроенный на краю имперіи, представляетъ одну изъ крайнихъ, или маркъ, и можетъ быть названъ не центромъ, а скорѣе ключомъ Россіи. Такое крайнее положеніе придаетъ ему отчасти колоніальный характеръ. Его народонаселеніе не нарастаетъ изнутри, а накапливается пришельцами, извнѣ. По новѣйшимъ статистическимъ извѣстіямъ, въ Петербургъ число умирающихъ превышаетъ число рождающихся (*), и между тѣмъ, его населеніе не уменьшается, а съ каждымъ годомъ значительно увеличивается. Притягательная сила Петербурга заключается въ службѣ. Онъ не даромъ названъ городомъ мундира. На пять прохожихъ въ любой петербургской улицѣ одинъ навѣрное въ мундирѣ (форменныхъ фраковъ я и не считаю), между тѣмъ, какъ въ Москвѣ едва ли встрѣтится одинъ мундиръ на пятьдесятъ прохожихъ. Если Петербургъ столица мундира, то Москву можно назвать столицей партикулярнаго платья, начиная съ чернаго фрака и оканчивая зипуномъ. Недавно одна петербургская газета думала сострить надъ Москвою, сказавъ, что въ числѣ новопріѣзжихъ въ этотъ городъ всего болѣе отставныхъ корнетовъ и поручиковъ, пріѣзжающихъ сюда отдыхать на лаврахъ. Мы не думаемъ, чтобы такой фактъ, еслибъ онъ и составлялъ исключительную принадлежность Москвы, могъ послужить ей въ укоръ. Москва, столица не одной праздности и лѣни, но вмѣстѣ и раздолья и привольной жизни. Москва любитъ во всемъ просторъ, начиная съ ума; она живетъ открыто и на распахку; москвичъ не боится сквозного вѣтру и своего фрака не застегиваетъ. Какъ на распахку его платье, такъ и сердце, такъ и языкъ. Петербуржецъ, напротивъ, боится простуды и застегиваетъ свой фракъ или пальто до послѣдней пуговицы, даже лѣ-

(*) По словамъ вѣнецкой желѣзничной газеты, издаваемой въ Петербургъ докторомъ М. Гейне, такое явленіе повторяется постоянно въ этомъ городѣ. Въ 1845 г. родившихся было 19,771, а умершихъ 25,086.

томъ. О сердца же его и языка судить не берусь; скажу только, что Петербуржецъ большой дипломатъ. Отчего же въ Москвѣ все и всѣ на распахку? Оттого, что сюда пріѣзжаютъ отставные корнета и поручики отдыхать на лаврахъ. Отчего въ Петербургъ все и всѣ застегнуты? Оттого, что тамъ живутъ дипломаты, люди, умѣющіе цѣнить и уважать канцелярскую тайну, — однимъ словомъ, въ Москвѣ люди живутъ, въ Петербургъ служатъ. А потому, кто хочетъ служить, въ полномъ смыслѣ слова, т. е. добывать чины, мѣста и почести, — тотъ ѣдетъ въ Петербургъ. Самые трудолюбивые работники на поприщѣ службы, — это выходцы изъ присоединенныхъ къ Россіи областей: малороссіане, поляки, вѣнцы. Собственно русскіе, и въ особенности питомцы Москвы, пріѣзжаютъ туда не столько для черной, сколько для бѣлой работы. Трудъ, терпѣніе и упорство въ занятіяхъ имъ не такъ доступны, какъ ихъ меньшимъ братьямъ; зато они весьма имѣютъ на своей сторонѣ широту взгляда, быстроту соображеній, смѣту и ловкость, отличающую наше племя. Таково служащее народонаселеніе Петербурга. Оно составляетъ значительную и самую важную часть всего населенія.

Со времянь Петра, Россія, обративъ взоры на Европу, стала считать себя какъ бы ея провинціей, а Европу своей столицей. Справедливость этого замѣчанія нигдѣ такъ не ощущается, какъ въ Петербургѣ. Въ немъ всѣ тянутся за Европой и ея жизнью, какъ провинціалы за жизнью столичнаго города. Такъ какъ въ настоящее время Петербургъ есть первый русскій городъ, то очень естественно, что Москва тянется за Петербургомъ, а собственно такъ называемая провинція тянется за Москвою. Можно сказать, что въ отношеніи къ Европѣ, Петербургъ провинціалъ первой руки, Москва — второй, а остальная Россія — третьей. Отсюда выходитъ то странное явленіе, что колоссальная русская украинна становится въ дѣлѣ европеизма метрополіей своей русской метрополіи, подобно тому, какъ Греція во время римскаго владычества была метрополіей образованія для того вѣчнаго города, который, въ свою очередь, служилъ ей центральнымъ солнцемъ.

Можетъ быть, не совсѣмъ случайно, что Петербургъ, который самъ себя называетъ *бургомъ*, т. е. городомъ, на нашемъ языкѣ мужскаго рода, а Москва — женскаго. Изъ всѣхъ европейскихъ столицъ, за исключеніемъ Рима (Roma), этой матери западныхъ муниципальностей и западнаго католичества, — едва ли не одна Венеція уподобляется самымъ народомъ въ женскомъ родѣ. Не даромъ итальянцы называютъ ее прекрасною невестой Адриатическаго моря. Матушка Москва — теперешняя мать и древняя невеста русскаго народа. Уже прошло полтора вѣка съ тѣхъ поръ, какъ она вступила въ союзъ

съ Петербургомъ, и желѣзная лента, которая вскорѣ ихъ свяжетъ, укрѣпить этотъ союзъ еще болѣе. Но все-таки это будетъ не болѣе, какъ союзъ великой русской *деревни* съ первымъ русскимъ *бургомъ*. Слова поэта, назвавшаго Москву вдовою, —

• И передъ новою столицей
 Главой склонилася Москва,
 Какъ передъ юною царницей
 Порфирородная вдова, •

эти слова будутъ имѣть тогда еще менѣе истиннаго смысла, чѣмъ теперь. Желѣзная дорога, проведенная отъ Петербурга вмѣстѣ съ другими рельсами, о которыхъ идетъ молва, отъ Коломны, отъ Саратова, современемъ, быть можетъ, отъ Одессы, — все это скорѣе будетъ привлекать къ Москвѣ жизненные соки, чѣмъ отвлекать отъ нея. Желѣзныя дороги не обратятъ Москвы ни въ чье предмѣстье: скорѣе сдѣлаютъ ее снова живымъ центромъ, котораго предмѣстьями будутъ русскія *украины*. Даже для тѣхъ отдаленныхъ концовъ государства, которые прежде не признавали владычества Москвы, да еще и теперь слабо къ ней тяготеютъ, — даже и для нихъ Москва получить тогда болѣе важное значеніе. Сдѣлавшись съ помощію своихъ желѣзныхъ дорогъ складочнымъ мѣстомъ для сельскихъ произведеній средней и южной полосы, она, въ буквальномъ смыслѣ, будетъ *питать* и отдаленный сѣверъ и полуотчужденный западъ Россіи. Желѣзныя дороги познакомятъ съ нею и архангелогородца, и белорусса, и малороссіянина: все, что они до сихъ поръ могли питать къ ней холоднаго и недружелюбнаго, мало по малу исчезнетъ, при бѣльшемъ сближеніи съ нею и при бѣльшемъ знакомствѣ съ ея великимъ нравственнымъ и практическимъ значеніемъ. Но несмотря на это, Москва все таки останется *деревней*, какъ Петербургъ останется *городомъ*. Въ этихъ двухъ словахъ, существенно отличныхъ одно отъ другого, выщаетея и коренное отличіе между германскимъ и славянскимъ элементами. Конечно, нельзя предполагать, чтобъ эти два элемента вѣчно исключали другъ друга. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ нѣкоторыхъ поръ города западной Европы ищутъ придать себѣ характеръ деревенскій; размноженіе садовъ, широкихъ и тѣнистыхъ прогулокъ на мѣсто срытыхъ укрѣпленій прошлаго времени, во многихъ мѣстахъ стремленіе къ отдѣльнымъ постройкамъ, къ жилищамъ для одного семейства, — все это указываетъ на возникающую потребность сблизить городскую жизнь съ сельской и жизнь массами замѣнить жизнью семейной. Съ другой стороны, нѣтъ также сомнѣнія, что и наши большія села, называемыя городами, принимаютъ въ

себя повенному элементу западныхъ городовъ. Но какъ бы то ни было, а первоначальный характеръ какъ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ городовъ остается и вѣроятно надолго останется безъ существеннаго измѣненія. Парки, бульвары, скверы, зеленяющіе гласисы городовъ Франціи, Германіи, Англіи не уничтожатъ узкихъ улицъ, сплошныхъ крышъ, шести или восьмипэтажныхъ домовъ. Такъ точно и у насъ, Кузнецкій мостъ, Ильинка или Тверская не вытѣснятъ отдаленныхъ хоромъ съ обширными домами, многочисленныхъ садовъ и широкихъ улицъ. Въ пространствѣ у насъ недостатка не будетъ; приволье и раздолье русской жизни создаетъ себѣ новые кварталы и вѣя теперешней Москвы, когда въ ней покажется тѣсно умножающемуся населенію. Москва вмещаетъ въ себя не болѣе 350 или 360 тысячъ жителей, а между тѣмъ, ея окружность развѣ уступаетъ, и то не много, одному Лондону съ его народонаселеніемъ въ миллионъ шестьсотъ тысячъ. Въ Москва все широко и просторно, какъ въ самой Россіи; ея поля — поля въ истинномъ смыслѣ, а я не думаю, чтобъ историческое Девичье поле было когда либо застроено: оно развѣ только будетъ вымощено. Московскія Садовыя, бульвары, главныя улицы занимаютъ въ ширину чуть-чуть не пространство вѣнецкой мелкопомѣстной столицы. Взгляните далѣе на наши барскія хоромы и сравните ихъ съ домиками въ три, въ пять оконъ въ фасада лондонскаго Vest-End. Вспомните нашъ Большой театръ, который величиною уступаетъ только неапольскому и миланскому, нашу залу благороднаго собранія, нашъ экзерциргаузъ, вмещающій въ себя цѣлое войско, наши клубы съ помѣстительностію которыхъ могутъ сравниться одни лондонскіе. Насмѣшники сравниваютъ Москву съ большимъ ауломъ, или кочевьемъ; въ нашихъ отдаленныхъ широкихъ и низкихъ домахъ находятъ они сходство съ палатками. Можетъ статься; но чѣмъ же нашъ московскій домъ въ одинъ этажъ, безъ лѣстницъ, съ просторнымъ и удобнымъ помѣщеніемъ, хуже лондонскаго дома, высокаго и узкаго, похожаго на есодальный кастель, и жильцамъ котораго безпрестанно приходится бѣгать по лѣстницамъ? Коли выбрать между широтой и высотой, то всякій согласится, что жить на землѣ вѣсколько удобнѣе, чѣмъ въ воздухѣ. Москву также не хвалятъ люди холостые, и говорятъ, что здѣсь имъ негда пріютиться, что въ Москва все устроено не для холостой, а для семейной жизни. Въ Петербургѣ, напротивъ, холостому человеку раздолье. Тутъ очевидно Москва уступаетъ Петербургу. Въ ней холостые одни дѣти и юноши, да и тѣ болѣею частью живутъ при своихъ семействахъ. Въ Петербургѣ же, куда вся ѣдутъ служить, мало остается времени для семейной жизни, а потому число холостыхъ значительно превышаетъ число женатыхъ. Известное дѣло, что Пе-

тербургъ есть городъ жениховъ, а Москва - невѣсть. Только петербургскіе женихи часто остаются на вѣкъ женихами, а наши невѣсты рѣдко засниваются. Еще слышатся толки о преимуществѣ петербургскаго комфорта передъ московскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Петербургъ болѣе столица, чѣмъ Москва въ европейскомъ смыслѣ слова, — что въ Петербургѣ есть превосходная италіянская опера, отличная французская труппа, нѣмецкій театръ, первый балетъ въ Европѣ, — что туда пріѣзжаетъ гораздо болѣе иностранныхъ художниковъ, спекулянтовъ, молистоковъ, парикмахеровъ, фигляровъ, чѣмъ сюда. — что въ Петербургѣ есть эрмитажъ, академія художествъ, огромная публичная бібліотека, нѣсколько значительныхъ музеевъ и рѣдкихъ собраний, — что для художника, ученаго и вообще для образованнаго, или для свѣтскаго челоука, Петербургъ представляетъ гораздо больше удобствъ и пици, чѣмъ Москва; но вѣдь эти преимущества случайныя, и не сегодня, такъ завтра, Москва можетъ пріобрѣсть ихъ также, въ свою очередь. Что же касается до комфорта, то и у насъ живо чувствуется пріятность жизненныхъ удобствъ; только мы понимаемъ комфортъ нѣсколько иначе. Если мы при этомъ не всегда отличаемся вкусомъ, за то можемъ пощеголять раздольемъ, просторомъ во всемъ нашемъ бытѣ, жизнью безъ оглядки и безъ крохоборства. Я тутъ говорю не про однихъ баръ: удобства жизни, если потребность въ нихъ сдѣлается ощутительною, будутъ понимаемы такимъ образомъ всѣми, отъ вельможи до крестьянина. Такъ какъ въ Москвѣ, при маломъ количествѣ холостыхъ, преобладаетъ жизнь семейная, то и наши удобства носятъ на себѣ характеръ семейный, а не общественный. Наши рестораны не отличны, да ихъ и не много; но покажемъ къ чему они, при русскомъ хлѣбосольствѣ, когда каждый, можетъ отобдѣвать не только у любого изъ своихъ родныхъ, но и у любого изъ своихъ знакомыхъ? Наши кофейныя не богаты журналами, особливо иностранными; но для чего журналы въ кофейныхъ, когда каждый сколько нибудь зажиточный москвичъ выписываетъ журналы и охотно ссужаетъ ими своихъ пріятелей. Замѣчено, что Москва издавна отличалась своими гостинницами, которыя считались, и даже до сихъ поръ считаются лучше петербургскихъ. Если это такъ, то и превосходство нашихъ гостинницъ едва ли не происходитъ отъ преобладанія у насъ семейной жизни. Пріѣзжающіе въ Москву на время, даже для того, чтобы отдохнуть на своихъ корнетскихъ или поручичьихъ лаврахъ, пріѣзжаютъ болѣею частію не одни, а съ своими семействами. Семейный челоукъ требуетъ просторнаго и болѣе удобнаго помѣщенія, и на него-то разочтены наши гостинницы. Въ Петербургѣ другое дѣло: туда пріѣзжаютъ молодую люди опредѣляться къ должности или чиновники изъ внутреннихъ

губерній по дьяламъ ; въ Москву прїѣзжаютъ пожить какъ можно долѣе, въ Петербургъ — какъ можно меньше: это обстоятельство заставляетъ московскихъ содержателей гостиницъ быть рачительнѣе петербургскихъ. — Такое отсутствіе холостой, дьяловой, а вмѣстѣ и общественной жизни, дьялетъ Москву городомъ довольно скучнымъ для новопрїѣзжаго, у кого въ ней нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Это неудобство чувствуется у насъ теперь сильнѣе прежняго, и учрежденіе новыхъ клубовъ, какъ напр. дворянскаго, клуба иностранныхъ негоціантовъ, сверхъ прежнихъ — англійскаго, купческаго и нѣмецкаго, имѣло очевидной цѣлью удовлетворить у насъ возникающей потребности общественной жизни. Въ наше время такая потребность естественна и законна; время навѣрное создастъ и другія учрежденія для оживленія общественнаго духа; но при всемъ томъ существенный характеръ Москвы едва ли еще не надолго останется по преимуществу семейнымъ.

Какой же выводъ изъ всего сказаннаго мною объ особенностяхъ теперешней Москвы? Намъ кажется тотъ, что она, переставъ быть головою Россіи и оставаясь ея сердцемъ, потерю своего правительственнаго значенія вознаградила значеніемъ народнымъ и самостоятельнымъ даже въ дѣлѣ европейской образованности, — что, хотя и не посвященная въ таинства государственнаго механизма, она, однако, обнаружила свое внутреннее призваніе — служить для Россіи колыбелью прिवольной науки и просвѣщенія, — что, наконецъ, она удержала за собою характеръ деревенскій и семейный, не взирая на городскіе и общественные элементы, которые неизбежно должны были въ нее проникнуть.

Вотъ какъ мы понимаемъ теперешнюю московскую жизнь. Справедливъ ли нашъ взглядъ на нее или нѣтъ, — предоставляемъ рѣшить другимъ.

4.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ ВЪ IV ВѢКѢ.

Есть въ исторіи лица, событія, цѣлыя эпохи, изученіемъ которыхъ никогда нельзя наскучить — такъ они интересны и любопытны, или по духу своему и значенію, или по своимъ подробностямъ. Тутъ важны не блескъ, не торжество такой-то партіи, такихъ-то политическихъ или философскихъ началъ и интересовъ: тутъ важны сами люди въ крайнемъ, рѣзкомъ, какомъ-то отчаянно-одностороннемъ настроеніи ихъ ума, воли, сердца. Предъ вами, напримѣръ, общество, у котораго есть все: образованность, свѣтлыя истины, мудрые законы, богатство, слава, — все, чѣмъ общества живутъ хорошо и благородно; между тѣмъ, оно представляетъ такое странное, нелѣпое и отвратительное зрѣлище искаженія образованности, такое практическое отступленіе отъ истины и законовъ, такое злоупотребленіе вещественныхъ силъ, забвеніе чести человѣческой и народной, что вы невольно задумываетесь и погружаетесь въ вопросъ: что это дѣлаютъ люди? да какъ они могутъ это дѣлать, или какъ все это могло случиться, и кто виноватъ въ такой страшной испорченности, потому-что нельзя же предполагать, чтобы люди сами, по своей волѣ, отказались отъ всѣхъ выгодъ и утѣшеній хорошаго, законнаго, незорнаго поведенія и нравственности? Этого они не должны дѣлать,

этого они не сдѣлаютъ изъ уваженія къ собственной пользѣ. Подобное зрѣлище представляетъ намъ Восточная Имперія. Для политика тогдашнее состояніе вещей объясняется очень просто словами : « имперія падала, разрушалась ». Такъ ! Но люди , кромѣ имперіи , имели уже на что опереться ; они могли бы быть , если не политически , то нравственно лучшими , однакожъ , и не были и все болѣе и болѣе опускались въ тину всякихъ мерзостей , пока не явился человекъ съ умомъ , омраченнымъ ложью , но свѣжій и сильный , и не столкнулъ ихъ , наконецъ , въ пропасть , гдѣ они и погивли . Намъ кажется , что все это происходило отъ одного недостатка , — отъ недостатка общественнаго духа . который бы въ самомъ себѣ носилъ живое стремленіе рѣшать важнѣйшіе вопросы гражданственности и который бы въ постепенныхъ успѣхахъ и движеніи ея видѣлъ и цѣль и награду своихъ усилій . Люди должны дѣйствовать ; это ихъ назначеніе и защита отъ нравственнаго гнѣвіа . Они должны убѣжденіемъ , участіемъ своего ума и воли приводить въ движеніе пружины , отъ которыхъ зависитъ устройство человѣческаго , или нравственнаго порядка на земли , потому-что изъ нихъ и для нихъ и слагается этотъ порядокъ . Да и что будетъ за порядокъ людской , для котораго они сами не трудятся ? Надобно , чтобы они были заняты его , а не своими только дѣлами , которыя , какъ извѣстно , есть и у волка , и у лисацы , и у барана , — у одного человека , кромѣ своихъ дѣлъ , есть на рукахъ дѣла общія . Однимъ словомъ , надобно , чтобы для исхода дѣятельности человѣческой существовали другіе каналы . другіе пути , кромѣ видовъ собственнаго эгоизма , какъ бы онъ ни былъ утонченъ и убранъ вышними прикрасами . Тутъ только человекъ *практически* бываетъ занятъ достойнымъ его образомъ и не имѣетъ свободы ничего не дѣлать или дѣлать одна пакости ; здѣсь , въ сознаніи и чувствахъ общественныхъ интересовъ , общественнаго единства , подъ надзоромъ общественнаго мнѣнія , онъ привыкаетъ уважать и себя и другихъ , привыкаетъ ограничивать попользованія страстей грубыхъ , разгарается даже энтузіазмомъ самопожертвованія , входитъ , такъ сказать , во вкусъ нравственныхъ истинъ ; онъ очеловѣчивается , трудясь для человечества , точно также , какъ онъ оскотоподобляется , трудясь исключительно для самого себя . Нельзя вообразить , до какой степени могутъ низпасть люди въ такомъ обществѣ , гдѣ они остаются только праздными зрителями всего , что въ немъ дѣлается и отчего зависитъ его судьба . Это полныи застой , нравственное гнѣніе ; образованность только увеличиваетъ зло , потому-что расширяетъ и изощряетъ умъ , а не даетъ ему занятій , соответствующихъ его возвысившимся потребностямъ и стремленіямъ . Состояніе нравовъ въ Константинополѣ въ IV вѣкѣ представляетъ зрѣлище всевозможныхъ безпорядковъ ,

которые могутъ породить только страсти, необуздываемыя общественною дѣятельностію и совершенно предоставленныя собственному эгоизму. Всякій дѣлалъ для себя все, что хотѣлъ или что ему нравилось, боясь развѣ только уголовного сѣдствія и закона, которые, впрочемъ, не для всѣхъ были одинаково страшны. Никому въ голову не приходило спросить: что дѣлается съ общественнымъ порядкомъ? не нуженъ ли я сколько нибудь обществу? Не надобно ли примѣромъ своимъ, усилимъ, голосомъ поддержать такое-то учрежденіе, споспѣшествовать такому-то общеполозному предпріятію, дать такое-то направленіе мыслямъ современнаго поколѣнія и т. п.? Все разсыпалось въ частностяхъ; вся бѣжали сломя голову или за выгодами, или за удовольствіями. Умы отошали, сдѣлались малорослыми, хилыми и неспособными поднять бремя какой нибудь существенной народной мысли и напрягались смѣшно и ребячески только въ діалектическихъ словоправіяхъ. Несмотря на утонченныя формы образованности, на высокія историческія преданія, варварство со всѣхъ сторонъ охватывало эти немощныя души, запертыя въ тѣснотѣ своихъ личныхъ интересовъ; осужденнымъ на постыдную нѣгу и праздность вдали отъ міростроительныхъ работъ, имъ было пріятно, когда ихъ и не спрашивали на эти работы; они вѣрили, что нѣчего тревожиться, что за нихъ все сдѣлаютъ другіе. Они не замѣчали, что накаплиютъ на себя предъ судьбою страшный долгъ, который придется уплатить ей разомъ. Въ этомъ заглушемъ и жалкомъ народѣ представлялось, однакожъ, одно великое, утѣшительное явленіе: это мужественная, святая борьба церкви съ ея пороками. Она громко, торжественно протестовала противъ этого нравственнаго разслабленія, противъ этого страшнаго упадка душевныхъ силъ, отвергавшихъ всякую мысль о лучшемъ, благороднѣйшемъ порядкѣ вещей. Въ предлагаемомъ здѣсь историческомъ очеркѣ нравовъ Константинополя въ IV вѣкѣ читатели не разъ увидятъ доказательства дѣятельнаго, постояннаго стремленія церкви направить заблудшее общество на истинный путь. Святой Іоаннъ Златоустъ является особенно дѣятельнымъ въ практическомъ назиданіи гражданъ; онъ не оставляетъ ни одного изъ господствовавшихъ въ его время пороковъ безъ достойнаго осужденія и кары; онъ весь проникнутъ глубокомъ, чистѣйшимъ соболюзнованіемъ къ этимъ несчастнымъ, которые въ своемъ нравственномъ опьяненіи не видѣли, что скачутъ и бѣспуются надъ бѣздною. Мы не разъ приведемъ его слова, какъ утѣшительные потоки свѣта на этой мрачной картинѣ дѣлъ человѣческихъ.

Основаніе Византіи относятъ къ третьему году тридцатой олимпіады, или къ 657 году до Рождества Христова. Мегара в Аргосъ, со-

дѣйствовавшіе къ учрежденію знаменитой колоніи, долго пользовались отъ нея особеннымъ уваженіемъ и дѣтской привязанностію. Позже, Византія попеременно переходила въ руки Дарія, Іонянъ, Ксеркса и Павзанія, противъ котораго выдержала осаду. Павзаній, собравъ въ стѣнахъ колоніи многочисленное народонаселеніе, справедливо заслужилъ названіе второго ея основателя. Между тѣмъ, какъ власть надъ Греціей безпреставно переходила изъ рукъ въ руки, отъ Спартанцевъ къ Аевнлянамъ и отъ Аевнлянъ къ Спартанцамъ, Византія слѣдовала, повидимому, приливу и отливу побѣды, но на самомъ дѣлѣ пользовалась всеми случаями, чтобы упрочить свою независимость. Выгоды ея великолѣпнаго положенія, возбуждавшіе жадность завоевателей, не могли ускользнуть отъ провицательнаго взора Филиппа Македонскаго; но Демосеенъ провзнесъ слою знаменитую рѣчь «о вѣнкъ», — вѣстолюбивый монархъ принужденъ былъ снять осаду. Въ послѣдствіи Византійцы подчинились владычеству Римлянъ и за содѣйствіе въ войнѣ противъ Митридата получили право управляться своими древними законами. Цицеронъ удивлялся и приверженности Византійцевъ къ Риму и богатству ихъ города. «Кому, говоритъ онъ, неизвѣстно, что Византія самый вѣриподданный городъ, богатѣйшій и чрезвычайно красивый». *Urbem Byzantium huic imperio fidelissimam fuisse, refertissimam atque ornatissimam signis, quis ignorat* (1) ?

Слава и непрерывное процвѣтаніе Византіи продолжались до конца второго вѣка, до царствованія Севера. Въ эту пору городъ имѣлъ несчастіе принять сторону Персцевнина Нигера, северова соперника, и римскій императоръ, разрушивъ великолѣпныя городскія зданія, отнялъ у жителей гражданскія права. Нѣсколько времени Византія находилась въ зависимости отъ сосѣдняго города Перанта. Наконецъ, гнѣвъ императора уступилъ мѣсто жалости или расчетливой политикѣ: онъ началъ возобновлять византійскія стѣны, въ надеждѣ, что городъ можетъ служить оплотомъ противъ азіятскихъ варваровъ. Но насилія, въ которыхъ раскаялся Северъ, не помѣшали Галліану и его войскамъ въ 260 году снова разграбить городъ, и едва Византія оправилась отъ этого несчастія, какъ должна была еще разъ потерять шесть тысячъ гражданъ, когда въ 323 году осадилъ ее самъ Константинъ, преслѣдуя врага своего Лицвіаія. Зато здѣсь уже оканчиваются несчастія и рабство Византіи. Назначенная въ слѣдующемъ году слѣдующей столицей имперіи, она наскоро была приготовлена къ этому высокому назначенію. Но при всѣхъ выгодахъ естественнаго положенія, при всемъ усердіи Константина

(1) De provinciis consularibus.

украсить новую резиденцію, жители ея тѣмъ не менѣе находились въ состояніи нравственнаго униженія, которое грозило развиваться съ постепеннымъ возрастаніемъ народонаселенія. Не разъ Византія показала опыты храбрости въ теченіи непрерывныхъ войнъ, но въ то же время жители ея всегда отличались изнѣженностію вкуса и порчею нравовъ. Развратъ окончательно ослабилъ власть закона, и византійцы не знали правилъ, ограничивающихъ чувственные наслажденія. Указываемъ здѣсь на этотъ результатъ, чтобы объяснить прогрессивный ходъ гражданъ этого города, который въ концѣ четвертаго вѣка сдѣлался главой имперіи, столицею христіанства.

При нынѣшнемъ состояніи обществъ, положеніе женщины и степень уваженія, которымъ она пользуется, даютъ возможность опредѣлить нравственный и домашній бытъ народа. Этотъ масштабъ, во всей полнотѣ, можно примѣнить и къ жителямъ Константинополя. Ихъ городъ существенно былъ греческій, и греческое вліяніе обнаруживалось во всемъ; однакожъ, принципъ общественнаго униженія женщины, характеризующій историческій вѣкъ греческаго народа, въ Византіи не утвердился. Начало это, собственно говоря, какъ не европейское, не укоренилось между римлянами; оно не могло также совмѣститься и съ духомъ христіанства. Такимъ образомъ, вліяніе Рима и христіанства отразилось въ этомъ смѣшанномъ произведеніи греческой цивилизаціи. Поэтому женщина играетъ весьма важную роль въ современной литературѣ.

Мы знаемъ больше подробностей о красотѣ византійскихъ дамъ, чѣмъ объ ихъ умственныхъ достоинствахъ; впрочемъ, у нихъ заботливость о наружной красотѣ вообще, повидямому, соединялась съ образованіемъ ума. Аристотель, какъ извѣстно, диктаторскимъ тономъ объявляетъ, что высокій ростъ (*μεγεθος*) женщины есть одно изъ величайшихъ ея достоинствъ (1). Такъ думали, кажется, и въ описываемую нами эпоху: святой Григорій Назіанзинъ довольно сильно журить одного изъ своихъ родственниковъ, который не оказывалъ должнаго уваженія своей женѣ единственно потому, что она была *слишкомъ мала* (2). Послѣ этого существеннаго пункта требовались, конечно, другія болѣе спеціальныя достоинства, чтобы быть допущенной въ разрядъ столичныхъ щеголихъ: красавица должна была имѣть большіе, черные, свѣтлые глаза съ подвижнымъ зрачкомъ, носъ прямой и тонкій, зубы правильно расположенные (3). Этого тре-

(1) Rotor. lib. 1, 5.

(2) Greg. Naz., Epist. 155.

(3) Chrysost. Epist. ad Timotheum, cap. 1, homil. 4. Незавѣстно, въ Антиохіи или Константинополѣ Златоустъ произносилъ свои бесѣды на посланія къ Тимо-

боваля отъ природы; но искусство должно было пособлять природѣ. У рядкихъ доставало духу отказаться отъ искушенія румянить лицо и подкрашивать брови сурьюмою; мужъ долженъ былъ прибѣгать ко всякъ изворотамъ супружеской дипломатіи, чтобы заставить супругу отказаться отъ употребленія этихъ искусственныхъ средствъ. — «Какъ скоро жена твоя, говоритъ святой Златоустъ ⁽¹⁾: — примется за свои затыл, берегись грозить ей или дѣлать грубости; старайся, напротивъ, дѣйствовать кротостію и убѣжденіемъ. Попытай заговорить съ ней непрямо, обиняками, какъ будто рѣчь о ея сосѣдкахъ; потомъ скажи, что она несравненно милѣе, когда себя не безобразитъ. Спроси, хочетъ ли она надолго сохранить свою молодость, и увѣрь, что отъ этихъ искусственныхъ средствъ женщина старѣетъ удивительно скоро. Наконецъ, припомни ей правила священнаго писанія. Легко станется, что ты часто говорилъ съ ней объ этомъ предметѣ, и все-таки не достигъ цѣли. Не отчаявайся: будь всегда любезенъ и услужливъ, но безпрестанно возвращайся къ этимъ совѣтамъ. Дѣло стоитъ хлопотъ. Въ случаѣ успѣха, ты не будешь больше видѣть этихъ губъ, раскрашенныхъ сурьюмою, этого рта, похожаго на окровавленную пасть медвѣдя, этихъ черныхъ бровей, какъ будто выпачканныхъ сажей, и этихъ нарумяненныхъ щокъ, похожихъ на выбѣленные гробы». Такъ говорилъ краснорѣчивый проповѣдникъ. Эти совѣты очень хорошо знакомятъ насъ съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, совершенно различнымъ отъ нынѣшняго униженія константинопольской женщины: дамы восточной имперіи умѣли, по крайней мѣрѣ, заставить уважать свою независимость. Замѣтимъ еще мимоходомъ эту моду раскрашивать глаза, пережившую на востоцкѣ всѣ политическіе перевороты. Впрочемъ, несмотря на огромную разность въ нравахъ и общественномъ быту, гречанки четвертаго вѣка, слабоумныя и изнѣженные, вполне заслуживали проводить свою жизнь въ сладострастной праздности гарема. Ихъ первоначальное воспитаніе было самое жалкое. До своего замужства жили онѣ въ совершенномъ уединеніи, и едва въ нихъ замѣтны нѣкоторыя слѣды умственнаго образованія. «Отчего жъ, спрашиваетъ еще Златоустъ ⁽²⁾: — женщины ваши такъ изнѣжены, если не отъ первоначальнаго воспитанія? Это естественнымъ образомъ происходитъ отъ ихъ затворнической жив-

---

ею. Впрочемъ, вопросъ этотъ для нашей цѣли не имѣетъ важности, потому-что общій характеръ его рѣчей одинаковъ въ обоихъ городахъ. Нравственное состояніе этихъ большихъ городовъ было почти одинаковое, и упреки, отнесенныя къ одному, могутъ идти и къ другому.

⁽¹⁾ Chrysost. in Matbaeum, homil XXX, t. 7, 401.

⁽²⁾ In Hebraeos, homil. XXIX, t. 19, 399.

ни, отъ праздности, отъ множества благовоиныхъ мастей, отъ пуховыхъ перинъ». Приставляли надзоръ при входѣ въ ихъ комнаты (1), и доступъ къ нимъ былъ почти запрещенъ даже родителямъ. Можно думать, что въ дѣтскомъ возрастѣ онѣ рѣдко ходили въ церковь. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ (2), что молодые люди обыкновенно забывались объ этой части своихъ обязанностей. Но какъ помѣшать молодой невѣстѣ видѣть своего жениха, бросить какъ нибудь украдкой изъ высокаго окна любопытный взоръ на будущаго властелина своей судьбы? Во всякомъ случаѣ, молодой человекъ рѣдко могъ раздѣлять это счастье. Всѣ предварительныя сдѣлки производились черезъ поваренныхъ: самому жениху, проводившему время на конскихъ ристалищахъ, некогда было заниматься переговорами этого рода. Все дѣло зависѣло отъ отца и матери, не говоря о множествѣ свадебныхъ посредниковъ (*προμηθεῖαι πολλὰ καὶ ὑπάρχοντες πολλοί*). Брачный договоръ совершался въ присутствіи десяти свидѣтелей (3); если жена приносила значительное приданое (4), мужъ, съ своей стороны, обязывался представить въ поручительство известную сумму, которую, въ случаѣ скорой смерти послѣ брака, семейство покойницы имѣло право требовать: мѣра довольно удачная для предупрежденія брачныхъ спекуляцій, потому-что не всѣ могли рѣшиться бросить большую часть имѣнія на произволъ невѣрной случайности.

Церковный обрядъ совершался наканунѣ гражданскаго контракта. Епископъ или священникъ соединялъ руки жениха и невѣсты и давалъ благословеніе. Вѣнчанье происходило не въ церкви, передъ собраніемъ вѣрующихъ, а въ домѣ новобрачной (5). Мѣрскіе праздники, начинавшіеся съ другаго дня, дурно согласовались съ важностію церковныхъ обрядовъ. Стоитъ припомнить свадебныя вакханаліи языческой Греціи, чтобы получить понятіе о празднествахъ христіанскаго Константинополя. Всѣ плоды затворнической жизни для новобрачной были потеряны въ одинъ часъ. Наружная, размаленная, переступала она за порогъ родительскаго дома, и въ этомъ свѣтъ, о существованіи котораго она почти не подозрѣвала, на первомъ же шагѣ встрѣчала ее безстыдная, пьяная толпа рабовъ, бродягъ, распутныхъ женщинъ. Эта шумная сволочь, при звукѣ флейтъ и кимваловъ, выводила молодую на публичную площадь (*ἀγορά*), а въ глубокой часѣ ночи, при свѣтѣ факеловъ и безчисленныхъ фонарей, прово-

(1) T. 3, 235; idem t. 3. 381.

(2) Idem, in Psalmum XLVIII, t. 5, 620.

(3) Codex Theodos. lib. III, tit. VII, t. 1, 280.

(4) Chrysost., t. 3, 261, quales ducendae uxores.

(5) Codex Theodos., Lib. III, tit. VII, примѣчаніе Годефруа.

жала ее въ домъ ожидавшаго супруга. На случай нанмали театраль-ныхъ пѣвцовъ и танцоровъ. Буйная толпа предавалась полному раз-гулу; цѣломудренный слухъ молодой женщины долженъ былъ стра-дать отъ грубыхъ шутокъ и такихъ пѣсней, гдѣ скотскій цинизмъ на-рушалъ всякое приличіе (1). Богатая свадьба, въ этомъ отношеніи, была настоящимъ притономъ для всѣхъ бродягъ и праздношатаю-щихся въ столицѣ. «Счастливая чета» принимала визиты цѣлые во-семь дней послѣ свѣчанья. Притиранья и румяна были, въ этомъ случаѣ, не единственнымъ украшеніемъ новобрачной: гардеробъ по-другъ являлся къ услугамъ для возвышенія ея прелестей; одна давала платье, другая драгоценный уборъ, третья богатую мебель. Но, на-конецъ, недѣля проходила; занятая вещи надлежало возвратить, и это иной разъ было тяжелымъ испытаніемъ для молодой женщины. «Еще хорошо, говорить святой Златоустъ: — если супругъ обходитсѣ съ нею кротко (2)». Такимъ образомъ, медовый мѣсяцъ не всегда былъ свѣтелъ и ясенъ. Но то, что женщина выигрывала въ дѣйствительной жизни, могло съ избыткомъ вознаградить ее за потерю драгоцен-ныхъ бездѣлокъ: отъ дѣвичьяго затворничества переходила она къ общественной свободѣ и пользовалась совершенною властію въ до-машнемъ быту.

Въ глазахъ разсудительныхъ людей, торжествомъ замужней жен-щины безъ сомнѣнія было, когда считалась она во всемъ достоинствѣ хозяйки дома (*ἐπί τοῦ οἴκου*), окруженная безмолвными служанками. Но такое зрѣлище было рѣдкостью: всего чаще замужняя женщина занята была домашней ссорой или кружилась въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій. Притомъ у нея, какъ и у вышнихъ дамъ, былъ по-стоянный предметъ нравственной пытки — домашняя челядь. Трудно теперь представить, какую толпу слугъ содержали въ четвертомъ вѣкѣ богатые византійцы. Молодой неопытной женщинѣ, натураль-но, очень пріятно было видѣть вокругъ себя цѣлую стаю рабовъ, и она отнюдь не подозрѣвала всѣхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ многочисленной прислугой. Рабы составляли собственность; надле-жало безпрестанно заниматься ихъ нуждами и матеріальнымъ благо-состояніемъ; особенно досадна была полицейская часть, къ которой, однакожъ, нужно было привыкать (3): пріятно ли каждый день нака-зывать лѣнивцевъ, унимать ссоры, смотреть за тѣми, которые, при малѣйшемъ послабленіи, готовы напроказать? Но тутъ еще не всѣ ба-да, и хлопоты, болѣе важныя, озабочивали константинопольскую даму:

(1) Chrysost., 4, 626.

(2) Chrysost., II, 176.

(3) Chrysost., de Virginitate, t. I, 395.

въ многочисленной домашней челяди всегда могла отыскаться какая нибудь хорошенькая невольница, и пусть мужъ будетъ образцомъ супружеской вѣрности, ежедневныя столкновенія тамъ не менѣе всегда подадутъ поводъ къ ревнивымъ опасеніямъ и страху. Въ такомъ случаѣ, легко представить, на какія крайности готова отважиться женщина съ живымъ характеромъ и съ сознаниемъ власти. Послушаемъ что говоритъ объ этомъ предметѣ святой Златоустъ въ толкованіи на посланіе къ Ефесеямъ ⁽¹⁾. «Да будетъ между вами изгнано всякое увлеченіе. — Пусть особенно слушаютъ это женщины, потому-что предметъ прямо къ нимъ относится. Гнѣзуются ли онѣ на рабынь? весь домъ дрожитъ отъ ихъ крику, и если окна выходятъ на улицу, прохожіе могутъ слышать громкую брань госпожи и жалобные крики служанки. Что такое? спрашиваетъ каждый. Да вотъ такая-то барыня бьетъ свою дѣвку (*ἡ δούλα, φησί, τῆν δούλην τύπτει τῆν αὐτῆς*). Увы! говорить св. Іоаннъ Златоустъ: — сколько благородныхъ женщинъ ведутъ себя не лучше рабынь, и между тѣмъ, эти же барыни нмѣютъ жестокость бить ихъ съ такимъ неистовствомъ, что слезы отъ ихъ ударовъ не пропадаютъ по цѣлымъ суткамъ. Когда несчастная приходитъ въ баню, вся видятъ на ней знаки жестокаго наказанія. Бднляжкѣ грозятъ тюрьмою, обременяютъ ее проклятіемъ и безчисленными ругательствами (*μυρία λοιδοριῶν*); это колдунья, вѣдьма, потаскуша, это... однимъ словомъ, раздраженная барыня позволяетъ себѣ вся возможные ругательства. Она срываетъ съ несчастной платье, привязываетъ ее къ столбу своей постели, сзываетъ дѣтей присутствовать на этомъ зрѣлищѣ и приказываетъ глупому мужу исправлять должность палача. Должны ли вся эти вещи происходить между христіянами! Вамъ стыдно, вы краснѣете, заключаетъ проповѣдникъ: — но я ошибаюсь: краснѣютъ только тѣ, которые чувствуютъ, что слова могутъ относиться къ нимъ». Эта картина ни мало не преувеличена: господа нмѣли право жизни и смерти надъ своими рабами; не разъ собирались ограничить это право закономъ, но все же ничего не могли сдѣлать для отстраненія подобныхъ сценъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Константинъ издалъ два закона о наказаніи рабовъ: въ первомъ опредѣляются исправительныя орудія, которыя господинъ могъ употреблять безнаказанно, въ случаѣ даже смерти раба: это — розги и плети; второй указъ исключительно оставивается на этихъ смертныхъ случаяхъ, и объявляетъ, что господинъ тутъ нисколько не виноватъ, потому-что, наказывая своего раба плетью или розгами, онъ дѣлаетъ это для его исправленія ⁽²⁾.

(1) Chrysost. in Epist. ad Ephes., cap. 4, homil. XV, t. 2, 129.

(2) Codex Theodos., Lib. IX, tit. III.

Хозяйка могла употреблять служанокъ только во внутренности дома; но какъ скоро барыня выезжала, ее должна была сопровождать толпа евнуховъ. Вотъ что объ этихъ несчастныхъ созданіяхъ говорить святой Василій: «Эти евнухи составляютъ особый классъ, развратный и презираемый: не мужчины и не женщины, они, однакожь, приставлены къ услугамъ женщинъ; они завистливы, низки, прожорливы, скупы, жестоки, непонятны, невежды, жадны, ненасытны, раздражительны и злы⁽¹⁾». При всѣхъ этихъ порокахъ, евнухи были столько же необходимы, какъ для Англичанъ великорослые распудренные лакеи *Гросвеноръ сквера*. «Одѣтые въ лилврей съ золотыми галунами, говорить святой Златоустъ: — евнухи идутъ за мулами своей госпожи». По поводу этихъ муловъ епископъ рисуетъ картину, которой копій находятъ и въ нынѣшнихъ обществахъ. «Мужъ распорядился мулами для себя, — отсюда какое нибудь непріятное замѣчаніе, ссора, сердитый видъ; или, можетъ быть, сама барыня, забывъ объ утреннемъ визитѣ, услава куда нибудь муловъ, — все таки отъ этого она весь день будетъ не въ духѣ. Потомъ эти же самые мулы могутъ захромать, иной разъ оба вдругъ; надобно въ такомъ случаѣ отправлять ихъ въ табунъ на нѣсколько недель сряду, и это бываетъ каждый годъ». Время, когда надобно сидѣть дома, казалось византійской дамѣ ужасно длиннымъ; она считала себя затворницей (*дедеміонъ*), и потомъ, разъ выѣхавъ изъ дому, дѣлала безчисленныя покупки для себя и для дѣтей. «Но, прибавляетъ св. Іоаннъ: — не лучше ли выходить пѣшкомъ, чѣмъ оставаться дома и ворчать? Зачѣмъ же у насъ ноги? Такъ вѣтъ: барыня не любитъ безпрестанно сталкиваться съ своими знакомыми: ей это стыдно»; и проповѣдникъ заключаетъ бесѣду, объявляя, что дома, при дурномъ поведеніи, еще стыднѣе⁽²⁾. Трижды счастлива та, которая можетъ запрячь въ коляску бѣлыхъ муловъ! Сама императрица не знаетъ блаженства выше этого. Сбруя⁽³⁾ соответствовала закладкѣ: хомуты нужны были вызолоченные, чепраки высеребрянные. И въ этомъ блестящемъ экипажѣ шеголиха ѣхала къ своему ювелиру, которому всегда что-нибудь заказывалось. Такой выѣздъ былъ любимую прогулкой византійской дамы. Робость, мѣшавшая итти пѣшкомъ, мгновенно исчезала при входѣ въ магазинъ⁽⁴⁾. Кольцо или камень, оставленные въ рукахъ мастера, могли быть куда нибудь спрятаны, и пока ихъ искали, дама сидѣла и разговаривала. Притомъ

(1) Basilii Epist. CXV, t. 3, 298. (Второе парижское изданіе, 1839).

(2) Chrysost. in Psalmum XLVIII, t. 5, 627.

(3) Chrysost. in Iohannem, homil. XII. t. VIII, 77.

(4) Chrysost. in Psalmum XLVIII, t. 5, 630.

лавка ювелира была богатѣйшею въ городѣ, потому-что золотыхъ дѣлъ мастеръ былъ вѣдствѣ и банкиромъ ⁽¹⁾.

Можно ли отказаться отъ всѣхъ этихъ драгоценностей, когда идешь на балъ, на свадьбу или въ театръ! Конечно, нѣтъ; но кокетство всего болѣе выказывалось тамъ, гдѣ оружіе его должно быть безсильнымъ. Прекрасная Фракіянка поставитъ послѣднюю копѣйку ребромъ, а ужъ ляжетъ въ церкви со всею роскошью, со всею изысканностью своего туалета. Пусть Златоустъ гремитъ всею силою краснорѣчія противъ роскоши: она его не услышитъ; ей и нельзя слышать, потому-что на ухахъ ея серьги, а къ серьгамъ огромныя подвѣски до самой шев. «За край своего маленькаго уха, восклицаетъ проповѣдникъ: привѣситъ она кольцо, котораго цѣна могла бы прокормить десять тысячъ бѣдныхъ христіанъ!» Она выѣзжала изъ дому въ драгоценныхъ камняхъ, въ золотомъ шитьѣ отъ головы до ногъ. Ея талія ⁽²⁾ была *nimum lubricus aspicis*, и какъ будто сами пальцы важными пальчиками убирала складки ея платья (*περιεργον ἀναβολὴν τοῦ φάρου, τοῦ χιτωνίου, ξώνη περιεργότεραν. ὑποδήματα ἀπρητιμένα*). Самыя кроткія и цѣломудренныя дѣвы, такъ называемыя *παρθέναι*, были заражены этой страстію къ кокетству. — Какъ? неужли и онѣ являлись въ публикѣ въ золотыхъ нарядахъ и съ завитыми волосами? — «Нѣтъ, отвѣчаетъ св. Іоаннъ: — но въ самой простотѣ ихъ есть какая-то изысканность, особый расчетъ, который даже хуже безумной роскоши ⁽³⁾». На нихъ былъ хитонъ самаго яркаго небеснаго цвѣту (*σφόδρα λευκός*); платье носятъ онѣ коротенькое, и поясъ, обхватывающій талію подъ самой грудью, съ большою точностію (*πολλῆς ἀκριβείας*) обрисовываетъ ихъ формы. Кто же не видитъ, что подобная одежда соблазнительнѣе всѣхъ шолковыхъ издѣлій съ яркими цвѣтами? Ихъ обувь наведена блестящей черной ваксой и прелестно заостряна на концѣ пальцевъ; подумаешь, будто башмаки сшиты не для смертной ноги и представляютъ скорѣе прекраснѣйшій образецъ живописнаго искусства. Какъ оторвать глаза отъ этого лица, никогда не знавшаго румянъ, лица чистаго и блестящаго отъ безпрестаннаго употребленія благовоннаго мыла (*ἀπομιπτῆς μετὰ πολλῆς τῆς ἀκριβείας καὶ τῆς εὐχολῆς*)? Покрывало бѣлье закрываетъ часть этого лица и представляетъ поразительный контрастъ съ черной одеждой, въ которой ходятъ эта стыдливая красавица съ капишономъ на верху головы. Кто намъ скажетъ, зачѣмъ это покрывало, подъ которымъ блестятъ черные глаза, смотрящіе во всѣ стороны? Ея перчатки такъ искусно

(1) Sozomène, lib. VIII, cap. 4.

(2) Chrysost. in Mattheum, homil. LXXXIX, t. 7, 945.

(3) Chrysost. in Epist. ad Timoth., cap. 2, homil. VIII, t. II, 661.

прилажены къ рукъ , что ихъ можно принять за природную кожу ; наконецъ , прибавьте къ этому тысячи искусственныхъ прелестей , обращающихъ вниманіе даже тогда , когда подлѣ этой цѣломудренной дѣвы пышно проѣзжаетъ въ коляскѣ раззолоченная знатная дама .»

Разряженныя такимъ образомъ , константинопольскія красавицы спѣшили по тѣснымъ улицамъ въ церковь слушать молнаго проповѣдника или модную доктрину . Но при входѣ въ церковь , прежде всего нужно было отдѣлаться отъ цѣлой толпы несчастныхъ , нищихъ и калекъ , которые , по древнему обычаю , стояли на церковной паперти , выказывая зрѣлище всѣхъ человѣческихъ бѣдствій . Какъ ни отвратительно такое зрѣлище , люди эти знали свое ремесло : они просили милостыню во имя сына , дочери , отсутствующаго супруга знатной дамы , или , что еще вѣрнѣе , обращались прямо къ ея красотѣ . «И тогда-то сердце ея трепещетъ отъ удовольствія , щоки пылаютъ , и рука сама собою простирается на дѣло милосердія⁽¹⁾.» Но подана милостыня или нѣтъ , дама снимаетъ вышитую золотомъ перчатку⁽²⁾ и обмакиваетъ оконечности нѣжныхъ пальцевъ въ воду , поставленной при входѣ въ церковь⁽³⁾.

Между тѣмъ , церковь всего менѣе покровительствовала этому тщеславію . Внутренній порядокъ въ храмѣ былъ простъ и приличенъ ; съ кафедры раздавались суровыя истины и сильныя упреки грѣшному міру . Женщины должны были стоять въ сторонѣ , въ особомъ отдѣленіи ; но эта мѣра отнюдь не служила къ раздѣленію половъ , и поведеніе ихъ во время богослуженія было самое соблазнительное , такъ что простой народъ въ наше время , въ этомъ отношеніи , несравненно выше аристократическаго общества древней метрополіи восточной имперіи . Такое поведеніе было предметомъ постоянныхъ жалобъ и въ Антиохіи и въ Константинополѣ . «Порядокъ въ частныхъ домахъ дѣлаетъ стыдъ безпорядку , господствующему въ церкви .» «Шумъ и крикъ , какъ на постояломъ дворѣ ; разговариваютъ и смѣются , какъ въ банѣ или на публичной площади .» Дамскій туалетъ подавалъ поводъ къ жалкимъ подозрѣніямъ , и святой Златоустъ объявляетъ , что церковь была самымъ удобнымъ мѣстомъ для извѣстныхъ свиданій⁽⁴⁾ . Здѣсь толковали и о дѣлахъ коммерческихъ , точъ въ точъ , какъ на рынкѣ . «Если хотите вы сплетничать или слышать сплетни , если угодно толковать о домашнихъ дѣлахъ , разсуждать о политикѣ , о войнѣ , то не ходите ни въ судейскія , ни въ дома врачей (*ιστραπεύου*) :

(1) Chrysost. t. 3, 345.

(2) Chrysost. in Psalmum XLVIII, t. 5, 616.

(3) Chrysost. in Iohannem, homil. LXXIV, t. 8, 496.

(4) Chrysost. in Epist. 1. ad Corinth., homil. XXXVI, t. 10, 398.

ступайте въ церковь — и услышите всякія новости: здѣсь всемірная биржа.» При чтеніи молитвъ или во время проповѣди, собраніе предавалось самымъ одушевленнымъ разговорамъ, и разныя колкости перелетали изъ устъ въ уста. Къ женщинамъ особенно могъ относиться этотъ упрекъ: «вѣтъ въ нихъ ни скромности, ни уваженія къ мѣсту: онѣ только безпрестанно хохочутъ (1).»

Можно, стало быть, заключить, что посвященіе церкви было только модой, а не обязанностью, и при такихъ идеяхъ, проповѣдникъ естественно становился важнымъ предметомъ, притягательнымъ пунктомъ для толпы. Какъ скоро знали, что проповѣдь будетъ говорить св. Златоустъ, церковь всегда была полна. Но какъ скоро граждане собрались слушать Златоуста, а между тѣмъ, началъ говорить проповѣдь не Златоустъ, — тогда ужасный шумъ подымался въ церкви, доходившій чуть не до бунта. Иногородныхъ пастырей, временно проживавшихъ въ Константинополѣ, обыкновенно приглашали, изъ учтивости, принять участіе въ церковной службѣ. Случилось одинъ разъ, что святой Златоустъ, следуя этому обычаю, пригласилъ вмѣсто себя говорить проповѣдь почтеннаго епископа «галатійскаго»; но едва смиренный братъ вошелъ на кафедру, со всѣхъ сторонъ начали кричать и шикать. Византійцы были въ восторгѣ отъ св. Златоуста, отъ этого языка, который кололъ ихъ, упрекалъ и язвилъ безъ милосердія: этотъ народъ похожъ былъ на ребенка, прибитаго матерью, и который, однакожъ, бѣжитъ за ней со слезами на глазахъ. Въ подобномъ случаѣ было опасно вѣтти противъ общаго голоса, — и «епископъ галатійскій» поневоля долженъ былъ удалиться (2).

Съ такимъ же одушевленіемъ этотъ грекъ, столько дерзкій и легкомысленный, выражалъ свое удивленіе, какъ скоро великій проповѣдникъ потрясалъ его душу. Златоустъ, какъ говоритъ самъ, часто восходилъ на кафедру, вооруженный жезломъ, и не разъ слушатели останавливали его среди рѣчи громкими рукоплесканіями. Святой мужъ съ трогательной простотой описываетъ свои впечатлѣнія отъ этихъ рукоплесканій. Разъ, уединившись въ своемъ епископскомъ дворцѣ, онъ соображалъ, что всѣ его наставленія испарились въ рукоплесканіяхъ и въ награду за пастырскіе труды оставались ему сожалѣніе и сердечное сокрушеніе (3). Самые еретики и язычники толпами собирались слушать краснорѣчіе изъ золотыхъ устъ. Любопытство ли влекло ихъ или желаніе научиться, — святитель всѣхъ приводилъ въ восторгъ и если не могъ покорить упорнаго сердца, всег-

(1) Chrysost. in Epist. ad Hebraeos, cap. 9, homil. XV, t. 12, 323.

(2) Chrysost. homil. in illud «Pater meus usque modo operatur», t. 12, 528.

(3) Chrysost. in Acta Apostolorum, homil. XXX, t. 9, 263.

да, по крайней мѣрѣ, торжествовалъ надъ умами. Духовный пастырь обыкновенно произносилъ проповѣдь съ высоты ступеней алтаря; но Златоусту, при безчисленномъ собраніи слушателей, нельзя было сообразоваться съ этимъ обыкновеніемъ. Блѣдный, изможденный, усталый (1), онъ сидѣлъ передъ налоемъ среди церкви, и внимательный народъ съ жадностью ловилъ золотыя слова, которыхъ никогда не уставалъ слушать.

Выборъ имени для младенца былъ предметомъ нелѣпаго и суевѣрнаго обряда. Благочестивый обычай древности давать новорожденному имя какого нибудь святого или мученика въ ручательство за его будущность, — мало по малу вышелъ изъ употребленія. Обыкновенно зажигали (2) нѣкоторое число свѣчъ, привязывая къ нимъ имена, самыя пріятныя для родительскаго слуха, и называли ребенка по свѣчѣ, горѣвшей дольше другихъ: это значило, что и новорожденный проживетъ долго. Потомъ окружали ребенка чарами и талисманами, давали въ руки амулеты, побрякушки, пурпуровыя нитки. Заботились особенно о томъ, чтобы предотвратить вліяніе дурного глаза. Кормилицы и няньки брали грязь съ баннаго полу и пачкали ею лобъ новорожденнаго: способъ этотъ считался самымъ действительнымъ. Другое, тоже действительное средство: привѣшивали на шею ребенка евангельскіе тексты (3), въ подражаніе римской *bullae*. Но при этихъ предосторожностяхъ отъ опасностей мнимыхъ, ни мало не заботились о действительной и важной опасности. Окруженные толпой безнравственныхъ и безстыдныхъ рабовъ, дѣти знакомились съ гадкими пѣснями, которыя святой Златоустъ называетъ сатанинскими. Родители, незнакомые съ Библіей, не могли познакомить съ нею и дѣтей: многіе не знали даже, что есть у христіянъ книга, называемая: «Дѣянія Святыя Апостоловъ» (4). Отецъ выполнялъ всѣ обязанности, приставивъ къ ребенку педагога, который смотрѣлъ за нимъ дома и водилъ его въ школу; но при выборѣ педагога рѣдко обращали вниманіе на важность его обязанностей. Мальчики толпились на публичныхъ зрѣлищахъ, но никогда не посылали ихъ въ церковь, куда попадали они случайно или изъ любопытства. Въ богатомъ щегольскомъ платьѣ, съ золотыми запястьями на рукахъ, они рано пріучались къ этой пышной и тщеславной обуви, о которой будемъ мы говорить, когда дойдемъ до мужскаго возраста. Школьная жизнь, вне родительскаго дома, начиналась очень рано,

(1) Sozomen. Lib. VIII, cap. 5.

(2) Chrysost. in Epist. 1, ad Corinth., homil. XII, t. 10, 125.

(3) Chrysost. in populum Antiochenum, homil. XIX, t. 2, 232.

(4) Chrysost. in Acta Apostolorum, t. 9, p. 1.

иногда прежде пяти лѣтъ. Выучившись читать, ребенокъ по большей части училъ наизусть выбранныя мѣста классическихъ писателей, приучаясь къ правильному произношенію и хорошей декламациі. До пятнадцатилѣтняго возраста ⁽¹⁾ мальчики ходили обыкновенно въ школу, гдѣ, кромѣ этого грамматическаго образованія, учили ихъ каллиграфіи, ариметикѣ и первымъ правиламъ геометріи. Съ пятнадцати лѣтъ начинался родъ университетскаго образованія, и аристократическая молодежь слушала пространные курсы. Такъ святой Григорій Назіанзинъ говоритъ, что онъ и другъ его святой Василій, окончивъ курсъ въ элементарныхъ школахъ, отправились сперва въ Цезарею, «метрополию наукъ», потомъ слушали курсы въ Константинополѣ ⁽²⁾, въ этой восточной столицѣ, знаменитой отличными софистами и философами, и, наконецъ, уже съ отличнымъ успѣхомъ довершили свое образованіе въ аѳинскихъ школахъ.

Въ Константинополѣ матеріальное устройство университета состояло изъ нѣсколькихъ залъ, назначенныхъ для извѣстныхъ курсовъ. Рескриптъ 425 года даетъ намъ полное понятіе объ этомъ предметѣ. Уже Константинъ отчасти опредѣлялъ права и число профессоровъ, а Θεодосій своимъ указомъ назначилъ залы для ихъ курсовъ. Въ подражаніе римскому капитолію съ его многочисленными портиками, гдѣ поэты читали въкогда свои произведенія, Θεодосій помѣстилъ академию въ капитоліи Константинополя. Восемь портиковъ сообщались съ *екседрами*, огромными залами безъ потолка, которыхъ стѣны были украшены различными изображеніями драматической музы; скамьи и профессорская кафедра были единственною мебелью. Для избѣжанія безпорядковъ, каждому профессору назначена особая зала. До 425 года было всего шесть профессоровъ для трехъ факультетовъ грамматики, реторики и права: два профессора преподавали греческій и латинскій языки, два реторикѣ и логикѣ и одинъ только былъ назначенъ для юридическаго факультета. Между тѣмъ, число слушателей было огромное, и профессора не могли удовлетворить всѣхъ; поэтому были еще частные преподаватели, которые читали свои курсы на дому или въ публичныхъ мѣстахъ, при многочисленномъ собраніи молодыхъ людей. Но такой порядокъ вещей представлялъ важныя неудобства. Вольные преподаватели были по большей части язычники, и ученіе ихъ могло имѣть вредное вліяніе на молодыхъ слушателей. Для предупрежденія опасности, Θεодосій значительно увеличилъ число университетскихъ профессоровъ и запретилъ читать публичные лекціи. По указу императора, профессоръ долженъ

(1) Codex Theodosianus, lib. II, t. 8.

(2) Greg. Naz., Orat. vicesima, εἰς βασιλειον ἐπιτοκον t. 1, 335. Morel 1690.

отличаться безукоризненною нравственностью, опытною въ преподаваніи, свободнымъ даромъ слова и большою *тонкостью толкованья*. Изъ словъ указа видно также, что экзаменовывать профессора и опредѣлять на мѣсто долженъ былъ сенатъ; но гораздо вѣроятнѣе (1), что кандидата экзаменовали сами профессора въ общемъ совѣтѣ, а роль сената ограничивалась только окончательнымъ утвержденіемъ ихъ выбора. Какъ бы то ни было, экзаменаторы и кандидаты были, повидимому, достойны другъ друга: нѣрѣдко удостоивались профессорской кафедры ученые мужи безъ малѣйшихъ способностей.

Указомъ императора былъ назначенъ тридцать одинъ профессоръ: латинскій языкъ и краснорѣчіе занимали десять грамматиковъ и трехъ *ораторовъ*; пять софистовъ и десять грамматиковъ должны были преподавать греческую словесность (2). «Но дабы воспитаніе нашего благороднаго юношества не ограничилось оными званіями, мы приобщаемъ къ вышереченнымъ наставникамъ учителей наукъ высшихъ». Инструкція для преподаванія этихъ высшихъ наукъ чрезвычайно суха и безжизненна: «одинъ наставникъ будетъ истолковывать глубины философіи, а другіе два изложатъ формулы закона». Легко понять, въ чемъ состояли обязанности большей части этихъ профессоровъ; не труднѣе опредѣлить университетскія занятія софиста, оратора, или, правдѣе, риторы диспутанта. Неизсякаемый потокъ красныхъ словъ и безпредѣльная напыщенность сдѣлались, со времени Платона, отличительными характеристиками этого разряда ученыхъ мужей; но позволительно спросить: чѣмъ они могли быть полезны при воспитаніи юношества, и какаѣ цѣли ихъ университетскихъ надзѣтъ? Уроки и примѣры этихъ господъ могли быть чрезвычайно вредными для молодыхъ людей. Вліяніе ихъ отразилось отчасти на нѣкоторыхъ знаменитыхъ современникахъ, которые, несмотря на природную даровитость, не могли предохранить себя отъ этой заразы. Если такимъ образомъ софистика имѣла вліяніе на людей гениальнѣйшихъ, какой же вредъ могла она наносить обыкновеннымъ умамъ! Апокрифическія бесѣды, приложенныя къ парижскому бенедиктинскому изданію сочиненій святого Златоуста, служатъ яснымъ доказательствомъ испорченности вкуса.

Къ несчастью точныя и болѣе отвлеченныя науки утратили свое значеніе въ современномъ обществѣ. Такъ Григорій Назіанзинъ говоритъ, что святой Василій, въ бытность свою въ Аѳонахъ, занимался арифметикою, астрономіею и геометріею столько, сколько нужно было, чтобы не притти въ затрудненіе отъ профессорскихъ софиз-

(1) Codex Theodos., lib. VI, tit. XXI.

(2) Codex Theodos., Lib. XIV, tit. IX. §.

мовъ; но все, что переходило за эти предѣлы, было имъ отвергнуто, какъ недостойное христіанина (1). Дѣло въ томъ, что науки эти до того подчинены были матеріямъ гаданій и астрологіи, что истинная цѣль ихъ была совершенно выпущена изъ виду, и христіанинъ не могъ предаваться этимъ занятіямъ, не опасаясь на каждомъ шагу вступить на запрещенную почву.

Аристотелева логика могла бы еще, какъ гимнастика мысли, до известной степени восполнить этотъ недостатокъ, если бы часто не обращали ее въ орудіе лести. Ее преподавали студентамъ по различнымъ методамъ, въ сокращеніяхъ, нарочно для того сдѣланныхъ. Авторъ одного изъ этихъ сокращеній,Themistій, увѣряетъ, что иначе поступать было невозможно, потому-что, хотя вездѣ можно было отыскать полныя собранія сочиненій Аристотеля, но понимать его молодые люди не могли, и смыслъ философа загроможденъ былъ различными толкованіями, опущеніями и прибавленіями, какъ дворець Экбатаны (2). Что касается до нравственныхъ наукъ, входившихъ еще въ составъ университетскаго образованія, Аристотель раздѣлялъ здѣсь первенство съ Платономъ, котораго, впрочемъ, цѣнили преимущественно за обильное его краснорѣчіе.

За исключеніемъ Берита, право нигдѣ такъ хорошо не преподавалось, какъ въ Константинополѣ. Молодой человекъ, для полноты юридическаго образованія, непременно долженъ былъ учиться въ этихъ двухъ городахъ. Студентъ медицины, въ свою очередь, долженъ былъ окончить университетское образованіе въ Александріи. Вообще, каково бы ни было свойство всѣхъ этихъ свидѣній, для пріобретенія ихъ не щадили ни времени, ни трудовъ, ни путешествій. Вѣрнѣйшимъ средствомъ получить доступъ ко двору было совершенное знаніе латинскаго языка и литературы (3). Поэтому родители всего больше хлопотали о доставленіи дѣтямъ такого образованія. Богатое семейство, приготавливая ребенка къ общественной жизни, рано отправляло его въ римскій университетъ. Составъ этого университета въ четвертомъ вѣкѣ (376 г.) видоизмѣненъ былъ императоромъ Валентиніаномъ, и его указъ распространяетъ большой свѣтъ на общія черты академической жизни въ эту эпоху. Поступающій въ университетъ обязывался представить подписанное провинціальнымъ губернаторомъ свидѣтельство о мѣстѣ рожденія и о званіи родителей. По прибытіи въ городъ, будущій студентъ предъявлялъ этотъ доку-

(1) Greg. Naz. Orat. vices., p. 333. См. также, что сказано о врачѣ Цезаріи, Orat. decima, p. 163 (Морель).

(2) Themistius, orat. XXVI.

(3) Chrysost. adversus oppugnatores vitae monasticae.

ментъ *магистру ценса*, то есть, полиціеімейстеру, состоявшему подъ вѣдѣніемъ городского префекта, извѣщая его о родѣ своихъ занятій; полиціеімейстеръ долженъ былъ знать квартиру студента, «чтобы можно было слѣдить за его прилежаніемъ и успѣхами въ наукахъ». Надзоръ этотъ распространялся даже на его привычки и знакомства: наблюдали, чтобы молодой человекъ не слишкомъ пристрастился къ публичнымъ зрѣлищамъ, и чтобы вообще велъ себя добропорядочно. Неправильныхъ шалуновъ, «неспособныхъ заниматься свободными искусствами», публично сѣкли розгами и выгоняли изъ университета. Какъ въ Римѣ, такъ и въ Константинополѣ, обыкновенно поступали въ университетъ пятнадцати, а окончивали курсъ двадцати лѣтъ. Если, по выходѣ изъ заведенія, молодой человекъ медлилъ возвратиться въ родительскій домъ, полиціеімейстеръ обязанъ былъ отвѣчать за послѣдствія. Тотъ же чиновникъ долженъ былъ наблюдать, чтобы его депутаты ежемѣсячно доносили о поведеніи молодыхъ людей, и эти рапорты въ концѣ каждаго года представлялись императору, «дабы, какъ сказано въ законѣ, вѣдали мы объ относительномъ достоинствѣ питомцевъ, равно какъ и о наукахъ, которыми они себя посвящаютъ, и дабы такимъ образомъ вѣдомо намъ было, могутъ ли оныя воспитанники быть полезными чиновниками на нашей службѣ (1)».

Если Римъ былъ славенъ, какъ столица латинскаго міра и какъ источникъ латинской литературы, Аѳины тѣмъ не менѣе сохраняли свое прежнее превосходство и были точкою соединенія для всѣхъ народовъ, отъ Галліи до Арменіи. Само собою разумѣется, трудно было сохранить дисциплину среди такого скопленія разнородныхъ элементовъ. Тишина никогда не была отличительною добродѣтелию аѳинскаго племени, и мы охотно вѣримъ, что на аѳинскихъ улицахъ очень часто разыгрывались сцены классическаго *буйства*. Объ одной изъ этихъ сценъ прекрасно рассказываетъ намъ святой Григорій Назіанзинъ въ бесѣдѣ о свитомъ Василии. Слава, пріобрѣтенная святымъ Василиемъ въ прочихъ университетахъ, распространилась далеко, и въ Аѳинахъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидали его прібытія; поэтому онъ, и почти только одинъ онъ, освобожденъ былъ отъ *истязаній*, которыми по обыкновенію подвергали новопрібывшаго студента. По мнѣнію современниковъ все это довольно забавно; но рассказъ этотъ пробуждаетъ въ душѣ нашей мысли болѣе важныя, чѣмъ пріятныя, если во всей поразительной живости представимъ этотъ молодой разгулъ, надъ которымъ уже тяготѣла желѣзная рука смерти, подготовленной въ ками....

Большая часть университетскихъ студентовъ, даже лучшихъ фамилій, по словамъ святого Григорія, были безъ ума отъ страсти къ софистамъ: «Зрители конскихъ скачекъ не столько принимаютъ участія въ любимыхъ кучерахъ, сколько они въ народной славѣ своихъ почтенныхъ профессоровъ». Молодой студентъ приучался въ Константинополь къ порядку и субординаціи, спокойно предаваясь ученымъ занятіямъ. Но какія перемены ожидали его въ Пизері! Съ чемоданомъ и кожаной сумой эхалъ онъ въ Аены, и счастье его, если въ городъ попадался ему землякъ или пріятель, который бралъ его подъ свое покровительство; нето, волей или неволей, приставалъ къ нему какой-нибудь безотвязной крючокъ, хитрый и вкрадчивый, вербовавшій новичковъ для софистовъ, которые потомъ пользовались плодами этихъ продюлокъ. Но къ кому бы ни попался новопріѣзжій студентъ, напередъ онъ долженъ былъ выдержать обыкновенный искусъ академическаго посвященія. Къ нему подходилъ какой-нибудь наследникъ древняго *антмическаго* рода, малый назойливый и безстыднѣйшій, который предлагалъ для рѣшенія замысловатую загадку, и между тѣмъ, какъ новичокъ напрасно ломалъ голову надъ этой галиматіей, его со всѣхъ сторонъ окружали студенты, и «тогда-то градомъ сыпались на него вопросы, шутовскіе и софистическіе, которыхъ цѣлю было хорошенько узнать умъ и характеръ новаго товарища». Надразнившись досыта, лебютанта съ триумфомъ вели на агору и оттуда въ баню: съ крикомъ и прыжками провожали его до дверей, бѣснуясь, какъ жрецы Бахуса. Передъ баней веселая ватага останавливалась, какъ будто двери были заперты изнутри. Тогда начинался настоящій бунтъ: каждый торкался и билъ въ дверь, которую, наконецъ, выламывали, и введенный новичокъ уже окончательно былъ допускаемъ къ великому собратству академическому.

Роковое пристрастіе къ напыщенному и бездушному риторству искажало настоящую цѣль воспитанія. Пренебрегая основательнымъ образованіемъ, обращали почти исключительное вниманіе на цвѣтную оболочку софистической мысли, и студентъ былъ безпрестанно отрываетъ отъ своихъ занятій мелочными и глупыми спорами. Притомъ Аены были опасны для молодыхъ людей въ нравственномъ отношеніи, и пребываніе въ этомъ городѣ считалось крайне предосудительнымъ для религіи. Языческой городъ былъ украшенъ всеми произведеніями греческаго искусства, и эти идолы, общій предметъ удивленія, были для многихъ предметомъ религіознаго поклоненія. Какъ бы то ни было, въ аенскихъ школахъ уже окончательно довершалось академическое образованіе. Въ свѣтъ пріобрѣтать было нечего: иностранныхъ языковъ не изучали, чужихъ краевъ не лосцали, и не было больше городовъ съ чудесами древняго искусства,

окруженныхъ историческою славою. Греція и Римъ для этого поколенія были еще живыми мірами; время и политическіе перевороты не стерли еще ихъ тождественнаго характера: все не греческое и не римское выходило изъ предѣловъ цивилизаціи и не заслуживало разумнаго любопытства.

Образованныхъ молодыхъ людей каждый годъ требовали на государственную службу и определяли къ безчисленнымъ должностямъ. Слѣдить ихъ на разныхъ путяхъ политической дѣятельности — принадлежность исторіи: здѣсь мы ограничимся только нѣкоторыми чертами домашней жизни. Но и среди этихъ семейныхъ сценъ мы все же не можемъ потерять изъ виду императоровъ съ ихъ указами. Власть императора обнимала все, отъ перваго вельможи до послѣдняго мѣщанина въ имперіи. Ничто на разныхъ ступеняхъ общественной дѣятельности не было ни столько малымъ, ни столько великимъ, чтобы въ состояніи было ускользнуть отъ этой правительственной силы. Провинціальные губернаторы и камергеры, врачи, архитекторы, словомъ, всѣ, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, имѣли свою долю въ великой императорской администраціи. Оставляя высшія сословія исторіи, сообщимъ здѣсь нѣсколько интересныхъ подробностей о среднихъ классахъ.

Мы начнемъ съ врачей. Ихъ сословіе уже нѣсколько вѣковъ пользовалось общественнымъ уваженіемъ. Привилегіи, имъ данныя, были, правда, утверждены еще Августомъ, но время придавало имъ большую важность и значеніе. Нѣкоторыя частныя права предоставлены были профессорамъ медицины, которыхъ называли *iātrософистами*, *iātrоσοφισται*. Между практикующими врачами первое мѣсто занимали *архіатры*, *ἀρχιάτροι*; служившіе при дворѣ часто причислялись къ высшему сословію и назывались *comites primi ordinis*. Ихъ возводили даже въ достоинство сенаторовъ, не давая, впрочемъ, должностей, соединенныхъ съ этимъ званіемъ; случалось, что иногда посылали ихъ губернаторами въ провинціи (1). Другіе врачи, также подъ именемъ архіатровъ, должны были завѣдывать медицинскою частію въ различныхъ кварталахъ столицы. Для каждаго квартала назначали одного врача, выбираемый обыкновенно медицинскимъ совѣтомъ съ высочайшаго соизволенія. Архіатръ получалъ жалованіе городского префекта, и вполне обезпеченный, долженъ былъ во всякое время, безъ отговорокъ, помогать бѣднымъ. Замѣчательно, что казеннымъ врачамъ запрещалось брать отъ пациентовъ вознагражденіе, предлагаемое во время самой болѣзни, и уже только по выздоровленіи имъ позволительно было брать отъ пациента плату за труды.

(1) Codex Theodos. Lib. XIII. tit. III, cap. 4.

Св. Григорій Назіанзинъ, разсказывая о своемъ братѣ, врачѣ Цезаріи, говоритъ, что тотъ учился, между прочимъ, арифметикѣ, геометріи и астрономіи «столько, сколько было нужно (1)». При отсутствіи твердыхъ началъ и при всей поверхности, древняя система воспитанія требовала, по крайней мѣрѣ, энциклопедическихъ свѣдѣній отъ всякаго, кто приготовлялъ себя къ важнымъ должностямъ. У Люціана выходятъ чуть не каррикатура, когда онъ объявляетъ, что хорошій танцмейстеръ долженъ знать весь искусства и науки, за исключеніемъ развѣ логики и исторіи, по крайней мѣрѣ отъ хаоса до Клеопатры (2). Такихъ же свѣдѣній требуетъ Витрувій отъ молодого архитектора: кромѣ исторіи, искусства и наукъ, по его понятіямъ, не мѣшаетъ архитектору хорошенько изучить курсъ нравственной философіи, правовѣдѣнія, физики и даже астрономіи (3). Но, что касается до врачей, энциклопедическія свѣдѣнія не мѣшали имъ иной разъ прибѣгать къ такимъ вспомогательнымъ средствамъ, которыя, конечно, не слишкомъ уважаютъ новѣйшая медицина. Если, на примѣръ, пациентъ бунтовалъ противъ медицинскаго рецепта, заботливый врачъ лучшимъ средствомъ убѣжденія считалъ *частые поцелуи* (4)!... Но, что всего страннѣе, лѣти вскулана лечили отъ лихорадки и отъ ранъ посредствомъ заговоровъ и амулетовъ, которые привязывали къ больному члену (5). Вся эти штуки, по нашимъ понятіямъ, верхъ нечеловѣчности; но въ четвертомъ вѣкѣ считали ихъ не гаупостью или шарлатанствомъ, а навожденіемъ дьявола, и бѣдный больной, чтобы очистить душу отъ грѣха, просилъ пріятелей своихъ молиться за него по воскресеньямъ.

Такъ какъ правовѣдѣніе давало доступъ ко всемъ публичнымъ должностямъ, то для изученія его и вспомогательныхъ наукъ требовалось, при академическомъ воспитаніи, несравненно больше времени, чѣмъ для всѣхъ другихъ профессій. Нельзя было и думать раньше двадцати пяти лѣтъ овладѣть юридическою мудростію, о которой толковалъ въ Беритѣ (6). Этотъ Беритъ, или нынѣшній Бейрутъ, метрополія древняго права, былъ ничто иное, какъ провинціальный городъ, подвѣдомственный Тпру, финикійской столицѣ. Онъ славился настолько юриспруденціей, но и торговлею, потому что оттуда вывозили тврійскую пурпуровую краску. Нѣкоторое время онъ тоже сла-

(1) Greg. Naz., Orat. X. p. 163.

(2) Lucianus. De saltatione. t. 5. p. 146.

(3) Vitruvius, lib. 1. cap. 6.

(4) Chrysost. ad Populum Antiochenum homil. III. t. 2, p. 50.

(5) Chrysost. adversus Judaeos, homil. VIII. t. 1, 838.

(6) Codex Theodos., Lib. XI. tit. 1, 19.

вился гладиаторскими битвами ⁽¹⁾: странное соединеніе юридических началъ съ безчеловѣчнымъ зрѣлищемъ страданія и смерти. Константинъ рассчиталъ весьма основательно, что вѣтъ надобности заранее ожесточать молодья сердца будущихъ представителей строгаго правосудія, и его знаменитый указъ, изданный въ самомъ Беритѣ, уничтожилъ это варварское препровожденіе времени. Съ той поры молодые люди должны были довольствоваться циркомъ и театромъ, и эти увеселительныя зрѣлища, благодаря ихъ дружному содѣйствію, скоро были возведены въ тирійскомъ мірѣ на высокую степень совершенства. Но молодые беритскіе юристы умѣли соединить науку съ удовольствіемъ: одинъ старинный писатель говоритъ, что городъ этотъ былъ чрезвычайно веселый, *valde delitiosa*, и что сюда, въ академическія залы, переносились изъ Рима всѣ *знаменитые процессы*, чтобы обсудить ихъ съ большимъ талантомъ и правдивостію. Изъ этой школы выходили ученые адвокаты, которыхъ потомъ дѣлали помощниками провинціальныхъ губернаторовъ, и эта должность была ихъ главнѣйшимъ назначеніемъ: эти провинціальные губернаторы, безъ разбора выбираемые изъ всѣхъ сословій, вообще плохо знали юридическую часть, и не будь у нихъ подъ рукою свѣдущихъ помощниковъ, затрудненія могли бы встрѣчаться на каждомъ шагѣ, при самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ. Отыскать опытныхъ юристовъ въ самой провинціи было трудно, и Беритъ былъ главнѣйшимъ источникомъ, къ которому обращались.

Константинъ, въ 333 году, издалъ такой указъ: «Намъ нужно много архитекторовъ, а у насъ ихъ вѣтъ. Ваше превосходительство (губернаторъ африканской провинціи), имѣете поощрить къ изученію сего искусства восемнадцати-лѣтнихъ молодыхъ людей, получающихъ свободное образованіе». Число этого указа показываетъ всю заботливость Константина о новой столицѣ, которую хотѣлъ онъ украсить всѣми выгодами искусства. Онъ предлагаетъ освободить «этихъ молодыхъ людей съ ихъ семействами отъ всѣхъ настоящихъ повинностей и назначить ихъ профессорамъ приличное жалованье» ⁽²⁾. По другимъ распоряженіямъ Константина и Констанса, дарованы были личныя привилегіи всѣмъ инженерамъ, съемщикамъ плановъ, строителямъ и ремесленникамъ. Такъ какъ городскія работы продолжались очень долго и занимали множество рукъ, то этотъ порядокъ вещей необходимо долженъ былъ имѣть вліяніе на нравы и привычки вароловаселенія.

Вся эта дѣятельность занимала значительную часть средняго со-

(1) Codex Theodos., Lib. XV, tit. XII. .

(2) Codex Theodos., Lib. XIII, tit. IV, 1, 2, 3.

словія. Любопытно было бы научить основной характеръ, отличающій это сословіе отъ высшаго и богатаго класса ; но должно думать , что среднее сословіе, успешно или нѣтъ, всегда старалось подражать высшему, употребляя, по обыкновенію, вся возможныя усилія, которыя, конечно, были постояннымъ источникомъ раздраженія и неудовольствій, этихъ бичей мѣщанскаго честолюбія. Молодой человекъ, по выходѣ изъ университета, вступаетъ въ свѣтъ. Съ чего ему начать ? Съ женитьбы, отвѣчаетъ св. Златоустъ. — Избави Богъ, кричатъ папеньки и маменьки ; но святитель , въ эту эпоху, имѣлъ весьма основательныя причины защищать свое мнѣніе. «Какъ скоро сынъ вашъ вырастетъ, позаботьтесь прежде всего женить его, и потомъ пусть онъ вступаетъ въ военную службу или выбираетъ другое званіе. Если увидать онъ , что вы непременно хотите ему дать жену, очень вѣроятно, молодой человекъ останется добродѣтельнымъ ; но если, напротивъ, найдетъ онъ, что вы рѣшаетесь ждать , пока ему можно будетъ содержать хорошій домъ, онъ равно откажется и въ женитьбѣ и въ добродѣтели. — Но, говорите вы, нашему сыну должно сперва получить извѣстность и значеніе въ свѣтъ. — А развѣ ничего для васъ не значитъ спасеніе души, если вы жертвуете своимъ дѣтищемъ мелкимъ расчотамъ суетнаго самолюбія» (1) ? Замѣтимъ здѣсь, что раннія вступленія въ бракъ и возрастаніе народонаселенія въ эту эпоху далеко не дошли до такого состоянія , чтобы могли сдѣлаться предметомъ опасенія для современныхъ экономистовъ. Приращенія семействъ отнюдь не считались бѣдствіемъ для государства , и древніе римскіе законы всячески поощряли ранніе браки. Константинъ подтвердилъ эти законы, въ 324 году : по его указу (2), отецъ пятерыхъ дѣтей освобожденъ былъ отъ всякой личной службы въ отношеніи къ государству, съ обязательствомъ отдавать правительству одного изъ сыновей. Вслѣдъ за тѣмъ Юліанъ издалъ весьма странный законъ, который долженъ озадачить новѣйшихъ поборниковъ теоріи Мальтуса. Гражданинъ, имѣющій тринадцать дѣтей , ни о чемъ не долженъ заботиться. «его не будутъ больше требовать въ курію , и онъ можетъ наслаждаться самымъ почетнымъ спокойствіемъ , *honoratissima quiete donetur* (3)». Константинъ живѣйшимъ образомъ желалъ увеличить народонаселеніе столицы : онъ вызвалъ изъ Рима сенаторовъ и, по словамъ Евсевія, готовъ былъ обезлюдить для Византіи вся другіе города *«dedicatur paene omnium urbium*

(1) Chrysost. in Epist. I. ad Thessal., cap. 4, homil. V. — id. in Mattheum, homil. LIX, t. 7, 680.

(2) Codex Theodos., Lib. XII, tit. XVII, 1.

(3) Codex Theodos., Lib. XII, tit. 1, seit. 55.

nuditate». При всемъ томъ константинопольское народонаселеніе никогда не могло сравниться съ народонаселеніемъ древняго Рима, Лондона или даже Парижа. Большинство жителей составляли христіане, а ихъ, по словамъ Златоуста, было всего до ста тысячъ (1). Стало быть, вѣтъ ничего удивительнаго, если императоры, содѣйствовавшіе къ распространенію монастырей, хотѣли въ тоже время, чтобы мірскіе люди дѣятельнѣе занимались обязанностями супружества и увеличеніемъ своего потомства.

Послушаемъ теперь, что совѣтуетъ великій проповѣдникъ относительно женитьбы сыновей. «Вы вовсе не обращаете вниманія, говоритъ онъ, на добродѣтель вашего сына: вамъ только хочется, чтобы онъ былъ богатъ. Но берегитесь! И безъ приданнаго многія жены заражены тщеславіемъ и гордостію; что же сказать о тѣхъ, у которыхъ богатое приданое? Цѣль супружества, конечно, не та, чтобы превратить свой домъ въ поле сраженія (πολέμου καὶ μάχης), и однакожъ, какъ часто случается, что при богатомъ супружествѣ, рѣдкій день проходитъ безъ ссоры! Даже прислуга не пропуститъ случая насчетъ вашъ дать пищу своему злословію. «Посмотрите-ка на нашего барана: вѣдь прежде былъ онъ просто нищій и ходилъ въ лохмотьяхъ; онъ и его семяство вышли изъ грязи, и теперешнія деньги взялъ онъ за нашей барышней». Вся эти сплетни дойдутъ до вашихъ ушей, но не поразятъ васъ, потому-что въ васъ вѣтъ болѣе стыда. Но на мой взглядъ, лучше, въ тысячу разъ лучше всю жизнь оставаться бѣднякомъ, чѣмъ получить богатство отъ жены». Другія замѣчанія проповѣдника имѣютъ общее приложеніе. «Мужъ и жена не должны опрометчиво вдаваться въ подозрѣнія насчетъ другъ друга. — Правда, иной разъ мужъ цѣлый день проводитъ съ пріятелями и возвращается домой очень поздно: благоразумная жена удержится отъ всякаго непріятнаго замѣчанія на этотъ счетъ; но и мужъ, въ свою очередь, не долженъ оскорбляться, если бы вздумалось ей сдѣлать упрекъ. Хозяйство и управленіе прислугою между мужемъ и женою должны быть раздѣлены поровну, и одинъ пусть не вмѣшивается въ половину другого: жена должна имѣть исключительный надзоръ надъ служанками, а мужъ надъ слугами» (2). Однакожъ, случались въ хозяйствѣ такіа непріятныя сцены, которыхъ предупредить было трудно (3). Вотъ, между прочимъ, обратчикъ маленькой рѣчи, произнесенной, безъ сомнѣнія, въ супружеской спальнѣ: «Посмотри хоть на нашего сосѣда: вѣдь человѣкъ онъ самый ничтожный (ὁ δὲ δούλος ταπεινός

(1) Chrysost. in Acta Apostolorum, homil. XI, t. 9. p. 108.

(2) Quales ducendae sint uxores, III, t. 3, 261.

(3) In Epist. ad Ephes., cap. 5, homil. XX, t. 11, 175.

καὶ ἐκ ταπεινῶν), да и родителей-то его были преупустѣйшіе люди. Но онъ готовъ на все, хлопочетъ безпрестанно, суетится, и умѣлъ нажить себѣ отличное состояніе. Жена его ходитъ въ золотѣ, вѣзетъ куда угодно на бѣлыхъ мулахъ, въ сопровожденіи опрятныхъ служанокъ и приличной толпы евнуховъ. А ты, пустая, безмозглая голова (*Χανδρὴ καὶ δεῖλῃ*), сидишь себѣ, какъ прокаженный въ своей трущобѣ! Ахъ, я горемычная!» Жена, съ важностію продолжаетъ святитель, отнюдь не должна позволять себѣ такихъ выраженій; но и въ противномъ случаѣ, мужу все таки не слѣдуетъ ее бить: всего лучше переждать бурю и постепенно успокоивать супругу.

Но вотъ молодой человекъ спѣшилъ вступить въ бракъ. Послѣ выбора супруги всего труднѣе было отыскать приличное жилище. Домъ порядочнаго, чиновнаго человека не долженъ былъ стоять рядомъ, стѣна обѣ стѣнѣ съ другими домами. Знатный домъ, окруженный перистелемъ или оградой, былъ настоящее дачею среди города, *rus in urbe*: на огромномъ дворѣ, среди котораго струился фонтанъ, были посажены изящныя деревья и рѣдкія растенія: по аллеямъ, въ различныхъ направленіяхъ, красовались богатые памятники древняго искусства⁽¹⁾. Потолокъ въ комнатахъ поддерживали колонны и пиластры съ вызолоченными капителями, стѣны были облеплены мраморомъ, полъ украшался богатѣйшею мозаикой. Впрочемъ, бесполезно останавливаться на этихъ подробностяхъ, потому-что, въ этомъ отношеніи, не было большой разницы между Константинополемъ и другими городами, гдѣ римская роскошь соединялась съ греческою. Золото и серебро расточались безъ всякаго разбору, и нѣкоторое особое употребленіе этихъ драгоценныхъ металловъ возбуждаетъ справедливое негодованіе святого Златоуста: это — ночныя серебряныя вазы, *ἀμίδες*, которыя святитель могъ видѣть въ лавкахъ *агоры*. «Я вижу», говорятъ онъ:—«вы поражены монми упреками, и есть отчего. Это непристойно, безчеловѣчно, грубо. Если женщины не перестанутъ владаться въ эти глупости, онъ окончательно сдѣлаюся чудовищами. У нихъ, пожалуй, доставетъ духу вызолотить свои волосы, губы, брови. Какъ жаль, что у нихъ нѣтъ, какъ у персидскаго царя, длинной бороды: онъ покрыли бы ее листовымъ золотомъ! Объявляю, если вы не перестанете такъ вести себя, я запрещаю вамъ входить въ церковь⁽²⁾.» Въ учености тоже была своя роскошь, какъ въ женскомъ кокетствѣ. Не входя въ мелочныя подробности, ска-

(1) Гейзе, въ единнадцатомъ томѣ своихъ *Commentationes Göttingenses*, р. 3. собралъ длинный рядъ константинопольскихъ статуй; но онъ только пересчитываетъ имена.

(2) Chrysost. in Epist. ad Coloss., cap. III, homil. VII, t. 11, 435.

жемъ, что любителям книгъ, которыхъ, впрочемъ, было немного, — особенно старались добывать манускрипты на тонкой бумагѣ (¹), написанные изящными буквами и богато раскрашенные. Счастливое изобрѣтеніе иллюстрированныхъ библій и молитвенниковъ принадлежатъ Константинополю.

Но загромождая комнаты роскошной мебелью и предметами любопытства, Византіяцы мало звали общественныхъ удовольствій. Игры въ циркъ, гипнодромъ, прогулки по *азоръ* въ блистательномъ экипажѣ, — ночь и вся ихъ развлеченія. Вечера или домашнія собранія были, по всей вѣроятности, ужасно скучны, если представимъ, что молодые члены семейства были совершенно исключены изъ общества, а другіе не имѣли этихъ прекрасныхъ талантовъ, которые придаютъ прелесть нашимъ новѣйшимъ собраніямъ: уже прошло то счастливое время, когда музыка составляла существенную часть при воспитаніи свѣтскаго чловека, и дамы не умѣли ни пѣть, ни играть на музыкальныхъ инструментахъ. Поэтому нечего говорить о частныхъ собраніяхъ въ Константинополѣ, за исключеніемъ развѣ объядовъ, которые, безъ сомнѣнія, открывали обширное поприще изобрѣтательному гению праздныхъ и богатыхъ Византійцевъ. Ихъ предки были совершенные обжоры: всѣ блюда были у нихъ приправлены полынью, чеснокомъ или имѣли вкусъ соленой воды. Они пожирали такое множество молодыхъ тунцевъ, что все ихъ тѣло, по словамъ Дифила (²), принимало оттого масляный видъ и, казалось, должно было растопиться въ мягкую, липкую массу. Въ эту эпоху общаго варварства было общимъ обыкновеніемъ пьянствовать въ кабакахъ: Византіяцы развратили даже сосѣдей своихъ, Халкедонянъ, такъ что все народонаселеніе начало пьянствовать напрапалу. Но наконецъ, проникли на востокъ нравы болѣе изящныя, и если Византіяцы сохранили еще тайную склонность къ вакхическимъ изліаніямъ, — это были уже остатки прежней страсти (*veteris vestigia flammæ*). Высшій классъ любилъ роскошный столъ, и этотъ вкусъ былъ у нихъ доведенъ до соблазнительныхъ крайностей; впрочемъ, они старались болѣе удовлетворить хвастливому тщеславію, чѣмъ грубой чувственности. По недостатку мѣста, мы не можемъ здѣсь подробно описывать этотъ *дилюсофизмъ*, или философію греческаго стола: издатели европейскихъ сатирическихъ романовъ далеко, въ этомъ отношеніи, не воспользовались всеми матеріалами, какіе могли отыскать у историковъ Константинополя.

Есть ли какое нибудь сходство между византійскимъ амфитріономъ,

(¹) Chrysost. in Iohannem, homil. XXXII, t. 8, p. 216.

(²) Apud Athenæum, lib. IV, cap. 9, t. 2, p. 21 (Schweighauser).

который повѣсничаетъ подъ портьками зевксиповыхъ бань, и современныи намъ свѣтскимъ человекомъ? Если читателя обратятъ вниманіе на одну только наружность, отвѣтъ будетъ отрицательный. Точно, матерія и покрой платья не имѣютъ ничего общаго съ нашимъ костюмомъ. Въ жаркое время, византійскій щоголь весь былъ покрытъ шолкомъ; напротивъ, въ дождливую погоду, когда улицы были грязны, онъ пышно развѣзжалъ на своей колесницѣ, какъ англійскій милордъ: эту смѣшную роскошь и напыщенный видъ *мльщанина en deor liestel* ихъ древніе предки окрестили именемъ βακαλοία. «Гордый богачъ», говоритъ св. Златоустъ: — «хмурить брови, выдается впередъ на своей колесницѣ и хочетъ, по видимому, достать своимъ челомъ до облаковъ. Если ѣдетъ онъ верхомъ, толпы лекторовъ прочищаютъ дорогу черезъ агору, какъ будто весь свѣтъ долженъ бѣжать, при его приближеніи. Волки и львы болѣе общительны: они всегда ходятъ гурьбой, а богачъ дѣлаетъ около себя пустыню.» Мужчина не могъ показываться въ публикѣ безъ своихъ рабовъ, точно также, какъ женщина не выезжала безъ муловъ ⁽¹⁾: лишь только показывалъ онъ голову, насмѣшки сыпались градомъ, и рабы должны были защищать своего барина. Золотая узда ⁽²⁾ красовалась на лошадиной шеѣ, и вся прислуга носила вызолоченую ливрею. Самъ баринъ весь былъ въ золотѣ, отъ пояса до башмаковъ. На этихъ башмакахъ, или сандаляхъ намъ нужно пріостановиться на минуту. Изъ частей костюма, древній щоголь всего менѣе согласился бы оставить безъ вниманія свои башмаки: можно даже сказать, любовь къ обуви была у Грековъ какимъ-то врожденнымъ чувствомъ ⁽³⁾; голось философовъ оставался безсильнымъ противъ этой страсти, заражавшей всѣхъ — и государственныхъ людей ⁽⁴⁾ и глубокомысленныхъ ученыхъ. Аристотель заботился о своихъ ногахъ столько же, сколько о волосахъ; къ чему же быть намъ строгими противъ этой странности четвертаго вѣка?

Но св. Златоустъ не такъ смотрѣлъ на дѣло. Вотъ его слова: «Всмотримся глубже въ этотъ предметъ. Не смѣшны ли вы въ самой высокой степени, когда вдвѣваете въ ваши башмаки эти шолковыя нити, которыхъ, собственно говоря, не должно бы быть и на нашихъ плащахъ? Строятъ корабли, ванимаютъ гребцовъ и кормчихъ, выпускаютъ паруса и переплываютъ океанъ; купецъ оставляетъ жену, дѣтей, родину, отдаетъ себя на произволъ морскихъ волнъ, — и все

(1) Chrysost. in Iohannem, LXXX, t. 8, 544, 545.

(2) Chrysost. in Psalmum XLVIII, t. 5, 627.

(3) См. платонова Федона.

(4) Athenens, lib XII, cap. 47.

это для того, чтобы привести шолоковыхъ нитокъ для вашихъ башмаковъ! Когда же думать о спасеніи души этому человеку, который весь погруженъ въ разсматриваніе шолка, его цвѣтовъ и особыхъ оттѣнковъ отъ извѣстнаго расположенія нитокъ? Нѣтъ ему времени заботиться о небѣ, и между тѣмъ, какъ бѣгаетъ онъ на цыпочкахъ по *агоръ*, душа его ушла въ грязь. Онъ самъ на себя навьючиваетъ безчисленные заботы и хлопоты: зимой боятся онъ, какъ бы не попасть въ грязь, лѣтомъ — какъ бы не заплыть дорогóй обуви. Другъ ты мой! какъ это могутъ мучить тебя твои башмаки? Узнай ихъ настоящее употребленіе: башмаки сдѣланы для того, чтобы предохранять ноги отъ грязи и другихъ нечистотъ; если этого тебѣ не довольно, возьми ихъ въ руки или повѣсь на шею, или, пожалуй, носи на головѣ (1).»

Византійцы были очень суевѣрны насчетъ правой ноги: ее обували первую и также первую приводили въ движеніе. «Этотъ подлый рабъ, надѣвая на меня башмаки, началъ съ лѣвой ноги, — Боже избави отъ какого нибудь несчастья! — Сегодня, выходя на улицу, я прежде ступилъ лѣвою ногой, — ужъ навѣрно случится какая нибудь бѣда. А на улицѣ вдругъ зачесался у меня правый глазъ, — быть слезамъ! — Ревъ осла, крикъ цытуха, чиханье, первая встреча съ хромымъ или кривымъ, — все это предвѣщало неминуемую бѣду. Но хуже всего столкнуться на дорогѣ, лицомъ къ лицу, съ монахиней, — тогда конечно: во весь день не приобрѣту ни обола! — Вотъ, если бы я встрѣтился съ какою нибудь прелестницей (*πέρρη*), это иное дѣло: ужъ тогда навѣрно выручилъ бы сто процентовъ!» — «Вижу», продолжаетъ святитель: — «вы закрываетесь отъ стыда, ударяете свое чело, и вамъ хотѣлось бы провалиться сквозь землю; но стыдиться должно не словъ, а своихъ поступковъ. Чтобы избавиться отъ этого воображаемаго зла, вы къ ногамъ и головѣ привязываете наговоры, амулеты, имена рѣкъ и мѣдныя монеты Александра великаго! Ученики креста ожидаютъ спасенія отъ изображеній языческаго государя (2)!»

Форма и украшеніе экапажа показывали достоинство владѣльца. Императоръ Осодосіи считалъ за нужное войти въ нѣкоторыя подробности по этому предмету. По его указу (3), въ Константинополѣ, *въ семь градъ sacratissimi nominis*, гражданскіе и военные чиновники, по выходѣ въ отставку, должны были вообще вздѣть въ *каррукъ*, запряженной въ двѣ лошади. Эта *carruca*, усовершенствованіе древней *rheda*, была вѣроятно крытая таратайка о двухъ колесахъ. Же-

(1) Chrysost. in Mattheum, homil. VLIX, t. 7, 574.

(2) Chrysost. ad illuminandos Catechosis, lib. III, t. 2, 287; также in Epist. ad Ephes., cap 4, homil. XII, t. 11, 108.

(3) Codex Theodos, Lib. XIV. tit. XII, lex. 1.

лавшіе пошеголять этимъ экипажемъ строили его какъ можно выше, чтобы онъ хоть сколько нибудь походилъ на почетный и огромный *carpentum*. Ни одинъ эксмавистръ не имѣлъ права употребить этотъ *carpentum*, и только императоръ съ высшими государственными сановниками ѣздилъ въ почетномъ экипажѣ. *Carpentum* Константина было покрытъ золотомъ и драгоценными камнями; другіе просто облеплены были золотомъ и серебромъ. Боялись, чтобы такой великолѣпный и грандіозный экипажъ не вскружилъ головы константинопольскимъ дамамъ, вообще расположеннымъ къ неумѣренной гордости: только одна императрица имѣла право ѣздить по городу четверней въ богатѣйшемъ *carpentum*, между тѣмъ какъ ѣздить на четырехъ лошадяхъ во всякомъ другомъ экипажѣ было запрещено.

Эта необходимая роскошь, при тогдашнемъ политическомъ устройствѣ, была единственнымъ каналомъ, куда стекались большія имѣнія. Для людей съ живымъ темпераментомъ, требовавшимъ сильнѣйшихъ развлеченій, были еще конскія скачки и вгорные столы. Впрочемъ, на откуда не видно, чтобы Византійцы имѣли пристрастіе къ игрѣ. Кости и шашки были почти во всѣхъ домахъ, но ихъ употребляли только для препровожденія времени, а не для удовлетворенія страсти (1). Сидя на *агоръ*, въ этомъ раю древнихъ Грековъ, жители Константинополя спокойно наслаждались своимъ прелестнымъ климатомъ и удовольствіемъ бесѣды, всегда обращенной на ежедневныя приключенія. Обязанность ходить въ баню также поглощала часть времени; тѣ, у кого не было своихъ бань, должны были посѣщать публичныя, но по возвращеніи домой, они всегда предавались на нѣсколько часовъ спокойному бездѣйствію. Эти заботы значительно сокращали длинные дни, потому-что, по обыкновенію, ходили въ баню по два раза въ сутки. Когда упрекали Сивинія за слишкомъ частое употребленіе бань, онъ въ оправданіе отвѣчалъ, что пользуется этимъ наслажденіемъ всего только по два раза на день (2).

Гиббонъ описалъ намъ привычныхъ посѣтителей гипподрома и все неистовство ихъ страсти. Св. Григорій Назіанзинъ сравниваетъ ихъ съ учениками софистовъ. «Посѣтители цирка», говоритъ онъ:—«не такъ бѣшены. Здѣсь, на этихъ скачкахъ, зрители прыгаютъ, кричатъ изо всей мочи, бросаютъ въ воздухъ пылью и, воображая, будто сами управляютъ колесницей, бьютъ руками воздухъ и вмѣсто плетки кулаками погоняютъ лошадей, хотя, разумѣется, вся эта ярость ни къ чему не ведетъ. И кто же такъ ведетъ себя? Бѣдники, нишіе, которые иной разъ въ цѣлыя сутки нечего перекусить». Бѣдность, за-

(1) Chrysost. ad Johannem, homil. XXXII, t. 8, p. 218.

(2) Sozomen. lib. VIII, cap. 5.

нѣтъ, должности, — всѣмъ этимъ жертвовали для гипподрома (1). «Городъ, по словамъ св. Златоуста, валить туда толпами, какъ будто всѣ съ ума сошли: въ домахъ пусто, на *агоръ* нѣтъ ни души. Скамейки заняты всѣ, и народъ взгромоздился на чердаки, на кровли домовъ, расположился на холмахъ. Недуги тѣла болѣе не останавливаютъ, и нерѣдко старики, къ стыду своихъ сѣдинъ, бѣгутъ на зрѣлище сломя голову, какъ будто молодые люди въ цвѣтѣ возраста. Въ церкви стоять разсыянно, скучаютъ, имѣютъ больной видъ, жалуются на недостатокъ мѣста, на духоту, и прочее; въ гипподромѣ толкаются, жмутся, давятъ другъ друга ногами, терпятъ всѣ возможные непріятности, и между тѣмъ, всей этой публикѣ такъ хорошо, какъ будто расположилась она на зеленомъ коврѣ.» Гипподромъ былъ безъ кровли и даже, кажется, безъ занавѣса; при всемъ томъ, ни проливной дождь, ни сильный вѣтеръ, ни зной палящаго солнца, ничто не могло остановить охотника до этихъ зрѣлищъ: несмотря ни на какую погоду, ни на какое равстояніе, каждый спѣшилъ на гипподромъ и проводилъ тамъ большую часть дня подъ вліяніемъ лихорадочныхъ впечатлѣній, производимыхъ конской скачкой. Но время года, назначаемое для этихъ игръ, придавало имъ характеръ еще болѣе важный. Мало того, что нарушалась для нихъ торжественность поста, даже день распятія Христова не былъ уваженъ. «Можетъ ли быть это терпимо? восклицаетъ святитель. Даже въ нынѣшній великій день нашлись люди, которые бросили наше собраніе и помчались по городу съ крикомъ, шумомъ, безумнымъ хохотомъ, который не замедлитъ обратиться въ плачь. Я слышалъ эти крики изъ глубины своего дома, и печаль, страшная печаль моряка, сраженнаго бурей, овладѣла моимъ сердцемъ. Я слышалъ, какъ на верхнихъ скамейкахъ рукоплескали вельможи и какъ на низу простой народъ подстрекалъ кучеровъ. И все это въ апостольскомъ городѣ, тамъ, гдѣ проповѣдывалъ св. Андрей, гдѣ находятся ученики Христовы! И все это въ тотъ день, когда умеръ Спаситель за грѣхи міра, когда отверзлись врата райя передъ страданіями сей великой жертвы, когда проклятiе было снято съ рода человеческого, миръ заступилъ мѣсто нескончаемой брани, совершилось примиреніе между Богомъ и человекомъ, когда все облеклось въ свое первоначальное сіяніе!» И чтобы довершить полноту нечестія, на другой же день назначены были театральныя представленія; грѣшный міръ «бросался изъ огня въ полоня, изъ одной пропасти въ другую, болѣе глубокую». — «Ваши актрисы выходятъ на сцену въ парчевыхъ платьяхъ; ихъ походка звѣженна и сладострастна; ихъ соблазнительныя пѣсни сопровож-

(1) Chrysost. de Anna, serm. IV, t. 4, 846.

даются діалогомъ съ грубыми двусмысленными выраженіями. И все это слушаете (1)! Такъ оканчивался въ Константинополѣ великій постъ, въ 399 году. Съ наступленіемъ Пасхи начались новыя игры въ гипподромѣ; но тутъ случилось непріятное приключеніе. Въ праздникъ принималъ участіе одинъ преторскій офицеръ, у котораго на другой день назначена была свадьба: кучера, перегоня одинъ другаго, наскakали на несчастнаго жениха, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ увернуться, и въ одно мгновеніе голова отдѣлилась отъ туловища; изуродованную жертву перенесли въ новый домъ, убранный для брачной церемоніи, и вся *агора* огласилась воплемъ и рыданіями отчаянныхъ женщинъ.

Театръ раздѣлялъ съ гипподромой общественную благосклонность, но онъ не былъ исключительно назначенъ для драматическихъ представленій: музыканты, борцы, даже ораторы выказывали тутъ свои таланты передъ публикою (2). Чтожь касается до самыхъ драматическихъ представленій, можно думать, вкусъ публики былъ въ это время совершенно испорченъ. Визавтійцы еще говорили языкомъ великихъ писателей древней Греціи, и образцовыя произведенія были передъ глазами, но они уже потеряли способность ими наслаждаться. Сценой овладѣли блистательныя престелницы, которыя съ отменнымъ искусствомъ разнообразили средства обольщенія, являясь иной разъ на сцену *in puris naturalibus* (3). Пьесы и пѣсни были достойны актрисъ: ихъ исключительнымъ предметомъ сдѣлались неопозволительныя интриги, въ концѣ которыхъ когонибудь въшали, и это было любимую развязкой для тогдашней публики. Въ оркестрѣ собирались все роды фигляровъ и фокусниковъ. Константинъ уничтожилъ гладіаторскія битвы; вмѣстѣ съ этимъ и звѣриная травля утратила отчасти свой популярный характеръ. Дикихъ звѣрей было еще довольно, но они уже не возбуждали прежняго удивленія, хотя по императорскимъ указамъ снабжали звѣриый городъ доставкой этихъ животныхъ. Еще разъ (4) опустошены были берега Египта для наполненія императорскихъ амфитеатровъ, но перемена въ характеръ жителей обнаружилась даже въ обращеніи съ животными, и ручныхъ львовъ предпочитали дикимъ. Прежде, доставка звѣрей стоила огромныхъ издержекъ многочисленнымъ городамъ, по которымъ ихъ вели; случалось, что въ одномъ городѣ останавливались отъ трехъ до четырехъ мѣсяцовъ. Феодосій младшій прекра-

(1) Chrysost. contra ludos et theatra, t. 6, 315. id. in illud; pater meus, t. 53. p. 539.

(2) Chrysost. in Johannem, homil. 1, t. 8, p. 1, 2.

(3) Chrysost. in Epist. l. ad Thessal., cap. 4, homil. 17, t. 11, 538.

(4) Codex Theodos., Lib. XV, tit. XI, lex 11.

тиль эти злоупотребленія, запретивъ больше недѣли останавливаться съ звѣрями въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Въ сочиненіяхъ св. Златоуста часто идетъ рѣчь объ *агорѣ*. Все, что имѣло порядочный видъ, выставлялось на этой огромной площади, и все, чего не было на ней, считалось ничтожнымъ. Зѣваки проводили здѣсь большую часть дня, гуляли, отдыхали, смотрѣли съ одинаковымъ удовольствіемъ на свадебный поездъ и на пышный похоронный конвой ⁽¹⁾, на штуки какого нибудь шарлатана и на процессію преступника, ведомаго на казнь въ сопровожденіи низкой черни. Ротозен забавлялись особенно афишами, извѣщавшими о побѣгѣ рабовъ. Но каково бы ни было разнообразіе *агоры*, всякій разъ — какъ по крайней мѣрѣ св. Златоустъ провѣждалъ по этой площади — можно было встрѣтить собраніе еретиковъ. «Вы непременно ихъ узнаете: они толпятся маленькими кучами, съ нахмуренными бровями, съ таинственнымъ видомъ, и приторнымъ языкомъ передаютъ одинъ другому язвительныя и каварныя замѣчанія; притомъ лицо у нихъ постоянно желтое и сердитое (*πέλιον ἔχουσι τὸ χροιά*). Все это получили они въ наследство отъ несчастнаго своего начальника (Евномія), и ужь, конечно, никакое медицинское свидѣніе не возвратитъ имъ потеряннаго здоровья ⁽²⁾».

⁽¹⁾ Chrysost. t. 2, p 831; de Droside, Mastyre.

⁽²⁾ Philostorgius, historia ecclesiastica, t. 3, 594 (Valeis).

III.

МОСКВА, поэма въ лицахъ и дѣйствіи, въ 5-ти частяхъ. Н. В. Сушкова. Москва. 1847.

Слово о Вѣщемъ Олгѣ, соч. Д. Миняева. Спб. 1847.

СТРАШНЫЙ ГОСТЬ. Литовская поэма, взятая изъ народныхъ повѣрій. Варшава. 1844.

Съ нѣкотораго времени русскій читатель непростительно измѣнился: онъ сдѣлался положителенъ, сухъ, чорствъ, — словомъ, равнодушенъ къ стихамъ. У него была душа въжная и чувствительная: онъ проливалъ токи слезъ, читая не только «Чернеца» и «Наталью Долгорукую», но и вся безъ разбора подражанія имъ, пѣлъ заунывнымъ голосомъ «Черную шаль», былъ столько въжесъ и сострадателенъ, что даже принималъ живое участіе въ одной преступной дѣвѣ, которая «подъ вечеръ ненастной осенью шла въ пустынныхъ мѣстахъ» —

•И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ грешетныхъ рукахъ», —

участіе, которое, при его неукоризненной нравственности, должно было стоить ему много внутренней борьбы и муки.... Стремленія у него были самыя возвышенныя, превыспреннія: онъ безкорыстно упоялся за поэтось *туда*, утопалъ въ вѣпръ и не спорилъ съ поэтами, твердившими ему, что смерть лучше жизни, а только сожалѣлъ о бѣдности и мелочности натуры своей, которая както все тя-

вела его къ презрѣнной землѣ и заставляла беречь здоровье. Вкусъ у него былъ многосторонній и желудокъ страшно выносливъ: плавныя, размѣренные строфы ласкали его младенческой, неизбалованной слухъ, и съ самовѣднымъ аппетитомъ глоталъ онъ все, что ни предлагали ему: и поэмы, и повѣсти, и романы въ стихахъ, и драматическія фантазіи, и посланія, и сказки, и даже мистеріи, — глоталъ великодушно и добродушно, даже не подозревая, что совершаетъ безпримѣрные въ исторіи человечества подвиги....

И мистерилося тогда поэтамъ, — были они въ великомъ почетѣ и съ каждымъ годомъ плодились и множились....

Но читатель вдругъ круто повернулъ на прозу — и поэтовъ не стало. Перевелось оно, племя многочисленное и самоцвѣтное, и скоро не останется отъ него и слѣдовъ.... Надобно постараться, пока еще не поздно, спасти его отъ забвенія; нето потомство, пожалуй, и не повѣрить, что въ одномъ государствѣ въ одно время могло существовать такое множество поэтовъ, — что было бы очень прискорбно для русскаго гевія.... Какіе люди были они? что дѣлали? откуда вели свой родъ? Несомнѣнно, что потомство уже настало для нихъ, и говорить о нихъ теперь самое время....

Еще не очень давно въ русскомъ государствѣ, богатомъ всякими дивами, на каждомъ шагу попадались юноши, которыхъ въ наше время зовутъ вообще романтиками, — идеальные юноши. Племя было многочисленное и самоцвѣтное, и отъ него-то вели свой родъ покойные русскіе поэты. Идеальные юноши отличались презрѣніемъ къ землѣ, на которой, по ихъ словамъ, было имъ и тѣсно и душно, и рвались все туда.... куда? — тайна, которую унесли они съ собою; будучи добрыми и смиренными мальчиками, и только свиду страшными, потому-что не имѣли привычки стричь и причесывать волосы, — они громили проклятіями толпу, презрѣнную, тупую чернь, и въ каждомъ человѣкѣ видѣли врага, съ которымъ будто бы нужно было имъ бороться (явѣство, однакожъ, изъ достоверныхъ источниковъ, что никакихъ битвъ, кромѣ карточныхъ, бильярдныхъ и шахматныхъ, они не вели); вѣрѣдка покучивая и даже иногда предаваясь просто пьянству, они считали долгомъ своимъ показывать пренебреженіе къ вещественнымъ благамъ жизни, и человѣкѣ, обнаружившій при нихъ аппетитъ, навсегда становился въ глазахъ ихъ ничтожнымъ и пошлымъ. Все они были большіе охотники и мастера проклинать судьбу свою, но если вѣрить имъ, — горячо любили свои страданія и жадно желали ихъ для того, чтобы не дать очерстѣть душѣ; они полагали, что призваніе ихъ — страдать, и если невзначай чувствовали себя весело — приходили въ отчаяніе: за самихъ себя, за достоинство своихъ глубокихъ и высшихъ натуръ дѣлалось имъ

стыдно. И въ книгахъ и въ жизни любили она все необыкновенное, исключительное, — и ничто простое, какъ бы оно ни было поразительно въ простотѣ своей, имъ не нравилось. Сильно наклонныя къ дружбѣ, — дружбу понимали они совершенно по-своему: дружба ихъ начиналась съ того, что два существа, влекомыя другъ къ другу таинственной симпатіей, сперва признавались во взаимной дружбѣ, потомъ клались въ вѣрности, какъ водится, до гроба и за гробомъ, на словахъ или даже и на бумагѣ, для чего у нихъ водились альбомы, памятные книжки, дневники. Затѣмъ уже подружившіеся входили во взаимныя права свои, права тоже особенныя: другъ, по ихъ понятіямъ, былъ такой человекъ, которому безнаказанно, даже съ несомнѣнной надеждой на участіе, позволялось всегда и во всякое время пересказывать (*переливать въ душу*) мелкія досады и неудачи свои, огорченія и ропотъ раздражительнаго самолюбія. Любовь тоже играла немаловажную роль въ ихъ жизни, но любовь особенная, непохожая на обыкновенную. Возвращаясь послѣ дружескихъ попокъ обыкновенно утромъ на другой день, они тѣмъ не менѣе пылали вулканическою страстью къ недоступнымъ (непремѣнно недоступнымъ) красавицамъ. Но такая любовь ихъ никогда не заходила дальше подавленныхъ вздоховъ, долгихъ, краснорѣчивыхъ, взглядовъ, много — пожатія руки. Послѣ двухъ, трехъ посвященій, тотчасъ являлось гдѣ-нибудь въ печати стихотвореніе, въ которомъ, подъ словомъ: «къ ней» — выставлялись иногда довольно нескромно начальныя буквы имени ихъ красавицы; слухъ разносился, что такой-то влюбленъ въ такую-то, доходилъ до семейства красавицы, и къ поэту становились благосклонные или выгоняли его изъ дому; въ последнемъ случаѣ для него наступалъ истинный праздникъ: онъ припирался страдать въ разлуку. Съ понятіемъ о любви у идеальныхъ юношей нераздѣльно соединялось опять-таки страданіе: оттого разлука и вся возможныя препятствія въ любви для нихъ всего важнѣе. Имъ непремѣнно нужно жаловаться на счастье и проливать чашу ищевія.... Можно поручиться, что исчезни вдругъ вся препятствія, не одинъ идеальный юноша тотчасъ бѣжалъ бы отъ предмета своего обожанія, точно также, какъ непремѣнно бѣжалъ бы онъ, еслибъ обожаемая имъ блѣдая и задумчивая дѣва (идеальные юноши влюбляются только въ дѣвъ блѣдныхъ и задумчивыхъ) вдругъ сдѣлалась весела и румяна.... Небрежность въ костюмѣ, между прочимъ, составляла ихъ отличительную черту: рѣдкіе находили нужнымъ вычищать за ногтями, а содержать въ порядкѣ подбородокъ и голову вовсе не было принято. Нѣчего и говорить вамъ, что почти вся она писала, и писанья ихъ опытный глазъ тотчасъ узнавалъ по тремъ какимъ-нибудь буквамъ съ точками или звездочками, неслѣзбно торчавшими подъ заглавіемъ; безъ такихъ

посвятившихъ буквѣ не явилось у нихъ ни строки, такъ что можно было даже подумать, что они и писали для того, чтобы выставить заветныя буквы.... Писали они, разумеется, болѣею частью стихи. Въ стихахъ воспѣвали свои страданія — измѣну милой, смерть матери, одиночество, словомъ, все очень обыкновенныя страданія, проклинали судьбу и человечество, бранили землю, рвались къ небу.... Впрочемъ, если хотите оживить въ памяти ихъ стихотворенія, я, пожалуй, покажу вамъ на дѣлѣ, какія стихотворенія они писали. Не угодно ли прочесть?

МОЙ ЖРЕБИЙ.

Давно отъ участя, отъ ласковой рѣчи
Меня отучило коварство людей.
Слова ихъ — отравы, лобзанья — картечи,
Обытъя — тяжелыя груди цѣпей.

Кто вырвалъ надежду изъ дѣвственной груди?
Кто день моей жизни во мракъ погрузилъ?
Все братья родные! все люди да люди!
Но видитъ Всевышній, что я имъ не жегилъ.

Я все перенесъ! мнѣ ничто не обидно!
Давайте мнѣ больше тяжелыхъ работъ.
Я труженикъ міра! я рабъ беззащитный! —
Пусть ломятся кости! пусть льется мой потъ!

Я хитростныхъ козней вражды не разрушу,
Тяжелого бремя не сброшу съ плечей:
Пусть хладъ отчужденья терзаетъ мнѣ душу,
Пусть я забавляю моихъ палачей.

Пускай все отнимутъ — наперстники злости!
Мнѣ въ головы камень — не сътую я!
Мнѣ въ пищу обломокъ оглоданной кости,
Покровъ погребальный — одежда моя!

Не съ острымъ кинжаломъ въ карательной длани,
Не съ грознымъ укоромъ на блѣдномъ челѣ, —
Съ надеждой веселой подъ тучей страданій
Я твердой стопою пройду по землѣ.

Роптанья не вырветъ мірская забота;
Томиться я буду съ улыбкой въ устахъ,
Чтобъ каждая капля кроваваго пота
Блаженства зерномъ мнѣ взонилъ въ небесахъ' ..

«Пьяной мысли раздраженъ!» скажетъ улыбнувшимся читатель. — Такъ! таланта у нихъ не было,—слова нѣтъ! Теперь господинъ *Новый Поэтъ*, снабжающій нашу «Смѣсь» своими трудами, десятками пишетъ такіа стихотворенія и нисколько не мѣтитъ за нихъ въ безсмертныя. Но не вините слишкомъ строго бѣднаго идеальнаго юношу прежнихъ лѣтъ, добродушно считавшаго себя поэтомъ.... Не въ обычномъ расположеніи духа оставался онъ, складывая свои стихи... Сердце у него билось ускореннымъ, веровнымъ бѣвеніемъ, и какой-то сладко-томящій огонекъ шевелился и перебѣгалъ въ груди, все разгораясь и разгораясь; часто прочитывая громко какую-нибудь удавшуюся строфу, онъ чувствовалъ, какъ поднявшись откуда-то, будто съ самого дна взволнованной и сладострастно-мяющей груди, — одна за другой бѣжали къ его глазамъ и наворачивались на нихъ слезы.... Какъ же ему было сомнѣваться въ своемъ призваніи?

Рѣдко, но писывали идеальные юноши и прозой. Въ прозу, какъ и въ стихахъ, ни на минуту не удалялись они отъ всегдашней темы своихъ писаній — самихъ себя. Проза ихъ ужасна.

..... Меня зовутъ чудакомъ.... Чудакъ! Приговоръ безсмысленный, бессмысленно повторяемый! Въ немъ сказалась ты вся, тупая, близорукая чернь! Кто же не чудакъ для тебя, кто не о щачъ да не о кашъ твоей весь свой вѣкъ думаетъ? Вѣдь и Шекспиръ для тебя — пьяный дикарь, и Байронъ — безумецъ, и Камозансъ, которого уморила ты съ годову — всѣ чудаки, сумасброды!... А ты?... ты лучше ихъ, ты разумная, ты безупречная! Посмотри на себя: твои плоскія, божьенныя лица — наводятъ уныніе; твои глаза, выпалые, какъ свинцовые, смотрять тупо и робко, и ни чувства, ни мысли, ни благороднаго порыва не прочтешь въ нихъ, не подглядишь въ телескопъ.... Какъ стадо бессмысленное, суетишься и мечешься ты на пастбищѣ жизни, торопясь на перебой насытить прожорливое чрево свое — твоя забота единственная, видъ которой нѣтъ для тебя ни стремленій, ни дѣятельности! На чтожь тебѣ сердце, страсть, чувство — всѣ божественныя дары, присущныя благородной человѣческой природѣ? Ты позабыла, что они есть у тебя, или, лучше сказать, у тебя и нѣтъ ихъ, потому-что ты и не знала и ни когда не узнаешь, что они есть у тебя.... Не узнаешь! потому-что когда посреди тебя явится человѣкъ съ искрами божественнаго огня въ груди, съ печатью тайны на челѣ и съ пророческимъ глаголомъ въ устахъ, — высокій избранникъ, призванный пробудить въ тебѣ коснѣющія силы души, воззвать тебя къ жизни обновленной и разумной, ты, безчинствуя, дико хохочешь, ты бросаешь камнями въ своего заступника и учителя, называя его сумасбродомъ! И бродитъ онъ нагъ и нищъ посреди тебя, непонятый и отверженный, терпя позоръ и невѣжественное глумленіе, — и призванный благо-

• вѣствовать и учить, — сходить въ преждевременную могилу, съ проклятіями!... И тогда вдругь откуда ни возьмутся у тебя и смыслъ и чутье: какъ бѣшеный быкъ, рвешь и мечешься ты, разрывая на себѣ одежды свои, и въ дикомъ отчаяніи посылаешь ты къ небу безумную мольбу — возвратитъ великаго! Но тщетны безумныя мольенія.... Еще изъ могилы слышатся тебѣ громовыя проклятія, подымающія волосъ на преступной главѣ твоей, и въ священномъ трепетѣ удаляешься ты отъ праха, оскорбленнаго твоимъ позднимъ участіемъ, твоимъ непрощеннымъ состраданіемъ!... А тамъ черезъ недѣлю, черезъ день одинъ — все снова забыто, и новый камень въ рукѣ твоей.... Вѣднй поэтъ! жалкій избранникъ! скиталець много, лучшаго міра! Такова участь твоя на землѣ.... И ни въ комъ ни искры участія, ни отъ кого слова надежды и утѣшенія!... Участіе!... Утѣшеніе!!!... »

Смѣшно, но остерегитесь слишкомъ смѣяться: такую провою писалась большая часть книгъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, именно тѣхъ книгъ, которыми вы преимущественно восхищались.... Не вѣрите, такъ я, пожалуй, когда-нибудь приведу факты... Но куда же вдругь исчезли поэты? Не берусь досказывать вамъ ихъ плачевную участь, но вотъ чѣмъ обыкновенно кончали и кончаютъ идеальныя юноши вообще... Иные изъ нихъ навсегда остаются въ утѣшительномъ убѣжденіи, что они непоняты; въ то время, когда все вокругъ нихъ движется, измѣняется — они все тѣ же: все ту же воспеваютъ измѣну милой и все также тщетно добиваются къ ней вниманія; совершенное равнодушіе публики для нихъ не болѣе, какъ новое доказательство задуманной мысли: «я непонятъ!», которая, наконецъ, овладѣваетъ ими совершенно, ожесточаетъ ихъ. Ничего не можетъ быть въ мірѣ неспасиве подобнаго существа, мелко, раздражительно самолюбиваго; въ ихъ присутствіи душно, съ ними нельзя спорать, нельзя говорить; они во всемъ видятъ другой какой-то смыслъ, подозреваютъ оскорбленіе. Изъ такихъ-то людей образуются обыкновенно полчища задорнѣйшихъ и безразсуднѣйшихъ гонителей всего новаго, какъ бы ни было очевидно его превосходство надъ старымъ. Всякій успѣхъ времени они почитаютъ личною обидою для себя. Добрые, но ограищенные вначалѣ, они нерѣдко подъ конецъ прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, отъ которыхъ отсочили бы съ ужасомъ въ то время, когда еще вопль узавленнаго самолюбія не заглушалъ въ нихъ голоса разсудка и совѣсти, — и тогда-то становятся предметомъ посмѣянія и заслуженнаго презрѣнія всѣхъ и каждого. — Другіе же (я большая часть), своевременно выкинувъ изъ головы школьныя бредни (подъ именемъ школьныхъ бредней на языкъ солидныхъ людей разумются всякія стремленія и цѣли, внѣ положительныхъ житейскихъ стремленій и цѣлей), дѣлаются чиновниками и очень быстро идутъ впередъ,

потому-что уже общее правило, что если идеальный юноша сдѣлается чиновникомъ, то въ способности обнаруживать совершенную благонамѣренность и вообще заяскивать благорасположеніе начальства заткнетъ за поясъ даже человека, прозябающаго въ департаментахъ и канцеляріяхъ, какъ говорится, съ малыхъ ногтей. Есть даже мнѣніе, что изъ идеальныхъ юношей и всякихъ романтиковъ выходятъ очень часто тончайшіе плуты. Какъ бы то ни было, вдругъ возникаетъ въ нихъ страсть къ разнымъ почотнымъ украшеніямъ, и они не пропускаютъ случая, даже искусно изыскиваютъ средства обременять себя ими, утѣряя, впрочемъ, что носятъ ихъ единственно по необходимости. Карманная дѣла ихъ также принимаютъ надлежащій ходъ. По чувству ли семейныхъ обязанностей и вліянію женъ (вся они люди женатые — чаще по расчету, чѣмъ по любви, и вся подъ башмакомъ женъ), или уже съимъ будущаго плода хранилось въ самой натурѣ ихъ, — почему бы то ни было, презрѣніе къ вещественнымъ благамъ вдругъ смѣняется въ нихъ чѣмъ-то совершенно противоположнымъ. Нельзя надивиться быстротѣ, съ какою возникаютъ у нихъ многоэтажные дома, дачи и значительныя помѣстья. О стихахъ, разумеется, нѣтъ и помину; теперь, въ свою очередь, они называютъ стихи и вообще всю литературу школьными бреднями, занятіемъ людей праздныхъ, ни къ чему дальнему не способныхъ; но не безъ удовольствій говорятъ о своихъ старыхъ грѣшкахъ, давая замѣтить, что еслибъ хотѣли, то и на литературномъ поприщѣ не уступили бы никому. Нѣкоторые, впрочемъ, до самой смерти удерживаютъ за собою званіе литераторовъ, напоминая о себѣ въ десять лѣтъ разъ какимъ-нибудь мадригаломъ, апологомъ или эклогою, которая, попавшись печально въ какой-нибудь новой книгѣ, вдругъ переноситъ удивленнаго читателя лѣтъ за тридцать назадъ. Еслибъ мы писали фязіологію такого рода чиновниковъ, то следовало бы еще замѣтить, что подобные господа навсегда удерживаютъ за собою право сужденія и рѣзкихъ приговоровъ надъ литературными произведеніями, и что мнѣнія ихъ, какъ людей, которые сами когда-то писали и, следовательно, не хуже никого другого, смыслятъ въ литературу — весьма уважаются, особенно въ томъ ведомствѣ, которое находится подъ ихъ начальствомъ или въ какой-нибудь отъ нихъ зависимости. Передъ концомъ жизни, когда стукнетъ пятьдесятъ лѣтъ служебной дѣятельности бывшаго поэта, теперь важнаго человека — и благодарные подчиненные, сложившись по красненькой, зададутъ ему пиръ въ ознаменованіе столь радостнаго событія, — въ послѣдній разъ ярко вспыхиваетъ литературная слава бывшаго поэта, ярко вспыхиваетъ, какъ лампада, готовая погаснуть. Произносится рѣчь, въ которой, по исчисленіи гражданскихъ и служебныхъ добродѣтелей хозяина, исчисляются его литературные

труды, его заслуги отечественной словесности. Раскрывается книга, богато переплетенная. Снова являются на сцену божій красоты краснорѣчія и поэзія, уже несколько десятковъ лѣтъ никого не восхищавшія, исторгають восторженные рукоплесканія, вызываютъ слезы на глаза умиленныхъ чиновниковъ, подчиненныхъ хозяина. Пьютъ здоровье хозяина-литератора, подарившаго и среди важныхъ служебныхъ ванатій родную литературу несколькими благоуханными цвѣтами своей музы, которые ежеминутно будутъ напоминать его имя и вмѣстѣ съ гражданскими доблестями дойдутъ до отдаленнаго потомства. Снова читають. Спрашиваютъ себя: гдѣ въ наше время найти образчики такого краснорѣчія? такого стиха? Сожалуютъ объ упадкѣ новейшей литературы, о дурномъ направленіи, о пренебреженіи образцовъ. Снова пьютъ. Снова произносятъ рѣчь, обнимають хозяина, благоговѣйно внимають каждому его слову, и хозяинъ съ головы до пятки торжествуетъ....

Но ббольшая часть идеальныхъ юношей, начавъ Петербургомъ и мечтами о высшей дѣятельности, оканчивають деревнею и халатомъ. Въ деревнѣ способъ препровожденія времени ихъ различенъ. Я зналъ одного помѣщика, который, проснувшись поутру, задавалъ себя такой вопросъ: «не позвать ли сегодня къ Петру Ивановичу?» И затѣмъ продолжалъ такъ: «въ самомъ дѣлѣ, я давно у него не бывалъ; сосѣдъ хорошій; я думаю сердится.... Ванька, одѣваться!» Одѣвшись, помѣщикъ переходилъ въ другую комнату, гдѣ уже былъ накрытъ завтракъ и стоялъ изрядный графинчикъ водки. «Здравствуйте, Петръ Ивановичъ, говорилъ онъ и вслѣдъ за тѣмъ продолжалъ голосомъ воображаемаго Петра Ивановича: «А! любезнѣйшій сосѣдъ! Какъ поживаете! Очень радъ дорогому гостю.... Ну, чѣмъ васъ подчивать?... — Не угодно ли водки? — Отчего же и не выпить, говорилъ помѣщикъ своимъ голосомъ — и выпивалъ рюмку. — «Ну, какъ я радъ, что васъ вижу, продолжалъ онъ голосомъ Петра Ивановича: — да что вы не садитесь, совсѣмъ не кушаете ничего? да выпейте еще рюмочку! — Не много ли будетъ? отвѣчалъ помѣщикъ своимъ голосомъ и выпивалъ вторую рюмку. Затѣмъ, между разговоромъ, Петръ Ивановичъ обыкновенно убѣждалъ его выпить третью, четвертую, пятую, шестую. Помѣщикъ пилъ — и наконецъ, выпивши, по убѣдительной просьбѣ Петра Ивановича еще рюмочку на прощанье, насилу добирался домой, то есть, въ другую комнату, гдѣ тотчасъ и засыпалъ.... На другой день онъ также точно дѣлалъ визитъ другому сосѣду — Карлу Степановичу, на третій Лукъ Прохоровичу, и разнообразя такимъ образомъ деревенское свое существованіе, достигъ преклонной старости, ни разу не поссорившись ни съ однимъ сосѣдомъ.... Но съ утра онъ смотрѣлъ

на жизнь кисло, иногда предавался воспоминаніямъ и плакалъ.... Въ юности онъ былъ романтикъ.

Впрочемъ, наша цѣль была сохранить для потомства съ каждымъ годомъ забывающіеся черты покойныхъ русскихъ поэтовъ; мы дало свое сдѣлали, и теперь можемъ перейти къ московской драмѣ, петербургской балеткѣ и литовскому преданію, единственному отпрыскамъ прежняго стихотворнаго богатства русской литературы.... Видите ли, какія пришли времена: въ трехъ разныхъ большихъ городахъ едва нашлись три стихотворныя произведенія, да и то....

Да и то, одно изъ нихъ, именно поэма: *Москва*, писано больше прозой, чѣмъ стихами, а на другомъ, именно на *Страшномъ гоотѣ*, выставленъ 1844 годъ, хотя оно и явилось въ Петербургѣ только въ 1847 году....

Авторъ поэмы: *Москва*, говоритъ, что въ прошломъ году «Москвитянинъ» *возмемъ* къ ученымъ, писателямъ и художникамъ о приготовленіи на семисотлѣтній юбилей Москвы *возможныхъ* произведеній. Будучи воспитанъ въ Москвѣ *въ при-университетскомъ* училищѣ, которое «развилъ вполнѣ чувство благоговѣйной любви къ отечеству въ лѣтахъ *кореннаго* дворянства», г. Н. Сушковъ задумалъ принести дань признательности Москвѣ.... Намѣреніе похвальное, но оно повергло г. Сушкова въ крайнее затрудненіе. «*Какой же даръ — лепту, думалъ онъ, принесу я на олтарь отечества?*»

«Много мыслей заронилось въ *золото* моей, много чувствъ стѣснилось *въ сердце*, много намѣреній загоралось и погасало *въ душѣ*.... Наконецъ, я рѣшился написать поэму въ лицахъ и дѣйствіи: «Москва». Станетъ ли моихъ силъ на такое предпріятіе?»

Такъ говоритъ г. Сушковъ, и вслѣдъ за тѣмъ задаетъ себѣ еще нѣсколько прѣстранныхъ вопросовъ, которые почему-то такъ напугали его, что онъ не взялся и отвѣчать на нихъ, а разсудилъ за лучшее, махнувши рукой, приняться за поэму. Между тѣмъ, въ разрѣшеніи ихъ скрывалось и разрѣшеніе другого весьма важнаго вопроса — *быть или не быть?* писать или не писать автору задуманную поэму?...

Вопросъ первый: *Ревніе любви къ родинѣ восполнить ли малодорожитость въ сочинителѣ?*

Конечно, нѣтъ, потому-что талантъ и любовь къ родинѣ — вещи совершенно различныя. Еслибъ любовь къ родинѣ могла замѣнить талантъ, тогда всякій бездарный писака могъ бы сдѣлаться замѣчательнымъ поэтомъ: ему стоило бы только переполниться *ревніемъ* *любови къ родинѣ*.

Вопросъ второй : *Высокость предмета искупить ли неизбежныя несовершенства въ трудъ такого объема ?*

Совершенно напротивъ. Чѣмъ выше предметъ, за который вы возьметесь, тѣмъ рѣзче выкажутся ваша бездарность и ваше безсміе совладѣть съ нимъ. Кого изъ порядочныхъ людей подъ часъ не оскорбляла замашка бездарныхъ сочинителей братья за высокіе предметы, которые они такимъ образомъ унижали, но чтобъ высокость предмета выкупала бездарность сочинителя, такого явленія, конечно, никто не запомнитъ. Примѣровъ много и въ московской литературѣ толкачаго рынка....

Вопросъ третій : *Наложить ли сама исторія печать художественности на твореніе незрѣлое, можетъ быть, по исполненію ?*

Нѣтъ, и причина опять таже : тогда бы вся *творенія*, взятая изъ исторіи, запечатлѣны были печатью художественности.

Если бы г. Сушковъ потрудился отвѣчать себя на предложенные имъ и рѣшенные теперь вопросы, то едва ли бы онъ принялся писать свою поэмю; но онъ только предложилъ ихъ и, какъ будто дивясь самъ и радуясь своей смѣлости, воскликнулъ : «Какъ бы ни случилось —

Отечество тебя, тебя я дамъ плачу!...

И принялся платить дань отечеству.... Впрочемъ, онъ сначала счелъ еще нужнымъ оправдаться, почему назвалъ свое сочиненіе не «драмой», а «поэмой въ лицахъ и дѣйствіи».

• Не поэмы ли многія изъ драматическихъ произведеній Шекспира, Шиллера, Гёте, какъ напримѣръ *историческія драмы Шекспира*, взятая вмѣстѣ : Ричарды, Генрихи и Іоанни ? не эпизоды ли представляетъ каждая изъ нихъ отдѣльно ? Соедините эпизоды эти — и у васъ будетъ обширная поэма *въ лицахъ и дѣйствіи*....

Итакъ, если многія драмы Шекспира, вмѣстѣ взятая, не болѣе, какъ *поэма, въ лицахъ и дѣйствіи*, то почему же г. Сушкову не назвать своего сочиненія поэмой въ лицахъ и дѣйствіи ? Чѣмъ унизительно?... Оправдавъ такимъ образомъ скромность свою въ глазахъ публики и замѣшавъ свое имя, совершенно понеобходимости, между именами Пушкина, Гоголя, Гомера, Виргилія, Данта, Мильтона, Клопштока, Тасса, Сервантеса, Камюэнса, Хераскова, Аріоста, Байрона, — г. Сушковъ прибавляетъ :

• Впрочемъ, я назвалъ поэмою 5 драмъ, въ которыхъ предположилъ обрисовать Москву отъ колыбели до ея новѣйшихъ временъ, потому отчасти, что не каждая изъ нихъ, вѣроятно, можетъ быть представ-

ленною въ цѣломъ на театрѣ: одиѣ по разнымъ причинамъ едва ли могутъ быть играны безъ пропусковъ, другія не останутся ли только для чтенія?»

Вѣроятно, по величавой скромности предисловія, читатель догадался уже, съ какого рода авторомъ имѣеть дѣло. Но еслибъ ему пришла охота внимательно прочесть все сочиненіе, онъ не могъ бы незамѣтить той добродушной и добросовѣстной вѣры въ важность совершаемаго подвига, которою запечатлена каждая страница поэмы. Произведеніе мертвое и совершенно безталанное, поэма г. Сушкова тѣмъ не менѣе трудъ добросовѣстный, имѣющій великую важность въ глазахъ своего автора, претендующій на такую же важность въ глазахъ публики; потому-то мы о немъ и принуждены распространяться болѣе, чѣмъ оно стоить...

Мы однакожъ не будемъ ни рассказывать содержанія поэмы, ни приводить выписокъ. Содержанія въ ней нѣтъ, хотя поэма продолжается почти семсотъ лѣтъ; выписать что-нибудь хорошее совершенно невозможно, а наполнять наши страницы тѣмъ, что противоположно хорошему, у насъ нѣтъ охоты.... Чудное дѣло! Французы умѣютъ завязать и разыграть передъ читателемъ драму въ продолженіи одного дня, событія котораго имъ часто бываетъ достаточно на цѣлый романъ, а г. Сушкову недостаточно семисотъ лѣтъ, чтобъ придать занимательность своему произведенію!... Въ чемъ же заключается поэма? Въ безконечныхъ разговорахъ, лишенныхъ всякаго дѣйствія. Дѣйствующія лица обыкновенно начинаютъ рѣчи свои прозою, потомъ говорятъ бѣлыми стихами, то есть, стихами безъ рифмъ, потомъ стихами съ рифмами, потомъ опять прозой,—иногда поютъ. И трудно было бы понять, о чемъ они говорятъ и поютъ, еслибъ предусмотрительный авторъ не помѣстивъ въ началѣ каждой части краткаго изложенія ея содержанія. Вы помните, что авторъ предполагалъ себя *очертить Москву съ колыбели ея до новѣйшихъ временъ*: ну, такъ понятно, что разговоры въ ней вертятся около Москвы и важнѣйшихъ событій, имѣющихъ связь съ ея семисотлѣтнимъ существованіемъ. Больше нечего прибавить, развѣ, что разговоры вялы, плоски, безжизненны, безпошадно длинны. Загляните въ поэму, и вы скажете то же. Поэма проникнута патріотизмомъ такого рода, который, слава Богу, сдѣлался теперь уже исключительнымъ достояніемъ бездарности, и противъ котораго, стало быть, не стоить писать. Приведемъ однакожъ небольшой призмръ:

• Руссь — богатый властелинъ!
 На водахъ твоихъ приволье!
 Въ юрсахъ — злато и бузатъ!

Степи — вольницѣ раздолье!
 Лѣсъ пріютъ и въ зной и въ лядъ!

Что такое этотъ великолѣпный диепранбъ, какъ не наборъ словъ, въ которомъ не заключается ровно никакой чести *Руссу* и его отчизнѣ?... Поставьте въ первомъ стихѣ вместо *Русса* — *Француза* или для мѣры, пожалуй, *Галла*, и потеряетъ ли что-нибудь стихъ, если ему есть что терять?... Второй стихъ:

На водахъ твоихъ — приволье

также не заключаетъ особенной похвалы Россіи.... Гдѣ нѣтъ водъ? а гдѣ есть воды, тамъ, естественно, есть и приволье на водахъ.

Въ *горахъ* : злато и булатъ —

Съ одной стороны, не во всѣхъ русскихъ горахъ злато и булатъ, а съ другой — есть и нерусскія горы, въ которыхъ водятся злато и булатъ.

Степи — вольницѣ раздолье!

Степи есть также не въ одной Россіи, и приволье также свойственно американскимъ степямъ, какъ и русскимъ.

Лѣсъ пріютъ и въ зной и въ лядъ....

Это опять неисключительная приважденность русскихъ лѣсовъ и хвастать тутъ рѣшительно нечямъ... Недостаетъ только, чтобъ господинъ сочинитель вынулъ въ заслугу Россіи то, что въ ней круглый годъ свѣтитъ, а нѣсколько месяцевъ въ году и греетъ солнце, что на землѣ ея родится хлѣбъ, если не случится засухи или неумѣреннаго разлива рѣкъ, и т. п. Вотъ онъ, тотъ жалкій и странный патріотизмъ, который еще недавно былъ въ такомъ ходу у некоторыхъ русскихъ сочинителей, особенно драматурговъ; теперь нѣтъ ничего проще, какъ понять его надменную надутость и лживость; но давно ли еще многіе видѣли величіе, могущество и заслугу русской земли именно въ томъ, въ чемъ и теперь видятъ все это патріоты, подобные нашему сочинителю, и не подозревали истинныхъ заслугъ и достоинствъ восхваляемой ими страны....

Нужно еще обратить вниманіе читателей на одну черту въ книгѣ г. Н. Сушкова, черту, которая.... Но самый фактъ всего лучше объяснить дѣло.

У Кольцова есть стихотвореніе «Урожай»; въ «Урожаѣ» есть такіе стихи :

« Ополчается
Грономъ , бурей ,
Огнемъ , молніей ,
Дугой — радугой ;
Ополчлася
И разширилася
И ударила
И пролилася —
Слезой крупною
Проливнымъ дождемъ.... »

У него же есть другое стихотвореніе, которое оканчивается такими двумя стихами :

« И прости-прощай
Село родное! »

Теперь прочтите слѣдующіе стихи изъ поэмы г. Н. Сушкова :

« Какъ Великая
Понадулася ,
Приподнялася
Да нахлынула —
Грономъ , молніей ,
Вихремъ , ливнями ,
На ихъ полчища ,
На незваныхъ —
И прости-прощай
Некрещенымъ!... »

Немного странно, но особенно удивительнаго ничего нѣтъ : дѣло бывалое ! И такія странности случаются даже съ сочинителями , которые сами отличаются особенной нетерпимостію и горячностью тамъ , гдѣ дѣло коснется дѣйствительнаго или мнимаго похищенія ихъ литературной собственности.... Покажись иному сочинителю , что другой заимствовалъ у него мысль или фразу , онъ тотчасъ закричать : « Боже мой ! я обокраденъ ! украли мои мысли ! мои лучшія мысли !... » и пойдетъ трубить по всему городу , что онъ обокраденъ . Попадись такому человеку кто угодно , хоть чиновникъ полиціи , онъ тотчасъ закричать : « Знаете ли , меня обокрали ? » — Какъ ? что ? когда ? спросить тотъ . « Украли мои мысли , мои лучшія мысли ! » и тутъ же расскажетъ , какія именно похищены у него мысли , и попроситъ распространить , гдѣ можно , о такомъ безбожномъ похи-

щенія.... Несчастный дѣлается посмѣшищемъ цѣлаго города, но сильное огорченіе мѣшаетъ ему видѣть въ настоящемъ свѣтѣ свое положеніе, и онъ продолжаетъ играть шутовскую роль; иногда даже приносить жалобу или требуетъ отъ похитителя удовлетворенія.... Право, бывали и такіе примѣры....

Вообще, въ книгѣ г. Н. Сушкова много подражаній, но особенно удачными почитаемъ мы подражанія Тредьяковскому; вотъ одно изъ таковыхъ:

«Однажды, солнцу воссіявшу,
Лицемъ къ востоку обращенъ,
Въ молитву, въ ней же силы духа,
Я погрузился и земли
Не чувствовалъ, горѣ на крыльяхъ
Надежды, Вѣры и Любви
Стремясь, восторженный и сладкій...»

Вотъ г. Минаевъ, авторъ «Славы о Вѣщемъ Олгѣ», такъ совсемъ не такъ удачно подражаетъ Тредьяковскому, хоть и дѣлаетъ къ тому большія усилія; онъ лучше самъ пишетъ. Кисть у него размахистая и бойкая; человекъ онъ не только образованный, учившійся разнымъ наукамъ, но и смѣлый, рѣшительный: онъ долго не задумается и тотчасъ скажетъ вамъ, гдѣ родилась Россія и что завяла она у Запада:

«Здѣсь родилась она, цвѣла,
Молитвы первыя читала,
А тамъ въ отчизнѣ идеала
Идеализмъ переняла...»

Что Россія родилась въ Россіи, въ ней цвѣла и читала первыя молитвы — мысль, конечно, не нова, но благородная отвага, съ которою г. Минаевъ рѣшился ее высказать, бесспорно остается за нимъ.... Вотъ въ такой-то отвагѣ и рѣшительности да еще въ довольно легкомъ стихѣ и заключается талантъ г. Минаева. — Что значать послѣдніе два стиха? — Г. Минаевъ слишкомъ увязлся бы, еслибы сталъ объяснять вамъ ихъ значеніе; онъ сказалъ — и дѣло съ концомъ, а тамъ думайте себя!... Роль литературнаго реформатора и учителя, которую взялъ онъ на себя и выдерживаетъ удивительно серьезно, также свидѣтельствуетъ о неустрашимости его духа, качества, столь плѣняющемъ насъ въ г. Сушкова. Сочиненіе свое называетъ онъ «баллкою» и спѣшитъ, что называется, «утереть носъ» критику, который задумалъ бы найти что-нибудь неловкое и высканное въ такомъ названіи:

«Баянка. Если вы, г. критикъ, еще на рукахъ кормилицы, впервые обмолвились, на радость вашей муттерхенъ словомъ: Фаттеръ? Въ такомъ случаѣ, я обязанъ объяснить это совершенно новое для васъ выраженіе. Нашъ языкъ до такой степени испещренъ иноземщиной, что онъ въ современной литературѣ похожъ на Венгерскаго барабанщика въ пыфорованной курткѣ. Ради-то этихъ *шмрокисъ* причинъ, я рѣшился безъ вашего совѣта выставить свои рассказы подъ роднымъ *стиломъ*, замѣня слово пѣса, Баянкой», и проч.

Вотъ какъ! Тонъ у г. Мишаева, какъ видите, отличный и чрезвычайно выразительный: тотчасъ чувствуешь соответственные манеры, походку и голосъ.... Одно горе: г. Мишаевъ плохо знаетъ порусски, что особенно дѣлается ясно, когда онъ начинаетъ писать прозой; но и здѣсь мужество не покидаетъ его. Онъ смѣло пишетъ:

«Михайло Петровичъ Погодинъ, имя котораго я привыкъ уважать съ первыхъ дней моего младенчества; но какъ поклонникъ истины, здѣсь долженъ сказать (?) что онъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ о русской исторіи въ первомъ томѣ, на стр. 102, говоритъ....»

И рука его не дрожитъ! Счастливо созданный природою, онъ чуждъ той постыдливой недоувѣрчивости къ самому себѣ, которая заставляетъ иногда людей, плохо знающихъ языкъ, прибѣгать къ грамотнымъ корректорамъ.... Подобная мѣра была бы унижительна для его неустрашимости, доказательства которой встречаемъ на каждомъ шагу въ его произведеніяхъ. Онъ почему-то догадывается, что современники читать его не станутъ, что его «*баянку*», говоря его собственнымъ стихомъ —

«*Сожрутъ сѣдыя времена*», —

но и здѣсь онъ не унываетъ; въ утѣшеніе себя и вамъ онъ говоритъ:

.... «*Можетъ быть настанутъ годы
Когда мой легкій, слабый трудъ,
Раскрывъ заброшенные своды
Потомки добрые прочтутъ!...*»

Предположеніе утѣшительное и вѣроятное, на которомъ мы и разстанемся съ г. Мишаевымъ — *надолго, навсегда, быть можетъ!*

Скажи, зефиръ,
Зачѣмъ зефиръ,
Родной предѣлъ,
Ты опустилъ?
Зачѣмъ въ покой

Печальный мой
Ты залетѣлъ?
Какую вѣсть
Ко мнѣ принесть
Ты достигшиль?

Таковы «Первые Опыты» неизвестнаго поэта, напечатанные въ одной книжкѣ съ литовскою поэмою «Страшный Гость».... Первые опыты стоять поэмы, поэма стоить первыхъ опытовъ.

Итакъ, вотъ что производитъ въ настоящее время русскій поэтический гений.... Читатель теперь видитъ, почему мы такъ долго не говорили ничего о русскихъ стихахъ. Если мы рѣшились, наконецъ, заговорить объ нихъ, то именно для того, чтобъ опять надолго купить себя право переходить молчаніемъ новыя книжки плохихъ и посредственныхъ стихотвореній, изрядка появляющіяся еще въ русской литературѣ — Богъ знаетъ для кого, потому-что, къ чести русскаго читателя, достоверно известно, что онъ давно ужъ и глядѣть не хочетъ на стихи и отзывается о нихъ не иначе, какъ съ глумливымъ презрѣніемъ....

И.

Новая библіотека для воспитанія, издаваемая Петромъ Рядкинѣмъ. Книжка III. Москва. 1847.

Городокъ въ тавернѣ. Дѣтская сказка дѣдушки Иринея, изданная княземъ Одоевскимъ. Изданіе второе. Спб. 1847.

Морозъ Ивановичъ. Дѣтская сказка дѣдушки Иринея, изданная княземъ Одоевскимъ. Спб. 1847.

Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ дѣдушки Иринея, изданный княземъ Одоевскимъ. Тетрадь I. Спб. 1847.

Петербургскій сборникъ для дѣтей, изданъ В. Петровымъ и М. М. Спб. 1847.

Повѣсти для дѣтей. Съ шестью картинками. Спб. 1847.

Третья книжка *Новой Библіотеки для Воспитанія* г. Рядкина состоитъ изъ трехъ статей. Изъ нихъ особенно интересна первая. Она называется: *Атлантическій Океанъ*, но собственно есть ничто иное, какъ разсказъ объ открытіи Америки, следовательно, біографія Колумба. Послѣ этого нечего говорить объ интересности содержанія статьи; остается замѣтить только, что и ея изложеніе прекрасно, и что въ началѣ статьи находятся любопытныя извѣстія о всѣхъ попыткахъ, въ древнемъ и новомъ мірѣ, обойти моремъ Африку и о печальныхъ и безплодныхъ открытіяхъ Америки, сдѣланныхъ Фривкианами и Норманнами — первыми въ древности, а вторыми еще

въ IX столѣтіи по Р. Х. — Продолженіе *Странствованій Одиссея*, составляющее вторую статью *Б. для В.*, еще болѣе убедило насъ въ бесплодности подобныхъ передѣлокъ великихъ твореній древности, — о чемъ мы уже говорили въ прошлой книжкѣ *Современника*. Просто нѣтъ возможности читать: глупая сказка, да и только! А переведите *Одиссею* хотя и прозою, съ сокращеніями и выпусками (но ужь, разумѣется, безъ вставокъ собственнаго издѣлія), но съ сохраненіемъ (сколько это возможно при такихъ условіяхъ) тона и колорита разсказа подлинника, — вышла бы чудная поэтическая поэма! — Третья статья — *Первый герцогъ цирингенскій* уже самымъ началомъ своимъ привела насъ въ ужасъ: это, во первыхъ, *нѣмецкая*, да еще *народная* сказка, а повторныхъ, «благословный разсказъ съдой старинны», говоря собственною вычурною и истасканною фразою автора. Съдую старину тутъ представляетъ старій угольщикъ, которому внимаютъ нашъ юный вѣкъ въ лицѣ, вѣроятно, очень молодого литератора, богатаго охотою писать, но бѣднаго на вымыслы. Такимъ людямъ угольщики и старыя бабы — истинный кладъ, неисчерпимый источникъ поэтическаго вдохновенія и литературныхъ бредней! И ужь подлинно сказку разсказалъ старій угольщикъ «доливъ своего, богатаго угольми, Шварцвальда!» Былъ — видите ли — угольщикъ, который каждый разъ, какъ сожжетъ дрона, находилъ въ угольной ямѣ, вмѣстѣ съ углями, большой кусокъ чистаго серебра. На это сокровище онъ помогаетъ какому-то королю, потерявшему свое королевство, снова завоевать его, — за что тотъ дѣлаетъ его герцогомъ и отдаетъ за него одну изъ дочерей своихъ. Еще въ ожиданіи успѣховъ оружія короля, нашъ угольщикъ выстропилъ себя огромный и крепкій замокъ. Сдѣлавшись герцогомъ, онъ сталъ гордъ, грубъ и прожорливъ. Разъ вздумалось ему приказать своимъ поварамъ — изжарить ему ребенка, — что и было сдѣлано. Хоть онъ его и не съѣлъ, но напротивъ впалъ въ отчаянное раскаявіе, — тѣмъ не менѣе, подобная черта, особенно въ книжкѣ для чтенія дѣтей, возмутительна и отвратительна! Для чего дѣтямъ знать о такихъ мерзостяхъ? Чтобы предохранить ихъ отъ охоты ѣсть жареныхъ дѣтей? Но для этого слишкомъ достаточно нравовъ нашего времени; а если бы для какогонибудь изверга этого было недостаточно, такъ у правительствъ есть средства къ предупрежденію подобныхъ исключительныхъ событій гораздо подѣйствительнѣе вздорныхъ нѣмецкихъ народныхъ сказокъ. Надо сказать правду трудно было бы обнаружить больше вѣловкости, нежели сколько обнаружено ея выборомъ этой дрянной статьи! Средневѣковыя вѣлпости и дикости давно уже надоели намъ въ балладахъ, да какихъ еще — художественно-прекрасныхъ! — а тутъ нашимъ дѣтямъ суютъ ту же дичь, да еще въ

убогой прозой! Умоляемъ издателя *Библиотеки для Воспитанія* не пятнать болѣе своего прекраснаго изданія помѣщеніемъ въ него какихъ бы то ни было сказокъ, а особенно немецкихъ, да еще народныхъ, а пуще всего «баснословныхъ» разсказовъ *спдой* старинны изъ устъ *спдоого* угольщика». Исторія лучше сказокъ даже для дѣтей. И въ среднихъ вѣкахъ можно найти для нихъ много интереснаго и поучительнаго: вмѣстѣ съ чертами страшнаго варварства, свойственнаго временамъ глубокаго и всеобщаго невѣжества, черты великихъ характеровъ, великихъ дѣлъ, стремленія къ свѣту знанія съ опасностію погибнуть на кострѣ за колдовство и ересь. А сказки пусть слушаютъ отъ старыхъ нянекъ тѣ бывалыя дѣти, которыхъ воспитаніе невниманіемъ или невѣжествомъ родителей поручается сообществу холоповъ: отъ нихъ то ли еще услышатъ они, эти несчастныя дѣти! Видя въ *Библиотеку для Воспитанія* полезное и дальное изданіе, мы рѣшились постоянно обращать на нее все наше вниманіе. — и чѣмъ лучше будетъ казаться намъ она, тѣмъ строже и рѣзче будутъ наши разговоры.

Мы очень рады встрѣчѣ съ дѣдушкой Иривесемъ послѣ такой долгой съ нимъ разлуки. Надо сказать правду, этотъ добрый старичокъ такой мастеръ говорить съ дѣтьми, какихъ не много и не у насъ однихъ. Скажемъ кстати, что по нѣкоторымъ признакамъ можно подозревать, что этотъ дѣдушка Иривей — что-то въ родѣ Протей, что у него много именъ, что онъ и старъ и молодъ, и одинъ работаетъ и дѣлаетъ по крайней мѣрѣ за десятерыхъ.... Вообще есть поводы думать, что эта многообъемлющая тревожная дѣятельность, мѣшая ему сосредоточить всѣ силы свои на одномъ главномъ предметѣ и ограничиться слишкомъ немногими второстепенными, лишаетъ его возможности выказать себя всего въ чемъ нибудь одномъ или немногомъ, но заставляетъ только вполовину обнаруживать свои богатые средства во всемъ или во многомъ.... Можетъ быть, поэтому-то онъ такъ мало и пишетъ для дѣтей, тогда какъ посвятилъ онъ свою дѣятельность одному этому занятію, наши дѣти имѣли бы въ немъ своего Вальгера-Скотта съ придачею еще нѣсколькихъ писателей. Но все это только предположенія, можетъ быть, и не совсѣмъ справедливыя, а потому и оставимъ ихъ въ сторонѣ, утверждая за достойное только удивительную способность дѣдушки Иривей писать для дѣтей. Двѣ сказки его, одна старая, другая новая, милы до чрезвычайности, хотя и написаны для маленькихъ, очень маленькихъ дѣтей. Мы увѣрены, что они будутъ въ восторгъ отъ этихъ сказочекъ, которыхъ сюжеты такъ ловко принаровлены къ дѣтской фантазіи, разсказъ такъ увлекателенъ, а языкъ такъ правиленъ и такъ похожъ на тотъ, которымъ говорятъ грамотные люди. Дѣти не вый-

дутъ изъ *городка въ табакерку* съ его фантастическими и въ то же время очень простыми и естественными чудесами. Рукодальница и Ляввица съ Морозомъ Ивановичемъ тоже очень займутъ ихъ, — и если имъ въ послѣдней сказочкѣ что-нибудь придетъ не по душѣ, такъ это развѣ ея послѣсловіе, гдѣ дѣдушка Иринея совѣтуетъ имъ «думать да гадать: что здѣсь правда, что неправда, — что сказано впрямь, что стороною, — что шутки ради, что въ наставленіе, а что намекомъ». Эхъ, подумаешь, старость-то: никакъ не удержится отъ моральныхъ сентенцій! Да помыслите: сказать дѣтямъ, что прочитанное ими не было, а шутки, наставленія и намеки, значить — разочаровать ихъ. Для нихъ сказка — то же, что для взрослыхъ романъ, а потерпятъ ли послѣдніе, чтобы авторъ, въ концѣ своего романа, сказалъ имъ, что все это — выдумка его воображенія и что въ самомъ дѣлѣ ничего этого не было, хотя они и сами очень хорошо знаютъ, что все это — выдумка, сочиненіе, а не было?... Далѣе дѣдушка Иринея вразумляетъ своихъ маленькихъ, очень маленькихъ читателей, что «не за всякій трудъ и добро награда бываетъ; а бываетъ награда неварокомъ, потому-что трудъ и добро сами по себѣ хороши и ко всякому дѣлу пригодны». Вотъ ужъ подлинно — спустя лѣто, въ лѣсъ по малину! Да вы лучше бы развили въ самой сказкѣ эту истину, а доказавши сказкою совершенно противное, нечего уже поправлять ошибку разсужденіями, которыхъ дѣти не читають и не любятъ....

Мы сказали, что языкъ сказочекъ дѣдушки Иринея чистый, правильный и прекрасный; тамъ болѣе намъ жаль, что въ каждой изъ нихъ, Богъ знаетъ ради чего, употреблено по разу слово: *сиди*. Дѣти не поймутъ его, какъ будто бы оно было санскритское или эѳіопское слово, и будутъ спрашивать старшихъ, что-де оно значитъ. И не мудрено: теперь, когда уже подъячіе перевелись, а вмѣсто ихъ явились благовоспитанные чиновники, теперь только черезъ знакомство съ семинаристами да съ русскою литературою можно дѣтямъ познакомиться съ неприличными словами въ родѣ *снхъ*, *онхъ*, *коихъ*, *каковыхъ*, *таковыхъ*, *содпльмятъ*, *поеліку*. *днесъ*, *се* и т. п.

Несмотря на то, сказочки дѣдушки Иринея хороши, столько хороши, сколько могутъ быть хороши сказочки для маленькихъ, очень маленькихъ дѣтей, — и мы тамъ болѣе жалѣемъ, что не можемъ того же сказать о его стихахъ для дѣтей, стихахъ, которые.... но судите сами: вотъ *Письня для входа въ классъ*:

Трахъ, тарарахъ, танъ-танъ-танъ,
Трахъ, тарарахъ, танъ-танъ-танъ (*дважды*).

Время, время въ классъ собираться!
 Не шумѣть и не толкаться,
 Не звѣвать по сторонамъ,
 А садиться по скамьямъ.

Трахъ, тарарахъ, танъ-танъ-танъ,
 Трахъ, тарарахъ, танъ-танъ-танъ.

Вотъ и вся пѣсня! Намъ кажется, что не писавши стиховъ смолоду, лучше ужъ и не братья за нихъ подъ старость; а написавши музыку, попросить когонибудь изъ записныхъ стиходеѣвъ придумать къ ней стишки на известную тему. Но это бы еще куда ни шло, а насъ пуще всего (даже пуще стиховъ) испугалъ гибельный советъ, который дѣдушка Иринея даетъ дѣтямъ насчетъ чистки зубовъ:

Зубы, десны крѣпче три
 И сваружи и снутри.

Помилуйте, какъ это можно! Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ разсказалъ намъ про себя, именно по поводу этихъ стиховъ, очень поучительную вещь. Владѣя необыкновенно крѣпкими, здоровыми и чистыми зубами, онъ недавно сталъ чувствовать въ нихъ сильный ломъ, когда возьметъ въ ротъ холодной воды. Дантистъ, котораго онъ спрашивалъ о причинѣ этого явленія, осмотрѣвъ его зубы, сказалъ ему: вѣрно вы крѣпко третѣ зубы щоткою съ зубнымъ порошкомъ? — Очень крѣпко. — Такъ оставьте на недѣлю вовсе тереть, а послѣ третѣ какъ можно тише и легче, а то у васъ и такъ остался ужъ слишкомъ тонкій слой глазури: если протрете ее, вся ваши зубы вдругъ начнутъ гнить и крошиться.

Совѣтуемъ дѣдушка Иринею, при второмъ изданіи трехъ его пѣсень, слово *крѣпче* замѣнить *лезче*, — что тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что черезъ это и размеръ стиховъ ничего не терпять; а въ ожиданіи этого склжемъ нѣсколько назидательныхъ словъ о чрезмерно дорогой цѣнѣ его крохотныхъ сказочекъ. Эти микроскопическія книжечки стоѣтъ каждая по 50 копѣекъ серебромъ, а тетрадка, заключающая въ себя стихотворенія, 1 рубль серебромъ, стало быть, вся три — *два рубля серебромъ*: цѣна баснословно-чудовищная! Можетъ быть, тетрадка со стихами и нотами и стоѣтъ того, потому что печатаніе нотъ вездѣ обходится дороже печатанія книгъ; но два сказочки въ 32 или 64-ю долю листа, одна въ 56, другая въ 58 страницъ крупной и нельзя сказать, чтобы красивой печати, на бумагѣ весьма средняго достоинства, съ плохими полнотижами, которыхъ очень немного, и изъ которыхъ помѣщенные во второй книжкѣ дѣланы не

къ ней (потому-что мужички на нихъ нѣмецкіе, а не русскіе); во сколько могли онъ обойтись издателю? Если ихъ печатано 1200 экземпляровъ, то съ издержками на печать, бумагу и переплетъ, каждый экземпляръ едва ли обошелся въ *два копейки серебромъ*.... Стало быть, за вычетомъ 20-ти процентовъ за комиссію продажи, чистаго барыша съ каждой книги 38 копеекъ серебромъ... Помилуйте, да вѣдь это значить — потративши на изданіе 1200 экземпляровъ 84 рубля ассигнаціями да уступивши въ пользу книжныхъ лавокъ, за комиссію, 420 рублей ассигнаціями, я того — 504 рубля, приобрести 1586 рублей ассигнаціями! Да это выгодное всякой деревни и всякаго дома въ столицѣ! Каждая изъ этихъ книжечекъ одна ли бы заплатила два листка (т. е. четыре страницы, нашего журнала: разочтемъ же, по чемъ бы долженъ былъ продаваться нашъ журналъ, по цѣнѣ сказочекъ дядушки Иринея. Каждая книжка нашего журнала состоитъ болѣе, нежели изъ 25-ти печатныхъ листовъ; возьмемъ круглое число 25 листовъ. Если четыре страницы должны стоить 50 коп. серебромъ, то листъ (16-ть страницъ) долженъ стоить два рубля серебромъ, книжка 50 рублей серебромъ, а годовое изданіе журнала (12 книжекъ) 600 рублей серебромъ, вѣсто 15-ти: выгодно было бы издавать журналъ, несмотря на чудовищную разницу въ издержкахъ на изданіе!... Настоящая цѣна каждой изъ двухъ книжечекъ дядушки Иринея должна бы быть — *десять копеекъ серебромъ*: за вычетомъ двухъ копеекъ на изданіе да двухъ же копеекъ за комиссію, издатель получалъ бы *шесть копеекъ барыша* на четыре копейки, т. е. 60 процентовъ на рубль: и то лучше всякой деревни и всякаго дома на Невскомъ проспектѣ! Но теперь едва ли онъ что-нибудь получитъ, потому-что книжки его, по цѣнѣ, доступны, только дѣтямъ такихъ отцовъ, которые —

Не то на серебрѣ — на золотѣ ѣдятъ,
Сто человѣкъ къ услугамъ . . . . .

Да и тѣ едва ли будутъ много покупать. По крайней мѣрѣ, что касается до меня, будь я миллионеръ, — я скорѣе выкинулъ бы два рубля серебромъ за окно, нежели бы заплатилъ ихъ за эти три книжки, потому-что есть что-то оскорбительное и обидное въ необходимости платить за вещь вдесятеро больше того, что она стоитъ. Дядушка Иринея назначилъ эту гиперболическую цѣну за свои маленькія книжки совсѣмъ не по тѣмъ причинамъ и побужденіямъ, по которымъ это дѣлается книгопродавцами (намъ болѣе, нежели кому нибудь известно это, потому-что мы немного знаемъ дядушку Иринея,

а по какой-то странной и опрометчивой необдуманности, и еще более по свойственной почти каждому русскому человеку, и богатому и бѣдному, замашкѣ — считать цѣлковые и полтинники за пятаки и гроши, а пятаки и гроши ни за что не считать.... Разумѣется, кто хочет строить себѣ домъ, для того и тысяча полтинниковъ — ничтожная сумма; но кому нужно купить калачъ, булку, хлѣбъ или фунтъ соли, для того полтинникъ — деньги и деньги, и всякій миллионеръ знаетъ право выйти изъ себя отъ негодованія, если съ него запросятъ полтинникъ за калачъ, булку или фунтъ соли. Конечно, книги не принадлежатъ къ предметамъ потребленія первой необходимости, и всякой волею назначать своей книгѣ какую ему угодно цѣну; да мы никогда и не вышвивались въ такого рода расчеты. Но на этотъ разъ дѣло вышло както особенно поразительно, и мы не могли не увидѣть въ немъ вреда и безъ того неполюющейя особеннымъ кредитомъ литературы нашей. Вся твердятъ объ общей пользѣ, о распространеніи просвѣщенія и образованія, а дѣлаютъ совсѣмъ не то, и тамъ это прискорбнѣе, если дѣлаютъ такъ безъ достаточнаго основанія, даже не по корыстному расчету, а Богъ вѣдаетъ почему. А публика ропщетъ, бранитъ литераторовъ и литературу — и подъяломъ. Вотъ почему, если бы кому-нибудь слова наши показались не совсѣмъ пріятными — просимъ не взыскать: мы говоримъ правду и дѣло, а до лицъ, или литературныхъ партій, другими словами — до нашихъ и вашихъ, намъ пать дѣла....

Петербургскій Сборникъ для Дѣтей, изданный г. В. Петровымъ и таинственными буквами М. М., былъ бы довольно порядочною дѣтскою книгою, еслибы авторы помѣщенныхъ въ немъ статей умѣли получше писать, а переводныя статьи были бы не переведены, а передѣланы для русскихъ дѣтей. Заглянемъ въ этотъ *Сборникъ*. Овъ начинается драматическою пьесою въ стихахъ г. А. Григорьева: *Олеги Влчій*, сказаніе русскаго летописца. Тутъ разговариваютъ огнищане, витязи, норманскіе и славянскіе, поютъ скальды, Олегъ вѣдетъ съ войскомъ по сухому пути, на ладахъ, поставленныхъ на колеса, къ Цареграду, и прибываетъ своей шить къ его воротамъ, говоря прозаически, или къ его *вратамъ*, говоря поэтически, потомъ умираетъ отъ ужаленія змьи, выползшей изъ костей любимаго коня его. Не понимаемъ, что за фантазія — драматизировать жизнь, о которой дошли до насъ самыя скудныя извѣстія, да и тѣ составляютъ еще предметъ сомнѣній, толкованій и споровъ спеціальныхъ ученыхъ? А потомъ, что за манера — искать поэзію въ сказкахъ, а не въ истинѣ и въ дѣйствительности? А наконецъ, если ужъ писать стихами, то зачѣмъ непременно плохими?

Обильна
И велика земля наша, да нѣтъ
Порядку въ ней. . . . .

Что за слово «наша?» Или :

Не страшись, могучій, ни воды, ни огня.

Что за слово «могучій?»

Скажи ему, посоль,
Что русскій князь не знаетъ отступать.

Не знаетъ отступать — сказаво не порусски ; порусски говорится : *не знаетъ*, какъ *отступаютъ*, или, еще проще и короче : *не умѣетъ отступать*.

Взаимной клятвой утверждаемъ мы
Сей (?) договоръ . . . Клянитесь вы Руссы —
Однимъ ; и пр.

Что это за Руссы? Мы до сихъ поръ знали только Рѹссовъ, которые въ именительномъ и звательномъ падежахъ говорятъ Рѹссы.

Гдѣ ты,
Моя Торильда, съ русыми власами.

Т. е. волосамъ. Можетъ быть, Олегъ и говорилъ власами, но г. Григорьевъ вѣдь пишетъ языкомъ не лѣтописей, а нашимъ современнымъ.

Быть по твоему . . . Коня
Любимаго коня оставляю.

Здѣсь явно пропущено слово *я* между *конемъ* и *оставляю* : корректура стиховъ не мѣшало бы быть поисправнѣе.

Но еще все это было бы только мелочами, если бы въ стихахъ г. Григорьева было хоть что-нибудь похожее на поэзію, кромѣ метра. Самое названіе пьесы его : *Сказаніе русскаго лѣтописца* дышетъ претензією : лѣтямъ слѣдовало бы сказать, какого лѣтописца, а то они, пожалуй, подумаютъ, что этотъ лѣтописецъ — г. Григорьевъ, пишущій или писавшій свои сказочныя лѣтописи прозаическими стихами....

Бллая мышка, рассказъ какого-то Гебезина Моро, кромѣ того, что вздорная вещь, еще и старая : мы давно уже читали ее въ какой-

то русской дятской квижонкѣ. Тутъ на сценѣ волшебница, обращенная въ бѣлую мышку, Людовикъ XI, наслѣдникъ его, Карлъ дофинъ, и немурскій герцогъ, запертыи въ желѣзную клетку. Не понимаемъ мы этой смѣси исторіи съ волшебными сказками! Русскія дѣти тутъ ровню ничего не поймутъ, потому-что тутъ о Людовикѣ XI не сказано и десяти словъ, а героемъ разсказа является мышь! Чепуха страшная! Что бы вмѣсто волшебныхъ вздоровъ, разсказать дѣтямъ, попроще и пояснѣе, что такое былъ Людовикъ XI, какъ, не смотря на его жестокость, суевѣріе, вѣроломство, варварство, онъ положилъ во Франціи начало великому дѣлу централизаціи, ванесъ уларь феодализму, расширилъ монархическую власть, и, словомъ, дѣлая всю жизнь свою одно зло, самъ не зная какъ, сдѣлалъ для Франціи много добра, — между-тѣмъ, какъ наслѣдникъ его, Карлъ VIII, будучи добрымъ, благонамѣреннымъ и благороднымъ королемъ, надѣлалъ Франціи одного зла своимъ нелѣпымъ славолюбіемъ, которое далеко не оправдывалось его военными и политическими дарованіями! Сколько бы тутъ можно было разсказать дѣтямъ интересныхъ анекдотовъ, характеризующихъ тотъ вѣкъ и его людеи! Вмѣсто всего этого разсказана вздорная сказка съ историческими планами, чуждыми и непонятными для дѣтей! — *Сирота*, повѣсть, была бы не дурна, еслибъ разсказана была лучшимъ языкомъ. — *Семейство Ссылнаго*, разсказы объ Австраліи и индѣйскомъ архипелагѣ — статья очень интересная по содержанію и очень дурно изложенная, какимъ-то книжнымъ языкомъ, что особенно видно въ разговорахъ. — *Михайло Васильевичъ Ломоносовъ* — вторая плохая копіяція изъ книги г. К. Полеваго. — *Явленія природы на островѣ Тиморѣ* — очень интересная по содержанію статейка; о языкѣ нечего и говорить. Вотъ для примѣра фраза на выдержку: «Исполнивъ волкановъ — *Фіаларангъ*, нависшій надъ *Тиморомъ*», отъ котораго онъ родился и отъ котораго когда-нибудь погибнетъ, начинаетъ дымиться» и пр. (стр. 223 — 224). Понятно, что *Фіаларангъ* родился отъ *Тимора*, но какъ понять, чтобы онъ отъ *Тимора* же и погибнулъ: скорѣе можетъ случиться, что *Тиморъ* погибнетъ отъ *Фіаларигани*. — *Пчелы* — очень интересная по содержанію статья; изложеніе плоховато. — Маленькія статейки: *Фультоны*, *изобрѣтатель пароходовъ*; *Мысли дикаря о поединкѣ* (т. е. о дуэли); *Смѣшное суевѣріе*; *Удивительныя слѣдствія страха въ птицахъ*; *Какимъ образомъ картофель сдѣлался пищею Европейцевъ*; *Бури на Амазонской рѣкѣ*: — всѣ эти статейки очень умно выбраны, и дѣти, безъ всякаго сомнѣнія, найдутъ ихъ для себя очень интересными, не говоря уже о томъ, что онѣ будутъ имъ и полезны. Вообще, по выбору статей, *Петербургскій Сборникъ для Дѣтей* — книжка — хоть бы куда;

жаль только, что ея составители плохо пишутъ порусски. Да, чуть было не забыли мы сказать, что этотъ *Сборникъ* украшенъ весьма безобразными литографіями.

Повѣсти для Дѣтей (съ шестью картинками, довольно безобразными) — книжка, вся составленная изъ переводовъ съ французскаго. Будь это не переводы, а переводки, приваровленные къ понятіямъ русскихъ дѣтей, книжка могла бы быть для нихъ интересною; но въ настоящемъ ея видѣ она рѣшительно никуда не годится. — *Судейская Ошибка*: Что это такое? Покакowski это? Но положимъ такъ, согласимся даже, что этотъ рассказъ и интересенъ, и трогателенъ, и поучителенъ, — но для кого? — для французскихъ дѣтей, а для нашихъ тутъ все непонятно и странно — и нравы, и обычаи, и положенія, и адвокаты, и *Палата Правосудія* (*Palais de Justice*), которую переводчикъ перековеркалъ въ *судилищную палату*. Все это следовало бы объяснить дѣтямъ, а для этого пересказать имъ повѣсть, какъ говорится въ училищахъ, *своими словами*, а не слово въ слово съ подлинника. Въ этой повѣсти употреблено нѣсколько разъ слово *стража*: въ наше время бываютъ *караулы*, *караульные*, *часовые*, *сторожа*, *хозжалы*, *городовые*, *будочники*, но *стражей* никакихъ нѣтъ и не бываетъ. Это слово книжное, мертвое, и употреблять его, значитъ — обнаруживать явное неумѣніе писать порусски. — *Тяглы Бутылки* — рассказъ не безъ интереса, только не для дѣтей; для нихъ тутъ все непонятно. — *Леди Люси* — очень бы интересный и трогательный рассказъ для дѣтей, еслибы только онъ былъ не переведенъ, а пересказанъ, и было бы въ немъ объяснено все историческое. — *Бѣдность, честность, счастье, или марсельскій сирота*: эту вздорную драму, въ которой такъ плоско доказывается выгода добродетели, ибо-де за нее платится наличною монетою и большими кушами, мы уже читали въ плохомъ дѣтскомъ альманахѣ г. Фурмана. — *Объ Алисъ*, рассказъ изъ временъ Людовика IX, надобно бы сказать то же, что уже было говорено о *Судейской Ошибкѣ*: будь это не переводъ, а переводка, повѣсть была бы хороша, но какъ переводъ, она никуда не годится.

Вотъ и все лучшее, что появилось къ празднику пасхи по части дѣтской литературы...

Еврейскія секты въ Россіи. Составлено В. В. Григорьевъ. Спб. 1847.

Исторія еврейской религіи подтверждаетъ тотъ историческій законъ, что всякая религія, не поддержанная божественнымъ промысломъ и не изъ откровенія прошедшаго съ теченіемъ времени утрачивается

свою первоначальную чистоту (стр. 4) и является въ такомъ искаженіи, что только силою историческаго анализа можно доискиваться ея исходной точки, ея первоначальнаго догмата, когда-то имѣвшаго значеніе положительнаго закона или всеобщаго варованія, — ея основной мысли, когда-то, давно, взятой прямо изъ жизни, или, по крайней мѣрѣ, сообразной съ понятіями народа. Изученіе исторіи религіи особенно занимательно въ томъ отношеніи, что факты ея искаженія могутъ служить поясненіемъ къ исторіи развитія народа, у котораго она господствовала. Вторженіе въ законъ чуждыхъ элементовъ, слѣды политическаго переворота, отразившіеся въ какомъ нибудь религіозномъ постановленіи, въ обычаяхъ, получившемъ силу закона и занесенному въ священныи кодексъ, — все это данныя, по которымъ можно дойти до самыхъ любопытныхъ заключеній о человѣкѣ вообще (стр. 4), о томъ, какъ берется онъ за рѣшеніе тревожныхъ вопросовъ, какъ одолевалъ ихъ предрасудокъ, завѣщанный ему отъ предковъ и укоренившійся злымъ обычаемъ, какъ падаетъ, какъ обезпечивается надъ гнетомъ тупого, отжившаго свой вѣкъ варованія!...

Религіозныя постановленія долгое время были въ тѣсной, неразрывной связи съ постановленіями гражданскими: исторія религіозныхъ переворотовъ разрѣшаетъ много соціальныхъ вопросовъ и бросаетъ новый свѣтъ на исторію развитія гражданского общества. Въ религіозномъ завѣтѣ предстаютъ ярко и выпукло тѣ положенія общественной жизни, съ которыми люди никогда не могли примириться, но которымъ тѣже люди покорялись, — положенія, которыхъ нельзя вывести изъ свойствъ человѣческой природы, и въ тоже время нельзя не признать за факты. Поэтому критика религіознаго законодательства многихъ народовъ есть въ тоже время и критика общественнаго устройства: въ немъ лежитъ залогъ, причина многихъ неразрѣшимыхъ, а нормальныхъ явленій общественной жизни.

Наконецъ, и это всего важнѣе, исторія религіи разрѣшаетъ довольно очевидно вопросъ о томъ, въ какихъ положеніяхъ выражена истинная, неподлежащая критикѣ или, лучше сказать, выдерживающая всякую критикѣ религія.

Исторія еврейскихъ сектъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ того, какъ судьба постигла націю, въ которой всегда господствовалъ религіозный элементъ, и до чего дошелъ народъ, вѣкогда державшійся единственно силою своихъ одностороннихъ варованій и религіозныхъ установленій. Сверхъ того, эта исторія какъ нельзя яснѣе показываетъ, какимъ образомъ совершается искаженіе сектъ: падаетъ первоначальный догматъ, современныя потребности общества вызыва-

ютъ новыя постановленія, противорѣчащія этому догмату, представители верховной власти начинаютъ расширять значеніе догмата, вносить въ примативный національный кодексъ безду мелочныхъ, тягостныхъ постановленій, законъ становится съ каждымъ днемъ недоступнымъ большинству народа и по самой своей сложности мало по малу утрачиваетъ прежнее значеніе закона, образуется ненавистное сословіе толкователей закона (стр. 73, 83 и слѣд.), которые модифицируютъ его сообразно съ личными выгодами, держатъ въ рукахъ темныхъ людей, внушая имъ безумное благоговѣніе къ закону, когда-то весьма понятному, убедительному, и мало по малу получившему характеръ громоздкаго, тираническаго униженія (стр. 90)..

Наконецъ, исторія еврейской религіи покажетъ пагубное вліяніе религіознаго деспотизма не только на политическую самостоятельность націи, но и самый характеръ Евреевъ, вліяніе, которое до сихъ поръ ярко и возмутительно отражается на нравахъ потомковъ израиля (стр. 95—7, 123—5).

Г. Григорьевъ излагаетъ въ своемъ сочиненіи сначала исторію распаденія еврейской въ народъ израильскомъ по возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго, объясняетъ причину первоначальнаго раскола хасидимовъ и саддукимовъ, потомъ переходитъ къ историческому развитію и развѣтвленію этихъ сектъ и въ отдаленности излагаетъ исторію каждой изъ трехъ преобладающихъ у Евреевъ сектъ: Каранитовъ, Раввинистовъ, или Тавтудистовъ, и Каббалистовъ, объясняетъ ихъ происхожденіе, существо ихъ догматовъ, основанія различія между сектами, указываетъ спорные вопросы въ различныхъ ученіяхъ, однимъ словомъ, полную характеристику каждой секты, ихъ историческую судьбу въ разные эпохи и ихъ настоящаго времени, литературу, біографіи главныхъ ихъ представителей, сводитъ факты всеобщей исторіи съ реформами, происшедшими въ недрахъ самыхъ сектъ, и, наконецъ, представляетъ краткій очеркъ положенія Евреевъ разныхъ сектъ въ Россіи.

Вообще сочиненіе г. Григорьева, несмотря на компилятивный характеръ и недостатокъ широкаго, яснаго взгляда на предметъ во всей его обширности, въ высшей степени занимательно. Нѣкоторыя сценки, въ отдаленности, изложены чрезвычайно полно, отчетливо. Все вообще сочиненіе написано живымъ, истиннымъ языкомъ, и заключаетъ въ себя много свѣтлыхъ мыслей, въ свою очередь, вызывающихъ читателя на размышленіе. Жаль только, что изображеніе быта Евреевъ въ Россіи авторъ изложилъ довольно коротко, и отсылаетъ читателей къ статьѣ: «Польскіе Евреи», когда-то помѣщенной въ «Библіотекѣ для Чтенія».

Шекспиръ. Съ англійскаго Н. Кетчера *Выпускъ четырнадцатый* Все хорошо, что хорошо кончилось. Москва. 1846.

Прекрасное предпріятіе г. Кетчера — доставить своимъ соотечественникамъ возможность прочесть всего Шекспира въ вѣрномъ прозаическомъ переводѣ, начавшееся тихо и скромно, къ сожалѣнію, остановилось было на тринадцатомъ выпускѣ, по обстоятельствамъ, лично относящимся до переводчика. Къ счастью, эти обстоятельства изменились и съ ними отстранялись все препятствія къ продолженію этого изданія, столь важнаго и полезнаго во многихъ отношеніяхъ. Почти вся литературы Европы имѣютъ вѣрные прозаическіе переводы не только Шекспира, котораго драмы писаны наполовину стихами, наполовину прозою, но и всѣхъ классическихъ авторовъ, даже писавшихъ только стихами. Этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, чтобы переводы стихотворныхъ произведеній стихами же были не нужны или бесполезны. Напротивъ, только такіе переводы и могутъ давать истинное понятіе о своихъ подлинникахъ. Но впервыхъ, для этого нужны такіе даровитые переводчики, которые являются, можетъ быть, еще рѣже, нежели оригинальные, самостоятельные поэты. Таковъ нашъ несравненный, единственный Жуковский: онъ своими переводами усвоилъ русской литературѣ вѣскольکو замѣчательнѣйшихъ произведеній Шиллера и Байрона. Говоримъ: усвоилъ, потому что его переводы похожи болѣе на оригинальныя произведенія, нежели на переводы. Но и тутъ, для незнающихъ нѣмецкаго и англійскаго языковъ, было бы и пріятно и поучительно имѣть въ рукахъ, для сравненія, вѣрные и близкіе переводы въ прозѣ, чтобы видѣть, гдѣ переводчикъ — соперникъ Шиллера или Байрона по необходимости отступалъ отъ подлинника, такъ какъ въ переводѣ стихами невозможна буквальная вѣрность, и гдѣ онъ съ умысломъ отдалялся отъ него для того, чтобы тѣмъ ближе подойти къ нему, другимъ оборотомъ выразить ту же мысль, другою формою уловивъ тотъ же духъ. Такое сравненіе, послѣ возможности читать въ подлинникъ переведенное сочиненіе, лучше всего знакомитъ съ нимъ и помогаетъ изучить его. Тѣмъ болѣе это должно относиться къ переводамъ нисшаго достоинства. Что же касается до обыкновенныхъ, дюжинныхъ переводовъ стихами, — вѣрный и близкій переводъ въ прозѣ всегда лучше ихъ знакомитъ съ подлинникомъ.

Все хорошо, что хорошо кончилось, какъ вся комедія Шекспира, кромѣ яркой и рельефной живописи нравовъ, современныхъ Шекспиру, заключаетъ въ себя столько веселости, игривости, граціи, что только художественный переводъ и стихами и прозою могъ бы дать о ней вѣрное понятіе. Въ прозаическомъ же поне-

воля должно довольствоваться тѣмъ, что можно передать прозою,—не болѣе. И потому, мы очень рады, что за эту комедію послѣдуетъ *Коріоланъ*; за нимъ мы желали бы видѣть *Юлія Цезаря*; а слѣдующую пятую часть, съ семнадцатаго до двадцатаго выпуска включительно. мы совѣтовали бы переводчику начать съ *Антонія и Клеопатры*, продолжать *Тимономъ Авинскимъ*, кончить какою-нибудь изъ особенно извѣстныхъ драмъ, а третью пьесю можно выбрать и комедію. Сплошнымъ же переводомъ комедій мы не думаемъ, чтобы можно было особенно заохотить нашу публику къ Шекспиру. Разсчитъ вѣгда не портить дѣла, а помогаетъ ему. Желаемъ также, чтобы слѣдующіе выпуски появлялись чаще одинъ за другимъ: это тоже одно изъ условій успѣха предпріятія.

Музей современной иностранной литературы. Выпуски 1-ой и 2-ой. Спб. 1847.

Слова вѣтъ! Настоящее положеніе русской литературы совсѣмъ не такъ печально, какъ многіе думаютъ. Умные люди утверждаютъ, что оно даже очень хорошо. Русская литература поумнѣла и быстро вступаетъ въ періодъ зрѣлости, — такъ говорятъ умные люди и доказательства приводятъ основательныя: она не производитъ стихотвореній, она отказалась отъ изображенія сильныхъ, могучихъ и клокочущихъ страстей, громадныхъ личностей; Звонскіе, Лирскіе, Гремнины — совсѣмъ вывелись въ ней; мѣсто ихъ заняли Петровы, Ивановы, Сидоровы; мыщанская слабость изображать большой свѣтъ, съ графами и графинями, мебелью отъ Гамбса и Тура, духами отъ Марса и мороженнымъ отъ Резанова, также проходитъ въ ней. Она даже шагнула дальше, съ нѣкотораго времени начала обнаруживать храбрость неслыханную.... Живымъ ключомъ забился въ ней новый родникъ, изъ котораго она прежде гнушалась черпать; цѣль ея стала благороднѣе и дѣльнѣе, чѣмъ когда-либо.... Отказавшись отъ изображенія бурь и волненій, безъ сомнѣнія, возвышенныхъ и глубокихъ, возникающихъ въ благовонной атмосферѣ аристократическихъ залъ, при громѣ бальной музыки и ослѣпительномъ освѣщеніи, она не гнушается темныхъ дѣлъ, страстей и страданій низменнаго и бѣднаго міра, освѣщеннаго лучиною. Теперь въ ней уже нѣрѣдкость произведеніе, въ которомъ не встрѣтите вы не только князей, графовъ и генераловъ, но даже лицъ, имѣющихъ оберъ-офицерскій чинъ, — и она умѣетъ такими произведеніями не отталкивать, но привлекать къ себѣ публику.... Міръ старухъ, жолтыхъ и страшныхъ, посвятившихъ себя гнилому тряпью, въ котораго вѣтъ для нихъ ни интересовъ, ни радостей, ни самой жизни; стариковъ сердатыхъ и мрачныхъ; желящницъ жалкихъ и

возмущающихъ, которыя протягиваютъ руку украдкой и краснѣютъ или дѣлаются жертвой позора и нищеты; дѣтей блѣдныхъ и болезненныхъ, которыя дрожатъ и скачутъ отъ холода, выгнанныя на свѣтъ божій вуждой изъ сырого подвала, — темень и страшенъ такой мѣръ, и много надобно было нашей литературы, недавно еще щепетливой и чопорной, передумать и пережить, чтобы рѣшиться низойти до него, — приподнять хоть немного завѣсу, скрывающую его мрачныя тайны, — и она приподняла ее.... Сдѣлавъ великій шагъ твердо и сознательно, она не смущается позорными упреками, которые, къ стыду нашего времени, сыплются еще на нее изъ разныхъ угловъ, зато, что занимается она предметами ничтожными и унижительною для нея, роется въ грязи.... Она сама знаетъ, что ея теперешніе герои — нерадко люди, которыхъ привычки грубы, страданья обыкновенны до пошлости, страсти неблаговоспитанны, въ которыхъ нѣтъ ничего романтическаго и привлекательнаго, скорѣй много отталкивающаго, но она знаетъ также, что они люди.... Деликатныхъ и благовоспитанныхъ порицателей, которые торжественно объявляютъ такихъ людей вѣстоющими вниманія, а картины ихъ быта невозбуждающими ничего, кромѣ отвращенія, — она и слушать не хочетъ! Она знаетъ ихъ вкучь: забвенія подавляющей дѣйствительности — обманъ хотятъ они, но его-то и не даетъ она имъ; напротивъ, она какъ нарочно ваялась возмущать ихъ спокойствіе, портить пищевареніе....

Слова нѣтъ — литература поумнѣла, но.... интересныхъ книгъ выходитъ все-таки мало, и тѣ, которые кричатъ: «читать нечего», почти правы.... Публика, не то, чтобъ вовсе равнодушна къ русской литературѣ, но и неслишкомъ-то занимается ею — ввинить публику было бы грѣшно. Рѣдко является произведеніе, которое самымъ дѣломъ напомнило бы публикѣ о существованіи русской литературы, ея процвѣтаніи, возмужалости и другихъ похвальныхъ качествахъ, охотно за ней теперь признаваемыхъ. «Современникъ» радуется, что ему въ настоящее время посчастливилось представить на страницахъ своихъ два такіа произведенія: мы говоримъ о романѣ г. Искандера «Кто Винаватъ» и о романѣ г. Гончарова «Обыкновенная Исторія», о которыхъ говоритъ теперь весь Петербургъ. Но много ли въ годъ является такихъ произведеній? Даже каждый ли годъ является по одному такому произведенію?... А между тѣмъ, потребность къ чтенію усиливается. Люди смѣтливые пользуются такою потребностью и недостаткомъ собственно русскихъ книгъ, способныхъ удовлетворить ей — и ищутъ переводы. Переводные романы расходятся — и смѣтливые люди не въ накладе.... И чтожь тутъ дурного? Публика вѣрится читать переводы, смѣтлив-

вымъ людямъ нравится издавать ихъ; все, кажется, въ порядкѣ вещей.... дѣло простое и законное.... Не странно ли послѣ того читать при объявленіи объ новомъ изданіи переводовъ разсужденіе объ испорченности и развращеніи вкуса публики, дурномъ направленіи литературы, и увѣреніе.... въ чемъ бы вы думали?... что новое изданіе поставило себя цѣлю исправить вкусъ, изгнать дурное направленіе, однимъ словомъ: спасти литературу и публику отъ конечной погибели?... Да полно такую ли цѣль поставило себя новое изданіе?... Натъ, между прочимъ и потому, что еслибъ и дѣйствительно погубилъ вкусъ, то исправленіе его зависитъ не отъ такихъ мѣръ.... Ничего натъ дурного, трудясь хоть бы и надъ переводомъ романовъ, желать себя вознагражденія за трудъ отъ тѣхъ, кто нуждается въ переводахъ,—поэтому мы прямо скажемъ, что цѣль всѣхъ подобныхъ изданій — надежда на хорошій сбытъ, доставляющей вещественную прибыль.... Къ чему же превыспреннія разглагольствія, столь неумѣстныя? Зачѣмъ добровольно дѣлать себя смѣшнымъ? къ чему набрасывать тѣмъ чего-то дурного на дѣло, конечно, довольно ничтожное, но совершенно невинное, усиліемъ представить его въ другомъ видѣ?

«Музей современной иностранной литературы» говоритъ, что онъ, недовольный романами «поставляемыми на ежедневное потребленіе въ фельетоны», предположилъ себя цѣлю «доставлять любителямъ чтеніе *постоянное, избранное, разнообразное, пріятное, и въ кажущейся легкости своей непортящее вкуса. не соображающее помятій*».... Что же переводитъ и печатаетъ «Музей»? Да тоже, что печатаютъ наши журналы, поддерживающіеся переводами, съ тою только разницею, что, не имѣя возможности поспѣвать за журналами, «Музей» печатаетъ, такъ сказать, «остатки иностранныхъ литературъ», то есть тѣ, что забраковано журналистами (такъ, напримѣръ, въ первомъ своемъ выпускѣ «Музей» напечаталъ, между прочимъ, романъ «Домашній Сверчокъ» — худшій изъ четырехъ святочныхъ романовъ Диккенса), а иногда и тоже, что печатается въ журналахъ. Иначе и быть не можеть въ изданіи, печатающемъ произведенія иностранныхъ *современныхъ* литературъ, снабжающихъ матеріаломъ большую часть нашихъ журналовъ. Въ чемъ же привиллегія «Музея» на исправленіе вкуса передъ журналами и гдѣ возможность къ такой реформѣ?...

«Музей» любитъ обшачать, и, завѣривъ публику въ великости своей цѣли, онъ не оставляетъ ее въ неизвѣстности и на счетъ способовъ, какими предположилъ себя достигать ее.

• Пригласивъ къ постоянному соучастію сотрудниковъ *дѣятельныхъ, опытныхъ, владѣющихъ и отечественными, и иностранными языками и*

съ самой выгодной стороны знакомых нашей читающей публикѣ, — заручая значительный капиталъ на это изданіе, — не прибѣгая къ пособию подписки, преждевременно собирающей на подобныя предпріятія деньги, — желая доставить чтеніе не только яркое, но въ весьма многихъ отношеніяхъ (при настоящемъ направленіи некоторыхъ произведеній литературы) полезное, — принявъ намѣреніе вѣстѣ съ сотрудниками нашими исполнять наше дѣло со всевозможно-строгимъ раченіемъ, — мы будемъ молчаливо и скромно идти своей дорогой, ожидая, чтобъ не чей-либо одиночный, можетъ быть, и пристрастный, или не избранный въ судьи мнѣніемъ общественнымъ голосъ, — но чтобъ самое мнѣніе это и опытъ дѣла, котораго результаты не могутъ быть съ нимъ въ разнорѣчія, произнесли свой приговоръ и доказали бы: — понята ли нами потребность и достигнута ли предположенная цѣль.

Какъ громко, величаво, торжественно! А для чего?... Если вы точно пригласили сотрудниковъ дѣятельныхъ и пр. и пр., то отчегожь вы скрыли ихъ имена отъ публики, которой, по вашимъ словамъ, они извѣстны съ самой выгодной стороны? А если вы считали пужнымъ соблюсти въ этомъ отношеніи скромность, то для чегожь не соблюли ее и въ томъ отношеніи? Вѣдь объявить, что виветь отличныхъ, даже гениальныхъ сотрудниковъ всякій можетъ, да чтожь изъ того? Нужны или имена, чтобъ публика могла повѣрить ваши слова, или — еще лучше — самое дѣло, которое во всякомъ случаѣ лучше словъ.... Объявить, что заручились значительный капиталъ на изданіе тоже можетъ всякій, имѣющій капиталъ и не имѣющій его.... Вы поставяете на видъ публикѣ, что не прибѣгаете къ пособию подписки, преждевременно собирающей на подобныя предпріятія деньги. Это опять напрасно. Всѣмъ, и вамъ въ особенности, извѣстно, что съ нѣкотораго времени объявлять преждевременною подписки ни на какія изданія, кромѣ періодическихъ, нельзя. Наконецъ, вы говорите, что будете идти своею дорогою молчаливо и скромно, — и отъ такого увѣренія право лучше бы воздержаться, особенно послѣ такого предисловія.... Во всякомъ случаѣ, молчаливость и скромность вашу никто не мешалъ вамъ показать на дѣлѣ, и публика вѣрно наградила бы васъ за такія прекрасныя качества, замѣтивъ ихъ въ васъ сама... А теперь, когда вы уже сами себя наградили торжественнымъ признаніемъ въ себя такихъ качествъ, ей тутъ дѣлать нечего....

Однакожь, дѣло еще не совсѣмъ испорчено: публика будетъ васъ читать, если только вы будете продолжать свое дѣло, какъ начали, потому что «Музей современной иностранной литературы» — изданіе отнюдь не лишнее.... При всей массивности своей, журналы ваши не

могутъ вмѣстять въ себя всего , что является болѣе или менѣе интереснаго въ иностранныхъ литературахъ ; иногда остаются непереведенными повѣсти и романы, даже замѣчательно хорошіе. Вотъ съ ними-то знакомить публику настоящее дѣло «Музея», который очень умно предположилъ себя не ограничиваться текущими произведеніями иностранныхъ литературъ, но переводить и явившіяся уже нѣсколько лѣтъ назадъ. Переводы въ «Музей» если не все равно хороши, то и не все плохи. Изданіе опрятно и дешево.... Словемъ, «Музей» хоть куда, и можетъ удовлетворять современной страсти къ чтенію романовъ -- не хуже никакого другого подобнаго изданія. -- и вотъ его настоящая цѣль. Но если смотреть на него съ точки зрѣнія той великой цѣли, которую переводчики, по увѣренію ихъ самихъ, предположили себѣ, -- то его следовало бы назвать совершенно ничтожнымъ. Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ иногда преувеличенный взглядъ на собственную работу, добродушно высказанный всеуслышаніе!

Жизнь древнихъ Римлянъ (*отъ основанія Рима до Константина великаго*). Профессора Гриневича. Одесса. 1846.

Русская книга по части римскихъ или греческихъ древностей такая же рѣдкость, какъ бѣлая ворона. Только это обстоятельство и искупаетъ подлежащій конспектъ отъ совершеннаго забвенія. Великолѣпное заглавіе: *Жизнь древнихъ Римлянъ*, нисколько не оправдывается содержаніемъ книги: это просто самый краткій перечень предметовъ, входящихъ въ составъ римскихъ древностей. Книга цестрветъ собственными именами и можетъ быть не больше, какъ оглавленіемъ при настоящемъ изображеніи *Жизни древнихъ Римлянъ*, если только авторъ такого творенія захочетъ придерживаться принятой здѣсь системы. А это врядъ ли случится: кто хочетъ изобразить *жизнь народа* въ данный моментъ, тотъ долженъ представить элементы этой жизни въ томъ броженіи, въ какомъ мы всегда видимъ ихъ въ дѣйствительности. А разобрать ихъ одинъ по одному и разставить систематически рядкомъ, какъ насѣкомыхъ на булавкахъ, значитъ уничтожить, а не изобразить жизнь, неразлучную съ движеніемъ. Вся бѣда въ томъ, что жизнь никакъ не укладывается ни въ какую систему, -- а безъ системы намъ спасенія нѣтъ!

Возьмите сводъ законовъ, прибавьте къ нему географію Арсеньева и календарь, -- спрашиваю васъ, можно ли такому сборнику дать названіе: *Жизнь русскаго народа?* А все эти нѣмецкіе *Handbücher* и книга г. Гриневича составлены по этому рецепту. Пора бы перестать рыться въ пыли, составлять каталоги разнымъ дрягамъ и

спорить о часлах воротъ древняго Рима. Лучше разсказать, что происходило внутри стѣнъ.

Отрыли Помпею; случай сохранилъ намъ древній римскій городъ, въ полуразрушенномъ, но не разхищенномъ видѣ. Статуи, вазы, мебель, трупы, — все на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застигла ихъ катастрофа. Антикваріи въ восторгѣ отъ такой находки; что же они дѣлаютъ? Вся вещь выносятся вонъ и систематически хранятся въ особомъ музее; остаются голыя стѣны и колоны, и то благодаря невозможности перенести ихъ въ кабинетъ, — иначе и зданія разставили бы въ музей, тоже систематически: храмы возлѣ храмовъ, театры возлѣ театровъ! И показывали бы намъ этотъ музей и говорили бы: — вотъ Помпея. Хорошее понятіе получили бы вы о городѣ!

Такъ поступаютъ большею частью съ древнимъ міромъ. Мы знаемъ вся мелочи, вся подробности, — но все это не больше какъ полное собраніе анатомическихъ препаратовъ; вотъ сердце — но оно не бьется, вотъ артерій — но въ нихъ не течетъ кровь, вотъ ухо — оно не слышитъ, языкъ — онъ не говоритъ. Можно ли все это назвать человекомъ?

Въ концѣ гинги г. Гриневича помѣщена, неизвѣстно для чего, рецензія г. Стуразы. Изъ нея узнаемъ мы, что «неумолимый Тацитъ начерталъ послѣднее надгробіе своей отчизнѣ, и что г. Гриневичъ перевелъ на русскій языкъ нѣсколько рѣчей *любомудраго* оратора Цицерона и помогаетъ отпереть *завѣтный кивотъ* древности». Въ ораторскомъ талантѣ Цицерона никто не сомнѣвается, но чтобы г. Гриневичъ помогъ своимъ переводомъ отпереть завѣтный кивотъ его краснорѣчія, — весьма сомнительно. Судите сами, — вотъ на выдержку два мѣста изъ рѣчи Цицерона въ оправданіе Тита Аннія Милона: «И такъ, судіи....» (Представьте себѣ римскій форумъ, море народа, ряды войска, общее волненіе умовъ, тысячи глазъ, устремленныхъ на оратора) —

«И такъ, судіи, дабы наконецъ приступить къ дѣлу и къ донесенному преступленію, ежели признаніе въ винѣ не во всякомъ случаѣ бываетъ необыкновенно, ежели сенатъ не судитъ о семъ дѣлѣ ни малѣйше въ противность нашему желанію; ежели самой постановитель закона, не видя спору въ дѣлѣ, хотѣлъ только изслѣдовать правость: ежели избраны слѣдователи, и слѣдствіе поручено мужу, который произведетъ *оное* справедливо и благоразумно: то вамъ, о судіи, остается только разыскать, кто изъ двухъ кому строилъ ковы». (Стр. 28).

Или

«Итакъ внимайте, о судіи! Настоящее изслѣдованіе касается умерщвленія Публія Клодія. Представьте же себѣ мысленно (мысленно

ныя представленія въ нашей волѣ; и мы можемъ, какіе намъ угодно, предметы, умственно соверцать столь ясно, какъ бы вы видѣли ихъ собственными глазами) представьте себѣ воображеніемъ, чтобъ я былъ въ состояніи успѣть предъ вами въ оправданіи Милона, но съ условіемъ, дабы Публій Клодіи опять жилъ. *Почто же страхъ изображается на лицахъ вашихъ? Какими чувствованіями исполнилъ бы васъ живой, когда мертвой пугаетъ столь сильно, чрезъ пустое представленіе воображенія?*» (Ст . 100).

Какъ онъ говорилъ! Боже, какъ онъ говорилъ!

Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. № 1. С. Петербургъ.

Вольное экономическое общество издаетъ «Труды» книжками отъ 10 до 15 листовъ въ каждой, чрезъ два мѣсяца, въ первыхъ числахъ февраля, апрѣля, іюня, августа, октября и декабря. Недавно выпущена первая книжка, въ которой есть нѣсколько замѣчательныхъ статей, особенно любопытныхъ для агрономовъ. Прежде всего обратимъ ихъ вниманіе на «Обозрѣніе состоянія охтенской фермы», приобритенной обществомъ въ 1846 г. Она находится за большою Охтою, въ двухъ верстахъ отъ Петербурга и отъ берега Невы. Эта ферма состоитъ изъ 163 десятинъ отлично обработанной земли, которая засѣвается частью овсомъ, ячменемъ, рожью, а наиболье кормовыми травами. Фермоу управляетъ агрономъ англичанинъ Робертъ Вордъ. Заведенное здѣсь хозяйство заслуживаетъ полнаго вниманія любителей земледѣлія какъ по отличнымъ результатамъ, такъ и по совершенной простотѣ приемовъ, доступныхъ нашимъ крестьянамъ. Все хозяйство основано на травосѣяніи, потому-что сѣно есть самый выгодный продуктъ подгороднаго земледѣлія. Вся прочіе посѣвы служатъ здѣсь только какъ бы пособіемъ и приготовленіемъ къ искусственному луговодству. Рекомендуемъ помѣщикамъ прочитаты въ первомъ номерѣ «Трудовъ» извѣстіе о состояніи охтенской фермы; находясь подъ самою столицей, это заведеніе будетъ практическою школою для улучшеній и опытовъ, которыми здѣсь могутъ удобно пользоваться просвѣщенные любители сельскаго хозяйства. — Статья «О разведеніи Подсолнечника» можетъ быть не бесполезна для хозяевъ южной Россіи, гдѣ это растеніе можно воздѣлывать съ успѣхомъ; оно тамъ и воздѣлывается почти повсемѣстно, только въ маломъ видѣ. Въ новѣйшее время стали гораздо болѣе разводитъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ юго-восточной Россіи, для добыванія масла изъ сѣмянъ. Г. Брыковъ, сообщившій замѣчанія о подсолнечникѣ, почерпнулъ ихъ, повидимому, изъ

иностранных сочинений; расчет о сборъ смянъ этого растенія и о выходъ изъ нихъ масла сдѣланъ по урожаямъ, получаемымъ въ Германіи. Г. Майеръ дополняетъ эту статью примѣчаніемъ, въ которомъ, между прочимъ, упоминаетъ о способъ воздѣлыванія подсолнечника въ саратовской губерніи, присовокупляя, что оно заслуживаетъ вниманія только для масла, добываемаго изъ зеренъ, а прочія части этого растенія представляютъ слишкомъ мало важную пользу. Судя по этимъ разсужденіямъ, вѣроятно не всемъ извѣстно, что воздѣлываніе подсолнечника и добываніе изъ него масла уже производится, въ большомъ видѣ, въ воронежской губерніи, именно въ алексѣевской вотчинѣ графа Д. И. Шереметева, близъ города Острогжска: тамошніе крестьяне занимаютъ подъ это растеніе ежегодно до 3500 десятинъ въ болѣе. Смотра по качеству земли, по уходу за пашнею и по состоянію болѣе или менѣе благопріятной погоды, съ десятины получается зерна отъ 40 до 80 пуд., а въ сложности, по среднему урожаю, до 60 пуд. Масло добывается изъ смяни на обыкновенныхъ маслобойняхъ: изъ трехъ шудовъ перетолченнаго смяни, очищаемаго отъ верхней шелухи, выходитъ одинъ пудъ масла, которое ясностью, золотистымъ цвѣтомъ и вкусомъ не уступаетъ прованскому, а жирностью превосходитъ его. Количество подсолнечниковаго масла, поступающаго въ продажу изъ алексѣевской вотчины, доходитъ ежегодно до 30,000 пуд., на 210,000 руб. Оно покупается на мѣсть, въ большихъ партіяхъ, пріѣзжими купцами — арзамаскими для Петербурга и боровскими для Москвы, цѣною отъ 7 до 9 и 11 р. за пудъ, смотря по урожаю. Сверхъ употребленія на выбивку масла, много смяни продается зерномъ также ивогороднымъ торговцамъ: ежегодный вывозъ его изъ этой вотчины простирается до 30,000 пуд., на 30,000 руб. Остатки этого растенія обращаются также въ дѣло: стебли, срубанные косами, высушенные на солнцѣ, употребляются крестьянами на отопку домовъ; очищенные отъ смяни кружки подсолнечника, въ сыромъ видѣ, при недостаткѣ корма, даются рогатому скоту; шелуху отъ смяни бѣдные крестьяне покупаютъ на топку печей въ избахъ, по 35 коп. за возъ; жмыхи, остающіеся отъ выбивки масла, жгутся въ печакъ, вмѣсто дровъ, въ маслобойняхъ, а покупаются также по 20 коп. за пудъ, для кормленія рогатаго скота и свиней. — Вотъ какія выгоды привоситъ промыселъ подсолнечниковымъ масломъ въ одномъ уголкѣ Россіи! Мы нашли неизлишнимъ сообщить здѣсь эти свѣдѣнія, по поводу статьи гг. Брыкова и Майера, обратившихъ вниманіе хозяевъ на воздѣлываніе подсолнечника, который, какъ масляное растеніе, еще не довольно у насъ извѣстенъ. — Въ той же книжкѣ «Трудовъ» находимъ извѣстіе о льнѣ, приготовляемомъ по англійскому способу въ мѣстѣ А. Е. Жадовскаго, который пред-

своего курса, не можемъ, однако, не изъявить здѣсь желанія, чтобы г. Вавиловъ, какъ русскій купецъ, старался болѣе знакомить слушателей съ ходомъ отечественной торговли, которая имѣетъ столько особенностей, вовсе чуждыхъ и недоступныхъ для людей, непосвященныхъ въ ея обычаи. Въ первой книжкѣ «Трудовъ» помѣщено краткое извлеченіе изъ курса г. Вавилова: объ улучшеніи выделки сала и салныхъ свѣчей, о выдѣлкѣ юфти и хорошаго мыла, объ улучшеніи выделки кожъ и о торговлѣ шетвиною. Последняя статья, съ малыми перемѣнами, заимствована г. Вавиловымъ изъ бібліотеки коммерческихъ знаній. Безъ указанія этого источника, которымъ онъ, какъ мы замѣтили, пользуется такимъ же образомъ во многихъ случаяхъ.

Весьма замѣчательная статья, въ той же книжкѣ, помѣщенная подъ заглавіемъ: *взглядъ на бѣломорскіе запринные промыслы*, г. Богуслава, служитъ дополненіемъ къ статьѣ того же автора, напечатанной въ Трудахъ в. э. общества (1846 г. № 4) подъ заглавіемъ: *взглядъ на бѣломорскіе промыслы и предположеніе о ихъ устройствѣ и развитіи*. Это предположеніе состоитъ въ прозектѣ учрежденія *Полярной Компаніи*, уставъ которой, какъ видно изъ той статьи, уже находится въ разсмотрѣніи правительства. Любопытныя свѣдѣнія, сообщенныя г. Богуславомъ объ этомъ маловѣдомомъ краѣ, о состояніи тамошнихъ промысловъ и о средствахъ воспользоваться мѣстными богатствами заслуживаютъ полнаго вниманія, и мы, съ своей стороны, не оставимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на предпріятія «Полярной Компаніи», когда она осуществится.

Чтобы окончить исчисленіе статей, содержащихся въ I-й книжкѣ «Трудовъ» в. э. общества, упомянемъ здѣсь, что въ отдѣлѣ: «Библіографіи» помѣщены извѣстія и разборы о разныхъ хозяйственныхъ сочиненіяхъ, русскихъ и иностранныхъ.

Руководство для молодыхъ людей, назначающихъ себя къ торговому дѣлу. Спб. 1847.

Авторъ, опредѣливъ прямое значеніе купца и кругъ его занятій, показываетъ, какія званія ему необходимы въ коммерческой его дѣятельности, въ общественныхъ отношеніяхъ его и въ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на него закономъ. Признавая торговлю опытнымъ званіемъ, вмѣющимъ свою теорію, авторъ старался объяснить существенныя ея законы, общепринятые просвѣщенными торговцами: показать правила, какими должно руководствоваться въ постепенномъ изученіи торгов-

ля, в какомъ образомъ молодой человекъ можетъ приготовить себя къ торговымъ занятіямъ въ званіи купца. Эта книга содержитъ въ себѣ не одну только теорію, но и множество практическихъ замѣчаній: это родъ учебнаго руководства, изложеннаго въ формѣ разсужденій, о занятіяхъ и обязанностяхъ «мальчика», т. е. ученика, опредѣляющагося къ торговымъ дѣламъ, и «прикащика», въ различныхъ должностяхъ, какія можетъ исправлять онъ, какъ бухгалтеръ, кассиръ, корреспондентъ, какъ амбарный, ярмарочный и лавочный прикащикъ. Обозрѣвая кругъ занятій молодого человека со вступленія его въ ученики, для изученія торговли, до перехода въ прикащики, и потомъ, обращаясь къ разнообразнымъ обязанностямъ, присвоеннымъ этому званію, авторъ разсматриваетъ, между прочимъ, взаимныя отношенія хозяина, мальчика и прикащика, и въ заключеніе представляетъ послѣднему виды на независимое, самобытное занятіе торговлею. — Въ прибавленіяхъ помѣщены: извлеченіе изъ свода законовъ о правахъ и обязанностяхъ купческаго мальчика и прикащика и указаніе книгъ, изданныхъ на русскомъ языкѣ, которыя руководствуютъ къ познанію разныхъ частей торговли.

Предметъ, которымъ занялся авторъ, еще не былъ обсуждаемъ, на русскомъ языкѣ, съ точки зрѣнія, избранной при сочиненіи этой книги. Авторъ имѣлъ въ виду доказать молодымъ людямъ, посвящающимъ себя торговлѣ, что для основательнаго ея изученія надобно соблюдать постепенность въ переходахъ: приготовивъ себя къ ней необходимыми познаніями и приступая къ практическимъ занятіямъ, нужно быть сперва хорошимъ ученикомъ, или *мальчикомъ*, чтобы сдѣлаться потомъ хорошимъ *прикащикомъ*, т. е. конторщикомъ, корреспондентомъ, магазинщикомъ или управляющимъ какою-либо отдѣльною частью купческихъ дѣлъ. Нельзя не согласиться съ основательными доводами автора: изложеніе ихъ ясно, просто, убедительно; наставленія его поучительны и обнаруживаютъ совѣстливое изученіе предмета. Желательно, чтобы это руководство было часто перечитываемо въ училищахъ, гдѣ воспитываются купческія дѣти: оно можетъ внушить имъ добрыя правила и здравыя понятія о назначеніи, которое ожидаетъ юношу. Эту книгу считаемъ не бесполезною даже для отцовъ семействъ, для русскихъ купцовъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, немногіе въ полной мѣрѣ сознаютъ необходимость настоящаго коммерческаго воспитанія. Ббльшую частію кругъ этого воспитанія ограничивается у насъ привычнымъ пріученіемъ къ торговымъ дѣламъ, но какой-либо извѣстной части, безъ приготовительныхъ познаній, съ помощью которыхъ молодой человекъ могъ бы расширить свою коммерческую дѣятельность. Она-

саясь, что соавты почтеннаго автора, можетъ быть, останутся, для большей части русскаго купечества — «глаголомъ въ пустыня», потому-что это большинство не читаетъ книгъ и не приучаетъ къ чтенію молодое поколѣніе, мы тѣмъ болѣе считаемъ своею обязанностію обратить вниманіе на это сочиненіе, изъ котораго внимательный читатель почерпнетъ много полезныхъ мыслей и замѣчаній, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ въ томъ, что недостатокъ образованія нашего купечества есть главная причина превосходства иностранцевъ надъ русскими торговцами въ коммерческихъ дѣлахъ.

Алфавитный указатель къ отысканію полицейскихъ узаконеній. Составилъ Николай Цыловъ. *Спб. 1847.*

Книга чрезвычайно замѣчательная по дѣльности своей и обдуманности, съ которою составлена. Вынужденная необходимостію, въ которой авторъ, какъ видимъ изъ предисловія, убѣдился на самомъ дѣлѣ, ова, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлается настольною книгою не только у полицейскихъ чиновниковъ, но и у каждаго городского обывателя. Важность подобнаго руководства всего лучше видно изъ слѣдующихъ словъ автора :

«Сравнивъ полицейскія обязанности съ обязанностями другихъ отраслей гражданскаго управленія, мы тотчасъ замѣтимъ: относительно перваго предмета, что знаніе дѣла и законовъ, необходимое во всякомъ мѣстѣ, гораздо болѣе нужно для полицейскаго чиновника, потому-что недоразумѣніе или ошибка нигдѣ не влекутъ за собою такихъ пагубныхъ послѣдствій, какъ въ Полиціи, гдѣ, при малѣйшей неосмотрительности, исполнитель можетъ, или совершенно разстроить городского обывателя, или самъ лишиться послѣдняго куска хлѣба. На другомъ мѣстѣ чиновникъ имѣетъ время и обдумать сомнительное обстоятельство, и отложить на извѣстный срокъ произнесеніе своего рѣшенія; напротивъ, въ Полиціи разрѣшеніе вопроса не можетъ быть отсрочено: сомнительное дѣло должно быть разрѣшено положительно, безъ малѣйшей двусмысленности, въ то же время и на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно возникло. Во всякой другой службѣ, чиновникъ имѣетъ время изучить свою обязанность исподволь; въ Полиціи — съ перваго дня вступленія на службу, онъ долженъ уже вполне знать свое дѣло.»

Ясно, что чиновнику полиціи болѣе, чѣмъ всякому другому, необходимо имѣть подъ рукою все постановленія, относящіяся до круга

дѣйствія полицейской службы. Но подобная необходимость, до выхода книги г. Цылова, не могла быть удовлетворена.

• Въ Алфавитномъ Указателѣ Свода Законовъ, полицейскіе чиновники вообще, и въ особенности чиновники С.-Петербургской Полиціи, не находятъ для себя полнаго и удобнаго руководства, по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во-1-хъ, *во отношеніи къ С.-Петербургской Полиціи*, Сводъ Законовъ, а слѣдовательно и Алфавитный Указатель его, недостаточенъ, потому-что въ первомъ не помѣщены самыя нужныя для полицейскаго чиновника постановленія, именно, приказы Оберъ-Полиціймейстера, заключающіе въ себѣ, кромѣ собственно полицейскихъ распоряженій, многія Высочайшія повелѣнія и распоряженія Высшаго Начальства, тогда какъ эти, въ сущности полицейскія, законенія, будучи разсѣяны во множествѣ частію письменныхъ документовъ, составляютъ, такъ сказать, основу всей полицейской дѣятельности въ столицѣ, и не должны оставаться неизвѣстными чиновнику полицейскому, подъ опасеніемъ строгаго судебного взысканія. Во-2-хъ, *во отношеніи къ полицейскимъ узаконеніямъ вообще*, способъ изложенія и расположенія ихъ въ общемъ къ Своду Законовъ Алфавитномъ указателѣ, составленномъ въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, соотвѣтственномъ столь обширному государственному труду, не можетъ быть удобенъ для практическаго употребленія полицейскаго чиновника, потому-что въ общемъ Указателѣ, частныя, по разнымъ случаямъ, узаконенія должны были быть отнесены къ общимъ разрядамъ учрежденій и управленій, заключающихъ въ себѣ эти узаконенія.

Руководимый такими соображеніями, авторъ помѣстилъ въ своемъ трудѣ: 1) всѣ полицейскія узаконенія и распоряженія, не вошедшія въ составъ общаго свода россійскихъ законовъ, съ указаніемъ не только нумера, года и числа приказа и пр., служащаго основаніемъ закона, но съ изложеніемъ вкратцѣ и самаго смысла постановленія; 2) всѣ общія узаконенія свода гражданскихъ законовъ, съ указаніемъ лишь статей свода. Наконецъ, 3) авторъ расположилъ статьи узаконеній такимъ образомъ, чтобы для каждаго случая могъ быть отысканъ законъ самымъ кратчайшимъ путемъ, и подъ тою именно буквою, которою начинается слово, непосредственно относящееся къ представившемуся случаю или вопросу. Способъ вполне удовлетворительный.

Книга г. Цылова заключаетъ въ себѣ слишкомъ 400 страницъ въ большую осьмушку и издана такъ, какъ еще рѣдко издаются у насъ и произведенія такъ-называемой мязцной литературы....

ТРЕТЬЕ ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ РОСПИСИ РОССІЙСКИМЪ (РУССКИМЪ) КНИГАМЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ИЗЪ ВИБЛІОТЕКИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА. *Выпускъ первый*: романы, повѣсти и сказки. *Спб. 1847.*

Въ 1828 г., Смирдинъ издалъ полный и подробный каталогъ русскихъ книгъ, которыми былъ наполненъ его богатый магазинъ, подъ вѣлпыиъ титуломъ: *Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія, изъ библіотеки Александра Смирдина, систематическимъ порядкомъ расположенная; въ четыре съ частяхъ, съ приложеніемъ: азбучной росписи именъ сочинителей и переводчиковъ, и краткой росписи книгамъ по азбучному порядку.* Несмотря на дикость этого полуграмотнаго «россійскаго» заглавія, несмотря на нелѣпость принятой систематики въ расположеніи книгъ по ихъ содержанію (*), — каталогъ г. Смирдина сейчасъ же сдѣлался настольною справочною книгою для библіографовъ, критиковъ, журналистовъ, вообще литераторовъ и даже ученыхъ. Нельзя не сказать, что изданіемъ этого каталога г. Смирдинъ оказалъ русской литературѣ большую и важную услугу: безъ него составленіе какого бы то ни было опыта исторіи русской литературы почти невозможно. Главное достоинство этого каталога состоитъ въ томъ, что въ немъ легко отыскать всякую книгу, какую вамъ нужно и какая только есть въ немъ; а этимъ достоинствомъ онъ обязанъ умной и предусмотрительной догадкѣ составителя приложить къ общему каталогу алфавитный реестръ именъ всѣхъ авторовъ и переводчиковъ, которыхъ труды поименованы въ каталогъ; противъ каждаго имени автора или переводчика выставлены нумера книгъ, имъ сочиненныхъ или переведенныхъ. Кроме того, не малымъ пособіемъ къ легкому и скорому пріисканію всякой нужной книги служитъ особенно же приложенный къ каталогу алфавитный реестръ книгъ, кратко поименованныхъ. Такимъ образомъ, если вы помните заглавіе книги, нужной вамъ для справки, особенно первое слово ея заглавія, вы сейчасъ отыщете ея нумеръ въ алфавитномъ реестрѣ; если же вы забыли буквально ея заглавіе, то вамъ стоить только отыскать имя ея автора, переводчика или издателя: противъ него выставленъ ея нумеръ, а по номеру уже всего легче найти ее. — Въ 1829 году, г. Смирдинъ издалъ первое прибавленіе къ своему каталогу, куда,

(*) Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ философіи попали всѣ моральныя сочиненія, которыми такъ страшно наводнялись всѣ литературы прошлаго вѣка, и книги въ родѣ слѣдующихъ: *Дружескій совѣтъ весьма тѣмъ, до кого сіе касаться можетъ* (1813), *Смѣющійся Демокритъ, или поле честныиъ увеселеній, съ поруканіемъ меланхолиі; перев. съ лат. (1769), и т. п.*

вмѣстѣ съ новыми книгами, вошли и многія изъ старыхъ и старинныхъ, опущенныхъ въ главный каталогъ. Въ 1832 году, г. Смирдинъ издалъ второе прибавленіе къ своему каталогу. Когда кому нужно было сдѣлать справку о какой-нибудь книгѣ, вышедшей послѣ 1832 года, — тогда особенно очевидно становилась польза и необходимость каталога г. Смирдина. Всѣхъ книгъ въ этомъ каталогѣ, съ обоими прибавленіями, содержится 12,306 назаній: тутъ почти вся русская литература, потому что число неповинованныхъ книгъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, должно быть очень не велико. Теперь г. Смирдинъ издаетъ третье прибавленіе къ своему каталогу, которое заключить въ себя назаніе книгъ, вышедшихъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, съ 1832-го по 1847-ой годъ. Это должно составить довольно большую книгу, особенно съ двумя прежними приложеніями, — и г. Смирдинъ оказалъ бы русской литературѣ новую большую и важную услугу, если бы къ этимъ тремъ прибавленіямъ присокупилъ алфавитный реестръ авторовъ, переводчиковъ и издателей и общій алфавитный реестръ книгъ, кратко поименованныхъ, съ нумерами противъ именъ писателей и назаній книгъ. Тогда бы мы имѣли по возможности полный каталогъ русской литературы по 1847 годъ. Пока вышелъ только первый выпускъ «прибавленія», заключающій въ себя романы, повѣсти и сказки.

Изображеніе климатовъ земного шара, составленное Ст. Барановскимъ. Гельсингфорсъ. 1847.

Земной шаръ можетъ быть изучаемъ со многихъ точекъ зрѣнія; изученіе съ каждой изъ нихъ требуетъ собственныхъ спеціальныхъ пособій: для математической географіи необходимы свои карты, для физической — свои, для политической тоже особенныя. Даже для каждой изъ нихъ могутъ быть разнаго рода особенныя спеціальныя карты. Картами теперь означаютъ даже успѣхи просвѣщенія въ различныхъ земляхъ; такую карту составилъ Дюпенъ для Франціи, обозначивъ яркостію цвѣтовъ или темнотою ихъ различными степени просвѣщенія и образованности департаментовъ, на которые административно раздѣлена Франція.

Г. Барановскій уже извѣстенъ въ нашей учебной литературѣ изданіемъ превосходнаго *Краткаго Географическаго Атласа*, который принятъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ число учебныхъ пособій для уездныхъ училищъ, и который на шести картахъ, содержащихъ въ себя 25 чертежей, представляетъ все необходимое для изученія географіи какъ въ политическомъ, такъ и въ физиче-

скомъ , геологическомъ и климатическомъ отношеніяхъ. Теперь онъ издалъ спеціальную карту земного шара только въ одномъ климатическомъ отношеніи, руководствуясь свѣдѣніями, разсѣянными въ сочиненіяхъ А. Гумбольдта, Бергтауса, Риттера и другихъ. Карта оттиснута на двухъ листахъ , представляющихъ оба полушарія; сочиненіе и наружная отдѣлка ея не оставляютъ ничего желать , а текстъ , приложенный къ ней и состоящій изъ печатнаго полу-листа удовлетворительно и ясно показывается , какъ ею пользоваться

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СВЯТОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ ДИККЕНСА.

A Christmas carol in prose. — The Chimes. — The cricket on the hearth. — The battle of life.

Статья вторая и послѣдняя.

Вторая повѣсть Диккенса: «Колокола», начинается оригинальнымъ описаніемъ церкви; вы не узнаете изъ него, ни какой она архитектуры, ни во имя какого святого выстроена, ни сколько въ ней золота, серебра и жемчуга, да и не зачѣмъ. Все это вещи случайныя и нисколько не пзмѣняютъ мрачнаго впечатлѣнія, когда вамъ случится быть въ церкви ночью, одному, вдали отъ всего живого. Такое смутное чувство наводитъ описаніе Диккенса. На васъ какъ будто пахнуло сырýmъ запахомъ могилы. Вы невольно прислушиваетесь, какъ воетъ подъ сводами вѣтеръ, вы чувствуете, что тамъ пусто и холодно, васъ пробиваетъ дрожь,— становится смутно и непріятно.... Живое никогда не примирится съ мертвымъ.

А тутъ авторъ вызываетъ васъ провести ночь наединѣ въ церкви! Онъ очень хорошо знаетъ, что вы не согласитесь, — что сказочный міръ еще не утратилъ надъ вами своей власти, несмотря на всю трезвость вашего мозга. Онъ знаетъ, что вы на этотъ разъ въ патологическомъ состояніи, — что вы математически ясно и точно докажете и себя и другимъ, что бояться нечего, а дрожь все-таки будетъ пробѣгать по вашимъ членамъ и дыханіе съдѣлается неровно. Вы вспомните

лѣта нашего дѣтства, какъ боялись вы сказочныхъ ужасовъ вашей няньки, какъ потомъ перестали вѣрить ей на слово, какъ пошли, наконецъ, своимъ путемъ, мимо всякихъ авторитетовъ, какъ безотчетныя изреченія ваши частью пали, частью, оправданныя разумомъ, возвысились до званія, какъ исторія смѣнила сказку, — и все напрасно! сказка все еще пугаетъ васъ, хотя никогда уже не радуется!

Что она пугаетъ, — можетъ быть, и не бѣда, но что она пугаетъ больше дѣйствительности, вотъ что нехорошо. А между тѣмъ, это такъ. Кто начнетъ читать рассказъ Диккенса въ минуту особенной настроенности, оставшись наединѣ, ночью, послѣ вечера, посвященнаго рассказамъ о сверхъестественныхъ происшествіяхъ, тотъ почти обрадуется, когда ожиданіе ужасовъ, возбужденное первыми страницами романа, оправдывается вдругъ совершенно въ иномъ смыслѣ: прямо съ порога церкви авторъ сводитъ васъ на улицу, и вы видите людсѣ, а не мертвецовъ, и сцены изъ жизни всѣдневной, но ужасныя всѣхъ сказочныхъ ужасовъ.

Ужасныя! Держу пари, что девять десятыхъ читателей найдутъ это слово здѣсь неумѣстнымъ, преувеличеннымъ. Что тутъ *ужаснаго*, что бѣзьякъ разсуждаетъ въ обѣденное время о невѣзвѣстности: пошлетъ ли ему судьба обѣдъ, или нѣтъ? Что *ужаснаго*, что альдерменъ съ компаніей съѣдаютъ половину его блюда, доказывая, что онъ отнимаетъ пищу у вдовъ и сиротъ? Это такія обыкновенныя, ежедневныя вещи, что смѣшно называть ихъ ужасными. — Согласенъ; но отчего же не шутя восклицаете, встрѣтившись съ пріятелемъ: «Вообразите себя, вчера я остался безъ трехъ въ червяхъ! Это *ужасно!*»

Согласитесь, что мы такъ привыкли къ употребленію словъ, и такъ часто называемъ вещи ненастоящимъ ихъ именемъ, что принимаемъ слово за самый предметъ, и живемъ иногда отъ этого въ какомъ-то воображаемомъ мірѣ. Велико было бы изумленіе чловѣка, который въ одно прекрасное утро, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, невольно, началъ бы называть каждую вещь ея именемъ и увидѣлъ бы себя вслѣдствіе такого страннаго явленія среди новаго міра.

Какъ удивился бы онъ, напр., что слуга его, Иванъ, извѣстный болѣе подъ именемъ «каналья», гораздо меньше каналья, нежели «добрый малый и славный товарищъ», къ которому онъ намѣренъ вѣхать сегодня на преферансъ; что «мошенникъ большой руки», разнощикъ Терентій, обсчитывающій его въ недѣлю на гривенникъ, просто святой въ сравненіи съ «прекраснѣйшимъ чловѣкомъ» N. N., — что «отецъ и благодѣтель немущихъ», богатый помѣщикъ А. А., можетъ быть, и дѣйствительно отецъ многихъ изъ нихъ, но вовсе не всеобщій благодѣтель, какъ достоверно извѣстно его крестьянамъ. — что остаться

безъ трехъ въ червахъ вовсе не несчастье, а просто забавный случай въ сравненіи съ истиннымъ несчастьемъ: остаться безъ пропитанія, — что слово: *пріобрѣсть* — во многихъ случаяхъ должно замѣнить словомъ: *украсть*, — слово: *счастье* — словомъ *мошенничество*, — слово: *талаптъ* — словомъ *интрига*, и мало ли что еще!

Да, эти превращенія удивили бы его вѣроятно еще больше, нежели разсужденія Тоби объ обѣдѣ и значеніи бѣдняковъ. Но я еще не познакомилъ васъ съ Тоби. Тоби — это герой повѣсти... Тоби — герой! Лѣтъ 70 тому назадъ писатель ужаснулся бы предерзкой мыслью избрать такое лицо героемъ своего разсказа: тогдашній герой могъ явиться не иначе, какъ въ племѣ и тогъ или, по крайней мѣрѣ, въ шитомъ кафтанѣ и шелковыхъ чулкахъ. Онъ долженъ былъ быть богатъ, молодъ, красивъ собой, великодушенъ, влюбленъ, обязанъ одержать чудесную побѣду надъ врагами, спасти отечество или, по крайней мѣрѣ, заколоть какого нибудь негодяя и жениться на обожаемой. Но съ тѣхъ поръ, какъ тоги перешли въ вѣдніе маскарардовъ, герои романовъ являются просто во фракъ, изъ 40-ка рублеваго или 5-ти рублеваго сукна, — все равно. Они могутъ даже зарабатывать пропитаніе собственными руками, — не обязаны быть образцами великодушія и могутъ въ случаѣ крайности не заколоться, а просто умереть съ голоду, даже безъ предсмертнаго монолога. Недавно, одинъ французскій критикъ, по случаю этихъ же разсказовъ Диккенса, замѣтилъ, «что въ старину въ романахъ выставляли знатныхъ особъ, не отсылая въ преисполнюю каменщиковъ, хлѣбниковъ, плотниковъ и вообще всѣхъ рабочихъ. А теперь мало того, что превозносятъ и украшаютъ всѣми добродѣтелями героевъ топора или лопатки, по унижаютъ, чернятъ всѣми пороками тѣхъ, которые, не имѣя никакой причины ходить съ грязными руками и въ грязномъ платьѣ одѣты прилично и ходятъ съ чистыми руками». Не правда! за чистоту никто, кромѣ глупца, осуждать не станетъ, и клевета на направленіе настоящихъ романовъ неудачна. Дѣло въ томъ, что эти руки нѣрѣдко *праздны*, и что *чистыя* руки могутъ быть очень *нечисты*.

А Тоби въ этомъ нельзя было упрекнуть. Онъ былъ ремесломъ носильщикъ и стоялъ обыкновенно у церкви, выжидая, не дастъ ли кто-нибудь порученія. Такъ, однажды, наканунѣ новаго года, ждалъ онъ званія работы и попрыгивалъ отъ холода. Вдругъ колокола пробили полдень. Эти звуки пробудили въ Тоби цѣлый рядъ странныхъ мыслей.

Ему пришло вдругъ въ голову оригинальное замѣчаніе, что обѣдъ и обѣднное время не всегда являются *виноваты*, — что, напротивъ того,

объём ужасно неаккуратенъ въ своемъ появленіи , и что это то собственно и составляетъ разницу между тѣмъ и другимъ. У него мелькнула даже мысль : не купить ли это открытіе какой нибудь джентльменъ для газетъ или для парламента ?

Впрочемъ , эта мысль была только такъ , и Тоби самъ покачалъ на нее отрицательно головою. Онъ разсуждалъ , вѣроятно такъ : бросать деньги за такія открытія можетъ только тотъ , кто объедаетъ каждый день , — а кто объедаетъ каждый день , для того это открытіе вовсе неинтересно , и онъ его не купитъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ робкихъ , запуганныхъ натуръ , которыя , при каждомъ полученномъ толчокѣ , готовы считать себя особою породою , чѣмъ-то ниже другихъ

• Право , мы , бѣдняки , и живемъ-то какъ будто не въ попадъ ; что ни сдѣлаешь , все не такъ , все остаешься виноватъ. Да и не разберешь , зачѣмъ мы живемъ ? Есть ли у насъ на свѣтѣ какое нибудь дѣло , или нѣтъ. Иногда кажется , что вѣдь должно же быть хоть какое-нибудь ; а иногда подумаешь : нѣтъ , мы такъ себѣ , втерлись незваные гости. Голова поидетъ иногда кругомъ , и сомнѣваешься , есть ли въ насъ что-нибудь доброе , или мы ужъ такъ и родимся негодяями. Мы точно какъ будто дѣлаемъ ужасныя вещи : на насъ вѣчно жалуются.... А какъ подумаешь : что если мы и въ самомъ дѣлѣ незваные гости.... »

Вотъ какъ смотрѣлъ бѣднякъ на себя и свою братію.... Но посмотрите на кузнеца Ричарда , жениха его дочери , молодца въ полномъ силѣ ; лицо его невесело , оно еще мрачнѣе лица Тоби , но въ немъ нѣтъ этого унылаго смиренія , и глаза , сверкающіе изъ подъ нахмуренныхъ бровей , ясно говорятъ , что въ головѣ у него шевелятся нешуточные вопросы.

Эта группа шести человекъ : альдерменъ съ двумя пріятелями , Тоби съ дочерью , и Ричардъ , очень замѣчательна по взглядамъ cadaго изъ нихъ на одинъ общій предметъ. Господинъ въ синемъ сюртукѣ и съ багровою физиономіей стоитъ на томъ , что «такъ ли бывало въ старину!» и эта фраза безъ всякихъ объясненій обрисовываетъ вамъ весь кругъ его понятій. Файлеръ читаетъ лекцію о пропитаніи бѣднаго класса народа , точно какъ будто этотъ народъ живетъ на другой планетѣ и не состоитъ въ связи съ другими людьми. Альдерменъ разсуждаетъ объ нихъ какъ будто они только за тѣмъ и существуютъ , чтобы ему было кѣмъ распоряжаться. Тоби... но какое у Тоби можетъ быть мнѣніе ? Мегъ , — да что Мегъ ! Мегъ женщина ! Одинъ только Ричардъ понимаетъ внутреннюю связь собравшагося кружка , но онъ молчаливъ и не высказываетъ своихъ мнѣній по той

же причинъ, по которой альдерменъ высказываетъ свои очень свободно.

Читателю необходимо, однако же знать, по какому случаю сошлись эти люди. Сегодняшній день, кавунъ новаго года, принадлежалъ къ счастливѣйшимъ днямъ въ жизни Тоби: ему не только удалось пообдѣть, но еще *чѣмъ* пообдѣть! Лакомствомъ, какого вамъ вѣроятно не случалось отъѣдывать! Мегъ, дочь его, принесла ему въ закрытой мискѣ этотъ обѣдъ. Отецъ промерзъ и проголодался; онъ немедленно хотѣлъ приступить къ ѣдѣ.

Нѣтъ! Мегъ не позволила! Она умѣла растянуть рѣдкое наслажденіе на возможно долгое время. Она заставила отца прежде отгадать, что за лакомство принесла она. И Тоби началъ обнюхивать миску и напрасно ломать себѣ голову.... легко ли отгадать? какъ будто *рубцы* такая вещь, что часто случается ими полакомиться!

И вотъ Тоби расположился обдѣть на крыльцѣ ближайшаго дома; вдругъ дверь отворилась, выскочилъ лакей и чуть-чуть не наступилъ въ самую миску.

Это лакей альдермена. Онъ очищаетъ дорогу своему барину. Тоби грубо прогнавъ съ крыльца, и когда въ дверяхъ появился альдерменъ, лакей считаетъ нужнымъ прибавить: «у васъ хоть въ ногахъ валяйся, — а вы вѣчно на нашемъ крыльцѣ: что, вамъ негдѣ больше пообдѣть, что ли?»

Замѣтьте, какая тонко-политичная лакейская фраза. Передъ баринномъ онъ выказываетъ свое усердіе и кротость обхожденія, а словомъ «наше» даетъ Тоби почувствовать, какое неизмѣримое между ними разстояніе. Такъ всегда выражается онъ въ своей компаніи: *мы* были у графа N.. *мы* обѣдали у князя M.

Альдерменъ возстановилъ на своемъ крыльцѣ миръ и спокойствіе. Онъ не произнесъ ни одного грубаго слова и милостиво обратилъ даже свое вниманіе на Тоби и его обѣдъ. Но нельзя не замѣтить при этомъ одного обстоятельства: лакей былъ грубъ и чуть не наступилъ на обѣдъ бѣдняка; но это случилось было нечаянно. Альдерменъ, напротивъ того, былъ очень ласковъ и внимателенъ, но — съѣлъ лакомство Тоби; впрочемъ, и онъ съѣлъ это, можетъ быть, нечаянно: на свѣтъ много подобныхъ вещей дѣлается нечаянно.

Вы думаете, что это похищеніе огорчило Тоби? Напротивъ того, у него стало на душѣ легче, — такъ убедительно доказалъ Файлмеръ, что Тоби разбойничаетъ, лакомься рубцами, и такъ тронуло его лестное вниманіе альдермена къ его обѣду. Конечно, эти ловкіе приемы, эта округленная форма не измѣнили результата: рубцы были съѣде-

ны. Молодого Ричарда не убедило бы красноречіе Файлера, да и у альдермена пропаль бы аппетитъ, если бы эти рубцы составляли объѣдъ Ричарда.

А политико-экономъ Файлеръ рассчитывалъ очень ясно и убедительно. Послушайте его. Онъ съ любопытствомъ заглянулъ въ миску, ткнулъ въсколько разъ рейсфедеромъ въ рубцы и произнесъ:

«Это родъ животной пищи, извѣстный здѣшнему рабочему классу подъ названіемъ рубцовъ. Но кто же это ѣстъ рубцы? Рубцы рѣшительно самый неэкономическій, самый расточительный изъ съѣстныхъ припасовъ. Исслѣдованія доказали, что фунтъ рубцовъ терлетъ во время варки семь восьмыхъ своего вѣса, одною пятою больше всякой другой пищи изъ животнаго царства. По точному расчоту рубцы дороже тепличныхъ ананасовъ. Взявши во вниманіе число ежегодно убиваемыхъ въ городѣ быковъ и количество потроховъ, доставляемыхъ тушами, выходитъ, по наименьшему исчисленію, что потеря пищи при варкѣ рубцовъ могла бы пропитать гарнизонъ изъ пяти сотъ человѣкъ, въ продолженіи 5-ти 30-ти дневныхъ мѣсяцовъ и одного февраля. О, расточительность, расточительность!»

У Тоби задрожали колѣни; воображенію его представились 500 взохшихъ труповъ, — жертвы его роскоши! Ричардъ былъ въ это время занятъ разговоромъ съ Мегъ и не слышалъ словъ Файлера. У него вѣрно не задрожали бы колѣни и онъ сейчасъ же расчелъ бы, сколько гарнизоновъ покоится въ желудкахъ альдермена и его потчевныхъ друзей.

«Кто ѣстъ рубцы? продолжалъ Файлеръ съ жаромъ. А, это ты? прибавилъ онъ, обращаясь къ Тоби. Такъ знаешь ли, что я тебѣ скажу? ты отнимаешь ихъ у вдовъ и сиротъ. — Да. Раздѣлите вышеупомянутое число потроховъ на вѣроятное число вдовъ и сиротъ, и вы увидите, что имъ придется по четверти лота на человѣка. — На твою долю не остается ни грана, слѣдовательно, ты грабишь другихъ».

И въ подтвержденіе этого остроумнаго вывода альдерменъ съѣлъ рубцы.

Тоби вздохнулъ вольнѣе: ему почудилось, что 500 труповъ ожили и благодарятъ альдермена за ихъ воскресеніе.

Файлеръ, какъ вы видите, въ качествѣ политико-эконома, очень заботится объ участи вдовъ и сиротъ, и если Тоби отъ этого не легче, такъ ктожъ виноватъ, что Тоби не вдова?

— А вы что на это скажете? спросилъ альдерменъ другого, вошедшаго съ нимъ господина.

Это лицо тоже замѣчательно: это защитникъ старины, и его стоить послушать. Въ каждомъ словѣ такъ и видно, что старое вре-

мя уже отчаялось въ возможности оправдать себя хоть софизмомъ какимъ нибудь: ни мысли, ни даже фразы порядочной. Точно старая баба, которая ворчить съ утра до ночи одно и тоже. Послушайте, сколько мощи въ его отвѣтъ:

«Что тутъ говорить? Можно ли интересоваться такимъ человѣкомъ (т. е. Тоби), въ нашъ испорченный вѣкъ? Загляните на него! что за созданіе! То ли дѣло было въ старое время, великое старое время! Посмотрѣли бы вы, что такое въ старину былъ простой человѣкъ! Да и все было не то; а теперь что? просто ничего. Ахъ, добрая старина, добрая старина! Что за время было! О другомъ времени не стоить и говорить, не стоить и разсуждать; что теперь за народъ сталъ! Загляните въ собраніе костюмовъ Струтта, и вы увидите, что такое былъ въ старину носильщикъ».

Вотъ она, почтенная старина! высказалась очень наивно: загляните въ *собраніе костюмовъ*! Прилично ли вамъ толкаться въ народъ? И къ чему? Тамъ того и смотри, что кто-нибудь наступитъ вамъ на мозоль и попортитъ гвоздями башмакъ вашъ, или задвѣнетъ васъ локтемъ и запачкаетъ ваше платье. Вы хотите видѣть народъ? оставьте спокойно дома: вотъ вамъ великолѣпный альбомъ, — съядте и любуйтесь! Декораторъ знаетъ свое дѣло. Вы останетесь имъ довольны. — Посмотрите, какая типательная отдѣлка, какъ это все верно! Вотъ носильщикъ: что за геркулесъ! какъ благотворно дѣйствуетъ тяжелая работа на здоровье! какая должна быть у этого человека сила! какой желудокъ! Я думаю, онъ фунтовъ по 10-ти въ день ѣстъ говядины (если не встречается съ альдерменомъ). — А вотъ 10-ти лѣтняя дѣвочка, работница изъ рудниковъ. Что за бѣлизна кожи! рудники удивительно предохраняютъ отъ загару; и что за тонкая талыя, а кажется онъ не носить корсета. — Вотъ сельская сцена: Ирландцы, воздѣлывающіе картофель; какое патріархальное величіе! нѣкоторые въ однихъ рубахахъ: это отъ жару. А вотъ одинъ спитъ; онъ что то очень бѣденъ: должно быть утомился; зато какой покой на его лицѣ! какъ сладко, должно быть, заснуть, наконецъ, послѣ честнаго труда!

И такъ даље. Альбомъ великъ и всего не перелистовать. Оставимъ старину любоваться картинками, какъ дитя. Съ нею нельзя ни спорить, ни разсуждать. Осиротѣвшіе представители ея будутъ отвѣчать вамъ теперь на всѣ ваши вопросы и возраженія одно и тоже: «то ли дѣло бывало въ старину!» и завертятся на этой фразѣ, какъ бѣлка на колесѣ, которая понимаетъ механизмъ его также ясно, какъ она свою старину.

Выслушавши багроваго господина, альдерменъ улучилъ минуту блеснуть передъ своими знакомыми умвѣщемъ обращаться съ людьми

простого званія. Въ словахъ его видны увѣренность въ своемъ превосходствѣ и легкая иронія надъ отвлеченными теоріями пріятелей.

«Вы знаете, говорить онъ, я человѣкъ простой, практической, и берусь за дѣло просто и прямо. Тутъ нѣтъ никакого секрета, никакой премудрости — обращаться съ этого сорту людьми: стоитъ только понять ихъ и говорить съ ними по ихнему».

И онъ обратился, въ доказательство этой истины, къ Тоби:

«Ты, пріятель, не толкуй мнѣ, что вашему брату подь часъ ѣсть нечего. Вздоръ! Я отвѣдалъ твои рубцы, такъ меня, братъ, не надуешь. Ты вѣдь знаешь, что значить: «надувать»? — Нѣтъ ничего легче, прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ пріятелямъ, какъ обращаться съ этимъ народомъ: нужно только понять его. Вотъ видишь ли, пріятель (это опять относилось къ Тоби) теперь много толкуютъ вадоровъ: плохо, говорятъ, жить, нищета пришла, — вздоръ! я укорочу эти язычки, искореню эти толки. Кричатъ съ дуру: народу ѣсть нечего! — я искореню эти жалобы. — Да, прибавилъ онъ, обращаясь къ пріятелямъ: въ народѣ все можно искоренить, — надо только умѣть взяться за дѣло».

Нельзя было бы отрицать этого умѣнья въ альдерменъ, если бы народъ состоялъ весь изъ такихъ людей, какъ Тоби.... Да и самъ альдерменъ понимаетъ дѣло также, какъ понимало его старое время. Между немощною рѣчью защитника старяны и довольно энергическими фразами альдермена есть внутреннее родство: одинъ совѣтуетъ заглянуть въ *собрание костюмовъ*, чтобы убѣдиться, какъ хорошо было жить тогда носильщику, а другой грозитъ искоренить *толки и жалобы* на голодъ. Очевидно сущность ихъ взгляда одна и таже. Вся разниця между этими представителями стараго и новаго времени въ томъ, что альдерменъ заботится, по крайней мѣрѣ, объ искорененіи толковъ, тогда какъ тотъ ни о чемъ не заботится. Альдерменъ обращается къ Ричарду съ полшуткой, указывая на Мегъ:

— А ты, конечно, за ней волочишься?

Вопросъ былъ Ричарду не по сердцу. — Онъ отвѣчалъ отрывисто: «Завтра я на ней женюсь».

— Что? что? подхватилъ Файлеръ: — женишься?

— Да, дураемъ жениться, отвѣчалъ Ричардъ. — Надо снѣшть.

Файлеръ вздохнулъ. «Да, альдерменъ, сказалъ онъ: — искорените-ка браки: вы сдѣлаете доброе дѣло. Жениться! жениться! Эти невѣжды не знаютъ первѣйшихъ началъ политической экономіи; ихъ безпечность, ихъ испорченность,.... ну, посмотрите только, сдѣлайте милость, на эту парочку! — Съ этимъ народомъ проживи хоть маэусанловъ вѣкъ, работай для его же пользы, нагромози цифры на цифрахъ хоть цѣ-

люю гору, ихъ никогда не убѣдишь, что они не имѣютъ ни права, ни надобности жениться. А это уже давно доказано, какъ дважды два — четыре.

Эта выходка очень позабавила альдермена. Файлеръ заботится о благѣ народа, — народъ платитъ ему неблагодарностью, — и по дѣломъ! отвлеченными теоріями съ нимъ ничего не возьмешь: надо обращаться не къ разсудку его, а къ сердцу, надо быть человекомъ практическимъ и разгадать натуру простого человека; надо уметь вѣзаться за дѣло, а не за идеи. И въ подтвержденіе этихъ мыслей альдерменъ положилъ тутъ же показать, какъ надо обращаться къ сердцу народа: онъ подозвалъ къ себѣ Мегъ. — Молодая кровь закипѣла въ Ричардѣ, и онъ не хотѣлъ было пустить свою невесту, но перемогъ себя, подошелъ самъ и сталъ съ нею рядомъ. Впрочемъ, это движеніе не охледило и не измѣнило краснорѣчія альдермена; онъ такъ хорошо понималъ всякое движеніе простого человека! — Вотъ что сказалъ онъ Мегъ:

•Ты, говоришь, хочешь выйти замужъ. Неприличное и неблагопрістойное для женщины желаніе! Ну, да ужъ объ этомъ что говорить! А вотъ что: когда ты выйдешь замужъ, ты начнешь ссориться съ мужемъ, и будешь пренесчастная женщина. Ты, можетъ быть, думаешь, что нѣтъ? Да ужъ коли я тебѣ говорю, такъ это такъ. Смотри же: я тебя впередъ остерегаю, — я рѣшился искоренить несчастные браки. Прошу же ко мнѣ не являться. У тебя будутъ дѣти — мальчишки. Они выростутъ негодями и станутъ босикомъ рыскать по улицамъ. Смотри же, моя милая: я осужу тогда всѣхъ ихъ гуртомъ; я рѣшился искоренить босоногихъ мальчишекъ. Мужъ твой (и это всего вѣроятнѣе) умретъ въ молодыхъ лѣтахъ и оставитъ тебя съ ребенкомъ. Тебя вытолкаютъ за порогъ, и пойдешь ты шататься по улицамъ. Смотри, не подходи тогда близко ко мнѣ: я рѣшился искоренить всѣхъ безпріютныхъ матерей; да, я положилъ искоренить всѣхъ молодыхъ матерей всякаго сорту. Не воображай себѣ, что тебѣ удастся извиниться болѣзнью и дѣтьми; и больныхъ и дѣтей, — я все это искореню. А если ты, въ порывѣ неблагодарности и нечестія, задумаешь утопиться или повѣситься съ отчаянья, я не пощажу тебя: я рѣшился искоренить самоубійства. Да! ужъ если можно сказать, что я на чтонибудь налегъ въ особенности, такъ это на самоубійства; рѣшительно искореню! Смотри же, не затѣвай ничего такого. Ну, да мы понимаемъ другъ друга.

Въ заключеніе Альдерменъ прибавилъ Тоби совѣтъ, чтобы онъ получше присматривалъ за своею дочерью, потому что она не дурна собой, такъ стало быть недалеко и до бѣды, — и далъ ему отнести письмо по адресу.

Тоби получилъ бы за комиссію шиллингъ , но Файлеръ ясно доказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ ограбитъ столько-то людей на полпенса каждаго , — и онъ получилъ только полшиллинга. И то слава Богу!

Письмо адресовано члену парламента, сэру Джозефу Боулею , и Тоби явлетъ честь вступить въ вельможескія палаты. Сэръ Джозефъ членъ парламента и богачъ ; но членовъ парламента и богачей такъ много , что личность его затеряется въ толпѣ , если онъ не приметъ дѣятельныхъ протявъ этого мѣръ. Надо чѣмъ нибудь отличиться, надо, во что бы то ни стало, придать себѣ оригинальности, сдѣлаться человекомъ замѣтнымъ. Это не даетъ сэру Джозефу спокойно наслаждаться тѣми благами жизни, которыя достались ему въ удачу; и то, что для другихъ составляетъ предметъ пламеннѣйшихъ желаній, для него только бѣдное средство къ достиженію другихъ цѣлей. Если бы Тоби сдѣлать владѣльцемъ только сотой части богатства сэра Боулея, онъ былъ бы счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, онъ каждый день могъ бы лакомиться рубцами! А сэръ Джозефъ ежедневно кушаетъ черепахъ и нисколько не подозреваетъ, что это можетъ быть и иначе. Ему невзвѣстенъ неудовлетворенный физическій голодъ; зато Тоби не знаетъ, что такое неудовлетворимый голодъ самолюбія.

Тоби единица изъ толпы, надъ которой проведенъ такой тяжелый уровень бѣдности, что никому изъ нихъ не приходитъ въ голову подняться надъ толпою.

Сэръ Джозефъ тоже единица изъ толпы, но менѣе многочисленной; уровень ея проведенъ снизу, и каждый членъ ея силится стать головою выше сосѣда, а если нельзя, такъ хоть чѣмъ нибудь отличиться отъ другихъ, придать себѣ, какъ говорятъ, *рельефности*. И роли разбираются: одинъ играетъ мецената, покровительствуетъ печатному вздору и скупаетъ Рафаэлей лондонской фабрикаціи, другой выъзжаетъ на нравственности, громитъ пороки и прославляетъ добродѣтели; третій собираетъ древности и заказываетъ для своего кабинета мечь какого нибудь Дюгесклена или черепъ Сократа; пятый, наконецъ, ни на чемъ не выъзжаетъ, смѣется надо всѣмъ въ жизни и плотно объедаетъ въ кругу веселыхъ друзей; это тоже своего роду конекъ. Сэръ Джозефъ избралъ себѣ роль друга и отца бѣдныхъ, но осиротѣть, въ этомъ смыслѣ, было бы для него величайшею неприятностью; исчезни вдругъ съ лица земли бѣдность, не имѣй никто права на званіе нищаго, — о чемъ станетъ ораторствовать сэръ Джозефъ? Послушайте его рѣчей, — вы сами согласитесь съ этимъ :

« Да! сказалъ сэръ Джозефъ. — Я другъ бѣдныхъ. Меня за это упрекаютъ, но я горжусь этимъ титуломъ.

«Дай Богъ вамъ всякаго благополучія, подумалъ Тоби.

«Я, напримѣръ, несогласенъ вотъ съ альдерменомъ, продолжалъ сэръ Джозефъ, указывая на письмо; — несогласенъ ни съ партіей Файлера, ни съ какой либо другой. Я другъ бѣдныхъ, и бѣдному нѣтъ никакого до нихъ дѣла, также какъ и имъ до него. Бѣдные въ моемъ округѣ мои друзья, и это ужь мое дѣло. Никакое лицо, никакое общество не имѣютъ права вмѣшиваться въ мои и друзей моихъ отношенія. Вотъ основныя положенія, на которыя я опираюсь. Я говорю бѣдному: другъ мой, я буду обращаться съ тобою отечески.

Тоби былъ тронутъ и почувствовалъ на душѣ что-то хорошее.

«Ты имѣешь дѣло исключительно со мною, другъ мой, продолжалъ сэръ Джозефъ, разсѣянно глядя на Тоби: — со мною, и больше ни съ кѣмъ. *Думать о чемъ нибудь тебѣ вовсе неужно.* Я буду думать за тебя; я знаю, что тебѣ полезно, и во мнѣ ты всегда найдешь отца. Ты созданъ не за тѣмъ, чтобы пьянствовать и бражничать и находить животное удовольствіе въѣдѣ, —

Тоби съ раскаяньемъ вспоминалъ о рубцахъ.

— Но сознавать достоинство труда. Живи умѣренно, довольствуйся малымъ, будь почтителенъ, упражняйся въ самоотверженіи, воспитывай свое семейство за грошъ, плати свои повинности аккуратно, какъ часы бьютъ, будь точенъ въ своихъ дѣлахъ (я подаю тебѣ хорошій примѣръ: вотъ г. Фишъ, секретарь мой, всегда здѣсь при кассѣ), — и ты можешь быть увѣренъ, что всегда найдешь во мнѣ друга и отца.»

— Хороши дѣти! замѣтила леди Боулей.— Чахотки, лихорадки, калѣки и уроды всякаго сорту!

— Да, торжественно возразилъ сэръ Джозефъ: — а я тѣмъ не менѣе другъ и отецъ бѣднаго человѣка. Каждый три мѣсяца онъ можетъ являться къ г. Фишу. Въ новый годъ я и друзья мои будемъ пить за его здоровье. Разъ въ году я и друзья мои, мы обратимъ къ нему рѣчь съ глубочайшимъ чувствомъ. Разъ въ жизни онъ даже можетъ быть и получить что нибудь, публично, въ присутствіи знатныхъ особъ, — такъ, бездѣлицу отъ друга. И когда эти средства и достоинство труда не въ состояніи уже будутъ поддержать его, и онъ сляжетъ въ тихую могилу, тогда, миледи, — тогда я, на тѣхъ же основаніяхъ, буду другомъ и отцомъ дѣтей его.»

Вы слышите: самъ сэръ Джозефъ надѣется, что дѣти и внуки будутъ нуждаться въ его дружбѣ, точно также какъ отцы и дѣды. Если бы ищихъ можно было разводять, какъ растенія, сэръ Джозефъ устроилъ бы огромный паркъ съ теплицами, парниками, грядами, и собственноручно воздѣлывалъ бы эту отрасль ботаники. Съ какимъ краснорѣчіемъ, съ какою гордостью показывалъ бы онъ свое заведеніе посѣтителамъ! — Да, сэръ, говорилъ бы онъ: — я другъ и отецъ

бѣдныхъ ; такой богатой коллекціи ихъ не найдете во всей Европѣ. Одному зрителю плачу я 200 фунтовъ стерлинговъ ; швейцаръ стоитъ мнѣ 100 фунтовъ : онъ одѣвается на свой счетъ ; живописцу, за сочиненіе ему костюма , заплачено 25 фунтовъ. Не хочу утомлять васъ подробностями, но чтобы дать вамъ общее понятіе, скажу только, что все это стоитъ мнѣ ежегодно больше 3000 фунтовъ стерлинговъ. — Да, замѣчаетъ посѣтитель : — за эти деньги можно бы изъ всѣхъ этихъ нищихъ сдѣлать порядочныхъ людей. — Совершенно справедливо ; но это значило бы дѣйствовать противъ принципа , уничтожать благотворительность, *искоренять* бѣдность , — ха , ха , ха ! этимъ ужъ пусть занимается г. альдерменъ ! — Не смѣю съ вами спорить , сэръ , но позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе : я вижу здѣсь все, что необходимо для поддержанія блеска подобнаго заведенія, но гдѣ же кухня ? — Кухня ? Конечно , вы не занимались этимъ предметомъ спеціально, и такой вопросъ съ вашей стороны прости- тельнъ ; но завести здѣсь кухню, все равно, что разплодить гусеницу въ фруктовый садъ. Она пожретъ всѣ плоды моей попечительности. Нѣтъ, за подобное дѣло надо браться съ умънемъ , и я, не хвастая, могу сказать, что такихъ экземпляровъ, какъ у меня, вы не найдете въ цѣлой Европѣ. Вотъ, напримѣръ , этотъ получаетъ въ день по три картофеля ; если есть на лунѣ телескопы и любители благотворительности, такъ имъ вѣрно ужъ давно извѣстно, сколько у него ребръ. — Да, сэръ, судя по его одеждѣ, это вещь очень возможная. — Костюмъ тоже вещь не послѣдняя: онъ на бѣдномъ человѣкѣ тоже, что краска на цвѣткѣ. Посмотрите : вотъ , можно сказать , образецъ въ своемъ родѣ ; что за роскошь въ подборѣ лохмотьевъ и заплатъ ! сколько живописнаго въ этихъ пальцахъ , выглядывающихъ изъ сапога , отъ котораго остались одни голенища ! — А эта женщина ? — Это вдова. Этотъ сортъ замѣчательнъ своею плодовитостью: вотъ это, вокругъ нея, все ея ребятишки. Я покажу вамъ когда нибудь , какъ они дерутся за ломоть хлѣба : презабавное зрѣлище !

И на этотъ ладъ сэръ Джозефъ продолжалъ бы далѣе : какъ знатокъ, вошелъ бы онъ въ техническія подробности, и въ заключеніе провелъ бы гостя въ особое отдѣленіе, гдѣ хранятся естественныя муміи умершихъ отъ голода. Гость, если онъ литераторъ, составилъ бы краснорѣчивое и подробное описаніе заведенія сэра Джозефа, а меценатъ издалъ бы его на свой счетъ съ великодушными гравюрами, — и всѣ остались бы довольны.

Возвратимся къ разсказу Диккенса.

Изъ палаты сэра Джозефа авторъ ведетъ васъ въ другую сферу. Онъ показываетъ, какъ живутъ, чувствуютъ и думаютъ на мостовой и въ бѣдномъ сараѣ.

Новыя похождения Тоби начинаются тѣмъ, что онъ сталкивается на улицѣ съ какимъ-то здоровякомъ крестьянномъ и падаетъ въ грязь. И въ этомъ случаѣ Тоби остается вѣренъ самому себѣ: онъ силится поскорѣ снять шляпу и говоритъ «виновать!» Тоби знакомится съ неизвѣстнымъ и узнаетъ, что это Вилль Фернъ, и что онъ идетъ съ повинною къ альдермену. Это сближаетъ ихъ еще больше. Тоби сообщаетъ ему, что альдерменъ намѣренъ посадить его какъ бродягу въ тюрьму, и предлагаетъ ему, въ замѣнъ этой квартиры, ночлегъ въ своемъ уголкѣ.

Вилль шелъ не одинъ: онъ несъ на рукахъ дѣвятилѣтнюю дѣвочку, сироту, дочь своего брата, одну изъ несчастныхъ жертвъ жаднаго Тоби, кушающаго рубцы. Хорошо еще, что Тоби могъ упрекать себя въ настоящемъ случаѣ не больше, какъ за намѣреніе: рубцы, какъ вы помните, съѣлъ альдерменъ.

Тоби помнить свое преступленіе и старается теперь его загладить, ухаживая за своими гостями и угощая ихъ, сколько можетъ. Тоби получилъ отъ альдермена только полшиллинга: Файлеръ доказалъ, что дать ему цѣлый шиллингъ, значитъ ограбить другихъ, и другая половина осталась въ карманѣ альдермена. Если она не достанется кому слѣдуетъ, виновать будетъ не Тоби, а альдерменъ, если альдерменъ вообще бываетъ когда нибудь виноватъ. Но *эти* полшиллинга законная неотъемлемая собственность Тоби; — на нее никто, кромѣ него, не имѣетъ права. Что же онъ съ нею дѣлаетъ? онъ изподтишка показываетъ деньги дочери, говоритъ, что гдѣ-то у нихъ на лѣстницѣ лежитъ полунца чаю и кусокъ окорока, идетъ въ мелочную лавку къ мистрисъ Чикинстаукеръ и закупаетъ провизію на чистыя деньги. Гость не долженъ и подозревать, что посѣщеніе его вводитъ въ убытокъ хозяина и стоить ему лишеній: Тоби увѣряетъ его, что онъ никогда не ѣстъ чаю и не ѣстъ окороковъ.

Наконецъ, все въ жилищѣ Тоби успокоилось. Самъ хозяинъ присѣлъ къ огоньку съ газетой въ рукъ, — и заснулъ.

Надо вамъ знать, что природа одарила Тоби довольно пылкимъ воображеніемъ и зоркостью въ области фантазіи. Стоя постоянно у церкви въ ожиданіи порученій, Тоби чаще всякаго другого принужденъ былъ выслушивать звонъ колоколовъ, и открылъ, наконецъ, что эти звуки не такъ монотонны, какъ кажутся съ перваго разу, что въ нихъ есть свой смыслъ, что-то въ родѣ людской рѣчи, и что самые колокола слѣдовательно не мертвыя вещи, а существа особаго роду, что въ нихъ есть своя душа, — и наконецъ, что между ними и колоколами есть какая-то тайная, родественная связь.

И вотъ снятся ему, что колокола вдругъ зазвонили и зовутъ его къ себѣ на колокольню. Страшно стало Тоби, но онъ рѣшился и пошелъ на зовъ. На колокольнѣ увидѣлъ онъ странныя явленія: звуки колоколовъ принимали тысячи разнообразнѣйшихъ формъ живыхъ существъ, и все вокругъ кипѣло движеніемъ. Потомъ, вмѣстѣ съ звуками, исчезли и эти странныя существа. Воцарилась тишина — и Тоби увидѣлъ въ каждомъ изъ колоколовъ почтенное, серьезное, брадатое лицо; колокола заговорили, дали ему много наставленій, и въ заключеніе раскрываютъ передъ нимъ въ нѣсколькихъ сценахъ будущую участь его дочери, маленькой Лилли, Ричарда, Вилля и его самого: все это совершается девять лѣтъ спустя. Тоби нѣтъ въ живыхъ; дочь его ведетъ горькую, нищенски трудовую жизнь; Лилли — падшая женщина; Ричардъ пьяница и негодяй; Вилль постоянный гость тюремъ и рабочихъ домовъ. Какая горькая перспектива! какой нерадостный сонъ подъ новый годъ! Видно не даромъ ораторствовалъ поутру альдерменъ и сэръ Джозефъ; слова ихъ запаали въ мягкую душу Тоби, какъ сѣмя въ растворенную почву, и этотъ сонъ былъ плодомъ ихъ отеческой заботливости!

Картинны этого сна не все одинаково удачно набросаны авторомъ. Въ сценахъ Мегъ съ Лилли есть что-то приторно сладкое, хоть и не въ такой степени, какъ въ «Сверчкѣ» и въ «Битвѣ жизни». Вообще нельзя не замѣтить, что Диккенсу не даются женскіе типы, исключая каррикатурныхъ изображеній въ роль Клеменсы или мистрисъ Филдингъ. Все нѣжно-женственное, какъ напр. въ Мегъ, въ Лилли, въ Дотъ, въ Меря и Граціи дѣлается у него сахарнымъ.

Но въ «Колоколахъ» этотъ недостатокъ щедро искупается такими картинками, какъ напримѣръ праздникъ рожденія леди Боулей. Сэръ Джозефъ даетъ великолѣпный обѣдъ. Дѣтей и друзей его кормятъ въ другой комнатѣ плумпудингомъ *извѣстнаго* роду и потомъ впускаютъ въ общую залу слушать торжественную рѣчь сэра Джозефа о благотворительности и о доблести труда. Альдерменъ льститъ двѣнадцатилѣтнему сыну сэра Боулей и разливается въ сожалѣніяхъ при вѣсти что богатѣйшій банкиръ Дидльсъ застрѣлился, не заботясь о намѣреніи альдермена искорепить самоубійства.

Вдругъ, среди пиршества, является Вилль Ферръ. Онъ прямо изъ тюрьмы. Судьба довела его до такого положенія въ жизни, что никто уже не можетъ ни повредить, ни помочь ему.

Все это ярко и поразительно; въ явленіи Вилля и поведеніи его можно бы найти что-то вѣяющее, еслибы это былъ не сонъ.

Этого недостатка нѣтъ въ другой сценѣ, гдѣ являются мистрисъ Тѣгби, *ci-devant* Чикинстаукѣръ, и почтенный супругъ ея, бывшій швейцаръ сэра Боулей, «другъ и отецъ бѣдныхъ» въ маломъ вѣзѣ

мантическія, это сердце, подчиненное фантази, любовь, принесенная въ жертву идеалу высокаго, могли бы дать содержаніе роману съ сильными психологическими интересами. У Диккенса вышло иначе: его рассказъ не больше, какъ сюжетъ для подобнаго романа. На такой анализъ надо имѣть своего роду талантъ, а его-то и нѣтъ у Диккенса. Отъ этого главные лица, какъ напр. Мери, Грація, Альфредъ выходятъ у него блѣды, часто приторны, тогда какъ второстепенныя части романа обрисованы чрезвычайно выпукло и полно: Снитчей и Краггетъ съ ихъ дражайшими половинками, и Бриттъ съ Клеменси возбуждаютъ въ читателя гораздо болѣе интересъ.

Тоже должно сказать и о «Сверчокъ». Мистриссъ Пирбингль настоящій оберъ-сверчокъ; она очерчена миниатюрно и туманно. Эдвардъ и миссъ Фильдингъ очень безкровны, несмотря на ихъ невзычную любовь. Текльтонъ очевидно придуманъ для завязки, и мрачная личность его расплывается въ какое-то жидкое поученіе, когда онъ приходитъ, въ концѣ романа съ повинною головою, тогда какъ у него поутру еще отбили невесту, почти жену, — и все это потому, что дома у него скучно, что онъ передалъ у себя всѣхъ сверчковъ! Зато очень удачны другія лица: сколько вѣрнаго и глубокаго въ отцовской любви Калеба, который много лѣтъ сряду обманываетъ слѣпую дочь свою; рассказываетъ ей о красотѣ ихъ жилища — жалкой, полуразвалившейся лачуги, увѣряетъ ее, что на немъ пегольской сюртукъ, такъ что ему почти совѣстно носить его, — (горькій каламбуръ!) — а сюртукъ этотъ шить нѣтъ стараго мышка; выслушиваетъ грубости своего хозяина, Текльтона, и выдаетъ его дочери за очень добраго человека, но страшнаго чудака, — лишь бы только она не огорчилась. — Мистриссъ Фильдингъ, съ ея накрахмаленною важностью, съ вѣчною отговоркою на счетъ переворота въ торговлѣ индиги, съ премудрыми изреченіями: что «дѣвицы всегда дѣвицы», «что сдѣлано то сдѣлано», и «что молодежь всегда ведетъ себя, какъ молодежь», — одна изъ лучшихъ каррикатуръ Диккенса, — а какую роль играетъ она въ романъ? она лицо съ третьяго плана картины.

Эта раздвоенность: художническая легкость, съ которою Диккенсъ рисуетъ одну сферу, и неудачное усиліе проникнуть въ другую, бросается въ глаза въ послѣднихъ двухъ романахъ и составляетъ главный ихъ недостатокъ. Впрочемъ, они во всякомъ случаѣ достойны вниманія публики и, какъ промахи таланта, поучительные слѣпой удачей бездарности.

А. КРОНЕНБЕРГЪ.

IV.

НАРОДНАЯ ОДЕЖДА И ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДА. Съ нѣкоторыхъ поръ у насъ нерѣдко слышатся какъ въ обществѣ, такъ и въ журналахъ толки о народномъ и о европейскомъ началѣ, а вслѣдствіе того и о народной и о европейской одеждѣ. Прежде на платье смотрѣли свысока, считали одежду пустяками, случайностью, о которой предоставляли говорить однимъ моднымъ журналамъ. Теперь, когда болѣе и болѣе раскрывается внутренняя, необходимая связь между всѣми проявленіями человѣческой природы, когда мы болѣе и болѣе постигаемъ ея живое и нераздѣльное единство, которое, «какъ солнце въ малой каплѣ воды», отражается въ самомъ, повидимому, ничтожномъ явленіи, — теперь начинаютъ понимать и внутренній смыслъ одежды, ея историческую необходимость, ея относительное значеніе въ общемъ человѣческомъ развитіи. Живописный итальянскій языкъ до сихъ поръ выражаетъ однимъ и тѣмъ же словомъ: *costume*, и одежду и обычай. Тотъ же двойной смыслъ имѣло это слово и на старинномъ французскомъ языкѣ. Такъ было всегда на дѣлѣ, такъ должно быть и для мысли. Для нея одежда не случайность, а одна изъ необходимыхъ сторонъ общаго обычая.

Послѣ такого вступленія, читатели, надѣюсь, простятъ мнѣ серьезный тонъ, въ какомъ буду говорить о несерьезномъ предметѣ, и не обвинять съ Риваролемъ въ томъ, что я на легкую матерію налагаю гяжеловѣсную мысль, какъ свинцовый таможенный штемпель на дымку. Мысль въ такомъ лишь случаѣ тяжела, какъ свинецъ, когда не современна, потому-что тогда она мертва; а что можетъ быть современнѣе статьи объ одеждѣ въ наше маскарадолюбивое время, когда ежегодно возобновляющійся вопросъ: «какъ нарядиться», становится однимъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ русскаго общества? Ска-

жуть: время святокъ прошло, а съ нимъ и интересъ статьи. Я думаю напротивъ; не имѣя притязаній законодательствовать, а ограничиваясь наложеніемъ личнаго мнѣнія, я думаю, что мои читатели съ гласнокровіемъ и безпристрастіемъ обсудятъ предметъ моихъ изслѣдованій, чѣмъ менѣе будутъ видѣть во мнѣ предвзятость и желаніе дѣйствовать на ихъ свободный выборъ. Я не хочу застигнуть невзначай ихъ собственное мнѣніе о такомъ важномъ предметѣ: нѣтъ! я даю имъ цѣлый годъ сроку, до новыхъ святокъ, для ихъ неподкупнаго приговора — въ мою ли пользу, или въ пользу моихъ возражателей, если они найдутся.

Народная одежда! европейская мода! Эти выраженія слышатся у насъ нерѣдко и вызываютъ собою какъ защитниковъ, такъ и противниковъ. Слушая ихъ, невольно спрашиваешь себя, о чемъ же они толкуютъ? Ужь конечно не объ одной одеждѣ и модѣ, а скорѣе о томъ, что лежитъ въ ихъ основаніи. Основаніе же это — *народность* и *обще-европейское начало*. Чтожь это такое? Развѣ мы не европейцы? а европейцы развѣ не дѣлятся на народы? Въ чемъ же тутъ противорѣчіе? Одни говорятъ: мы хотимъ быть собою, а не чужими. Ктожь съ этимъ не согласится? Другіе прибавляютъ: да, и мы хотимъ быть собою, но подѣ общимъ человѣческимъ опредѣленіемъ; а такъ какъ европейцы въ настоящую минуту представляютъ собою человѣчество, то мы хотимъ быть и собою и европейцами вмѣстѣ. Этотъ споръ привелъ естественнымъ образомъ къ тому, что одни объявили себя на сторонѣ русскаго кафтана, а другіе — фрака.

Но вотъ что странно: вслушиваясь даже, убѣждаешься, что и поклонники народности не отвергаютъ общечеловѣческаго начала (потому-что нельзя же не признать его); и защитники европеизма не отвергаютъ народности. Въ чемъ же недоразумѣніе? А оно очевидно. Недоразумѣніе въ томъ, что ни тѣ, ни другіе не обращаютъ должнаго вниманія на *личность*. Народное и обще-человѣческое, — это два идеальные полюса, подѣ непрерывнымъ и неизбежнымъ дѣйствіемъ которыхъ образуется живая, реальная личность человѣка. Собственно живетъ одно лицо, хотя, разумѣется, и не отдѣльно отъ своего народа. Какъ бы оно низко или высоко ни стояло на лѣстницѣ развитія, но нигдѣ, никогда не встрѣтите вы русскаго, англичанина, француза — и только, человѣка — и только. Вездѣ, напротивъ того, встрѣчаете вы личное имя; имя стоитъ всегда на первомъ планѣ, потому-что всегда на первомъ планѣ стоитъ личность человѣка. Гдѣ тотъ великій мужъ, который заслужилъ бы имя *человѣка* по преимуществу? Есть ли гдѣ либо, даже внутри Африки, народъ, которому собственные имена лицъ были неизвѣстны? На вопросъ: какъ тебя зовутъ? никому, никогда и нигдѣ не приходило въ голову сказать: я *человѣкъ*; или: я *русскій*, *французъ*, *эскимось*. Всякій отвѣчаетъ: я, я, я такой-то, я самъ по себѣ, единственный въ своемъ родѣ; и ни прежде не было, ни послѣ не будетъ меня другого.

въ спорѣхъ о народномъ и общечеловѣческомъ позабыто третье — личность. А вѣдь она главное. Безъ нея и народъ и человѣчество — не больше, какъ отвлеченности. Она одна есть истинно живое въ исторіи; ею одной живъ и народъ, живо и человѣчество. Гдѣ ея нѣтъ, тамъ не народъ, а масса, стадо овецъ; тамъ нѣтъ сознанія, нѣтъ исторіи. Или много много, тамъ исторія лишь голый списокъ фараоновъ, именъ безъ лица и лицъ безъ имени, смѣняющихъ другъ друга, какъ пастухи въ овчарьѣ.

Это, очевидно, никакъ не можетъ быть примѣнено къ христіанскимъ народамъ. Христіанство освятило личность человѣка и, указавъ ей верховную, супра-національную цѣль, тѣмъ самымъ возвысило ее надъ чистою народностью. Въ христіанскомъ, другими словами, въ европейскомъ мірѣ, личность освободилась болѣе или менѣе отъ стѣснившихъ ее оковъ узкой народности и, сохраняя свои корни въ народной почвѣ, вѣтви свои устремила вверхъ, въ общую для всѣхъ атмосферу. Такимъ образомъ, задача человѣка европейскаго стала иная, чѣмъ человѣка древняго міра; онъ получилъ для себя и для другихъ совершенно другое значеніе, ибо провидѣлъ совершенно другой идеалъ.

Но переломъ въ его возрѣніи на жизнь, стало быть, и въ самой его жизни, совершился не вдругъ. Не вдругъ онъ могъ расширить въ воздухъ свои вѣтви: ему слѣдовало напередъ укрѣпить свои корни въ землѣ. Онъ, повторяю, получилъ и для себя и для другихъ значеніе сверхъ-земное, сверхъ-народное; но первый періодъ заключался еще только въ стремленіи; второму періоду предоставлено было постепенное осуществленіе этого стремленія. Корни, самостоятельно росшіе въ землѣ, постепенно вышли наружу, на чистый воздухъ, образовали стволъ, вѣтви, листья и плоды.

Такая постепенность отразилась во всемъ, слѣдовательно, и въ обычаяхъ и въ одеждѣ. На западѣ Европы, гдѣ личность развилась ранѣе, вслѣдствіе особенности характера германскаго племени, на западѣ Европы ранѣе развилась и мода. Не совсѣмъ безъ основанія замѣчаетъ Вахсмутъ (*), что тамъ одежда съиздавна подчинялась вліянію моды, между тѣмъ, какъ на востокѣ Европы преобладалъ неподвижный народный костюмъ. Конечно, нельзя допустить безусловно такого различія между Западомъ и Востокомъ въ отношеніи къ одеждѣ: и тамъ были постоянные, малоизмѣнявшіеся народные костюмы; и здѣсь мода, особливо въ высшихъ сословіяхъ, а черезъ нихъ и въ низшихъ, оставляла свои слѣды: для удостовѣренія въ этомъ стоитъ взглянуть на измѣнявшуюся временемъ придворную, дружинную и другую одежду въ Россіи и Польшѣ. Но такъ или иначе, замѣчаніе нѣмецкаго ученаго имѣетъ свое основаніе, и нѣтъ сомнѣнія, что славянскій міръ былъ неподвижнѣе въ своихъ модахъ,

(*) Sittengesch. IV. 276.

у насъ, чѣмъ на Западѣ.

Какое бы, впрочемъ, ни было различіе въ одеждѣ между западомъ и востокомъ Европы въ продолженіи среднихъ вѣковъ, главный характеръ ея какъ тамъ, такъ и здѣсь остается тотъ же. Помоему, онъ заключается въ слѣдующемъ :

Во-первыхъ, онъ есть по преимуществу *народный*, несмотря на заимствованія, сдѣланныя однимъ народомъ у другого, особливо въ высшихъ сословіяхъ. Обще-европейскаго костюма нѣтъ, потому-что еще нѣтъ обще-европейской жизни; много, много, коли есть нѣсколько обще-придворныхъ или обще-аристократическихъ одеждъ; но и онѣ подчиняются отчасти особенностямъ народнаго костюма, такъ что все таки каждый народъ, несмотря на различіе сословій, и слѣдовательно, одеждъ, составляетъ, и въ отношеніи къ послѣднимъ, свое, отдѣльное, сомкнутое цѣлое.

Во-вторыхъ, характеръ средневѣковой одежды, вопреки ея народности, или, правильнѣе, именно вслѣдствіе этой народности, есть *имѣстѣ съ тѣмъ и сословный*. Не только у западныхъ народовъ, но и у насъ, — хотя у насъ меньше, чѣмъ у тѣхъ, — великій князь, бояринъ, дружинникъ, купецъ, крестьянинъ, носятъ каждый особенную свою одежду, имѣвшую, при общемъ народномъ сходствѣ, и свою, иногда рѣзкую отличительность. Чтобъ въ этомъ увѣриться относительно допетровой Руси, стѣнитъ только заглянуть въ превосходную книгу: «Вооруженіе россійскихъ войскъ». Что же касается до другихъ европейскихъ народовъ, то сословныя различія въ ихъ средневѣковой одеждѣ такъ извѣстны, что о томъ и говорить нечего.

Наконецъ, въ-третьихъ, есть черта, общая одеждамъ всѣхъ европейскихъ народовъ среднихъ вѣковъ, черта, на которую, кажется, еще мало обращали вниманія. Я разумѣю *асцетизмъ*. Это выраженіе можетъ инымъ показаться страннымъ въ примѣненіи своемъ къ платью; но оно вѣрно выражаетъ мою мысль, и я его оставляю. Одно изъ отличительныхъ свойствъ аскетизма — презрѣніе къ тѣлу, къ его формамъ, во всему тому, что служитъ къ его украшенію и возвеличенію. Отсюда съ одной стороны постоянная оппозиція средне-вѣковаго духовенства противъ модъ, убранства, туалетныхъ нововведеній и роскоши. Нравственный надзоръ надъ стрижкою волосъ, покроемъ платья, формою башмаковъ, шлейфами дамъ (*) и т. п. продолжается на Западѣ до самого конца XVIII столѣтія, и отъ духовенства переходитъ постепенно въ вѣдѣніе полиціи. Да и у насъ, свѣтская и духовная власть до самого Петра I ищетъ оградить народные обычаи и одежду отъ нововведеній. Стѣнитъ вспомнить мѣры про-

---

(*) Такъ напр. одинъ парижскій духовный, Шьеръ-ле Шартръ, говоритъ слѣдующее противъ дамскихъ шлейфовъ: «Si vous aviez besoin de longues queues, la nature y éut pourvu par quelque chose d'approchant.» Тоже говорятъ и наши старовѣры противъ бритья бородъ.

кона противъ употребленія чужеземныхъ костюмовъ. Съ другой стороны, вслѣдствіе той же мысли, блюстителями общественнаго благочинія оказывается покровительство скромной, неподвижной народной одеждѣ, какъ такой, которая не потворствуетъ роскоши, а напротивъ ее сдерживаетъ.

Да и самая одежда вообще имѣетъ въ средніе вѣка характеръ астетическій. Отличительная ея черта — непроницаемость тканей, полнота полъ, заботливое скрытіе формъ тѣла. Все на средневѣковомъ человѣкѣ широко и длинно, тяжело и непроницаемо. Отсюда степенный и важный видъ, который поражаетъ насъ на изображеніяхъ прежнихъ костюмовъ. Кажется, люди искали одеждой охранить свое тѣло какъ отъ стрѣлъ и копій, такъ и отъ нескромныхъ взоровъ. Ихъ движенія были медленны, тяжелы, неловки; люди должны были казаться ходячими деревянными куклами, гдѣ гибкость и красота тѣла исчезали подъ множествомъ густыхъ складокъ, и гдѣ видны были и двигались лишь голова да руки. Самые ноги скрывались подъ долгополымъ кафтаномъ, и вся фигура представлялась скользящимъ по землѣ обрубокѣмъ.

Первый шагъ къ освобожденію формъ тѣла създавна былъ сдѣланъ на Западѣ дворомъ и аристократіей. Примѣры тому встрѣчаются вслѣдъ за крестовыми походами. Еще и прежде, рыцарство, для бѣльшей свободы тѣлодвиженій, покинуло длинную и широкую одежду и покрылось латами. Въ нихъ человѣческое тѣло уже обозначалось, хотя и окованное въ желѣзо. Но латы, отчасти уже обрисовывавшія формы тѣла, все еще носили на себѣ остатокъ тяжеловѣсности и неуклюжести. Придворная жизнь XVII вѣка первая отказывается на чисто отъ тяжелыхъ латъ, тканей и покрововъ и окончательно принимаетъ одежду болѣе легкую, болѣе изящную. Темные цвѣта представляются толпѣ и пилигримамъ; павлинь, символъ рыцарства, расточаетъ свои радужные цвѣта на одѣяніе высшихъ сословій. Правительственная власть какъ въ укрѣпляющихся монархіяхъ, такъ и въ вольныхъ городахъ награждаетъ платьемъ за заслуги. Возникающая промышленность, расширеніе торговыхъ сношеній, обращеніе почти всѣхъ сословій къ мирной жизни и къ труду, вслѣдствіе реформацій и упадка рыцарства, — всѣ эти причины увеличиваютъ потребности, нужды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и производительность и обиліе. Мода, съ своей причудливой измѣнчивостію, и спутница ея — роскошь усиливаются и распространяются постепенно на всѣ сословія. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе исчезаетъ сословный, а потомъ и исключительно народный характеръ одежды. Является въ Европѣ центръ утонченной общежителности, вкуса, свѣтскихъ приличій и моды. Версальскій дворъ, а черезъ него и Парижъ, становятся колыбелью и разсадникомъ этой моды, которая, вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ и литературой, постепенно распространяется на всѣ дворы и на всѣ столицы. Мода валагаетъ свое всевластіе не на одну одежду, не на

народовъ — на словесность, на простѣщеніе, на всю общественную цивилизацію. Являясь сначала одной изъ безчисленныхъ привилегій высшаго класса, она распространяется мало по малу на все и на всѣхъ, обхватываетъ всѣ сословія, всѣ народы европейскаго міра и служитъ новой, доселѣ еще небывалой связью между ними.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія этотъ самый центръ моды, Парижъ, побѣждаетъ Версаль, отъ котораго онъ до тѣхъ поръ принималъ законодательство моды и общественное значеніе, и, въ свою очередь, налагаетъ и то и другое на остальную Европу. Но и въ модѣ, какъ и во всемъ, совершается всемірный переворотъ. Придворные и аристократическіе обычаи и одежда замѣняются обычаями и платьемъ средняго сословія. Его торжество есть вѣстѣ и торжество его одежды. *Habit bourgeois*, фракъ, становится туалетнымъ его выраженіемъ. Аристократическій парикъ и пудра уступаютъ мѣсто римской прическѣ, т. е. натуральнымъ волосамъ безъ пудры. Уродливыя дамскія фижмы, эти послѣднія цитадели феодализма, подъ конецъ скрывшагося лишь за пространными котильонами XVIII вѣка, освобождаютъ талію женщины и принужденно уступаютъ наслѣдство костюму à la grecque. Мушки, самыя румяна, исчезаютъ вѣстѣ съ безобразными прическами à la pompadour.

И лицу женщины возвращается ея естественная красота. Обнаженіе формъ тѣла, въ противоположность аспетической закутанности среднихъ вѣковъ, доходитъ, правда, до послѣдней крайности, и невольно принимаются къ дамамъ того времени слова карриатуры, представлявшей Неккера и его знаменитую дочь: *Madame, vous qui montrez tant de choses, couvrez du moins votre visage*. Но эти крайности исчезаютъ мало по малу передъ требованіями вкуса и стыдливости. Словомъ, общепринятая одежда становится проще, естественнѣе, и — что составляетъ ея главный характеръ — она становится у всѣхъ европейскихъ народовъ принадлежностью всѣхъ свободныхъ сословій. Исключенъ лишь народъ, *peuple*. Ему одному еще недоступны общественный бытъ и одежда средняго сословія.

Такимъ образомъ, въ наше время фракъ, какъ представитель *de la bourgeoisie*, занимаетъ средину между прежней аристократической одеждой и народной одеждой черни. Часто слышатся въ наше время жалобы, особливо со стороны художниковъ и людей со вкусомъ, на безобразіе, неживописность фрака и его принадлежностей. Эта справедливая жалоба есть косвенное обвиненіе самой *bourgeoisie*. И дѣйствительно, въ узкомъ, кургузомъ, неизяцномъ нарядѣ нашего времени отзывается узкость, проза, некрахмаленная пошлость среднихъ сословій Запада. Черный фракъ, какъ и самый *bourgeois*, считаетъ себя вправѣ всюду являться, вездѣ играть главную роль; въ немъ, какъ и въ *bourgeois*, все отзывается изысканной, надменной простотой и положительнымъ безвкусіемъ разночинца, вышедшаго въ люди, промышленника, нажившаго деньги и считающаго, съ кошелькомъ въ

карманъ, все для себя доступнымъ. Но съ другой стороны, нельзя не признать и значенія фрака, въ который дозволяется одѣться каждому кто только имѣетъ на то средства, и который самымъ безобразіемъ своимъ представляетъ возможность близкаго измѣненія къ лучшему, болѣе естественному и изящному обычаю (coutume).

Въ чемъ именно долженъ состоять этотъ лучший и болѣе естественный обычай и костюмъ, — мы рѣшить не беремся. Скажемъ только, что онъ едва ли будетъ состоять въ возвращеніи каждаго народа къ своему первобытному народному одѣванію. Ручательствомъ тому могутъ служить желѣзныя дороги, которыми покрывается Европа, и которыя, вмѣстѣ со всеильной обще-европейской образованностью, сдѣлають, и уже почти сдѣлали, невозможною всякую исключительность. Вгляните, до какой ужасающей степени была разрознена Европа за 500, за 300, даже за 100 и менѣе лѣтъ, какъ возставалъ народъ на народъ, область на область, городъ на городъ, даже семейство на семейство, чему блѣдныя примѣры мы видимъ еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ Италіи и Испаніи. А теперь существуетъ ли даже физическая возможность къ такому разьединенію? И это разьединеніе было прежде во всемъ: каждая область, городъ, имѣли свои законы, свои привилегіи, свои обычаи и наряды. И не думайте, чтобъ это было у однихъ западныхъ народовъ: и у насъ были свои удѣлы, каждый съ своими обычаями и одеждой. До сихъ поръ, какъ во Франціи или Италіи, есть и у насъ города и области, которые имѣютъ свой исключительный нарядъ: вспомните казаковъ, галичанъ, тамбовцевъ, жителей Мценска, однодворцевъ и т. д. Съ другой же стороны, и у насъ сглаживаются понемногу эти провинціальныя особенности; мужчины первые начинаютъ принимать общее одѣваніе, женщины отказываются труднѣе отъ принятаго обычая и всего болѣе головной уборъ удерживается даже тогда, когда прочее платье измѣняется по новой модѣ (*). Но и онъ, особливо вблизи большихъ городовъ, иногда быстро измѣняютъ свое одѣваніе, хоть и не всегда со вкусомъ. Около Москвы и въ Москвѣ женщины простого сословія стали въ послѣдніе года повязывать головы платками и носить безобразные фартухи, чего, по увѣренію старожилловъ, прежде и въ поминѣ не было. Также все болѣе и болѣе исчезаютъ сарафанъ и кокошникъ, а мужчины начинаютъ носить дѣтомъ шляпы съ низкими тульями и съ преузкими полями, которыхъ прежде также не было. Не говорю уже о бородѣ: «борода — трава: скосить можно», говоритъ мужикъ Хоръ въ прекрасномъ очеркѣ Тургенева (**). Русскій человекъ, если онъ не злой раскольникъ, не отстаиваетъ упорно своей бороды, когда при-

(*) Тоже упорство головы удержать свое убранство, когда прочія части тѣла подверглись вліанію моды, замѣчается вездѣ: въ Германіи, во Франціи, въ Италіи. Въ Парижѣ, на улицахъ или въ театрахъ, вы нерѣдко встрѣтите женщинъ, одѣтыхъ по общей модѣ, но съ норманскими или бретанскими, часто довольно безобразными головными username.

(**) «Хоръ и Калнычъ», въ 1 № Современника.

Однѣ московскіи содержатель цирюльни сказывалъ мнѣ, что къ нему ежегодно приходитъ человѣкъ десять, пятнадцать сбривать до-гола бороду. Это болѣею частью отпущенники, привисывающіеся къ городу или дѣти раскольниковъ и старообръзовъ. Считите всѣ московскіи цирюльни и поновите ихъ круглымъ числомъ на десять : тогда вы увидите сколько бородъ сбривается въ одной Москвѣ, не считая другихъ городовъ російской имперіи.

Къ чему поведетъ это? спросятъ поклонники народной одежды. Не знаю; но чтобъ успокоить ихъ, прибавлю: едва ли къ фраку. Каждый народъ, скажу болѣе, каждый человѣкъ долженъ стремиться достигнуть самостоятельности и возмужалости. Но это достигается не слѣпымъ упорствомъ въ прежнее, разъ принятомъ обычаѣ. Все, что извнѣ налагается на человѣка, а не принимается имъ по собственному побужденію, все то не прочно и удержаться не можетъ. Какъ скоро человѣкъ высвободится изъ полъ узъ патріархальности, его уже не удержишь отъ нововведеній словами : да такъ ходили твои дѣды, да такъ дѣлали или жили въ старину. Ему до старины и до дѣловъ нѣтъ нужды : онъ самъ себѣ большой и хочетъ жить своей головою. Слово: провинціализмъ, въ его узкомъ значеніи, терять для него свой смыслъ и свою силу, и русскій человѣкъ еще способенъ отъ него отказаться, чѣмъ другой какой. Да и о чемъ тутъ хлопотать? Предоставьте на его собственное сужденіе и произволь, какъ ему жить и какъ одѣваться : если не хотите, чтобъ на него налагали фракъ и бритву, то не налагайте же на него и вашего историческаго одѣянья, когда онъ считаетъ для себя и удобнѣе и пріятнѣе промѣнять его на что нибудь новое. Повѣрьте, нѣтъ ни въ природѣ, ни въ жизни человѣка ничего неподвижнаго, и народное платье смѣняется другимъ, какъ и все смѣняется, когда придетъ на то очередь. Здѣсь нѣчего пѣлять на нововведенія, когда они принялись сами собою, случись это отчасти даже изъ минутныхъ выгодъ и расчета,—нѣчего навязывать старое, когда это старое отживаетъ свой вѣкъ и потеряло силу себя отстаивать противъ искушеній новаго.

Мысль о народномъ и чувство народности пришли къ намъ очень естественно вмѣстѣ съ пробужденіемъ нашей самостоятельности. Не будучи еще собою, мы захотѣли своего, во что бы то ни стало. У насъ начинаютъ толковать о необходимости русской науки, русскаго искусства и пр. ; также точно толкуютъ и о русской одеждѣ. О послѣдней, конечно, мы болѣе вправѣ говорить, чѣмъ о первыхъ, потому-что русская одѣжа, какова бы она ни была, уже есть, а русской науки и искусства пока еще нѣтъ. Но все-таки и этого нельзя себѣ заказывать. Развѣ можно теоретически, въ чемъ бы то ни было, сдѣлаться самостоятельнымъ? У насъ безпрестанно толкуютъ о русскомъ искусствѣ. Мы хотимъ, требуемъ, должны имѣть свое, народное искусство, — говорятъ вамъ. Хорошо, очень радъ ; только подумайте, такъ ли слѣдуетъ приняться за дѣло? — Нѣсколько молодыхъ скандинавскихъ

Римъ. Никому изъ нихъ не приходило и въ голову основывать новую школу въ искусствѣ. Они поѣхали туда въ простотѣ сердца, по внутреннему влеченію, безъ заданной себѣ мысли, безъ мечты о скандинавской народности. И что же вышло? Нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей были одарены сильнымъ талантомъ, одинъ изъ нихъ великимъ гениемъ; и вотъ является цѣлый рядъ первоклассныхъ скандинавскихъ ваятелей (*), съ Торвальдсеномъ во главѣ, этимъ урожденцемъ холодной и отдаленной Исландіи (ultima Thule) и самобытнымъ возстановителемъ греческаго искусства. Вотъ какъ обнаруживается жизнь народная; на нее нѣтъ рецептовъ, она не подчиняется предписаннымъ системамъ и теоріямъ, а развивается свободно, внезапно, какъ развивается и создается все творческое и самобытное.

Вообще, мы простодушнымъ желаніемъ имѣть все *свое*, во что бы ни стало, нѣсколько напоминаемъ прежнихъ помѣщиковъ, которые домашними руками и умомъ заводили у себя и свою мебель, и свои театры, и свой оркестръ, и свои экипажи и т. д. Они гордились тѣмъ, что могли сказать: это сдѣлалъ мой каретникъ, спшилъ мой портной, сыгралъ мой актеръ или музыкантъ. Хорошо ли было доморощенное произведеніе или нѣтъ, — объ этомъ мало заботились; главное состояло въ томъ: свое ли это, или купленное. Тутъ удовлетворялось не общечеловѣческое чувство изящнаго или мастерски сдѣланнаго, а узкое, эгоистическое чувство *своего*: сурово ли бѣлье, *свое* рукодѣлье.

Отчего, однако, теперь исчезаютъ, и даже почти исчезли, доморощенные артисты, кареты, мебель и проч.? Ужь, конечно, не оттого, какъ иные думаютъ, что русское дворянство обѣдѣло. Нѣтъ, а оттого, что оно поумнѣло. Оно поняло необходимость, хотя бы временную, раздѣленія работы. Оно поняло, что его дѣло — производить хлѣбъ или, положимъ, свекловичный сахаръ, и что, въ свою очередь, Гамбсъ или Пикъ могутъ несравненно лучше, даже дешевле, сдѣлать мебель, чѣмъ домашній столяръ, — что карета Шьина или Іоахима будетъ во сто разъ красивѣе и обойдется не дороже, чѣмъ своя, — что никакой крѣпостной театрѣ и думать не можетъ имѣть тѣ средства, какія имѣютъ общественные театры, а слушать въ публичномъ концертѣ Листа, Вьѣтана или Серве и выгодаѣе и пріятнѣе, чѣмъ своего виртуоза топорной работы.

То, что повалъ русскій помѣщикъ, понимаютъ и вся Россія и вся Европа. Во всемъ совершается мѣна: и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ промышленности. Европейскіе народы сказали себѣ и другъ другу: у васъ, Французовъ, много мастерства и вкуса въ издѣліи шелковыхъ и другихъ дамскихъ матерій, у васъ славные повара, парикмахеры, модистки, репертуары вашихъ театровъ богаты и разнообразны, ваша общественная жизнь славится своей гуманностью. Вы, Итальянцы, обладаете единственнымъ въ мірѣ голосомъ, ваша земля пере-

---

(*) Бюстрѣмъ, Фогельбергъ, Биссенъ и др.

полнена чудесами искусства. Вы, Нѣмцы, отличаетесь глубиной науки и мысли. У васъ, Бельгійцевъ, превосходныя кружева, отличныя паровыя машины. У васъ, Англичанъ, чудесныя бумажныя, шерстяныя и стальныя нѣдѣля, ваша торговля первая въ мѣрѣ, ваша гражданственность стоитъ на высокой степени развитія. Давайте намъ, что у васъ лучшаго, и взаменъ за то мы наградимъ васъ тѣмъ, что у насъ однихъ отлично. Вотъ какъ сложилась общая европейская жизнь; въ силу вотъ какого закона развились соревнованіе, товарищество, солидарность европейскихъ народовъ. Вслѣдствіе національныхъ особенностей, не вызванныхъ теоріями и апіорными началами, а вышедшихъ свободно и творчески изъ самого духа народнаго и свойства страны, каждый народъ принесъ на общій торговый и умственный рынокъ челоуѣчества все, чѣмъ наградила его мать-природа, и братски обмѣнялся съ прочими тѣмъ, чего ему не доставало, что у него было слабо и не развито. И что же вышло? Оправдывалось или оправдывается пророчество Гёте о *Weltliteratur*, являются общія всѣмъ наука, искусство, промышленность, торговля, общественная жизнь. Народы не останавливаются на томъ, что принесло имъ въ удѣлъ прошедшее; они бодро идутъ впередъ, снѣло заимствуютъ другъ у друга недостающее имъ самимъ, и разъ принятое продолжаютъ пересоздають по своему, согласно со складомъ ума, съ требованіями земли, съ присущимъ каждому народу и странѣ геніемъ. Союзъ, заключенный однимъ народомъ со всѣми прочими, не ослабляетъ его силъ, не дѣлаетъ его слѣпымъ раздражателемъ чужеземному; напротивъ, этотъ союзъ, подобно прикосновенію Антея съ землей, усотеряетъ его мощь, его творческую дѣятельность. Народы, какъ и отдѣльные люди, порознь слабы, вмѣстѣ же всесильны. И посмотрите, какъ параллельно развиваются и самобытность ихъ и совокупная, народно-семейная ихъ жизнь. Они жадно питаются всѣмъ окружающимъ ихъ миромъ и принятое отъ другихъ въ себя превращаютъ въ собственные соки, которые дѣлають ихъ способными и развиваться внутренно и дѣйствовать, въ свою очередь, на остальной мѣрѣ. Вгляните для примѣра на сосѣдную намъ Швецію: что можетъ быть бѣднѣе этой страны? И несмотря на скудость природы, на бѣдность народонаселенія, на недостатокъ въ капиталахъ, на географическую оторванность отъ остальной Европы, она умѣла поднять свою торговлю и промышленность; она черезъ усовершенствованное земледѣліе вполнѣ удовлетворяетъ главнымъ нуждамъ своего народа, имѣетъ свой флотъ и свою армию, цѣлущіе финансы, своихъ художниковъ и первоклассныхъ ученыхъ. И всего этого достигла она не отчужденностью отъ остального міра: нѣтъ! она роетъ отъ моря до моря колоссальныя каналы, учреждаетъ вышнія парходства, открываетъ свои пристани, входитъ въ тѣсныя сношенія со всѣми близкими и дальними народами. Она не только получаетъ отъ нихъ чужое, но снабжаетъ ихъ и своимъ....

Повторимъ: истинная, самобытная народность не отправляется отъ идеи народности. Она приобретаетъ и растетъ сама собой, ну-

темъ не теоріи, а жизни, естественно, наивно, нося въ себѣ самое зерно своего дальнѣйшаго развитія. Кто народу проповѣдуетъ народность, тотъ въ ней сомнѣвается. Здоровые не говорятъ и не думаютъ о здоровьѣ; говорятъ и хлопочутъ о немъ лишь больные. Если же народъ занемогъ чужеземной немощью, то отъ нея можетъ вылечить лишь его собственная здоровая натура. Когдажъ натура его слаба, то всѣ лекарства и рецепты міра ему не помогутъ

Намъ, Русскимъ, не позволено сомнѣваться, ни прямо, ни косвенно, въ крѣпкомъ здоровьи нашей природы. Дадимъ ей только развернуться самой; и если намъ кажется, что русскій человѣкъ подвергается чужеземному повѣтрію, то не будемъ оцѣплять его карантинами, потому-что карантинъ не удерживаютъ повѣтрій, потому-что повѣтрія, какъ и все, неизбежны и необходимы въ общей экономіи природы, наконецъ потому, что, преодолѣвъ однажды ихъ вредное вліяніе, человѣкъ крѣпнетъ и здоровѣетъ тѣломъ. Плодотворность никогда не развивается такъ сильно, какъ послѣ физическихъ переворотовъ и опустошеній.

Ну, а если западъ Европы наноситъ намъ даже не повѣтріе, а новыя силы? Ну, а если пища, которую мы отсюда приедемъ, превратившись въ наши соки, насъ укрѣпитъ, а не ослабитъ? Чтò не по насъ того здоровая натура наша не приметъ и безъ вашихъ предостереженій. Народъ имѣетъ свой вѣрныи и чуткій инстинктъ; не бойтесь за него и не думайте, что вы насквозь поняли его многостороннюю и примчивую природу, что безъ васъ онъ бы и не зналъ, чтò ему здорово и чтò вредно.

Какой-же результатъ всего сказаннаго мною по поводу народной одежды и европейской моды? — Тотъ, что каждый народъ, какъ и каждый человѣкъ, конечно, долженъ быть собою, но *долженъ* лишь, когда онъ *можетъ*. А можетъ быть собою лишь тотъ, кто хранитъ въ себѣ на то внутреннюю силу. Не будемъ же заботиться о томъ, чтò мы надѣнемъ, европейскій ли фракъ, или русскій кафтанъ, а скажемъ себѣ: и то и другое хорошо на своемъ мѣстѣ и въ свою пору; и то и другое дурно не въ пору и не у мѣста. Мнѣ же слается, что какъ тотъ, такъ и другой отживаютъ свой вѣкъ, и что рано ль, поздно ли, придетъ время, когда всякій изъ насъ, отъ барина до мужика, надѣнетъ платье по своей личной модѣ, справляясь не съ модными журналами и не съ дѣдовскимъ гардеробомъ, а съ своимъ собственнымъ вкусомъ и умѣнемъ. Если одни, и не безъ основанія, обвиняютъ европейскую моду въ нравственномъ деспотизмѣ и насиліи, то нельзя не обвинить въ томъ же и народной одежды. Все, что налагается на насъ силою привычки, предрасудка, вишнихъ приличій, все, что мы носимъ не потому, что это намъ нравится, а потому только, что такъ одѣваются такой-то, или такая-то, такой-то народъ, или такая-то провинція, — все это должно, рано или поздно, исчезнуть и уступить мѣсто живому, свободному, личному вкусу и выбору.

рѣдко жалуются на быструю измѣнчивость и деспотизмъ моды, — и они правы. Нигдѣ мода такъ не господствуетъ, какъ у насъ, нигдѣ не налагаетъ такъ беспощадно своихъ законовъ. Но въ Парижѣ, этомъ отечествѣ европейскіхъ модъ, вы не слышите ни подобныхъ жалобъ, не встрѣчаете ни такого раболѣпія передъ модными картинками. Тамъ каждая дама законодательница; но она законодательница себѣ самой: нравится другимъ ея туалетъ — онѣ перенимаютъ; не нравится — онѣ не стѣсняются авторитетомъ дамы à la mode, или модистки въ славѣ. Во всемъ туалетѣ, отъ обуви до головной прически, царствуетъ свобода, и самыя картинки при модныхъ журналахъ являются, какъ извѣстно, не вслѣдствіе новыхъ соображеній модистокъ, а вслѣдствіе новаго туалета, видѣннаго въ театрѣ, на гуляньи, на придворномъ балѣ. Такимъ образомъ, не дамы копія, которой оригиналомъ, какъ у насъ, служить картинка, а картинки копія съ живыхъ оригиналовъ, созданныхъ личнымъ вкусомъ женщинъ. То же и съ мужскими модами. — И не думайте, чтобъ эта особенность встрѣчалась только въ Парижѣ: нѣтъ, во всѣхъ большихъ городахъ Европы, въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ и т. д. есть свои моды, которыя создаются самимъ обществомъ и уже потомъ переходятъ въ модные журналы. Вотъ какъ человѣческая личность, проявляясь всюду, проявляется и въ самой одеждѣ! Она не стѣняется общепринятымъ, а напротивъ, создаетъ безпрестанно новыя формы, своеобразныя явленія.

Наши дамы, — въ томъ нельзя имъ не отдать справедливости, — имѣютъ, при большихъ средствахъ, и очень много вкуса. Русскую, какъ и польскую, даму легко узнать въ европейскомъ салонѣ по утонченности и по изяществу ея туалета. Въ ней, какъ и вообще въ Славянахъ, много врожденнаго вкуса; и если онъ только очищенъ отъ восточнаго хлама, то Русская почти всегда умѣетъ одѣться къ лицу. Что же значить одѣться къ лицу, какъ не тоже самое, что одѣться въ гармоніи съ своей личностью? Еще шагъ впередъ — и дѣло сдѣлано. Будьте еще самостоятельныѣ, еще изобрѣтательныѣ. Не ограничивайтесь умѣньемъ выбрать изъ того, что уже есть; творите сами, будьте художницами, подобно дамамъ европейскіхъ столицъ; не довольствуйтесь исполненною вкуса подражательностью, а будьте сами законодательницами, въ свою очередь; не бойтесь пересудовъ соперницъ, злословія зависти и безсилія: если вамъ достанетъ силъ удержать за собою права самостоятельности, то, повѣрьте, зависть и безиліе замолкнутъ, и вы будете не краснѣть, а гордиться тѣмъ, что и въ туалетѣ вы стали собою.

Я слышу заранѣе ропотъ мужчинъ, когда, изъ логической послѣдовательности, буду вынужденъ примѣнить и къ нимъ свой принципъ *личной одежды*. Когда намъ этимъ заниматься? скажутъ они. Мы люди дѣловые, мы люди должностные, ученые, промышленные; до того ли намъ?

Господа! Боже меня упаси смѣть отнимать у васъ драгоценное время. Но я того и не требую. Хотя вы и не всѣ старики, хотя ме-

и душою, такіе, которые не пренебрегаютъ изящнымъ туалетомъ, и у которыхъ современная премудрость не отняла охоты нравиться женщинамъ, — но я не посягаю ни на кого изъ васъ и думаю, что для того, чтобъ быть самостоятельнымъ, не нужно терять много времени. Если вы не циникъ и неряха, то вы хоть разъ въ годъ совѣщаетесь же съ своимъ портнымъ, думаете хоть разъ въ недѣлю, что вамъ надѣть и какъ одѣться. Почему жь не подумать при этомъ, какой именно нарядъ присталъ болѣе къ вашему лицу, къ вашимъ лѣтамъ, къ вашему темпераменту и фizioноміи? Я не проповѣдую всемірнаго маскарада, не говорю, чтобъ одинъ одѣвался туркомъ, другой казакомъ, третій маркизомъ XVIII вѣка; я признаю вполне всеобщую историческую основу въ одеждѣ, какъ и въ обычаяхъ, потому-что общая жизнь народовъ должна неизбѣжно создать и общіе нравы; но во имя человеческой личности вызываю ея самостоятельность и въ одеждѣ; говорю, что и въ ней, какъ и во всемъ, удерживая общій характеръ эпохи или народа, мы не должны, однако, имъ связываться и раболѣпно подчиняться ему во всѣхъ его подробностяхъ. Желать самостоятельности, значить желать не своевольнаго разъединенія людей, а ихъ свободнаго союза и братства, основаннаго не на внѣшнемъ, а на внутреннемъ единствѣ, которое возможно лишь при безконечномъ личномъ разнообразіи. Единство въ многообразіи и многообразіе въ единствѣ: вотъ задача людей во всемъ, слѣдственно, и въ одеждѣ. Будьте разнообразны, какъ ваши личности. Одѣвайтесь, конечно, не вопреки общему характеру одежды: не то вы будете только что смѣшны; но одѣвайтесь къ лицу въ болѣе свободномъ и широкомъ смыслѣ слова, чѣмъ до сихъ поръ дѣлалось. Это требованіе вашего личнаго вкуса, скажу болѣе — это требованіе вашего совершеннѣйшаго. Признаюсь, при теперешнемъ деспотизмѣ моды, я подлѣ часъ радъ даже видѣть какойнибудь новый, не всѣми принятый костюмъ, будь это хоть русскій кафтанъ или персидскій архалукъ. Я радуюсь самостоятельности челоѣка, радуюсь тому, что онъ, при выборѣ одежды, справился не съ другими, а съ собою. Правда, невольно посмѣюсь надъ шутовски одѣтымъ, но посмѣюсь надъ его безвкусіемъ, а не надъ его смѣлостью.

Да! будемъ самостоятельны, хотябъ напередъ въ одеждѣ, и подумаемъ о томъ, что прежде, чѣмъ люди будутъ провожать насъ по уму, они насъ встрѣтятъ по платью. Такъ пусть хоть по платью увидятъ они въ насъ не раболѣпныхъ поклонниковъ народной или заморской моды, а истинно взрослыхъ, которые стали — сначала одѣваться, а потомъ и жить, по своему вкусу и своей головоу. Это не пропадетъ для насъ даромъ; самобытность въ одномъ вызоветъ самобытность въ другомъ, и мы незамѣтно, изъ сферы возвышенныхъ идей и пистой жизни, перейдемъ въ сферу жизни живой и полной.

Н. Л-скій.

А. Соллоубу). Прямо идетъ Дворянская улица, а позади ея домы тянутся оврагъ. Черезъ этотъ оврагъ нѣтъ ни мостовъ, ни перекадинъ, а вѣтся тропинка. На той сторонѣ оврага опять нѣсколько домовъ, и домъ, къ задворкамъ котораго пробита тропинка, принадлежитъ старой стряпчихѣ. Старая стряпчиха вѣдь не потому называется старою, что она старуха. — Вовсе нѣтъ. Ей лѣтъ подь сорокъ. Баба здоровая собой. Она вдова, и мужъ ея былъ стряпчимъ въ этомъ городѣ. Вотъ почему она и старая стряпчиха. — Семейка на рукахъ у ней осталась порядочная. Она не велика, если хотите: состоитъ всего изъ дочери Катеньки 18-ти лѣтъ да сына Миши 14-ти; но содержать ей было ихъ, какъ она говорила, не легко. Состоянія у ней ровно никакого нѣтъ, и существовала только тѣмъ, что была вдовою стряпчаго. А послѣ старыхъ стряпчихъ (такое уже водится похѣрье), вдовы могутъ жить или должны мочь жить. — Черезъ годъ послѣ кончины стряпчаго, Катеньку привезли изъ пансіона. Ее затянули въ корсетъ, причесали ей голову, на шею напутали газъ, посадили въ возокъ и повезли въ благородное собраніе. А благородное собраніе сбиралось, за неизбѣимъ своей залы, въ залѣ училища. А чтобы доѣхать до училища надо было объѣхать весь оврагъ, ибо домъ училища стоялъ на другой сторонѣ оврага. — Вдуть долго. Стряпчиха молчить. Катенька молчить. Катенька говорить: маменька. Маменька говорить: Катенька. Катенька говорить: адъютантъ будетъ? — Маменька говорить: ты еще глупа. Балъ былъ славный. Лимонадъ и клюквенный морсъ подавали всѣмъ дамамъ даромъ, а при входѣ для кавалеровъ продавалась водка и ликѣры, съ колбасою и съ различными закусками. Танцевали до четвертаго часу. Наконецъ всѣ разъѣхались по домамъ. Стряпчиха, завернувшись въ одѣяло, думаетъ про себя: глупа Катя, дурочка; такъ и глядитъ на всѣхъ мужчинъ.

Катенькѣ снится, что адъютантъ ей жметъ руку.

А адъютантъ, пріѣхавъ домой, кричитъ: эй, Паша! завтра какъ ударятъ къ часамъ, такъ мнѣ Танкреда осѣдай.

Градусовъ пятнадцать морозу, а адъютантъ себѣ гарцуетъ въ десятомъ часу утра, передъ окнами дочки. — Она сидитъ себѣ у окна и словно въ книгу смотреть. Адъютантъ съ коня долой; лошадь на дворъ. Стукъ въ двери. Дверь открылась. Въ передней никого. Онъ далѣе; въ залѣ мальчикъ: это Миша. — Вамъ кого? — Маменьку. — У обѣдни. Адъютантъ передъ Катенькой. Катенька покраснѣла, потомъ поблѣднѣла, потомъ опять покраснѣла. Ее взяла дрожь. Адъютантъ взялъ у ней руку. — Миша, запри въ снѣгахъ дверь, выговорила она нетвердымъ голосомъ. Миша стремглавъ кинулся къ снѣгамъ. — Вы клянетесь? — Ей Богу! Ты меня любишь? — И не обманываешь? — Ей Богу! — Нѣтъ. Послѣ, послѣ, ужь одиннадцатый часъ. Сейчасъ маменька будетъ.

Стряпчиха точно скоро домой возвратилась. — Какая жалость,

говорила она, входя къ дочери: — это, должно быть, адъютантъ прѣзжалъ, по рассказамъ Миши; а ты, дурочка, и не приняла его.

— Нѣтъ, маменька, говоритъ Катенька: — миѣ неприлично.

— Глупая дѣвочка, подумала мать.

Въ маѣ мѣсяцъ. — Эвто, что за генераломъ ѣздить повсюду, тьютантъ, что ли? повадился ходить гулять въ оврагъ по вечерамъ, рассказывалъ мальчишка, сидя у угла мясной лавки.

— А ужъ готовить намъ сюрпризъ старая стряпчиха, говорили въ городѣ. — Посмотрите, если она не сыграетъ свадьбу къ осени. Она такъ обошла адъютанта, что онъ весь виѣ себя отъ Катеньки.

— Катенька моя дѣвочка глупая и она со всякимъ будетъ счастлива. Много чести, Петръ Андреичъ; на все есть время: погодите, говорила стряпчиха учителю уѣзднаго училища. Учитель кланялся и ждалъ поры.

Не одинъ адъютантъ любилъ ходить гулять въ оврагъ, въ которомъ душистая черемуха и раскинувшаяся жимолость представляли убѣжище отъ городского жару и пыли. Катенька тоже всякой день спускалась въ него по нѣскольку разъ. Случалось ей ходить и съ стряпчихою, случалось, по близости, и одной.

Въ половинѣ юня, часу въ шестомъ послѣ обѣда, учитель посѣтилъ стряпчиху. — Что вы скажете? говорилъ онъ ей. — Много чести, Петръ Андреичъ, отвѣчала она ему: — на все есть время. Потерпите. Пойдемте лучше звать Катеньку чай пить; она гуляетъ въ оврагѣ.

Старая стряпчиха и Петръ Андреичъ подошли къ оврагу.

— Катенька! глупая дѣвочка! закричала стряпчиха: — полно гулять: пора чай пить! гдѣ ты?

Въ эту минуту изъ за куста черемухи показалась Катенька.

— Здѣсь, маменька! отвѣчала она: — иду, иду, сейчасъ!

Но Катенька не могла взбѣжать такъ скоро на крутую сторону оврага, какъ ей удавалось это дѣлать въ началѣ мѣсяца. Она, запыхавшись, приостановилась на половинѣ. Петръ Андреичъ подбѣжалъ къ ней и, взявъ осторожно подъ руку, сказалъ:

— Сударыня! какъ вы въ лѣто изволили поправиться...

— Петръ Андреичъ! сказала стряпчиха: — я вижу, что вы прекраснѣйшій будете мужъ. Да благословить васъ Богъ! Умѣйте только беречь мою Катеньку; она глупая и невинная дѣвочка.

Недолго послѣ петрова дня, когда уже съ мѣсяцъ, какъ адъютанта въ городѣ не было, — вечеромъ, около церкви толпился народъ. Городовой стражъ, менѣе гроша, изъ простаго народа никого въ церковь не впускалъ.

— А кого это вѣнчаютъ? спрашивалъ одинъ изъ присутствующихъ на всю толпу. «А это, что старой стряпчихи дѣвочка была, — такъ за учителя.» — А что, знать, говорить, богатое приданое, я чай?

«Тряпья кучу, салошь лисій, возокъ свой отдаешь, да въ пятнадцать тысячъ на кого-то заемное письмо.»

Страниціи.

УКРОТИТЕЛЬ КОНЕЙ (*Разсказъ Габріэля Ферри*). Бакуачъ (Bacuche) не былъ единственною цѣлю моею поѣздки въ сѣверныя пустыни Мексики: я хотѣлъ добраться до предѣла пустыни, то есть, до президы тубакской. Мой проводникъ Анастасіо, когда я сталъ совѣтоваться съ нимъ объ этомъ новомъ странствіи, употреблялъ всѣ усилія, чтобы уговорить меня возвратиться. Честный и вѣрный слуга обѣщался своему господину доставить меня цѣлымъ и невредимымъ, и потому не хотѣлъ измѣнить своему слову. Я, однакожъ, успѣлъ убѣдить его. Бакуачъ отъ Тубака находится на разстояніи около двадцати миль. Хотя для Анастасіо былъ дорогъ каждый день, потому-что онъ долженъ былъ объявить въ Ариспѣ объ открытіи братомъ его золотого прииска, онъ рѣшился, однакожъ, проводить меня на нѣкоторое разстояніе, до тѣхъ поръ, пока я на столько приближусь къ президѣ, что можно будетъ доѣхать до нея безъ всякой уже опасности. Съ двояей стороны, я обѣщалъ ему, коль скоро останусь одинъ, въ точности слѣдовать путеказателю, который онъ начертилъ мнѣ, и не отдаляться отъ проѣзжей дороги или, по крайней мѣрѣ, отъ проѣзженныхъ тропинокъ, которые въ Мексикѣ называются проѣзжими дорогами. Поэтому я отказался отъ посѣщенія фермы Колодца (*hacienda de la Noria*), для чего мнѣ бы надо сдѣлать длинный и опасный поворотъ въ сторону. Условившись обо всемъ этомъ, мы положили выѣхать до разсвѣта, чтобы на другой день рано добраться до того мѣста, гдѣ Анастасіо долженъ меня оставить, и снова повернуть на дорогу въ Ариспѣ.

Мы выѣхали изъ деревни *гамбусиносовъ* (*gambusinos*) въ самую глубокую ночь. Въ безмолвіи переѣхали мы рѣку Бакуачъ; я невольно оглянулся назадъ, чтобы бросить прощальный взглядъ на страну, которую покидалъ навсегда. Нѣсколько огоньковъ мелькало еще сквозь щели бамбуковыхъ хижинъ. Вершина сіерры (*sierra* — гора), которую пожаръ обнажилъ отъ ея зеленого вѣнца, рѣзко рисовалась на безвѣздномъ небѣ. Мы пришпорили лошадей, и вскорѣ все скрылось отъ нашихъ взоровъ. Первые лучи утренней зари освѣтили спереди и сзади насъ новый горизонтъ. Голыя, безводныя равнины, — вотъ что представилось намъ. Кромѣ порціи пиноля (*pinole*), заключавшейся въ чемаданѣ Анастасіо, каждый изъ насъ запасся полнымъ мѣхомъ воды. Я думалъ, что запасъ нашъ этимъ и ограничивается. Но когда разсвѣло, я не безъ удивленія замѣтилъ голову недавно зарѣзаннаго барана, висѣвшую у сѣдла Анастасіо. Я спросилъ его, что онъ думаетъ дѣлать съ этой головой?

— Завтрашній день надѣюсь ею позавтракать, отвѣчалъ мнѣ проводникъ: — это будетъ наша послѣдняя общая трапеза, и я хочу

изжаренной въ духу, приправленной индѣйскимъ перцемъ и лимонной водкой. Въ одномъ изъ моихъ *mochilas* (*) припасено все, что для этого нужно.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, окружающіе насъ виды измѣнялись. До тѣхъ поръ едва замѣтныя тропинки указывали намъ путь въ этихъ пустыняхъ; тропинки примыкали къ безконечнымъ *savannam*, дугамъ безъ деревьевъ, безъ кустарниковъ, покрытымъ высокою травою, на гибкомъ стеблѣ, которая, наклоняясь при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, представляла видъ волнующагося залива, окруженнаго синими холмами. Время отъ времени показывались песчаныя насыпи, подобныя морскимъ дюнамъ (**). Мѣстами изъ этихъ волнъ велены возвышались ни иссохшихъ деревьевъ, словно мачты корабля, который легъ въ дрейфъ во время непогоды. Тщетно, однакожь, ускорали мы ходъ лошадей нашихъ; по мѣрѣ того, какъ мы оставляли за собою высившіеся со всѣхъ сторонъ холмы, они снова отодвигались впередъ на безконечное пространство. Вскорѣ заходящее солнце бросило свои послѣдніе лучи на предметы, возвышавшіеся надъ травою. Въ *savannу*, озаренной свѣтомъ сумерекъ, все еще напоминало видъ океана. Запоздавшій буйволъ, пробираясь къ своему отдаленному пристанищу (*quegencia*), выказывалъ свою темную спину изъ травы, будто китъ изъ воды; лань, перепрыгивая съ холма на холмъ и теряясь въ дали, казалась морской свиньею (*le souffleur*), которая выскакиваетъ изъ воды, чтобы снова погрузиться въ бездну. Наконецъ, когда мѣсяцъ взомелъ на безоблачномъ небѣ, лучи его играли на выбкихъ волнахъ, то покрываемыхъ тѣнью, то обливаемыхъ серебристымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ рои свѣтящихся мошекъ оставляли въ разныхъ направленіяхъ блестящія полосы, какъ будто фосфорическія искры волнъ. Неспуская глазъ съ сѣверной звѣзды, которая служила намъ вмѣсто компаса, мы все подвигались впередъ. Вскорѣ растительность стала уменьшаться; мы уже не видали моря, но большія лужи, въ равстояніи одна отъ другой. Наконецъ, достигли и песчаныхъ отмелей. Тогда снова появились деревья, и мы остановились среди небольшого лѣска, густо раскидывавшагося на право и на лѣво.

Окончивъ нероскошную вечернюю трапезу, Анастасіо сталъ помышлять о предстоящемъ на другой день завтракѣ. Стоитъ упомянуть о приготовленіяхъ, которыми онъ занялся. Вынувъ ножъ изъ ножонъ, онъ вырылъ въ этой рыхлой землѣ небольшую ямочку, въ одинъ футъ глубины и такой же ширины, наполнилъ ее сухой травою и зажегъ, прибавляя въ огонь время отъ времени мелкаго сухого хворосту. Составивъ такимъ образомъ родъ очага съ горящими уголь-

(*) Кожаный мешокъ для припасовъ, составляющій непрѣмную часть конской сбруи.

(**) Нависные песчаные холмы на берегахъ моря.

ями, они заложил отверстие болѣе крупными кусками дерева, которое, въ свою очередь, скоро разгорѣлось, и наконецъ, покрывъ этотъ костеръ рядомъ камней. По мѣрѣ того, какъ сгорало дерево, камни раскалялись, краснѣли, и такъ какъ весь костеръ болѣе и болѣе опускался, то они скоро достигли до самого дна ямы, которой и боковыя части въ то время уже достаточно нагрѣлись. Анастасіо бросилъ въ эту печь голову барана, накрытую кожей, и снова заткнулъ отверстие вѣтвями зеленого дерева, на которыя насыпалъ земли и приотпалъ ее. Окончивъ эту операцію, онъ объявилъ мнѣ, что намъ ничего не остается больше, какъ лечь спать до завтрашняго утра.

На другой день, только что солнце показалось на горизонтѣ, Анастасіо осѣдлалъ лошадей нашихъ въ послѣдній разъ. Привязавши ихъ неподалеку, онъ вынулъ изъ кустарника мѣха, которые положены были тамъ для того, чтобы прохладить воду. Увы! мѣха эти значительно уже уменьшились. Анастасіо вынулъ графинчикъ съ водкой. Оставалось снова разрыть яму, въ которой была *душома* баранья голова, надежда нашего завтрака. Только что пораскопалъ онъ немного ножомъ землю, изъ нея поднялся ароматъ, какъ изъ откупоренной бутылки. *Tatemada*, когда вынули ее изъ печки, показала мнѣ не очень аппетитную: это было ничто иное, какъ безобразная обгорѣлая масса; но Анастасіо, съ осторожностію отнявъ обгорѣлыя части, показалъ пурпурное мясо, скрывавшееся подъ этою черною корою, и я долженъ сознаться, что нашъ прощальный завтракъ былъ чрезвычайно хорошъ. Наконецъ, настало время разлуки. Всегда почтительный, Анастасіо и въ этотъ разъ вложилъ мою ногу въ стремя. Я пожалъ ему руку, какъ другу, потому, съ переполненнымъ сердцемъ, но безмолвными устами, чтобы не выказать очень извинительной слабости, мы простились знаками. Я направилъ путь свой къ сѣверу, Анастасіо къ югу, и вскорѣ лошадь умчала его отъ моихъ взоровъ.

Неоднократныя наставленія Анастасіо отняли у меня всѣ сомнѣнія на счетъ дороги, по какой я долженъ былъ слѣдовать, и потому я пустился въ путь твердо. Лошадь моя, благодаря превосходному качеству всѣхъ вообще мексиканскихъ лошадей, могла еще провести безъ питья день, — равстояніе, отдѣлявшее насъ отъ небольшой рѣчки. Мѣха мой былъ полонъ на половину. Едва было около восьми часовъ утра, а мнѣ предстояло еще десять часовъ пѣкла подъ солнцемъ, и это солнце, меня согрѣвавшее, въ тоже время раскаляло пустыню. По мѣрѣ того, какъ оно всходило на горизонтѣ, знойное отраженіе отъ земли поднималось ко мнѣ, огненные лучи заставляли меня нагибать голову и сжимали вокругъ моихъ распухшихъ ногъ кожу обуви. Полуденный вѣтеръ сушилъ мнѣ уста: я вдыхалъ грудью огонь, а не воздухъ. Подлѣ меня трещали иссушенные, сожженные деревья, какъ въ печкѣ. Я ѣхалъ такъ часа два, какъ вдругъ странная болѣзнь овладѣла мною: сначала дрожь пробѣжала по моему тѣлу, потомъ среди этого огненнаго моря я почувствовалъ холодъ. Сколько я ни закутывался плащомъ, — все напрасно. Я догадался, что ко мнѣ воз-

въ Санъ-Блазъ, гдѣ эта лихорадка дѣлаетъ ужаснѣйшія опустошенія. Всѣ члены мои, казалось, были разбиты; потерпѣвъ нѣсколько времени, я сошелъ, наконецъ, съ лошади и легъ на землю. Я находился на тропникѣ, проходившей черезъ густой лѣсъ; я надѣялся, что согрѣюсь на раскаленномъ пескѣ. И дѣйствительно, за ознобомъ, который заставлялъ меня дрожать всѣмъ тѣломъ, наступилъ убійственный жаръ. Я выпилъ всю воду, какая была у меня. Между тѣмъ, солнце все восходило выше и выше. Жажда снова пожирала меня, при удушющемъ вѣтрѣ, печально шелестившемъ листьями; но я находился въ одномъ изъ такихъ моментовъ, когда физическая боль усыпляетъ разсудокъ; я прислушивался къ шуму листьевъ, который казался мнѣ журчаніемъ ручейка, и это очарованіе на минуту утоляло жажду мою. Казалось, я припадокъ уменьшался, такъ что я черезъ нѣсколько минутъ чувствовалъ только чрезвычайную слабость. Тогда я вздумалъ снова сѣсть на лошадь, но отъ усталости долженъ былъ снова въ отчаяніи лечь на пескѣ у дороги. Въ тоже время я почувствовалъ жажду сильнѣе, нежели когда нибудь. Безъ капли воды, мѣхъ мой лежалъ подлѣ меня, уже искоробленный солнцемъ. Новыя попытки опять пуститься въ путь еще болѣе убѣдили меня въ моемъ безсиліи. Я упалъ, наконецъ, въ какомъ-то усыпительномъ томленіи, какъ вдругъ послышался вдали шумъ, словно стальные ножны ударились о желѣзные шпоры; скорѣе предо мною остановился хорошо-вооруженный всадникъ, на бодрой и сильной лошади. Я открылъ глаза.

— Эй, пріятель! сказалъ онъ суровымъ голосомъ: — что ты здѣсь дѣлаешь?

Длинная борода моя, мое поношенное, запыленное платье, конечно, могли въ нѣкоторой степени извинить это повелительное и фамильярное обращеніе со мною. Тѣмъ не менѣе такія слова показались мнѣ оскорбительными, и я довольно грубо отвѣтилъ незнакомцу: — ты видишь, что я дѣлаю.... умираю — отъ жажды.

Незнакомецъ улыбнулся. Мѣхъ, полный воды, висѣлъ у сѣдла его. При этомъ видѣ, жажда моя усилчилась, гордость исчезла. Я снова открылъ ротъ и съ покорностію попросилъ незнакомца, чтобы онъ передалъ мнѣ свой драгоценный мѣхъ.

— Сохрани Богъ отказать тебѣ въ этомъ! сказалъ онъ голосомъ болѣе кроткимъ. Я жадно протянулъ руку, но незнакомецъ, замѣтивъ по моему нетерпѣнію, что я не былъ расположенъ оставить даже каплю воды въ его кожаной бутылкѣ, самъ отлилъ въ стаканъ нѣвъ тыщвы и подалъ мнѣ. Я разомъ выпилъ всю воду. Когда я немного успокоился, избавитель мой спросилъ меня, по какой дорогѣ и куда я ѣду.

— Въ президу тубакскую, отвѣчалъ я.

— Въ президу тубакскую! сказалъ онъ съ изумленіемъ: — да ты ѣдешь теперь совсѣмъ въ противоположную сторону.

Въ жару лихорадки, я забылъ наставленія бѣднаго Анастасіо и сбился съ дороги; дорога, по которой я ѣхалъ, шла на западъ, какъ я замѣтилъ это теперь по солнцу.

— Послушай, сказалъ мнѣ незнакомецъ, снова подавая мнѣ пить, но также скупю, какъ и въ первый разъ: — къ закату солнца ты можешь добраться до фермы Колодца (*hacienda de la Noria*). Послушайся моего совѣта, ступай въ hacienda, — тебя тамъ хорошо примутъ.

Я намекнулъ о моей чрезвычайной слабости; незнакомецъ задумался, потомъ сказалъ:

— Я не могу подождать, пока ты оправивишься, чтобы проводить тебя туда; очень важныя причины требуютъ моего присутствія, при закатѣ солнца, далеко отсюда. Не менѣе важныя причины препятствуютъ мнѣ ѣхать и на ферму; но какъ дорога мнѣ предстоитъ близка отсюда, то я заѣду и скажу, чтобы тебѣ прислали лошадь для перемѣны, и воды, потому-что при усталости твоей и самой лошади, одному тебѣ не доѣхать сегодня, а въ этихъ безводныхъ пустыняхъ, коли не добрался сегодня, завтра не добраться. Постарайся же собраться съ силами и сколько нибудь подвинуться впередъ: если ты будешь ѣхать по слѣдамъ моего *lazo*, который будетъ волочиться по землѣ, то не собьешься болѣе съ дороги.

Я искренно поблагодарилъ его за доброе участіе. — Послѣдній совѣтъ, прибавилъ онъ: — не забудь сказать, что только случай одинъ привелъ тебя на ферму.

При этихъ словахъ, всадникъ развязалъ пучокъ плетеныхъ ремней и поѣхалъ большою рысью, оставляя за собою слѣдъ на песокѣ. Надежда скоро добраться до жилыхъ мѣстъ, вода, нѣсколько утолившая мою жажду, возвратила мнѣ немного силъ. Въ первый разъ положеніе мое представилось мнѣ въ его настоящемъ видѣ; я сѣлъ на лошадь, но бѣдное животное не удовлетворило, какъ я, хоть на минуту, жажды своей, и съ потухшимъ взглядомъ, вытянувъ шею, опустил уши, оно скорѣе тащило ноги, нежели шло, несмотря на многократныя побужденія. Тщетно ударялъ я шпорами въ окровавленные бока: эти удвоенныя усилія не могли заставить ускорить шагъ. По временамъ я останавливался, отыскивая едва замѣные слѣды *lazo* на песокѣ и надѣясь услышать голоса тѣхъ, кто долженъ былъ ѣхать ко мнѣ на встрѣчу; все было тихо и безмолвно. Только порывы теплаго вѣтра, это раскаленное дыханіе пещеръ, пролетали по землѣ неровными вздохами. Я снова пускался въ путь, повторяя машинально эту фразу: «коли не добрался сегодня, завтра не добраться». Уже тѣнь отъ деревьевъ становилась длиннѣе на песокѣ, который, будучи накаленъ солнцемъ въ теченіи дня, еще болѣе усиливалъ зной; тучи мошекъ, предвѣстниковъ сумерекъ, жужжали вдали; признаки наступающей ночи показывались одинъ за другимъ, а ко мнѣ не ѣхалъ никто. Физическая боль соединилась съ нравственнымъ страданіемъ: я чувство-

ржала, и какъ будто бы на крыльяхъ вѣтра прилетѣла къ ней какая нибудь таинственная вѣсть; она пошла почти рысью. Миѣ самому въ то время, какъ солнце скрывалось за опушкой лѣса, послышалось отдаленное мычаніе стада; нѣтъ сомнѣнія, я долженъ быть недалеко отъ какой нибудь *гапсло*. Въ полчаса доѣхалъ я до деревьевъ, за которыми сѣло солнце. Тогда открылась передо мной безконечная долина, и взорамъ представилось чудное зрѣлище, зрѣлище, котораго прелесть и величіе желалъ бы описать я, но о которомъ только тотъ можетъ имѣть понятіе, кто испыталъ мученія жажды, среди раскаленныхъ степей, которыхъ предѣлъ былъ ему неизвѣстенъ.

Широкій зеленый коверъ, испещренный цвѣтами и прорѣзанный извилистыми дорожками, протоптанными частію людьми, частію животными, покрывалъ поверхность этой равнины. Многочисленныя намедныя деревья (*gompiers*), близко одно отъ другого отстояція, сплетеніемъ вѣтвей своихъ вознаграждали тонкость листьевъ и тѣною своей защищали лугъ отъ солнца. Сырой и прохладный воздухъ, охватившій лицо мое, при выѣздѣ изъ душнаго лѣса, оставшагося позади меня, возвѣстилъ миѣ, что здѣсь повсюду, подъ самой тонкой корой земли, находится вода и оживляетъ этотъ очаровательный оазисъ. Дѣйствительно, среди этого зеленого ковра, подъ тѣнію густыхъ ясеней, обильный родникъ наполнялъ широкій коледезь. Огромное колесо, приводимое въ движеніе четырьмя парами муловъ, наполняло сто кожаныхъ колесъ, придѣланныхъ къ окружности, и потомъ выливало изъ нихъ воду, которая чистою, прозрачною волною переливалась въ огромные пни выдолбленныхъ деревьевъ, сверкая при лучахъ заходящаго солнца. Разливаясь въ тысячѣ рубиновыхъ нитей у подошвы камедныхъ деревьевъ, вода эта наполняла ихъ корни, доставляя самымъ верхнимъ вѣтвямъ живительную прохладу. Тысячи животныхъ всѣхъ родовъ приходили утолять жажду въ деревянныхъ колодахъ, и богатый рудникъ, наполнявшій ихъ, нисколько не изсякалъ отъ этого. Далѣе среди золотистой пыли, поднимавшейся отъ топота копытъ, прыгалъ огромный табунъ лошадей, съ раздутыми ноздрями, грива по вѣтру, во всемъ дикомъ неистовствѣ ихъ поступи. Чтò за безумные скачки, чтò за неистовые прыжки, чтò за неукротимые порывы, чтò за своенравные извороты, — голова закружится! Шумъ отъ копытъ, ударившихъ о землю, глухо раздавался, будто отдаленный громъ. Пронзительное ржаніе жеребцовъ и мычаніе быковъ время отъ времени заглушали этотъ страшный и веселый шумъ. Иногда цѣлый эскадронъ лошадей отдѣлялся отъ табуна и съ пылающими глазами устремлялся къ общему поюду. Тогда бараны улепетывали прыжками, между тѣмъ какъ быки, поднимая свои мокрыя, черныя морды, готовы были встрѣтить рогами незваныхъ гостей. Шакалы и другіе ночные побродяги, также томимые жаждою, забывая, что еще сіяло солнце, что человекъ былъ близко, выказывали вдали свои вытянутыя морды, сверкающіе глаза, не въ силахъ будучи переждать, пока сно-

которая, как провидѣніе этой пустыни, разливала всё без различія сокровища водъ своихъ. Таковы должны были быть колодецы временъ библейскихъ, подлѣ которыхъ патриархи разбивали палатки свои и давали гостепріимный пріютъ странникамъ-ангеламъ.

Въ одну минуту мы оба, и конь и всадникъ, принялись такъ пить, какъ будто бы хотѣли истребить весь колодезь. Надо было, однакожъ, остановиться. чтобъ перевести духъ, и тогда мнѣ показалось, что кто-то разговаривалъ блиско меня. Я сталъ прислушиваться; — до меня долетѣли слѣдующія фразы собесѣдниковъ, которыхъ отъ меня скрывала группа асений.

— Однакожъ, Хуанъ, я думаю, мнѣ пора ѣхать; вотъ уже четыре часа, какъ я даю тебѣ отыгрываться и въ это время путешественникъ, на встрѣчу которому послали меня, могъ давно умереть отъ жажды.

— Э, полно, Хосе! ты торопишься, потому-что выигрываешь! отъ этого и сдѣлался такъ сострадательнъ, что не хочешь дать мнѣ отыграться. Путешественникъ твой теперь навѣрно умеръ, — успѣешь отыскать его.

— Ну, да и ты страненъ, Хуанъ. Я остановился на минуту, чтобъ только наполнить водою тыкву, которую долженъ былъ отвезти бѣдняку, что нашелъ тамъ полумертваго на дорогѣ, а ты уговорилъ меня непременно отыгрываться, вслѣдствіе чего и не перестаешь проигрывать цѣлые четыре часа; пора кончить, однакожъ. Большая мнѣ радость, для того, чтобы выиграть у тебя *долманъ*, умерить жаждой человѣка!...

Въ ту же почти минуту оба игрока вышли изъ бесѣдки, въ которой сидѣли они. Я узналъ несчастнаго игрока по долману, который онъ держалъ въ рукѣ, какъ будто для того, чтобъ заманить своего противника и заставить его еще играть. Другой игрокъ велъ лошадь подлѣ уздцы; увидавъ меня, онъ спросилъ, не видѣлъ ли я путешественника, лежавшаго безъ чувствъ на большой дорогѣ?

— Если ты обо мнѣ спрашиваешь, сказалъ я ему: — то можешь продолжать выигрывать долманъ этого молодца: благодаря Бога, я не дождался тебя.

— Ну, слава Богу! какъ я радъ! сказалъ несчастный игрокъ — Бенито, другъ мой, ты не можешь теперь отказываться.

Неудовольствіе выразилось на лицѣ Бенито; видно было, что ему чрезвычайно неприятно, что я не умеръ отъ жажды, и что мой пріѣздъ лишалъ его предлога не рисковать болѣе своими выигрышемъ. Зато Хуанъ торжествовалъ. Я понялъ инстинктивно, что приобрѣлъ себѣ друга въ человѣкѣ, который хотѣлъ принести меня въ жертву, въ надеждѣ отыграться, а врага въ томъ, который нѣсколько минутъ тому

(*) *Noria*: такъ называется водоливная машина съ ведрами для поднятія водъ въ колодецъ: въ обширномъ смыслѣ, словомъ *noria* означаютъ и самыя колодецы, или водоемы.

ковъ продолжать ихъ занятіе, а самъ пошелъ къ фермѣ, вѣдя лошадей за поводья. Я былъ еще въ нѣкоторомъ разстояніи отъ фермы, вѣдя лошадей за поводья. Я былъ еще въ нѣкоторомъ разстояніи отъ фермы, и сумракъ покрывалъ уже окрестность, когда замѣтилъ обширныя загородки изъ кольевъ, по правой и по лѣвой сторонѣ дороги. Въ одной было пусто, въ другой пылъ стояла столбомъ. До меня долеталъ какой-то глухой ревъ. Подойдя къ самой загородкѣ, я разсмотрѣлъ сквозь колья быка и на немъ человѣка съ ножомъ; другой обвязывалъ веревками рога животного и старался сдержать его. Человѣкъ съ ножомъ обтачивалъ, какъ казалось мнѣ, концы роговъ животного, которое тщетно вырывалось изъ рукъ ихъ. Наконецъ, быкъ присмирѣлъ, и всадникъ, обмакнувъ осторожно въ тыкву что-то въ родѣ грубой тряпки или компресса, помазалъ ею нѣсколько разъ рога животного. Послѣ этой операціи быка развязали, и въ ту минуту, какъ онъ приподнимался въ бѣшенствѣ, оба незнакомца выскочили черезъ заборъ изъ загородки и пустились бѣжать въ противоположную отъ меня сторону. Въ томъ, которой сидѣлъ на быкѣ, я узналъ всадника, чей мѣхъ съ водой и совѣты были мнѣ такъ полезны нѣсколько часовъ тому назадъ. Что могло задержать на фермѣ этого человѣка, который, по видимому, боялся показаться тамъ? Но вотъ встрѣча, еще болѣе неожиданная, устремила мысли мои къ другому предмету. Ростъ и фигура всадника, который въ эту минуту проскакалъ мимо меня, привели мнѣ на мысль человѣка, воспоминаніе о которомъ соединилось съ воспоминаніемъ объ ужасной сценѣ, которую шесть мѣсяцовъ не могли изгладить изъ моей памяти: я хочу сказать о контрабандистѣ Кайетано. Не безъ усилій побѣдиль я тяжелое впечатлѣніе, возбужденное во мнѣ явленіемъ этимъ, стараясь увѣрить себя, что я былъ обманутъ страннымъ сходствомъ. Такимъ образомъ, погруженный въ мысли, я дошелъ до воротъ фермы, вступилъ на дворъ — и, къ удивленію моему, никого не встрѣтилъ.

Прежде, нежели я стану рассказывать сцены, которыхъ я былъ свидѣтелемъ на фермѣ, я долженъ сказать, что такое самая ферма, или то, что носить названіе фермы (*hacienda*) въ Мексикѣ. Въ центральныхъ странахъ республики, фермы—это, такъ сказать, крѣпости, да-ромъ что онѣ не имѣютъ ни подземныхъ мостовъ, ни башенъ, ни рововъ. Построенныя изъ тесаного камня или изъ кирпичу, со своими зубчатыми террасами, массивными дверьми, желѣзными рѣшетками у оконъ, онѣ очень легко могутъ быть защищаемы. Исторія междоусобныхъ войнъ въ Мексикѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, представляетъ не одинъ примѣръ правильной осады, выдержанной этими феодалными укрѣпленіями. Да, это слово вѣрно, хотя говорится и о республикѣ; содержатели этихъ фермъ, говоря собственно, суть ничто иное, какъ вассалы, чтобъ не сказать рабы. Построенныя среди обширныхъ пустынь, эти фермы окружены бывають со всѣхъ сторонъ множествомъ кочующихъ семействъ, которыя за счастье считаютъ, когда въ критическія минуты могутъ найти защиту въ стѣнахъ

фермы, работу на землѣ ея и утѣшеніе религіи въ ея церкви. Положеніе этихъ работниковъ, конечно, гораздо ниже положенія негровъ въ нашихъ колоніяхъ, потому-что они не могутъ, по примѣру негровъ, покупать себѣ свободу. Владѣлецъ, конечно, платитъ работнику наличными деньгами, но будучи принужденъ покупать у своего хозяина всѣ необходимые предметы потребленія по огромной, произвольно назначенной цѣнѣ, — впятеро противъ того, чего вещь стоитъ, — свободный мексиканскій работникъ черезъ нѣсколько дней входитъ въ такіе неоплатные долги, что не можетъ расплатиться работою всей своей жизни: до такой степени плата, получаемая имъ за труды, ниже цѣны на необходимыя потребности, произвольно налагаемой монополіею.

Все, что здѣсь сказано справедливаго о центральныхъ странахъ республики, можетъ быть примѣнено и къ странамъ отдаленнымъ, какъ та, напримѣръ, гдѣ находится ферма Колодца. Только фермы эти построены не испанцами, а потому онѣ не имѣютъ того величественнаго вида, которыми отличаются всѣ архитектурныя произведенія завоевателей Мексики. Ферма Колодца была построена изъ битой глины, перемазана и выбѣлена подъ известь. Строеніе это составляло большой параллелограмъ, въ которомъ заключались жилища хозяевъ и многочисленныхъ гостей, которыхъ могло вмѣщать оно. Далѣе были людскія, назначенныя для служителей всякаго рода. Замѣчательно, что на этихъ фермахъ, какъ и на другихъ въ томъ же родѣ, не было ни сараевъ, ни конюшенъ. Есть обширныя загородки, обсаженныя кольями, въ которыя загоняются на ночь бараны и овцы; лошади же, мулы, коровы и быки оставляются въ дикомъ положеніи. Въ земледѣльческихъ работахъ также безнечность: человекъ очень мало помогаетъ природѣ въ воздѣлываніи пастбищъ, гдѣ эти безчисленныя стада должны отыскивать себѣ пропитаніе. Всякій годъ, передъ наступленіемъ дождливой поры, когда въ теченіи восьми мѣсяцовъ травы луговъ и пригорковъ пожелтѣютъ отъ солнца, — ихъ истребляютъ огнемъ для того, чтобъ очистить поля для новыхъ произрастеній. Тогда часто случается путешественнику видѣть вечеромъ зарево среди пустынь, по которымъ проѣзжаетъ онъ. Съ нѣкоторыми исключеніями, это единственные признаки сельскаго хозяйства, какія онъ здѣсь замѣчаетъ.

Ежегодно, на всемъ пространствѣ фермы, производится *recogida*, или *загонъ*: тысячи лошадей, муловъ и быковъ сгоняются въ загородки (*toriles*). Жеребятъ и молодыхъ бычковъ, которыми умножилось богатство владѣтеля фермы, *вакерысы* (*caqueros*, всадники, буквально же, *коровники*, *vacheros*) кладутъ на землю и отмѣчаютъ марками фермы.

Жеребчиковъ пяти лѣтъ укрощаютъ, т. е. ѣздятъ верхомъ на нихъ два, три раза; потомъ эти новички (*novillos*) отправляются въ свои *querencias* (мѣста, гдѣ обыкновенно стада содержатся) и тамъ они стараются забыть позоръ свой, т. е. и то, что на нихъ было сѣдло, и то, что къ нимъ прикасалось раскаленное желѣзо. Такимъ образомъ,

изъ отшельнической жизни и приведетъ въ городъ. Въ городѣ, съ опасностью для самихъ хозяевъ и для проходящихъ, лошади приучаются къ виду домовъ, къ шуму экипажей, совершенно для нихъ новому, и даже къ присутствію человѣка. Это второе воспитаніе оканчивается скоро, благодаря нецеремоннымъ мексиканскимъ ѣздомъ и ихъ огромнымъ шпорамъ, огромнымъ до такой степени, что нѣкоторые колеса въ шпорахъ имѣютъ до шести дюймовъ въ диаметрѣ. Эпитетъ *quebrantados* (разбитый), который обыкновенно придаютъ укрощеннымъ такимъ образомъ лошадямъ, совершенно вѣренъ. Часто, послѣ трехъ лѣтъ совершенно свободной жизни, когда они ни разу не видали ни одного человѣка,—животныя эти не могутъ забыть *вакеросовъ*, впервые укрощавшихъ свободу ихъ и гордость.

Вакеросъ съ дѣтства приучается къ верховой ѣздѣ; только лишь достигнетъ онъ того возраста, когда, сидя на лошади, можетъ сколько нибудь твердо сжимать колѣни, отецъ привязываетъ его къ сѣдлу платкомъ и скачетъ съ нимъ по доламъ и по горамъ. Въ этихъ экзерциціяхъ вырастаетъ онъ. Наконецъ, настаетъ время, когда ноги его лукомъ изогнутся и прильнуть къ ребрамъ лошади,—когда все тѣло его сформируется для скачки. Тогда *вакеросъ* приучается метать *lazo*, распознавать землю (*saber la tierra*), т. е. соединять съ разсудкомъ человѣка инстинктъ лошади, которая на разстояніи двадцати миль различаетъ запахъ растеній, обыкновенно попадающихся ей подъ ноги, испаренія деревьевъ, подъ которыми она укрывается каждую ночь, и стрѣлою летитъ по прямой линіи черезъ долины, горы и потоки къ своей любимой *querencia*. Среди пустынь, въ которыхъ проводитъ жизнь свою *вакеросъ*,—безъ проложенныхъ дорогъ, не зная мѣстъ, куда можетъ завлечь его какое нибудь отчаянное преслѣдованіе, онъ никогда не колеблется въ сомнѣніи, по какой дорогѣ ѣхать ему. Мохъ деревьевъ, теченіе рѣкъ или ручьевъ, положеніе солнца, наклоненіе травъ, направленіе вѣтра,—все это говоритъ *вакеросу*, все это служитъ ему знакомъ въ пустынѣ, указывающимъ путь его, и на каждомъ шагу знаки эти, повидимому, умножаются. Съ этою чудною проницательностью *вакеросъ* соединяетъ удивительную воздержность: ломоть *tortillas* (*), кусокъ высушеннаго мяса, гранатовое яблоко, сигаретта изъ мансовой соломы — и онъ доволенъ на цѣлый день; захочется пить—онъ утолитъ жажду свою въ первой лужѣ грязною водою, которая случайно уцѣлѣла на дорогѣ, въ выбоинѣ, оставленной слѣдомъ копыта лошади или быка; жаръ, холодъ — ему равно ни по чемъ. Случись ему пуститься въ погоню за какимъ нибудь звѣремъ, онъ не разбираетъ ни ровъ, ни рѣкъ, ни лѣсовъ. Одѣтый въ кожу съ ногъ до головы, онъ также отчаянно скачетъ среди лѣсовъ, какъ и среди равнинъ. То нагнувшись направо или налево, — словно тѣло его

(*) Лепешки изъ манса, испеченныя на сковородѣ, которыя вездѣ почти въ Мексикѣ замѣняютъ хлѣбъ.

безъ костей, — то наклонившись впередъ или закинувъ голову назадъ, чтобъ избѣжать удара отъ толстыхъ сучковъ, которые раздробили бы ему черепъ, — онъ ни на одну минуту не укрощаетъ бѣга коня своего. Когда его неизбежное *lazo* (органъ) захватило лошадь, которую онъ преслѣдуетъ и хочетъ укротить, тогда онъ долженъ призвать на помощь къ гибкости и силѣ своей — неустрашимость. И вотъ въ это время роль вакероса становится опасною. Но пройдетъ часа два, не болѣе, лошадь почувствуетъ свое безсиліе, и покрытая гнѣною, съ пониженнымъ взоромъ, послушная, тихая, смиренная идетъ къ своему побѣдителю. Случается иногда, что конь привозитъ всадника бездыханнаго: онъ разбилъ голову объ утесъ какой нибудь, — все-таки вакеросъ умеръ, какъ слѣдовало умереть вакеросу: онъ не былъ вышибенъ изъ сѣдла.

Часто встрѣчалъ я, во время поѣздокъ моихъ по Мексикѣ, вакеросовъ, ѣхавшихъ одиноко; мнѣ пріятно было бесѣдовать съ ними, слушать простодушные рассказы ихъ о своихъ подвигахъ; но между тѣмъ, никогда не случалось мнѣ видѣть ихъ въ дѣлѣ. Я пріѣхалъ на ферму Колодца въ самую счастливую минуту: могъ насладиться зрѣлищемъ, котораго давно жаждала душа моя.

Я прошелъ по двору, никого не встрѣтивъ; подходя къ крыльцу, гдѣ былъ главный ходъ въ аданіе, я услышалъ голосъ, произносившій однообразнымъ тономъ молитвы, прерываемыя по временамъ цѣлымъ хоромъ. Это было въ субботу вечеромъ, и жители фермы, по окончаніи недѣли, собравшись всѣ вмѣстѣ, молились Богу, по древнему испанскому обычаю. Привязавъ лошадь къ столбу, я вошелъ въ залу. Все многочисленное собраніе, какъ господа, такъ и слуги, стояло на колѣняхъ. Голосъ, который я слышалъ, былъ голосъ капеллана фермы. Человѣкъ лѣтъ пятидесяти, по видимому владѣтель фермы, съ важностью поклонился при моемъ приходѣ, который нисколько не прервалъ благочестиваго занятія присутствовавшихъ; онъ знакомъ указалъ мнѣ, чтобы я занялъ мѣсто между ними, и я, подобно другимъ, преклонилъ колѣно, съ любопытствомъ посматривая украдкой на окружающихъ меня.

Мѣсто, избранное для молитвы, составляла большая четвероугольная зала, съ бѣлыми стѣнами, украшенная арабесками, нарисованными акварелью, въ которыхъ тотчасъ можно было узнать заветное воображеніе и нетвердую руку какого нибудь кочующаго артиста. Брусъ потолка сдѣланы были изъ пальмовыхъ деревьевъ, обтесанныхъ такъ гладко, какъ только твердость дерева позволяла. Слабый свѣтъ отъ одной сальной свѣчи оставялъ въ полумракѣ энергически и бронзовыя фюзіоніи этихъ отважныхъ людей, которые безстрашно селились на границахъ индѣйскихъ; но болѣе всего обратило на себя мое вниманіе группа двухъ колѣнопреклоненныхъ женщинъ. По несчастію, онѣ были покрыты отъ головы до пояса шелковымъ синимъ

лось, который можно было назвать самым приятным и гармоническим из всех голосов, даже в такой стране, где женщины вообще обладают голосом очаровательным, показывал мне, что по крайней мере одна из двух незнакомок должна быть молодая. В то время, когда я внимательно всматривался в них, в залу вошли на цыпочках два человека, в которых я узнал давнишних игроков, оставшихся окончивать партию. Карты, должно быть, благопоставляли Хуану, потому что на нем был еще долгая его, украшенный пуговицами в виде погремушек. При входе, он мне очень приятно поклонился, между тем, как товарищ его Бенито, по всем признакам все еще сердившийся на меня, не удостоил меня даже и взглядом; впрочем, и то сказать, что с самого прихода взоры его устремились на одну из женщин, которая казалась помладше, и он не сводил их с нею. После всех этих наблюдений во мне оставалось одно только сильное желание, — чтобы поскорее кончилась эта безконечная служба, и я не без удовольствия услышал, наконец, последнее *era pro nobis* и увидал, что все присутствовавшие начали вставать.

Слуги зажигали восковые свечи, и, благодаря им, я мог разглядеть стройную талию одной из закутанных женщин, которая так же встала, в свою очередь; я мог разглядеть еще бледную, маленькую ручку, кокетливо расправлявшую складки шелкового вуала, — и только, — потому что об этих женщины, впрочем мать и дочь, в одну минуту скрылись. По неволі тогда должен был я снова обратить внимание свое на странное общество, среди которого забросил меня случай. Все предметы, с самого прихода моего на ферму попадавшие мне на глаза, были запечатливы, я должен сознаться в этом, кроме сельской феодальности и патриархальной простоты, каким-то духом таинственности, который мне чрезвычайно нравился. Ужин, к которому меня пригласили, не изменил этого первого впечатления. Длинный и до такой степени узкий стол, что каждый из собеседников мог есть с тарелки своего *vis-à-vis*, был уставлен блюдами, не совсем примечательными для европейского гостя. За верхним концом стола сидели хозяйки, который назывался донь Рамонь, капеллань фермы и я. Женщины, которых я заметил во время вечерней молитвы, за ужином не было. Толпа слуг обоего пола, которые, по мексиканскому обычаю, допускаются к трапезе господина, сидели по другую сторону стола. Кроме отличной дичи, другие многочисленные блюда, в изобилии выставленные на показ, могли возбудить только удивление или отвращение. Везде видны были цыплеты, то разрезанные на куски

(*) Шелковые или бумажные шарфы, изготовляемые на туземных фабриках и служащие для прикрытия голов и плеч.

горой рису, ужасно вонявшего шафраномъ, и сквозь который пробивались, как пни на взрытой и оставленной подъ паромъ землѣ, длинные стручки зеленого перцу. Далѣе каплунъ выказывалъ страшную смѣсь прегорькихъ оливокъ, изюму, фисташковыхъ орѣховъ и луку, которыми онъ былъ начиненъ. Блюдо хлѣбныхъ зеленыхъ зеренъ подъ бѣлымъ соусомъ составляло pendant другого блюда съ головками жареного мансу. Наконецъ, вареная въ сахарѣ тыква, *garbanos*, огородныя овощи, безъ названія и цвѣта, окружали огромные куски полупростывшей говядины. Несмотря на то, у сотрапезниковъ дона Рамона текли слюнки, при видѣ такихъ чудесъ. Совершенное отсутствіе всякой жидкости составляло также замѣчательный фактъ среди обилія блюдъ. Въ Мексикѣ пьютъ только послѣ обѣда или ужина.

Хозяинъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ объ Арисифѣ; я сообщилъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя показались ему драгоценными, благодаря невѣжеству его, — необходимому слѣдствію пустынной жизни. Удовлетворивъ его любпытству, я, въ свою очередь, счелъ себя въ правѣ предложить и ему нѣсколько вопросовъ. Мнѣ очень хотѣлось знать, дѣйствительно ли встрѣтилъ я Кайetano у воротъ фермы; но имя контрабандиста повидимому, совершенно было не знакомо ни хозяину, ни его сотрапезникамъ.

Когда многочисленное общество удовлетворило свой аппетитъ, одинъ изъ служителей всталъ и принесъ два огромныхъ стакана, въ которыхъ могло вмѣститься нѣсколько литровъ, какъ въ древнихъ чашахъ; каждый изъ ужинавшихъ поочередно утолилъ жажду изъ этихъ стакановъ, поочередно переходившихъ изъ рукъ въ руки; потомъ всѣ встали и пошли приготовляться къ завтрашнимъ трудамъ: донъ Рамонъ объявилъ мнѣ, что завтрашній день будетъ происходить одинъ изъ ежегодныхъ *herraderos* (*), Въ честь этого-то праздника былъ въ сей день большой ужинъ, противъ обыкновенія, потому-что въ простые дни ужинъ ограничивается чашкой шоколаду; этимъ обстоятельствомъ объяснилось мнѣ и отсутствіе хозяекъ дома.

Произнеся заужиномъ имя Кайetano, я замѣтилъ въ глазахъ Бенито выраженіе мрачной недовѣрчивости; въ то время я не счелъ нужнымъ повторить свои вопросы, надѣясь, что вскорѣ случай объяснить мнѣ сомнѣнія мои. Надежда не обманула меня. Въ ту минуту, когда я выходилъ изъ столовой, въ дверяхъ догналъ меня мой новый пріятель Хуанъ, или Мартингалъ (**), какъ прозвали его товарищи очень кстати.

— Бенито, сказалъ онъ мнѣ: — догадался, что вы хотѣли сказать дону Рамону о человѣкѣ съ рубцомъ на лицѣ.

— А Бенито почему его знаетъ? спросилъ я Хуана.

(*) Этимъ словомъ обозначаютъ тотъ день въ году, когда считаютъ снотъ и кладутъ на него клейна.

(**) Jouer à la martingale — играть на клятвѣ, отыгрываться.

— Нѣтъ, я вѣсколько не другъ ему.

— Тѣмъ лучше! Такъ, можетъ быть, вы его врагъ.

— И того нѣтъ.

— Тѣмъ лучше, снова повторилъ Хуанъ.

— Миѣ кажется, сказалъ я, выведенный изъ терпѣнія этими вопросами: — я долженъ двойнѣ благодарить случай за то, что я ни другъ, ни врагъ Кайетано?

— Кто знаетъ? сказалъ Мартингалъ съ таинственнымъ видомъ. — Иные, если ненавидятъ человѣка, равно неблагопріятнымъ взоромъ смотрятъ не только на друзей, но и на враговъ его; ненависть, какъ любовь, бываетъ также ревнива. Впрочемъ, я это говорю, желая вамъ добра; вы здѣсь чужой, и миѣ было бы крайне прискорбно, еслибъ вамъ приключилось какое нибудь несчастье. Теперь прощайте; я пойду продолжать игру; Бенито взбѣшенъ на васъ, потому-что я ужъ отыгралъ одинъ рукавъ моего долмана. Ахъ, какъ я благодаренъ небу, что вы пріѣхали къ нашему колодезю!

Сказавъ это, чудакомъ ускользнулъ отъ меня такъ скоро, что я не могъ ничего распросить у него не считъ прежняго охотника за черепахами. Вечеромъ, удалившись въ указанную миѣ комнату, стѣны которой были совершенно голы, я погрузился въ размышленія обо всемъ, случившемся со мною въ теченіи этого дня, прислушиваясь къ послѣднему, мало по малу умолававшему шуму, по мѣрѣ того, какъ слуги расходились по своимъ пріютамъ. Вскорѣ во всемъ обширномъ домѣ воцарилась глубокая тишина, прерываемая только отдаленнымъ шумомъ стада, покидавшаго колодезь, предоставленный съ этой минуты въ распоряженіе обитателей лѣсовъ. Я, въ свою очередь, также располагая уснуть, какъ вдругъ сквозь рѣшотку моего окна послышались миѣ чьи-то шаги. Такъ какъ моя комната была въ нижнемъ этажѣ, то я очень ясно различилъ съ своей постели двухъ человѣкъ, которые прошли мимо моего окна въ недалеомъ разстояніи, разговаривая тихо между собою, такъ что я могъ разслышать только слово *endemoniado* (*), нѣсколько разъ сряду повторенное. Потомъ оба удалились съ хохотомъ, который не оставилъ во миѣ никакого сомнѣнія на счетъ того, чей былъ этотъ хохотъ: я узналъ Кайетано, я узналъ его сардоническій смѣхъ, поразившій меня въ другую ночь и въ другомъ мѣстѣ. Присутствіе этого человѣка на фермѣ не предвѣщало миѣ ничего добраго.

На другой день утромъ, только что началъ свѣтать, я всталъ, не чувствуя никакого утомленія послѣ вчерашняго дня, и поспѣшилъ пойти въ залу (*assistencia*), въ которой наканунѣ происходила вечерняя молитва. Донъ Рамонъ, дочь его Марія-Антонія и капелланъ были уже здѣсь. Теперь я могъ любоваться красотою молодой арендаторши, которую вчера только предугадывалъ. *Rebozo*, закрывавшее

(*) Дьявольскій, чертовскій.

лицо ея во время молитвы, небрежно охватывало плечи. Одѣяніе ея состояло изъ простой вышитой рубашки, съ короткими рукавами, которая, несмотря на складки гебезо, только на половину скрывала подъ кружевными оборками грудь ея и плечи. Шолоковая юбочка, стянутая поясомъ изъ китайскаго краснаго крепу вокругъ ея талии, къ которой корсетъ никогда не прикасался, обрисовывала роскошныя формы боковъ ея и, далеко не доходя до пятокъ, выказывала такую маленькую, чудную, роскошную ножку, обутую въ прозрачный à jour чулокъ, которая, казалась, создана была для того, чтобы поцирать мягкій коверъ и ходить въ атласъ. Несмотря на то, что Марія-Антонія, говоря собственно, была дочь простого поселеннаго, андалузскаго вѣдьма, гордящаяся своимъ высокимъ происхожденіемъ, позавидовала бы и граціозности ея очертаній и бѣлизнѣ ея рукъ. Когда я вошелъ, она играла золотыми кистями мужской шляпы, которую держала въ рукахъ, по чему можно было догадаться, что затѣвается кавалькада.

Дѣйствительно, лошади ожидали насъ на дворѣ. Напившись шоколада, мы отправились на встрѣчу *recogida*. Выѣжая со двора, донъ Рамонъ, съ тѣмъ хозяйскимъ глазомъ, отъ котораго ничто не ускользаетъ, замѣтилъ въ загородѣ быка, того самого, надъ которымъ вчера, при моихъ глазахъ, дѣлали операцію, и спросилъ, зачѣмъ быкъ этотъ здѣсь.

— Это быкъ управителя (*majordome*), отвѣчалъ Мартингалъ, по обязанности своей ѣхавшій сюда насъ.

Мы объѣхали кругомъ ограды и вскорѣ достигли густого лѣсу, находившагося въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи. Здѣсь должна была начаться *recogida*. У опушки лѣса мы остановились. Густой туманъ носился надъ вершинами деревъ, въ лѣсу царствовали мракъ и глубокая тишина. Вскорѣ тишина эта была нарушена пронзительнымъ воемъ, хотя еще отдаленнымъ; послышался глухой шумъ, земля заколебалась, потомъ шумъ этотъ становился все ближе и явственнѣе; вдругъ со всѣхъ сторонъ съ яростію выскочили изъ лѣсу вакеросы: мы едва успѣли посторониться. Густая колонна кинулась вслѣдъ за ними, съ громовымъ шумомъ, съ ревомъ, ржаніемъ, убѣгая безъ оглядки отъ преслѣдовавшихъ ее десятковъ двухъ другихъ всадниковъ, которые разсѣкали воздухъ своими орканами (*lazos*). Всадники эти отчаянно бросались въ самую середину густой толпы животныхъ, погоняя отстающихъ, съ яростію устремляясь на упрямыхъ; среди облаковъ пыли, носившейся въ воздухѣ, они бросались во всѣ стороны, словно угорѣлые. Лошади наши прыгали подъ нами, возбуждаемые этимъ шумомъ. Капелланъ, откинувъ на плечи капишонъ свой, первый подалъ намъ примѣръ и кинулся въ погоню за ватагой. Марія-Антонія, какъ достойная дочь *hacendero* (арендатора), достойная будущая супруга одного изъ этихъ центавровъ, также прищпорила лошадь свою и изо всей мочи пустилась вслѣдъ за капелланомъ, такъ

на была она въ эту минуту, очаровательна своей чудной, дикой красотой. Донъ Рамонъ, въ свою очередь, пустилъ своего нетерпѣливаго коня, а наконецъ и я, волей-неволей, долженъ былъ послѣдовать за кавалькадой. Въ нѣсколько мгновеній мы доскакали до барьеровъ загородей, которыя и заперлись за загнатымъ стадомъ. Минутъ десять продолжалось страшное замѣшательство, страшный шумъ, какой только вообразить себѣ можно. Отъ ужасныхъ напоровъ трещалъ и шатался заборъ; ржаніе и ревъ, возростающіе *suscendo*, страшнымъ эхомъ отдавались въ гѣсу. Наконецъ, шумъ мало по малу утихъ, безсильный гнѣвъ успокоился, — тогда приступили къ *herreradero*. При входѣ въ загородъ, были поставлены таганы и подъ нихъ подложено сухое дерево. Зажгли огонь. Скоро желѣзо въ этихъ жаровняхъ раскалилось, и вакеросы, послѣ непродолжительнаго отдыха, стали приготавливаться къ своей тяжелой и опасной заботѣ.

Не знаю, случай ли подвелъ такъ близко Марію-Антонію къ одному изъ вакеросовъ, который, отличившись передъ всѣми своею живостью и неустрашимостью, отдыхалъ, собираясь съ силами. Этотъ вакеросъ былъ никто иной, какъ Бенито. Досада, накануне того искажавшая черты лица его, теперь исчезла и уступила мѣсто выраженію благородной неустрашимости, которое въ первый разъ меня поразило. Гордость испанской крови сливалась въ немъ съ дикою энергіею Индѣйцевъ, первыхъ завоевателей этой страны. Нѣсколько оливковый цвѣтъ лица, не совсѣмъ густая борода, волоса немного волнистые, прямая и какъ тростинка гибкая талія, показывали въ немъ породу, усовершенствованную черезъ смѣшеніе. Бенито скоро замѣтилъ молодую дѣвушку, которая затрепетала отъ его огненныхъ взоровъ. Почти въ то же время на лицѣ Антоніи выступила краска; она тотчасъ стыдливо прикрыла своимъ *rebozo* распутившіеся локоны и обнаженные плечи, но, однакъ, не отошла прочь. Съ той минуты меня чрезвычайно заинтересовала эта маленькая драма, этотъ нѣмой и страстный разговоръ между человѣкомъ полудикимъ, непреклоннымъ и твердымъ, какъ желѣзо, и безстрашной амазонкой, у которой женскаго были только стыдливость и красота.

Два сумаха (*), въ полномъ роскошномъ цвѣтѣ, распространяли густую тѣнь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двойной ограды; подъ навѣсомъ ихъ были построены довольно грубыя подмости. Донъ Рамонъ спросилъ, кому мы обязаны этою неожиданною любезностью?

— Это устроилъ Бенито Гойа, отвѣчалъ Хуанъ, поднеся руку къ шляпѣ.

Донъ Рамонъ нахмурилъ брови, какъ будто бы недоволенъ былъ такимъ вниманіемъ, которое не къ нему одному относилось, но между тѣмъ, самъ сѣлъ на эстраду, подлѣ своей дочери и капеллана. Я, же-

(*) Sumac — кожанное дерево.

для сохраненія свободы движенія, отказався отъ власти, которое имъ предлагали.

Вакеросы скакали вѣхъ загородей. Лишь только вѣрный, привычный глазъ ихъ замѣчалъ лошадей, быка или телку, еще не заклеименныхъ штемпелемъ фермы, въ тоже мгновеніе арканъ свистѣлъ въ воздухъ и, несмотря на множество роговъ и головъ, попадалъ именно на то животное, которое было отмѣчено. Тогда толпа другихъ животныхъ разступалась передъ тѣмъ, которое тащили въ ограду. Тутъ являлся другой вакеросъ, небрежно бросалъ свой арканъ на землю, потомъ вдругъ подхватывалъ его, и, прежде чѣмъ пойманный быкъ или конь могъ собраться съ силами и упереться, сильно стягиваемый съ двухъ противныхъ сторонъ, онъ тяжело бился уже на песокъ, не имѣя точки опоры. Въ одно мгновеніе раскаленное желѣзо шипѣло уже на живомъ тѣлѣ; небольшое облако дыму взвивалось надъ трещащимъ животнымъ, которое потомъ, вырвавшись изъ ослабленныхъ путъ, бѣжало въ лѣсъ или на долину, уже отмѣченное штемпелемъ своего хозяина. Вскорѣ вокругъ насъ образовалась густая атмосфера чаду, среди которой не совсѣмъ ясно можно было различать только тѣла животныхъ, бьющихся на песокъ, бронзовыя лица людей и блескъ раскаленного желѣза. По временамъ необыкновенный скачокъ производилъ всеобщее замѣшательство: это значило, что какого нибудь вакероса уносилъ молодой, еще необъязжанный жеребенокъ, который приходилъ въ ярость, но понапрасну, и отъ раскаленного желѣза и отъ шпоръ всадника.

Я сказалъ, что опасность для всадника начинается въ ту минуту, когда надо *переломить* лошадь. Вотъ какъ обыкновенно это дѣлается: когда жеребчикъ сваленъ на землю и заклеименъ, то, смотря по силѣ сопротивленія съ его стороны, его или придерживаютъ въ лежачемъ положеніи, или позволяютъ приподняться на ноги. На глаза надѣваютъ ему кожаную повязку. Животное, лишенное свѣта, всегда почти допускаетъ довольно легко осѣдлатъ себя и подвязать подпругу. Тогда навязываетъ ему на морду волосяную веревку такъ, чтобы она въ одно время составляла и родъ капцуна (*), называемаго *bozal*, и узду, которая служить для управленія лошадей. Вакеросъ, удостовѣрившись, что сѣдло не перевернется, надѣваетъ свои длинные шпоры и, смотря по тому, въ какомъ положеніи находится лошадь, то есть, лежитъ или стоитъ она, онъ или даетъ приподнять себя, или вдругъ вспрыгиваетъ на сѣдло и снимаетъ повязку. Лошадь съ минуту колеблется, но скоро видъ луговъ, по которымъ она привыкла бѣгать на свободѣ, запахъ родныхъ лѣсовъ, тяжесть, въ первый разъ ее гнѣтушая, изторгаютъ у нея яростный крикъ; колебаніе ея кончилось. Прежде всего она старается стряхнуть съ себя сѣдло, но подпруга нарѣзываетъ на брюхѣ ея глубокой и широкой рубецъ. Она хочетъ

(*) Перевосникъ желѣзный или кожаный, употребляемый для обученія молодыхъ лошадей.

(bozal) въ противную сторону. Она силится освободиться, дѣлая страшные курбеты, отчаянно лягая ногами; она становится почти перпендикулярно съ землей на заднія ноги, чтобы сбросить съ себя всадника яростными скачками впередъ. Тщетныя усилія! До сего времени неподвижный въ сѣдлѣ своемъ, человекъ оставался лицомъ страдательнымъ: теперь его очередь, теперь уже онъ будетъ дѣйствовать. Два удара шпоръ, хватающихъ до самыхъ паховъ, исторгають у лошади дикій крикъ изумленія и боли. Въ бѣшенствѣ отъ безсильной злобы, отъ оскорбительной гордости, разъяренное животное собираетъ всю силу своихъ заднихъ ногъ, упругихъ, какъ стальные рессоры, однимъ скачкомъ перепрыгиваетъ изумительное разстояніе и вдругъ останавливается: но вakerосъ предчувствовалъ все это, онъ инстинктивно откинулъ тѣло свое назадъ, и бюсть его удержался въ удивительномъ равновѣсіи. Шпоры его снова работаютъ по бокамъ лошади, она бросается скакать со всѣхъ ногъ, потому что широкія кольца шпоръ бороздятъ ея тѣло, а на спину сыплются удары бича (swarta). Наконецъ, послѣ этого новаго бѣга, ноздри животного, сжатые намордникомъ, выпускають дыханіе съ страшнымъ свистомъ; бока его дымятся въ крови. Въ порывѣ страха и бѣшенства, тщетно употребивъ всѣ усилія — разбиться самому объ дерево, чтобы только разбить всадника, конь, наконецъ, сознаетъ себя побѣжденнымъ: онъ повинуется движеніямъ тѣла, шпорамъ, голосу, — однимъ словомъ, онъ укрощенъ. Что касается до вakerоса, онъ переводитъ духъ, закуриваетъ сигару и снова кладетъ свое сѣдло, еще мокрое, на спину другого животного.

— Много ли въ вашихъ странахъ такихъ молодежь? спросилъ меня донъ Рамонъ, указывая на поддюжины этихъ вakerосовъ, которые, въ промежуткахъ между двумя борьбами, отирали потъ съ лица. Я старался замять этотъ вопросъ: сравненіе вѣдоковъ въ нашихъ циркахъ съ этими безстрашными укротителями коней было слишкомъ унижительно для моего европейскаго самолюбія. Я спросилъ донъ Рамона, не бываетъ ли при этихъ конныхъ борьбахъ несчастныхъ случаевъ?

— Да, да, случается иногда, отвѣчалъ онъ почти съ довольнымъ видомъ: — да вотъ напримѣръ есть у насъ *Endemoniado*: его даже и не привели сегодня на *herradero*. Видно ребята-то потрушиваютъ...

Всѣ вakerосы единогласно завопили противъ этого; одинъ изъ нихъ въ оправданіе сказалъ, что никто не замѣтилъ его.

— Чтѣ это за *Endemoniado*? спросилъ я донъ Рамона, вспомнивъ, что прошедшую ночь Кайетано произносилъ это слово.

— Это лошадь, которая была объѣзжаема два раза, а въ третій уже едва ли захотятъ сѣсть на нее мои вakerосы.

— Почему такъ?

— Первый, кто объѣзжалъ ее, былъ разорванъ по частямъ, а второму она разможила голову вонъ объ тѣ суковатое дерево.

— И вы не приказали убить такое опасное животное?

обходятся по семейному; лошади и вакеросы могут убивать друг друга, сколько хотят; миѣ-то что до этого?

Такое странное сознание безпристрастія было принято съ грубымъ смѣхомъ; люди эти, такъ дешево узнавшіе жизнь свою, нашли его очень забавнымъ. Но эта веселость продолжалась недолго. При видѣ челоуѣка, который появился вовсе неожиданно, съ величайшими усилиями таща за собою лошадь, глубокое изумленіе смѣнилось на этихъ суровыхъ лицахъ улыбку, возбужденную словами хозяина. Челоуѣкъ этотъ — Кайetano, лошадь — *Endemoniado*. Выраженіе кровожаднаго удовольствія еще болѣе безобразило невозможное лицо прежняго контрабандиста, который зловѣщимъ призракомъ явился посреди своихъ товарищей, къ которымъ пришелъ онъ недавно и подѣ чужимъ именемъ. Я невольно отступилъ въ сторону, чтобы Кайetano не замѣтилъ меня, но самъ, однакожъ, не терялъ его изъ виду. Петля, которую онъ успѣлъ набросить на верхнюю губу лошади, невольно заставляла *Endemoniado* повиноваться. Эта страшно-распухшая губа показывала, до какой степени противилось и упиралось животное, въ полной мѣрѣ, впрочемъ, оправдывавшее свое прозваніе. Это былъ темнорыжій съ бѣлыми пятнами жеребецъ, съ бѣлою мордою, *buvant dans le blanc*, горлая техническииъ терминомъ, а это у лошадей несомнѣнный признакъ самаго злого характера. Глаза ея, вполонину скрываемые пучкомъ гривы, упавшей на носъ, горѣли зловѣщимъ блескомъ. Острые уши ея выдавались впередъ; длинная грива волновалась въ безпорядкѣ; ея твердыя, остроконечныя копыта издавали металлическій звукъ, ударяясь о камни, всякій разъ, когда она бросалась на Кайetano, который звонкимъ ударомъ хлыста съ свинцовымъ наконечникомъ заставлялъ ее пятиться назадъ. Однимъ словомъ, видъ лошади былъ еще ужаснѣе, нежели самого ея страшнаго вожатая.

— Ваши вакеросы, вѣрно, скажутъ миѣ спасибо, что я привелъ этого чуднаго звѣря, — не правда-ли? сказалъ Кайetano, обращаясь къ донъ Ramону, между тѣмъ какъ звѣрская улыбка корчила его лицо: — тѣмъ болѣе, что вѣдь дѣло обошлось не безъ хлопотъ: вотъ уже цѣлыхъ два дня гоняюсь я за нею.

— Въ самомъ дѣлѣ, я очень удивлялся, что тебя здѣсь не было, сказалъ донъ Ramонъ. Ну, дѣти мои, ктожъ изъ васъ смѣетъ на *Endemoniado*? Для чести нашей фермы, не надо допускать, чтобы конь этотъ сталъ хвастаться своимъ товарищамъ, что онъ всѣмъ вамъ задалъ страху.

Никто не отвѣчалъ на этотъ вызовъ, потому-что на невозможное никто не отваживался. Между тѣмъ какъ арендаторъ смотрѣлъ кругомъ съ неудовольствіемъ, Кайetano, повидимому, искалъ глазами кого-то, кого онъ не замѣчалъ; вдругъ, при видѣ Бенито, который, противъ воли привлеченный къ острадѣ, наслаждался безмолвнымъ созерцаніемъ, онъ воскликнулъ

— Сенъоръ донъ Рамонъ, вотъ человѣкъ, который не откажется сѣсть на *Endemoniado*, въ присутствіи вашемъ.

Онъ бросилъ свирѣпый взоръ на юношу, который, въ свою очередь, отплатилъ ему тѣмъ же.

— Если вы думаете, сказалъ Бенито, приближаясь къ донъ Рамону, — что я долженъ идти на явную смерть, чтобы только поддержать честь фермы, я готовъ, сенъоръ, исполнить все, что вы мнѣ прикажете.

Какъ гладиаторъ, идя на смерть, преклонился передъ Цесаремъ, такъ Бенито долже поклонился арендатору. Донъ Рамонъ, встрѣтивъ умоляющій взоръ дочери, повидимому, колебался.

— Я не имѣю права приказывать тебѣ умирать для меня; но если ты хочешь испытать силы свои, я даю тебѣ полное и совершенное позволеніе.

— Хорошо, сказалъ Бенито — я поѣду на *Endemoniado*.

— Впрочемъ, ежели ты боишься, сказалъ Каейтано насмѣшливо презрительныиъ тономъ: — я поѣду вмѣсто тебя.

— У каждаго своя роль, возразилъ Бенито — ты долженъ, какъ мы вчера условились, нанести быку, котораго одолжитъ намъ донъ Рамонъ, первый ударъ *garrocha* (*).

— И также послѣдній ударъ шпагою, если это потребуется, сказалъ Каейтано съ громкимъ смѣхомъ.

— О, нѣтъ, сказалъ донъ Рамонъ — я даю вамъ быка для забавы, а убивать его не позволю.

Принялись сѣдлатъ *Endemoniado*, — дѣло нелегкое, потому-что для того, чтобы осѣдлатъ его, надобно было удержатъ его на ногахъ, а онъ, какъ будто бы догадавшись о намѣреніи вакеросовъ, началъ страшно лгаться во всѣ стороны. Принуждены были веревкой связать ему ноги такъ, чтобы лѣвая задняя приходилась къ груди; правая передняя точно такимъ же образомъ согнута была вдвое, такъ что, стоя на двухъ только ногахъ, *Endemoniado* по неволѣ долженъ былъ стоять неподвижно. Бенито взялъ свое тяжелое сѣдло и бросилъ его на спину лошади; почувствовавъ на себѣ непріятную тяжесть, въ особенноти же, когда широкія деревянныя стремяна ударились о бока его, конь встрепенулся и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Потомъ крѣпко подтянули подпругу; вакеросъ сѣлъ на песокъ, чтобы привязать къ ногамъ шпоры. Въ это время я взглянулъ на эстраду. Марія-Антонія сидѣла неподвижно; но ея большіе черные глаза, открытые болѣе обыкновеннаго, ярко сверкали на поблѣдившемъ челѣ; высоко-воздымавшаяся грудь выказывала противъ воли ея смертельную тоску. Самъ донъ Рамонъ, казалось, испугался, и я съ минуту былъ въ надеждѣ, что онъ возьметъ назадъ свое позволеніе, подвергавшее неустраши-

---

(*) Копье съ очень короткимъ желѣзнымъ остриемъ, обернутое притомъ при самомъ началѣ своимъ какой нибудь мягкой матеріей, которая препятствуетъ ему входить глубоко въ тѣло и, слѣдовательно, нанести смертельный ударъ.

маго молодого человѣка почти вѣрной смерти; но надежда моя меня обманула. Когда Бенито прикрѣпилъ свои шпоры, лошади развязали ноги и на глаза ей надѣли кожаную повязку. Однакожь, несмотря на то, что крѣпкая петля удерживала *Endemoniado* за губу, ея отчаянные скачки никакъ не позволяли сѣсть на нее. Принуждены были заставить ее стать на колѣни, и два вакероса, схвативъ ее каждый зубами за ухо, приклонили ее къ землѣ. Бенито вскочилъ на спину лошади.

— Пускайте ее! закричалъ онъ твердымъ голосомъ.

Два вакероса быстро отскочили назадъ, между тѣмъ какъ *Endemoniado* мгновенно сталъ на ноги. Благодаря кожаной повязкѣ, закрывавшей его глаза, онъ сначала стоялъ неподвижно, раздувая ноздри и дрожа всѣмъ тѣломъ. Бенито воспользовался этимъ мгновениемъ, чтобы укрѣпиться въ сѣдлѣ, нагнулся вперед и снялъ повязку съ глазъ лошади. Тогда между конемъ и человѣкомъ началась борьба, истинно удивительная. Испуганное внезапнымъ свѣтомъ, ослѣпавшимъ его налитые кровью глаза, потрясая всклокоченною своею гривкою, воздымавшеюся отъ бѣшенства, разъяренное животное страшно ржало и, взвиваясь на заднихъ ногахъ, скакало попеременно во всѣ четыре стороны, какъ бы выискивая вѣтеръ, по направленію котораго ему помчаться. Бенито, повидимому, нисколько не встревоженный этими неистовыми движеніями, еще держался въ оборонительномъ положеніи, съ силою отталкивая ногой острые зубы, которыми лошадь хотѣла укусить его. Обманувшись въ своей надеждѣ, *Endemoniado* быстро вскочилъ на дыбы. Несмотря на то, что сильные удары шпоръ заставили его заревѣть, онъ не пронялся, и вмѣсто того, чтобы опуститься на ноги, со всего размаху грянулся спиной на землю. Всѣ зрители вскрикнули отъ ужаса, но страхъ былъ напрасенъ: всадникъ остался невредимъ: предвидя паденіе, Бенито во мгновение ока спрыгнулъ съ лошади. Вскорѣ изумленные зрители увидѣли въ облакѣ пыли, какъ *укротитель коней* быстро вскочилъ на сѣдло, наперекоръ всѣмъ законамъ верховой ѣзды, съ правой стороны, въ ту минуту, когда изумленная лошадь поднималась съ громкимъ ржаніемъ. Въ свою очередь, казалось, и вакеросъ пришелъ въ ярость: въ первый разъ въ жизни своей онъ былъ вышибленъ изъ сѣдла. Горя нетерпѣніемъ отмстить такую обиду, онъ сильно сжималъ лошадь ногами для того только, чтобы оставить на брюхѣ ея кровавые слѣды шпоръ: онъ выпустилъ изъ рукъ волосаной намордникъ, чтобы свободнѣе бичевать *Endemoniado* свинцовымъ наконечникомъ. Несмотря на это, перевѣсъ еще не былъ ни на той, ни на другой сторонѣ, и послѣ нѣсколькихъ минутъ отчаянной борьбы оба противника оставались на мгновение неподвижными. Со всѣхъ сторонъ раздались рукоплесканія: чтобы возбудить удивленіе этихъ центавровъ, надобно совершить болѣе, нежели сколько дано возможности совершить человѣку. Былъ ли вакеросъ изъ числа тѣхъ людей, когорыхъ опасность или рукоплесканія доводятъ до опьяненія. или

вался этой минутой отдыха, чтобы выхватить изъ за сапога острый ножъ.

— Эй! закричалъ донъ Рамонъ, безстрастно смотрѣвшій на борьбу до тѣхъ поръ, пока лошади не грозила, повидимому, прямая смерть: — ты ужъ не хочешь ли зарѣзать *Endemoniado*?

Въ черныхъ глазахъ Маріи-Антоніи мелькнула искра негодованія, при мысли, что человѣкъ, ею отличенный, могъ быть трусомъ; но вдругъ черты ея оживились гордою улыбкой удовольствія, когда Бенито, въ порывѣ безумной отваги, — безъ сомнѣнія, очарованный присутствіемъ предмета любви своей, обрѣзалъ нямордникъ лошади, и такимъ образомъ безъ узды, безъ точки опоры, отдался на произволъ неукротимаго животнаго. Освободившись отъ петли, сжимавшей его ноздри, *Endemoniado* сильно вдохнулъ въ себя воздухъ лѣсовъ, тряхнулъ своей волнистой гривой и стрѣлой помчался прямо къ сучковатому дереву. Быстрота его порыва была такова, что всѣ присутствовавшіе навѣрно полагаали, что онъ самъ разшибется о преграду, стоящую на пути его. Казалось, для всадника не было никакого спасенія. *Endemoniado* былъ уже на разстояніи лишь нѣсколькихъ шаговъ отъ рокового дерева, какъ вдругъ Бенито, сколько быстрымъ, столько же неожиданнымъ движеніемъ схватилъ свою шляпу съ широкими полями, и въ то самое мгновеніе, когда послѣдній порывъ коня долженъ былъ окончить борьбу, внезапно явившаяся между нимъ и деревомъ шляпа заставила коня съ ужасомъ отпрыгнуть въ противоположную сторону. Тогда представилось намъ странное зрѣлище: всадникъ, безъ узды, по произволу управлялъ наукротимой лошадейю, которая бросалась то въ одну, то въ другую сторону, смотря по тому, къ правому или лѣвому глазу прикладывалъ онъ шляпу. И такимъ образомъ *Endemoniado* проскакалъ мимо нашей эстрады, съ которой Марія Антонія однимъ взглядомъ своимъ вознаградила вакероса за его самоотверженіе. Гордость триумфа, придававшая особенную прелесть энергическому, мужественному лицу всадника, удивительнымъ образомъ оправдывала выборъ молодой дѣвушки. Снова пріударивъ задыхающагося и смущеннаго такимъ неожиданнымъ сопротивленіемъ коня, Бенито пустилъ его во всю прыть по направленію къ лѣсу. Нѣсколько минутъ мы провожали его взорами и видѣли, какъ онъ нагибался, словно тростникъ, отъ своенравныхъ прыжковъ лошади, мчавшейся, какъ стрѣла; но наконецъ, онъ исчезъ изъ глазъ нашихъ. Нѣсколько всадниковъ бросились въ догоню за нимъ; но онъ скакалъ такъ быстро, что въ скоромъ времени они возвратились назадъ, отказавшись отъ бесполезнаго преслѣдованія.

Я не стану рассказывать вамъ, что думали и говорили о Бенито, когда онъ исчезъ. Одни считали его погибшимъ, несмотря на первый триумфъ его, потому-что одна изъ прежнихъ жертвъ *Endemoniado* также спаслась отъ рокового дерева, а между тѣмъ, тѣло его найдено было на далекомъ разстояніи отъ фермы, покрытое ранами и избитое ко-

выташи. Другіе, напротивъ, показывали большую увѣренность въ искусство и ловкости вакероса. Появленіе Мартингала съ цѣлой охапкой дротиковъ въ рукахъ скоро положило конецъ всѣмъ предположеніямъ и заключеніямъ, напомнивъ, что *mayordomo* (управитель: этимъ достоинствомъ былъ облеченъ Каѳетано) долженъ былъ начать бой съ быкомъ.

Загороди были пусты; одинъ быкъ оставался въ нихъ, и именно тотъ самый, операціи надъ которымъ я былъ свидѣтелемъ. Каѳетано, съ лицомъ, еще не успокоившимся отъ волненія ревности, взялъ одно изъ *garrochas* (дротикъ, копье) и вышелъ одинъ на арену. Быка отъезжали отъ столба; не нужно было раздражать его, чтобы заставить броситься на встрѣчу тореадора-любителя. Каѳетано, какъ опытный боецъ, сдѣлалъ нѣсколько оборотовъ, чтобы избѣжать первыхъ нападеній, и выжидалъ благопріятной минуты, когда поразить животное. Случай не замедлилъ представиться. Въ то мгновеніе, какъ быкъ нагнулъ голову, чтобы собраться съ силами и снова кинуться на врага своего, остріе дротика вонзилось ему въ плечи, и сильная рука Каѳетано удержала быка на всемъ его бѣгу; но въ то самое время, какъ тореадоръ бросалъ вокругъ себя торжествующій взоръ, дротикъ нереломился въ рукѣ его, и въ первую минуту изумленія онъ не могъ избѣжать отъ удара быка. Каѳетано быстро схватился рукою за лажку, и нѣсколько капель крови показалось на его сѣрыхъ шерстяныхъ *calzoneras*. Нестолько боль, сколько униженіе вырвали изъ устъ его недоброе слово; впрочемъ, онъ спросилъ новый дротикъ и самъ побѣжалъ на противоположный конецъ арены.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ требованіе его могло быть исполнено; наконецъ, онъ снова вышелъ на встрѣчу быку. Между тѣмъ, однакожь, въ поступи его замѣтна была странная неувѣренность; я зналъ слишкомъ хорошо неустрашимость Каѳетано, и потому не могъ принисать этого испугу; я видѣлъ его тихимъ и хладнокровнымъ въ обстоятельствахъ, гораздо болѣе критическихъ. Вскорѣ за этою неувѣренностію послѣдовало какое-то еще болѣе неопытное изнеможеніе, потому-что кровь у него не текла. Наконецъ, въ ту минуту, когда онъ машинально во второй разъ поднималъ дротикъ, чтобы поразить быка въ грудь, испуганная лошадь его встала на дыбы, попятилась назадъ, и Каѳетано, къ общему удивленію, нисколько не удерживая ее, позволилъ ей увлечь себя за арену. Крики, свистки, насмѣшки посыпались со всѣхъ сторонъ на обратившагося въ бѣгство тореадора, но онъ, нечувствительный къ оскорбленіямъ, удалился, качаясь на сѣдлѣ, словно пьяный; лицо его было покрыто смертельною блѣдностію.

— Капеллана! капеллана! закричали нѣкоторые насмѣшливымъ тономъ: — вотъ христіанинъ, близкій къ смерти. И снова свистки преслѣдовали *mayordomo*, который былъ предметомъ общей единодушной ненависти. Между тѣмъ, капелланъ, съ живымъ участіемъ смотрѣвшій на бой съ быкомъ, повидимому, нисколько не былъ намѣренъ оста-

ѣсно это воззваніе къ его обязанностямъ; но, по знаку доня Рамена, онъ, ворча себѣ подъ носъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ за Кайetano.

Воспользовавшись суматохой и отворенной калиткой, быкъ бросился бѣжать прямо къ лѣсу, и никто не позаботился удержать его. Вакеросы были очень недовольны такой развязкой, потому-что они ожидали болѣе продолжительной забавы отъ боя съ быкомъ. За недостаткомъ лучшаго, они предались разнымъ верховымъ экзерциціямъ, которыя могли бы чрезвычайно заинтересовать меня, если бы мысль моя не была неволью занята героемъ нынѣшняго дня. Можетъ быть, въ эту самую минуту Бенито искупилъ свое мгновенное торжество ужасною смертію, лишенный всякаго людскаго пособія. Безконечно глубокая тоска выражалась на лицѣ дочери арендатора. Тщетно говорилъ ей отецъ, чтобы она сошла съ эстрады, потому-что все уже было кончено: взоры ея неподвижно устремлены были на горизонтъ, между тѣмъ какъ рука ея судорожно сжимала цвѣты сумака. Солнце медленно поднималось и начинало раскалять землю, а никакого признака не было, чтобы Бенито скоро возвратился, хотя уже часъ прошелъ съ того времени, какъ онъ ускакалъ. Наконецъ, продолжительный вздохъ вырвался изъ устъ молодой дѣвушки, принявшихъ свой обычный розовый цвѣтъ; невыразимая радость блеснула на лицѣ ея, потому-что на горизонтѣ показалось легкое облако пыли, и сердце говорило ей, что эту пыль вздымаетъ тотъ, кого ждетъ сердце ея. Дѣйствительно, укротитель коней мчался быстро, какъ облако, гонимое вѣтромъ. Вакеросы оставили игры свои и выстроились въ два ряда, чтобы встрѣтить своего торжествующаго товарища. Довольно было бросить одинъ взглядъ, чтобы убѣдиться, что неукротимый *Eudemoniade* наконецъ укрощенъ. По его высоко поднявшимся бочкамъ, потухшимъ глазамъ, по его кожѣ, покрытой густымъ слоемъ пыли, взмокшей отъ поту, тотчасъ было видно, что страшное животное повинуется только страху, какой возбудилъ въ немъ всадникъ его. Съ другой стороны, взглянувъ на всадника, нельзя было не видать, что побѣда дорого досталась ему: его пылающее лицо было во многихъ мѣстахъ страшно изцарапано, волосы его были въ беспорядкѣ, платье изорвано въ клочки. Въ то мгновеніе, когда онъ въ послѣдній разъ пришпорилъ лошадь, и та въ нѣсколько скачковъ очутилась у эстрады, Бенито вдругъ наклонился назадъ и закричалъ: лошадь осталась, какъ вкопаная. Она повиновалась голосу своего побѣдителя. Всѣ вакеросы привѣтствовали его торжественнымъ ура. Съ невыразимою граціею, впору хоть бы какому нибудь придворному, Бенито наклонился надъ сѣдломъ, какъ будто для того, чтобы повергнуть къ ногамъ Марин-Антоніи честь своей побѣды. Поднялись новые клики восторга, и между тѣмъ, какъ смущеніе, гордость и радость, все вмѣстѣ, вызвали краску на прекрасное лицо молодой дѣвушки, пучокъ цвѣтовъ сумаку упалъ въ руки Бенито. Молодой человѣкъ не могъ скрыть своего волненія: онъ поблѣднѣлъ, пробормоталъ что-то, и, словно,

вый раз какъ будто закачался на сидѣніи своемъ. Я подошелъ къ нему, чтобы поздравить его. Въ это мгновеніе жизнь моя въ глазахъ его получила необыкновенную цѣну: не былъ ли я свидѣтелемъ самаго блистательнаго, самаго сладкаго торжества его? И потому не удивительно, что въ упоеніи радости, а можетъ быть, и для того, чтобы скрыть свое смущеніе, онъ крѣпко сжалъ меня въ своихъ сильныхъ рукахъ. Бенито Гойо простилъ меня.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ я одиноко возвращался на ферму, мнѣ повстрѣчался одинъ изъ второстепенныхъ героевъ этого дня, Хуанъ, счастливый обладатель домана, который онъ отыгралъ накануне. Несмотря на такой успѣхъ, онъ, казалось, былъ чрезвычайно грустенъ. Такъ какъ я медлил вопросомъ, онъ самъ заговорилъ со мною.

— Согласитесь, сеньоръ, сказалъ онъ, — что Бенито Гойо ужасный счастливецъ; если я не ошибаюсь, то черезъ нѣсколько дней въ лицѣ его мы будемъ имѣть новаго хозяина фермы.

— Что же, мнѣ кажется, это будетъ совершенно справедливо, сказалъ я Мартингалу: — потому-что онъ столько же красивъ, сколько храбръ. Но скажи, пожалуйста, тебя это огорчаетъ?

— Э, нѣтъ: мнѣ жаль этого бѣднаго *mayordomo*.

— Кайetano?

— Увы, да! продолжалъ Хуанъ, удваивая меланхолическія гримасы: — онъ умеръ.

— Да вѣдь онъ чуть-чуть былъ раненъ.

Хуанъ принялъ таинственный видъ.

— Кажется, сказалъ онъ мнѣ, что роги быка были намазаны сокомъ *palo mulato* (*), и смерть бѣднаго *mayordomo* была ужасная и быстрая. Вы не забыли человека, который встрѣтилъ васъ на дорогѣ умирающимъ отъ жажды и приказалъ Бенито привести вамъ воды? Это былъ Фелісиано, братъ одного стариннаго друга Кайetano. Другъ этотъ, обладавшій тайною, которую *mayordomo* готовъ былъ бы вырвать у него вмѣстѣ съ жизнью, передалъ брату своему, вмѣстѣ съ роковой тайной, опасенія, какія возбуждаетъ въ немъ очень хорошо извѣстный характеръ Кайetano. Эти опасенія были основательны. Братъ Фелісиано однажды отправился вмѣстѣ съ *mayordomo* на корабль, и съ той поры объ немъ ни слуху, ни духу. Фелісиано догадался, что братъ его палъ отъ руки злодѣя и сталъ отыскивать убійцу. Узнавши, что Кайetano жилъ съ нами, онъ поѣхалъ на ферму и прибылъ сюда въ самую пору, чтобы видѣть смерть его. Онъ напомнилъ ему о какихъ-то давнишнихъ происшествіяхъ, и это воспоминаніе произвело странное дѣйствіе на умираю-

---

(*) Родъ ядовитаго сумака. Это большое дерево, имѣющее желтую кору, покрытую тонкой красноватой кожцею, постоянно отдѣляющеюся слезами. Его бѣловатый сокъ чрезвычайно ядокъ; изъ него добываютъ сильный ядъ.

ужасныя судороги положили конецъ его терзаніямъ. Должно быть, *mayordomo* умеръ въ страшныхъ грѣхахъ, потому-что онъ не хотѣлъ исповѣдаться.

— Да, да, сказалъ капелланъ, подходя къ намъ и приводя изреченіе изъ Священнаго Писанія, скорѣе на удачу, нежели по знанію. — Господь сказалъ: «Кто поравитъ мечомъ, отъ вола погибнетъ.»

— Аминь! сказалъ Мартингалъ, уничтоженно преклоняя голову передъ авторитетомъ своего духовника: — но кой чортъ, кто же могъ назавать ядомъ рога у быка?

Стоить только вспомнить о странной операціи, которой я былъ наканунѣ свидѣтелемъ, никѣмъ не зашѣченный, и участіе, какое принималъ въ ней Фелисіано, чтобы утвердительно отвѣчать на этотъ вопросъ, подъ которымъ Хуанъ очень благоравуно скрывалъ опасное сообщничество.

ОХОТА ЗА НЕГРАМИ ВЪ ВОСТОЧНОМЪ СУДАНѢ (*). Охотиться за Неграми можетъ каждый житель дар-фурской монархіи, каково бы ни было его званіе и состояніе; для этого нужно только достать позволеніе дар-фурскаго султана. Разумѣется, необходимо сперва поднести ему подарокъ и имѣть при дворѣ протекцію. Потомъ надо выбрать самое благоприятное время для охоты, то есть, въ началѣ лѣта, послѣ періода дождей. Подарокъ долженъ быть значительной цѣны, и всего лучше его дар-фурскому величеству предложить добраго коня, вьнузданнаго и осѣдланнаго, вѣдомаго невольникомъ, который въ этомъ случаѣ также дѣляется собственностію султана.

Султанъ, принявъ даръ просителя, даетъ ему позволеніе охотиться за Неграми и для обезпеченія снабжаетъ его *салатіахомъ*, то есть, *великимъ копьемъ*, и слѣдующимъ письменнымъ дозволеніемъ производить набѣги:

«Милостію великаго султана, прибѣжища и подпоры всѣхъ смертныхъ, славы всѣхъ монарховъ аравійскихъ и чужеземныхъ, владыки всѣхъ народовъ, обладателя двухъ странъ и двухъ морей, служителя

(*) Кто не знаетъ, что Африкѣ досталось въ удѣлъ плачевное преимущество снабжать невольниками прочія части Свѣта. Но до сихъ поръ еще мало извѣстны подробности этой невазвѣстной торговли, производящейся на западныхъ африканскихъ берегахъ. Въ этой статьѣ читатель найдетъ любопытныя свѣдѣнія о способѣ охотиться за Неграми въ Дар-Фурѣ. Нельзя безъ живого сочувствія и глубокаго прискорбія читать рассказы объ этихъ набѣгахъ, опустошающихъ цѣлыя селенія, уничтожающихъ цѣлыя племена. Въ этой странѣ челоуѣкъ, уполномоченный султанскимъ фирманомъ, во имя всемілосердаго и всеправосуднаго Бога, — преслѣдуетъ челоуѣка, будто дикаго звѣря. Г. Перронъ, авторъ этой статьи, жившій нѣсколько времени въ Египтѣ, заимствовалъ объ охотѣ за Неграми разныя подробности отъ жителей Дар-Фура и отъ одного тунисскаго улема, на глазахъ котораго производились подобныя ловли.

двухъ священныхъ градовъ, возлагающаго упованія свои на Господа милосердаго и долготерпѣливаго, султанъ М... побѣдоносный, всѣмъ, которые будутъ видѣть это всеподданнѣйшее приношеніе, эмирманъ, воннамъ и вождямъ войскъ нашихъ:

«Мы, султанъ, благопріятствуемый Богомъ, поддерживаемый Его милостію, султанъ побѣдоносный, почтили своимъ благоволеніемъ такого-то, сына такого-то и снабдили его салатіахомъ для произведенія въ Дар-Фертитъ на жителей такого-то племени. Всѣ, взрослые и малолѣтніе, имѣющіе послѣдовать за нами въ этомъ предпріятіи, съ нашей стороны избавляются отъ всякаго нареканія и наказанія. Для удостовѣренія въ семъ фирманъ сей данъ вслѣдствіе нашего милосердія и великодушія. Да не посмѣетъ никто пренятствовать или не благоволятъ сему нашему повелѣнію. Получившему это дозволеніе мы предписываемъ по справедливости поступать съ тѣми, которые отправятся съ нимъ на предпринимаемую охоту, и правосудно и кротко, какъ внушаетъ страхъ Господень, обращаться со всякимъ, кто будетъ доставлять ему похищенныхъ невольниковъ. Да снисйдетъ на васъ благословеніе Божіе!»

Получивъ такой фирманъ и салатіахъ, какъ знакъ власти надъ отдѣльными отрядами, называемомъ *газуа*, проситель начинаетъ собираться въ походъ. Въ сопровожденіи одного или двухъ служителей онъ останавливается на главной площади въ Тендельти, столицѣ Дар-Фура, водружаетъ передъ собою салатіахъ и, поджавъ ноги, садится на разостланномъ на землѣ коврѣ. Тогда служитель начинаетъ бить въ барабанъ, со всѣхъ сторонъ стекаются люди, и когда соберется довольно многочисленная толпа, начальникъ экспедиціи даетъ ей знать, что онъ на эту охоту уполномоченъ султанскимъ фирманомъ.

Вскорѣ являюся охотники и вмѣстѣ съ ними купцы съ шолковыми матеріями. Предводитель отряда, всегда въ долгъ, покупаетъ столько матеріи, сколько, по своему расчоту, онъ надѣется получить барыша отъ своего предпріятія. Цѣна товаровъ зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, если купецъ изъявитъ желаніе присоединиться къ отряду и если продаваемые имъ вещи равняются цѣнѣ одного невольника въ Тендельти, начальникъ газуа общаетъ за нихъ пять или шесть невольниковъ, которыхъ выдаютъ ему въ Дар-Фертитъ (*). Купецъ, не имѣющій намѣренія отправиться въ экспедицію, продаетъ свои товары за двухъ или трехъ невольниковъ, которыхъ получаетъ по возвращеніи газуа съ охоты. Такимъ образомъ начальникъ пріобрѣтаетъ различныя матеріи, одежду, лошадей, ослонъ, верблюдовъ, снабдивъ торговцовъ квитанціями, обезпечивающими ихъ въ полученіи долга. Инымъ начальникамъ купцы довѣряютъ товары на сумму, равняющуюся цѣнѣ пяти или шестисотъ не-

---

(*) Дар-Фертитъ — обширная страна, на югъ отъ Дар-Фура, отъ котораго отстоитъ на нѣсколько дней пути. Она простирается далѣе страны Вадай и, кажется, далѣе экваторіальной линіи.

гу вождей, показавшихъ на опытъ эти добродѣтели. Здѣсь коммерческій кредитъ основывается на случайностяхъ предпріятія.

Покуда идетъ торгъ, многіе охотники присоединяются къ предводителю охоты. Каждому изъ нихъ вручаетъ копію съ фирмана и большей части своихъ новыхъ подчиненныхъ даетъ въ дорогу лошадей или верблюда. Указавши путь, по которому должна отправиться экспедиція, онъ раздробляетъ ее на десять или двѣнадцать небольшихъ отдѣленій, изъ которыхъ каждое находится подъ начальствомъ особеннаго вождя. Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ распоряженій, экспедиція, наконецъ, выступаетъ изъ Теудельти.

Сборное мѣсто обыкновенно назначается на южныхъ границахъ Дар-Фура. Предводитель каждаго отдѣльнаго отряда, проходя черезъ какое либо селеніе, велитъ бить въ барабанъ, свзываетъ жителей и показываетъ имъ султанскій фирманъ. Желаящимъ принять участіе въ набѣгѣ онъ передаетъ условія, сдѣланныя главнымъ начальникомъ га-вуи. Такъ, напримѣръ, за первый набѣгъ онъ обѣщаетъ каждому треть изъ полученной имъ добычи, а за второй только четвертую часть. Множество молодыхъ людей, особенно бѣдныхъ, изъявляютъ желаніе испытать счастья въ подобныхъ предпріятіяхъ.

Такимъ образомъ обладатель сататѣха на пути набираетъ многочисленную толпу охотниковъ. Достигнувъ сборнаго мѣста, за дар-фурскими границами, онъ принимаетъ названіе *султана* и образуетъ свиту или родъ двора изъ людей, которыхъ онъ снабдилъ коціями съ фирмана. Иногда къ такому султану собирается нѣсколько тысячъ охотниковъ.

Послѣ того султанъ изъ своихъ подчиненныхъ избираетъ офицеровъ и чиновниковъ, которымъ онъ предоставляетъ титула и обязанности военныхъ и гражданскихъ лицъ, служащихъ при дворѣ настоящаго султана, государя дар-фурскаго. Съ этой минуты всѣ принявшіе участіе въ охотѣ признаютъ своего начальника султаномъ, получающимъ полную и неограниченную власть надъ ними. Его слова, его приказанія, его воля — неопровержимый законъ, и новый султанъ пользуется этимъ правомъ до самого того времени, когда, по возвращеніи съ охоты, достигнетъ того мѣста, гдѣ онъ былъ облеченъ въ достоинство своего высокаго званія.

Распределеніе добычи производится по правиламъ, однажды и навсегда принятымъ. Всѣ невольники, отдавшіеся въ руки хищниковъ безъ боя и сопротивленія, становятся собственностію султана; ему же принадлежатъ и тѣ невольники, которыхъ онъ во время похода получаетъ въ даръ отъ *меккоевъ*, или фертитскихъ королей, обладающихъ союзными областями.

Экспедиція производитъ свои набѣги столь далеко, сколько ей позволяютъ ея средства. Когда предпріятіе достигаетъ предполагаемой

цѣли, султанъ, въ ночное время, черезъ герольда — *мауеха* (*) по-
вѣщаетъ своихъ подчиненныхъ, что добыча будетъ раздаваться на
слѣдующее утро.

И вотъ настаетъ утро. Султанъ приказываетъ устроить изъ сучьевъ
молючихъ деревь *зерибехъ*, или родъ круглой ограды съ двумя выхо-
дами. Люди, составляющіе газую, или газію, съ самого разсвѣта вхо-
дятъ въ эту ограду, каждый съ захваченными имъ невольниками.
Если число этихъ невольниковъ довольно значительно, султанъ, смот-
ря по мѣрѣ своихъ притязаній на добычу, опредѣляетъ каждому
большую или меньшую изъ нея часть. Благоразумные и умѣренные
въ своихъ притязаніяхъ султаны довольствуются третью добычи, какъ
бы она ни была богата; корыстолюбивые предводители иногда на
свою долю берутъ и половину. Впрочемъ, распределение добычи про-
изводится слѣдующимъ образомъ :

Султанъ, поджавъ подъ себя ноги, сидитъ посреди зерибеха; сви-
та его помѣщается у обоихъ выходовъ, и каждый изъ принимавшихъ
участіе въ экспедиціи съ похищенными имъ невольниками поочеред-
но входитъ въ ограду. Немедленно записываютъ его имя и имена
приведенныхъ имъ плѣнниковъ. Если, напримѣръ, охотникъ при-
шелъ съ собою двухъ невольниковъ, султанъ изъ нихъ беретъ себѣ
одного, и всегда лучшаго. Охотникъ съ другимъ оставшимся неволь-
никомъ выходятъ въ двери, противоположныя тѣмъ, въ которыя онъ
вошелъ. При этомъ случаѣ вручается султану бумага въ удостовѣре-
ніе, что отдавшій добычу ничего болѣе не долженъ своему повелите-
лю, то есть, что султанъ исполнилъ правила дѣлежа. Со всѣми прочи-
ми происходитъ таже церемонія.

Охотникъ, поймавшій только одного Негра, отводится въ сторону,
покуда не явится другой охотникъ, у котораго въ добычѣ также
одинъ невольникъ. Тогда султанъ беретъ одного изъ двухъ Негровъ,
а другого оставляетъ обоимъ охотникамъ. Впрочемъ, какую бы часть
изъ добычи султанъ не взялъ на свой пай, все это остается въ зе-
рибехѣ.

На самой охотѣ султанъ пользуется многими особенными привиле-
жностями. Если, напримѣръ, изъ за какого нибудь невольника возник-
нетъ споръ между двумя или нѣсколькими охотниками, онъ уже дѣ-
лается собственностію султана, которому въ семъ случаѣ никто не
смѣетъ противорѣчить. Ему же принадлежатъ всѣ невольники его
подчиненныхъ, умершихъ во время экспедиціи и не имѣвшихъ при
себѣ законнаго наслѣдника.

Раздавъ добычу, султанъ призываетъ къ себѣ тѣхъ изъ своихъ
кредиторовъ, которыхъ онъ обѣщалъ удовлетворить при первомъ раз-
дѣлѣ. Расплатившись, онъ, на другой день, по вновь избранному на-
правленію, идетъ къ границамъ Дар-Фура, и здѣсь начинается новая

(*) Мауеха — шуты, которыхъ держатъ у себя короли и вельможи дар-
фурскіе.

жами и убійствами. Эти разбои и кровопролитія продолжаются до тѣхъ поръ, покуда экспедиція не приблизится на одинъ день пути отъ границъ дар-фурскихъ. Тутъ производится новый раздѣлъ добычи, во время котораго султанъ обнаруживаетъ гораздо болѣе умѣренности и безкорыстія. Онъ уже чувствуетъ, что скоро конецъ его власти, и, имѣя въ виду выгоды будущаго предпріятія, боится оставить дурную по себѣ славу.

Предводитель отряда, по словамъ тунисскаго улема, шейха Махоммеда-Эль-Тунзи, послѣ счастливой охоты, почти всегда имѣетъ возможность поднести приличные дары королю дар-фурскому и его царедворцамъ, своимъ покровителямъ, заплатить свои долги и совѣмъ тѣмъ для самого себя оставить еще сотню невольниковъ. Кромѣ того лошади, ослы, верблюды, вся сбруя и прочіе пожитки, оставшіеся отъ экспедиціи, переходятъ, по праву, въ руки предводителя газуи. Вьючный скотъ, предоставленный имъ при отправленіи въ походъ, извѣстнымъ лицамъ, отдается ему при возвращеніи. Они удерживаютъ при себѣ только одежду, которую получили отъ султана. Наконецъ, всѣ расходятся по своимъ жилищамъ съ добычею, которую, по ихъ мнѣнію, Богъ попустилъ имъ захватить.

Султанъ, предводитель охотниковъ, болѣею частію весьма уважительно обращается со своими подчиненными и иногда даже ничего не беретъ для себя изъ похищенной ими добычи. Съ своей стороны, они заботятся о наборѣ новыхъ охотниковъ, о безопасности и исполненіи желаній султана — и на каждой стоянкѣ устрояютъ ему приличное и удобное жилище. Сверхъ того, многіе изъ охотниковъ находятся въ передовомъ отрядѣ для приготовленія заранѣе султанскаго мѣстопробыванія на стоянкахъ. Съ этою цѣлью они на олахъ и верблюдахъ везутъ вѣтви дерева дукнъ (*pennisetum typhoides*) и колья для устроенія временнаго жилища своему кочующему повелителю. Собираясь въ дальнѣйшій путь, они исторгаютъ изъ земли колья и вѣтви дукна, все это складываютъ на вьючныхъ животныхъ и на слѣдующей стоянкѣ такимъ же образомъ сооружаютъ новое султанское жилище. Предводитель охотниковъ своею властію и могуществомъ обязанъ окружающимъ его людямъ, которые оказываютъ ему такую же преданность и уваженіе, съ какимъ вельможи дар-фурскіе служатъ своему властителю.

Охотники окружаютъ селеніе дар-фертитское; если жители покоряются безъ сопротивленія, султанъ прежде всего удерживаетъ у себя въ плѣну ихъ начальника, обходится съ нимъ весьма уважительно, даритъ ему одежду и напослѣдокъ отсылаетъ этого старшину къ его подчиненнымъ. Потомъ онъ изъ нихъ выбираетъ лучшихъ людей, юношей, дѣвицъ, молодыхъ женщинъ, и всѣхъ ихъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній, присвоиваетъ себѣ, оставляя въ селеніи стариковъ и такихъ людей, которые, по его мнѣнію, не могутъ работать и пе-

рестности дорожные труды, или такихъ, которыхъ онъ не надѣется выгодно продать.

Одному султану принадлежать люди, безъ сопротивленія захваченные въ дѣсахъ и на дорогѣ, застигнутые въ горахъ и безъ обороны сдавшіеся во власть охотниковъ; невольники, принадлежащіе неизвѣстнымъ жителямъ тамошнихъ странъ, и люди, убѣжавшіе послѣ того времени, въ которое произведено было нападеніе, также составляютъ собственность начальника газуи.

Предводитель охотниковъ, по своему султанскому достоинству, имѣетъ право присоединять къ союзнымъ племенамъ селенія, изъявившія желаніе, въ качествѣ данниковъ, состоятъ въ зависимости отъ Дар-Фура. Такимъ образомъ, эти селенія избавляются отъ грабежа, которому во время охоты за Неграми подвергаются окрестныя страны. По этому же самому праву султанъ произвольно можетъ лишить общинной защиты то или другое племя, либо селеніе, обличенное въ коварныхъ умыслахъ или измѣнѣ. Въ этомъ случаѣ онъ поступаетъ даже безъ согласія или дозволенія дар-фурскаго правительства. Начальнику газуи предоставлена неограниченная власть подл условіемъ, чтобы всѣ его дѣла были основаны на правилахъ справедливости. Исключивъ какое либо племя изъ числа другихъ племенъ, покровительствуемыхъ Дар-Фуromъ, онъ обращается съ нимъ, какъ съ непріателемъ, и похищаетъ въ немъ жителей.

Султанъ сохраняетъ свою власть и свои преимущества во все продолженіе экспедиціи, то есть, до того времени, когда онъ вступить въ предѣлы Дар-Фура и сопровождавшій его отрядъ разсѣется.

Если султанъ во время предпріятія и преимущественно при раздѣлѣ добычи поступалъ безкорыстно и добросовѣстно, всѣ осыпаютъ его похвалами, славятъ его справедливость и честность и изъявляютъ единодушное желаніе въ слѣдующемъ году опять отправиться съ нимъ на новую охоту за Неграми. Султана слишкомъ корыстолюбиваго и обманчиваго въ своихъ обѣщаніяхъ всѣ помослятъ въ глаза самыми непрістойными словами.

Въ продолженіи экспедиціи офицеры, лица, составляющія свиту султана, можно даже сказать всѣ охотники въ отрядѣ заботятся о средствахъ продовольствія своего предводителя. Для этой цѣли каждый старается открыть тайники, въ которыхъ жители Дар-Фертита скрываютъ свои запасы.

Обитатели Дар-Фертита, безпрестанно подверженные нападеніямъ Дар-Фурцовъ, прячутъ свои пожитки въ вѣтвяхъ густыхъ деревьевъ и такъ искусно, что глазъ чужеземца или непріятеля никакимъ образомъ ихъ не отыщеть. Выбравъ, въ глубинѣ своихъ дѣсовъ, самое вѣтвистое и многолиственное дерево, они изъ срубленныхъ и довольно плотно сложенныхъ сучьевъ дѣлаютъ нѣчто въ родѣ рѣшетчатаго помоста, кладутъ на него запасъ, покрываютъ листьями, а сверху настилаютъ слой изъ шелухи плодовъ лука. Эта шелуха сохраняетъ пожитки отъ влаги, въ продолженіи и послѣ дождливаго времени.

на устроиваютъ маленькія хижины конической формы, вверху съ отверстиемъ, въ которое всыпаютъ зерна. Каждый слой зеренъ они застилаютъ шелухою и наконецъ закрываютъ отверстие.

Эти висячія житницы не трудно скрыть въ переплетенныхъ вѣтвяхъ и густыхъ листьяхъ тамошнихъ деревьевъ. Вся эта страна покрыта дремучими лѣсами, въ которыхъ растутъ деревья чудовищно толстыя и многолиственные. Жители Дар-Фертита, обитающіе на возвышенностяхъ, прячутъ свой хлѣбъ въ глубокихъ и обширныхъ рвахъ, или *смосахъ*, выкапываемыхъ на вершинахъ самыхъ высокихъ горъ и сверху также застилаемыхъ шелухою.

Дар-Фурцы, ежегодно получающіе позволеніе охотиться за Неграми, не по одному направленію производятъ свои набѣги на Дар-Фертитъ. У каждаго изъ нихъ есть свой особенный маршрутъ для набѣга и возвратнаго пути, и ни одинъ начальникъ охотниковъ не смѣетъ переступить опредѣленные ему границы. Эти маршруты съ именами предводителей отрядовъ вносятся въ особенные списки, которые находятся въ рукахъ дар-фурскаго монарха.

«Эти предосторожности,» говоритъ улемъ тунисскій въ письмѣ своемъ къ г. Перрону, «чрезвычайно необходимы; иначе не было бы конца безпорядкамъ. Всякій годъ султанъ дар-фурскій выдаетъ по крайней мѣрѣ по шестидесяти или семидесяти подобныхъ дозволеній на охоту, на которую предводители отрядовъ отправляются въ одно и тоже время. Безъ назначенія маршрутовъ отряды охотниковъ, безъ сомнѣнія, часто встрѣчались бы одни съ другими, и дѣло не могло бы обойтись безъ упорной драки; жители Дар-Фертита, въ странѣ которыхъ должны происходить эти битвы, сдѣлались бы ихъ жертвою и въ короткое время были бы все истреблены. Но вслѣдствіе принятыхъ мѣръ рѣдко случается, чтобы одинъ отрядъ охотниковъ столкнулся съ другимъ. Впрочемъ, нѣкто Ахмедъ-Тиктикъ, начальствовавшій, по крайней мѣрѣ, въ двадцати экспедиціяхъ, рассказывалъ мнѣ, что однажды, чему онъ былъ свидѣтелемъ, столкнулось семь отрядовъ. Изъ семи предводителей былъ избранъ тотъ, который велъ за собою большее число охотниковъ, и возведенъ въ званіе верховнаго начальника всѣхъ семи отдѣленій, составившихъ одинъ отрядъ. Это достопримѣчательное событіе надолго осталось въ народной памяти. Ахмедъ-Тиктикъ увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ и такого султана, подъ начальствомъ котораго было не болѣе двадцати охотниковъ.»

Если султанъ во время экспедиціи умретъ отъ болѣзни или погибнетъ въ битвѣ, вся добыча, принадлежащая ему и его подчиненнымъ, переходитъ въ собственность султана дар-фурскаго. Получивъ увѣдомленіе о смерти предводителя охотниковъ, султанъ дар-фурскій на южную границу своего государства высылаетъ эмира, который ждетъ возвращенія отряда, имѣвшаго несчастіе потерять своего вождя.

Въ случаѣ сильной или опасной болѣзни султана отрядъ выбираетъ наместника, который по смерти предводителя ему наследуетъ. Если отрядъ придетъ на дар-фурскія границы безъ предводителя, эмиръ, посланный государемъ, захватываетъ всю добычу и въ Тендельти отдаетъ ее своему монарху.

Игнѣ въ виду такой порядоки вещей, охотники, составляющіе газую, съ величайшимъ стараніемъ заботятся о благосостояніи своего султана, удаляютъ его отъ опасностей и не допускаютъ его къ такимъ мѣстамъ, гдѣ можно ожидать упорнаго сопротивленія со стороны жителей Дар-Фертита. Разумѣется, вся эта заботливость объ особѣ султана происходитъ не изъ личной къ нему преданности, а изъ своекорыстныхъ видовъ.

Если во время экспедицій въ Дар-Фертитѣ король дар-фурскій умираетъ, вся добыча охотниковъ дѣлается собственностію его наследника: это родъ поздравленія новому государю.

Обыкновенно охотники захватываютъ весьма значительное число Негровъ, и невольникамъ не было бы мѣста въ Дар-Фурѣ, если бы всѣ они достигали этой страны. Но большая часть ихъ умираетъ на дорогѣ отъ болѣзни или изнуренія, или бываетъ умерщвляема. Случается, что невольникъ или невольница, избѣгая рабства и страданій и не желая слѣдовать за своимъ похитителемъ, садится на землю и говоритъ ему: *коморонио*, т. е. убей меня. И немедленно несчастная жертва умираетъ подъ палочными ударами — жестокая казнь, выдуманная для устрашенія прочихъ невольниковъ и для внушенія имъ покорности. Иногда отъ усталости, перемѣны пищи и зною между невольниками возникаютъ эпидемическія болѣзни, и всѣ похищенные Негры погибаютъ на пути отъ Дар-Фертита къ Дар-Фуру. Бываютъ случаи, что охотники изъ двадцати невольниковъ спасаютъ только двухъ или трехъ.

Множество невольниковъ умираютъ въ самомъ Дар-Фурѣ отъ перемѣны климата, пищи и образа жизни. Дар-Фурцы, доставляющіе приличную пищу своимъ невольникамъ, кротко съ ними поступающіе и необременяющіе ихъ излишними трудами, большую ихъ часть сохраняютъ отъ гибели. Невольники, привыкшіе къ дар-фурскому климату, продаются гораздо дороже тѣхъ, которые еще не обжились въ немъ.

Но всѣ плоды такихъ заботъ теряются отъ переселенія этихъ несчастныхъ въ другія отдаленнѣйшія страны, гдѣ они испытываютъ новыя мученія и почти всѣ погибаютъ отъ утомленія и болѣзни. Сверхъ того, невольники предаются глубокой печали, въ особенности изъ страха, что ихъ продадутъ вовсе для нихъ чуждымъ Арабамъ. Негры убѣждены, что эти Арабы питаются ихъ мясомъ, изъ ихъ мозгу дѣлаютъ мыло, а кровью ихъ наводятъ красный цвѣтъ на матерію. Дар-Фурцы пользуются этимъ предрасудкомъ для внушенія страха непокорнымъ невольникамъ. Лишь только Негръ немного заупрямится, его господинъ говоритъ ему: — я продамъ тебя бѣлымъ (Ара-

и сдѣлають мыло изъ твоего мозгу. — и непокорный невольникъ становится тише травы и ниже воды.

Это предубѣжденіе не изглаживается въ умахъ даже тѣхъ Негровъ, которые уже нѣсколько времени прожили въ рабствѣ у Арабовъ и не замѣтили ничего, что могло бы оправдать ихъ опасенія. Но въ продолженіи всей дороги они бываютъ обладаемы непрерывнымъ страхомъ. Сверхъ того невольники страдаютъ отъ изнурительнаго путешествія по песчанымъ степямъ, отъ дневного зноя и ночного холоду. Несчастные умирають тысячами и своими трупами обозначаютъ путь каравана. Изъ многочисленной толпы невольниковъ, отправляемыхъ, напримѣръ, въ Египеть, этой страны достигаютъ только самыя сильныя или самыя счастливыя между ними.

• Я видѣлъ, говорить улемъ тунисскій, *джеллабовъ* (негритинскихъ купцовъ), влачившихъ съ собою изъ Вадаи сотню невольниковъ, которые всѣ до одного погибли на дорогѣ отъ холоду; другіе *джеллабы* вели триста Негровъ, и всѣ эти невольники умерли также на пути отъ зною и жажды. Видѣлъ я и такихъ *джеллабовъ*, которые изъ столь же значительнаго числа невольниковъ не потеряли ни одного. Всѣмъ этимъ управляетъ воля всемогущаго Бога.

• Хотя по правиламъ Ислама или по закону Божію и дозволены переселеніе и продажа Негровъ; но въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ дѣлахъ нашихъ, надлежитъ поступать со страхомъ Божиимъ....

Вотъ какими основными правилами оправдывается торговля Неграми:

• Богъ заповѣдалъ своему пророку, пророку Ислама, возвѣстить людямъ законъ божественный, внушить имъ вѣру въ истиннаго Бога и съ силою оружія приводить невѣрующихъ къ познанію истинной вѣры. По глаголу самого Господа, война — путь святой и правый для обращенія всѣхъ народовъ въ вѣру магомметову. Дѣйствительно, лишь только невѣрные почувствуютъ силу оружія исламизма, лишь только они увидятъ, что ихъ могущество унижено и уничтожено, ихъ семейства отведены въ неволю, — они возжелаютъ выйти на истинный путь и спасти самихъ себя и свое имущество. Если они сопротивляются и упорствуютъ въ своемъ невѣрїи, должно съ мечомъ въ рукахъ выйти противу нихъ. Но во всякомъ случаѣ, еще не испытывая этого крайняго средства, мы обязаны кротостію склонять ихъ къ принятію исламизма и не одинъ разъ предувѣдомлять ихъ о бѣдствіяхъ, которыя постигнутъ ихъ за маловѣріе.... Такъ нашъ святой пророкъ поступилъ съ Караишидами, отказавшимися вѣрить словамъ его.

• Пророкъ позволилъ также выкупать плѣнныхъ на основаніи слѣдующихъ словъ корана: послѣ сраженія вы можете освободить своихъ плѣнниковъ или, что еще лучше, взять за нихъ выкупъ. Такимъ образомъ скорѣе, кончатся бѣдствія, сопряженныя съ войною. Упорствующимъ принять законъ мой предложите на выборъ войну или обязательство платитъ ежегодную дань, чтобы откупить и обезпечить

ихъ безопасности и спасти ихъ жизнь. Если они предпочтутъ войну и подымутъ на васъ оружіе, пѣвники ихъ, доставшіеся въ ваши руки, будутъ проданы.

• Не смотря на это, всѣ люди, какъ чада Адама, равны между собою. Все различіе между ними происходитъ оттого, что одни изъ нихъ исповѣдуютъ вѣру истинную, вѣру въ исламъ, а другіе вѣру ложную.

• Правда, въ Суданѣ, мусульманскіе народы въ своихъ набѣгахъ не слѣдуютъ правиламъ корана и, нападая на идолопоклонниковъ, не предлагаютъ имъ принять ученіе Магомета. Они бросаются на нихъ неожиданно, не думая употреблять кроткихъ мѣръ для обращенія ихъ въ свою религію; они нападаютъ на Негровъ, сражающихся съ ними, преслѣдуютъ ихъ, берутъ въ плѣнъ и, наконецъ, продаютъ. Но такъ какъ эти народы поклоняются идоламъ, то Мусульмане, захвативъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ плѣнъ, могутъ ихъ продать безъ мажѣйшаго нарушенія правилъ своей вѣры.

• Впрочемъ, всякій, пріобрѣтшій невольника, по законамъ справедливости и религіи не долженъ обременять его работами, обязанъ прилично одѣвать его и кормить тою же пищею, которая приготовлена для собственной семьи самого господина; ибо невольникъ также твореніе Божіе, и святой пророкъ сказалъ намъ: — Богъ сотворилъ васъ опорой сихъ народовъ; но вспомните, что, если Онъ захочетъ, вы будете ихъ рабами. Предъ очами Божіими имѣйте сожалѣніе къ слабымъ.»

Но поговоримъ еще о Дар-Фурѣ. Всѣ невольники, похищаемые въ южныхъ странахъ Судана, не имѣютъ ни религіи, ни гражданскихъ законовъ; они не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ пророка, удостоившагося Его откровенія. Они поклоняются камнямъ и обломкамъ скалъ, создаютъ какіе-то храмы въ честь этимъ божествамъ, которыхъ, въ видѣ жертвенныхъ приношеній, подносятъ копья и желѣзныя полосы, похожія формою на букву Т. Въ этомъ состоитъ вся ихъ религія. Во время моего пребыванія въ Дар-Фурѣ у меня былъ невольникъ изъ Дар-Фертита. Онъ всегда удивлялся, когда мы въ своихъ разговорахъ призывали Бога въ свидѣтели. Этотъ невольникъ, начинавшій говорить по арабски, воображалъ, что у его соотечественниковъ вовсе не тотъ Богъ, которому поклоняются Дар-Фурцы, и нѣсколько разъ говорилъ — «нашъ-то богъ поважнѣе вашего.» Однажды я спросилъ моего Негра объ его богѣ. «Нашъ богъ,» отвѣчалъ онъ съ чувствомъ крайняго благоволенія: — «нашъ богъ вотъ какой толстый». И онъ показалъ мнѣ толщину своего бога, растянувъ врозь обѣ свои руки.

По невѣжеству, отсутствію всякой вѣры и всякаго откровенія эти бѣдные дикари безъ мажѣйшаго упорства готовы принять всякую другую, какую бы то ни было религію. Во время одной охоты за Неграми, я видѣлъ дѣвушку-невольницу, которая въ тотъ же самый день, когда ее захватили, приняла мусульманскую вѣру и безъ вся-

даже душевного водения; и потому не позволяя въ лицахъ, протолкала навзгустъ ея основныя правила.

Жители Дар-Фертита и другіе сосѣдственные съ ними народы, поклоняющіеся идоламъ, косиются въ глубокомъ невѣжествѣ, и если бы они не видали охотниковъ, безпрестанно ихъ преслѣдующихъ, то до сихъ поръ считали бы себя единственными обитателями земли. Со-всѣмъ тѣмъ они соблюдаютъ довольно строгіе законы относительно брачныхъ союзовъ. Никому изъ нихъ не дозволено жениться на близкой родственницѣ: на дочери, сестрѣ, родной теткѣ, ни даже на сестрѣ двоюродной. У Мусульманъ допускается брачное сочетаніе съ двоюродными сестрами, а у суданскихъ язычниковъ признаются законными браки не ближе, какъ только съ родственницами въ третьемъ колѣнѣ. Этотъ обычай, сдѣлавшійся законнымъ у дикихъ народовъ, живущихъ почти безъ религій, ставится невѣзаскимымъ фактомъ, особенно, если мы примемъ въ соображеніе ихъ обыкновенный образъ жизни. Тамъ всѣ, ни мало не думая о приличіи и благопристойности, ходятъ почти совершенно нагіе. Замужнія женщины и дѣвушки не носятъ никакого платья кромѣ передника; покрывающаго ихъ тѣло отъ поясицы до колѣнъ. Точно также костюмируются и мужчины, передникъ которыхъ, — родъ матерчатаго шарфа, подпоясаннаго тесемкою или ремнемъ — навязывается *джуку*; висячія концы этого шарфа выпускаются спереди до ступней, а сзади до поджикой.... Есть и такія племена въ Даръ-Фертитѣ, въ которыхъ женщины закрываютъ нижнія части широкими древесными листьями, которые связываются гибкими вѣтвями. Когда эти листья высохнутъ, ихъ замѣняютъ другими, свѣжими.

Образъ жизни обитателей Дар-Фертита простъ какъ нельзя болѣе; они живутъ безъ заботъ, безъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ, находя утѣшеніе въ удовольствіяхъ, свойственныхъ самымъ дикимъ народамъ. «Мнѣ», говоритъ опять нашъ тунисскій улемъ: — «случилось видѣть въ Дар-Фертитѣ мекка, или короля (въ каждомъ племени, даже въ каждомъ селеніи есть свой король), который былъ весьма доволенъ самымъ малоцѣннымъ подаркомъ. Предводитель одного отряда охотниковъ подарилъ ему черный таубъ — родъ большой блузы. Простодушный монархъ вдѣлъ на себя это платье, съ надменностью и великимъ самодовольствіемъ началъ въ немъ расхаживать, охорашивался и со всѣхъ сторонъ себя оглядывалъ. Никогда онъ не находилъ себя столь красивымъ, какъ въ эту минуту.

Большая часть земель въ Дар-Фертитѣ можетъ быть обработана и дать изобильный плодъ. Но жители сѣютъ хлѣба столько, сколько нужно для собственнаго ихъ продовольствія.... Соль между ними рѣдкость. Иногда они готовы дать невольника за киллограммъ соли. Не взирая на свою крайнюю бѣдность, жители Дар-Фертита страстно любятъ свое отечество и, отправляясь въ дальнее путешествіе или будучи уведены въ неволю, они съ сердечнымъ умиленіемъ и глубокимъ при-скорбіемъ вспоминаютъ о своихъ родныхъ хижинахъ. Простодуш-

ные, какъ дѣти, невольники весьма часто убѣгаютъ отъ господъ въ свои убогія селенія. Обыкновенно, гоняясь за ними по слѣдамъ, ихъ настигаютъ на дорогѣ, ведущей прямо къ мѣсту ихъ родины.

При всемъ своемъ простодушіи и безпечности, жители Дар-Фертита очень хорошо знаютъ, что Дар-Фуръ ежегодно высылаетъ на нихъ толпы охотниковъ, уводящихъ съ собою мужчинъ, женщинъ, дѣтей или умерщвляющихъ значительную ихъ часть; но совсѣмъ тѣмъ эти дикари упрямо остаются въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ однажды, навсегда устроили свои жилища. При появленіи хищниковъ, эти дикари обращаются въ бѣгство; но по удаленіи охотниковъ, всѣ тѣ, которые спаслись отъ ихъ преслѣдованія, снова возвращаются въ прежнія свои хижины.

Многіе дикіе въ Дар-Фертитѣ, подобно жителямъ острововъ Фиджи, въ Океаніи, обитаютъ въ лѣсахъ, устроивая себѣ убѣжища на толстыхъ и густыхъ деревьяхъ. Вотъ какъ это дѣлается. глава семейства, выбравъ дерево, влѣзаетъ на него, на серединѣ пня вырубаетъ сучья и дѣлаетъ изъ нихъ два помоста: одинъ надъ своею головою, другой, изъ самыхъ крѣпкихъ, тѣсно сплоченныхъ сучьевъ, подъ своими ногами. Такимъ образомъ, онъ устраиваетъ потолокъ и полъ, который устлается вѣтвями и листьями того же дерева. Потомъ изъ сучьевъ лука дикарь дѣлаетъ стѣны, а надъ потолокомъ крышу въ формѣ конуса для удобнѣйшаго стока дождевой воды. Жена и дѣти хозяина влѣзаютъ въ новую свою хижину и сходятъ безъ труда внизъ, цѣпляясь за сучья и птичьи гнѣзда, которыми обыкновенно бываетъ покрыта нижняя часть пня.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ обширнаго Дар-Фертита подъ 5 градусомъ сѣверной широты, за южными дар-фурскими границами, жители довольно искусно выработываютъ кой-какія вещи. Такъ напримѣръ, они весьма красиво отдѣлываютъ древки для копій и дротиковъ и такъ хорошо полируютъ эти издѣлія, что они блещутъ, какъ серебряныя. Они также изъ чернаго дерева дѣлаютъ *курзи*, или табуреты, и такъ изящно, что вы непременно сочтете это работою лучшаго европейскаго мастера. Увидя эти издѣлія, можно подумать, что жители Дар-Фертита уже оказали нѣкоторые успѣхи въ цивилизаціи...

Таковы подробности, которыя г. Перронъ могъ собрать объ этихъ странахъ, столь мало извѣстныхъ Европейцамъ и, по недостатку свѣдѣній, весьма рѣдко упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ географовъ и этнографовъ.

РОЙЁ-КОЛЛЯРЪ. (Биографическій очеркъ). Шьеръ Поль Ройё-Колляръ родился въ Шампанни, въ Сомпюи, недалеко отъ Vitry-le-français, 29-го іюня, 1769 года, отъ достаточныхъ родителей, занимавшихся промысломъ земледѣльческимъ. Семейство Ройё-Коллара, какъ большая часть семействъ, жившихъ въ томъ городкѣ, гдѣ родился онъ, съ религіознымъ почтеніемъ сохраняло память и преданіе ученія поръ-ройяльскаго. Книги и замѣчательнѣйшія лица Поръ-Ройяля

великіе люди. Можно сказать, что они дали направленіе не только вѣрованію его, но его мысли, и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, его характеру.

Ройе-Колляръ продолжалъ и пополнилъ начальное воспитаніе, полученное имъ въ семействѣ, подъ руководствомъ отцовъ христіанской доктрины, сначала въ Шамонѣ, потомъ въ Сенть-Омерѣ. И вотъ гдѣ, кстати сказать мимоходомъ, источникъ, не всѣмъ извѣстный, слова *доктринѣръ*, которое впоследствии придавали ему и ученикамъ его, иногда въ смыслѣ похвалы, иногда въ смыслѣ упрека. Вотъ по какому случаю названіе это за нимъ утвердилось: Ройе-Колляръ, проповѣдуя представительную систему въ Палатѣ, мало расположенной принимать его, часто вынужденъ былъ произносить слово *доктрина*.

— А, вотъ они, доктринѣры! сказалъ кто-то въ толпѣ. — И это слово осталось и утвердилось съ тѣхъ поръ въ языкѣ трибуны и печати. Друзей и учениковъ Ройе-Коллара — Гизо, Кювена и пр. доселѣ именуютъ доктринѣрами.

Получивъ званіе адвоката въ Парижѣ, Ройе-Колляръ былъ свидѣтелемъ революціи. Въ этой борьбѣ Ройе-Колляръ не могъ не принять участія. Двадцати пяти лѣтъ отъ роду, не болѣе, онъ былъ назначенъ президентомъ отдѣленія острова святого Людовика (Saint-Louis). Будущій теоретикъ конституціонной монархіи и глава доктринѣровъ часто былъ провожаемъ къ своему жилищу съ криками восторга водоносцами, которые составляли большинство его довѣрителей (*commettans*). И онъ подъ старость любилъ рассказывать это. Умѣренный и ограниченный по своей натурѣ, онъ отступился отъ быстрого хода революціи еще до 93 года, съ грустію въ сердцѣ оставилъ Парижъ и удалился на свою родину, гдѣ все свое время посвятилъ наукѣ. Когда революціонный кризисъ миновался, Ройе-Колляръ въ 1797-мъ году возвратился въ Парижъ, въ званіи депутата своего департамента, и говорилъ въ пятисотенномъ совѣтѣ въ пользу возвращенія изъ ссылки и противъ присяги, требуемой духовенствомъ, постоянно стараясь держаться правилъ умѣренности. Въ это-то самое время, пораженный непрочностію разнаго рода государственныхъ учрежденій во Франціи, поочередно сибывшихъ одно другое, убѣжденный, что для правительства нужна такая точка опоры, которая была бы упрочена всей прошедшей его жизни, вѣрный идеямъ 89 года, онъ обнаружилъ свои легитимистскія доктрины. 18-ое Фруктидора застало его среди его ройялистскихъ надеждъ. Выборъ его, какъ депутата, былъ уничтоженъ, но это ни мало не поколебало его политическихъ убѣжденій. Для Ройе-Коллара легитимизмъ былъ взглядъ философскій, истина историческая... Ройе-Колляръ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ къ числу самыхъ оригинальныхъ легитимистовъ.

Во время Имперіи онъ держалъ себя въ отдаленіи: онъ мало сочувствовалъ правленію Наполеона. Сердце Ройе-Коллара болѣе стремилось къ справедливости, нежели умъ къ чистой истинѣ. Убѣжден-

ный въ бесполезности преждевременныхъ усилій, онъ отталкивался отъ всѣхъ дѣятельныхъ сношеній съ партіей роялистскою и довольствовался протестомъ противъ силы въ томъ смыслѣ, что не оказывалъ ей содѣйствія. За неимѣніемъ права въ дѣйствительности, онъ искалъ истины въ размышленіи. И тогда-то обратился онъ къ этой наукѣ, которую съ такимъ жаромъ изучали всѣ высшіе умы конца протекшаго столѣтія, которая политикѣ дала Сійеса, къ наукѣ, которую ненависть и недовѣрчивость нарекли презрительно идеологіей.

Но тогда міръ чистой мысли, метафизики имѣлъ также своего неограниченнаго деспота. Кондильякъ царилъ въ этомъ мірѣ безотвѣтно и безотчетно: онъ признавался всемогущимъ и непогрѣшительнымъ. Чтò такое творенія Гельвеція, Сен-Ламбера, Вольея, Кабаниса, Дестю-де-Траси (Destutt de Tracy)? Чтò такое всѣ предисловія ученыхъ астрономовъ, химиковъ, естествоиспытателей того времени? Развитие комментарій, болѣе или менѣе прямое приложение, или, другими словами, повтореніе на новый ладъ тѣхъ же принциповъ учителя, которые считались выше всякаго спора и возраженія. Ройё-Колляръ сперва подчинился было игу Кондильяка, но потомъ скоро отрѣшился отъ него навсегда и безъ возврата. Одинъ томъ Шотландца Томаса Рейда, переведенный въ 1768-мъ году и остававшійся незамѣченнымъ, былъ для Ройё-Колляра сигналомъ перерожденія и направленія его мышленія на новую дорогу.

Разительная аналогія съ Кондильякомъ должна была привлечь Ройё-Колляра къ философіи эдинбургской. Рейдъ провозглашаетъ прежде всего методъ наблюденія и анализа, тотъ самый методъ, о которомъ безпрестанно толкуетъ и Кондильякъ, но только не подчиняясь ему. Привычки ума Ройё-Колляра были пощажены, а при согласіи на счетъ методы, ничего не оставалось болѣе, какъ разобратъ, кто изъ двухъ философовъ ему вѣренъ. Къ тому же, у Рейда каждая страница дышетъ здравымъ умомъ, прямою и добросовѣстностью. Какія заманчивыя черты для Ройё-Колляра! Анализъ, впервые приложенный къ природѣ человѣческой, отрѣшенный совершенно отъ всѣхъ систематическихъ видовъ; философія, разсматриваемая, какъ сознательное выраженіе здраваго смысла; принципы, далекіе отъ господствовавшаго сенсуализма, и отъ мечтаній, вкравшихся въ философію XVII вѣка; примирительный спиритуализмъ, — словомъ, все, чѣмъ отличается шотландская школа, удивительно согласовалось съ умомъ Ройё-Колляра, жаждавшимъ болѣе положительнаго гнанія, чѣмъ гениальныхъ гаданій.

Въ 1811-мъ году, призванный на кафедру философіи въ университетъ (Faculté des Lettres), Ройё-Колляръ, осторожный по натурѣ, приступилъ къ философической реформѣ безъ шума и блеску. Знаете ли, какой вопросъ положилъ онъ въ основаніи своей первой лекціи, которую читалъ *передъ тремя слушателями*? (И эти слушатели впоследствии привели такое множество другихъ въ его аудиторію!) — О назначеніи человѣка, о будущей жизни, о Богѣ, или о чемъ нибудь

в родъ этого. Быть много похожего на эти вопросы... Онъ вы-
бралъ вопросъ сухой, довольно ограниченный, если хотите, довольно
странный, вопросъ, который долженъ былъ возбудить тогда улыбку,
который, можетъ быть, заставитьъ еще многихъ не безъ основанія
удыбнуться и теперь — любимый вопросъ шотландскаго философа,
вопросъ о томъ, можетъ ли разумъ доказать бытіе внешнего міра?
Утверждать, что философія ощущеній (*philosophie de la sensation*), ко-
торая дѣлаетъ столько чести вѣшнему міру, считая его единствен-
нымъ и точникомъ нашихъ понятій, что эта философія не можетъ
удовольствитъ насъ даже въ бытіи сего міра, — еще болѣе, показать,
что строгая діалектика непременно ведетъ и даже на фактахъ приве-
ла глубокихъ и строгихъ сенсуалистовъ къ спорамъ на счетъ суще-
ствованія вещества (*la matière*), доказать всѣмъ этимъ умамъ, ко-
торые съ гордостію называли себя умами практическими, философа-
ми положительными, что принципы Кондильяка неизбѣжно вели къ
выводу, столь мало положительному и столь мало практическому — къ
совершенному сомнѣнію на счетъ всего, насъ окружающаго — воля
ваша, это преостроумная задача! Этотъ вопросъ походить болѣе на
пари, которыми умный человѣкъ хотѣлъ привести въ замѣшательство
Кондильяка и сыграть шутку надъ послѣдователями его философіи,
нежели на серьезную метафизическую задачу. Кондильякъ былъ по-
раженъ. Съ того времени, бѣдный, онъ погибъ безвозвратно: онъ былъ
почти обезславленъ.

Еслибъ Ройе-Колларъ прямо объявилъ себя возродителемъ спиритуализма, провозвѣстникомъ ученія Декарта и Платона, столь возвышеннаго, столь блестящаго, его не стали бы слушать. Надобно было
взяться за дѣло осторожно, надобно было прибѣгнуть къ хитрости.
Ройе-Колларъ хотѣлъ показать умамъ, такъ боявшимся всякихъ гипотезъ,
такъ вооруженнымъ противъ всего, что имѣло видъ мечтательности,
ему хотѣлось показать имъ, что именно Кондильякъ былъ
страшно дерзокъ, а что Рейдъ, напротивъ, всегда отличался необыкновеннымъ
благоразуміемъ, благонамѣренностію и воздержностію. Ройе-
Колларъ добивался того, чтобы убѣдить своихъ слушателей въ томъ, что
спиритуализмъ, заключенный въ непреступныхъ и тѣсныхъ грани-
цахъ, гораздо болѣе согласуется съ духомъ тѣхъ наукъ, которыми
увлекались такъ сильно, съ потребностями сердца человѣческаго,
уставшаго отъ безвѣрія, и съ политической свободой. Ройе-Колларъ
дѣйствовалъ тонко, противъ этого сказать нечего... Французскіе
консервативные журналы усиливаются поднять его на ходули и хотять
увѣрить насъ, что онъ былъ замѣчательнымъ философомъ. «Этотъ
умъ (они говорятъ объ умѣ Ройе-Коллара) занялся философіей и внесъ
въ нея, оставилъ въ ней глубокой слѣдъ мысли, прежде всего озна-
менованной силою и *осторожностію* (*réserve*)! И потому, если онъ
не выдалъ всего истиннаго, зато все, что онъ видѣлъ, истинно. Онъ
довелъ умы до той точки, до которой они могли дойти, и самъ не
перешелъ дагѣ этой точки, предпочитая нѣсколько ограничить гори-

•зонтъ свой, но за то обоарѣть его весь: черезъ это онъ только луч-
•ше приготовилъ тѣхъ, которые, шагнувъ далѣе его, продолжаютъ
•его дѣло. Онъ-то образовалъ этихъ молодыхъ людей, которые, обра-
•щаясь къ другимъ молодымъ людямъ, распространили, расширили
•реформу. Ройё-Колляръ, скажемъ утвердительно, сдѣлалъ бесполез-
•нымъ прогрессъ будущій, онъ сдѣлалъ его возможнымъ, и знамени-
•тѣйшій изъ учениковъ его, глава современнаго философскаго движенія,
•Кувенъ, нуждался именно въ сильной осторожности такого учителя,
•и въ его приуготовительномъ преподаваніи, чтобы *умьрять свой соб-*
•••*ственный умъ* и окрылять въ то же время *умъ своего вѣка!* Въ
•этомъ случаѣ мы ужъ никакъ не можемъ согласиться съ французски-
•ми консервативными журналами!

По нашему крайнему разумѣнію, Ройё-Колляръ не много оказалъ
услугъ философіи: онъ былъ безусловнымъ, самымъ ревностнымъ по-
клонникомъ и передателемъ Рейда — и ничего болѣе. — Ройё-Колляръ
не отличался ни особеннымъ знаніемъ, ни обширною эрудиціею, ко-
торая, напримѣръ, чуть-чуть не возвысила Бэля (Baile) на степень фи-
лософа. Что зналъ Ройё-Колляръ, приступая къ преподаванію исторіи
философіи? Онъ зналъ своего Кондильяка и Рейда — и только!
Платонъ, который впоследствии сдѣлался постояннымъ его чте-
ніемъ, былъ ему тогда совершенно неизвѣстенъ; Лейбница зналъ онъ
только по опѣнкѣ эдинбургскаго ученаго. Онъ не былъ хорошо зна-
комъ и съ французскими философами XVII вѣка. О Мальбраншѣ го-
воритъ онъ, вѣра на слово Рейду, изъ Декарта знаетъ только одно
его *разсужденіе о методѣ*. Не отличаясь ни самобытностію мысли, ни
особенною ученостію, Ройё-Колляръ замѣчателенъ добросовѣстностію и
искренностію, которыя видны въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ вы-
раженіи. Въ его рѣчахъ нѣтъ ни легкости и утонченности Бен-
жамена Констана, ни блеска и увлекательности генерала Фоа. Поли-
тическій характеръ Ройё-Колляра обнаруживается всего болѣе въ его
рѣчахъ въ защиту наследственности перства, противъ расширенія
электоральной системы и въ надгробной рѣчи знаменитому Казиміру
Перье. Ройё-Колляръ не принадлежалъ собственно ни къ крайней лѣ-
вой сторонѣ, •говорить объ немъ Корменанъ, •ни къ лѣвой сторонѣ,
•ни къ умѣренной партіи, но онъ вотировалъ въ пользу всѣхъ бюд-
•жетовъ, всѣхъ законовъ, предлагаемыхъ министерствами, и когда
•уже чаша зла переполнялась, тогда онъ поднималъ только тревогу.
Кстати припомнимъ здѣсь въ бѣгломъ очеркѣ главныя дѣянія его на
поприщѣ практическомъ. Событія, въ которыхъ участвовалъ Ройё-
Колляръ, принадлежать уже исторіи, и потому о немъ можно го-
ворить въ этомъ отношеніи, не стѣсняясь современными предубѣжде-
ніями и не опасаясь подать поводъ къ какимъ либо неумѣстнымъ
примѣненіямъ.

Извѣстно, какимъ образомъ событія 1814 года бросили Ройё-Кол-
ляра съ мирной арены мысли и системъ на болѣе опасную арену
партій.

паденія ея столь быстрымъ и громкимъ: насмѣшливое презрѣніе надъ общественнымъ мнѣніемъ, старыя формы судопроизводства, отчасти возстановленныя г-мъ Дамбра (Dambray), разстройство арміи, всемогущество фаворита, г-на де-Блакâ (de Blacas) и прочее, и прочее. Ройѣ-Колляръ былъ приведенъ въ искреннее смущеніе неосторожными выходками реставраціи и тѣмъ презрѣніемъ, которое обнаруживала она къ общественному мнѣнію. А между тѣмъ, самъ онъ дѣйствовалъ въ духѣ реакціоннаго движенія роялистовъ. Получивъ званіе директора книжной торговли (directeur de la librairie), онъ подалъ свой голосъ въ пользу ценсуры предостерегательной (la censure préventive), противъ которой впоследствии самъ возсталъ съ энергіею. При второй реставраціи, онъ былъ, впрочемъ, болѣе вѣренъ своей роли и дѣйствовалъ болѣе послѣдовательно.

Вновь возстановленное правительство, во главѣ котораго были Таллейранъ — по дѣламъ вѣнскимъ, и Накьё — по дѣламъ внутреннимъ, принявъ оборонительное положеніе противъ людей стараго правленія, показывало расположеніе болѣе кроткое для побѣжденныхъ и болѣе благоприятное новымъ принципамъ. Важнѣйшій подвигъ Ройѣ-Коллара въ эту эпоху, подвигъ, котораго одного достаточно было бы, чтобы сохранить имя его въ потомствѣ,—это то важное участіе, которое принималъ онъ въ преобразованіи университета.

15-го августа, 1815 года, Ройѣ-Колляръ, въ сотовариществѣ съ г-ми Саси, Фрейсину и Кьювѣ, былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи народнаго просвѣщенія.

Основанный закономъ 1806-го года, образованный декретомъ 17-го марта, 1808 года, французскій университетъ (l'Université de France) былъ закрытъ королевскимъ повелѣніемъ 17-го февраля, 1815 года. Вторая реставрація дѣйствовала благоразумнѣе первой и во всемъ держалась середины. Университетъ остался, но званіе «Grand-maitre de l'Université» уничтожено и королевскій совѣтъ народнаго просвѣщенія упраздненъ. Исполнительная власть перваго и делиберативная втораго были сосредоточены въ рукахъ комитета народнаго просвѣщенія. Ройѣ-Колляръ, полагая, что такое умноженіе (accumulation) власти будетъ служить только помѣхою въ дѣйствіяхъ университета, объявилъ себя защитникомъ прежней іерархіи. Онъ выдержалъ двойную борьбу и противъ враговъ университета, которые вторично покушались уничтожить его, и противъ слишкомъ усердныхъ партизановъ его, которые согласны были допустить разнаго рода перемѣны ко вреду его. На претензіи г-на Лане (Laine), требовавшаго, чтобы университетъ введенъ былъ въ размѣръ простаго отдѣленія внутренняго управленія (d'une simple division de l'intérieur), на возраженія г-на Виллея Ройѣ-Колляръ отвѣчалъ, что университетъ — это государство, въ приложеніи къ общему управленію народнымъ воспитаніемъ (l'Université, c'est l'état appliqué à la direction générale de l'éducation publique). Онъ выдержалъ всѣ возраженія. 1-го сентября, 1820

года, комиссія приняла название *Королевскаго Совета народнаго просвѣщенія*, а 1-го июня, 1822 года, были восстановлены титулъ и права, соединенныя съ званіемъ *Grand-maitre de l'Université*.

До тѣхъ поръ, пока правительство реставраціи дѣйствовало въ духѣ полу-иѣръ, Ройѣ-Колларъ былъ однимъ изъ преданнѣйшихъ его слугъ.

Законъ о выборахъ 1817 года, съ такимъ упорствомъ преслѣдуемой партіею, ройялистской реакціи, служить доказательствомъ его вѣрности идеи представительнаго правленія. Законъ этотъ, основанный на началѣ прямого избранія и дающій право голоса всякому гражданину, который достигъ тридцатилѣтняго возраста и платитъ 300 франковъ прямой подати, возбудилъ негодованіе *крайней правой стороны* (*l'extrême droite*). Во время третьяго бурнаго прѣсія въ палатѣ говорили пятьдесятъ четыре оратора. Ройѣ-Колларъ подалъ голосъ въ защиту закона. Стараясь, какъ можно болѣе, пополнить систему представительную, онъ вмѣстѣ съ гг. де-Серромъ и Гизѣ переработалъ въ государственномъ совѣтѣ проектъ закона о книгопечатаніи, проектъ необыкновенно замѣчательный.

Впослѣдствіи, когда реставрація перестала дѣйствовать въ духѣ умѣренности, при Деказѣ, Ройѣ-Колларъ, нашелъ неудобнымъ для себя служить въ званіи должностнаго лица (*fonctionnaire*) тому правительству, противъ котораго совѣсть его заставляла возставать въ званіи депутата. Онъ отказался отъ должности, занимаемой имъ въ королевскомъ совѣтѣ народнаго просвѣщенія, и ни на минуту не покидалъ спокойствія, приличнаго его достоинству; держась постоянно самой строгой справедливости, онъ съ этой минуты перешелъ на сторону оппозиціи.

Съ 1821 по 1828 годъ оппозиція Ройѣ-Колларя была дѣятельною и упорною. Находясь между четырьмя-стами-десятью приверженцами г-на де-Виллеля и семнадцатю лѣвой стороны, онъ одинъ составлялъ лѣвый центръ палаты, не желая итти далѣе хартіи 1815 года, и, съ другой стороны, не желая ничего уступить изъ нея. При всякомъ новомъ предложеніи со стороны власти, онъ являлся на первомъ планѣ. Онъ возставалъ противъ права первородства, противъ семилѣтняго срока палаты, противъ закона объ уничтоженіи свободы книгопечатанія, и прочее. Въ 1827 году, Ройѣ-Колларъ въ вознагражденіи за эту борьбу, одержалъ двойную побѣду: онъ былъ избранъ въ члены Французскою академію, которая въ лицѣ его приобрѣла краснорѣчиваго оратора и ревностнаго поборника свободы книгопечатанія, въ защиту которой академія подавала голосъ свой черезъ посредство Шатобріана, Мишо, Лакретелля и Вильмена, — и, что еще важнѣе, былъ избранъ семью избирательными коллегіями въ депутаты — единственное торжество во французскихъ парламентскихъ дѣтописяхъ!

Надежды, возбужденныя на время миролюбивымъ министерствомъ де-Мартиньяка, были непродолжительны. Полиньякъ вознагѣрился

двинуть зло до крайней степени. Новое министерство прямо объявило себя противъ всѣхъ людей, которые преобладали во Франціи въ послѣдніа сорокъ лѣтъ. Ройе-Колларъ, какъ президентъ палаты, знаменитымъ адрессомъ 221-го доказывалъ въ самыхъ скромныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ ложный путь, по которому шло министерство. Но министерство не внимало его голосу. Оно съ неколебимымъ упорствомъ быстрыми шагами приближалось къ пропасти — и старая монархія была низвергнута.

Ройе-Колларъ, подерживавшій ее такъ радушно, предварявшій ее объ опасности, вздохнулъ по ней изъ глубины души. Онъ не принималъ никакого участія въ переворотѣ, ее низпровергшемъ. Онъ согласился, однакожъ, принять участія въ новой палатѣ, ибо былъ убѣжденъ, что порядокъ гибнетъ, и рѣшился поддерживать новую власть. Въ этихъ-то обстоятельствахъ произнесъ онъ похвальное слово на могилѣ Казимира Перье. Вѣрный своему дуалистическому принципу, онъ возставалъ попеременно и противъ оппозиціонной коалиціи и противъ сентябрьскихъ законовъ. Съ этихъ поръ погруженный въ какое-то мечтательное созерцаніе, онъ выходилъ изъ него для того только, чтобы сказать какую нибудь колкую острогу или язвительную иронию. Часто вырывались у него сильныя рѣчи, возбуждавшія всеобщее любопытство. Но слова, вырывавшіяся изъ устъ огорченнаго старца, не отличались строгою справедливостью. Ройе-Колларъ, какъ всѣ люди, которые жили много, и, можетъ быть, какъ всѣ люди, много размышлявшіе, на все смотрѣлъ, при концѣ своего поприща, съ презрѣніемъ. Тутъ была причина болѣе скрытная. Самыя великія души, точно также какъ и люди обыкновенные, не могутъ равнодушно переносить страданія, слѣдующія за обманутыми надеждами. Не достигши до осуществленія задушевной мысли своей — скрѣпить союзъ старшей отрасли съ новыми идеями, Ройе-Колларъ, можетъ быть безсознательно даже, вымещалъ на всемъ окружающемъ его несбывшіяся мечты свои. Оппозиція его была неопасна: она выражалась только острыми словами. Какъ бы-то ни было, жизнь Ройе-Коллара не была безплодною. Онъ отстоялъ и преобразовалъ университетъ, и наконецъ, былъ однимъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей конституціоннаго правительства во Франціи. Ройе-Колларъ былъ совершенно свободенъ въ сужденіяхъ своихъ, совершенно безкорыстенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. И вотъ что придавало силу его нѣсколько педагогическому слову, вотъ что дѣлало иногда краснорѣчивымъ и многозначительнымъ самое его молчаніе.

«Онъ былъ болѣе честный человекъ, чѣмъ замѣчательный публицистъ,» какъ справедливо замѣтилъ объ немъ одинъ изъ французскихъ писателей... «Онъ внесъ на трибуну, онъ хотѣлъ внести въ государственное управленіе — мораль практическую, частную и узкую; но сквозь его педагогическое краснорѣчіе, сквозь его доктринѣрскія построения, — въ немъ просвѣчивало порою истинное величіе и огонь внутренней». Ройе-Колларъ столько же своими недостатками, сколько

и достоинствами приобрѣлъ и сохранилъ во время реставраціи первенство на парламентской трибунѣ.... Но онъ, пользовавшійся тогда такою ораторскою славой и такою народностію, съ 1830 года терлетъ ее во все — и тихо, незамѣченный никѣмъ, забытый, оканчиваетъ свое поприще.— Въ послѣдніе дни своей жизни онъ не возбуждалъ уже къ себѣ никакого сочувствія въ обществѣ.— И это нисколько не удивительно. Люди старѣютъ, а общество остается вѣчно юнымъ и не останавливается въ своемъ ходѣ, чтобы ожидать тѣхъ, которые не могутъ или не хотятъ идти впередъ. Оно спокойно оставляетъ ихъ на дорогѣ и не заботится объ нихъ.

Ройѣ Коляръ умеръ 4 сентября, 1845 г. Кресло его во французской академіи занялъ г. де-Ремюза, о чемъ мы уже извѣщали нашихъ читателей.

ЕЩЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ О ДѢЙСТВІИ СЪРНАГО ЭФИРА. Вопросъ объ эфирѣ съ каждымъ днемъ становится важнѣе и интереснѣе.— Всего три мѣсяца, какъ сдѣлано это открытіе — и уже сколько неожиданныхъ фактовъ, сколько полезныхъ приложений! — Изслѣдованія объ эфирѣ французскихъ и германскихъ физиологовъ безпрестанно обогащаютъ науку новыми результатами. И теперь это открытіе уже не встрѣчаетъ безусловныхъ противниковъ, какъ было въ началѣ (*). Самые осторожные ученые медики согласны, что свойства эфира очень важны; но по ихъ мнѣнію, должно только пользоваться имъ съ большою осмотрительностію и съ знаніемъ дѣла. Вопросъ объ эфирѣ разсматривается въ сію минуту европейскими учеными не съ одной хирургической точки зрѣнія: этотъ вопросъ приводитъ ихъ ко многимъ физиологическимъ и психологическимъ изслѣдованіямъ. — Опыты г. Флурана надъ дѣйствіемъ эфира на разныя части мозга различныхъ животныхъ бросаютъ новый свѣтъ на физиологию мозга и чрезвычайно интересны въ своихъ подробностяхъ. — Членъ парижской академіи, г. Балардъ, сообщилъ свои сравнительные опыты надъ дѣйствіемъ какъ *сырнаго* эфира (обыкновенно употребляемаго нынѣ при операціяхъ), такъ и другихъ эфировъ: хлористо-водороднаго, селитряннаго и пр.; а г. Флуранъ распространилъ свои изслѣдованія еще далѣе: онъ опредѣлилъ, что дѣйствія разныхъ эфировъ на нервныя узлы совершенно различны. Эфиръ не только обогащаетъ хирургию новымъ удивительнымъ вспомогательнымъ средствомъ, при операціяхъ, но онъ еще важенъ и

(*) Замѣчательно, что г. Мажанди согласился, наконецъ, въ томъ, что новое открытіе не совсѣмъ бесполезно. — Онъ уже не говоритъ о томъ, что употребленіе эфира предосудительно, — и доказываетъ только одне, что важное физиологическое открытіе различія пассивныхъ и активныхъ нервовъ, принадлежить ему. Г. Флуранъ трижды представлялъ ему убѣдительныя доказательства неосновательности его мнѣнія; но г. Мажанди оставался непреклоненъ и обѣщаетъ академіи представить подробную записку, въ которой намѣренъ доказать, что первый занимался изысканіями о различіи двухъ родовъ нервовъ. (Comptes rendus, № 9, стр. 355 — 373).

въ родильномъ отдѣленіи, какъ въ венеціанскихъ врачей, сообщаютъ свои опыты въ аугсбургской газетѣ, *одыжаніе эфира утоляетъ самую сильнѣйшую ревматическую боль* и другія боли. — Зубныя операціи съ сѣрнымъ эфиромъ производятся уже многими врачами. — Въ Петербургѣ, напримѣръ, англійскій зубной врачъ г. Томсонъ произвелъ очень много такихъ операцій; онъ усыпляетъ эфиромъ, отъ 5—10 минутъ, употребляя приборъ Истона. Мы сами были свидѣтелями одной зубной операціи, совершенной имъ съ помощію эфира, Операція эта произведена была надъ пожилою женщиною, страдавшею болью глазного зуба и опухолью десенъ и щеки; больная подвержена была сильному слюнотеченію; когда ее усыпили и удостовѣрились иглою, что она потеряла *чувствительность*, тотчасъ отняли приборъ; больная во все время сохраняла способность движенія, ибо нѣсколько разъ наклонялась и выплевывала слюну, — по отнятій же прибора еще нѣсколько минутъ оставалась въ состояніи нечувствительности, ибо уколъ иглою не производилъ на нее никакого впечатлѣнія; зубъ былъ вынутъ у нея въ двѣ секунды; проснувшись, она рассказала видѣнный ею очень пріятный сонъ и увѣряла, что не ощущала ни малѣйшей боли.... Приложеніе эфира къ акушерному искусству испытано было въ Парижѣ съ самого начала а акушерному извѣстномъ госпиталѣ членомъ академіи г. Вельпо и акушерами Фурнье-Дешанъ и Поль-Дюбуа. Подобные же опыты повторены были въ Англіи, въ Германіи (въ Мангеймѣ) и другихъ странахъ. При употребленіи сѣрнаго эфира въ родахъ имѣли въ виду два главные вопроса: 1) облегченіе боли, сопровождающей естественные роды, особенно у первородящихъ, 2) степень пользы, которую эфиръ можетъ принести въ искусственныхъ родахъ, когда необходимо употребленіе щипцовъ, поворачиваніе плода и пр. Гг. Вельпо и Бузье еще въ началѣ февраля первые говорили въ парижской медицинскій академіи о пользѣ, которую можетъ принести открытіе Джексона при родахъ, — а извѣстные акушеры гг. Фурнье-Дешанъ и Поль-Дюбуа съ успѣхомъ воспользовались этимъ средствомъ. Они старались изслѣдовать: 1) до какой степени эфиръ можетъ устранить препятствіе при родахъ? 2) можетъ ли онъ облегчить или уничтожить страданіе какъ въ естественныхъ, такъ и въ искусственныхъ родахъ? 3) какія его дѣйствія на организмъ во время и послѣ родовъ? 4) эфиръ, дѣйствуя чрезъ легкія на организмъ, не уничтожаетъ ли силу маточныхъ и брюшныхъ мускуловъ, необходимую для нормальнаго и успѣшнаго разрѣшенія? 5) не вредно ли его дѣйствіе на младенца? — Почти всѣ эти важные вопросы г-мъ Дюбуа разрѣшены удовлетворительно. Парижскіе акушеры утверждаютъ, что сообщенные имъ медицинскій академіи результаты очень важны. По крайней мѣрѣ, теперь уже не подвержено сомнѣнію, — что *правильное употребленіе эфира при родахъ* нисколько не вредно. — Первый опытъ г. Дюбуа произвелъ надъ молодою женщиною, рождавшею первый разъ; роды были необыкновенно тяжелые и необходимо надобно было прибѣгнуть къ помощи

инструмента. После знакомства минутъ двѣнадцати, родильная утратила чувствительность, и дѣтя было вынута очень легко. Первый крикъ младенца привелъ ее въ чувство и она увѣрила, что не ощущала ни малѣйшей боли во время операціи. — Второй опытъ произведенъ, также съ помощью инструмента, надъ женщиною, рождавшюю уже нѣсколько разъ. Эфиръ подѣйствовалъ на нее страннымъ образомъ: она не лишилась чувствительности и даже нисколько, повидимому, не ослабла. Во время ея она кричала, вскакивала и вообще оказывала необыкновенную живость; когда же проснулась, по окончаніи операціи, то не помнила ничего, что съ нею было. Оба эти опыта не имѣли никакихъ вредныхъ послѣдствій, ни для дѣтей, ни для родильницъ. Эти и многіе другіе опыты гг. Дюбуа, Фурнье-Дешанъ, д-ра Гаммера (въ Мангеймѣ) и многіихъ англійскихъ акушеровъ убѣдительно доказываютъ пользу употребленія эфира при родахъ. — Опасенія, не расслабятся ли отъ дѣйствія эфира брюшныя и маточныя мускулы, опровергнуто опытами г. Дюбуа, который убѣдился, что во время эфиризаціи движеніе мускуловъ при родахъ совершается нормально. Г. Дюбуа прикладывалъ руку къ брюшнымъ мускуламъ во время родовъ и нашелъ, что эти мускулы вполне сохранили способность сжиматься. Впрочемъ, двѣ женщины, оперированныя г. Дюбуа, умерли черезъ 2 дня отъ родильной лихорадки. Причиною этому были не эфиръ, а эпидемія этой болѣзни, свирѣпствовавшая тогда въ госпиталѣ, — что доказано, при вскрытіи ихъ труповъ и сравненіи ихъ съ другими трупами женщинъ, умершихъ отъ той же эпидеміи безъ пользованія эфиромъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ весьма трудная операція, произведенная въ лондонскомъ *Bartholomäus Hospital*: нужно было произвести разрѣзъ живота, для извлеченія плода (*incisio caesarea*), — и операція эта выполнена съ блестящимъ успѣхомъ. Несмотря на все это, еще нельзя допускать употребленія эфира при всякихъ родахъ. Надобно подождать дальнѣйшихъ опытовъ въ родильныхъ клиникахъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ И ХЛѢБНАЯ ТОРГОВЛЯ. Въ статьѣ: о преобразованіи англійскаго хлѣбнаго закона, напечатанной въ № 1 Современника, мы изложили нѣкоторыя мысли о видахъ на сбытъ хлѣба въ Великобританію, обративъ вниманіе на соперничество въ хлѣбной торговлѣ со стороны сѣверной Америки и на недостатокъ внутреннихъ сообщеній въ Россіи, затрудняющій развитіе этой торговли. Въ нынѣшнюю пору, наши порты болѣе, чѣмъ когда либо, нуждаются въ скоромъ и непрерывномъ подвозѣ хлѣба изъ внутреннихъ мѣстъ; никогда еще такъ живо не ощущалась чрезвычайная польза желѣзныхъ дорогъ для благоденствія нашего сельскаго хозяйства: безъ этихъ усовершенствованныхъ способовъ коммуникаціи, оно не можетъ болѣе соответствовать современному движенію европейской торговли. До послѣдняго времени, нашъ верховой хлѣбъ доставлялся, какъ и теперь, въ иностранныя порты, но весьма рѣдко выходилъ оттуда на

всѣ немновѣрно затруднили доставку хлѣба на внутренніе рынки. Теперь все измѣнилось: Англія уже прорѣзана желѣзными дорогами въ различныхъ направленіяхъ; тоже самое видимъ и въ Бельгіи; устройство этихъ путей быстро распространяется въ Германіи; желѣзныя дороги вскорѣ соединятъ Нѣмецкое и Балтійское моря съ Адриатическимъ и Средиземнымъ. Давно ли еще нельзя было доставлять въ центръ Франціи такіа тяжелые и громоздкіе продукты, какъ зерновой хлѣбъ? Къ облегченію перевозки увеличивали число каналовъ, усиливали рѣчное судоходство; но безуспѣшно. Нынѣ нашъ хлѣбъ доставляютъ въ антверпенскій портъ; оттуда съѣтъ желѣзныхъ дорогъ даетъ возможность развозить его по всей Бельгіи. Съ одной стороны, этии же путями доставляютъ его въ Кѣльнъ, на Рейнъ (главную судоходную рѣку для юго-западной Германіи); съ другой стороны, его ввозятъ во Францію, чрезъ Лилль и отсюда въ самый центръ государства, по желѣзнымъ дорогамъ, проведеннымъ изъ Лилля къ Парижъ, Орлеанъ и Туръ. Отъ гаврскаго порта идетъ линія желѣзной дороги на Руанъ и Парижъ. Для французскихъ портовъ, лежащихъ при Океанѣ, пароходство по рр. Луарѣ, Гароннѣ, Дордонѣ, замѣляетъ, въ нѣкоторой степени, желѣзныя дороги, еще неустроеныя въ тѣхъ мѣстахъ. Марсель, главный портъ на Средиземномъ морѣ, отправляетъ хлѣбъ по р. Ронѣ въ Ліонъ, съ помощью пароходовъ, а изъ Ліона доставляютъ его въ Швейцарію, страну, совершенно центральную, которая, въ прежнее время, никогда не продовольствовалась хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ одесской пшеницы. Съ помощью желѣзной дороги, устраиваемой между Ліономъ и Орлеаномъ, которая скоро будетъ окончена, эти два города сдѣлаются соединительными пунктами для произведеній, доставляемыхъ по Средиземному морю, и изъ портовъ, лежащихъ при Океанѣ.

Съ учрежденіемъ пароходства и въ особенности желѣзныхъ дорогъ хлѣбъ удобно и дешево перевозится въ нѣсколько часовъ изъ портовъ въ центръ отдаленныхъ отъ моря странъ, тогда какъ прежде хлѣбные запасы накопились въ портахъ и значительно упали въ цѣнѣ отъ трудности дальнѣйшей перевозки. Въ нынѣшнее время, удобства сообщеній, распространяясь болѣе и болѣе въ западной Европѣ, способствуютъ повсемѣстному уравниенію цѣнъ и препятствуютъ тому, чтобы какіе либо пункты страдали отъ недостатка въ то время, какъ порты завалены хлѣбомъ.

Какъ возвысилось бы коммерческое значеніе Одессы для всей Европы, если бы можно было безъ затрудненія доставлять къ этому порту тѣ запасы, которые находятся отъ него на нѣсколько сотъ верстъ. Вотъ что пишутъ изъ Одессы, въ началѣ нынѣшняго года:

«Въ настоящую минуту, всѣ наши negociants завалены заказами на покупку хлѣба, и требованія остаются неудобносполнимыми, по причинѣ недостатка пшеницы на рынкѣ нашемъ; а намъ извѣстно, что многочисленныя транспорты стоятъ на Днѣстрѣ, плаваніе по ко-

• торому прекратилось. Что касается до сухопутной доставки, об ней нельзя помышлять зимою; хотя сухая осень и благоприятствовала той доставкѣ, но съ половины ноября подвозъ остановился, и запасы не пополняются; въ зерновомъ же хлѣбѣ нѣтъ недостатка внутри края.

• Не прискорбно ли видѣть, что наша отпускная торговля стѣснена затрудненіями туземныхъ сообщений: цѣны стоятъ высокія, мореплаваніе свободно, ничто не мѣшаетъ отходу судовъ, пошлины и хлѣбъ всюду уничтожены, и мы не можемъ воспользоваться вполне столь благоприятными обстоятельствами.

ОБЩЕСТВО ПЕТЕРБУРГСКАГО И ЛЮБСКАГО ПАРОХОДСТВА. Первый опытъ заграничнаго пароходства въ Петербургѣ состоялся въ 1827 году: начало этому сообщенію положилъ прибывшій сюда изъ Лондона пароходъ англійскаго негодіанта Жюлиана, намѣревавшагося учредить постоянное пароходство между Россією и Англією, однако, это предпріятіе не упрочилось. Въ послѣдствіи признано удобнымъ завести пароходное сообщеніе между Петербургомъ и Любекомъ, для сокращенія пути пассажирамъ, ѣдущимъ въ Германію, Францію и т. д. Первоначально это сообщеніе содержали два парохода: англійскій и голландскій, а съ 1831 года стали ходить между Петербургомъ и Любекомъ пароходы привилегированнаго акціонернаго общества, основаннаго въ 1830 году. Перевозка пассажировъ и товаровъ этимъ путемъ вскорѣ значительно увеличилась и нѣсколько лѣтъ сряду постоянно возрастала, какъ видно изъ слѣдующаго сравненія.

За перевозку пассажировъ и товаровъ, на пароходахъ петербурго-любскаго общества, поступило:

Въ 1832 году	443,813	руб.	асс.
— 1833 —	475,653	—	—
— 1834 —	516,575	—	—
— 1835 —	559,681	—	—
— 1836 —	614,238	—	—
— 1837 —	741,264	—	—

Въ этотъ благоприятный для общества періодъ акціонеры пользовались большимъ дивидендомъ, и акціи значительно поднялись: на капиталъ въ 1,200,000 руб. асс., состоявшій изъ акцій въ 300 руб. асс. каждая, выдавалось дивиденда отъ 60 до 80 руб. асс. на акцію, т. е. отъ 20 до 26 процентовъ. Такое цвѣтущее состояніе дѣла общества позволило, наконецъ, уменьшить плату за мѣста на пароходахъ. Эта мѣра оказалась нужною тѣмъ болѣе, что открытіе пароходныхъ сообщений между Петербургомъ, Гавромъ и Лондономъ могло ограничить перевозку товаровъ и пассажировъ черезъ Любекъ. Съ пониженіемъ провозной платы уменьшилась выручка отъ пароходовъ, содержимыхъ обществомъ: на примѣръ, въ 1845 году, съ 2,187 пасса-

бургомъ и Любекомъ, выручено 424,637 руб. асс., а за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1835 году, съ 2,091 пассажира и 5,921 товарнаго мѣста получено 559,681 руб. асс. Слѣдовательно, перевозка товаровъ въ 1845 году увеличилась, но число пассажировъ мало прибавилось, несмотря на уменьшеніе платы за мѣста. Такимъ образомъ, доходы общества стали примѣтно упадать, между тѣмъ, какъ тоже ежегодно требовались издержки на починку пароходовъ, вслѣдствіе чего дивидендъ значительно понизился

Въ 1839 году выдано	16 проц. на акцію.
— 1840 — —	15 — —
1841 — —	12 — —
— 1842 — —	9 — —
— 1843, 1844 и 1845 по 8	— —

Въ 1846 году, по предложенію нѣкоторыхъ акціонеровъ, выдано обратно на каждую акцію по 125 руб. асс. изъ запаснаго капитала; за тѣмъ стоимость акціи осталась въ 175 руб. асс., или 50 руб. сер.

По отчету за истекшій годъ, капиталъ здѣшнихъ акціонеровъ составлялъ 164,800 руб. сер. (3,296 акціи), а любскихъ акціонеровъ — 35,200 руб. сер. (704 акціи). Общество имѣетъ запаснаго капитала 115,502 руб. сер. Постройка, оснащеніе и обзаведеніе трехъ пароходовъ стоитъ обществу 477,453 руб. сер.

Изъ чистой прибыли выдано дивиденда за 1846 годъ по 5 руб. сер. на акцію, что составляетъ 10%.

Въ прошлогоднюю навигацію, за перевозку пассажировъ и товаровъ между Петербургомъ и Любекомъ, на пароходахъ выручено 93,567 руб. сер. (327,486 руб. асс.). Третій пароходъ былъ отданъ въ наемъ прусскому почтовому начальству для содержанія сообщенія между Петербургомъ и Штетинномъ, вмѣстѣ съ нашимъ почтовымъ пароходомъ. Общество получило отъ прусскаго почтамта за наемъ парохода 14,591 руб. сер.

Въ нынѣшнюю навигацію, между Петербургомъ и Любекомъ будутъ ходить два парохода: *Николай I* и *Наслѣдникъ*. О дняхъ отхода и о платѣ за мѣста уже объявлено въ газетахъ.

Общество пользуется еще до 1849 года привилегіею на содержаніе пароходства между этими двумя портами. Изъ отчета, читаннаго въ общемъ собраніи акціонеровъ, 23 февраля 1847 года, видно, что предполагается продать или отдать въ наймы третій пароходъ, а если это не удастся, то правленіе общества имѣетъ въ виду учредить новое сообщеніе; но по этому предмету еще нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Въ новѣйшее время Любекъ уже утратилъ свое прежнее значеніе важнаго транзитнаго пункта. Съ открытіемъ желѣзной дороги отъ

Берлина къ Штетину, этотъ портъ приобрѣлъ существенное преимущество надъ Любекомъ для сношеній съ внутреннею Германіею, потому-что отъ Берлина идутъ желѣзныя дороги во Франкфуртъ на Одерѣ, Бреславъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Магдебургъ, Брауншвейгъ и мн. др.; сверхъ того, недавно открыто сообщеніе по всей линіи желѣзныхъ дорогъ между Берлиномъ и Гамбургомъ, и уже въ нынѣшнемъ году эти города могутъ имѣть непрерывное сообщеніе, по желѣзнымъ дорогамъ, съ Вѣною. Отъ Вѣны до Штетина считается 125 миль, а до Гамбурга 140 миль: до сихъ поръ это самое большое протяженіе пути по желѣзнымъ дорогамъ. Директоры разныхъ компаній, которымъ принадлежатъ дороги, составляющія эту коммуникацію, условились между собою на счетъ отправленія поѣздовъ такъ, чтобы можно было проѣхать равстояніе между Вѣною и Гамбургомъ въ 44 часа, а между Вѣною и Штетинномъ въ 40 часовъ, включая остановки въ оба пути. Поѣздъ будетъ отправляться изъ Вѣны въ 7 часовъ вечера и придетъ въ Бреславъ на другой день около полудня,—изъ Бреслава отправится въ 4 часа, въ Берлинъ придетъ въ 5 часовъ утра и оттуда отойдетъ въ 7 часовъ въ Гамбургъ и въ Штетинъ. На обратномъ пути, поѣздъ будетъ отходить изъ Гамбурга въ часъ пополудни, а изъ Штетина въ 4 часа; паровозъ придетъ въ Берлинъ въ 9 часовъ вечера, отправится въ 11 часовъ, въ Бреславъ будетъ на другой день въ 11 часовъ утра, а въ Вѣну придетъ на третій день въ 7 часовъ утра. Такимъ образомъ, пароходство между Петербургомъ и Штетинномъ открываетъ нынѣ скорѣйшее и удобнѣйшее сообщеніе съ главными городами нѣмецкой земли, а черезъ нее съ Бельгіею, Голландіею, Англіею и Франціею: въ послѣднемъ случаѣ, эта коммуникація особенно удобна для пассажировъ, нежелающихъ воспользоваться пароходствомъ, устроеннымъ между Петербургомъ, Лондономъ и Гавромъ: черезъ Бельгію они могутъ проѣхать по желѣзнымъ дорогамъ въ Парижъ, а изъ Гамбурга можно, въ кратчайшее время, переѣхать на пароходѣ въ Лондонъ.

При нынѣшнемъ устройствѣ сообщеній въ нѣмецкихъ земляхъ, Любекъ остается отрѣзаннымъ отъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, и даже отъ Гамбурга, который нынѣ приблизился, черезъ Берлинъ, къ Штетину. По случаю открытія желѣзной дороги между Берлиномъ и Гамбургомъ, рижское пароходное общество уже объявило въ газетахъ, что въ нынѣшнюю навигацію пароходъ его не будетъ болѣе ходить въ Любекъ, а назначается для рейсовъ между Ригею и Штетинномъ. Петербургъ также сообщается со Штетинномъ, посредствомъ почтового пароходства, содержамаго русскими и прусскими правительствами. Поэтому можно ожидать, что съ нынѣшней навигаціи петербурголюбское пароходство встрѣтитъ ощутительное соперничество со стороны штетинскаго пути, вліяніе котораго въ прошедшемъ году не могло еще обнаружиться въ сильной степени, потому-что желѣзная дорога между Берлиномъ и Гамбургомъ не была тогда окончательно устроена.

меня новостей? Новости есть, да все газетныя. Конечно, въ новостяхъ этого рода самое любопытное — комментаріи. Отъ *многородныхъ* скрывается множество подробностей и намековъ, ясныхъ только на мѣстѣ санныхъ происшествій, но при передачѣ ихъ является двойная невыгода: то переговорышь, то не договоришь. Корреспондентъ находится въ положеніи того сказочнаго героя, который на распутии двухъ дорогъ увидѣлъ надпись: «пойдешь направо — голову сломишь, пойдешь налево — головы не сломишь, да волкъ съѣсть». Вотъ, напримѣръ, недѣли двѣ или три Парижъ былъ взволнованъ ссорой двухъ знаменитыхъ особъ, кончившейся на-дняхъ радушнымъ примиреніемъ. Сколько страстей, ожиданій и гипотезъ породила эта размолвка! Я наблюдалъ за нею единственно съ литературной точки зрѣнія. Такъ какъ одна изъ тяжущихся сторонъ занималась прежде *исторіей*, а другая обрабатывала съ успѣхомъ *романъ*, то любопытно было мнѣ видѣть столкновение этихъ двухъ отраслей цивилизаціи, возбуждавшихъ такія сильныя прѣвнія на нашей памяти, въ эпоху появленія Вальтеръ-Скота. И совѣтъ тѣмъ, никакъ не могу сообщить вамъ результата прилежныхъ изученій моихъ изъ опасенія оскорбить котораго нибудь изъ этихъ двухъ великихъ литературныхъ родовъ или, что еще хуже, обоихъ вмѣстѣ. Пропадай же всѣ комментаріи! Такъ какъ дѣло идетъ о ссорахъ, сообщу вамъ и другія, хотя и не столь важнаго, учонаго значенія, какъ та, о которой я говорилъ. Послѣ уморительнаго процесса Александра Дюма, въ которомъ, какъ вы знаете, произнесъ онъ на самого себя ядовитѣйшій пасквиль, достойный того, чтобъ автора посадили въ тюрьму за *диффамацию* себя, — явился процессъ Ев. Сю. Изъ этого процесса Европа узнала, что волюмъ Сю цѣнился послѣ «Парижскихъ тайнствъ» въ 10,000 фр., да это не бѣда, а вотъ бѣда: *Constitutionnel* и за третій, уже нестерпимо-сучный романъ Ев. Сю заплатилъ ту же сумму, да еще книгопродавецъ подкинулъ тысячу 30 за право изданія, и оба къ ужасу увидѣли, что сочиненьице-то плоховато изъ рукъ вонъ. Отсюда гнѣвъ и придирочный процессъ съ цѣлью освободиться отъ тягостныхъ условій, которыя судъ вѣроятно удержитъ въ поученіе своимъ и иностраннымъ покупателямъ невещественныхъ богатствъ сомнительнаго достоинства. Вторая ссора достигаетъ пропорцій поэтическихъ и связывается съ уничтоженіемъ журнала: *Эпохи*. Улиссъ спекуляціи, достойный такой же многозвучной статьи, какую Гоголь написалъ про настоящаго Улисса, — г. Эмиль Жирарденъ купилъ у послѣдняго владѣльца *Эпохи* эту газету, перенесъ ея станики къ себѣ и всѣхъ ея подписчиковъ присоединилъ къ своему журналу. Редакторы ужаснулись, два два еще издавали газету — и, наконецъ, бросили. Пошла путаница неимоверная: процессъ акціонеровъ газеты съ директоромъ, продавшимъ ее, — г. Жирардена съ редакторами, бранившими его за эту покупку, — редакторовъ съ директорами, г. Жирарденомъ и акціонерами, — поставщиковъ бумаги и другихъ матеріаловъ со всѣми ими вдругъ и проч. Вся эта

масса процессовъ разрѣшилась тѣмъ, что *Эпоха* окончательно поглощена журналомъ Жирардена, подписчики ея получаютъ «*Presse*», а редакторы ея выброшены на мостовую.... Вѣдь это ужъ не просто спекуляція, а какое-то вдохновеніе. Что за человѣкъ, г. Эмиль Жирарденъ! что за человѣкъ! Для него ужъ почти нѣтъ невозможностей, и я только прошу судьбу, чтобъ когда нибудь не пришло ему въ голову объявить «Современникъ» своей собственностью. Послѣ пяти, шести словъ, вы, гг. издатели «Современника», сами сознайтесь, что ошибались въ своихъ правахъ на изданіе, и собственноручно вручите ему ключи отъ вашего бюро. Пропускаю нѣсколько другихъ сооръ, еще меньшаго достоинства, и перехожу прямо къ такой, которая, по своей важности, требуетъ непременно, чтобъ я началъ разсказъ о ней съ красной строки.

Прѣвнѣ между пророками *свободнаго обмѣна и мануфактуристами* перешло теперъ на другую почву и сдѣлалось прѣвнѣмъ между экономами и соціальной школой. Этого и должно было ожидать; но никто не ожидалъ, чтобъ оно приняло такой жаркій полемическій тонъ. Мнѣнія двухъ сторонъ выступили съ озлобленностью и ожесточеніемъ, поразившими многихъ и убѣдительно доказавшими теперъ, что въ сущности вопросы эти связаны съ политическими вѣрованіями обѣихъ партій. Теорія никогда не выражалась такъ крупно. Г. Видадь въ «*Presse*», журналъ «*Démocratie radicale*» — и Луи-Бланъ въ послѣдней своей книгѣ (Исторія французской революціи) сильно и энергически, тономъ крайняго негодованія возстаютъ противъ положеній экономической школы. Разумѣется, вы не ждете отъ меня разбора ихъ упрековъ и крѣпкаго отпора противниковъ, пишущихъ въ своемъ журналѣ: «*Le libre échange*» и въ «*Débats*», но я не могу воздержаться отъ одного замѣчанія, показывающаго, какъ время объясняетъ всѣ положенія и ставитъ каждую шашку на свое мѣсто. Неисчерпаемымъ источникомъ ожесточенныхъ нападокъ на теорію *обмѣнщиковъ* служить предположеніе, что эта теорія снимаетъ спасительную узду съ отдѣльныхъ личностей, подмываетъ *права* государства, развязываетъ руки и пускаетъ cadaque на борьбу со всѣми. Партизаны свободнаго обмѣна отбиваются отъ предположенія всѣми силами, не убѣждая нисколько соціальныхъ и демократическихъ своихъ противниковъ и даже частенько доставляя имъ новое оружіе оговорками и полудоводами своими. Недавно, напримѣръ, Видадь разборомъ ихъ возраженій приведенъ былъ къ заключенію, что государство воспитываетъ подъ покровомъ своимъ истинныхъ враговъ своихъ и гонитъ въ лицѣ соціальной партіи идею, которая одна стоитъ за несомнѣнными права его. Кто бы подумалъ это? «*Démocratie radicale*» пошла еще далѣе. Она смѣло объявила, что презрѣнне, какое связывается со словами государственная монополія (*monopole de l'Etat*), происходитъ отъ путаницы понятій, порожденныхъ консервативными анархистами, нынѣ уже смѣло подымающими головы. Сама фраза: *государственная монополія*, ими выдуманная, представляетъ безмыслицу: монополія можетъ принад-

вывая на этомъ табачную монополію, существующую во Франціи, демократія представляетъ за образецъ, по которому должны устроиться многія другія монополіи для блага государства, и между прочимъ, важный нынѣшній вопросъ, — *солная монополія*, которую она и призываетъ всѣми силами своими. Не приходитъ ли вамъ въ голову, что это кадрий, гдѣ въ извѣстное время всѣ лица переставились, перешли съ мѣста на мѣсто? Дальнѣйшая разработка времени окончательно укажетъ имъ настоящіе углы и установитъ приговоръ о нихъ, который теперь всегда отзовется колебаніемъ, существующимъ въ самой жизни. Въ заключеніе скажу вамъ слова два о маленькихъ журналахъ, издаваемыхъ работниками. «L'Union» уже не существуетъ: это неудивительно. Онъ былъ такъ безцвѣтенъ и такъ много разнородныхъ мнѣній существовало въ его редакціи, что паденіе его можно было предвидѣть напередъ. Два другихъ журнала: «L'Atelier», католическо-либеральный, и «La Fraternelle», религиозно-общинный — здравствуютъ. Любопытно, что въ дѣлѣ *обмѣликовъ* оба они почти одними словами выразили свое отвращеніе отъ новой теоріи, называя ее только домогательствомъ *капитала*, а всю распрю междуособной войной денежныхъ людей, и не предвидя отъ нея ни малѣйшаго облегченія въ участи работника, плата которому, при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ тарифа, все-таки будетъ слѣдовать за цѣной хлѣба и падать вмѣстѣ съ нею. Голосъ ихъ въ этомъ движеніи немаловаженъ и сообщаетъ вопросу полноту, необходимую для правильнаго и совершеннаго его разрѣшенія, которое, впрочемъ, еще не скоро предвидится. Еще есть время, слава Богу, отравиться мервѣйшими сигарами во Франціи, выносить паръ сотню вонючихъ сапоговъ въ Германіи и за банку хорошей помады въ Италіи заплатить то, что стоитъ въ Россіи паекъ денщика!...

Мишлѣ, при оглушающихъ рукоплесканіяхъ, читаетъ въ Институтѣ своимъ задумчивымъ, прерывающимся голосомъ комментарий на собственную, послѣднюю книгу, въ которомъ уничтожаетъ всѣхъ почти дѣйствителей переворота 89 и послѣдующихъ годовъ, называя ихъ артистами и дилетантами политической бури, ими непонятой. Нельзя быть болѣе смѣлымъ и вальнымъ въ изложеніи, какъ этотъ человекъ!...

Сейчасъ пришло извѣстіе о смерти министра Мартеня, убитаго столько же слѣдствіемъ апоплексическаго удара, сколько и страшной клеветой, неизмовѣрно скоро распространившейся, и которая, помѣстивъ его въ одно изъ тайныхъ заведеній разврата, отдала въ руки полицейскаго чиновника, имъ самимъ приставленнаго. Клевета взяла тутъ, какъ видите, манеру современныхъ драматурговъ...

Начались религиозно-философскія конференціи въ церквахъ, по образцу знаменитыхъ конференцій аббата Лакордера въ *Notre-Dame*, имѣвшихъ нынѣшнюю зиму большой успѣхъ. Такъ какъ они теперь напечатаны, то можете сами ознакомиться съ ними. Отъ васъ убѣдить только при чтеніи неизмовѣрная способность проповѣдника играть

фигурами, образами и аллегоріями, часто выжудчившия просто на сходствѣ словъ, но которымъ умѣть онъ придавать искусными отѣнками рѣзкаго голоса своего особенное выраженіе и краску. Не знаю, поразить ли васъ также, какъ меня, опроверженіе нѣкоторыхъ современныхъ теорій не простыми истинами Писавія, а другими, весьма произвольными теоріями, при чемъ страннымъ образомъ подъ сводами готической перкви раздавались имена Магомета, Гегеля и др.

Всѣ три высшихъ слоя здѣшняго общества рѣшились какъ будто пройти парадомъ другъ передъ другомъ, посредствомъ трехъ публичныхъ баловъ въ *Opéra-Comique*, положивъ 20 франковъ за право входа. Два изъ нихъ уже были: *артистическій* — въ присутствіи всѣхъ женскихъ знаменитостей здѣшнихъ театровъ и артистовъ всѣхъ родовъ (онъ давался въ пользу бѣдныхъ артистовъ) и *буржуазный* — въ присутствіи семейныхъ депутатовъ, негодіантовъ, профессоровъ и журналистовъ. Сборъ съ этого послѣдняго бала, патронируемаго королемъ и принцами, опредѣленъ на малолѣтнихъ колонистовъ земледѣльской школы *Petit-Bourg*. Третій, легитимистскій балъ, въ пользу старыхъ пансіонеровъ Карла X — будетъ на дняхъ ...

Возстановленіе капитула Сень-Дени на особенныхъ правахъ, по смыслу которыхъ члены его отходятъ отъ вѣдѣнія епископовъ въ вѣдѣніе правительства, а примасъ его будетъ имѣть въ распоряженіи высшее семинарское преподаваніе, образуя такимъ образомъ нѣчто похожее на особенное министерство духовныхъ дѣлъ, — произвел суматоху въ религиозныхъ журналахъ. Кричатъ, что религія взята ко двору и пр. Я тутъ плохой оцѣнщикъ и мало понимаю галликанскіе резоны, ими приводимые; а вотъ — что сочиненіе Ламартина о Жирондистахъ, имѣющее вытти на дняхъ, возбуждаетъ какую-то всеобщую горячку любопитства, и что на законѣ о низшемъ преподаваніи, только что внесенномъ, г. Сальванди долженъ выдержать сильную парламентскую битву, — вотъ это такъ нѣсколько очевидно для меня.... Мало размыкло здѣсь напряженную мысль публики открытіе новаго театра А. Дюма: *Théâtre Historique*, предположившаго обучить бульвары отечественнымъ событіямъ посредствомъ своихъ драмъ; труппа обыкновенная, драма «la Reine Margot» хоть необыкновенная по длиннотѣ и сцѣвленію сценическихъ эффектовъ, не только не превосходитъ человѣческія понятія, но и просто ожиданія, порожденныя объявленіями. Она имѣла, что называется, succès d'estime, т. е. почетное паденіе. Не такъ было съ новой одой-симфоніей: *Христофоръ Колумбъ*, Фелисіена-Давида. Энтузіазмъ, ею порожденный, въ которомъ и я погрѣшилъ легонько въ первое исполненіе, напомнилъ красные дни *le Désert*. Какъ не погрѣшить, скажите сами? Эта ода-симфонія есть торжество сладострастнаго сенсуализма въ музыкѣ, страннымъ образомъ открытаго въ ней сень-симонистской головой. Вы понимаете, что сенсуальная музыка должна непремѣнно быть музыкой описательной и привязываться къ предмету, исчерпывая все, что заключается въ немъ роскошнаго, граціознаго и наслаждительнаго. Такъ и сдѣлано. Какимъ образомъ? не

обыкновенныя, — тутъ есть такія комбинаціи инструментовъ, которые производить звукъ какъ будто еще новаго, неслыханнаго доселѣ инструмента, — тутъ есть, наконецъ, словно нѣсколько голосовъ самой природы: какъ паденіе волнъ, стоишь вѣтра въ парусахъ и пр. Знаю только, что изъ всего этого механизма выходятъ картины одна другой ярче: видишь постепенное удаленіе колумбова корабля отъ береговъ Испаніи, ночь подъ тропиками, дребезжащій свѣтъ звѣздъ въ волнѣ, обтекающей корабль. Въ послѣдней (четвертой) и лучшей части многимъ энтузіастамъ казалось, что интродукція несетъ съ собой запахъ цвѣтовъ и далекой земли на встрѣчу Колумбу и спутникамъ его, что постепенно развертываются передъ глазами ихъ берега Новаго Свѣта, — и что, наконецъ, выросли передъ ними жемчужныя горы и залиты пловцы свѣтомъ, благоуханіемъ и восторгомъ! А что послѣ?... Картина индійской жизни, пляска и пѣсня, не въ ложномъ сантиментальномъ колоритѣ, а въ какой-то свѣжей простотѣ, въ какой-то младенческой прелести. Послѣ колыбельной пѣсни индійской матери, призывающей къ дереву колыбель ребенка, гдѣ нѣжность граціознаго очерка уже безусловно превосходна, — публика потеряла всякое приличіе и умѣренность въ одобреніи. Она почти поравнялась съ нашей петербургской публикой, прощавшейся съ Виардо, Рубини и Тамбурины, когда они на время уѣзжали за границу.... Но довольно! Услышите когда нибудь сами. Сегодня, 16-го марта, во вторникъ, открывается публичная художественная выставка въ Луврѣ, куда и я поплетусь, какъ только кончу это письмо. На первый разъ можете судить о плодovitости французскаго искусства по слѣдующему факту: 2,100 № содержитъ новый каталогъ и 2,300 № (картинъ и скульптурныхъ произведеній) отказано въ приѣмѣ присланными. И все это дѣлается при возрастающей безпрестанно дороговизнѣ хлѣба, при немовѣрныхъ усиліяхъ муниципалитетовъ удержать его въ цѣнѣ, достигнутой низшимъ классомъ, — при сомнительныхъ надеждахъ на будущую жатву и при явномъ дефицитѣ финансовъ, который въ 1848 году будетъ представлять почтенную цифру 650 милліоновъ. Между тѣмъ, правительство покупаетъ хлѣбъ со всѣхъ сторонъ, посылаетъ свои пароходы во всѣ европейскія моря покровительствовать и помогать подвозамъ его, усиливаетъ внутри войско и сдерживаетъ народонаселеніе, колеблемое страхомъ голода. Въ одно утро Парижъ былъ грустно потрясенъ въ своихъ художественныхъ, экономическихъ и литературныхъ занятіяхъ извѣстіемъ, что три лица изъ наиболѣе провинившихся въ смутахъ Бюзансе — приговорены тамошними присяжными къ смертной казни. Надѣются на милость короля....

П. А — ст.

16 марта в. ст.

виде и вселенно стикотворенн поваро поэта: слава моя
упрочена. Обо мнѣ говорятъ, интересуются узнать мой чинъ и фамилію
по городу ходитъ множество анекдотовъ, которыхъ герой — я; одинъ
почтенный литераторъ произвѣсь мнѣ похвальное слово, другой нѣ-
сколько вечеровъ сряду вотъ уже ни о чемъ больше не говоритъ, какъ
о моей безталанности, — третій далъ вечеръ — и къ нему пріѣхали (хо-
тя на его вечера давно уже не ѣздили), пріѣхали, потому-что онъ лов-
ко далъ знать въ городѣ: что такого-то числа, въ такомъ-то часу, у
него будутъ меня показывать. Я, признаюсь, сильно струсилъ, ко-
гда появился въ многочисленной и незнакомой толпѣ, струсилъ и
чуть-чуть скоропостижно не лишился жизни; но меня увели въ дру-
гую комнату и похвалами моему великому таланту привели въ чув-
ство.... Я, впрочемъ, не вдругъ показалъ, что не нуждаюсь больше ни
въ какомъ лекарствѣ: уже совершенно опомнившись, я долго непо-
далъ признака жизни и все слушалъ, слушалъ съ закрытыми глаза-
ми, какъ кошка у которой щекочутъ подъ горломъ.... Не повѣрите,
что за удивительное наслажденіе, когда говорятъ объ васъ и такъ
превозносятъ!... Я теперь просто начинаю сердиться и тоска на ме-
ня нападаетъ, когда долго говорятъ объ чемънибудь другомъ.... На-
рочно хожу по трактирамъ и по книжнымъ лавкамъ; чуть кто за-
журналъ — и смотрю, и прислушиваюсь, и задыхаюсь отъ волненія....
Чтожь? .. хвалить, ей-Богу, большею частію хвалить.... конечно, есть
и такіе, которые порицаютъ; но то завистники, непремѣнно завистни-
ки: или у нихъ братъ, или какойнибудь родственникъ пишетъ стихи,
или они сами пишутъ, или хотятъ писать стихи, — иначе быть не мо-
жетъ!... Вы понимаете, иначе изъ чего бы бранить.... Охъ, зависть!
зависть вроклятая!... О, самолюбіе, мѣшающее отдавать достойному
достойное!... о, самолюбіе!... Виновать ли я, что случай подвизалъ мнѣ
орлиныя крылья, а другимъ позабылъ привязать и вороньи.... Какъ
бы вы думали?... виновать!... только-что выступивъ, уже успѣлъ и я
потерпѣть отъ васъ зависть и самолюбіе, записные враги всякаго по-
сторонняго успѣха! уже на сердцѣ моемъ синяки (выраженіе, заим-
ствованное у одного русскаго извѣстнаго поэта) и разныя, тяжелыя
язвы.... но послѣ, послѣ! Скоро, очень скоро представлю я полную
картину ужасовъ, вынесенныхъ мною въ борьбѣ съ человѣческимъ
самолюбіемъ и завистью.... Теперь я хотѣлъ представить вамъ карти-
ну, болѣе умильную: картину моихъ успѣховъ и славы.

Одни, которыхъ я въ глаза невидалъ, хвастаютъ знакомствомъ со
мною; другіе хвастаютъ тѣмъ, что происходятъ изъ одной со мною
губерніи: третьи съ удивительною подробностію описываютъ мои при-
мѣты, и описываютъ такъ, что я выхожу похожъ на нихъ, какъ двѣ
капли воды; четвертые, совершенно мнѣ незнакомые, при встрѣчѣ дѣ-
лаютъ видъ, что знаютъ меня: кланяются или пріятно улыбаются; на-
конецъ, одинъ издатель забѣгалъ ко мнѣ, кланялся, разводилъ руками
и ногами, осматривался со всѣхъ сторонъ, шепелялъ, присвистывалъ,
и наконецъ объявилъ, что желаетъ моихъ «стишковъ-съ».... Какъ вы

думаете: всё подобные факты кажется достаточно доказываютъ, что слава моя упрочена?...

Да! моя слава упрочена: я теперь великій человекъ и мнѣ теперь никто ни по чемъ! Люди за честь должны почитать знакомство со мною, а я имѣю полное право ломаться передъ ними — и буду ломаться....

И какъ мнѣ не знать себѣ цѣны, когда слава моя достигла уже отдаленнѣйшихъ предѣловъ нашего отечества.... Еще на дняхъ получилъ я письмо.... о, какое письмо!... и отъ кого?... Рука женщины.... Она сама пишетъ мнѣ, что она молода и прекрасна, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ полюбила горы и долины, ручья и пригорки, и тамъ началъ являться ей идеалъ.... То бытъ.... «о, я увѣрена (пишетъ она)! то бытъ ты! я знаю твои черты.... знаю тебя; ты давно и всюду невидимо присутствуешь со мною.... твой геній».... Но я пропускаю здѣсь нѣсколько словъ.... Оканчивая письмо, она проситъ моего портрета и моихъ стиховъ, — и сама посылаетъ стихи.... «Если (говоритъ она) ты найдешь въ нихъ что нибудь достойное того, кто вдохновилъ мое неопытное перо (тутъ она дѣлаетъ явный намекъ на меня, но я опять пропускаю нѣсколько строкъ изъ скромности) — напечатай ихъ»... Стихи прекрасны; я ихъ печатаю. Читайте:

. . .

Напрасно говорить, что я гонюсь за славой
И умствую.... Меня никто не разгадалъ!
Нѣтъ! къ головѣ моей чернокудрявой,
Въичаанной миртами, умъ во все не пристагъ....

Нѣтъ, что мнѣ умствовать! Къ чему?... вопросы для
И смысла здраваго прямое направление
Меня ни трогаютъ, не шевелитъ меня:
Когда въ движеніи умъ — мертво воображенье.

Не миръ дѣйствительный, — одинъ мнѣ нуженъ грѣзы,
Одна поэзія душъ моей нужна:
Порой салонный блескъ, мазурка, полька, слёзы,
Порою мрачный гротъ и томная луна!

При ослѣпительномъ и яркомъ свѣтѣ бала,
Съ букетомъ ледяшней и пышныхъ тубе-розъ,
Иль одинокая подъ сумракомъ березъ
И съ наслажденіемъ мечтаю и мечтаю!

Напрасно жъ говорить, что я гонюсь за славой
И умствую.... Меня никто не разгадалъ!
Нѣтъ! къ головѣ моей чернокудрявой,
Я повторяю вамъ, умъ во все не пристагъ....

Село Фелла.

ность ко мнѣ, за наслажденіе, которое доставила она мнѣ?... О, я буду великодушень!... Она проситъ моихъ стиховъ; я исполню ея просьбу.... Вотъ нѣсколько новыхъ моихъ стихотвореній:

I.

Густолиственныхъ клѣновъ аллея.

Для меня ты значенья полна:
Хороша и блѣдна, какъ аллея,
Въ той аллеѣ стояла она.

И головку склонивши уныло
И глотая слезу за слезой,
«Позабудь, если можно, что было!»
Прошептала, махнувши рукой.

На все, какъ безумный, смотрѣлъ я,
И луна освѣщала ее;
Равставая съ нею, терялъ я
Все блаженство, все счастье мое!

Густолиственныхъ клѣновъ аллея,
Для меня ты значенья полна:
Хороша и блѣдна, какъ аллея,
Въ той аллеѣ стояла она.

II.

ПЕРЕДЪ БАЛОМЪ.

(Отрывокъ изъ поэмъ)

Красоточки, чечоточки
Вѣселяются, волнуется...
Гребеночки и щоточки
На столнѣй красуются...

На балъ! на балъ!
— Скорѣй, скорѣй
Подай корсетъ;
А дѣвка ей:
«Онъ узокъ сталъ.»
— Комъ эль в бѣтъ!
И барышня румянится,
Ломается, жеманится....
Все онъ въ мечтахъ,
Кавалергардъ!
Но прене гардъ:

Она молотъ страхъ ..
Трепещеть кѣрѣ..
— Ахъ какъ боиѣрь!
Тамъ будетъ онъ:
Ну, полькеронъ....
И туалетъ
Къ концу илеть....
Затянуть ставъ.
— Машеръ, скорѣй!
Кричить ташап
Изъ дверя ей....
И вотъ машевъ
Стоитъ предъ ней....
Комъ эвъ в бѣль!...

Красоточки, чечоточки
Бѣснуются, волнуются....
Гребеночки и щоточки
На столики красуются....
.....
.....

III.

ЕГИПТЯНКА.

И развратна и прекрасна,
Облаживъ свои плеча,
Египтянка въ пляскѣ страстной
И дика и горяча!

Пѣсь изъ устъ ея несется,
Визгъ и стоны и хохотъ въ ней;
Море огненное льется
У безстыдной изъ очей;
Грудь изъ платья такъ и рвется,
Будто въ платьѣ тѣсно ей.

Но вотъ, какъ бы въ недоумѣньи,
Трихнувъ кудрявой головой,
Она внезапно и въ волненьи
Остановилась предъ толпой.

Не на долго! Снова мчитса....
Вонъ смотрите, вонъ она!
И млетса и кружитса,
Опылевая пола.

.....
.....
.....
.....

IV.

Болото и степь и окресть ни кусточка....
Вот утка вздрогнула въ густомъ тростникѣ,
Взвилась — и колыхнется въ небѣ, какъ точка;
Засохшая ива стоитъ вдалекѣ;

Пары отъ болота — и мѣсяцъ кровавый
Вошелъ, разливая свой отблескъ на немъ....
Душа разгарнется жаждою славы,
А тѣсно и душно и страшно кругомъ!

V.

КЪ МАТЕРИ.

Въ глубокую полночь, въ таинственную часть,
Съ молитвой, я шолъ на кладбище,
Гдѣ горько я плакалъ, и плакалъ не разъ,
Гдѣ матери нилой жилище!

Родная! какъ тихъ и отраденъ твой сонъ
Въ далекой и мрачной могилѣ....
Путь горя, путь терній тобою пройденъ....
Мы вмѣстѣ страдали и жили.

И вмѣстѣ съ тобой я мечталъ умереть....
Мечтанье мое не свершилось:
Еще суждено мнѣ и жить и скорбѣть,
Но сердцѣ въ борьбѣ истомилось.

О, мать! одинъ, сирота, безъ друзей,
Алая возвышенной пищи,
Я въ немощи горькой и страшной моей,
Считаюсь вдѣсь въ мирѣ, какъ нищій!

Напрасно, степная, я сердца искалъ,
Ко всемъ простирая объятя,
Мой вошь, какъ въ пустынѣ, увы! замиралъ,
При бѣшеныхъ кликахъ проклятыя.

И нынѣ бѣгу отъ бездушныхъ людей
Къ тебѣ на кладбище, родная!
Мнѣ легче лежать на могилѣ твоей,
Чѣмъ плакать въ трудахъ изнывая!

потому-что оно ей недостоинно.... Предметъ прозаическій! Какъ-то я долго читалъ Гейне, и вдругъ написалъ престранную, пренепонятную для меня самую вещь.... Вотъ она :

Въ одинъ трактиръ они оба ходили прилежно
И пили съ отвагой и страстью безумно мятежной,
Враждебно кончались ихъ бильярдныя встрѣчи
И были дикы и бульны ихъ пьяныя рѣчи.
Сражались они межъ собой какъ враги и злодѣи
И даже во снѣ все другъ съ другомъ играли,
И вдругъ подрались.... хозяинъ прогналъ ихъ въ три шенъ,
Но въ новомъ трактирѣ другъ друга они не узнали....

Какъ вы находите?....

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Семисотлѣтіе Москвы. — Значеніе московскаго университета. — Публичныя курсы московскихъ профессоровъ. Петербургскіе и московскіе славянофилы.

1847 годъ открылся въ Москвѣ празднованіемъ ея семисотлѣтія. Подробности этого торжества извѣстны читателямъ изъ газетъ. Прежде всего я упомяну объ ученомъ спорѣ, возникшемъ по случаю представшей годовщины. Несмотря на преданіе о времени и обстоятельствахъ построенія Москвы (*), годъ ея основанія съ точностію неизвѣстенъ. Въ лѣтописи подъ г. 6655 (1147) сказано только слѣдующее : «И приславъ Гюрги (къ Святославу) и рече : «прииди ко мнѣ, брате, въ Московъ». Святославъ же ѣха къ нему съ дѣтатемъ своимъ Олгомъ въ

(*) Эти преданія весьма сомнительны. Карамзинъ (И. Г. Р., ч. II, прим. 301) говоря, что мы можемъ вѣрить повѣйшимъ лѣтописцамъ о началѣ Москвы, вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что они наполнены сказками и самыми грубыми ошибками. Если такъ, — что очевидно доказывается самимъ Карамзинымъ, — строгая исторія не можетъ придать никакого значенія сказанію о Кучкѣ, объ умерщвленіи его Юріемъ и цѣлому роману, предшествовавшему основанію нашей столицы. Положимъ, что вся повѣсть даже и не вымыселъ досужаго грамотѣя, писавшаго лѣтопись о началѣ Москвы; все же она не болѣе какъ народная сказка. Никакое изустное преданіе не сохранить въ продолженіи какихъ-нибудь пяти или болѣе вѣковъ даже прозвища незначительнаго Кучки, тѣмъ менѣе имя и отчество, какъ его самого, такъ и его семейства.

«была дружина...». В 1471 году князь Святослав и князь Глеб... довастаня, въ день Пятокъ, на похвалу Святѣй Богородици, и тако быша весели. Наутрѣй же день повелѣ Гюрги устроити обѣдъ силенъ, и створи честь велику имъ, и да Святославу дары многы . . . «и тако отпусти и». (Ипат. лѣт., стр. 29).

Вотъ все, что мы знаемъ достовѣрнаго о первыхъ временахъ существованія Москвы. Была ли она городомъ, т. е. имѣла ли укрѣпленіе, или простымъ селеніемъ, — мы этого не знаемъ (*). Можно только догадываться, что она была основана прежде 1147 года, потому-что лѣтописецъ говоритъ о Москвѣ, какъ о мѣстѣ, существовавшемъ уже до прихода Юрія. Стало быть, семисотлѣтіе Москвы въ 1847 году есть только *приблизительное*. Имъ вовсе не опредѣляется положительная давность нашей столицы, которая, какъ селеніе, считаетъ себѣ вѣроятно болѣе 700 лѣтъ, а какъ собственно городъ едва ли не менѣе. Такимъ образомъ, тутъ рѣчь можетъ идти только объ историческомъ семисотлѣтіи, т. е. о томъ, что Москва впервые упоминается въ лѣтописи ровно за семь вѣковъ передъ настоящей минутой. Но археологическій споръ не останавливается на годѣ: наши розыскатели стараются опредѣлить, въ какой именно день приходится годовщина упоминанія въ лѣтописи имени Москвы. Татищевъ, не знаю почему, полагаетъ «Пятокъ на похвалу св. Богородицы» 28 іюля; Карамзинъ — 28 марта; по новѣйшимъ же розысканіямъ г. Хавскаго и другихъ, этотъ день долженъ былъ приходиться 5-го апрѣля.

Очевидно, что весь вопросъ чисто учоный, который для людей неучоныхъ имѣетъ лишь весьма относительную важность. Онъ до того мудренъ, что сдѣлался даже мистическимъ. Вотъ какъ разсуждаютъ люди глубокомысленные: если Москва заложена въ 1147 году, то 1812 годъ приходится въ апокалипсическій 666 годъ ея тогдашняго существованія. Отсюда очевидно, что Наполеонъ есть Аполлуонъ т. е. истребитель, или Аббадонна, о чемъ во время оно воспѣвалъ и Державинъ. Мнѣ, человеку темному и не мистикку, вопросъ о семисотлѣтіи представляется гораздо проще. Мы знаемъ приблизительно, что Москва существуетъ около семи вѣковъ: этого для насъ достаточно. Народамъ, какъ и частнымъ людямъ, весьма естественно праздновать день рожденія не только собственный, но и тѣхъ, кто имъ близокъ. Москва близка сердцу русскихъ; и почему жь не напомнить народу, что, говоря поэтически, съ вершинъ ея семи холмовъ на негозираютъ семь столѣтій? Здѣсь дѣло идетъ не объ учономъ вопросѣ, а о народномъ воспоминаніи. Здѣсь долженъ затихнуть бесплодный споръ о мертвыхъ цифрахъ и уступить мѣсто живому сознанию народной давности и народной силы.

(*) Въ цѣлѣкорныхъ весьма древнихъ спискахъ лѣтописи, вѣрнѣе: въ *Московѣ* поставлено въ *Москву*. Если первая форма указываетъ на городъ, то вторая не указываетъ ни на деревню или слободу?

Выборъ дня для празднованія семисотлѣтїа оправдываетъ такое мѣнїе. Для юбилея семивѣковой жизни Москвы былъ избранъ первый день нынѣшняго года. Торжество состояло : утромъ изъ обѣдни, совершенной въ Чудовѣ монастырѣ высоко-преосвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ, и изъ проповѣди, произнесенной протоіереемъ Сергіемъ Терновскимъ, а вечеромъ изъ освѣщенїа Кремля, гостиваго двора, подножія памятника Минину и Пожарскому, главныхъ площадей города, и публичныхъ зданій, между которыми университетъ особенно отличался яркостью своей иллюминаціи. Ему было всего приличнѣе ознаменовать этотъ день освѣщеніемъ, — ему, одному изъ главныхъ просвѣтителей Россіи и представителю духовнаго свѣта въ седьмомъ столѣтїи Москвы.

Не подлежитъ сомнѣнію, что московскій университетъ занимаетъ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ жизни нашей столицы. Первое условіе для процвѣтанія науки заключается въ большей или меньшей степени ея самобѣдности. Наука требуетъ отъ тѣхъ, кто ей себя посвящаетъ, нераздѣльнаго труда, жизни, не отвлекаемой ничѣмъ постороннимъ. Теперешняя жизнь Москвы очевидно благопрїятствуетъ развитію въ ней науки и просвѣщенїа. Нашъ городъ представляетъ какъ преподавателю, такъ и учащемуся, мало развлеченій; и тотъ и другой могутъ свободно посвятить время своему благородному призванію, не переставая, однако, жить той общей жизнью народа и всего образованнаго міра, которая возможна только въ столицѣ. Въ этомъ отношеніи, Москва счастливо соединяетъ для учонаго выгоды тихаго и свободнаго прїюта съ выгодами столичной жизни.

Здѣшній университетъ — первый въ Россіи не по одному старшинству лѣтъ. Послѣдній отчетъ г. министра народнаго просвѣщенїа, за 1845 годъ (*), доказываетъ это очевидно. Въ 1845 году считалось :

	Учащихъ и должностныхъ лицъ.	
	Учащихъ.	
Въ казанскомъ университетѣ . . .	82	406
— кѣвскомъ — . . .	75	443
— тарьковскомъ . . .	80	454
— дерптскомъ — . . .	74	575
— петербургскомъ — . . .	67	677
— московскомъ — . . .	89	981
московской медикохирургической академіи, до присоединенїа ея къ университету . . .	19	322

Въ прошломъ 1846 году, какъ видно изъ отчета московскаго университета за истекшїй академическїй годъ, было, по присоединеніи медицинскон академіи, учащихъ и должностныхъ лицъ 130, а учащихся 1,038.

(*) Ж. М. Н. П., 1846, апрѣль.

въ упомянутомъ отчетѣ здѣшняго университета подробно рас-
предѣленіе студентовъ по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ. Въ 1846
году, считалось между ними, по вѣроисповѣданіямъ:

Православныхъ	763
Католиковъ	246
Протестантовъ	19
Магометанъ	1
Армянъ	4
Евреевъ	5
	<hr/>
	1,038

А по сословіямъ :

Дворянъ	530
Оберъ-офицерскихъ дѣтей	198
Духовныхъ	83
Почтовыхъ гражданъ	9
Разночинцевъ	33
Вѣдомства министерства В. Д.	31
Купцовъ	87
Мѣщанъ	74
Цѣловыхъ	5
Однодворцевъ	4
Казенныхъ крестьянъ	4
Вольноотпущенныхъ	14
Иностранцевъ	34
Вольныхъ гдѣбопашцевъ	2
	<hr/>
	1,038

Отсюда мы видимъ, что большая половина учащихся состоитъ изъ
дворянъ. Ихъ — числомъ 530, а не дворянъ 508. Студентовъ изъ по-
датнаго состоянія находится болѣе 100. Католики, числомъ 246, при-
надлежатъ почти исключительно польскимъ провинціямъ. Всѣхъ же
студентовъ изъ этихъ провинцій считается около 300. Они состав-
ляютъ такимъ образомъ болѣе, нежели четвертую часть всего числа
учащихся.

Благонамѣренныя дѣйствія здѣшняго университетскаго начальства
извѣстны у насъ каждому. Но несмотря на благородную его попе-
чительность, между московскими студентами еще до сихъ поръ суще-
ствуетъ, къ сожалѣнію, раздробленіе на Landmanschaften и на сосло-
вія, или, правильнѣе, на подонки и на сливки. Стѣме нашего обще-
ства всплываетъ и на студентскихъ лавкахъ, при чемъ доходить до
того, что молодые сливки, чтобъ только отличить себя отъ подон-
ковъ, пренебрегаютъ въ разговорахъ языкомъ преподаванія и роди-
ны и въ стѣнахъ русскаго университета говорятъ по-французски.
Будемъ надѣяться, что это заблужденіе лишь временное, и что наши
студенты, наконецъ, перестанутъ считаться рожденіемъ предъ лицомъ
науки, для которой нѣтъ другого неравенства, кромѣ неравенства

ства по законамъ химическимъ; превращеніе его въ животное тѣло; стихіи; земная планета и ея три царства; живое твореніе; человекъ съ тѣлесной стороны; съ душевной стороны; духовное начало человека; идеаль челоюька; совершенный человекъ въ дваъ вѣры откровенной; вѣра, какъ источникъ врачеванія и животворящее начало врачевной науки; вѣры отрицательныя; вѣры положительныя; вѣра православная; уклоненія человека отъ своего совершенства; медицина; медики; медицинское ученіе, основанное на понятіи о духовномъ началѣ человека.

Въ курей г. Лясковскаго менѣе оригинальности и глубины взгляда. Во введеніи къ своей программѣ, онъ говорить, между прочимъ :

«Дѣятельность, съ которою ученые всѣхъ странъ занимаются въ наше время органическаго химіею, повлекла за собою тысячи важныхъ открытій, которыя совершенно измѣнили понятія наши о жизни растений и животныхъ и о значеніи составныхъ частей ихъ, которыя дали новое, благотворное основаніе Домоводству, Сельскому Хозяйству, Физиологій, Діететикѣ, Медицинѣ. Сдѣлать эти важныя приобритенія науки доступными для каждаго образованнаго человека, иногда незамышлявшаго химіею, и поставить тѣхъ, которые съ этою наукою знакомы, въ уровень съ ея современными состояніемъ; сообщить общепонятнымъ и нагляднымъ образомъ то, что нужно для уразумѣнія всякаго химическаго сочиненія, и указать на практическія выгоды, которыя всякій можетъ извлечь изъ знанія органической химіи, — вотъ цѣль, которой преподаватель постарается до стигнуть своими лекціями».

Изъ этихъ словъ читатели могутъ видѣть, что молодой профессоръ, ученикъ Дюма и Либиха, которыхъ онъ слушалъ въ бытность свою за границей, не имѣетъ притязаній на мистическую глубину возрѣнія и на сочетаніе своей науки съ таинствами нашей души. Онъ смотритъ на вещи просто, и я съ своей стороны не могу не поздравить его съ этимъ. Въ своихъ оживленныхъ, а гдѣ позволяетъ предметъ, даже краснорѣчивыхъ лекціяхъ, онъ показываетъ себя достойнымъ послѣдователемъ знаменитыхъ своихъ наставниковъ. Къ сожалѣнію, участіе публики неполнѣе соответствуетъ достоинству курса. Тому причиной сколько предметъ, избранный преподавателемъ, и еще до сихъ поръ пугающій насъ своею недоступностью, столько въ особенности время, въ которое г. Лясковскій читаетъ свои лекціи. При нашихъ повдвнхъ обѣдахъ, не всякому удобно выѣзжать со двора въ шесть часовъ вечера. Но, какъ мы слышали, г. профессоръ не имѣлъ возможности распорядиться иначе. Лучшее время для чтенія публичныхъ лекцій—это часъ, выбранный г. Шевыревымъ,—отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$. Въ эту пору читались почти всѣ наши публичные курсы.

Я сожалѣю, что причины, отъ меня не зависѣвшія, не позволили мнѣ слѣдить постоянно за публичнымъ преподаваніемъ г. Шевырева. Сверхъ того, курсъ его далеко еще не доведенъ до конца. Все это вынуждаетъ меня ограничиться краткимъ обзорѣишемъ пройденнаго, при чемъ я буду руководствоваться собственными воспоминаніями,

расказами других и вступительной лекцией, напечатанной в первых номерах «Московского Городского Листка». Г. преподаватель избрал на этот раз, из обширной области слова, поэзию в ее историческом развитии, начиная с первых разумных звуков человека. Но так как поэзия есть одно из проявлений, хотя и позднейшее, идеи изящного, то профессор должен был указать на тесную связь между ею и прочими изящными искусствами. Их общая задача, по его словам, — воплощать прекрасную мысль в прекрасной форме.

«Поэзия (говорит он) составляет с прочими искусствами одно целое, единую организацию; она между ними первое звено, от которого всё они идут, и окончательное, около которого должны соединиться. . . . . Она движет всё другие искусства, она заставляло в них хорь.... Искусства в общем движении истории развивались в следующем порядке: водчество, вапие, живопись, музыка и наконец поэзия. Каждое из этих искусств, в разные эпохи, являлось преобладающим. Что же касается до высшего из них — поэзии, то она, как искусство всех вѣков и народов, никогда не покидала человека. Она, постоянно стремясь къ рѣшенію своей задачи, между тѣмъ отклонялась всѣмъ другимъ искусствамъ и первая давала имъ направление. На Востоѣ она является сначала храмовою; оглашаетъ молитвами пустыни, лѣса, вершины горъ, храмы; принимаетъ характеръ законодательный; стремится сорвать оковы символизма въ Иудеѣ; подчиняется житейскому образу у Китайцевъ. Сдѣлалось общимъ мнѣніе въ наукѣ, что греческая поэзія представляетъ характеръ пластическій. Гомеръ одушевлялъ Идія и всѣхъ ваятелей. Ода Пиндара неслась безъ исполненія хоревтами. Драма Греціи повитна, какъ движущійся барельефъ, и подчинена тому же закону, какому группировка въ вапие. — Также справедливо можно назвать живописною итальянскую поэзію. Все ее развитіе идетъ въ параллели съ живописью. Даже также одушевлялъ всѣхъ художниковъ Италіи, какъ Гомеръ ваятелей греческихъ. Его особый религиозный и символическій характеръ имѣетъ отношеніе къ Джотто и ко всей первоначальной школѣ живописцевъ. Между Петраркою и художниками XIV и XV вѣка есть тоже сочувствіе, какъ въ истинномъ направленіи искусства, такъ и въ болѣе граціи. Аріостъ можетъ быть почитъ въ мастерской своего друга, Рафаеля. Поэзія, въ лицѣ Аріоста, преклонилась предъ живописью. Лессингъ порицалъ въ аріостовой Альциніѣ вторженіе живописнаго элемента въ поэзію, но для Лессинга не были очевидны отношенія историческія, объясняющія это явленіе. Такая же связь между Тассомъ и школою: эклектизмъ первого и страстная его натура напоминаютъ болонскихъ живописцевъ. У Испанцевъ религиозный фанатизмъ Кальдерона объясняется, когда взглянешь на картины Мурильо и Зубарана. — Послѣ живописи музыка имѣла вліаніе на поэзію. Оно началось еще въ среднихъ вѣкахъ. Поэзія трубадуровъ заимствуетъ отсюда свои метры. Но, какъ искусство, музыка отозвалась въ поэзіи XVII и XVIII столѣтій. Въ Италіи Кіабрера, Фругони и Метастазіо. Плодъ музыкальной мерки. Можно замѣтить тоже въ лирикахъ Англии, и особенно въ Милтонѣ, который первое вдохновеніе поэмы своей почерпнулъ изъ оперы Андріани: Адамъ. Отсюда же объясняется лучшая сторона въ классической поэзіи Французовъ, особенно въ трагедіяхъ Расина. Лирика Германіи XVIII вѣка развивалась подъ звуки нѣмецкой музыки. Мессіаду Клопштоке Германію справедливо называютъ ораторіей. Гендель и Бахъ, Глюкъ и Кунце безпрерывно одушевляли поэта.

Тогда поэзия, в романском времени, сдвинулась на другую высоту, и, наконец, достигла своего назначения? Это совершилось в странах, которая не развивала ни живописной стихии, ни музыкальной; язык ее благозвучен лишь только для тех, которые имь говорить. Это совершилось в Англии. Со времени Шекспира поэзия решительно достигла своего назначения: творчески раскрывать тайны души нашей в живой драме, в разговорном нами словѣ. Если будете искать красотъ пластическнхъ или живописныхъ у Шекспира, вы ошибетесь. Онъ иногда доводитъ свои изображенія до уродливости. Гармоніей его могутъ восхищаться только природные Англичане. Но кто до него создавалъ когда либо такіе цѣльные характеры? Кто такъ живо облачалъ въ слово страсть, со всѣми ея изворотами отъ перваго зародыша до послѣдняго взрыва, который оканчивается гибелью? Какъ часто онъ обрываетъ и оконцы стиха для того, чтобы свободною рѣчью ближе изобразить намъ насъ же самихъ!

Послѣ него поэзия подвергалась различнымъ вліяніямъ. Французы подводили ее подъ свою классическую мѣрку. О вліяніи музыки на лирику Италіи, Франціи, Англии и Германіи, мы уже сказали. Нѣмцы возвращали ее также къ различнымъ прежнимъ воспоминаніямъ. Но все, что лучшаго, живаго произвела поэзія, въ созданіяхъ Гёте, Шиллера, Вальтеръ Скотта, Байрона, все ведетъ начало свое отъ Шекспира, все раскрываетъ намъ тайны души, и приподнимаетъ развѣ новую область духа, по сколько наша душа связана съ этою егерою.

Въ наше время поэзія скинула съ себя и пластическую и живописную стихіи, отказалась отъ музыкальной, отъ благозвучнаго стиха; въ романѣ и повѣсти перешла къ прозѣ, для того, чтобы нашу же обыкновенною рѣчью выразить намъ насъ же самихъ, какъ мы сами непрерывно себя выражаемъ во всѣхъ житейскихъ нашихъ отношеніяхъ. Поэтъ современный, какову бы ни раскрылъ роскошь фантазіи въ описаніяхъ, хотя бы превзошелъ самого Аріоста, не увлечетъ насъ, какъ тотъ, который хотя чуть вскрыетъ намъ въ словѣ тайну внутренняго чело-вѣка.

Нельзя не сознаться однако, что поэзія нашего времени во многихъ влеченіяхъ обнаруживаетъ признаки упадка. Не уже ли она совершенно истощила матеріалъ свой? Не уже ли она вполнѣ удовлетворила жажду современнаго чело-вѣка — звать себя в душу свою во всѣхъ ея глубинахъ? О, конечно нѣтъ. Эта задача поэзіи безконечна: нѣтъ исхода ея рѣшенію. Если поэзія теперь упадаетъ на Западѣ, то по другой причинѣ, потому-что не истощился ея односторонній матеріалъ: душевная обособленная личность чело-вѣка. Шекспиръ въ своихъ созданіяхъ изображалъ намъ, не отдѣльныя личности, а типы общіе, всечеловѣческіе, въ которыхъ каждый изъ насъ можетъ узнать часть самого себя. Современная же поэзія увлекается отрастаннми и дѣйствіями самой мелочной личности. Эгоизмъ души, которая ничто въ свою собственность, или предается чувственности страстей, колоссально изображенъ въ Фаустѣ, Манфредѣ, Дочь Жуанъ, гениальными поэтами — Гете и Байрономъ, развившиими далѣе предѣлы поэзіи. Но то, что велико въ этихъ созданіяхъ, ужасно какъ измельчало въ современныхъ романахъ и повѣстяхъ. Особенно французскіе романисты, Сю и Дюма, доводятъ эту душевую личность до послѣдней степени пошлаго.... Этого конечно нельзя назвать искусствомъ: все это исчадія такъ называемой беллетристики Запада.

Отсюда никакъ не слѣдуетъ заключать, чтобы я не сочувствовалъ западному искусству въ томъ, что въ немъ прекраснаго. Есть въ немъ сторона, достойная подражанія нашего сочувствія; есть мысль, озаряющая многія произведенія: эта мысль освобожденіе жертвамъ. Вспомнимъ, что явленіе искусство языческое, въ

заключительныхъ своихъ произведеніяхъ, изображало страданіе жертвы. Живопись въ болонской школѣ кончила тою же мыслію. Поэзія теперь въ лучшихъ своихъ созданіяхъ ею же одушевляется. Такъ понимаетъ поэзію Диккенсъ, у котораго сердце растворено любовью къ младенцамъ, ко всѣмъ страждущимъ и немощнымъ. Это сочувствіе отдается и въ лучшей сторонѣ произведеній Жоржъ Занда, особенно въ послѣднихъ, какъ напримѣръ: *La mare au diable*.

Но надобно сказать, что западъ, зашвыря жертву, не достигъ еще до того, чтобы проникнуть во внутреннее ея сятнище. Благородно все то, что создается онъ словомъ на пользу ея освобожденія; но самая жертва бываетъ у него по большей части или глупа или безумна: онъ не въ силахъ понять самой святости жертвоприношенія. Онъ самъ какъ будто бы не вѣритъ жертвѣ, какъ будто сомнѣвается въ ней.

Для того, чтобы постигнуть эту великую задачу нашего искусства, торжество самого агнца, нужны тѣ народы, которые сами были долгое время жертвами другихъ народовъ, или которыхъ исторія представляетъ непрерывную цѣпь жертвоприношеній. Это связываетъ поэзію племенъ славянскихъ съ самою живою современною мыслію. Здѣсь источникъ всѣхъ лучшихъ ея созданій. То, что сознали они въ собственной жизни, то должны сознавать и въ искусствахъ. Они, приносившіе столько жертвъ, одни въ силахъ дать жертвѣ ея высокое значеніе. Жертва, истекающая изъ любви, понимается любовью. Нельзя человѣку перейти къ любви оттого только, что онъ усталъ ненавидѣть. Любовь открывается свыше и бьетъ изъ начала духовнаго. Духовная личность Запада кончила свой періодъ. Теперь должно начаться царство духа. Когда каждый изъ насъ понесетъ въ жертву всѣмъ душевную личность, тогда только любовью, а не насиліемъ, можетъ свершиться освобожденіе всѣхъ.

Вотъ мысль, одушевляющая нѣкоторыя поэтическія произведеніе племенъ славянскихъ.

Читатели простятъ мнѣ эту длинную выписку изъ первой лекціи г. Шевырева, которую я предлагаю съ той цѣлью, чтобы ознакомить ихъ съ возрѣніемъ преподавателя на исторію предмета и съ его планомъ. Въ дополненіе присоединю еще нѣсколько характеристическихъ чертъ, подмѣченныхъ мною въ послѣдующихъ лекціяхъ. Заранѣе прошу извиненія какъ у моихъ читателей, такъ и у г. профессора, въ томъ, что я, по недостатку въ данныхъ, передаю рапсодически основныя его мысли.

Г. профессоръ отправляется отъ того положенія, что человѣкъ палъ. Въ слѣдствіе того исторія есть исторія падшаго человѣчества. Что справедливо въ отношеніи къ исторіи вообще, то, разумѣется, справедливо и въ отношеніи къ исторіи поэзіи. Начало и конецъ, источникъ и исходъ всякой поэзіи, есть обращеніе падшаго человѣка къ его небесной родицѣ. Полюбіишее выраженіе этой жажды небснаго въ человѣкѣ, есть молитва и гимнъ: молитва кающагося грѣшника и гимнъ сына, возвращеннаго въ домъ отчій. Всѣ прочіе роды поэзіи — лишь гармоническая лѣствица между этимъ начальнымъ и этимъ заключительнымъ аккордомъ; вся ея исторія — лишь стройный алфавитъ между этой альфой и омегой изящныхъ проявленій человѣческаго духа. Такимъ образомъ, корень поэзіи, какъ и всѣхъ искусствъ, какъ

и всего въ жизни людей, слагается въ религию. Въ немъ синтезъ безразлично, синтетически, всѣ стороны человѣческаго духа; при выходѣ изъ этого безразличія и синтеза, человѣкъ впадаетъ въ міръ многообразія и анализа, въ міръ искусства, науки, гражданственности, односторонне развивающихся, отрѣшенныхъ на время отъ ихъ общаго божественнаго начала. Міръ Азій, этотъ колоссальный міръ синтеза, весь поглощенъ религіей. Искусство и поэзія являются въ немъ лишь какъ символы, служительницы этого верховнаго начала. Символь же, по словамъ г. профессора, есть форма еще неполная, только намекъ на мысль, или отказъ формы выразить всю ея безконечность. Въ Греціи впервые являются и живопись, и искусство, не какъ символическое выраженіе религіи, но какъ самобытное проявленіе идеи вѣщнаго. Отъ Греціи, этой колыбели анализа, ведутъ свое начало вѣстѣ съ наукой и гражданственностью, поэзія и искусство, какъ они понимаются до нашего времени. Но въ человѣкѣ распавшемся, потерявшемъ свое верховное единство, проявляются по отдельнѣ, съ поочереднымъ и рѣшительнымъ господствомъ надъ прочими, три стихіи, изъ которыхъ состоитъ его бытіе: тѣло, душа и духъ. Въ Греціи какъ и вообще въ классическомъ мірѣ, тѣлесное развитіе человѣка, отразившись во всемъ, отразилось и въ сферѣ искусства. Христіанство, не отрицая плоти, а только освятивъ ее, подчинило плоть душѣ, какъ душу, это личное и безсмертное начало въ человѣкѣ, подчинило единому и вѣчному духу. Но такое подчиненіе совершилось не внезапно, а постепенно, согласно съ натурой человѣческой. Христіанскій Западъ Европы развилъ въ себѣ начало душевное и личное, что отразилось и въ его поэзій; христіанству восточному, другими словами славянскому міру, предстоитъ возрастить въ себѣ сѣмя духа, не исключаящаго личности, а только умѣряющаго и разрѣшающаго ее въ высшемъ, единомъ началѣ. Отправясь отъ синтеза, люди должны къ нему возвратиться. Искусство и поэзія должны перестать быть служительницами и выраженіемъ личнаго и душевнаго человѣка; онѣ должны снова обратиться въ молитву и гимнъ человѣка духовнаго, очищеннаго и обновленнаго.

Вотъ, если не ошибаюсь, та красная нитка, которая проходитъ черезъ весь курсъ г. профессора. А расположеніе курса заключается въ томъ, что преподаватель, сосредоточивъ свой предметъ на представителяхъ трехъ главныхъ эпохъ европейскаго человѣчества, на Гомерѣ, Дантѣ и Шекспирѣ, намѣренъ около нихъ группировать прочихъ поэтовъ классическаго, средневѣковаго и новаго періода; при чемъ обзорѣніе поэзій востока послужило ему прологомъ, а поэзія новѣйшаго времени, послѣ Шекспира, будетъ служить эпилогомъ къ его курсу.

Многое можно бы было сказать о начальныхъ основахъ и общемъ взглядѣ на поэзію г. профессора. Но предѣлы и характеръ этой статьи не позволяютъ мнѣ вступить въ подробный ихъ разборъ, тѣмъ болѣе, что для этого еще и не наступило время. Какъ мы слышали,

г. Шевыревъ нѣзрѣвъ свои лекціи, которыя онъ излагаетъ въ свободной рѣчи, издать по запискамъ своихъ слушателей. Если это намѣреніе исполнится, тогда наступитъ время и для критики. Покажьсть остается ограничиться нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями на отдѣльныя мысли, схваченныя на лету, но по важности своей заслуживающія безотлагательной оцѣнки.

Первое мое замѣчаніе будетъ относиться къ приведенной выпискѣ изъ первой лекціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что поэзія, какъ высшее изъ искусствъ, имѣла во всѣ времена и у всѣхъ народовъ сильное, хотя и неисключительное вліяніе на прочіе. Зодчество востока воодушевлялось священными пѣснями жрецовъ; Гомеръ вдохновлялъ Фидіа, какъ Данте вдохновлялъ Микель-Анжело. Но далеко нельзя сказать того же объ обратномъ дѣйствіи изящныхъ искусствъ на поэзію. Не знаю, есть ли доказательства тому, чтобъ архитектура востока опредѣлила въ чемъ нибудь характеръ восточной поэзіи, или чтобъ греческое вліяніе прямо дѣйствовало на вдохновеніе греческихъ поэтовъ, за исключеніемъ развѣ анталогическихъ, и то послѣдняго періода. Правда вліяніе итальянской живописи сильно замѣтно на поэтахъ Италіи, особливо на Аріосто; но такое вліяніе искусства на поэзію едва ли не составляетъ исключеніе. Трубадуры и миннезингеры были вмѣстѣ и поэтами и музыкантами: они своей музыкой одушевляли лишь самихъ себя. Не знаю, что разумѣлъ г. профессоръ, говоря о вліяніи музыки на классическихъ поэтовъ Франціи и особенно на Расина. Неужели хоры къ Эсепри и Гоюліи могли подать поводъ къ этому послѣднему предположенію? Вѣдь извѣстно, что вся такъ называемая классическая поэзія была у Французовъ плодомъ сложнаго пониманья поэзіи греческой, и что у Расина введеніе хоровъ есть слѣдствіе подражанія хорамъ греческой трагедіи. Также точно нельзя сказать про Мильтова, чтобъ его вдохновила опера Анджелини, тѣмъ болѣе, что, по замѣчанію самого г. Шевырева, Англичане никогда не были народомъ музыкальнымъ. Мильтонова поэма также мало была внушена оперою: «Адамъ», какъ и картина нашего Брюлова оперою: «Послѣдній день Помпеи». И тому и другому оперы итальянскихъ композиторовъ могли подать только первую мысль, — не болѣе, какъ первую мысль о законѣ тяготѣнія подало Ньютону яблоко, упавшее на его голову. Мильтонъ, поэтъ кромвелевскаго пуританизма, напитанный чтеніемъ библіи, какъ и Клопштокъ, поэтъ германскаго протестантизма XVIII столѣтія. Гервинусъ сравнилъ клопштокову Мессіаду съ ораторіей — этимъ музыкальнымъ плодомъ того же протестантизма, на такомъ же точно основаніи, на какомъ иные сравниваютъ Байрона съ Бетгове-номъ, называя ихъ обонхъ колоссальными лирическими представителями личности новѣйшаго времени. — По моему, было бы согласѣе съ истинной, если бъ г. профессоръ, вмѣсто указанія на вліяніе поэзіи и прочихъ искусствъ другъ на друга, развилъ передъ нами тотъ внутренній законъ, по которому одна и таже мысль народа и вѣка отражалась какъ въ ихъ поэзіи, такъ и въ преобладающемъ у нихъ

процѣтало ваяніе, но потому, что кореннымъ закономъ ихъ жизни было чувство пластической красоты или, выражаясь словами преподавателя, «самой высшей красотой, была для нихъ красота человѣческаго тѣла». Точно также опредѣляется внутреннею жизнью характеръ поэзіи и другихъ эпохъ и народовъ. Корень тому или иному проявленію жизни не можетъ лежать въ самихъ проявленіяхъ: онъ лежитъ глубже, — въ духѣ и характерѣ народа и времени. — Перейдемъ къ другому, болѣе важному положенію г. профессора.

Я не знаю, до какой степени историкъ имѣетъ право говорить о будущей поэзіи духа и дѣлать ее исключительной собственностью славянскаго или какого бы то ни было племени, не имѣя на то достаточныхъ и опредѣленныхъ данныхъ. Конечно, эта гипотеза еще не развита преподавателемъ, и подать о ней окончательный голосъ мы можемъ только по заключеніи его курса. Но вѣдь исторія славянскаго племени и его литературы намъ довольно извѣстна; она столько уже обработана, что мы можемъ опредѣлить, если не ея будущій характеръ, то, по крайней мѣрѣ, ея прошедшій. Въ прошедшемъ же славянскаго племени, въ томъ числѣ и насъ, нѣтъ ничего такого, чтобы могло оправдать смѣлую гипотезу г. профессора. Патриархальный образъ жизни славянскихъ племенъ, ихъ религіозность, слабое у нихъ развитіе личности, — все это не составляетъ исключительной принадлежности ихъ однихъ. Черезъ патриархальность, въ узлахъ которой они такъ долго оставались, прошли и другіе народы; въ періодъ личности, которую такъ богато развили въ себѣ народы западной Европы, теперь вступаетъ и славянское племя. Это общій законъ для всѣхъ народовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что Славяне, выступившіе позавѣ другихъ на сцену, пройдутъ, хотя и посвоему, всѣ фазисы человѣческаго развитія. Конечно, мы вправѣ ожидать, что они, подобно всѣмъ историческимъ племенамъ, внесутъ свое, новое въ общую жизнь человѣчества; но въ чемъ именно будетъ заключаться это новое, — того наука еще не имѣетъ возможности, а потому и права, рѣшить. Можетъ быть, исторія и оправдаетъ предположеніе г. профессора; но можетъ быть, и нѣтъ. Стало быть, тутъ наукѣ нѣчего дѣлать. Она дозволяетъ себѣ гипотезы, но гипотезы общія, предположеніе какого нибудь закона въ природѣ или въ исторіи; но на предположеніе какого нибудь факта, конкретнаго случая она вовсе не имѣетъ права. Законъ развитія можетъ быть отгаданъ разумомъ; но формы этого развитія, другими словами, творческое и всегда внезапное проявленіе жизни не можетъ имъ быть предвидѣно. Наука не пророчитъ фактовъ, а лишь изучаетъ ихъ, ища проникнуть въ ихъ сокровенный смыслъ. Что же касается до чувства любви, которымъ г. Шевыревъ столь щедро надѣляетъ славянское племя, то — это также общечеловѣческое чувство. Въ наше время, разумная въ немъ потребность, или, иначе, стремленіе примирить и разрѣшить въ высшемъ единствѣ противорѣчія жизни, замѣчается всюду: литература нашего времени, въ лучшихъ

ея представителей, служить тому однимъ изъ убѣдительныхъ доказательствъ. «Освобожденіе жертвы», которая составляетъ ея главную задачу, есть очевидно плодъ души любящей, а не уставшей только ненавидѣть. Не говорю уже о томъ, что преподаватель слову *жертва* придаетъ какой-то мистическій смыслъ, напоминающій теорію жертвы Баадера. Въ простомъ и неизысканномъ значеніи, освобожденіе жертвы есть не иное что, какъ признаніе и утвержденіе за нею законныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣческой природы. Эту благородную задачу поставили себѣ въ наше время не одни Славяне, думающіе покажѣсть лишь объ однихъ себѣ, но и всѣ народы образованнаго міра, за собою не забывающіе и другихъ.

Въ одной изъ своихъ лекцій, г. Шевыревъ, говоря о существенномъ различіи между азіатскимъ и европейскимъ міромъ, замѣтилъ (я привожу его мысль, но не слова, въ которыхъ она была выражена), что если на востокѣ пребываемость дошла до неподвижности и застоя, то на западѣ непрерывное движеніе впередъ приводитъ часто къ тревожной и безцѣльной жадѣ новизны и моды. Желать, во что бы ни стало, переизмѣнить и гоняться за новымъ потому только, что оно ново, — еще не есть, говоритъ онъ, идти впередъ и развиваться. Движеніе назадъ есть также движеніе, но оно ведетъ вспять.

Въ этихъ словахъ есть, конечно, доля правды; но рассмотримъ нѣсколько ближе параллель между Азіей и Европой, представленную преподавателемъ. Пребываемость Азіи привела ее, по собственному его сознанію, къ неподвижности и застою. А неподвижность для народовъ тоже, что оцѣпенѣніе, превращеніе въ живой трупъ. Если же о европейскихъ народахъ нельзя этого сказать, то отчего же это происходитъ? Очевидно оттого, что ихъ принципъ есть непробываемость, а движеніе. Гдѣ же движеніе, тамъ двѣ силы. Назовите ихъ, какъ хотите: средобѣжной и средостремительной, интенсивной и экспансивной, или консерватизмомъ и радикализмомъ, — все равно; въ сущности выходитъ, что одна сила есть сдерживающая, другая — ускоряющая. На востокѣ первая сила до того преобладала надъ второю, что она, наконецъ, подавила ее и сдѣлала невозможнымъ всякое движеніе впередъ. На западѣ, напротивъ, эти двѣ силы, необходимыя условія всякаго движенія, постоянно уравнивали одна другую. Отсюда выходитъ, что у западныхъ народовъ иное движеніе кажется движеніемъ назадъ, другое тревожнымъ и бессмысленнымъ движеніемъ впередъ. Но это лишь оптический обманъ. Ни то, ни другое движеніе не существуетъ отдѣльно: необходимыя въ общей экономіи жизненнаго развитія, они безпрестанно пополняютъ, уравниваютъ, обусловливаютъ другъ друга. Взятая каждое отдѣльно, они могутъ часто показаться случайностями; но взяты вмѣстѣ, въ своемъ обоюдномъ воздѣйствіи, являются необходимыми пружинами, условіемъ *visе qua* повѣчнаго закона жизни. Правда, нашъ вѣкъ, какъ уже сказано, можетъ быть, болѣе стремится къ разрѣшенію крайностей и противорѣчій, чѣмъ его предшественники. Но не надобно себя

торой онъ совершается, шире и выше прежнихъ. Въ вопросахъ, занимающихъ насъ теперь, несравненно болѣе общности, болѣе коренного и объемистаго, чѣмъ въ тѣхъ, которые занимали нашихъ предковъ. Чѣмъ выше пирамида, тѣмъ шире ея основаніе, — чѣмъ выше вопросъ, тѣмъ шире раздвинуты грани, на которыхъ онъ поставленъ. Какъ бы ни было, стремленіе къ синтезу, замѣчаемое въ современной Европѣ, вовсе не есть пребываніе въ синтезѣ, характеризующее востокъ, да и быть имъ не можетъ. Между восточнымъ и западнымъ міромъ, взатыми въ настоящую минуту, нѣтъ никакого параллелизма, также точно, какъ не можетъ быть его между муміей и живымъ человѣкомъ. Міръ Азии занимаетъ въ исторіи человѣчества тоже самое мѣсто, какъ міръ ископаемыхъ въ естественной исторіи. И въ томъ и въ другомъ насъ поражаютъ громадность, чудовищность, — эти проявленія первобытной силы, нестройной и необузданной. Но подобно тому, какъ міръ допотопныхъ животныхъ превратился для насъ въ міръ ископаемыхъ, имѣющій важность лишь для науки, — и міръ востока теперь не болѣе, какъ допотопный міръ исторіи: его громадные остовы имѣютъ большую цѣну для ученыхъ, но не могутъ оживить собою ни себя самихъ, ни позднѣйшія созданія. Младенческая жизнь, которою такъ долго жила и въ которой теперь прозябаетъ Азія, не можетъ къ ней возвратиться, какъ къ человѣку его младенчество. Если востоку назначено ожить, то не иначе, какъ подъ вліяніемъ современной образованности. Да и не видимъ ли мы тому подтвержденіе въ наше время, когда европейскій элементъ вносится въ Азію отовсюду: съ востока и юга — Англичанами, съ сѣвера и запада — нами, Русскими?

Не трудно было бы мнѣ продолжить свои замѣчанія, потому-что въ курсѣ г. Шевырева число спорныхъ пунктовъ очень велико. Но отъ нихъ я спѣшу перейти къ тому, о чемъ не можетъ быть спора, — къ таланту преподавателя, его начитанности, блестящему изложенію и живому сочувствію современнымъ вопросамъ. Своими публичными лекціями г. Шевыревъ открылъ себѣ поприще болѣе широкое, чѣмъ поприще профессора, читающаго передъ одними студентами, хотя и тутъ онъ оказалъ значительныя услуги университетскому юношеству, литературному образованію котораго такъ ревностно себя посвящаетъ. Но кромѣ рѣшимости читать передъ обществомъ, г. Шевыревъ умѣлъ избрать для своихъ курсовъ предметы живые, соприкасающіеся съ важными вопросами, болѣе или менѣе занимающими насъ всѣхъ. Вѣрно ли поставлены эти вопросы, основательно ли ихъ рѣшеніе, — это другое дѣло: тутъ мы позволили себѣ возражать, и вѣроятно не я одинъ буду несогласенъ съ ученымъ профессоромъ. Но сверхъ теоретической стороны, есть и практическая, — кромѣ науки, есть общественная жизнь. Передъ этой-то въ особенности важныя заслуги г. Шевырева, и всѣ, даже его противники, должны признать ихъ. Съ издавна г. Шевыревъ стремится сблизить науку съ жизнью. При своемъ, въ Россіи рѣдкомъ, трудолюбіи, онъ умѣетъ находить время и

для общественной жизни. Не приковавъ себя къ кабинету и кафедрѣ, онъ дѣйствуетъ, какъ и прежде, въ журналистикѣ. ищетъ провести свою мысль и убѣжденія всюду. Ему достаетъ времени и силъ ознакомить публику съ послѣдними минутами жизни бывшаго градоначальника Москвы, — описать блестящія маскарады нашей столицы, или произнести надгробную рѣчь надъ могилою своего товарища, внезапно и безжалостно похищенного смертью. Этотъ, позволимъ себѣ сказать, публичный характеръ г. Шевырева заслуживаетъ полнаго нашего сочувствія, и мы не можемъ не желать, чтобъ его примѣръ нашелъ многихъ послѣдователей. Конечно, не одинъ онъ обнаруживаетъ у насъ стремленіе дѣйствовать общественно: есть и другіе преподаватели, также дѣйствовавшіе въ свою очередь, но все-таки онъ изъ числа немногихъ подвижниковъ на этомъ новомъ, еще едва начатомъ у насъ поприщѣ.

Такое живое пониманіе науки и призванія ученаго не могло не отразиться въ способѣ изложенія г. преподавателя. Его рѣчь выработанна, свободна, всегда жива, иногда даже краснорѣчива. Проникнутый своими коренными убѣжденіями, онъ, можетъ быть, иногда увлекается за предѣлы научнаго преподаванія; но съ другой стороны, нельзя не признать и того, что эти убѣжденія, принимающія скорѣе форму чувства, нежели мысли, придаютъ особую теплоту его изложенію. Впрочемъ, по художественному и ученому своему достоинству, лекціи г. Шевырева могутъ быть раздѣлены на два разряда: на лекціи историческія и на лекціи теоретическія. О теоріи преподавателя я уже отчасти говорилъ: она представляетъ много неудумительнаго и спорнаго. Но историческія обзоренія, какъ поэтическихъ эпохъ, такъ и отдѣльныхъ произведеній, заслуживаютъ полной похвалы и во многихъ случаяхъ могутъ быть названы мастерскими. Я не имѣю средствъ подтвердить здѣсь доказательствами такое мнѣніе объ исторической части курса, но увѣренъ, что его изданіе въ свѣтъ оправдываетъ сказанное мною. Читатели г. Шевырева согласятся, какъ уже теперь согласны его многочисленные слушатели, что достоинства принадлежатъ ему самому, а недостатки той школѣ, которой онъ служитъ однимъ изъ представителей. Можно бы даже прибавить, что блестящей стороной курса г. профессоръ одолженъ отсутствію строгой послѣдовательности и строгаго примѣненія своихъ началъ. Провести основную мысль черезъ всю исторію какого бы то ни было предмета возможно лишь тогда, когда въ ней найдется удовлетворительный отвѣтъ на всѣ вопросы, являющіеся на пути. Но когда предметъ поставленъ современной наукой и новѣйшими изслѣдованіями на такую высоту, что онъ со всѣхъ сторонъ рвется за предѣлы скованной его теоріи и безпрестанно ускользаетъ изъ рукъ теоретика, тогда добросовѣстному и ученому преподавателю, знакомому съ обширной литературой своей науки, ничего другого не остается дѣлать, какъ — или пожертвовать теоріей, или пожертвовать послѣдовательностью. Г. Шевыревъ знатокъ

исторія поэзія въ ея современномъ значеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и преданный своей задушевной системѣ, сознательно или безсознательно, рѣшился на послѣднее.

Я называю г. Шевырева однимъ изъ представителей школы, которую ея приверженцы называютъ народной, а мы назовемъ хоть *славянской*. Въ самомъ началѣ курса онъ заранѣе отклоняетъ отъ себя и отъ своихъ нареканіе въ исключительности и пристрастіи. «Нѣтъ, не въ духѣ односторонней партіи, говоритъ онъ, выросла мысль приносимая мною сюда». Признавая г. профессора органомъ партіи, или школы, а далеко отъ намѣренія ставить ему въ упоръ односторонность, неизбежную спутницу всякаго развитія. Я понимаю, почему г. профессоръ слагаетъ съ себя это обвиненіе. Кто же бываетъ одностороненъ сознательно? Каждый изъ насъ, если онъ искренно преданъ служенію истинѣ, считаетъ себя въ полномъ ея обладаніи. Въ неполную, или, иначе, полустинную, стало быть, и полудожную истину вѣрить нельзя. Силу даетъ лишь нераздѣльная вѣра въ непреложность своихъ коренныхъ убѣжденій. А потому односторонней не можетъ казаться никакая-нибудь партія или школа только другимъ, со стороны; сами же мы судьями въ этомъ дѣлѣ быть не можемъ.

Слишкомъ бы далеко завлекла меня здѣсь критическая оцѣнка школы, къ которой принадлежитъ г. Шевыревъ. Предоставляю себѣ въ другое время подробно поговорить объ этомъ замѣчательномъ явленіи въ нашей литературѣ и — прибавлю, въ нашей московской жизни. Здѣсь же упомяну онемъ лишь въ послѣднемъ отношеніи. Въ «Современникѣ» было замѣчено уже (№ 2. Смѣсь, стр. 182), что такъ называемые славянофилы существуютъ и въ Петербургѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ сряду издавался одинъ изъ органовъ этой партіи — «Маякъ»; можно еще прибавить, что славянофилы, какъ извѣстно, существовали въ Петербургѣ еще гораздо до появленія этого журнала. Но съ другой стороны, нельзя не согласиться, что между московскими и петербургскими славянофилами есть существенное различіе. Указываемъ для подтвержденія на оцѣнку славянской школы въ отдѣлѣ критики № 1-го «Современника». То, что тамъ сказано объ этой школѣ, едва ли можно съ точностью примѣнить къ славянофиламъ петербургскимъ. Имъ болѣе или менѣе чуждо все живое въ этомъ направленіи; они не поднимаютъ современныхъ вопросовъ, не отвѣчаютъ на современные требованія и удерживаютъ за собою одно чудовищное, безжизненно-фантастическое ультра-славянофильской партіи. И у насъ въ Москвѣ есть представители этого безсильнаго и уродливаго возстановленія никогда не бывающей старины. Уже языкъ ихъ, — языкъ, какимъ не пишетъ ни одинъ истинно московскій послѣдователь славянской школы, — можетъ служить мѣрой нелѣпообразности ихъ допотопнаго возрѣнія. Приведу для примѣра краткія выписки изъ двухъ сочиненій, изданныхъ въ концѣ прошлаго года, одно въ Москвѣ, а другое въ Петербургѣ.

«Как будто вижу, как при обозрѣніи идолопоклонническихъ вѣръ нашего времени, воздвигается, подобно лютому звѣрю, вѣвріе въ душѣ науѣра и, такъ сказать онапывается рядомъ мыслей, о происхожденіи, вѣвріе вѣръ отъ Нидійской, и закрываетъ себя отъ блеска истины предубѣжденіемъ о восточной фантазіи... Тщетная, суетная защита отъ непреложной истины! Увлеченный и закруженный вихремъ житейскимъ, науѣръ гѣшитъ себя полузвѣрскими вымыслами какъ вѣтренная дѣвушка усюконоваетъ свою совѣсть легкомысленными предположеніями среди запрещеннаго и повораго разгуля. Украдкою ушла распутница изъ родительскаго дома, въ глухую полночь гуляетъ, а сердце въ ней вопіеть: сей хватятся тебя дома!... авось вѣтъ!... да я точножъ верочусь... проходить лась другой за полночь: «пора домой!... Нѣтъ! Еще часокъ!... Авось ничего не будетъ?...» Время летитъ: глядъ зари запымается; глядъ развѣтаетъ: «пора пора домой!» бѣжить растрепанная, измѣтая, бѣжить безпутная и думаетъ: авось не узнають, авось... и то сказать, чтожъ тутъ худого? Я молода, гулять хочется...» Прибываетъ, развѣтло. Схватили бѣглицу и повели къ отцу ея для отѣта: какъ она трепещетъ теперь, бѣдная, отъ страха и повора (стр. 308 и 309). Въ послѣднія времена въ западныхъ Христіанахъ возникъ было духъ языческій въ видѣ поклоненія разуму человѣческому. Но восточные Христіане приаваили его (стр. 391) (*).

«Отъ сотворенія міра родъ человѣческій имѣлъ одинъ всеобщій языкъ, славянской: и бѣ вся земля устѣи единѣ и гласѣи единѣ всѣмъ. Кн. Быт. XI. I. Господь смирилъ гордость человѣка смѣшеніемъ языковъ. Сіе смѣшеніе есть чаромутіе. Заблудившіеся люди начали на ныхъ восхвалять языческихъ боговъ своихъ, уклоняясь отъ Бога истиннаго, до тѣхъ поръ, пока по воплощеніи Слова Господня на землѣ по виспроверженіи кумировъ и по водвореніи Христіанской вѣры, чаромутіе изчезло съ лица земли; и одинъ славянскіе народы, по волѣ Творца, хотя частію и имѣють въ своихъ языкахъ печать чаромутія, перста Божія, но совокупно удержали совершенно первобытный языкъ (стр. 19 (**)).»

Прочитайъ одно за другимъ эти мѣста изъ общихъ сочиненій, невольно вспомнишь покойнаго Косичкина славной памяти и повторишь за нимъ: петербургскій авторъ больше поэтъ, а московскій больше философъ. Но и тутъ, что касается до языка, нельзя не отдать предпочтенія петербуржцу. Одно заглавіе его книги есть верхъ велерѣчиваго хитросплетенія. Впрочемъ, взятыя выѣстѣ, обѣ представляются геркулесовыми столбами, за которые нельзя итти дальше.

Въ нашей литературѣ, какъ уже сказано, сьздавна существуетъ школа славянофиловъ. Она есть не иное что, какъ литературное выраженіе старой Руси, отстаивающей обѣтшальныя права свои противъ преобразованій петровыхъ. Старая Русь отзывается у насъ во многомъ, а потому не можетъ оставаться безъ голоса и въ литературѣ. Но этотъ голосъ извѣняетъ свои тоны по мѣрѣ того, какъ петрова

(*) Ученіе о жизни, Ивана Зацепина. Ч. II. Москва.

(**) Чаромутіе, или Священный языкъ маговъ, волхвовъ и жрецовъ, открытый Платономъ Лукашевичемъ, съ прибавленіемъ обращенныхъ наъ же въ приаую истотъ чаромути и черной истоты языковъ Русскаго и другихъ славянскихъ и чаета Латвискаго. Петръгородъ.

Россия идет вперед. Старая Русь понимает инстинктивно необходимость слѣдовать за новою. Подобно западному католицизму, который принималъ всѣ измѣненія протестантской мысли, чтобъ поражать ее ея же оружіемъ, — и наша литературная старая Русь искала и ищетъ поддѣлаться подъ всѣ движенія современной мысли. Въ лицѣ Яворскаго она вооружалась противъ Феофана, потомъ въ лицѣ Шишкова вставала противъ молодого Карамзина, который, въ свою очередь, по мѣрѣ того, какъ углублялся въ русскую старину, дѣлался косвенно противникомъ своего собственнаго направленія. Но время богословскихъ диспутовъ прошло; ихъ мѣсто заступили съ одной стороны филологическіе, а съ другой — историческіе вопросы. Главою филологической и грамматической реакціи сталъ Шишковъ. Къ его школѣ присоединились всѣ Gnglozenfresser того времени, ознаменованнаго нашей борьбой съ Наполеономъ, и также русскіе мистики, искавшіе противодѣйствовать французскому вольнодумству. Главою же исторической реакціи явился Карамзинъ съ своими двѣнадцатыо томами исторій, и еще болѣе съ своимъ новымъ образомъ мыслей, котораго слѣды замѣтны въ его рукописныхъ сочиненіяхъ. Школа Шишкова нашла себѣ послѣдователей преимущественно въ Петербургѣ, школа Карамзина — преимущественно въ Москвѣ. Но въ какой мѣрѣ Карамзинъ стоитъ выше бывшаго президента российской академіи, въ такой же школа перваго выше школы втораго. Характеръ послѣдней болѣе отрицательный, и главная ея черта, — неприязнь ко всему европейскому, ко всему нерусскому, безъ яснаго опредѣленія, въ чемъ именно должно заключаться собственно русское. Характеръ карамзинской школы гораздо положительнѣе, и въ ней проглядываетъ не совсѣмъ пріязненное чувство къ чужеземному; но оно гораздо умѣреннѣе и стоитъ на второмъ планѣ. Отличительный же характеръ этой школы заключается въ стремленіи къ уравнинію того, чѣмъ была Россія до Петра и чѣмъ она должна быть. Отсюда очевидно, что сфера, въ которой движется эта школа, шире, взглядъ ея объемистѣе, выводы богаче живыми примѣненіями, чѣмъ у ея предшественницы. Меньшая отчужденность карамзинской, или, въ настоящую минуту правильнѣе сказать, московской школы отъ западной Европы принесла ей богатые плоды. Въ послѣдніе пятнадцать или двадцать лѣтъ многіе молодые москвичи, большей частію питомцы прежней шеллинговой философіи, ѣздили доучиваться въ Германію. Однихъ привлекалъ Мюнхенъ, въ которомъ преподавали Шеллингъ, Баадеръ, Гёрресъ; другихъ — Берлинъ, съ тѣмъ же Шеллингомъ, съ Неандеромъ, Ранке и пр. Извѣстно, что изъ этихъ нѣмецкихъ ученыхъ нѣкоторые считаются главами романтической школы, а прочіе — представителями школы исторической. Не подлежитъ сомнѣнію, что такіа поѣздки въ Германію имѣли сильное вліяніе на теперешнюю московскую школу. Близкое знакомство съ германскимъ и вообще европейскимъ романтизмомъ не осталось въ ней безъ слѣда. Нельзя также отрицать вліянія на нее и берлинской исторической школы. Нѣкоторые изъ нашихъ

романтиковъ, или, правильнѣе, византиковъ, сами называютъ свое ученіе историческимъ, въ противоположность философскому. Конечно, для того, чтобъ имѣть право считать свое направленіе историческимъ, надо прежде всего отказаться отъ всякой задней мысли, отъ всякой предпосланной системы. Но тѣмъ не менѣе стремленіе нашихъ Славянъ основать народную и общественную жизнь на чисто исторической почвѣ, не принимая въ расчетъ законныхъ общечеловѣческихъ требованій вѣка, сильно напоминаетъ стремленіе и германской школы. Можно сказать, что наши Славяне приняли отъ этой послѣдней ея основное начало, а отъ романтизма — возвратное движеніе, практическое и религиозное, при чемъ мѣсто западнаго Рима заступилъ Римъ восточный — Византія. Конечно, однимъ вѣдѣніемъ нельзя объяснить происхожденія московской школы. Причины, ее вызвавшія, сложны и не могутъ быть подробно представлены въ бѣгломъ обзорѣ; но я хотѣлъ только указать на вліяніе запада, которому она неизбежно подчинилась, и вмѣстѣ на неотъемлемое ея превосходство надъ прежней, или петербургской школою славянофиловъ.

Въ средніе вѣка алхимики искали философскаго камня. Они его не нашли и погубили много душевныхъ силъ за безплоднымъ исканіемъ невозможнаго. Но отыскивая золото тамъ, гдѣ его не было, они открыли нечаянно, безнамеренно много такого, чѣмъ въ послѣдствіи воспользовались химія, медицина и другія науки. Наши Славяне — алхимики своего рода. Золота, которое ищутъ они въ давнопрошедшемъ Россіи, конечно, не найдутъ; но наука, но общественная жизнь имъ все-таки будутъ значительно обязаны: они вызовутъ, и отчасти уже вызвали много такихъ вопросовъ, за которые и современники и потомки почтутъ ихъ искренней благодарностью, не помня лихомъ безкорыстныхъ заблужденій, лишь помня добросовѣстные труды и благородныя цѣли.

Въ слѣдующей книжкѣ я постараюсь представить читателямъ «Современника» очеркъ другихъ явленій московской жизни и сообщить имъ нѣсколько свѣжихъ новостей изъ нашей столицы, имѣющихъ общую занимательность.

Н. Я — сктій.

Москва.
Марта 15.

II.

Нѣсколько словъ объ «утѣшительныхъ фактахъ» и «отрадныхъ явленіяхъ» — Ученыхъ общества: географическое; минералогическое. — Извлеченіе изъ отчета Императорскаго Петербургскаго университета за 1846 годъ. — Замѣчательное собраніе въ финансовомъ мѣрѣ.

Какъ часто доводится слышать выраженія: «утѣшительный фактъ», «отрадное явленіе» и тому подобныя! Кажется, ужъ слишкомъ часто, и это совсѣмъ неутѣшительно, нисколько неотрадно.

Есть выражения, которыя, съ теченіемъ времени, дѣлаются до того избитыми, пошлыми, что, принимаясь писать, и даже въ разговорѣ, вы всячески стараетесь избѣжать ихъ, хотя они вполне могли бы выразить вашу мысль. Къ числу такихъ нельзя не отнести въ настоящую минуту выраженій: «утѣшительный фактъ», «отрадное явленіе».

Прежде всего замѣтимъ, что эти выраженія до сихъ поръ еще достояніе людей весьма деликатно образованныхъ. Съ нѣкоторой увѣренностью можно сказать, что большая часть изъ употребляющихъ ихъ говорятъ по-французски, а можетъ быть, и еще на какомъ нибудь языкѣ, кромѣ русскаго. Сверхъ того, частое употребленіе этихъ пріятно-звучащихъ словъ свидѣтельствуетъ о сочувствіи челоуѣка къ современнымъ интересамъ и о безпокойствѣ его на счетъ будущей судьбы челоуѣчества. Наконецъ, это выраженіе нѣкоторыми произносится не совсѣмъ-то сознательно, а нѣкоторыми съ явной натяжкой, такъ что нерѣдко можно усомниться въ искренности подобныхъ фразъ и задать себѣ вопросъ: полно, въ самомъ ли дѣлѣ утѣшался этотъ господинъ приводимымъ имъ фактомъ, радовался этому явленію? Полно, не завелось ли ужъ это такъ въ его кружкѣ, радоваться и утѣшаться по поводу Бога знаетъ чего! Нева вскрылась, запретили продавать корюшку, Иванъ Ивановичъ рѣшительно и печатно объявилъ, что онъ на праздникахъ не будетъ разсыпать карточекъ, — все — утѣшительные факты, все отрадные явленія!...

Страненъ и несовершененъ тотъ челоуѣкъ, который не хочетъ согласиться съ непреложною истиною, что люди прожили тысячи лѣтъ не даромъ, не попусту, и что теперь людямъ жить и лучше и привольнѣе, — который упрямо стоитъ за «доброе старое время» и кочится на новую книгу и на новый покрой платья; — недаромъ называютъ чудакомъ челоуѣка, который, хватаясь за созданную имъ ли самимъ, или за вычитанную въ книжкѣ формулу людскихъ отношеній, знать не хочетъ того, что творится на самомъ дѣлѣ, потому только, что явленія дѣйствительной жизни не подходятъ подъ его формулу; — но едва ли не смѣшнѣе и не жалче тотъ, кто усиливается въ каждомъ безразличномъ фактѣ видѣть несомнѣнный признакъ развитія общества, ласкаетъ себя мыслию, что онъ истинно современный челоуѣкъ, и, для доказательства этой лестной для него мысли, обо всякомъ событіи, обо всякомъ ничтожномъ случаѣ говорить не иначе, какъ «съ точки зрѣнія общественной» и, за недочетомъ фактовъ, дѣйствительно замѣчательныхъ, тревожится и восторгается данными, которыя извѣстны ему только по названію и которыя въ сущности не имѣютъ никакой важности. А такихъ людей довольно!

Достаточно имъ прочесть статейку въ газетѣ, узнать изъ статейки, что такой-то господинъ и соотечественникъ (въ бытность за границею) выучился музыкѣ (въ миланской консерваторіи) или нарисовалъ картину (какой нибудь видъ Венеціи или Неаполя), и вотъ онъ уже распространяется о томъ, что-де извѣстіе о г. N. представляетъ *утѣшительный фактъ*, что сочувствіе къ искусству съ

ствѣ, что картину такового и концертъ такового нельзя не отнести къ тѣмъ *отраднымъ явленіямъ*, по которымъ можно судить о прекрасномъ будущемъ, ожидающемъ новое поколѣніе и т. д., въ томъ же родѣ.

Еще навнѣе сужденія подобныхъ людей по поводу равнаго роду административныхъ распоряженій.... Повторять эти сужденія трудно: по неосмотрительности, расскажешь не совсѣмъ такъ, какъ было, хоть и безъ соображеній о дальнѣйшихъ видахъ Россіи; а съ административными распоряженіями шутить нельзя. Это предметъ не литературный.

Непріятно то, что между подобными господами попадаются люди съ доброй волею, способные судить объ вещахъ иначе, у которыхъ возгласы объ отрадныхъ явленіяхъ вырываются изъ добраго источника. Винить-ли безусловно такихъ людей за отсутствіе анализа и критики въ ихъ сужденіяхъ? Едва ли не всѣ мы, съ немногими исключеніями, *удовлетворяемся въ самомъ началѣ и полагаемъ, что дѣло сдѣлано*. Поэтому не удивительно, что бѣлая часть новостей, встрѣчающихся въ нашихъ журналахъ и газетахъ, да и разговоры между людьми съ претензіей на современность, носятъ на себѣ характеръ той припечатки въ губернскихъ вѣдомостяхъ, которую приводитъ Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ*.

«Онъ (Чичиковъ) заглянулъ и въ городской садъ, который состоялъ изъ тоненькихъ деревъ, душно привашихся, съ полпорками вверху, въ видѣ треугольниковъ, очень красиво выкрашенныхъ зеленою масляною краскою. Впрочемъ хотя эти деревья были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ, при описаніи иллюминаціи, что *городъ нашъ украсился, благодаря попеченію Гражданскаго Правительства, садомъ, состоящимъ изъ тоненькихъ, широковетвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день, и что при этомъ было очень удивительно глупеть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избытокъ благодарности и струили потоки слезъ въ знакъ признательности къ господину градоначальнику*. (стр. 15.)

Самообольщеніе, склонность любоваться пестрою, праздничною внѣшностью факта, не заглядывая въ его сущность, происходитъ преимущественно оттого, что еще очень многіе не привыкли давать себѣ отчета въ томъ, что дѣлается съ ними самими, какъ отозвалось то или другое событіе на нихъ самихъ. Событія, какъ и чтеніе книгъ, для многихъ остаются безъ послѣдствій. Мы всѣ ѣдимъ, напр., въ театрѣ и не пропустимъ случая порадоваться *утѣшительному факту*, что театрѣ съ каждымъ годомъ болѣе дѣлается потребностью нашей публики. Но не лучше ли бы спросить самого себя: а точно ли сдѣлался театрѣ для меня потребностью, въ самомъ ли дѣлѣ замираетъ у меня духъ отъ энергической игры талантливой артистки, переѣвилось ли сколько нибудь воззрѣніе моихъ знакомыхъ на жизнь и общество, съ тѣхъ поръ, какъ завели они обычай ѣздить въ театрѣ,

или непримиримую и слушать, и воспринимать горько, и думать, где не съели, и желятся, и сплетничают? Наконецъ, самъ я усвоилъ ли чтонибудь хорошее, пробудился ли во мнѣ какойнибудь новый, живой интересъ, отъзывается ли въ моей душѣ бодрѣнно великая правда, высказанная повтомъ въ немногихъ словахъ, правда, которую повѣрилъ я на самомъ себѣ?...

Но встрѣчаются въ общественной жизни факты дѣйствительно утѣшительные, бывають явленія въ самомъ дѣлѣ отрадныя, и объ нихъ не устанешь говорить, потому-что можно доказать, чѣмъ именно они утѣшительны, потому-что вліяніе ихъ на общество очевидно.

Къ числу такихъ фактовъ нельзя не отнести учрежденіе ученыхъ обществъ, которыя не только способствуютъ распространенію образованія, усилению дѣятельности учонаго сословія, но и имѣють полезное вліяніе на личность людей, посвятившихъ себя наукѣ.

Человѣкъ только тогда живетъ полною жизнью, когда дана ему возможность проявлять свою личность въ каждомъ поступкѣ, когда ни на минуту не можетъ возникнуть вопросъ о бесполезности его существованія, когда трудъ составляетъ для него и необходимую потребность и прямое наслажденіе, и притомъ, когда этотъ трудъ, не оставаясь пользѣю мертвымъ капиталомъ, приноситъ обществу несомнѣнную пользу.

Занятія учонаго даютъ большой просторъ его личности. Онъ исполнѣ опредѣляется трудомъ своимъ, и въ тоже время трудъ его бываетъ запечатлемъ особенностью его ума: въ немъ тотчасъ же разглядимъ его нравъ и обычай. Независимость учонаго въ занятіяхъ, непризнаніе чуждой, тягостной фегулы, повидимому, говорить въ высшей степени въ пользу учоной дятельности, но, если съ одной стороны, учоный пользуется преимуществомъ, котораго лишены люди иныхъ состояній, зато въ самыхъ занятіяхъ его заключена причина исключительности и отрѣшенности отъ общества, до сихъ поръ замѣчаемыхъ въ большинствѣ ученыхъ.

Нельзя не согласиться, что въ наше время учонымъ прилично называть только того, кто преслѣдуетъ истину въ тѣхъ или другихъ проявленіяхъ жизни и преслѣдуетъ не безцѣдно, но или самъ открываетъ новыя истины, или розысканіями своими наводитъ другихъ на истины, до того неизвѣстныя. Страшно было бы назвать учонымъ чинаовника, который ежегодно читаетъ по тетрадкѣ нѣсколькихъ десяткамъ слушателей набитыя положенія и печальныя формулы науки, которая давнымъ-давно утратила свой кредитъ и значеніемъ только въ программѣ коллегіума.... Еще забавнѣе принимать за авторитетъ мнѣніе чедовѣка, потому только, что онъ кончилъ науки до намѣстія французовъ и просвѣщалъ мужей, служившихъ подъ хоругвями околченія....

Но и труды истиннаго современнаго учонаго отзываются иногда въ его жизни несомнѣнымъ благопріятіемъ. По крайней мѣрѣ, большая

часть людей, посвятивших себя наукѣ, далеко не являются въ томъ выгодномъ свѣтѣ, какъ можно бы было предполагать, судя по тому высокому значенію, которое они должны имѣть въ обществѣ. Очень немногіе изъ нихъ обезпечены матеріально въ той мѣрѣ, что имѣть необходимости отыскивать средствъ для существованія внѣ сферы ученой дѣятельности. Еще чаще случается слышать отъ нихъ жалобы на недостатокъ ученыхъ пособій, которыя вообще требуютъ большихъ издержекъ, особенно если дѣло идетъ о естественныхъ наукахъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ положеніи дѣлъ, у большей части изъ нихъ развивается или совершенная апатія, или мрачное уныніе: какъ то, такъ и другое мало обѣщаютъ въ пользу науки.

Допустимъ, что ученый пользуется всѣми удобствами, необходимыми при его занятіяхъ; во всякомъ случаѣ, специальность его работъ можетъ отозваться невыгодно и на немъ самомъ и на его произведеніяхъ, если онъ будетъ постоянно уединенъ отъ ученаго сословія да и вообще отъ общества. Ученый прежде всего человѣкъ, и поэтому необходимо, чтобы всѣ потребности его были удовлетворены. Недаромъ съ именемъ стариннаго нѣмецкаго ученаго какъ-то невольно соединяють понятіе нелюдима, человѣка, непривѣтливаго и неподатливаго на живую бесѣду. Вѣроятно были данныя, которыя послужили къ составленію такого невыгоднаго понятія о бѣдныхъ труженникахъ науки.

Спору нѣтъ, что первоначальнымъ источникомъ отрѣшенности ученаго отъ общества заключается въ страсти къ занятіямъ, по сущности своей требующимъ уединенной работы и отчужденія отъ мелочныхъ дразговъ ежедневнаго быта людей, которые возятся и мучатся, не въ состояніи будучи дать самимъ себѣ порядочно отчетъ, что они дѣлаютъ и чего добиваются, а такъ себѣ, существуютъ, кормятся и подкапываются одинъ подъ другого, когда представится къ тому случай. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ, посвятившій себя наукѣ, не нуждался въ тѣхъ простыхъ, но разумныхъ отношеніяхъ, которыя, несмотря на кажущуюся ничтожность, способны выручить человѣка изъ самаго тягостнаго состоянія разлада съ самимъ собою и помирить его съ жизнью....

Между уединенной работой и уединенной жизнью — большая разница. Никто не требуетъ отъ ученаго, чтобы онъ писалъ свои трактаты въ загѣ ресторана, за чашкой кофе, въ ожиданіи партіи на бильярдѣ. Однако, за что же, съ другой стороны, не жить ему полною жизнью? за чтожъ умерщвлять въ себѣ всѣ стороны жизненности въ пользу одной? Не говоримъ уже о томъ, какъ проявится и она, эта страсть, одиноко воспитанная на лонѣ мертвой мысли? Въ наше время довольно поздно защищать добросовѣстность, глубокомыслие, основательность произведеній кабинетной дѣятельности. Но вотъ сторона мало изслѣдованная — это самый внутренній міръ ученаго

отшельника. Какое должно быть ему, как существу, чувствующему и общительному отъ природы, въ душномъ воздухѣ его раковины? Невозможно, чтобъ природа сдалась насилію безъ борьбы, мучительной для того, кто задумаетъ насилію природу. Невозможно, чтобъ и для учонаго не существовали минуты, часы, мѣсяцы невыносимаго томленія, котораго причина, можетъ быть, остается тайной для него самого, но въ сущности заключается въ подавленіи живыхъ и живучихъ потребностей. Все, что вынесъ мученикъ «Мцыри» въ затишии монашеской кельи, не зная самъ, чего ему надо, — все это должно быть удѣломъ и учонаго затворника, погребаящаго себя съ молодыми лѣтъ въ библіотекѣ.... И таже судьба ожидаетъ его, если вдругъ, уступивъ черезъ много лѣтъ напору жизненныхъ нуждъ, ринется онъ въ кипитокъ дѣйствительной жизни: маленькій идеальный міръ его разлетится отъ столкновенія съ огромнымъ міромъ настоящей жизни; уничиженный и раздраженный, онъ снова возвратится къ пыли своихъ фоліантовъ, къ прежнимъ томленіямъ, къ прежней духотѣ закоулка....

Зная все это, нельзя не смотрѣть съ особеннымъ уваженіемъ на тѣ учрежденія, которыя поддерживаютъ связь ученыхъ съ обществомъ, служа въ тоже время и для прямыхъ цѣлей науки. Мы разумѣемъ здѣсь *учоныя общества*. Ни одно изъ нихъ, конечно, не основалось съ цѣлью сблизить служителей науки съ міромъ дѣйствительности. Но сближеніе выходитъ само собою, какъ необходимый, никакъ неподозрѣваемый результатъ обстоятельствъ. Постоянное столкновеніе личностей, необходимая борьба идей, участіе въ общихъ совѣщаніяхъ людей практическихъ, выхваченныхъ прямо изъ дѣйствительнаго міра, наконецъ, отношенія ученой ассоціаціи къ государству, — все это такія силы, которыя не могутъ не пробудить въ учономъ извѣстной степени соціальности и не открыть исхода живымъ потребностямъ, подавляемымъ кабинетною жизнью.

— 5 февраля, происходило ежемѣсячное собраніе русскаго географическаго общества. — Общество предполагаетъ издавать «Географическій Ежегодникъ», въ который будутъ входить статьи, по содержанию своему интересныя и доступныя для большинства читающей публики, независимо отъ «Записокъ Общества», предназначенныхъ исключительно для статей ученыхъ. Редакція «Ежегодника» будетъ возложена на особый комитетъ, составленный изъ членовъ общества.

Сверхъ того въ совѣтъ разсматривается теперь планъ систематическаго сборника современныхъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, который въ послѣдствіи постоянно будетъ дополняться. Въ учоную экспедицію на сѣверный Уралъ назначены горные инженеры, полковникъ Гошманъ и майоръ Стражевскій; для астрономическихъ наблюденій кандидатъ Ковальскій; для занятій по естественнымъ наукамъ г. Брандтъ, бывшій спутникъ г. Миддендорфа въ путешествіи его по Сибири, и два топографа. — Время отъѣзда назначено въ половинѣ марта, сборнымъ мѣстомъ — Чердынь. Оттуда экспедиція выѣдетъ

въ началѣ мая и займется изслѣдованіемъ западнаго склона хребта ; отъ Оранца перейдетъ на восточный склонъ и пройдетъ на югъ , сколько позволитъ время . Такимъ образомъ экспедиція въ первое же лѣто изслѣдуетъ дикую часть Урала и къ осени приблизится къ югу . Гг. Гофманъ и Стражевскій съ топографами нерѣдко будутъ отдѣляться отъ экспедиціи для изслѣдованія окрестныхъ долинъ и рѣкъ , представляющихъ, вѣроятно, лучшіе геогностическіе разрѣзы . Во второе лѣто предполагается изслѣдовать часть хребта отъ Оранца до Ледовитаго моря .

При составленіи этого плана , общество руководствовалось указа- ніями венгерскаго путешественника Регули, который находился около 8 мѣсяцовъ въ странахъ между Обью и Печорою .

Послѣ прочтенія перечня занятій общества и балотированія новыхъ членовъ , г. членъ Заблудскій прочелъ статью свою : «Взглядъ на исторію развитія статистики въ Россіи» . Членъ Ханьковъ изложилъ мнѣніе свое о необходимости установить въ русскомъ языкѣ географическую терминологию и дополнить учоную терминологию , усвоивъ ей слова , имѣющія мѣстное употребленіе , но не получившія учонаго характера по своей неопредѣлительности или малоизвѣстности . Для этой цѣли г. Ханьковъ полагаетъ полезнымъ , чтобы общество составило русскій словарь географической терминологіи . — Мнѣніе это будетъ рассмотрѣно совѣтомъ общества .

Г. Литке сообщилъ собранію намѣренія сэра Джона Росса проникнуть до сѣвернаго полюса , отправясь отъ Шницбергена на шведскихъ лошадяхъ въ саняхъ .

Библиотека общества постоянно умножается . Купецъ Плехановъ прислалъ изъ Березова восемь картинъ , вѣрно изображающихъ бытъ Остяковъ и Самоѣдовъ . Нѣкоторые члены этнографическаго отдѣленія займутся рассмотрѣніемъ этого подарка . Замѣчательно (*фактъ умѣнительный*), что и въ столь отдаленномъ краю труды общества возбуждаютъ участіе .

Въ засѣданіе 5 марта на мѣсто г. помощника предсѣдателя Э. П. Литке избранъ , на время его отсутствія изъ Петербурга , г. членъ тайный совѣтникъ Муссинъ-Пушкинъ , прочтенъ уставъ о константиновской преміи за географическіе труды и выбраны новые члены .

Г. Брандтъ, назначенный въ экспедицію на Уралъ , уже отправился изъ Петербурга . Его Высочество г. предсѣдатель дозволилъ экспедиціи воспользоваться собственными Его инструментами , а нѣкоторые изъ нихъ принесть въ даръ обществу .

Отдѣленіе статистики сдѣлало представленіе о систематическомъ сборникѣ современныхъ свѣдѣній о Россіи , при чемъ учредило изъ среды своей комитетъ редакціи .

Г. членъ Милдендорфъ представилъ обществу нѣсколько портретовъ Самоѣдовъ , бывшихъ нынѣшнею зимою въ Петербургѣ , и сообщилъ обществу , что будутъ изданы рисунки г. Брандта , привезен-

ные г. Миддендорфа изъ Сибири, изображающіе Самодовъ, Остяковъ, Тунгусовъ, Юкагиръ, Якутовъ и проч. — По мнѣнію г. Миддендорфа, путешествующіе по Россіи должны обращать вниманіе на составленіе характеристическихъ изображеній разныхъ племенъ, и въ этомъ отношеніи особеннаго изученія заслуживаютъ инородцы. Для этнографическихъ изслѣдованій важны наблюденія надъ устройствомъ черепа, что особенно трудно въ Россіи, по невозможности доставать черепы.

Послѣ этого г. членъ Милютинъ говорилъ о возможности и пользѣ составленія предполагаемаго г. Ханьковымъ русскаго словаря географической терминологіи и опровергъ сдѣланныя ему при этомъ возраженія.

Г. Нелюбинъ говорилъ о необходимости приступить сперва къ собранію матеріаловъ, для чего общество должно пригласить всѣхъ принимающихъ участіе въ отечественномъ просвѣщеніи, — собирать мѣстные слова, означающія «географическія понятія», — по мѣрѣ накопленія, печатать ихъ въ запискахъ общества, и такимъ образомъ постепенно обрабатывать матеріалы для составленія въ послѣдствіи словаря. — Г. Струве замѣтилъ, что *предложеніе о составленіи словаря должно бы сопровождаться образчиками предполагаемаго труда*. Г. Стефанъ объявилъ, что онъ дѣлалъ обществу письменное предложеніе по этому же предмету «въ отношеніи собственно топографіи», и что онъ не предвидитъ затрудненій, при исполненіи этого предпріятія на практикѣ.

— Въ собраніи Минералогическаго Общества, 15 декабря, 1846 года, директоръ общества С. С. Куторга читалъ отчетъ о дѣйствіяхъ и состояніи общества и о ходѣ геологическихъ наукъ въ Россіи за 1846 годъ, при чемъ сообщенъ былъ списокъ статей, помѣщенныхъ въ 1846 г. въ издаваемыхъ обществомъ *Verhandlungen der Kaiserlichen Mineral. Gesellschaft*. Изданіе это, начавшееся съ 1842г., постоянно увеличивается; предметы его — геогнозія, палеонтологія, минералогія и минералогическая химія. — Тамъ не помѣщается ни компиляцій, ни журнальныхъ извлеченій, ни общаго мнѣнія, а только оригинальныя изслѣдованія, доставляемыя членами общества. Въ концѣ прилагается составъ дирекціи общества, списокъ вновь принятыхъ членовъ и приношеній, сдѣланныхъ обществу книгами и разными предметами для его коллекцій.

Послѣ того г. Куторга упомянулъ вообще объ ученой дѣятельности нѣкоторыхъ изъ членовъ внѣ общества, по предметамъ, относящимся къ кругу занятій общества.

Библіотека и кабинетъ общества постоянно увеличиваются. Библіотека содержитъ въ себѣ дорогія и рѣдкія сочиненія, коллекціи минералогическія, геогностическія и, между прочимъ, отличную коллекцію окаменѣлостей здѣшнихъ окрестностей, собранную г. Вертономъ, членомъ и секретаремъ общества

Въ первомъ засѣданіи, 26 января, читаны были изслѣдованія доктора Фольборта надъ глазами Трилобитовъ и гр. Кейзерлинга изслѣдованія Нуммулитовъ.

Во второе засѣданіе, 9 февраля, г. Фольбортъ сообщилъ дальнѣйшія свои наблюденія надъ глазами Трилобитовъ, а г. Куторга говорилъ о тѣсной зависимости отъ геогностическаго строенія гидрографіи петербургской губерніи.

— Въ шестомъ засѣданіи археологическо-нумизматическаго общества, 13 января, объявлено было о сдѣланныхъ обществу приношеніяхъ, послѣ чего г. Рейхель читалъ статью свою о 50 русскихъ монетахъ среднихъ вѣковъ, г. Жиль — описаніе одной чешуи или бляхи древней брони и нахожденныя въ курганѣ близъ Керчи, — а г. Савельевъ — разсужденіе о важности изученія восточной археологіи и нумизматики.

Въ седьмомъ засѣданіи, 10 февраля, присутствовалъ, въ качествѣ почетнаго члена, Г. министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ. Его сіятельство представилъ обществу приобрѣтенную имъ въ Италіи древне-греческую вазу, при чемъ объяснялъ и аллегорическую идею формы этого сосуда.

Г. Жиль, въ дополненіе къ статьѣ объ остаткахъ древнихъ доспѣховъ, хранящихся въ эрмитажномъ музеѣ, представилъ двѣ подобныя же бляхи изъ собранія князя Кочубея, объявивъ при этомъ, какъ слагались эти бляхи или чешуи для образованія крѣпкой кирасы.

Г. Рейхель изложилъ вкратцѣ исторію способовъ производства медалей отъ эпохи возрожденія до нашего времени, а г. Кёне прочелъ описаніе двухъ древнихъ vazъ изъ собранія графини Лаваль, коснувшись при этомъ и другихъ памятниковъ, имѣющихъ къ нимъ отношеніе.

Напечатанъ отчетъ ректора Императорскаго петербургскаго университета за прошедшій годъ, читанный на актѣ 8 февраля. Если статистическія цифры служатъ важными своего рода опорами сужденій, то въ подобныхъ отчетахъ самая важная цифра — число учащихся. Въ здѣшнемъ университетѣ ихъ теперь 700. Изъ этого, между прочимъ видно, что петербургскій университетъ, по количеству молодыхъ людей, получающихъ въ немъ окончательное образованіе, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ имперіи. Въ другихъ общій итогъ учащихся увеличивается медицинскимъ отдѣленіемъ, которое, какъ извѣстно, бываетъ всегда однимъ изъ многочислѣннѣйшихъ; въ Петербургскомъ университетѣ этого отдѣленія нѣтъ. Его замѣняетъ медико-хирургическая академія, существующая особо. Весьма много молодыхъ людей также поступаетъ въ педагогическій институтъ, который независимо отъ своего спеціальнаго назначенія, удовлетворяетъ и потребностямъ высшаго университетскаго образованія. Очевидно, что

цинское отдѣленіи, представлялъ бы учрежденіе громадное.

Быстрое возрастаніе числа учащихся въ такихъ заведеніяхъ, какъ университеты, конечно, есть явленіе чрезвычайно утѣшительное. Строгость приѣмныхъ экзаменовъ, при поступленіи въ университетъ, въ послѣдніе годы усилена столько, что она совершенно заграждаетъ къ нему путь людямъ съ слабыми или поверхностными званіями; между тѣмъ, аудиторіи безпрестанно наполняются новыми лицами, получающими право доступа къ нимъ. Значитъ, прочное образованіе, служащее основою университетскаго, постоянно распространяется и усиливается. Съ другой стороны, въ эти аудиторіи стремятся молодые люди, готовящіеся имѣть вліяніе на общество. Это служитъ доказательствомъ, что безъ высшаго образованія уже нѣтъ возможности пріобрѣсти у насъ какое-нибудь общественное значеніе. Бываютъ случайныя изыятія; — но гдѣ и когда ихъ не бываетъ? Тому, кто чувствуетъ себя способнымъ и хочетъ не погрязнуть въ ничтожествѣ, надобно непремѣнно опереться на существенныя достоинства ума и знанія — это уже общественное начало, правило, возведенное въ силу убѣжденія.

Естественно, что при такихъ успѣхахъ и требованіяхъ времени, учащееся юношество видимо зрѣетъ не только числомъ, но и направленіемъ. Именно въ юношествѣ здѣшняго университета съ каждымъ годомъ развивается болѣе и болѣе истинная, чистая любовь къ наукѣ, безъ примѣси другихъ чувствованій, кромѣ желанія сдѣлать ее живою и плодоносящею въ обществѣ. Прежнія жалобы профессоровъ на невниманіе слушателей къ лекціямъ, на какое-то варварское молодечество, тщеславившееся пренебреженіемъ умственного труда, жалобы на привычку держать себя исключительно въ границахъ школьныхъ тетрадокъ и на все прочее, тому подобное, принадлежать уже къ дѣламъ давно минувшихъ дней, къ преданіямъ старины глубокой. Теперь слушателей и профессоровъ одушевляетъ то взаимное уваженіе, которое всегда должно существовать между людьми, связанными великимъ и священнымъ интересомъ мысли. Петербургскій университетъ молодъ: началъ онъ свое существованіе въ 1819 году; но возрожденіемъ своимъ, которое служитъ основаніемъ нынѣшнихъ его успѣховъ и залогомъ всей его будущности, онъ обязанъ нынѣшнему министерству народнаго просвѣщенія. Не мудро что характеръ его ученія не успѣлъ еще обозначиться рѣзкими, ему одному свойственными чертами. Однакожъ, есть данныя, по которымъ и теперь можно судить о господствующемъ или преобладающемъ въ немъ направленіи. Направленіе это, кажется, состоитъ въ стремленіи сохранить чистоту европейской и современной науки отъ всякихъ произвольныхъ вымысловъ и системъ и въ строгой аналитической методѣ, слѣдствіемъ которой должна быть полная, до очевидности доведенная ясность идей и языка. Само собою разумѣется, что въ дальнѣйшемъ

его основныхъ стихій, дать его фнзіономіи политѣйшее выраженіе и колоритъ. Какъ бы то ни было, а теперь каждый новый отчетъ представляетъ какой-нибудь успѣхъ университета въ томъ или въ другомъ отношеніи. Въ нынѣшнемъ отчетѣ, однакожъ, изложены и грустныя событія: — университетъ потерялъ двухъ полезныхъ членовъ — профессора арабской литературы, Волкова, и преподавателя исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, Прейса. оба скончались въ порѣ полныхъ силъ. Утрата Прейса особенно горестна университету. По совершеніи путешествія по славянскимъ землямъ, этотъ учоный только что началъ разработывать свой предметъ съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла и съ такими свѣтылыми основными идеями, что возбудилъ самыя блистательныя надежды всѣхъ благообразныхъ и истинно учоныхъ филологовъ славянскихъ. Вотъ что говорить о немъ въ своемъ отчетѣ ректоръ университета П. А. Шетневъ:

«П. И. Прейсъ принадлежалъ къ числу тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые съ любовію предаваясь наукамъ, возбуждаютъ въ современникахъ пріятѣйшія ожиданія первыми своими успѣхами и опытами. Онъ здѣшнему же университету обязанъ былъ высшимъ своимъ образованіемъ. Отсюда первоначально поступилъ онъ въ дерптскую гимназію старшимъ учителемъ русской словесности. Между тѣмъ, открытіе новой каведры побудило университетъ озаботиться пріобрѣтеніемъ для нея профессора. Съ этой цѣлю въ 1838 году предложено было Прейсу совершить трехлѣтнее путешествіе по Славянскимъ землямъ для приготоуленія себя къ новому званію. Онъ наилучшимъ образомъ оправдалъ выборъ, и началъ здѣсь свои лекціи въ 1842 году. Въ наше время, когда во многихъ изъ заграничныхъ университетовъ открыты каведры славянской литературы, и слѣдовательно когда уже довольно явилось отличныхъ преподавателей этого предмета, судъ о достоинствѣ славянолога не можетъ быть произвольнымъ. Прейсъ, по безпристрастному отзыву иностранцевъ в Русскихъ, почитался однимъ изъ первыхъ знатоковъ своего дѣла. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для науки. Отказавшись отъ приванчивыхъ выгодъ житейскихъ, отъ общества и развлечения, пренебрегая опасностію слабаго здоровья своего, онъ неутомимо трудился на поприщѣ, гдѣ все надобно было создавать. Не могу не воспользоваться здѣсь нѣсколькими строками, которыя, послѣ извѣстія, напечатаннаго мною въ Современникѣ о кончинѣ Прейса, я получилъ отъ одного достойнаго всѣми уважаемаго профессора. Онъ между прочимъ пишетъ: «О покойномъ Прейсѣ, нѣтъ кажется, мало сказано. Тутъ безъ всякихъ ипербола можно сказать, что потеря безцѣнна и невознаградима. Мало сказать — угасъ человекъ, памятный дружбѣ и университету; нѣтъ, цѣлая вѣтвь познанія усохла, можетъ быть, навсегда. Не обижая никого изъ учоныхъ, я вѣрую, что Прейсъ былъ человекъ единственный. Его рукописи теперь въ рукахъ у одного изъ товарищей его; можетъ быть, изъ нихъ узнаютъ его со временемъ, но узнаютъ какъ въ тускломъ стеклѣ. Завѣтную тайну своихъ мыслей онъ конечно унесъ съ собою.» Въ самомъ дѣлѣ, въ недолгіе годы учоныхъ трудовъ своихъ Прейсъ, за исключеніемъ времени на лекціи, всѣ часы свои посвящалъ кабинетнымъ трудамъ. Не было ни одного изданія по его предмету, котораго бы онъ не пріобрѣлъ и не изучилъ, такъ, что самая библіотека его — рѣдкое въ своемъ родѣ сокровище. Онъ скончался 11 мая »

И. И. Срезневскій, извѣстный уже и въ литературу нашей съ весьма выгодной стороны. Мы слышали вступительную его лекцію и были порадованы какъ духомъ истинно учонаго спокойнаго изслѣдованія, такъ и изложеніемъ яснымъ и живымъ.

Въ отчетѣ ректора помѣщено также любозытное извѣстіе о трехгодичномъ путешествіи по востоку профессора петербургскаго университета г. Диттеля. Оно было совершено по распоряженію правительства вслѣдствіе ходатайства бывшаго попечителя казанскаго, а нынѣ петербургскаго округа, тайнаго совѣтника М. Н. Мусина-Пушкина. На г. Диттеля было возложено изученіе языковъ и мѣстныхъ нарѣчій въ Персіи, азіатской Турціи, т. е. Месопотаміи, Курдистанѣ, Сиріи, Палестинѣ, Египтѣ, Малой Азіи. Онъ оставилъ Россію въ 1842 году и въ теченіи трехъ лѣтъ объѣздилъ всѣ эти страны, обозрѣлъ замѣчательнѣйшія мѣста, занимаясь вездѣ не только филологическими, но и археологическими изслѣдованіями. Между прочимъ, г. Диттель успѣлъ посѣтить Кербель, священнѣйшій городъ Мусульманъ, куда входъ доселѣ былъ загражденъ европейцамъ. Недовольствуясь тѣмъ, что одинъ изъ первыхъ посѣтилъ это отдаленное мѣсто, лежащее на углу пустыни Аравіи, онъ проникъ дагдѣ другихъ путешественниковъ въ глубину Курдистана и увидѣлъ древнѣйшіе алтари христіанства, Халдеевъ и Неесторіанъ. Эта послѣдняя поѣздка принадлежитъ къ отважнымъ предпріятіямъ подобнаго роду: путешественникъ долженъ былъ встрѣчаться съ племенами свирѣпыми и враждебными всякому иноземцу. Вообще путешествіе г. Диттеля есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ учоныхъ событій и дѣлаетъ честь нашему молодому ориенталисту, который опередилъ въ трудныхъ странствованіяхъ многихъ изъ европейцевъ, посѣщавшихъ эти края. Жаль, что результаты его наблюденій намъ не извѣстны. Вѣроятно г. Диттель, приведа въ порядокъ многочисленныя свои замѣтки, — издастъ ихъ современемъ въ свѣтъ: тогда и мы подѣлимся ими съ нашими читателями.

— Въ финансовомъ мірѣ общее вниманіе возбуждено недавно замѣчательнымъ событіемъ, которое, конечно, сохранится въ лѣтописяхъ государственной экономіи. — Извѣстно, что по случаю значительныхъ покупокъ хлѣба за границею, для продовольствія Франціи, потребовались, въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году, большія суммы денегъ, которыя и вывозились оттуда преимущественно въ Россію и въ Левантъ, для уплаты за хлѣбъ, купленный въ тамошнихъ портахъ. Слѣдствіемъ того было необыкновенно быстрое уменьшеніе запаса звонкой монеты во французскомъ банкѣ и въ его конторахъ: оно началось съ іюля прошлаго года и постепенно возрастало, такъ что сумма звонкой монеты въ банкѣ, доходившая въ первое полугодіе до 202 милліоновъ, уменьшилась къ концу года до 71 милліона фр. Банкъ еще надѣлся выдержать свое затруднительное положеніе, не возвышая дис-

ной къ обращенію монеты, для переливки, скупилъ золота и серебра въ Парижѣ и въ провинціяхъ на 4 или 5 миллионѣвъ, сдѣлалъ заемъ въ 25 миллионѣвъ фр. у англійскихъ капиталистовъ и употребилъ эту сумму на покунку въ Лондонѣ серебра въ слиткахъ, для обращенія ихъ во французскую монету. Всѣ эти мѣры оказались недостаточными: банкъ былъ вынужденъ, въ половинѣ прошлаго января, возвысить свой дисконтъ до 5 процентовъ по ссудамъ подъ залогъ векселей, облигацій и слитковъ. Между тѣмъ, какъ требованіе денегъ изъ банка для перевода за границу на покунку хлѣба продолжается непрерывно, приблизилось время расчета по займу, сдѣланному банкомъ въ Англии. Въ этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, французскій банкъ получилъ нынѣ помощь, которая доставитъ ему возможность освободить себя и торговлю отъ кризиса, угрожавшаго бѣдственными послѣдствіями. Сообщаетъ извѣстіе о томъ, напечатанное въ «Монитерѣ» отъ 17 марта н. с. и въ «Journal de St. Pétersbourg»: «французскій банкъ заключилъ важную конвенцію о продажѣ части принадлежащихъ ему облигацій государственнаго долга. 27 февраля, Императоръ Всероссійскій, черезъ графа Нессельроде, повелѣлъ своему повѣренному въ дѣлахъ во Франціи, г. Киселеву, объявить министру иностранныхъ дѣлъ, что руссійское правительство намѣрено приобрести облигацій, которыя банкъ пожелаетъ продать по среднему биржевому курсу въ день предложенія (11 марта) на сумму до 50 миллионѣвъ франковъ. Эта сумма будетъ выдана наличною монетою въ Петербургѣ, въ распоряженіе французскаго банка. Министръ иностранныхъ дѣлъ немедленно велѣлъ г. повѣреннаго въ дѣлахъ въ сношеніе съ министромъ финансовъ и съ управляющимъ банка. Предложенія, сообщенныя имъ по повелѣнію Императора, были рассмотрѣны и приняты, и 16 марта подписана конвенція между управляющимъ банка и руссійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Эта конвенція одобрена главнымъ правленіемъ банка въ нынѣшнемъ его засѣданіи.»

Подробности ея условій еще неизвѣстны, но уже теперь можно судить о важныхъ послѣдствіяхъ этой финансовой операціи въ коммерческомъ отношеніи. Франція нуждается въ покупкѣ большого количества хлѣба; но, при ограниченной ея торговлѣ съ Россією и по недостатку товаровъ, которые могутъ быть отправляемы къ намъ въ уплату за хлѣбъ, французское купечество должно покупать его въ нашихъ портахъ за наличныя деньги; по этому, оно уже готово было обратиться предпочтительно къ сѣверной Америкѣ, гдѣ могутъ быть сбываемы многіе французскіе товары въ замѣнъ покупаемаго тамъ хлѣба. Облегченіе денежныхъ оборотовъ французскаго банка, посредствомъ этой новой финансовой операціи, доставитъ Франціи средства къ покупкѣ хлѣба въ Россіи, и тѣмъ откроется выгодный сбытъ значительнымъ запасамъ его изъ нашихъ портовъ. Большая часть суммы, получаемой нынѣ французскимъ банкомъ отъ нашего правительства. вѣроятно, воротится къ намъ въ уплату за хлѣбъ, который Франція

приобрѣтенныя теперь по низкому курсу, могутъ быть съ выгодною проданы на биржахъ, а между тѣмъ, будутъ приносить нашей казнѣ по 5% ежегоднаго дохода.

III.

Нѣсколько словъ о баронѣ Александрѣ Гиро.—Кандидаты на его кресло во французской академіи. — Плачевное состояніе французской беллетристики въ настоящую минуту. — Выставка картинъ въ луврскихъ залахъ. — Смерть Гривилля. — Новая пѣсня Беранже. — Смерть г-жи Марсь. — Памятникъ, воздвигнутый баварскимъ королемъ актеру Эсслеру и разрушенный милленскими крестьянами. — Музыкальныя извѣстія. — Лолла-Монтесъ. — Открытіе желѣзной дороги изъ Руана въ Гавръ. — Народонаселеніе Алжиря. — Новая книга.

Въ прошлой книжкѣ упомянули мы о смерти члена французской академіи барона Александра Гиро (*Guiraud*). Писа Гиро, вѣроятно, знакомо не многимъ изъ нашихъ читателей. И это нисколько не удивительно, потому-что сочиненія г. Гиро не пользовались большою извѣстностью и въ его отечествѣ. Г. Гиро былъ поэтъ, но поэтъ скромный, болѣе замѣчательный своею скромностью, чѣмъ талантомъ: — онъ писалъ стихи и сочинялъ трагедіи не столько для славы, сколько для собственнаго удовольствія. Онъ пріѣхалъ въ первый разъ въ Парижъ въ 1813 году съ тетрадкою стиховъ, которые были одобрены въ литературномъ салонѣ или, вѣрнѣе сказать, въ академіи, гдѣ предсѣдательствовала г-жа Сталь. Въ этомъ салонѣ началась его литературная извѣстность. Г. Гиро воспитывался въ Тулузѣ и тамъ еще за школьной скамьей подружился съ г. Александромъ Суме, съ которымъ онъ по направленію своего таланта имѣлъ очень много общаго.... Г. Суме, надѣленный болѣею смѣлостью, былъ, разумѣется, всегда впередъ, но г. Гиро нисколько не оскорблялся этимъ: онъ потихоньку, съ свойственною ему скромностью, шолъ заади, по тропинкѣ, которую нерѣшительно пробивалъ его достойный другъ. Самое блестящее время для гг. Суме и Гиро былъ 1820 годъ. Г. Суме, полный блестящихъ юношескихъ идеаловъ, въ сопровожденіи своего друга явился тогда на литературную арену съ романтическими нововведеніями и умѣлъ обратить на себя общее вниманіе, но... увъ! не надолго. Люди полумѣръ, люди нерѣшительные, *жирондисты* въ поэтической революціи, гг. Суме и Гиро были побѣждены бойцами смѣлыми и опасными, *монтаньярами* романтизма, которые, не задумываясь и не запинаясь, смѣло шли впередъ, увѣренные въ своей силѣ.... Возникавшая извѣстность г. Суме заглушена была громкою славою г. Виктора Гюго.

Г. Гиро, подобно своему другу г. Суме, чувствовалъ небольшое драматическое призваніе. Оба они безпрестанно порывались впередъ и

усиливались сбросить съ себя вериги и предразсудки классической трагедіи, но у нихъ недоставало для этого мужества, т. е. таланта. И они вѣчно колебались между путемъ гладкимъ и набитымъ, который велъ къ посредственному успѣху,—и путемъ новымъ, непротоптаннымъ, опаснымъ, на которомъ предстояло споткнуться и упасть, или приобрести громкую славу и народность.

Трагедія г. Гиро: *Fridégonde et' Brunshot* была остановлена въ зародышѣ трагедіею «Фредегонда» г. Лемерсье. Альеіери внушилъ г. Гиро мысль написать драму «Мирра» (*Myrrha*), нѣчто въ родѣ дѣвственной «Федры»; но эта драма ему несовсѣмъ удалась. «Пелагій» (*Pélagé*), третье драматическое произведеніе его, подобно двумъ первымъ, не удостоилось чести быть на сценѣ. Но «Пелагій», по крайней мѣрѣ, былъ прочтенъ въ одномъ избранномъ литературномъ салонѣ, въ присутствіи Тальмы и Бенжаменъ-Констана. Въ этотъ вечеръ (26 лѣтъ назадъ тому!) говорили о двухъ поэтахъ: о Шекспирѣ и Шиллерѣ,—о поэтахъ, которые только что въ 1820 году обратили на себя вниманіе Франціи. Отъ Шекспира и Шиллера перешли къ автору «Пелагія», ибо въ тѣ времена г. Гиро, — скромный г. Гиро казался необыкновенно дерзкимъ, отчаяннымъ романтикомъ. Тогда во Франціи всѣ, непоходившіе на гг. Дюссиса, Андриѣ и Жуи,—казались Шиллерами и Шекспирами... Тогда еще не изобрѣтена была середина (*juste milieu*), которая въ настоящую минуту въ такомъ ходу во Франціи и играетъ такую важную роль въ палатѣ депутатовъ.

«Пелагій» г. Гиро, имѣвшій большой успѣхъ въ салонахъ, не допущенъ былъ на сцену ценсурой, потому что въ этой драмѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ—архіепископъ толедскій. Вывести на театральныя подмостки архіепископа неприлично. Цензура была права, а выкинуть изъ драмы архіепископа было невозможно. Г. Гиро перенесъ этотъ тяжелый ударъ и написалъ другую драму, менѣе романтическую, какъ говорили тогда, т. е. болѣе приличную. Ею «Макавеевъ» (*les Machabées*) были представлены на сценѣ *Одеона*. Одинъ изъ героевъ этой драмы, послѣ пытки, былъ внесенъ на сцену на больничныхъ носилкахъ,—и, представьте себѣ, эти носилки чуть-чуть не погубили драму г. Гиро: до того французская публика 20 годовъ была еще заражена классическими приличіями.

Послѣ «Макавеевъ» г. Гиро написалъ «Графа Жюльена» (*Comte Julien*). Эта пьеса имѣла на сценѣ успѣхъ очень сомнительный и доставила автору много неприятностей. Г-жа Жоржъ, которая была еще въ то время въ цвѣтѣ красоты, ни за что на свѣтѣ не хотѣла явиться передъ публикой безъ румянъ и въ рубищѣ, какъ требовала ея роль, а г-жа Венцель, всегда съ ногъ до головы облитая на сценѣ брильянтами, не имѣла духу показаться безъ брильянтовъ, которые очень шли къ ея прекрасному личику и совсѣмъ не шли къ романтической трагедіи г. Гиро... Итакъ, носилки въ «Макавеевѣ», красота г-жи Жоржъ, кокетство г-жи Венцель и смерть Тальмы, который дол-

жизнь была занимать роль въ одной классической трагедіи г. Гиро, — были непреодолимыми препятствіями его драматическимъ усиліямъ.

Въ 1820 году, въ парижскихъ салонахъ чтенія были въ большой модѣ. Читали не только трагедіи, но и алегіи, стансы, поэмы.... Въ то время очень любили стихи и стихотворцевъ, — въ то время нить было славное житье, не то, что теперь! Слава г. Суме началась съ одной алегіи. Онъ болѣе тысячи разъ прочелъ на вечерахъ, въ различныхъ салонахъ эту чудную алегію. Г. Гиро во всемъ подражалъ своему другу. Онъ также все читалъ въ салонахъ свои стансы, дионрамбы и поэмы.... И надо сказать правду, рыцарская и христіанская муза г. Гиро была всегда очень ласково принимаема въ салонахъ.

Въ своихъ мелкихъ стихотвореніяхъ г. Гиро былъ иногда нилъ, легокъ, простъ; зато въ трагедіяхъ, и онъ и г. Суме — невыносимы. Въ трагедіяхъ они поставляли себя за долгъ говорить не иначе, какъ тономъ напыщеннымъ и восторженнымъ. Замѣчательно, что г. Гиро, любившій въ своей частной жизни простоту, снохоистіе, уединеніе, — являлся по большою части на литературномъ конгрессѣ, какъ бы противъ своей воли, разраженнымъ, раздущеннымъ и съ фразой на устахъ.

Предметы религіозныя болѣе всего вдохновляли г. Гиро. Въ его стихотвореніяхъ безпрестанно встрѣчаются: священники, монастыри, часовни, исповѣди, пустыньки и пустыни. Всѣ труды его носятъ печать похвальной добросовѣстности, въ этомъ надо отдать ему полную справедливость. Напримеръ, предпринимая свою поему въ прозу: *Флавианъ или человекъ изъ пустыни*, — онъ изучилъ всѣ древности языческія и христіанскія! Но трудъ этотъ былъ почти напрасный: немногіе прочли его поему, потому-что почти въ одно съ нею время явились *Мученики (Martyrs)* Шатобриана.

Несмотря на эти маленькія литературныя неудачи, жизнь г. Гиро текла безмятежно и тихо. Онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми. У него не было враговъ, потому-что онъ никому не загоразивалъ дороги, никому не мѣшалъ.... Послѣ первыхъ его литературныхъ усиліевъ въ салонахъ — обѣ половинки дверей академіи открылись передъ нимъ. Немногіе въ его время такъ легко попадали въ «безсмертные». Предѣстникомъ его въ академіи былъ герцогъ Матье де-Монморанси, которому, кажется, одинъ только разъ удалось посидѣть на креслѣ Боссюета.

Кандидатовъ на кресло г. Гиро, говорятъ, очень много: гг. Эмиль Дешанъ, Амперъ, Пойсаръ, Вату, краснорѣчивый ораторъ палаты пэровъ — Монталамберъ и Бальзакъ. На сторонѣ Бальзака — Ламартинъ, Викторъ Гюго, де Виньи и Сен-Бѣвъ.

Г. Бальзаку и другимъ знаменитымъ французскимъ романистамъ давно пора бы ужъ успокоиться въ академическихъ креслахъ, потому-что всѣ они страшно исписались. Фельетонныя бесконечныя романы та-

всегда мало. мода на нихъ проходитъ: они явно надоели публикѣ. Г. Сю, напримѣръ, кажется, въ большомъ затрудненіи, чѣмъ кончить своего «Мартына Найденыша», который не производитъ никакого эффекта, и редакторы «Constitutionnel» очень сердятся на г. Сю за то, что число подписчиковъ на нихъ журналъ въ послѣднее время значительно уменьшилось. Новыхъ, даже сколько нибудь сносныхъ романовъ не посылается. Г. Дюма печатаетъ въ «Presse» свои записки объ Испаніи и Африкѣ, наполненные самою жалкою болтовнею, и продолжаетъ романъ «Двѣ Діаны», который изъ рукъ вонъ плохъ. Редакторы фельетоновъ въ большой тревогѣ, и «Siècle» начинаетъ уже угощать своихъ подписчиковъ старыми романами г. Бальзака. Обязанность критика, замѣчаетъ «Revue des deux Mondes» облегчается съ каждымъ днемъ. Критикъ остается только разсматривать одни ученыя сочиненія, потому-что романисты безмолствуютъ. Утошленіе замѣтно и въ публикѣ и въ писателяхъ. Союзъ между романистами и читателями прерывается. Этого надобно было ожидать. Читатели требуютъ, чтобы романисты постоянно увлекали и забавляли ихъ своими вымыслами, а бѣдные романисты совсѣмъ истощили свое воображеніе и не въ состояніи уже удовлетворять этимъ требованіямъ.... «Revue indépendante» и «l'Artiste» (Revue de Paris) повторяютъ тоже самое. Пророчество Жоржъ Сандъ въ предисловіи къ «Дукреціи Флоріани» начинается, кажется, сбываться.

Отсутствіе замѣчательныхъ произведеній въ настоящую минуту ощутительно не въ одной литературѣ. Луврская художественная картинная выставка нынѣшняго года представляетъ, говорятъ, весьма мало заслуживающаго вниманія: Г. Делеклювъ, обозрѣвая эту выставку въ «Journal des Débats», въ особенности хвалитъ *Юдифъ*, г. Ораса Вернета, и другую картину его же, представляющую короля и всѣхъ сыновей его, верхомъ на лошадяхъ, въ натуральнѣйшій ростъ; картины г. Циглера, содержаніе которыхъ взято изъ Библии; *Гамлета* и *Христово* *Колумба*, г. Роберта Флѣри; *Венеціанскія сцены*, г. Гесса, и картины г. Рокеплана. Гг. Янгръ (Ingres), Деларошъ и Шефферъ совсѣмъ не выставляли трудовъ своихъ.

Мы не распространяемся здѣсь о выставкѣ, потому-что объ ней общааетъ сообщить нашимъ читателямъ нашъ парижскій корреспондентъ. Но вотъ горькая утрата для искусства.... Г. Грандвиль, остроумныя произведенія котораго пользовались во Франціи такою народностью, — умеръ въ прошедшемъ мѣсяцѣ, послѣ кратковременной болѣзни, на 44-мъ году отъ рожденія. Пѣсни Беранже были обширнымъ поприщемъ для остроумнаго карандаша г. Грандвила. Какъ понималъ онъ великаго поэта Франціи, какъ глубоко сочувствовалъ ему!... Кто изъ читателей нашихъ, видѣвшихъ иллюстрированное изданіе Беранже, не восхищался, напримѣръ, милымъ *маркизомъ де Караба*, который

Marche en brandissant
Un sabre innocent?...

цающихъ въ униженіи :

Quels dînés,
Quels dînés,
Les ministres m'ont donnés !
Oh! que j'ai fait de bons dînés !

Кто лучше Грандвилья изображалъ почтенныхъ и таинственныхъ
отцовъ-иезуитовъ —

Moitié renards, moitié loups ?

И сколько было лживой и грустной ироніи въ карандашѣ этого
Грандвилья! Помните ли вы озлобленное лицо этого «Старого бродяги»
(*le Vieux Vagabond*), вздыхающаго въ рубищѣ на большой дорогѣ, съ
страшною пѣснью на устахъ :

Dans ce fossé cessons de vivre.
Je suis vieux, infirme et las.
Les passants vont dire : *il est ivre.*
Tant mieux! ils ne me plaindront pas.
J'en vois qui détournent la tête;
D'autres me jettent quelques sous.
Courez vite; allez à la fête.
Vieux vagabond, je puis mourir sans vous!...

Кстати о Беранжѣ.... Вотъ одна изъ тѣхъ восьми новыхъ и неиз-
данныхъ его пѣсень, которую онъ подарилъ своему издателю, г. Пер-
ротеню :

LES PIGEONS DE LA BOURSE.

Pigeons, vous que la muse antique
Attelait au char des amours,
Où volez vous? Las! en Belgique,
Des rentes vous portez le cours!
Ainsi, de tout faisant ressource,
Nobles tarés, sots parvenus,
Transforment en courtiers de bourse
Les doux messagers de Vénus.
De tendresse et de poésie,
Quoi! l'homme en vain fut allaité!
L'or allume une frénésie
Qui flétrit jusqu'à la beauté!

Грандивиль умеръ 19-го числа прошлаго мѣсяца, а черезъ день послѣ его смерти (21-го марта) сошла въ могилу знаменитая артистка, имя которой гремѣло въ Европѣ въ продолженіи полувѣка, — нѣкогда блиставшая красотой и талантами, воспѣваемая восторженными поэтами и удостоиваемая вниманія королей и императоровъ, честь и слава французской комедіи, — г-жа Марсъ. Г-жа Марсъ родилась въ самую счастливую минуту прошлаго вѣка въ Версали. Отецъ ея, Монвель, былъ актеромъ въ *Théâtre-Français*, — и актеромъ довольно замѣчательнымъ; мать ея занимала незначительныя роли въ комедіяхъ. Пятнадцатилѣтняя Марсъ дебютировала первый разъ въ маленькой оперѣ на театрѣ *Monnaie* 1 января, 1793 года, за двадцать дней до рокового дня, въ который рѣшена была участь Людовика XVI — Первые дебюты ея были вовсе не блестящи и не предвѣщали ей славы, которая готовилась для нея въ будущемъ. Г-жа Марсъ, какъ всѣ драматическіе артисты, жила полною жизнію до тѣхъ поръ, покуда была на сценѣ, — покуда объ ней кричали и шумѣли, — покуда рукоплескали ей, — и потому, несмотря на свои преклонныя лѣта, ей тяжело было разставаться со сценой, на которой царствовала она такъ долго и такъ блистательно. Въ послѣдніе годы никто уже не говорилъ о ней. Она была забыта — и это страшно терзало ее. Тальма былъ счастливѣе г-жи Марсъ. Онъ умеръ въ полной славѣ послѣ представленія *Карла VI*; отъ него еще публика ожидала много художественныхъ наслажденій — и его смерть произвела большее впечатлѣніе, чѣмъ смерть г-жи Марсъ.... На похоронахъ ея присутствовали различныя знаменитости: Еженъ Сю, Жюль-Жаненъ, Фредерикъ Сулье, всѣ артисты *Théâtre-Français*, вице-президентъ спеціальной комиссіи королевскихъ театровъ, перъ Франціи г. Кератри, который произнесъ рѣчь надъ ея могилою, — гг. Вьене, Лидьеръ и баронъ Тайлоръ. Толпы народа сопровождали тѣло ея до кладбища.

За мѣсяцъ до этой послѣдней почести, которую воздавали въ Парижѣ знаменитой артисткѣ, — въ деревнѣ Мюленъ, близъ Инспрука (въ Тироли) случилось слѣдующее происшествіе. Два года назадъ тому, скоростижно умеръ въ Мюленѣ извѣстный актеръ королевскаго мюнхенскаго театра — Эслеръ, и похороненъ на деревенскомъ мюленскомъ кладбищѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, по приказанію короля баварскаго, надъ могилою его воздвигнуть мраморный памятникъ, представляющій древній саркофагъ съ кинжаломъ и маскою на верху. Это очень оскорбило мюленскихъ крестьянъ, и они тотчасъ же разрушили памятникъ, оправдываясь тѣмъ, что совершили богоугодное дѣло. По живнію ихъ, христіанское кладбище осквернено дважды: 1) что въ немъ похороненъ комедіантъ, и 2) что надъ прахомъ этого

исшествия случаются еще въ Европѣ въ 1847 году отъ Рождества Христова! Виновные преданы въ руки правосудія, и вѣроятно король баварскій прикажетъ соорудить новый памятникъ на могилѣ своего любимаго актера.

— Испанская танцовщица Лолла-Монтесъ пріобрѣтаетъ теперь громкую извѣстность въ Мюнхенѣ Мы видѣли Лоллу-Монтесъ въ 1845 году, въ Парижѣ, на сценѣ театра *Porte-Saint-Martin*. Тогда она, впрочемъ, еще не пользовалась большою знаменитостію — и намъ показалось, что она имѣетъ гораздо болѣе смѣлости, чѣмъ таланта; движенія ея порывисты и рѣзки; въ ней нѣтъ ни малѣйшей мягкости и граціи, — зато лицо ея необыкновенно выразительно и въ прекрасныхъ, черныхъ глазахъ ея много энергій....

Лолла-Монтесъ родилась въ Ирландіи. Отецъ ея — Испанецъ, мать — дублинская уроженка — миссъ Уатсонъ. Увезенная своими родителями въ Мадридъ, — дочь дона Франциско Монтеса вышла замужъ за испанскаго офицера и вскорѣ послѣ брака убѣжала отъ своего супруга съ однимъ богатымъ Ирландцемъ, который плѣнился ея красотой. Ирландецъ снова привезъ ее въ Дублинъ; но связь ихъ была кратковременна. Разставшись съ Ирландцемъ, Лолла-Монтесъ занялась изученіемъ хореографическаго искусства и подъ именемъ миссъ Бетси Уатсонъ имѣла блестящій успѣхъ на дублинскомъ театрѣ. Изъ Дублина она отправилась въ Парижъ, потому-что жаждала болѣе громкой извѣстности. Въ Парижѣ она дебютировала въ первый разъ на сценѣ Большой-Оперы безъ успѣха — и перешла на театръ *Porte-Saint-Martin*, гдѣ бульварная публика приняла ее довольно благосклонно. Въ Парижѣ она свела очень короткое знакомство съ г. Дюжарье, однимъ изъ редакторовъ журнала «*Presse*», который былъ убитъ на дуэли и завѣщалъ ей часть своего состоянія. До пріѣзда своего въ Парижъ, она была короткое время въ Варшавѣ и имѣла тамъ, какъ извѣстно, непріятныя столкновенія съ полиціей. Теперь она намѣрена навсегда остаться въ Мюнхенѣ.

— Г. Дженинн Линдъ продолжаетъ пользоваться огромнымъ успѣхомъ въ Вѣнѣ, который все-таки нельзя сравнивать съ успѣхомъ Лоллы-Монтесъ въ Мюнхенѣ. Почитатели таланта Дженинн Линдъ поднесли ей недавно золотую медаль, выбитую въ честь ея. На одной сторонѣ этой медали изображенъ ея бюстъ, на другой сторонѣ — лебедь, покоящійся на лаврахъ, съ надписью: *Nescit occasum* (не знаетъ заката).

— Г-жа Віардо-Гарціа, которая была ангажирована Большою берлинскою Оперою до 31-го марта, остается на сценѣ этого театра, по приглашенію дирекціи, еще на два мѣсяца. 20 марта она первый разъ выполняла роль Алисы въ *Робертѣ* — и была осыпана цвѣтами и рукоплесканіями.

— Въ Гагѣ принята была съ величайшимъ восторгомъ *Осада Лейда*, новая опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ и семи картинахъ (либретто г.

цію (*Le voyage pittoresque et archéologique en Russie*) г. Андре Дюрана, съ 25 рисунками, изображающими различныя зданія и церкви въ Москвѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и Казани.

— Въ Брюсселѣ издаю сочиненіе г. Адольфа Лезо (*Ad. Lezø*): *Якобинцы, патриоты и временныя брюссельскіе представители.* (*Les Jacobins, les Patriotes et les Représentans provisoires de Bruxelles, 1792—1793*), которое пользуется большимъ успѣхомъ.

V.

Мужскія парижскія и петербургскія моды. Многіе умники и ученые (взъ семинаристовъ) утверждаютъ, будто мужчннъ неприлично заботиться о своемъ туалетѣ, будто о такихъ пустякахъ можетъ думать только одна женщина, *ибо у нея умственныя способности слабѣе, чѣмъ у мужчины.* «Достолюбезному и прекрасному полу», обыкновенно говорятъ они, «какъ-то уже сродно заниматься *трляками.* Женщины относятся къ категоріи духовно малолѣтнихъ; нишъ прости-тельно тѣшиться игрушками. Отсюда и вытекаетъ ихъ страсть къ на-«рядамъ». Мужчина же (по ихъ мнѣнію) долженъ жить на свѣтѣ для того только, чтобы *диспутовать* о предметахъ *ученыхъ* и заниматься только для прикрытія наготы своей: — опуталъ вокругъ шею какой нибудь платокъ да надѣлъ сюртукъ до пять — такъ и дѣло кончено! Мы не одинъ разъ видали на вечерахъ у ...», гдѣ собирались многія свѣтскія и литературныя петербургскія знаменитости обоего пола, одного взъ русскихъ *ученыхъ*, въ долгополомъ гороховомъ сюртукѣ, съ таліей чуть не на затылкѣ. Вы, можетъ быть, полагаете, что у этого *ученаго* не было фрака? Совсѣмъ нѣтъ: утромъ къ начальству, онъ, говорятъ, обыкновенно являлся во фракѣ.... Отчего же, если у него былъ фракъ, онъ, на перекоръ всѣмъ обычаямъ, приходилъ на вечеръ въ сюртукъ? А потому, что есть еще на Руси *ученые*, которые пренебрегаютъ свѣтскими обычаями и на всякаго человека, порядочно и прилично одѣтаго, посматриваютъ изкоса, какъ на *грага*, считая его пустымъ человекомъ. Они никакъ не признаютъ, что

Быть можно дѣльнымъ человекомъ
И думать о красѣ ногтей....

Эти чудачки, пренебрегающіе своимъ туалетомъ, ходячіе анахронизмы, существуютъ только у насъ, гдѣ еще жизнь общественная такъ мало развита. Въ западной Европѣ и ученые, и литераторы, и художники ничѣмъ не отличаются въ своемъ костюмѣ отъ людей свѣтскихъ. Они, точно также какъ и свѣтскіе люди, помадять и причесываютъ свои волосы, умываются, чистятъ зубы и ногти, утrophъ являются въ темныхъ, а вечеромъ въ желтыхъ перчаткахъ, и покрой ихъ платья не бросается въ глаза стародавностію и безобразіемъ. Мы видали учонаго Араго, г. Дамартина, г. Луи-Блана (автора Исторіи X лѣтъ).... и другія европейскія знаменитости.... Вся она одѣваются очень ловко, съ большимъ вкусомъ; нѣкоторые даже съ изящною изысканностію, какъ вапримаръ г. Дамартинъ; а авторъ Исторіи X лѣтъ страстный охотникъ до танцевъ и *помирируетъ* превосходно!

Боже мой, чтобы сказали нѣкоторые наши ученые, увидявъ г. Араго во фракѣ изящнаго покроя и въ желтыхъ перчаткахъ, али г. Луи-Блана, танцующаго польку? Ученые и литераторы, одѣвающиеся чисто в се вкусомъ да еще притомъ и танцующіе, -- это просто оскорбленіе науки и искусства! Какъ можно снзвойти *ученому* до того, чтобы быть порядочно одѣту? «Посмотрите на насъ: мы только разъ въ недѣлю умываемся, щотка и гребенка никогда не прикасаются къ нашимъ волосамъ, перчатокъ у насъ и въ заводъ штъ, смотримъ мы *буками*. И на улицахъ и въ гостинныхъ, гдѣ мы показываемся, впрочемъ, рѣдко, на насъ указываютъ пальцами и говорятъ: «вонъ, посмотрите, *ученый!*»

Но мы, люди пустые, занимающіеся вздоромъ, пишущіе фельетоны модъ, -- мы питаемъ себя утѣшительною мыслію, что настанетъ время, когда даже и наши русскіе *ученые* и литераторы не будутъ пренебрегать чистотой и станутъ одѣваться прилично, сообразно съ современнымъ вкусомъ.... Мы увѣрены, что это нисколько не повредитъ ихъ глубокомысленнымъ и ученымъ занятіямъ. Жрецы науки, сблизившись съ обществомъ и съ действительностію, могутъ выиграть много -- и не для одной только своей наружности!

Да не подумаютъ чтатели наши, что мы хотимъ обратить все человечество -- во *франтовъ*. Мы далеки отъ этого. Мы терпѣть не можемъ франтовъ, этихъ господъ, одѣвающихся по *последней модной картинкѣ*, которые завѣты и раздушены, какъ барашки и парикмахеры, и пестры, какъ полшинела. Франты -- люди самаго дурного тона: они давно заклеимлены у насъ именемъ *онагровъ*.

Люди со вкусомъ, люди истинно-свѣтскіе, люди хорошаго тона принадлежать къ *juste milieu* въ мирѣ модъ. Они никогда не одѣваются пестро и вычурно, никогда не ослѣпляютъ зрѣнія, никогда не бре-

отличается изящною умеренностію, и во всей ихъ одеждѣ — необыкновенная простота, которую, впрочемъ, умѣютъ цѣнить немногіе.

Никто не одѣвается проще, а следовательно, лучше Англичанъ. Англичане въ мужской одеждѣ безусловные законодатели, какъ въ женской — Француженки.

Вотъ какъ одѣваются въ настоящую минуту люди со вкусомъ :

Утренній нарядъ : Сюртукъ черный (черный цвѣтъ всегда преобладаетъ надъ другими цвѣтами въ мужской одеждѣ), таіа на сюртукахъ и на фракахъ довольно длинная. Фрагты довели длину таіа до неблагопріистойности и уродливости, но какой же порядочный человекъ рѣшится брать примаръ съ фравтовъ?... Утренній жилетъ двубортный или однубортный, тоже довольно длинный ; шарфъ черный, или пестрый, но не слишкомъ яркой, зашпиленный булавкою изъ темнаго жемчуга ; панталоны цвѣтныя полосатыя или клетчатые безъ штрипокъ ; сапоги лакированныя со штиблетами или безъ штиблетъ... Пальто носятъ разныхъ цвѣтовъ (болѣе темныхъ, чѣмъ свѣтлыхъ) безъ пуговиць сзади, карманы назади.

Вечерній нарядъ : черный фракъ, не слишкомъ открытый спереди, покойный и широкій ; черный атласный или бѣлый галстухъ ; жилетъ бѣлый пикейный, непременно однубортный, или черный казмировый съ небольшими цвѣтными шолковыми мушками ; панталоны черныя безъ штрипокъ.

Самымъ лучшимъ украшеніемъ мужскаго туалета служить *блѣе*. По бѣлью смыло можно заключить о томъ, къ какому обществу принадлежитъ человекъ. Складки на рубашкахъ (маншекъ не носятъ порядочные люди) мелкія ; воротнички должны быть стоячіе и не слишкомъ близко подходить къ подбородку.

Портной, пользующійся въ сію минуту въ Петербургѣ самою громкою и справедливо заслуженною извѣстностію — г. *Шармеръ*. Онъ шьетъ платье всѣмъ петербургскимъ фешенеблямъ.

Теперь, благодаря *конторъ комиссіонерства г. Языкова*, и въ провинціи можно одѣваться также хорошо и изящно, какъ въ Петербургѣ : стоитъ только прислать въ контору марку, а контора (мы убѣдились въ этомъ) выполняетъ всѣ требованія *иногородныхъ* съ быстротою, старательностію и добросовѣстностію. Черезъ посредство конторы г. Языкова, гдѣ бы вы ни жили, хоть въ Камчаткѣ, вы можете быть одѣты, какъ первый петербургскій фешенебль....

кажется что забудь новое, что-нибудь особенное, но... увы! на этотъ разъ ничего новаго и ничего особеннаго не замѣчено, — по узрѣнію парижскихъ модныхъ журналовъ. Форма шляпокъ не измѣняется; замѣчены только некоторыя перемѣны въ украшеніяхъ. Жолтый цвѣтъ въ большомъ ходу. Жолтая шляпка изъ крепа или изъ тюля *bouillonné*, убранная вѣткою изъ краснолиловой сирени, — это очень недурно!

Къ соломеннымъ шляпкамъ, для которыхъ еще не наступилъ сезонъ, готовятся шотландскія ленты различныхъ оттънковъ. Ленты эти очень широки. Дѣлаютъ также шляпки двойныхъ цвѣтовъ. Цвѣта должны въ такомъ случаѣ гармонировать между собою. — напримеръ лиловый съ соломеннымъ, светлозеленый съ розовымъ...

Платья будутъ продолжать носить.... увы! также длинно (это очень досадно), в покушеніе ввести вмѣсто ботинокъ башмаки останется вѣроятно тщетнымъ.

Впрочемъ, весеннія моды еще не опредѣлились, и мы оставляемъ подробное описаніе ихъ до слѣдующаго мѣсяца. Тогда мы будемъ говорить и о петербургскихъ дамскихъ модахъ... Итакъ, до слѣдующаго мѣсяца.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТУМА.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА :

Стран.

Обыкновенная исторія, романъ въ 2-хъ частяхъ. <i>И. А. Гончарова</i>	5—158. 241—412.
Битва жизни. Повесть Ч. Диккенса. Переводъ <i>А. И. Кронберга</i>	161
Каталина де Эрайсо. Историческая испанская повесть г. Алексиса де Валоа	413

СТИХОТВОРЕНІЯ :

Нравственный человекъ. <i>Н. А. Некрасова</i>	239
Барышня. <i>А. Н. Майкова</i>	467

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Опытъ общепонятнаго историческаго разсказа о томъ, какъ открыта новая планета Нептунъ, <i>А. Н. Савича</i>	1
Новыя варіаціи на старыя темы. (статья первая). <i>Искандера</i>	21
Письма объ Испаніи. <i>В. П. Боткина</i>	32
Нѣсколько словъ о Москвѣ и Петербургѣ г. <i>А.</i>	63
Константинополь въ IV вѣкѣ.	75

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русская литература: Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. *статья К-на.* — Хронометрическая экспедиція, повелѣніемъ Его Величества Императора Николая I, исполненная между Альтоной и Гренвичемъ, для опредѣленія географической долготы центральной русской обсерваторіи. — Тереза Дюнойе. Романъ Евгенія Сю. Перев. В. М. Строева. — Матильда, записки молодой женщины. Соч. Евгенія Сю. Перев. съ франц., пересмотрѣнный и исправленный В. Строевымъ. — Сыиъ Тайны. Романъ Поля Феваля. — Иезуитъ, характеристическая картина изъ первой четверти осмнадцатаго столѣтія. Соч. К. Шпиндлера. Перев. съ Нѣмецкаго. — Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Романъ Н. Кукольника. — Новая бібліотека для воспитанія, издан. Петромъ Радкинымъ. — Сыиъ рыбака, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Повѣсть для дѣтей. Соч. Фурмана. — Альманахъ для дѣтей, состав. П. Фурманомъ. — Картина земля для наглядности при преподаваніи физической географіи, состав. А. Ф. Постельсомъ. — Самозды въ домашнемъ и общественномъ быту. Владиміра Иславина. — Историческій сборникъ, состав. г. Герцомъ. — Руководство къ всеобщей исторіи. Соч. д-ра Фридриха Лоренца. — Москва, поэма въ лицахъ и дѣйствіи, въ 5-ти частяхъ. Н. В. Сушкова. — Слово о Вашемъ Олѣгѣ, соч. Д. Минаева. — Страшный Гость, литовская поэма, взятая изъ народныхъ повѣрій. — Новая бібліотека для воспитанія, издаваемая Петромъ Радкинымъ. Книжка III. — Городокъ въ табакеркѣ, изданіе второе. — Морозъ Ивановичъ. — Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ, дѣдушки Иринея, дѣтскія книжки изданныя княземъ Одоевскимъ. — Петербургскій сборникъ для дѣтей, изданный В. Петровымъ и М. М. — Повѣсти для дѣтей. — Еврейскія секты въ Россіи, составлено В. В. Григорьевымъ. — Шекспиръ. Съ англійскаго Н. Кетчера, выпускъ четырнадцатый: все хорошо, что хорошо кончилось. — Музей современной иностранной литературы. Выпуски 1-ой и 2-ой. — Жизнь древнихъ Римлянъ (отъ основанія Рима до Константина Великаго). Профессора Гриневича. — Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. № 1. — Руководство для молодыхъ людей, назначающихъ себя къ торговымъ дѣламъ. — Алфавитный указатель къ отысканію полицейскихъ узаконеній. Составилъ Николай Цыловъ. — Третье прибавленіе къ росписи Россійскимъ книгамъ для чтенія, изъ бібліотеки Александра Смирдина. Выпускъ первый: романы, повѣ-

IV.

СМЪСЪ.

МАРТЪ.

Хосе Хуанъ, ловецъ жемчужныхъ раковинъ, рассказъ г. Ферри.	1
Похожденія мужичка въ Питеръ, рассказъ.	21
Отзывъ Англичанъ о русскомъ земледѣлїи.	27
Параходство на Волгѣ.	30
Новѣйшіе опыты и изслѣдованія надъ дѣйствіемъ сѣрнаго эфира.	35
Парижскія письма, — письмо третье. П. А-га.	38
Письма изъ Берлина, — письмо первое. И. Т-га.	45

Современныя замѣтки :

I. Нѣсколько словъ о современной филантропїи. — Общество по-
сщенія бѣдныхъ просителей въ Петербургѣ. — Пожертво-
ванїя. — Домъ для убогихъ и нищихъ въ Москвѣ. — Извле-
ченіе изъ отчетовъ частной глазной и ушной лечебницы
д-ра Штрауха и петербургской частной глазной лечебни-
цы. — Операція проф. Пирогова, при помощи сѣрнаго эфира.
— Школы московскаго благотворительнаго общества
1837 года. — Воскресные классы въ сель Ивацковъ. — При-
ютъ для служанокъ. — Выставка сельскихъ произведенїй въ
сель Боголюбовъ. — О добычѣ золота на Уралѣ. — Мышанское
сословіе въ Москвѣ. — Различныя мнѣнія объ условїяхъ
хорошаго управляющаго и объ отношенїяхъ его къ крестья-
намъ. — Литературныя и музыкальныя извѣстїа. 49

II. Парижскій карнавалъ. — Процессъ г. Александра Дюма. —
Толки объ немъ въ палатѣ депутатовъ. — Процессъ г. Сю
съ Constitutionnel. — Голосъ Эмиль-Жирардена въ защиту
промышленниковъ. — Мода на чтенїя. — О томъ, чѣмъ из-
вѣстенъ г. Ампи, замѣстившїй кресло г. Жуи во француз-
ской Академіи. — Музыкальныя извѣстїа: четыре венгер-
скіе пѣвца въ Парижѣ; успѣхъ г. Серве въ Парижѣ и г-жи
Вїардо въ Берлинѣ. Театральныя новости: открытіе «Ис-
торическаго театра» г. Дюма, открытіе «театра Королевы»
въ Лондонѣ. — Переводъ на турецкїй языкъ: le Malade
imaginaire и George Dandin Мольера. — Альбомъ Гаварни.
— Щать, приготовленный въ подарокъ королю прус-
скимъ принцу валлійскому. — Новое великолѣпное изданіе
пѣсенъ Беранже. — Новыя сочиненїя гг. Ламартина, Мишлѣ,
Лун-Блава, Альфонса Эскироса и Марье 65

Письмо къ редактору Современника. 80

Народная одежда и европейская мода. <i>Н. Л-скаго</i>	83
Кто кого обманывалъ? (Разсказъ). <i>Стрѣпчаго</i>	96
Укротитель коней, сцены въ американскихъ лѣсахъ. (Разсказъ <i>Габриѣля Ферри</i>	98
Охота за неграми въ Восточномъ Суданѣ	123
Ройе-Колларъ (Біографическій очеркъ)	134
Еще изслѣдованія о дѣйствіи сярнаго эфира	142
Железныя дороги и хлѣбная торговля	144
Общество Петербургскаго и Любскаго пароходства	146
Парижскія письма. (Письмо четвертое). <i>П. А-ва</i>	149
Еще нѣсколько стихотвореній новаго поэта	154
Современныя замѣтки :	
I. Семисотлѣтіе Москвы. — Значеніе московскаго университета. — Публичные курсы московскихъ профессоровъ. — Петербургскіе и московскіе славянофилы	159
II. Нѣсколько словъ объ «утѣшительныхъ фактахъ» и «отрадныхъ явленіяхъ.» — Ученныя общества : географическое и минералогическое. — Извлеченіе изъ отчета Императорскаго Петербургскаго университета за 1846 годъ. — Замѣчательное событіе въ финансовомъ мѣрѣ	177
III. Нѣсколько словъ о баронѣ Александрѣ Гиро. — Кандидаты на его кресло во Французской Академіи. — Плачевное состояніе французской беллетристики въ настоящую минуту. — Выставка картинъ въ луврскихъ залахъ. — Смерть Грандвилья. — Новая пѣсня Беранже. — Смерть г-жи Марсь. — Памятникъ, воздвигнутый баварскимъ королемъ актеру Эсслеру и разрушенный мюленскими крестьянами. — Музыкальныя извѣстія. — Лолла-Монтесъ. — Открытіе железной дороги изъ Руана въ Гавръ. — Народонаселеніе Алжирія. — Новыя книги	190

V.

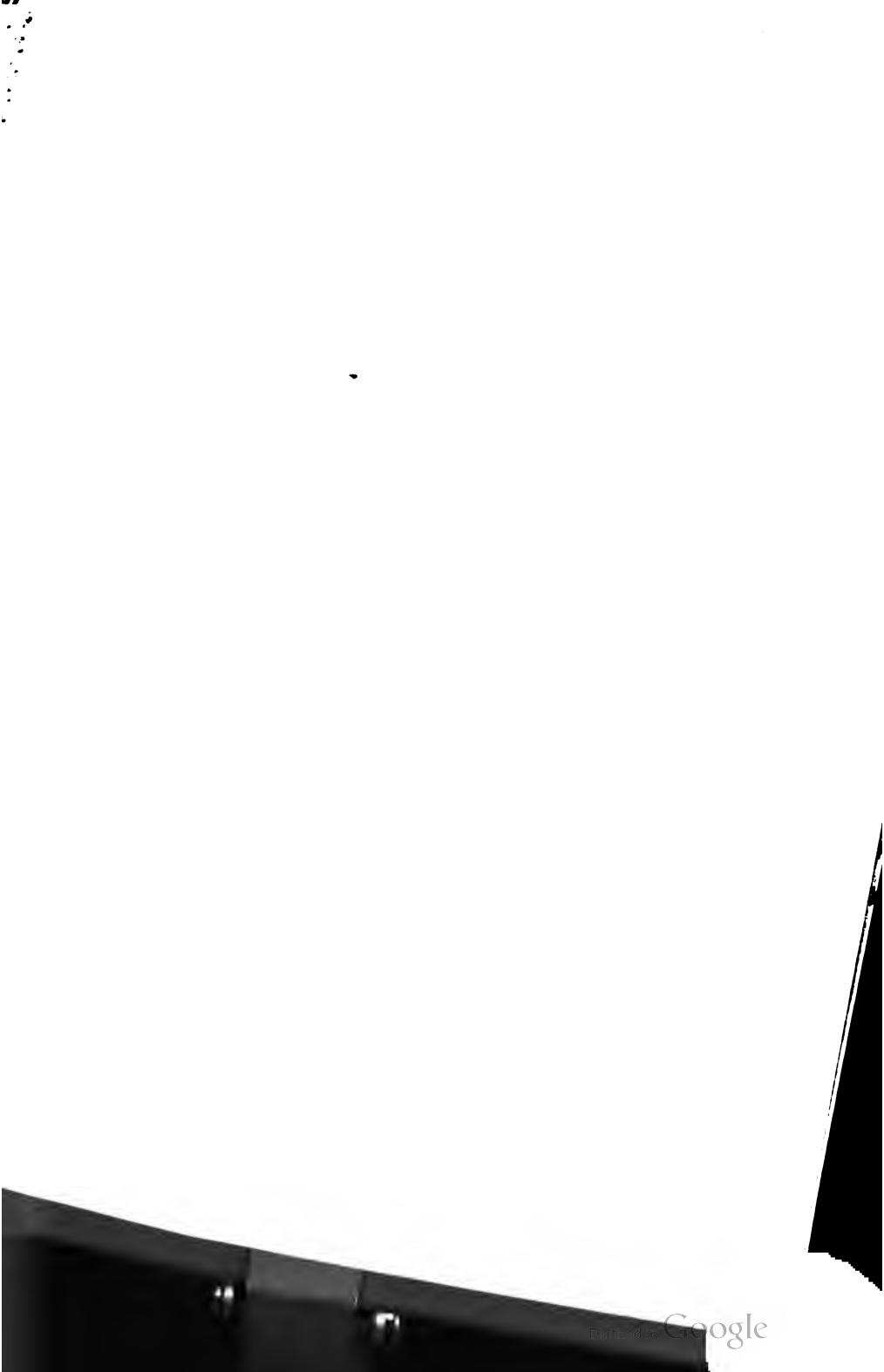
МОДЫ.

Парижскія и петербургскія (съ двумя картинками) . . . . . 1 и 5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по замечаніямъ представляемо было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, марта 31-го дня 1847 года.

Цензоръ С. Кутуревъ.
Цензоръ Н. Кошловскій.

BOOKS REQUESTED BY ANOTHER BORROWER
ARE SUBJECT TO RECALL AFTER ONE WEEK.
RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO
IMMEDIATE RECALL

**RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library**

or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY

University of California
Richmond Field Station, Bldg. 400
1301 South 46th Street
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

To renew or recharge your library materials, you may
contact NRLF 4 days prior to due date at (510) 642-6233

DUE AS STAMPED BELOW

APR 20 2008

DD20 12M 7-06